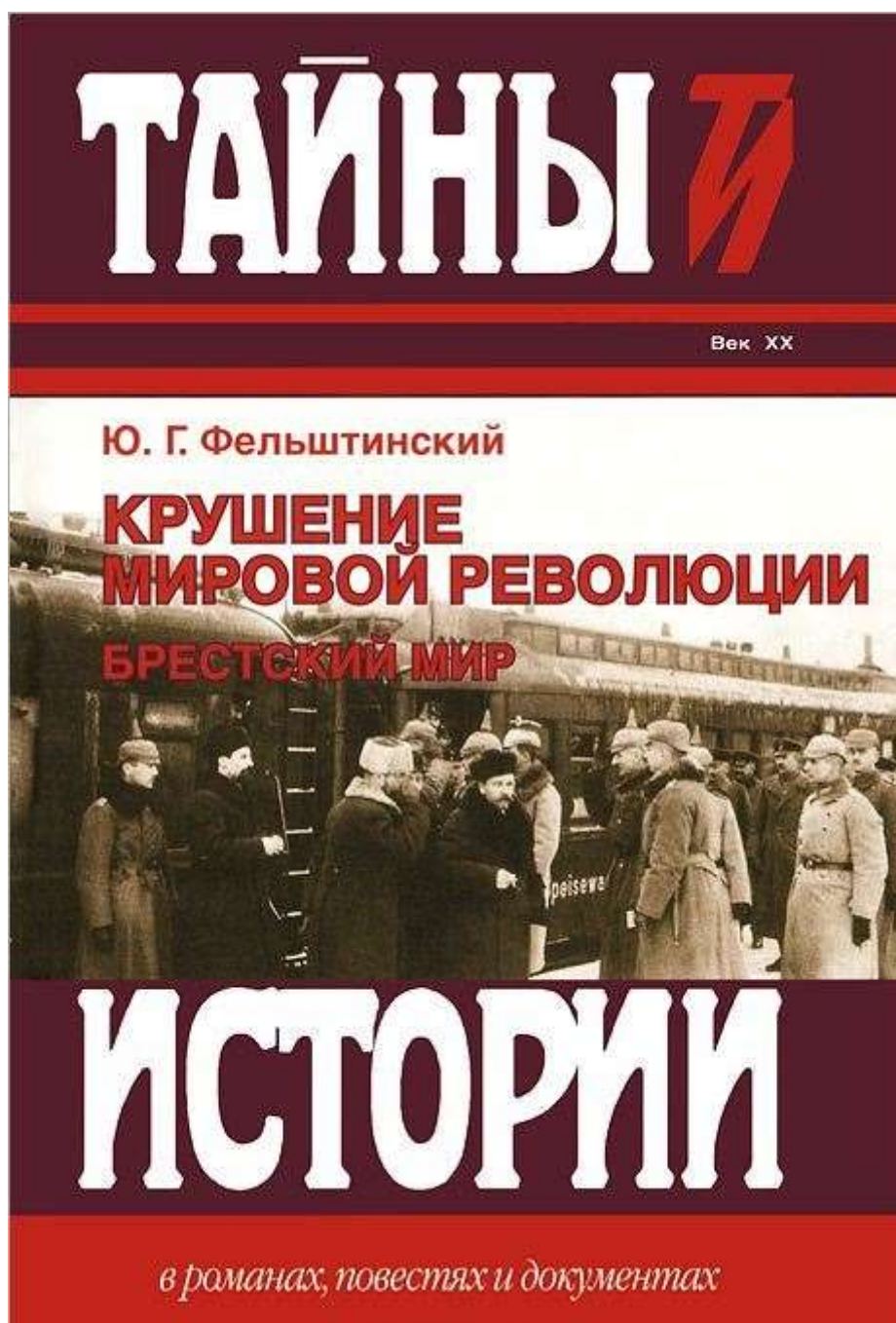

Фельштинский Ю Г

Крушение мировой революции. Брестский мир

Всю же надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, — мы будем раздавлены, — это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу.

Троцкий

Из речи на Втором съезде Советов 26 октября 1917

Все строение, возводимое ныне германскими империалистами в несчастном договоре, — есть не что иное, как легкий дощатый забор, который в самом непродолжительном времени будет беспощадно сметен историей.

Зиновьев

Из речи на заседании Петроградского Совета 21 февраля 1918

Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти [...]. Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран [...]. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата [...] сделает социализм непобедимым и в России, и во всем мире.

Ленин

К истории вопроса о несчастном мире Правда, 24 февраля 1918

Оглавление

Введение

Глава первая. Большевики в Германии

Глава вторая. Зарождение большевистско-левоэсеровской коалиции

Глава третья. Формирование советского правительства

Глава четвертая. Начало переговоров в Бресте

Глава пятая. Созыв и разгон Учредительного собрания

Глава шестая. Проблема революционной войны

Глава седьмая. Средняя линия Троцкого: «ни мира, ни войны»

Глава восьмая. Средняя линия Ленина: «передышка»

Глава девятая. Мир, которого не было: Закавказье

Глава десятая. Мир, которого не было: Украина

Глава одиннадцатая. Стратегия отчаяния

Глава двенадцатая. На пути к однопартийной диктатуре, апрель-июнь

Глава тринадцатая. Миссия графа Мирбаха

Глава четырнадцатая. Убийство Мирбаха

Глава пятнадцатая. Разгром партии левых эсеров

Глава шестнадцатая. Разрыв Брестского мира

Эпилог

Приложения

Библиография

Именной указатель

Введение

Настоящий очерк посвящен истории Брест-Литовского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 года советским правительством со странами Четверного союза. В советской внешней политике, вероятно, не было соглашения более хрупкого, чем это — просуществовав чуть больше девяти месяцев, Брестский договор был разорван германским и советским правительствами, а позже, при капитуляции Германии в первой мировой войне, отменен еще и 116-й статьей Версальского договора. С легкой руки В.И. Ленина названный «передышкой» договор вызвал критику и сопротивление подавляющей части революционеров, с одной стороны, и патриотов России, с другой. Первые утверждали, что Брестский договор — это удар в спину германской революции. Вторые — что это предательство России и ее союзников. И те и другие, каждый по-своему, были правы. Однако на Брестском мире по не понятным никому причинам настаивал Ленин, добившийся в конце концов его подписания.

Вопрос об эволюции взглядов Ленина после его прихода к власти в октябре 1917 года и о тех целях, которые Ленин ставил перед собой до и после переворота, является, видимо, основным при изучении истории Брестского договора и связанного с ним более общего вопроса: о мировой революции. Было бы ошибочным считать, что Ленин менял свои взгляды в зависимости от обстоятельств. Правильнее предполагать, что в любой ситуации он находил наилучший для реализации своих целей путь. Можно утверждать, что Ленин всю свою сознательную жизнь вел борьбу и, начиная примерно с 1903 года, — борьбу за власть. Труднее ответить на вопрос, нужна ли была ему власть для победы революции или же революция виделась средством для достижения власти.

Поскольку до 1917 года лидером революционного движения казалась Германия с ее самой сильной в мире социал-демократической партией, мировая революция подразумевала, конечно же, непрременную революцию в Германии. Она не обязательно должна была начаться именно там, но победа ее в Германии казалась всем революционерам непрременным залогом успеха. Иной трактовки мировой революции социал-демократическая риторика тех лет не допускала. А русский революционер Ленин до революции 1917 года не предполагал себе роли большей, чем руководителя экстремистского крыла русского социал-демократического движения, безусловно вторичного и подсобного, если иметь в виду коммунистическую революцию в Германии.

В дни, предшествовавшие объявлению войны, именно на германскую социал-демократию устремлены были взоры социалистов всего мира. Казалось, что, проголосовав в рейхстаге против предоставления правительству военных кредитов, германская социал-демократическая

партия сможет остановить надвигающуюся трагедию. Однако германские социалисты проголосовали за кредиты, отчасти еще и потому, что надеялись благодаря войне свергнуть монархию в России, в которой они видели главного противника международного социалистического движения¹.

Первыми проголосовав за кредиты, немецкие социалисты развязали руки социалистам других стран. Вот что писал об этом плехановский орган меньшевиков-оборонцев:

«Интернационал оказался слаб. Германская социал-демократия, самая могучая часть его — не только не старалась бороться со своим правительством, когда оно объявило войну России и Франции и бросило свою армию на маленькую нейтральную Бельгию, но всей своей силой поддержала своего кайзера [...]. Смешно и наивно поэтому рассчитывать на германскую революцию. Социалисты России, Франции, Англии, Италии, Бельгии и т. д. должны, поэтому, участвовать в обороне своих стран и стремиться к победе над центральными империями»².

Однако если в немецкой социал-демократии разочаровались меньшевики-оборонцы (выпускавшие газету во Франции на деньги французов), основная часть меньшевистской партии все-таки рассчитывала именно на германскую революцию. Надежды эти были столь велики, что прибывшему в Петроград весной 1917 года видному шведскому социал-демократу Карлу Брантингу ничего не оставалось, как предостеречь меньшевиков «от оптимистических надежд на то, что германские рабочие» восстанут «под влиянием и для поддержки русской революции», «а германские солдаты воткнут штыки в землю». Брантинг считал, что, пока германская армия побеждает, утопия надеяться на революционный взрыв. Считалось, что Брантинг был хорошо знаком со взглядами верхов германской социал-демократии.³ И сказанное было для меньшевиков неприятной неожиданностью. На созванном совещании выступивший с патетической речью И.Г. Церетели обратился «к европейскому социалистическому пролетариату» с призывом «спасти русскую революцию», «активно добиваясь скорейшего окончания войны

---

¹ Когда 1 августа 1914 года канцлера Германии Т. Бетмана-Гольвега, торопящегося с объявлением войны России, спросили, зачем, собственно, ему это нужно, канцлер ответил: «Иначе я не заполучу социал-демократов». «Он думал достигнуть этого, — комментирует в своих мемуарах Бернхард фон Бюлов, — заострив войну [...] против русского царизма». (Хвостов. История дипломатии, том II, с. 796.) И германские социал-демократы проголосовали в рейхстаге за предоставление правительству военных кредитов.

² Русский солдат-гражданин во Франции (Париж). №211.9 июня 1918, с. 1. Передовица.

³ Партия, которой по существу руководил Брантинг, перед войной была сильнейшей партией в нижней палате шведского парламента. Она удержала свои позиции и на осенних выборах 1917 года. (АИГН, 61/5, с. 21.)

демократическим миром».⁴ Но ничего утешительного Брантинг не сказал и не пообещал поддержки. ⁵

Впрочем, меньшевики напрасно намеревались найти в Брантинге объективного судью происходящих событий. Брантинг, воспитывавшийся, как и большинство социалистов, на преклонении перед германской социал-демократией, с началом войны занял резко антигерманскую позицию, проповедовал необходимость борьбы против Германии, сочувствовал Антанте, прежде всего Англии (говорили, что не бескорыстно). В Петрограде он призывал социал-демократов интернационалистов (сторонников Циммервальда) отказаться от собственной позиции и поддержать лозунг борьбы с Германией до победного конца, а не бездействовать, ожидая начала германской революции. Уверяя меньшевиков в слабости германской социал-демократии, Брантинг преследовал вполне конкретную цель: предотвратить блок германских и русских социал-демократов (направленный против Антанты); удержать Временное правительство в антигерманском лагере и нейтрализовать усилия, направленные на подписание сепаратного мира. ⁶

Большевистское крыло русской социал-демократической партии, как и меньшевистское, верило в конечную победу социализма в мире. Это казалось столь же очевидным, как сегодня, скажем, неизбежность крушения колониальных империй. Ответ на вопрос о том, придет ли мировая революция — непременно позитивный — строился исключительно на вере в конечную победу. Однако после октября 1917 года когда-то теоретический вопрос приходилось рассматривать с практической точки зрения: что важнее, сохранить любой ценой советскую власть в России, где революция уже произошла, или же пытаться организовать революцию в Германии, пусть и ценой падения советской власти в России.

В 1918 году ответ на этот вопрос был не столь очевиден, как могло бы показаться сегодня. Общее мнение социалистических лидеров Европы сводилось к тому, что в отсталой России нельзя будет без помощи европейских социалистических революций ни построить социализма, ни удержать власть на какой-либо продолжительный срок, хотя бы уже потому, что (как считали коммунисты) «капиталистическое окружение»

---

⁴ АИГН, 39/9, с. 5-6.

⁵ АИГН, 61/5, с. 21.

⁶ «Был ли он прав в своей трезвой до пессимизма оценке шансов германской революции?» — спрашивал себя позже один из участников совещания с Брантингом П. Гарви и отвечал: «История показала, что истина лежала посередине. Русская революция свое влияние на германских рабочих и на германскую армию оказала. Но [...] лишь военное поражение развязало германскую революцию» (АИГН, 39/9, с. 5-6).

поставит своей неременной целью свержение социалистического правительства в России. Таким образом, революция в Германии виделась революционерам единственной гарантией удержания власти советским правительством еще и в России.⁷

Иначе считал Ленин. В октябре 1917 года, прорвавшись из швейцарского небытия и молниеносно захватив власть в России, он показал своим многочисленным противникам, как недооценивали они этого уникального человека — лидера немногочисленной экстремистской секты. Большевизм не только захватил власть в России, но создал реальный и единственный плацдарм для наступления мировой революции, для организации коммунистического переворота в той самой Германии, от которой, как всеми предполагалось, будет зависеть конечная победа социализма в мире. Теперь Ленин стал отводить себе в мировом коммунистическом движении совсем иную роль. Ему важно было совершить мировую революцию под своим непосредственным руководством и сохранить за собою лидерство в Интернационале. Германская революция отходила для Ленина на второй план перед победившей революцией в России. Более того: Ленин не должен был торопиться с победой революции в Германии, поскольку в этом случае центр тяжести коммунистического мира перемещался на индустриальный Запад и Ленин оставался лишь главою социалистической России, являвшейся в глазах социалистов «неразвитой», «отсталой» и «некультурной».

В свете изменившихся взглядов Ленина на революцию в Германии и необходимо рассматривать всю историю Брест-Литовских переговоров декабря 1917 — марта 1918 года, закончившуюся подписанием мира с

---

⁷ К 1920 году, после того как потерпела поражение германская революция, Ленин перестал делать из этого секрет. Вот что показал один из большевистских функционеров, беседовавший с Лениным в первой половине 1920 года:

«Хочет ли Ленин мировой революции. Да, к этому он стремится. Хочет ли Ленин власти Советов во всех странах. Нет, этого Ленин не хочет. [...] Ленин полагает, что мировая революция будет осуществлена не сейчас, а много позже. В настоящий момент советская Россия лишь расчищает путь для пришествия революции всемирной. [...] Все, кто по этим вопросам говорил с Лениным, в том числе Горький, утверждают, что Ленин давно уже стал пессимистически смотреть на возможность осуществления мировой социальной революции в ближайшее время. Всю советскую печать обошли [...] слова Ленина, сказанные им на одном из митингов: «В тот день, когда меня повесят...» Это было сказано тогда, когда Деникин приближался к Москве. Сомнения Ленина в возможности осуществления в ближайшее время. [...] Ленин постоянно жалуется на то, что нет работников и что его окружают мерзавцы и подлецы из «примазавшихся к коммунистической партии». Тяжелое хозяйственное положение России также не обещает ничего благоприятного в ближайшем будущем. Пессимизм и тяжелые условия жизни в России поставили перед группой друзей Ленина в прошлом году, когда были разбиты Колчак, Юденич и Деникин, вопрос о том, чтобы коммунисты ушли от власти. [...] Лучше заняться критикой и пропагандой своих идей для того, чтобы в нужный момент захватить власть не только в отсталой России, но и в капиталистических странах Запада. Однако эта точка зрения была отвергнута. Ленин определенно заявил: Мы должны делать все для того, чтобы определенно твердо остаться у власти. Каждый наш лишний день укрепляет нас и обеспечивает в будущем правду нашей партии перед правдами других социалистических партий. Чем продолжительнее будет наш опыт, тем легче будет доказать, что именно наш путь является более правильным и более коротким для достижения идеалов социализма. Мы должны какими бы то ни было путями и какой бы то ни было ценой добиваться длительности нашей власти. [...] Всякая передышка, говорит Ленин, усиливает советскую власть и во всяком случае обеспечивает ей более длительный период существования. [...] Нет ничего, перед чем бы остановился Ленин для сохранения советской власти» (АИГ, кол. Голдера, ящик 21, л. 1-3).

Германией и другими странами Четверного союза. Позиция Ленина на этих переговорах — отстаивание им «тильзитского мира» ради «передышки» в войне с Германией — кажется настолько естественной, что только и не перестаешь удивляться авантюризму, наивности и беспечному идеализму всех его противников — от левых коммунистов, возглавляемых Н.И. Бухариным, до Л.Д. Троцкого с его формулой «ни война, ни мир». Правда, позиция Ленина кажется разумной прежде всего потому, что апеллирует к привычным для большинства людей понятиям: слабая армия не может воевать против сильной; если невозможно сопротивляться, нужно подписывать ультимативный мир. Но это была психология обывателя, а не революционера. С такой психологией нельзя было бы захватить власть в октябре 1917 и удержать ее против блока социалистических партий, как удержал Ленин в ноябрьские дни с помощью Троцкого. С такой психологией вообще нельзя было быть революционером. По каким-то причинам, кроме Ленина, весь актив партии был против подписания Брестского мира, причем большая часть партийных функционеров поддерживала «демагогическую» формулу Троцкого. И никто не смотрел на состояние дел столь пессимистично, как Ленин. Да ведь чем-то руководствовались все эти люди? На что они рассчитывали?

Революция и революционеры подчинялись собственным особым законам. Эти законы большинством населения воспринимались как непонятные, безумные и иррациональные. Но, отступив от этих законов, революция гибла. Только в них заключалась сила революции и залог ее победы. Ленин отступил от этих законов ради удержания собственной власти и лидерства в мировом коммунистическом движении. С точки зрения абсолютных коммунистических интересов Брестский мир был катастрофой. Он несомненно убивал шансы на немедленную революцию в Германии, а значит, и на революцию в Европе. Заключенный вопреки воле большинства революционной партии Брестский мир стал первым оппортунистическим шагом советского руководства⁸.

По иронии судьбы получалось, что для победы революции в России нужно было принести в жертву возможную революцию в Германии, а для успеха революции в Германии, может быть, пришлось бы пожертвовать советской властью в России. Именно эту альтернативу заключал в себе для советского правительства Брестский мир — «первое столкновение между интересами международной революции и потребностями закрепления

---

⁸ С точки зрения революционеров самым страшным последствием этого первого компромисса могла быть «капитуляция» перед внутренней буржуазией: «Брестский мир, начав с капитуляции во вне, вынужден будет переходить к капитуляции внутренней, к сдаче социальных позиций октябрьской революции и внутри страны», — предупреждал И. З. Штейнберг (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 24). Такая капитуляция произошла не сколько позже, в 1921 году, когда советское правительство, не сумевшее осуществить мировую революцию, пошло на «передышку» с собственником и ввело НЭП.

власти компартии в России»⁹. Мирный договор с Германией давал германскому правительству известную передышку, улучшал общее положение страны. Как писали тогда левые эсеры, «выполнение этого мирного договора замедляло дело интернационала: хлеб из оккупированных Германией областей примирял голодных германских рабочих и солдат с германским правительством»¹⁰, а «сдача на милость победителя усилила не только материально, но и духовно германский империализм»¹¹.

Наоборот, отказ советского правительства подписать мир ухудшал военное и общеполитическое положение Германии и увеличивал шансы германской революции. По крайней мере, именно так считали, с одной стороны, немецкие коммунисты, а с другой — германское правительство. Немецкие левые уже в декабре 1917 года попытались помешать заключению сепаратного мира между Россией и Германией. Они распространили заявление, в котором указали, что переговоры о мире окажут разрушительное воздействие на вероятную германскую революцию и должны быть отменены¹².

---

⁹ АИГН, 510/24, с. 3.

¹⁰ Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 12.

¹¹ Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 25.

¹² Отчет господина Нассе. Против политики Брестского мира категорически выступил Либкнехт. Он считал, что без победы германской революции нельзя будет удержать советскую власть, а подписав сепаратный мир с Россией, германское правительство получит передышку, необходимую для стабилизации положения и облегчения взрывоопасной ситуации в Германии. Следует отметить, что публично Либкнехт не считал возможным резко критиковать руководителей русской революции — Ленина и Троцкого.

Это дало возможность Троцкому в «Моей жизни» привести достаточное количество цитат из опубликованных работ Либкнехта, указывающих, дескать, на то, что Либкнехт понимал и разделял позицию советского правительства в германском (Брестском) вопросе [Троцкий. Моя жизнь, т. 2, с. 105 и др.]. Куда более показательны, однако, заметки Либкнехта о Брестском мире, не предназначенные к публикации. Нельзя не отметить, что некоторыми из этих цитат располагал Троцкий и они заимствованы из его архива. Тем не менее Троцкий не спешил использовать их на страницах своей автобиографии. Вот что писал Либкнехт:

«Германия — ключевой, высший пункт мировой революции. Победивший немецкий империализм после падения царизма станет оплотом мировой реакции. [...] Правительство Ленина-Троцкого 1917 года стоит перед тяжелой опасностью и искушением открыть немецким штыкам путь не только в Россию, не только против русской революции, но и против западной и южно-европейской демократии, прежде всего против итальянского народа, находящегося в начале революционного восстания. [...] «Брест-Литовск», то есть та мирная политика, которая привела к нему и обусловила дальнейшее, стала [...] спасительным деянием для немецкого империализма. [Брест-Литовский договор — это] комедия мира, которая должна послужить тому, чтобы дать [германскому] империализму необходимую передышку. Не английская и не французская, а именно немецкая революция — единственно возможное спасение для русской революции [...]. Немецкая революция — единственный выход.

Но революционизирующему воздействию русских событий противостоят противоположные воздействия: укрепление немецкого империализма, антиреволюционных сил и недоумение немецкого пролетариата по поводу двусмысленности отношения советского правительства к немецкому империализму. Так, Чичерин сказал об [убитом 6 июля 1918 г. германском после в России графе] Мирбахе: он умер за дело мира!!! Высылаются соболезнования по случаю смерти Эйхгорна (разве это не то же самое, что сочувствие по случаю смерти Плеве? Это уж просто уму непостижимо!) Немецкому правительству выражается благодарность за его содействие в русско-финляндских мирных переговорах.

Если немецкая революция не произойдет, альтернатива одна: гибель [русской] революции или позорная жизнь в обмане и показухе. Брестский мир был в действительности не чем иным, как капитуляцией русского революционного пролетариата перед немецким империализмом [...]. И теперь перед большевиками возникает как конечная станция их тернистого пути самое страшное: жутким привидением надвигается союз большевиков с Германией [...] [которая ставит

Положение, в котором находились лидер германских коммунистов К. Либкнехт и глава советского правительства Ленин, не было равным. Германские коммунисты требовали революции в Германии ради мировой революции. Ленин выступал за сохранение власти любой ценой Советом народных комиссаров, чтобы удержать власть в собственных руках, а со временем, «господствовать над международным коммунистическим движением»¹³. Если Либкнехт хотел удержать за собой руководство в будущем Коминтерне, то не вопреки интересам европейской революции. Ленину не повезло: подписывая Брестский мир ради власти в России, он убивал имеющиеся шансы (сколько бы их ни было) на победу коммунистической революции в Германии и в Европе.

Первоначально считалось, что переговоры с германским правительством большевики затевают исключительно из пропагандистских соображений и для оттяжки времени, а не ради подписания договора¹⁴. Либкнехт при этом указывал, что если переговоры «не приведут к миру в социалистическом духе», необходимо «оборвать переговоры, даже если бы при этом пришлось пасть их [Ленина и Троцкого] правительству»¹⁵. Однако Ленин вел на переговорах свою игру и стремился к временному союзу с имперским германским правительством, видя в этом единственный способ удержать власть в своих руках и расколоть единый капиталистический мир, т. е. блокироваться с Германией против Англии и Франции.

Либкнехт видел залог победы в германской революции. Ленин — в

перед собой следующие задачи:] 1. Посредством переговоров, а по возможности и заключением мира упрочить правительство Ленина-Троцкого в России, что бы использовать его до конца в интересах Центральных империй и против будущности революционной России. 2. [...] Использовать правительство Ленина-Троцкого для военного упрочения Центральных империй против революционной будущности этих последних.

Перспективы и возможности революции в Германии уменьшаются с каждой победой и каждым укреплением немецкого милитаризма. Есть только одно решение трагедии, в которой оказалась Россия: восстание за спиной немецкого империализма, немецкое массовое восстание.» МИСИ, кол. Т. Либкнехта, п. 10. Заметки Т. Либкнехта. Пункт 90. Карл Либкнехт. Политические заметки из его наследия, с. 52-53; Письма «Спартаку». «Русская трагедия», с. 181-183; Письма Спартаку. «Условия мира», с. 192; АТ, Т-3742. Цитаты из не предназначенных к публикации записок Либкнехта.)

¹³ Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 60.

¹⁴ Немцы понимали это. Вот что доносил 13 (26) декабря 1917 года в МИД один из германских дипломатов: «Несомненно, в нынешнем русском правительстве есть силы, которые стараются всячески помешать тому, чтобы начавшиеся мирные переговоры закончились слишком быстро. Одна из причин — это желание не слишком обострять отношения с Антантой, вторая — надежда на революцию в Германии, которая может поставить вопрос о мире на более выгодную для большевиков основу. [...] Трудно сказать, насколько большевики действительно верят в эту возможность.

[...] Но даже здесь они могут принимать желаемое за действительное. Не следует забывать, что большевики часто провозглашали мир своей целью, однако не мир с буржуазными правительствами, заключенный путем переговоров, но путь разжигания революции в нашей стране, что тоже, естественно, приведет к миру» (Отчет господина Нассе).

¹⁵ АТ, Т-3742. «Если не явится немецкая революция, то останется альтернатива: революционная гибель или постыдная мнимая жизнь — на срок, предоставленный прусским империализмом [...]. Есть ли кто-либо, кто думает о втором исходе? Он должен был бы до конца миров стоять у позорного столба. Каин и Иуда плюнули бы на него» (там же).

игре на противоречиях между Четверным союзом и Антантой. Либкнехт был заинтересован в том, чтобы Германия как можно скорее проиграла войну. Ленин, подписывая сепаратный мир, хотел, чтобы Германия не проигрывала войны как можно дольше. Он боялся, что советская власть в России будет свергнута объединенными усилиями Германии и Антанты как только на Западном фронте будет подписан мир¹⁶. Но заключая Брестский мир и оттягивая германское поражение, Ленин делал именно то, в чем фактически обвинял его Либкнехт: саботировал германскую революцию¹⁷. Не удивительно, что заключение Брестского мира привело к расколу в партии большевиков и советском правительстве и к образованию левой оппозиции, причем в первый и в последний раз оппозиция эта открыто и официально действовала внутри партии большевиков как автономная организация и даже имела свой печатный орган. Ленин же, формально одержавший победу и заставивший партию заключить мир, стал терять над партией власть. Решения, выносимые большевистским руководством, все чаще и чаще принимались против его воли. «Гнилой компромисс» с кайзеровским правительством и упущенный шанс на скорую революцию в Германии его собственные соратники так легко простить ему не могли.

Теоретические и идеологические провалы ленинской брестской политики были, однако, заметны куда меньше, чем провалы практические. Брестский мир, несмотря на его крайне тяжелые для России и партии большевиков условия, не принес ни заветного мира, ни обещанной Лениным «передышки». С точки зрения германского руководства, Брестское соглашение было «военным мероприятием и лишь служило средством помощи Западному фронту, имея целью ликвидацию Восточного фронта для усиления Западного с одновременным использованием восточных районов в экономическом отношении для продолжения войны»¹⁸.

Если так, то с ухудшением положения Германии на Западе увеличивались ее аппетиты на Востоке. После подписания мирного соглашения военные действия не прекращались ни на день на большей части территории бывшей Российской империи. Германия предъявляла все новые и новые ультиматумы, занимала целые районы и города,

---

¹⁶ МИСИ, кол. Красина. Письмо Л. Красиной, 18 мая 1919.

¹⁷ «Империализм центральных империй получает со стороны своих антиподов Ленина-Троцкого отнюдь не маловажную поддержку», — записал Либкнехт, а уже после подписания Брестского мира добавил: «Теперь не трудно выступать судьей над ошибками Ленина-Троцкого» (АТ, Т-3742).

¹⁸ Winfried Baumgart. *Deutsche Ostpolitik 1918-1926*, с. 62, 240. Радек в декабре 1917 года указал немцам, что Германия настаивает на мире на Востоке, так как «хочет начать крупное наступление на Западном фронте в феврале 1918 г. и разом освободить весь свой тыл» (Отчет господина Нассе).

находящиеся восточнее установленной Брестским договором границы. Брестский мир оказался бумажным именно потому, что два основных партнера на переговорах, советское и германское правительства, не смотрели на договор серьезно, не считали его окончательным и главное — подписывали не из-за желания получить мир, а лишь для того, чтобы продолжать войну, но только в более выгодных для себя условиях. Большевики — войну революционную; немцы войну за стабильный мир.

Получалось, что Брестский мир если и дал передышку, то только Германии, да и то лишь до ноября 1918 года. Нет смысла утверждать, что Ленин мог предвидеть последствия подписания Брестского мира. Но очевидно, что оправдались худшие из опасений большинства партийного актива, до подписания мира поддерживавшего формулу Троцкого «ни война, ни мир». В ней не было ни приписываемой ей всей советской историографией демагогии (как раз демагогией оказалась ленинская теория «передышки»), ни авантюризма сторонников немедленной революционной войны, возглавляемых Бухариным. По стандартам революционного времени позиция Троцкого была умеренной. Он не компрометировал русских большевиков в глазах «германского пролетариата» подписанием мира с кайзеровским империалистическим правительством и не бросался в безудержный авантюризм Бухарина, не имея для того сил. Вместе с левыми коммунистами Троцкий считал, что подписание бумаги о мире не гарантирует прекращения военных действий, что революционеры не вправе верить «империалистам», что Германия все равно будет наступать, где сможет. И в этих условиях лучше вообще не подписывать документа, а апеллировать к пролетариату всех стран и даже использовать помощь Антанты.

В революционной среде в те месяцы распространено было мнение, что Германия не в состоянии наступать, а если и сможет наступать — не сможет удержать оккупированные территории без того, чтобы заплатить за это революцией в Берлине. Уверенность в этом большевиков окрепла еще больше после убийства в Москве 6 июля 1918 года германского посла графа Вильгельма Мирбаха, когда германский ультиматум, полученный в ответ на убийство, был категорически отклонен советским правительством, а весь инцидент был предан забвению самими немцами. В дальнейшем, до расторжения Брестского мира сначала германским правительством — 5 октября, а затем ВЦИКом — 13 ноября 1918 года (через два дня после капитуляции Германии в первой мировой войне), между Россией и Германией юридически оставалось состояние мира. В октябре-ноябре мир был разорван, хотя войны друг другу Германия и Россия не объявили. Между двумя странами теперь уже и формально установились отношения, больше всего подходящие под формулу Троцкого «ни война, ни мир».

Такое состояние по замыслу Троцкого, конечно же, было не чем иным, как передышкой, готовящей большевистскую партию к следующему ее этапу: революционной войне (только за передышку Троцкого, в отличие от передышки Ленина, большевики не платили соглашением с «империалистами»). Эта революционная война была начата 13 ноября 1918 года: большевики повели решительное наступление на запад. Оно проходило более чем успешно, и в феврале через Вильно советские войска вышли к границам Восточной Пруссии. К этому времени в ряде городов Северной и Центральной Германии уже были провозглашены республики¹⁹.

В эти дни Ленин фактически был отстранен от власти. Все важнейшие решения, касавшиеся революции в Германии, принимались в ЦК партии без него. Даже декрет о разрыве Брестского мира был обнародован как декрет ВЦИК, за подписью Я. М. Свердлова, а не как решение СНК (во главе которого стоял Ленин). Революция в Германии еще только разгоралась, а Ленин уже терял власть. При теоретиках Розе Люксембург и Троцком, при практиках Либкнехте и Свердлове Ленин переставал быть незаменимым. Возможно, что именно по этой причине он так и не рискнул созвать Коминтерн при жизни Либкнехта и Люксембург. Только в марте 1919 года, через два месяца после убийства лидеров германской компартии и конкурентов Ленина на руководство Интернационалом, сразу же после загадочной смерти Свердлова — конкурента Ленина по руководству в партии, Ленин созвал первый конгресс Коминтерна, начав раскалывать западные компартии и вводить практику подтасовки делегатов. Председателем Коммунистического Интернационала он назначил Зиновьева, не написавшего ни одной теоретической статьи, но бывшего опытным партработником. А так как германская революция потерпела очевидное поражение, центром мирового коммунистического движения была официально и окончательно утверждена Советская Россия; и даже те,

---

¹⁹ Советская и западная историографии богаты трудами о Брестском мире. Однако вопрос о Брестском мире никогда не считался спорным: ленинская позиция всегда признавалась единственно правильной, в то время как позиция левых коммунистов объявлялась авантюристической, а позиция Троцкого — провокационной и предательской. При таком взгляде на проблему историкам до самого последнего времени только и оставалось, что затушевывать факт одиночества Ленина при голосовании по вопросу о мире в ЦК партии или в крупных партийных организациях (например, в Москве или Петрограде). Тем более избегали они указаний на то, что большинство партийного актива вплоть до подписания мирного договора поддерживало формулировку Троцкого «ни война, ни мир».

Германскую историографию, что естественно, больше интересовала немецкая сторона проблемы, например, планы и намерения германского верховного главнокомандования и германского МИДа при заключении Брестского мира, разногласия между МИДом и верховным главнокомандованием. Меньшее внимание поэтому уделяла западногерманская историография спорам о Брестском мире, разыгрывавшимся внутри большевистской партии или же, например, вопросу о взаимозависимости проблемы заключения Брестского мира и ноябрьской революции в Германии 1918 года.

На и без того сложную историческую проблему накладывались еще и политические моменты, связанные с негативным отношением к Троцкому вообще и его роли и позиции в брестских переговорах, в частности. По этой причине в настоящей работе позиция Троцкого, как наименее исследованной, будет уделено существенное внимание. В частности, будет подвергнута критическому анализу общепринятая на сегодня в историографии оценка формулы Троцкого «ни война, ни мир» и тех результатов, к которым привел разрыв Троцким переговоров в Бресте 11 февраля 1918 года.

кто не признавал за ней идеологического руководства, вынуждены были все время считаться с нею.

* * *

Германская проблема, стоявшая перед русскими революционерами, была главной, но не единственной. У советской власти и ленинского правительства были еще и внутренние враги. В октябре-ноябре 1917 года Ленину предстояло отстаивать для большевистской партии право на формирование Совета народных комиссаров и удержать власть против блока социалистических партий, ратовавших за формирование многопартийного «однородного социалистического правительства». В этом столкновении Ленин одержал победу благодаря тому, что в решающий момент был поддержан, с одной стороны, Троцким, а с другой — партией левых социалистов-революционеров (ПЛСР), политическое сотрудничество с которой стало доминирующим фактором внутривластной партийной жизни первой половины 1918 года.

В октябре 1917 года в России царила анархия. Временное правительство, вряд ли контролировавшее события даже в лучшие моменты своего существования, перестало быть политической силой. В этом вакууме большевистский переворот был скорее бумажной декларацией, а не фактическим захватом в стране власти большевиками. Это прежде всего понимали руководители политических партий в России. Разумеется, замена нереального Временного правительства столь же нереальным большевистским мало что меняла в общем хаосе, в который была погружена Россия.

Но, кажется, только то и отличало большевиков от прочих политических групп и партий, что возглавлял большевистскую партию Ленин, хорошо видящий перед собой ближайшую цель: формирование правительства под своим руководством.

Без понимания психологии и целей Ленина невозможно понять русскую революцию. И личность этого человека, во многом остающегося для историков загадкой, требует своего самостоятельного исследования. Для данной работы нам важно обратить внимание на Ленина как на человека с маниакальным мышлением, абсолютно уверенного в своей правоте, да к тому же — гениального тактика политической борьбы. Можно с уверенностью сказать, что без Ленина партия большевиков не стала бы ведущей социалистической группировкой. Только авторитет Ленина в узком кругу большевистских руководителей, составлявших Центральный комитет, только признание ими за Лениным непревзойденного политического таланта в конечном итоге обеспечивали ему победу сначала

внутри ЦК партии, а затем и в поединках с политическими противниками или попутчиками большевиков. Ленин как тактик перевешивал не только всю партию большевиков, но и весь блок русских социалистических партий.

Рискнув захватить власть в Петрограде в октябре года, выдержав состязание внутри собственного ЦК по вопросу о формировании однопартийного большевистского правительства, Ленин, далекий от принципов буржуазного парламентаризма, не собирался уходить в отставку, хотя в угоду всем, от противников большевиков до их союзников, было ясно, что большевистский период правления привел Россию к катастрофе. У Ленина и большевиков в первый год русской революции был не очень широкий выбор. Они могли либо уступить власть блоку социалистических партий, либо уничтожить эти партии, установив однопартийную диктатуру. Большевики пошли по второму пути.

Споры о том, в какой степени этот выбор был свободным или вынужденным, следует считать академическими. Кажется, за всем этим стояло упорное желание Ленина сохранить за собой власть²⁰, но не ради власти, как таковой, а для реализации Лениным своей программы. А поскольку с авторитетом Ленина готова была, иногда с оговорками, считаться только партия большевиков, ему уже в первые часы революции пришлось стать на путь репрессий, очень скоро приведший его к однопартийной диктатуре.

Главы, посвященные сотрудничеству большевиков и левых эсеров, не ставят своей задачей изучение их деятельности на местах. К политической жизни партийного руководства в Петрограде и Москве эта работа не имела непосредственного отношения. Куда большее значение играла в этот период способность левоэсеровского руководства вести тактическую борьбу за власть. В отличие от большевиков, у которых Ленин считался непревзойденным лидером, левые эсеры не смогли найти руководителя, способного объединить партию своим авторитетом и волей. Виднейший русский революционер М. А. Натансон, один из лидеров левого крыла эсеровской партии, всегда предпочитал держаться в тени и не претендовал

---

²⁰ Н. А. Угланов описывает в воспоминаниях настроение, с которым приехал в Петроград Ленин. 4 апреля 1917 года Ленин выступал на собрании объединенных социал-демократических групп. После доклада Ленина выступил Церетели и, повернувшись в сторону Ленина, сказал: «Как ни непримирим Владимир Ильич, но я уверен, что мы помирился». Ленин встал и громко крикнул: «Никогда». Затем выступил И. П. Гольденберг (Мешковский). В какой-то момент во время речи он ударил кулаком по трибуне и крикнул: «Я утверждаю, что царивший тридцать лет мир среди демократии сегодня здесь нарушен и здесь сегодня Лениным водружено знамя гражданской войны». Ленин снова встал и крикнул: «Верно, правильно». На собрании в 700 человек почти все ораторы выступали против Ленина (в защиту доклада которого выступила только Коллонтай). А когда меньшевики предложили создать организационное бюро по подготовке созыва съезда партии, большевики заявили, что участвовать в нем не будут. «Поднялся шум, — пишет Угланов, — раздались крики по нашему адресу: раскольники, узурпаторы, демагоги и т. д. Идя домой с собрания, некоторые мои друзья говорили — а все-таки Старик [Ленин] завернул через край. Ясности по всем вопросам у меня тоже не было, но чувствовал я, что приехал решительный человек». (Воспоминания Угланова, с. 192). После этого трудно согласиться с тем, что Ленин был принужден к курсу на однопартийную диктатуру под давлением внешних обстоятельств.

на роль партийного вождя. В. А. Карелин или Б. Д. Камков были слишком мелки для ведущих ролей. М. А. Спиридонова, признанный вождь ПЛСР, была только символом, чье имя с успехом использовалось для пропаганды в «низах». Однако Спиридонова как партийный работник и тактик не шла ни в какое сравнение с Лениным.

Как давно не удивляет нас соперничество большевиков и меньшевиков, недавно принадлежавших к единой социал-демократической партии, так не должен удивлять нас и разрыв левого крыла эсеровской партии с ПСР. Первые трещины этого раскола обозначились в 1915 году по вопросу об отношении к войне. Однако это были не те «левые эсеры», по крайней мере, не всегда те, кто формировал затем ПЛСР²¹. Очевидно, бурные события 1917 года не могли сохранить в целостности партию, в которой состояли столь разные люди, как правый эсер Марк Вишняк, с одной стороны, и архилевый Прошьян, с другой. «Историческая причина раскола [...] лежит далеко за пределами нашей партии, — писал в те дни Камков, — ее нельзя объяснить узкопартийными моментами. Мы имеем дело с частным, конкретным видом общего международного явления. Война ярко обнаружила, что в пределах одной партии оказались чуждые элементы и они не могли не разойтись»²².

Настоящая работа поэтому касается причин выхода левого крыла из эсеровской партии лишь поверхностно. Теоретические разногласия, если считать, что они были, имели небольшое отношение к тому фактическому расколу, который определила практическая борьба левозэсеровских функционеров за власть на местах и в центре в 1917-18 годах²³. И не случайно именно признание левыми эсерами правомерности созыва Второго съезда Советов (т. е. — захвата власти большевиками) сделало окончательным разрыв левых эсеров с ПСР. Борьба левого крыла эсеровской партии за место в революции и за власть сделала раскол неизбежным.

Не касается исследование и факторов, которые мы можем назвать «постоянными». К ним относятся экономическая разруха, из месяца в месяц усугубляемая большевистским правлением; анархия как результат

---

²¹ На Третьем Всероссийском съезде ПСР при выборе ЦК было заявлено три списка делегатов: правый, центр и левый. Левые выдвинули в ЦК Натансона, Спиридонову, Биценко, Чернова, Ракитникова, Русанова, Гоца, Архангельского, Герштейна, Лункевича, Когана-Бернштейна, Веденяпина, Е. Рагнер, Фирсова (Розенблюма), Гендельмана, Затонского, Ракова и Берга. Только первые трое вошли затем в руководство партии левых эсеров.

²² Камков. Две тактики, с. 11.

²³ Подтверждением этому служит, например, тот факт, что левые эсеры, отколовшись от ПСР и даже создав собственную партию, ни в чем не изменили эсеровской программе. «Надо идти за жизнью, — указывал на Первом съезде ПЛСР делегат Данилькевич. — [...] Если бы мы стали тут выработать программу партии, то это у нас заняло бы массу времени, а время не терпит, нужна работа на местах. Мы должны отправляться на места и там строить партию [...]. Моё предложение сводится к тому, чтобы здесь не изобретать никакой программы, ограничиться старой, уехать на места, и там жизнь покажет, какие изменения внести в эту программу». (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 32.).

отсутствия стабильного режима в стране; полная незащищенность мирного населения в городе и деревне перед любой вооруженной силой — как результат анархии; голод и безработица — как результат разрухи²⁴. Можно было бы добавить сюда и опасность контрреволюционных выступлений. В меньшей степени — до прихода к власти большевиков и левых эсеров, в большей — после их прихода, эти явления сопутствовали русской революции (как когда-то французской) и вряд ли были так уж неожиданны для русских революционеров. Скорее, казалось бы, все эти опасности должны были сплотить социалистические партии России, заставить их сформировать «однородное социалистическое правительство» (на чем так настаивали эсеры, меньшевики и профсоюзы и против чего так резко выступали Ленин и Троцкий). Однако Ленину важна была не столько социалистическая революция вообще, сколько социалистическая революция под его руководством. И это еще одна причина, по которой «постоянным факторам революции» в работе не уделено места: борьба Ленина за однопартийную диктатуру в стране не была вызвана этими трудностями, а лишь усугубляла их все большим и большим отрывом правящего меньшинства от основных слоев населения России.

Глава первая. Большевики в Германии

Уже в первые дни после Октябрьского переворота Ленин разошелся с

---

²⁴ Для иллюстрации происходящего можно привести выдержки из одного обширного документа — протокола «Объединенного заседания Ростово-Нахичеванского на Дону Совета рабочих депутатов, фабрично-заводских комитетов и правлений профессиональных союзов», созванного 15 (28) февраля 1918 года:

«Я. И. Коломейцев предлагает включить в порядок дня вопрос о снятии военного положения [...]. Представитель от комитета рабочих из Донских гирл говорит, что в порту арестовывают рабочих, что жизнь их в опасности [...] они не могут нормально работать [...] Б. С. Васильев заявляет, что в данный момент есть нечто поважнее хлеба — нужно в первую очередь говорить об ужасах, творящихся в городе, о непрекращающихся расстрелах и о спасении человеческих жизней. Предложение это вызывает замешательство среди членов военно-революционного комитета. После совещания слово получает Антонов [Овсеенко], начальник Красной гвардии. В короткой речи он рассказывает [...] [что] в тех организованных расстрелах, которые производятся до сих пор, военно-революционный комитет неповинен. Их производят по приказу штаба Сиверса [...]. Все арестованные, находящиеся в военно-революционном комитете и Красной гвардии, надежно охраняются и оттуда никто выведен [на расстрел] не был [...]. Вторым докладчиком выступает Частнов — по продовольственному вопросу. Положение в городе — по мнению докладчика — катастрофическое. [...] Никаких запасов [...] нет. (...) Транспорт совершенно расстроен. Еще хуже на рудниках и в Донецком округе — оттуда приезжают делегаты и умоляют спасти их от голода. Угля в Ростове также нет, так как подвоз его также прекратился [...]. Равикович — секретарь военно-революционного комитета [говорит, что] [...] сейчас у нас в городе царит двоевластие. Штаб Сиверса [...] [и] военные комиссары Антонов, Войцеховский, объявившие себя высшей и неограниченной властью в городе. Эти гастролеры приехали из Харькова и мешают всей нашей работе. [...] Нам объявили, что вводится цензура для всей печати — в том числе и для Известий военно-революционного комитета. Мы заявили категорический протест, на что последовало разъяснение, что [...] в случае сопротивления нас будут арестовывать! [...] Тогда мы обратились к тов. Антонову. «Власть принадлежит Совету, — заявил нам Антонов, — но только Совету революционному, а ваш Совет никуда не годится и я его разгоню!» После долгих убеждений Антонов согласился, что этого делать не следует, но что пока будет военное положение — будет и диктатура Войцеховского [...]. Степанов (левый эсер), заявляет, что ему и его товарищам по комитету обидно слышать упреки, что их руки в крови [...]. Да, германцы идут на Россию, но это идут империалисты, и их движение вызовет революцию в Германии и пожар во всей Европе. Я верю, товарищи, еще не все пропало. [...] Войцеховский. Не для конфликтов с товарищами большевиками шел я сюда в Ростов [...]. Но я заявляю, что мы не остановимся перед репрессиями по отношению к тем Советам, которые станут на нашей дороге [...]. Собрание расходится при общем подавленном настроении» (АИГН, 6/3).

большинством своей партии по вопросу, касающемуся заключения мира: вопреки ожиданиям социалистов он выступил с принципиальным согласием подписать с «империалистическим» германским правительством не всеобщий, а сепаратный мир²⁵. Неудивительно, что самым простым объяснением ленинского шага были взяты им еще до возвращения в Россию обязательства перед германским правительством²⁶.

Взаимоотношения между большевистской партией и кайзеровским правительством в годы мировой войны долгое время оставались для историков загадкой. Сенсацией разнеслись по миру первые сведения о том, что германское правительство, заинтересованное в скорейшем ослаблении Российской империи и выходе последней из войны, нашло выгодным для себя финансирование социалистических партий, стоявших за поражение России в войне и ведущих усиленную пораженческую пропаганду. Германский социал-демократ Эдуард Бернштейн, занимавший одно время пост заместителя министра финансов в германском правительстве, указал на связь с немцами Ленина в статье «Темная история», опубликованной 14 января 1921 года в утреннем выпуске газеты «Форвертс»:

«Антанта утверждала, и утверждает до сих пор, что кайзерская Германия предоставила Ленину и товарищам большие суммы денег, предназначенных на агитацию в России. Действительно, Ленин и его товарищи получили от кайзерской Германии огромные суммы. Я узнал об этом еще в конце декабря 1917 года. Через одного друга я осведомился об этом у некоего лица, которое, вследствие своих связей с различными учреждениями, должно было быть в курсе дела, и получил утвердительный ответ. Правда, тогда я не знал размера этих сумм и кто был посредником при их передаче. Теперь я получил сведения от заслуживающего доверие источника, что речь идет о суммах почти неправдоподобных, наверняка превышающих 50 миллионов немецких золотых марок, так что ни у Ленина, ни у его товарищей не могло возникнуть никаких сомнений относительно источников этих денег»²⁷.

---

²⁵ Так, в резолюции Третьего съезда партии эсеров в мае 1917 года указывалось, ПСР «категорически отвергает сепаратный мир и сепаратное перемирие, как в корне противоречащее методам интернационального действия». (Резолюции, принятые на 3-м съезде ПСР, с. 11.) Эту точку зрения можно считать общей.

²⁶ Применительно к Ленину трудно говорить о тех или иных симпатиях — слишком был он подчинен собственным сверхчеловеческим идеям. Но какая-то симпатия к Германии у Ленина была. А. А. Иоффе вспоминает, что Ленин любил «говорить по-немецки и часто переходил на этот язык, хотя и отдельными фразами только». (Бакинский рабочий, № 233, 12 октября 1927; Из воспоминаний Иоффе, с. 203.) Троцкий в «Моей жизни» также вспоминает, что Ленин иногда переходил на немецкий и вставлял немецкие слова (Троцкий. Моя жизнь, т. 2, с. 59).

²⁷ Статья Бернштейна вызвала протесты германских коммунистов, обвинивших его в клевете и потребовавших официального ответа у МИДа по вопросу о финансировании Германией ленинской группы. МИД по существу ушел от ответа. Тогда Бернштейн опубликовал вторую статью — «Немецкие миллионы Ленина»:

«На запрос правительству коммуниста В. Дювеля относительно выдвинутого мною утверждения о выдаче Ленину и его товарищам 50 миллионов марок министерство иностранных дел дало именно тот ответ, какой предполагала расплывчатая формулировка вопроса. МИД заявил, что в его документах нет никаких указаний на то, что МИД дал

Имеется и одна неопубликованная архивная запись рассказа Бернштейна, где он раскрывает имена своих информаторов и подлинное время получения информации о финансировании немцами большевиков:

«О получении большевиками денег от германского правительства я услышал на заседании комиссии рейхстага в 1921 г. Заседание комиссии, обсуждавшее вопросы внешней политики, состоялось под председательством депутата рейхстага проф. Вальтера Шюкинга. На заседании присутствовали, кроме членов рейхстага, высокие чины министерства иностранных дел и военного министерства. По окончании официальной части собрания состоялся свободный обмен мнениями между присутствующими. Во время этих бесед один из членов комиссии громко заявил другому: «Ведь большевики получили 60 миллионов марок от германского правительства». Я тогда спросил сидевшего возле меня легационсрата Эккерта (впоследствии посланника), соответствует ли это заявление действительности. Господин Эккерт это подтвердил. На другой день я посетил проф. Шюкинга, как председателя комиссии, и, рассказав ему о разговоре относительно упомянутых 60 мил. марок, спросил, известно ли ему что-нибудь об этом. На это он мне ответил, что и ему известен факт выдачи этой суммы большевикам»²⁸.

согласие на поддержку Ленина и его товарищей немецкими военными властями.

Если бы [коммунистическая] газета «Роте Фане» была заинтересована в том, чтобы выяснить правду, а не осыпать меня ругательствами, она бы на это возразила министерству, что в его ответе обойдена суть [...]. Этот ответ отрицает то, чего я не утверждал, зато тщательно обходит всякое высказывание о том, соответствует ли действительности или нет сказанное мною [...]. В ответе даже не сказано, что министерству ничего не известно об этом деле. В ответе лишь говорится, что в документах МИД на эту тему ничего нет. Но на войне происходит множество событий, которые никоим образом не отражаются в документах правительственных учреждений. [...] Не разделяя приверженности «Роте Фане» к судам, я более всего желал бы представить этот случай на рассмотрение международного следственного комитета, составленного исключительно из социалистов. Но поскольку создание такого комитета — дело чрезвычайно трудное и может занять еще много месяцев, [...] я решил выбрать другой путь. Сразу после нового собрания рейхстага я обращаюсь к нему с запросом передать это дело, с целью ускоренного рассмотрения, второму подкомитету комитета по расследованию возникновения войны [...].»

Не удовлетворившись статьей, Бернштейн опубликовал еще и заявление:

«В коммунистических и националистических газетах выдвигается утверждение, будто мои данные о крупных суммах, которые Ленин и товарищи получили в 1917 году из средств кайзерской Германии на деятельность в России, базируются исключительно на публикациях правительств Антанты [...]. Это утверждение высосано из пальца. Данные публикации прессы Антанты и Вашингтонского информационного агентства появились летом 1917 года, я же, как я писал в своей первой статье по этому вопросу, получил информацию об этом в конце 1917-го. Добавлю, что эта информация исходила от немцев [...]. Но так как тогда я не узнал точных данных о размере суммы, я ограничился тем, что поставил в известность об этом лишь близких своих друзей-единомышленников, не считая эту информацию достаточной, чтобы довести ее до публичного сведения. Публикации документов Антанты [так называемые Сиссоновские документы] не заставили меня изменить этой точки зрения. Все время войны я придерживался принципа, что не могу использовать для атаки такие обвинения прессы Антанты, если только их подлинность не может быть установлена вне всяких сомнений. И лишь когда совсем недавно некий чрезвычайно осведомленный и заслуживающий доверия немец подтвердил то, что стало мне известно в конце 1917 года, и к тому же уточнил размер сумм, я счел своим долгом довести дело до сведения общественности и особенно социалистического Интернационала. [...] Пока же я ограничусь заявлением, что я не для того обнародовал это дело, чтобы его снова замолчали или направили бы по ложному пути. Вопрос должен быть сформулирован гораздо более определенно, более прямо».

Однако Бернштейн затронул проблему, в обсуждении которой было не заинтересовано слишком много людей, прежде всего в правительственных кругах Германии. Не были заинтересованы в огласке и германские социалисты. Не приходится удивляться, что так всех заинтриговавший вопрос остался безответным, а Бернштейн, равно как и немецкие коммунисты, предпочел не настаивать на создании комиссии расследования вопроса о германских золотых марках.

²⁸ АИГН, 786/6. На эту запись указывал Николаевский в одном из своих писем Бурцеву: «Рассказ его записан и

Может показаться удивительным, что тема о немецких деньгах, заинтересовала (и то лишь на мгновение) одного Бернштейна, а ранее того — только составителей так называемого Сиссоновского сборника²⁹. И когда известный охотник за провокаторами и шпионами В. Л. Бурцев предложил в германское социал-демократическое издательство книжку о том, как Ленин и большевики получали деньги от германского имперского правительства, издательство книжку печатать отказалось³⁰. Нелюбознательность германских политических деятелей (социал-демократов) была легко объяснима. «Я далеко не уверен, что об этом вопросе говорить своевременно, — писал в 1931 году историк и архивист Б. И. Николаевский жалующемуся на отказ немцев Бурцеву, — [...] во всяком случае немцы-то вполне определенно убеждены, что поднимать эту группу вопросов преждевременно»³¹. И Бурцеву оставалось только согласиться: «Вы правы, что немцы не хотят поднимать вопроса о том, как они помогали Ленину»³².

По прошествии многих лет в распоряжение историков были переданы документы, позволяющие более глубоко и внимательно изучить ставший уже легендой вопрос о немецких деньгах и plombированном вагоне. В числе сборников таких документов следует прежде всего назвать «Документы Земана» и «Документы Хальвега»³³. Нужно отметить, что эти публикации, с очевидностью указывавшие на связь с германским правительством таких известных революционеров, как швейцарский социал-демократ Карл Моор (Баер)³⁴, русско-румынско-болгарский

хранится» (АИГН, 475/8. Б.И. Николаевский [далее: БИН]. — В.Л. Бурцеву [далее: ВЛБ], 6 июня 1931, с. 1).

²⁹ Сиссоновские документы, изданные в Вашингтоне в 1919 году на английском языке, содержали документы, обличающие связи большевиков и немцев. Очевидно, однако, что, достоверные в своей основе, документы были «подредактированы» заинтересованными лицами, гнавшимися за политической сенсацией. Историкам не слишком трудно было доказать, что ряд документов носит отчетливые следы фабрикации; и вся публикация в целом была объявлена фальшивкой. На немецком языке Сиссоновские документы также были изданы с критическим их разбором и предисловием Ф. Шейдемана. Брошюра эта представляет библиографическую редкость. Анализ Сиссоновских документов, равно как и историографии, их изучающей, см. в опубл. на англ. статьях Д. Кеннана и Елены Стоун.

³⁰ АИГН, 475/8. БИН-ВЛБ, 6 июня 1931, с. 1.

³¹ «Простите меня, Владимир Львович, — писал Николаевский Бурцеву в письме от 6 июня 1931, — неужели Вы думаете, что Ваша эта работа может быть принята к изданию каким-либо немецким социал-демократическим издательством? Ведь это абсолютно невозможная вещь. Ведь Вы, наверное, знаете, что в 1920 г. Э. Бернштейн получил некоторые материалы относительно отношений в годы войны между немецким штабом и большевиками и начал было их публиковать [...], но ему пришлось это дело приостановить и он до сих пор к нему не возвращается» (АИГН, 475/8. БИН — ВЛБ, 6 июня 1931, с.1).

³² АИГН, 475/8. ВЛБ — БИН, 10 июня 1931, с. 2.

³³ Земан. Германия и революция в России; Германия; Хальвег. Возвращение Ленина в Россию.

³⁴ Моор был связан с Воровским, «который опасался Парвуса как слишком скомпрометированного», — пишет Михаил Наумович Павловский (АИГН, 496/3. БИН — М.Н. Павловскому [далее: МНП], 3 января 1962, с. 3).

социалист Х. Г. Раковский³⁵, эсеры Цивин (Вейс) и Рубакин³⁶ — вызвали настоящий переполох среди еще живших революционеров. «Теперь признаюсь, как наивны мы все были раньше, — писал Николаевский бывшему руководителю французской компартии Борису Суварину³⁷. — у меня лично нет никакого сомнения в том, что немецкие деньги у Ленина тогда были³⁸. [...] Теперь факт получения Лениным огромнейших сумм от немцев через Парвуса-Ганецкого доказан с полной несомненностью. Ленин превосходно знал, откуда получал деньги, на которые покупал типографии. Когда Ганецкого в начале 1918 г. исключили из партии, Ленин добился его восстановления, хотя превосходно знал роль Ганецкого»³⁹.

В те же годы эсер М. В. Вишняк публично отрицал причастность к деньгам Цивина⁴⁰, работавшего до середины 1916 года на австрийцев, а затем — на немцев⁴¹. А бывшая коминтерновка Анжелика Балабанова

---

³⁵ АИГН, 496/3. БИН — МНП, 3 января 1962, с. 3.

³⁶ О сотрудничестве Рубакина с германским правительством во время первой мировой войны в коллекции Николаевского имеется подробнейшее письмо Павловского (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 26 ноября 1962). В числе прочих революционеров немцы пробовали вербовать и анархистов, в частности Рощина (Гросмана), но тот отказался [см. АИГ, кол. Охрана, индекс VНІb, папка 14. Донесение директору департамента полиции. Париж, 27 января (9 февраля) 1915. № 172, 1 л.].

³⁷ «Вкратце мой вывод, — продолжал Николаевский, — исключительно для Вас лично: Ганецкий был связан с немцами или австрийцами еще с 1910-11 гг., и переезд Ленина в Краков, произведенный при помощи Ганецкого, стоял в связи с новой политикой австро-немецких властей. Возможно, что как-то к этому был причастен и Пилсудский, который около этого времени установил такую связь. (О. Бауэр рассказывал, как он в 1910-11 гг. разговаривал с Пилсудским). Думаю, раскол в польской с.-д. (Главное правление против Варшавы) вырос в конечном счете на этой почве (Роза Люксембург была решительно против какого-либо терпимого отношения к таким связям). Ленин, думаю, уже тогда знал (не мог не догадываться) и пользовался этими «благоприятными возможностями». (МИСИ, кол. Суварина [далее: БКС], БИН — БКС, 11 апреля 1957, 1 л.)

³⁸ «Конечно, брал не он [Ленин] сам, но он знал, что это были деньги немецкие и давал согласие. Больше того, я теперь считаю, что Ганецкий был связан с австрийцами уже с 1911 -12 г. и что переезд Ленина в Галицию был организован с ведома австро-немецких властей [...]. [Я прихожу к выводу,] что раскол в польской с.-д. имел те же корни (Роза [Люксембург] была против «ориентации»). Больше того: я прихожу к убеждению, что деньги, на которые летом 1904 г. было основано первое большое издательство («Бонч и Ленин»), были японские и что тогдашний «примиренческий» ЦК знал, что делал, запретив Бончу посылать литературу «японскому правительству» (это была действительная причина, почему партийная экспедиция была тогда отобрана от Бонча)». (МИСИ, кол. Суварина, БИН — БКС, 6 декабря 1957, 1 л.)

³⁹ АИГН, 502/21. БИН — БКС, 4 мая 1962, 1 л.; МИСИ, то же письмо.

⁴⁰ «14 февраля я отправил в «Возрождение» [...] опровержение инсинуаций и клеветы, возведенных на ряд лиц и, в частности, на меня [...]. Содержание его таково: «В печати появился документ из германского архива, в котором говорится, что некий Цивин Вейс, будучи членом партии социалистов-революционеров и находясь, по его словам, «в наилучших отношениях с [...] Черновым и Бобровым [М.Натансоном]» получал значительные суммы от австрийского, а потом немецкого правительства для революционной и пацифистской пропаганды в России и среди русских военнопленных. [...] Непосредственно за этим следует: «Секретарем Чернова, если мы не ошибаемся, был тогда М. Вишняк. Неужели он не знал о предательстве социал-революционеров?» (Вишняк. Клеветническому «Возрождению»).

⁴¹ В источниках имеется некоторое расхождение. Николаевский считает, что Цивин стал работать на немцев с сентября 1916 года (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 26 ноября 1962, с. 4). Английский историк С. Поссопи придерживается мнения, что Цивин стал сотрудничать с немцами с середины 1916 года (АИГН, 614/7. С. Поссопи — Р. А. Абрамовичу [далее: РАА], 24 мая 1958, 1 л. На английском языке). О сотрудничестве Цивина с немцами смотри фотостаты

спешила сообщить, что всегда подозревала Карла Моора в сотрудничестве с германским правительством⁴².

Однако все до сих пор известные документы о «немецких деньгах» хранились в архивах министерства иностранных дел Германии. Между тем очевидно, что германский МИД был не единственным, а вероятно и не

документов на немецком и письма (АИГН, папка 614). Письма включают следующие: РАА — Д. Р. Голдштейну [далее: ДРГ], 30 апреля 1958, 3 л.; РАА — Поссоны, 5 мая 1958, 1 л.; ДРГ — РАА, 16 мая 1958, из Флоренции, рукопись (6 л.) и машинописная копия (3 л.), где рассказывается о том, что Цивин во время войны жил в Швейцарии и имел большие деньги, а когда заподозрившие Цивина революционеры устроили ему очную ставку с Натансоном и несколькими другими лицами, Цивин указал, что Чернов точно знает о происхождении денег и отчитываться перед собравшимися не стал; тот же источник указывает, что Цивин получал 25000 швейцарских франков (по другим источникам — 25000 марок) в месяц — большие по тем временам деньги, и что, видимо, часть этих денег шла партии; РАА — ДРГ, 4 июня 1958, 3 л., с анализом отношений между Цивиным и Черновым; ДРГ — РАА, 10 июня 1958, 1 л.; РАА — МНП, 3 февраля 1959, 5 с.; МНП — РАА, 2 мая 1959, 4 л.; РАА — ДРГ, 15 июля 1958, 1 л. где Абрамович указывает причины, по которым важно установить детали относительно сотрудничества Цивина с австрийским и германским правительствами: «Биография Цивина является «ключевым» вопросом по отношению к проблеме германских денег для эсеров. Во всех документах, которые до сих пор были опубликованы, фигурирует Цивин и только один Цивин [...]. В то время как о большевиках имеется очень много материала и открытого и полузаконспирированного, который надо расшифровать, об эсерах нет ни одного другого документа, кроме Цивина. Если бы удалось убедительно показать, что Цивин был прежде всего авантюрист [...], то миф о Цивине был бы окончательно разбит, а факт расследования, произведенный Натансоном в момент, когда у него появились подозрения относительно Цивина, являлся бы моральной реабилитацией и Натансона и, я думаю, Чернова».

⁴² «Он хотя и был в Берне (играл первостепенную роль в швейцарском социал-демократическом движении, умный, способный и начитанный социалист), — писала Балабанова Николаевскому, — но был немецкого происхождения, и я не исключала возможности, что он был или старался быть посредником. Хотя я принимала деятельное участие в комитете, который хлопотал о возможности вернуться в Россию эмигрантам, большевики от меня скрыли предпринятые ими шаги — поездки в Берн для хлопот и т. п., а когда я накануне их окончательного отъезда в Россию увидела, что они собираются в Берн, Зина, тогдашняя жена Зиновьева, дала мне понять, что мое вмешательство не желательно (не входя, конечно, в подробности). Когда я приехала в Стокгольм, я застала там Моора. С ним была одна дама, жена швейцарского социалиста [Роб. Гримма], которая принимала деятельное участие во всех его деяниях, т. е. они были неразлучны, она присоединялась к нему в беседах, спорах и т. п. Несмотря на мою тогдашнюю наивность, во мне вызвал подозрение их образ жизни, т. е. их затраты, совершенно необычные для швейцарцев. У них я никогда не была, но они заходили ко мне. Когда они однажды сделали мне подарок, насколько помню часы, я тотчас же подарила им что-то, не помню, большей ценностью, чем их подарок. Таким образом я отняла у них охоту продолжать. [...] У меня с ним было довольно резкое столкновение, я отказалась принять от него взнос на Циммервальдское движение. Он принес мне 1000 шведских крон, что для тех времен было колоссальной суммой, в особенности для циммервальдского бюджета. Моор очень рассердился на меня, грозил привлечь к партийному суду и был даже груб по отношению ко мне. Точно так же он реагировал, когда (не помню по какому поводу) сказала, что если бы хоть самый крупный успех деятельности в пользу мира зависел от каких бы то ни было сношений с посольством, я бы на них не согласилась. Он перестал со мной встречаться.» Балабанова коснулась и других большевиков, так или иначе упомянутых в документах Земана: «Что он [Моор] имел сношения с Радеком не доказывает, что Радек был его сообщником (хотя я, конечно, считаю Радека способным на сообщничество; когда Парвус приехал в Стокгольм я отказалась встречаться с ним и запретила Радеку приходить с ним в циммервальдское бюро, находившееся на моей квартире. Что касается Ганецкого, то я хотя имела с ним сношения на Циммервальдской конференции, но принципиально отказывалась бывать у него (он с семьей жил в роскошной квартире, куда по воскресеньям приезжали гости, в частности Радек). Что касается Воровского, то я полагаю, что он, несмотря на свою личную честность, способен был прибегать к большевистским методам для достижения фракционных результатов. Меня эта двойственность поражала, так как у меня с ним лично были хорошие отношения.» (АИГН, 292/2. А. Балабанова — БИН, 19 марта 1962).

Карл Моор играл особую роль в большевистско-германских связях. Работая под кличкой «Баер», он был посредником между большевиками и германским правительством в самые критические годы их совместной работы. Не удивительно, что личность Моора привлекла внимание Николаевского: «Карл Моор — псевдоним. Настоящую фамилию я сейчас припомнить не могу. Он был из Австрии, принадлежал к какой-то аристократической фамилии, кажется, был военным. У него вышла грязная история, и он был вынужден уехать в Швейцарию, переименовал фамилию и стал называть себя социалистом. Его история была известна и к нему относились с недоверием. Уже в 1880-90-х г.г. говорили об его связи с немецкой военной разведкой. Это верно. [...] Был хорошо знаком с Радеком, Ганецким. Потом поехал в советскую Россию, где и осел. Жил в санатории, как человек, «помогавший революции». Там и умер. Его имя фигурирует в «Протоколах ЦК» большевиков за 1917 г., как человека, который предложил деньги. Принять их большевики отказались: был слишком запачканной личностью и денег давал мало, а большевики тогда получали много через Парвуса-Ганецкого.» (АИГН, 496/14. БИН — г-же Агнеш Петерсон, 7 ноября 1962, 1 л.) См. также АИГН, 496/3. БИН — МНП, 24 марта 1962, 1 л.

главным, источником финансирования русских революционеров. Подрывной работой занимался еще и германский генштаб⁴³. Не случайно министр иностранных дел Австро-Венгрии указал в своем дневнике в дни Брестских переговоров именно на роль германских военных. «Германские военные, — писал министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин, — сделали все для того, чтобы низвергнуть Керенского и поставить на его место «нечто другое». Это «другое» теперь налицо и желает заключить мир». И Чернин предлагал воспользоваться этим «несмотря на все сомнения, которые внушает партнер»⁴⁴.

«Нечто другое» было, разумеется, ленинским правительством. Правда, Чернин умолчал еще об одном канале финансирования деятельности русских революционеров. Вот что писал Николаевский:

«Изучение материалов о связях большевиков с немцами привело меня к выводу о том, что настоящая линия связей идет не через немцев, а через австрийцев, и именно через австро-венгерский генеральный штаб и организации Пилсудского, причем линия к Ленину шла через Ганецкого⁴⁵. [...] Для меня особенно интересны связи Ленина с австрийцами периода 1912-14 гг.⁴⁶ [...] Относительно архива австро-венгерского штаба справки в

---

⁴³ «Основные сношения шли по линии штаба, но какие-либо добавочные могли идти по линии министерства иностранных дел», — писал Николаевский Павловскому в письме от 21 октября 1961 года о документах, касающихся «денег» в архивах Австрии. (АИГН, 496/3. Письмо от 21 октября 1961, 1 л.)

⁴⁴ Чернин. Брест-Литовск.

⁴⁵ Сегодня не может быть двух мнений о том, что Ганецкий был одной из ключевых фигур в сношениях Ленина с германским и австро-венгерским правительствами. Павловский, много лет занимавшийся сбором документов о финансировании русских революционеров в архивах австрийского (в 1938 году в Вене) и германского правительств, а с 1958 года просмотревший не менее 10.000 документов и отснявший копии 600 самых важных, неопубликованных (в том числе примерно 100 документов об эсере Цивине), пришел именно к этому выводу. Так, в августе 1961 года Павловский обнаружил «документ (телеграмму от 24 июля 1917) за его [Ганецкого] подписью, переданную из Берлина (вернее — через Берлин, так как все посольства между собой сносились через министерство иностранных дел) в Берн шифром германского министерства иностранных дел, за подписью пом. статс-секретаря Штумма». (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 4 октября 1961, с. 1.)

Этому документу Павловский придавал первостепенное значение, поскольку, по его мнению, он «устанавливает не только связь большевиков (заграничной делегации большевиков в 1917 г.) с Парвусом, но и с германским правительством, так как через министерство иностранных дел дипломатическим шифром за подписью пом. статс-секретаря Штумма, делегация эта послала телеграмму Парвусу в Берн и вторую лично от «Кубы» (псевдоним Ганецкого).» (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 31 октября 1961).

Первостепенное значение Ганецкому отводил и Николаевский: «Основные сношения [с Австро-Венгрией] шли по линии штаба, но какие-либо добавочные могли идти по линии министерства иностранных дел. [...] Важен период 1909-14 г.г., — позднее связи с большевиками были сосредоточены в руках немцев. [...] Ганецкий, конечно, узловая фигура и для Ленина, и для раскола среди польских с.-д., который прошел именно по этой линии: Ганецкий — «австрийская ориентация», Роза Люксембург, Тышка, Дзержинский и др. противники. Роза была особенно против всевозможных ориентации, и еще в 1904 г. предупреждала о «японских деньгах» у Циллиакуса (финна), который созывал так называемую Парижскую конференцию революционных и оппозиционных организаций (Струве, Милоков, Чернов и др.), и именно поэтому социал-демократы не пошли на участие в ней. Ганецкий сначала был связан с пилсудчиками, а затем, с 1915 г., с Парвусом. Между прочим в Копенгагене был суд над Ганецким за контрабанду, — во время следствия были вскрыты его отношения с Парвусом. Эти документы сохранились и недавно найдены. [...] Не попадались ли Вам какие-либо сведения о Карле Мооре, швейцарском социалисте, который играл роль маклера в таких делах.» (АИГН, 496/3. БИН — МНП, 21 октября 1961, с. 1.)

⁴⁶ АИГН, 508/48. БИН — Р. (Георгию Иосифовичу) Враге, 18 июня 1960, 1 л.

Вене были наведены, и установлено, что весь этот архив был передан большевикам еще в 40-х гг.: большевики передачу его ставили чуть ли не как основное условие вывода своих войск. Знали, чего хотели»⁴⁷.

Отвечая в стороне вопрос о том, насколько существенной была роль Германии и Австро-Венгрии в деле организации большевистского переворота и смог бы произойти этот переворот без германских и австрийских субсидий⁴⁸, следует указать, что подрывная работа Германии в отношении России была лишь частью общей германской политики, направленной на ослабление противника. На так называемую «мирную пропаганду» Германия потратила, по крайней мере, 382 млн. марок (причем до мая 1917 года на Румынию или Италию денег было потрачено больше, чем на Россию, что не помешало и Румынии и Италии выступить в войне на стороне Антанты). Десятки миллионов марок были истрачены на подкуп четырех газет во Франции. В России же ни одной газеты немцам подкупить, видимо, не удалось, и финансирование Германией ленинской «Правды» в

---

⁴⁷ Николаевский продолжает: «Конечно, Вы правы, когда пишете о Радеке и Уншлихте. Очень похоже, что Роза Люксембург знала про австрийскую авантюру Пилсудского и о связях этой группы с кампанией [компанией] Ганецкого, и что весь раскол Розы-Тышки-Варского с «разломовцами» был вызван этим расхождением.

Австрийцы знали об отношениях Пилсудского с австрийским штабом и О. Бауэр, по его рассказу, в 1911 или 1912 г. сказал Пилсудскому, когда тот явился в правление австрийских социал-демократов: «Я понимаю, что Вы, как польский социалист, можете хотеть поддерживать дружеские сношения с социалистами австрийскими; я могу допустить, что Вы, как польский националист, можете считать нужным поддерживать сношения с австрийским штабом,— но я не понимаю, как Вы не видите, что поддерживать сношения одновременно и с австрийскими социалистами, и с австрийским штабом невозможно». Это сам Бауэр рассказал [Ф.] Дану, со слов которого я тогда же (1925) записал.

Австрийские социалисты вообще были о многом осведомлены и принимали меры, чтобы самим не быть замешанными, но выступать с разоблачениями не считали нужным. Был ли Ганецкий лично связан с Пилсудским? Радек и Уншлихт тогда, после 1906 г., были еще на третьих ролях, но Ганецкий был главным по тайным связям польских социал-демократов и именно он сносился от польских социал-демократов с Лениным.» [АИГН, 508/48. БИН — Враге, 15 июля 1960, 1 л.]

⁴⁸ «Как и Вы, я отношусь скептически к идее, что без немцев революция не случилась бы, — писал меньшевик Абрамович меньшевику Н. В. Валентинову-Вольскому. — Но я не совсем уверен в том, что без получения очень больших денег большевистская партия приобрела бы так быстро такую огромную силу. Деньги не все, но презирать деньги нельзя; на них был построен огромный аппарат, огромная печать, которую другим путем нельзя было бы так легко создать. Что же касается самого факта получения денег, то в отличие от Вас я уверен, и имею основания для этого, что Ленин деньги получал и не малые. Имеется документ, [...] что немцы печатали прокламации для большевиков в типографии морского ведомства и затем пересылали их в Стокгольм, где они передавались большевистским представителям. Кроме того, имеется документ, который очень трудно оспорить — доклад министра иностранных дел фон Кюльмана кайзеру Вильгельму от 3 декабря 1917 года, в котором он гордится тем, что денежная помощь большевикам дала очень большие результаты, дав возможность большевикам создать крепкую базу и издавать такую полезную газету, как «Правда». Причем, зная немножко внутрибольшевистские нравы на основании моих личных наблюдений до революции, я убежден, что в большевистской партии ни один человек не принял бы ни одного пфеннига без ведома и согласия Ленина. Даже в подготовке экспроприации Ленин часто участвовал лично, давая советы и указания. Вы, по-видимому, все еще идеализируете Владимира Ильича. Это был стопроцентный макиавеллист, для которого все, решительно все освещалось целью». [АИГН, 591/14. РАА — Н.В. Валентинову-Вольскому (далее:НВВ), 4 февраля 1958, 2л.; АИГ, кол. Вольского, ящик 3, папка Переписка с Абрамовичем, то же письмо].

В ином тоне свидетельствует Троцкий: «Если бы plombированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции — не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля — не было бы на свете. [...] Авторитетная, руководящая группа большевиков, вернее сказать, целый слой партии, вместо неистово наступательной политики Ленина, навязала бы партии политики постольку, поскольку» (Троцкий. Портреты революционеров, с. 45).

1917 году было, кажется, единственным исключением⁴⁹.

Германское правительство рассматривало возможную русскую революцию как часть этой подрывной акции. Оно не без оснований надеялось, что революция приведет к распаду Российской империи, выходу ее из войны и заключению сепаратного мира, который обещали дать революционеры в случае прихода к власти⁵⁰. Германии же этот мир был необходим уже потому, что в 1917 году она не обладала нужными силами для ведения войны на два фронта⁵¹.

Сделав ставку на революцию в России, германское правительство в критические для Временного правительства дни недели поддержало ленинскую группу, помогло ей и другим «пораженцам» проехать через Германию в Швецию⁵², получило согласие шведского правительства на проезд эмигрантов к финской границе. Оттуда оставалось совсем уже близко до Петрограда. Не удивительно, что происшедший в октябре переворот не был для германского правительства неожиданностью. Справедливо или нет, оно смотрело на происшедшее как на дело своих рук.

Но Германия никогда с такой легкостью не смогла бы достичь своих целей, если бы интересы германского правительства не совпали в ряде пунктов с программой еще одной заинтересованной стороны: русских революционеров-пораженцев, самым влиятельным и деятельным крылом которых, как оказалось, было ленинское (большевики). В чем же совпали цели Германии и революционеров в войне?

Как и германское правительство, ленинская группа была заинтересована в поражении России. Как и германское правительство, большевики желали распада Российской империи. Немцы хотели этого ради общего ослабления послевоенной России. Революционеры, среди которых многие требовали отделения от Российской империи окраин еще и по

---

⁴⁹ АИГН, 496/3. МНП -БИН, 7 мая 1962, с. 1-2. Утверждение Бурцева о том, что горьковская газета «Новая жизнь» была создана на немецкие деньги, следует считать вымыслом. То же относится и к небольшому эмигрантскому журналу «На чужбине», издававшемуся с 1916 до 5 марта 1917 г. да. Более успешными, видимо, следует считать операцию немецкой контрразведки по воспроизведению большевистской литературы внутри России — в типографии Морского министерства (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 22 января 1963, с. 2).

⁵⁰ 30 сентября 1915 года по н. ст. через эстонского социал-демократа Кескюлу немцы получили условия, на которых Ленин соглашался подписать с германским правительством мир в случае прихода к власти. Пятый пункт условий предусматривал предложение мира, не принимая во внимание Францию, но на условии, что Германия откажется от аннексий и военных репараций. По пункту 5 Кескюла заметил, что это условие не будет исключать возможности отделения от России национальных государств, которые будут служить буферными (Земан. Германия и революция в России, док. от 30 сентября 1915).

⁵¹ Гофман. Записки и дневники, с. 101.

⁵² Анекдотичный случай. Межпартийный швейцарский эвакуационный комитет по возвращению революционеров в Россию указал в своих инструкциях, что «никто не должен брать съестных припасов, ибо для вывоза их из Швейцарии требуется специальное разрешение, которое будет взято для всех ЦК-м». Ленин не послушался даже в этом, и его группа взяла с собой собственные продукты, которые, однако, были конфискованы на швейцарской границе (АИГН, 90/7).

национальным соображениям (например, один из видных польских революционеров Пилсудский), смотрели на рост национальных сепаратистских тенденций (национализм малых наций) как на явление, находившееся в прямой связи с революционным движением⁵³.

Совпадая в одних пунктах, цели Германии и революционеров в войне расходились в других. Германия смотрела на русских революционеров как на подрывной элемент и рассчитывала использовать их для вывода России из войны. Удержание социалистов у власти после окончания войны, видимо, не входило в планы германского правительства. Революционеры же смотрели на помощь, предложенную германским правительством, как на средство для организации революции в России и всей Европе, прежде всего в Германии. Германское правительство знало, что главной задачей социалистов была организация революции в Германии. Революционеры знали, что правительство Германии не желает допустить прихода к власти немецких социалистов, а русских революционеров рассматривает как орудие для реализации собственных «империалистических» планов. Каждая из сторон надеялась переиграть другую⁵⁴. В конечном итоге, в этой игре победила ленинская группа, переигравшая всех, в том числе и Парвуса⁵⁵,

---

⁵³ Совпадение целей германского правительства и русских революционеров шокировало многих уже в первые послереволюционные месяцы, когда стала очевидна поддержка Германией большевиков. Генерал Леонтьев, бывший командир Выборгского полка, обратился даже к германскому императору Вильгельму с открытым письмом: «Когда наряду с войной наступили в России революционные события, кто как ни Ваши опытные и искусные агенты, воспользовавшись благоприятной обстановкой, внесли из мену и смуту в русскую среду. [...] Ленин, Троцкий и их товарищи оказались признанными Вами законными правителями великой страны. [...] Казалось, что могли Вы иметь общего с этими преступными людьми! Но общего было много, так как именно эти люди, во главе с Лениным, и были Ваши агенты, купленные или поддерживаемые Вашими деньгами. Делая свое злое дело, они лишь исполняли Вашу волю, и Вы не могли их не признать и не обеспечить Вашей помощью! [...] Вам важно было добиться одного — уничтожения русской армии и общего ослабления России, и в этом отношении большевики оказались для Вас верными слугами.

[...] Русская армия перестала существовать, а вместе с нею развалилось и русское государство. [...] Вам нужно, чтобы Россия сделалась Вашим пособником, помогла Вам раздавить своих не давних друзей и союзников. [...] Социалисты-революционеры, кадеты и монархисты в общей массе против Вас. Выдумаете найти опору в аристократии [...], но везде Вас ждет резкий отказ, и даже немка по происхождению сестра Императрицы Великая княгиня Елизавета Федоровна отказывается принять посла Мирбаха, после чего немедленно и арестовывается большевиками». (АИГН, 784/6, с. 3, 4, 5.)

⁵⁴ «Лично я ничего не знал о перевозке Ленина, — вспоминал позднее генерал М. Гофман. — Но если бы меня об этом спросили, то я вряд ли стал бы делать какие-либо возражения против этого, потому что в то время ни один человек не мог предвидеть, какие несчастные последствия должно было иметь выступление этих людей для России и всей Европы» (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 148).

⁵⁵ Ставшая поистине легендарной личность Парвуса привлекла с тех пор внимание многих историков и мемуаристов. Мы приведем здесь отрывок лишь из одного такого воспоминания, принадлежащего меньшевику Е. Ананьину (Царскому), человеку, безусловно осведомленному и неглупому: «В 1905 г. он побывал в России и принимал участие в меньшевистской газете «Начало» (вместе с Потресовым и Мартыновым), был автором крылатой формулы «перманентная революция», узурпированной и пущенной в оборот его «учеником» Троцким. [До войны] в Берлине он жил законспирированный под именем, если не ошибаюсь, чешского гражданина Ваверка. [...] В ту пору его посещало большинство русских эмигрантов, из которых я припоминаю А. Коллонтай, Урицкого, поляка Барского. Тут следовало бы упомянуть еще какую-то темную историю с деньгами Троцкого, в которую Парвус был замешан и из которой он вышел «сухим из воды», благодаря вмешательству Бебеля. [...] Повернул он фронт в 1914 г., после объявления войны [...] занял очень правую германофильскую и шовинистическую позицию. [...] Основал в Копенгагене институт по изучению войны (в котором [из меньшевиков] работали Г. О. Биншток, Ю. Ларин и др.). Ходили слухи [...] об организации им германского шпионажа (или контршпионажа) в Черном море. В 1920 г. я был у него на его вилле [...] на Цюрихском озере [...]. [Парвус] много говорил о бессмысленной большевистской системе, приведшей Россию к анархии и хаосу — ибо по

родоначальника идеи германо-большевистского сотрудничества⁵⁶.

Программа европейских социалистов была абстрактна: революция. Программа Ленина была конкретна: революция в России и собственный приход к власти. Как человек, подчиненный собственной цели, он принимал все то, что способствовало его программе, и отбрасывал — что мешало⁵⁷. Если Четверной союз предлагал помощь, то постольку, поскольку эта помощь способствовала приходу Ленина к власти, она должна была быть принята. Если эта помощь могла оказываться на условиях провозглашения Лениным определенной политической платформы, то постольку, поскольку эта платформа способствовала достижению основной цели: приходу Ленина к власти, она должна была быть принята и объявлена. Немцев интересовал сепаратный мир с Россией? Ленин сделал лозунг немедленного подписания мира и прекращения войны основным пунктом своей программы⁵⁸. Немцы хотели распада Российской

его словам, Ленин и Ко. не последовали его совету действовать с «разумной постепенностью» и вводить социализм «по этапам, маленькими дозами» (Ананьин-Чарский. По поводу статьи А. Жерби).

⁵⁶ В декабре 1915 года Гельфанд указал, что для организации русской революции нужно около 20 миллионов рублей. Миллион он потребовал сразу же и, видимо, получил. По крайней мере в Гуверовском архиве хранится документ — фотография расписки Парвуса: «29 декабря 1915 года мною получен миллион рублей в русских банкнотах для усиления революционного движения в России от германского уполномоченного [слово неразборчиво] в Копенгагене. Д-р А. Гельфанд (подпись).» (АИГ, Гельфанд Александр 78086-10. V, 1 л.)

⁵⁷ Извечный спор историков: Ленин и идеи, Ленин и деньги, Ленин и власть. «В Вашем изображении, — писал Валентинов Николаевскому, — [...] Ленин перестает быть Лениным, человеком, о котором правильно говорили: не он владеет идеями, а идеи им. У Вашего Ленина не идеи, а только желание наложить лапу на «секретные капиталы». А для чего ему это нужно? Чтобы держать с помощью денег партию в подчинении. Но для чего ему нужно это подчинение? Чтобы партия шла по пути, им указанном, осуществляя идеи, им указанные. Но если это так, а это вне сомнения, то ведь главное у Ленина идеи, а не деньги. [АИГН, 508/2. НВВ — БИН, 10 января 1959, с. 1.] «Основное наше расхождение, по-моему, — отвечает Николаевский, — конечно, в общей оценке Ленина [...]. Вы считаете, что не Ленин владел идеями, а идеи им? Я считаю это совсем неверным. Конечно, у Ленина были известные идеи, которым он оставался верен с юности до конца, но этими идеями он владел с большим искусством, делая их крайне гибкими, — как никто другой на верхушке старой социал-демократии. Конечно, Вы правы, деньги Ленину нужны были не для денег. Он хотел иметь власть над партией для проведения определенной политики, но он был убежден, что если он будет иметь власть, то он сможет проводить нужную ему политику лучше, чем кто-либо другой. Поэтому для получения власти он был готов идти на большие зигзаги. Деньги были нужны для власти над партией. [...] Так он думал всегда и именно для этого не останавливался ни перед чем, чтобы завладеть кассой. [АИГН, 508/2. БИН — НВВ, 17 января 1959, с. 2.]

⁵⁸ Разговоры о сепаратном мире происходили между германскими агентами и дипломатами, с одной стороны, и революционерами, с другой, в течение всего 1917 года. С марта немцы ставили уже не столько на силу своей армии, сколько на дальнейшее углубление революции в России и неизбежно связанный с этим рост анархии. Заинтересованность в этом у германского правительства и русских революционеров можно признать взаимной. Поэтому не приходится удивляться, что еще 14 марта русские революционеры в Швейцарии обратились к представителям германской прессы в Швейцарии с просьбой выступить против развертывания германского наступления на русском фронте, так как подобная операция помешает намерениям установить мир. С аналогичной просьбой обратился к германскому правительству царь Болгарии Фердинанд, указавший, что было бы ошибкой использовать нынешнюю слабость России и начинать против нее наступление, так как это может привести к усилению влияния Антанты способствовать политической консолидации в стране. В тот же день, 14 марта, заместитель министра иностранных дел Германии ответил на телеграмму из Софии, что наступление на русском фронте не планируется. 16 мая статс-секретарь иностранных дел Циммерман также указывал, что германской армии лучше не наступать, так как это сплотит все элементы в России в борьбе против немцев. Разумеется, большевики это очень хорошо понимали. В. В. Оболенский (Осинский) заявил во время обсуждения вопроса о Брестском мире в начале марта 1918 года, что «еще летом [1917], когда провалилось наступление Керенского, когда немцы перешли в наступление на Рижском фронте, они, несомненно, имели абсолютную возможность раздавить русскую революцию точно так же, как русскую армию. Почему они не сделали этого тогда? Разумеется, не потому, что у них были связаны руки на других фронтах, а потому, что они рассчитывали достичь своих целей еще более легким способом: они

империи? Ленин поддержал революционный лозунг самоопределения народов, допускавший фактический распад Российской империи. Немцы хотели для компрометации Антанты опубликовать тайные договоры русской дипломатии, показывающие захватнический характер России и ее союзников? Ленин выступил с призывом добиваться публикации тайных договоров русского правительства. (И только оставалось удивляться, каким образом интересы одного из самых радикальных русских революционеров могли так совпасть с целями консервативного правительства Германии.) Фантазия германского правительства по существу на этом иссякала. По плану немцев так ликвидировался Восточный фронт: приводом Ленина к власти и заключением сепаратного мира с охваченной революцией Россией. Нужно отдать должное Ленину. Он выполнил данное германскому правительству обещание в первые же часы прихода к власти: 26 октября на съезде Советов он зачитал известный декрет о мире⁵⁹. На следующий день декрет был опубликован Петроградским телеграфным агентством (захваченным и контролируемым большевиками). Правительства стран Четверного союза, внимательно следящие за происходящим, отметили это заявление, но разошлись в реакции на него. Граф О. Чернин, один из самых разумных дипломатов своего времени, настоятельно рекомендовал начать в германских и австро-венгерских полуофициальных органах обсуждение заявления советского правительства в благожелательном для большевиков тоне и подготовить почву для скорейшего начала мирных переговоров, дабы как можно быстрее заключить перемирие, а затем и мир⁶⁰. Против этого возражал статс-секретарь Германии по иностранным делам Р. Кюльман, считая, что борьба за власть между Лениным и Керенским еще не закончена, что большевистский режим ни в коем случае нельзя считать стабильным; а ухватившись преждевременно за неофициальное большевистское заявление, переданное не в виде ноты, а по телеграфу, немцы рискуют показаться слабыми. К тому же немцы боялись скомпрометировать большевиков слишком поспешным проявлением дружеских чувств к ленинскому правительству и дать этим повод Антанте и оппонентам Ленина в России утверждать, что большевики состоят в сговоре с Германией. Поэтому 26 октября (8 ноября) германский посланник в

ждали внутреннего разложения, которое, по их мнению, должна была принести русская революция, ожидали победы партии мира, которой они считали большевиков, они рассчитывали прийти более простым способом к желанному концу.» (Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 82.)

⁵⁹ «Если бы Германия отклонила переговоры с большевиками и заявила бы, что согласна вести переговоры только с правительством, избранным свободным голосованием, то большевики не смогли бы удержаться у власти». (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 161.) Точнее, если бы Ленин не согласился на ведение сепаратных переговоров, германское правительство перестало бы его поддерживать и большевики не смогли бы удержать власть.

⁶⁰ Германия, док. № 5, 12 ноября по н. ст. 1917; там же, приложение № 1, от 10 ноября к док. № 5. Письмо Чернина Кюльману.

Стокгольме рекомендовал МИДу не публиковать в немецкой и австрийской прессе никаких заявлений о предварительном соглашении с большевиками⁶¹. Аналогичные меры предосторожности предпринимались австро-венгерским командованием: «С нашей стороны не должно быть побуждения к скорому заключению мира и изъявления симпатий к Ленину или к кому-либо другому. Русские должны быть убеждены, что мы теперь, как и прежде, воздерживаемся от всяких вмешательств в их внутренние дела»⁶².

Для Антанты, однако, роль Германии в октябрьском перевороте была очевидна. Уже 27 октября (9 ноября) лондонская газета «Морнинг Пост» опубликовала статью «Революция сделана в Германии». Да и сами немцы не смогли долго хранить молчание: в интервью, помещенном в воскресном выпуске «Фрайе Прессе» от 18 ноября (1 декабря) 1917 года генерал Э. Людендорф заявил, что русская революция для Германии не случайная удача, а естественный результат германской политики.

После июльских обвинений, выдвинутых Временным правительством против большевиков в сотрудничестве с Германией⁶³, равно как и перед лицом социалистов Западной Европы и собственной большевистской партии, Ленин не мог выступать инициатором сепаратного мира с Германией без риска потерять и без того шаткий авторитет. Немцы с австрийцами и тут подыграли Ленину. «Насколько я знаю идеи и взгляды Ленина, — писал Чернин, — они направлены на то, чтобы сначала повторить попытку достижения всеобщего мира, а в том случае, если правительства западных стран не пойдут на это, заключить с нами сепаратный мир». Действительно, Ленин, обратившись к Антанте с мирными предложениями, «поставил достаточно короткий срок для ответа на свое чрезмерно дерзкое требование», из которого, как считал Чернин, «ничего не получится». Чернин, однако, подчеркивал, что Ленин «сможет и захочет» подписать мир только в том случае, если Центральные державы формально примут определение мира «без аннексий и контрибуций», чем будет выбита почва для созыва социалистической конференции, на которой настаивали социал-демократы Европы. Чернин предлагал поэтому признать новое правительство и объявить о готовности вести с ним переговоры⁶⁴.

Немцы были настроены в отношении большевиков более осторожно,

---

⁶¹ Там же, док. № 1, 9 ноября по н. ст. 1917.

⁶² АИГН, 149/3. Ф. Навотный, гл. «19. Брест-Литовск», л. 11.

⁶³ Н. Л. Анисимов. Обвиняется Ульянов-Ленин, с. 3-9; Керенский. На службе у кайзера.

⁶⁴ Германия, док. № 5, прил. 2, записка от 12 ноября по н. ст. 1917,

считая целесообразным «подождать дальнейшего развития событий в Петрограде» и откликнуться на предложение о мире только в том случае, если «большевикам действительно удастся длительное время продержаться у власти»⁶⁵. Тем временем 8(21) ноября открытым текстом на все фронты была передана за подписями Ленина, Троцкого, Н. В. Крыленко, В. Д. Бонч-Бруевича и Н. П. Горбунова радиogramма для командиров русской армии с предложением начать немедленные переговоры на фронтах о перемирии с армиями противника⁶⁶. Через два дня австрийцы сообщили немцам, что «основой для прекращения огня и начинающихся незамедлительно в любом удобном месте переговоров о мире должны служить» восстановление «предвоенного статуса-кво России», «отказ от аннексий и контрибуций», «право на самоопределение народов России, в том числе и занятых областей Курляндии, Литвы и Польши», «отказ от вмешательств во внутренние дела» обеих сторон, как можно более скорое перемирие на фронтах, по возможности самое быстрое начало мирных переговоров. Австрийцы соглашались также на условие о прекращении огня на всех фронтах (что было «простой формальностью», обреченной на неуспех, так как согласие Антанты на прекращение огня исключалось)⁶⁷.

В эти ноябрьские дни 1917 года Восточный фронт как военный фактор, перестал существовать. Немцы начали быстрым темпом перебрасывать войска на запад⁶⁸. Реальный мир, впрочем, еще не был близок, поскольку новое правительство нельзя было считать надежным. 13 (26) ноября советник миссии в Стокгольме и будущий дипломат в Москве К. Рицлер высказал в письме канцлеру Германии следующие соображения:

«В настоящий момент мы имеем дело с тем, что попросту являет собой насильственную диктатуру горстки революционеров, к правлению которых вся Россия относится с величайшим презрением и терпит его лишь потому, что эти люди пообещали немедленный мир и общеизвестно, что они выполняют это обещание. Здравый смысл подсказывает, что власть этих людей потрясет все русское государство до самых его оснований и, по всей вероятности, не более чем через несколько месяцев, [...] [правительство] будет сметено волной всероссийской враждебности. [...] Даже попытка связать будущее-русско-немецких отношений с судьбами людей, которые в

---

⁶⁵ Там же, док. № 6, 14 ноября по н. ст. 1917. Тел. Кюльмана Гертлингу; там же, док. № 16, 20 ноября по н. ст. 1917. Тел. Кюльмана посланнику в Стокгольме.

⁶⁶ Там же, док. № 17, 21 ноября по н. ст. 1917. Донесение Лерснера в МИД Германии.

⁶⁷ Там же, док. № 18, 23 ноября по н. ст. 1917. Нота посольства Австро-Венгрии в Берлине.

⁶⁸ Там же, док. №20, 24 ноября по н. ст. 1917. Донесение Лерснера в МИД Германии; там же, док. № 22, 26 ноября по н. ст. 1917. Тел. Лерснера в МИД Германии.

России сейчас стоят у власти, была бы, вероятно, серьезной политической ошибкой. За то время, что это правительство продержится у власти, удастся добиться разве что перемирия или, быть может, формального мира. В этих обстоятельствах и ввиду серьезных потрясений, перед которыми, по всей вероятности, стоит Россия, мы сможем установить действительно мирные связи и дружеские, добрососедские отношения весьма не скоро»⁶⁹.

9(22) ноября, выполняя еще один пункт соглашения между большевиками и Германией, Троцкий, как нарком иностранных дел, заявил о намерениях советского правительства опубликовать секретные дипломатические документы ⁷⁰. Теоретически публикация тайных договоров наносила ущерб как Центральным державам, так и Антанте. Но поскольку секретные договоры, имевшие отношение к мировой войне, были, естественно, заключены Россией с Францией и Англией, а не с Центральными державами, последние, конечно же, оставались в выигрыше⁷¹. Большевистское правительство это понимало. Троцкий писал:

«Буржуазные политики и газетчики Германии и Австро-Венгрии могут попытаться использовать публикуемые документы, чтобы представить в выигрышном свете дипломатическую работу Центральных империй. Но [...] во-первых, мы намерены вскоре представить на суд общественного мнения секретные документы, достаточно ясно трактующие дипломатию Центральных империй. Во-вторых, [...] когда германский пролетариат откроет себе революционным путем доступ к тайнам своих правительственных канцелярий, он извлечет оттуда документы, ни в чем не уступающие тем, к опубликованию которых мы приступаем»⁷².

Центральные державы, разумеется, приветствовали намерение большевиков опубликовать документы МИДа. Вот как комментировало заявление советского правительства командование 7-й австро-венгерской армии в приказе 30-й дивизии от 7 декабря (по н. ст.):

---

⁶⁹ Земан. Германия и революция в России, док. от 26 ноября 1917.

⁷⁰ В 1922 году С. С. Пестковский, сотрудник НКВД, писал, что когда он пришел к Троцкому для того, чтобы предложить свою кандидатуру для работы в НКВД, Троцкий ответил: «Жаль Вас на эту работу [...]. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку». (Горохов и др. Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 70.) Троцкий в воспоминаниях подтвердил правильность приведенного Пестковским высказывания (Троцкий. Моя жизнь, т. 2, с. 64).

⁷¹ Это не ускользнуло от внимания современников как в России, так и за границей. «Странно, что вообще нет ни одного документа, острие которого можно было бы направить на империалистов и буржуев не Англии или России, а Германии. [...] Пусть каждый оценит этот странный факт как сумеет», — писал один из русских журналов. (Секретные дипломатические документы — Международная политика и мировое хозяйство, с. 82.) Л французский социалист и масон Альберт Тома заметил, что «с самого начала революции пропаганда большевиков была почти исключительно направлена против союзников; большею частью эта пропаганда разоблачала не германский империализм, а империализм французский или английский» (Юманите, 16 декабря 1917).

⁷² ДВП, т. 1, с. 21. Опул. в «Известиях ЦИК», 10 ноября 1917, № 221.

«Нельзя себе даже представить, какое огромное значение имеет постоянное распространение тайных договоров, безошибочно предоставляющих документы об аннексионной политике и виновности Антанты в войне. Последствием опубликования этих договоров Лениным будет полный разрыв с Антантой и союз с нами. Популярно составленные выдержки в русском переводе будут разосланы дивизиям»⁷³.

Действительно, «секретными дипломатическими документами» были полны в те дни и «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», и «Правда», и горьковская «Новая жизнь», и даже эсеровская газета «Дело народа»⁷⁴. Наконец, «секретные документы» с недельным интервалом появились в виде серии из семи брошюр: «Сборник документов из архива бывшего министерства иностранных дел»⁷⁵. Практическую работу по их изданию осуществляла группа сотрудников НКВД под руководством матроса Н. Г. Маркина⁷⁶ и под общим надзором Троцкого.

Впрочем, еще 8(21) ноября Троцкий признался, что не следует ожидать от публикации многого: «Это не договоры, написанные на пергаменте, дело идет по существу о дипломатической переписке, о зашифрованных телеграммах, которыми обменивались правительства»⁷⁷. Было очевидно, что в печать давались первые попавшиеся в МИДе документы⁷⁸. К публикации подготовлены они были удивительно неграмотно, с многочисленными ошибками⁷⁹, без всякой системы и хронологии, без комментариев⁸⁰. Из Болгарии читатель переносился в Сиам, оттуда в Японию, из Японии — в Испанию, затем снова в Болгарию. За документом 1892 года шел документ 1907-го, никак с ним не связанный, затем —

---

⁷³ АИГН, 149/3. Навотный, гл. «19. Брест-Литовск», л. 4.

⁷⁴ См., например, «Дело народа», 12 января 1918.

⁷⁵ Сборник секретных документов.

⁷⁶ Бахов. На заре советской дипломатии, с. 25-26.

⁷⁷ Протоколы II созыва, с. 42.

⁷⁸ Так, «Схема соглашения с Германией» (документ № 2), дан без указания на то, что это за документ (из шести пунктов с особой «секрете статьей»). Кем этот проект предложен, по какому поводу, с ведома ли Германии — не указано. Есть лишь отметка: «Прочитано Государю Императору 4 мая 1907 г.», причем по одной из ошибок видно, что опубликован перевод с французского.

⁷⁹ Так, сотрудник МИДа Чарыков при переводе с французского стал «Чариковым», главные (генеральные) штабы переводились как «генеральные штаты»; в письме императора Вильгельма (док. № 4), данном в переводе с немецкого, о лошадях и свиньях говорилось как о рогатом скоте; а разницы между «послом» и «посланником» при переводах вообще не делалось.

⁸⁰ Если не считать «Правды», снабдившей документы дешевыми политическими комментариями.

1915-го, потом — 1906-го. Сами публикаторы, конечно же, абсолютно не понимали, что, собственно, они издают. Вместе с официальными документами и договорами, на одинаковых с ними правах, печатались частные письма чиновников МИДа, найденные в столах и шкафах министерства.

Понятия о том, какие документы секретные, а какие давно опубликованы, организаторы издания также не имели. Во втором сборнике был помещен сербско-болгарский договор 1904 года, послуживший первым шагом к образованию балканской федерации. Договор этот был опубликован в 1905 году, широко обсуждался и был тогда же единогласно, в том числе и голосами социал-демократов, принят в болгарском народном собрании⁸¹. Опубликованный там же русско-болгарский договор о военном союзе, заключенный 29 февраля 1912 года, несомненно «империалистический», подтолкнувший на войну с Турцией, не представлял тайны уже потому, что 6 ноября 1914 года был обнародован вместе с «секретными» к нему приложениями кадетской «Речью»⁸². «Русско-английская конвенция 1907 г.», касавшаяся Персии, Афганистана и Тибета (док. № 55) тоже не была секретной. Она была обнародована, со всеми приложениями, в Англии через несколько дней, а в России через несколько недель после ее подписания 18 (31) августа 1907 года и послужила предметом детального обсуждения в прессе⁸³.

Седьмой выпуск, опубликованный в феврале 1918 года, перед самым заключением Брест-Литовского мирного договора, стал последним. Он заканчивался набранным крупными буквами, на всю страницу, лозунгом: «Да здравствует международная конференция действительных представителей революционного пролетариата во главе с Карлом Либкнехтом, Джоном Маклином, Фридрихом Адлером, Лениным, Троцким и другими стойкими вождями рабочего класса»⁸⁴. Предреволюционное обещание немцам о публикации секретных договоров советское правительство в целом выполнило и теперь указало, что «выпуск следующих номеров Сборника секретных документов по техническим затруднениям редакция поставлена в необходимость временно

---

⁸¹ Однако обмена ратификационными грамотами не произошло и договор не вступил в силу.

⁸² После этого в иностранной печати был опубликован подлинник документа (на французском). В прессе по поводу этого договора выступал Миллюков.

⁸³ Кроме «Правительственного вестника» текст конвенции опубликовало тогда «Собрание Узаконений и Распоряжений правительства» (13 сентября 1907, ст. 1117).

⁸⁴ Сборник секретных документов, № 7, с. 321.

прекратить»⁸⁵.

В ноябре 1917 года интересы Ленина и Германии совпадали и в вопросе о разложении русской армии. Немцам нужно было ликвидировать Восточный фронт. Большевикам — демобилизовать русскую армию, в целом настроенную враждебно в отношении переворота и советского правительства. С этой целью в ноябре были начаты предварительные советско-германские переговоры о заключении перемирия. В ночь с 7(20) на 8(21) ноября советское правительство потребовало от главнокомандующего русской армией Духонина «сделать формальное предложение перемирия всем воюющим странам»⁸⁶. 9(22) ноября Н. Н. Духонин ответил, что только правительство, поддерживаемое «армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность для достижения результатов»⁸⁷, и указание СНК выполнить отказался.

В тот же день Совнарком объявил Духонина смещенным со своего поста. Главнокомандующим вместо него был назначен большевик прапорщик Крыленко⁸⁸. В день снятия Духонина Ленин обратился по радио к полкам, стоящим на позициях, с предложением прекратить военные действия и выбирать «тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем»⁸⁹. Братания стали теперь регулярным явлением⁹⁰. К 16 (29) ноября в общей сложности 20 русских дивизий заключили в письменной форме перемирия с германскими войсками, а из 125 русских дивизий, находившихся на фронте, большая часть придерживалась соглашений о прекращении огня⁹¹.

Впрочем, если русская сторона воспринимала братания как явление спонтанное, войска Центральных держав относились к ним как к приему для разложения русской армии. Очень скоро русские стали замечать (и

---

⁸⁵ Там же, последняя страница выпуска — обложка.

⁸⁶ ДВП.т. 1,с. 15-16.

⁸⁷ Ленин, ПСС, т. 35, с. 79.

⁸⁸ Духонин был зверски убит 20 ноября (3 декабря) матросами, прибывшими во главе с Крыленко в Ставку.

⁸⁹ ДВП, т. 1,с. 20.

⁹⁰ 27 ноября по н. ст. германское министерство иностранных дел получило первое уведомление о том, что братания на русско-германском фронте начались (севернее озера Нарочь с русской 67-й дивизией и южнее Крево с батальоном смерти русской 69-й дивизии). [Германия, док. № 25. Тел. Розенберга в МИД Германии.]

⁹¹ Там же, док. № 35, 29 ноября по н. ст. 1917. Тел. Лерснера в МИД Германии.

жаловались), что на братания «ходят к ним одни и те же лица»⁹². Со стороны германских и австро-венгерских войск переговоры о перемирии и братания вели специальные «пропагандные отделы» и особые парламентареры. 6(19) декабря командующий 30-й дивизией о проделанной работе писал в своем приказе следующее:

«Смена дивизии дает мне повод вспомнить о больших услугах, оказанных начальниками пропагандных отделов. Почти целый месяц, многие еще дольше, работали в этом деле и своей неустрашимостью и ловкостью оказали отечеству неоценимую услугу. Находясь постоянно на открытом поле против неприятельского огня и коварства, они все время с железной энергией и последовательностью пытались сблизиться с русскими. Успех явился. Они [...] ловко использовали работу русской революции, вносили в русские войска нашу пропаганду. Что этим наши пропагандные отделы совершили, в — настоящее время понять еще нельзя. Бесспорно, им принадлежит львиная доля в разложении русской дисциплины»⁹³.

Методы пропагандных отделов были различны. В районе сосредоточения русских войск, противостоящих 30-й дивизии, с 11 декабря 1917 г. по н. ст. рассылалось на русском языке письмо с призывом отправляться по домам⁹⁴. В расположении русских войск, противостоящих 7-й австро-венгерской армии, пропагандные отделы раздавали русским, с которыми шли брататься, «планы Восточного фронта с обозначением районов отдельных армий», уже заключивших перемирие⁹⁵, поскольку, по мнению командования Центральных держав, перемирие на одном участке непременно должно было вызвать цепную реакцию и «с быстротой молнии» распространиться «на большие участки фронта»⁹⁶. В то же время спонтанные братания с неприятелем в германской и австро-венгерской

---

⁹² АИГН, 149/3. Навотный, гл. «19. Брест-Литовск», л. 5.

⁹³ Там же, гл. «20. Похвала», л. 1. Приказ фельдмаршала Эссера, командующего 30-й дивизией.

⁹⁴ «Товарищи русские! Несколько дней тому назад мы условились взаимно прекратить военные действия. Мы осознали, что мы более не враги, а, наоборот, приятели. Солнце мира восходит, и его лучи проникают в наши сердца. Мысли несутся далеко к родному краю, к жене и ребенку, брату, сестре, родителям, которые с нетерпением ожидают своего сына. Сердце переполнено, и вам, как и нам, внутренний голос говорит: Идите к ним!» (там же, гл. «19. Брест-Литовск», л. 9-10)

⁹⁵ Там же, л. 13. «Само собой разумеется, что наше размещение не должно быть обозначено», говорилось в приказе.

⁹⁶ Там же, приказ от 26 ноября по н. ст. «Если перемирие распространится, придется, вероятно, и высшим командующим [русской армии] подчиниться. Поэтому очень важно путем пропаганды известить русских о переговорах, которые велись 24 ноября вблизи Боян», где было заключено одно из первых перемирий, указывалось в приказе по 7-й армии.

армиях были строго воспрещены⁹⁷ и сурово карались⁹⁸.

Благодаря ли пропаганде Центральных держав, или разрушительному влиянию революции, русская армия слабела с каждым часом. По сведениям австро-венгерского командования на 5(18) ноября, на русском фронте чувствовалось «сильное стремление к скорому миру и возврату к спокойной жизни», причем солдатами на фронте «от социалистического правительства» ожидалось «исполнение всех желаний»⁹⁹. За исключением незначительных случаев, на фронте уже не велись военные действия. Участились мнения, что условия мира в конце концов совершенно не важны. Нередки были случаи, когда солдаты указывали, что они не будут воевать, даже если переговоры не закончатся миром. Росло недовольство союзниками¹⁰⁰.

После предварительной работы по разложению русской армии, проделанной революцией и германской пропагандой, 14 (27) ноября германское Верховное командование дало согласие на ведение официальных переговоров о мире с представителями советского власти. Начало переговоров было назначено на 19 ноября (2 декабря). Со своей стороны в заявлении от 15 (28) ноября советское правительство указало, что в случае отказа Франции, Великобритании, Италии, США, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии и Китая присоединиться к большевикам, Россия и страны Четверного блока начнут сепаратные переговоры¹⁰¹.

---

⁹⁷ Там же, гл. «19. Брест-Литовск», л. 8, 9. Из приказа австро-венгерского командования по 17-му армейскому корпусу, 7 декабря 1917 по н. ст.

⁹⁸ Вот как описывал меры по предотвращению спонтанного братания приказ от 4 декабря 1917 года по н. ст. по 30-й дивизии 17-го армейского корпуса: «В 29-м пехотном полку 34-й пехотной дивизии наши офицеры отогнали русских, пришедших к нашим проволочным заграждениям разговаривать с нашими солдатами. При отходе присоединились к ним два наших солдата 29-го полка; когда на оклик наших офицеров они не обернулись, один из офицеров в них выстрелил, ранил одного солдата, которого принесли обратно, тогда как после выстрела сейчас же другой вернулся. Этот случай и правильный поступок наших офицеров поставлен в пример всем офицерам и солдатам. Сноситься с русскими могут только наши пропагандные отделы. Всякую попытку всех остальных воинских чинов разговаривать с русскими нужно в самом начале энергично подавить. Приказываю всем офицерам в случаях, подобных вышеупомянутому, также решительно поступать. Подписал Фабини, фельдмаршал». (Там же, л. 8.)

Пропагандистская война велась с советской стороны прежде всего с помощью многочисленных листовок. Так, в 5-ю австро-венгерскую армию через линию фронта русские большевики перебросили «массу летучек мятежного содержания, предназначенных для того, чтобы повлиять на немецких солдат в социалистическом направлении». 11 декабря 1917 года по н. ст. командование 30-й дивизии доносило «о попытках раздавать нашим солдатам социалистические летучки», которые, по свидетельству офицеров дивизии, проникали на фронт в миллионах экземпляров, на немецком языке. Австрийцы почему-то считали, что «это дело Антанты, желающей воспользоваться русскими солдатами для того, чтобы с их помощью расшатать дисциплину в наших войсках». Но уже в другом приказе подчеркивалось, что листовки распространяют большевики, а не Антанта: «Можно ожидать, что русские попытаются распространить среди наших солдат массу социалистических летучек мятежного содержания. Дивизионное командование требует, чтобы приказы, изданные по этому поводу, точно исполнялись и чтобы всякая попытка русских встречаться с нашими солдатами и действовать на них была предотвращена» (АИГН, 149/3. Навотный, гл. «21. Заключение. Защитная пропаганда», л. 2).

⁹⁹ Там же, гл. «19. Брест-Литовск», л. 11. Из приказа по одной из дивизий 7-й австро-венгерской армии.

¹⁰⁰ Там же, л. 10. Из приказа от 11 декабря 1917 по н. ст.

¹⁰¹ ДВП, т. 1, с. 30; см. также Германия, док. № 29, 28 ноября по н. ст. 1917. Тел. Лерснера в МИД Германии.

Именно такой декларации ждало германское правительство¹⁰². На следующий день, 16(29) ноября, выступавший в рейхстаге канцлер Г. Гертлинг подтвердил, что «готов вступить в переговоры, как только русское правительство направит специальных представителей»¹⁰³. 17(30) ноября на указанных условиях к переговорам согласилась присоединиться Австро-Венгрия¹⁰⁴.

Оставалось только удержать большевиков у власти до момента подписания соглашения. И Германия оказала большевикам помощь в трех направлениях: финансовом, дипломатическом и военном. Различными путями Германия финансировала большевистское правительство¹⁰⁵. Она оказала давление на нейтральные страны, пытаясь заставить их признать большевиков в качестве законного правительства России¹⁰⁶. Если при этом победы на дипломатическом фронте оказались незначительными, то во многом из-за противодействия Антанты¹⁰⁷.

Внутри страны немцы способствовали укреплению большевиков тем,

---

¹⁰² Там же, док. № 33, 29 ноября по н. ст. 1917. Тел. Лерснера в МИД Германии. Из трехстраничного обращения Ленина и Троцкого Лерснер в телеграмме в МИД процитировал только самую важную для него строчку: «Если же союзные народы не пришлют своих представителей, то мы будем одни вести переговоры с немцами».

¹⁰³ Magnes. *Russia and Germany at Brest Ltovsk*, p. 16.

¹⁰⁴ ДВП, т. 1, с. 32; см. также Германия, док. № 31, 28 ноября по н. ст. 1917. Нота посольства Австро-Венгрии в Берлине.

¹⁰⁵ Расходы Германии на русскую революцию не прекратились с большевистским переворотом. На следующий день после переворота, 8 ноября, посланник в Стокгольме К. Рицлер запросил на расходы, связанные с революцией в России, 2 млн. марок из военного займа. 9 ноября МИД запросил у министерства финансов 15 млн. марок на политическую пропаганду в России. Днем позже эти деньги были выданы. О том, что они предназначались именно для большевиков, говорит телеграмма Воровского, посланная агенту германского правительства социалисту Карлу Моору 16 ноября: «Выполните, пожалуйста, немедленно ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляются большие требования. Боровский». А 28 ноября заместитель статс-секретаря по иностранным делам Г. Бусше сообщил посланнику в Берне о том, что правительство в Петрограде терпит огромные финансовые затруднения и поэтому желательна высылка ему денег. (Земан. *Германия и революция в России*, документы от соответствующего числа).

¹⁰⁶ Примером искусного использования большевиками Германии с целью оказания давления на другие страны является попытка добиться с помощью Германии дипломатического признания советского правительства Швецией. Однако правительство Швеции, возможно под давлением Антанты, отказалось от официального признания, дав Германии отрицательный по существу, но вежливый по форме ответ, переданный в МИД Рицлером 11 декабря (Земан. *Германия и революция в России*, док. от 11 декабря 1917).

¹⁰⁷ 2 декабря по н. ст. посол США в Швеции Моррис сообщал в Госдепартамент, что ходят слухи о признании Советской России одной из нейтральных стран (*Papers Relating to the Foreign Relations*, т. 1, с. 286). Разумеется, речь шла именно о Швеции.

Норвегия, по сведениям посла, признавать советское правительство не собиралась (там же, с. 287). 11 декабря по н. ст. посол передал в Вашингтон, что шведское правительство пока что не намерено признавать большевиков (там же, с. 297). Аналогичные заявления были получены от норвежского, датского и голландского правительств (там же, с. 298). 15 декабря по н. ст. Государственный секретарь США Р. Лансинг уведомил генерального консула США в Москве Саммерса, что ни одно государство не намерено признавать большевистское правительство в Петрограде (там же, с. 316). Всем американским дипломатам также предлагалось отказаться от каких бы то ни было официальных отношений с советскими дипломатическими представителями или бывшими русскими дипломатами, признавшими большевиков (там же, с. 317).

что вступили с ними в переговоры как с равной стороной¹⁰⁸; и когда 4(17) декабря 1917 года корреспондент петроградской газеты «День» спросил в интервью у главы прибывшей в Петроград германской миссии графа Р. Кейзерлингга, собираются ли немцы оккупировать Петроград, граф ответил, что у немцев нет таких намерений в настоящее время, но что подобный акт может стать необходимостью в случае антибольшевистских выступлений в Петрограде¹⁰⁹.

Германия не хотела теперь иметь дело ни с кем, кроме большевиков, отказываясь от переговоров с другими социалистическими партиями, в частности с эсерами, поскольку считала, что, находясь в стадии переговоров с большевиками, завязывать отношения с другими политическими группировками России неуместно; к тому же после образования ПЛСР В. М. Чернов утратил значительную часть своего политического влияния¹¹⁰.

Поставив на большевиков, германское правительство рисковало и, безусловно, понимало это. В марте 1917 года оно запросило мнение о большевиках Иосифа Колышко, бывшего заместителя министра финансов при графе Витте, жившего во время войны в Стокгольме и, как считалось, симпатизировавшего немцам. Колышко ответил:

«Они сегодня выступают за «мир любой ценой», и сегодня им все равно, что при этом Россия потеряет значительные территории. Но это настроение всего лишь предлог для укрепления мирного движения. Если социал-демократы придут к власти, они откажутся от лозунга «мир любой ценой» и вместе с английскими и французскими социал-демократами выдвинут требование: мир без аннексий. [...] Однако может случиться и так, что социал-демократы придут к власти не по всей стране, что в некоторых районах образуется мощное противодействие и будут созданы собственные правительства. Тогда война на Востоке увязнет, и конца ей не будет.

---

¹⁰⁸ Брестские переговоры и общественное мнение в Германии. — Международная политика и мировое хозяйство, с. 94. Несколько позже справедливость такого вывода подтвердил бывший посол с советской России Карл Гельферих: «Сильнейшей опорой большевистского правительства в это критическое время явилось, хоть и бессознательно и непреднамеренно — германское правительство.

Уже самый факт заключения мира и возобновления дипломатических отношений с большевиками был воспринят в кругах небольшевистской России как моральная поддержка большевистского режима со стороны Германии. Явное стремление политики Берлина к лояльному сотрудничеству с большевиками в Великороссии; легкость, с которой господа, ведшие переговоры в Берлине с г-ном Иоффе, мирились с ущербом и уничтожением германской собственности и германских предприятий, причиняемым коммунистическими мероприятиями большевиков; легкомыслие, с которым известные германские публицисты пропагандировали мысль о необходимости для Германии путем содействия большевизму окончательно разрушить российское государство и сделать его бессильным на будущее время, — все это создавало и усиливало в России впечатление, неверное само по себе, будто Германия решила сохранить большевистский режим в Великороссии в целях окончательного уничтожения могущества России. В российских кругах эту политику считали вредной даже с точки зрения интересов самой Германии» (Гельферих. Моя московская миссия, с. 288).

¹⁰⁹ David Snub. Lenin, p. 293.

¹¹⁰ Земан. Германия и революция в России, док. № 114.

Неясно также, достаточно ли активно будет выступать за мир хотя бы одно правительство. Тот, кто желает скорейшего заключения мира, пусть не рассчитывает на то, что социал-демократическое правительство будет способствовать приближению этого момента».

Удивительно, но из всех пророчеств именно это выдержало испытание первого года русской революции: пришедшие к власти большевики немедленно и настойчиво заговорили о германской революции, а отнюдь не о мире¹¹¹. Даже Ленин, инициатор сепаратного мира с Германией, публично на заседании ВЦИК 10 (23) ноября отдал дань революционной фразе и сделал оговорку: «Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир. Она говорила, что даст немедленное предложение о мире и опубликует тайные договоры. И это сделано. [...] Мы [...] не заключаем перемирия [...] — указывал Ленин, заключающий перемирие. — Мы не верим ни на каплю германскому генералитету»¹¹².

Не желая связывать себе руки в вопросе о войне и мире, большевистская фракция во ВЦИК, располагавшая большинством голосов, провела резолюцию о том, что решения, связанные с заключением мира или перемирия, должны приниматься Советом народных комиссаров (в котором в тот момент были одни большевики), а не многопартийным ВЦИКом¹¹³. Но очевидно, что СНК получал право не только на заключение мира, но и на разрыв его. Тем более, что планы революционной войны на Западе для ускорения мировой революции не покидали умы ведущих русских революционеров. Привычно стало считать, что за нее выступал Троцкий¹¹⁴. В этом вопросе он был поддержан и левыми эсерами¹¹⁵, и

---

¹¹¹ Ленинские высказывания о мировой революции можно цитировать бесконечно: «Русская революция была, в сущности, генеральной репетицией всемирной пролетарской революции» (Ленин. Сочинения, 2-е изд., т. 24, с. 121). «Мы никогда не скрывали, что наша революция только начало, что она придет к победному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким же огнем революции» (там же, т. 25, с. 49). «Окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями всех стран» (Ленин. ПСС, т. 36, с. 335). «Мы никогда не делали иллюзий, что силой пролетариата и революционных масс какой-либо одной страны [...] международный империализм можно свергнуть; это можно сделать только совместными усилиями пролетариата всех стран. [...] Мы не обманывали себя, что добиться этого можно силами одной страны. Мы знали, что наши усилия неизбежно ведут к всемирной революции [...]. Конечно, из теперешней войны империализму всего мира из ряда революций не выйти; иначе, как конечной победой социализма эта война не кончится» (Пятый созыв ВЦИК, с. 68, 69, 73). Ленин смотрел много дальше, в будущее, за пределы границ, очерченных договорами: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого [...]. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранить союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций» (Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 27, с. 73). С верой на Запад смотрел и Троцкий. 8(21) ноября он заявил на заседании ВЦИК, что «самые оптимистические предположения оправдались. Немецкий рабочий класс отдает себе отчет в том, что происходит сейчас в России, быть может, даже лучше, чем эти события понимаются в самой России. Действия рабочего класса в России более революционны, чем его сознание; но сознание европейского рабочего класса воспитывалось в течение десятилетий [...] он понимает, что у нас начинается новая эпоха всемирной истории» (Протоколы II созыва, с. 42).

¹¹² Там же, с. 52-53.

¹¹³ Там же, с. 53.

¹¹⁴ «Наша игра еще не сыграна. [...] Не для того мы свергли царя и буржуазию, чтобы стать на колена перед германским кайзером, чтобы склониться перед чужестранным милитаризмом и молить о мире. Если нам предложат

меньшевиками-интернационалистами ¹¹⁶ , и будущими левыми коммунистами ¹¹⁷ , и даже «правыми» — противниками Октябрьского переворота — Л. Б. Каменевым ¹¹⁸ и Зиновьевым ¹¹⁹ . Лишь позиция Ленина была отличной уже в самые первые дни советской власти. 4 (17) ноября на заседании ВЦИК Ленин доказывал собравшимся, что революция на Западе разразится скоро:

«Только слепой не может видеть того брожения, которым охвачены массы в Германии и на Западе [...]. Пролетарские низы [...] готовы отозваться на наш зов [...]. Группа «Спартак» все интенсивнее развивает

условия, неприемлемые для нас [...] противоречащие основам нашей революции, то мы [...] партия большевиков и, надеюсь, левые эсеры, призовем всех к священной войне против милитаристов всех стран» (там же, с. 127-128).

¹¹⁵ Так, один из видных левых эсеров П. П. Прошьян считал, что победа революции в России «при данных условиях невозможна.

Все, что делается в этом направлении, является лишь творчеством новых форм, долженствующих зажечь социальную революцию на Западе», а «в случае неудачи социальной революции на Западе русская революция обречена на разгром». [Железнодорожный съезд. — НЖ, 31 декабря 1917 (13 января 1918), №214 (208).

Прошьян выступал на съезде с речью на вечернем заседании 29 декабря 1917 года.] Левый эсер Шифер в речи на Первом съезде ПЛСР в ноябре указывал, что уже самим фактом ведения переговоров с империалистическими державами, революционеры «отступили от главных задач международного социализма вызвать всемирную революцию и заключить демократический мир с демократией всего мира». Причину этой «капитуляции» Шифер видел в слишком слабом интернационале. От нового Интернационала оратор требовал решительного выступления «с целью развязать мировую революцию» [Протоколы первого съезда ПЛСР, с. 99.] Камков, с рядом оговорок, тоже признавал, что «самая левая точка, на которой [раньше] стоял Ленин, [...] несомненно капитулировала» (там же) и что «вне мирового революционного движения, вправленного на полное сокрушение капитализма, попытка культивировать социалистический питомник в России есть при самом благосклонном отношении — нелепость» (Наш путь, 1918, № 2, с. 219). С поддержкой лозунга мировой революции Камков выступил также на заседании ВЦИК, одобрившим неуступчивость советской делегации в Брест-Литовске: «Наша сила не штыковая, мы опираемся на силу [...] наших лозунгов [...] Мы настойчивы потому, что сила русской революции [...] — это слабость германского империализма. Я вполне разделяю уверенность в том, что германским империалистам не удастся с той легкостью, как раньше, повести немецкие войска против русской революционной арии [...]. Гинденбург разобьется не о русские штыки, а о собственную демократию [...]. Такая попытка германского генералитета переполнит чашу терпения германской демократии, взорвет тот пороховой погреб, на котором сидят германские империалисты [...]. Наша сила в тех идеях, которые проводит русская революция [...]. Вот почему мы всецело поддерживаем действия нашей мирной делегации, не пошедшей ни на какие компромиссные сделки с германскими империалистами» (Протоколы II созыва, с. 167). За мировую революцию выступал левый эсер Карелин, заявивший, что советская Россия должна «возглавить социалистическую революцию и восстановить братство трудящихся всего мира» (там же, с. 130).

¹¹⁶ Так, против сепаратного мира выступил меньшевик-интернационалист Астров, доказывавший, что заключение мира «поможет только германскому империализму больше закрепить свою силу и в конце-концов погубить русскую революцию» [Съезд железнодорожных рабочих. — НЖ, 16 (29) декабря 1917, № 203 (197)].

¹¹⁷ Коллонтай: «На то мы и интернационалисты, чтобы работать не на одну Россию, а на всемирный пролетариат. И мы верим, что революционный факел, поднятый над Россией, зажжет пламя революции всего мира» (Протоколы II созыва, с. 130).

¹¹⁸ «Мы переговоры мирные будем вести не с представителями немецкого империализма, а с теми социалистами, усилиями которых будет низвергнуто германское правительство. Спор между нами и германскими империалистами должна решить революция» (там же, с. 164).

¹¹⁹ «Если Россия заключит мир, то этот мир будет только перемирием. Социалистическая революция в России победит тогда, когда она будет окружена кольцом социалистических республик-сестер. Мир, заключенный с империалистической Германией, будет явлением эпизодическим. Он даст наибольшую передышку, после которой вновь закипит война» (Г. Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 490). «Советская власть не дождавшись возникновения мировой революции, сочла необходимым вступить в переговоры с Вильгельмом. Эти переговоры — это первый этап мировой революции» [Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Зиновьева. — НЖ 14 (27) декабря 1917, №201 (195)].

свою революционную пропаганду. Имя Либкнехта [...] с каждым днем все становится популярней в Германии. Мы верим в революцию на Западе, мы знаем, что она неизбежна».

Ленин мог бы здесь остановиться и так не отличиться ничем от общего хора русских революционеров. Но для Ленина все выше сказанное было лишь данью революционной риторике ради основной части:

«Но, конечно, нельзя по заказу ее создать. Разве мы в декабре прошлого года могли с точностью знать о грядущих февральских днях? Разве мы в сентябре знали достоверно о том, что через месяц революционная демократия в России совершит величайший в мире переворот? [...] Пророчествовать о дне и часе этой грозы мы не могли. Ту же картину, что и у нас, мы видим сейчас в Германии»¹²⁰.

Уже через неделю после прихода к власти Ленин, вопреки всеобщему желанию форсировать германскую революцию, предлагал терпеливо ждать, пока она разразится сама. В ответе на вопрос о причинах столь отличной позиции Ленина — ключ к пониманию всей его брестской политики. Но чтобы ответить на этот вопрос необходимо внимательней ознакомиться с историей первого года русской революции — с историей Брестского мира.

Глава вторая. Зарождение большевистско-левоэсеровской коалиции

Превосходный тактик, Ленин использовал немцев для того, чтобы прибыть в Россию. В самой России Ленин нашел еще одного союзника — партию левых эсеров. большевистско-левоэсеровский блок обе партии считали блестящей находкой. Формально «уния» была заключена только после Второго съезда Советов, после октября 1917 года. Однако к мысли о необходимости образования коалиции лидеры большевиков и левых эсеров пришли еще до октябрьского переворота. Тактика левых эсеров была проста: бить «направо», кооперироваться «налево». «Левее» находились большевики. И кооперироваться левые эсеры могли прежде всего с ними. Большевики же шли на блок с левыми эсерами «не ради левых эсеров как таковых, а из-за того влияния, которое имела на крестьян эсеровская аграрная программа»¹²¹.

Впрочем, дело было не во «влиянии», а в самой программе и в левоэсеровских партийных функционерах, имевших, в отличие от большевиков, доступ в деревню. Свердлов в марте 1918 г. признал, что до революции большевики «работой среди крестьянства совершенно не

---

¹²⁰ Протоколы II созыва, с. 32-33.

¹²¹ Гинев. Аграрный вопрос, с. 201.

занимались»¹²². Большевикам «не удалось к моменту Октябрьской революции создать своей крестьянской организации в деревне, которая могла бы занять место социалистов-революционеров»¹²³. Левое крыло эсеровской партии, отстаивавшее «принципы советской власти и интернационализма»¹²⁴, пришлось в этом смысле как нельзя кстати¹²⁵.

Что касается большевистской крестьянской программы, то у РСДРП(б), партии, считавшей себя сугубо пролетарской, собственной аграрной программы вообще не было.

Впервые после 1906 года аграрный вопрос большевики поставили на повестку дня лишь на Всероссийской партийной конференции в апреле 1917г. Принятая по аграрному вопросу резолюция стала большевистской аграрной программой. Резолюция призывала к немедленной конфискации помещичьих земель и переходу земель к крестьянским Советам и комитетам. Третий пункт аграрной резолюции конференции требовал «национализации всех земель в государстве»¹²⁶.

В крестьянском вопросе партия большевиков не хотела брать на себя каких-либо четких обязательств. В этом смысле Ленин в 1905 году ничем не отличался от Ленина в 1917:

«Мы стоим за конфискацию, мы уже заявили это, — писал Ленин на рубеже 1905-1906 годов. — Но кому посоветуем мы отдать конфискованные земли? Тут мы не связали себе рук и никогда не свяжем [...] не обещаем уравнительного раздела, «социализации» и т. п., а говорим: там мы еще поборемся»¹²⁷.

В октябре 1917г. Ленин также был категорически против того, чтобы вносить в аграрную программу «чрезмерную детализацию», которая

---

¹²² Седьмой экстренный съезд РКП (б), с. 6. Редакторы книги поспешили поправить Свердлова, указав, что «его выражение [...] не точное» (там же, с. 359).

¹²³ Второй съезд (1928), с. XIX.

¹²⁴ Стеклов. Партия социалистов-революционеров, с. 7.

¹²⁵ Вот что писал Ленин 27 сентября 1917г. председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смильге: «Ваше положение исключительно хорошее, ибо Вы можете начать сразу осуществлять тот блок с левыми эсерами, который один может нам дать прочную власть в России и большинство в Учредительном собрании. Пока там суд да дело, заключите немедленно такой блок у себя, организуйте издание листовочек (выясните, что Вы можете сделать технически для этого и для их провоза в Россию), и тогда надо, чтобы в каждой агитаторской группе для деревни было не менее двух человек: один от большевиков, один от левых эсеров. В деревне «фирма» левых эсеров пока царит, и надо пользоваться Вашим счастьем (у Вас левые эсеры), чтобы во имя этой фирмы провести в деревне блок большевиков с левыми эсерами» (Ленин. ПСС, т. 34, с. 266).

¹²⁶ КПСС в резолюциях т. I. с. 443.

¹²⁷ Ленин. ПСС, т. 11, с. 221-222.

«может даже повредить, связав нам руки в частностях»¹²⁸. Но и игнорировать крестьянский вопрос большевики не могли. Для победы «пролетарской революции» в городе и во всей стране большевикам была необходима гражданская война в деревне. Ленин очень боялся, что «крестьяне отнимут землю [у помещиков], а борьбы между деревенским пролетариатом и зажиточным крестьянством не вспыхнет». Он уловил не только сходство ситуаций 1905 и 1917 годов, но и различие их:

«Повторить теперь то, что мы говорили в 1905 г., и не говорить о борьбе классов в деревне — есть измена пролетарскому делу [...]. Надо соединить требование взять землю сейчас же с пропагандой создания Советов батрацких депутатов»¹²⁹.

С апреля по октябрь 1917 г. тактика большевиков в отношении крестьянства и эсеровской аграрной программы неоднократно менялась. Так, в аграрной резолюции конференции большевиков содержалось предложение добиваться образования «из каждого помещичьего имения достаточно крупного хозяйства»¹³⁰. Месяцем позже, выступая на Первом всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, Ленин от имени партии большевиков рекомендовал, «чтобы из каждого крупного хозяйства, из каждой, например, помещичьей экономии, крупнейшей, которых в России 30000, образованы были, по возможности скорее, образцовые хозяйства для общей обработки их совместно с сельскохозяйственными рабочими и учеными агрономами, при употреблении на это дело помещичьего скота, орудий и т.д.»¹³¹.

Между тем Первый съезд крестьянских Советов не был съездом экстремистов. Из 1115 делегатов эсеров было 537, социал-демократов — 103, народных социалистов — 4, трудовиков — 6. На съезд не было избрано ни одного большевика, при том, что 136 делегатов объявили себя беспартийными, а 329 принадлежали к партиям несоциалистическим, т. е. «правее» эсеров и энесов¹³². При выборе Исполнительного комитета Крестьянского съезда за Ленина было подано только 20 записок, в то время как за В. М. Чернова подали 810, за Е. К. Брешковскую — 809, за А. Ф. Керенского — 804, а за социал-демократа специалиста по аграрному

---

¹²⁸ Там же, т. 34, с. 376.

¹²⁹ Там же, т. 31, с. 241.

¹³⁰ КПСС в резолюциях, т.1, с. 444.

¹³¹ Ленин. ПСС, т. 32, с. 186.

¹³² Советы крестьянских депутатов, с. 132; АИГН, 10/5, с. 58.

вопросу П. П. Маслова -198¹³³.

Как бы Ленину ни хотелось обратного, крестьяне стояли за уравнительный раздел помещичьих земель, но не за уравнительный раздел земель вообще. В наказе крестьянского съезда 1-й армии так и говорилось: «Пользование землей должно быть уравнильно-трудовым, т. е. каждый хозяин получает столько земли, сколько он может обработать лично с семьей, но не ниже потребительской нормы»¹³⁴. Эти крестьянские настроения были подтверждены и публикацией в августе 1917 г. сводного крестьянского наказа, составленного из 242 крестьянских наказов, привезенных на съезд в мае эсеровскими крестьянскими делегатами. Эти наказаы были, безусловно, «левее» наказов беспартийных крестьян или делегатов несоциалистических партий, но даже согласно сводному эсеровскому наказу крестьяне соглашались оставить неразделенными лишь несколько высококультурных бывших помещичьих хозяйств, не более того¹³⁵. И Ленин вскоре после съезда и публикации наказа ретировался, немедленно изменил тактику. Он решил принять программу эсеров целиком и полностью, перетянуть поддерживавших эсеров крестьян на свою сторону, по крайней мере, расколоть их, лишить ПСР опоры в деревне и затем, укрепив блок с левыми эсерами благодаря принятию эсеровской аграрной программы, лишить партию эсеров еще и ее левоэсеровских функционеров-практиков в деревне. Тем же целям должно было служить усиление большевистской пропаганды среди крестьян. Ленин требовал теперь всю партийную агитацию вести так, чтобы показать «полную безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть [...] пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эсеров и меньшевиков»¹³⁶. В конце августа Ленин уверяет крестьян, что только партия большевиков «может на деле выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242 наказах»¹³⁷. Здесь, однако, проступает новый момент. Ленин незаметно для своих политических противников (и союзников) подменил термин «крестьяне» сходным, но отличным понятием — «крестьянской беднотой», т. е. «сельским пролетариатом». Подкрепляя задним числом ленинское заявление, историк К. В. Гусев пишет: «Таким образом, можно считать, что около 80% крестьянских хозяйств

---

¹³³ Там же.

¹³⁴ Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 49.

¹³⁵ Именно о таких настроениях крестьян писал и Церетели (Церетели. Воспоминания, с. 451).

¹³⁶ Ленин. ПСС, т. 34, с. 15.

¹³⁷ Там же, с. 114.

представляли собой пролетариев или полупролетариев»¹³⁸. Но такая статистика, разумеется, не отвечала действительности. «Деревенским пролетарием» можно было назвать лишь батрака, не обладавшего землей, а «полупролетарием» — крестьянина-бедняка, получающего свой основной достаток от работы не на своей земле, а по найму. Разделение крестьянства на кулаков, середняков и бедняков во многом можно считать вопросом терминологии, так как ни одно из этих определений не даст нам четкого представления об уровне жизни всех трех категорий. Но одно очевидно: 80% крестьян не были «пролетариями» или «полупролетариями», иначе зачем было Ленину поднимать вопрос о крестьянах-собственниках и бороться за эсеровскую аграрную программу.

Подготавливая мосты для будущего отступления большевистской партии от ранее принятых на себя обязательств, Ленин стал вычитывать в эсеровском крестьянском наказе то, чего там никогда не было. Так, Ленин указал на якобы имеющееся в наказе желание «крестьянской бедноты» безвозмездно отменить частную собственность «на землю всех видов, вплоть до крестьянских», что, разумеется, противоречило и резолюциям Первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, и самому наказу¹³⁹. Под «уравнительным землепользованием» Ленин также стал понимать отличное от того, что понимали под этим крестьяне и даже эсеры. В апреле 1917 г. на Всероссийской партийной конференции большевиков Ленин говорил, что «уравнительное землепользование крестьяне понимают как отнятие земли у помещиков, но не как уравнение отдельных хозяев»¹⁴⁰. Впрочем, в августе он публично охарактеризовал сводный эсеровский крестьянский наказ как «программу крестьянской бедноты», желающей «оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать [...]». Пусть, — продолжал Ленин. — Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой»¹⁴¹.

Но разойтись с «крестьянской беднотой» в вопросе о собственности на землю Ленин, конечно же, был готов. Он упрямо и методично подготавливал базу будущей гражданской войны в деревне и теоретическое

---

¹³⁸ Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 56.

¹³⁹ В наказе об этом говорилось: «Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме. Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках». (Экономическое положение России, с. 410).

¹⁴⁰ Ленин, ПСС, т. 31, с. 418.

¹⁴¹ Там же, т. 34, с. 114-115.

оправдание необходимости подобной войны. Ленин ни в чем не собирался отходить от позиции, сформулированной им еще в 1905 году: «Вместе с крестьянами-хозяевами против помещиков и помещичьего государства, вместе с городским пролетарием против всей буржуазии, против всех крестьян-хозяев. Вот лозунг сознательного деревенского пролетариата»¹⁴². «Крестьянин-бедняк» был пусть и бедным, но «крестьянином-хозяином». От деревенского пролетария крестьянинабедняка отделяла существенная черта — владение землею.

В 1917 году тактические соображения требовали от большевиков кооперации с «левым» крылом деревни для уничтожения «правого». В данном случае нужно было поддержать крестьян в борьбе с помещиками, чтобы после того, как будет уничтожена помещичья собственность, расправиться с крестьянами, поддержав требования «деревенской бедноты». С этой целью большевики временно отказались от лозунга превращения каждого помещичьего имения в государственное хозяйство. В то же время Ленин старался больше не упоминать об уравнительном землепользовании. Так, в написанном в начале октября, но не опубликованном тогда воззвании «К рабочим, крестьянам и солдатам» говорилось, что «если власть будет у Советов, то немедленно помещичьи земли будут объявлены владением и достоянием всего народа»¹⁴³. Это была, разумеется, эсеровская формулировка.

В работе «К пересмотру партийной программы» Ленин также не касался вопроса об уравнительном разделе земли и преобразовании помещичьих имений в общественно-государственные хозяйства. Однако пункт о национализации земли был Лениным в работу включен¹⁴⁴, хотя о том, что делать с национализированной землей, не говорилось ни слова. Это странное замалчивание столь важного для большевиков вопроса обратило на себя внимание. Уже после переворота Н. Л. Мещеряков в помещенной в нескольких номерах «Правды» статье «Марксизм и социализация земли» отметил эту многозначительную особенность аграрной программы большевиков:

«Как поступить с национализированной, обобществленной государственной землей? Программа национализации у большевиков совсем не давала ответа на этот вопрос, откладывая его на время после захвата земель, после победы революции, после национализации земли [...]. Ни в проекте национализации, предложенном большевиками

---

¹⁴² Ленин. Сочинения. 2-е изд, т. 8, с. 261.

¹⁴³ Он же, ПСС, т. 34, с. 285.

¹⁴⁴ Там же, т. 34, с. 373.

Стокгольмскому съезду рабочей партии (1906 г.), ни в программе национализации, принятой на конференции партии в апреле 1917 г., ни в обширной литературе по этому вопросу — ни разу никто из сторонников национализации в среде марксистов не затрагивал этого вопроса, не предлагал каких-либо решений»¹⁴⁵.

Чем ближе к перевороту, тем больше видоизменял Ленин первоначальные крестьянские требования. Так, в опубликованной 24 октября статье «Новый обман крестьян партией эсеров» Ленин «пересказал» требования крестьян следующим образом:

«Крестьяне требуют отмены права частной собственности на землю; обращение всей частновладельческой и т. д. земли в всенародное достояние безвозмездно; превращения земельных участков с высококультурными хозяйствами (сады, плантации и пр.) в «показательные участки»; передачи их в «исключительное пользование государства и общин»; конфискации «всего хозяйственного инвентаря, живого и мертвого» и т. д. Так выражены требования крестьян, точно и ясно, на основании 242-х местных наказов, самими крестьянами данных»¹⁴⁶.

Но, во-первых, речь шла о наказах «эсеровских» крестьян, а не о крестьянах вообще. Во-вторых, даже в эсеровских наказах не было изложенных Лениным требований. По существу Ленин очень тонко и завуалировано завел речь о национализации. Но в солдатской и крестьянской среде господствовала идея «уравнительного землевладения» по потребительско-трудовой норме распределения, а не ленинская идея «национализации»¹⁴⁷, предполагавшая безвозмездную конфискацию у крестьян их основной собственности — земли.

Блок с левым крылом ПСР был в этих условиях естественным шагом. Принятие большевиками аграрной программы, без которой Совнарком не смог бы функционировать, и согласие в этом случае левых эсеров идти с большевиками стало, как тогда казалось, залогом успешного сотрудничества. Левоэсеровские партийные кадры в сельских Советах и большевистские партийные функционеры в Советах городских естественно дополняли друг друга.

Фундамент такого союза уже существовал: борьбой с большинством своей партии левые эсеры показали, что стоят на позициях, сходных большевизму. Действительно, после февраля 1917 года расхождения левых

---

¹⁴⁵ Правда, 13 января 1918.

¹⁴⁶ Ленин. ПСС, т. 34, с. 429.

¹⁴⁷ Френкин. Захват власти большевиками, с. 78-79.

эсеров с ПСР лишь обострялись¹⁴⁸. На Первой конференции петроградской организации, состоявшейся 2 марта, был достигнут компромисс между основной частью ПСР и левой фракцией. Он выразился, в частности, в том, что в редколлегию эсеровской газеты «Дело народа» были включены представители левых. Однако уже на Второй конференции Петроградской организации ПСР, состоявшейся в апреле, один из лидеров левых эсеров Б. Д. Камкбв выступил против «оборончества» эсеров в войне, встав, таким образом, на позицию пораженцев-интернационалистов. Формально эсеры на конференции одержали победу: большинством в 12 голосов была принята резолюция центра, и левые заверили ПСР, что не намерены производить раскол.

Однако на местах, где ЦК не в состоянии был контролировать деятельность левых, раскол начался. Так, харьковские эсеры уже в первые дни после февральского переворота сообщили ЦК ПСР, что их «организация партии социалистов-революционеров на общегородской конференции признала себя стоящей вне партии эсеров и наименовала себя организацией партии левых социалистов-революционеров»¹⁴⁹. В марте-апреле 1917 года левоэсеровские организации возникли также в Астрахани, Казани, Нижнем Новгороде и Смоленске¹⁵⁰. В Кронштадте не было «не только правого крыла, но даже центра»¹⁵¹. В мае раскололась одесская организация, и эсеровская центральная групп» меньшинства «выпустила воззвание, где объявляла одесские организации несуществующими»¹⁵², под влиянием приехавших в Выборг М. А. Спиридоновой и П. П. Прошья-на произошел раскол в выборгской эсеровской организации¹⁵³.

---

¹⁴⁸ «Для дальнейшей борьбы с эсерами можно было теперь использовать выделившееся в этой партии ее левое крыло, будущую партию левых эсеров» (Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 79). О причинах, приведших к появлению в эсеровской партии в 1917 году левого радикального крыла, см. О. Radkey. The Agrarian Foes of Bolshevism, гл. 11. Радки приходит к следующему выводу: «Эсеры пришли к революции 1917 года, будучи партией лишь по названию. На деле они составляли конгломерат разнородных элементов, претендующих на право выступать под знаменем, снискавшим доверие русской деревни» (с. 455).

¹⁴⁹ Гусев. Партия эсеров, с. 146-147. Вот что рассказывал на Первом съезде партии левых социалистов-революционеров делегат харьковской организации левых эсеров Н. Н. Алексеев: «Наша харьковская организация с первого дня революции стоит на левой точке зрения. Правое крыло очень мало проявляло свою деятельность. Раскол произошел во время предвыборной кампании [в Учредительное собрание]. Оборонческое крыло отделилось в количестве 100 человек [...]. Нас, левых социалистов-революционеров, около 3000 человек. [...]. [На губернском съезде] за резолюцию левых эсеров голосовал весь съезд, а за резолюцию правого крыла — 7. (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 6).

¹⁵⁰ Дубинин. Коммунистическая партия, с. 209.

¹⁵¹ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 12.

¹⁵² Там же, с. 12.

¹⁵³ Там же, с. 14.

В мае 1917 г. во время выборов в районные Думы Петрограда большевистско-левоэсеровский союз дал первые результаты: в Невском районе большевики вступили в блок с левыми эсерами-интернационалистами и победили. В том же месяце левые эсеры получили преобладающее влияние в Северном областном комитете ПСР, объединявшем эсеровские организации Петрограда и Кронштадта, а также Петроградской, Новгородской, Псковской, Вологодской, Эстляндской и Лифляндской губерний и Финляндии¹⁵⁴. А левоэсеровский орган «Земля и воля» пером В. Е. Трутовского указал, что среди членов эсеровской партии многие, «называя себя и социалистами, и революционерами», на деле не являются ни теми, ни другими¹⁵⁵.

На открывшейся 20 мая Северной областной партийной конференции левые эсеры выступили с резкой критикой внешней и внутренней политики Временного правительства. Прошьян и А. М. Устинов, в частности, осудили аграрную политику правительства. Первый протестовал против того, что крестьянам предлагают ждать до созыва Учредительного собрания и пока не бороться с помещиками; второй требовал немедленного захвата крестьянами помещичьей земли (что полностью соответствовало большевистским лозунгам). Тогда же М. А. Натансон осторожно высказался против вхождения в коалиционное (с кадетами) Временное правительство¹⁵⁶. И хотя делегаты 71 голосом против 36 одобрили вступление эсеров в правительство¹⁵⁷, в руководство Северным областным комитетом они выбрали левых эсеров, в том числе — Камкова, Прошьяна и Устинова.

Непосредственный партийный раскол начался на Третьем съезде ПСР, открывшемся в Москве 25 мая, где левое крыло партии, насчитывавшее 42 человека, образовало свою фракцию и по всем вопросам повестки дня — об

---

¹⁵⁴ Чуть позже в Казанском губернском Совете крестьянских депутатов начинает играть важную роль группа левых эсеров во главе с будущим лидером ПЛСР А. Л. Колегаевым. Совет в мае 1917 года постановил немедленно отобрать у помещиков земли и категорически отказался уступить требованию ЦК ПСР и отменить постановление (Ерицын. Советы крестьянских депутатов, с. 22-23).

Финляндские эсеры провели в середине июня свой съезд, на котором было принято решение создать орган финских эсеров — взять в свои руки газету «Народную ниву» — будущую газету левых эсеров (АИГН, 13/1).

¹⁵⁵ Земля и воля, 17 мая 1917.

¹⁵⁶ Трудно поэтому согласиться с Черновым, который много позже писал, что «в жизни Натансона, человека скорее правых устремлений, широчайшего «соглашателя» и коалициониста, доставшаяся ему роль была неестественна; она была ему навязана не столько логикой и политикой, сколько тайнами индивидуальной психологии». (АИГН, 382/2, с. 31.) Большевики, по крайней мере, считали Натансона своим. В 1929 году, на десятилетие его смерти (он умер 29 июля 1919 года в Берне на 69-м году жизни) в Москве был создан комитет по увековечиванию памяти Натансона при ВЦИК СССР. В обращении по этому поводу комитет указал, что Натансон, один из старейших русских революционеров, «без колебаний встал в ряды Октябрьской революции и умер фактически большевиком» (АИГН, 11/31).

¹⁵⁷ Астрахан. Большевики и их политические противники, с. 247-248.

отношении к Временному правительству, войне, аграрной политике и задачам ПСР — подвергло критике позиции ЦК. Оглашенная левыми эсерами резолюция, осуждавшая политику ЦК, была, однако, отвергнута съездом. И тогда левоэсеровская группа во главе с Натансоном¹⁵⁸, Спиридоновой и Камковым — «менее известные вожди партии», как написал о них Троцкий¹⁵⁹, — заявила, что намерена создать свое организационное бюро и оставляет за собой свободу действий.

Примерно с этого момента левые эсеры, формально оставаясь членами эсеровской партии, стали занимать по ряду вопросов позицию, отличную от директив и установок своего ЦК, и проводить собственную политическую линию. В ответ на это руководство партии эсеров запретило левым социалистам-революционерам выступать от имени ПСР с критикой решений Третьего съезда. Но реальных последствий это постановление не имело. Несколько позже левые эсеры приняли решение, «не порывая организационной связи с партией, определенно и твердо отграничиться от политики, усвоенной руководящим большинством, и сохранить за собой в дальнейшем полную свободу выступлений». Левые обвинили ЦК ПСР в отклонении от программы и «традиционной тактики» и в перемещении «центра опоры партии на слои населения, по классовому характеру своему или уровню сознательности не могущие быть действительной поддержкой политики истинного революционного социализма». В заявлении также указывалось, что левое крыло оставляет за собой право на «полную свободу выступлений в духе указанных выше положений». Заявление было подписано организационным бюро левого крыла эсеров («информационно-деловым центром левых социалистов-революционеров интернационалистов»¹⁶⁰), избранным фракцией левых социалистов-революционеров на Третьем съезде, а также фракциями левых эсеров в центральных исполнительных комитетах Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹⁶¹.

Только после этого ЦК ПСР принял вызов левых. Он постановил предложить Прошьяну и Устинову прибыть в Петроград для объяснений по поводу проводимой ими в Финляндии раскольнической деятельности¹⁶², а

---

¹⁵⁸ Натансон был единственным левым эсером, прошедшим в ЦК партии (АИГН, 10/3, с. 3).

¹⁵⁹ МИСИ, кол. SIBL, папка 2393/69.

¹⁶⁰ АИГН, 10/3, с. 53.

¹⁶¹ Земля и воля, 9 июля 1917.

¹⁶² Протоколы ЦК ПСР, 8 июня 1917.

когда те отказались — отозвал их из Гельсингфорса¹⁶³; снял партийные аншлаги с газеты «Воля народа», в редакции которой к тому времени доминировали левые ¹⁶⁴, и постановил перестать считать газету партийной¹⁶⁵. Это не устранило левой угрозы, и в июле ЦК приступил к исключению левых из партии. За неподчинение постановлению ЦК ПСР об отбытии из Гельсингфорса были исключены Прошьян и Устинов¹⁶⁶; за принадлежность к «новой организации» (левых эсеров), стоящей вне подчинения ЦК ПСР — Камков, А. Л. Колегаев и В. А. Алгасов. Для выяснения состава этой новой организации ЦК создал специальную комиссию и угрожал теперь исключать всех вступивших туда левых¹⁶⁷.

Однако в июле левые на партийный раскол не пошли. 14-19 июля в обмен на восстановление в рядах партии Прошьяна, Устинова, Камкова, Колегаева и Алгасова они согласились распустить образованное после Третьего съезда оргбюро, объявив его несуществующим¹⁶⁸. Это позволило Камкову несколько позже утверждать, что «левые социалисты-революционеры не брали на себя инициативу общепартийного раскола»¹⁶⁹, хотя и вели в рамках партийной дисциплины борьбу с большинством ¹⁷⁰. Но распущенное бюро левых эсеров было ликвидировано лишь формально. Именно в эти дни оно начало переговоры с большевиками о тактическом союзе. Левые предполагали созвать перед Четвертым общепартийным съездом свою собственную конференцию,

---

¹⁶³ Там же, от 22 июня, 11 и 15 сентября. В комментариях к протоколам ЦК ПСР Чернов называет поведение Прошьяна в Гельсингфорсе «почти большевистским». Именно этой деятельности Прошьяна и Устинова эсеры склонны были приписывать все увеличивающееся влияние большевиков на матросов (АИГН, 10/3, с. 19). По указанию ЦК ПСР в Финляндии была создана также специальная комиссия для расследования «дезорганизаторской деятельности» Прошьяна и Трутовского, выступавших с экстремистскими статьями на страницах газеты «Народная нива».

Оба отказались давать комиссии показания на том основании, что подчиняются только Северному областному комитету (Краткий отчет о работе IV съезда ПСР, с. 71).

¹⁶⁴ Протоколы ЦК ПСР, от 11 июня.

¹⁶⁵ Там же, от 24 июня.

¹⁶⁶ Там же, от 10 июля.

¹⁶⁷ Там же, от 12 июля.

¹⁶⁸ Дело народа, 15 июля 1917; Краткий отчет о работе IV съезда ПСР, с. 71; Протоколы ЦК ПСР, 19 июля 1917; АИГН, 10/3, с. 33.

Одним из условий соглашения был одновременный роспуск такого же центра «правыми эсерами» (там же, с. 54).

¹⁶⁹ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 17. Но тот же Камков вместе с представителем большевиков А. В. Луначарским выступал на объединенном заседании центральных исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов с требованием об отставке десяти «министров-капиталистов» и о переходе всей власти к Советам (Гусев. Партия эсеров, с. 150), т. е. солидаризировался с большевистскими требованиями, а не с эсеровскими.

¹⁷⁰ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 15-16.

выделив в то же время группу активистов делегатами на съезд для организации там раскола и увода с собою части делегатов¹⁷¹.

Наконец, Камков не указал еще одной причины столь лояльного отношения левых к партийной дисциплине: левые эсеры надеялись, что на предстоящем Четвертом партийном съезде они получат большинство и исключат правых и центральных эсеров из партии. «Если бы общепартийный съезд был правильно созван, он дал бы нам 75% всех голосов»¹⁷², — считал Камков. «Мы связали себя решением дожидаться до Четвертого съезда, на котором мы надеялись иметь большинство»¹⁷³, — указывал Доброхотов из московской губернской организации. «Если мы большинство, в чем мы уверены — то нам незачем откалываться — незачем терять исторического капитала эсеровской партии»¹⁷⁴, — продолжал Пронин, делегат от Псковской губернии. «Что касается раскола, — говорил Маркарьян, делегат от Изюмского уезда, — весь уезд, приветствуя его, считает необходимым идти на съезд, предполагая, что левые там будут в большинстве и речь может идти только об уходе правых»¹⁷⁵. «У меня есть наказ, чтобы не нас кто-либо исключал из партии, а чтобы мы исключили Центральный комитет и тех, кто с ним»¹⁷⁶, — добавлял Шильников, представлявший левых эсеров Або (Финляндия). А делегат 219 Путиловского полка Жернов привез наказ «просить Центральное бюро левых эсеров образовать Центральный комитет партии, разогнав старый ЦК и тех, кто с ним»¹⁷⁷.

Время работало на левых эсеров. Все усиливающаяся радикализация партийного и советского актива приводила к ним новые и новые группы. Так, после июньского поражения на фронте русской армии левое крыло выделилось из московской эсеровской организации¹⁷⁸; под влиянием тех же обстоятельств полевание произошло в ревельской организации, которая

---

¹⁷¹ АИГН, 10/3, с. 54.

¹⁷² Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 18.

¹⁷³ Там же, с. 9.

¹⁷⁴ Там же, с. 10.

¹⁷⁵ Там же, с. 14.

¹⁷⁶ Там же, с. 10.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же, с. 8. Выступление Доброхотова (из Московской губ.).

постепенно вся перешла в левоэсеровский лагерь¹⁷⁹; после событий 3-5 июля — неудачной попытки захвата большевиками власти в столице и начавшихся против «интернационалистов» преследований со стороны Временного правительства¹⁸⁰ — раскол обозначился в тверской губернской организации эсеров¹⁸¹. Почти полностью примыкали к левым таганрогская и екатеринбургская организации¹⁸². На Сибирском краевом съезде Советов в августе 1917 года при обсуждении вопроса об отношении к Временному правительству часть эсеров не согласилась с резолюцией большинства, вышла из ПСР и организовала особую группу, голосовавшую вместе с большевиками. В Иваново-Вознесенске из эсеровской партии официально вышли 30 левых эсеров во главе с будущим комиссаром чапаевской дивизии Д. А. Фурмановым. На Урале из 90 эсеровских организаций 17 перешли к левым полностью, а 33 — раскололись¹⁸³. Доминирующее влияние было у левых во многих украинских городах и на ряде фронтов¹⁸⁴. Левые получили большинство и на Втором съезде военно-крестьянских Советов Финляндии, возглавив областной Совет крестьянских депутатов армии и флота. А на сентябрьском съезде представителей губернских Советов крестьянских депутатов вожди левых Спиридонова и Натансон повели за собой почти половину делегатов¹⁸⁵.

Тенденция к расколу эсеровской партии четко обозначилась к 6 августа, когда открылся Седьмой расширенный Совет ПСР. В день открытия на нем

---

¹⁷⁹ «В настоящее время у нас правого элемента почти нет», — заявил на Первом съезде ПЛСР представитель ревельской организации Васин (там же, с. 5).

¹⁸⁰ К июльским событиям левые эсеры, видимо, какое-то отношение имели. По крайней мере Прошьян и Устинов были арестованы Временным правительством по тем же обвинениям, которые предъявлялись к арестованным большевикам. (Резолюции и постановления I и II съездов ПЛСР, с. 7.)

¹⁸¹ Вот что сказал на съезде делегат тверских левых эсеров Суханов: «На Третьем партийном съезде у нас было еще полное единение в партии, но после, в особенности после событий 3-5 июля, совместная работа оказалась невозможной. Вначале левые все еще не решались порвать открыто, однако этот разрыв все-таки пришел, и левые эсеры вошли в Военно-революционный комитет. Мы организовали свое Информационное бюро, которое работает очень успешно» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 5).

¹⁸² Там же, с. 8. В Екатеринбурге в эсеровской организации числилось до 3000 человек (активных было не более половины). Разумеется, это далеко не все организации, расколовшиеся в тот период. Можно с уверенностью сказать, что процесс раскола был в то время в эсеровской партии явлением общим.

¹⁸³ Гусев. Партия эсеров, с. 156. О том, как именно происходил переход власти внутри эсеровских организаций от правых к левым, докладывал в сентябре месяце в ЦК ПСР один из членов эсеровского Бакинского комитета: эсеры в их организации «определенно полевели», и когда Бакинский комитет высказался против перехода власти в руки Советов и за поддержку Временного правительства, фракция левых эсеров большинством голосов провела противоположную резолюцию. После этого комитет был переизбран (Гусев. Партия эсеров, с. 71).

¹⁸⁴ АИГН, 10/3, с. 53.

¹⁸⁵ Шестаков. Советы крестьянских депутатов, с. 43-45.

присутствовало 78 делегатов с решающим голосом и 11 с совещательным¹⁸⁶. Принятая Советом 9 августа резолюция большинства с протестом против «большевистской попытки захвата власти» 3-5 июля и с поддержкой Временного правительства Керенского, за «активную внешнюю политику, направленную к достижению мира на демократических началах» (54 голоса), была опротестована левыми (34 голоса). Последние выступили с собственной резолюцией, резко критикующей правительство за недостаточно радикальную внешнюю и внутреннюю политику: «оттяжку всех земельных законов», «торможение всякой радикальной финансовой и экономической политики» и отсутствие «активных шагов для воплощения политики мира».

Левые эсеры предлагали Совету незамедлительно выступить с предложением ко всем воюющим державам немедленно заключить перемирие на всех фронтах, передать все земли в ведение земельных комитетов, прекратить притеснения «партий левого крыла революционного социализма» — большевиков и левых эсеров, а в заключение заявляли, что власть должна принадлежать Советам. В противном случае левые отказывались брать на себя какую-либо ответственность за политику Временного правительства¹⁸⁷. И хотя резолюция левых эсеров не собрала нужное число голосов, левые добились того, что их фракция в эсеровской партии стала считаться легальной¹⁸⁸, 11 августа, на следующий день после окончания работы Совета, эсеровская газета «Дело народа» опубликовала обе резолюции.

Через месяц, 10 сентября, резолюция левого меньшинства Совета ПСР была поддержана Седьмой петроградской губернской конференцией эсеров (преимущественно левых). Считалось, что присутствовавшие на ней 157 делегатов представляли 45 тысяч членов эсеровской партии Петроградской губернии. Выступавшие на конференции Спиридонова, Камков и Трутовский в очередной раз подвергли критике деятельность ЦК ПСР, потребовали разрыва коалиции с кадетами, формирования «однородного социалистического правительства» и конфискации помещичьих земель с передачей их даже не крестьянам, а земельным комитетам. Против

---

¹⁸⁶ Дело народа, 8 августа 1917.

¹⁸⁷ За резолюцию меньшинства, предложенную будущим наркомом юстиции в советском правительстве Штейнбергом, голосовали Корыстелева, Антипов, Бабушкин, Левин, Карелин, Михайловский, Шнуровский, Шишко, Натансон, Биценко, Каховская, Шиндель, Сапир, Каиков, Кудрявцев С., Деконский, Фрейберг, Богачев, Белорусов, Пину с, Черновский, Закс, Сирота, Ратнер, Ишханов, Штейнберг, Абрамов, Алгасов, Барышников, Высоцкая, Кононов, Качинский, Калис и Камков (Кац) [АИГН, 8/6. Дело народа, 1917].

¹⁸⁸ Гусев. Партия эсеров, с. 151; Астрахан. Большевики и их политические противники, с. 305-306.

предложенной левыми резолюции голосовало лишь 8 человек¹⁸⁹. Вследствие растущего радикализма петроградских эсеров левые получили большинство голосов при перевыборах губернского комитета¹⁹⁰, что дало им право утверждать, будто из 45 тысячи эсеров петроградской организации за левыми шло примерно 40 тысяч¹⁹¹.

Поражений у левых эсеров в те дни почти не было¹⁹², если не считать того факта, что они вынуждены были уйти из редакции газеты «Земля и воля». Но и здесь они взяли реванш, добившись переизбрания редакции газеты «Знамя труда» и выпустив 23 августа под своей редакцией первый номер¹⁹³. С этого момента «Знамя труда» стало органом левых¹⁹⁴.

Располагая собственной газетой, левые эсеры тем более перестали бояться выступать независимо, как если бы они были самостоятельной партией. На Демократическом совещании¹⁹⁵, куда левые эсеры прибыли в составе ПСР, они образовали собственную фракцию и 19 октября впервые

---

¹⁸⁹ Дело народа, 12 сентября 1917. О. Радки дает несколько иные сведения: «Левые победили 83 голосами против 7 при 4 воздержавшихся, и организация оказалась у них в руках. Голосовать должно было еще 63 человека, но известные источники не содержат никакой информации об их действиях в тот момент. Скорее всего, это были делегаты-центристы, которые предпочли попросту уйти с заседания, чтобы не остаться в меньшинстве». (О. Radkey. The Agrarian Foes of Bolshevism, с. 442).

Подробнее о Седьмой партийной конференции эсеров см. там же, с. 440-442.

¹⁹⁰ История гражданской войны в СССР, т. 1, с. 240.

¹⁹¹ Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 106.

¹⁹² Косвенным поражением следует признать тот факт, что в отколовшейся левозесеровской партии почти не оказалось «интеллигентных» людей. На это неоднократно указывали делегаты Первого съезда левозесеровской партии, например Шильников (от Або):

«Правого течения в партии уже нет, нет также совсем интеллигентных сил. Нет людей, которые указывали бы массам интеллигентный путь» и Шифер (Одесса): «Шифер из Одессы. С расколом от нас ушли почти все интеллигентные силы». (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 10,12.) Этот уход «интеллигентных сил» особенно чувствуется при чтении самих протоколов, набранных поразительно неграмотно даже по низким революционным стандартам 1918 года.

¹⁹³ Пиндрик. О блоке с левыми эсерами, с. 127.

¹⁹⁴ Ежедневная газета «Знамя труда» начала выходить как орган Петроградского комитета партии эсеров. Первые номера газеты вышли под редакцией таких эсеровских лидеров, как Шрейдер, Камков, Спиридонова. В октябре, однако, в Петроградском комитете эсеровской партии остались одни левые эсеры. 28 октября газета стала выходить как орган еще и фракции левых эсеров во ВЦИКе Советов. (Революция 1917 года, т. V, с. 170; т. VI, с. 13.)

С декабря 1917г. газета выпускалась как орган ЦК ПЛСР. 6 июля, в день разгрома ПЛСР, газета была закрыта большевиками.

¹⁹⁵ Всероссийское демократическое совещание было созвано по решению ЦИК первого созыва из представителей социалистических партий, Советов, профсоюзов, земств, армии, торгово-промышленных групп и других подобных организаций. Совещание проводилось 14-22 сентября (27 сентября — 5 октября) в Петрограде, цитадели большевиков и левых эсеров. Большинство делегатов совещания составили меньшевики и эсеры. Совещание пыталось еще до созыва Учредительного собрания разрешить вопрос о власти. Это не вполне получалось хотя бы уже потому, что большевики, бывшие в меньшинстве, работу совещания фактически срывали: они кричали, шумели, обзывали всех «корниловцами», «контрреволюционерами» и «изменниками». «Благодаря поведению большевиков», писала И. Ракитникова, Совещание «приняло характер шумного многодневного митинга, огромной «говорильни». Большевикам важны были словесные победы, важно было во что бы то ни стало перекричать противника. Изю дня в день тянулись одни и те же речи». (Как русское крестьянство боролось за УС, с. 14). Результатом работы Демократического совещания было создание Предпарламента.

выступили самостоятельно¹⁹⁶ против Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, отвергнув коалицию с кадетами. Тем не менее, несмотря на призывы Спиридоновой¹⁹⁷, за коалицию проголосовало большинство в 102 из 184 депутатов крестьянских Советов¹⁹⁸.

Особую позицию левые эсеры заняли в вопросе о Предпарламенте¹⁹⁹. Они не составили там самостоятельной фракции и являлись составной частью общей фракции ПСР. Большевики решили в Предпарламенте не участвовать вообще и пытались склонить к тому же левых эсеров. Переговоры с большевиками по этому поводу вели Натансон и Камков. В результате левые эсеры в Предпарламенте решили остаться, но отказались подчиняться решениям фракции ПСР, назвали политику эсеров предательской и ушли с заседания. Их критика велась в основном по трем вопросам: об отношении к войне, об аграрной политике и о захвате власти. За пределами Предпарламента левые эсеры тогда же обещали большевикам «полную поддержку [...] в случае революционных выступлений»²⁰⁰. Все чаще и чаще левое крыло эсеровской партии солидаризируется с большевиками, выдвигая те же требования, а главное — работая вместе с ними на практическом уровне. Так, уже на Третьем съезде ПСР левые эсеры требовали «немедленно порвать гражданский мир со всей буржуазией»²⁰¹ и высказались против подготовки наступления на фронте и за публикацию секретных договоров, заключенных царским правительством. На местах блок между большевиками и левыми эсерами стал реальностью в Або (Финляндия), в Лигово, в Черниговской губернии²⁰². В Твери большевики и левые эсеры уже в августе получили большинство в Тверском военном совете, составили блок и потребовали передачи Советам всей власти²⁰³; в Петрограде 3 сентября выступили вместе с большевиками против эсеров на

---

¹⁹⁶ МИСИ, папка 2393/69.

¹⁹⁷ Известия ЦИК, 19 сентября 1917.

¹⁹⁸ Брицян. Советы крестьянских депутатов, с. 65.

¹⁹⁹ Предпарламент (официально называвшийся Временный совет Российской республики) был образован на Демократической совещании 20 сентября и просуществовал вплоть до большевистского переворота, когда был насильственным образом распущен большевистско-левоэсеровским Петроградским ВРК. Большевики из Предпарламента ушли именно потому, что готовили в те дни восстание и разгон Предпарламента.

²⁰⁰ Астрахан. Большевики и их политические противники, с. 407.

²⁰¹ Третий съезд ПСР, с. III.

²⁰² Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 10, 12, 13, 14.

²⁰³ Кочетков. Октябрь в Тверской губернии, с. 41.

общем собрании объединенных землячеств. От большевиков с критикой эсеров выступили В. И. Невский и М. И. Лацис. От левых эсеров — Спиридонова, заявившая, что «левые эсеры смотрят на власть как и большевики и думают, что единственным спасением России является переход власти» к Советам²⁰⁴.

Правомерность сотрудничества с большевиками ни разу не была подвергнута сомнению никем из левоэсеровского руководства. Наоборот, левоэсеровские лидеры всякий раз подчеркивали необходимость совместной деятельности левого крыла эсеровской партии и большевиков. Камков откровенно признал, что «вся агитация и пропаганда, которая велась левыми эсерами, нимало не отличалась от агитации, которую вели большевики»²⁰⁵, и «если существуют разногласия между левыми эсерами и большевиками, то в области социальной они обосновываются, главным образом, в одном вопросе — на отношении к социализации земли»²⁰⁶.

На совпадение взглядов большевиков и левых эсеров обратил внимание историк К. В. Гусев, указавший, что требования левых эсеров совпадали с «общедемократическими» лозунгами большевиков, а «расхождения во взглядах на пути решения этой задачи не играли решающей роли», поскольку «главным было то, что левые эсеры стояли за разрыв коалиции с буржуазными партиями и за передачу власти Советам»²⁰⁷. Так, Второй съезд эсеров Финляндии проголосовал за присоединение к платформе левых эсеров и заявил, что «только скорейший съезд Советов сможет разрешить все внутренние и внешние вопросы, выделив из себя власть, способную на действительные конкретные меры»²⁰⁸; а Выборгская организация эсеров, обсудив решения Седьмой петроградской конференции и вопрос об отношении к (левому) меньшинству партии, постановила «большинством всех против одного принять требования левых эсеров» — созыв съезда Советов, разрыв коалиции с буржуазными партиями, передача земли земельным комитетам, рабочий контроль над производством, всеобщее перемирие на фронтах, образование Третьего интернационала²⁰⁹. Требования эти буквально ничем не отличались от большевистских. И

---

²⁰⁴ Солдат, 13 октября 1917.

²⁰⁵ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 38-39.

²⁰⁶ Камков. Две тактики, с. 23.

²⁰⁷ Гусев. Партия эсеров, с. 162.

²⁰⁸ Там же, с. 154.

²⁰⁹ Там же, с. 152.

когда бакинский комитет партии эсеров, где доминировали левые, вместе с большевиками проголосовал за передачу всей власти в городе Совету²¹⁰, это выглядело, в общем, естественно. Попытка левых эсеров, доминировавших в ташкентском Совете, захватить уже в сентябре власть в городе²¹¹ была еще одним подтверждением тому, что и большевики и левые эсеры готовы встать на путь вооруженного восстания и разгона Временного правительства²¹².

Примерно к середине октября из Военной организации большевиков, Петроградского совета и Военной организации левых эсеров был создан Военно-революционный комитет (ВРК)²¹³, в который вошли левые эсеры Алгасов, Г. Д. Закс (Загс), М. А. Левин, Г. Н. Сухарьков, Устинов и В. М. Юдзентович²¹⁴. Первым председателем ВРК стал левый эсер П. Е. Лазимир²¹⁵. Первоначально ВРК был достаточно многолюдной организацией, подчиненной Петросовету. Позже ВРК переподчинили ЦИКу и оставили в нем всего двенадцать человек. В Военно-революционном комитете, где важна была практическая повседневная работа, никаких разногласий между большевиками и левыми эсерами не было: списки членов ВРК не велись, разница между большевиками и левыми эсерами в повседневной работе ВРК стерлась. Никто не знал, кто большевик, а кто левый эсер. Голосований по фракциям никогда не производилось, а партийные фракции ВРК ни разу не собирались на фракционные

---

²¹⁰ Там же, с. 71.

²¹¹ Власть в Ташкенте была захвачена Советом 12 сентября. Мятежники продержались лишь несколько дней и были подавлены (там же, с. 159).

²¹² Позиция левых эсеров к этому времени только усилилась. 10 сентября Петроградская городская конференция эсеров большинством в две трети голосов поддержала левых.

²¹³ Ленин в 1917 г., с. 103-104.

²¹⁴ Петроградский ВРК, т. 3, с. 663-664. Левые эсеры участвовали и в деятельности ряда местных ВРК. В Воронеже они создали для подготовки восстания «пятерку» (которая позже объединилась с «пятеркой» большевиков); а на пленуме губернского Совета вместе с большевиками выступили за создание ревкома, причем в состав вновь переизбранного исполкома Совета вошли 13 левых эсеров. В Смоленский ВРК вошли два левых эсера, четыре большевика и один анархист. В Калужский ВРК — 4 левых эсера и 8 большевиков. (Гусев. Партия эсеров, с. 165.)

ВРК был создан и в Новгородской губернии, причем губернским комиссаром был назначен левый эсер Окинчиц, а его помощником — большевик Великосельцев (Рошаль. События Октября в Новгороде, с. 42-47). Наконец, левые эсеры поддержали резолюцию Центробалта о вооруженном восстании против Временного правительства и создали для руководства вооруженным выступлением и координацией действий тройку в составе большевиков Смилги, Дыбенко и левого эсера Шишко (Дыбенко. Из недр царского флота, с. 135). В результате из 41 ВРК, созданных в Центральном районе страны, в 37 большевики и левые эсеры действовали совместно (Трукан. Октябрь в Центральной России, с. 319).

²¹⁵ Корнатовский. Партия и Октябрьское вооруженное восстание, с. 241; Советская историческая энциклопедия, т. 8, с. 379, статья «Лазимир». 20 октября было проведено организационное заседание ВРК, на котором было выбрано бюро из пяти человек: трех большевиков (Антонов-Овсеенко, Подвойский и Садовский) и двух левых эсеров (Лазимира и Сухарькова). (Rabinovitch. The Bolsheviki Come to Power, p. 234.) Следует отметить, что Лазимир и позже продолжал оставаться на ответственной военной работе, в частности входил в Коллегию наркомата по военным делам (Крушельницкий. Состав коллегии, с. 39-44).

совещания. И большевикам, и левым эсерам было не важно, кто в большинстве в Военно-революционном комитете ²¹⁶. Троцкий характеризовал работу левых эсеров в ВРК как прекрасную²¹⁷. Между тем Военно-революционный комитет был создан в Петрограде для практической деятельности по организации переворота, хотя открыто заявлялось, что Комитет образуется для организации обороны Петрограда против немцев²¹⁸.

Расхождения между большевиками и левыми эсерами в дни подготовки Октябрьского переворота следует признать несущественными. Петроградские левые эсеры вели борьбу с большевиками «до момента восстания, выставляя принцип диктатуры демократии против большевистского принципа диктатуры пролетариата»²¹⁹. Они «боролись со стремлением большевиков» осуществить «диктатуру пролетариата» и противопоставляли ей «диктатуру демократии» ²²⁰. На практике это означало, что в то время как левые эсеры соглашались произвести переворот и низвергнуть Временное правительство с санкции съезда Советов, большевики собирались произвести этот переворот до созыва съезда и поставить съезд перед свершившимся фактом²²¹. Левые эсеры считали, что «если бы съезд Советов взял на себя инициативу организации власти», а Петросовет «ограничил бы свою задачу подготовкой для этого обстановки», т. е. не производил бы захвата власти насильственно, можно было бы избежать столкновений между социалистическими партиями²²².

Нужно отметить, однако, что это практическое расхождение, от которого мог бы зависеть вопрос о поддержке или отказе в поддержке левыми эсерами большевистского переворота, сами левые эсеры поспешили

---

²¹⁶ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 48-49.

²¹⁷ Второй съезд (1928), с. XXXII.

²¹⁸ «Совершенно естественно, что в [...] положении о Военно-революционном комитете не указан характер действительной задачи комитета. Пролетариат, идя к социалистической революции, свои наступательные мероприятия облакал в оборонительные одежды. Наступление маскировалось под знаменем обороны. Не руководство восстанием, для чего и был фактически создан Военно-революционный комитет, а принятие мер к организации обороны Петрограда от немецких войск — так определялась основная цель работы» (Корнатовский. Партия и Октябрьское вооруженное восстание, с. 240).

²¹⁹ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 96.

²²⁰ Там же, с. 73.

²²¹ Или, как сформулировал левый эсер Камков, «нам стало ясно, что они готовят восстание, захват власти до Всероссийского съезда Советов. И в этом вопросе мы с ними радикально разошлись», поскольку соглашались на захват власти только в том случае, «если Всероссийский съезд создаст однородную социалистическую власть и объявит власть Советов» (там же, с. 39).

²²² Там же, с. 40.

превратить в расхождение академическое. Когда выяснилось, что больше-вистско-левоэсеровский ВРК, несмотря на обещания не готовить восстания и ограничить свою деятельность защитой против «контрреволюции», намеревается накануне съезда ²²³ произвести переворот, руководство левых эсеров решило не «заниматься моральной характеристикой», а «с учетом того, что происходило», критически относясь «к политике, которую вел в последнее время» в Петросовете Троцкий, и «к течению большевиков, которое называется экстремистским и с которым не согласна и часть самих большевиков», занять «свое место в Смольном институте» и на съезде, «где представлена вся истинная революционная демократия»²²⁴.

Однако вопрос о совместной организации переворота неизбежно затрагивал и вопрос об участии левых эсеров в будущем советском правительстве. Ленин соглашался на переговоры с левыми и о вхождении последних в состав правительства крайне неохотно, лишь под давлением большинства ЦК РСДРП(б). Левые эсеры, со своей стороны, настаивали на ведении переговоров между всеми социалистическими партиями, требуя создания многопартийного «однородного социалистического правительства» — «от энесов до большевиков».

Ленин (и поддерживавший его в этом вопросе Троцкий) намеревались противостоять этому требованию, но на их беду не было единства в самой большевистской верхушке²²⁵. Многие члены ЦК РСДРП(б) боялись, что силами одной партии нельзя удержать власти, и поэтому 26 октября, за несколько часов до организации на Втором съезде Советов чисто большевистского правительства, большевики предложили трем левоэсеровским лидерам — Карелину, Камкову и В. Б. Спиро — войти в состав СНК. Те отказались ²²⁶, поскольку введение трех человек в однопартийное большевистское правительство принципиально не меняло характера власти и делало левых эсеров косвенными виновниками

---

²²³ Троцкий, видимо, имел в виду именно эти переговоры, когда писал, что большевики «под прикрытием мирных переговоров» провели «последние подготовительные меры по захвату власти», и цинично комментировал: «Воплям об обмане не будет, конечно, конца» (МИСИ, папка 2393/69. Л. Троцкий. Рукопись. Черновая запись).

²²⁴ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 40-42.

²²⁵ Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 120. Собственно, ЦК РСДРП(б) и принял решение уполномочить Берзина и Каменева вести переговоры с руководством левых эсеров (там же).

²²⁶ Луначарский впоследствии писал: «Надо, тем не менее, констатировать с полной определенностью, что большевики совершили свой переворот, отнюдь не выгоняя из Совета эсеров и меньшевиков, а даже (не слишком, впрочем, настаивая) определенно приглашая их продолжать совместную работу. На это, однако, с их стороны сыпались только проклятия. Даже левые эсеры испугались и в правительство идти не хотели». (Луначарский. Бывшие люди, с. 31-32).

начавшейся «гражданской войны»²²⁷, что увеличивало отрыв левых от остальной «революционной демократии» и делало невозможным общее примирение, на что, по мнению левых эсеров, еще имелись шансы²²⁸. Однако примирения все равно не состоялось. Раскол углубился на Втором съезде Советов²²⁹.

Созыв Второго Всероссийского съезда не был ординарным явлением. Еще 28 сентября 1917г. Бюро Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, контролируемое эсерами и меньшевиками, постановило съезда не созывать. 4 октября пленум крестьянского ЦИК (в немалой степени находившегося под влиянием эсеров) признал созыв съезда 20 октября, как это когда-то намечалось, «несвоевременным и опасным» и предложил крестьянским Советам воздержаться от посылки на съезд делегатов²³⁰. 12 октября ЦИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов признал решение вопроса о переходе власти к Советам до созыва Учредительного собрания «не только вредной, но и преступной затеей, губительной для родины и революции». А уже перед самым открытием съезда, 24 октября, Исполнительный комитет разослал всем крестьянским Советам телеграммы, в которых призвал крестьянские Советы «не принимать участия» в нем. Несвоевременным съезд считался, в частности, потому, что созывался во время подготовки выборов в Учредительное собрание и как бы в противовес ему должен был решать вопрос о власти в стране²³¹.

Столкнувшись с активным нежеланием крестьянского Исполнительного комитета и пассивным нежеланием ЦИК первого созыва проводить съезд Советов, большевики решили действовать самовольно. 16 октября от имени Петроградского совета крестьянских депутатов, Московского совета рабочих депутатов и областных комитетов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Северной области, контролируемых большевиками, решено было послать всем губернским и уездным Советам циркулярную телеграмму и предложить им к 20 октября

---

²²⁷ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 43.

²²⁸ Второй съезд (1928), с. 26, 32.

²²⁹ Непосредственно перед открытием Второго съезда Советов левые эсеры нанесли эсеровской партии очередной удар. На совещании фракций ПСР, где у левых эсеров было большинство, они внесли раскол в партийную фракцию съезда, девяносто двумя голосами против шестидесяти провалив резолюцию ЦК ПСР о позиции ПСР по отношению к созыву съезда. [Второй съезд (1928), с. 163; Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 96; Мстиславский. Пять дней, с. 121-123.]

²³⁰ Суханов. Записки о революции, кн. VII, с. 29-30.

²³¹ Второй съезд (1928), с. XLIX — L.

прислать в Петроград делегатов съезда. Северный областной, Московский и Петроградский советы готовы были, таким образом, пойти на созыв съезда явочным порядком²³². ЦИК первого созыва стоял перед альтернативой участвовать в съезде и попробовать найти общий язык с большевиками или бойкотировать его. ЦИК предпочел первое. 17 октября он согласился созвать съезд 25 октября²³³, дав, таким образом, большевикам лишние пять дней для организации переворота. Съезд должен был работать «не более трех дней»²³⁴.

В последнюю минуту, на экстренном заседании ЦИК с участием части делегатов съезда, состоявшемся в ночь на 25 октября, лидеры меньшевистской партии Ф. И. Дан и М. И. Либер попытались удержать Петросовет от выступления, указав, что в этом случае будет сорван созыв Учредительного собрания и неминуемо погибнут сами Советы, поскольку не удержат власти. «Момент для захвата власти еще не наступил», — подчеркивали меньшевики. Однако переворот состоялся²³⁵.

На открывшемся для легализации переворота 25 октября в 10.45 вечера Втором съезде Советов большевики первоначально располагали 250 мандатами из 518, эсеры — 159, меньшевики — 60.²³⁶ Но по отчетам создается впечатление, что большевики были в меньшинстве, настолько массивной и резкой была в их адрес критика, настолько шокированы были все социалистические партии переворотом (готовившемся, впрочем на глазах у тех же социалистических партий)²³⁷. После резкого обмена

---

²³² Там же, с. LI — LII.

²³³ Второй съезд (1957), с. 179.

²³⁴ Второй съезд (1928), с. LI. Надо, однако, понимать, что разногласия между левым и правым крылом социалистического лагеря сводились лишь к срокам; Такие представители социалистической демократии, как Дан и Либер, высказывались не против захвата власти Советами как такового, но против конкретного переворота, подготовляемого большевиками, так как считали его несвоевременным (там же, с. LIII).

²³⁵ «От Октябрьского переворота осталось [...] впечатление о потрясающей слабости сопротивления [...] — писал меньшевик Д. Ю. Далии. — Безусые юнкера и женские батальоны выходили с оружием — на один миг [...]. Керенский ездил в поисках помощи — и ничего не нашел: многомиллионный фронт принял и фактически признал новое правительство. В стране царило возбуждение, но еще много месяцев было до формирования белых армий. В то же время никто не отрицал, что большевики — партия меньшинства, что сепаратного мира [с Германией] почти все — включая 90 процентов] партии Ленина — не желают и боятся».

²³⁶ Сведения о численности делегатов съезда весьма разноречивы.

По подсчетам, произведенным, вероятно, несколько позже, из 649 делегатов 390 были большевиками, 72 — меньшевиками, 14 — меньшевиками-интернационалистами. Из 160 делегатов, считавших себя эсерами, левых было 98 человек (Ленин, ПСС, т. 35, с. 443; Второй съезд (1928), с. 171).

²³⁷ Готовившийся Петроградским советом и ВРК переворот тайной считать было крайней трудно. «Мы накануне большевистского восстания, — сознавали все принимавшие участие в политической борьбе, — писала И. Ракитникова. — Но характерно то, что сами большевики, готовя уже восстание, не стеснялись в своих органах называть лжецами и клеветниками всех, кто указывал на опасность этого восстания. И это — накануне обдуманного, заранее подготовленного захвата власти вооруженной силой» (Как русское крестьянство боролось за УС, с. 15).

мнениями²³⁸ и вынесения соответствующих деклараций меньшевики и эсеры со съезда ушли²³⁹. Левые эсеры, однако, на съезде остались. Они осудили уход эсеровской фракции и окончательно раскололи эсеровскую партию. «Мы решили не только оставаться в Смольном, но и принять самое энергичное участие» в происходящем, — объяснял Камков позицию левых

---

²³⁸ Так, Ю. О. Мартов потребовал, «чтобы прежде всех вопросов был поставлен вопрос о мирном разрешении создавшегося кризиса».

Он заявил, что считает «принципиально важным и политически необходимым в тот момент, когда до открытия съезда Советов вопрос о власти стал решаться путем заговора, подготовленного одной из революционных партий [...], в первую очередь обсудить именно вопрос о том, как предотвратить неминуемую гражданскую войну». «Задача съезда, — подчеркнул Мартов, — заключается, прежде всего, в том, чтобы решить вопрос о власти.

Этот основной вопрос съезд нашел если не решенным, то пред решенным, и мы считали бы свой долг неисполненным, если бы не обратились к съезду с предложением сделать все необходимое для мирного разрешения кризиса, для создания власти, которая была бы признана всей демократией [...]. Необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения».

К заявлению Мартова присоединились представители левых эсеров, меньшевиков, меньшевиков-интернационалистов, эсеров и фронтовой группы, т. е. все депутаты съезда, кроме большевиков. Столкнувшись с такой единодушной оппозицией, большевистские лидеры пошли на тактическую хитрость: они [...] присоединились к заявлению Мартова. Большевик Луначарский заявил, что «фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова. Напротив, она заинтересована в том, чтобы все фракции выяснили свою точку зрения на происходящие события и сказали бы, в чем они видят выход из создавшегося положения».

Предложение Мартова было принято единогласно, а делегат комитета 12-й армии Я. А. Хараш, как то и предложил Луначарский, высказал свое мнение на происходящие события:

«За спиной Всероссийского съезда, благодаря политическому лицемерию партии большевиков, совершена преступная политическая авантюра. Пока [...] здесь вносится предложение о мирном улаживании конфликта, на улицах Петрограда уже идет бой. Вызывается призраком гражданской войны. Меньшевики и с.-р. считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть. От имени фракции меньшевиков и с.-р. я категорически протестую против этих преступных деяний и заявляю, что мы все свои усилия направим к тому, чтобы противодействовать этой аванюре».

К Харашу присоединился и представитель фронтовой группы Г. Д. Кучин: «Все армейские организации признали по целому ряду серьезных причин съезд несвоевременным [...]. На этом съезде армия не имеет своего полного представительства и, следовательно, съезд неправомочен [...]. Съезд организовался для того, чтобы главным образом заняться вопросом об образовании власти, а между тем мы видим, что авантюра захвата власти уже произведена и воля съезда предрешена. Мы предупреждаем, что гражданская война, вызванная авантурой со стороны большевиков, является ударом в спину армии [...]. Фронтовая группа [...] снимает с себя всякую ответственность за последствия этой авантюры [...] и покидает съезд». С декларациями об уходе со съезда выступили также меньшевики и эсеры.

От Исполкома крестьянских депутатов выступил Б. Н. Гуревич: «Я явился сюда, чтобы призвать вас от имени Исполнительного комитета [...] не принимать участия в этом съезде, созыв коего признало несвоевременным большинство провинциальных Советов». Декларацию протеста зачитал также представитель еврейской социал-демократической партии Поалей Цион Капелинский:

«Мы полагаем, что положение в настоящий момент грозно и необходимо принять срочные меры для избежания гражданской войны, которая погубит революцию. Необходимо найти мирные пути для разрешения кризиса и до этого ничего другого не обсуждать. С нашей стороны было сделано предложение отправить делегацию ко всем демократическим организациям для создания демократической власти. Наше предложение не встретило сочувствия, но даже встретило неодобрение. [...] Итак, мы вторично предлагаем избрать делегацию ко всем демократическим организациям [...]. Если делегация не будет выбрана немедленно, мы уйдем со съезда».

Однако большинством голосов (большевиков) предложение о создании комиссии было отвергнуто.

²³⁹ Захват власти в Петрограде был осужден и окраинами Российской империи. Так, 26 октября в Закавказье был созван экстренный съезд Краевого совета. «Среди членов съезда переворот вызвал большое возмущение, — вспоминал Г. И. Уратадзе. — После горячих прений была принята следующая резолюция

Н. Н. Жордания: «Выступление большевиков в Петрограде [...] неизбежно приведет к торжеству контрреволюции и гибели завоеванных свобод. Интересы революции диктуют необходимость мирной ликвидации восстания на основе соглашения всей революционной демократии в духе демократизации власти при условии созыва Учредительного собрания в назначенный срок.

Заявляя об этом съезд Краевого центра призывает всех к спокойствию и сохранению революционного порядка и единства революционной демократии». Против переворота высказался и армейский комитет Кавказской армии: «1. Покушение большевиков идет вразрез с державной волей народа. 2. Всякое правительство, самовольно став у власти, роковым образом может [...] повергнуть страну во все ужасы гражданской войны и отдать ее в конце концов во власть бронированного германского империализма» (Уратадзе. Образование и консолидация, с. 23).

эсеров. «Мы были бы плохими социалистами и революционерами [...] если бы в октябрьские дни мы не были в рядах восставших»²⁴⁰, — вторил левый эсер Абрамов. «Мы пошли с большевиками, хотя и осуждали их тактику», — указал Устинов. Тактику, но не программу. «В программе у нас разногласий нет»²⁴¹.

Левозэсеровское крыло партии после ухода эсеровской фракции со Второго съезда Советов существенно окрепло, так как многие из оставшихся на съезде членов эсеровской фракции стали считать себя левыми. К левым эсерам, кроме того, прибавлялись прибывавшие эсеровские делегаты, а также делегаты крестьянского ЦИКа, отказавшиеся покинуть съезд²⁴². В результате, к концу съезда левыми эсерами считали себя 169 делегатов²⁴³.

Большевики не могли не считаться со столь многочисленной фракцией (Ленин с Троцким больше всего боялись создания единого антибольшевистского социалистического блока). Поэтому, приняв к сведению отказ левых эсеров войти в формируемое правительство, большевики достигли с левыми эсерами договоренности о провозглашении Лениным на съезде Советов эсеровского закона о земле «во всей его полноте», вместе с пунктом об уравнительном землепользовании, в соответствии с эсеровским крестьянским наказом 242-х. 26 октября Ленин действительно провозгласил на съезде этот наказ, ставший знаменитым «Декретом о земле», не скрывая, что декрет списан у эсеров. Ленин считал, что именно это обеспечило большевикам победу: «Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую [...]. Наша победа в том и заключалась [...]. Вот почему эта победа была так легка»²⁴⁴.

---

²⁴⁰ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 60-61.

²⁴¹ ЗТ, 11 ноября 1917. Выступление А. М. Устинова на конференции военной организации левых эсеров.

²⁴² Точных сведений о численности левых эсеров в октябре 1917 года нет. Это связано, во-первых, с тем, что официально ПЛСР образовалась лишь после Октябрьского переворота; во-вторых, с тем, что на местах раскол в ПСР проходил в разное время и, соответственно, в разное время выходили из ПСР левые эсеры. В начале 1918 года оформились левозэсеровские организации во Владимире, Вятке, Новониколаевске, Тамбове и Орле (Дубинин. Коммунистическая партия, с. 209). Наконец, учета членов партии у эсеров, собственно, вообще не велось. Имеется лишь статистика для некоторых губерний. Так, в Новгородской губернии было 800 левых эсеров, в Уфимской — 700, в Тверской — 540, в Псковской — 500, в Астраханской губернии, в Казани и на Северной железной дороге — по 300, в Нижнем Новгороде — 100 (там же, с. 211). В целом, левозэсеровские организации имелись, видимо, в 300 из 678 уездов 79 губерний России (Гусев, Брицян. От соглашательства к контрреволюции, с. 192-193).

²⁴³ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 17. Другой источник указывает иную цифру: 179 (История Великой революции, 1961, с. 165). Увеличение левого сектора наблюдалось и во фракции меньшевиков. Вот что вспоминает меньшевик Д. А. Сагирашвили: «Еще 24 октября, вечером, на совместном заседании обеих социал-демократических фракций (интернационалистов и оборонцев, к которым и я принадлежал [...]) я доказывал необходимость для социал-демократов остаться на съезде и всю гибельность ухода их и предоставления большевикам самим себе [...]. Со мною остались один и [ли] два рабочих-меньшевика и группа «Новой жизни» в количестве 6-7 человек. А на следующий день нас уже было до 16-17 человек» (АИГН, 198/23, с. 3-4).

²⁴⁴ Ленин. ПСС, т. 44, с. 30. Суть декрета о земле — эсеровской программы социализации несколько позже

Нет, конечно же, ничего удивительного в том, что левые эсеры проект, выдвинутый большевиками, одобрили²⁴⁵. Декрет о земле — «это целиком наша программа», — указывал в одном из своих выступлений Устинов²⁴⁶. Но это была еще и программа эсеров, которые не готовы были простить так легко большевикам очевидной кражи. По инициативе эсеров ЦИК первого созыва разослал всем Советам и армейским комитетам телеграмму о непризнании Второго съезда²⁴⁷, заявляя, что «блок с большевиками — это волчья яма, ловушка для демократии. Это триумф большевизма»²⁴⁸. Чернов, кроме того, написал «Письмо крестьянам», справедливо (как оказалось) уверяя их в том, что от большевиков никакого уравнильного землепользования ждать нельзя, что большевики защищают интересы сельского пролетариата, а крестьян считают своими противниками и рассматривают их как мелкую буржуазию. Всем периферийным эсеровским организациям предлагалось это письмо немедленно «перепечатать в местной с.-р. прессе, а также, где можно, издать отдельной листовкой»²⁴⁹.

Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов также выпустил воззвание, в котором разъяснял крестьянам, что

расшифровал Мещеряков: «Социализация земли (как социализация фабрик и заводов) должна обозначать переход к социализму, должна уничтожать не только частную собственность на землю, [...] но также непременно должна означать организацию общественного труда, коллективного, коммунистического хозяйства. [...] Только тогда можно сказать, что происходит социализация земли. А пока мы занимаемся уравнильной дележкой отнятой у врагов земли, пока мы будем только стараться устраивать возможно лучше мелкие крестьянские хозяйства — до тех пор мы [...] никакого социализма не организуем, никакой настоящей социализации земли не проведем. Закон весь состоит из указаний, как уравнильно поделить землю в пользование между землепашцами. Но если мы займемся только этим — никакого социализма в земледелии не будет. [...] Социализм обозначает не только уничтожение собственности на землю, но также организацию общественного труда, общественного хозяйства. Стало быть, понимание закона только так, что надо уравнильно каждый год переделывать землю, обозначало бы отказ от социализма [...]. Это означало бы [...] не иметь социализма в сельском хозяйстве. [...] Необходимо немедленно заняться настоящей социализацией: надо немедленно помогать переходу от мелко поделенных уравненных крестьянских хозяйств к общественному, коллективному, крупному сельскому хозяйству. Как это сделать? Только примером [...] — устройством коммун. [...] Надо целиком вытряхнуть из головы старые буржуазные понятия о собственности, капитале, прибыли и т. п. В коммуне нет собственности: все там общее, все равны [...]. Теперешний закон о земле не может действительно удовлетворить беднейших крестьян. Их — большинство в деревне, а между тем закон дает им «право на землю», дает им уравнительную прирезку к прежним наделам, но закон не в силах дать им орудия, семена, скот, удобрение [...]. Что толку с уравнильного «права на землю», если эту землю нечем обрабатывать [...]. Неспособность нового закона вполне удовлетворить деревенскую бедноту [...] заставляет искать нового выхода. Поэтому-то сейчас так и важно приложить все наши усилия к [...] делу организации коммун. [...] И тогда мы действительно начнем проводить настоящую социализацию» [Мещеряков. Социализм в земледелии — Красная газета, 10 августа 1918]. Под такой программой, разумеется, без труда мог подписаться и Ленин.

²⁴⁵ Второй съезд, 1928, с. 75. Декрет о социализации земли в окончательной форме был опубликован 19 февраля 1928 года подписями Свердлова, Зиновьева, Володарского, Колегаева, Спиридоновой, Камкова и других (Протоколы съездов и конференций, с. 256).

²⁴⁶ ЗТ, 11 ноября 1917. Выступление Устинова.

²⁴⁷ Советы в Октябре, с. 33. Троцкий вспоминал позднее, что 27 и 28 октября большевики «продолжали получать от армейских комитетов, городских Дум, земств и организаций Викжеля [...] непрерывные угрозы по телеграфу» (Троцкий. К истории Октябрьской революции, с. 69).

²⁴⁸ Воля народа, 2 ноября 1917.

²⁴⁹ Земля и воля, 26 ноября 1917.

большевики лишь обманывают их и что крестьяне лишатся «земли и воли», если пойдут за большевиками²⁵⁰. А 28 октября Исполком заявил, что «не признает большевистскую власть государственной властью» и призвал крестьян и армию не подчиняться образованному на Втором съезде Советов правительству²⁵¹. На следующий день ЦК ПСР исключил из партии всех тех, кто после 25 октября остался на Втором съезде Советов, а 30 октября распустил петроградскую, воронежскую и гельсингфоргскую организации ПСР, в которых доминировали левые эсеры²⁵². Последние срочно созвали Девятую петроградскую конференцию ПСР, пригласив туда своих сторонников, и, отказавшись признать законным решение своего ЦК, выразили ему недоверие, обвинив руководителей эсеровской партии в организационном расколе²⁵³. Вслед за этим левые эсеры создали так называемое Временное бюро и назначили на 19 ноября собственный партийный съезд²⁵⁴.

Союз левых эсеров и большевиков тем временем креп. Обе партии были заинтересованы в поражении эсеров. А для этого было необходимо прежде всего отбить у эсеров позиции, занятые ими на Первом съезде крестьянских Советов. С этой целью 27 октября, по соглашению между большевиками и левыми эсерами, ВЦИК на своем первом заседании принял решение о созыве в срочном порядке Второго крестьянского съезда и предложил «избрать комиссию для подготовительной работы по созыву». В комиссию было избрано пять человек: Спиро, Колегаев, П. Г. Василюк, Л. П. Гриневич и М. К. Муранов. Действуя в обход большинства членов крестьянского ЦИК первого созыва, левые эсеры предложили этой комиссии «сговориться с левой частью ВЦИК»²⁵⁵, т. е. с самими левыми эсерами, с большевиками и с меньшевиками-интернационалистами.

Большевики обещали левым эсерам поддержать их на крестьянском съезде целиком и полностью. Эта поддержка была для левых эсеров немаловажной, так как в противном случае победа наверняка досталась бы

---

²⁵⁰ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 октября 1917.

²⁵¹ Там же, 28 октября 1917.

²⁵² Гусев, Ерицян. От соглашательства к контрреволюции, с. 177;

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 84, 85; Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 106; Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 17. После роспуска петроградской эсеровской организации, в которой доминировали левые, ЦК ПСР создал новый эсеровский петроградский комитет, разумеется малочисленный (там же).

²⁵³ Гусев. Партия эсеров, с. 176.

²⁵⁴ ЗТ, 5 ноября 1917, № 63; там же, 6 ноября 1917, № 64; Знаменский. Всероссийское УС, с. 242.

²⁵⁵ Протоколы II созыва, с. 3.

социалистам-революционерам²⁵⁶. Но и еще одним были скреплены теперь большевистско-левоэсеровские отношения. Во время переворота в Москве, как с восторгом указывал Бухарин, «левые эсеры со всей своей активностью и с необычайным героизмом сражались бок о бок с нами»²⁵⁷, причем во главе отряда особого назначения, буквально решившего исход сражений 28 октября и спасшего Моссовет от захвата верными Временному правительству войсками, был поставлен левый эсер прапорщик Г. (Ю.) В. Саблин²⁵⁸. А левый эсер Д. А. Черепанов большевиков просто умилил, когда перед самым началом боев в Москве заявил им: «Хотя я не разделяю программы большевиков, но я умру вместе с вами, потому что я социалист»; и позже, вспоминая о защите Моссовета, добавил: «Мы там остались и пробыли как раз особенно опасную ночь в Совете, когда, собственно, вся советская работа висела на волоске»²⁵⁹. Эту неровную поступь большевиков и левых эсеров навстречу друг другу в 1918 году кратко и просто сформулировала левая эсерка А. А. Измаилович: «В октябре знамя революции несли две истинно социалистические партии — большевики и левые эсеры. [...] После Октябрьской революции большевики и левые эсеры заключили между собою тесный союз»²⁶⁰.

Глава третья. Формирование советского правительства

Ленин и Троцкий не спешили делить власть с другими партиями²⁶¹.

---

²⁵⁶ В мае 1917 г. на Первом Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов левые эсеры потерпели полный провал. Во время выборов в Исполком Совета Спиридонова получила 7 голосов, а Камков — 10. В то же время лидер эсеровского большинства Чернов собрал 810 голосов, Керенский — 804, Н. Д. Авксентьев — 799, Н. Я. Быховский — 759 голосов. (Советы крестьянских депутатов, с. 141; Шестаков. Советы крестьянских депутатов, с. 28.) Как указывает историк З. Пиндрик, на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, который открылся 10 (23) ноября, из 330 делегатов большевиков было 37, правых эсеров 65, прочих 33 и левых эсеров 195. Ленин выступал на съезде как член съезда, делегированный от ЦК большевистской партии (поскольку съезд не признал Совнарком законным правительством, Ленин не мог выступать от имени СНК). [Пиндрик. О блоке с левыми эсерами, с. 128.] Данные Пиндрика о составе съезда расходятся с информацией из других источников.

²⁵⁷ Протоколы II созыва, с. 37.

²⁵⁸ История Великой революции, 1967, с. 241.

²⁵⁹ Советы в Октябре, с. 50, 58.

²⁶⁰ Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 10.

²⁶¹ Как пишет Е. Г. Гимпельсон, «коммунистическая партия, подготавливая социалистическую революцию в России, нигде и никогда не ставила вопроса о том, что государство диктатуры пролетариата обязательно должно быть однопартийным» (Вопросы истории, №11, 1965, с. 16). В примечаниях к протоколам Восьмого съезда РКП(б), однако, указано, что в произведениях Ленина дооктябрьского периода нет высказываний о допущении в рамках советской социалистической России нескольких партий (Восьмой съезд РКП(б), с. 293). О том же пишет А. М. Малашко: «Е. Г. Гимпельсон не приводит [...] ни одного положения из дооктябрьских работ В. И. Ленина или из общепартийных документов, где говорилось бы, что такое государство должно быть многопартийным» (Малашко. К вопросу об оформлении однопартийной системы, с. 52).

Таким образом, приходится заключить, что намерения Ленина в тот период были никому не известны. Да и сам он,

Вопрос о создании коалиционного «однородного социалистического правительства» был поставлен на Втором съезде Советов 26 октября не ими, а левым крылом социал-демократов (интернационалистов) и левыми эсерами. Меншевик-интернационалист Б. В. Авилов огласил резолюцию «о необходимости передачи всей власти в руки демократии», подчеркнув, что нужно создать правительство, которое поддержали бы не только рабочие, но и «все крестьянство, как состоятельное, так и беднейшее»²⁶². В. А. Карелин, выступавший от левых эсеров, придерживался центристской позиции, протестуя против того, что вместо «временных комитетов, которые бы взяли на себя временное разрешение наиболее важных вопросов дня» создается «готовое правительство». Карелин, однако, добавил, что левые эсеры не собираются из-за этого «идти по пути изоляции большевиков», поскольку понимают, что «с судьбой большевиков связана судьба всей революции: их гибель будет гибелью революции»²⁶³.

В принятой левыми эсерами резолюции настаивалось на необходимости образовать правительство совместно с другими революционными партиями, ушедшими со съезда, но при неудаче переговоров, оказывая большевикам «помощь в технической работе», в Совнарком не входить²⁶⁴, поскольку в этом случае левые эсеры должны будут рвать с ушедшими со съезда Советов партиями²⁶⁵. Карелин указал также, что список членов СНК, предложенный председателем Второго съезда Советов Каменевым от имени большевистской фракции, левых эсеров не удовлетворяет, поскольку в нем не представлены интересы Советов крестьянских депутатов.

возможно, не вполне отдавал себе отчет в том, куда заведет его политическая борьба.

²⁶² Второй съезд (1928), с. 25, 81.

²⁶³ Там же, с. 25-26, 82.

²⁶⁴ Голос народа, 29 октября 1917. Если в центре многое определяли речи и резолюции, на местах все зависело от особенностей момента. На короткий период времени блок «демократических организаций» был создан в Ростове-на-Дону из-за угрозы, созданной сопротивлением казачьего атамана А. М. Каледина. В ВРК, созданный в этом городе, вошли большевики и левые эсеры, причем последние при выборах в исполком Совета солдатских депутатов получили большинство. На совещании представителей Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, ВРК, «Комитета спасения родины и революции» (в котором доминировали эсеры и меньшевики) и областного военного комитета, во главе которого стоял левый эсер Арнаут, большевистские условия соглашения с эсерами и меньшевиками ни в чем не отличались от левозэсеровских (Переписка секретариата ЦК, т. 2, с. 256). И 12 ноября совещание согласилось объединиться для борьбы с Калединым. ВРК тем временем вступил с Калединым в переговоры, которые рассматривались большевиками и левыми эсерами «как прикрытие подготовки к военным действиям» (Гусев. Партия эсеров, с. 175).

Блок, однако, рухнул перед самым началом вооруженных столкновений, когда эсеры и меньшевики вышли из ВРК, заявив, что «усилия предотвратить гражданскую войну оказались тщетными». А вот левые эсеры остались в ВРК вместе с большевиками и приняли участие в столкновениях с войсками Каледина. (Пролетарская революция на Дону, с. 49-50). Создать единый блок левые эсеры пытались и в Туркестане, для чего 27 октября там было созвано совещание краевого Совета. Но попытка эта успеха не имела (Победа советской власти, с. 358—359).

²⁶⁵ Второй съезд (1928), с. 83.

Имея на съезде Советов большинство, Ленин с Троцким могли бы не уступать давлению прочих социалистических партий. Но сами большевики в тот период не были едины. Уверенность Ленина и Троцкого в том, что большевики одни сумеют удержать власть, разделялась далеко не всеми. По этой причине ЦК дал согласие на ведение переговоров о создании коалиционного правительства, во главе которого не обязательно должны стоять Ленин или Троцкий²⁶⁶.

В эти дни левым партиям мерещилась контрреволюционная опасность. К Петрограду грозили выйти войска генерала П. Н. Краснова. ВРК с трудом набирал из разных частей небольшие отряды, которые демонстративно водил по городу, прежде чем отправить навстречу правительственным войскам²⁶⁷. Настроение было подавленное. «Мы погибли!» — сказала три встречи меньшевику Д. А. Сагирашвили жена Каменева (и сестра Троцкого) Ольга Давидовна, просившая меньшевиков о содействии. И действительно, в эти часы были начаты переговоры «относительно изыскания способов мирной ликвидации наступления Керенского»²⁶⁸.

Давление оказывали не только правительственные войска. 29 октября на заседании ВЦИК представители Викжеля (Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожников) потребовали в ультимативной форме прекращения в стране гражданской войны и партийных междоусобиц и предложили себя в качестве посредника «в переговорах о реконструкции власти и подведении под нее более широкого базиса»²⁶⁹. Руководство Викжеля считало, что СНК, «как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране» и что поэтому необходимо создание нового правительства. В случае отказа политических партий сформировать такое правительство и прекратить вооруженные столкновения в Москве и Петрограде Викжель грозил всеобщей железнодорожной забастовкой, начиная с 12 ночи с 29 на 30 октября. Викжель предлагал всем социалистическим партиям немедленно послать своих делегатов на совместное заседание с ЦИК

---

²⁶⁶ В протоколе заседания ЦК РСДРП(б) от 29 октября по этому вопросу было записано, что ЦК не делает «ультиматума из вхождения в правительство всех социалистических партий до народных социалистов включительно» и соглашается «отказаться от кандидатур Троцкого и Ленина, если этого потребуют» (Протоколы ЦК РСДРП (б), 1958, с. 122). При голосовании, однако, часть фразы про Троцкого и Ленина была вычеркнута. Пойти столь далеко вопреки воле руководителей партии члены ЦК не отважились.

²⁶⁷ АИГН, 198/23, с. 8.

²⁶⁸ Там же, с. 9

²⁶⁹ Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Вомпе, представителя Викжеля. — НЖ, 15 (28) декабря 1917, 202 (196).

железнодорожного союза²⁷⁰.

От Викжеля зависело очень многое. Профсоюз железнодорожников, настроенный категорически против правительства Керенского, заявил о том, что не пропустит к Петрограду правительственные войска, а в случае проникновения в город войск Керенского и Краснова — блокирует Петроград²⁷¹. Два представителя Викжеля были посланы в Могилев. Во время их переговоров с Общеармейским комитетом они указали, что считают соглашение между Керенским и Лениным невозможным, и единственное, что остается, это убедить обе стороны в интересах предотвращения гражданской войны уступить власть третьей силе — однородному социалистическому правительству, опирающемуся на «революционную демократию» фронта и тыла. Самой подходящей кандидатурой в главы правительства Викжель считал Чернова²⁷².

Средняя линия Викжеля была выгодна большевикам. Когда в Петроград пришли сведения о намерениях Юго-Западного фронта выслать войска для подавления большевиков, Викжель снова пригрозил всеобщей железнодорожной забастовкой²⁷³. В дополнение к этому Викжель разрешил беспрепятственное передвижение по железным дорогам большевистских вооруженных отрядов и тех воинских частей, которые поддерживали большевиков, а на предложение преданных Временному правительству частей спустить под откос движущиеся в Петроград большевистские части отвечал категорическим запрещением, так как считал, что с разгромом большевиков будет подавлена вся революция²⁷⁴.

В ответ на лояльную позицию Викжеля Каменев дал согласие начать переговоры о формировании однородного социалистического правительства²⁷⁵. Обсуждение этого вопроса началось 29 октября в 7 часов вечера в помещении Викжеля. От ЦК РСДРП(б) на совещании присутствовали Каменев и Г. Я. Сокольников; от ЦК меньшевиков — Ф. И. Дан и Эрлих; от меньшевиков-интернационалистов — Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, Р. А. Абрамович и С. Ю. Семковский; от ЦК ПСР — Якобин и М. Я. Гендельман; от левых эсеров — Б. Ф. Малкин; от объединенной

---

²⁷⁰ Протоколы II созыва, с. 9-10.

²⁷¹ Там же, с. 10.

²⁷² АИГН, 10/3, с. 61-62.

²⁷³ Советы в Октябре, с. 61.

²⁷⁴ Там же, с. 60-61.

²⁷⁵ Протоколы II созыва, с. 10.

еврейской социалистической партии — Гутман; от польской социалистической партии — Е. Л. Лапинский; от еврейской СДРП «Поалей-Цион» — Бару; от Центрального бюро объединенных социал-демократов интернационалистов — М. А. Каттель и А. А. Блюм; от Совнаркома — А. И. Рыков; от ВЦИК — Д. Б. Рязанов и Д. А. Сагирашви-ли; от Комитета спасения Родины и революции — народный социалист Знаменский и меньшевик С. М. Вайнштейн; от Петроградской думы и Исполкома Всероссийского Совета народных депутатов — эсер Г. К. Покровский; всего 26 человек, помимо членов Викжеля²⁷⁶.

Переговоры продолжались несколько дней. Заседания начинались вечером и тянулись иногда до раннего утра. На первом заседании Каменев от имени ВЦИК заявил, что «соглашение возможно и необходимо». Условия: платформа Второго съезда Советов; ответственность перед ВЦИКом; соглашение в пределах всех партий, от большевиков до народных социалистов включительно. «Для ВЦИКа на первом месте стоит программа правительства и его ответственность, а отнюдь не личный его состав», — закончил Каменев, дав понять, что готов отказаться от кандидатур Ленина и Троцкого. Это удовлетворило не всех. Вайнштейн и Гендельман высказались против участия большевиков в правительстве вообще. Дан в дополнение к этому предложил распустить ВРК, объявить Второй съезд Советов несостоявшимся и требовать прекращения террора. Прочие были менее жестки. Мартов в примирительной речи призвал к соглашению «обоих лагерей демократии». Малкин предложил пропорции для будущего правительства: 40% большевиков, 40% оборонцев и 20% интернационалистов. В принципе никто не возражал. Сокольников заявил, что ЦК большевиков в основном разделяет позицию Викжеля и предложил социалистическим партиям разделить власть с большевиками. Все конфликты, кажется, были разрешены, и для уточнения внесенных предложений избрали комиссию в составе Дана, Каменева, Рязанова, Сокольникова, представителей Викжеля, Петроградской думы и ЦК ПСР. Комиссия работала всю ночь с 29 по 30 октября²⁷⁷. Всеобщая железнодорожная забастовка Викжелем объявлена так и не была.

Утром 30-го состоялось новое заседание. От большевиков были Рязанов, Каменев, Сокольников, Рыков; от левых эсеров — Закс, Колегаев, Спиро, Карелин, А. А. Шрейдер. Но к соглашению не пришли. Вопрос о включении большевиков в состав однородного социалистического правительства не был решен совещанием ввиду разногласий. Заслушали доклад комиссии, избранной совещанием для переговоров с Керенским, и

---

²⁷⁶ Революция 1917 года, т. IV, с. 22.

²⁷⁷ Вомпе. Дни Октябрьской революции и железнодорожники, с. 2632.

отложили совещание до вечера. Вечером опять заседали. Под угрозой вторжения войск Керенского, и не желая разрывать отношений с Викжелем, большевики дали согласие на создание «Временного народного Совета» из 420 человек, должного заменить распускаемый, согласно плану, ВЦИК Советов.

Начали обсуждать кандидатуры будущего правительства, причем все партии заявили, что не уполномочены выражать окончательное мнение. На пост министра-председателя выдвинули Чернова и Авксентьева, но кандидатура последнего была снята, так как против высказались большевики. На кандидатуре Ленина никто из большевиков всерьез даже не настаивал. На пост министра иностранных дел предложили Авксентьева, М. И. Скобелева, Троцкого и М. Н. Покровского. Двух последних выдвинули большевики. После краткого обмена мнениями кандидатуры Троцкого и Скобелева сняли. Оговорили кандидатов на прочие министерские посты, с одобрения большевиков составили соответствующий проект соглашения. На этом заседании закрыли²⁷⁸.

В течение работы совещания обе стороны увеличивали или уменьшали свои требования в зависимости от состояния дел «на фронте». Керенский требовал капитуляции большевиков, разоружения рабочих районов и ввода туда казачьих частей. Эти требования в целом были поддержаны социалистами-революционерами и меньшевиками. Был момент, когда большевики шли на серьезные уступки, но пойти на разоружение рабочих (Красной гвардии) и ввод в рабочие районы казачьих частей, как требовал того Керенский, категорически отказались²⁷⁹. 1 ноября, когда большевистскими частями взята была Гатчина, а угроза со стороны Керенского-Краснова в целом ликвидирована, большевики прервали переговоры²⁸⁰. Тогда же Ленин, не собиравшийся отдавать власть Чернову или Авксентьеву, на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) обрушился на тех, кто за его спиной вел переговоры²⁸¹. В этом Ленина

---

²⁷⁸ Революция 1917 года, т. IV, с. 39. О позиции Викжеля см. также Leonard Schapiro. The Origin of the Communist Autocracy, pp. 70,71,73.

²⁷⁹ Кроме общих совещаний были еще, кажется, и частные. Так, по свидетельству Сагирашвили, члена одной из многочисленных групп внутри меньшевистской партии, их группе предлагали принять участие в формировании правительства Совета народных комиссаров. С Сагирашвили об этом говорил Сталин. Но группа от участия в правительстве отказалась, так как пожелала «остаться в Исполкоме только как оппозиция». Впрочем, как признает Сагирашвили, отказ их не имел практического значения. Уже через несколько часов после беседы со Сталиным стало ясно, что большевики решили составить правительство исключительно из членов своей партии. И «скоро съезду Советов был предложен на утверждение список будущих народных комиссаров, куда не включены были даже левые социалисты-революционеры». (АИГН, 198/23, с. 7-8.)

²⁸⁰ АИГН, 198/23, с. 10-11.

²⁸¹ Зиновьев и Каменев говорят, что мы не захватим власти. Я не в состоянии спокойно выслушивать это. Рассматриваю как измену. (...) Соглашение?.. Я не могу даже говорить об этом серьезно.

Троцкий давно сказал, что объединение невозможно [...]. Нам бы еще стали предлагать соглашение [...] с Викжелем

безоговорочно поддержал Троцкий²⁸².

Ленин считал, что переговоры, которые вел Каменев, «должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий», что во что бы то ни стало «нужно отправить солдат в Москву» для захвата власти еще и там, что «политика Каменева» должна быть немедленно прекращена. Троцкий заявил, что власть, захваченную большевиками, теперь хотят получить другие социалистические партии, «в восстании участия не принимавшие». В новом правительстве Троцкий соглашался отдать другим партиям не больше 25% мест, причем указал, что во главе такого правительства должен стоять Ленин²⁸³.

На заседании ЦК, тянувшемся весь вечер 1 ноября и большую часть ночи 2-го, мнения разделились. Ленина и Троцкого поддержали М. С. Урицкий и Ф. Э. Дзержинский. Зиновьев считал, что нужно добиваться соглашения с другими социалистическими партиями на условиях принятия большевистской программы и «ответственности власти перед Советом как источником власти»²⁸⁴ (пункта о включении в правительство Ленина и Троцкого Зиновьев не оговаривал). Рязанов указал, что «соглашение неизбежно», так как даже в Петрограде власть не у большевиков, а у Советов. Не идти на соглашение, утверждал Рязанов, значит остаться в одиночестве. «Мы уже сделали ошибку, - продолжал Рязанов, — когда возглавили правительство и заостряли на именах», т. е. требовали неукоснительного согласия других партий на вхождение в правительство Ленина и Троцкого. «Если бы мы этого не сделали, за нас были бы средние бюрократические круги». Рязанов далее сообщил, что через два-три дня большевики будут стоять перед необходимостью выдавать по четверти фунта хлеба в день, а если не согласятся на блок с другими социалистическими партиями, то останутся еще и без левых эсеров, что неизбежно приведет к расколу в самой партии большевиков²⁸⁵.

[...] Это торгашество [...]. Согласиться с соглашателями, а потом они будут вставлять палки в колеса. [...] Если будет раскол — пусть. Если будет их большинство — берите власть в Центральном исполнительном комитете и действуйте, а мы пойдем к матросам. Мы у власти. [...] Они говорят, что мы одни не удержим власти [...]. Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать. Теперь возможна только социалистическая революция. [...] Необходимо арестовывать — и мы будем. И пускай нам на это будут говорить ужасы о диктатуре пролетариата. Вот вижжелевцев арестовать — это я понимаю. Пусть вопят об арестах [...]. Наш лозунг теперь без соглашений, т. е. однородное большевистское правительство!» (Заседание Петербургского комитета РСДРП (б), с. 32-33).

²⁸² «Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя [...].

Ведь никто еще не знает, какие жесткие меры мы вынуждены будем проводить [...]. Почему, на каком основании эту партию, которая захватила власть с бою [...] они хотят обезглавить, отстранив Ленина? [...] Всякая власть есть насилие, а не соглашение» (там же, с. 35, 36, 37).

²⁸³ Протоколы ЦК РСДРП (б), 1958, с. 125-127.

²⁸⁴ Там же, с. 125.

²⁸⁵ Там же, с. 128.

За соглашение высказался также В. П. Милютин, сказавший, что большевики все равно не смогут удержать власть в руках одной партии и выдержать длительной гражданской войны. «Объективно мы уже провели нашу программу», — заявил Милютин, имея в виду захват власти Советами. Милютину поддержал А. И. Рыков, относившийся к переговорам об однородном социалистическом правительстве «серьезно» и считавший, что если переговоры закончатся неудачей, от большевиков отшатнутся те группы населения, которые их поддерживают, и СНК власти все равно не удержит²⁸⁶.

В эти критические для большевиков дни полураскола левые эсеры все больше смыкались с ними. 1 ноября Петроградская эсеровская конференция, где из 103-х делегатов 99 были левыми эсерами, призвала к совместной с большевиками работе в Военно-революционном комитете и к поддержке Совнаркома. О том же заявила фракция левых эсеров во ВЦИК²⁸⁷. На переговорах о формировании коалиционного социалистического правительства, после того как Ленин и Троцкий запретили участвовать там большевикам, левые эсеры взяли на себя роль посредника и согласились разговаривать с эсерами, меньшевиками и Викжелем от имени двух партий — ПЛСР и РСДРП (б). Под влиянием левых эсеров и оппозиции внутри большевистского руководства 1 ноября ЦК РСДРП(б) постановило принять участие в последней попытке левых эсеров создать «так называемую однородную власть», но в случае неудачи дальнейшие переговоры прекратить²⁸⁸.

Параллельно с заседанием ЦК РСДРП(б) в ночь с 1 на 2 ноября проходило заседание ВЦИК, в порядке дня которого также стоял вопрос о ходе переговоров. Представитель Викжеля М. Ф. Крушинский подтвердил позицию профсоюза железнодорожников. За создание однородного социалистического правительства вновь высказались левые эсеры²⁸⁹. ПСР в постановлении ЦК от 1 ноября также выступила за скорейшее образование однородного социалистического правительства на следующих условиях:

«1. Власть организуется на время до созыва Учредительного собрания, к которому с момента его открытия переходит вся полнота власти. 2. Власть должна быть ответственна перед Народным советом, в состав которого

---

²⁸⁶ Там же, с. 127, 128.

²⁸⁷ Революция 1917 года, т. IV, с. 49.

²⁸⁸ Протоколы ЦК РСДРП (б), 1929, с. 155-156.

²⁸⁹ Протоколы II созыва, с. 11.

входят: а) ЦИК СРиСД, пополненный фракциями, ушедшими со Всероссийского съезда; б) в таком же количестве Совет крестьянских депутатов, избранных на Всероссийском съезде; в) по два представителя от всех социалистических партий; г) представителя столичных органов местного самоуправления; д) представители от Викжеля и от Почтово-телеграфного союза. 3. Роспуск военно-революционных комитетов, восстановление гражданских свобод. 4. Скорейший демократический мир. 5. Демократизация армии. 6. Отмена смертной казни. 7. Передача земель в ведение земельных комитетов»²⁹⁰.

На это большевистская фракция ВЦИКа ответила отказом. М. М. Володарский прочитал только что заготовленный на заседании ЦК РСДРП(б) проект резолюции ВЦИК, существенно изменявший предварительное соглашение, достигнутое Каменевым на совещании у Викжеля²⁹¹. Левые эсеры, в свою очередь, заявили, что резолюция

---

²⁹⁰ Протоколы ЦК ПСР, 14 ноября 1917; АИГН, 633/37, с. 1-2.

²⁹¹ Из ультиматумов Викжеля большевики и левые эсеры извлекли своеобразный урок: они поставили себе целью захватить контроль над профсоюзом железнодорожников. Возможность для этого представилась на Втором Всероссийском чрезвычайном железнодорожном съезде, открывшемся 19 декабря 1917 года в Петрограде в Институте инженеров путей сообщения. На съезде присутствовало около 550 делегатов: около 120 большевиков, 80 левых эсеров, 60 объединенных интернационалистов, около 40 меньшевиков, более 100 эсеров центра и правых. Остальные — беспартийные. Тон работе съезда был задан в первый же день заявлением одного из большевистских делегатов: «Предоставим Викжелю подышать последние минуты». Член Викжеля В. А. Плансон, резко протестуя против этого заявления, вместе с остальными членами Викжеля покидает зал заседаний. В зале поднимается шум и большинство делегатов требует удаления большевистского делегата (не удаляют).

Следующая ссора происходит по вопросу о президиуме съезда. Вечером 19 декабря большевик Жук «от имени межфракционных совещаний большевиков, левых эсеров и с.-д. интернационалистов заявляет о достигнутом соглашении по вопросу о конструкции временного президиума из 12 человек при следующем представительстве: от большевиков — 5 человек, от левых эсеров — 3, от интернационалистов-объединенных — 2, от эсеров центра и правых — 1 и от группы профессионалов — 1 представитель не правее с.-д. интернационалистов. [...] Тов. Браун от имени левых эсеров и тов. Вомпе от объединенных интернационалистов поддерживают предложение большевиков». Остальным делегатам приходится уступить, и день за днем они терпят все новые поражения. Большевики и левые эсеры на съезде выступают единым блоком, голосуют за одни и те же резолюции и провоцируют правых на разрыв (так, что часть правых не выдерживает и покидает съезд 23 декабря). В целом большевики и левые эсеры пытаются саботировать любую эсеровскую резолюцию. Так, когда обсуждался вопрос о предоставлении решающего голоса Церетели, Скобелеву и Зурабову, получивших телеграфный мандат от железнодорожников Закавказья, фракции левых эсеров и большевиков выступают против, так как «Церетели и др., не являясь железнодорожниками, не могут по уставу железнодорожного союза представлять железнодорожников, но только могут быть заслушаны на съезде как политические деятели». В результате всем троим дали право совещательного голоса. 27 декабря большевики и левые эсеры пытаются провести большевика постоянным председателем съезда. Незначительным большинством голосов это предложение отклоняется, и «фракция большевиков заявляет, что в связи с принятым решением фракция не будет принимать участия в конструировании президиума и поддержки сконструированному таким образом президиуму не окажет. От имени фракции левых эсеров тов. Крушинский заявляет, что в виду возможности — после отказа большевиков от участия в президиуме — создания «коллегии» с преобладанием правого крыла съезда, фракция левых эсеров также воздерживается от участия в образовании коллегиального президиума. Аналогичное заявление поступает и от фракции объединенных интернационалистов». Тогда «правые» уступили и вопрос о президиуме и председателе Съезда был решен так, как предлагали большевики и левые эсеры. Председателем, голосами большевиков, левых эсеров и объединенцев был избран Жук (при «воздержании» правой части съезда). А в секретариат избрали 11 человек, «с преобладанием в нем левого крыла съезда». Не удивительно, что 4 января, перед самым созывом Учредительного собрания, съезд закончился полным расколом. Большинство в 12 голосов была принята резолюция «правого сектора» в поддержку Учредительного собрания, и левые «после оглашения соответствующих заявлений покинули зал заседаний». Собравшись затем отдельно, 6 января, уже после разгона Учредительного собрания, левые возобновили свою работу, составили президиум из 9 человек — 5 большевиков, 3 левых эсера и 1 социал-демократ интернационалист — и утвердили председателем того же Жука. После этого левый сектор, объявивший себя полномочным железнодорожным съездом, выбрал новое руководство Викжеля: 40 человек — 25 большевиков, 12 левых эсеров и 3 социал-демократа интернационалиста. Вот так и был ликвидирован оппозиционный большевикам Викжель. [Железнодорожный съезд. — НЖ, 20 декабря 1917 г. (2 января

Володарского их не удовлетворяет: «в ней очень много категоричности и формальной непримиримости»; к тому же Второй съезд Советов нельзя считать единственным источником власти, поскольку во ВЦИК не введены представители ЦИК Советов крестьянских депутатов. Вместе с этим ПЛСР настаивала на увеличении состава ВЦИК до 150 человек при одновременном сокращении представительства городов до 50²⁹². Но это означало для большевиков если не мгновенную, то скорую потерю большинства во ВЦИКе, так как именно города избирали большевистских депутатов; и РСДРП(б) высказалась категорически против.

При поименном голосовании резолюцию большевиков поддержали 38 человек. Резолюцию левых эсеров — 29. Голосовали строго по партийному признаку, и исход голосования поэтому был предрешен, так как большевиков было больше²⁹³. После объявленного по просьбе левых эсеров часового перерыва голосовали снова, теперь уже по пунктам, но все поправки, кроме одной — «включение ушедших из съезда во ВЦИК по пропорциональному представительству» — также были отклонены большевиками. Тогда сдались и левые эсеры. При окончательном голосовании они, вместе с большевиками, выступили за принятие резолюции Володарского, которая и была одобрена единогласно при одном воздержавшемся. Меньшевики в голосовании не участвовали, и после принятия резолюции большевиков покинули зал заседаний²⁹⁴.

Тем временем Ленин попытался упрочить партийную дисциплину, дабы застраховать себя от сюрпризов, подобных переговорам у Викжеля. 2 ноября на заседании большевистского ЦК он предложил к рассмотрению написанную им резолюцию «По вопросу об оппозиции внутри ЦК», требующую создания однопартийного большевистского правительства. Коалицию с другими социалистическими партиями Ленин готов был признать только в Советах (и ВЦИКе), но не в правительстве²⁹⁵. Резолюция предназначалась прежде всего для очередного заседания ВЦИК, начавшего свою работу вечером 2 ноября и продолжавшегося до раннего

1918 г.), № 206 (200); Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожников. — ЗТ, 20 декабря 1917 г., № 100; Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 28 декабря 1917 (10 января 1918), № 105; Всероссийский железнодорожный съезд. Заседание 28 декабря. — ЗТ, 29 декабря 1917 (11 января 1918), № 106; Всероссийский железнодорожный съезд. Раскол съезда. — ЗТ, 6 (19) января 1918, № 112; Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 7 (20) января 1918, № 113; Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 25 января (7 февраля) 1918, № 127.]

²⁹² Протоколы II созыва, с. 12—13.

²⁹³ Из членов ВЦИК, избранных на вечернем заседании 26 октября, большевиков было 62, а левых эсеров — 29 (или 31). Фракция большевиков даже не утруждала себя поэтому приходом на заседания в полном составе.

²⁹⁴ Протоколы II созыва, с. 15.

²⁹⁵ Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 26, с. 245-246.

утра 3-го. Заседание было малочисленным. Присутствовало (судя по результатам голосований) 39 человек. Но на этом заседании, которому ни Ленин, ни Троцкий не уделили должного внимания, они потерпели одно из самых тяжких своих поражений.

Началось с того, что Малкин от фракции левых эсеров огласил ультиматум о необходимости пересмотра резолюции ВЦИК от 1 ноября по вопросу о платформе соглашения социалистических партий. Зиновьев в ответ зачитал ленинскую резолюцию (как постановление ЦК), но добавил, что резолюция эта в большевистской фракции ВЦИК еще не обсуждалась²⁹⁶. В связи с этим фракция большевиков попросила сделать перерыв на час, провела голосование во фракции и отвергла ленинскую резолюцию. Вместо нее фракция приняла новую, оглашенную Каменевым во ВЦИКе в форме проекта в 3 часа 15 минут утра 3 ноября: ВЦИК «считает желательным, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий [...] которые признают завоевания революции 24/25 октября [...] [ВЦИК] постановляет поэтому продолжать переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивает на следующих условиях соглашения. Центральный исполнительный комитет расширяется до 150 человек [...]»²⁹⁷. В правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам. Министерство труда, внутренних дел и иностранных дел должны быть предоставлены большевистской партии во всяком случае [...]. Постановляется настаивать на кандидатурах товарищей Ленина и Троцкого»²⁹⁸.

Уступив левым эсерам в расширении состава ВЦИК до 150 человек и предоставив в правительстве половину мест левым эсерам, эсерам и меньшевикам, фракция большевиков все еще боялась, что левые эсеры таким проектом резолюции не удовлетворятся. Поэтому большевик Ю. М. Стеклов обратился к левым эсерам с призывом поддержать большевиков еще и по тактическим соображениям:

«Наши противники стремятся нас разъединить, но если большевики и левые эсеры расходятся в частностях, то в общем [и] целом они согласны. Поэтому предлагаю товарищам левым эсерам голосовать за большевистскую резолюцию. Моральное значение такого шага будет велико».

Левые эсеры последовали совету Стеклова, но оговорили «за собой

---

²⁹⁶ Протоколы II созыва, с. 21; Ленин. Сочинения, т. 26, с. 244-246.

²⁹⁷ В проекте резолюции далее указывалось, что к этим «150 делегатам Советов рабочих и солдатских депутатов добавляется 75 делегатов от губернских крестьянских Советов, 80 от войсковых частей и флота, 40 от профессиональных союзов [...] и 50 делегатов от социалистической Петроградской городской думы».

²⁹⁸ Протоколы II созыва, с. 21-22; также Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 2, с. 207.

право изменения некоторых деталей, как, например, вопроса о представительстве крестьян». Большинством голосов против шести при одном воздержавшемся большевистская резолюция была принята ВЦИКом. Тогда же «для продолжения ведения переговоров о составлении правительства» была избрана комиссия в составе пяти человек: от большевиков — Каменев, Зиновьев и Рязанов; от левых эсеров — Карелин и Прошьян. Тогда же решением ВЦИКа левым эсерам передавался наркомат земледелия. В протоколах об этом было записано следующее: «Тов. Прошьян от имени эсеров предлагает, чтобы министерство земледелия было предоставлено левым эсерам. Заявление [левых] эсеров принимается единогласно»²⁹⁹.

Ленина происшедшее привело в бешенство. 3 ноября он предъявил «ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству». О том, как Ленин добился «большинства» в ЦК, вспоминал А. С. Бубнов: Ленин приглашал к себе в кабинет по одному члену ЦК из находившихся в тот период в Петрограде, знакомил с текстом ультиматума и требовал подписать его³⁰⁰. Ультиматум был оглашен на заседании ЦК 4 ноября³⁰¹. ЦК предложил меньшинству «подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции» от 2 ноября³⁰². Ультиматум подписали Ленин, Троцкий, И. В. Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, А. А. Иоффе, Бубнов, Сокольников и М. К. Муранов.

В ответ на этот ультиматум меньшинство в составе Каменева, А. И. Рыкова, В. П. Милютина, Зиновьева и В. П. Ногина опубликовало заявление о выходе из состава ЦК РСДРП(б)³⁰³ — Решающее сражение между сторонниками и противниками однородного социалистического правительства было назначено на 4 ноября. В этот день на заседание ВЦИК явился весь цвет большевистской партии. Сначала обсуждались правомерность введения декрета о печати от 27 октября, против которого выступила оппозиция³⁰⁴. Выступавший от ее имени большевик Ю. Ларин

---

²⁹⁹ Протоколы II созыва, с. 22.

³⁰⁰ Протоколы ЦК РСДРП(б), 1958, прим. 175, с. 275.

³⁰¹ Там же, с. 275. Протокол этого заседания числится в необнаруженных.

³⁰² Ленин. Сочинения, т. 26, с. 248-249.

³⁰³ Известия ЦИК, № 217, 5 ноября 1917.

³⁰⁴ Записки института Ленина, т. 1, с. 89-90; Протоколы II созыва, с. 6-7. СНК фактически предоставил себе право закрывать любые газеты. Декрет задним числом легализовал действия ВРК и отрядов Красной гвардии по закрытию и конфискации газет, в том числе «Речи», «Дня» и «Вестника городского управления».

заявил при этом, что «вопрос о печати нельзя выделить из всех остальных стеснений, применяемых революционной властью, — арестов, обысков и тому подобное» и приведших к «общей необеспеченности граждан». Декрет о печати Ларин предложил отменить. Ему возразил большевик-ленинец В. А. Аванесов:

«Я должен заявить, что право на закрытие буржуазных газет в период боевых действий в момент восстания как будто никем не оспаривалось [...]. Отстаивая свободу печати, мы полагаем, что в это понятие нельзя вкладывать старые понятия мелкобуржуазных и буржуазных свобод. [...] Было бы смешно полагать, что советская власть может под свою защиту взять старое понятие о свободе печати».

Аванесов ни в чем не убедил оппозицию. Выступивший от имени левых эсеров Колегаев сказал, что ПЛСР не смотрит на вопрос о свободе печати «как на мелкобуржуазные предрассудки», а про резолюцию большевиков заметил, что в ней «бросаются демагогические слова и замазывается суть вопроса»³⁰⁵. Тогда на трибуну вышел Троцкий:

«Здесь два вопроса связывают между собой: 1) вообще о репрессиях и 2) о печати. Требования устранения всех репрессий во время гражданской войны означают требования прекращения гражданской войны [...]. В условиях гражданской войны запрещение других газет есть мера законная [...]. Вы говорите, что мы [до революции] требовали свободы печати для «Правды». Но тогда мы были в таких условиях, что требовали минимальной программы. Теперь мы требуем максимальной».

«Существует готтентотская мораль: когда у меня крадут жену — это плохо, а когда я краду — это хорошо», — заметил левый эсер Карелин. Однако Троцкого поддержал Ленин:

«Троцкий был прав [...]. Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет — значит перестать быть социалистом [...]. Закрывали же ведь царские газеты после того, как был свергнут царизм. Теперь мы свергли иго буржуазии. Социальную революцию выдумали не мы — ее провозгласили члены Съезда Советов — никто не протестовал»³⁰⁶.

«Социальная революция делается не в белых перчатках, а грязными, мозолистыми руками», — писал левый эсер Камков³⁰⁷. Теперь это становилось ясно всем революционерам. Было очевидно, что никакого недоразумения в декрете о печати нет. Резолюции оппозиции были

---

³⁰⁵ Протоколы II созыва, с. 23-24.

³⁰⁶ Там же, с. 24-26.

³⁰⁷ Камков. Две тактики, 25.

отклонены³⁰⁸. После получасового перерыва слово взял левый эсер Прошьян, указавший, что большевистская резолюция о печати ведет на путь политического террора и гражданской войны, поэтому в знак протеста ПЛСР отзывает своих представителей из ВРК, «из Штаба и со всех ответственных постов»³⁰⁹. В знак протеста против резолюции в отставку также подала группа большевистских наркомов, от имени которых декларацию зачитал Ногин³¹⁰.

В тот день левые эсеры подняли вопрос о том, что Совнарком, контролируемый большевиками, все чаще и чаще издает декреты без ведома и санкции ВЦИКа, причем именно так были обнародованы законы, «фактически отменившие начала гражданских свобод». Поскольку СНК формально был исполнительным органом при ВЦИКе, «ни один законодательный акт, регулирующий внутренние или международные отношения», не мог быть издан без ведома ВЦИКа и от имени Совнаркома³¹¹. Очевидно, что Советы и ВЦИК начинали терять власть, уступая ее большевистскому ЦК и Совнаркому. Левые эсеры запрашивали в связи с этим, «намерено ли правительство отказаться от установленного им совершенно недопустимого порядка — декретирования законов»³¹².

Отвечать на это большевикам было нечего. Ленин стал огрызаться: «Апологеты парламентской обструкции [...]. Если вы недовольны, созывайте новый съезд, действуйте, но не говорите о развале власти. Власть принадлежит нашей партии». Ленина поддержал Троцкий. В предложенной

---

³⁰⁸ От имени большевистской оппозиции резолюцию вносил Ларин.

За нее проголосовало 22 человека против — 31. За резолюцию большинства голосовало 34 человека против 24-х при одном воздержавшемся.

³⁰⁹ Протоколы II созыва, с. 26-27. Несколько позже Алгасов говорил об этом следующее: «Члены нашей партии входили в ВРК до момента принятия известной резолюции в ЦИК относительно печати. После того, как ЦИК принял резолюцию, предложенную фракцией большевиков, и отклонил резолюцию, предложенную партией левых эсеров, левые эсеры постановили отозвать своих представителей из ВРК». [Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 49.]

³¹⁰ Там же, с. 27. Протоколы ЦК РСДРП(б), 1958, с. 136. Заявление подписали нарком торговли и промышленности Ногин; нарком внутренних дел Рыков; нарком земледелия Милютин; нарком по продовольствию И. А. Теодорович; комиссар по делам печати Н. И. Дербышев; Рязанов; комиссар государственных типографий С. Арбузов; комиссар Красной гвардии К. К. Юренев; заведующий отделом конфликтов в министерстве труда Г. Ф. Федотов; заведующий отделом законодательных предписаний комиссариата труда Ю. Ларин. Нарком труда А. Г. Шляпников сделал к заявлению следующую приписку: «Присоединяюсь к общей оценке политического момента в вопросе о необходимости соглашения, но считаю недопустимым сложение с себя ответственности и обязанностей» (Известия ЦИК, № 217, 5 ноября 1917 г.).

³¹¹ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 46.

³¹² Протоколы II созыва, с. 28. Запрос подписал Карелин, Спиро, Шрейдер, В. А. Дмитриевский-Александрович, И. П. Нестеров, С. И. Котляревский, И. В. Балашов, П. В. Бухарцев, Прошьян, С. С. Зак, Закс. Не все в эсеровской партии поддержали столь резкое отношение к происходящему беззаконию. Так, Алгасов считал, что ультиматум большевикам по вопросу о печати был ошибкой. «Ведь нам не удалось бы объяснить массам, — говорил Алгасов, — почему мы ушли от революции. Не оттого же в самом деле, что большевики встретили отказом наше требование открыть две-три буржуазные газеты. Я против того, чтобы по таким ничтожным поводам предъявлять ультиматумы (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 59).

большевиками резолюции указывалось, что ВЦИК «не может отказать» Совнаркому в праве издавать «без предварительного обсуждения ЦИК неотложные декреты»³¹³. Эта резолюция и была принята 25 голосами против 23-х.

При внешних победах возникала проблема, требующая немедленного решения: необходимо было заменить ушедших со своих постов оппозиционеров. Здесь-то и вспомнили большевики о вчерашнем решении ВЦИК назначить левого эсера на пост наркома земледелия. Эту должность Ленин предложил Колегаеву. Но теперь левые эсеры занять пост отказались на том основании, что все их представители отозваны из советских органов. Принять предложение советского правительства ПЛСР соглашалась лишь в случае образования однородного социалистического правительства, при отмене декрета о печати и прекращении политики репрессий. Переговоры снова зашли в тупик.

5 ноября Ленин вновь встретился с представителями ПЛСР для обсуждения вопроса об их вхождении в состав СНК³¹⁴, но опять получил отказ. Тем временем в переговорах левых эсеров с другими социалистическими партиями по вопросу о соглашении большого прогресса не наблюдалось. Тогда 6 ноября левые эсеры предложили отказаться от идеи соглашения «с правыми социалистическими партиями», пойдя на блок левых партий (большевики, левые эсеры и левые меньшевики-интернационалисты), если по вине правого крыла партий переговоры не завершатся соглашением³¹⁵.

Контролируемый большевиками ВЦИК не принял и такой компромиссной резолюции левых эсеров, но согласился продолжать переговоры на основе резолюции от 3 ноября и закончить их в кратчайший срок. Это была последняя резолюция ВЦИК, принятая по вопросу о формировании однородного социалистического правительства³¹⁶. Никаких переговоров в Петрограде с тех пор фактически не проводилось. Против соглашения с социалистическими партиями выступил наиболее радикально настроенный Петроградский совет³¹⁷. Во ВЦИКе за Лениным и Троцким

---

³¹³ Протоколы II созыва, с. 31.

³¹⁴ Вопросы истории КПСС, 1960, № 2, с. 181.

³¹⁵ Протоколы II созыва, с. 35.

³¹⁶ Там же, с. 36. В «Протоколах...» не был опубликован протокол № 7, заседания от 7 ноября, возможно, потерянный. На заседании ВЦИК 8 ноября доклад согласительной комиссии был включен в повестку дня последним, шестым пунктом. Но о самом докладе в протоколах нет ни слова. Возможно, что последний пункт повестки дня обсужден так и не был, и не было зачитано никакого доклада. (Протоколы II созыва, с. 40-46.)

³¹⁷ Там же, с. 36.

шло теперь большинство. К тому же более жесткую, чем раньше, позицию заняли меньшевики и эсеры. Они настаивали на удалении из правительства Ленина и Троцкого³¹⁸. А на это, в свою очередь, не шли не только большевики, но и левые эсеры, считавшие, что без Ленина и Троцкого социалистическое правительство России не сможет функционировать и падет³¹⁹.

Иначе обстояло дело в Москве, где во главе большевиков стоял «правый» Рыков. 7 ноября на заседании Исполкома Моссовета он предложил от имени фракции большевиков ту самую резолюцию, которую в ночь на 3 ноября принял ВЦИК и которая так возмутила Ленина. Рыков указал, что он — «враг репрессий и террора и потому вышел из состава ЦК партии» и СНК. От имени партии большевиков Рыков обещал членам Исполкома, что власть в России будет передана Учредительному собранию сразу же после его созыва. В протоколах заседания отмечено:

«Исуюев далее спрашивает, гарантирует ли власть полную свободу выборов в Учредительное собрание, подчинится ли она ему и сдаст [ли] власть. Т. Рыков отвечает, что полная свобода выборов в Учредительное собрание будет гарантирована и что как только будет созвано Учредительное собрание, ему будет передана власть»³²⁰.

Если Рыков и был искренен, позиция его не многое определяла. В то время как Рыков делал уступки в Москве, Ленин предъявил Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину новый ультиматум: либо немедленно дать письменное обязательство подчиниться решениям ЦК и во всех выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть ответственные посты до очередного партийного съезда. В противном случае Ленин грозил оппозиционерам немедленным исключением из партии³²¹. В ответ Каменев обвинил Ленина и его сторонников в ЦК в срыве партийных решений. Каменева поддержали Рязанов, Милютин, Ларин и Н. И. Дербышев. И только Зиновьев «капитулировал» и принял сторону Ленина³²².

Тогда, пользуясь стоящим за ними в ЦК большинством, Ленин с

---

³¹⁸ Чернов писал позже, что резолюция ЦК ПСР не предусматривала, что Ленин и Троцкий в правительство не войдут и что сам он об этом требовании меньшевиков и эсеров узнал только из газет (АИГН, 10/3. Комментарии Чернова, с. 57).

³¹⁹ Steinberg. In Workshop of the Revolution, pp. 47-48.

³²⁰ Советы в Октябре, с. 44.

³²¹ Ленин. Сочинения, т. 26, с. 268.

³²² Протоколы ЦК РСДРП(б), 1958, с. 137, 142-145.

Троцким на заседании ЦК в первой половине дня 8 ноября сняли Каменева с должности председателя ВЦИК в связи с несоответствием «между линией ЦК и большинства фракции [во ВЦИКе] с линией Каменева»³²³. Однако большинство большевистской фракции во ВЦИКе придерживалось точки зрения Каменева. И чтобы навязать фракции резолюцию ЦК, к ней были посланы для разъяснительной беседы три члена Центрального комитета: Троцкий, Сталин и Иоффе. Под их давлением фракция согласилась Каменева с поста снять. Его место занял Свердлов³²⁴.

Левые эсеры между тем склонялись войти в советское правительство, так как опасались, что «правительство большевиков в его чисто большевистском виде не сможет долго просуществовать, ибо опираться только на свою партию оно не может»³²⁵, а «с подавлением большевиков», как считали левые эсеры, могли быть «подавлены все левые организации»³²⁶. К тому же 1 ноября ЦК ПСР исключил из эсеровской партии всех членов «Организационного совета и его филиальных отделений», а также лиц, входящих в состав «Центрального информационного бюро левых эсеров»³²⁷. 8 ноября ЦК исключил еще и левых эсеров, участвовавших в Октябрьском перевороте или содействовавших ему³²⁸. Путь отступления левым эсерам был отрезан. В тот же день на конференции военных руководителей ПЛСР для

---

³²³ Там же, с. 146

³²⁴ Протоколы II созыва, с. 40. Во всем этом левые эсеры видели и свою заслугу. Вот итог, подведенный на Первом съезде ПЛСР Малкиным: «Когда совершилось восстание большевиков, мы приняли это как факт, из которого надо было сделать выводы. Первый вывод касался того, где мы должны быть, в Смольном или вне его.

Мы очень сильно колебались. [...] Мы остались [в Смольном]. [...] Мы задались целью разъединить большевиков и привлечь к себе колеблющихся из большевиков. [...] В уходе Каменева и мы сыграли большую роль. [...] Мы выставили впервые принцип [...] объединение революционного фронта от энесов до большевиков. [...] Викжель играл здесь большую роль. Мы собирались в Викжеле, и все левые группы выработали резолюцию, основываясь на которой мы договаривались с правыми. [...] Викжель сделал все возможное, но что же мы сделали в этот соглашательский период.

Мы саботировали Смольный. Мы отозвали товарищей из военнореволюционного комитета, мы не входили в правительство [...] Представляли ли мы политическую силу в октябрьские дни, сыграли ли мы свою роль. [...] Да, мы сыграли большую роль». (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 96-97.)

Однако раскол в стане большевиков не был долгим. Рыков, Каменев, Милютин и Ногин вскоре раскаялись в своих поступках и на заседании ЦК 29 ноября принесли покаянное заявление с просьбой принять их обратно в состав ЦК. Ленин им отказал, предложив опубликовать покаяние в печати и письменно ответить, что «назад их не принимаем». Свердлов сомневался: «Можем ли мы формально отказать им во вхождении вновь в ЦК?» Но на сторону Ленина встало большинство членов ЦК, присутствовавших на заседании. Урицкий, например, считал, что «мы не можем их принять обратно в ЦК, так как совершенно нет гарантии, что оставшиеся вновь в меньшинстве по какому-либо вопросу, они не выступят с такими же письмами и выступлениями, как только что». Решено было «принять ответ тов. Ленина» (Протоколы ЦК РСДРП (б), 1958, с. 154, 155).

³²⁵ Советы в Октябре, с. 57.

³²⁶ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 14.

³²⁷ Протоколы ЦК ПСР, от 14 ноября 1917 г.

³²⁸ Гусев. Партия эсеров, с. 176.

предотвращения падения большевистского правительства левые эсеры объявили о вхождении в состав СНК. В самых категоричных выражениях за вступление в Совнарком высказались левые эсеры Ю. В. Саблин³²⁹ и Камков³³⁰, рассматривая, однако, этот шаг как первый на пути к созданию многопартийного «однородного социалистического правительства»³³¹. Ответственность за отказ сформировать такое правительство левые эсеры возлагали на ПСР, с одной стороны, и на «часть большевистских лидеров», прежде всего Ленина и Троцкого, с другой³³².

Видимо, уже 9 ноября между большевиками и левыми эсерами начались прямые переговоры о вхождении левых эсеров в состав правительства. В бесконечном смешении событий тех дней нити большевистско-левоэсеровских переговоров не шли параллельно, а переплетались. Трудно поэтому отделить конец одного соглашения от начала другого. Судя по всему, 10-14 ноября большевики и левые эсеры согласились в целом ряде вопросов: о поддержке большевиками левых эсеров на Крестьянском съезде Советов, о принципиальной согласии левых эсеров вступить в СНК, о слиянии ЦИКа Советов крестьянских депутатов и ЦИКа рабочих и солдатских депутатов. От имени ПЛСР переговоры вела Спиридонова. От имени большевиков — Свердлов, сделавший в те дни в Совнарком доклад о результатах этих переговоров³³³. Правда, левые эсеры не согласились войти в Совнарком немедленно, прежде всего потому, что считали необходимым утвердить себя в качестве самостоятельной партии.

Эсеры, со своей стороны, предпринимали последние усилия для того, чтобы сформировать многопартийное социалистическое правительство. 10 ноября в Петрограде эсеровский исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов, избранный Первым Всероссийским съездом

---

³²⁹ См. его речь на заседании Моссовета 9 ноября, где Саблин образовал в тот день самостоятельную левоэсеровскую фракцию и в выступлении заверил, что при выборе между эсерами и большевиками ПЛСР предпочтет последних (Советы в Октябре, с. 58).

³³⁰ «Мы всегда боролись с личной диктатурой экстремистских элементов большевизма», — указал Камков на Первом съезде ПЛСР, но что же делать, если рабочие массы идут за большевиками. «С большевиками нас связывала судьба, объективный ход русской революции и революционная практика», — добавил Камков (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 73, 64).

³³¹ Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 48.

³³² «С одной стороны к нам подходят ответственные представители партии большевиков, — указывал Камков на Первом съезде партии левых эсеров, — и говорят: тов. левые эсеры, ведите энергично свое дело, мы вас поддержим и надеемся, что среди большевиков больше сопротивления вы не встретите и мы пойдем на соглашение. С другой стороны, в другой части революционной демократии мы находим сопротивление, массу предварительных условий, все возможных требований. Несколько раз заседали представители всех партий [...], и казалось, соглашение готово, но потом расходились и ничего не получилось» (Протоколы Первого съезда ПЛСР), с. 44.

³³³ Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 286-287.

Советов крестьянских депутатов, собрал Совецание губернских крестьянских Советов и армейских комитетов. Совецание, большинство делегатов которого составляли эсеры, должно было рассмотреть организационные вопросы, связанные с предстоящим созывом Второго крестьянского съезда, в частности, решить, где съезд состоится — в Петрограде или Могилеве.

На Могилеве категорически настаивал Чернов, поскольку опасался, что делегаты съезда, прежде всего сам Чернов и А. Р. Год, в Петрограде могут быть арестованы. Было также очевидно, что в Петрограде, всецело контролируемом большевиками, съезд не чувствовал бы себя свободно из-за опасения карательных акций со стороны большевистского правительства. Поэтому 9 ноября 27 голосами против 23-х крестьянский ЦИК Советов «ввиду перехода Петрограда на положение города, охваченного кольцом гражданской войны», высказался за Могилев. Не исключалось, что в Могилеве Крестьянский съезд будет проводиться одновременно или даже совместно с Общеармейским и Железнодорожным съездами, после чего три съезда дадут санкцию на образование «Правительства спасения России от гражданской войны»³³⁴.

Большевики и левые эсеры, догадываясь о планах эсеров, сделали все от них зависящее, чтобы съезд состоялся в Петрограде. Уже 9 ноября они собрали в столице свыше 120 подобранных ими представителей низовых уездных Советов и дивизий (так называемое «шинельное крестьянство»)³³⁵. Эти делегаты 10 ноября явились на Совецание. В результате число участников Совецания возросло до 195, причем от левых эсеров было 110 человек, а от большевиков — 55³³⁶. Формально это не имело никакого значения, так как вызванные большевиками и левыми эсерами представители низовых организаций не имели права решающего голоса. Однако на первом же заседании Спиридонова от имени большевиков и левых эсеров предложила предоставить «низам» право решающего голоса. И у эсеров не хватило мужества отказать «народным массам». После этого новоиспеченные делегаты большинством голосов по предложению большевиков и левых эсеров провозгласили Совецание Чрезвычайным съездом³³⁷ и постановили открыть его 11 ноября в

---

³³⁴ АИГН, 10/3, с. 62; Протоколы II созыва, с. 48; АИГН, 633/37, с. 2-3.

³³⁵ Протоколы II созыва, с. 51.

³³⁶ Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 108.

³³⁷ Ввиду того, что на Совецании не были представлены все местные организации, Совецание не могло провозгласить себя очередным съездом.

Петрограде³³⁸.

После этого битва за Крестьянский съезд была уже эсерами проиграна. 10 ноября в выступлении во ВЦИК левый эсер Устинов справедливо констатировал, что «общее настроение съезда левое». Уступку эсерам большевики и левые эсеры сделали лишь одну: гарантировали личную неприкосновенность Чернову, Гоцу и Авксентьеву, «чтобы последние могли присутствовать на съезде [...] и дать отчет»³³⁹. Эсеры пробовали сопротивляться, оспаривали законность мандатов большевистских и левозэсеровских делегатов, но и здесь не выдержали натиска. Вокруг мандатного вопроса развернулась «настоящая битва». В результате «левые эсеры и большевики получили значительное большинство на съезде»³⁴⁰. Из 330 делегатов 195, или 59%, были левыми эсерами, 65 — эсерами и 37 — большевиками, причем большевики и левые эсеры сблокировались³⁴¹. На остальные партии приходилось 19 мест. Беспартийных на съезде было 14³⁴². На благополучный для себя результат работы съезда эсерам рассчитывать не приходилось. Они нервничали, суетились, дважды уходили со съезда, дважды возвращались. Наконец, ушли в третий раз, теперь уже не вернулись, а собрались на свое, отдельное совещание. Левому блоку именно это и было нужно. В избранный уже без эсеров президиум Чрезвычайного съезда вошло 15 человек, в том числе 10 левых эсеров и 3 большевиков. Председателем съезда избрали Спиридонову³⁴³. Заседал съезд в Смольном.

14 ноября, в соответствии с договоренностью между Спиридоновой и Свердловым³⁴⁴, съезд проголосовал за слияние ЦИКов Советов

---

³³⁸ АИГН, 10/3, с. 63.

³³⁹ Протоколы II созыва, с. 51.

³⁴⁰ Гинев. Аграрный вопрос, с. 225.

³⁴¹ Так, когда представитель ПСР попробовал обвинить большевиков в том, что они «списали» у эсеров декрет о земле, большевикам даже не пришлось защищаться. За них вступился левый эсер Колегаев, не без ехидства заметивший: «Мне кажется, что лучше провести в жизнь spisанный закон, чем ничего не проводить» (ЗТ, 2 декабря 1917).

³⁴² История СССР, 1957, № 3, с. 14; М. Харитонов]. Итоги Второго Всероссийского крестьянского съезда. — Известия ЦИК, 16 декабря 1917. Численность делегатов съезда и соотношение делегатов партий все время менялись. Но подавляющее большинство все время было у левых эсеров и большевиков.

³⁴³ Ерицян. Советы крестьянских депутатов, с. 112. Несмотря на это, согласно одному из источников, речь Ленина на Втором крестьянском съезде была встречена враждебно, а Троцкому вообще не дали говорить, встретив его криками «долой, палач, гильотинщик, убийца». Тогда Троцкий увел с собой в другой зал тех делегатов, которые готовы были его слушать, и им прочитал речь. В целом большевики пытались тянуть время в надежде, что эсеровские делегаты (приехавшие издалека) начнут разъезжаться («шинели» все были местные, им ехать было некуда). Дней через десять, устав от пустой говорильни, часть эсеровских делегатов действительно уехала. (Как русское крестьянство боролось за УС, с. 25.)

³⁴⁴ Очень вероятно, что по крайней мере на каком-то этапе переговоры с левыми эсерами и Крестьянским съездом от

крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Однако сделать это можно было лишь вопреки воле ЦИКа Советов крестьянских депутатов первого созыва. Для этого Зиновьев и Спиридонова, представляющие, соответственно, Президиумы ВЦИКа и Чрезвычайного крестьянского съезда, включили в состав ВЦИКа, насчитывавшего 108 человек, равное число делегатов Чрезвычайного крестьянского съезда, 100 делегатов армии и флота и 50 профсоюзных деятелей. Все эти группы объединялись между собой на платформе Второго съезда Советов. 108 делегатов Чрезвычайного крестьянского съезда по соглашению, достигнутому между большевиками и левыми эсерами, как бы заменяли собой ЦИК Советов крестьянских депутатов и вливались в новый ВЦИК на паритетных со старым ВЦИКом началах³⁴⁵.

Это была победа партии левых эсеров, составлявшей теперь в ЦИКе большинство³⁴⁶. По настоянию левых эсеров в резолюцию Крестьянского съезда 14 ноября был включен еще и пункт о желательности формирования правительства «из всех социалистических партий от народных социалистов до большевиков включительно». Большевики, со своей стороны, внесли в резолюцию дополнение, лишившее эту поправку какого-либо практического смысла: коалиция организовывалась на основе программы, принятой Вторым съездом Советов, и только из партий, признавших эту программу. А так как было ясно, что на таких условиях эсеры войти в правительство не могут, специальный, третий, пункт той же резолюции предусматривал, что, в случае нежелания каких-либо партий участвовать в создании коалиционного правительства, его образуют те партии или группы, которые примут «платформу соглашения Исполнительных комитетов Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов».

имени ЦК вел не Свердлов, а Зиновьев. Во всяком случае именно он 15 ноября выступал во ВЦИК с докладом о результатах переговоров. (Про токолы II созыва, с. 65.)

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 46. Левой эсеролюбивое большинство в ЦИКе (за счет голосов крестьянских депутатов, предположительно солидаризировавшихся с левыми эсерами, а не с большевиками) давало левым эсерам надежду на то, что контролируемый большевиками СНК будет (как и должен был бы быть) исполнительным, а не законодательным органом. Вот что заявлял в связи с этим Камков: «Когда мы создали форму соглашения [...], чтобы ни один декрет не был издаваем комиссарами без санкции ЦИК, они вынуждены были признать это. И теперь ни один декрет не может быть опубликован, если он предварительно не принят ЦИК. Таким образом законодательной властью является ЦИК, а не Совет народных комиссаров, являющийся властью исполнительной. Это было крупной победой в позиции, занятой левыми эсерами. В тот момент мы решили принять участие во власти и фракция наша делегировала тов. Колегаева на пост министра земледелия и ведутся переговоры о целом ряде других мест, которые должны быть заняты левыми эсерами» (там же). Однако большевики левых эсеров буквально обманули, не подчинившись и этому известному парламентскому правилу. Не успел Камков произнести свою речь на Первом съезде ПЛСР, как запыхавшийся Шрейдер выступил с внеочередным заявлением по поводу того, что вот только что издан Советом народных комиссаров опубликованный в «Правде» за № 197, от 23 ноября, декрет о суде, принятый СНК и обнародованный без санкции ЦИК. Шрейдер предложил «принять меры к тому, чтобы впредь пресечь попытки издания Советом народных комиссаров декретов без утверждения их высшим центральным органом». Запросили Свердлова. Тот ответил, что «при голосовании [в СНК] присутствовал т. Колегаев, который никакого протеста не заявил». На том обсуждение и кончилось. (Там же, с. 67-69.)

Резолюция, таким образом, ни в чем не противоречила постановлению ЦК РСДРП (б), принятому 1 ноября³⁴⁷.

15 ноября 1917 г. в Смольном состоялось первое заседание нового ЦИКа. Свердлов от имени президиума немедленно огласил резолюцию, подтверждающую декреты советского правительства о мире и рабочем контроле. Резолюцию по аграрному вопросу предложили левые эсеры. Они подвергли резкой критике Временное правительство всех составов, «правые» группы социалистических партий и большинство избранного в мае Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов за проведение земельной политики, противоречащей «интересам трудового народа» и предложили Совнаркому, названному «народно-социалистическим правительством», «принять все меры к практическому осуществлению перехода всей [...] земли [...] нетрудовых хозяйств [...] и инвентаря в распоряжение демократизированных земельных комитетов». Левые эсеры поддержали также принятый на Втором съезде Советов декрет «О земле»³⁴⁸. В ответ большевики поддержали левозэсеровскую резолюцию по аграрному вопросу³⁴⁹. Таким образом, 15 ноября потенциальная опасность, исходившая от крестьянских Советов, контролируемых эсерами, была устранена. А еще через два дня, 17 ноября, ПЛСР дала принципиальное согласие на вхождение в Совнарком и ввод своих представителей во все коллегии при Совете народных комиссаров. Большевики, со своей стороны, в принципе согласились передать в ведение левых эсеров наркомат земледелия³⁵⁰. 24 ноября ВЦИК единогласно утвердил на этом посту Колегаева, который, однако, пока что не приступал к работе, так как две партии никак не могли договориться о количестве наркомовских постов, передаваемых левым эсерам, причем большевики, подорванные внутрипартийной оппозицией, готовы были предоставить левым эсерам больше наркоматов, пусть и второстепенных, чем те соглашались взять.

Внутри левозэсеровской партии оппозиция вступления в СНК была крайне незначительной. Многие и раньше считали, что левозэсеровская фракция на Втором съезде Советов сделала «ошибку», когда отказалась

---

³⁴⁷ Chamberlin. The Russian Revolution, v. 1, p. 352.

³⁴⁸ ЗТ, 21 ноября 1917.

³⁴⁹ Как писала «Деревенская беднота» 21 ноября 1917 г., «выступивший от большевиков т. Харитонов, не видя в резолюции существенных противоречий в деле общей рабочей и крестьянской революции», заявил, «что большевики будут голосовать за резолюцию, предложенную левыми эсерами».

³⁵⁰ Протоколы II созыва, с. 71.

участвовать в формировании правительства³⁵¹. Однако в СНК левые эсеры хотели войти как оформившаяся самостоятельная партия, а не как осколок ПСР. Поэтому Временное центральное бюро левых эсеров созвало на 19 ноября Первый съезд партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). На открывшемся в этот день в 3 часа 40 минут съезде присутствовало 116 делегатов, представлявших 99 отколовшихся от ПСР левоэсеровских организаций. В президиуме заседали Натансон, Камков, В. А. Алгасов и А. А. Шрейдер. Позже избрали в президиум и Спиридонову. Председательствовал Алгасов. Левые эсеры вновь рассмотрели вопрос о своем отношении к большевикам и эсерам, выступили за союз с большевиками, подвергнув резкой критике ПСР³⁵², и выбрали первый Центральный комитет своей партии³⁵³. Открывшийся 25 ноября Четвертый съезд эсеровской партии подтвердил, со своей стороны, решение ЦК от 1 и 8 ноября об исключении левых из ПСР³⁵⁴.

---

³⁵¹ «Наша фракция [...] совершила большую ошибку, что не вошла в Совет народных комиссаров. Для нас с самого начала было ясно, что создание однородного социалистического министерства совершенно неприемлемо. Конечно, это не исключает создания однородного интернационалистического министерства» (т. е. правительства из большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов), — указывал левый эсер Табаков (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 62). «С самого начала я считал, что левые эсеры должны были войти в состав правительства Народных комиссаров», — вторил Алгасов, — «Я считаю, что в этом отношении была совершена политическая ошибка [...]. Я считаю отсталым предрассудком теперь, в ноябре месяце, употреблять выражение «однородное социалистическое министерство». Еще можно было об этом говорить в сентябре, но не теперь. [...] Что однородного между нами и энесами?» (Там же, с. 60.) Против отзыва левоэсеровских работников из ВРК Алгасов тоже возражал (там же, с. 49). «Мы должны, не смущаясь, [...] войти в правительство. [...] Мы — настоящая прежняя партия, с нами все террористы», — указывал Закс, будущий заместитель Дзержинского по ВЧК (там же, с. 19). «Наша организация просит лидеров левых войти в Совет народных комиссаров», говорил левый эсер из Выборга В. Д. Волков (там же, с. 14).

³⁵² «Мы потеряли много тем, что не откололись раньше», — указал Прошьян (там же, с. 20). «Минская организация считает, что левые эсеры раз навсегда решительно должны отмежеваться от центра с тем, чтобы самостоятельно проводить программу подлинного революционного социализма», — подчеркивал делегат Дейнеко (там же, с. 13). «Местная группа категорически считает, что дальнейшее сотрудничество с правыми невозможно», — заявил делегат саратовских левых эсеров Ежов (там же, с. 9). «Наша организация категорически решила отколоться от Центрального комитета. [...] Никакая коалиция в партии невозможна и нецелесообразна», — вторил Тихонов, от сумской организации (там же, с. 9-10). «Нашей задачей было покончить с ними раз навсегда», — резюмировал Камков (там же, с. 24). Что касается большевиков, то общее отношение к ним съезда высказала Спиридонова: «Как нам ни чужды их грубые шаги, но мы с ними в тесном контакте, потому что за ними идет масса, выведенная из состояния застоя» (там же, с. 36-37).

³⁵³ В ЦК вошли Натансон (получивший 69 голосов), Спиридонова (68), Камков (68), Колегаев (64), Карелин (64), Устинов (63), Биценко (61), Алгасов (57), Штейнберг (55), Трутовский (52), Малкин (48), С. Д. Мстиславский (42), Прошьян (42), Шишко (34), Шрейдер (31). Кандидатами были избраны: Д. А. Черепанов (27), В. М. Качинский (26), Прохоров (21), Д. А. Магеровский (19), И. Майоров (18) [там же, с. 113-114].

³⁵⁴ Краткий отчет о работе IV съезда ПСР, с. 153-154. Когда в день открытия съезда ПСР представитель Северной области предложил обсудить отношение съезда к левым эсерам, член ЦК ПСР Быховский ответил, что «обсуждение отношения к левым уже не является необходимым, так как они исключены» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 83). Правда, левые эсеры планировали попасть на съезд эсеровской партии ради демонстративного разрыва на нем с эсерами. Вот что рассказывал Камков о тактике левых эсеров в отношении съезда ПСР:

«Мы постановили, что этот съезд мы не признаем и являемся туда с декларацией [...]. Для установления метода действия была избрана комиссия [...]. Комиссия пришла к тому, что нам лучше всего дать решительный бой, а для этого недостаточно послать туда двух-трех делегатов, было бы хорошо [...] явиться туда всем нам, имеющим мандаты, до начала съезда, объявить заседания и аннулировать постановления ЦК. Если же случится так, что нас окажется меньшинство, то, возможно, тогда мы компактной массой покидаем съезд, огласив предварительно свою декларацию, указывающую на окончательный разрыв с правыми. [...] Политика ясна. Политика захвата всего ЦК и его аппарата левыми эсерами-интернационалистами. Если же нам это не удастся, мы покидаем собрание» (там же, с. 78). Настроены левые эсеры были воинственно. «Мы должны пойти на партийный съезд, принять в нем живое участие. [...] Мы должны

Представители левых на съезде — И. З. Штейнберг и В. Е. Трутовский — пытались расколоть эсеров, огласив резкую резолюцию, направленную против ПСР, и призвав «всех подлинных революционеров уйти со съезда». К ним присоединилось, однако, только семь человек³⁵⁵.

Утверждение ВЦИКом Колегаева, как наркома земледелия, 24 ноября вряд ли следует считать случайным. 25 ноября, на последнем заседании Чрезвычайного крестьянского съезда, должно было быть вынесено решение о созыве Второго Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов; и из тактических соображений большевики и левые эсеры хотели к этому дню передать ПЛСР наркомат земледелия. Первоначально открытие съезда намечалось на 26 ноября, но состоялось днем позже³⁵⁶. Данные о численности фракций на съезде весьма противоречивы. Все исследователи сходятся на том, что из 790 делегатов съезда большевиков было 91. А вот дальше начинаются разногласия. По одним данным эсеров было 370 и они являлись самой многочисленной фракцией съезда, а левых эсеров — 319³⁵⁷; по другим — эсеров было только 305, левых эсеров — 350, а беспартийных — 44³⁵⁸. Разночтения статистических данных связаны с тем, что в ходе съезда численность депутатов менялась, прежде всего потому, что крестьянские (эсеровские) делегаты прибывали на съезд с опозданием (им было труднее, чем солдатам, добраться до Петрограда).

Уже в первый день работы съезда началась ожесточенная борьба между сторонниками Исполкома (эсерами) и президиумом Чрезвычайного съезда (большевиками и левыми эсерами) по вопросу о том, кто откроет съезд³⁵⁹.

дать бой по всей линии», указывал Закс (там же, с. 19). «Нам нужно войти на съезд и [...] ясно сказать о разрыве с ЦК», — считал делегат от таганрогских левых эсеров Родионов (там же, с. 20). Алгасов вообще был против участия в работе съезда: «Надо раз навсегда отмежеваться, вырыть между нами пропасть, они не нужны нам. Необходимо сделать свое заявление, отозвать своих, они не уйдут сразу, но потом уйдут» (там же, с. 23). Примерно то же предлагал Натансон: выпустить декларацию левых о том, что «все мы можем смести в буржуазном обществе, все сметем, что будет в наших силах, что мы будем действовать именем Советов», после чего покинуть съезд, уведя с собой всех избранных туда левых эсеров (там же). На практике, однако, все ограничилось декларацией Штейнберга и Трутовского.

³⁵⁵ АИГН, 10/3, с. 74

³⁵⁶ Правда, даже Камков признал, что съезд этот «формально не правомочен». «Но время такое, — продолжал Камков, — что нельзя устраивать все по точному регламенту» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 24).

³⁵⁷ Историк-марксист, 1927, 6, с. 40.

³⁵⁸ Зайцев. Политика партии большевиков, с. 52. Такие же сведения приводит в своей статье Р. М. Илюхина (К вопросу о соглашении, с. 19).

³⁵⁹ Вот как описывала открытие съезда Спиридонова: «Правые требовали, чтобы открыл съезд В. М. Чернов, левые — чтобы открыл президиум Чрезвычайного съезда. [...] Правая часть заглушает ревом и свистом голос левых, левые отвечают, кончается почти свалкой. Требовали удаления — одни правых, другие левых. [...] Пришлось закрыть второе заседание. Армия и флот требовали, чтобы все «вольные» и штатские, все интеллигенты ушли, остался один «фронт», чтобы обсудить, как быть. [...] Решать было предложено сразу обо всем, и о пайках солдатам, и об учителях» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 114).

Речь фактически шла о легализации Исполкомом Чрезвычайного съезда и его президиума. Поскольку левые эсеры и большевики сумели организовать быстрый приезд на съезд армейских делегатов так называемых «крестьянских секций» фронта, тыловых гарнизонов и флота, первоначально у левого блока оказалось большинство. Эсеры при голосовании потерпели поэтому поражение и вынуждены были признать президиум Чрезвычайного съезда, который и открыл Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Председателем съезда избрали Спиридонову. За нее голосовало 246 делегатов. За Чернова — 233³⁶⁰. За Спиридонову голосовали, в основном, «серые шинели», что было отчетливо видно, поскольку голосование производилось путем выхода делегатов в разные двери.

Соотношение сил, однако, вскоре изменилось в пользу эсеров за счет прибывших эсеровских крестьянских депутатов. Когда на съезде появился Ленин, большинство зала было уже не на его стороне. Ленин попытался получить слово как председатель СНК. В этом ему было отказано, так как съезд указал, что не решил еще вопроса о признании советского правительства законной властью. Тогда Ленин запросил слово как член большевистской фракции съезда и заявил, что уйдет в отставку, если съезд вынесет Совнаркому вотум недоверия. Разумеется Ленин рассчитывал на благоприятный исход голосования. Но расчет не оправдался. 360 голосами против 321 съезд вынес вотум недоверия советскому правительству и постановил настаивать на созыве Учредительного собрания.

В отставку Ленин, разумеется, не ушел. На следующий день для спасения положения на съезд прибыл Троцкий. Его появление совпало с публикацией в газете статьи Троцкого с угрозой воспользоваться против врагов советской власти «изобретенной еще во время великой французской революции машинкой, укорачивающей человека ровно на длину головы». И Троцкому пришлось покинуть трибуну под негодующие крики делегатов, не сумев сказать и слова. Избранный в первые дни работы съезда левым блоком президиум, будучи не в силах успокоить возмущенных 126 делегатов, ушел вместе с левой половиной съезда в отдельный зал, где Троцкий прочитал свой доклад.

С этого момента съезд распался на две части, которые хоть и пробовали несколько раз снова слиться и работать вместе, каждый раз после бурных столкновений расходились по своим залам. В одно из совместных заседаний эсерами был поднят вопрос о переизбрании временного президиума съезда и замене его постоянным. Переизбрание Спиридоновой и других сторонников левого блока было неизбежно. Чтобы спасти

---

³⁶⁰ Несколько иную статистику дает Чернов: за Спиридонову — 269 голосов, за Чернова — 230 (АИГН, 10/3, с. 75).

положение, левые эсеры зачислили в свою фракцию делегатов, не имевших оформленных мандатов. Эсеры пробовали протестовать. Тогда Спиридонова заявила, что слагает полномочия и вместе со всем левым блоком покидает съезд. На девятый день работы съезда, 4 декабря, съезд окончательно раскололся. Левые отправились заседать в Смольный. Эсеровская половина назвала себя «Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов (часть в составе 347 делегатов, стоящих на защите Учредительного собрания)» и до 11 декабря, когда была разогнана красногвардейским отрядом, заседала в старом помещении Крестьянского ЦИКа³⁶¹. Съездом был избран временный Исполнительный комитет и на 8 января 1918 года назначен Третий Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов.

В этот период разногласия между большевиками и левыми эсерами фактически сгладились. Левые эсеры уже не выставляли требования о формировании «однородного социалистического правительства», 6 декабря вместе с большевиками, обвинили Исполком Первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов в борьбе с советской властью и соглашательстве с буржуазией и помещиками³⁶², а 7-8 декабря, в разгар работы Крестьянского съезда, где большевики и левые эсеры проводили общую линию, получили в распоряжение ПЛСР несколько наркоматов³⁶³. 9 декабря левый эсер Штейнберг стал наркомом юстиции; Трутовский — наркомом по городскому и местному самоуправлению; Алгасов и Карелин — «министрами без портфеля» и членами коллегии по внутренним делам; Прошьян — наркомом почт и телеграфов; А. А. Измаилович — наркомом по дворцам республики. Колегаев, как и было постановлено ранее, оставался наркомом земледелия³⁶⁴.

После ухода эсеров со Второго Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов земельным делам съезд внимания почти не уделял. Этот вопрос был затронут лишь на последнем заседании, 10 декабря. От левых эсеров с большим докладом выступил делегат Саратовской губернии Н. С. Арефьев. Он осудил эсеров и Временное правительство, чья аграрная

---

³⁶¹ Там же, с. 75-77.

³⁶² Известия Всероссийского крестьянского съезда, 8 декабря 1917.

³⁶³ Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 107.

³⁶⁴ Сообщая об этом членам СНК, Свердлов заявил о достижении полного соглашения с ПЛСР по всем пунктам, подчеркнув, что левые эсеры «обязуются проводить советскую политику» (там же, с. 107-108). Официально эти назначения утверждены были на заседании ВЦИК 12 декабря. Большевикско-левоэсеровский блок с успехом действовал в провинции. Так, в Тамбовской губернии из 25 мест в исполкоме Совета 15 взяли себе большевики, 10 - левые эсеры В Вологодской губернии, согласно информации от 4 декабря, президиум Совета разделили между собой большевики и левые эсеры. А в Иркутске состоявший из левых эсеров и большевиков ВРК взял в свои руки «всю работу по организации власти». (Гусев. Партия эсеров, с. 180.)

политика обусловила «успех народного восстания в октябре». В то же время Арефьев оценил декрет «О земле» как «благодетельный шаг», проникнутый «духом программы партии эсеров без всяких уступок и логических противоречий». За принятие этого декрета левый эсер благодарил Ленина и призывал делегатов высказаться за решение земельного вопроса в духе аграрной программы эсеров и провести в жизнь принцип уравнительного землепользования: до утверждения Учредительным собранием — на временной основе, а после — на постоянной³⁶⁵.

Резолюция по докладу была утверждена большинством голосов. В ней, в частности, указывалось, что съезд утверждает новое «Положение о земельных комитетах» и «Временные правила об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений». Документы эти в наркомате земледелия разработали левые эсеры³⁶⁶. В середине декабря большевики нашли возможным утвердить эти документы практически без изменений. («Временные правила» после утверждения Совнаркомом стали называться «Инструкцией») ³⁶⁷. «Положение» и «Инструкция» имели и общеполитическое значение: несмотря на свой временный характер — «до окончательной земельной реформы» — они не упоминали об Учредительном собрании как о высшей и последней инстанции для выработки всех аграрных инструкций и законов³⁶⁸. И это

---

³⁶⁵ Голос трудового крестьянина, 13 и 14 декабря 1917.

³⁶⁶ Проект их был опубликован в «Известиях Всероссийского крестьянского съезда» 2 декабря 1917 г. Позже они были окончательно утверждены Совнаркомом и опубликованы 13 декабря в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства». «Положение» было подписано Колегаевым и Лениным.

³⁶⁷ Оба документа исходили из полной отмены декретом о земле помещичьей собственности на землю и передавали ее в распоряжение земельных комитетов. Согласно «Инструкции» все земли сельскохозяйственного назначения делились на две категории — подлежащие и не подлежащие разделению в уравнительное землепользование. Земли первой категории в свою очередь делились на две части. Земли, не превышающие «трудовую норму», оставались в распоряжении прежних владельцев. А земли, обрабатываемые наемным трудом, подлежали перераспределению. Однако пока это был лишь общий принцип. Конкретных указаний по определению размеров трудовых норм «Инструкция» не содержала. Конфискованный инвентарь и скот, по теории, как и земля, подлежал распределению. (Собрание узаконений РСФСР. 1917, № 7, с. 102-107.) В целом инструкцию положительно оценивают даже советские историки. П. Н. Першин, например, пишет, что «нельзя было и рассчитывать, что вновь созданный наркомат, не имея сколько-нибудь опытного рабочего аппарата [...] мог в несколько дней разработать подробную инструкцию» (Першин. Аграрная революция в России, кн. 2, с. 62-63). Е. А. Луцкий считает, что «Инструкция» имела «важное значение в проведении аграрной политики советской власти» (Луцкий. Политика советской власти, с. 153).

³⁶⁸ Возможно, это означало, что при выработке этих документов, имевших для ПЛСР принципиальное значение, большевики оставили без изменений эсеровские аграрные законы в обмен на отказ левых эсеров от лозунга «Вся власть Учредительному собранию». В том, что для большевиков принятие этих законов было уступкой, сомневаться не приходится. Ленин неоднократно говорил об этом. Так, 18 декабря он заявил, что большевики, конечно же, обязаны будут дать левым эсерам возможность осуществить их аграрную программу, воздерживаться в СНК при голосовании по аграрным вопросам. (Ленин. ПСС, т. 35, с. 103.) Косвенным доказательством тактического сговора служат январские события. Сразу же после разгона Учредительного собрания большевики выступили против перенесения ряда положений «Инструкции» в закон о социализации земли, а сами земельные комитеты как самостоятельные учреждения по требованию большевиков были распущены и заменены земельными отделами Советов. Но в самих сельских Советах количество левозеро-эсеровских функционеров было значительным, чего нельзя было сказать о сельских функционерах партии большевиков. Практическая работа по реализации эсеровского декрета «О земле» также лежала на партии левых

было признаком того, что левые эсеры, как и большевики, становятся на дорогу противостояния Учредительному собранию.

Разногласия отошли в прошлое³⁶⁹. Левые эсеры готовы были забыть теперь и декрет о печати, и разгон эсеровской Петроградской городской думы³⁷⁰. Большевики — «приняв целиком, без единого изменения, эсеровскую аграрную программу» социализации земли и сняв на время лозунг национализации — пошли на «несомненный компромисс» и заключили «очень важный (и очень успешный) политический блок»³⁷¹.

Если бы в конце 1917 года большевики не пошли на союз с левыми эсерами, они никогда не смогли бы проникнуть в деревню³⁷², укрепиться в городах, преодолеть сопротивление меньшевиков и эсеров, выступавших за «однородное социалистическое правительство». Иными словами, если бы не поддерживавшие большевиков в критические моменты левые эсеры, большевики никогда не смогли бы удержать власть. Без левых эсеров они не смогли бы устранить и еще одного конкурента — Учредительное собрание, стоящее на пути ленинского правительства вообще и сепаратных переговоров с Германией, в частности. Учредительное собрание никогда не согласилось бы подписать и ратифицировать Брестский мир в той форме, в какой задумал его Ленин. Нужно было спешить, чтобы поставить Собрание перед совершившимся фактом начала мирных переговоров и демобилизации русской армии. Эту сложнейшую задачу первых дней революции взял на себя Лев Троцкий.

Глава четвертая. Начало переговоров в Бресте

эсеров. Это подтверждают как советские, так и западные историки. Луцкий пишет: «Непосредственное осуществление советской аграрной политики проходит через находившийся в руках левых эсеров наркомзем» (Вопросы истории, 1947, № 10, с. 28).

³⁶⁹ 14 декабря фракция ПЛСР во ВЦИК высказалась за проект декрета о национализации банков: «Мы присутствуем при начале экспроприации экспроприаторов, здесь не может быть двух мнений. Мы готовы всемерно поддержать товарищей большевиков». Устами Штейнберга ПЛСР поддержала большевиков и по вопросу о внешней политике. (Протоколы II созыва, с. 149-150, 155). Вместе начали две партии работу по созыву социалистической конференции левых интернационалистов Европы.

³⁷⁰ Вот как комментировал это событие несколько позже Чернов: «Происходит насильственный роспуск Петроградской думы за ее эсеровское большинство. Партия [эсеров] признает роспуск незаконным и отказывается участвовать в перевыборах. Отщепенцы [левые эсеры], воображая и публично заявляя, что большинство было когда-то партии дано их голосами, собираются занять место, брошенное партией, производят собственную «чистку» имен кандидатов, идут на перевыборы и терпят жалкий провал» (АИГН, 382/2, с. 32).

³⁷¹ Ленин, ПСС, т. 41, с. 57. Цитата 1920 года.

³⁷² Свердлов указывал на это достаточно откровенно: «В течение долгого времени, — сказал Свердлов, — нам совершенно не удавалось заложить какой-нибудь прочной основы для нашей работы в организациях крестьянства [...]. Когда создался Второй крестьянский съезд [...] победа оказалась на стороне левых эсеров, приехавших с мест» (Свердлов. Избранные статьи и речи, с. 79).

В революционную Россию Троцкий возвращался из Канады и не имел отношения ни к проезду революционеров через Германию, ни к немецким деньгам. К большевикам он примкнул незадолго до Октябрьского переворота, а потому всегда ощущал приоритет Ленина и в критические моменты революции соглашался быть его верным оруженосцем. Троцкому важна была революция. Ленину важна была власть. Уже в сентябре (скрываясь в Разливе) Ленин требовал немедленной организации переворота, хотя, по мнению Троцкого, переворот произвести было тогда невозможно, так как не был создан еще Военно-революционный комитет, главный инструмент восстания. Ленин предлагал готовить переворот силами партии. На это член ЦК В. П. Ногин заметил, что призывать к восстанию в сентябре значит повторить июльские дни³⁷³, потерпеть поражение и рисковать разгромом всей партии. ЦК посчитал предложение Ленина авантюрой и отверг его. Чтение политического доклада на Втором съезде Советов было поручено Троцкому (Ленин должен был подготовить лишь «тезисы» по вопросам о земле, войне и власти³⁷⁴).

Ленин уже готов был увидеть в Троцком конкурента на руководство революцией. Однако в ночь большевистского переворота Троцкий сдал Ленину главный и самый трудный экзамен: организовав захват власти в городе Петроградским советом, он, видимо, спас не только большевиков, как партию, но и Ленина. Утром 24 октября «распространился слух о том, что правительство Керенского решило арестовать всех главарей большевиков и вообще принять против них самые решительные меры»³⁷⁵. На вечернем заседании Временного совета Российской республики (Предпарламента) 24 октября Керенский публично называл Ленина «государственным изменником» и открыто признал, что «Временное правительство твердо решило подавить большевизм и что все меры приняты против готовящегося выступления»³⁷⁶. Большевики, пишет один из очевидцев событий, были этим «очень обеспокоены». В 3 часа дня 25 октября Рязанов безуспешно пытался выяснить в Смольном, действительно ли «правительство решило арестовать всех большевиков». Ясного ответа Рязанов не получил. Троцкий поэтому не стал рисковать и выступил не 26 октября, приурочивая переворот ко дню открытия съезда Советов вечером 25-го, а на сутки раньше. Именно этим можно объяснить тот факт, что

---

³⁷³ Подробнее об этом см. Троцкий. Уроки Октября, Об «Уроках Октября», с. 220-262; Коммунистическая оппозиция в СССР, т. 1, с. 125; Разгром левой оппозиции в СССР, с. 246, сн. 4.

³⁷⁴ МИСИ, кол. SIBL, папка 2293/40.

³⁷⁵ АИГН, 198/23, с. 2,

³⁷⁶ АИГН, 149/12, с. 5

большевики, которым принадлежало большинство на съезде Советов и которые знали о предстоящем провозглашении съездом низвержения Временного правительства и перехода всей власти к Советам, решили не дожидаться открытия съезда. Заговорщики и правительство поменялись ролями: вечером 25 октября уже ходил слух о том, что большевики намерены «арестовать весь состав правительства, а в первую голову Керенского»³⁷⁷.

Захватив власть, Троцкий уступил ее Ленину, прождавшему весь период подготовки переворота в Разливе и на конспиративных квартирах и неожиданно для всех появившемуся публично лишь на Втором съезде Советов, уже после захвата власти, в неузнаваемом виде — бритый, без бороды и усов³⁷⁸. Грим и парик настолько изменили Ленина, что узнать его было невозможно даже тем, кто был с Лениным хорошо знаком³⁷⁹. Революционер, в момент восстания прячущийся по конспиративным квартирам под гримами и париками³⁸⁰, мог бы не рассчитывать на такую милость со стороны Троцкого. Но тот уступил Ленину власть в обмен на вхождение в большевистскую организацию — так хотелось Троцкому стать частью этого побеждающего слова — большевизм.

Однажды признав лидерство Ленина, Троцкий оставался лоялен ему и большевистской партии. Ленин же, умевший влюбляться в нужных ему людей (даже и в тех, кого раньше мог величать «иудушкой»)³⁸¹, ценил Троцкого за его преданность революции и готовность пожертвовать личной властью ради интересов дела. Про себя Ленин слишком хорошо знал, что добровольно никогда не уступил бы руководства правительством. Он просто терял интерес к делу, если руководящая роль не принадлежала ему. В этом заключалась необыкновенная сила его личности. Но в этом была и

---

³⁷⁷ АИГН, 198/23, с. 1-2.

³⁷⁸ Там же, с. 5.

³⁷⁹ Зиновьев тоже был неузнаваем, с длинной бородой и бритой наголо головой (АИГН, № 471/20. Письмо БИН — М. А. Алданову от 14 ноября 1952 г. 1 л.). Об этом же писал в своих воспоминаниях А. Иоффе: Изредка на заседаниях ЦК «появлялся прятавшийся Зиновьев, почти неузнаваемый со своими длинными усами, остроконечной бородкой, придававшими ему вид не то испанского гранда, не то бродячего итальянского певца» (Из воспоминаний Иоффе, с. 202).

³⁸⁰ «Ильич на заседаниях ЦК не появлялся, — вспоминает Иоффе. — Ходили слухи, что он страшно нервничает в своем уединенном изгнании [...] полагает, будто большинство ЦК против восстания и поэтому рвет и мечет». Строго конспиративно, под руководством Свердлова, в «Лесном» собрали, наконец, одно из заседаний, на которое должен был явиться и Ленин Тот «пришел злой, раздраженный, плохо настроенный, вероятно, все по той же причине».

Был он почти неузнаваем: «бритый и в парике. Парик, вероятно, сильно ему мешал, [...] он снял его и положил перед собой на стол». И только после речи Троцкого «за восстание с изложением тактики его подготовки» Ленин «совсем развеселился» (там же, с. 202-203).

³⁸¹ Этот текст Ленина впервые был напечатан в «Правде» в 1932 году и был черновиком письма, недописанного, не отправленного и не преданного гласности самим Лениным. Остается только проверить по архивам, написал ли Ленин такой текст в действительности.

очевидная слабость Ленина как революционера. На переговорах в Брест-Литовске Ленин не был для немцев соперником: ради сохранения собственной власти он заключил бы с немцами сепаратный мир на любых условиях (что он и сделал в марте). Переговоры должны были вести те, кто ничем не был обязан германскому правительству. Более правильной — с точки зрения интересов революции — кандидатуры, чем бывший меньшевик Троцкий, трудно было сыскать: наркоминдел отправился на переговоры, зная, что лично его немцам шантажировать нечем³⁸².

Совершенно очевидно, что в мире прежде всего были заинтересованы Германия и Австро-Венгрия, а не советское правительство. Если бы немцы считали, что могут и дальше вести войну на Восточном фронте, они бы уже в декабре 1917 года диктовали ультимативные условия, а не вели переговоры с советской стороной как с равной. Уверенность в том, что силы покидают страны Четверного союза и что единственным спасением является заключение сепаратного мира с Россией вселилась в министра иностранных дел Австро-Венгерской империи графа О. Чернина еще в апреле 1917 года. В записке, поданной императору Карлу и предназначавшейся для вручения германскому кайзеру, Чернин утверждал, что «сырье для изготовления военных материалов на исходе», «человеческий материал совершенно истощен», а населением, вследствие недоедания, овладело отчаяние. Возможность еще одной зимней кампании Чернин совершенно исключал, считая, что в этом случае империи наступит конец³⁸³.

Что же стояло за планами сепаратного мира с Россией? Прежде всего, переброска войск с Восточного фронта на Западный, прорыв Западного фронта, взятие Парижа и Кале, непосредственная угроза высадки германских войск на территории Англии. «Мы не можем получить мира, — писал Чернин в своем дневнике, — если германцы не придут в Париж». Но занять Париж немцы смогут лишь после ликвидации Восточного фронта.

---

³⁸² Нет никаких указаний на то, что немцы прибегали к шантажу тех большевиков, которые были с ними связаны еще с дореволюционных времен. Но шантаж общего характера — прекращение поддержки ленинского правительства — имел место 2 (15) декабря 1917 года. В этот день германский посланник в Стокгольме доносил в МИД следующее о своей беседе с Воровским: «Я предупредил его, чтобы он не вздумал экспериментировать с внутренними немецкими делами, сказав ему, что никакая немецкая сторона не поддержит такого эксперимента перед лицом официального мнения. Я сказал, что оппоненты большевиков настаивают, чтобы немецкое правительство не заключало мира с ними, так как придется заново заключать мир с теми, кто придет им на смену. Противники большевиков предлагают немецкому правительству объявить, что большевики не полномочны вести переговоры. Немецкое правительство отвергло эти предложения, но оно не может подвергать себя риску вести переговоры практически в безнадежных обстоятельствах. Боровский признал, что отказ немцев от переговоров может привести к падению большевиков, и попросил, чтобы в Берлине учли тот факт, что большевики вынуждены вести переговоры в условиях демократического контроля, и обеспечить возможность немедленной публикации результатов, и что, кроме того, они должны оставить возможность для участия в переговорах союзников. Они не будут пытаться каким-либо образом повлиять на состав немецкой делегации» (т. е. не будут настаивать на включение в германскую делегацию представителей германских социалистических партий). [Земан. Германия и революция в России. Донесение К. Рицлера из Стокгольма от 2 (15) декабря 1917г.]

³⁸³ Чернин. Брест-Литовск, с. 144.

Значит, перемирие с Россией есть «чисто военное мероприятие», конечная цель которого — ликвидация Восточного фронта для переброски войск на Западный³⁸⁴.

Разумеется, против таких перебросок категорически возражали социалисты Европы, поскольку перемирие на Востоке приводило к усилению германской армии на Западе. Публичные протесты советского правительства против подобных перебросок немецких войск, если и были искренни, ни к чему не приводили, поскольку контролировать немцев не представлялось возможным и на любое заявление советской стороны германская неизменно отвечала, что проводимые переброски планировались еще до начала переговоров. Именно так и было записано в договоре о перемирии: «Во время заключаемого перемирия никакие перевозки германских войск не имели бы места, кроме тех, которые были решены и начаты до этого времени»³⁸⁵.

Начав переговоры о перемирии с советским правительством, германское военное командование в спешном порядке перебросило с Востока на Запад большую часть боеспособных войск. «Впервые за все время войны, — писал впоследствии командующий войсками Восточного фронта генерал М. Гофман, — Западный фронт имел численный перевес над противником». Сепаратный мир с Россией становился ключом к победе Четверного союза в мировой войне. Правда, мир предполагалось заключать с правительством, которое сами же немцы провезли через Германию и которое кроме них никто не признавал. Но это не смущало германских и австро-венгерских дипломатов. «Чем меньше времени Ленин останется у власти, — писал Чернин, — тем скорее надо вести переговоры, ибо никакое русское правительство, которое будет после него, не начнет войны вновь». В этом была своя логика.

Германские и австрийские дипломатические деятели хорошо понимали, с кем они собираются вести переговоры и какие цели ставят перед собою русские революционеры. «Несомненно, что этот русский большевизм представляет европейскую опасность», — писал Чернин, считавший, что было бы правильнее «вовсе не разговаривать с этими людьми», а «идти на Петербург и восстановить порядок». Но сил для этого у Центральных держав не было³⁸⁶. Приходилось вести переговоры.

19 ноября (2 декабря) русская делегация, насчитывающая 28 человек, прибыла на немецкую линию фронта, а на следующий день — в

---

³⁸⁴ Гофман. Война упущенных возможностей, с. 1Б1.

³⁸⁵ Там же, с. 163, 193.

³⁸⁶ Чернин. Брест-Литовск, с. 145-147.

Брест-Литовск, где помещалась ставка главнокомандующего германским Восточным фронтом³⁸⁷. Как место для ведения переговоров Брест-Литовск был выбран Германией. Очевидно, что ведение переговоров на оккупированной немцами территории устраивало прежде всего германское и австрийское правительства, поскольку перенесение переговоров в какую-нибудь нейтральную страну вылилось бы в межсоциалистическую конференцию. В этом случае, конечно же, конференция обратилась бы к народам «через головы правительств»³⁸⁸ и призвала бы к всеобщей стачке или гражданской войне. Тогда инициатива из рук германских и австро-венгерских дипломатов перешла бы к русским и европейским социалистам.

Мнение руководителей русской революции по вопросу о месте ведения переговоров в общем сводилось к тому, что переговоры выгоднее вести в нейтральной стране, например, в Швеции. Однако было очевидно, что этот путь не даст быстрых результатов, а скорее всего приведет к срыву переговоров³⁸⁹. В тому же в Бресте Ленин с Троцким были застрахованы от вмешательства в переговоры социалистов стран Антанты. В Стокгольме же им пришлось бы на виду у мирового общественного мнения настаивать на всеобщем демократическом мире (без аннексий и контрибуций)³⁹⁰, хотя

---

³⁸⁷ Германия, док. № 41 от 2 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Лерснера в МИД Германии; там же, док. № 44 от 3 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Розенберга в МИД Германии.

³⁸⁸ Стокгольм, собственно, давно уже был выбран социалистами как место для переговоров между европейскими социалистами. Подготовка к (так и не состоявшейся) конференции началась уже летом 1917 года. Наиболее активным элементом в организации конференции был голландско-скандинавский комитет, возглавляемый шведским социалистом Брантингом и бельгийским — Камилем Гюисмансом. Уже в мае «голландско-скандинавский комитет составил и разослал различным социалистическим и рабочим организациям небольшую программу обсуждения условий демократического мира» (и получил от некоторых делегаций ответы). Конференция предполагала исходить из «признания справедливого мира» и подразумевала «право народов распоряжаться своей судьбой, автономии национальностей, отказ от захватов, от контрибуций» (АИГН, 61/5, с. 1, 20, 24).

Конференция не состоялась, так как страны Четверного союза, с одной стороны, и Россия, с другой, приступили к сепаратным переговорам. Тогда делегаты несостоявшейся стокгольмской конференции решили провести в Лондоне во второй половине января 1918 года конгресс социалистов Антанты (т. е. представителей тех стран и партий, которые отказались участвовать в сепаратных переговорах). Лондонский съезд состоялся, но без участия русских партий, представителям которых советское правительство вовремя не выдало заграничные паспорта. Так, эсеровские делегаты съезда — В. В. Сухомлин и Н. С. Русанов получили паспорта лишь 28 февраля. (Там же, ч. 2, с. 136.) За это время, с 6 по 12 февраля, успела состояться еще одна конференция — Бернская, где собрались «социалисты двух противоположных лагерей», но относились друг к другу слишком враждебно для того, чтобы хоть о чем-то договориться. Бельгийцы, например, за исключением Гюисманса, просто отказывались заседать в одном зале с немцами (там же, с. 147).

³⁸⁹ Боровский в беседах с германскими дипломатами указал, что лозунг переговоров о всеобщем мире был выдвинут по соображениям внутривосточным, подтверждая этим, что советское правительство стремится к сепаратному, а не всеобщему миру. Вот что доносил 8 декабря по н. ст. германский посланник в Стокгольме Рицлер в МИД Германии: «Я только что имел частную беседу с Боровским, который производит впечатление честного и разумного человека. Он думает, что его правительство вынуждено из опасений перед внутренними политическими врагами оставить открытой возможность участия союзников в переговорах и может оправдать сепаратный мир, лишь сославшись на отказ союзников участвовать в переговорах. Однако он сказал, что призывы на этот счет столь же бессмысленны, как призывы к народу начать революцию. Если эти призывы окажутся безуспешными, русские начнут прямые переговоры о сепаратном мире» (Земан. Германия и революция в России. Донесение Рицлера о беседе с Боровским в Стокгольме 25 ноября /8 декабря/).

³⁹⁰ Публично большевики всякий раз подчеркивали, что речь не идет о сепаратных переговорах с аннексиями и контрибуциями. Даже в начале декабря 1917 года, когда становилось все очевиднее, что Германия настаивает на

бы уже потому, что социалисты Англии, Франции и Бельгии не могли согласиться на русско-германское сепаратное соглашение. В Бресте решал Ленин. В Стокгольме Ленин становился сторонним наблюдателем. И какой-нибудь Парвус или Радек-Ганецкий-Воровский, со связями в Скандинавии в международном социалистическом движении и в дипломатических сферах³⁹¹ могли оказаться важнее Ленина и всего русского ЦК.

Настаивая на Стокгольме Парвус или Радек хотели превратить советско-германский диалог в разговор между германским правительством и социалистическими партиями Европы. По существу тем самым ставился вопрос о всеобщей европейской революции³⁹², для которой заключение мира могло оказаться «самым революционным актом»³⁹³. Иными словами, если бы конференция увенчалась успехом, социалисты, несомненно, пришли бы к власти на нажитом капитале. Если бы конференция, подавшая надежды на всеобщий мир, окончилась бы провалом, это, как казалось европейским социалистам, могло бы привести ко всеобщей стачке и революции. Но и в том и в другом случае вспыхивала европейская революция, а революция в России отходила на второй план, что

недемократическом мире, Зиновьев утверждал, что большевики подписывают именно демократический мир: «Мы Вильгельма прижали к стене, и его генералы должны будут скоро дать ясный и определенный ответ: желают ли они захватов, насилия и грабежей, или принимают они наши условия». [Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Зиновьева. — НЖ, 14 (27) декабря 1917, № 201 (195).] «Событиями последних дней в Брест-Литовске вырван боевой козырь у меньшевиков и правых эсеров, которые твердили, что большевики ведут Россию к гибели, заключая будто бы сепаратный мир. Теперь стало ясно, [...] что только советская власть проявила активную деятельность в вопросе внешней политики и только благодаря ей мы скоро получим настоящий демократический мир. [...] Советская делегация во время переговоров проявила сильную устойчивость и добилась от германских генералов признания наших основных пунктов соглашения.» [Съезд железнодорожных рабочих. Выступление Зиновьева. — НЖ, 16 (29) декабря 1917, № 203 (197).]

³⁹¹ То, что речь шла о борьбе за власть в партии (или за влияние в международном социалистическом движении), косвенно подтверждает донесение Рицлера германскому канцлеру от 31 октября (12 ноября) 1917 года: «В настоящий момент я не думаю, что правительство в Петрограде, если допустить, что оно достаточно укрепит свою власть и продержится хотя бы несколько недель, использует Радека, Фюрстенберга [Ганецкого] и Воровского в качестве посредников. [...] Самый энергичный и талантливый из них — это поляк Собельсон, выступающий обычно под псевдонимом Карл Радек, хорошо известный немецким социал-демократам по его прошлой деятельности в Германии. Студентом он как будто крал книги и прочие вещи, и друзья наградили его кличкой Крадек. В русских газетах он до сих пор фигурирует под этим именем, и он взял его в качестве псевдонима. Он характеризуется как человек абсолютно аморальный, но очень умный и необычайно способный журналист. [...] В настоящий момент его работоспособность и знание германской политики — он знает даже ее потайные стороны — наверняка привлекут в Петрограде уважение к его идеям и предложениям» [Земан. Германия и революция в России, док. от 31 октября (12 ноября) 1917].

³⁹² Немецкий историк-социалист пишет: «Большевикам было ясно, что при данной ситуации общий мир мог быть только результатом европейской революции. У держав Антанты, силы которых непрерывно росли, не было никаких оснований отчаиваться в исходе войны, несмотря даже на то, что германское военное командование получало в распоряжение большие силы, освободившиеся на востоке. Всякий сепаратный мир с Германией обозначал огромное усиление германского империализма. В этом отношении большевики находились под властью событий. У них не осталось никакого иного средства, кроме широкой пропаганды [...], апеллирующей к пролетарским массам других стран [...]. Это должно было подогреть революционную энергию во всех странах» (АТ, Т-3742 П. Фрелих. К истории германской революции, т. 1, с. 219-220.)

³⁹³ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 99.

категорически не устраивало Ленина³⁹⁴.

21 ноября (4 декабря) переговоры в Брест-Литовске начались. С советской стороны делегацию возглавили три большевика (Иоффе, Каменев и Сокольников) и два левых эсера (А. А. Биценко³⁹⁵ и С. Д. Масловский-Мстиславский)³⁹⁶. По поручению главнокомандующего Восточным фронтом Леопольда принца Баварского, с германской стороны переговоры должна была вести группа военных во главе с генералом Гофманом. За день до начала переговоров генерал Э. Людендорф сформулировал директивы переговоров: согласие на невмешательство в

---

³⁹⁴ Конкуренция за руководство революционным движением в Европе между группой Ленина и группой Парвуса не осталась незамеченной немцами. 2 (15) декабря Рицлер доносил в МИД, что за перенесение переговоров в Стокгольм стоит не только Боровский, но и Парвус, «который хочет сыграть свою роль». 13 (26) декабря в отчете агента германского правительства в МИД эта тема обсуждалась более подробно:

«Возобновившиеся попытки русских перенести переговоры из Брест-Литовска в какую-нибудь нейтральную страну объясняются главным образом влиянием Радека и его друзей, которые преследуют тут две цели. С одной стороны, они надеются, что если, например, будет выбран Стокгольм, то они смогут иметь большее влияние, потому что тогда те люди, которые на протяжении многих месяцев были представителями большевиков в Стокгольме, смогут играть более значительную роль в переговорах. С другой стороны, они, вероятно, надеются на затягивание переговоров, в Стокгольме влияние революционной социал-демократии, особенно немецкой группы, будет чувствоваться сильнее, чем в Петрограде, не говоря уже о Брест-Литовске. В этой связи стоит упомянуть, что интерес Радека в разжигании революции совсем иного сорта, чем у Ленина или Троцкого».

«Похоже, что Радек и Ко. плетут какую-то собственную международную революционную паутину», — доносил Рицлер 11 (24) декабря. В тот же день в поданном им секретном меморандуме Рицлер объяснил, что речь идет, по существу, о борьбе за власть в большевистской партии между Парвусом, с одной стороны, и Лениным и Троцким — с другой:

«Прибыв сюда в середине ноября, Парвус сначала был уверен в возможности и необходимости социалистической конференции. Датское предложение созвать такую конференцию, которое пока что не дало никаких результатов и о котором забыли, следует считать плодом его усилий. [...] Различные аспекты его деятельности не ясны нам до сих пор. Кроме желания созвать социалистическую конференцию, он также надеялся, что переговоры будут вестись здесь или в Копенгагене и он сможет использовать свое влияние, чтобы контролировать их с обеих сторон. Насколько сильно его влияние на русских социалистов — не ясно. Он сам сначала страстно ждал сообщений на этот предмет, [...] он переоценивает свое влияние на других, точно так же как он переоценил доверие Воровского и Радека к нему. Он говорит, что эти двое ничего не предпринимают, не сообщив ему. Но я абсолютно точно выяснил, что он ошибается. Боровский относится к нему с величайшим подозрением и говорит, что верить Парвусу нельзя. Сейчас доктор Гельфанд [Парвус] работает над укреплением своей позиции в России с помощью «унтер-офицеров», вопреки Ленину и Троцкому и даже, при необходимости, против них».

Парвус, проживавший в то время в Копенгагене, прибыл в Стокгольм для ведения переговоров с русскими большевиками, прежде всего Радеком и Ганецким [Донесение Рицлера в МИД от 5(18) декабря]. Однако германское правительство, понимавшее, что Парвус будет интриговать против Ленина и сепаратного мира отозвало Парвуса из Стокгольма. Тот тянул с отъездом, как мог, под тем предлогом, что не может купить обратный билет. 11 (24) декабря Рицлер сообщил, что Парвус «уезжает только сегодня». К этому времени Парвус как политический деятель уже скомпрометировал себя в глазах социалистов открытыми связями с германским правительством, и те самые революционеры, которые в годы войны прибегали к услугам Парвуса и его деньгам, теперь отвернулись от него. Старые связи с Парвусом становились только помехой (Земан. Германия и революция в России, документы от соответствующих чисел).

³⁹⁵ «Третьим членом делегации является г-жа Биценко, — записал Чернин в своем дневнике. — [...] То, что происходит кругом нее, ей, кажется, в сущности безразлично. Только тогда, когда речь заходит о принципах международной революции, она внезапно просыпается, все выражение ее лица меняется и она напоминает хищного зверя, который внезапно увидел свою добычу перед собой и готов кинуться на нее» (Чернин. Брест-Литовск, с. 149-150).

³⁹⁶ Из пропагандистских соображений в состав первой советской делегации включили рабочего Н. А. Обухова, крестьянина Р. Н. Сташкова, матроса Ф. В. Олича и солдата Н. К. Белякова.

Этих держали для парада, и в переговорах они никакого участия не принимали. В состав делегации была также включена группа военных консультантов, из высших офицеров русской армии: генерал-майор В. Е. Скалой, контр-адмирал Альфатер, капитан 1 ранга Б. И. Доливо-Добровольский и некоторые другие. (Чубарьян. Брестский мир, с. 87). Секретарем делегации был назначен большевик Л. М. Карахан.

российские дела; денежные компенсации германскому правительству за содержание более миллиона русских военнопленных; «присоединение Литвы и Курляндии к Германии, так как мы нуждаемся в большем количестве земли для пропитания народа»; гарантии того, что в Финляндии, Эстонии, Лифляндии и на Алландских островах не закрепится Англия; обмен военнопленными и гражданскими пленными; самоопределение Польши и ее федерация с Центральными державами; установление границы между Литвой и Польшей в соответствии с военными интересами; возврат оккупированных русских территорий при определении восточной границы Польши; отказ России от Финляндии, Эстонии, Лифляндии, Молдавии, Восточной Галиции и Армении; предложение германского посредничества при урегулировании вопроса о Дарданеллах и других спорных европейских вопросах в случае отказа России от намерений завоевать Константинополь; модернизация железнодорожной сети России с привлечением германского капитала и другие взаимовыгодные экономические соглашения; восстановление правовых взаимоотношений; нейтралитет Германии в случае нападения Японии на Россию; переговоры о будущем союзе с Россией³⁹⁷.

Но все это были лишь директивы. На состоявшемся 3 декабря по н. ст. первом совместном заседании делегатов многие из этих вопросов вообще не поднимались. Русская делегация настаивала на заключении мира без аннексий и контрибуций. Гофман на это как бы соглашался, но при условии присоединения к этому требованию еще и Антанты, а поскольку, как всем было ясно, советская делегация не уполномочена была Англией, Францией и США вести переговоры с Четверным союзом, вопрос о всеобщем демократическом мире повис в воздухе. К тому же делегация Центральных держав настаивала на том, что уполномочена подписывать лишь военное перемирие, а не политическое соглашение. И при внешней вежливости обеих сторон общий язык найден не был.

Германское правительство явно надеялось на быстрое заключение соглашения с большевиками. Иоффе, ведущий переговоры от имени советского правительства, пытался выиграть время. Немцы предлагали начать тотчас хотя бы неофициальное обсуждение перемирия. Иоффе предлагал перенести обсуждение на 4 декабря по н. ст. Делать было нечего, все согласились³⁹⁸.

4 декабря в 9.30 утра переговоры возобновились. От имени советской делегации контр-адмирал В. М. Альфатер зачитал проект перемирия. Подразумевалось, что перемирие будет всеобщим, сроком на шесть

---

³⁹⁷ Германия, док. № 45 от 3 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Лерснера в МИД Германии.

³⁹⁸ Там же, док. № 47 от 3 декабря по н. ст. 1917 г. Протокол заседания.

месяцев. Возобновление военных действий могло последовать только с объявлением о том противной стороне за 72 часа. переброска войск в период перемирия сторонам не разрешалась. Определялась четкая демаркационная линия. После заключения всеобщего перемирия все местные перемирия теряли силу. Гофман на это заметил, что о всеобщем перемирии говорить бессмысленно, так как Антанта не побеждена, не присоединилась к переговорам, не пойдет на перемирие и в одностороннем порядке объявлять о прекращении огня на Западном фронте Германия не может. Перемирие поэтому может быть заключено только на Восточном и русско-турецком фронтах. На пункт о запрете перебросок войск Гофман возразил, что Германия оказывается здесь в невыгодном положении, так как только она воюет на два фронта и этот пункт, следовательно, направлен только против нее. К тому же общий запрет на перемещение войск подразумевает и запрет отвода войск в тыл, и замену уставших частей свежими, а это неразумно и в конечном счете не выгодно ни одной из сторон. Гофман предложил, поэтому, договориться о том, что армии Центральных держав, выставленные против России, не могут усиливаться, как и русские армии, выставленные против стран Четверного союза. Кроме того немцев не устраивали сроки — в шесть месяцев, как слишком большой (перемирие рассматривалось ими как первый шаг к миру, а советской делегацией — как оттяжка переговоров на полгода), и 72-часовой, как слишком короткий. Компромисс был найден в том, что перемирие заключалось с 10 декабря 1917 г. до 7 января 1918 г. по н.ст., а предупреждение о разрыве перемирия должно было последовать за семь дней.

Подписать договор предполагалось на следующем заседании, утром 5 декабря. В течение ночи советская делегация вела оживленные переговоры с Петроградом³⁹⁹. Центр ответил, что уступать нельзя и предложил «немедленно после утренних переговоров [22 ноября (5 декабря)] выехать в Петроград, условившись о новой встрече с противниками на русской территории через неделю»⁴⁰⁰.

На заседании 5 декабря советская делегация объявила, что «считает необходимым прервать конференцию на одну неделю» с тем, чтобы возобновить заседания 12 декабря (29 ноября)⁴⁰¹. «Здесь не торопятся, — записал Чернин. — То турки не готовы, то опять болгары, затем канителият

---

³⁹⁹ Там же, док. № 51 от 4 декабря по н. ст. 1917 г. Протокол заседания; там же, док. № 54 от 5 декабря по н. ст. 1917 г. Розенберг в МИД Германии.

⁴⁰⁰ Цит. по кн. Чубарьян. Брестский мир, с. 89.

⁴⁰¹ Германия, док. № 56 от 5 декабря по н. ст. 1917 г. Протокол заседания.

русские, и в результате заседание снова откладывается или закрывается тотчас после начала»⁴⁰².

Как и предусматривала директива Петрограда, советская делегация предложила перенести переговоры в Псков.⁴⁰³ Согласившись на перерыв, германская делегация отклонила требование о переносе места заседаний, сославшись на то, что в Бресте созданы лучшие условия⁴⁰⁴. Иоффе не стал возражать. В неофициальном порядке было договорено о том, что на Восточном и русско-турецком фронтах с 24 ноября (7 декабря) до 4 (17) декабря объявляется перемирие, продленное затем до 1 (14) января 1918 г.⁴⁰⁵ В первый день перемирия, 24 ноября (7 декабря), советская делегация, уже вернувшаяся домой, докладывала ВЦИКу о мирных переговорах. В прениях Троцкий был циничен, хладнокровен и подготавливал к возможному возобновлению войны: ⁴⁰⁶

«Мы говорим с (германской) делегацией, как стачечники с капиталистами [...]. И у нас, как у стачечников, это будет не последний договор. Мы верим, что окончательно будем договариваться с Карлом Либкнехтом, и тогда мы вместе с народами мира перекроим карту Европы [...]. Если бы мы ошиблись, если бы мертвое молчание продолжало сохраняться в Европе, если бы это молчание давало бы Вильгельму возможность наступать и диктовать условия, оскорбительные для революционного достоинства нашей страны, то я не знаю, смогли бы мы при расстроенном хозяйстве и общей разрухе [...] смогли бы мы воевать. Я думаю: да, смогли бы. (Бурные аплодисменты.) За нашу жизнь, за смерть, за

---

⁴⁰² Чернин. Брест-Литовск, с. 154.

⁴⁰³ Советская делегация как условие перемирия пыталась выторговать также право провоза и распространения в Германии и провоза через Германию для распространения в Англии и Франции пропагандистской литературы о мире. Гофман на это заметил: «Желание пробудить в Германии стремление к миру является излишним, так как мы ведь готовы заключить с вами мир». Впрочем, распространение «пропагандистских брошюр в других странах» Гофман считал уместным: немцы надеялись пораженческой пропагандой ослабить Англию и Францию. (Чубарьян. Брестский мир, с. 90.)

⁴⁰⁴ Известия ЦИК, 25 ноября 1917, № 235. В Армении новость о перемирии не была воспринята с большой тревогой. Вот что писала в те дни одна из закавказских газет: «Из Эривани Закавказскому комиссариату телеграфирует президиум съезда армян-воинов: «Выслушав доклад и декларацию Закавказского комиссариата об объявлении сепаратного перемирия России с Турцией, первый всероссийский съезд армян воинов постановил: [...] Съезд верит, что революционная демократия свободной России [...] не отдаст остатки армянского народа [...] на растерзание самодержавной Турции и одним из условий мира будет полное самоопределение Турецкой Армении, полное ее освобождение от турецкого ига [...]. Впредь же до заключения мира Армения не должна быть очищена нашими войсками, ибо очищение занятых областей имело бы последствием истребление [турецкой армией] остатков нашего народа» (газ. Республика [Тифлис], № 116, 26 ноября 1917, с. 1-2, статья «К перемирию»).

⁴⁰⁵ Соглашение о продлении перемирия было подписано вечером 3(16) декабря 1917 г. Перемирие могло быть разорвано любой из сторон с уведомлением за семь дней. В случае отсутствия такого уведомления перемирие автоматически продлялось вплоть до разрыва его с уведомлением за семь дней любой из сторон. (Германия, док. № 90 от 16 декабря 1917 г. по н. ст. Тел. Розенберга в МИД Германии.)

⁴⁰⁶ Член мирной делегации левый эсер Мстиславский докладывал о мирных переговорах на заседании Первого съезда ПЛСР.

революционную честь мы боролись бы до последней капли крови. (Новый взрыв аплодисментов.)»⁴⁰⁷

Каменев был оптимистичен: «Я могу сказать смело, на основании своих впечатлений, для сепаратного мира у Германии предел уступок весьма и весьма широк. Но не для того мы ехали в Брест, мы туда поехали потому, что были уверены, что наши слова через головы германских генералов дойдут до германского народа, что наши слова выбьют из рук генералов оружие [...]. Если германские генералы думают, что мы взяли слишком заносчивый тон и были слишком требовательны, то мы уверены, что наши требования будут еще больше [...]. Мы были смелы [...]. С одной и другой стороны использована сила штыков, но не использована еще сила революционного энтузиазма»⁴⁰⁸.

12 (25) декабря, в день возобновления работы Брест-Литовской мирной конференции, граф Чернин объявил от имени стран Четверного союза, что они согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и контрибуций и присоединяются к советской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей³⁷. Аналогичное заявление сделал Р. Кюльман: «Делегации союзников полагают, что основные положения русской делегации могут быть положены в основу переговоров о мире»⁴⁰⁹.

---

⁴⁰⁷ Протоколы II созыва, с. 168, 127. Точку зрения большевиков и левых эсеров разделяли в этом вопросе меньшевики. Д. Ю. Далин, в частности, пишет: «Идея большой социалистической революции на Западе одушевляла меньшевизм во всех его течениях, хоть и с разными оттенками. Дело было не только в том, что меньшевизм [...] сохранял верность ортодоксальному («революционному») марксизму и [...] что большая часть партии придерживалась циммервальдских взглядов, что мировая война является прологом социальной революции [...]. И для большевиков, и для меньшевиков первым отчетливым отрезком большой европейской революции была ожидаемая революция в Германии. В Германии, казалось, имеется самая большая ортодоксально-марксистская партия; она была самой промышленной страной континента» (Далин. Меньшевизм в период советской власти, с. 144-145).

⁴⁰⁸ Протоколы II созыва, с. 82. Каменев, видимо, отдавая дань революционному настрою делегатов, указал на то, что большевиками «среди немецких солдат распространяется воззвание за подписью советского правительства. В этом воззвании народные комиссары заявляют, что в случае, если немецким солдатам придется идти на помощь революционному тылу Германии, русские солдаты не будут наступать на германском фронте. Воззвание распространяется в миллионах экземпляров.» В ответ германская делегация выразила «полуофициальный протест», в котором назвала воззвание советского правительства к германским солдатам вмешательством во внутренние дела Германии, указав, что «листок угрожает ходу мирных переговоров». Германский протест, впрочем, был проигнорирован: советское правительство заявило, что в этом отношении «не брало на себя никаких обязательств» (там же, с. 92).

Германская и австро-венгерская делегации неоднократно просили советских делегатов воздержаться от пропагандистской деятельности. Так, Чернин заявил Иоффе, что категорически протестует против всякого вмешательства во внутренние дела Австро-Венгрии и в противном случае предлагает советской делегации прервать переговоры. (Чернин, Брест-Литовск, с. 151; АТ, Т-3742. Л.Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 2, с. 632, 633). Неудивительно, что такие гуманитарные вопросы, как обмен военнопленных и интернированных в пылу дискуссий о мировой революции остался неразрешенным. Советское правительство объясняло это тем, что не хотело обмениваться пленными, так как этим давало германской армии потенциальных солдат, «употребление которых» не могло контролировать: «Если бы в Германии правил Либкнехт, мы бы отпустили пленных» (Протоколы II созыва, с. 91). Германское правительство в этом вопросе не спешило, так как речь шла о неравном обмене. Генерал Людендорф указал в связи с этим, что если после заключения мира с Россией немцам придется «выдать наших 1.200.000 русских пленнх, которым противостоят 100.000 человек в России», германская экономика рухнет, так как 600 тысяч этих пленнх заняты в сельском хозяйстве, 230 тысяч — в промышленности, 200 тысяч — в оккупированных областях (Германия, док. № 195 от 25 января по н. ст. 1918 г. Тел. Лерснера в МИД Германии).

⁴⁰⁹ Германия, док. № 113 от 25 декабря. Тел. Кюльмана в МИД Германии со стенограммой заседания от 25 декабря

Правда, и Чернин, и Кюльман⁴¹⁰ сделали одну существенную оговорку: к предложению советской делегации присоединяются все воюющие страны, причем в определенный, короткий, срок⁴¹¹. Таким образом, Антанта и Четверной союз должны были сесть за стол мирных переговоров и заключить мир на условиях, выдвинутых российской советской делегацией. Было очевидно, что такое предложение нереалистично⁴¹². Когда 6 (19) декабря посол Франции в России Ж. Нуланс сообщил в МИД о беседе с Троцким, предложившим Франции присоединиться к переговорам, министр иностранных дел С. Пишон ответил, что не склонен присоединяться к мирным переговорам между германским правительством и «максималистами». 8 (21) декабря он телеграфировал Нулансу, что французское правительство «ни в коем случае не согласно вмешаться — официально или нет — в мирные переговоры максималистов и беседовать об интересах Франции с псевдо-правительством»⁴¹³.

По существу попытка привлечения Антанты к переговорам была банальным пропагандистским шагом⁴¹⁴, используемым советским правительством еще и для затяжки переговоров: на заседании 12 (25) декабря Иоффе предложил «сделать десятидневный перерыв» с 25 декабря по 4 января по н. ст. «с тем, чтобы народы, правительства которых еще не присоединились к теперешним переговорам о всеобщем мире, получили

1917 г. по н. ст.

⁴¹⁰ Мирные переговоры в Брест-Литовске, с. 9-10. Как писал позднее Троцкий, «дипломаты Четверного союза присоединились к демократической формуле мира — без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов. Для нас было совершенно ясно, что это — лишь лицемерие». (АТ, Т-3742. Л.Троцкий. 1917, т. 3, ч. 2, с. 325.)

⁴¹¹ Германия, док. № 113.

⁴¹² В конце 1917 года не многие сохраняли иллюзии относительно согласия Германии пойти на подписание демократического мира.

Вот что писал о перспективах мира один из авторов: «В территориальном отношении немцы [...] после провозглашения «независимости» Польши [...] проектируют образовать из Курляндии и Лифляндии «новую Германию» с центром Ригой и «независимое» литовское государство [...] с столицей Вильно. [...] Кроме того возможно, что связь с Финляндией будет еще более ослаблена, если не совсем прервана. [...] Престиж России [...] будет совершенно утрачен [...] и на Дальнем Востоке, где могущественная Япония, сохранившая свой флот и свою армию неприкосновенными, явится вершителем всех дел [...]. Русские интересы в Китае, Монголии и Маньчжурии и вся вообще Восточная Сибирь будут в зависимости от доброй воли японцев. [...] Правда, многие мечтают о том, что грядущий мир с Германией будет «демократическим миром», «братским миром». Вполне надеяться на это мы могли бы, если бы во главе Германии было демократическое, революционное правительство, скажем, Либкнехта, но увы — вместо Либкнехта мы видим Вильгельма и Гинденбурга, от которых едва ли можно ждать почетных и приемлемых для России условий мира»

(А. Щепотьев. Перспективы будущего мира. — Республика. Ежедневная внепартийная газета. Тифлис, четверг, 30 ноября 1917 г. № 119).

⁴¹³ АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г., № 5457.

⁴¹⁴ Когда болгарская делегация высказалась против согласия Германии и Австро-Венгрии подписать мир без аннексий и контрибуций, Кюльман и Чернин убедили ее в том, что на такое предложение не согласится Антанта, а потому опасаться нечего. (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 169-170.)

возможность ознакомиться» с мирной программой, выдвинутой большевиками⁴¹⁵. Пятью днями позже перерыв был объявлен⁴¹⁶.

Тот факт, что заявления Чернина и Кюльмана об их согласии вести переговоры на условиях, выдвинутых советской делегацией («мир без аннексий и контрибуций»), совпадали, не должен вводить в заблуждение: у Германии и Австро-Венгрии по этому вопросу имелись серьезные расхождения. Германское правительство давно относилось с подозрением к готовности Чернина подписать мир с Советами как можно скорее. Еще 20 ноября (3 декабря) статс-секретарь Германии по иностранным делам Кюльман высказал мнение, что Австро-Венгрия хочет опередить Германию в деле будущего сближения с Россией. Похоже, однако, что Чернин думал не столько о далеком будущем, сколько о завтрашнем дне. Когда Кюльман уже во время заседания делегаций, имея в виду большевиков, сказал Чернину по-французски: «Они могут только выбирать, под каким соусом им придется быть съеденными», Чернин скептически заметил: «Совсем как мы»⁴¹⁷. [...] Для нашего спасения необходимо возможно скорее достигнуть мира»⁴¹⁸.

Русская революция, по замечанию начальника германского генерального штаба П. Гинденбурга, действовала «скорее разлагающе, чем укрепляюще». Противостоять требованию «мира во что бы то ни стало» было практически невозможно⁴¹⁹. К тому же не было единства. Кроме расхождений между Германией и Австро-Венгрией были еще и конфликты внутригерманские: у статс-секретаря по иностранным делам Кюльмана, с одной стороны, и высшего военного командования, с другой⁴²⁰. Последнее

---

⁴¹⁵ Германия, док. № 113.

⁴¹⁶ На основании соглашения об общем перемирии начались переговоры фронтов. В частности, командующий Кавказской группой турецкой армии обратился к главнокомандующему русской кавказской армией генералу Пржевальскому. Сообщив об общем перемирии, он распорядился о перемирии на турецком фронте.

28 ноября комиссар Кавказской армии Д. Д. Донской разослал в русские воинские части Кавказа телеграмму о том, что турецкая армия согласилась на русские условия перемирия и что «делегация из представите пей главнокомандующего краевого центра.

Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и армейского комитета выезжает срочно для установления условий перемирия». Договор о перемирии был также подписан главнокомандующим румынским фронтом. В телеграмме Донского сообщалось кроме того, что перемирие на Западном фронте, по слухам, начнется 29 ноября, но не ясно, мол, на каких условиях. (Республика. Ежедневная внепартийная газета. Тифлис, четверг, 30 ноября 1917 г. № 119. Статья «К перемирию».)

⁴¹⁷ Цит. по АТ, Т-3742. Из мемуаров Чернина, с. 317.

⁴¹⁸ Чернин. В дни мировой войны, с. 236.

⁴¹⁹ Гинденбург. Воспоминания, с. 59.

⁴²⁰ «18 декабря по н. ст. высшее военное командование добилось того, чтобы его привлекли к участию в мирных переговорах. Когда министр иностранных дел Кюльман добился у императора некоторого уменьшения предполагавшихся на востоке аннексий, Людендорф снова пригрозил отставкой. 7 января 1918 года по н. ст. Людендорф и Гинденбург послали Вильгельму ультиматум: или решительное выступление в Брест-Литовске, самые широкие

стояло за более жесткую линию в переговорах с советским правительством, в то время как Кюльман считал, что мирный договор на Востоке должен быть составлен таким образом, чтобы он не препятствовал заключению в будущем мира на Западном фронте⁴²¹. Кюльман небезосновательно предполагал, что Антанта никогда не согласится на признание Брестского мира в том виде, в каком его собирались продиктовать России Гофман и Людендорф, а если так, то Брестский мир, пусть и самый выгодный для Германии, станет главным препятствием к заключению перемирия на Западе⁴²². Но поскольку высшее военное руководство Германии рассчитывало не столько на перемирие с Антантой, сколько на победу над ней, установка Кюльмана казалась военным ошибочной, и конфликт между Кюльманом и командованием германской армии зашел так далеко, что уже в ходе Брестских переговоров Кюльману неоднократно угрожали отставкой⁴²³ (которая и произошла после подписания мира, 9 июля 1918 года)⁴²⁴.

В то время, как Кюльман, а еще больше Чернин были озабочены скорейшей ликвидацией затянувшейся войны и заключением наиболее выгодного в сложившейся ситуации мира, Гинденбург и Людендорф, хоть это и кажется удивительным, подстраховывались на случай возможной новой войны в Европе. 18 декабря по н. ст. на вопрос Кюльмана Гинденбургу о том, зачем, собственно, продолжать оккупацию прибалтийских территорий, Гинденбург откровенно ответил: «Я должен иметь возможность маневра левого фланга в будущей войне». Людендорф ссылаясь еще и на германское общественное мнение, которое стояло, мол, за оккупацию Прибалтики⁴²⁵. И германское военное командование предлагало настаивать на выводе русских войск из Эстляндии и Курляндии,

---

аннексии и передача решающего голоса военному командованию, или отставка обоих диктаторов. В результате [...] по существу уступили им во всем» (АТ, Т-3742. П. Фрелих. К истории германской революции, т. 1, с. 222).

⁴²¹ Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 58-59.

⁴²² То, что Брестский мир является препятствием для заключения перемирия на Западе, вскоре стало очевидно многим германским политическим деятелям. После заключения Германией и советским правительством в августе 1918 года дополнительных договоров на несовместимость их с «разумным миром» на Западе указывали некоторые руководители политических партий Германии, в том числе Ф. Эберт и М. Эрцбергер. Для ревизии Брестского мира была даже создана межфракционная комиссия рейхстага (там же).

⁴²³ Gratz and Schuller. The Economic Policy, p. 79.

⁴²⁴ Кюльмана сменил Пауль Гинце, который находился на этом посту до начала октября 1918 г., входил в состав германской делегации, поехавшей на Западный фронт для переговоров о мире, но после ноябрьской революции в Германии отошел от государственных дел. (АТ, Т-3742. Л.Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, с. 568.)

⁴²⁵ Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 61.

не доводя, впрочем, до разрыва переговоров с большевиками⁴²⁶.

Гинденбург вообще резко возражал против политики германских дипломатов в Бресте, согласившихся на «мир без аннексий и контрибуций». 13(26) декабря, на следующий день после принятия в Бресте совместной декларации об отказе от насильственного мира, Гинденбург с раздражением телеграфировал рейхсканцлеру:

«Я должен выразить свой решительный протест против того, что мы отказались от насильственного присоединения территорий и репараций. [...] До сих пор исправления границ входили в постоянную практику. Я дам своему представителю указание отстаивать эту точку зрения после встречи комиссии по истечении десятидневного перерыва. В интересах германского правительства было бы, чтобы Антанта не последовала призыву, обращенному к ней; в противном случае такой мир был бы для нас роковым. Я также полагаю, что все соглашения с Россией будут беспредметными, если Антанта не присоединится к переговорам. Я еще раз подчеркиваю, что наше военное положение не требует поспешного заключения мира с Россией. Не мы, а Россия нуждается в мире. Из переговоров создается впечатление, что не мы, а Россия является диктующей стороной. Это никак не соответствует военному положению»⁴²⁷.

Позиция Кюльмана в глазах военного руководства Германии не выглядела обоснованной. Так, вместе с кайзером и высшим военным руководством, Кюльман считал, что Прибалтика должна быть отделена от России, поскольку в противном случае Германия окажется в тяжелом состоянии в будущей войне. Но согласие России на отделение Прибалтики требовало, по мнению Кюльмана, компромиссного решения всех остальных русско-германских вопросов, а не одного лишь военного давления на Россию, как то собирался делать Людендорф⁴²⁸. Кюльман как политик понимал, что не все занятые военными территории можно будет удержать за собою; и лучше отдать часть захваченного, но заключить прочный и реальный мир с советским правительством, чем рисковать свержением этого правительства и потерей, в результате, всех завоеваний в Бресте.

Между тем вопрос об окраинных государствах чуть было не привел к разрыву переговоров. После телеграммы Гинденбурга германская делегация дала понять советской стороне, что та неправильно истолковала

---

⁴²⁶ Германия, док. № 70 от 12 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Грюнау в МИД Германии; там же, док. № 71 от 12 декабря по н. ст. 1917 г.

Тел. Гертлинга в Беркхайм; там же, док. № 73 от 12 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Грюнау в МИД Германии.

⁴²⁷ Германия, док. № 115 от 26 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Лерснера в МИД Германии.

⁴²⁸ Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 61-62.

первоначальное германо-австрийское заявление об отказе от аннексий и ошибочно посчитала, что «мир без аннексий отдаст им польские, литовские и курляндские губернии». Немецкая сторона указала, что «даже при условии заключения мира с нынешним русским правительством силы Четверного союза и дальше будут оставаться в состоянии войны» на Западном фронте, «и поэтому немецкая сторона не может взять на себя обязательств» вывести войска из оккупированных русских территорий в определенный срок.

Немцы указали также, что Польша, Литва, Курляндия, Лифляндия и Эстляндия наверняка «выскажутся за политическую самостоятельность и отделение» от России (и так дали понять, что вопрос об отделении и оккупации германскими войсками этих территорий, собственно, уже предрешен)⁴²⁹.

По мнению германского верховного главнокомандования, присутствие войск в оккупированных провинциях должно было продолжаться несколько лет. Это крайне возмутило Иоффе; и под конец вечернего заседания 13 (26) декабря стало ясно, что стороны на грани разрыва. Кюльман, правда, дал понять, что не поддерживает требования германских военных и скорее уйдет в отставку, чем разорвет переговоры из-за разногласий по вопросу об аннексиях. Австро-венгерская делегация также намерена была подписать мир любой ценой. Вечером этого дня Чернин информировал германскую делегацию, что в случае разрыва немцами переговоров с большевиками Австро-Венгрия подпишет сепаратный мир⁴³⁰. На следующий день Чернин уведомил об этом Кюльмана в личном письме⁴³¹.

Утром 14 (27) декабря на совещании, где присутствовали Иоффе, Каменев и Покровский, с одной стороны, и Кюльман, Чернин и Гофман, с другой, М. Н. Покровский указал, что нельзя «говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают чуть ли не 18 губерний». Гофман вновь возразил на это, что, пока война на Западе продолжается, немцы не могут очистить Курляндию и Литву, поскольку эти территории являются частью их военных ресурсов. После же окончания войны «судьба оккупированных областей должна быть решена на основании принципа самоопределения народов»⁴³². На дневном заседании, открывшемся в 17 часов, Иоффе

---

⁴²⁹ Германия, док. № 118 от 26 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

⁴³⁰ Там же; Гофман. Война упущенных возможностей, с. 168, 173; Bailey. Brest-Litovsk, p. 57.

⁴³¹ Германия, док. № 128 от 29 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Кюльмана Гертлингу. Чернин, в частности, написал: «В дополнение к нашей вчерашней беседе я считаю своим долгом сообщить Вам, что имею четкий приказ от своего императора о том, что переговоры с Россией не должны потерпеть неудачу из-за наших требований. По этой причине, в случае неудачи Ваших усилий, я вступлю в сепаратные переговоры с русской стороной».

⁴³² Гофман. Война упущенных возможностей, с. 171, 172.

потребовал поставить пункт об отказе от аннексий первым пунктом договора. Согласно советскому проекту, Россия должна была вывести «свои войска из оккупированных ею областей Австро-Венгрии, Турции и Персии, а силы Четверного союза — из Польши, Литвы, Курляндии и других областей России». Населению этих областей в течение короткого, точно оговоренного времени должна была быть предоставлена «возможность принять полностью независимое решение о присоединении к тому или иному государству или об образовании самостоятельного государства», причем все иностранные войска должны были быть выведены. Германский проект однозначно предполагал признание Россией независимости Польши, Литвы, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, не требовал проведения референдума по вопросу об отделении от России, оставлял открытым вопрос о выводе с этих территорий германских войск, настаивая, однако, на выводе русских. Все вышесказанное относилось и к Финляндии⁴³³.

На следующий день советская делегация заявила, что покидает Брест-Литовск, поскольку ранее предполагала, что «германцы просто откажутся от всей занятой ими территории или выдадут ее большевикам». 15 (28) декабря, на последнем перед новым (по новому стилю) годом заседании, договорились все-таки о том, что в Бресте будет образована комиссия для разработки подробного плана оставления оккупированных областей и организации голосования. Это было временное решение проблемы, позволявшее обеим сторонам считать, что в переговорах наблюдается некоторый прогресс.

После этого делегации разъехались по домам, чтобы доложить своим правительствам о ходе переговоров. Но не успели они уехать, как пришли тревожные сообщения сначала о беспорядках в Крейцнахе, где тогда находилась ставка германского главнокомандования, а затем в Берлине. В первых числах января по новому стилю антигерманские демонстрации начались в Будапеште. В германском консульстве демонстрантами были выбиты стекла.

Чернин был в панике, так как понимал, что в случае возникновения серьезных беспорядков большевики расценят их как начало революции и оборвут переговоры. Действительно, именно в эти дни Петербургское телеграфное агентство призвало германских солдат «не подчиняться приказам и сложить оружие». Немцы рассматривали эти воззвания «как грубое и нетерпимое вмешательство» Советов в германские внутренние дела⁴³⁴ и не исключали, что большевики уже не вернуться в Брест. В этом

---

⁴³³ Германия, док. № 125 от 28 декабря по н. ст. 1917 г. Телеграфное сообщение о четвертом заседании конференции в Брест-Литовске в МИД Германии; там же, проект договора от 27 декабря по н. ст. 1917 г.

⁴³⁴ Земан. Германия и революция в России. Донесение заместителя статс-секретаря по иностранным делам от 4 января

случае Центральные державы собирались объявить «перемирие прекращенным и стали бы выжидать», не заявляя об окончании переговоров. 3 января по н. ст. советское правительство для оттяжки времени и заведения переговоров в тупик телеграфировало Гофману в Брест-Литовск, что «считает необходимым вести переговоры о мире на нейтральной территории» и предлагает «перенести переговоры в Стокгольм», а ответа германского правительства по этому пункту «будет ожидать в Петербурге». Германский план скрытых аннексий под предлогом самоопределения советским правительством был также отвергнут, как противоречащий «принципу национального самоопределения даже в той ограниченной формулировке, которая дана» в самом германском проекте соглашения⁴³⁵.

Против перенесения переговоров в Стокгольм весьма энергично возразил император⁴³⁶. 4 января по н. ст. Г. Гертлинг сообщил об этом на заседании главной комиссии рейхстага и заявил, что поручил Кюльману ответить на советское предложение решительным отказом⁴³⁷. Немцы не исключали, что переговоры будут разорваны 7 января по н. ст.⁴³⁸ Однако 4 января по н. ст. советское правительство пошло на попятную и согласилось отправить в Брест делегацию, теперь уже во главе с Троцким (и Карелиным, представлявшим левых эсеров), высказав при этом уверенность, что о переносе переговоров на нейтральную территорию стороны без труда

1918 г.

⁴³⁵ Германия, док. № 138 от 3 января по н. ст. 1918 г. Тел. Мюллера из Брест-Литовска в МИД Германии.

⁴³⁶ Там же, док. № 139 от 3 января по н. ст. 1918 г. Тел. Бусше Кюльману. Иоффе еще 5(18) декабря в ответ на запрос Германии дал понять, что считает необходимым подписать мирный договор в какой-нибудь нейтральной стране, но вести переговоры большевики соглашались тогда в Бресте (Германия, док. № 103 и № 104 от 18 декабря по н. ст. 1917 г. Телеграммы Розенберга в МИД Германии). Теперь же советское правительство заняло более жесткую позицию и по существу грозило разрывом переговоров.

⁴³⁷ Брестские переговоры и общественное мнение в Германии. — Международная политика и мировое хозяйство, с. 93. Немцы напомнили Иоффе, что в Бресте «было договорено со всеми истекающими отсюда обязательствами, что переговоры между союзниками и русской делегацией будут продолжены не позднее 5 января в Брест-Литовске. Любое изменение места переговоров будет отклонено» (Германия, док. № 140 от 4 января 1918 г. по н. ст. Тел. Кюльмана Гертлингу). «Попытка русских заставить нас в последний час изменить место сбора не была неожиданной, — писал Кюльман рейхсканцлеру. — Желание заключить «демократический мир» в Стокгольме с привлечением депутатов-социалистов всех стран все время витало в воздухе. Однако, в любом случае, после того как была достигнута твердая договоренность о новой встрече в Брест-Литовске 4 января, русская делегация поступает совершенно неправомочно. Я считаю, что сейчас к успеху может привести только решительный и жесткий разговор [...]. Если со стороны русских не будет сделано уступок, то я обязуюсь 7 числа сего месяца прервать перемирие и пустить события на самотек. Я лично не сомневаюсь в том, что когда большевистское правительство поймет, что для энергичной защиты наших интересов мы не остановимся ни перед боязнью наших левых партий, ни перед нервной реакцией наших партнеров по союзу, то оно пойдет на уступки. В этом случае я могу с достаточной уверенностью предположить, что этот эпизод лишь облегчит достижение соглашения. Мне кажется весьма знаменательным, что телеграмма подписана не министром иностранных дел Троцким, а господином Иоффе» (там же).

⁴³⁸ Там же.

договорятся в Брест-Литовске⁴³⁹. Было ясно, что эта фраза написана для того, чтобы спасти лицо⁴⁴⁰.

Когда выяснилось, что советская делегация прибывает во главе с Троцким, радости Кюльмана и Чернина не было предела, и это показывало до какой степени они были удручены возможностью разрыва⁴⁴¹. 27 декабря (9 января) конференция возобновила работу⁴⁴². Относительно замены Иоффе Троцким ходили разные слухи. Согласно одной версии, Иоффе был снят, так как не сразу разгадал «дипломатическое коварство» Центральных держав в вопросе о самоопределении наций. По другой — будущий левый коммунист Иоффе сам отказался возглавлять делегацию на переговорах, где обсуждалась возможность подписания аннексионистского мира. К тому же Иоффе изначально ехал в Брест против своей воли, уступая просьбе Троцкого⁴⁴³.

Так или иначе, советское руководство считало, что лучше Троцкого никто не смог бы затягивать переговоры в надежде на скорую революцию в Германии и Австро-Венгрии⁴⁴⁴. По свидетельству военного консультанта советской делегации генерала А. А. Самойло, «на заседаниях Троцкий выступал всегда с большой горячностью, Гофман не оставался в долгу, и полемика между ними часто принимала острый характер», а переговоры «выливались, главным образом, в ораторские поединки между Троцким и Гофманом, в которых время от времени участвовали Чернин и Кюльман»⁴⁴⁵.

---

⁴³⁹ Там же, док. № 142 от 4 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

⁴⁴⁰ По крайней мере, именно такую отметку сделал на полях депеши Вильгельм и, видимо, был прав (там же).

⁴⁴¹ Чернин. Брест-Литовск, с. 153-158.

⁴⁴² Консультантами при советской делегации были С. Бобинский и Радек (по делам Польши), П. И. Стучка (по делам Латвии), В. С. Мицкявич-Капсукас (по делам Литвы). (Мирные переговоры в Брест-Литовске, с. 41-43).

⁴⁴³ Гофман. Война упущенных возможностей, с. 177-178.

⁴⁴⁴ Trotsky. Lenin, p. 103. В черновых записях недописанной им книги «Ленин» Троцкий в конце 1930-х годов написал следующее: «Во время Брест-Литовских переговоров Ленин лучше, чем кто бы то ни было, понимал, какой пыткой для меня является общение с чуждым и враждебным миром. Он был очень доволен ведением переговоров — агитационным и «затягиванием» их — и обнаруживал это в свойственной ему скупой, я бы сказал застенчивой, но тем более выразительной форме. Эпизодическое расхождение по поводу подписания мира омрачило отношения — на несколько дней. В Кремле мы жили первое время рядом. От облачка брестских разногласий не осталось и следа.» (АТ, Т-3742. Из черновых набросков для биографии Ленина.)

⁴⁴⁵ А. Самойло. Две жизни, с. 192-193. Стенограммы заседаний об этом не свидетельствуют. Лишь 9 января по н. ст. Гофман выступил с обширным протестом против вмешательства советского правительства во внутренние дела Германии, в нарушение предварительного советско-германского соглашения. Гофман заявил, что у него имеется «целый ряд радиообращений и воззваний, подписанных представителями русского правительства или русским командованием, которые являют собою частью ругательства, направленные против немецких военных органов и германского верховного главнокомандования, а частью — воззвания с требованиями революционного характера». К протесту Гофмана присоединились военные представители Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Троцкий на этом заседании вообще не

Советские делегаты тянули время, бесконечно настаивая на перенесении переговоров в Стокгольм, и немцам вскоре стало ясно, что самим переговорам Троцкий не придавал «никакого значения», что его интересовала пропаганда большевистской программы мира, причем тон его «с каждым днем становился все агрессивнее»⁴⁴⁶. Этому было, разумеется, свое объяснение: все усиливающаяся (как по крайней мере казалось революционерам) волна беспорядков в Германии и особенно в Австрии, где катастрофически обстоит дело с продовольствием. Забастовочное движение, вызванное сокращением рациона муки и медленным темпом мирных переговоров в Бресте, охватило Вену и окрестности. Австрийские власти в полном отчаянии обратились за помощью к Германии, прося немцев «присылкой хлеба предотвратить революцию, которая иначе неизбежна». Но Германия сама была уже на грани голода, и 4 (17) января австрийская просьба о поддержке хлебом была отклонена⁴⁴⁷. Катастрофа казалась теперь неизбежной уже не только Чернину, но и Кюльману⁴⁴⁸. Правительство Австро-Венгрии было в панике⁴⁴⁹.

выступал, а сразу же после протеста Гофмана предложил объявить перерыв, что и было сделано, причем заседание в тот день больше не возобновлялось. (Германия, док. № 156 от 9 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.) Днем позже Троцкий ответил Гофману, что советское правительство сохраняет за собой и своими согражданами «полную свободу пропаганды их республиканских и революционно-социалистических убеждений» (там же, док. № 157 от 10 января по н. ст. 1918г. Тел. Кюльмана в МИД Германии).

⁴⁴⁶ Гофман. Война упущенных возможностей, с. 179.

⁴⁴⁷ Германия, док. № 173 от 17 января по н. ст. 1918г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

⁴⁴⁸ В тот день в Бресте была получена следующая депеша от генерала А. фон Арца: «Близ Вены крупные промышленные округа начали забастовку. Движение распространилось вплоть до окрестностей Мюрцшлаг. В качестве предлога этого движения называется сокращение мучного пайка, однако, как мне кажется, причина кроется в политических обстоятельствах, так как рабочие непременно хотят заключения мира. (...) Поводом для всего движения служит беспокойный и медленный ход Брестских переговоров. [...] Последствия этого движения для полевой армии и для всего хода войны могут быть самыми неблагоприятными. Находясь под впечатлением развивающегося здесь рабочего движения я прошу [...] оказать максимальное влияние на редактирование отчетов о Брестских переговорах с учетом этих отношений» (там же, док. № 173). Обычно сдержанный Кюльман по получении телеграммы Арца отметил: «Граф Чернин выглядит весьма озабоченным из-за внутреннего положения в Австрии. Он повторно со всей серьезностью и настойчивостью указал на то, что внутренние австрийские дела не перенесут разрыва Брестских переговоров. В этом случае он, сражаясь до последней минуты на нашей стороне, будет вынужден в самое последнее мгновение перед отъездом русских вступить с ними в отдельные переговоры и подписать даже самое ничтожное соглашение. Позиция [германского] верховного главнокомандования и последние предложения относительно урегулирования польских границ [...], а также наше поведение в вопросе о хлебе, создали в Австрии впечатление, что в Германии решено совершенно не обращать внимания на ее желания и потребности.

В связи с тем, что местные большевики должны быть точно осведомлены окольным путем через «Интернационал» о внутреннем положении Австрии, такое положение создает почти непреодолимые препятствия для переговоров» (там же).

⁴⁴⁹ «Страх перед опасностью революции рос в руководящих кругах с каждым днем и на этой неделе достиг примерно того же уровня, что и прошлой весной. В своем испуге правительство не сделало ничего, чтобы сдержать действие большевистской пропаганды. Нельзя отделаться от впечатления, что оно совершенно не желает распознать опасности и воздействовать на Берлин. Внезапным для него было возникновение движения, связанного с сокращением рациона муки. Неожиданно и совершенно ошеломляюще началось забастовочное движение в Нижней Австрии, а вчера на улицах Вены состоялись шумные митинги с отдельными забастовками. Таким образом, страх перед всеобщей забастовкой очень велик, и здесь надеются на поставки хлеба из Германии для того, чтобы успокоить людей и выиграть время. Однако одного этого не достаточно, так как движение имеет политические причины, а хлебный паек это только внешний повод», — доносил в рапорте германскому канцлеру немецкий дипломат из Вены (там же, док. № 178 от 17 января по н. ст. 1918 г. Рапорт Веделя Гертлингу).

Однако в игре стран Четверного союза неожиданно появилась крупная козырная карта: выдвинув лозунг самоопределения народов, большевики создали препятствие, о которое споткнулась столь блистательно начатая брестская политика. Этим камнем преткновения стала независимая Украина, «единственное спасение», как назвал ее Чернин.

Немцы не сразу оценили те громадные преимущества, которые дала им самостоятельная украинская делегация. Первые германские дипломатические сообщения об украинцах в Бресте были сдержаны. МИД предостерегал германскую делегацию от «кокетничания» с украинцами, так как это могло негативно сказаться на германской политике в отношении Польши, где антиукраинские настроения были достаточно сильны и где Германия должна была исходить прежде всего из интересов своего союзника, Австро-Венгрии. Гофман считал, что «выяснение отношений с украинцами является внутренним делом русских»⁴⁵⁰. «Что касается роли украинцев в мирных переговорах, -сообщалось в телеграмме от 8 (21) декабря, — то, если это не вызовет раздражения у русских, с нашей стороны не будет возражений против того, чтобы рассматривать их как представителей равной русским самостоятельной власти». Когда же «украинцы нашли общий язык с Калединым и другими противниками большевиков», германские дипломаты с тревогой указали им, что «из-за этого в опасность попадают не только теперешние переговоры и заключение мира, но и дело будущей реализации украинской самостоятельности», поскольку сомнительно, что кто-либо кроме большевиков «признает самостоятельность Украины» (сами немцы готовы были пойти на это лишь с согласия советского правительства)⁴⁵¹.

Изменение германской позиции было вызвано прежде всего угрозой Чернина подписать с Россией сепаратный мир без Германии. Для немцев такое заявление было неприятной неожиданностью. «Австрийский сепаратный мир был бы, по-моему, началом конца для нас, — писал Кюльман. — Надежда победить оставленную в изоляции Германию побудит Антанту драться до последней капли крови»⁴⁵². Военные придерживались иного мнения: с военной точки зрения, комментировал

---

⁴⁵⁰ Там же, док. № 92 от 16 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Розенберга в МИД Германии.

⁴⁵¹ Там же, док. № 107 от 21 декабря по н. ст. Тел. Бусше — Розенбергу в Брест-Литовск.

⁴⁵² Там же, док. № 201 от 30 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу. Заявление Чернина было подвергнуто резкой критике Гинденбургом: «Наше поведение в Бресте, — писал Гинденбург рейхсканцлеру, — вызванное податливостью по отношению к недружелюбной, противоречащей верности братству по оружию позиции графа Чернина, вызвало у русских чувство победы над нами, о чем Ваше превосходительство может судить по радиовыступлению Крыленко 27 декабря в 3.40 пополудни и из высказываний русской прессы» (там же, док. № 132 от 30 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Лерснера в МИД Германии).

Людендорф сообщение о намерениях Чернина, такой сепаратный мир не имел бы для Германии никакого значения. Но поскольку Австро-Венгрия исходила теперь из собственных, а не союзнических интересов, Германия снимала с себя обязанность исходить из интересов Австро-Венгрии. Людендорф поэтому предложил начать сепаратные переговоры с Украиной, чтобы «в скором времени заключить с нею мир», даже если за-этот мир, в ущерб интересам Австро-Венгрии и Польши, Украине придется передать ряд территорий, в том числе Холмскую область (Польши) и Восточную Галицию (Австро-Венгрии).

Ознакомившись с предложением Людендорфа, германское правительство пришло к выводу, что для Германии «более важным с точки зрения военных интересов является скорейшее заключение договора с Украиной, а не удовлетворение австро-польских желаний», поскольку «вопрос о Восточной Галиции касается только Австрии и Украины» и в нем немцам «не надо поддерживать ни одну из партий»⁴⁵³. 1 января по н. ст. Людендорф телеграфировал Гофману в Брест исходные условия для переговоров с украинцами: независимость Румынии; согласие «идти навстречу желаниям украинцев, если они касаются Австро-Венгрии и Польши»; согласие украинцев признать действующее уже соглашение о перемирии с Россией и присоединение к этому соглашению. В заключение Людендорф рекомендовал Гофману «провести предварительные обсуждения с украинской делегацией и идти ей навстречу по любому поводу»⁴⁵⁴.

Идею сепаратных переговоров с украинцами энергично поддержал германский император⁴⁵⁵, и хотя 3 января по н. ст. выяснилось, что прибывшая в Брест украинская делегация⁴⁵⁶ не имеет полномочий на подписание соглашений, на следующий день неофициальные переговоры начались⁴⁵⁷. Украинская делегация указала, что относится безразлично к месту ведения переговоров; что уполномочена вести сепаратные переговоры от имени независимой Украинской республики; претендует на северную часть Бессарабии и южную половину Холмской губернии; не

---

⁴⁵³ Там же, док. № 119 от 27 декабря по н. ст. 1917г. Тел. Людендорфа Винтерфельдту; там же, комментарий Винтерфельдта к телеграмме Людендорфа.

⁴⁵⁴ Там же, док. № 135 от 1 января по н. ст. 1918 г. Тел. Лерснера в МИД Германии.

⁴⁵⁵ Германия, док. № 139.

⁴⁵⁶ Там же, док. № 138. В составе украинской делегации были статссекретарь В. А. Голубович (глава делегации), М. Левитский, М. Любинский, М. Полозов и А. Севрюк, а также консультанты ротмистр фон Гассенко и профессор Е. Остапенко (Мирные переговоры в Брест-Литовске, с. 42).

⁴⁵⁷ Германия, док. № 140.

настаивает на открытости переговоров и принимает принцип обоюдного невмешательства во внутренние дела⁴⁵⁸. «Украинцы сильно отличаются от русских делегатов, — записал Чернин в дневнике. — Они гораздо меньше революционны, обнаруживают гораздо больше интереса к собственной стране и меньше интереса к социализму. Они, собственно, не заботятся о России, а исключительно об Украине».⁴⁵⁹

Перед украинской делегацией стояли конкретные задачи. Она хотела использовать признание самостоятельности Украины немцами и австрийцами, заручиться согласием советской делегации на участие украинцев в переговорах как представителей независимого государства и после этого начать предъявлять к обеим сторонам территориальные претензии. Германии же и Австро-Венгрии важно было «вбить клин» между украинской и советской делегациями и, используя противоречия двух сторон, подписать сепаратный мир хотя бы с одной Украиной. 6 января по н. ст. на формальном заседании представителей Украины и Четверного союза украинцы объявили о провозглашении Радой независимости Украины⁴⁶⁰ и о том, что Украина не признает над собою власти СНК. Вместе с тем украинская делегация указала, что Украина признает лишь такой мир, под которым будет стоять подпись ее полномочных представителей (а не членов советского правительства), причем готова подписать с Четверным союзом сепаратный мир даже в том случае, если от подписания мира откажется Россия.

9 января по н. ст. состоялось первое после перерыва пленарное заседание. Констатировав, что установленный десятидневный срок для присоединения держав Антанты к мирным переговорам давно прошел, Кюльман предложил советской делегации подписать сепаратный мир⁴⁶¹, а Чернин, от имени Четверного союза, согласился, в принципе, с тем, чтобы акт подписания договора проходил не в Брест-Литовске, а в каком-то другом месте, определенном позже. На пленарном заседании 10 января по н. ст. Германия и Австро-Венгрия признали самостоятельность прибывшей в Брест украинской делегации и поставили в повестку дня заседаний делегаций вопрос о независимости Украины. Троцкий, в этом вопросе согласился с немцами и австрийцами, указав, что «при полном соблюдении принципиального признания права каждой нации на самоопределение,

---

⁴⁵⁸ Там же, док. № 141 от 4 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

⁴⁵⁹ Чернин. Брест-Литовск, с. 158-159.

⁴⁶⁰ Германия; док. №147 от 6 января по н. ст. 1918г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

⁴⁶¹ Там же, док. № 156.

вплоть до полного отделения», советская делегация «не видит никаких препятствий для участия украинской делегации в мирных переговорах» и признает представительство украинцев⁴⁶².

Считается, что Троцкий допустил ошибку, так как это признание автоматически поставило вне закона прибывшую в Брест-Литовск делегацию украинских большевиков⁴⁶³. Однако не следует думать, что решение Троцкого было скоропалительным. Когда 8 и 9 (21 и 22 декабря) оставшаяся в Бресте советская делегация донесла в НКВД об ожидаемом прибытии в Брест делегации Украинской рады, Троцкий понадеялся избежать создания отдельной украинской делегации, понимая, что тогда страны Четверного союза смогут играть на советско-украинских противоречиях и в случае несговорчивости большевиков заключат сепаратный мир с независимой Украиной. Советской делегации предписалось «столковаться» с представителями Украины «об их вхождении в общую делегацию» России⁴⁶⁴.

Но у Украины были прямо противоположные цели. Заручившись признанием Германии и Австро-Венгрии, украинская делегация начала торговаться с советской на совещании, продолжавшемся весь день 26 декабря (8 января)⁴⁶⁵. (Из-за этого была даже отложена вторая встреча украинцев с делегациями Германии и Австро-Венгрии.) Не ясно, о чем именно стороны договорились, но 28 декабря (10 января) Троцкий от имени советской делегации выступил с заявлением, которое нельзя было трактовать иначе, как признание независимой Украины во главе с правительством Рады.

На утреннем заседании 12 января по н. ст. советская сторона и страны Четверного союза еще раз, теперь уже официально, подтвердили признание полномочий украинской делегации вести переговоры и заключать соглашения⁴⁶⁶. В тот же день ЦИК Советов Украины, спешно образованный большевиками Украины в Харькове, послал председателя ЦИКа Е. Г. Медведева, народного секретаря по военным делам В. М. Шахрая и народного секретаря по просвещению В. П. Затонского на конференцию в Брест как полномочную делегацию Украины⁴⁶⁷. Но они

---

⁴⁶² Там же, док. № 157; Майоров. Борьба советской России, с. 191.

⁴⁶³ История ВКП(б), т. 4, с. 294.

⁴⁶⁴ Чубарьян. Брестский мир, с. 102.

⁴⁶⁵ Там же, с. 126-127.

⁴⁶⁶ Германия, док. № 162 от 12 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

⁴⁶⁷ Чубарьян. Брестский мир, с. 128. Гофман пишет в мемуарах, что приезд советской украинской делегации в Брест

прибыли туда слишком поздно, и когда попытались было получить право голоса на переговорах, Кюльман поймал Троцкого на слове и резонно заметил, что тот не указывал ранее на наличие еще одной делегации, претендующей на роль представителей украинского народа⁴⁶⁸.

Троцкому пришлось уступить, причем не только в украинском вопросе. Он подтвердил согласие советской стороны оставаться в Брест-Литовске и не требовать перенесения переговоров в Стокгольм, чего так боялись Германия и Австро-Венгрия; соглашался на образование комиссии для рассмотрения территориальных и политических вопросов, т. е. на обсуждение аннексий под прикрытием самоопределения народов; признал право на самоопределение Финляндии, Армении, Украины, Польши и прибалтийских провинций; обязался как можно скорее вывести русские войска из Персии⁴⁶⁹. Однако все это были лишь словесные уступки: Троцкий демонстративно подчинялся диктату. После пятичасовых переговоров 11 января по н. ст. Кюльман пришел к выводу, что Троцкий не хочет заключать мира, а «стремится вынести из дискуссий материал для агитации», чтобы «прервать переговоры и обеспечить себе эффектный отход».⁴⁷⁰

Взгляды Троцкого не были для Кюльмана тайной. «Ему и его друзьям, — писал Кюльман, — самой важной целью кажется мировая революция, по сравнению с которой интересы России вторичны. Он усердно читает и штудирует германские социал-демократические газеты» и надеется, что германские «социал-демократия и массы совместно выступят против войны», если она будет вестись из-за территорий. Через четыре дня после того, как на заседании комиссии по урегулированию территориальных и политических вопросов 12 января по н. ст. Троцкий, а затем Каменев фактически отказались признать право отделившихся от бывшей Российской империи территорий провозгласить свою независимость, вновь стали настаивать на выводе германских войск из оккупированных районов и отказались признать за немцами право требовать невмешательства советского правительства во внутренние дела Германии, Кюльман

относится к первым числам февраля: «По возвращении всех участников в первых числах февраля Троцкий пустил в ход еще одно средство, чтобы помешать украинским сепаратным переговорам. Он привез с собой двух украинцев, Медведева и Шахрая, которых прислала не Центральная Рада, а новое большевистское правительство, образовавшееся в Харькове.» (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 184.) Видимо, Гофман ошибается.

⁴⁶⁸ Мирные переговоры в Брест-Литовске, с. 136; Гофман. Война упущенных возможностей, с. 184.

⁴⁶⁹ Германия, док. № 157; там же, док. № 160 от 12 января по н. ст. 1918 г. Тел. Бусше в посольство в Вене и посланнику в Константинополь.

⁴⁷⁰ Там же, док. № 161 от 12 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу; там же, док. № 163 от 13 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; там же, док. № 171 от 16 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.

телеграфировал канцлеру Гертлингу личное письмо⁴⁷¹, в котором указал, что не верит более в «желание Троцкого вообще прийти к приемлемому миру». Необходимо признать, — продолжал Кюльман, — что положение Германии «из-за этого становится все менее благоприятным, так как со стороны военных категорически отрицается принятие на себя обязательств по выводу войск даже после заключения всеобщего мира. Это конечно же дает в руки Троцкому весьма сильное оружие»⁴⁷².

В целом немцы считали, что «для подверженных сильному влиянию Радека большевиков пропаганда революции стоит выше даже по сравнению с интересами господства своей собственной партии» и они «больше хотят желательного для революционной пропаганды разрыва переговоров, чем мира». На переговорах они «в меньшей степени представляют Россию, а в большей — революцию», «охотно идут на затягивание переговоров для того, чтобы иметь возможность пропагандировать по всему миру свои идеи и методы», причем все это «попадает на плодородную почву». ⁴⁷³ В ожидании срыва переговоров Кюльман был теперь больше всего обеспокоен тем, как создать впечатление, что переговоры были разорваны не из-за германских территориальных претензий, в частности, не из-за отказа немцев очистить от оккупационных войск территории, отделившиеся от России. Без больших надежд он собирался обсуждать этот вопрос с Гофманом, который в тот момент как раз готовил советской делегации ультиматум о немедленном подписании аннексионистского мира на германских условиях. Этот ультиматум немцы планировали вручить Троцкому как только будет подписано сепаратное соглашение с Украиной, а до тех пор хотели «отказаться от любого более жесткого тона в разговоре с большевиками».

В возможный сепаратный мир с украинской Радой сам Кюльман не верил. «Как с украинцами, так и с большевиками неприменимы методы переговоров, пригодные для обычных политических противников», — записал он. Со стороны украинцев, по его мнению, «желание прийти к соглашению выражено намного сильнее». Украинцы «хитры и коварны», но «совершенно необузданны в своих требованиях», что «практически исключает шансы на мир», причем «главным препятствием здесь является почти неприкрытое желание того, чтобы населенная украинцами Восточная

---

⁴⁷¹ Там же, док. № 176 от 17 января по н. ст. 1918 г. телеграмма Кюльмана Гертлингу; там же, док. № 174 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; там же, док. № 177 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; там же, док. № 178 от 17 января по н. ст. 1918 г. Рапорт Ведела Гертлингу.

⁴⁷² Там же, док. № 166 от 14 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; там же, док. № 171; там же, док. № 165 от 13 января по н. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии.

⁴⁷³ Там же, док. № 176.

Галиция была в какой-нибудь форме отделена от Австро-Венгрии и присоединена к Украине», а это, «конечно же неприемлемо для Австро-Венгрии», которая рассматривала вопрос о «самоопределении восточно-галицийских братьев как вмешательство во внутренние дела монархии»

Представители Украины умело использовали, с одной стороны, противоречия между советской и германо-австрийской делегациями, а с другой продовольственные затруднения в Германии и Австро-Венгрии. Именно в эти дни был создан миф об украинском хлебе, который, дескать, мог спасти Германию и Австро-Венгрию от наступающего голода и привести к победе в мировой войне. За это украинская делегация, опираясь на лозунг самоопределения народов, так опрометчиво поддержанный Германией, Австро-Венгрией и советским правительством как средство для расчленения Российской империи, сначала потребовала передачи ей Восточной Галиции (о чем Австро-Венгрия даже говорить отказалась), а затем — выделения Восточной Галиции в автономную область.

Но поскольку именно Австро-Венгрии мир важно было подписать как можно скорее, Чернин пошел на уступки украинцам. «Украинцы больше не ведут переговоров, они диктуют свои требования», — записал Чернин в дневнике и, видимо, не преувеличил. Украинская делегация была осведомлена о начале беспорядков в Австро-Венгрии и «как по барометру» устанавливала по демонстрациям в Вене степень недоедания в Австрии. Было ясно, что австрийцы должны заключить мир, чтобы получить хлеб, запасы которого в Австрии почти иссякли. Сам Чернин считал, что без заграничных поставок хлеба «через несколько недель» в стране «начнется массовое вымирание». Решено было вести с украинцами переговоры «на началах разделения Галиции на Западную и Восточную, согласно требованиям украинцев».

3 (16) января австрийцы и немцы согласились с тем, что территории восточнее Буга и южнее линии Пинск — Брест-Литовск отойдут, в случае подписания сепаратного мирного договора, к Украине, в Холмской губернии будет проведен референдум, а Восточная Галиция получит некий вид автономии. Украинцы победили. Они «практичные люди, — сообщал в МИД Германии Ф. Розенберг, — и рассматривают теории, признанные осчастливить народы, как средство, а не как самоцель. Если при заключении соглашения с нами они получают то, что хотят, то мало будут заботиться о праве наций на самоопределение и о других прекрасных принципах. Их хитрость и упорная крестьянская изворотливость делает нашу игру не слишком легкой»⁴⁷⁴.

---

⁴⁷⁴ Там же, док. № 172 от 16 января пон. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии; там же, док. № 165. 17 (4) января Украина, Германия и Австро-Венгрия обсудили общие принципы будущего экономического сотрудничества (там

5(18) января по инициативе Гофмана немцы попытались договориться с Троцким о будущей границе новой России. От бывшей Российской империи, по плану Гофмана, отторгались территории общей площадью в 150-160 тыс. кв. км, в которые входили Польша, Литва, часть Латвии и острова Балтийского моря, принадлежащие Эстонии. На отторгнутых территориях предусматривалось оставление германских оккупационных войск. Троцкий увертывался от конкретных ответов, пробовал даже оспорить права украинской делегации (при определении новой украинской границы) и затем попросил прервать заседание, чтобы «более подробно исследовать примечательный чертеж» — развернутую на столе карту Гофмана. После перерыва он выступал уже более резко и в длинной речи назвал германские предложения скрытой формой аннексии⁴⁷⁵. Германские предложения были переданы в Петроград, и ЦК приказал Троцкому немедленно возвращаться⁴⁷⁶, чтобы обсудить создавшееся положение с членами ЦК и Совнаркома. Председателем советской делегации в отсутствие Троцкого оставался Иоффе⁴⁷⁷.

Немцы были в напряжении. «Необходимо настроить прессу и парламент на то, — писал Кюльман Гертлингу, — что отъезд Троцкого нельзя рассматривать как разрыв переговоров и предупредить возможную нервозность». Австрийцы теперь были готовы к еще большим уступкам украинцам, лишь бы подписать хотя бы мир с ними. «Забастовка ширится, -сообщал председатель Совета министров Австро-Венгрии Э. фон Зейдлер, -почти все магазины закрыты. Выход всех газет, за исключением рабочих, приостановлен на несколько дней. [...] Из Будапешта сообщают о всеобщей забастовке. Во все центры беспокойства перемещаются войска. [...] Будущее зависит от Брест-Литовска. Если соглашение удастся, то любая опасность будет устранена. Если переговоры окончатся безрезультатно, то [...] удержать контроль над событиями не удастся. Австрия теперь не

же, док. № 175 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии). 22 (9) января на совещании в Вене австро-венгерских руководителей под председательством императора Карла решено было уступить украинцам в вопросе о «Восточной Галиции ввиду нужды в украинском хлебе» (Чернин. Брест-Литовск, с. 166-167; Литовцев. Французы и Брест-Литовск; АТ, Т-3742). Что Чернин не преувеличивал опасность, засвидетельствовал в своих мемуарах генерал Гофман: «Положение графа Черника стало в это время особенно затруднительным из-за внезапной продовольственной катастрофы в Вене, случившейся благодаря непредусмотрительности австро-венгерского правительства. [...] С другой стороны, украинский мир, на который я смотрел как на средство произвести давление на Троцкого, стал в качестве «хлебного мира» настоятельной необходимостью для графа Чернина. Особенно плохо для Австрии было то, что его тяжелого положения нельзя было, конечно, скрыть от украинцев» (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 183).

⁴⁷⁵ Германия, док. № 180 от 18 января по н. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии; там же, док. № 182 от 18 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.

⁴⁷⁶ Ленин, ПСС, т. 35, с. 225; Чубарьян. Брестский мир, с. 129.

⁴⁷⁷ Майоров. Борьба советской России, с. 193.

перенесет того, чтобы мирные переговоры окончились неудачно»⁴⁷⁸.

Германские условия от 5 (18) января не следует считать слишком жесткими. Западногерманский историк В. Баумгарт справедливо указывает на то, что от большинства перечисленных в германском ультиматуме территорий большевики отказались сами еще до брестского диктата. Так, 31 декабря 1917 года советское правительство признало независимость Финляндии. Вопрос о независимости Польши фактически был предрешен еще и тем, что с января 1918 года за независимость Польши выступала Антанта, а президент США Т. В. Вильсон 13-м пунктом своей программы оговорил суверенитет этой страны. Отделение Прибалтики также казалось всем неизбежным, тем более, что немцы — и здесь главная заслуга принадлежала Людендорфу — ревностно следили еще и за тем, чтобы создать своеобразный «санитарный кордон» и застраховать себя от распространения через Прибалтику большевизма в Германию. Позже, когда рухнул Брестский мир и когда Германии продиктован был Версальский договор, Антанта санкционировала отделение от России Прибалтики, Финляндии и Польши, сделав из этих государств тот самый «санитарный кордон» против коммунизма⁴⁷⁹, о котором мечтал Людендорф. По существу, немцы не шли дальше требований, реализованных самим ходом событий. И они вполне могли ожидать, что советское правительство согласится на выдвинутые ими условия⁴⁸⁰. Разногласия между Троцким и делегациями Четверного союза возникли не из-за того, что Гофман предложил отторгнуть вышеперечисленные территории от Российского государства, а по совсем иной причине: большинство советского правительства категорически выступало против самого факта подписания мира с империалистической Германией.

На германские условия готов был согласиться Ленин — вечный союзник Германии в Брест-Литовске. Но здесь вопрос о ленинской власти вступал в конфликт с проблемами мировой революции. И Ленин потерпел поражение там, где мог ожидать его меньше всего — внутри собственной партии, отказавшейся считать, что интересы советской власти (во главе с Лениным) превыше революционного принципа несогласательства с

---

⁴⁷⁸ Германия, док. № 182 от 18 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу; там же, док. № 181 от 18 января по н. ст. 1918 г. Тел. Веделя в МИД Германии.

⁴⁷⁹ Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 67-68.

⁴⁸⁰ В историографии обычно считается, что заявление Гофмана было чуть ли не ультимативным. Из документов этого не следует.

Более того, 19 января по н. ст. Гертлинг в специальном письме Гинденбургу подтвердил, что до заключения сепаратного соглашения с Украиной какие-либо ультиматумы в отношении советского правительства абсолютно исключены и будут на руку только Троцкому, ищущему повода для разрыва переговоров (Германия, док. № 185 от 19 января по н. ст. 1918 г. Тел. Гертлинга Лерснеру).

капиталистическими странами. Этот сложный спор, однако, можно было, вести лишь по уничтожению конкурента на власть советского правительства в самой России. В ночь, когда Троцкий спешил в Петроград, чтобы обсудить в ЦК германские условия, большевики разогнали «хозяина русской земли», революционный парламент — Учредительное собрание.

Глава пятая. Созыв и разгон Учредительного собрания

Сегодня, зная о судьбе Учредительного собрания, разогнанного большевиками и левыми эсерами в начале января 1918 года, может показаться удивительным, что в течение всего 1917 года те же самые большевики и левые эсеры энергично выступали за его скорейший созыв. Так, Ленин, еще до возвращения в Россию, в Швейцарии, в листовке «Товарищам, томящимся в плену»,⁴⁸¹ предостерегал против Временного правительства, которое «оттягивает назначение выборов в Учредительное собрание, желая выиграть время и потом обмануть народ»⁴⁸² и неоднократно выступал в защиту Собрания после возвращения в Россию в апреле. В день большевистского переворота, 25-26 октября, в воззваниях Военно-революционного комитета и в обращении Второго съезда Советов, принятом в ночь на 26 октября, новая власть подчеркивала, что созвет Собрание.⁴⁸³ Постановление об этом было утверждено 27 октября на первом же заседании ВЦИК второго созыва, где указывалось, что «выборы в Учредительное собрание должны быть произведены в назначенный срок, 12 ноября»⁴⁸⁴.

Советские законы и учреждения автоматически считались временными, в том числе и Совнарком, создаваемый как временный орган — до созыва Учредительного собрания, с началом работы которого теряли силу декреты советской власти⁴⁸⁵. Упоминания об Учредительном собрании не содержались только в тексте декрета о мире. Но и здесь Ленин обещал передать все пункты договора на рассмотрение Собрания, «которое уже будет властно решать, что можно и чего нельзя уступить».⁴⁸⁶ Наконец,

---

⁴⁸¹ Вишняк. Ленин и УС.

⁴⁸² ДСВ, т. 1, с. 5; Революция 1917 года, т. V, с. 183; Декреты Октябрьской революции, т. 1, с. 1; Документы великой пролетарской революции, т. II, с. 64 — 65.

⁴⁸³ Протоколы II созыва, с. 6.

⁴⁸⁴ Вишняк. Ленин и УС.

⁴⁸⁵ ДСВ, т. 1, с. 17, 19, 20.

⁴⁸⁶ Ленин. ПСС, т. 35, с. 17. 26 октября (8 ноября) 1917. «Кто присутствовал при последнем восстании в Петрограде, тот знает [...], что рабочие шли на восстание под знаменем защиты Учредительного собрания», — укажет левый эсер

свержение Временного правительства также оправдывалось необходимостью созвать Собрание скорее.⁴⁸⁷

Как бы в подтверждение этого 28 октября в избирательные комиссии на местах были разосланы телеграммы за подписью Ленина с приказом продолжать работу по организации выборов и обязательно провести их в установленный еще Временным правительством срок⁴⁸⁸. Однако в самом постановлении от 27 октября дата созыва не называлась, а о первоначальном дне открытия Собрания большевики очень скоро постарались забыть. Категорически против созыва выступал боявшийся потерять власть в пользу многопартийного социалистического правительства Ленин. Он предлагал отсрочить выборы, расширить избирательные права, предоставив их 18-летним (молодежь была настроена преимущественно радикально), «обновить избирательные списки», объявить вне закона кадетов.

Не многие из большевиков тогда поддержали Ленина, считая, что отсрочка выборов будет понята как их отмена, и Ленин в который раз оказался в одиночестве ⁴⁸⁹. Однако некоторые практические шаги большевики предприняли. Так, 6 ноября они попытались (неудачно) завладеть документами комиссии по выборам в Собрание (Всевыборы): В. Д. Бонч-Бруевич потребовал от Всевыборы представить большевикам данные «о работе комиссии и вообще о тех мерах, которые ею принимаются для проведения выборов в назначенный срок», но Всевыборы заявила о непризнании СНК и выдать документы отказалась ⁴⁹⁰. Тогда же на заседании ВЦИК большевики и левые эсеры рассмотрели вопрос о выдвижении новых списков кандидатов Собрания, прежде всего потому, что из-за происшедшего раскола в эсеровской партии кандидаты ПСР и ПЛСР оказывались в общих (старых) избирательных списках. Большевик В. А. Аван-есов предложил в связи с этим «поднять вопрос об отсрочке

Камков 27 ноября на Первом съезде ПЛСР (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 92).

⁴⁸⁷ Вот что заявлял на съезде Юго-Западного фронта в Бердичеве большевик и главком Крыленко вскоре после большевистского переворота: «Мы всеми силами стремимся к созыву Учредительного собрания, ибо только оно может успокоить разоренную империалистической войной страну. Да, мы свергли Временное правительство. Но свергли потому, что оно не хотело созывать именно это Учредительное собрание [...]. Мы хотим, чтобы Советы правили бы страной до того дня, когда раздастся властный голос последнего. И мы хотим, мы требуем от вас, товарищи солдаты, чтобы вы поддержали нас, вы утвердили лозунг «Вся власть Советам до дня созыва Учредительного собрания» (цит. по кн. Вишняк. Дань прошлому, с. 325).

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ Троцкий. О Ленине, с. 91-92.

⁴⁹⁰ Известия Всевыборы, 1917, № 16-17, столб. 7-8.

выборов», чтобы левые эсеры успели составить новые списки⁴⁹¹, но ПЛСР отказалась⁴⁹².

Против отсрочки выборов энергично выступал Свердлов, считавший, что откладывать созыв Собрания — значит ослабить позиции большевиков и советской власти на местах⁴⁹³. За проведение выборов высказались фактически все политические партии России, кроме анархистов и эсеров максималистов, с одной стороны, и некоторых правых партий, с другой⁴⁹⁴. Но поскольку Собрание, по словам Ленина, могло оказаться кадетско-меньшевистско-эсеровским, большевики 8 ноября на расширенном заседании Петроградского комитета РСДРП(б) впервые рассмотрели вопрос о возможном его разгоне. В. Володарский, выступивший с докладом по этому поводу, указал, что в России народ, не прошедший демократической школы, не страдает «парламентским кретинизмом», и даже при успешном для большевиков исходе выборов в Собрание нужно будет проводить его «коренную ломку», в результате которой оно окажется «последним парламентским собранием» России. Если же, продолжал Володарский, «массы ошибутся с избирательными бюллетенями», Собрание будет разогнано силой⁴⁹⁵.

Большевики надеялись, что в случае заключения блока с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами они получат в Собрании относительное большинство⁴⁹⁶ и риск с его созывом казался оправданным. К тому же, несозванное Собрание стало бы символом всей антисоветской оппозиции и могло бы объединить страну на борьбу с большевиками⁴⁹⁷.

---

⁴⁹¹ Протоколы II созыва, с. 35.

⁴⁹² ЗТ, 7 ноября 1917, № 65.

⁴⁹³ Рубинштейн. К истории УС, с. 63. Это косвенно подтверждается воспоминаниями жены Свердлова, которая пишет: «Теперь, после установления власти Советов, никто из нас «Учредилку» всерьез не брал, но и отмахнуться от нее просто так, воспрепятствовать ее созыву было нельзя. Не раз говорил мне об этом Яков Михайлович» (Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 289).

⁴⁹⁴ ЦК меньшевиков постановил, в частности, «напрячь все силы для ведения избирательной кампании и участвовать в выборах в тех местах, которые не охвачены гражданской войной» и где «восстановлена полная свобода выборной агитации» (Партийные известия, 1917, № 8, столб. 18). А 7 ноября Всевыбора «пришла к заключению, что по силе закона выборы должны состояться в назначенные сроки всюду, где свободное голосование может быть осуществлено и где требования законного порядка выборов могут быть исполнены» (Всероссийское УС, с. 151).

⁴⁹⁵ Известия ЦИК, № 220, 9 ноября 1917.

⁴⁹⁶ «Выборы идут пока очень благоприятно для революционной демократии, — писал большевик Н. Л. Мещеряков, — и есть большие основания думать, что в будущем Учредительном собрании большевикам в союзе с примыкающими к ним левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами удастся составить левое большинство» (Известия Московского Совета, 18 ноября 1917, № 209). Такого же мнения придерживался Луначарский (Правда, 19 ноября 1917, № 209).

⁴⁹⁷ Чернов, например, считал, что именно после того, как большевистская программа скомпрометирует себя и не будет более казаться привлекательной, возрастет авторитет Учредительного собрания: когда наступит кризис в мирных

По крайней мере, Собрание обещало пользоваться большим авторитетом, чем Временное правительство⁴⁹⁸. Видимо, по этим причинам ВЦИК 8 ноября единогласно высказался за соблюдение намеченных ранее сроков выборов⁴⁹⁹.

9 ноября «Известия ЦИК» опровергли слухи о намерениях большевиков отсрочить выборы⁵⁰⁰, а расширенное заседание ЦК РСДРП(б) одобрило решение ВЦИКа и призвало членов большевистской партии «к самой широкой, массовой предвыборной устной и письменной агитации»⁵⁰¹. С этого дня «Правда» ежедневно публиковала избирательный список № 4 — кандидатов в Учредительное собрание по Петроградскому округу от ЦК и ПК РСДРП (б), военной организации большевиков, комитетов социал-демократии Польши и Литвы, а также ЦК социал-демократии Латвии. Всего — 18 человек. Список № 4 опубликовали также «Известия» (на что они не имели права, не будучи партийной газетой)⁵⁰². Печатная агитация большевиков «достигла значительного размаха»⁵⁰³.

Политика левых эсеров в отношении Собрания была динамичной. 12

переговорах с немцами, когда в деревне начнется междуусобная борьба за землю, когда останутся фабрики и наступит голод. Чернов предлагал поэтому с созывом Собрания вообще не спешить (АИГН, 10/3, с. 84).

⁴⁹⁸ Еще 25 октября комиссар Временного правительства на Румынском фронте Э. П. Тизенгаузен доносил в Ставку: «Мое глубокое убеждение, что двинуть войска для защиты лиц самого правительства едва ли возможно [...]. В защиту Учредительного собрания и для противодействия попыткам срыва безусловно встанет весь фронт [...]. Защита Учредительного собрания весьма популярна» (Архив русской революции, т. 7, с. 307). 12 ноября на заседании

Бюро ЦИК первого созыва Церетели заявил, что «такие вопросы, как вопрос о мире и созыве Учредительного собрания, лучше всего могут соединить под одним знаменем всю демократию России [...]. Учредительное собрание — единственный хозяин земли» (Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК, с. 102). Опасения большевиков, таким образом, были не напрасны.

⁴⁹⁹ Протоколы II созыва, с. 45. В протоколах по этому поводу сделана следующая запись: «Вопрос об Учредительном собрании. Доклад Зиновьева; предлагается резолюция [о] необходимости своевременного созыва Учредительного собрания. Резолюция принимается единогласно».

⁵⁰⁰ Газета писала: «Выборы в Учредительное собрание должны во что бы то ни стало пройти в срок — 12 ноября. Готовьтесь к выборам! До выборов осталось только три дня. Ни минуты промедления! В Петрограде выборы обязательно начнутся 12 ноября» (Известия ЦИК, 9 ноября 1917, № 220).

⁵⁰¹ Правда, 10 ноября 1917, № 185. Заведующий агитационным отделом ВЦИК В. Володарский высказал в связи с этим следующие соображения: «План агитации у нас таков: у нас написана избирательная листовка и целый ряд плакатов, которые будут готовы завтра. Мы ими засыплем все фабрики и заводы! Необходимо на каждой фабрике, на каждом заводе провести предвыборные митинги и собрания. Максимальную помощь агитаторам мы дадим» (Первый легальный петербургский комитет большевиков, с. 350).

⁵⁰² Протоколы II созыва, с. 62. «Известия ЦИК» считались органом Центрального исполнительного комитета, и левые эсеры, задетые такой несправедливостью, подали во ВЦИК жалобу на редакцию «Известий». Жалоба была удовлетворена, и редакция обещала более списка большевиков не публиковать, но, конечно же, опубликовала снова, да еще с призывами голосовать именно за этот список. 14 ноября левые эсеры сделали новый запрос во ВЦИК, но потерпели поражение. Предложенная Спиро резолюция о том, «чтобы в «Известиях» не было призыва за большевиков» была отклонена.

⁵⁰³ Знаменский. Всероссийское УС, с. 244.

ноября, в день выборов, Б. Д. Камков на первой странице левоэсеровской газеты «Знамя труда» выступил со статьей, поддерживающей идею созыва Собрания. Камков заявил, что без санкции Учредительного собрания ни одно правительство не имеет права действовать от имени всего народа, и те, кто выступает против, «будут сметены с лица земли»; что только Учредительное собрание сможет «положить конец губящей страну и революцию гражданской войне»⁵⁰⁴. Однако на происшедших в этот день выборах левые эсеры потерпели поражение. Параллельные партийные левоэсеровские списки кандидатов в Учредительное собрание им удалось выдвинуть лишь в двух-трех случаях, и собрали они «совершенно ничтожное количество голосов»⁵⁰⁵.

Всего в 68 округах (по четырем округам данные есть лишь частичные) голосовало 44.443 тыс. избирателей, в том числе за большевиков 10.649 тыс., или 24%, за эсеров, меньшевиков и депутатов различных национальных партий — 26.374 тыс., или 59%, за кадетов и партии, стоящие правее кадетов — 7.420 тыс., или 17%⁵⁰⁶. Из 703 делегатов, избранных в Собрание, 229 были эсерами, 168 — большевиками, 39 — левыми эсерами⁵⁰⁷. Таким образом, даже вместе с левыми эсерами, большевики уступали ПСР, хотя и обгоняли кадетов и другие «правые» партии. Левым эсерам приходилось срочно менять лозунги. На состоявшемся неделю спустя Первом съезде ПЛСР они в целом выступили против Учредительного собрания⁵⁰⁸. Из двадцати человек, выступавших в

---

⁵⁰⁴ ЗТ, 12 ноября 1917, № 70.

⁵⁰⁵ АИГН, 10/3, с. 53.

⁵⁰⁶ Знаменский. Всероссийское УС, с. 270-273.

⁵⁰⁷ Рубинштейн. Большевики и УС, с. 54-55.

⁵⁰⁸ «Посмотрите, по всей России на втором месте проходят в Учредительное собрание кадеты, — указывал делегат Абрамов. — Мы, социалисты-революционеры, всегда стояли за эту надежду народа — за Учредительное собрание. Но теперь, по мере выяснения результатов выборов, у нас теряется надежда, оправдывает ли Учредительное собрание желания и чаяния народа. Если это Учредительное собрание не сможет провести социализацию земли, то у нас возникнет новый вопрос — сделать выбор между Учредительным собранием и Советами, и тогда мы [...] должны сказать твердо, что Учредительное собрание изжило себя, мы переросли его» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 61).

Такого же мнения придерживался левый эсер Табаков: «Учредительное собрание [...] не отразит настроения масс. Я считаю [...] что Учредительное собрание надо окружить железным кольцом Советов, контролировать, требовать и проводить свое. [...] Борьба начнется в открытую. Мы должны быть во всеоружии. Я утверждаю, что бой будет. Тут товарищ Шрейдер говорил, что мы сначала послушаем, что они будут говорить. Нет, товарищи, лучше не будем слушать — мы хорошо знаем, что они будут говорить. [...] Я ни на один момент не допускаю, чтобы Совет был сторожем и хранителем Учредительного собрания. [...] Если [...] Учредительное собрание не пойдет навстречу нам, то судьба его мне предвидится еще в более плачевном виде, чем судьба Предпарламента» (там же, с. 63).

Чем дольше длился съезд и яснее представлялась картина с выборами, тем резче реагировали левые эсеры на проблему Учредительного собрания. «Когда я слышу столь модные теперь крики «Вся власть Учредительному собранию», я понимаю, что люди не отдают себе отчета в том, чего они требуют», — заявил Шрейдер (там же, с. 104) и был поддержан Прошьяном: «Отдать власть Учредительному собранию [...] мы не можем и не должны. [...] Конфликт его с Советами неизбежен, и если оно захочет взять власть в свои руки, то мы ему этой власти не отдадим» (там же, с. 108-109).

Спиридонова же попыталась дезавуировать Учредительное собрание, как таковое: «Мы [...] виноваты в том, что внушали народным массам, будто Учредительное собрание является огромным завоеванием народа, что Учредительное

прениях по докладам А. М. Устинова и А. А. Шрейдера⁵⁰⁹, посвященным Собранию, лозунг «Вся власть Учредительному собранию» защищал лишь один. В резолюции, принятой левоэсеровским съездом по вопросу об отношении к Собранию, указывалось, что «всякую попытку» превратить его «в орган борьбы с Советами» съезд будет считать посягательством «на завоевания революции» и оказывать тому «самое решительное противодействие»⁵¹⁰.

Поскольку в общих списках эсеров в Учредительное собрание членов ПЛСР было крайне мало⁵¹¹, левые эсеры призывали своих избирателей голосовать за список большевиков⁵¹², предпочитая большевиков бывшим соратникам по партии. Тем не менее путаницы избежать было трудно, и избиратели, голосовавшие на выборах за общий эсеровский список, часто, против своей воли, голосовали не за ту партию, за которую намеревались. Эсеры пробовали исключить из своих списков левых (дабы за них не голосовали эсеровские избиратели), но безуспешно. Так, 8 ноября ЦК ПСР опубликовал заявление, что в списках партийных кандидатов по Петроградскому округу есть лица, вышедшие из эсеровской партии (в том числе М. Спиридонова), которые тем не менее не могут быть вычеркнуты из списков по установленным правилам о выборах. ПСР призвала поэтому выборщиков голосовать за эсеровский список (№ 9), «в твердой уверенности», что левые эсеры сочтут «долгом политической чести» снять свои кандидатуры⁵¹³. Но левые эсеры кандидатур не сняли.

На бойкот Собрания или уход из него левые эсеры соглашались, но дискредитировать себя насильственным роспуском не хотели⁵¹⁴. Впрочем,

---

собрание — чуть ли не венец революции, что оно должно сказать решающее слово по всем большим вопросам нашей государственной жизни [...]. И только в последнее время [...] перед нами стали рассеиваться всякие парламентские иллюзии» (Третий Всероссийский съезд Советов, с. 45-46).

⁵⁰⁹ Не путать с городским головой эсером Г. И. Шрейдером.

⁵¹⁰ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 111.

⁵¹¹ Исключением был список в Учредительное собрание эсеров Харьковской губернии (там же, с. 13).

⁵¹² «Если бы раскол произошел раньше, — указывал делегат из Новгорода Ромль, — мы не имели бы правого списка в Учредительное собрание, возглавляемого Авксентьевым [...]. За этот правозэсеровский список мы не сочли даже возможным для себя агитировать — таким образом большинство соберет большевистский список, за который будут голосовать массы, идущие за нами» (там же, с. 12). См. также Известия ЦИК, 12 ноября 1917, № 233.

⁵¹³ Знаменский. Всероссийское Уч, с. 251).

⁵¹⁴ Вот как относился к вопросу о разгоне Собрания левый эсер Алгасов: «Мне совершенно непонятно, когда здесь говорят о разгоне Учредительного собрания. Когда это Учредительное собрание не будет отражать настроения масс, — мы покинем его и тем самым укрепим власть Советов. Нам совершенно не нужно себя дискредитировать его разгоном. [...] Мы признаем Учредительное собрание как смотр силам страны. И как только мы подсчитаем свои силы и силы наших противников и убедимся, что мы в меньшинстве — мы уйдем отсюда не разгоняя, не применяя никакой другой силы. Этим самым Учредительное собрание перестанет существовать». (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 69.) Прошьян, Трутовский и Камков заняли в отношении Собрания большевистскую позицию уже на левоэсеровском съезде.

некоторые делегаты съезда соглашались разогнать Собрание в случае, если оно постановит распустить Советы и аннулирует декрет о земле. Иначе считал Ленин, «Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание», — сказал он в те дни Троцкому. Вскоре стало ясно, что за разгон высказывается видный левый эсер Натансон⁵¹⁵. После некоторых колебаний ПЛСР, переживавшая, по словам Троцкого, «недели своего крайнего радикализма»⁵¹⁶, согласилась с мнением Натансона.

Большевики, тем временем, пытались найти менее рискованное, чем разгон, решение проблемы. 20 ноября на заседании СНК Сталин внес предложение о частичной отсрочке созыва. Но предложение было отклонено⁵¹⁷, так как считалось, что такая «полумера» лишь усилит слухи о нежелании большевиков созывать Собрание. Решено было готовиться к разгону. Совнарком обязал комиссара по морским делам П. Е. Дыбенко сосредоточить в Петрограде к 27 ноября до 10-12 тысяч матросов⁵¹⁸. Г. И. Петровскому и Сталину поручалось, взяв в подмогу кого-нибудь из ВРК и того, «кого они найдут нужным», завладеть материалами Всевыборы⁵¹⁹. 21 ноября большевики и левые эсеры 67 голосами против 59 провели во ВЦИКе декрет о праве отзыва⁵²⁰, согласно которому Советы получили право назначать перевыборы во все городские, земские и другие представительные учреждения, не исключая и Учредительного собрания⁵²¹. 23 ноября Совнарком назначил комиссаром Всевыборы М. С. Урицкого, а члены Всевыборы, отказавшиеся предоставить Сталину и Петровскому документы, были арестованы⁵²². Только после этого, 26 ноября, Ленин подписал декрет «К открытию Учредительного собрания».

Так, Прошьян считал, что «не приходится питать никаких иллюзий относительно того, что Учредительное собрание с полубуржуазным большинством своего состава» не будет относиться «сочувственно к тем целям, во имя которых был совершен Октябрьский переворот», и что Собрание «не будет укреплять почву для дальнейшего развития социалистической революции» (Протоколы II созыва, с. 178).

⁵¹⁵ Троцкий. О Ленине, с. 92.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Городецкий. Рождение советского государства, с. 442.

⁵¹⁸ Фрайман Форпост социалистической революции, с. 163.

⁵¹⁹ ДСВ, т. 1, с. 167-168.

⁵²⁰ Протоколы II созыва, с. 73-74.

⁵²¹ Там же, с. 79.

⁵²² Вишняк. Дань прошлому, с. 328-330. Официально Всевыбора была распущена декретом СНК от 29 ноября 1917 (ДСВ, т. 1, с. 167-168). После роспуска Учредительного собрания комиссия Урицкого просуществовала еще несколько недель, до начала февраля 1918 г. (Всероссийское УС, с. XXV.)

Первое заседание могло состояться по прибытии более 400 делегатов. Фактически это означало, что 28 ноября Собрание открыто не будет. А чтобы его не открыли без большевиков, декретом оговаривалось, что открыть Собрание может лишь уполномоченный Совнаркома⁵²³.

Тем не менее 28 ноября, после митинга перед зданием Петроградской городской думы, развесившей по городу плакаты «Вся власть Учредительному собранию», собравшиеся демонстранты во главе с Черновым двинулись к Таврическому дворцу, окружив его со всех сторон. Латышский полк, охранявший дворец, не преградил дороги манифестантам, и эсеровские депутаты вошли внутрь. Единогласно избрав Чернова временным президентом Собрания, они подсчитали присутствующих членов и поняли, что их не более трети от избранного числа. Стало очевидно, что Собрание открыто быть не может, и эсеры разошлись по домам⁵²⁴.

В остальных городах массовых манифестаций под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию» проведено не было. В Москве в этот день можно было видеть демонстрацию, шедшую под нестройное пение «Интернационала». Демонстрацию организовали эсеры. Возможно, их протест оказался бы более внушительным, если бы эсеровское руководство отказалось от идеи левого социалистического блока и согласилось действовать совместно с кадетами, получившими в Петрограде при выборах в Учредительное собрание 26,2% голосов. Между тем в организованный «революционной демократией» «Союз защиты Учредительного собрания» кадеты, несмотря на протесты народных социалистов, допущены не были⁵²⁵.

Партию народной свободы ожидал еще один серьезный удар. После некоторой подготовительной работы⁵²⁶ », 28 ноября, Ленин утвердил декрет СНК «об аресте вождей гражданской войны против революции». Согласно этому закону, все видные члены кадетской партии, в том числе и депутаты Учредительного собрания, подлежали «аресту и преданию суду революционных трибуналов»⁵²⁷ . 29 ноября на заседании ЦК большевистской партии Свердлов потребовал объявить кадетов «врагами

---

⁵²³ ДСВ, т. 1, с. 159, 171.

⁵²⁴ АИГН, 10/3. Комментарии Чернова, с. 86.

⁵²⁵ Мельгунов. Как большевики захватили власть, с. 381-382.

⁵²⁶ Бонч-Бруевич. На боевых постах, с. 189.

⁵²⁷ ДСВ, т. 1, с. 161-162. Об арестах среди кадетов см., в частности: Как это было; Вишняк. Дань прошлому, с. 334; Гессен. В двух веках, с. 381.

народа» еще и постановлением ВЦИК, задним числом и в нарушение формальной процедуры: партийное решение было важно сделать решением советской власти.

На том же заседании Бухарин предложил вновь рассмотреть вопрос об Учредительном собрании и окончательно решить, созывается оно или нет — что, собственно, выгоднее: «разбить кадетов по частям или же собрать Учредительное собрание, а потом изгнать оттуда всех кадетов». Лично Бухарин стоял за второй путь и предлагал «организовать левую часть, изгнать кадетов», а левую часть Учредительного собрания, состоящую из левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов и большевиков, «с колоссальным преобладанием» последних, объявить «революционным конвентом». Представителей других партий в случае их попыток открыть Собрание Бухарин предложил арестовать⁵²⁸.

Начались споры. Сталин заметил, что предложение Бухарина «опоздало на сутки», и предложил «добить кадетов». Но Бухарина поддержал Троцкий: «Мы ведем линию на революционный конвент» — и предложил, учитывая, что у большевиков и левых эсеров большинства в Собрании не будет, «собрать всех кандидатов в Питере», вызвав большевистских депутатов по телеграфу, и открыть конвент не дожидаясь положенных 400 человек. На следующий день, как и предлагал Троцкий, ЦК принял решение о вызове в Петроград большевистских делегатов Собрания⁵²⁹.

Не совсем ясно, шла ли речь о вызове большевиков — членов Учредительного собрания — для того, чтобы открыть «конвент», не дожидаясь приезда 400 депутатов, или же для того, чтобы как можно скорее набрать 400 представителей левого крыла и таким образом оказаться в большинстве. Через несколько дней, 5 декабря, большевики запретили своим делегатам покидать пределы Петрограда. Исключение делалось только для тех, кто уезжал из города меньше, чем на сутки⁵³⁰. Эта мера, конечно же, была принята для того, чтобы из 400 собравшихся в Таврическом дворце делегатов Учредительного собрания большевиков было как можно больше. Устранение кадетов, сосредоточенных-практически только в городах, вблизи железнодорожных

---

⁵²⁸ Протоколы ЦК РСДРП (6), с. 149. С записями этого выступления Бухарина произошло недоразумение. В тексте протокольной записи из секретариата ЦК написано: «Это тем более будет легко, что большевики с левыми эсерами будут иметь колоссальное преобладание» (там же). Авторы примечаний сборника по этому поводу пишут: «Бухарин искажал данные о составе Учредительного собрания» (там же, с. 279). Но ошибка была сделана протоколистом. Это доказывается параллельной секретарской протокольной записью, в которой сказано: «Левую часть объявить революционным конвентом. Левые эсеры и большевики с колоссальным преобладанием большевиков» (там же). Таким образом, речь шла, во-первых, о конвенте, а во-вторых, о преобладании большевиков по отношению к левым эсерам.

⁵²⁹ Там же, с. 150,151,156,279; Deutscher. The Prophet Armed, p. 340; Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(6), с. 127.

⁵³⁰ Революция 1917 года, с. 281.

узлов, способных поэтому быстро прибыть к открытию Собрания, преследовало ту же цель.

Левые эсеры в общем приветствовали устранение конституционно-демократической партии с политической арены, хотя и усматривали в самом декрете потенциальную опасность для ПЛСР: практиковать террор по отношению к целой партии. Левые эсеры, кроме того, были недовольны тем, что декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции» в нарушение установившихся норм отношений ПЛСР и РСДРП(б) был принят большевиками без предварительной договоренности с левыми эсерами. И в этом левые эсеры также усмотрели опасный для себя прецедент. После длительного обсуждения вопроса левые эсеры решили выразить большевикам умеренное недовольство. Они внесли во ВЦИК запрос о том, «на каком основании арестованы члены Учредительного собрания, которые должны пользоваться личной неприкосновенностью»⁵³¹.

Запрос обсуждался во ВЦИКе в ночь с 1 на 2 декабря⁵³². За отмену декрета высказались Мстиславский и Штейнберг. Последний считал акт ареста кадетов «нарушением демократии» и требовал, чтобы арестовывали лишь тех, кто действительно был виновен в контрреволюционной деятельности, причем в каждом конкретном случае точные данные о причинах ареста нарком юстиции предлагал докладывать ВЦИКу. Арестованных 28 ноября кадетов Штейнберг требовал освободить для участия в работе Собрания, так как в противном случае, по его мнению, оно превратится в филиал ВЦИКа. Вместе с тем Штейнберг поддержал ленинский декрет по существу, сказав, что звание члена Учредительного собрания не должно спасать «во время беспощадной борьбы с контрреволюцией»⁵³³. Это половинчатое предложение было, однако, подвергнуто критике и Лениным, и Троцким⁵³⁴. Большинством в 150 голосов против 98 при 3 воздержавшихся ВЦИК принял большевистский проект резолюции, подтверждавшей «необходимость самой решительной борьбы» с партией кадетов. В резолюции далее указывалось, что ВЦИК и в будущем будет поддерживать Совнарком «на этом пути и отвергает протесты политических групп»⁵³⁵.

---

⁵³¹ Протоколы II созыва, с. 124.

⁵³² Скрипилев. Всероссийское УС, с. 188.

⁵³³ НЖ, 3 декабря 1917.

⁵³⁴ Протоколы II созыва, с. 120-121; Steinberg. In Workshop of the Revolution, p. 60.

⁵³⁵ Протоколы II созыва, с. 122. На том же заседании ВЦИК одобрил решение СНК «собрать Учредительное собрание при наличии в Петрограде 400 депутатов» (там же, с. 121).

Под влиянием ли поражения на выборах в Собрание, или не желая извечно плестись в хвосте у большевиков (все равно численно превосходящих при голосовании любой резолюции) 3 декабря ЦК ПЛСР принял постановление о Собрании, совпадающее с позицией ЦК РСДРП (б). В нем говорилось, что отношение левых эсеров к Собранию будет всецело зависеть от решения им вопросов о мире, земле, рабочем контроле и от отношения к Советам⁵³⁶. Сходные позиции большевиков и левых эсеров дали возможность двум партиям на Втором Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов указать в резолюции, касающейся Собрания, что если Собрание не признает за Советами право на власть, ему будет оказано противодействие⁵³⁷. В этом случае, заявил от имени левых эсеров Колегаев, «мы вступим в борьбу с ним»⁵³⁸.

На основании принятой съездом резолюции большевики и левые эсеры обратились с воззванием Второго съезда крестьянских депутатов к крестьянству. Проект этого воззвания был составлен Лениным 6-7 декабря и вечером 8 декабря оглашен на заседании съезда. Написанный в жестких тонах, проект осуждал партию эсеров и призывал крестьян отозвать из Учредительного собрания тех депутатов, которые не полностью поддерживают решения Второго съезда Советов и Второго Всероссийского крестьянского съезда. Левые эсеры внесли в проект Ленина несколько смягчающих дополнений⁵³⁹; и 15 декабря воззвание было опубликовано⁵⁴⁰.

Не следует, однако, считать, что в вопросе о разгоне Собрания большевики и левые эсеры достигли внутри своих партий полного единодушия. В большевистской фракции против откровенного разгона высказались, в частности, члены бюро фракции Каменев, Рыков и Милютин⁵⁴¹. В связи с этим 11 декабря ЦК по предложению Ленина

---

⁵³⁶ Известия Всероссийского крестьянского съезда, 5 декабря 1917.

⁵³⁷ ЗТ, 12 декабря 1917. Аналогичная резолюция была принята на Первом съезде ПЛСР. Эсеры между тем продолжали бороться с кадетами. В начале декабря на заседании «Союза защиты Учредительного собрания» 7 человек голосовали за принятие кадетов, 3 — против. Но эсеры заявили, что они из Союза уйдут, если кадетов примут. (Мельгунов. Воспоминания и дневники. Вып. 1, ч. 1-2, с. 241.) Возможно, это связано и с тем, что в этот период эсеры все еще надеялись составить блок с левыми эсерами и отколоть их от большевиков. На межфракционном совещании они предлагали открыть Учредительное собрание 28 декабря (10 января). Левые эсеры настаивали на 5 (18) января, дате, согласованной с большевиками. Во всех случаях на соглашение с эсерами левые идти не собирались.

⁵³⁸ Цит. по кн. Быковский. Всероссийский Совет, с. 325.

⁵³⁹ Голос трудового крестьянства, 15 декабря 1917, № 22.

⁵⁴⁰ Ленин. ПСС, т. 35, с. 150-155; Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 116.

⁵⁴¹ «Многие из них [большевиков] «Учредилку» уже считали совершенно излишней, — писал в своих воспоминаниях Сагирашвили, — и поэтому были против всяких выборов. К этой группе принадлежали Троцкий, Бухарин, Ларин. Ленин

рассмотрел вопрос о смещении бюро фракции. Ленин, поддержанный Свердловым, потребовал от фракции полного подчинения ЦК. На следующий день бюро фракции было переизбрано, а Бухарин и Сокольников назначены во фракцию политическими инструкторами. После обсуждения фракция большевиков в Собрании единогласно одобрила написанные Лениным «Тезисы об Учредительном собрании»⁵⁴², анонимно опубликованные в «Правде» 13 декабря⁵⁴³.

В тот же день комиссар по делам Собрания Урицкий выступил с докладом «по текущему моменту» на заседании Петербургского комитета партии. Урицкий признал, что Урал «не оправдал ожиданий» и в целом большевики и левые эсеры не составят в Собрании и половины депутатов. Урицкий подтвердил, что Собрание будет созвано. Вопрос же о разгоне будет зависеть «от обстоятельств». «Разногласия с левыми эсерами теперь все уничтожились [...] — указал Урицкий, — жизнь учит их быстро и хорошо»⁵⁴⁴.

В середине декабря на Всероссийском Чрезвычайном железнодорожном съезде эсеры и меньшевики, напуганные объявлением вне закона кадетов, попытались прозондировать позицию левых эсеров в отношении возможных арестов эсеров и меньшевиков — членов Учредительного собрания и участников железнодорожного съезда. Левый эсер Черепанов в ответ указал, что советская власть «должна гарантировать неприкосновенность личности лишь тех приглашенных на съезд членов Учредительного собрания, которые не совершили преступления, вызывающего уголовное преследование», т. е. пересказал ранее предложенную ВЦИКу (но отвергнутую большевиками) резолюцию Штейнберга, дающую возможность различно трактовать понятие уголовно преследуемого акта, поскольку новый советский уголовный кодекс в те месяцы еще не существовал. От имени большевистской фракции съезда делегат Жук обсуждать затронутую проблему вообще отказался, и левый сектор съезда с пением Интернационала (захватив с собой знамя железнодорожного союза) покинул зал заседаний⁵⁴⁵.

же по тактическим соображениям находил созыв Учредительного собрания необходимым» (АИГН, 198/23, с. 13-14).

⁵⁴² Первый легальный петербургский комитет, с. 273; Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 160, 161; Правда, 16 декабря 1917, № 216; Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 292-293; Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 126.

⁵⁴³ Правда, 13 декабря 1917, № 213. Вишняк ошибочно считает, что «по мотивам политической стратегии и внутренней тактики» тезисы Ленина были впервые опубликованы лишь 26 декабря (Вишняк. Дань прошлому, с. 338). Да, 26-го, но по новому стилю, т. е. — 13-го по старому. Тезисы не оставляли сомнения в том, что Учредительное собрание будет разгромлено. (Ленин. ПСС, т. 35, с. 162-166.)

⁵⁴⁴ Троцкий. Сочинения, т. 3, ч. 2. Приложение: Доклад Урицкого по текущему моменту на заседании Петербургского комитета РСДРП(б), с. 364-368.

⁵⁴⁵ Чрезвычайный всероссийский железнодорожный съезд. Заседание 19 декабря. — ЗТ, 21 декабря 1917, № 101.

19 декабря четыре левоэсеровских комиссара — Коле-гаев, Карелин, Штейнберг и Трутовский — обратились в Совнарком письменно с просьбой рассмотреть все неясности, касающиеся Учредительного собрания, на ближайшем заседании⁵⁴⁶. Просьба была удовлетворена. 20 декабря Совнарком, не связывая себе руки в деле разгона Собрания, постановил открыть его 5 января 1918 г.⁵⁴⁷ Вечером следующего дня, выступая на съезде железнодорожников, Спиридонова указала отнюдь не сочувствующему ей в этом вопросе залу, что Собрание «с подтасованным составом и, в частности, его правая часть может стать на пути развития социальной революции». «Революция перед этими препятствиями не остановится»⁵⁴⁸, — заключила Спиридонова, дав понять, что следует ожидать разгона.

22 декабря постановление о созыве Собрания большинством голосов при двух воздержавшихся утвердил ВЦИК. Одновременно с созывом Учредительного собрания большевики и левые эсеры назначили на 8 января Третий Всероссийский съезд Советов, а на 12 января — Третий Всероссийский съезд крестьянских депутатов (Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов и представителей земельных комитетов)⁵⁴⁹. Съезды Советов созывались в противовес Учредительному собранию, что открыто признал Зиновьев⁵⁵⁰. Он предупредил, что Собрание будет разогнано, если станет «препятствием для осуществления воли трудового народа», но опроверг слухи о запланированном разгоне⁵⁵¹.

Большинство левых эсеров считало, что Собрание должно быть открыто и не может быть разогнано до начала работы. Левые эсеры высказались также против ареста правой части. На совещании фракции ПЛСР они вынесли в отношении Собрания менее резкую, чем большевики, резолюцию. Меньшинство левоэсеровской фракции, впрочем, на самом

---

⁵⁴⁶ Steinberg. In Workshop of the Revolution, p. 52.

⁵⁴⁷ Протоколы II созыва, с. 175.

⁵⁴⁸ Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд. Во фракции левых эсеров. — ЗТ, 23 декабря 1917, № 103. С похожей речью выступил на съезде железнодорожников Карелин: «Учредительное собрание нынешнего состава дает мало надежд стать [...] верным выразителем и исполнителем воли народной». (Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 3(16) января 1918, № 109.)

⁵⁴⁹ Протоколы II созыва, с. 177.

⁵⁵⁰ Зиновьев, в частности, заметил: «Нет сомнения, что буржуазная пресса всех толков опять подчеркнет, что мы, созывая новый Съезд Советов, хотим противопоставить наши революционные органы «Советы» пресловутому Учредительному собранию. Конечно, мы отнюдь не хотим затушевывать истины и находим, что в этом отношении буржуазные писатели отчасти правы» (там же, с. 175; Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 471).

⁵⁵¹ Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Зиновьева. — НЖ, 14 (27) декабря 1917, № 201 (195).

заседании ВЦИК проголосовало за резолюцию большевиков⁵⁵², зачитанную Зиновьевым: ВЦИК «считает необходимым всей организационной силой Советов поддержать левую половину» Собрания против его правой половины⁵⁵³. На следующий день Свердлов разослал от имени ВЦИК всем Советам, а также армейским и фронтовым комитетам телеграммы о созыве Третьего съезда и Чрезвычайного крестьянского съезда. В телеграммах указывалось, что лозунгу «Вся власть Учредительному собранию!» Советы должны противопоставить лозунг «Власть Советам, закрепление Советской республики»⁵⁵⁴.

В рамках подготовки к разгону Собрания в Петрограде 23 декабря было введено военное положение⁵⁵⁵. Непосредственная власть в городе перешла к Чрезвычайному военному штабу, как бы заменившему собой Чрезвычайную комиссию по охране Петрограда. В состав штаба вошли Н. И. Подвойский, К. С. Еремеев, Г. И. Благодоров, Урицкий, Свердлов, Прошьян, В. Д. Бонч-Бруевич, К. А. Мехоношин, К. К. Юренев. В тесном контакте со штабом находились некоторые большевистские «военные работники», такие как Крыленко и Дыбенко⁵⁵⁶. Петроград был разбит на несколько участков. Урицкого назначили комендантом Таврического дворца, где должно было заседать собрание. Начальником Петропавловской крепости оставался Благо-нравов; Еремеев командовал войсками Петроградского округа. Комендантом Смольного и прилегающих к нему районов назначался Бонч-Бруевич. На нем лежала обязанность не пропустить к Смольному и Таврическому дворцу поддерживающих Учредительное собрание демонстрантов.

Вечером 3 января ВЦИК, Петросовет и Чрезвычайная комиссия по охране Петрограда предупредили население, что «всякая попытка проникновения [...] в район Таврического дворца и Смольного, начиная с 5 января, будет энергично остановлена военной силой». Комиссия предлагала

---

⁵⁵² Видимо, именно это пробольшевистское настроение — за разгон — в последующие дни стало доминирующим во всей ПЛСР. 28 декабря в передовой статье, озаглавленной «Учредительное собрание и Советы», газета «Знамя труда» писала, что Собрание «осталось на перевернутой уже историей странице», а через несколько дней — что собрание попытается вырвать власть у Советов, чему ПЛСР будет противостоять любыми способами. А 4 января та же газета писала, что «Октябрьский переворот [...] обескровил идею Учредительного собрания, лишив его всякого исторического содержания».

⁵⁵³ Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 475; Протоколы II созыва, с. 177; ДСВ, т. I, с. 278. Та же фраза, дословно, была включена в резолюцию фракции левых эсеров, внесенную во ВЦИК 22 декабря, но отклоненную большинством голосов в связи с принятием резолюции Зиновьева. (Протоколы II созыва, с. 188.)

⁵⁵⁴ ДСВ, т. 1, с. 284.

⁵⁵⁵ Правда, 24 декабря 1917, № 223.

⁵⁵⁶ Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. 3, с. 128.

населению не участвовать в демонстрациях, митингах и уличных собраниях, «чтобы случайно не пострадать, если будет необходимо применить вооруженную силу»⁵⁵⁷. А на запросы о том, что будет делать советское правительство в случае возникновения антисоветских демонстраций, Бонч-Бруевич ответил: «Сначала уговаривать, потом расстреливать»⁵⁵⁸. Примерно то же предусматривала формальная инструкция по разгону манифестантов: «В случае неисполнения приказа обезоруживать и арестовывать. На вооруженное сопротивление отвечать беспощадным вооруженным отпором»⁵⁵⁹.

Правительство запретило назначенное на этот день собрание гарнизонных представителей и закрыло газету «Солдатская шинель»⁵⁶⁰. Кроме того, ВЦИК объявил, что всякая попытка со стороны какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет считаться контрреволюционным деянием и подавляться всеми имеющимися в распоряжении советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы⁵⁶¹.

По приказу Чрезвычайного военного штаба штаб Красной гвардии мобилизовал все наличные силы и резервы. В боевую готовность были приведены Литовский, Волынский, Гренадерский, Егерский, Финляндский и другие полки петроградского гарнизона. В город прибыл сводный отряд Балтийского флота. Правда, Ленин боялся, что обычные воинские части, крестьянские по своему составу, ненадежны, так как «русский мужик может в случае чего колебнуться»⁵⁶². Большевики поэтому распорядились «о доставке в Петроград одного из латышских полков»⁵⁶³. Кроме того, на подходах к Таврическому и Смольному расставлялись заградительные отряды, была усилена охрана государственных учреждений, патрулировались улицы, составлялись диспозиции уличных

---

⁵⁵⁷ Всероссийское УС, с. 214; Из истории ВЧК, с. 88; Правда, 4 января 1918, №2.

⁵⁵⁸ Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т., с. 127.

⁵⁵⁹ Бонч-Бруевич. Созыв УС.

⁵⁶⁰ Как русское крестьянство боролось за УС, с. 36.

⁵⁶¹ ДСВ, т. 1, с. 323-324.

⁵⁶² АИГН, 382/5, с. 3.

⁵⁶³ Троцкий. О Ленине, с. 93. П. И. Стучка впоследствии писал, что «в охране Смольного и Таврического дворца (во время разгона Учредительного собрания) первое место занимали товарищи, отобранные латышскими стрелковыми полками» (Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 113).

столкновений⁵⁶⁴. «Надежный отряд матросов» для дежурства в Таврическом дворце — команду для возможного разгона депутатов Собрания — подбирал Бонч-Бруевич лично: 200 матросов с крейсера «Аврора» и броненосца «Республика». Возглавлял отряд анархист-коммунист матрос А. Г. Железняков⁵⁶⁵.

В столицах большевики были хозяевами положения. В Москве и Петрограде за них голосовало в среднем 47,5% избирателей. В 80 крупных городах они получили в среднем 38% голосов. Но в крестьянских губерниях влияние большевиков было мизерным. В Поволжье, Сибири и Центрально-Черноземном районе за них голосовало 10-16% избирателей, а в каком-нибудь Нижнедевицком уезде Воронежской губернии — лишь 2,7%⁵⁶⁶. Это давало эсерам надежду на благополучный исход всего предприятия⁵⁶⁷.

Собирались ли эсеры отстаивать права Учредительного собрания вооруженной силой? Первоначально может создаться впечатление, что да. Еще во время Октябрьского переворота Чернов заявил в речи на Десятой петроградской партийной конференции, что эсеры всегда стояли за Учредительное собрание и «если кто-нибудь посягнет на него», партия вспомнит «о старых методах борьбы с насилием с теми, кто навязывает народу свою волю»⁵⁶⁸. 3 (17) ноября ЦК ПСР постановил «признать необходимым организацию всех живых сил страны, вооруженных и невооруженных, вокруг лозунгов: «Вся власть Учредительному собранию», «Защита Учредительного собрания всеми мерами и средствами»⁵⁶⁹.

Однако к январю 1918 года позиция ЦК ПСР изменилась. Эсеры не хотели теперь быть причиной вооруженного столкновения, а потому предпочли попробовать мирным характером демонстраций «морально обезоружить» верные большевикам части⁵⁷⁰. 3 января, на заседании Лиги

---

⁵⁶⁴ Чернов. Перед бурей, с. 256, 355.

⁵⁶⁵ Бонч-Бруевич. На боевых постах, с. 246-247. Бонч-Бруевич впервые познакомился с Железняковым во время умирения пьяных матросов-анархистов броненосца «Республика» (тот был у них главным). [Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. 3, гл. «Страшное в революции».] О том, что Железняков (Железняк) был «по убеждениям анархист» пишет В. Деготь в статье «Разгон Учредительного собрания и III съезд Советов», с. 132.

Теперь, когда, по выражению Подвойского, необходимо было позаботиться о «технике разгона» (Соловьев. Великий Октябрь и его противники, с. 97-98), матросы-анархисты пришлись как нельзя кстати.

⁵⁶⁶ Рубинштейн. Большевики и УС, с. 51, 55; Знаменский. Всероссийское УС, таблицы в конце книги.

⁵⁶⁷ Чернов. Перед бурей, с. 356 — 359.

⁵⁶⁸ Цит. по кн. Луначарский. Бывшие люди, с. 38.

⁵⁶⁹ Протоколы ЦК ПСР, от 3 (17) ноября 1917 г.

⁵⁷⁰ По существу, это был возврат к политике октябрьских дней: 3 ноября эсеровская газета «Дело народа» писала в

защиты Собрания из 210 делегатов от социалистических партий и «демократических организаций», а также представителей Путиловского и Обуховского заводов, было принято решение устроить 5 января мирную манифестацию⁵⁷¹. Вооруженное выступление ЦК ПСР категорически запретил, считая его «несвоевременным и ненадежным деянием»⁵⁷².

5 января 1918г. эсеры явились в похожий на военный лагерь и наполненный караулами Таврический дворец, в котором должно было заседать Учредительное собрание. Церемония пропуска в Таврический была такой, что депутат ощущал себя заключенным. Перед фасадом Таврического стояла артиллерия, пулеметы, походные кухни. Все ворота были заперты, открыта лишь крайняя левая калитка, в которую пропускали по билетам. Охрана проверяла пропуска, осматривала входящего, прощупывала, искала оружие. Затем пропускали в калитку, где проводилась вторая проверка, внутренняя. Всюду были вооруженные люди, больше всего матросов и латышских стрелков. У входа в зал заседания стоял последний, третий кордон⁵⁷³.

Большевики и левые эсеры находились во фракционных комнатах. Они действовали единым блоком⁵⁷⁴, согласившись в том, что открытие Собрания не будет задержано из-за отсрочки начала работ Третьего Всероссийского съезда Советов, но полномочий своих Совнарком Собранию не передаст⁵⁷⁵. Предполагалось, что Собрание откроется в 12

передовой статье, что «ПСР не должна быть партией гражданской войны с правительством большевиков, так как она не борется с теми рабочими и солдатами, которые временно идут за большевиками», а «должна победить большевизм, вскрывая перед демократией всю внутреннюю ложь его».

⁵⁷¹ Чернов пояснял: «Надо было морально обезоружить [...] большевиков. Для этого мы пропагандировали демонстрацию гражданского населения абсолютно безоружную, против которой было бы нелегко употреблять грубую силу. Все, на наш взгляд, зависело от того, чтобы не дать большевикам и тени морального оправдания для перехода к кровопролитию. Только в этом случае, думали мы, могут поколебаться даже самые решительные их защитники и проникнуться решительностью самые нерешительные наши друзья» (Перед бурей, с. 357). Нужно было слишком плохо знать большевиков, чтобы строить свои планы в надежде на колебания Ленина и Троцкого. Впрочем, Вишняк даже в 1946 г. считал, что в отношении Учредительного собрания эсеры все делали исключительно правильно (Вишняк. Дань прошлому, с. 348-351.) Иные выводы сделал Б. Ф. Соколов, указавший в воспоминаниях, что эсерами «было учтено все, кроме банды пьяных матросов, заполнивших галереи Таврического дворца, и непарламентского цинизма большевиков» (Соколов. Защита УС, с. 60). А Троцкий заметил, что с хорошо вооруженной диктатурой демократия боролась бутербродами, которыми члены Учредительного собрания запаслись в достаточном количестве (Trotsky. Lenin, p. 123).

⁵⁷² Вишняк. Всероссийское УС, с. 99-100.

⁵⁷³ За день до разгона Собрания большевики и левые эсеры продемонстрировали свою солидарность на Чрезвычайном Всероссийском съезде железнодорожников. Когда большинством в 12 голосов съезд проголосовал за резолюцию в поддержку Учредительного собрания, фракции большевиков и левых эсеров выступили против и с пением «Смело товарищи в ногу...» покинули зал заседаний. (От имени левых эсеров декларацию об уходе зачитывал Черепанов.) К заявлениям фракции левых эсеров и большевиков присоединилась группа меньшевиков-интернационалистов. (Всероссийский железнодорожный съезд. Раскол съезда. — ЗТ, от 6 (19) января 1918, № 112.)

⁵⁷⁴ Рубинштейн. К истории УС, с. 104-105.

⁵⁷⁵ АИГН, 519/30, гл. 7, с. 5.

часов дня. Но прошло несколько часов томительного ожидания перед тем, как оно начало свою работу: всем важно было знать, чем кончатся манифестации в Петрограде.

Манифестанты начали собираться утром в девяти сборных пунктах, намеченных Союзом защиты Учредительного собрания. Маршрут движения предусматривал слияние колонн на Марсовом поле и последующее продвижение к Таврическому дворцу со стороны Литейного проспекта. Предполагалось, что броневики одного из дивизионов, стоящих на защите Учредительного собрания, подойдя к казармам Преображенского и Семеновского полков, настроенных нейтрально⁵⁷⁶, перетянут их на свою сторону, после чего вместе двинутся к Таврическому. Однако в ночь на 5 января рабочие ремонтных мастерских, поддерживавшие большевиков, вывели из строя бронемашину броневого дивизиона, и задуманное эсерами предприятие провалилось. Кой-какие гражданские манифестации, тем не менее, организовать удалось, но они были разогнаны вооруженной силой. При этом около ста человек было убито и ранено.⁵⁷⁷

(Когда об этом сообщили наркому юстиции левому эсеру Штейнбергу, тот ответил, что лично объездил все улицы центра Петрограда и что везде все спокойно.)

Около часа дня к Таврическому, но не к главному входу, а к одним из ворот внутреннего двора, подъехал Ленин⁵⁷⁸ (он не спешил, собирал сведения о разгоне манифестантов, доставляемые Урицким и Бонч-Бруевичем). По условному сигналу ворота открыли, и Ленина провели безлюдными коридорами в комнату большевистской фракции. Так с часу до половины четвертого он совещался со Свердловым, Сталиным, Урицким и Бонч-Бруевичем, принял участие в заседании ЦК, на котором еще раз обсуждался вопрос о процедуре открытия Собрания, затем в заседании большевистской фракции, где было окончательно решено покинуть Таврический в тот же день, если Собрание откажется принять Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа⁵⁷⁹ (т.е. передать власть Советам).

---

⁵⁷⁶ Чернов. Перед бурей, с. 359; Вишняк. Дань прошлому, с. 357-358; Как русское крестьянство боролось за УС, с. 41-42. Аналогичные манифестации произошли в Москве, Саратове и др. городах, почти везде сопровождаясь расстрелами. Особенно много жертв было в Москве (там же, с. 42.) Согласно официальным советским данным, в Москве было убито 9 манифестантов и ранено 30 (Пролетарская революция, 1928, № 1 (72), с. 127-128, 131).

⁵⁷⁷ Владимир Ильич Ленин, т 5, с. 179.

⁵⁷⁸ Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 295.

⁵⁷⁹ Пока Ленин обсуждал с руководством большевистской фракции Собрания последние детали операции, из кармана повешенного им на вешалке пальто кто-то украл револьвер. Начались розыски. Вора нашли. Им оказался один из матросов, охранявших Собрание. Его вывели в сад и немедленно расстреляли. (АИГН, 382/5, с. 3.)

К четырем часам были рассеяны последние значительные группы манифестантов. На улицах Петрограда левый сектор одержал очевидную победу. Можно было уже не тянуть с началом заседаний. Делегаты стали заполнять зал. Вместе с ними входили матросы. «Их рассыпали всюду, — вспоминал Бонч-Бруевич.⁵⁸⁰ — Матросы важно и чинно разгуливали по залам, держа ружья на левом плече». По бокам трибуны и в коридорах — тоже вооруженные люди. Галереи для публики набиты битком сторонниками большевиков и левых эсеров (входные билеты на галереи, примерно 400 штук, распределял Урицкий). Сторонников правого сектора Собрания в зале было мало.

Как всегда, когда решался вопрос: быть или не быть большевистскому правительству — Ленин нервничал. По свидетельству Бонч-Бруевича, он был бледен «как никогда» сжал руки и обводил «пылающими глазами весь зал»⁵⁸¹. Позже, и это тоже свидетельствовало о его нервозности, он, подчеркнуто расслабившись, полулежал в ложе, то со скупающим видом, то весело смеясь. В той же ложе, справа от председательской трибуны, заняли места члены Совнаркома.

В четыре представитель фракции эсеров Г.И. Лордкианидзе указал присутствующим на позднее время и предложил старейшему из членов Учредительного собрания открыть его, не дожидаясь приезда отсутствующих большевиков (главным образом председателя ВЦИК Свердлова). Старейшим был Е.Е. Лазарев, но по предварительной договоренности он уступил старшинство С.П. Шрецову.⁵⁸² Швецов поднялся на трибуну. Большевик, депутат собрания и будущий наркомвоенмор Ф.Ф. Раскольников вспоминает⁵⁸³:

«Свердлов, который должен был открыть заседание, где-то замешкался и опоздал [...]. Видя, что Швецов всерьез собирается открыть заседание, мы начинаем бешеную обструкцию. Мы кричим, свистим, топаем ногами, стучим кулаками по тонким деревянным пюпитрам. Когда все это не помогает, мы вскакиваем со своих мест и с криком «долой» кидаемся к председательской трибуне. Правые эсеры бросаются на защиту старейшего. На паркетных ступеньках трибуны происходит легкая рукопашная схватка

---

⁵⁸⁰ Владимир Ильич Ленин, т. 5, с. 179-180. Большевик Раскольников вспоминает: «Кто-то развивает план наших работ в расчете на длительное существование Учредилки. Бухарин нетерпеливо шевелится на стуле и, подняв указательный палец, требует слова. «Товарищи, — возмущенно и насмешливо говорит он, — неужели вы думаете, что мы будем терять здесь целую неделю? Самое большое мы просидим три дня». На бледных губах Владимира Ильича играет загадочная улыбка» (Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, с. 6).

⁵⁸¹ Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. 3, с. 132.

⁵⁸² Там же, с. 135.

⁵⁸³ Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, с. 8-9.

[...]. Кто-то из наших хватает Швецова за рукав пиджака и пытается стащить его с трибуны»

Так началось заседание Учредительного собрания России. «Мы собрались в этот день на заседание как в театр, — писал левый эсер Мстиславский, — мы знали, что действия сегодня не будет — будет только зрелище»⁵⁸⁴. Впрочем, дух того дня не могут передать ни мемуары, ни сжатые и сдержанные стенограммы. «На самом деле было много ужаснее, нуднее и томительней [...] вспоминал эсер М.В. Вишняк. — Это была бесновавшаяся, потерявшая человеческий облик и разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Скворцов-Степанов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собой бесноватых, сорвавшихся с цепи. Не то сумасшедший дом, не то цирк или зверинец, обращенные в лобное место. Ибо здесь не только развлекались, здесь и пытали: горе побежденным!»⁵⁸⁵

Растерявшись, Швецов объявил перерыв. В этот момент из рук председателя колокольчик вырвал подоспевший в зал Свердлов. От имени ВЦИКа он объявил заседание открытым и потребовал от Собрания передать власть Советам⁵⁸⁶. По указанию Ленина большевик Скворцов-Степанов предложил пропеть «Интернационал». Зал дружно запел, хотя режиссеры у левого и правого сектора были разные (у эсеров — Чернов)⁵⁸⁷. Пропев, начали выбирать председателя. Эсеры выдвинули кандидатуру Чернова. Большевики — Спиридоновой. Избрали Чернова. За него голосовало 244 депутата, против — 151. За Спиридонову — 153, против — 244⁵⁸⁸. Чернов вышел на трибуну и начал речь. Вряд ли ее кто-либо слышал, так как в зале не прекращался шум. Стенограмма, по мнению Чернова, не давала «даже отдаленного впечатления о том, что происходило на самом деле»⁵⁸⁹.

---

⁵⁸⁴ Мстиславский. Пять дней, с. 140.

⁵⁸⁵ Вишняк. Дань прошлому, с. 362.

⁵⁸⁶ «Учредительное собрание считало бы в корне неправильно противопоставить себя советской власти [...] власть должна принадлежать [...] Советам [...]. Поддерживая советскую власть и декреты Совета народных комиссаров. Учредительное собрание признает, что его задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества» (Всероссийское УС, с. 3, 5-6).

⁵⁸⁷ Вишняк. Дань прошлому, с. 363; Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 297. Впрочем, эсеры быстро поняли, что дружное пение не всегда спасает. Когда Третий съезд Советов стоя приветствовал чтение Декларации прав трудящихся, фракции эсеров и меньшевиков, несмотря на возмущение зала, сидели.

⁵⁸⁸ Всероссийское УС, с. 9.

⁵⁸⁹ Чернов. Перед бурей, с. 362.

Выход Чернова на трибуну был встречен аплодисментами правого сектора и «невообразимым шумом, стуком, свистом» левого. На несколько минут заседание обратилось в хаос. Что касается самой речи Чернова, то она «многих и многих не удовлетворила: большевиков и левых эсеров тем, что председатель обошел в своей речи вопрос о советской власти» и «об организации власти вообще», эсеров — «теми уклонами, которые как бы давали исход некоторой левизне, некоторым уступкам в сторону большевиков»⁵⁹⁰. Речь Чернова «была выдержана в интернационалистических и даже социалистических тонах, порой до нетерпимости демагогических», будто оратор «искал общего языка с большевиками»⁵⁹¹, пробовал создать условия для совместной законодательной работы⁵⁹².

Под тем, что говорил Чернов, с легкостью мог бы подписаться любой из большевиков или левых эсеров. Поддержав идею всеобщего демократического мира, выступив с предложением созыва в Петрограде совещания социалистов всех стран, поприветствовав «великую волю к социализму трудовых масс России», привязав к строительству социализма само Учредительное собрание и несколько раз используя эпитет «под красными знаменами социализма», Чернов так и не вспомнил о большевиках и левых эсерах. И если из левого сектора зала кричали: «Без пули не обойтись вам!»⁵⁹³, то только согласно имеющейся общей инструкции шуметь независимо от того, что будут говорить ораторы-эсеры.

Большевики отметили примирительный тон речи Чернова. 7 января «Правда» написала, что «лепет» Чернова был сплошными словесными уступками советской платформе: «тут были и мир, и земля, и рабочий контроль, и даже — боже! — Циммервальд»⁵⁹⁴. Эсеровская фракция реагировала на речь своего лидера скорее отрицательно, указав, что Чернов посадил эсеров «в такие глубокие калоши», из которых, «пожалуй, уже никогда не выбраться»⁵⁹⁵. Беспартийная горьковская «Новая жизнь» позволила себе более резкую критику, отметив, что программа Чернова

---

⁵⁹⁰ Минор. Один день УС, с. 128.

⁵⁹¹ Вишняк. Всероссийское УС, с 373-374.

⁵⁹² Минор. Один день УС, с. 128.

⁵⁹³ Всероссийское УС, с. 17.

⁵⁹⁴ Правда, 7 января 1918, № 5.

⁵⁹⁵ Огановский. Дневник члена УС, с. 15.

ничем, собственно, не отличалась от большевистской⁵⁹⁶.

От имени большевиков в Учредительном собрании первым выступил Бухарин, потративший много времени на доказательство залу того, что Чернов, с его достаточно про-большевистской речью, все-таки не настоящий социалист, а вот большевики — настоящие. Выступавший от левых эсеров Штейнберг призвал Собрание принять Декларацию и передать власть Советам, что было равносильно самороспуску⁵⁹⁷. Между тем эсеры и меньшевики все еще надеялись устоять⁵⁹⁸, по крайней мере до речи Церетели. Когда он входил на трибуну, «крики со стороны большевиков, левых эсеров и «публики» дошли до таких размеров, что минут десять Церетели вынужден был стоять под дождем оскорблений и ненависти»⁵⁹⁹. Стенограмма Собрания отмечает:

«Председатель. [...] Слово имеет член Учредительного собрания Церетели. Церетели входит на кафедру. Рукоплескания на всех скамьях, кроме крайних левых. Все встают. Сильный шум на левых скамьях.

Председатель. Граждане, покорнейше прошу вас уважать достоинство собрания [...] (Шум, свистки.) Покорнейше прошу не мешать мне в ведении собрания. (Голос: Долой тех, кто голосовал за смертную казнь!) Гражданин, как ваша фамилия? (Голос: Могилев!) Призываю вас в первый раз к порядку. [...] (Шум, крики.) Покорнейше прошу публику не вмешиваться в дело собрания. Граждане, покорнейше прошу соблюдать спокойствие. [...] (Шум, свистки.) Граждане, мне придется поставить вопрос о том, в состоянии ли некоторые члены вести себя так, как подобает членам Учредительного собрания. (Голос: Долой тех, кто голосовал за смертную казнь!) Гражданин Могилев, вторично призываю вас к порядку. [...] (Шум продолжается.) Угодно вам, граждане, восстановить порядок собрания и не шуметь? Граждане, неужели мне придется напоминать, что Учредительное собрание есть место, где нужно уметь себя вести. (Шум.) Угодно Учредительному собранию, чтобы его председатель принял меры к тому, чтобы все соблюдали тишину и достоинство собрания? (Шум слева. Голос:

---

⁵⁹⁶ НЖ, 6 января 1918, №4.

⁵⁹⁷ «Одобрив Декларацию [прав трудящихся] и тем самым признав власть Советов и ее декреты, — пишет О. Н. Знаменский, — санкционировав введение основ советской конституции, Учредительное собрание могло считать свои функции исчерпанными» (Знаменский. Всероссийское УС, с. 336). Именно это и предусматривалось первоначальным проектом Декларации: «Учредительное собрание, поддерживая власть Совета народных комиссаров и все декреты и постановления этой власти, считает, что задачи Учредительного собрания выполнены настоящим провозглашением основ социалистического переустройства общества и объявляет себя распущенным» (ДСВ, т. 1, с. 320).

⁵⁹⁸ Вплоть до момента разгона Учредительного собрания Церетели все не верил, что Собрание разгонят: «С трудом верится, чтобы большевики осмелились разогнать Учредительное собрание — ни народ, ни история этого не простит». (Вишняк. Дань прошлому, с. 348.)

⁵⁹⁹ Минор. Один день УС, с. 129.

Попробуйте!) Покорнейше прошу не шуметь. Гражданин Церетели, вы имеете слово.

Церетели. Граждане, представители народа! Я взял слово к порядку, чтобы обосновать мнение фракции, к которой я имею честь принадлежать. [...] (Шум. Голоса: Какой фракции?)

Председатель. Покорнейше прошу не переговариваться. [...] Граждане, не могущие сохранить спокойствие во время речи товарища Церетели, прошу вас удалиться и не мешать ему говорить. (Шум и возгласы слева: Вот еще, попробуйте!)»⁶⁰⁰.

Сигналы к крику подавал Дыбенко. Эсеровское большинство было бессильно что-либо сделать. «Голос Чернова, его увещевания, призывы и просьбы терялись в гаме и выкриках. Многие его не слышали. Мало кто слушал. Кроме беспомощно звеневшего колокольчика, в распоряжении председателя не было никаких других средств воздействия против неистовствовавших и буянивших»⁶⁰¹.

После речи Церетели состоялось голосование по повестке дня заседания. Большинством в 237 голосов против 146 утверждена была эсеровская повестка. Стало очевидно, что добровольно Собрание не разойдется. Для окончательного обсуждения вопроса о судьбе Собрания большевики и левые эсеры потребовали перерыва для фракционных совещаний. Руководители двух партий остановились на том, что нужно, формально не прерывая собрания, «дать возможность всем вволю наболтаться», но «на другой день не возобновлять заседание», а объявить Собрание распущенным и предложить депутатам разойтись по домам⁶⁰². Перед фракцией большевиков с изложением этого плана выступил Ленин. После некоторых колебаний было решено последовать его совету и из Собрания уйти. В Белый зал Таврического дворца вернулись только Г. И. Ломов и Раскольников ⁶⁰³, зачитавший декларацию большевиков об уходе⁶⁰⁴. От имени левых эсеров аналогичное заявление вскоре сделал Карелин. Поднялся шум, крики, оскорбления, защелкали на хорах затворы.

---

⁶⁰⁰ Всероссийское УС, с. 36 -37.

⁶⁰¹ Вишняк. Дань прошлому, с. 367.

⁶⁰² Бонч-Бруевич. На боевых постах, т. 249.

⁶⁰³ Анин. Революция 1917 года глазами ее руководителей, с. 466-467. С Лениным согласились не сразу. Часть депутатов стала собираться обратно в зал. Ленин указал тогда, что большевистская «резолуция об уходе, сопровождаемая уходом всех» большевиков, «так подействует на держащих караул солдат и матросов, что они тут же перестреляют всех оставшихся эсеров и меньшевиков». После второй «энергичной речи Ленина его предложение было принято, фракция большевиков в зал так и не вернулась» (там же).

⁶⁰⁴ Всероссийское УЧ, с. 89-90.

Какой-то большевик встал около своего пюпитра и, обернувшись к эсерам, стал упрямо и монотонно кричать: «Палачи! Палачи! Палачи!» Ему вторили голоса: « Кто ввел смертную казнь!»⁶⁰⁵. Это было в пятом часу утра.

После ухода из собрания большевики и левые эсеры приняли постановление о его роспуске и включении большевистской и левозэсеровской фракций Собрания в состав ВЦИК. Первоначальный проект тезисов был заготовлен заранее, но для формального утверждения декрета днем 6 января провели новое заседание, возможно из-за того, что в ночь на 6-е Совнарком не был в полном составе⁶⁰⁶.

Утром 6 января Дыбенко отдал начальнику караула дворца Железнякову приказ «разогнать Учредительное собрание уже после того, как из Таврического уйдут народные комиссары»⁶⁰⁷. Первым собрание покинул Ленин, оставив письменное распоряжение: «Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов»⁶⁰⁸. Затем Таврический покинули остальные наркомы⁶⁰⁹. Зал заполнили матросы и красноармейцы. Несмотря на это, фракция ПСР несколько ожила, начались прения, по предложению Чернова, решено было не расходиться до тех пор, пока не будет завершено обсуждение подготовленных эсерами законов о земле, мире и государственном устройстве. Их предполагалось опубликовать на следующий день от имени Учредительного собрания⁶¹⁰. Депутатов торопили, грозили потушить свет; депутаты заготовили свечи.

Можно было бы уже начинать разгонять Собрание, но Дыбенко не хотелось при этом присутствовать, и он тоже решил уйти. Перед уходом он встретился с Железняковым, который, зная о письменном приказе Ленина не применять силы, спросил, что ему будет, если он поступит иначе.

---

⁶⁰⁵ Минор. Один день УС, с. 131.

⁶⁰⁶ По воспоминаниям Раскольников, заседание Совнаркома провели сразу же после вынесения во фракции большевиков решения об уходе с заседаний Учредительного собрания. (Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, с. 18.)

⁶⁰⁷ Дыбенко. Мятёжники, с. ПО.

⁶⁰⁸ Ленин. ПСС, т. 35, с. 477-478, примечания.

⁶⁰⁹ Дыбенко. Мятёжники, с. ПО.

⁶¹⁰ Постановлением о государственном строе Россия объявлялась республикой. (Всероссийское УС, с. 113.) Вишняк почему-то считает, что это постановление, являвшееся «результатом долгих и больших трудов [...] выдержало испытание временем» (Вишняк. Дань прошлому, с. 345). Автор завершал свои мемуары в 1946 году!

Дыбенко ответил: «Учредилку разгоните, а завтра разберемся»⁶¹¹. Железняков вернулся в Белый зал, подошел к Чернову, оглашавшему в это время проект закона о земле, выждал, затем тронул Чернова за плечо и сказал, что «караул устал» и все присутствующие должны немедленно покинуть зал заседаний. Чернов пробовал возражать, что Собрание «может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила». Но после вторичного требования Железняка уступил⁶¹², предложил собравшимся принять все эсеровские законопроекты без прений⁶¹³, после чего объявил перерыв до 5 часов дня⁶¹⁴. На все это ушло минут десять-пятнадцать. В 4.40 утра Учредительное собрание прекратило свою работу.

«Историк, который рассчитывал бы найти драматические эффекты в день 5 января 1918г., был бы разочарован. Внешняя обстановка первого заседания Учредительного собрания и его роспуска была донельзя проста», — писал историк Н. Рубинштейн⁶¹⁵. Когда утром того же дня Раскольников и Дыбенко рассказывали о разгоне Собрания Ленину, тот

---

⁶¹¹ Дыбенко. Мятёжники, с. ПО.

⁶¹² Всероссийское УС, с. ПО.

⁶¹³ Мстиславский. Пять дней, с. 158. — Обширный проект «Основного закона о земле» не оглашался. Из проекта постановления «О государственном устройстве России» были выброшены пункт о лишении «царствующего дома Романовых» права на престол, и об уничтожении «монархического образа правления», а также пункт четвертый, гласивший: «Отныне и впредь до установления основных законов Российской демократической Федеративной республики вся полнота государственной власти принадлежит Учредительному собранию и отправляется его именем». Цит. по кн. Знаменский. Всероссийское УС, с. 345.)

⁶¹⁴ «Партия наша пропала», — проронил эсер Н. П. Огановский. (Огановский. Дневник члена УС, с. 161.) А меньшевики недоумевали. «Почему они испугались матроса Железняка, почему не поставили его перед необходимостью насильственного разгона, арестов, расстрела высокого собрания? — спрашивал

Н. А. Рожков. — Политически это был бы серьезный шаг. Надо было объявить заседание непрерывным и бороться с мужеством отчаянья» (Рожков. Ход революции, с. 42). Однако бороться значило проливать кровь. Чернов указывал позже, что «в свои стены призывал Учредительное собрание огромный Семянни-ковский завод, обещая защитить народных избранных [...]». Но вблизи него по Неве уже располагались мелкие военные суда из Кронштадта, и депутатов отталкивала мысль — дать большевикам предлог для грандиозного массового пролития крови рабочих, причем этою дорогою ценою было мало шансов купить победу» (АИГН, 382/5. Чернов. Воспоминания об А. Гоце, с. 6-7; АИГН, 10/3. Комментарии Чернова, с. 88-89).

⁶¹⁵ Историк-марксист, 1929, № 10, с. 56. В воспоминаниях левого эсера Штейнберга сцена разгона Учредительного собрания просто отсутствует. Штейнберг пишет: «Было около 4 часов утра 6 января, когда Чернов объявил заседание официально закрытым и заявил, что Собрание соберется снова на следующий день. Депутаты покинули Таврический дворец [...]. Попыток разогнать их силой советская власть не предпринимала» (Steinberg. In Workshop of the Revolution, p. 55).

Есть основания полагать, что в вышедшее в СССР издание стенограммы Учредительного собрания были внесены изменения. Это следует из предисловия к стенограмме: «В 1918 г. был издан отчет заседания Учредительного собрания. На обложке этого издания напечатано, что он издан «по распоряжению председателя Учредительного собрания». (Петроград, типография, аренд. акц. о-вом «Дом печати», 1918 г.) Сравнение этого печатного отчета с архивным дает основание предполагать, что оба они в основе имеют одну и ту же стенографическую запись, которая при издании подверглась некоторой стилистической и значительной авторской правке, вносящей иногда и исправления принципиального характера, причем конец этого печатного стенографического отчета подвергся значительным изменениям, совершенно иначе рисуя общую картину окончания заседания Учредительного собрания. В настоящем издании в основу публикации стенографического отчета положен сохранившийся неполный стенографический отчет заседания, с собственноручной надписью «М. Урицкий». (Всероссийское УС, с. XXVII.)

«сощуриив карие глаза, сразу развеселился», а услышав, что Чернов «не сделал ни малейшей попытки сопротивления», глубоко откинулся в кресло и «долго и заразительно смеялся»⁶¹⁶.

6 января СНК принял с небольшими поправками тезисы декрета о роспуске Учредительного собрания ⁶¹⁷. После незначительных редакторских доработок в ночь с 6 на 7 января большинством голосов при двух против и пяти возюержавшихся декрет был утвержден ВЦИКом⁶¹⁸ и опубликован в советских газетах⁶¹⁹. А еще через два дня петроградцы похоронили убитых 5 января 1918г. манифестантов на том же кладбище, где покоились жертвы расстрела 9 января 1905 года. 18 января декретом СНК из всех ранее изданных советских законов были устранены ссылки на Учредительное собрание⁶²⁰.

10 января был также разогнан красногвардейским отрядом только что начавший свою работу Третий Всероссийский крестьянский съезд, созванный временным Исполнительным комитетом Второго Всероссийского съезда крестьянских депутатов, стоявших на защите Учредительного собрания и платформе эсеров. Часть членов Исполкома съезда была арестована; остальных по 5 человек сводили в низ здания, обыскивали и отпускали⁶²¹. В это время в Смольном заседал начавший свою работу 8 января большевистско-левоэсеровский Третий Всероссийский съезд крестьянских Советов, где большевиками или левыми эсерами были все кроме 16-ти делегатов⁶²².

---

⁶¹⁶ Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, с. 21.

⁶¹⁷ Ленинский сборник, том XVIII, с. 46-47, 50-51.

⁶¹⁸ Скрипилев. Всероссийское УС, с. 203. ВЦИК был поставлен перед совершившимся фактом. Никаких предварительных обсуждений во ВЦИК относительно судьбы Собрания не было. К этому времени стало обычным созывать ВЦИК или его Бюро только для объявления об уже принятых решениях Совнаркома. Вопрос о разгоне Учредительного собрания не стал исключением (АИГН, 198/23, с. 14-15).

⁶¹⁹ Правда, 7 января 1918; Известия ЦИК, 7 января 1918.

⁶²⁰ Ленин. ПСС, т. 35, с. 285. После разгона Учредительного собрания возник было план перевести работу его на Украину. В Киев была отправлена делегация, которая, однако, вернулась с плохими вестями: правительство Украинской народной Рады считало, что сепаратный мир с Германией неизбежен и что сама Украина, возможно, даст Германии оккупировать свою территорию, дабы избежать оккупации большевистской (АИГН, 382/5. В.Чернов. Воспоминания об А. Гоце. Машинопись, с. 7).

Осколки бывшего Учредительного собрания, собирались то на неконтролируемой большевиками территории России, то за границей. С 8 по 21 января 1921 года Частное совещание членов Всероссийского учредительного собрания заседало в Париже, как если б оно было всесильным парламентом (Частное совещание членов всероссийского УС).

⁶²¹ Как русское крестьянство боролось за УС, с. 36-37, 46-49.

⁶²² По некоторым данным на этом объединенном съезде присутствовало 1046 делегатов, в том числе 942 с решающим голосом и 104 с совещательным. Данных о партийном составе делегатов не сохранилось (или не было), но абсолютное большинство составили большевики и левые эсеры. Несколько человек были анархистами, меньшевиками, правыми эсерами и беспартийными. (Деготь. Разгон УС и III съезд Советов, с. 134.) Стенографического отчета заседаний Третьего

Одновременно в Петрограде собрался Третий Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Из (>25 его делегатов только несколько человек не были большевиками или левыми эсерами. 13 января оба съезда слились. С отчетом ВЦИК на объединенном съезде выступил Свердлов; с докладом о деятельности СНК — Ленин, указавший, что после двухмесячного опыта совместной работы с левыми эсерами между РСДРП(б) и ПЛСР уже нет разногласий и по большинству вопросов вырабатывается единое мнение⁶²³. Резолюция по докладу Ленина⁶²⁴, одобряющая деятельность ВЦИК и СНК, была единогласно поддержана фракцией левых эсеров. Левые эсеры голосовали также за большевистские резолюции о мирных переговорах в Брест-Литовске и по национальному вопросу. Большевики же в ответ поддержали левоэсеровскую резолюцию о принятии первого раздела «Основного закона о социализации земли», и этот шаг К. В. Гусев справедливо рассматривает как «уступку», как «одну из сторон принятого партией [большевиков] компромисса» по отношению к левым эсерам⁶²⁵.

Эти дни стали зенитом большевистско-левоэсеровского союза, настолько тесного и, как казалось, прочного, что ПЛСР начала поговаривать о слиянии двух партий⁶²⁶. Олицетворением этого союза было избрание Третьим съездом нового состава ВЦИК. ЦИК Советов крестьянских депутатов, в котором доминировали левые эсеры, был лишен права входить в объединенный ВЦИК на паритетных началах. Съездом избирался теперь общий Исполнительный комитет, при котором была создана Крестьянская секция. Ее председателем стала Спиридонова. Трудно сказать, в обмен на что согласились левые эсеры добровольно распустить руководимый ими ЦИК Советов крестьянских депутатов. Возможно, они считали, что со временем большинство в объединенном ВЦИКе будет

съезда также не существует (по крайней мере, отчет этот никогда не публиковался).

⁶²³ Ленин, ПСС, т. 35, с. 264.

⁶²⁴ Третий Всероссийский съезд Советов, с. 96.

⁶²⁵ Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 135.

⁶²⁶ Троцкий пишет: «В медовые недели коалиции эсеровские народные комиссары не раз заговаривали о желательности слияния партий. Ленин отвечал на это с максимальной уверенностью, из-под которой, однако, пробивалась наружу добродушная ирония: надо еще подождать, надо присмотреться друг к другу» (АТ, Т-3815, папка 1, лист «Левые эсеры»). О предложении большевикам слиться в одну партию, сделанном левыми эсерами, писал в некрологе «Памяти Прошьяна» Ленин: «Особенно запомнился мне разговор с тов. Прошьяном незадолго до Брестского мира.

Тогда казалось, что разногласий между нами сколько-нибудь существенных уже не осталось. Прошьян стал говорить мне о необходимости слияния наших партий, о том, что наиболее далекие от коммунизма [...] левые эсеры заметно и очень сильно сблизились с ним за время общей работы в Совнарком. Я отнесся сдержанно к предложению Прошьяна, назвав его преждевременным, но сближения между нами на практической работе отнюдь не отрицал» (Правда, 20 декабря 1918 г.).

принадлежать левым эсерам. Действительно, из 306 членов ВЦИК третьего созыва большевиков было 160, а левых эсеров — 125. Не исключено также, что левые эсеры опасались поворота крестьян вправо, к эсерам, и предпочли избавиться от крестьянского ЦИКа, заменив его Крестьянской секцией при ВЦИК⁶²⁷.

Уже после разгрома Учредительного собрания Ленин назвал немудрым и крайне рискованным решение большевиков и левых эсеров допустить созыв Учредительного собрания. Впрочем, он указывал, что в конечном итоге все сложилось благополучно⁶²⁸. Борьба против Учредительного собрания упрочила сотрудничество большевиков и левых эсеров⁶²⁹. Слияние высших органов власти привело в свою очередь к объединительному движению на местах, где в Советах большевики и левые эсеры действовали сообща и так противостояли влиянию меньшевиков и эсеров⁶³⁰. Уделяя серьезное внимание борьбе со своими политическими противниками внутри России, большевики в то же время не забывали, что главная их задача — международная. Разгром Учредительного собрания был лишь этапом на пути к разрешению германской проблемы, где интересы Ленина столкнулись с интересами мировой революции и большинства советского и партийного актива.

Глава шестая. Проблема революционной войны

В вопросе о переговорах с Германией большевистская партия не была едина даже тогда, когда под переговорами подразумевались подписание мира без аннексий и контрибуций, ведение революционной пропаганды или оттяжка времени при одновременной подготовке к революционной войне. Сторонники немедленной революционной войны (со временем их стали

---

⁶²⁷ Секция пользовалась некоторой автономией: имела свой президиум, фракционные бюро и печатный орган. Большинство в ней всегда принадлежало левым эсерам. После июльских событий секция была преобразована в Крестьянский отдел ВЦИК и потеряла свои автономные права. Затем большевики объединили «отдел» с наркоматом земледелия, и в несколько месяцев ЦИК Советов крестьянских депутатов потерял всякое значение.

⁶²⁸ Trotsky. Lenin, p. 123.

⁶²⁹ В лице левых эсеров Ленин не думал иметь верных союзников: «Здесь, в этом лагере, мы имеем главную оппозицию очередным и текущим задачам момента в более точном смысле слова; тут оппозиция людей, которые не отказываются в принципиальном согласии с нами, которые поддерживают нас по более существенным вопросам, чем те, по которым критикуют, — оппозиция, соединенная с поддержкой». (Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, с. 253, 29 апреля 1918.) Левым эсерам не доверял и Свердлов, считал, что «сама по себе партия левых эсеров и особенно ее головка крайне ненадежны», хотя блок с ними пока необходим (Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 286).

⁶³⁰ Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 141-142. Левые эсеры занимали сильные позиции в Советах северо-западных губерний и Центрально-Промышленной области. Большевики, кроме того, были слабы в Советах центрально-черноземных губерний. По состоянию на 14 марта 1918 года из 310 уездных Советов 48 губерний в 95 большевики не имели большинства, в 31 — большинство это не было прочным (Гусев, Ерицян. От соглашательства к контрреволюции. Прилож., таб. 2). Очень часто провести через Совет свои резолюции обе партии могли только в блоке.

называть «левыми коммунистами») первоначально доминировали в двух столичных партийных организациях. Левым коммунистам принадлежало большинство на Втором московском областном съезде Советов, проходившем с 10 по 16 декабря 1917 года в Москве. Из 400 членов большевистской фракции Моссовета только 13 поддержали предложение Ленина подписать сепаратный мир с Германией. Остальные 387 голосовали за революционную войну⁶³¹.

28 декабря пленум Московского областного бюро принял резолюцию с требованием прекратить мирные переговоры с Германией и разорвать дипломатические отношения со всеми капиталистическими государствами. В тот же день против германских условий мира высказалось большинство Петроградского комитета партии⁶³². Обе столичные организации потребовали созыва партийной конференции для обсуждения линии ЦК в вопросе о мирных переговорах⁶³³. Поскольку делегации на такую конференцию формировали сами комитеты, а не местные организации РСДРП (б), левым коммунистам было бы обеспечено большинство. И Ленин, во избежание поражения, стал оттягивать созыв конференции.

Собравшийся в Петрограде 15 (28) декабря общеармейский съезд по демобилизации армии, работавший до 3(16) января 1918 г., также выступил против ленинской политики. 17 (30) декабря Ленин составил для этого съезда специальную анкету. Делегаты должны были ответить на 10 вопросов о состоянии армии и ее способности вести революционную войну с Германией. Ленин спрашивал, возможно ли наступление германской армии в зимних условиях, способны ли немецкие войска занять Петроград, сможет ли русская армия удержать фронт, следует ли затягивать мирные переговоры или же нужно обрывать их и начинать революционную войну. Самым важным вопросом был последний:

«Если бы армия могла голосовать, высказалась ли бы она за немедленный мир на аннексионических (потеря всех занятых [Германией] областей) и экономически крайне трудных для России условиях или за крайнее напряжение сил для революционной войны, т. е. за отпор немцам?»⁶³⁴

Ленин надеялся заручиться согласием съезда на ведение переговоров.

---

⁶³¹ АТ, Т-2788, с. 34. Из историков, кажется, лишь один А. А. Авторханов указал на правильность (с точки зрения коммунистических интересов) позиции Бухарина. Именно поэтому первоначально его позиция разделялась абсолютным большинством русских революционеров: она была бескомпромиссной и до конца последовательной.

⁶³² Первый легальный петербургский комитет большевиков, с. 379-386.

⁶³³ Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 308.

⁶³⁴ Ленин, ПСС, т. 35, с. 179-180.

Но делегаты высказались за революционную войну⁶³⁵. В течение двух дней, 17 и 18 (30 и 31) декабря Совнарком обсуждал состояние армии и фронта. У советской делегации в Бресте 17 (30) декабря был запрошен «в спешном порядке» точный текст немецких условий⁶³⁶, а на следующий день, после доклада Крыленко, основанного на собранных у делегатов съезда анкетах, Совнарком постановил «результаты анкеты признать исчерпывающими» в вопросе о состоянии армии и принять резолюцию, предложенную Лениным⁶³⁷.

Совнарком действительно принял в тот день ленинскую резолюцию, только Ленин, не желая проигрывать сражение, высказался за революционную войну (на уровне агитации), а не за разрыв переговоров: резолюция СНК предлагала проводить усиленную пропаганду против аннексионистского мира, настаивать на перенесении переговоров в Стокгольм, «затягивать мирные переговоры»⁶³⁸, проводить все необходимые мероприятия для реорганизации армии и обороны Петрограда и вести пропаганду и агитацию за неизбежность революционной войны⁶³⁹. Резолюция не подлежала публикации⁶⁴⁰. Ленин отступил на бумаге, но отстоял ведение переговоров — в Бресте.

Против Ленина тем временем выступили возглавляемые левыми коммунистами Московский окружной и Московский городской комитеты партии, а также ряд крупнейших партийных комитетов — Урала, Украины и Сибири. По существу, Ленин терял над партией контроль. Его авторитет стремительно падал. Вопрос о мире постепенно перерастал в вопрос о власти Ленина в партии большевиков, о месте его в правительстве советской России. И Ленин развернул отчаянную кампанию против своих оппонентов за подписание мира, за руководство в партии, за власть.

Не приходится удивляться, что при общем революционном подъеме Ленин оказывался в меньшинстве. Большинство партийного актива

---

⁶³⁵ «Ответы делегатов съезда на ленинские вопросы подтверждали, что русская армия не боеспособна и что в случае возобновления военных действий удержать линию фронта будет невозможно. Это укрепило мнение В. И. Ленина о необходимости заключения мира» (Чубарьян. Брестский мир, с. 106). Но это были ответы о состоянии армии и состоянии фронта, т. е. ответы на вопросы военные. Вопрос о том, разрывать переговоры или продолжать их, был вопросом политическим. И сам Ленин в анкете оговорил его особо.

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ Там же.

⁶³⁸ Первоначальная редакция этой фразы, затем измененной на более обтекаемую формулировку, но с тем же смыслом.

⁶³⁹ Ленин, ПСС, т. 35, с. 181.

⁶⁴⁰ Впервые резолюция была опубликована в 1929 году (Ленинский сборник, т. XI, с. 17-18).

выступило против германских требований, за разрыв переговоров и объявление революционной войны германскому империализму с целью установления коммунистического режима в Европе. К тому же докладывавший 7 (20) января в Совнарком Троцкий не оставил сомнений в том, что на мир без аннексий Германия не согласна. Но на аннексионистский мир, казалось, не должны были согласиться лидеры русской революции. Однако неожиданно для всей партии глава советского правительства Ленин снова выступил «за» — теперь уже за принятие германских аннексионистских условий. Свою точку зрения он изложил в написанных в тот же день «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Тезисы обсуждались на специальном партийном совещании 8 (21) января 1918 г., где присутствовало 63 человека, в основном делегаты Третьего съезда Советов, который должен был открыться через два дня. Ленин пытался убедить слушателей в том, что без заключения немедленного мира большевистское правительство падет под нажимом крестьянской армии:

«Крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство [...]. Так рисковать мы не имеем права [...]. Нет сомнения, что наша армия в данный момент [...] абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление [...]. Сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, причем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим»⁶⁴¹.

Этот отрывок из речи Ленина нуждается в анализе, поскольку в нем, очевидно, не сходятся концы. Если угроза большевикам исходила от крестьянской армии, то тогда ее нужно было поскорее распустить, а не оставлять под ружьем, как пытался сделать Ленин и до и после подписания мира. Если армия была никуда не годной, ее нужно было немедленно демобилизовать, как предлагал сделать Троцкий. Если Ленин боялся свержения большевиков русской армией в январе 1918, когда армия была так слаба, что не могла, по словам того же Ленина, хоть как-то сопротивляться Германии, почему Ленин отважился брать власть в октябре 1917, когда армия Временного правительства была намного сильнее нынешней, а большевистское правительство даже еще не сформировано. Фраза Ленина о том, что в случае отказа большевиков подписать мир немцы подпишут его с другим правительством, вряд ли была откровенной. Ленин должен был понимать, что никакое иное правительство не пойдет на подписание с Германией сепаратного аннексионистского мира, как не

---

⁶⁴¹ Ленин. ПСС, т. 35, с. 243-252.

пойдет и на разрыв с Антантой (а потому у Германии не может быть лучшего, чем Ленин, союзника).

В первый период Брестских переговоров поддержку Ленину в этом вопросе оказывал Троцкий. Британский дипломат Джордж Бьюкенен склонен был объяснять это слабостью русской армии: «Троцкий знает очень хорошо, что русская армия воевать не в состоянии», — записал он в своем дневнике⁶⁴². Но день ото дня русская армия становилась только слабее. Между тем позиция Троцкого стала иной. Троцкий был за мир до тех пор, пока речь шла о мире «без аннексий и контрибуций». И стал против него, когда выяснилось, что придется подписывать аннексионистское соглашение. Троцкому с первого до последнего дня переговоров было очевидно, что советская власть не в состоянии вести революционную войну. В этом у него с Лениным не было разногласий. Троцкий, однако считал, что немцы не смогут «наступить на революцию, которая заявит прекращении войны»⁶⁴³. И здесь он с Лениным расходился. Ленин делал ставку на соглашение с Германией и готов был капитулировать перед немцами при одном условии: если немцы не будут требовать ухода ленинского правительства. Троцкий делал ставку на революции в Германии и Австро-Венгрии.

В начале 1918 года казалось, что расчеты Троцкого правильны. Под влиянием затягивающихся переговоров о мире и из-за ухудшения продовольственной ситуации в Германии и Австро-Венгрии резко возросло забастовочное движение, переросшее в Австро-Венгрии во всеобщую забастовку. По русской модели в ряде районов были образованы Советы. 9 (22) января, после того, как правительство дало обещания подписать мир с Россией и улучшить продовольственную ситуацию, стачечники возобновили работу. Через неделю, 15 (28) января, забастовки парализовали берлинскую оборонную промышленность, быстро охватили другие отрасли производства и распространилась по всей стране. Центром стачечного движения был Берлин, где, согласно официальным сообщениям, бастовало около полумиллиона рабочих. Как и в Австро-Венгрии, в Германии были образованы Советы, требовавшие в первую очередь заключения мира и установления республики⁶⁴⁴. В контексте этих событий Троцкий и ставил

---

⁶⁴² Buchanan. My Mission to Russia, p. 245.

⁶⁴³ Троцкий. О Ленине, с. 78-79.

⁶⁴⁴ АТ, Т-3742. П. Фрелих. К истории германской революции, т.1, с. 227-228. 2 февраля по н. ст. в Берлине было объявлено осадное положение и учреждены военные суды. Правительство произвело массовые аресты. Социал-демократическая газета «Форвертс» была временно запрещена. Берлинский дом профсоюзов, один из центров организации забастовки, был закрыт по приказанию военных властей. Примерно десятая часть бастующих, около 50 тысяч человек, была призвана в армию. К 10 февраля стачка была ликвидирована (там же, с. 229; АТ, Т-3755. Эдуард Бернштейн. Германская революция, с. 35).

вопрос о том, «не нужно ли попытаться поставить немецкий рабочий класс и немецкую армию перед испытанием: с одной стороны — рабочая революция, объявляющая войну прекращенной; с другой стороны — гогенцоллернское правительство, приказывающее на эту революцию наступать»⁶⁴⁵.

Ленин считал, что план Троцкого «заманчив», но рискован, так как немцы могут перейти в наступления. Рисковать же, по мнению Ленина, было нельзя, поскольку не было «ничего важнее» русской революции⁶⁴⁶. Здесь Ленин снова расходился и с Троцким, и с левыми коммунистами, и с левыми эсерами⁶⁴⁷, которые считали, что только победа революции в Германии гарантирует удержание власти Советами в отсталой сельскохозяйственной России. Ленин же верил в успех только тех дел, во главе которых стоял сам, и поэтому революция в России была для него куда важнее шанса на победу революции в Германии. Риск в формуле Троцкого состоял не в том, что немцы начнут наступать, а в том, что при формальном подписании мира с Германией Ленин оставался у власти, в то время как без формального соглашения немцев Ленин мог эту власть потерять. Судьба мировой революции волновала Ленина постольку, поскольку у власти в России оставался он.

К этому времени уже было разогнано Учредительное собрание, что рассматривалось немцами как «очевидная готовность» большевиков «к прекращению войны какой угодно ценой»⁶⁴⁸ (Германия опасалась, что советское правительство пойдет на соглашение с большинством Собрания и по воле этого большинства прервет мирные переговоры). Тон Кюльмана в Бресте после разгона Собрания «сразу же стал наглее»⁶⁴⁹. Тем не менее на партийном совещании 21 января, посвященном проблеме мира с Германией, Ленин потерпел поражение. Его тезисы, написанные 7 января, одобрены не были, несмотря на то, что в день совещания Ленин дополнил их еще одним пунктом, призывавшим затягивать подписание мира⁶⁵⁰.

---

⁶⁴⁵ Троцкий. О Ленине, с. 79.

⁶⁴⁶ АТ, Т-3742.

⁶⁴⁷ «Если русская революция по своей природе и смыслу и по результатам окажется революцией не национальной, а международной, — писал Камков, — если она сможет вызвать всеобщее революционное движение, если ей суждено играть роль авангарда международной социалистической революции, то она непобедима, несокрушима, как гранитная стена» (Камков. Две тактики, с. 26).

⁶⁴⁸ Троцкий. О Ленине, с. 80.

⁶⁴⁹ Там же.

⁶⁵⁰ Ленин писал: «Массовые стачки в Австрии и Германии, затем образование Совета рабочих депутатов в Берлине и в Вене, наконец начало 18-20 января вооруженных столкновений и уличных столкновений в Берлине, все это заставляет признать как факт, что революция в Германии началась. Из этого факта вытекает возможность для нас еще в течение

Протокольная запись совещания оказалась «не сохранившейся»⁶⁵¹. Сами тезисы, видимо, запретили печатать⁶⁵². При итоговом голосовании за предложение Ленина подписать сепаратный мир голосовало только 15 человек, в то время как 32 поддержали левых коммунистов, а 16 — Троцкого, впервые предложившего в тот день не подписывать формального мира и во всеуслышание заявить, что Россия не будет вести войну и демобилизует армию⁶⁵³.

Известная как формула «ни война, ни мир», установка Троцкого вызвала с тех пор много споров и нареканий. Чаще всего она преподносится как что-то несуразное или демагогическое. Между тем формула Троцкого имела вполне конкретный практический смысл. Она, с одной стороны, исходила из того, что Германия не в состоянии вести крупные наступательные действия на русском фронте (иначе бы немцы не сели за стол переговоров), а с другой — имела то преимущество, что большевики «в моральном смысле» оставались «чисты перед рабочим классом всех стран»⁶⁵⁴. Кроме того, важно было опровергнуть всеобщее убеждение, что большевики просто подкуплены немцами и все происходящее в Брест-Литовске — не более как хорошо разыгранная комедия, в которой уже давно распределены роли⁶⁵⁵. По этим причинам Троцкий предлагал теперь прибегнуть к политической демонстрации — прекратить военные действия за невозможностью далее вести их, но мира с Четверным союзом не подписывать⁶⁵⁶. Безусловным плюсом для революционеров являлось то,

---

известного периода оттягивать и затягивать мирные переговоры» (ПСС, т. 35, с. 251-252).

⁶⁵¹ Имеется, однако, запись выступлений участников совещания, которую вел Ленин. Кроме того, вскоре после совещания Ленин написал предисловие к собственным тезисам, где описал итоги совещания от 21 января.

⁶⁵² Впервые тезисы были опубликованы в «Правде» только 24 февраля, на следующий день после того, как ЦК в своем заседании принял ленинское предложение о подписании мира, причем пункт о начале германской революции и затягивании переговоров, приписанный 21 января, Ленин теперь снял. Он был впервые опубликован лишь в 1949 году в 4-м издании сочинений Ленина (том 26).

⁶⁵³ Ленинский сборник, т. XI, с. 41. Формула Троцкого появилась не внезапно. Вот как описывает один из современников свой разговор с сотрудником НКВД и будущим видным советским дипломатом Караханом: «Карахан представлял дело очень просто. На мой вопрос Карахану, как теперь будет с миром и как ликвидируете вы войну, он ответил мне, что это пустяки, мы распустим армию по домам и баста, а немец пусть себе наступает. Как мне известно, по этому вопросу в большевистской фракции много спорили» (АИГН, 198/23, с. 12).

⁶⁵⁴ Там же; Ленинский сборник, т. XI, с. 41.

⁶⁵⁵ «Необходимо оттягивать подписание договора с того момента, пока не скажутся результаты наступления внутри Германии, с одной стороны, а с другой — пока французские и английские рабочие не получат возможность убедиться на деле в ложности сплетни о связи большевиков с немцами. Только учтя эти соображения, можно понять позицию тов. Троцкого, несомненно связанную с большим риском для судеб нашей революции, позицию, допускающую дальнейшую утрату территории и военного имущества с тем, чтобы на известном этапе немецкого наступления капитулировать и подписать мир, если бы оказалось, что революция в Германии не созрела и руки у Гофмана развязаны» (АТ, Т-3742).

⁶⁵⁶ Троцкий. О Ленине, с. 80-81.

что формула Троцкого не связывала их в вопросе об объявлении революционной войны. Вот что писал об этом сам Троцкий по прошествии многих лет, уже в эмиграции:

«Многие умники по каждому подходящему поводу изощряются насчет лозунга «ни мира, ни войны». Он кажется им, по-видимому, противоречащим самой природе вещей. Между тем [...] несколько месяцев спустя после Бреста, когда революционная ситуация в Германии определилась полностью, мы объявили Брестский мир расторгнутым, отнюдь не открывая войны с Германией»⁶⁵⁷.

Однако, расторгнув Брестский мир и не объявив войны, Красная армия повела в те дни (и притом успешно) наступление на Запад. Если именно это — ведение войны без ее объявления — и называлось «средней линией Троцкого» — «ни война, ни мир», понятно, что за нее со временем стало голосовать большинство партийного актива. Левые коммунисты предлагали вести войну по-джентльменски, заблаговременно объявив о ней. Троцкий предлагал объявить о мире, выжидать до тех пор, пока появятся силы (т. е. проводить на этом отрезке ленинскую политику «передышки»), а затем перейти к войне, никому о том не говоря.

Традиционно война рассматривалась человечеством с точки зрения потери или приобретения территорий. Поражение в войне означало потерю их. Победа — приобретение. Этот старинный подход, конечно же, был отвергнут революционерами. Ни Ленин, ни Троцкий, ни Бухарин не смотрели на потерю или приобретение земель как на ценность в себе, тем более, что большевики всегда выступали за раскол Российской империи и самоопределение народов. Левым коммунистам было важнее сохранить чистоту коммунистического принципа бескомпромиссности с империалистами, даже если за это нужно было заплатить поражением революции в России. Троцкий нашел более спокойный выход, не поступался принципами, но и не рисковал с провозглашением революционной войны, не оставляющим Германии иного выхода, как свалить советское правительство.

Только Ленин упрямо настаивал на сепаратном соглашении с немцами на условиях, продиктованных Германией. На заседании ЦК 11 (24) января он выступил с тезисами о заключении мира, но потерпел поражение. Бухарин, подвергнув речь Ленина острой критике, заявил, что «самая правильная» позиция — это позиция Троцкого:

«Корнилова мы одолели разложением его армии, т. е. именно политической демонстрацией, — сказал Бухарин. — Тот же метод мы хотим применить и к немецкой армии. Пусть немцы нас побьют, пусть

---

⁶⁵⁷ Троцкий. Сталинская школа фальсификаций, с. 39.

продвинутся еще на сто верст, мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении [...]. Подписывая мир, мы срываем эту борьбу. Сохраняя свою социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного движения».

Бухарина поддержал Урицкий, указавший, что Ленин «смотрит на дело с точки зрения России, а не с точки зрения международной [...]. Вся политика народного комиссариата иностранных дел была не чем иным, как политической демонстрацией». От имени Петроградского комитета партии против предложения Ленина подписать мир протестовал С. В. Косиор. А Дзержинский указал, что Ленин «делает в скрытом виде то, что в октябре делали Зиновьев и Каменев» (когда выступили против переворота).

При такой оппозиции — и Ленин это понимал — его не спасала поддержка Сталина, Ф. А. Артема и, с оговорками, Зиновьева, подчеркнувшего, что заключение мира ослабит пролетарское движение на Западе. Формула Троцкого «войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем» была принята 9 голосами против 7. Вместе с тем 12 голосами против одного было принято внесенное Лениным (для спасения своего лица) предложение «всячески затягивать подписание мира»: Ленин предлагал проголосовать за очевидную для всех истину, чтобы формально именно его, Ленина, резолюция получила большинство голосов. Вопрос о подписании мира в тот день Ленин не осмелился поставить на голосование. С другой стороны, 11 голосами против двух при одном воздержавшемся была отклонена резолюция левых коммунистов, призывавшая к революционной войне⁶⁵⁸. Собравшееся на следующий день объединенное заседание центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР также высказалось в своем большинстве за формулу Троцкого⁶⁵⁹. Большинство шло за Троцким. Вторично за короткую историю русской революции судьба

---

⁶⁵⁸ Протоколы ЦК РСДРП (б), с. 167-173. Советский историк С. Борисов напрасно поэтому пишет, что «троцкисты» и «левые коммунисты» провели резолюцию Троцкого» (С. Борисов. Седьмой съезд РКП(б), с. 21). Левые коммунисты, как всегда, голосовали за свою собственную резолюцию, хотя Бухарин и назвал позицию Троцкого «самой правильной».

⁶⁵⁹ Чубарьян. Брестский мир, с. 135. Резолюции многих расширенных или обычных совещаний ЦК «не сохранились» или числятся в «неразысканных». Тем не менее очевидно, что большинство ЦК придерживалось точки зрения, считавшейся «средней» — Троцкого. Вот что указывалось в письме секретариата ЦК Николаевскому комитету РСДРП (б):

«Относительно вопроса о войне и мире в Питере и в ЦК наметились три точки зрения. Две из них, крайние, таковы: 1) революционная война, 2) мир. ЦК в своем большинстве принял третью, среднюю точку зрения: войну мы прекращаем, мира не заключаем и армию демобилизуем [...]. Третья точка зрения доказывалась тем, что воевать мы сейчас не можем, но, заключая мир, мы отнимаем оружие борьбы у австрийцев и немцев, так как забастовочное движение в Австро-Венгрии и Германии поднято именно по вопросу о мире. Отказываясь от войны и демобилизуя армию, мы лишаем германцев возможности наступать, так как Гинденбург не сможет заставить немецких солдат идти в наступление против пустых окопов. Такая позиция тоже даст выгоду во времени, а если будет необходимость, то для нас никогда не поздно будет заключить явно аннексионистский мир. Все это было до последних событий в Германии, а теперь и Кюльман склонен тянуть с вопросом о мире. Протоколов этих заседаний нет, а потому ничего более подробного пока сообщить не можем» (Переписка секретариата ЦК РСДРП(б), т. 2, с. 190-191). Указание в письме на то, что протоколов «нет», могло означать следующее: либо протоколы решено было не вести вообще, либо их засекретили, либо же вели, но уничтожили по постановлению ЦК.

Ленина находилась в руках этого счастливица, которому все очень легко давалось и который поэтому так никогда и не научился ценить власти. Троцкий был слишком увлеченным революционером и столь же негодным тактиком. Ничего этого не видя, не подозревая, что распоряжается еще и личной властью Ленина, без труда отстояв в партии проведение своей политической линии — «ни война, ни мир», он выехал в Брест — чтобы разорвать мирные переговоры.

* * *

Общепринято мнение, что, возвратившись в Брест для возобновления переговоров в конце января по н. ст., Троцкий имел директиву советского правительства подписать мир. Эта легенда основывается на заявлении Ленина, сделанном на Седьмом партийном съезде: «Было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем»⁶⁶⁰. Поскольку никаких официальных партийных документов о договоренности с Троцким не существовало, оставалось предполагать, что Ленин и Троцкий сговорились о чем-то за спиной ЦК в личном порядке, и Троцкий, не подписав германский ультиматум, нарушил данное Ленину слово.

Есть, однако основания полагать, что Ленин оклеветал Троцкого, пытаясь свалить на него вину за срыв мира и начало германского наступления. За это говорит и отсутствие документов, подтверждающих слова Ленина, и наличие материалов, их опровергающих. Так, в воспоминаниях Троцкого о Ленине, опубликованных в 1924 году сначала в «Правде», а затем отдельной книгой, имеется отрывок, который трудно трактовать иначе, как описание того самого разговора-сговора, на который намекал Ленин с трибуны съезда. Вот как пересказывал состоявшийся диалог Троцкий:

Ленин: — Допустим, что принят ваш план. Мы отказались подписать мир, а немцы после этого переходят в наступление. Что вы тогда делаете?

Троцкий: — Подписываем мир под штыками. Тогда картина ясна рабочему классу всего мира.

— А вы не поддержите тогда лозунг революционной войны?

— Ни в коем случае.

— При такой постановке опыт может оказаться не столь уж опасным. Мы рискуем потерять Эстонию или Латвию [...]. Очень будет жаль пожертвовать социалистической Эстонией, — шутил Ленин, — но уж придется, пожалуй, для доброго мира пойти на этот компромисс⁶⁶¹.

---

⁶⁶⁰ Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 111.

⁶⁶¹ В «Моей жизни» Троцкий описывает этот эпизод несколько иначе, уточняя, что под «добрым миром» Ленин имел в виду не мир с немцами, а блок с Троцким против сторонников революционной войны — левых коммунистов (Троцкий).

— А в случае немедленного подписания мира разве исключена возможность немецкой военной интервенции в Эстонии или Латвии?

— Положим, что так, но там только возможность, а здесь почти наверняка»⁶⁶².

Таким образом Троцкий и Ленин действительно договорились о том, что мир будет подписан, но не после предъявления ультиматума, а после начала наступления германских войск.

Сам Троцкий лишь однажды коснулся этого вопроса, причем в статье, оставшейся неопубликованной. В ноябре 1924 года, отвечая на критику по поводу издания им «Уроков Октября», Троцкий написал статью «Наши разногласия», где касательно Брест-Литовских переговоров указал:

«Не могу, однако, здесь не отметить совершенно безобразных извращений Брест-Литовской истории, допущенных Куусиненом. У него выходит так: уехав в Брест-Литовск с партийной инструкцией в случае ультиматума — подписать договор, я самовольно нарушил эту инструкцию и отказался дать свою подпись. Эта ложь переходит уже всякие пределы. Я уехал в Брест-Литовск с единственной инструкцией: затягивать переговоры как можно дольше, а в случае ультиматума выторговать отсрочку и приехать в Москву для участия в решении ЦК. Один лишь тов. Зиновьев предлагал дать мне инструкцию о немедленном подписании договора⁶⁶³. Но это было отвергнуто всеми остальными голосами, в том числе и голосом Ленина. Все соглашались, разумеется, что дальнейшая затяжка переговоров будет ухудшать условия договора, но считали, что этот минус перевешивается агитационным плюсом. Как я поступил в Брест-Литовске? Когда дело дошло до ультиматума, я сторговался насчет перерыва, вернулся в Москву и вопрос решался в ЦК. Не я самолично, а большинство ЦК, по моему предложению решило мира не подписывать. Таково же было решение большинства всероссийского партийного совещания. В Брест-Литовск я уехал в последний раз с совершенно определенным решением партии: договора не подписывать. Все это можно без труда проверить по протоколам ЦК»⁶⁶⁴.

То же самое следует из текста директив, переданных в Брест по поручению ЦК Лениным и предусматривающих разрыв переговоров в

Моя жизнь, т. 2, с. 111).

⁶⁶² Троцкий. О Ленине, с. 82-83.

⁶⁶³ См. также АТ, Т-3742. Л. Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 1, с. 138. Речь на Седьмом съезде Российской коммунистической партии.

⁶⁶⁴ Бумаги Троцкого, т. 1, стр. 138-139. То же самое писал Троцкий и в своей автобиографии (Троцкий. Моя жизнь, т. 2, гл. «Переговоры в Бресте» и «Мир»).

случае, если немцы к уже известным пунктам соглашения прибавят еще один — признание независимости Украины под управлением «буржуазной» Рады.

15 (28) января Чернин вернулся в Брест. Днем позже гуда прибыл Троцкий. 17 (30) января состоялось первое в этой сессии пленарное заседание. Под влиянием событий на Западе советские делегаты намерены были тянуть время в надежде на то, что «в ближайшие недели» мировая революция разразится⁶⁶⁵. Это не осталось незамеченным для делегаций Четверного союза⁶⁶⁶; и 19 января (1 февраля) они сделали пробный шаг на пути к сепаратному соглашению с Украиной: подтвердили Троцкому, что считают Украину под управлением Украинской народной Рады независимым государством⁶⁶⁷.

Советско-украинские отношения к этому времени вполне определились. «С тех пор, как большевистское правительство в Петербурге узнало, что между Центральными державами, с одной стороны, и финнами и украинцами, с другой, может состояться заключение мира, оно сконцентрировало все свои усилия на том, чтобы хитростью и силой свергнуть самостоятельные правительства обеих стран», — телеграфировал канцлеру Гертлингу статс-секретарь по иностранным делам Кюльман. Большевики открыли военные действия против правительства в Киеве, пытались сформировать в Харькове украинское советское правительство и в Брест привезли представителей харьковской Рады, должных представлять интересы украинской советской власти и вести общую политику с советской делегацией из Петербурга. Троцкий отказывался теперь признавать право украинцев самостоятельно вести переговоры с Четверным союзом, утверждая, что киевская Рада падет со дня на день. Немцы и австрийцы в Бресте были в некотором замешательстве, понимая, что

---

⁶⁶⁵ Чернин. Брест-Литовск, с. 168.

⁶⁶⁶ «У нас все больше усиливается впечатление, что русские меньше озабочены миром, чем распространением революции [...], — писал Розенберг в МИД Германии. — Само собой разумеется, что они примут мир, если он будет достигнут на предложенной ими основе, но даже в этом случае они заключат мир не из-за желания заключить его, а ради их стремления доказать всему миру, что максималистские идеи революционной России одержали триумф над империализмом Центральных держав. Факт заключения и содержание мира будет служить им в качестве средства для революционной пропаганды. Тот мир, которого мы желаем, максималисты добровольно не подпишут. Столь же мало они думают о том, чтобы брать на себя позор разрыва переговоров. Они будут пытаться затянуть переговоры и в дальнейшем будут использовать любую возможность, чтобы держать революционные речи и демагогически разбивать любые наши контрпредложения» в надежде на революцию в Германии и Австро-Венгрии. «По этой причине я не думаю, что мы обойдемся без ультиматума. Успех ультиматума будет зависеть от того, как будут вести себя в течение следующих восьми дней германские и австро-венгерские рабочие, социалисты и общественное мнение. Будет принят ультиматум или нет — зависит от того впечатления, которые получают русские от поведения рабочих [в Германии и Австро-Венгрии], высказываний членов парламентов и прессы, на основании которых они (в России) решат, пойдут ли [германский и австрийский] народы за правительствами или нет в случае прекращения перемирия и возобновления военных действий» (Германия, док. № 196 от 25 января по н. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии).

⁶⁶⁷ Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. 1, с. 156.

положение Рады действительно сложное. Тем не менее, во избежание разрыва переговоров, они решили пойти на заключение сепаратного мира с Украиной, практически во всем уступив украинцам, хотя и считали, что «реальной ценности такого договора не стоит питать больших иллюзий»⁶⁶⁸.

Большевики в вопросе о киевской Раде не склонны были уступать и, в случае отказа германской и австро-венгерской делегации признать новое украинское руководство в Харькове правомочным вести переговоры, предполагали разорвать переговоры в Бресте. Так, 5 февраля по н. ст. 1918 года посол Франции в России Ж. Нуланс телеграфировал в Париж о разговоре Ленина с капитаном Садулем, служившим посредником между советским и французским правительствами. Ленин, по словам Ж. Садуля, сказал, что «сторонников мира любой ценой среди большевиков весьма мало» и мир будет подписан лишь в том случае, если «будут соблюдены принципы демократического мира»⁶⁶⁹. Аналогичное мнение высказал осведомленный о состоянии дел в Бресте Л. Б. Красин⁶⁷⁰. Под «демократическими принципами» мог пониматься мир без аннексий и контрибуций или же принцип самоопределения народов. Но в рамках «самоопределения народов» уступить немцам Украину большинство ЦК отказалось (поскольку было ясно, что сепаратный украино-германский мир фактически отдаст Украину под германскую оккупацию).

5 февраля по н. ст. Троцкий встретился с Черниным. Глава советской делегации в Бресте был готов к разрыву и в общем провоцировал немцев и австрийцев на предъявление требований, которые позволили бы Советам разорвать переговоры. «Пусть германцы заявят коротко и ясно, каковы границы, которых они требуют», — сказал Троцкий, — и советское правительство объявит всей Европе, что «совершается грубая аннексия, но что Россия слишком слаба для того, чтобы защищаться» и уступает силе. Поскольку Троцкий вместе с этим заявлял, что «никогда не согласится», чтобы страны Четверного союза заключили «отдельный мирный договор с Украиной», разрыв был неизбежен.

Немцы начали платить большевикам тем же. 5 февраля по н. ст. на совещании в Берлине под председательством канцлера Гертлинга и с

---

⁶⁶⁸ Германия, док. № 207 от 1 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Гертлинга Кюльману. Согласно проекту договора, представленному на обсуждение 1 февраля по н. ст., страны Четверного союза признавали Украинскую народную республику, определяли ее границы, причем в спорном вопросе о Холмской губернии предпочтение получала Украина; соглашались на создание автономной украинской области Галиции и договаривались о поставках Украиной до июня месяца около 100.000 вагонов зерна (там же, док. № 219 от 2 февраля по н. ст. 1918 г. Кюльман в МИД Германии). О распределении украинского продовольствия между немцами и австрийцами было договорено несколькими днями позже (там же, док. № 228 от 6 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Гертлинга Грюнау).

⁶⁶⁹ АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г., № 5457.

⁶⁷⁰ Там же.

участием Людендорфа было принято решение «достичь мира с Украиной, а затем свести к концу переговоры с Троцким независимо от того, положительным или отрицательным будет результат». Форма разрыва (ультимативная или нет) оставлялась на усмотрение делегации в Бресте.

Было очевидно, что на таком решении вопроса настаивали германские военные. Совещание потребовало «ясности» в Бресте именно «по военным соображениям», причем Людендорф указал, что на случай разрыва с Троцким у него имеется план «быстрой военной акции»⁶⁷¹. В тот же день состоявшийся при советской делегации представителем русского командования генерал А. А. Самойло телеграфировал по поручению Троцкого в штаб Западного фронта о том, что в ближайшие дни перемирие может быть прервано, а германское наступление возобновлено. Троцкий в связи с этим требовал «провести самым ускоренным образом меры по вывозу в тыл» материальной части армий. Через два дня штаб Западного фронта ответил, что «все меры к ускорению вывоза в тыл артиллерии и материальной части» приняты⁶⁷².

Кюльман и Чернин, очевидно, не разделяли воинственности Людендорфа. Но им трудно было отрицать тот факт, что прогресса в переговорах с большевиками нет. Позиция их поэтому была слабой. И на очередном заседании, 7 февраля по н. ст., они решили «взять более ясный и угрожающий тон по отношению к Троцкому»⁶⁷³, который пытался не допустить германо-австрийского соглашения с Украиной. Предварительно Чернин добился согласия императора на то, чтобы еще раз попробовать убедить Троцкого в необходимости подписать мир. А Кюльман в письме канцлеру составил свой проект соглашения, по которому Германия отказывалась от оккупации Эстляндии и Лифляндии и военной поддержки Финляндии и грозил отставкой в случае отклонения этого плана. Кюльман указывал, что в случае возобновления военных действий, как то предлагали Людендорф и Гофман, для Германии война «примет характер интервенции в пользу консервативных интересов России против радикальных тенденций левых партий», что «придется по душе очень многим людям» в Германии и в Австрии, но возбудит в этих странах «левую оппозицию», а это «весьма опасно». К тому же оккупация Эстляндии и Курляндии навсегда сделает будущую Россию врагом Германии⁶⁷⁴.

---

⁶⁷¹ Германия, док. № 228 от 6 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Гертлинга Грюнау.

⁶⁷² Цит. по кн. Майоров. Борьба советской России, с. 213.

⁶⁷³ Германия, док. № 230 от 7 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

⁶⁷⁴ Германия, док. №232 от 8 февраля по н. ст. 1918г. Тел. Кюльмана Гертлингу.

27 января (9 февраля), открывая утреннее заседание, Кюльман, а затем и Чернин предложили советской делегации подписать мир. Тогда же на заседании политической комиссии представители Четверного союза объявили о подписании ими сепаратного договора с Украинской республикой⁶⁷⁵. Согласно договору, Рада признавалась единственным законным правительством Украины, причем Германия обязалась оказать Украине военную и политическую помощь для стабилизации режима страны. Правительство Рады, со своей стороны, обязалось продать Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 года 1 млн. тонн хлеба, до 500 тыс. тонн мяса, 400 млн. штук яиц и другие виды продовольствия и сырья⁶⁷⁶. Договор о поставках одного миллиона тонн зерна считался секретным. Предусматривалось также, что договор не будет ратифицирован германским правительством, если Украина нарушит соглашение о поставках⁶⁷⁷.

Вечером 27 января (9 февраля) Троцкий доносил из Брест-Литовска в Смольный, что Кюльман и Чернин «предложили завтра окончательно решить основной вопрос». Историк А. О. Чубарьян расшифровывает, что в этой телеграмме Троцкого речь шла о подписании мирного договора между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Украиной — с другой. «Таким образом, повторяю, — продолжал Троцкий, — окончательное решение будет вынесено завтра вечером». Тем временем в Киеве большевиками предпринимались судорожные попытки организовать власть. «Если мы до пяти часов вечера получим от вас точное и проверенное сообщение, что Киев в руках советского народа,— телеграфировал в Петроград Троцкий,— это может иметь крупное значение для переговоров»⁶⁷⁸. Через несколько часов просьба Троцкого была уважена и ему телеграфировали из Петрограда о победе в Киеве советской власти⁶⁷⁹. Троцкий уведомил об этом делегации Четверного союза. Но очевидно, что даже в том случае, если бы Троцкий говорил правду⁶⁸⁰,

---

⁶⁷⁵ АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г., № 5457.

⁶⁷⁶ Чубарьян. Брестский мир, с. 137.

⁶⁷⁷ Германии, док. № 231 от 7 февраля по н. ст. 1918 г. Протокол.

⁶⁷⁸ Майоров. Борьба советской России, с. 210; Чубарьян. Брестский мир, с. 140-141.

⁶⁷⁹ В посланной Троцкому телеграмме из Петрограда, в частности, говорилось: «Официально до 8 февраля [по н. ст.] весь Киев, за исключением Печорского района, находился в руках Совета. Вчера 8 февраля в 10 часов ночи [вечера] получили из Киева от главнокомандующего Муравьева официальное сообщение о взятии Печорского района и бегстве остатков Рады [...]. Все это было вчера в 20 часов 8 февраля; от Рады не осталось ничего [...].»

Делегация Киевской рады в Бресте представляет пустое место. В Киев, как и в Харьков, будет передано немедленно Ваше требование о регулярном информировании Бреста» (Чубарьян. Брестский мир, с. 141).

⁶⁸⁰ В Киеве в это время власть не находилась в руках Советов. Вот что записал в своем дневнике 8 февраля по н. ст.

немцы и австрийцы не собирались следовать его совету и отказываться от соглашения, которое было нужно еще и как средство давления на большевиков.

Видимо, окончательный обмен мнениями по украинскому вопросу был назначен на 6 часов вечера 28 января (10 февраля). «Сегодня около 6 часов нами будет дан окончательный ответ, — телеграфировал в этот день в Петроград Троцкий. — Необходимо, чтобы он в существе своем стал известен всему миру. Примите необходимые к тому меры»⁶⁸¹. Историк С. М. Майоров комментирует:

«Однако, ни в первом, ни во втором донесении Троцкий не сообщал, в чем же будет состоять существо того ответа, который он собирался дать на ультиматум германской делегации [...]. Ему даны были совершенно точные инструкции, как поступить в случае предъявления ультиматума с немецкой стороны. [...] Троцкий должен был, руководствуясь этими инструкциями, принять предложенные немецкими империалистами условия мира»⁶⁸².

Такой вывод безоснователен. Майоров ошибочно считает, что «28 января (10 февраля) В. И. Ленин и И. В. Сталин⁶⁸³ от имени ЦК партии, еще раз подтверждая неизменность указаний партии и правительства о необходимости заключения мира, телеграфировали в Брест-Литовск Троцкому [...]. Но Троцкий [...] нарушил директиву партии и правительства и совершил акт величайшего предательства»⁶⁸⁴.

В телеграмме, посланной Троцкому в 6.30 утра в ответ на запрос Троцкого, Ленин писал:

«Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время⁶⁸⁵ и особенно после письма Иоффе. Повторяем еще раз, что от киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать

Граф Чернин: «Сегодня вечером мир с Украиной должен быть подписан. Первый мир в этой ужасной войне. Но сидит ли Рада действительно еще в Киеве? Василько [украинский национальный лидер, русин] показал мне телеграмму, посланную 6 февраля из Киева здешней украинской делегации. А Троцкий отклонил мое предложение послать офицера австрийского генерального штаба, чтобы выяснить в точности положение дел. Таким образом, его утверждение, что на Украине власть уже в руках большевиков, было только хитростью. [...] Это укрепляет мою решимость подписать мирный договор с Украиной» (Чернин. Брест-Литовск, с. 173).

⁶⁸¹ Майоров. Борьба советской России, с. 211; Чубарьян. Брестский мир, с. 141.

⁶⁸² Майоров. Борьба советской России, с. 211.

⁶⁸³ Передержки «культы личности»: в четвертом издании собрания сочинений Ленина, которым пользуется Майоров, телеграмма подписана «Ленин. Сталин» (Ленин, Сочинения. 4-е изд., т. 26, с. 471). В пятом издании сочинений Ленина подпись Сталина под телеграммой убрали.

⁶⁸⁴ Майоров. Борьба советской России, с. 211.

⁶⁸⁵ Здесь обрывает цитирование Майоров (там же).

факт, если они еще не признали его. Информировать нас почаще»⁶⁸⁶.

О мире Ленин ничего не писал. Между тем, если бы известной Троцкому «точкой зрения» было согласие на германский ультиматум и подписание мирного договора, Ленину не нужно было бы выражаться эзоповым языком. Можно было дать открытым текстом директиву подписать мир. Разгадка, конечно же, находится там, где оборвал цитирование ленинской телеграммы Майоров: в письме Иоффе. Касалось оно не мира, а попытки советского правительства добиться от Германии признания в качестве полноправной участницы переговоров советской украинской делегации. Именно по этому вопросу известна была Троцкому точка зрения ЦК: никаких уступок, отказ от признания киевской «буржуазной» Рады, в случае упорства немцев — разрыв мирных переговоров. В этот решающий для судеб украинской коммунистической революции момент советское правительство не могло признать Украинскую Раду даже ради сепаратного мира с Германией⁶⁸⁷, даже если на этом настаивал Ленин.

Однако разногласия по вопросу о мире в те дни захватили не только большевиков, но и немцев. 9 февраля по н. ст. в Берлине было перехвачено воззвание, призывающее германских солдат «убить императора и генералов и побрататься с советскими войсками»⁶⁸⁸. В ответ император Вильгельм послал в Брест Кюльману телеграмму с директивой завершить переговоры в 24 часа на очевидно неприемлемых для большевиков условиях. Вильгельм писал:

«Сегодня большевистское правительство напрямую обратилось к моим войскам с открытым радиообращением, призывающим к восстанию и неповиновению своим высшим командирам. Ни я, ни фельдмаршал фон Гинденбург больше не можем терпеть такое положение вещей. [...] Троцкий должен к завтрашнему вечеру [...] подписать мир с отдачей Прибалтики до линии Нарва — Плескау — Дюнабург включительно, без самоопределения и с признанием компенсации всем затронутым сторонам. В случае отказа или при попытках затягивания переговоров и увертках переговоры будут разорваны в 8 часов вечера завтрашнего дня, а перемирие расторгнуто. При

---

⁶⁸⁶ Ленин. ПСС, т. 35, с. 332.

⁶⁸⁷ Немецкий историк-социалист пишет: «Для того, чтобы показать всему миру прозорливое зверство германских разбойников, они использовали Брест-Литовск для широкой пропаганды демократического мира и европейской революции. Их попытки увенчались некоторым успехом — в Австрии и Германии разразилась огромная январская стачка. Но один этот удар, конечно, не мог еще поколебать германского милитаризма. 9 февраля был заключен сепаратный мир с Украиной. После этого Центральные державы приставили русским пистолет к груди» (АТ, Т-3742. П. Фрелих. К истории германской революции, т. 1, с. 224-225). Последнее не совсем точно: переговоры разрывались большевиками.

⁶⁸⁸ Гофман. Война упущенных возможностей, с. 186

этом верховное главнокомандование армий Восточного фронта должно вывести войска на указанную линию». Гинденбург в собственноручной телеграмме добавил, что Германия не может допускать такого рода вмешательства в свои внутренние дела и даже в случае заключения мира с Россией ответит на подобного рода акции «повторным объявлением войны»⁶⁸⁹.

Кюльман торговался. В телеграмме канцлеру он указал, что положение должно полностью разъясниться 10 февраля по н. ст., на воскресном заседании, где советская делегация должна будет принять или отвергнуть германские условия. Если случится второе — переговоры будут разорваны в 24 часа; затем будет разорвано и перемирие. Если же Троцкий примет германские условия, срывать мир из-за вопроса об освобождении Советами Эстляндии и Лифляндии будет крайне неразумно, так как это приведет к конфликту с Австро-Венгрией и к беспорядкам в Германии. «Я готов потребовать освобождения этих областей, — писал Кюльман, — но не готов включить этот пункт в ультиматум или, в связи с отказом русских, провалить мир в том случае, если все наши прочие требования будут удовлетворены». Требования Вильгельма Кюльман назвал «неприемлемыми ни с точки зрения политики, ни с позиции прав народов», указав к тому же, что будет абсолютно невозможно привлечь союзников Германии к защите этих требований. «К сожалению, я по политическим причинам не в состоянии выполнить августейшего указания, — продолжал Кюльман. — [...] Я не могу отделаться от впечатления, что со стороны верховного главнокомандования в последние дни делается все, чтобы склонить Его величество решить в пользу войны против большевиков, которая, по-моему, перед лицом теперешнего политического положения, невозможна»⁶⁹⁰.

10 февраля Кюльман обсуждал возникшие сложности с Черниным, который полностью поддержал германского министра иностранных дел и указал, что в случае изменения Германией курса на достижение мира с большевиками Австро-Венгрия не сможет поддержать своего союзника и

---

⁶⁸⁹ Германия, док. № 234 от 9 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Грюнау в МИД Германии. Разумеется, это был только повод для разрыва.

Об этом свидетельствует одна из телеграмм Гинденбурга кайзеру: «После того, как Ваше величество изволили сказать о докладе 6 февраля, что Ваше величество имеет твердое намерение предоставить немцам на до сих пор оккупированных территориях Лифляндии и Эстляндии просимую ими защиту, генерал Гофман получил задание потребовать освобождения от русских войск Лифляндии и Эстляндии или же порвать с Троцким». Гофман сообщил в ответ, что Троцкий «видимо, готов к заключению мира на требовавшихся до сих пор условиях»; и поскольку Кюльман намеревался «предложить русским освободить названные территории, а не требовать этого», Гофман просил канцлера приказать Кюльману, «чтобы он теперь непременно требовал освобождения Лифляндии и Эстляндии или же прервал переговоры с Троцким, как того настоятельно требует военное положение, раз мир с Украинцами уже заключен». Канцлер поддержал Гофмана и Гинденбурга (см. там же, док. № 236 от 9 февраля пон. ст. 1918 г. Тел. Грюнау в МИД Германии).

⁶⁹⁰ Там же, док. № 235 от 9 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.

пойдет своей дорогой. Кюльман, со своей стороны, добавил, что проведение им нового жесткого курса «совершенно невозможно»⁶⁹¹ и если Берлин намерен настаивать на ультиматуме Троцкому, то Кюльману остается только уйти в отставку. Для ответа он предоставил императору и канцлеру четыре часа: если ответа не последует, Кюльман останется на своем посту и ультиматума Троцкому предъявлять не будет. Прошло четыре часа. Ответа от императора не последовало. Кюльман остался в должности. Переговоры были продолжены⁶⁹².

Вечером 28 января (10 февраля), в ответ на вновь повторенное требование Германии «обсуждать только пункты, дающие возможность прийти к определенным результатам», в соответствии с директивами ЦК РСДРП(б), ЦК ПЛСР⁶⁹³ и телеграммой Ленина, Троцкий от имени советской делегации заявил о разрыве переговоров: «Мы выходим из войны, но вынуждены отказаться от подписания мирного договора»⁶⁹⁴.

Генерал Гофман вспоминает, что после заявления Троцкого в зале заседаний воцарилось молчание. «Смушение было всеобщее». В тот же вечер между австро-венгерскими и германскими дипломатами состоялось совещание, на которое был приглашен Гофман. Кюльман считал, что предложение генерала Гофмана о разрыве переговоров и объявлении войны — «совершенно неприемлемо» и намного разумнее, как и предложил Троцкий, «сохранять состояние войны, не прерывая перемирия». «Мы можем при удачном стечении обстоятельств, — указал Кюльман, — [...] в течение нескольких месяцев продвинуться до окрестностей Петербурга. Однако я думаю, что это ничего не даст. Ничто не помешает тому, чтобы [новое] революционное правительство, которое, может быть, сменит к тому времени большевиков, переместилось в другой город или даже за Урал. [...] При столь огромных размерах России мы можем очень долго вести кампанию против нее [...], но при этом не добьемся своей цели, т. е. не усадим людей за стол переговоров и не заставим их подписать договор. Степень военного давления, которая воздействует на людей, т.е. максимальная степень [...] уже достигнута. Дальнейшая война не имеет более какой-либо высокой цели, чем простое уничтожение военных сил противника. Мы знаем на примере малых стран, в частности Сербии, что даже после оккупации всей территории государства находящееся в

---

⁶⁹¹ Там же, док. № 240 от 10 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Грюнау.

⁶⁹² Гофман. Война упущенных возможностей, с. 186.

⁶⁹³ О том, что все решения подобного рода принимались совместно с ЦК ПЛСР см. Троцкий. Моя жизнь, т. 2, с. 111-112.

⁶⁹⁴ Цит. по кн. Майоров. Борьба советской России, с. 211.

эмиграции правительство [...] продолжает являться правительством страны. При этом никакая степень военного давления (увеличение этой степени уже невозможно, так как все, что можно было оккупировать, уже оккупировано) не в состоянии заставить людей подписать мир. [...] Война не может быть признана пригодным средством для того, чтобы достичь желаемого нами подписания мирного договора»⁶⁹⁵.

После речи Кюльмана дипломаты Германии и Австро-Венгрии, Турции и Болгарии единогласно заявили, что принимают предложение Троцкого: «Хотя декларацией мир и не заключен, но все же восстановлено состояние мира между обеими сторонами». Гофман остался в полном одиночестве: «Мне не удалось убедить дипломатов в правильности моего мнения», — пишет он. Формула Троцкого «ни мира, ни войны» была принята конференцией, констатирует Чернин⁶⁹⁶. И австрийская делегация первой поспешила телеграфировать в Вену, что «мир с Россией уже заключен»⁶⁹⁷.

Гофман не остался пассивен, а немедленно сообщил о результатах совещания в Ставку. Германское главнокомандование, давно искавшее повода для новых конфликтом с МИДом, решило поддержать Гофмана против Кюльмана. Почувствовав за собой силу, Гофман начал настаивать, что на заявление Троцкого необходимо ответить прекращением перемирия, походом на Петербург и открытой поддержкой Украины против России. Но 10-11 февраля по новому стилю требование Гофмана было проигнорировано. И в торжественном заключительном заседании 11 февраля по н. ст. Кюльман «встал полностью на точку зрения, выраженную большинством мирных делегаций, и поддержал ее в очень внушительной речи»⁶⁹⁸. Троцкий победил. Его расчет Оказался верен. Состояние «ни мира, ни войны» стало фактом. Оставалось только распустить армию. И Троцкий дал указание о демобилизации.

В это время в Берлине проходили события, судьбоносные для германской истории. Канцлер Гертлинг, в целом поддерживавший верховное главнокомандование, обратился к Вильгельму, настаивая на том, что заявление Троцкого — это «фактический разрыв перемирия». Правда, Гертлинг, в отличие от Гофмана, не предполагал объявлять о возобновлении войны, но он намеревался сделать заявление о прекращении

---

⁶⁹⁵ Германия, док. № 241 от 10 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.

⁶⁹⁶ АТ, Т-3742. Из мемуаров Чернина, с. 412-413. «Троцкий отказывается подписать. Война кончена, а мира нет,» — записал Чернин 11 февраля по н. ст. (АТ, Т-3742); Чернин. Брест-Литовск, с. 173.

⁶⁹⁷ Гофман. Война упущенных возможностей, с. 186; АТ, Т-3742.
П Фрелих. К истории германской революции, т. 1, с 225.

⁶⁹⁸ Чернин. Брест-Литовск, с. 173.

10 февраля действия перемирия (по условиям соглашения о перемирии это дало бы Германии с 18 февраля свободу рук)⁶⁹⁹. И хотя Гертлинг еще не объявлял о начале военных действий против России, было очевидно, что он клонит именно к этому.

МИД, как и прежде, выступал против, выдвигая теперь на первый план соображения внутривосточного характера. Германских «социал-демократов до сих пор удавалось удерживать в руках только благодаря тому, что они в некоторой степени убедились в том, что политика правительства направлена на достижение не завоевательного, а братского и равноправного мира, — писал 12 февраля по н. ст. в официальной записке один из заместителей Р. Кюльмана Г. Бусше. — Последние недели показали, сколь большая опасность возникнет в том случае, если в массах рабочих укрепится мысль, что правительство хоть сколько-нибудь пытается затормозить продвижение к миру или ставит препятствия на его пути. Последняя забастовка [...] была вызвана [...] все возрастающей потребностью в мире среди широких слоев народа, а также недоверием к мирной политике правительства. [...] Говорить о спокойствии рабочих масс никак нельзя. Состояние, как и прежде, весьма неустойчивое. При любом внешнем поводе, который даст агитаторам материал для новых предположений о недостаточном стремлении правительства к миру, следует ожидать возобновления забастовки, причем во много большем масштабе. [...] Троцкий своим заявлением о том, что война закончена де-факто, дает нам фактическую возможность ликвидировать состояние войны на Востоке, а также практическую свободу рук в проведении на занятых нами территориях тех предупредительных мероприятий, которые необходимы для нашего будущего»⁷⁰⁰.

Тем не менее 13 февраля на состоявшемся рано утром в Гамбурге Коронном совете под председательством кайзера было окончательно решено продолжать военные действия против России⁷⁰¹ и считать заявление Троцкого фактическим разрывом перемирия с 17 февраля (поскольку Троцкий делал заявление 10-го). Предполагалось, что официальное заявление о разрыве будет сделано германским правительством сразу же после того, как пределы советской России покинет находившаяся в Петрограде германская дипломатическая миссия во главе с графом В. Мирбахом⁷⁰².

---

⁶⁹⁹ Германия, док. № 242 от 11 февраля 1918 г. Тел. Гертлинга Вильгельму II.

⁷⁰⁰ Там же, док. № 246 от 12 февраля 1918 г. Записка Бусше.

⁷⁰¹ Там же, док. № 248 от 13 февраля 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

⁷⁰² Там же, док. № 250 от 13 февраля 1918 г. Тел. Радовица в МИД Германии. В те дни Гофман записал в служебном

Глава седьмая. Средняя линия Троцкого: «ни мира, ни войны»

Находясь под гипнозом многолетней критики позиции Троцкого, нелегко окунуться в события тех дней непредвзято и объективно и взглянуть на происходящее глазами революционеров. Формула Троцкого «ни мира, ни войны», за которой в тот период стояло большинство ЦК РСДРП(б) и ПЛСР⁷⁰³, равно как и директива о демобилизации армии, были схожи с ленинским декретом о мире, выпущенным в пропагандистских целях в первые же часы после переворота⁷⁰⁴, или же с телеграммой за подписями Ленина и Крыленко на фронты об объявлении перемирия и начале мирных переговоров, хотя германская сторона согласия тогда еще не дала ни на первое, ни на второе. Мышление революционеров было декларативным. К тому же очередной приказ о демобилизации и без того таявшей армии, не контролируемой центром, мог неоднократно быть перекрыт центральными или местными приказами о мобилизациях. В революцию царил анархия. Разноречивые приказы были ее неотъемлемой частью.

Заседание политической комиссии в Брест-Литовске закончилось 28 января (10 февраля) в 6.50 вечера. Вскоре после этого, еще до формального ответа Четверного союза на заявление советской делегации, т. е. не зная, принята ли формула «ни мира, ни войны», Троцкий телеграфировал Ленину:

«Переговоры закончились. Сегодня, после окончательного выяснения неприемлемости австро-германских условий, наша делегация заявила, что выходим из империалистической войны, демобилизуем свою армию и отказываемся подписать аннексионистский договор. Согласно сделанному заявлению, издайте немедленно приказ о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на

дневнике: «Решение приступить опять к военным действиям — самое правильное [...]. Пока мы не дойдем до озера Пейпус [Псковское озеро], мы не остановимся» (Гофман. Записки и дневники, с. 239-240) Немцы планировали нанести России «быстрый и решительный удар», для чего, по мнению Людендорфа, не понадобилось бы крупной военной операции. Чтобы оправдать свои действия, немцы требовали теперь от всех окраинных народов России — украинцев, эстляндцев, лифляндцев и финнов — заявлений с призывами к Германии вмешаться «для восстановления порядка» (там же, док. № 249 от 133 февраля 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии для барона Бусше). Общий план действий был одобрен кайзером.

⁷⁰³ «Брестский мирный договор противоречит всем началам интернационала, — писала левая эсерка Измаилович. — Мы его не подписываем и войны не ведем» (Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 13). Эта позиция ничем не отличалась от позиции «ни война, ни мир».

⁷⁰⁴ «Этот «декрет» стоит вне всякой связи с предшествующими переговорами о мире и, есть основания думать, вне всякой связи с переговорами будущими. Он представлял собою изложение не имевшей ничего общего с действительной жизнью программы», — писал Б. Э. Нольде в статье «Лига народов» (Международная политика и мировое хозяйство, с. 62). Только так декрет этот и мог восприниматься современниками — особенно в свете дальнейших событий: подписания грабительского мира, не принесшего окончания войне.

всех фронтах. Нарком Троцкий»⁷⁰⁵.

Разумеется, телеграмма Троцкого была той самой декларацией, которая «в существе своем «должна была «стать известна всему миру». Но Ленин, вопреки решению ЦК, телеграмму Троцкого проигнорировал. Тогда около 9 вечера Троцкий дал аналогичную телеграмму Крыленке и велел издать «немедленно этой ночью приказ о прекращении состояния войны [...] и о демобилизации на всех фронтах». В 4 часа утра 29 января (11 февраля) приказ был утвержден наркомом по военным делам Подвойским, а в 8 утра — передан радиограммой от имени Крыленки: «Мир. Война окончена. Россия больше не воюет [...]. Демобилизация армии настоящим объявляется»⁷⁰⁶.

Потерпев обычное для него в те дни поражение, Ленин и не думал сдаваться. Через своего секретаря (почему-то не лично) он передал в ставку верховного главнокомандующего приказ: «Сегодняшнюю телеграмму о мире и всеобщей демобилизации армии на всех фронтах отменить всеми имеющимися у вас способами по приказанию Ленина». Но Ленина не послушали. В 17 часов во все штабы фронтов была переслана пространная телеграмма за подписью Крыленки о прекращении войны, демобилизации и «уводе войск с передовой линии»⁷⁰⁷.

По возвращении в Петроград Троцкий выступил на заседании Петроградского совета. Он указал, что Германия скорее всего не сумеет «выслать войска против социалистической республики. 90 шансов из 100 за то, что наступление не удастся и только 10 шансов за наступление. Но я уверен, что наступления не будет»⁷⁰⁸. «Это был единственно правильный выход, — комментировал Зиновьев. — [...] Мы, несмотря на все [...] крики отчаяния «правых», глубоко убеждены, что наступления со стороны немецких империалистов быть в данный момент не может»⁷⁰⁹.

Петросовет поддержал решение советской делегации в Бресте большинством голосов ⁷¹⁰. Днем раньше Исполком петроградского комитета партии также высказался за разрыв переговоров с немцами,

---

⁷⁰⁵ Майоров. Борьба советской России, с. 215; Чубарьян. Брестский мир, с. 142.

⁷⁰⁶ Там же; Майоров. Борьба советской России, с. 214-215.

⁷⁰⁷ Там же, с. 215-216; Бонч-Бруевич. Вся власть Советам, с. 239.

⁷⁰⁸ АТ, Т-3742. Л. Ступоченко. Пролетарская революция, 1923, кн. 4, с. 97-98.

⁷⁰⁹ Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 499-500.

⁷¹⁰ Там же, с. 501.

против политики «похабного мира»⁷¹¹. 30 января (по ст. ст.) за разрыв переговоров выступил Моссовет⁷¹². Позиция Троцкого была поддержана левыми эсерами⁷¹³ и одобрена немецкими коммунистами. Последние, как и Троцкий, считали, что «при крушении переговоров Центральные империи вряд ли будут в состоянии причинить России новый крупный военный ущерб, несмотря на нынешнее состояние русских армий. Война на русской границе все больше должна была бы сходиться на нет»⁷¹⁴. Такого же мнения придерживался считавшийся экспертом по Германии Радек⁷¹⁵.

Политические деятели Австро-Венгрии, уведомленные о намерениях немцев объявить перемирие прекращенным с 17 февраля, были повергнуты этим решением в растерянность. «Наше мнение о том, что 17 февраля истекает срок перемирия, в большинстве случаев не разделяется здесь даже правительственными кругами», — сообщал из Вены в МИД Германии 15 февраля германский посол в Австро-Венгрии Б. Ведель. Австрийский посол в Берлине К. Мерей был буквально «ошеломлен» и считал, что без формального ответа на заявление Троцкого, чего сделано пока еще не было, разрывать перемирие, исчисляя от 10 февраля, невозможно⁷¹⁶. Тогда 16 февраля в телеграфное бюро Вольфа было передано для публикации официальное сообщение германского правительства о том, что заявление Троцкого рассматривается Германией как разрыв переговоров и перемирия. «Датой разрыва перемирия, — указывалось в сообщении, — следует рассматривать 10 февраля» и «по истечении предусмотренного договором семидневного срока германское правительство считает себя свободным действовать в любом направлении»⁷¹⁷.

---

⁷¹¹ Чубарьян. Брестский мир, с. 220-221.

⁷¹² АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта, № 5457.

⁷¹³ Германские условия «были отвергнуты советским правительством в лице его большинства», — писала Измаилович (Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 12). «Казалось, что положение не которое время будет устойчивым, что германским генералам не удастся опять возобновить войну с Россией, — считал Штейнберг. — [...] Мы не дадим своей подписи под миром, который не освободит, а закабалит народы [...]. Но в то же время мы с германским, австрийским, турецким и болгарским народами не будем больше и воевать, ибо мы не допускаем мысли, чтобы он опять под вашей рукой шел на мирную революционную Россию, мы демобилизуем нашу армию. Не воевать и не подписывать мира — вот как русская революция ответила на наглые домогательства германского империализма (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 11-12).

⁷¹⁴ АТ, Т-3742.

⁷¹⁵ «Новый поход немецкого империализма в глубь России, — писал Радек, — ввиду его политической бесцельности и даже опасности, которыми он угрожает немецкому империализму [...] невозможен» (К. Радек. Брест— Литовск).

⁷¹⁶ Германия, док. № 253 от 15 февраля. Тел. Веделя в МИД Германии.

⁷¹⁷ Там же, док. № 255 от 16 февраля 1918 г. Тел. Бусше в штабквартиру главнокомандования войск Восточного фронта.

Копия сообщения в агентство Вольфа была переслана командованию германского Восточного фронта. Последнее 16 февраля в 7.30 вечера известило генерала Самойло, что «с 12 часов дня 18 февраля между Германией и Россией возобновляется состояние войны». По крайней мере, именно так 17 февраля передал по прямому проводу из Бреста в Петроград генерал Самойло. В 13.42 Троцкий послал спешный запрос в Берлин, где указал, что советское правительство считает телеграмму провокационной, поскольку даже в том случае, если Германия решила отказаться от перемирия, «оповещение об этом должно происходить по условиям перемирия за семь дней, а не за два, как это сделано». Советское правительство в связи с этим просило немедленно разъяснить недоразумение⁷¹⁸.

18 февраля германское главнокомандование в разъяснении за подписью Гофмана указало что заявление Троцкого «основывается на неправильных предпосылках, предполагающих, что для возобновления состояния войны с Россией с германской стороны требуется заблаговременное ясное оповещение о разрыве перемирия за семь дней. [...] Предусмотренный в договоре о перемирии семидневный срок, — указывали немцы, — начался, таким образом, 10 февраля и истек вчера. В связи с тем, что русское правительство отказалось заключить мир с Германией, Германия считает себя свободной от любых обязательств и оставляет за собою право прибегнуть к тем мероприятиям, которые она сочтет нужными»⁷¹⁹.

Германский ультиматум не был поддержан союзником Германии Австро-Венгрией, чье правительство высказалось против возобновления военных действий⁷²⁰ и передало по этому поводу Германии официальный протест⁷²¹. Немцы, впрочем, попросили австрийцев «подождать с провозглашением своей позиции» до тех пор, пока о германских условиях не будут формально уведомлены Советы⁷²². Чернин, разумеется, ответил согласием, обещав «ничего не предпринимать», не Связавшись

---

⁷¹⁸ Там же, док. № 258 от 17 февраля 1918 г. Тел. Шюлера в МИД Германии.

⁷¹⁹ Там же, док. № 260 от 18 февраля 1918 г. Тел. Кюльмана Шюлеру.

⁷²⁰ 24 февраля Э. Зейдлер публично подтвердил в палате общин, что «Австрия не участвует в военных действиях, предпринятых Германией против России». Только несколько позже, под влиянием успеха немцев и из-за боязни остаться без украинского хлеба австрийские войска оккупировали город-порт Одессу с подступающими железными дорогами. (Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 375; Протоколы съездов и конференций, с. 266; Гофман. Война упущенных возможностей, с. 190; Орлов. Брест-Литовский мир.)

⁷²¹ Седьмой съезд РКП(б), речь Радека, с. 59-60.

⁷²² Германия, док. № 263 от 19 февраля 1918г. Тел. Бусше в германское посольство в Вене.

предварительно с Берлином⁷²³. В это время на столе Чернина уже лежала радиограмма Троцкого с вопросом, «считает ли австро-венгерское правительство, что оно также находится в состоянии войны с Россией», и если нет, то находит ли оно «возможным вступить в практическую договоренность»⁷²⁴. Кроме того, было хорошо известно, что немцы провели передислокацию всех боеспособных частей с Восточного фронта на Западный⁷²⁵. Наконец, в Петрограде все еще оставались германские посланники, прибывшие с дипломатическими поручениями 16 (29) декабря: граф Мирбах, возглавлявший германскую экономическую миссию⁷²⁶, и вице-адмирал Р. Кейзерлингк, начальник военно-морской миссии (наступление Германии, как и планировали немцы, началось 18 февраля, немедленно после их отъезда). Таким образом, оставалась надежда, что самими немцами вопрос о наступлении окончательно не решен.

Исходя из этого, состоявшееся вечером 17 февраля заседание ЦК отвергло 6 голосами против 5 предложение Ленина о немедленном согласии подписать германские условия и поддержало формулу Троцкого, постановив отложить с возобновлением мирных переговоров до тех пор, пока не проявится германское наступление и не обнаружится его влияние на пролетарское движение Запада. Против немедленного возобновления переговоров даже под угрозой германского нашествия голосовали Троцкий, Бухарин, Ломов, Урицкий, Иоффе и Н. Н. Крестинский. За предложение Ленина — Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга и сам Ленин⁷²⁷.

На заседании ЦК РСДРП(б) утром 18 февраля резолюция Ленина снова была провалена перевесом в один голос: 6 против 7. Новое заседание

---

⁷²³ Там же, док. № 270 от 19 февраля 1918 г. Нота посольства Австро-Венгрии в Берлине.

⁷²⁴ Там же.

⁷²⁵ Уверенность в том, что Германия не способна наступать, кажется, была всеобщей. По крайней мере, именно так утверждала французская пресса и стоящие на стороне Антанты кадеты. Вот что писал в те дни один из околкадетских журналов: «Пока Германия не согласится на этот справедливый мир на всех фронтах, что заставляет Россию вести с ней переговоры? Чем она рискует, если продолжит бесконечно перемирие, которое немцы не в состоянии сломить? Она гораздо больше рискует, заключая изолированный мир, без поддержки своих союзников» (Ле Тан. В дни брестских переговоров. Хроника. Политическое обозрение. Отклики французской печати. — Международная политика и мировое хозяйство, с. 90.)

⁷²⁶ В компетенцию экономической миссии Мирбаха входило и обсуждение вопросов об интернированных гражданских лицах и военнопленных-калеках. Условия работы были несносные. Как сообщал в МИД 11 января 1918 года по н. ст. германский посланник в Копенгагене У. Брокдорф-Ранцау, за представителями Германии и Австрии осуществлялась «непрерывная слежка. По улицам они могут передвигаться лишь в сопровождении солдат, а их письма просматриваются цензурой». Очень скоро стало ясно, что никаких позитивных результатов достигнуто не будет, а переговоры, в конце концов, приняли форму собраний, на которых обсуждались самые разные вопросы, далекие от деловых и конкретных. На Мирбаха все это производило тяжелое впечатление, и время от времени он посылал в МИД депеши о хаосе в русской столице и предсказывал скорое падение большевиков.

⁷²⁷ Протоколы ЦК РСДРП (б), с. 194-195; Протоколы съездов и конференций, с. 268. Поскольку Ленин вновь потерпел поражение, протокол оказался в «ненайденных».

назначили на вечер. Только вечером, после продолжительных споров и под воздействием германского наступления, 7 голосами против 5 предложение Ленина было принято. За него голосовали Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Зиновьев, Сокольников и Смилга. Против — Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский⁷²⁸. Подготовка текста обращения к правительству Германии поручалась Ленину и Троцкому. Пока же ЦК постановил немедленно послать немцам радиосообщение о согласии подписать мир. Свердлов между тем должен был отправиться к левым эсерам, известить их о решении большевистского ЦК и о том, что решением советского правительства будет считаться совместное постановление центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР⁷²⁹.

О левых эсерах было создано несколько устоявшихся легенд. Одна из них — левые эсеры как принципиальные противники заключения мира с Германией⁷³⁰. Между тем первоначально позиции большевиков и левых эсеров в вопросе мира совпадали. Обе партии выдвинули лозунг «общего перемирия на фронтах» и «начали вести переговоры с представителями всех воюющих стран о перемирии»⁷³¹. Как и большевики, левые эсеры в вопросе о подписании мира не были едины. Спиридонова первоначально поддерживала Ленина и выступала за подписание соглашения⁷³²; на заседании ВЦИК 8 декабря в речи, посвященной мирным переговорам, она заявила о «полном доверии», которое оказывают левые эсеры большевикам в деле ведения переговоров в Бресте⁷³³. Камков 27 ноября, на Первом съезде ПЛСР, провозгласил требование «немедленного ликвидации войны»⁷³⁴; а Карелин на Всероссийском съезде железнодорожников в начале января сказал, что мирная политика «правительства комиссаров»

---

⁷²⁸ Протоколы заседаний ЦК РСДРП (б), с. 204.

⁷²⁹ Там же, с. 205.

⁷³⁰ Так, американский историк-троцкист Дойчер указывает, что идею мира с Германией не приветствовал никто из левых эсеров (Deutschen The Prophet Armed, p. 373).

⁷³¹ Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 11.

⁷³² Там же, с. 12. Вот что писал о левых эсерах и Спиридоновой в этой связи Троцкий: «Левые эсеры вовсе не сразу выступили против Брест-Литовского мира. По крайней мере, Спиридонова была в первое время решительной сторонницей подписания: «Мужик не хочет войны, — говорила она, — и примет какой угодно мир». «Подпишите сейчас же мир», — говорила она мне в первый мой приезд из Бреста» (Троцкий. О Ленине, с. 84). Только значительно позже, когда нужно было сформулировать противоречия между ПЛСР и большевиками, Спиридонова переметнулась на сторону противников Брестского мира.

⁷³³ Протоколы II созыва, с. 125.

⁷³⁴ Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 92.

встречает «единодушное одобрение и поддержку со стороны всех партий, стоящих на позиции советской власти»⁷³⁵. Часть левых эсеров стояла за мир, так как не верила в быструю победу революции на Западе⁷³⁶. Другие считали, что российские «ресурсы не так велики, как требовали бы этого стоящие на очереди вопросы», т. е. недостаточны для ведения революционной войны⁷³⁷. За подписание мира левые эсеры высказались и на Третьем всероссийском съезде Советов в прениях по докладу о переговорах в Брест-Литовске. Камков, выступавший от имени их фракции, заявил, что голосующие за продолжение войны «в данный момент русской революции на плечи взваливают непомерно тяжелое бремя», что «осуществление в несколько дней лозунга — мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов — почти невозможно», поскольку «разрешение полностью и целиком всех этих мировых задач под силу только мировой революции». Обращаясь к противникам заключения мира, меньшевикам и эсерам, Камков сказал: «Для вас необходимо одно: войой во что бы то ни стало, войой до последнего солдата, войой, хотя бы это вело к гибели революции». И добавил: «Если на время нам придется сделать уступки, то это не наша вина»⁷³⁸.

Разумеется, в этой речи Камков преследовал прежде всего партийные цели и защищал политику советского правительства от критики меньшевиков и эсеров⁷³⁹. Тем не менее подобные заявления руководящих деятелей ПЛСР дали Ленину основания считать, что его точка зрения будет поддержана левыми эсерами. Ленин, как казалось, не ошибся. На состоявшемся 18 февраля объединенном заседании центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР последняя проголосовала за принятие германских условий⁷⁴⁰. Ленин поэтому поспешил назначить на 19 февраля совместное

---

⁷³⁵ Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 3 (16) января 1918, № 109.

⁷³⁶ Закс, например, еще 4 ноября угрюмо проронил, что «Западная Европа покорно молчит» (там же, с. 32).

⁷³⁷ Там же, с. 130.

⁷³⁸ Третий Всероссийский съезд Советов, с. 65-66.

⁷³⁹ Троцкий на съезде Советов выступил по партийным соображениям с защитой «похабного мира»: «Теперь они говорят о «похабном» мире, ну, а если бы германцы нам действительно предложили, отказавшись без каких бы то ни было контрибуций, немедленно освободить все оккупированные ими территории и предоставить населяющим их народам полную свободу самоопределения,— было бы это демократическим миром? [...] Между тем [...] эти условия предлагает не кто иной, как один из представителей германского империализма [...] который надеется этим путем освободить руки германского империализма на Восточном фронте и бросить все силы на Англию и Францию. Положение в высшей степени сложное. И мир поистине демократический и общий возможен лишь в том случае, когда вспыхнет победоносная мировая революция. Мы верим в нее, но мы не можем дать гарантии, что ни при каких условиях мы не найдем возможным дать передышку русскому отряду международной революции до этого генерального сражения». (АТ, Т-3742. Л. Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 2, с. 64-65. Речь на Третьем Всероссийском съезде Советов. 23 января 1918 г.)

⁷⁴⁰ Переписка секретариата ЦК РСДРП (б), т 2, с. 220-221.

оседание большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИКа, согласившись считать вынесенное решение окончательным. Уверенный в своей победе, Ленин вместе с Троцким (согласно постановлению ЦК) в ночь на 19 февраля составил текст радиообращения к немцам. Совнарком выражал протест по поводу германского наступления, начатого против республики, «объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах», но заявлял «о своей согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Брест-Литовске»⁷⁴¹.

Радиотелеграмма за подписями Ленина и Троцкого была передана утром 19 февраля и уже в 9.12 получена немцами, о чем был немедленно информирован генерал Гофман⁷⁴². Все это Ленин проделал еще до того, как было принято формальное совместное решение большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИКа. Но там, где Ленин смог обойти формальную сторону с левыми эсерами, он не смог сделать того же с немцами. Последние, не заинтересованные в приостановке успешного наступления, потребовали официального письменного документа⁷⁴³; и Ленин ответил, что курьер находится в пути⁷⁴⁴. Германия приняла заявление к сведению, но наступления не прекратила.

Немцами были заняты в те дни несколько городов: 18 февраля — Двинск; 19-го — Минск; 20-го — Полоцк; 21-го — Режица и Орша; 22-го — Вольмар, Венден, Валк и Гапсаль; в ночь на 24-е — Псков и Юрьев; 25 февраля — Борисов и Ревель. Но самым удивительным было то, что немцы наступали без армии. Они действовали небольшими разрозненными отрядами в 100-200 человек, причем даже не регулярными частями, а сборными, из добровольцев. Из-за царившей у большевиков паники и слухов о приближении мифических германских войск города и станции оставались без боя еще до прибытия противника. Двинск, например, был взят немецким отрядом в 60-100 человек. Псков был занят небольшим отрядом немцев, приехавших на мотоциклах⁷⁴⁵. В Режице германский

---

⁷⁴¹ ДВП, т. 1, с. 106; Германия, док. №263 от 19 февраля 1918 г. Тел. Бусше в германское посольство в Вене.

⁷⁴² Fischer. *The Soviets in World Affairs*, p. 61.

⁷⁴³ Не очевидно, что советское правительство надеялось на приостановку немцами наступления. «Если немцы с англичанами уже договорились, — считал Троцкий, — то немцы будут продолжать наступление, независимо от того или иного заявления советского правительства» (АТ, Т-3742. Л. Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 1, с. 675.).

⁷⁴⁴ Авторханов. Происхождение партократии, том 1, с. 448-449.

⁷⁴⁵ Орлов. Брест-Литовский мир.

отряд был столь малочислен, что не смог занять телеграф, который работал еще целые сутки⁷⁴⁶. При слабости одной стороны и панике другой, русские все-таки кое-где оказывали сопротивление. Так, Нарва оборонялась до 4 марта⁷⁴⁷.

Немцы не столько брали города, сколько объявляли занятыми оставленные в панике поспешно отступавшей русской армией местности. 22 февраля 1918 г. военный комиссар В. Н. Подбельский сообщал с фронта по прямому проводу: «Проверенных новых сведений не имею, кроме того, что немцы, вообще говоря, продвигаются неукоснительно, ибо не встречают сопротивления»⁷⁴⁸.

На Украине наступление шло в основном вдоль железнодорожных путей, принимая, по словам Гофмана, «темпы, впечатляющие даже военных»⁷⁴⁹. Кое-где немцы встречали сопротивление. Его оказывали, во-первых, войска советской Красной гвардии, наступавшие для занятия Украины, а во-вторых — чехословацкие части, бои с которыми были наиболее упорными⁷⁵⁰. Тем не менее 21 февраля немцы вошли в Киев⁷⁵¹.

19 февраля Ленин выступил с защитой тезисов о подписании мира на объединенном заседании большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИК с двухчасовой речью. Вероятно, он рассчитывал на победу. Но неожиданно для Ленина, как и для многих членов ЦК ПЛСР, большинство членов ВЦИК высказалось против принятия германских условий мира. Протокол заседания ВЦИК от 19 февраля «не сохранился», но на следующий день орган московской большевистской организации газета «Социал-демократ» поместила краткий отчет о заседании фракций: «Большинство стояло на той точке зрения, — писала газета, — что русская революция выдержит испытание; решено сопротивляться до последней возможности»⁷⁵².

---

⁷⁴⁶ Протоколы съездов и конференций, с. 258.

⁷⁴⁷ Чубарьян. Брестский мир, с. 174.

⁷⁴⁸ Орлов. Брест-Литовский мир.

⁷⁴⁹ Германия, док. № 278 от 21 февраля 1918г. Тел. Шюлера в МИД Германии.

⁷⁵⁰ Гофман. Война упущенных возможностей, 190.

⁷⁵¹ Германия, док. № 278 от 21 февраля 1918 г. Тел. Шюлера в МИД Германии.

⁷⁵² Социал-демократ, 20 февраля 1918, № 28. Хронограф истории партии В. В. Аникеев указывает, что это единственный источник об объединенном заседании фракций ВЦИКа от 19 февраля (Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б)-РКП (б), с. 196). Легко понять, какими доводами руководствовались противники Брестского мира. Часть их считала, что из-за германского наступления в Германии начнется революция: «Захват германцами того или иного города, того или иного куска земли не только не ударял по революции, но, наоборот, мог только ударить по планам и замыслам германских хищников, — писал Штейнберг. — [...] Надо было полагать, что вхождение немецких солдат в пределы революционной страны должно будет сблизить их с русскими рабочими и крестьянами, должно будет быстрее проводить их к решению о всеобщем мире и всеобщей революции» (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 11-12).

Тогда Ленин 19 февраля собрал заседание Совнаркома, на котором были обсуждены «вопросы внешней политики в связи с наступлением, начатым Германией, и телеграммой», посланной Лениным в Берлин. Большинство голосов против двух Совнарком содержание ночной телеграммы Ленина, посланной преждевременно и вопреки воле ВЦИК, одобрил⁷⁵³. А так как Ленин провел в свое время резолюцию, передающую в ведение СНК вопросы, связанные с заключением мира, все необходимые формальности были выполнены.

Видимо, в связи с принятой ВЦИКом резолюцией не подписывать мира, 19 февраля Совнарком поручил Военной комиссии в составе Крыленко, Подвойского, начальника Морского штаба Альфатера и комиссаров Дыбенко и Раскольникова изучить вопрос «о возможности организации обороны» и «ведения революционной войны, если революция будет поставлена перед этой необходимостью». Доклады, сделанные Крыленко и Альфатером Совнарком заслушал в 9 вечера 20 февраля⁷⁵⁴. В этот же день Петроград был объявлен на военном положении⁷⁵⁵, а как действующий орган Совнаркома был создан Временный исполнительный комитет СНК во главе с Лениным. Иными словами, Совнарком лишился власти, и она передавалась теперь узкому кругу лиц, членов Совнаркома. Тогда же Петросовет рассмотрел вопрос о возможной эвакуации города. Московский комитет партии, который в случае оставления Петрограда, становился столичным, 20 февраля подтвердил прежнее решение выступать против подписания мира, за революционную войну⁷⁵⁶.

21 февраля был создан Комитет революционной обороны Петрограда. Он был образован Петроградским советом из 15 человек, в том числе всего состава Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа, одного представителя от комиссариата по военным делам, пяти членов ВЦИКа и двух пар представителей от партий большевиков и левых эсеров⁷⁵⁷. Из большевиков в комитет вошли Зиновьев, М. М. Лашевич, Трубачев, Васильев, Володарский, С. И. Гусев, К. С. Еремеев, Подвойский и

Другие думали, что противостоять германским войскам можно военной силой: «Если германское правительство пошлет на нас карательную экспедицию из своих войск, мы встретим ее с оружием в руках как подобает революционному народу, восставшему против мирового гнета и насилия», — писала Измаилович (Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 13-14).

⁷⁵³ Майоров. Борьба советской России, с. 221; Чубарьян. Брестский мир, с. 170).

⁷⁵⁴ Там же, с. 167.

⁷⁵⁵ Соловьев. Великий Октябрь и его противники, с. 109.

⁷⁵⁶ Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 313. Эта резолюция была подтверждена 28 февраля (там же, с. 318).

⁷⁵⁷ Протоколы съездов и конференций, с. 268.

Урицкий ⁷⁵⁸ . Возглавил комитет Свердлов ⁷⁵⁹ . Чуть позже туда единогласно был кооптирован Радек ⁷⁶⁰ . Постановлением СНК было объявлено также об организации социалистической армии, поголовной мобилизации всех рабочих и об отправке всей буржуазии на рытье окопов под Петроградом ⁷⁶¹ . На следующий день в «Правде» за подписью Крыленко было опубликовано воззвание о создании, в дополнение к мобилизованным, добровольческих частей Красной армии ⁷⁶² .

Из-за состоявшегося только что решения подписать мир с Германией на заседании ЦК 22 февраля произошел фактический раскол большевистской партии. Бухарин вышел из состава ЦК и сложил с себя обязанности редактора «Правды». Группа в составе Г. И. Ломова, Урицкого, А. С. Бубнова, В. М. Смирнова, И. Н. Стукова, М. Г. Бронского, В. Н. Яковлевой, А. П. Спунде, М. Н. Покровского и Г. Л. Пятакова подала в ЦК заявление о своем несогласии с решением ЦК обсуждать саму идею подписания мира и оставила за собой право вести в партийных кругах агитацию против политики ЦК. Иоффе, Дзержинский и Крестинский также заявили о своем несогласии с решением ЦК подписать мир, но воздержались от присоединения к группе Бухарина, так как это значило расколоть партию, на что они идти не решались ⁷⁶³ .

В тот период ПЛСР представляла для Ленина опасность меньшую, чем левые коммунисты. Когда 21 февраля Совнаркомом был утвержден декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!» и вечером того же дня передан на обсуждение во ВЦИК, левые эсеры поддержали декрет против эсеров, меньшевиков и левых коммунистов ⁷⁶⁴ , а на следующий день вместе с большевиками приняли участие в работе чрезвычайного заседания расширенного президиума ВЦИК, на котором заслушивались соображения военных специалистов, только что прибывших

---

⁷⁵⁸ Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 377.

⁷⁵⁹ Соловьев. Великий Октябрь и его противники, с. 109.

⁷⁶⁰ Протоколы съездов и конференций, с. 268.

⁷⁶¹ Там же, с. 262; Майоров. Борьба советской России, с. 223.

⁷⁶² Правда, 22 февраля 1918, № 32.

⁷⁶³ Протоколы заседаний ЦК РСДРП (б), с. 206-210.

⁷⁶⁴ «Мы начали с возвания, — вспоминал Троцкий. — Написанный мною проект «Социалистическое отечество в опасности» обсуждался вместе с левыми эсерами. Эти последние, в качестве новобранцев интернационализма, смутились заголовком возвания. Ленин, наоборот, очень одобрил: «Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо» (Троцкий. О Ленине, с. 104; АТ, Т-3742. Л. Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 1, с. 659).

из Ставки, об обороне Петрограда⁷⁶⁵. 23 февраля в 10.30 утра немцы предъявили ультиматум, срок которого истекал через 48 часов⁷⁶⁶. На заседании ЦК ультиматум огласил Свердлов. Советское правительство должно было согласиться на независимость Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, Финляндии и Украины, с которой обязано было заключить мир; способствовать передаче Турции Анатолийских провинций, признать невыгодный для России русско-германский торговый договор 1904 года, дать Германии право наибольшего благоприятствования в торговле до 1925 года, предоставить право свободного и беспошлинного вывоза в Германию руды и другого сырья; отказаться от всякой агитации и пропаганды против Центральных держав и на оккупированных ими территориях. Договор должен был быть ратифицирован в течение двух недель⁷⁶⁷. Гофман считал, что ультиматум содержал все требования, какие только можно было выставить⁷⁶⁸.

Ленин потребовал немедленного согласия на германские условия и заявил, что в противном случае уйдет в отставку. Тогда, видимо по предварительному соглашению с Лениным, слово взял Троцкий:

«Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем. [...] При создавшихся условиях наша партия не в силах руководить войной [...]. Доводы В. И. (Ленина) далеко не убедительны; если мы имели бы единодушие, могли бы взять на себя задачу организации обороны, мы могли бы справиться с этим [...], если бы даже принуждены были сдать Питер и Москву. Мы бы держали весь мир в напряжении. Если мы подпишем сегодня германский ультиматум, то мы завтра же можем иметь новый ультиматум. Все формулировки построены так, чтобы дать возможность дальнейших ультиматумов. [...] С точки зрения

---

⁷⁶⁵ Бонч-Бруевич. Вся власть Советам, с. 251.

⁷⁶⁶ Текст германского ультиматума был сформулирован после обсуждения проектов, предоставленных командованием германского Восточного фронта и МИДом. Согласно ультиматуму, сформулированному командованием Восточного фронта, советское правительство должно было безотлагательно заключить мир с Украиной и Финляндией, очистив территории этих государств от войск Красной гвардии, признать германо-украинский мир и правительство Рады, очистить от советских войск Лифляндию и Эстляндию и согласиться на оккупацию этих территорий германскими войсками, прекратить «всякую пропаганду против союзных правительств и их государственного устройства» (Германия, док. № 268 от 19 февраля 1918 г. Тел. Шюлера в МИД Германии).

Кюльман от имени МИДа внес в этот ультиматум незначительные поправки, упрощающие и смягчающие текст. Он предложил опустить требование заключения мира с Финляндией, так как советское правительство не находилось с Финляндией в состоянии войны; не настаивать на признании германо-украинского договора и правительства рады, так как предполагаемый советско-украинский мирный договор неизбежно включал бы эти пункты; не настаивать на прекращении пропаганды, «чтобы не слишком утяжелять ультиматум». Против последнего, однако, высказался кайзер (там же, док. № 269 от 19 февраля-1918 г. Тел. Бусше Лерснеру).

⁷⁶⁷ Текст германского ультиматума от 21 февраля (дата написания) в кн. ДВП, т. 1, с. 112-113; см. также Германия, док. № 271 от 19 февраля 1918 г. Тел. Бусше в германское посольство в Вене.

⁷⁶⁸ Гофман. Записки и дневники, с. 240.

международной, можно было бы многое выиграть. Но нужно было бы максимальное единодушие; раз его нет, я на себя не возьму ответственность голосовать за войну»⁷⁶⁹.

Вслед за Троцким отказались голосовать против Ленина еще два левых коммуниста: Дзержинский⁷⁷⁰ и Иоффе⁷⁷¹. Но Урицкий, Бухарин и Ломов твердо высказались против⁷⁷². Сталин первоначально не высказался за мир: «Можно не подписывать, но начать мирные переговоры»⁷⁷³. Ленин победил: Троцкий, Дзержинский, Крестинский и Иоффе — противники Брестского мира — воздержались при голосовании. Урицкий, Бухарин, Ломов и Бубнов голосовали против. Но Е. Д. Стасова, Зиновьев, Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга поддержали Ленина. 7 голосами против 4, при 4 воздержавшихся германский ультиматум был принят. Вместе с тем ЦК единогласно принял решение «готовить немедленно революционную войну»⁷⁷⁴. Это была очередная словесная уступка Ленина.

Однако победа ленинского меньшинства при голосовании по столь важному вопросу повергла ЦК в еще большее смятение. Урицкий от своего имени и от имени членов ЦК Бухарина, Ломова, Бубнова, кандидата в члены ЦК Яковлевой, а также Пятакова и Смирнова заявил, что не желает нести ответственности за принятое меньшинством ЦК решение, поскольку воздержавшиеся члены ЦК были против подписания мира, и пригрозил отставкой всех указанных большевистских работников. Началась паника. Сталин сказал, что оставление оппозицией «постов есть зарез для партии». Троцкий — что он «голосовал бы иначе, если бы знал, что его воздержание поведет к уходу товарищей». Ленин соглашался теперь на «немую или открытую агитацию против подписания» — только чтоб не уходили с постов и пока что подписали мир⁷⁷⁵. Но левые коммунисты ушли,

---

⁷⁶⁹ Протоколы заседаний ЦК РСДРП(б), с. 211-212.

⁷⁷⁰ «Передышки не будет, наше подписание, наоборот, будет усилением германского империализма, — сказал Дзержинский. — Подписав условия, мы не гарантируем себя от новых ультиматумов. Подписывая этот мир, мы ничего не спасаем. Но согласен с Троцким, что если бы партия была достаточно сильна, чтобы вынести развал и отставку Ленина, тогда можно было бы принять решение, теперь — нет».

⁷⁷¹ Иоффе отказался от слова.

⁷⁷² Урицкий аргументировал тем, что «капитуляция перед германским империализмом задержит зарождающуюся революцию на Западе [...] [а] Советская власть не спасется подписанием этого мира». Бухарин — что «гражданская война вовсе не должна быть только в одной стране. Передышки нет». Ломов — что «в германских войсках непременно будет раздражение. Если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются. Надо брать власть без В. И.(Ленина). Надо идти на фронт и делать все возможное» (там же, с. 212— 214).

⁷⁷³ Там же, с. 212-213.

⁷⁷⁴ Там же, с. 215.

⁷⁷⁵ Там же, с. 216-218.

оговорив за собой право свободной агитации, и защиту лозунга революционной войны развернули впоследствии на страницах печати, посвятив этому передовицы в московской газете «Социал-демократ», «Уральском рабочем» (статьи Е. А. Преображенского и Г. И. Сафарова), а несколько позже — в «Коммунисте», официальном органе левой оппозиции (статьи Бухарина, В. М. Смирнова, Радека и других).

Левые коммунисты рассчитывали повлиять на настроения на местах. Основания надеяться на победу у них были. Ситуация была достаточно нестабильной, и на настроение партийного актива могло подействовать любое самое мелкое событие. Выступать за революционную войну было в моде. По крайней мере, лозунг революционной войны был куда понятнее лозунга мира с германским империализмом. Лозунги были прямолинейны: «С палачами революции не заключают мира, их беспощадно истребляют»⁷⁷⁶ (это про германскую армию); «Никакого соглашения или мирных переговоров с душителями социальной революции не может быть»⁷⁷⁷.

Совместное заседание ЦК РСДРП(б) и ЦК ПЛСР было назначено на вечер 23 февраля. Протокол его числится в ненайденных и о том, как проходило заседание, ничего не известно. Ряд сведений говорит за то, что большинство ПЛСР поддержало Троцкого⁷⁷⁸. Вопрос затем был передан на обсуждение фракций ВЦИК, заседавших всю ночь с 23 на 24 февраля то порознь, то совместно. Небольшой зал, отведенный для фракции большевиков, был забит до отказа. Кроме фракции там находились члены Петроградского совета и партийный актив города. Заседание вел Свердлов. Ленина сначала не было. Он пришел позже и выступил с речью, в которой доказывал, что все пути оттяжки и саботажа мирных переговоров уже испробованы и пройдены. Остается лишь подчиниться ультиматуму. Ленин, правда, обходил молчанием тот факт, что стоял за сепаратный мир изначально. Из его речи (он намеренно использовал «мы» вместо «я») следовало, что он, как и все, соглашается на подписание мира лишь под давлением обстоятельств:

«Мы должны были использовать все, что возможно было, для отсрочки мира, чтобы посмотреть, не примкнут ли другие страны, не придет ли на

---

⁷⁷⁶ Из резолюции Третьей калужской губернской конференции от 23 февраля 1918 г. (Установление советской власти в Калужской губернии, с. 295-296).

⁷⁷⁷ Из наказа губернской организации своему делегату на Седьмой партийный съезд. — Там же, с. 302.

⁷⁷⁸ «Тогда не было в советской республике ни одной социалистической партии, которая бы не одобрила» в Бресте формулу Троцкого, писал Штейнберг. «В Центральном Исполнительном комитете ни одна рука не поднялась против резолюции, которая одобряла действия нашей делегации» (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 12).

помощь к нам европейский пролетариат, без помощи которого нам прочной социалистической победы добиться нельзя. Мы сделали все, что возможно для того, чтобы затянуть переговоры, мы сделали даже больше, чем возможно, мы сделали то, что после Брестских переговоров объявили состояние войны прекращенным, уверенные, как были уверены многие из нас, что состояние Германии не позволит ей зверского и дикого наступления на Россию. На этот раз нам пришлось пережить тяжелое поражение»⁷⁷⁹.

Большинством голосов фракция РСДРП(б) во ВЦИКе приняла резолюцию о согласии на германские условия мира. Левые коммунисты пробовали добиться от фракции права свободного голосования, но потерпели поражение: в ответ была принята резолюция о дисциплине, обязывающая всех членов фракции большевиков либо голосовать за мир, либо не участвовать в голосовании. На объединенном заседании большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИКа левые коммунисты вновь высказались против подписания мира, но большинства голосов не собрали.

Наконец, в три часа утра 24 февраля в большом зале Таврического дворца открылось заседание ВЦИК. Главных фракций было пять: большевики, левые эсеры, эсеры, меньшевики и анархисты. Ранним утром приступили к поименному голосованию. Каждого из присутствовавших вызывали на трибуну, и вышедший, повернувшись лицом к залу, должен был высказаться за мир или войну. Сцены разыгрывались самые разные. Бухарин, несмотря на директиву большевистской фракции не голосовать против подписания мира, выступает против, «и слова его тонут в аплодисментах половины зала»⁷⁸⁰. Его поддерживает Рязанов. Луначарский, наоборот, до самой последней секунды не знает, что сказать: как левый коммунист, он должен быть против, как дисциплинированный большевик — за. Выйдя на трибуну, он произносит «да» и, «закрывая руками судорожно дергающееся лицо, сбегает с трибуны»⁷⁸¹. Кажется, он плачет. Большинство левых коммунистов, не желая голосовать за подписание мира, но не смея нарушить партийную дисциплину, покидает зал еще до голосования (и этим решает исход в пользу Ленина).

У левых эсеров происходит такой же раскол, с той только разницей, что фракция в целом решает голосовать против Брестского мира и обязывает

---

⁷⁷⁹ АТ, Т-3742. Н. Ленин. Собр. соч., т. 20, доп., ч. 2, с. 216. Речь на заседании Центрального исполнительного комитета 23 февраля 1918г.

⁷⁸⁰ Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 312-313.

⁷⁸¹ Там же, с. 314.

сторонников Ленина воздержаться от голосования. Как и у большевиков, не все соглашались соблюдать партийную дисциплину в ущерб собственным принципам. За подписание мира голосует Спиридонова, Малкин и ряд других видных членов ЦК⁷⁸². Эсеры и меньшевики голосуют против⁷⁸³. Но Ленин все-таки собирает необходимое ему большинство голосов: за ленинскую резолюцию голосует 116 членов ВЦИК, против — 85⁷⁸⁴ (эсеры, меньшевики, анархисты, левые эсеры, левые коммунисты), 26 человек — левые эсеры, сторонники подписания мира⁷⁸⁵ — воздерживаются⁷⁸⁶. В 5.25 утра заседание закрылось. Через полтора часа в Берлин, Вену, Софию и Константинополь передали сообщение Совнаркома о принятии германских условий и отправке в Брест-Литовск полномочной делегации⁷⁸⁷. Для передачи советского согласия в письменной форме из Петрограда в Брест отправился курьер⁷⁸⁸. К 10 часам вечера германское главнокомандование Восточного фронта в ответ на радиogramму о

---

⁷⁸² Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 152.

⁷⁸³ Еще 22 февраля радиogramмой было передано по стране постановление ЦК РСДРП (меньшевиков) против Брестского мира. Нужно отметить, что меньшевики достаточно хорошо понимали причины, по которым Ленин так настаивал на подписании мира: только так и можно было сохранить власть ленинского правительства в России. В постановлении ЦК меньшевиков говорилось, что подписание грабительского сепаратного мира было прямым результатом крушения попыток заключения мира демократического. Ответственность за эту катастрофу меньшевики возлагали на ленинское правительство, которое «в своем слепом стремлении удержать в своих руках господство над страной» решило «капитулировать перед германским империализмом и вступить в переговоры о мире, расчленяющем Россию и порабащающем ряд ее народов».

Это решение, «как заявляют сами вожди большевизма, продиктовано им прежде всего стремлением сохранить власть в руках Совета народных комиссаров, в чем они ложно усматривают залог торжества всемирной социалистической революции», хотя одно временно с этим облегчают положение германского империализма и, значит, наносят «тяжелый удар международному движению пролетариата и прежде всего борьбе германского и австрийского пролетариата». Правительство Ленина, готовое на экономическое и политическое поражение России, указывалось далее в резолюции, «признает возможной и необходимой оборону только в том случае, если германский империализм сверх того посягнет на власть этого правительства над остальной частью России». ЦИК РСДРП протестовал против подписания мирного договора на условиях, выдвинутых немцами, и требовал «всенародного сопротивления неприятельскому нашествию» как «германской контрреволюции», для успешного отражения которой предлагал «добиваться создания признанной всей демократией и на всю демократию опирающейся власти, способной прекратить повсеместную гражданскую войну» и «обратиться к австрийскому и германскому пролетариату с воззванием о противодействии преступным планам империалистической реакции, собирающейся распять русскую революцию» (АИГН, 5/2). В тот же день Петроградская общегородская конференция РСДРП (объединенной) приняла резолюцию «о необходимости в интересах достижения скорейшего всеобщего и демократического мира» созвать международную социалистическую конференцию (АИГН, 659/4).

⁷⁸⁴ А. О. Чубарьян указывает, что против было 84 человека (Брестский мир, с. 172).

⁷⁸⁵ Протоколы съездов и конференций, с. 262. Возможно, что двое из тех 26 были анархистами.

⁷⁸⁶ Ленин. ПСС, т. 35, с. 147, с. 490, прим.

⁷⁸⁷ Майоров. Борьба советской России, с. 230-231. Ленин торопился: за несколько часов до начала заседания ВЦИК Ленин дал указание радиостанции Царского Села подготовить все к немедленной отправке телеграммы. «Приемка ночью должна быть прекращена для того, [...] чтобы наша радиотелеграмма могла быть отправлена безотлагательно и с полной гарантией» (Ленинский сборник, том XI, с. 27).

⁷⁸⁸ Василий Баландин (Чубарьян. Брестский мир, с. 173).

принятии германских условий потребовало подписания мира в течение трех дней с момента прибытия советской делегации в Брест⁷⁸⁹.

24 февраля ушло на обсуждение того, кто войдет в состав делегации по подписанию мира. Ехать никто не хотел. Иоффе отказывался. Зиновьев предлагал кандидатуру Сокольников. Сокольников — Зиновьева. Все вместе — Иоффе. Иоффе оговаривал свою поездку сотнями «если», Сокольников грозил отставкой (если его пошлют). Ленин просил «товарищей не нервничать», указывая, что «может поехать товарищ Петровский как народный комиссар». Ломов, Смирнов, Урицкий, Пятаков, Д. П. Боголепов и Спунде подали заявление об уходе с занимаемых ими постов в Совнарком. Троцкий вспомнил, что еще пять дней назад подал заявление об уходе в отставку с поста наркома иностранных дел и теперь настаивал на ней. Зиновьев просил Троцкого «остаться до подписания мирного договора, ибо кризис еще не разрешился». Сталин говорил о «боли, которую он испытывает по отношению к товарищам», уходящим с постов, тем более, что «их нечем заменить». Троцкий заявлял, что «не хочет больше нести ответственности» за мирную политику НКВД, но, не желая раскалывать партию, готов сделать заявление о сложении полномочий «в самой недемонстративной форме»; «текущую работу может вести Г. В. Чичерин, а политическое руководство должен взять Ленин». Зиновьев просил Троцкого «отложить уход на 2-3 дня». Сталин тоже просил «выждать пару дней». Ленин указал, что отставка Троцкого неприемлема. Споры возобновились. Троцкий констатировал раскол в партии:

«В партии сейчас два очень резко отмежеванных друг от друга крыла. Если смотреть с точки зрения парламентской, то у нас есть две партии, и в смысле парламентском надо было бы меньшинству уступить, но у нас этого нет, так как у нас идет борьба групп. Мы не можем сдавать позиции левым эсерам»⁷⁹⁰.

После долгих споров подпись под договором согласился поставить Сокольников. Делегация выехала в ночь с 24 на 25 февраля. С Сокольниковым поехали Петровский, Чичерин, Карахан и Иоффе. Последнего удалось уговорить поехать в качестве консультанта, не

---

⁷⁸⁹ Германия, док. № 289 от 24 февраля. Тел. Лерснера в МИД Германии. Германское наступление, однако, продолжалось. 25 февраля Крыленко заявил по этому поводу протест. На следующий день Гофман ответил, что наступление будет продолжаться до тех пор, пока мир не будет подписан. Тогда глава советской делегации Сокольников направил командующему германскими войсками в Пскове письмо с протестом. (Чубарьян. Брестский мир, с. 175). Протест был проигнорирован. Людендорф о решении наступать до подписания мира писал следующее: «Войска продвигались неожиданно быстро через Литву и Венден, который был указан имперскому канцлеру в качестве цели наступления. Но так как к этому времени еще не была получена просьба Ленина о мире, то продвижение продолжалось, и именно с согласия канцлера. О получении мирного предложения большевиков он тотчас был извещен и одобрил намерение продолжать продвижение войск до тех пор, пока большевики не подпишут мира» (Носович. Захватническая политика германского империализма, с. 225).

⁷⁹⁰ Протоколы заседаний ЦК РСДРП(б), с. 219-228.

несущего ответственности за подписание договора.

Ленин боялся, что все может сорваться из-за какой-нибудь случайности. Когда делегация застряла на станции Новоселье, под Псковом, и послала телеграмму в Петроград, что пришлось стоять почти сутки из-за невозможности проехать через линию фронта⁷⁹¹, Ленин не поверил, заподозрил войска в нежелании пропустить делегацию, а делегатов — в нежелании ехать в Брест. В 9 вечера 25 февраля он послал на станцию запрос: «Не вполне понимаем вашу телеграмму. Если вы колеблетесь, это недопустимо. Пошлите парламентаров и старайтесь выехать скорее к немцам»⁷⁹². Нервозность Ленина была тем более оправдана, что в этот день Московское областное бюро партии вынесло резолюцию о недоверии ЦК «ввиду его политической линии и состава». В своем объяснении бюро писало, что «в интересах международной революции» считает «целесообразным идти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной»⁷⁹³.

28 февраля советская делегация прибыла в Брест, чтобы узнать, что германское правительство идет в своих требованиях еще дальше. Немцы требовали теперь передачи Турции Карса, Ардагана и Батума (хотя в течение войны эти территории ни разу не занимались турецкими войсками)⁷⁹⁴. Сокольников пробовал было возражать, но Гофман дал понять, что какие-либо обсуждения ультиматума исключаются. Трехдневный срок, в течение которого должен был быть подписан мир, немцы определили с 11 часов утра 1 марта, когда должно было состояться первое официальное заседание в Бресте⁷⁹⁵.

1 марта конференция возобновила работу⁷⁹⁶. С обеих сторон в переговорах участвовали второстепенные лица. Министры иностранных дел Кюльман и Чернин, Великий визарь Турции Таалат-паша и премьер-министр Болгарии В. Радославов в это время находились на мирных переговорах в Бухаресте и в Брест прислали своих заместителей. От Германии договор должен был подписать посланник Розенберг. На первом же заседании он предложил советской делегации обсудить мирный

---

⁷⁹¹ Известия ВЦИК, 30 января 1924, статья Чичерина.

⁷⁹² Ленинский сборник, т. XI, с. 29; Майоров. Борьба советской России, с. 236.

⁷⁹³ Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б), с. 210.

⁷⁹⁴ Чубарьян. Брестский мир, с. 171.

⁷⁹⁵ Германия, док. № 300 от 28 февраля 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии.

⁷⁹⁶ Там же, док. № 305 от 2 марта 1918 г. Тел. Розенберга Кюльману в Бухарест.

договор, проект которого привез с собой ⁷⁹⁷. Сокольников попросил зачитать весь проект и после прочтения объявил, что отказывается «от всякого его обсуждения как совершенно бесполезного при создавшихся условиях» ⁷⁹⁸, тем более, что уже грядет мировая пролетарская революция ⁷⁹⁹.

Ее судьба во многом зависела теперь от успешной политики Антанты. Поскольку заключение сепаратного мира утяжеляло положение союзников на Западном фронте, Англия, Франция и США готовы были попробовать сорвать ратификацию подписанного 3 марта мирного договора.

Глава восьмая. Средняя линия Ленина: «передышка»

Оппозиция сепаратному миру в партии и советском аппарате заставила Ленина изменить тактику. Он постепенно переместил акцент с «мира» на «передышку». Вместо мирного соглашения с Четверным союзом Ленин ратовал теперь за подписание ни к чему не обязывающего бумажного договора ради короткой, пусть хоть в два дня, паузы, необходимой для подготовки к революционной войне. При такой постановке вопроса Ленин почти стирал грань между собою и левыми коммунистами. Расхождение было теперь в сроках. Бухарин выступал за немедленную войну. Ленин — за войну после короткой передышки. Сепаратный мир исчез из лексикона Ленина. Но, голосуя за передышку, сторонники Ленина голосовали именно за сепаратный мир, не всегда это понимая.

Как и формула Троцкого «ни война, ни мир», ленинская «передышка» была средней линией. Она позволяла, не отказываясь в принципе от лозунга революционной войны, оттягивать ее начало сколь угодно долгое время. Оставляя левым коммунистам надежду на скорое объявление войны, передышка в целом удовлетворяла сторонников подписания мира, прежде всего Ленина, т. к. давала возможность ратифицировать подписанный с Германией договор и, связывая мирным соглашением страны Четверного союза, оставляла советской стороне свободными руки для начала военных действий против Германии в любой удобный момент.

С точки зрения внешнеполитических задач советской власти формула передышки также оказалась более удобной, чем сепаратный мир. Подписывая мир, большевики компрометировали себя и перед германскими

---

⁷⁹⁷ Там же, док. № 307 от 3 марта 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии; Гофман. Война упущенных возможностей, с. 188.

⁷⁹⁸ ДВП, т. 1, с. 119.

⁷⁹⁹ Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный мир», с. 66.

социалистами, и перед Антантой, провоцируя последнюю на вмешательство. Передышка давала и тем и другим надежду на скорое возобновление войны между Россией и Германией. Негативной, с точки зрения Ленина, стороной, были возникшие у Германии опасения того, что большевики не имеют серьезных намерений соблюдать мир. Но поскольку более выгодного мира не дало бы Германии никакое другое российское правительство, Ленин должен был справедливо рассудить, что Германия будет сохранять заинтересованность в Совнаркоме.

Что касается Антанты, то первоначальное намерение большевиков заключить сепаратный мир и разорвать таким образом союз с Англией и Францией казалось в 1918 году актом беспрецедентного коварства. Не желая, с одной стороны, иметь дело с правительством «максималистов» в России, не веря в его способность удержаться у власти, Антанта, с другой стороны, пыталась поддерживать контакты с советской властью хотя бы на неофициальном уровне с целью убедить советское правительство сначала не подписывать, а после подписания — не ратифицировать мирного договора.

В глазах Антанты Ленин, проехавший через Германию в plombированном вагоне, получавший от немцев деньги (в чем, по крайней мере, были убеждены в Англии и Франции), был, конечно же, ставленником германского правительства, если не прямым его агентом. Именно так англичане с французами объясняли его прогерманскую политику сепаратного мира. Очевидно, что формула Троцкого «ни война, ни мир» не отделяла Россию от Антанты столь категорично, как ленинское мирное соглашение с Германией, поскольку Троцкий не подписывал с Четверным союзом мира. В этом смысле позиция Троцкого была много мудрее ленинской. Ленин, подписывая мир, толкал Антанту на войну с Россией. Троцкий пытался сохранить баланс между двумя враждебными лагерями. После 3 марта, однако, удержаться на этой линии было крайне трудно. Ленинская передышка, не избавив Россию от германской оккупации, создавала реальную угрозу интервенции Англии, Франции, Японии и США. Можно понять причины, по которым Ленин, казалось бы, и здесь выбрал самый рискованный для революции (и наименее опасный для себя) вариант. Немцы требовали территорий. Но они не требовали ухода Ленина от власти, наоборот — были заинтересованы в Ленине, так как понимали, что лучшего союзника в деле сепаратного мира не получают. Антанту же не интересовали территории. Она должна была сохранить действующим Восточный фронт. В союзе с Германией Ленин удерживал власть. В союзе с Антантой он терял ее безусловно, как сторонник ориентации на Германию.

Брест-Литовский договор мог войти в силу только после ратификации его тремя инстанциями: партийными съездами, съездом Советов и

германским рейхстагом. В распоряжении сторонников и противников мира оставалось, таким образом, две недели (оговоренные немцами как предельный срок ратификации). Ленин ранее всего попробовал добиться отмены резолюции Московского областного бюро партии о недоверии ЦК. Случай для этого представился на московской общегородской конференции РСДРП (б), созванной вскоре после подписания мира, в ночь с 4 на 5 марта⁸⁰⁰. В докладах участников конференции были представлены все три точки зрения: Ленина, Троцкого и Бухарина. Ленинскую позицию защищали Зиновьев и Свердлов. От имени левых коммунистов выступил Оболенский (Осинский), предложивший конференции подтвердить резолюцию о недоверии ЦК. Левые коммунисты потерпели поражение: за резолюцию Осинского голосовало только 5 человек; 65 делегатов конференции одобрили резолюцию, выражавшую доверие ЦК, и высказались за сохранение во что бы то ни стало единства партии⁸⁰¹. Однако в самом важном для Ленина вопросе победил Троцкий: большинство участников конференции, 46 человек, проголосовало против подписания мира (резолюция Покровского)⁸⁰².

Сам Троцкий в те дни не остановился на достигнутом и пробовал найти «лучшую, чем мир» альтернативу⁸⁰³, так как боялся, что в конечном итоге Антанта договорится со странами Четверного союза и мир на Западном фронте «будет построен на костях русской революции»⁸⁰⁴. Чтобы такого сговора не произошло, нужно было балансировать между Германией и Антантой, шантажируя Германию победой сторонников войны (левых коммунистов) и оставляя Антанте надежду на переориентацию советской

---

⁸⁰⁰ Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 316; Седьмой экстренный съезд РКП(б) с. 370.

⁸⁰¹ Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 516.

⁸⁰² Комментаторы и историки обходят вопрос о том, какую резолюцию приняла конференция по этому пункту. Но поскольку голосовали против левых коммунистов, с одной стороны, и против ленинской «передышки», с другой, очевидно, что поддержали «среднюю» позицию Троцкого «ни война, ни мир» (так как точек зрения на конференции было только три). Авторы примечаний к книге «Седьмой экстренный съезд РКП(б)» делают все возможное, чтобы не признавать за Троцким этой победы и указывают, что резолюция о выражении доверия ЦК была «ленинской» и противостояла резолюции Троцкого. Но очевидно, что это не так.

Резолюция о выражении доверия ЦК, собравшая 65 голосов, была направлена против резолюции Оболенского, т. е. левых коммунистов, и против резолюции о недоверии ЦК и раскола в партии. Но о поддержке ленинского мира в ней ничего не говорилось. И если предположить, что в конференции участвовало 70 человек (65+5), из которых 46 голосовало за резолюцию Троцкого, а по крайней мере, 5 человек должны были снова поддержать левых коммунистов, становится очевидным, что за ленинскую точку зрения не могло голосовать больше 19-ти человек.

⁸⁰³ Похоже, Троцкий не был уверен в том, что его формула — лучшая. Уже в тридцатые годы, работая над биографией Ленина, он вновь и вновь задавал себе вопрос, прав ли он был в свое время: «Если б революция через 3-4 месяца, тогда верно. На деле — крах Германии через 4 месяца — революция через 8 месяцев». (АТ, Т-3742. Из черновых набросков для биографии Ленина.) Значит, Троцкий ошибся? Или же подписание Брестского мира как раз и оттянуло революцию в Германии? На эти вопросы Троцкий не дал ответа. Его записи о Бресте крайней обрывочны.

⁸⁰⁴ Warth. Soviet Russia in World Politics, p. 51.

внешней политики с прогерманской на проантантовскую.

Антанта готова была сделать первый шаг. 19 февраля, вскоре после начала германского наступления, французский посол в России Нуланс позвонил Троцкому в НКВД и сообщил, что Франция могла бы помочь советскому правительству деньгами и иными средствами, если последнее пожелает оказать сопротивление немцам⁸⁰⁵. С аналогичным предложением обратились к советскому правительству англичане. Переговоры с представителями Антанты повел Троцкий⁸⁰⁶ и дал понять, что в случае оказания союзниками помощи сможет провести через Совнарком решение о возобновлении военных действий, рано или поздно все равно неизбежных⁸⁰⁷.

В ЦК РСДРП(б) предложения английского и французского представителей обсуждались на заседании 22 февраля. Троцкий заявил, что в случае революционной войны поддержку Антанты нужно использовать. Зачитанная им резолюция признавала возможным закупку у англичан и французов вооружения, обмундирования и продовольствия для революционной армии и была одобрена 6 голосами против 5. За нее голосовали Свердлов, Дзержинский, Иоффе, Сокольников, Троцкий и Смилга. Бухарин, Ломов, Бубнов, Крестинский и Урицкий были против. Первых интересовало возобновление войны с Германией. Вторых — бескомпромиссность русской революции и отказ от каких бы то ни было соглашений с буржуазными правительствами. Ленин на заседании не присутствовал (видимо, не считая его важным), но прислал циничную записку: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма». На следующий день решение ЦК было одобрено в Совнаркоме, постановившем оружие, обмундирование и продовольствие у англичан и французов в случае ведения революционной войны против Германии «приобретать»⁸⁰⁸. В течение последующих дней Ленин как председатель СНК и Троцкий как

---

⁸⁰⁵ Sadoul. *Notes sur la Revolution Bolsheviqne*, p. 115. Разумеется, это был не первый контакт французского дипломата с советским правительством. После возвращения Троцкого с переговоров в конце января, когда постановления о разрыве переговоров с Германией были приняты Петроградским и Московским Советами, Нуланс предложил советскому правительству поддержку союзников на тот случай, если сепаратный мир не будет заключен. (АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г. № 5457, Слезы Троцкого, с. 2.)

⁸⁰⁶ *Bolsheviks Propaganda*, pp. 785-789.

⁸⁰⁷ Локкарт. *Буря над Россией*, с. 213.

⁸⁰⁸ Протоколы ЦК РСДРП (б), с. 208. «Всякий здоровый человек, — писал Ленин, — скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная» (Ленин, ПСС, т. 35, с. 363). Вероятно,

Бухарин мог бы возразить на это, что, во-первых, у разбойника (Антанты) оружие нужно отбирать, а не покупать; а во-вторых, покупая оружие у одного разбойника (Антанты) и используя его против другого (Германии), большевики помогали первому разбойнику, так что говорить о справедливой борьбе с насильником не приходилось.

нарком иностранных дел неоднократно встречались с неофициальными представителями Антанты в советской России. Так, 26 февраля Ленин беседовал с неофициальным представителем США, руководителем миссии американского Красного Креста в России, полковником Р. Робинсом, пришедшим к нему перед отъездом посольства в Вологду; 27 февраля — говорил с представителем французской военной миссии графом де Люберсаком о возможности использования французской военно-технической помощи в деле борьбы с Германией, а 29 февраля виделся с британским генеральным консулом в России Р. Локкартом и имел с ним продолжительную беседу⁸⁰⁹. В каком же случае соглашался Ленин воевать с Германией? Только в одном: если немцы откажутся от ставки на ленинское правительство и попытаются создать новое. В этом случае Ленин готов был разорвать мир и воевать до конца⁸¹⁰.

Видимо, иными соображениями руководствовался Троцкий. Он понимал, что для ускорения революции в Германии выгоднее в блоке с Антантой воевать с немцами. 4 марта Троцкий встретился с Робинсом и предложил ему «помешать ратификации Брестского мира», воздействуя на правительство США в смысле оказания военной помощи Советам. На это Робине нашел то возражение, что трудно помешать ратификации мира, когда за нее стоит глава советского правительства Ленин. «Вы ошибаетесь, — ответил, по воспоминаниям Робинса, Троцкий, — Ленин понимает, что угроза германского наступления столь велика, что если бы он смог достигнуть экономического сотрудничества и получить военную помощь от союзников, то он отказался бы от Брестского мира, отдал бы в случае необходимости Москву и Петроград, отошел к Екатеринбург, создал бы фронт на Урале и сражался бы с помощью союзников против Германии»⁸¹¹.

Очевидно, что Троцкий либо вводил в заблуждение Робинса, либо заблуждался сам. Немцы наступали, а Ленин отстаивал брестскую передышку. Антанта предлагала помощь, а Ленин и не думал сражаться с союзниками против Германии. Странно было бы предполагать, что Ленин и советское правительство разорвут договор в ответ на обещание американского правительства помогать большевикам. Помощь Антанты не могла бы проявиться быстро. При недоверии Советов ко всем «империалистическим» правительствам и невозможности для Антанты

---

⁸⁰⁹ Чубарьян. Брестский мир, с. 181.

⁸¹⁰ Локкарт. Буря над Россией, с. 213.

⁸¹¹ *Bolsheviks Propaganda*, p. 800. Сокращенный перевод на русский см. в кн. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов (цит. по кн. Чубарьян. Брестский мир, с. 201).

предоставить большевикам реальные гарантии долгосрочной помощи сотрудничество двух сторон в деле борьбы с Германией наладить было трудно. При разности целей Ленина и Антанты и учитывая, что германская оккупация была фактом, менять ориентацию для Ленина было слишком рискованным. Он мог не получить реальной поддержки от Антанты, потеряв при этом расположение немцев⁸¹². Переориентация советского правительства произошла бы по воле Ленина, если бы немцы попытались организовать антибольшевистский переворот, и против воли Ленина, если бы партийный и советский съезд отказались ратифицировать Брестский договор между Германией и Россией. Именно к этой возможности готовились Троцкий и Ленин, каждый по-своему, прощупывая почву в переговорах с Антантой.

Утром 5 марта состоялась встреча Троцкого с Локкартом и Робинсом, последняя их встреча перед открытием Седьмого съезда партии, на котором большевики должны были ратифицировать договор и передать его для окончательной ратификации съезду Советов. Локкарт, со слов Троцкого, указывал в своей депеше в Лондон, что на предстоящем съезде партии, вероятно, будет провозглашена война или будет принята такая декларация, которая сделает эту войну неизбежной. Локкарт считал, что в этом случае советское правительство само пригласит США и Англию в районы Владивостока и Архангельска⁸¹³.

Результатом встречи Троцкого с Локкартом и Робинсом стала нота советского правительства от 5 марта к державам Антанты⁸¹⁴. Робине

---

⁸¹² Это было очевидно не только Ленину, но и союзникам. Так, представитель английской разведывательной службы в США Уайзмен писал в телеграмме полковнику Хаузу 1 мая 1918 г., что согласие советского правительства на союзную интервенцию «германцы сочли бы [...] враждебным актом и, вероятно, заставили бы [советское] правительство покинуть Москву и Петроград. С потерей этих центров, как можно вполне предполагать, большевистское влияние в России было бы полностью разрушено» (Архив полковника Хауза, т. III, с. 296-297).

⁸¹³ dimming and Pettit. *Russian-American Relations*, p. 83.

⁸¹⁴ «В случае, если Всероссийский съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией или если германское правительство, нарушив мирный договор, возобновит наступление с целью продолжать свой грабительский набег, или если советское правительство вынуждено будет действиями Германии отказаться от мирного договора, до или после его ратификации, и возобновить военные действия, — во всех этих случаях для военных и политических планов советской власти в высшей степени важно получить ответ на следующие вопросы:

1. Может ли советское правительство рассчитывать на поддержку США, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии.

2. Какого рода поддержка может быть оказана в ближайшем будущем и каким образом: военным снаряжением, транспортными средствами, субсидиями и продовольствием.

3. Какого рода поддержка может быть оказана самими США.

4. Если бы Япония в силу открытого или тайного соглашения с Германией или без такового соглашения попыталась захватить Владивосток и Восточно-Сибирскую ж. д., что угрожало бы отрезать Россию от Тихого океана и серьезно помешало бы сосредоточению советских войск на Урале — в таком случае, какие шаги будут предприняты другими союзниками, в частности США, для предупреждения японской вылазки на нашем Дальнем Востоке [...].

В каких размерах, по мнению США, при вышеупомянутых обстоятельствах, могла бы быть обеспечена помощь Великобритании через Мурманск и Архангельск.

Какие шаги могло бы предпринять правительство Великобритании, чтобы обеспечить эту свою помощь» (Camming and Pettit. *Russian-American Relations*, p. 81-82. Цит. по кн. ДВП, т. 1, с. 208-209).

утверждает, что нота эта была одобрена Лениным и передана в США с его согласия⁸¹⁵. Очевидно, что это не так. По крайней мере, не Ленин был ее автором, из чего следует, что он не был ее инициатором (в противном случае Ленину поручили бы написать проект, и текст ноты был бы включен в его собрание сочинений). В «Документах внешней политики СССР» нота эта дана в переводе с английского по вышедшей в 1920 г. в США книге. На русском языке текста ноты не существовало; составлена она была сразу на английском, вероятно, во время встречи Троцкого с представителями союзников 5 марта. Можно поэтому предположить, что нота могла быть послана вопреки воле Ленина. Содержание ноты противоречило всему тому, к чему он так страстно стремился: нота санкционировала замену германской оккупации антантовской и давала план взаимодействия Советов и Антанты в случае отказа съездов ратифицировать мир.

На Локкарта нота произвела ошеломляющее впечатление. «Уполномочьте меня информировать Ленина, что вопрос о японской интервенции урегулирован [...], что мы готовы поддержать большевиков постольку, поскольку они будут противостоят Германии, что мы склоняемся к его условиям как к лучшему варианту, при котором эта помощь может быть оказана, — писал он в донесении в Лондон 5 марта. — Платой за это будет большая вероятность того, что [Германии] будет объявлена война»⁸¹⁶. Неанглийское правительство на донесение Локкарта реагировало сдержанно и не сочло возможным отвечать на советскую ноту. Французы тоже молчали⁸¹⁷.

* * *

Ленин всегда ясно видел взаимосвязь мелочей в революции и готов был драться за каждое ее мгновение. Видимо, это и отличало его от Троцкого, извечно стремившегося к недостигаемому горизонту и не ставившего перед собой цели, дня. Такой целью для Ленина в марте 1918 года была ратификация Брестского договора на предстоящем Седьмом партийном съезде. К этому времени большевистская партия фактически раскололась на две. Самым ярким проявлением этого раскола стало издание левыми

---

⁸¹⁵ Bolsheviks Propaganda, p. 801.

⁸¹⁶ Kenan. Russia and the West, p. 56.

⁸¹⁷ Уже после ратификации съездом Брестского мира, 21 марта, французский консул в Москве Гренар телеграфировал в Париж, что Троцкий официально обратился к нему «за помощью французской военной миссии для реорганизации русской армии». В ответной телеграмме, 1 апреля, министр иностранных дел Франции Пишон советовал не торопиться и соблюдать осторожность, так как образование Красной армии, очевидно, способствовало укреплению советской власти. 13 мая против сотрудничества с Советами в принципе высказался и французский генеральный штаб (АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта, №5457).

коммунистами собственной газеты «Коммунист», начавшей выходить 5 марта под редакцией Бухарина, Радека и Урицкого как орган Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета РСДРП(б). Ленин пробовал противостоять левым, в основном через «Правду». Так, перед открытием съезда, 6 марта, он опубликовал статью «Серьезный урок и серьезная ответственность», не казавшуюся убедительной. Основная ее мысль сводилась к тому, что «с 3 марта, когда в 1 час дня прекращены были германцами военные действия, и до 5 марта 7 час. вечера», когда Ленин писал статью, советская власть имеет передышку, которой она уже с успехом воспользовалась⁸¹⁸. Такой аргумент мог вызвать только улыбку. Говорить о прекращении военных действий со стороны Германии было преждевременно. Кроме того, было очевидно, что за два дня никаких мероприятий по охране государства провести нельзя.

6 марта в 8.45 вечера, вскоре после объединенного заседания президиума ВЦИК и СНК, на котором с отчетом мирной делегации выступил Сокольников, Седьмой экстренный съезд партии, созванный специально для ратификации мирного договора с Германией, открылся в Таврическом дворце. Съезд не был представительным. В его выборах могли принять участие только члены партии, состоявшие в ней более трех месяцев⁸¹⁹, т. е. вступившие в РСДРП(б) до Октябрьского переворота. Кроме того, делегатов съехалось мало. Даже 5 марта не было ясно, откроется съезд или нет, будет ли он правомочным. Свердлов на предварительном совещании признал, что «это конференция, совещание, но не съезд»⁸²⁰. И поскольку такой съезд никак нельзя было назвать «очередным», он получил титул «экстренного».

Собирался он в страшной спешке. Нет точных данных о числе делегатов⁸²¹, можно предположить, что в нем участвовало 47 делегатов с решающим голосом и 59 с совещательным⁸²², формально представлявшие 169.200 членов РКП(б)⁸²³. Всего же, по данным непроверенным и неточным, в партии большевиков насчитывалось в то время до 300 тысяч

---

⁸¹⁸ Ленин, Сочинения, 4 изд., т. 27, с. 57.

⁸¹⁹ Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 235.

⁸²⁰ Там же, с. 191.

⁸²¹ Протоколы съездов и конференций, с. 8.

⁸²² Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 21. В историографии встречаются и несколько отличные цифры: 46 с решающим и 58 с совещательным голосом.

⁸²³ Протоколы съездов и конференций, с. 1.

членов⁸²⁴, не так много, если учесть, что к моменту созыва Шестого съезда в июле 1917, когда партия еще не была правящей, в ее рядах числилось около 240 тысяч⁸²⁵, причем численность партии с апреля по июль 1917 возросла в три раза⁸²⁶. Теперь же Ларин вынужден был указать, что «многие организации фактически за последнее время не выросли»⁸²⁷. А Свердлов, выступивший на Седьмом съезде с отчетом ЦК, обратил внимание партийного актива еще на два прискорбных обстоятельства: «членские взносы поступали крайне неаккуратно», а тираж «Правды» упал с 220 тысяч в октябре 1917 г. до 85 тысяч, причем распространялась она фактически только в Петрограде и окрестностях⁸²⁸. 7 марта в 12 часов дня с первым докладом съезда — о Брестском мире, но — выступил Ленин, попытавшийся убедить делегатов в необходимости ратифицировать соглашение. Поистине удивительным можно считать тот факт, что текст договора держался в тайне и делегатам съезда сообщен не был. Между тем за знакомым сегодня каждому Брестским мирным договором стояли условия более тяжкие, чем Версальские. В смысле территориальных изменений Брест-Литовское соглашение предусматривало очищение Россией провинций Восточной Анатолии, Ардаганского, Карсского и Батумского округов «и их упорядоченное возвращение Турции»⁸²⁹; подписание немедленного мира с Украинской народной республикой и признание мирного договора между Украиной и странами Четверного союза. Фактически это означало передачу Украины, из которой должны были быть выведены все русские и красногвардейские части, под контроль Германии. Эстляндия и Лифляндия также очищались от русских войск и Красной гвардии. Восточная граница Эстляндии проходила теперь примерно по реке Нарве. Восточная граница Лифляндии — через Чудское и Псковское озера. Финляндия и Аландские острова тоже освобождались от русских войск и Красной гвардии, а финские порты — от русского флота и

---

⁸²⁴ Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 21.

⁸²⁵ Протоколы съездов и конференций, с. VIII, 4; Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 357; История коммунистической партии, т. 3, кн. 1, с. 180.

⁸²⁶ Там же.

⁸²⁷ Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 192. Ларин указал также на то, что в связи с передачей Германии огромных территорий численность большевистской партии резко падает (там же.)

⁸²⁸ Протоколы съездов и конференций, с. 4.

⁸²⁹ На съезде, впрочем, делегатам была роздана анкета, состоявшая из 44 пунктов. Советские источники указывают, что поскольку «анкеты найдены не все.», они до сих пор не могут быть опубликованы (Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 194-195).

военно-морских сил⁸³⁰.

На отторгнутых территориях общей площадью в 780 тыс. кв. км с населением 56 миллионов человек⁸³¹ (треть населения Российской империи) до революции находилось 27% обрабатываемой в стране земли, 26% всей железнодорожной сети, 33% текстильной промышленности, выплавлялось 73% железа и стали, добывалось 89% каменного угля, находилось 90% сахарной промышленности, 918 текстильных фабрик, 574 пивоваренных завода, 133 табачных фабрики, 1685 винокуренных заводов, 244 химических предприятия, 615 целлюлозных фабрик, 1073 машиностроительных завода и, главное, 40% промышленных рабочих, которые уходили теперь «под иго капитала». Очевидно, что без всего этого нельзя было «построить социалистического хозяйства»⁸³² (ради чего заключалась брестская передышка). Ленин сравнил этот мир с Тильзитским: по Тильзитскому миру Пруссия лишилась примерно половины своей территории и 50% населения. Россия — лишь трети⁸³³. Но в абсолютных цифрах территориальные и людские потери были несравнимы. Территория России была теперь меньше, чем в допетровскую эпоху⁸³⁴.

Именно этот мир и стал защищать Ленин. Он зачитывал свой доклад, как классический сторонник мировой революции, говоря прежде всего о надежде на революцию в Германии и о принципиальной невозможности сосуществования социалистических и капиталистических государств. По существу, Ленин солидаризировался с левыми коммунистами по всем основным пунктам: приветствовал революционную войну, партизанскую борьбу, мировую революцию, признавал, что война с Германией неизбежна, что Петроград и Москву, скорее всего, придется отдать немцам, подготавливающимся для очередного прыжка, что «передышка» всего-то может продлиться — день. Но левые коммунисты из этого выводили, что следует объявлять революционную войну. Ленин же считал, что передышка, пусть и в один день, стоит трети России и, что более

---

⁸³⁰ ДВП, т. 1, с. 121-122.

⁸³¹ Флеминг указывает цифру в 62 млн. человек (Fleming. *The Cold War and its Origins*, p. 17).

⁸³² Rauch. *A History of Soviet Russia*, p. 76; Чубарьян. Брестский мир, с. 189-190 (статистические данные, указанные Раухом и Чубарьяном, несколько расходятся); Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, с. 15. Выступление К. Радека.

⁸³³ При непостоянности границы, очерченной Брестским миром, при разных системах подсчетов, трудно с абсолютной определенностью остановиться на той или иной цифре потерь. Николаевский, со ссылкой на журнал «Народное хозяйство», № 1-2 за 1919 год, приводит и такие данные: «Население 33%, угля 90% и т. д.» (АИГН, 519/30, гл. 7, с. 3). Однако все эти расхождения по подсчетам потерь от Брестского мира следует считать несущественными.

⁸³⁴ Mamatey. *Soviet Russian Imperialism*, p. 30.

существенно — отхода от революционных догм. В этом левые коммунисты никак не могли сойтись с Лениным.

С ответной речью выступил Бухарин. Он сказал, что русская революция будет либо «спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала». О мирном сосуществовании поэтому говорить не приходится. Выгоды от мирного договора с Германией — иллюзорны. Прежде чем подписывать договор, нужно понимать, зачем нужна предлагаемая Лениным передышка. Ленин утверждает, что она «нужна для упорядочения железных дорог», для организации экономики и «налаживания того самого советского аппарата», который «не могли наладить в течение четырех месяцев».

Бухарин считал, что «если бы была возможность такой передышки», левые коммунисты согласились бы подписать мир. Но если передышка берется только на несколько дней, то «овчинка выделки не стоит», потому что в несколько дней разрешить те задачи, которые перечислил Ленин, нельзя: на это требуется минимум несколько месяцев, а такого срока не предоставит ни Гофман, ни Либкнехт. «Дело вовсе не в том, что мы протестуем против позорных и прочих условий мира как таковых, — продолжал Бухарин, — а мы протестуем против этих условий, потому что они фактически этой передышки нам не дают», так как отрезают от России Украину (и хлеб), Донецкий бассейн (и уголь), раскалывают и ослабляют рабочих и рабочее движение. Такие просоветски настроенные территории, как Латвия отдаются под германскую оккупацию. Фактически аннулируются мероприятия советской власти по национализации иностранной промышленности, поскольку «в условиях мира имеются пункты относительно соблюдения интересов иностранных подданных». Затем, по договору запрещается коммунистическая агитация советским правительством в странах Четверного союза и на занимаемых ими территориях, что, по мнению Бухарина, сводило «на нет» международное значение русской революции, в конечном итоге зависящей от того, «победит или не победит международная революция», поскольку только в ней и есть «спасение».

Наконец, Бухарин категорически протестовал против нового пункта Брестского договора, «добавленного уже после», согласно которому «Россия обязана сохранить независимость Персии и Афганистана». Бухарин считал, что уже из-за этого не стоит подписывать договора о двухнедельной передышке. Единственный выход Бухарин видел в том, чтобы начать против «германского империализма» революционную войну, которая, несмотря на неизбежные поражения первого этапа такой войны, принесет в конечном итоге победу, поскольку «чем дальше неприятель будет продвигаться вглубь России, тем в более невыгодные для него условия он

будет попадать»⁸³⁵.

После речи Бухарина заседание было закрыто. Вечером в прениях по докладам Ленина и Бухарина выступил Урицкий, сказавший, что Ленин «в правоте своей позиции» не убедил. Можно было бы добиваться продолжительной передышки. Но «успокоиться на передышке в два-три дня», которая «ничего не даст, а угрожает разрушить оставшиеся железные дороги и ту небольшую армию», которую только что начали создавать, это значит согласиться на «никому не нужную, бесполезную и вредную передышку с тем, чтобы на другой день, при гораздо более скверных условиях», возобновлять войну, отступая «до бесконечности», вплоть до Урала, эвакуируя «не только Петроград, но и Москву», поскольку, как всякому очевидно, «общее положение может значительно ухудшиться».

Урицкий не согласился с ленинским сравнением Брестского мира с Тильзитским. «Не немецкий рабочий класс заключал мир в Тильзите, — сказал он, — подписала его другая сторона. Немцам пришлось принять его как совершившийся факт». Урицкий предложил поэтому «отказаться от ратификации договора», хотя и понимал, что разрыв с Германией «принесет вначале на поле брани целый ряд поражений», которые, впрочем, «могут гораздо больше содействовать развязке социалистической революции в Западной Европе», чем «похабный мир» Ленина⁸³⁶.

Бубнов указал, что в момент, когда «уже назрел революционный кризис в Западной Европе» и «международная революция готовится перейти в самую острую, самую развернутую форму гражданской войны, согласие заключить мир» наносит непоправимый «удар делу международного пролетариата», перед которым в настоящее время «встала задача развития гражданской войны в международном масштабе», задача «не фантастическая, а вполне реальная». В этом и заключается содержание лозунга «революционная война». Ленин же с левых позиций октября 1917 перешел на правые и ссылается теперь на то, что «массы воевать не хотят, крестьянство хочет мира». «С каких это пор мы ставим вопрос так, как ставит его сейчас тов. Ленин?» — спрашивал Бубнов, намекая на лицемерие⁸³⁷.

Точку зрения сторонников передышки подверг критике Радек. Он назвал политику Ленина невозможной и неприемлемой, указав, что большевики никогда не надеялись на то, что «немецкий империализм оставит нас в покое». Наоборот, все исходило из неизбежности войны с

---

⁸³⁵ Седьмой съезд РКП(б), с. 33-50.

⁸³⁶ Там же, с. 41-44.

⁸³⁷ Там же, с. 49-51.

Германией и поэтому «стояли на точке зрения демонстративной политики мира, политики возбуждения масс в Европе». Такая политика советского правительства «вызвала всеобщую забастовку в Германии» и «стачки в Австрии».

Даже сейчас, после совершившегося германского наступления, Радек считал, что противники подписания мира были правы, когда утверждали, будто «крупных сил у немцев нет» и будто немцы готовы пойти на соглашение «без заключения формального мира» (о чем писала германская пресса). Радек сказал, что планы объявления партизанской войны против германских оккупационных войск не были фразой, и если бы большевики оставили Петроград и отступили вглубь страны, они смогли бы «создать новые военные кадры» за три месяца, в течение которых немцы не смогли бы продвигаться вглубь России «ввиду международного положения, ввиду положения дел на Западе»⁸³⁸.

Выступивший против подписания мира и за революционную войну Рязанов фактически обвинил Ленина в измене. Эвакуация Петрограда возможна как эвакуация учреждений, сказал он. «Всякая попытка сдать этот Питер без сопротивления, подписав и ратифицировав этот мир», была бы «неизбежной изменой по отношению к русскому пролетариату», поскольку «провоцировала бы немцев на дальнейшее наступление». Ленин, — продолжал Рязанов, — готов отдать «Питер, Москву, Урал, он не боится пойти во Владивосток, если японцы его примут», готов отступить и [ступать; «этому отступлению есть предел»⁸³⁹. Противник подписания мира Коллонтай указала, что никакого мира не Сбудет, даже если договор ратифицируют; Брестское соглашение останется на бумаге. Доказательством этому служит от факт, что после подписания перемирия война все равно продолжается. Коллонтай считала, что возможности для передышки нет, что мир с Германией невероятен, что создавшуюся ситуацию следует использовать для формирования «интернациональной революционной армии», и если советская власть в России падет, знамя коммунизма «поднимут другие»⁸⁴⁰.

Седьмой партийный съезд был знаменателен тем, что большинство его делегатов проголосовало за ратификацию мира, в то время как большинство ораторов высказывалось против, а поддерживающее Ленина меньшинство выступавших, да и сам Ленин ратовали за принятие соглашения с

---

⁸³⁸ Там же, с. 57-61.

⁸³⁹ Там же, с. 76.

⁸⁴⁰ Там же, с. 88-89.

многочисленными оговорками (Зиновьев⁸⁴¹, Смилга⁸⁴², Сокольников⁸⁴³). Свердлов, еще один сторонник ратификации мира, пытаюсь реабилитировать Троцкого после выдвинутых Лениным обвинений в нарушении Троцким инструкций ЦК, выступил с разъяснением, что политика Троцкого на Брестских переговорах была политикой ЦК⁸⁴⁴.

После этого Троцкий изложил на съезде «третью позицию» — ни мира, ни войны — и сказал, что воздержался от голосования в ЦК по вопросу о подписании мира, так как не считал «решающим для судеб революции то или другое отношение к этому вопросу». Если Троцкий был искренен, то сказанное лучше всего подтверждает его неспособность придавать значение мелочам революции и бороться за них со всем упорством. По словам Иоффе, Троцкому всегда не хватало «ленинской непреклонности, неуступчивости», «готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильном пути в предвидении будущего большинства». А именно в этом, считал Иоффе, был «секрет побед» Ленина. Троцкий слишком часто отказывался от собственной позиции ради компромисса⁸⁴⁵.

Выступая на съезде, Троцкий признал, что шансов победить больше «не на той стороне, на которой стоит» Ленин. Он указал, что переговоры с Германией преследовали прежде всего цели пропаганды, и если бы нужно было заключать действительный мир, то не стоило оттягивать соглашения, а надо было подписывать договор в ноябре, когда немцы пошли на наиболее выгодные для советского правительства условия. Троцкий подтвердил, что не верил в способность Германии наступать, но при этом считал, что возможность «подписать мир, хотя бы и в худших условиях»,

---

⁸⁴¹ «Общее положение настолько запутано, что никто не может предсказать, долго ли продолжится передышка, или она прекратится очень скоро. Этого сказать никто не может. Казалось, руководство событиями выскальзывает из рук самой правительственной партии Германии [...]. Никто не может сказать, как развернутся события» (там же, с. 45-46).

⁸⁴² «Хорошо, если бы было доказано, что с гибелью русской революции, имеющей уже большой опыт, международная революция развилась и стала бы фактом — мы могли бы бросить нашу революцию ради международной революции. Хорошо, если бы было доказано, что [...] они прекратят войну с нами и начнут давить свою буржуазию [...] а в результате мы восстанем, или, как выразился Троцкий, если мы погибнем, нас выручит пролетаariat международный. Если бы было доказано, что в интересах международной революции следует пойти на эту войну, неминуемо несущую нам поражение, мы не возражали бы против нее» (там же, с. 55).

⁸⁴³ «Надо подготовить революционную войну [...] нужно создать соответствующие условия, организовать страну, и лишь тогда действительно возможна была бы революционная война, и были бы какие-либо шансы на успех. Мы не можем, конечно, отрицать того, что между социалистической страной и страной империалистической война неизбежна [...]. Наш анализ событий говорит, что война неизбежна. Я подписываюсь под каждым словом тов. Радека, когда он говорит о том, что наша задача состоит в подготовке этой революционной войны» (там же, с. 63, 64).

⁸⁴⁴ «Все мы одинаково стояли за то, что нужно затягивать переговоры до последнего момента [...]. Все мы отстаивали как раз ту позицию, которую вела вначале наша Брестская делегация во главе с тов. Троцким [...]. Так что все упреки, что Центральный комитет вел неправильную политику, не соответствуют действительности. Мы и до сих пор говорим, что при известных условиях нам революционную войну придется неизбежно вести» (там же, с. 77-78).

⁸⁴⁵ Предсмертное письмо А. А. Иоффе — в кн. Троцкий. Портреты революционеров, с. 397-398.

всегда будет.

Троцкий отвел довод о том, что немцы в случае отказа советского правительства ратифицировать мир захватят Петроград и сослался на свой разговор с Лениным. Даже Ленин считал, указывал Троцкий, что «факт взятия Петрограда подействовал бы слишком революционизирующим образом на германских рабочих». «Все зависит от скорости пробуждения европейской революции»⁸⁴⁶, — заключил Троцкий, но не высказался против ратификации мира: «Я не буду предлагать вам не ратифицировать его», добавив, однако, что «есть известный предел», дальше которого большевики идти не могут, так как «это уже будет предательством в полном смысле слова». Этот предел — подпись советского правительства под мирным договором с Украинской Радой⁸⁴⁷. И поскольку содержание Брестского договора делегатам съезда известно не было, никто не поправил Троцкого, что заключение мира с Украинской республикой предусматривается Брестским соглашением, под которым уже стоит подпись советского правительства и которое должен ратифицировать слушающий Троцкого съезд.

В 9.45 вечера 7 марта заседание закрылось. На следующий день в 11.40 дня открылось четвертое, предпоследнее заседание съезда. Вторично получил слово Бухарин, вновь призвавший к революционной войне: «Возможна ли теперь вообще война? Нужно решить, возможна ли она объективно или нет». Если возможна и если она все равно начнется «через два-три дня», для чего покупать «такой ценой этот договор», наносящий неисчислимый вред и шельмующий советскую власть «в глазах всего мирового пролетариата»?⁸⁴⁸ В ответ Ленин признал, что «на девять десятых» согласен с Бухариным⁸⁴⁹, что большевики маневрируют «в интересах революционной войны», и в этих пунктах имеется «согласие обеих частей партии», а спор только о том, «продолжать ли без всякой передышки войну или нет». Ленин указал также, что Бухарин напрасно пугается подписи под договором, который, мол, можно разорвать в любой момент: «Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя», «договор есть средство собирать силы». «Революционная война

---

⁸⁴⁶ АТ, Т-3742. Л.Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 1, с. 138. Речь на Седьмом съезде Российской коммунистической партии.

⁸⁴⁷ Седьмой съезд РКП(б), с. 65-69, 71-72. До этого предела большевики действительно не доходили очень долго. По мирному договору советское правительство обязано было заключить мир с Украинской Радой. Но переговоры о мире не состоялись. В апреле 1918 г. оккупационные германские войска заменили Раду правительством гетмана П. П. Скоропадского. И только с ним 23 мая большевики начали мирные переговоры, а 14 июня подписали перемирие.

⁸⁴⁸ Там же, с. 101-103.

⁸⁴⁹ Там же, с. 109.

придет, тут у нас разногласий нет». Но пока что пригрозил отставкой в случае отказа съезда ратифицировать передышку⁸⁵⁰.

При поименном голосовании за ленинскую резолюцию высказалось 30 человек, против — 12⁸⁵¹— Четверо воздержалось. За резолюцию левых коммунистов голосовало 9 человек, против — 28. Но резолюция Ленина, получившая большинство, о мире не упоминала, а оговаривала передышку для подготовки к революционной войне. Публиковать такую резолюцию было совершенно невозможно, поскольку немцами она была бы воспринята как расторжение мира. Поэтому Ленин настоял на принятии съездом поправки: «Настоящая резолюция не публикуется в печати, а сообщается только о ратификации договора».

Ленину важно было подписать мир и добиться его ратификации. Во всем остальном он готов был уступить левым коммунистам. В частности, он предложил утвердить поправку о том, что ЦК в любое время имеет право разорвать соглашение: «Съезд дает полномочия ЦК партии как порвать все мирные договоры, так и объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии признает для этого момент подходящим». Разумеется, такая поправка нарушала не только прерогативы ВЦИКа, но и Совнаркома. Но она развязывала руки большевистскому активу, имевшему право не созывать специального съезда для расторжения договора. Очевидно, что сам Ленин в этой поправке заинтересован не был, но, победив при голосовании по вопросу о ратификации, он пытался уменьшить оппозицию Брестскому миру, уступив во всех возможных (и ничего не значащих на практике) пунктах. Впрочем, Свердлов отказался ставить на голосование ленинскую поправку на том основании, что ЦК «само собою разумеется» имеет право в период между съездами принимать те или иные принципиально важные решения, в том числе касающиеся войны и мира⁸⁵².

---

⁸⁵⁰ Там же, с. 110-114. Ленин утверждал, что, вопреки опасениям Бухарина, советское правительство будет оказывать помощь оккупированным территориям, в том числе революционерам Финляндии. В частности, он предложил остановить стенографисток и рассказал съезду, что большевики намерены поставлять в Финляндию оружие. Стенографистки, однако, застенографировали речь целиком, в том числе и указание остановить стенограмму. Практика остановки стенографисток во время выступлений не была чем-то из ряда вон выходящим. Французский коммунист Ш. (Х.) Раппопорт рассказывает, как однажды во время своего выступления стенографисток остановил Троцкий (и стенографистки послушались). [АИГН, 727/2, с. 81].

⁸⁵¹ При более удачном для левых коммунистов и других противников ратификации мирного договора ходе событий их могло быть двадцать. Дело в том, что по случайному стечению обстоятельств на съезд опоздало восемь делегатов Уральского областного комитета партии. В телеграмме, присланной по этому поводу из Екатеринбурга в адрес ЦК — Стасовой, Ленину и Сталину — указывалось: «Большинство уральской делегации задержалось отъездом на партийный съезд. Просим отсрочить съезд (...) до прибытия делегации. Если голосование по подписанию мира будет происходить без нее, требуем присоединения восьми голосов против подписания мира, за революционную войну. Голощекину и Моисееву передайте, что партийные организации Екатеринбургского и Челябинского округов за революционную войну. Требуем считаться уполномочившими их организациями» (Седьмой съезд РКП/б/, с. 189— 190).

⁸⁵² Там же, с. 123-124. Если бы такое решение принял ЦК ПЛСР, большевики справедливо усмотрели бы в этом акт нелояльности по отношению к Совнаркому, ВЦИКу и партии большевиков.

Поскольку съезд принял резолюцию не о мире, а о передышке, т. е. объявлял о том, что скоро возобновит с Германией войну, Ленин попытался сделать все, что в его силах, для предотвращения утечки информации за стены Таврического дворца. В конце концов, он мог опасаться и прямого саботажа со стороны левых коммунистов — публикации ими резолюции съезда. Ленин потребовал поэтому «взять на этот счет личную подписку с каждого находящегося в зале» ввиду «государственной важности вопроса»⁸⁵³. Съезд утвердил и эту поправку. И только требование Ленина к делегатам съезда вернуть текст резолюции о мире ради «сохранения военной тайны» встретило сопротивление прежде всего Свердлова: «Каждый вернувшийся домой должен сделать отчет в своей организации, по крайней мере центрам, и вы должны будете иметь эти резолюции». Ленин пытался настаивать, утверждая, что «сообщения, содержащие военную тайну, делаются устно»⁸⁵⁴. Но при голосовании проиграл. Эту поправку Ленина съезд отверг.

Ничего не менявшим эпилогом к работе съезда были заявления Рязанова о выходе из партии и Троцкого о том, что он слагает с себя «какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор» занимал⁸⁵⁵. Бухарин никаких заявлений не делал, а просто ушел со съезда. Урицкий от имени левых коммунистов, голосовавших против резолюции Ленина, заявил, что члены группы отказываются входить в ЦК. Вскоре, однако, Бухарин вернулся в зал заседаний, Троцкий «забыл» об уходе с постов, а Рязанов остался с большевиками. В общем, как заметил Урицкий, «мы слишком дисциплинированная партия»⁸⁵⁶. Так оно в действительности и было.

Заставив расписаться под Брестским договором всю партию, Ленин одержал блестящую тактическую победу. В то же время, настаивая на брестской передышке и противостоя революционной войне, он терял авторитет в собственной организации и контроль над нею. Его положение усложнилось еще и тем, что в оппозиции большевикам по этому вопросу оказывались основные социалистические партии России, представленные во ВЦИКе — левые эсеры, меньшевики, эсеры и анархисты-коммунисты. С этими партиями еще только предстояло столкнуться во время ратификации Брестского договора съездом Советов. Ленин также должен был считаться с

---

⁸⁵³ Там же, с. 125-126.

⁸⁵⁴ Там же, с. 127.

⁸⁵⁵ Там же, с. 129.

⁸⁵⁶ Там же, с. 165-167.

вероятностью того, что левые эсеры и левые коммунисты в знак протеста против передышки уйдут со своих постов и сольются в одну партию, что приведет к отстранению Ленина от власти. Однако в марте 1918 года левые эсеры и левые коммунисты не сблокировались. Произошел куда более неожиданный для Ленина поворот: выдвинувшийся в те дни Свердлов, оттесняя терявшего авторитет Ленина и предотвращая блок между левыми коммунистами и ПЛСР, 11 попытался в марте-апреле 1918 года объединить большевиков и левых эсеров для неизбежной и скорой революционной войны с Германией и с внутренними врагами.

* * *

Германское правительство в целом было осведомлено о внутрипартийной борьбе у большевиков и левых эсеров в связи с вопросом о подписании мира. 11 марта статс-секретарь иностранных дел Германии Кюльман в телеграмме МИДу указывал, что общая ситуация крайне «неопределенна», и предлагал «воздержаться от каких бы то ни было комментариев» по поводу предстоящей на съезде Советов ратификации договоров. «Можно, вероятно, сказать, что с восточной стороны небосклона появляются просветы, но лучше пока что не утверждать, что перевод войны с двух фронтов на один гарантирован», закончил он. Перенос столицы России из Петрограда в Москву (где и должен был собраться съезд Советов), подальше от линии фронта, также говорил отнюдь не о мирных намерениях советского правительства. «Правительство бежит в Москву! Две трети немецкого боевого флота сосредоточились у островов Рижского залива [...]. Неизмеримо слабейший Балтийский флот вынужден отступить. Чем отвечает на эти известия правительство? Оно бежит в Москву. Оно решает сбежать в Москву, и только взрыв негодования солдат и рабочих вынуждает его отсрочить решение [...]. Правительство исподволь подготавливает свой переезд, уже перевозит ряд правительственных учреждений в Москву и в решительный момент поставит Петроград перед свершившимся фактом [...]. Оно заявило, что Петрограду грозит опасность, а посему оно должно обеспечить себе безопасность».⁸⁵⁷

Так писал Зиновьев 10 октября 1917 года в анонимной статье в газете «Рабочий путь», когда прошел слух о переезде в Москву Временного правительства⁸⁵⁸. Теперь же, когда речь шла об эвакуации большевиков и

---

⁸⁵⁷ Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 2, с. 186.

⁸⁵⁸ Следует отметить, что когда из Петрограда хотело бежать Временное правительство, это рассматривалось как предательство не только большевиками, но и вообще всеми левыми. Меньшевик Н. Суханов писал:

«Как только грянул немецкий десант, как только был занят Рижский залив и заговорили о цеппелинах (...) правительство сочло уместным вновь вернуться к своему излюбленному плану: улепетнуть из Петербурга (...). Но вывезти промышленность, необходимую для обороны, было невозможно. И на этот случай в правительственных кругах

Советов, Зиновьев смотрел на дело иначе: в резолюции съезда Советов, автором которой он был, указывалось, что столица переносится из Петрограда в Москву, поскольку «в условиях того кризиса, который переживает русская революция в данный момент, положение Петрограда как столицы резко изменилось»⁸⁵⁹. Столица переносилась в Москву «временно», в надежде на то, что «берлинский пролетариат» поможет «перенести ее обратно в Красный Петроград». Правда, Зиновьев предупреждал, что «может быть и обратное», что столицу придется переносить «на Волгу или на Урал — это будет диктоваться положением международной революции»⁸⁶⁰.

Советское правительство покидало город. По соображениям безопасности ехали не вместе. 9 марта выехал в Москву Свердлов, прибывший туда 10-го. 11 марта с поездом Совнаркома в Москву прибыл Ленин, через неделю-полторы после него — Троцкий. В пути правительственные поезда охраняли латышские стрелки. Первоначально в Москве правительство поселилось в гостинице «Националь», ставшей «1-м домом Советов». («Метрополь», в котором также расселились члены правительства, стал «2-м домом Советов»)⁸⁶¹.

После переезда в Москву началась подготовка к съезду, открывшемуся 14 марта. Как и Седьмой партийный съезд, съезд Советов не был представительным и получил название «Чрезвычайного». Впервые специально для делегатов съезда был отпечатан текст Брест-Литовского мирного договора в количестве 1000 экземпляров⁸⁶². Это давало в руки противников мира, особенно не из числа большевиков, серьезное оружие.

указывали, что «угроза Петрограду вопроса о войне не решает» («Речь», 6 окт.).

Это была заведомая неправда. Без Петербурга воевать было нельзя. Это немедленно было доказано цифрами [...]. В левой печати поднялись протесты, увещания, издевательства. В рабочих районах эта готовность отдать столицу немцам и бежать вызвала величайшее негодование. Солдатская секция 6 октября приняла резолюцию: «Секция категорически протестует против плана переселения правительства из Петербурга в Москву, т. к. такое переселение означало бы предоставление революционной столицы на произвол судьбы. Если (...) правительство неспособно защитить Петроград, то оно обязано (...) уступить место другому правительству. Переезд в Москву означал бы дезертирство [...]» Все это была святая правда» (Суханов. Записки о революции, кн. VI, с. 235-236).

⁸⁵⁹ Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 544.

⁸⁶⁰ Там же, с. 537.

⁸⁶¹ За большевистскими организациями от угрозы германской оккупации потянулись из Петрограда и другие партийные учреждения, например, ЦК ПСР (АИГН, 382/5, с. 4).

⁸⁶² Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 14. Называлась брошюра «Мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией с одной стороны и Россией с другой». В периодической печати, в том числе и в партийных газетах, тексты договора никогда не публиковались. Несколько позже Крестьянская секция ЦИК (в большинстве состоявшая из левых эсеров и выступавшая против передышки) переиздала договор в количестве 20 тысяч экземпляров (там же). Но секретариат ЦК, в обязанности которого входила рассылка брошюры многочисленным провинциальным комитетам РКП(б), всячески саботировал это мероприятие, ссылаясь на отсутствие свободных экземпляров книжки [Переписка секретариата ЦК РСДРП(б), т. 3, с. 52].

Получить большинство Ленин смог бы теперь, если бы большевистская фракция высказалась за передышку абсолютным большинством голосов. 13 марта, за день до начала работы съезда, Свердлов и Ленин провели генеральную репетицию предстоящего голосования: на состоявшемся заседании неполного состава фракции большевиков Четвертого Чрезвычайного съезда Советов после выступления Ленина, объяснившего, что речь идет о подписании формального соглашения для передышки и подготовки к революционной войне, а не о мире с германским правительством, 453 голосами против 36 ратификация договора была одобрена⁸⁶³. Одновременно некоторым левым коммунистам пригрозили административными мерами, вплоть до исключения из партии⁸⁶⁴.

На съезде Советов присутствовало 1172 делегата, в том числе 814 большевиков и 238 левых эсеров⁸⁶⁵. Последние на только что проведенной ими в Петрограде партийной конференции большинством голосов высказались за формулу Троцкого «ни мира, ни войны». Резолюцию ЦК ПЛСР с призывом разорвать мир с Германией из 160 делегатов поддержали лишь 15. Для Ленина результаты такого голосования были и обнадеживающими, и тревожными: революционную войну левые эсеры не поддержали, но и не высказались за передышку. Получалось, что на съезде столкнутся две средние линии: Троцкого (ни мира, ни войны) и Ленина (передышка), и победит та, за которую проголосует большинство советского актива, причем Ленин боялся, что под влиянием тех или иных событий дня перевесят противники ратификации. Опасения Ленина подтверждались телеграммами, присланными в адрес съезда местными партийными организациями большевиков и левых эсеров. На местах не было единого мнения, и между сторонниками и противниками ратификации установилось известное равновесие⁸⁶⁶.

На самом съезде левые эсеры также заняли «промежуточное

---

⁸⁶³ Ленин. ПСС, т. 36, с. 583.

⁸⁶⁴ Так, лидер левых коммунистов Бухарин был официально предупрежден, что его исключат из партии, если он не прекратит критики Ленина (АИГН, 478/37. Письмо БИН — Е. Эстриной от 26 апреля 1964 г. 1 л.).

⁸⁶⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. 7, с. 347. Встречаются и иные сведения: 1232 делегата, в том числе 795 большевиков и 283 левых эсеров.

⁸⁶⁶ 25 февраля ВЦИК и СНК разослали всем местным Советам и земельным комитетам запрос об отношении к подписанию мира. За мир высказались 262 Совета и организации, против — 233. При общем цифровом перевесе в сторону мира позиции сторонников войны были сильнее. За войну, в частности, высказалось 20 Советов губернских городов (против — только 6). А ведь именно крупные города большевики считали своей опорой. Видимо, имен но по этой причине историк Чубарьян, торжественно описывая факт запроса, так и не указывает, каковы же были ответы с мест: «В Петроград поступили десятки и сотни телеграмм и писем, в которых выражалось мнение местных советских и партийных организаций по вопросу о войне и мире. Для В. И. Ленина и Центрального комитета партии эти телеграммы и письма имели большое значение» (Чубарьян. Брестский мир, с. 212). Настолько большое, что Ленин не дал материалам опроса хода, а Чубарьян — не указал, каков же итог опроса.

положение»⁸⁶⁷, т. е. поддержали формулу Троцкого. При этом ЦК ПЛСР был более склонен к компромиссу с ленинским большинством, чем левоэсеровские низы. ЦК ПЛСР из-за этого столкнулся с дилеммой. Не поддержать низы своей партии он не мог, даже если бы искренне желал этого. Поэтому ЦК левых эсеров большинством голосов проголосовал на съезде против ратификации Брестского договора. Камков, еще недавно так горячо поддерживавший мир, теперь указал, что, независимо от того, какие цели преследует партия большевиков, Брестский договор «объективно» ведет «к полному удушению русской революции»⁸⁶⁸, поэтому ПЛСР слагает с себя «ответственность за ратификацию так называемых мирных условий». «Как правительственная партия, мы не имели бы права предпринимать шагов к нарушению этих условий, — сказал Камков в заключительной речи; — как партия политическая, не ответственная за ратификацию, мы [...] сделаем все от себя зависящее, чтобы оказать вооруженное сопротивление на всех фронтах». И хотя, по словам Камкова, «после длительной совместной честной коалиции с партией большевиков» было трудно разрываться с ними, левым эсерам не оставалось ничего иного, как «сложить с себя ответственность за центральную политику правительства»⁸⁶⁹.

Левых эсеров на съезде поддержали не только социалисты-революционеры, но и меньшевики. Они зачитали резолюцию с требованием отклонить германские условия, создать «всенародное ополчение», выразить недоверие Совнаркому и передать власть Учредительному собранию⁸⁷⁰. Мартов в дополнение к этому потребовал

---

⁸⁶⁷ Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 535, прим.

⁸⁶⁸ Четвертый Чрезвычайный всероссийский съезд Советов, с. 23.

⁸⁶⁹ Там же, с. 23, 48-51. Вот что писали об этом левые эсеры: «Когда же на Четвертом съезде Советов под влиянием одной части коммунистической партии (большевиков) был ратифицирован мирный договор-ультиматум германских империалистов, подписанный в Брест-Литовске в феврале 1918 г., партия левых социалистов-революционеров сочла это поворотом от того прямого пути, по которому пошла русская революция, изжив все коалиционные предрассудки, сочла это отказом от диктатуры трудящихся и на основании этих положений отозвала в согласии с фракцией левых социалистов-революционеров Четвертого съезда Советов своих представителей из Совета народных комиссаров. Для партии левых социалистов-революционеров — противницы ратификации Брестского договора, противницы капитуляции перед германским империализмом, было более чем ясно, что намерения мировой буржуазии, верным исполнителем коих в данный исторический момент является германский империализм, идут гораздо дальше, нежели экономическое и территориальное завоевание Российской советской республики: эти намерения направлены против самого ее существования. Химеричность и беспочвенность теории «передышки», развиваемой правым крылом коммунистической партии, ясна без каких-либо пояснений» (Резолюции и постановления I и II Всероссийских съездов ПЛСР, с. 11).

⁸⁷⁰ В резолюции, в частности, говорилось: «Подписанный за спиной народа Советом народных комиссаров мирный договор в Бресте, отрывая от России громадные территории, отдавая целый ряд национальностей без их согласия во власть империалистической Германии, разоряя остальную часть России [...] означает первый раздел России [...]. Тем самым Брестский мир знаменует собой предательство [...] российской революции, которой несут гибель германская политическая и экономическая опека, предательство международного пролетариата, всему движению которого наносится смертельный удар капитуляцией революционной страны перед худшим врагом социализма [...]. Подписать такой мир не имел никакого права Совет народных комиссаров, одобрить это подписание не имел никакого права Центральный исполнительный комитет» [Партийные известия, №6-7 (13-14), 20 мая 1918, с. 15].

назначения «следственной комиссии для выяснения обстоятельств, при которых был отдан приказ о демобилизации армии в то время, как армия могла еще сопротивляться». «Где слова Троцкого о священной войне? — спрашивал Мартов. — Троцкий так недавно сказал: «Если Германия откажется от заключения демократического мира, то мы объявим ей священную войну». «Где эта война?»⁸⁷¹ На это Зиновьев резонно ответил: «Если назначать следственную комиссию, то ее надо назначать над всем ходом нашей революции»⁸⁷² (намекая, что в разложении армии виновата революция как таковая).

Несмотря на протесты меньшевиков, эсеров, анархистов-коммунистов и левых эсеров, Брест-Литовский мирный договор был ратифицирован большинством в 784 голоса против 261 при 115 воздержавшихся⁸⁷³. Следствием этого, однако, явился выход левых эсеров из правительства⁸⁷⁴, хотя решение это было принято левоэсеровской фракцией далеко не единодушно. Против выхода из СНК и за подписание Брестского мира высказались, по крайней мере, 78 левоэсеровских делегатов съезда⁸⁷⁵. Тем не менее 15 марта все наркомы — члены ПЛСР покинули свои посты. Выйдя из правительства, они, подобно левым коммунистам, оставили за собой право свободной критики Брестской политики.

Одна из легенд Брестского мира — о неподоспевшей помощи Антанты.

---

⁸⁷¹ АИГН, 623/49.

⁸⁷² Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 532.

⁸⁷³ Стенографический отчет Четвертого Чрезвычайного съезда Советов, с. 64. Группа левых коммунистов от голосования воздержалась, в нарушение резолюции о том, что фракция большевиков голосует за мир единогласно. 22 марта Брестский мир был ратифицирован Германией (Warth. Soviet Russia in World Politics, p. 54), правда, не единогласно. При предварительном голосовании в социал-демократической фракции рейхстага только 25 депутатов голосовали «за» ратификацию договора, остальные — воздержались (АТ, Т— 3755. Генрих Штребель. Германская революция, ее несчастье и ее спасение, с. 28).

Ратификация мира многими партийными организациями была воспринята болезненно. Вот что сказал, например, в отчете Саратовскому совету председатель Совета большевик Б. П. Антонов:

«Темп нашей революции оказался быстрее темпа революции на Западе. И это расхождение поставило нас в самое тяжелое положение. Вследствие этого, а также вследствие того, что армия, утомленная войной, распалась, рабоче-крестьянская власть стала склоняться к тому, чтобы уступить временно силе вооруженного империализма. [Саратовский] Совет четвертого созыва категорически заявил, что шаг центра он признает ошибочным и требует для решения вопроса о войне и мире созвать экстренный съезд Советов. Когда этот съезд был назначен, мы послали на него делегатов с повелительным мандатом голосовать против ратификации мирного договора и требовать дальнейшей беспощадной борьбы со всеми посягающими на нас врагами. На съезде мы остались в меньшинстве [...]. Совет наш подчинился общему решению рабоче-крестьянских масс, хотя и не видел в этом решении тех возможностей, на которые рассчитывало большинство» (1917 год в Саратовской губернии, с. 370).

⁸⁷⁴ Стенографический отчет Четвертого Чрезвычайного съезда Советов, с. 67. В зачитанной Штейнбергом от имени ПЛСР резолюции указывалось, что «при создавшихся после ратификации договора условиях партия отзывает своих представителей из Совета народных комиссаров», но подчеркивалось, что «поскольку Совет народных комиссаров будет проводить в жизнь программу Октябрьской революции, партия обещает ему свое содействие и поддержку» (там же).

⁸⁷⁵ Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 537.

Создателем ее следует считать Робинса, который в 1919 году показал в американском Сенате, что 13 марта 1918, за день до открытия съезда Советов, Ленин с нетерпением ждал ответа американского и английского правительств на советскую ноту от 5 марта, предусматривающую изменение прогерманской ориентации на проантантовскую. 15 марта, как свидетельствовал Робине, присутствовавший на съезде, Ленин подошел к нему во время заседания и спросил, получен ли ответ американского правительства. Услышав отрицательный ответ, Ленин сказал: «Я иду сейчас на трибуну, и мир будет ратифицирован». Робине продолжал:

«И он взошел на трибуну и произнес речь, в которой обрисовал экономическое и военное положение, и показал абсолютную необходимость после трех лет экономической разрухи и войны получить возможность, даже ценой постыдного мира, реорганизовать жизнь в России и развивать революцию, и мир был ратифицирован»⁸⁷⁶.

В 1919 году иностранцу Робинсу трудно было видеть Ленина иначе. Совершенно очевидно, что Ленин не был заинтересован в получении благожелательного ответа союзников. Скорее можно предположить, что Ленин перед выступлением на съезде надеялся иметь в своем распоряжении негативный ответ Антанты, располагая которым он мог бы с еще большей легкостью перетянуть большинство съезда на свою сторону. Трудно поверить и в то, что для Ленина «бумажный» ответ Антанты на «бумажную» же советскую ноту от 5 марта мог иметь какое-либо значение, даже если бы этот ответ был составлен в самых обнадеживающих выражениях.

Робине, симпатизировавший большевикам, естественно рисовал Ленина американскому Сенату сторонником соглашения с Антантой (а не с Германией, к тому времени уже разгромленной). Но если бы, как считает Робине, Ленин 15 марта ставил вопрос о ратификации или разрыве Брестского договора в какую-либо связь с получением ответа от союзников, он не проводил бы предварительного голосования в большевистской фракции съезда, которое обязало делегатов-большевиков голосовать за ратификацию еще до того, как Ленин произнес речь на съезде Советов.

Наконец, полковник Робине попросту обманывал Сенат, когда утверждал, что ответа на советскую ноту от 5 марта получено не было. В отличие от английского и французского правительств, американцы приняли советскую ноту всерьез. Вскоре после отправления ноты, 7 марта, генеральный консул в Москве Саммерс направил государственному

---

⁸⁷⁶ *Bolsheviks Propaganda*, pp. 805, 807 — цит. по кн. Чубарьян. Брестский мир, с. 211. 19 марта государственный департамент США уведомил посла в России Френсиса, что ответом на советскую ноту от 5 марта следует считать послание президента Вильсона, переданное ВЦИКу (*Papers Relating to the Foreign Relations of the United States*, v. I, p. 402).

секретарю по иностранным делам США Р. Лансину телеграмму, в которой подтвердил, что большинство советского руководства понимает полную безнадежность заключения мира с Германией. 9 марта посол США в России Д. Френсис получил сообщение от американского военного атташе в Петрограде Рагласа, заключившего из разговора с Троцким, что большевики будут сражаться против Германии даже в том случае, если съезд ратифицирует Брестский договор⁸⁷⁷. В обмен на это обещание Троцкий требовал предотвращения американцами японской интервенции на Дальнем Востоке или нейтрализации ее высадкой во Владивостоке американских войск⁸⁷⁸, т. е. повторял условия ноты от 5 марта.

В ответ президент США Вильсон перед самым открытием съезда Советов послал в Москву обращение, пусть и не предлагающее конкретной американской помощи Советам, но написанное в очень теплом по отношению к советскому правительству и русской революции тоне. Выразив «искреннее сочувствие русскому народу, в особенности теперь, когда Германия ринула свои вооруженные силы в глубь страны с тем, чтобы помешать борьбе за свободу и уничтожить все ее завоевания», Вильсон указал в обращении, что «народ Соединенных Штатов всем сердцем сочувствует русскому народу в его стремлении освободиться навсегда от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы»⁸⁷⁹. 12 марта Робине передал Ленину текст послания Вильсона. Ленин, видимо, отказался его принять, может быть из-за опасения спровоцировать немцев. Тогда послание было вручено председателю Моссовета М. Н. Покровскому для передачи ВЦИКу⁸⁸⁰. Советское правительство ответило на этот замирительный шаг американского президента пропагандистской телеграммой, высказав «твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества»⁸⁸¹. К этому времени выбор уже

---

⁸⁷⁷ Cumming and Pettit. *Russian-American Relations*, p. 85.

⁸⁷⁸ «Возможно, что съезд в Москве ратифицирует мир, — писал посол Френсис в донесении в Вашингтон, — но если я получу заверения от вас, что японская опасность неосновательна, то я полагаю, что съезд отвергнет этот унижительный мир» (цит. по кн. Чубарьян. *Брестский мир*, с. 203).

⁸⁷⁹ ДВП, т. 1. с. 212.

⁸⁸⁰ Чубарьян. *Брестский мир*, с. 209. Обращение было написано по совету У. Буллита, будущего посла США в СССР, доставлено к открытию съезда Советов (который первоначально намечался на 12 марта, но открылся с опозданием в два дня) и должно было засвидетельствовать лояльность американского правительства к советскому (там же).

⁸⁸¹ IV Чрезвычайный всероссийский съезд Советов, с. 5.

был сделан — в пользу ратификации мира с Германией⁸⁸².

В связи с выходом из советского правительства всех левых эсеров и некоторых левых коммунистов (Коллонтай, В. М. Смирнова, Оболенского /Осинского/, Дыбенко и др.) Совнарком 18 марта, через день после окончания работы Четвертого съезда Советов, рассмотрел вопрос «об общеминистерском кризисе». С сообщением по этому поводу выступил Свердлов, формально членом СНК не являвшийся, но постепенно начинавший оттеснять Ленина не только в партийной, но и в советской работе. На съездах и конференциях того времени все чаще и чаще он был докладчиком или содокладчиком председателя Совнаркома (Ленина). В частности, Свердлов председательствовал на Седьмом партийном съезде и выступал там с отчетом ЦК (что в будущем, по должности, станут делать генсеки).

Ленин раскалывал партию и Советы. Свердлов взялся за сплочение редевших рядов. Видимо, по его инициативе Совнарком принял решение начать переговоры о вхождении в правительство вышедших из него ранее членов Московского областного комитета РКП(б), стоявшего в оппозиции к брестской передышке. Свердлов же начал переговоры с С. П. Середой и рядом других большевиков, чьи кандидатуры намечались на посты наркомов земледелия, имуществ, юстиции и на пост председателя ВСНХ вместо ушедших в отставку левых эсеров и левых коммунистов. На том же заседании СНК было заслушано сообщение Свердлова о Высшем военном совете республики, откуда в связи с уходом левых эсеров из СНК был выведен левый эсер Прошьян (на его место назначили Подвойского). Через несколько дней были произведены остальные назначения.

Раскол между большевиками и левыми эсерами продолжался недолго и не был серьезным. Левоэсеровские функционеры во ВЦИК и на местах продолжали свою обычную деятельность. Из 207 членов ВЦИК четвертого созыва (март-июль 1918 года), избранного Четвертым съездом Советов, левых эсеров было 48 человек (большевиков — 141). Левые эсеры работали в военном ведомстве, различных комитетах, комиссиях и Советах. В коллегии ВЧК, например, к июлю 1918 года из 20 человек 7 были левыми эсерами. Уже через неделю после выхода левых эсеров из СНК, 22 марта, на заседании Петроградского бюро ЦК был поднят вопрос о вхождении

---

⁸⁸² Несколько позже Чичерин признал, что «самую благоприятную позицию в отношении Советской России заняли Соединенные Штаты Америки». Чичерин указывал в связи с этим на приветственную телеграмму Вильсона Четвертому съезду Советов и подтвердил, что «в тот момент, когда раздавались многочисленные голоса в пользу интервенции Японии в Сибири, главным препятствием к этой интервенции стало негативное отношение правительства США» (МИСИ, кол. К. Каутского, В 15, 160. Доклад напечатан в кн. Чичерин. Статьи и речи. Цитируемый отрывок не вошел в опубликованный текст доклада и дается в обратном переводе с немецкого. В стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда Советов речь Чичерина не вошла вообще).

левых эсеров в Совнарком Петроградской коммуны⁸⁸³. А еще через неделю, 30 марта, ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о возможности возвращения Прошьяна в состав Высшего военного совета республики. Переговоры с левыми эсерами по этому поводу вел Свердлов⁸⁸⁴. 4 апреля большевики и левые эсеры договорились оставить левых эсеров членами коллегий ряда наркоматов, а Прошьяна включить в состав ВВСР на условиях лояльного отношения к нынешней брестской политике, подчинения общим решениям правительства и выхода из ВВСР, в случае серьезных разногласий с большевиками, без политической демонстрации. О согласии на эти условия левые эсеры должны были дать подписку⁸⁸⁵. Большевикско-левоэсеровское сотрудничество входило, казалось, в свое обычное русло. Но инициатива воссоздания этого блока была предпринята вопреки воле Ленина. Влияние последнего в советском и партийном аппарате в марте 1918 года начало стремительно падать. Стало очевидно, что Ленин обманул съезд, когда обещал передышку в несколько дней, что его целью, как и в октябре 1917 года, оставался сепаратный мир с Германией. И даже те, кто на съезде голосовал вместе с Лениным за подписание соглашения (из нежелания иметь Ленина в оппозиции), понимали, что тот просчитался. Он отколол от большевистской партии наиболее революционно настроенные элементы, настроил против большевиков весь советский актив, создал угрозу интервенции Антанты, провоцировал Японию на оккупацию Дальнего Востока. Наконец, Ленин отдал под германскую оккупацию огромные территории бывшей Российской империи, которые были бы, удержись на них советская власть, важными плацдармами для скачка в Западную Европу. Но главное, Ленин настоял на договоре, который не соблюдался ни одного дня. Брестский мир стал ахилесовой пятой большевистского правительства. Большевики должны были теперь либо уступить своим политическим противникам, признать их критику правильной и формально или фактически разорвать передышку, либо пойти еще дальше по пути углубления контактов с германским правительством, по пути усиления зависимости от Германии. В первом случае Ленин мог потерять власть как обанкротившийся политик. Понятно, что он предпочел второй путь. Под его давлением ЦК согласился обменяться послами с «империалистической Германией». Сегодня шаг этот не кажется из ряда вон выходящим. Но в апреле 1918 года, когда германская революция могла разразиться в любой момент, официальное

---

⁸⁸³ Переписка секретариата ЦК, т. 3, с. 153-154.

⁸⁸⁴ Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 240.

⁸⁸⁵ Там же, с. 243, 240.

признание советским правительством «гогенцоллернов», никак не оправдываемое необходимостью сохранения ленинской «передышки», с точки зрения интересов германской (и мировой) революции было уже не просто ошибкой: это было преступление.

Глава девятая. Мир, которого не было: Закавказье

Брестский мир остался бумажной декларацией прежде всего потому, что ни одна из сторон не смотрела на него как на деловой, выполнимый и окончательный. В случае победы Германии Брестский мир должен был быть пересмотрен и конкретизирован в рамках общего европейского соглашения. В случае поражения Германии в мировой войне договор, очевидно, потерял бы силу и потому, что его расторгла бы Россия, и потому, что не допустила бы Антанта. Неподконтрольное советской власти население Брестского мира вообще не признавало⁸⁸⁶. Внутри советского лагеря и те, кто голосовал за договор под давлением Ленина, и те, кто поддерживал соглашение с немцами под давлением обстоятельств, рассматривали Брестский мир как кратковременную передышку, которая может оборваться в любой день⁸⁸⁷. Неудивительно, что вскоре после ратификации Брестского мира секретарь ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова указала в письме местным организациям: «Нет сомнения в том, что Германия, хотя и заключила мир, приложит все усилия к ликвидации советской власти»⁸⁸⁸.

С военной точки зрения Брестский договор не принес желаемого облегчения ни Германии, ни РСФСР. Со дня на день ожидалось падение

---

⁸⁸⁶ «Все русское население Закавказья,— указывает один из документов того времени, — всегда отстаивало идею непризнания Брестского договора, верности союзническим обязательствам и недопустимости заключения сепаратного мира с какою бы то ни было державою Центрального союза». Так 15 июня в Закавказье состоялось общее собрание русских железнодорожных служащих, постановившее не обслуживать немцев и турок. «Долг присяги Временному правительству, подтвердившему союзнические обязательства России, не позволял им делать того, что от них требовали», поскольку по закавказским железным дорогам «согласно условиям подписанного в Батуми мирного договора [...] началось передвижение германо-турецких войск». Служащие заявили, что не могут работать во вред России: русские подданные исходили из того, что Россия все еще воюет с Четверным союзом. В связи с этим Закавказский русский национальный совет разрешил русским гражданам по собственному желанию увольняться с железной дороги. Такие заявления удовлетворялись «не позднее, чем в суточный срок». (АИГН, 17/1. ЗРНС. Председатель С. Завалишин. 7 июня 1918 г. гор. Тифлис. № 2595. Министру путей сообщения Грузинской республики; № 2596. Начальнику железных дорог Азербайджанской республики, 2 л.).

⁸⁸⁷ Грузинское правительство согласилось удовлетворять ходатайства. Азербайджанское просьбы об увольнении отклоняло. (АИГН, 17/1. ЗРНС. Январь 1919 г. Записка, утвержденная Управою Руссовета 24 января 1919, переведенная затем на английский язык и представленная английскому командованию. Товарищ председателя Закавказского русского национального Совета Ю. Ф. Семенов.)

⁸⁸⁸ 16 апреля была перехвачена радиограмма: «Севастополь. [...] Обстрелян и захвачен коммерческий пароход. Просим объяснить, чем вызваны действия германо-турецкого флота против русско-черноморского флота и должны ли мы рассматривать эти действия как возобновление войны на море, ибо наш флот [...] соблюдал Брестский договор [...] воздерживался от всяких [...] выступлений [...]. Просим [...] сообщить нам, может ли наш флот, оставаясь в Севастополе, считать себя гарантированным от всяких покушений и активных выступлений Германии и ее союзников. Председатель Центро [флота] Кнорус» (Возрождение, 3 [16] апреля 1918г. №69, с. 2).

Петрограда, занятие его немцами. 4 марта, на следующий день после подписания мирного договора, петроградский комитет РСДРП(б) обратился в ЦК с письмом, в котором ставил вопрос о переходе петроградской организации партии на нелегальное положение в связи с угрозой занятия города немцами — настолько никто не верил в только что подписанное соглашение. На случай ведения работы в условиях подполья петроградский комитет просил выделить ему несколько сот тысяч рублей. Комитет также предлагал не собирать Седьмой партийный съезд в Петрограде, а перенести его в Москву и эвакуировать туда всех прибывших на съезд делегатов, чтобы не «потерять своих лучших товарищей» в случае захвата города немцами⁸⁸⁹. Впрочем, председатель Петросовета Зиновьев старался быть спокойным:

«Реальное соотношение сил показывает, что немецкий империализм в настоящий момент в силе потребовать от нас беспощадно фунт мяса, но все же он не имеет возможности требовать выдачу головы Совета. [...] Германия не пойдет на дальнейшее наступление, как ни соблазнительна перспектива оккупации Петрограда и разгром Смольного⁸⁹⁰. [...] А если Вильгельм все-таки будет в силах продолжать наступление против нас, что тогда? Тогда нам ничего не останется, кроме как продолжать войну, причем эта война впервые приобретает действительное революционное значение»⁸⁹¹.

Ни на договор, ни на факт ратификации его съездом не обращали

---

⁸⁸⁹ Переписка секретариата ЦК РСДРП (б), т. 3, с. 32. Там же, с. 136. Это был не единственный случай паники в рядах большевистского руководства. Вот что писал меньшевик Абрамович меньшевику Валентинову-Вольскому: «В только что появившейся книжке воспоминаний Стасовой «Страницы жизни и борьбы» на странице 103-й напечатано следующее: «1919 год был очень тяжелым годом. Наступление 14 держав на советскую республику создало столь опасное положение, что не исключена была для партии необходимость вновь уйти в подполье. Пришлось заботиться о паспортах для всех членов ЦК и для Ленина в первую очередь. Нужно было обеспечить партию и материальными средствами. С этой целью было отпечатано большое количество бумажных денег царских времен, так называемых «екатеринок», т. е. сторублевки с портретом Екатерины. Для обеспечения их сохранности были сделаны оцинкованные ящики, в которые эти деньги были упакованы и переданы Николаю Евгеньевичу Буренину для сохранения их в Петрограде. Он закопал их, насколько знаю, под Питером, где-то в Лесном, а впоследствии даже сфотографировал их раскопку, когда советская власть окончательно утвердилась. Тогда же на имя Буренина (как купца по происхождению) был оформлен документ о том, что он является владельцем гостиницы «Метрополь». Сделано это было с целью обеспечить партию материально». (АИГН, 591/13. Письмо РАА — НВВ от 24 декабря 1957, с. 1-2.) «Об истории с паспортами и деньгами в начале 1919 года, в самый опасный момент для большевизма в гражданской войне, — отвечал Валентинов-Вольский, — знаю не только я, как один из основных членов тогдашнего ЦК меньшевиков, но и независимо от меня еще четыре человека в Нью-Йорке: Л. О. [Дан], Б. И. Николаевский, [Ю. П.] Денике и Б. Двинов. Мы тогда сами получили предложение от Енукидзе и от Каменева взять паспорта, которые для нас и для Бунда будут приготовлены, а Бунд, который работал тогда в Белоруссии, получил даже довольно значительную сумму теми самыми сторублевками, о которых Вы говорите. [...] Знаю я, как, вероятно, знаете и Вы, и Суварин, что одновременно или за некоторое время до этого они выслали за границу через Марка Натансона большое количество золота, которое должно было быть депонировано в швейцарских банках на указанные большевистской партией имена. Некоторую часть этого золота-они дали левым эсерам натансоновского толка, которые на эти деньги потом в Берлине устроили издательство «Скифы» (АИГН, 591/13. Письмо НВВ — ААР от 30 декабря 1957, с. 2).

⁸⁹⁰ Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 511.

⁸⁹¹ АТ, Т-3742. Г. Зиновьев. Год революции, с. 269. В чем же выход?

внимания. Так, одновременно с работой Седьмого съезда партии в том же Петрограде проходила городская конференция РКП(б). Как и московская конференция, проведенная ранее, конференция в Петрограде была посвящена двум вопросам: Брестскому миру и предотвращению раскола в рядах большевистской партии. Как и в Москве, большинством голосов конференция высказалась против раскола, потребовав от левых коммунистов «прекращения обособленного организационного существования», и постановила прекратить издание органа левых «Коммунист»⁸⁹²; органом петроградской партийной организации была объявлена «Петроградская правда»⁸⁹³. Однако в вопросе о передышке Ленина снова ожидало разочарование. Даже Зиновьев, представлявший на конференции его позицию, закончил речь компромиссным заявлением: «Ни одну секунду нельзя создавать впечатление, будто наступил мирный период. Передышка есть передышка. Надо бить в набат. Надо готовиться, надо мобилизовать наши силы. Под перекрестным огнем наших врагов необходимо создавать армию революции»⁸⁹⁴.

Большинством голосов конференция проголосовала за формулу Троцкого «ни мира, ни войны». Точку зрения Ленина переставали принимать всерьез. Германская оккупация была фактом. Германская оккупация была актом войны⁸⁹⁵. Даже если бы немцы не двигались больше ни на сантиметр восточнее уже занимаемой ими линии — не могло бы быть речи ни о мире, ни о передышке. Война продолжалась⁸⁹⁶. Русских солдат продолжали брать в плен и даже расстреливать⁸⁹⁷. И это было главным

---

⁸⁹² 11 номеров «Коммуниста» все-таки было выпущено. Закрылась газета 19 марта (Протоколы съездов и конференций, с. 258).

⁸⁹³ С 20 апреля Бухарин, Радек, Смирнов и Оболенский (Осинский) стали выпускать в Москве еженедельный журнал «Коммунист», но вышло только четыре номера, и в июне журнал закрыли.

⁸⁹⁴ Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 535.

⁸⁹⁵ «Удивительное, поистине удивительное время мы переживаем, — писал левый эсер и бывший нарком юстиции Штейнберг. — Если бы подойти сегодня к рядовому русскому рабочему или крестьянину и спросить его: имеем ли мы сейчас мир, он как будто должен будет ответить: да», но если «спросить его: а не находимся ли мы сейчас в состоянии войны, он также уверенно почти ответит: да, конечно, наша страна находится в состоянии доподлинной войны». «Несмотря на Брестский мир — германские войска продвигаются по всем частям нашей страны. Уже заняты ими Украина и Крым, уже захватили они руками подвластной им Турции Закавказье, уже раздавлены ими свободолюбивые рабочие и крестьяне Финляндии, уже забрались они на Дон, подходят к Курску и Воронежу» (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 3).

⁸⁹⁶ «На самом деле «передышки» и не было, — писала Измаилович. [...] Из войны советская Россия так и не выходила все эти месяцы. [...] В этом передышка обманула. Хлеба не получили. Передышка закрыла для советской России хлебные рынки. В этом передышка тоже обманула. Социалистическое строительство остановилось на мертвой точке и даже попятилось назад, так как много запрещалось прямо или косвенно соглашательством с германским империализмом. В этом тоже обманула передышка» (Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 16).

⁸⁹⁷ Вот что писал в рапорте один из солдат, случайно избежавший расстрела: «К вечеру 21 мая с. г. турецкий отряд с боем подступал в Ур. Джелал-Оглам, и я [...] решил идти пешком на ст. Калагеран, дабы этим избавить себя от турецкого

провалом в планах Ленина: Брестский мир был безоговорочной капитуляцией перед врагом на неограниченных договором условиях⁸⁹⁸. Это относилось прежде всего к районам, отданным под турецкую и германскую оккупацию: Закавказью и Украине.

В оппозицию Брестскому миру Закавказье стадо еще в феврале 1918 года, когда туда дошла информация о возможном подписании сепаратного мира между Россией и странами Четверного союза и о том, что Россия по требованию Германии и Турции может отдать Закавказье под оккупацию, а некоторые закавказские территории, прежде всего Каре, Ардаган и Батум, под турецкую аннексию. В Закавказье это поняли так, что советская власть в России откупалась от немцев за счет закавказских территорий, причем турецкая оккупация обещала быть жестокой.

Не удивительно, что Закавказье решительнее других территорий высказалось против Брестского мира. Жителям Закавказья нечего было терять: и в случае продолжения войны, и в случае ее окончания и передачи территорий под контроль турецкой армии, населению грозили смерть и разорение. 28 февраля на заседании Закавказского сейма с речью о Брестском мире выступил закавказский социал-демократ Ной Жордания.

плена [...]. Вся станция была запружена беженцами и стоявшие два состава были до невозможности перегружены ими и поэтому мне пришлось со станции Калагеран идти пешком на ст. Санаин, где с разных частей [...] нас задержалось [...] 28 человек [...]: 12 человек русских, 6 грузин и Юармян. 2 июня 1918г. на станцию Алаверды со станции Садахло прибыл состав турецких войск во главе с турецким офицером [...]. Видя неизбежность сдаваться в плен туркам [...] мы [...] делегировали полковника Владимирова к турецкому офицеру [...] с просьбой довести нас до Тифлиса, если только не посчитает нас пленными. Турецкий офицер нашу делегацию принял любезно и обещал на другой же день довести нас в город Тифлис [...] в чем и выдал полковнику Владимирову от себя расписку и честное свое слово. Что же касается плена, то он сказал: «Пленными я считаю только нации, враждующие с Турцией, а русских пленными не считаю». 3 июня 1918 года [...] прибыв на ст. Ллаверды, полковник Владимиров представил и отрекомендовал нас турецкому офицеру, который принял нас любезно и тут же приказал своему унтер-офицеру у всех отобрать оружие за исключением русских [...]. Кроме полковника Владимирова, ни у кого не оказалось оружия [...]. В 11 часов вечера [...] повели нас [...] в глухую степь [...] раздев нас наголо подвергли к расстрелу [...]. В момент, когда [...] подалась команда к выстрелу, мы, впереди сидевшие человек семь, бросились врассыпную [...]. Осталось в живых трое [...]». (АИГН, 17/1. В ЗРНС. Доклад члена исполнительного бюро при этапно-транспортном отделе Управления начальника военных сообщений Кавказского фронта солдата Кузьмы Авксентьевича Фомина о происшествии на станции Ашага-Сераль Карской ж.-д. линии 3 июня 1918 года. Зл.)

⁸⁹⁸ Лучшим тому примером было известное дело капитана Щастного. Капитан первого ранга Алексей Михайлович Щастный с марта по май 1917 г. был офицером для поручения при штабе командующего флотом. С июня он стал флаг-капитаном распорядительной части штаба, а в 1918 г. был назначен исполняющим обязанности начальника военно-морских сил Балтийского флота. 11 апреля 1918 года Щастный вывел из Гельсингфорса в Кронштадт караван морских судов и транспортов в составе броненосцев «Андрей Первозванный» и «Республика», ледокола «Ермак» и бронированного крейсера «Бирюч» и пр. Второй караван из ста судов, главным образом миноносцы, транспорты и подводные лодки, в тот день успешно миновал шхеры. Вечером 11 апреля из Гельсингфорса вышел третий караван в составе 600 судов (Возрождение, 3 [16] апреля 1918г. 69, с. 2). Казалось, столь блестящая военная операция по выводу без потерь судов из-под носа германского флота должна была заслужить благодарность советского правительства. Щастный же через два месяца после прибытия в Кронштадт был арестован по приказу Троцкого. Обвинение гласило: «Щастный, совершая героический подвиг, тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против советской власти». Свидетелем обвинения выступал Троцкий. Дело слушалось в Верховном революционном трибунале с участием большевиков и левых эсеров 20 — 21 июня. Трибунал вынес Щастному смертный приговор. Очевидно, что в вину капитану ставилась попытка срыва Брестского мира путем саботажа приказа о сдаче Балтийского флота Германии на основании очередного германского ультиматума (Русский солдат-гражданин во Франции, № 211, 9 июня 1918, с. 4). Именно в этом заключалась его «измена». 4 июня 1918 года «Свобода России» (№ 63, с. 3) опубликовала предсмертные письма А. М. Щастного от 21 июня к матери, жене и детям (личного характера).

Остановливаясь на условиях Брестского договора, о которых стало известно вечером 27 февраля, Жордания сказал, что теперь еще больше оборваны нити, связывавшие Закавказье с Россией, и предложил Сейму объявить себя закавказским Учредительным собранием и добиваться заключения сепаратного мира с Турцией. Жордания добавил, что «такой мир, какой подписали в Петрограде большевики», Закавказье не подпишет — «лучше умереть» (зал ответил ему «бурей аплодисментов на всех скамьях») ⁸⁹⁹. В тот же день была образована комиссия под председательством Н. Рамишвили для выработки «основных положений» по вопросу о мире ⁹⁰⁰.

Закавказский сейм, в котором доминировали меньшевики, поддержал идею сепаратного мира с Турцией ⁹⁰¹, но мира «почетного», «без аннексий» ⁹⁰². Впервые собравшись 23 февраля, Сейм по предложению турецкого командования начал переговоры о сепаратном мире. 1 марта, отвергнув предложение о предварительных переговорах с представителями Антанты, Сейм объявил себя правомочным заключить окончательный мир с Турцией и в тот же день постановил послать делегацию для ведения переговоров. Состав делегации определился 2 марта. Председателем делегации был А. И. Чхенкели, от военного ведомства поехал начальник штаба генерал-майор В. А. Левандовский. Однако отъезд в Трапезунд, где находилась ставка турецкого главнокомандования и где должны были проходить переговоры, был отложен: 2 марта секретарь русской мирной делегации Карахан сообщил телеграммой о том, что на 3 марта назначено подписание Брестского мира, согласно условиям которого, Батум, Каре и Ардаган будут переданы Турции. В Трапезунд был послан о том запрос, и мирная делегация Закавказья ожидала на него ответа, находясь в столице Закавказья — Тифлисе.

---

⁸⁹⁹ АИГН, 17/5. Закавказский сейм. Тифлис, 10 февраля — 26 февраля [по ст. ст.] 1918 г. Записано Ю. Ф. Семеновым, с. 6.

⁹⁰⁰ Доклад, представленный Сейму, Рамишвили заканчивал так: «Если, идя на почетный мир с Турцией, мы встретим непреодолимое препятствие с ее стороны, если Турция не пойдет нам навстречу, то все закавказские народности без различия партий и положений найдут в себе достаточно силы, чтобы общими усилиями отстоять интересы Закавказья и общие цели. Во всяком случае закавказские народности, идя на почетный мир с Турцией, сумеют защитить свои собственные интересы» (цит. по кн. Уратадзе. Образование и консолидация, с. 46.) Основные положения для переговоров, выработанные комиссией, сводились к трем пунктам:

«1. Закавказский сейм при создавшихся условиях считает себя правомочным заключить мир с Турцией. 2. В основание заключенного мирного договора должно лечь восстановление государственных границ России с Турцией, существовавших к моменту объявления войны в 1914 году. Делегация добивается права на самоопределение для Восточной Анатолии, в частности, автономии турецкой Армении в рамках турецкой государственности» (там же).

⁹⁰¹ Незадолго до открытия Сейма глава английской миссии полковник Пайк сделал предложение председателю Закавказского комиссариата о субсидировании союзниками национальных корпусов в целях замены ими ушедшей русской армии. Однако ответа на английское предложение не последовало (АИГН, 17/1).

⁹⁰² АИГН, 17/2. Протокол Совещания по вопросам, связанным с возможностью продолжения войны с Турцией на Кавказском фронте, 27 февраля 1918 года, в штабе фронта. Первыми заключить перемирие предложили турки. Подробнее об этом см. в кн. Уратадзе. Образование и консолидация, с. 27—32.

Когда Брестский договор был подписан, Закавказский сейм и правительство разослали телеграфный протест министрам иностранных дел воюющих держав и объявили договор, заключенный без ведома и одобрения правительства Закавказья, «лишенным всякого значения с точки зрения международного права и необязательным для себя»⁹⁰³. В ответ 10 марта турецкое командование потребовало от закавказской армии очистить Батум, Ардаган и Каре⁹⁰⁴.

Создавшееся положение обсуждалось на заседании Сейма 11 марта. Председатель Закавказского комиссариата Е. П. Гегечкори заявил, что Закавказье с момента большевистского переворота не признавало советскую власть и действовало во всем совершенно самостоятельно, без оглядок на СНК. Если так, то даже Турция должна признать, что Закавказье — независимое от советской России государство и Брестский договор, заключенный ленинским правительством с Четверным союзом, не может распространяться на закавказские республики. Категорически против уступок Турции высказался Жордания⁹⁰⁵. Его поддержали многие из выступавших.

В результате, Закавказский комиссариат официально уведомил Турцию о непризнании Закавказьем Брестского мира и предложил вести самостоятельные сепаратные переговоры⁹⁰⁶. По разным причинам Германия и Турция против этого не возражали. По Брестскому договору Германия не получала в Закавказье никаких территорий. При сепаратном договоре с Закавказьем она могла укрепить там свое политическое и экономическое влияние⁹⁰⁷. В приобретении территорий для Турции Германия заинтересована не была, а потому ее не слишком волновало, сумеет ли Турция отстоять территории, отошедшие к ней по Брестскому миру или нет. Турция, со своей стороны, безусловно надеялась воспользоваться слабостью еще до конца не оформившегося Закавказского государства, подчинить его своему влиянию и оговорить для себя аннексию территорий не меньших, чем те, которые уже отходили к ней по

---

⁹⁰³ АИГН, 17/7. Доклад делегации Закавказского сейма по ведению переговоров о мире с Турцией. Приложение, с. 1-2, 4. Согласно Уратадзе, протест был послан 2 марта по постановлению Сейма председателем Сейма и председателем Закавказского комиссариата (Уратадзе. Образование и консолидация).

⁹⁰⁴ Там же, с. 47.

⁹⁰⁵ «Отрезать от Закавказья те области, которые хотят взять, это значит нанести смертельную рану всему Закавказью в культурном, экономическом и политическом отношениях. Батум для нас — это то же, что Петроград для России. [...] Мы совершили великую революцию не за тем, чтобы из одного рабства попасть в другое» (там же, с. 48-49).

⁹⁰⁶ АИГН, 17/2. Протокол совещания...

⁹⁰⁷ Подробнее о политике Германии в Закавказье в этот период см. Пипия. Германский империализм в Закавказье; он же. Политика Германии в Закавказье в 1918 году.

Брестскому миру⁹⁰⁸.

7 марта, уже после подписания в Бресте мирного соглашения между Россией и Четверным союзом, Закавказская делегация выехала в Батум, а вечером 8 марта на вспомогательном крейсере Черноморского флота «Король Карл» за баснословную плату была доставлена в Трапезунд, где до 11 марта ждала, прямо на судне, турецкую делегацию, прибывшую из Константинополя⁹⁰⁹. 14 марта мирная конференция начала работу. Турецкая сторона отказалась признать «заявление Закавказской делегации о недействительности Брест-Литовского договора в части, касающейся Кавказа» и «выразила желание, чтобы Закавказье решилось объявить независимость и форму правления, прежде чем начатые переговоры примут окончательный характер и приведут к благоприятному результату». 21 марта Турция заявила также, что согласна признать независимость Закавказья лишь «после отказа от каких бы то ни было претензий [Закавказья] на Батумский, Ардаганский и Карсский санджаки»⁹¹⁰. Все попытки Закавказской делегации «сдвинуть турок с позиции Брест-Литовского договора были тщетны»⁹¹¹.

Вопрос о провозглашении независимости Закавказья уже обсуждался какое-то время в Закавказском сейме. Причины, толкавшие Закавказье на отделение, изложил депутат Сейма Ониашвили, указавший, что объявить Закавказье неразрывной частью России значит быть вовлеченным в русскую гражданскую войну и «сделаться ареной иноземного нашествия, в данном случае нашествия турецкого». В то же время, провозгласить независимость — значит защищать себя собственными силами, которых,

---

⁹⁰⁸ Смушало, конечно же, и то, что Закавказье объявляло о своей независимости по требованию Турции. Депутат Закавказского сейма Ю. Ф. Семенов по этому поводу заметил, что «объявление независимости Закавказья под давлением Турции и как противовес Брестскому договору очевидно должно иметь для Турции и Германии какие-нибудь выгоды, которыми компенсируются Батумская и Карская области, отданные большевиками Турции» (АИГН, 17/5, с. 6).

⁹⁰⁹ До 11 марта Закавказская делегация продолжала оставаться на «Короле Карл» «в виду требования местного вали о разоружении сопровождавшего делегацию из Батума конвоя, состоявшего из 50 человек. Турки считали, что мы их гости и что мирная делегация не может сопровождаться вооруженными лицами. [...] Закавказская делегация стояла на той точке зрения, что Трапезунд является нейтральным пунктом, юридически не принадлежащим ни России, ни Турции и что поэтому делегация не может быть стеснена какими-либо условиями ограничительного характера. Вопрос был оставлен открытым до приезда Оттоманской делегации, прибывшей 27 февраля [11 марта], в момент, когда Закавказская делегация, прождав ее трое суток, собиралась отъехать в Батум и там ждать прибытия турок из Константинополя».

За день до этого, 10 марта от командующего турецкими войсками Вехиб-паши была получена телеграмма с предложением очистить Батумскую и Карсскую области и Ардаганский округ. В ответ на письменный запрос мирной делегации Закавказья, означает ли эта телеграмма разрыв переговоров, турки ответили, что прибытие в Трапезунд турецкой делегации обусловлено желанием Порты вести с Закавказьем переговоры, а о требовании Вехиб-паши ничего не известно. Вечером того же дня Закавказская делегация переехала в подготовленное для нее турками помещение. Конвой был оставлен на судне. (АИГН, 17/7. Доклад делегации Закавказского сейма по ведению переговоров о мире с Турцией, с. 1-8.)

⁹¹⁰ Там же.

⁹¹¹ Уратадзе. Образование и консолидация, с. 53.

может быть, и нет. Брестский мир Ониашвили назвал «финалом», который «довершает позор и разложение большевистской России»: «не спрашивая совершенно закавказские народы», не считаясь с их волеизъявлением, Совнарком «самочинно заключил с Германией позорный мир и отдал Россию — Германии, а Закавказье — Турции»⁹¹².

Тем не менее не все приветствовали идею отделения от России. Против, в частности, высказалось русское население Закавказья. В резолюции Временного бюро русского национального совета по этому поводу говорилось, что Временное бюро русского национального совета, не признавая Совет народных комиссаров правомочным заключать мир, не признает и условий мира, касающихся границ Закавказья, а потому не находит возможным отдавать Каре, Ардаган и Батум Турции. Бюро, однако, предлагало Закавказью не отделяться, а найти способ объединить свои силы «со всей революционной демократией России» и вместе вести борьбу против брестского диктата⁹¹³.

Сам Закавказский сейм шел на провозглашение независимости со смешанным чувством⁹¹⁴. Ироничным казалось, что в независимости Закавказья оказывался заинтересован первейший враг — Турция⁹¹⁵. Риск был и в том, что Закавказье могло при прямых переговорах с Турцией

---

⁹¹² АИГН, 17/4. Закавказский сейм. Стенографический отчет. Сессия первая. Заседание двадцать второе. Тифлис, 9 апреля 1918 года. Речь члена Сейма Ониашвили по вопросу о независимости Закавказья, с. 3.

⁹¹³ АИГН, 17/1. ЗРНС. По примеру других закавказских народностей, созывавших свои национальные съезды в ноябре 1917 года, русское население Закавказья решило создать свой съезд. С этой целью было образовано в декабре месяце Временное бюро русского национального совета. Русский национальный совет окончательно оформился в марте 1918 года. Он создавался из-за разросшейся в крае анархии при ослаблении власти центральной администрации и местных исполнительных комитетов, из-за образования прочих национальных советов — Армянского, Грузинского и Мусульманского, к которым постепенно переходила власть из рук центральной администрации; наконец, для организации Русского добровольческого отряда и замены им, вместе с добровольческими частями других национальностей, войск, уходивших с турецкого фронта (уход русской армии с фронта и опасность турецкого нашествия на Закавказье при помощи добровольческих отрядов). Первый съезд Русского национального совета проходил с 24 по 31 марта. Социальный состав делегатов был следующий: крестьян, рабочих и солдат — 54; людей свободных профессий — 123; офицеров и чиновников — 24. Всего — 201 делегат. По партийной принадлежности 62 делегата были эсерами, 35-меньшевиками, 9 — народными социалистами, 36 — кадетами, 16 — беспартийными, 8 делегатов представляли общество Русской культуры, а 35-так называемую группу «Соединенной комиссии» (блок партий, стоящих правее кадетов, и некоторые беспартийные чиновники правых взглядов). Во время съезда группа «Объединенных комиссий» вступила в конфликт с основной частью съезда, отказалась от участия в выборах в Национальный совет и в конце концов покинула съезд. Отдельной группой делегатов были представлены сектанты, составляющие значительную часть русского крестьянства Закавказья. Съезд избрал «Закавказский русский национальный совет» в составе 45 человек, который начал свою работу 1 апреля (ЛИГИ, 17/1.ЗРНС).

⁹¹⁴ Сепаратистские стремления проявились не сразу. Армянский и грузинский национальные съезды в ноябре 1917 года не стояли за отделение от России, так как понимали, что Закавказье может оказаться легкой добычей для Турции. Особенно резко против отделения от России высказывалась Грузия: грузинский съезд единогласно проголосовал за тезисы доклада Жордании, против отделения (там же).

⁹¹⁵ «В деле создания самостоятельных Закавказских республик, — пишет современник, — главную роль сыграли не сами народы этих республик, а те враждебные России государства, которые приходили в Закавказье во время мировой войны. Прежде всего к числу таких государств надлежит отнести Турцию» (АИГН, 17/19. [Без названия.] Машинописная копия, с. 1).

потерять больше, чем по Брестскому миру. 5 марта в Сейме по этому поводу от имени партии «Дашнакцутюн» выступил Вращан, как раз и указавший на то, что Турция после провозглашения независимости Закавказья может не отойти к границам 1914 года и не ограничиться уже полученными по Брестскому договору тремя округами.

10 марта, на последнем заседании сессии Закавказского сейма, посвященном вопросу о независимости, царило замешательство. «Заседание ничем не кончилось, — записал очевидец. — Все разошлись, ощущая большую неловкость»⁹¹⁶. Закавказье оказалось в положении более трудном, чем Россия. Ленин по Брестскому миру в основном отдавал территории, которые все равно не смог бы удержать и контролировать, причем отдавал их под оккупацию германской армии — более цивилизованной, менее жестокой, чем турецкая. Закавказье могло капитулировать и потерять жизненно важные для страны районы. Но могло попробовать сопротивляться турецкому нашествию (и рисковало потерять еще больше территорий и разорить население тех областей, которые оказались бы под оккупацией турок или в районах военных действий).

Именно эти вопросы и обсуждались 11 марта в штабе Кавказского фронта на совещании военных и государственных деятелей, посвященном возможности продолжения войны с Турцией. Мнение военных сводилось к тому, что Закавказье сопротивляться не может. Так считал, в частности, полковник генерального штаба Шатилов, сообщавший, что у турок на Кавказском фронте сосредоточены три дивизии: 37-я, 42-я и 11-я. Шатилов не исключал, что «недели через три турки выйдут к Батуму или даже высадят десант западнее города, чтобы отрезать Батум от остального Закавказья». С занятием же Батума турки смогут действовать в направлении на Ардаган и угрожать Карсу, причем «если Закавказье отделится от России, может быть потерян Черноморский флот, и тогда будет не исключена блокада Батума»⁹¹⁷.

Пессимистично был настроен главнокомандующий войсками Кавказского фронта генерал-майор Лебединский. В рапорте председателю Закавказского комиссариата он доносил, что, получив 10 марта от турок телеграммы с предложением очистить Батумскую и Карсскую области и Ардаганский округ, он, намереваясь «противиться этому предложению вооруженной силой», прибыл в Батум, чтобы на месте оценить возможности для обороны, и выяснил, что город совершенно не готовится к турецкому нашествию и что на Приморском направлении никаких войск нет. «Вопрос обороны границы Закавказья от наступления турецких сил, —

---

⁹¹⁶ АИГН, 17/5, с. 20, 27.

⁹¹⁷ АИГН, 17/2. Протокол совещания...

заклучил Лебединский, — является совершенно безнадежным и, в связи с настроением народных масс в тылу» — отсутствием единства у закавказского населения — «может иметь самые печальные последствия»⁹¹⁸.

Однако социал-демократические деятели, в руках которых находилось руководство страны, подобно революционерам в России считали, что состояние дел в момент революции определяют далеко не только перевесом в военной силе. Закавказские меньшевики предлагали то же самое, что и меньшевики в России: встать на путь организации общенародной войны против захватчиков. Жордания считал, что необходимо «поднять народное движение», организовать народную милицию (без ограничения возраста), отозвать мирную делегацию, так как она «действует неблагоприятно на воображение населения»; Красную гвардию — отправить на фронт, Черноморский флот — купить, поскольку «флот будет служить тому, кто даст деньги». Через тот же Черноморский флот Жордания планировал закупить продовольствие для Закавказья, поскольку «матросы согласились за 400.000 руб. привезти из Севастополя 200.000 пудов зерна»⁹¹⁹.

5 апреля на шестом и последнем заседании мирной конференции в Трапезунде Закавказская делегация согласилась на уступку туркам «всего Ольтинского округа, южной части Ардаганского, юго-западной части Карсского округа и западной части Кагызманского округа». В ответ 6 апреля в 7 часов вечера Турция предъявила ультиматум: в течение 48 часов Закавказье должно было информировать турецкую сторону о принятии условий Брестского договора в касающейся Закавказья части. Утром следующего дня председатель Закавказской мирной делегации Чхенкели

---

⁹¹⁸ АИГН, 17/2. Главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Управление генерал-квартирмейстера. Оперативное отделение. 7 марта 1918 года. Председателю Закавказского комиссариата. Секретно, с. 1,8. Тем не менее армия готова была к сопротивлению, если того потребуют обстоятельства. В протоколе совещания от 11 марта, в частности, было записано:

«Ген. Лебединский. Настаивает на внесении в Сейм в срочном порядке: 1. принуждения при мобилизации; 2. увеличения сроков возрастов [...]

Ген. Дурново. Докладывает о состоянии запасов оружия и патронов, [...] [которых] захвачено большевиками в Баладжарах 18 мил. Нужно немедленно купить эти патроны у большевиков [...]. Необходимо немедленно послать в Россию за чертежами на случай постройки или, вернее, приспособления существующего в Батуми завода ручных фанат. Материалы для изготовления есть в Закавказье, но капсулы и порох нужно купить [...]. Вооружение Батума считается прекрасным [...].

Ген. Соллогуб. Разрешить эвакуацию включительно до Тифлиса.

Ген. Лебединский. Оглашает телеграмму генерала Левандовского о прибытии в Трапезунд нового полка из Константинополя и вторую телеграмму о беспорядках в Ризе. Таким образом в Трапезунде сосредотачиваются значительные силы и поэтому Закавказье поставлено в очень тяжелые условия. Надеется, что народные вожаки призвуют народ к защите края. [...] Призывает напрячь энергию и все силы к доведению обороны до успешного конца.

Ген. Аверьянов. Докладывает, что настроение Понтийского населения благоприятно Закавказью и по формулировке комиссара Анфилова — население враждебно относится к войне против русских и как один человек станет за Закавказье.

Ген. Лебединский. Для обороны Батума нужен [Черноморский] флот. Нужно его привлечь какою угодно ценою [...]

Ген. Аверьянов. Спрашивает, нужно ли возобновить оборонительные работы в Карее [...]

Ген. Голицын. Считает, что в Карее делать ничего не нужно». (АИГН, 17/2. Протокол совещания...)

⁹¹⁹ Там же.

телеграфировал об ультиматуме в Тифлис. 8 апреля «был получен ответ правительства с предложением максимальных уступок», которые, однако, не удовлетворили Турцию. В Тифлис была послана новая телеграмма. Срок ультиматума был продлен еще на 48 часов, но одновременно с этим 8 апреля турецкая армия начала военные действия с целью овладения спорными территориями силой. В тот же день Закавказский комиссариат послал Чхенкели в Трапезунд телеграмму с требованием к туркам прекратить военные действия под угрозой разрыва переговоров⁹²⁰.

Чхенкели попросил сообщить, может ли Закавказье «силой оружия отстоять Батум, Ардаган и Каре». Если не может, каковы предельные уступки туркам. «Время не терпит», — заключил Чхенкели⁹²¹. Однако Тифлис молчал. До 9 часов вечера 10 апреля, когда истекал срок ультиматума, ответа правительства Закавказья не последовало. Тогда закавказская мирная делегация на свой страх и риск дала согласие на признание Закавказьем Брестского мирного договора⁹²². Вскоре после этого из Тифлиса пришел, наконец, долгожданный ответ за подписью Гегечкори. Закавказский сейм постановил разорвать переговоры с Турцией. Председателю мирной делегации министру иностранных дел Чхенкели предписывалось «ввиду того, что мирное соглашение по вопросу о границах Закавказья между Турцией и Закавказьем не достигнуто» немедленно выехать обратно в Тифлис. 14 апреля делегация покинула Трапезунд⁹²³. За два дня до этого, 12 апреля, командующий турецкими войсками в ультимативном порядке потребовал от коменданта Батума сдать город⁹²⁴.

Решение разорвать переговоры с Турцией было принято на заседании

---

⁹²⁰ «Турецкие войска вторглись в пределы Закавказья. Ведение переговоров при подобных действиях [...] является совершенно недопустимым и парализующим в полной мере значение мирных переговоров. Прошу сделать заявление турецкому правительству, что дальнейшее передвижение турецких войск должно быть немедленно приостановлено, в противном случае [...] мы вынуждены будем считать, что мирные переговоры не удалась» (Уратадзе. Образование и консолидация, с. 57).

⁹²¹ Там же.

⁹²² АИГН, 17/7. Доклад делегации Закавказского сейма по ведению переговоров о мире с Турцией, с. 1-8.

⁹²³ Там же, с. 1-8; там же. Приложение, с. 1-2, 4. Было условлено, «что обе делегации считают создавшееся положение не разрывом, а перерывом в занятиях конференции», которая, однако, никогда уже не возобновила своей работы.

⁹²⁴ «1. Батумский санджак с городами Батуми, а также форты, окружающие Батуми, со всеми военными припасами, должны быть возможно скорее заняты нами. 2. На основании этого предлагаю Вашим войскам до четырех часов дня после полудня, 13 апреля, покинуть укрепления. Если Вы примете это предложение, то войска мои до полного выхода Ваших войск из города не войдут в него и останутся на фронтах. Командующий турецкими войсками Кавказского фронта позволяет Вашим войскам сохранить оружие. 3. Ожидаю ответа на мое дружеское предложение. В случае же непринятия его предупреждаю, что будут сделаны все необходимые приготовления для штурма, результатом которого будут разрушение, пролитие крови и плен защитников. 4. Завтра, 13 апреля, до полудня жду Вашего ответа. Начиная с 4 часов пополудни позволяю себе свободу действия» (Уратадзе. Образование и консолидация, с. 57).

Сейма 13 апреля. В 8 часов вечера его открыл председатель Сейма Н. С. Чхеидзе. Первым выступал председатель правительства Гегечкори. Он сообщил, что отоманское правительство настаивает на принятии полностью Брест-Литовского договора и не соглашается на сделанные уступки — Карса и Ардагана с оставлением за Закавказьем Батума. Гегечкори считал, что Закавказье не может отказаться от Батума — единственного выхода к морю; «при невозможности заключить позорный мир и этим подписать Закавказью смертный приговор», вопрос остается разрешить «силой оружия»; «при единении всех народов Кавказа можно рассчитывать на победу».

От имени меньшевиков за разрыв переговоров с Турцией и против признания Брестского мира выступил Церетели: «В этой неравной борьбе мы можем пасть, — сказал он, — но наша гибель может разбудить демократию великой России и поднять ее на борьбу с германским империализмом». Русские меньшевики предлагали будить революцию в Германии. Грузинские — в России. «Мы уверены, что Турция не остановится на тех условиях, которые она предъявляет на основании Брест-Литовского договора. Она пойдет и дальше», — указал Арутюнян, представитель фракции «Дашнакцутюн», и от имени армянского населения Закавказья предложил отвергнуть турецкий ультиматум. За отклонение ультиматума и условий Брестского договора выступили закавказские эсеры⁹²⁵. В результате Сейм проголосовал за резолюцию, зачитанную Жордания: «Отозвать мирную делегацию из Трапезунда и считать, что мы находимся в состоянии войны с Турцией. [...] Объявить всю страну на военном положении [...]. Обратиться к населению с манифестом».

Заранее заготовленный меньшевиками манифест тут же был утвержден Сеймом⁹²⁶. Закавказье решило драться. С военной точки зрения это решение, безусловно, было очень рискованным: уже 14 апреля турецкие войска заняли Батум⁹²⁷. На следующий день правительство обратилось к населению с призывом сопротивляться⁹²⁸, причем готово было принять

---

⁹²⁵ Там же, с. 59. В отчете 1919 года один из эсеровских активистов указал: «В то время, как все. политические партии холопски пресмыкались перед агентами германского империализма, наши товарищи, действуя согласно директивам ОК, развивали всюду, где возможно, агитацию против Германии Вильгельма, а наша газета даже была закрыта за «оскорбление дружественной держа вы» (МИСИ, архив ПСР, папка 2018, с. 3).

⁹²⁶ Закавказский сейм. Заседание 31 марта [13 апреля] 1918 г. -Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. № 69, с. 1-2.

⁹²⁷ «Оперативная сводка к 12-ти часам 2 апреля. На приморском направлении: крепость Батум 1 апреля занята турками. Гарнизон крепости выведен к северу для продолжения обороны приморского направления» (Там же, с. 2.)

⁹²⁸ «Граждане Закавказья! [...] Вы знаете, какие требования предъявило нам турецкое правительство. От нас потребовали признания Брест-Литовского договора, заключенного без ведома народов Закавказья; которого в настоящее время в России не признает никто [...] Позорного мира мы не подписали. Мирные переговоры с Турцией прерваны. Отныне спор решается силой оружия [...] К оружию! Все на фронт! Все на защиту свободы и родины!» (Манифест Закавказского сейма — там же, с. 2; Уратадзе. Образование и консолидация, с. 62-63; Гелейшвили. Красная книга, с.

для этого помощь и от большевиков⁹²⁹, и от Антанты⁹³⁰. Однако помощь не пришла. А вернувшаяся из Трапезунда мирная делегация убедила Сейм возобновить сепаратные переговоры.

22 апреля, как первый шаг для возобновления мирных переговоров с Турцией, была, наконец, провозглашена независимость Закавказской федеративной республики⁹³¹. В тот же день правительство Гегечкори подало в отставку, которая была принята Сеймом. Новое правительство возглавил сторонник подписания Брестского соглашения Чхенкели. 23 апреля правительство заявило Турции о признании Брест-Литовского договора и согласилось «немедленно командировать свою делегацию для возобновления переговоров» в Батуми. 28 апреля Турция ответила согласием и приостановила продвижение своей армии⁹³².

Провозглашение независимости Закавказья привело к ухудшению и без того нелегкого военного положения федерации. Многие русские офицеры, продолжавшие считать себя гражданами России, после отделения Закавказья стали подавать прошения об отставке⁹³³. 24 апреля военным вопросам было посвящено заседание правительства. Обсуждалось, в частности, положение Карса, которое, по мнению начальника штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта, было безнадежно: Каре не мог продержаться и недели⁹³⁴. Правда, мнение о военной слабости

148-150).

⁹²⁹ «Наша демократия обратилась с призывом о помощи к большевистской России. Наше правительство должно не медля ни минуты вступить в сношения с державами противогерманской коалиции».

(С кем мы должны быть. — Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. № 69, с. 2) Большевики в тот день выступили с дипломатическим протестом за подписью Чичерина и Карахана: «Москва. В Берлин.

Турецкая армия продвигается через Батум, Каре, Лрдаган, разоряя страну и уничтожая население. Ответственность за дальнейшую судьбу армян ложится всецело на Германию, ибо по ее настоянию были выведены все войска из армянских областей» (там же). С призывом о помощи обратилась к «рабочим, крестьянам и солдатам России» Закавказская социал-демократическая фракция Сейма (Гелейшвили. Красная книга, с. 151-152).

⁹³⁰ «Центр [...] Северный Кавказ [...] усомнившийся большевизм — если они придут нам на помощь, мы примем их с распростертыми объятиями, только бы не подпасть под иго турок. Граждане, настал роковой час. Решайте: смерть или жизнь, рабы или свободные граждане» (Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. №69, с. 2).

⁹³¹ Турция признала независимость Закавказья 28 апреля 1918 г.

⁹³² Уратадзе. Образование и консолидация, с. 64-65, 68.

⁹³³ Главнокомандующий генерал-майор Лебединский, начальник штаба генерал-майор Левандовский, генерал-квартирмейстер генштаба полковник Шатилов доносили в связи с этим председателю Закавказского правительства, что с «объявлением независимости Закавказья и решением Сейма прекратить военные действия с Турцией» начали «поступать ходатайства многих [русских] офицеров об освобождении их от занимаемых должностей, как подданных другого государства», причем «с уходом лиц со специальным образованием пополнение их из числа подданных Закавказья почти неосуществимо» (АИГН, 17/2, 10 [23] апреля 1918 года. с. 1-2).

⁹³⁴ «На вопрос, почему мое мнение совершенно расходится с тем, что говорил главнокомандующий, вынесший из своей поездки самые отрадные впечатления, я ответил, что мое мнение совершенно не расходится, ибо со времени поездки главнокомандующего совершилось много событий, изменивших обстановку [...]. На вопрос, каково соотношение сил под Карсом, я ответил, что у турок несомненно обнаружены части трех дивизий, которые, вероятно, усилены и

Закавказья разделялось далеко не всеми военными и политическими деятелями. Когда председатель Закавказской мирной делегации и глава нового правительства Чхенкели заявил в телеграмме, что Ардаган взят, а судьба Карса решится на днях, командир корпуса генерал Назарбеков опубликовал опровержение и указал, что туркам не легко будет взять «эту твердыню, к защите которой комендантом принимаются все необходимые меры». Со времени падения Эрзерума, указывал Назарбеков, боеспособность частей корпуса возросла, и скоро он станет силой, с которой «придется считаться противнику»⁹³⁵.

Член Закавказского сейма Ю. Ф. Семенов несколько позже высказал предположение, что Каре и Батум были сданы не по военным, а по политическим соображениям, под давлением тех, кто хотел заключить сепаратный мир с Турцией. «Армянские части после отступления от Эрзерума до пределов Закавказья оправились и представляли достаточную боевую силу», — писал Семенов. Крепость Каре была снабжена провиантом и боевым снаряжением в достаточных количествах для того, чтобы с успехом отражать «истощенные, голодные и плохо одетые турецкие войска. В таком же положении находился Батум с его великолепным вооружением». В Тифлисе Русский национальный совет сформировал небольшую пехотную часть и несколько батарей территориальных частей, и эти отряды сражались вместе с армянскими частями генерала Назарбекова. Они оставили Каре, «когда по приказу Чхенкели эта крепость была без боя отдана туркам против воли значительной части Закавказского правительства, об этом не осведомленном», и несмотря на то, что Назарбеков считал возможным Каре удержать⁹³⁶.

26 апреля Закавказское правительство выступило в Сейме с декларацией о своих планах. В целом политическая линия правительства Сеймом была одобрена. В длинной речи Церетели обвинил во всех несчастиях Закавказья большевиков, совершивших переворот в Петрограде, развязавших гражданскую войну, подписавших Брестский мир. «Ультиматум о признании Брест-Литовского мирного договора диктовался нам с двух сторон, — сказал Церетели, — со стороны большевистской России и со стороны наступающей Турции». Только поэтому Закавказью пришлось принять турецкие требования и провозгласить свою независимость, указал выступавший.

другими частями; у генерала же Назарбекова приблизительно вдвое меньше сил» (АИГН, 17/2, Начальник штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта [В. А. Левандовский]. 12 апреля 1918 года. с. 1-2).

⁹³⁵ Телеграмма ген. Назарбекова от 30 марта. — Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. № 69, с. 2.

⁹³⁶ АИГН, 17/1. ЗРНС.

5 мая в Батуми открылось заседание мирной конференции, однако турецкая делегация заявила, что, положив Брестское соглашение в основу переговоров, она оставляет за собою право предъявления новых территориальных требований⁹³⁷. Возникший из-за этого конфликт предложили урегулировать в качестве посредников немцы. Германская миссия во главе с генералом фон Лоссовым прибыла для этого в Батуми. Германское вторжение (по сравнению с турецким) представлялась Закавказью наименьшим злом. И правительство решило с помощью немцев попытаться избежать оккупации всего Закавказья турками. При посредничестве Германии переговоры тянулись до 25 мая, но успехом не увенчались. Видя безрезультатность своего посредничества, фон Лоссов отказался от данной ему миссии и покинул Батуми.

В тот же день Турция предъявила новый ультиматум, дав для ответа 72 часа⁹³⁸. Дальнейшие оттяжки и сопротивление грозили серьезным кровопролитием, и Закавказская федерация, просуществовав чуть больше месяца, распалась. В надежде избежать турецкой оккупации Церетели на заседании правительства 26 мая заявил о выходе Грузии из федерации и провозглашении независимости⁹³⁹. Лишившись основного своего звена, Сейм в три часа дня 26 мая объявил себя распущенным. Через час в том же зале было открыто заседание Грузинского национального совета⁹⁴⁰. С интервалом в один день, 27 и 28 мая, о независимости заявили Армения и

---

⁹³⁷ Уратадзе. Образование и консолидация, с. 65-68.

⁹³⁸ Там же, с. 69-70.

⁹³⁹ Вот что сказал в разговоре с бывшим членом Закавказского сейма и будущим видным русским эмигрантским общественным деятелем Ю. Ф. Семеновым 27 мая 1918 года командир Грузинского корпуса генерал Габаев: «На мое утверждение, что провозглашение независимости Грузии никого ни от чего не спасает, что Грузия будет все равно оккупирована турецкими войсками и потеряет всякие следы независимости, Габаев возражал. Он говорил, что Германия не позволит Турции занять Грузию [...] что Германия осуществляет теперь то, что ею было задумано в 14 году. Тогда, он говорит, это был секрет, а теперь это известно всем. Поэтому об этом можно говорить откровенно. В 1914 году, при начале войны, Германия заключила с Турцией договор, по которому в случае германской победы Турция получала все Закавказье и Дагестан, за исключением Грузии. [...] Теперь этот договор осуществляется. По этому договору [...] Германия брала на себя защиту независимости Грузии. Теперь [...] Германия осуществляет свою защиту, расставляя свои пикеты по границам Грузии, и не позволяет Турции вторгнуться в пределы Грузии. Когда же я ему [указал на] [...] ультиматум, предъявленный вчера ночью Турцией о том, что Грузия должна пропустить по своим дорогам турецкие войска и уступить Турции Ахалцинский и Ахалкалаский уезды, Габаев сказал, что это вздор, никакого такого ультиматума нет и что Германия не позволит Турции предъявлять подобные ультиматумы. [...] Он сказал, что по настоянию Германии Турция стала перебрасывать свои войска из Батума пешим порядком на Ардануч, Ардаган, Каре, чем доказывается, что они хотят оставить в покое западную ветку [Военно-Грузинской] дороги. Еще одно доказательство он приводил. Летом прошлого года Германия предлагала грузинам освободить 20 тыс. пленных грузин с тем, чтобы грузины, вооружив их, послали в Трапезунд. Германия говорила, что благодаря революции русские войска неизбежно уйдут с фронта и что тогда по мере отхода русских войск от Трапезунда грузинские войска, замыкая шествие, остановились бы на Чорохе и сумели бы отстоять границы Грузии 14 года. Таким образом, уже в прошлом году Германия была уверена, что русская армия разойдется по домам и сама предлагала возможность активной борьбы с Турцией в оттаивании границ Грузии. Но [...] руководители грузинской политики [...] отнеслись недостаточно серьезно к этому предложению и нам теперь пришлось потерять Батум, который, впрочем, мы сумеем вернуть на международной конференции после окончания войны» (АИГН, 17/9. Записано Ю. Ф. Семеновым, с. 1-2).

⁹⁴⁰ Уратадзе. Образование и консолидация, с. 76.

Азербайджан. Тогда же, 28 мая, Грузия подписала в городе Поти предварительный договор с Германией о вводе в Грузию немецких войск⁹⁴¹.

При содействии Германии 4 июня Грузия и Армения заключили с Турцией «Договор мира и дружбы», что, однако, не спасло Армению от нашествия турецкой армии — в том же месяце мир был разорван и военные действия возобновились⁹⁴². Договор, не ратифицированный ни одной из сторон, так и не вступил в силу. Но от турецкой оккупации Грузия была спасена, променяв ее на германскую⁹⁴³.

Азербайджан мира с Турцией не заключил. В Баку скопилось немало русских солдат, там же была сосредоточена Каспийская флотилия. Власть в городе взяли большевики, однако на коалиционной основе, с вхождением в Бакинский совет «умеренных элементов», в том числе армянских национальных партий. Последние были настроены резко антитурецки, категорически выступали против мира с Турцией и сыграли большую роль в организации отпора турецкой армии⁹⁴⁴. Тем не менее, турецкая опасность городу все возрастала, и в самом конце июля Бакинский совет 259 голосами против 236 высказался за приглашение союзников. Посланный англичанами отряд из 1100 человек⁹⁴⁵ не мог существенно

---

⁹⁴¹ Об экономических и военно-политических интересах Германии в Грузии свидетельствует одно из донесений Людендорфа от 9 июня 1918 года германскому статс-секретарю по иностранным делам. Из него также следует, что Германия намеревалась противостоять в Закавказье наступательной политике Турции: «Необходимо признать грузинское государство и защищать его. [...] Если Грузия станет нашей передовой базой, то можно надеяться, что кавказская территория постепенно будет умиротворена и мы сможем вывозить оттуда сырье, в котором так нуждаемся. [...] Мы должны руководствоваться принципом, что Турция не должна препятствовать формированию грузинской армии и поставке сырья с Кавказа. Если турки займут линию Тифлис — Баку и сам Баку, мы будем рассматривать это как враждебное выступление, как оккупационный акт, который может привести к разрушению местной нефтяной промышленности».

⁹⁴² В связи с этим в середине июня 1918 года на Кавказе была «объявлена поголовная мобилизация армян» (Мобилизация армян — Голос Киева, № 54, пятница, 21 июня 1918).

⁹⁴³ В письме в Международное социалистическое бюро представители грузинской социал-демократии писали по этому поводу следующее: «В сложившейся исторической обстановке единственной силой, которая могла нам помочь, оказалась Германия. Турки, войска которых с четырех сторон наступали на нашу столицу, заставили нас согласиться на передачу им наших железных дорог. Германия только могла избавить нас от мертвой петли этого соглашения при условии передачи ей контроля над нашей железнодорожной сетью. Мы знаем, насколько тяжело это условие, но у нас не было другого способа избавиться от турецкой оккупации. Мы подписали договор с Германией, разрешили ей распоряжаться нашими железными дорогами, предоставили ей экономические права, которых она добивалась, приняли к себе их полки и выговорили себе лишь защиту от Турции и невмешательство в наши внутренние дела. Оба условия были выполнены Германией». (Гелешвили. Красная книга, с. 226-227).

⁹⁴⁴ Современник отмечает: «Дело шло довольно успешно, и бакинская Красная гвардия доходила до Кюрдамира» (АИГН, 148/4, с. 1-6).

⁹⁴⁵ По другим сведениям, англичан было до 1500 человек (там же, с. 6). В первые же дни пребывания англичан в Баку главнокомандующий английскими войсками в Северной Персии генерал Данстервиль опубликовал воззвание: «Декларация британского правительства народам России. Энзели. Принята 26 августа 1918 года. Мы, как друзья ваши, приходим, чтобы помочь вам избежать раздробления и гибели от руки Германии [...]. Наши войска вступают в Россию только, чтобы помогать вам в вашей борьбе против Германии» (АИГН, 17/19, с. 6).

изменить положения и противостоять 11-тысячному турецкому войску⁹⁴⁶. Но поскольку против приглашения англичан выступали большевики, придерживавшиеся, согласно директивам Москвы, прогерманской ориентации даже в июле 1918 года, им пришлось отстраниться от власти. Диктатура Бакинского совета была заменена «диктатурой Исполкома и Центрофлота», которая, однако, не имела сил для организации обороны города. В августе Баку был осажден турецкими войсками. В ночь с 14 на 15 сентября англичане покинули город и отошли в Энзели. На следующий день в Баку вошла турецкая армия. Она оставалась в городе до конца мировой войны⁹⁴⁷: 17 ноября англичане заключили перемирие с Турцией, и в Баку, уже во второй раз, вошли английские войска, под командованием генерала Томсона⁹⁴⁸. Британские части были также введены в Грузию и Армению.

Все это время, до 13 ноября, советская Россия, подписавшая с Четверным союзом «передышку» на условиях, приведших к отделению и оккупации Закавказья, формально жила в состоянии мира с Германией и Турцией. Получалось, однако, что Ленин уступил не три закавказских округа — Каре, Батум и Ардаган, а все Закавказье. Но если революционеры, устремившие свой взор на запад, готовы были простить Ленину потерю южных территорий, годных разве что для броска на Турцию и Иран, они восприняли как откровенную измену делу революции согласие Ленина на отдачу под германскую оккупацию почти уже советской Украины.

Глава десятая. Мир, которого не было: Украина

В последовавшие после ратификации Брестского мира недели Ленин продолжал оставаться объектом резкой критики. Его критиковали враги и друзья, союзники и оппоненты. Критика в адрес Ленина и Брестского мира перестала зависеть от партийных или политических позиций. Ленин завел партию в тупик, из которого, казалось, не было выхода. Но с необъяснимым для посторонних упрямством Ленин продолжал защищать «передышку».

---

⁹⁴⁶ В обороне города участвовали и русские несоветские части. В одной из корреспонденции того времени говорилось: «В это время [...] через Персию эвакуировался в Россию [...] русский отряд полковника Бичерахова, действовавший совместно с англичанами. Этот отряд [...] был отправлен в Баку для укрепления фронта [...]. Бичерахов командовал Красной армией 6-22 июня, а затем командовал лишь своим отрядом. Ввиду выяснившейся невозможности работать с большевиками сам Бичерахов в августе пробился на север и занял Дербент и Петровск. В Баку оставалась все же сформированная им бригада, принявшая участие в обороне города после прихода англичан» (АИГН, 148/4).

⁹⁴⁷ АИГН, 17/19, с. 7. Недолго оставалась гарантом независимости Грузии и Германия. 22 октября, в преддверии крушения германских армий и подписании перемирия на Западном фронте, германское верховное командование подписало директиву о выводе немецких войск из Грузии.

⁹⁴⁸ Вместе с союзниками 17 ноября в Баку ввел Каспийскую флотилию и свои части Бичерахов, выбитый перед тем из Петровска. Флотилия, впрочем, была англичанами разоружена.

Казалось, он не видел того, что происходит вокруг, не слышал, что говорилось другими. «В наиболее острые моменты, — писал о Ленине Троцкий, — он как бы становился глухим и слепым по отношению ко всему, что выходило за пределы поглощавшего его интереса [...]. Он верил в то, что говорил»⁹⁴⁹. Эта несокрушимая вера не подходила под понятие «самоуверенность». Она была чем-то большим, не поддающимся ни осмыслению, ни логике. Ленин не видел пути, по которому шел сам и вел других. Однако каждый свой следующий шаг он видел отчетливо. Его охватывала паника или вдруг — необъяснимый оптимизм, в зависимости от того, перед кем он выступал, какие цели преследовал выступлением. Но каждый раз — или только казалось так окружающим — он верил в то, что говорил. И эта вера захватывала, опьяняла, гипнотизировала. Так вело его шаг за шагом, слепо. Как иначе можно было объяснить согласие Ленина на отторжение Украины?

С точки зрения экономической, политической, военной и эмоциональной передача Украины под германскую оккупацию была для революционеров шагом трагическим. Уже побеждающая на Украине советская власть (а может быть так только казалось легковерным коммунистам?) была принесена в жертву все той же ленинской прихоти: получить передышку для советской России. Будучи самым искренним интернационалистом, трудно было отделаться от ощущения, что русские большевики предают украинцев, которые уже с декабря 1917 года предпринимали попытки захватить в свои руки власть.

Как и в Петрограде, киевские большевики первоначально пробовали организовать переворот, опираясь на съезд Советов солдатских и рабочих депутатов. Однако украинский Крестьянский союз, своевременно влив в число делегатов съезда крестьянских делегатов, нейтрализовал эту первую попытку. Тогда большевики покинули Киев, перебрались в Харьков и там провозгласили себя органом советской власти Украины. Из России Совнарком на помощь украинским большевикам послал войска. Советские части успешно наступали, вот-вот могли занять Киев⁹⁵⁰, и правительству «Украинской народной республики» ничего не оставалось делать, как срочно, 9 (22) января 1918 года, провозгласить свою независимость и подписать сепаратный мир со странами Четверного союза, дабы избежать советской оккупации (и променять ее на немецкую)⁹⁵¹.

---

⁹⁴⁹ Троцкий. О Ленине, с. 111, 112.

⁹⁵⁰ 9 (22) января, в день, назначенный для украинской конституанты, она не могла собраться вследствие большевистского наступления (АИГН, 157/11, с. 13-17).

⁹⁵¹ В апреле 1918 г. председатель Совета народных министров Украины Голубович так описал историю приглашения на Украину германских войск: «В свое время, когда Украине угрожала опасность со стороны большевиков [...] мы были вынуждены через свою мирную делегацию обратиться к немецкому народу с призывом оказать нам помощь. Немецкое

Как и в случае с Закавказьем, Россия теряла много больше, чем предусматривал Брестский договор. Первоначально считалось, что под определение «Украина» подпадают 9 губерний: Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Херсонская, Волынская, Подольская, Екатеринославская и Таврическая. Вскоре, однако, от РСФСР были отторгнуты в пользу Украины Курская и Воронежская губернии, область войска Донского⁹⁵² и Крым.

Германия взяла на себя роль защитницы Украины от анархии и большевиков. Однако мир, который она заключала с Радой, был «хлебный», а не политический⁹⁵³. И тот факт, что немцы и австрийцы вывозили из страны продовольствие, делал Германию и Австро-Венгрию в глазах населения ответственными за экономические неурядицы (в которых немцы не обязательно были виноваты), Недавняя угроза советской оккупации была скоро забыта. Ревнителю украинской независимости были настроены теперь антигермански, так как видели в немцах оккупантов. Сторонники воссоединения с Россией были настроены антигермански, поскольку справедливо считали, что именно под давлением Германии Украина провозгласила независимость и отделилась от России. В скором времени антинемецки стали настроены все слои украинского населения⁹⁵⁴.

правительство сейчас же сделало соответствующее распоряжение об отправке к нам в помощь своих войск для установления порядка и спокойствия. С того времени неизменно подчеркивалось [...] (и это закреплено целым рядом официальных документов вроде моей телеграммы рейхсканцлеру Гертлингу с сообщением о том, что Киев освобожден от большевиков и с благодарностью за помощь и его ответом на эту телеграмму), что немецкие войска пришли к нам, как дружеские союзники [...]. Одновременно с этим неизменно подчеркивалось, что ни немецкое правительство, ни немецкое войско не имеют намерения вмешиваться во внутренние вопросы, в наши внутренние дела» (КМ, № 64, 29 апреля 1918, Заседание Малой Рады от 27 апреля. Речь премьер-министра В. А. Голубовича).

⁹⁵² Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 18-19.

⁹⁵³ Статистические данные о вывозе продовольствия с Украины расходятся. Так, 29 апреля 1918 г. «Киевская мысль» привела слова премьер-министра Украины о том, что в Германию и Австро-Венгрию вывезено «более трех миллионов пудов хлеба» (КМ, № 64, 29 апреля 1918 г. Заседание Малой Рады от 27 апреля. Речь премьер-министра). По данным, составленным австрийским статс-секретарем продовольственного ведомства, до ноября 1918 года с Украины странами Четверного союза было вывезено: 113.421 тонна зерна, муки, бобов, фуража и семян; 3.329.403 кг масла, жира и сала; 1.802.847 кг растительного масла; 420.818 кг сыра и творога; 1.213.961 кг рыбы, рыбных консервов и селедки; 105.542 головы (36.625.175 кг) рогатого скота; 95.976 голов лошадей; 2.927.439 кг. солонины; 75.200 ящиков яиц; 66.809.963 кг сахара; 27.385.095 кг различных других съестных припасов. Кроме того 15.000 вагонов различных продуктов было вывезено с Украины контрабандным путем, т. е. не через созданные Германией и Австро-Венгрией правительственные организации для вывоза продуктов с Украины (Чернин. Брест-Литовск, с. 174-175).

Там же указана и та доля продуктов, которую получила Австро-Венгрия. Иные данные называли более критически настроенные в этом вопросе авторы. Генерал Гофман, например, указывал, что германскому «закупочному обществу не удалось открыть сколько-нибудь значительных запасов» продовольствия на Украине — то ли вследствие преувеличения запасов продуктов украинской мирной делегацией (сулившей Центральным державам поставки продуктов с Украины), то ли из-за саботажа украинского населения, спрятавшего весь свой хлеб (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 192). «Обманула и Украина, — писал другой автор. — Ее житницы не открывались по мановению немецких шпаг. [...] Теперь известно, что только 40.000 вагонов продовольствия было вывезено с Украины. Это составляло фунт хлеба на каждого жителя Германии и Австрии. Конрад Гаусман признал, что «хлебный мир с Украиной принес нам траты на оккупацию, но не принес хлеба» (Литовцев. Французы и Брест-Литовск). По другим сведениям за все время германской оккупации Украины Центральные державы вывезли 113.421 тонну продовольствия, в основном зерна, что, однако, было совершенно недостаточно для удовлетворения нужд Германии и Австрии (Chamberlin. The Russian Revolution, v. 1, p. 410).

⁹⁵⁴ Современник пишет: «Даже та часть интеллигенции, которая была им благодарна за освобождение от

Если на Украине считали, что Германия грабит ее продовольственные запасы, в России царило всеобщее убеждение, что голод и недостаток топлива являются следствием германской оккупации Украины⁹⁵⁵. Соответствовало ли это действительности или нет — не имело значения. Важно было, что причину голода в России усматривали в германской оккупации Украины и в брестской политике Совнаркома.

К объективным факторам прибавлялись субъективные. Германские войска на Украине вели себя, как в оккупированной стране (отчасти провоцируемые на это противниками Брестского мира). Самым ярким подтверждением этому было введение на Украине германских военно-полевых судов⁹⁵⁶, которые по германским законам могли действовать только во время войны на оккупированной территории врага⁹⁵⁷. Были случаи разоружения германскими войсками украинских частей⁹⁵⁸, хотя согласно украино-германским соглашениям такие части имели право на существование. Разрешение на празднование 1 мая украинское правительство должно было получать у командующего германскими войсками на Украине⁹⁵⁹. Более красноречивых доказательств отсутствия реального мира трудно было представить: Украина была не под союзной, а под вражеской оккупацией.

Очевидно, что ужесточение оккупационного режима на Украине было

большевиков, не скрывала от них неудовольствия за отделение Украины от России и за поддержку самостийников. Простой же народ, не изживший еще большевизм, считал, что немцы отняли у него землю и волю и ненавидели как немцев, так и тех, кто их пригласил [Центральную Раду] [...] Все это наглядно убедило немцев, [...] что отделяя ее [Украину] от остальной России насильственным путем [...] они возбуждают против себя широкие круги населения как на Украине, так и на всей России» (АИГН, 157/13, с. 3).

⁹⁵⁵ «Голод становится все более угрожающим, — писал о ситуации в Москве советник германского посольства Рицлер в донесении от 4 июня 1918 года, — и поскольку народ считает, что на юге колосятся поля пшеницы, нас винят (и не без оснований) за нехватку хлеба, керосина и угля» (Земан. Германия и революция в России, док. от 4 июня 1918).

⁹⁵⁶ Приказ о введении на Украине военно-полевых судов был подписан командующим германскими войсками на Украине генералом Эйхгорном 25 апреля и объявлен на следующий день. (КМ, № 64, 29 апреля 1918. Заседание Малой Рады от 27 апреля. Речь премьер-министра).

⁹⁵⁷ Германские военно-полевые суды были учреждены в 1890 г. Им были подсудны дела граждан стран, которые находились с Германией в состоянии войны. Само германское правительство понимало наличие противоречия между существованием мирного украино-германского договора и введением военно-полевых судов, но объясняло необходимость издания указа беспорядками, в том числе и частыми единичными убийствами германских солдат (КМ, № 118, 23 июля, № 120, 25 июля 1918).

⁹⁵⁸ В ночь на 27 апреля дивизии из пленных украинцев, находившиеся в Киеве, были разоружены. По заявлению военного министра Украины атамана Жуковского, ночью немцы, окружив казармы, обезоружили 1-й и 4-й полки одной из дивизий (один из полков стоял в Киеве, другой — под Ковелем). Жуковский потребовал, чтобы арестованные в казармах солдаты были освобождены, а германская охрана в казармах, имевшая на вооружении пулеметы, — снята. Германский военный атташе заявил, что вышло недоразумение (там же, № 64, 29 апреля 1918 г. Заседание Малой Рады от 27 апреля. Запрос о разоружении украинских солдат).

⁹⁵⁹ Там же, № 64, 29 апреля 1918 г. Заседание Малой Рады от 28 апреля 1918. Машинописная копия. Речи М. Г. Рафеса и Н. В. Порша.

связано прежде всего с продовольственным вопросом внутри Германии. Именно для обеспечения нормального вывоза украинских продуктов проводила германская армия те или иные военные мероприятия на Украине ⁹⁶⁰. «Хлебный мир» был слишком легкомысленно разрекламирован перед общественным мнением Германии и Австро-Венгрии. Украинский хлеб стал легендой. В его спасительную силу в Германии и Австро-Венгрии верили все, от членов правительства до простых рабочих.

Первые оптимистические прогнозы о скором прибытии украинских продуктов начинают появляться в германской прессе весной 1918 года. 9 апреля публикуется сообщение о подписании в Киеве германо-украинского соглашения о вывозе в Германию 60 миллионов пудов продовольствия, в том числе пшеницы, корма для скота, гороха, бобов, продуктов для выделки растительного масла и т. п. ⁹⁶¹ Главный комиссар по продовольствию в Пруссии фон Вальдов указывал в те дни, что до нового урожая Германия определенно надеется потреблять украинский хлеб, доставка которого «произойдет своевременно», поскольку «все для этого уже подготовлено» и «украинское правительство обязалось до 31 июля доставить около миллиона тонн хлеба» (62,5 миллиона пудов), начав доставку в мае. «Таким образом, нет поводов для беспокойства, — уверял Вальдов, — мы благополучно выйдем из наших затруднений» ⁹⁶². Впрочем, 26 апреля, во время прений по продовольственному вопросу в прусском ландтаге, Вальдов признал, что, хотя германская и австро-венгерская армии заняли уже основные хлебные районы Украины и главные железнодорожные узлы, они не могут пока приступить к закупке и отправке продуктов, поскольку сначала Украина должна быть «до некоторой степени замирена» ⁹⁶³.

Военная политика Германии на Украине была подчинена продовольственным целям. Для организации дела вывоза продуктов с Украины нужно было создать там стабильный режим, ввести туда войска, обеспечить непрерывную работу транспорта. Многие земли пустовали. Засеивались далеко не все обрабатываемые ранее поля. Это крайне

---

⁹⁶⁰ В «Гауптаусшуссе» рейхстага 4 мая происходили по этому поводу горячие прения. Германский вице-канцлер Ф. фон Пайер сказал, что продовольственные соображения были основными при решении вопроса о вводе на Украину германских войск (Алексеев. Уроки прошлого).

⁹⁶¹ С некоторыми оговорками все то же самое можно сказать и о политике на Украине Австро-Венгрии. «Мы получили от Украины значительно меньше, чем мы надеялись», — указывал в своих воспоминаниях граф Чернин. Он, однако, считал, что без этого продовольствия Австро-Венгрия вообще не была бы «в состоянии дожить до следующего урожая. Статистически доказано, что весной и летом 1918 года мы получили от Украины 42.000 вагонов. Было бы невозможно достать эти съестные припасы из какого-нибудь другого места» (Чернин. Брест-Литовск, с. 174).

⁹⁶² Алексеев, Уроки прошлого.

⁹⁶³ Там же.

волновало германское руководство. Немцы и тут встали на путь принуждения: по распоряжению главнокомандующего германскими войсками на Украине генерала Г. Эйхгорна крестьяне обязаны были засеивать все имеющиеся земли. Приказ предусматривал принудительную запашку крестьянами полей, военную реквизицию сельскохозяйственных продуктов с уплатой «справедливого вознаграждения» собственникам; вменял помещикам в обязанность следить за крестьянскими посевами, а в случае отказа крестьян производить посев, обращаться к военным властям. Для обработки таких полей местным земельным комитетам предписывалось под угрозой наказания, предоставлять необходимый рабочий скот, сельскохозяйственные машины и семена. Но поскольку распоряжение не указывало, кто именно должен засеивать земли, оно привело главным образом к самочинным захватам чужих полей. Немецкие же офицеры на местах толковали распоряжение по-разному, «в иных случаях прогоняя, а в других поощряя захватчиков»⁹⁶⁴. И это, разумеется, приводило лишь к росту аграрного бандитизма на Украине, т. е. к целям, прямо противоположным тем, которые изначально ставило перед собою германское правительство: стабилизировать режим Украины для обеспечения спокойного вывоза продуктов в Германию.

Такую политику нельзя было назвать ни мудрой, ни последовательной. Со временем против нее стало выступать даже зависимое от Германии правительство Рады. По причинам политической целесообразности оно критиковало, прежде всего, главнокомандующего германскими войсками на Украине Эйхгорна, а апеллировать пыталось к германскому правительству и рейхстагу. Решающие заседания, посвященные германской политике на Украине, происходили в Киеве 27 и 28 апреля, вскоре после обнародования на Украине приказа Эйхгорна о введении германских военно-полевых судов (и смертной казни). Критика была всеобщей. На заседании 27 апреля М. Любинский, подписавший в свое время в Бресте германо-украинское соглашение о мире, предлагал на этот раз быть решительным и требовать отозвания Эйхгорна и посланника Мумма. В противовес приказу Эйхгорна он предлагал издать указ украинского правительства, аннулирующий приказ германского командующего⁹⁶⁵. На следующий день с критикой немцев выступил на заседании Малой Рады председатель Совета народных министров Украины В. А. Голубович, указавший, что, согласно имевшейся между германским и украинским правительствами договоренности, «все

---

⁹⁶⁴ По свидетельству бывшего министра сельского хозяйства Украины, «так как это распоряжение совпало со временем весенних посевов, то самочинные посевы на чужих землях, во многих случаях с осени заготовленных владельцами, приняли еще более широкие размеры» (АИГН, 157/2, с. 1).

⁹⁶⁵ КМ, № 118, 23 июля 1918.

приказы должны объявляться с обоюдного соглашения и после совместного обсуждения»; между тем, приказы Эйхгорна вводились в одностороннем порядке⁹⁶⁶. Голубовича поддержал член Рады — эсер, потребовавший «изменения политики немецкого командования на Украине»⁹⁶⁷. Председатель государственной комиссии по товарообмену социал-демократ Н. В. Порш по существу пригрозил немцам разрывом соглашений о поставках продовольствия на том основании, что приказ Эйхгорна нарушает права украинской республики и означает «поворот в политике немцев на Украине». Центральные державы «находятся в таком положении, — закончил Порш, — что не могут вести дальше войны без наших продуктов», а потому сами заинтересованы, чтобы условия на Украине позволяли доставлять в Германию хлеб⁹⁶⁸. Бывший министр земледелия украинский социал-демократ Мартос тоже потребовал «устранения» Эйхгорна и невмешательства германской армии в украинские дела⁹⁶⁹. А. Н. Зарубин (эсер) указал, что приказы Эйхгорна по существу отменяют «на всей территории Украины все политические свободы» — собраний, союзов, печати и слова⁹⁷⁰. Если учесть, что еще 17 апреля украинское правительство отказалось подписать украино-германскую военную конвенцию, на которой настаивали немцы⁹⁷¹, становилось очевидно, что оно уже не было лояльно Германии. Германское правительство сделало из этого соответствующие выводы: 28 апреля, во время заседания Малой Рады, в 3 часа 45 минут дня, правительство Украины было арестовано вошедшим в зал немецким отрядом⁹⁷². Германия, не заинтересованная в

---

⁹⁶⁶ Там же, № 64, 29 апреля 1918. Заседание Малой Рады от 27 апреля. Речь премьер-министра.

⁹⁶⁷ Там же, речь Янько.

⁹⁶⁸ Там же, Заседание Малой Рады от 28 апреля.

⁹⁶⁹ Там же.

⁹⁷⁰ Там же.

⁹⁷¹ Там же, № 118, 23 июля 1918.

⁹⁷² Вот как на следующий день описывала происшедшее газета «Киевская мысль»:

«Около 3.30 ч. дня к столу печати во время речи Рафеса подходит один из членов рады и сообщает, что [...] здание рады оказалось окруженным немецкими солдатами, которые никого не выпускают. Сообщение это тем же членом рады было передано и председателю М. С. Грушевскому, который спокойно продолжал вести заседание. [...] Рафес кончил уже свою речь, когда по лестнице, ведущей в залу заседания, происходившего на третьем этаже, раздался топот солдатских сапог. Дверь за столом президиума в 3 ч. 45 мин. вдруг распахнулась, в ней появился германский лейтенант с отрядом германских солдат в касках, вооруженных винтовками со штыками и револьверами [...]

— Где здесь военный министр Жуковский? Где здесь министр внутренних дел Ткаченко? — стал громко называть лейтенант, командовавший отрядом. — Где министр Ковалевский? Где директор административно-политического департамента Гаевский? [...] — Я здесь, — отозвался только директор административнополитического департамента министерства внутренних дел Ю. И. Гаевский.

По команде лейтенанта [...] Гаевский был арестован и выведен из зала заседания. [...] Командир отряда продолжал производить розыски гг. Ткаченко, Жуковского и Козловского [...]. Один за другим переписываются все присутствующие

сохранении руководства, саботировавшего (по ее мнению) выполнение продовольственных соглашений ⁹⁷³, совершила на Украине государственный переворот⁹⁷⁴. К власти пришло правительство гетмана Скоропадского, придерживавшееся более прогерманского курса.

* * *

На счастье Ленина, 29 апреля, когда он выступал с речью во ВЦИК, в России еще не знали о совершенном на Украине немцами перевороте. Речь Ленина продолжалась 80 минут. Она была посвящена критике левых коммунистов и защите брестской передышки ⁹⁷⁵. Но, казалось, не окружающим, а себе доказывал Ленин в тысячный раз правоту собственных мыслей. Это не осталось незамеченным для лидера меньшевиков Мартова. Тот понял, что в Ленине боролись два человека — безудержный

на заседании члены рады. Каждый зарегистрированный депутат отводится затем под конвоем в отдельную комнату, рядом с залом заседания, где вскоре очутились все члены рады [...] У дверей выходящие подвергаются беглому наружному осмотру, — нет ли у них оружия [...]. Затем в здании рады начался общий обыск. Все выходы рады были заняты войсками. Перед зданием рады тоже стояли немецкие войска с пулеметами и броневиком. [...] Был увезен и оказавшийся в здании рады управляющий министерством иностранных дел г. Любинский. Последний был вскоре освобожден. Здание рады опустело. Все находившиеся там лица были оттуда удалены. У дверей были поставлены немецкие патрули. [...] Вечером [...] немецкие караулы из здания рады были удалены [...]. К вечеру в доме рады возобновилась жизнь [...]. — Что же, наконец, произошло? В чем дело? Разогнаны мы или нет? [...] И на этот вопрос никто ясного ответа дать не мог» (там же, № 64, 29 апреля 1918... Заседание Малой Рады от 28 апреля 1918).

⁹⁷³ Алексеев. Уроки прошлого.

⁹⁷⁴ Не исключено, что в преддверии этого переворота и вводились на Украине германские военно-полевые суды. По крайней мере, именно такой суд судил арестованных членов правительства, формально обвинявшегося немцами в коррупции и похищении симпатизировавшего немцам финансиста А. Ю. Доброго. Суд этот широко освещался в те дни прессой и производил большое впечатление. Вот что записала в своем дневнике современница тех событий: «В середине лета слушалось дело об увозе Доброго. Следствие нарисовало неприглядную картину административного произвола. [...] Отношение [немецкого] военного прокурора Трейде поражало и возмущало сквозившим в нем презрением к подсудимым [...] Речь талантливого [германского] обвинителя пестрела брезгливыми ироническими словечками» (АИГН, 157/9).

Следует отметить, что похищение Доброго было произведено в ночь на 25 апреля, до объявления приказа фельдмаршала Эйхгорна о введении на Украине германских военно-полевых судов. И подсудность членов украинского правительства по обвинению, в похищении Доброго военно-полевому суду была, разумеется, нарушением закона. В свое оправдание немцы указывали на то, что Добрый не был освобожден после обнаружения указа (КМ, № 118, 23 июля 1918).

По обвинению в похищении Доброго перед германским судом предстали военный министр Алексей Жуковский (33 года, эсер), бывший директор административно-политического департамента министерства внутренних дел Раевский (31 год, эсер), чиновник особых поручений Александр Осипов (26 лет, беспартийный), начальник милиции Богацкий, бывший начальник уголовно-розыскного отделения Красовский, министр внутренних дел Ткачен-ко и его супруга, премьер-министр Голубович. 26 июля в 8 вечера комендант г. Киева немецкий генерал Вейке утвердил вынесенный военно-полевым судом приговор: Голубович и Жуковский были приговорены к двух годам тюрьмы каждый; Гаевский, Осипов, Богацкий и Красовский — к году (там же, № 121, 26 июля 1918).

Так называемое похищение Доброго на самом деле было лишь попыткой высылки его, видимо, в Россию, так как Добрый, по политической принадлежности кадет, стоял за выполнение Украиной всех взятых на себя в Брест-Литовске экономических обязательств. Кроме того, он собирался продать немцам свои сахарные заводы. Короче, Добрый был настроен прогермански, и за это, на основании августовского закона 1917 года о высылке «из пределов Украинской республики всех тех, кто считался вредным для интересов республики», был тайно арестован. В ответ германский посланник на Украине фон Мумм в ультимативной форме потребовал, чтобы «похищенный» Добрый был во что бы то ни стало обнаружен (там же, № 118, 23 июля; № 120, 25 июля 1918).

⁹⁷⁵ Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, с. 220.

революционер семьдесят третьего дня Парижской коммуны⁹⁷⁶ и государственный деятель, всеми силами пытающийся сохранить за собою власть. Эти два порыва не всегда совмещались даже в Ленине⁹⁷⁷. Когда ему предоставили право ответить, он указал, что верит в силу германского пролетариата⁹⁷⁸, а о передышке говорить не стал. Сдался?

С бесконечно тянувшейся оппозицией во ВЦИКе трудно было сладить. Официальный институт советской власти и фактически единственный на советских территориях источник оппозиции (социалистической), ВЦИК приносил Ленину — а теперь уже и всем большевикам, ратифицировавшим мир — большие неудобства. Особенно тяжело было бороться с оппозицией в моменты откровенных поражений. Их было много: взятие немцами Хельсинки в ночь на 12 апреля⁹⁷⁹ — в нарушение условий Брестского договора; переворот на Украине, захват Ростова⁹⁸⁰; общее продвижение немцев восточнее ими же оговоренной демаркационной линии. 9 мая, как раз после серии таких провалов, по желанию ли Ленина или по решению ЦК, была отменена очередная речь Ленина во ВЦИКе (хотя повестку дня заседания уже успели объявить в газетах). 9 мая во ВЦИКе Свердлов заявил, что доклад Ленина не готов «по техническим причинам» и будет зачитан на следующем очередном заседании, 14 мая. Оппозиционные фракции протестовали, требовали назначить внеочередное заседание на 10-е, но Свердлов не уступил. За эти несколько дней закрыли ряд меньшевистских газет, в том числе «Вперед» (за «ложные слухи» о

---

⁹⁷⁶ На 73-й день существования советской власти в Петрограде Ленин торжественно заявил Артуру Рэнсому, корреспонденту «Манчестер Гардиан» в России, что основная цель русской революции уже достигнута: большевики продержались на один день дольше Парижской коммуны и гибель советской власти теперь не страшна, так как главный вклад в мировое коммунистическое движение уже сделан (Фишер. Жизнь Ленина, с. 231).

⁹⁷⁷ Мартов сказал: «Непропорционально много места он посвятил в своих рассуждениях ничтожной, по его словам, группе Бухарина и Радека. Вам покажется с первого взгляда странным это обстоятельство, но только на первый взгляд. По существу дела здесь не борьба гражданина [Ленина с какой-то левее его стоящей группой — это внутренняя борьба двух душ, из которых состоит современный большевизм]» (Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, с. 224).

⁹⁷⁸ Там же, с. 234.

⁹⁷⁹ Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. № 69, с. 2. Кажется, это был один из тех немногочисленных моментов, когда Ленин готов был разорвать мир и объявить революционную войну. От Гельсинг форса рукой было подать до Петрограда. Ленин решил, что высадка немцев в Финляндии и подавление там революции это лишь первый шаг для захвата Петрограда и свержения ленинского правительства. В таком случае Ленин, конечно же, готов был драться. Троцкий вспоминает, что получив телеграмму о высадке немцев в Финляндии, Ленин сказал ему: «По-видимому, придется драться, хотя и нечем. Но иного выхода на этот раз, кажется, нет».

Троцкий отмечает, что «никогда, ни раньше, ни позже» он не видел Ленина в таком возбуждении (Троцкий. О Ленине, с. 86).

⁹⁸⁰ Ростов-на-Дону был захвачен немцами в нарушение условий Брестского мира 7 мая 1918 г. В сводке оперативного отдела по этому поводу указывалось, что «со стороны немцев участвовали небольшие силы, но хорошо дисциплинированные, очевидно, ударники. С нашей стороны участвовало много войск, много начальников, но лица, командующего всеми войсками, не было» (Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 466-467). Хотелось ли того Ленину или нет, получалось, что силы у советского правительства были. Не было лишь желания противостоять немцам, а в этом виновата была пораженческая политика Ленина.

германских ультиматумах и о взятии немцами Курска). А 14 мая Ленин выступил во ВЦИКе с речью, поразившей всех своей пустотой и растерянностью⁹⁸¹.

Речь привела слушателей в замешательство. В конце ее стенограмма не отмечает аплодисментов даже на большевистских скамьях зала. Было общее ощущение, что Ленин ничего не сказал. Он говорил скользко, увертливо, и о том, что нужно сохранить передышку, и о том, что нужно оттянуть войну, но и о том, что эта война неизбежна, что армия к ней уже готова, что отпор может быть дан в любую минуту, но что сейчас этот отпор давать еще не время. Понятно, что такая речь после переворота на Украине никого удовлетворить не могла. С резкой ее критикой выступили и левые эсеры, и эсеры, и меньшевики. Так, левый эсер Камков указал, что последними своими актами германское правительство, по существу, разорвало Брестский мир и теперь уже «есть лишь одно постепенное удушение революции». Камков предложил считать договор расторгнутым и начать сопротивление, отказавшись от «психологии беспомощности», «психологии пассивности и выжидания». Это не значит, продолжал Камков, что советская власть объявит Германии, Австрии, Турции и Болгарии войну, но противостоять наступлению по мере сил и возможности она будет. «Есть один путь сопротивления», — закончил Камков, подчеркнув, что левые эсеры готовы «на путях сопротивления, а не на путях капитуляции», за Лениным «следовать до Урала». В этом месте стенограмма отмечает «рукоплескания» зала⁹⁸².

Камкова поддержал левый эсер Карелин. Он указал, что «германцы все время продвигаются». Но «если бы даже они не продвигались, а сидели на месте, отрезав нас от наших важнейших резервуаров пищи и топлива, все равно голод снес бы советскую власть». Даже не продвигаясь восточнее демаркационной линии, утверждал Карелин, «немцы привели бы к гибели советскую республику». Эсер Л. М. Коган-Бернштейн заметил, что «смешно говорить о самой передышке, когда ни на одном фронте не прекращается движение германских полчищ». А Мартов спрашивал, как именно советская власть будет отвечать на новые ультиматумы германского правительства: о праве прохода германской армии в направлении на Мурманск и о захвате Крыма (объявленного частью Украины)⁹⁸³.

---

⁹⁸¹ Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, с. 238-239.

⁹⁸² Там же, с. 288, 263-270.

⁹⁸³ Там же, с. 227, 271-276, 279-282, 285-286. Немецкий историк В. Баумгарт объяснял все увеличивающийся аппетит Германии в отношении советской России неизбежной для любой оккупации инерцией движения. Именно по этой причине, пишет автор, были заняты Крым и оба берега Дона, железнодорожные линии Ростов-Воронеж, Таганрог-Ростов и Таганрог-Курск и часть территории Белоруссии с железными дорогами, обеспечивающими доставку русского золота

Нужно ли удивляться, что Ленин покинул заседание преждевременно, не выступив с ответной речью. Заключительное слово за Ленина зачитал Свердлов. Большинством голосов, что всегда было predetermined количеством большевистских делегатов в зале, ВЦИК принял резолюцию, одобряющую доклад Ленина и текущую политику советской власти. На следующий день, 15 мая, было получено новое германское требование — о Черноморском флоте. С ответом на него советское правительство тянуло, как могло. Но 6 июня Чичерин послал в Берлин Иоффе телеграмму с сообщением, что «Россия отдает свои военные суда Германии до заключения мира», а Германия в обмен признает за Советами право на этот флот и дает обязательство «не пользоваться этими судами». Ожидалось, что Германия в ответ прекратит продвижение восточнее демаркационной линии и оставит в руках большевиков занятый ими Батайск, в районе которого были сосредоточены значительные силы Красной гвардии, мобилизованные «под лозунгом борьбы с немцами»⁹⁸⁴. Однако наступление немцев прекратилось далеко не сразу⁹⁸⁵.

Провал брестской политики на Украине вскоре признал сам Ленин. 1 июля он дал интервью одной из шведских газет, где утверждал, что оккупация Украины наносит ущерб прежде всего самой Германии. «Немцам нужен мир. Показательно, что на Украине немцы больше хотят мира, чем сами украинцы». Между тем «положение немцев на Украине очень тяжелое. Они совсем не получают хлеба от крестьян. Крестьяне вооружаются и большими группами нападают на немецких солдат», причем «это движение разрастается». Любой левый коммунист посчитал бы, что именно по этой причине следует разорвать Брестский мир. Но Ленин думал иначе. «Нам в России нужно теперь ждать развития революционного

германской империи. «Принципы соединения контрибуций и оккупации не были чем-то новым и оригинальным, они соответствовали мирным договорам XIX столетия», — заключает Баумгарт. (Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 69). Возможно. Только непрекращающиеся требования Германии как раз и были указанием на отсутствие реального мира и той «передышки», которую обещал Ленин.

⁹⁸⁴ Большевики продают флот — Русский солдат-гражданин во Франции, № 210, 8 июня 1918, с. 4. На следующий день после передачи в Берлин ноты Чичерина, 7 июня, по требованию Германии указ о демобилизации Черноморского флота был издан еще и морским ведомством Украинской державы (Голос Киева, № 43, пятница, 7 июня 1918, с. 2; АИГН, 784/7. Информационный листок, № 3, четверг, 22 августа 1918, с. 1. На русских фронтах. Раскольников). 23 июня морское министерство Украины сообщило о том, что прибывшие в Севастополь суда российского Черноморского флота будут разоружены согласно Брестскому договору. «На судах будет оставлена лишь незначительная часть команды» (Суда черноморского флота. — Свобода России, № 60, 30 июня 1918, с. 3.)

⁹⁸⁵ Россия. Военные действия. — Русский голос, № 25, 16 июня 1918. Германское продвижение восточнее демаркационной линии, видимо, было предпринято в связи с очередной попыткой Германии придти к соглашению на Западе. По крайней мере именно так считает западногерманский историк Хаффнер, возлагающий вину за эту политику прежде всего на Людендорфа (Хаффнер. Революция в Германии 1918/19, с. 43). Немцы продвигались в Воронежском округе, блокировали с моря Новороссийск, под своим руководством начали восстанавливать финскую армию, чтобы создать еще большую угрозу Петрограду. (В Гельсингфорсе для этого был послан полковник З. фон Редерн, назначенный начальником генерального штаба финской армии.) Немцы занимали все новые и новые пункты. (Русский солдат-гражданин во Франции, № 211, 9 июня 1918, с. 4).

движения в Европе, — сказал Ленин. — Рано или поздно дело повсюду должно дойти до политического и социального краха». Ленин подчеркнул, что время работает на большевиков: «благодаря немецкой оккупации большевизм на Украине стал своего рода национальным движением», и «если бы немцы оккупировали всю Россию, результат был бы тот же самый»⁹⁸⁶. Снова и снова Ленин предлагал отступить перед германскими требованиями и бездействовать даже в том случае, если немцы оккупируют «всю Россию».

Похоже, однако, что советам Ленина в отношении Украины следовать готовы были немногие. Уже 3 мая для ослабления военной мощи Германии и подготовки коммунистического переворота на Украине ЦК большевистской партии принял две резолюции о создании компартии Украины⁹⁸⁷. Текстов этих резолюций в протоколе заседания ЦК нет. Но 9 мая «Правда» опубликовала следующее сообщение:

«Центральный комитет РКП, обсудив вопрос о выделении особой Украинской коммунистической партии из Российской коммунистической партии, не находит никаких возражений против создания Украинской коммунистической партии, поскольку Украина представляет собой самостоятельное государство».

Это была одна из резолюций, принятых на заседании ЦК РКП(б) 3 мая, — резолюция, подлежащая публикации. Вторая резолюция обнародованию не подлежала и считается «ненайденной», так как в ней говорилось о том, что компартия Украины «является составной частью РКП(б)»⁹⁸⁸. Это была резолюция, прямо противоположная первой, опубликованной в «Правде». Смысл этого маневра был очевиден: громогласно заявив о независимости украинской компартии, ЦК снял с себя формальную ответственность за подрывную деятельность, к которой готовились большевики на оккупированной немцами Украине. Антигерманские акты могли проводиться теперь фактически открыто, без риска осложнить худые советско-германские или советско-украинские отношения. Получаемые в связи с этим германские протесты Чичерин отклонял на том основании, что большевики России к украинским большевикам отношения не имеют. Вместе с тем под сукном оставалась вторая резолюция, напоминавшая украинским большевикам, что самостоятельной партией они не являются, а подчинены единому ЦК российской компартии⁹⁸⁹.

---

⁹⁸⁶ Ленин. ПСС, т. 36, с. 483-486.

⁹⁸⁷ Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 263.

⁹⁸⁸ Там же.

⁹⁸⁹ Для постановки перед украинскими большевиками основных задач момента решено было созвать конференцию

Вопреки ленинским призывам ждать, Украина все больше и больше погружалась в пугину антигерманской партизанской войны. Партизанское движение проявлялось во всех классических формах: диверсиях, саботаже, убийствах солдат... 6 июня в десять вечера в Киеве, под самым носом у немцев, взлетели на воздух артиллерийские пороховые склады военного ведомства, расположенные в районе Зверинца. Сначала были взорваны пороховые погреба вблизи станции Киев-2; затем от детонации взорвались прилегающие к Зверинцу артиллерийские склады, расположенные вблизи Алексеевского инженерного училища. Поскольку в этом районе было сконцентрировано большое количество складов с амуницией, взрывы следовали один за другим, и вся площадь, охватывающая Зверинец и район южнее него, запылала одним колоссальным костром. Именно так описывала на следующий день эти события пресса⁹⁹⁰.

Немцы и австрийцы отвечали не менее решительно. 14 июня германские войска разгромили к западу от Таганрога на берегу Азовского моря 10-тысячный красногвардейский отряд под командованием чешского офицера-интернационалиста, намеревавшийся ударить в тыл немцам и захватить Таганрог. Было убито или потоплено более пяти тысяч человек⁹⁹¹. 15 июня в ответ на убийство крестьянами двух солдат в одном из сел Могилевского уезда, в селе было сожжено пять хат и наложена контрибуция в 10 тысяч рублей⁹⁹². В середине июня в оккупированном немцами Крыму, в Симферополе, было сформировано марионеточное правительство⁹⁹³. 19 июня, подчиняясь очередному ультиматуму Германии, советское правительство перевело из Новороссийска в Севастополь часть своих судов для сдачи Германии⁹⁹⁴.

Можно было бы считать происходившее лишь цепью неприятных инцидентов, вызванных провокациями недисциплинированного населения. Но в середине июля движение саботажа на оккупированной Украине стало

большевиков Украины. Конференция проходила в Москве. Формально Ленин, как и другие члены советского правительства, не имели к конференции никакого отношения. В самом начале июля Ленин, однако, встречался с делегатами этого «Первого съезда большевистских организаций Украины» (Переписка секретариата ЦК, т. 3, с. 70-72, 92-95, 99-101; Ленин. ПСС: т. 36, с. 722). Для организации подрывной работы на Украине и контроля ее большевик Г. И. Бокий был назначен «агентом ЦК Российской коммунистической партии, командиром в ОК Западной области и Краевой комитет для подробного ознакомления с постановкой и ведением нелегальной работы в оккупированных местностях» (цит. по кн. Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 370).

⁹⁹⁰ Грандиозная катастрофа — Голос Киева, № 43, 7 июня 1918.

⁹⁹¹ На Кубани. Уничтожение красной гвардии у Таганрога — Русский голос, № 25, 16 июня 1918.

⁹⁹² На Украине — там же.

⁹⁹³ Телеграммы. Крымский кабинет — Голос Киева, № 54, 21 июня 1918.

⁹⁹⁴ Телеграммы. Черноморский флот — там же.

принимать массовый характер. Это выразилось прежде всего в забастовке украинских железных дорог (бесперебойная работа которых была столь необходима для отправки в Германию и Австро-Венгрию с таким трудом добываемых и столь необходимых там продуктов).⁹⁹⁵ Не приходится удивляться, что забастовка встретила поддержку советской России. Казалось, вот-вот должно было произойти ожидаемое всеми восстание украинских рабочих и крестьян; и оттуда, из Украины, могло прийти освобождение от ига Брестского договора и для России⁹⁹⁶. Украинский

---

⁹⁹⁵ Волнения среди железнодорожных служащих Украины летом 1918 года вспыхивали неоднократно. Причины, в общем, были экономические. Финансовое банкротство железных дорог привело к обнищанию служащих, которым перестали выплачивать жалование, в ряде случаев — с сентября 1917 года, чаще — с марта-апреля 1918. На южных линиях железнодорожники по три дня не получали хлеба и теперь требовали восстановления хлебного пайка. 16 июля вечером забастовка охватила все линии юго-западных железных дорог. На следующий день в Киев прибыло только пять поездов, а покинуло — два, но и те в пути были задержаны. К забастовке присоединились Житомирская, Подольская и южные железные дороги, затем — Полесская и Екатерининская. После 17 июля из Киева не отошел ни один поезд. Пассажирское и товарное движение замерло. Приостановили работу и многие управления, служащие которых постановили присоединиться к забастовке. В Киеве забастовала служба сборов, депо, главные мастерские, вагонные парки, многие конторы, все станционные отделения. Не работали билетные кассы. Перепуганное австрийское командование настаивало на уплате служащим всего долга и удовлетворении некоторых других требований. 17 июля с разрешения стачечников в Одессу и Шепетовку было отправлено по одному специальному поезду с деньгами для уплаты жалованья за старые месяцы служащим некоторых южных линий. По некоторым железнодорожным линиям отдельные поезда еще двигались 17 числа, но это были лишь составы, не успевшие прибыть к месту назначения. Отправления новых поездов приостановились полностью на всех линиях.

В связи с этим в Одессе австрийским командованием было созвано совещание из представителей разных ведомств и союза служащих для выяснения вопроса о ликвидации забастовки. Те заявили, что забастовка может быть прекращена лишь по удовлетворении требований главного дорожного комитета. Тогда министр путей сообщения Украины В. А. Бутенко пригрозил увольнением мастеровых и рабочих киевских главных мастерских, назвав их зачинщиками забастовки. В выпущенном им циркуляре он предупреждал, что в случае отказа выйти на работу железные дороги будут переданы в ведение германского военного командования, причем все бастующие будут уволены и высланы за границу (в Россию).

Высылки из Украины, преимущественно в Россию, практиковались на основании закона от 2 августа 1917 года. Кроме того, на основании того же закона о высылке, задержанных передавали в распоряжение германского командования, которое не высылало арестованных, а отправляло в концлагеря (хотя это и противоречило существовавшему украинскому закону). Так поступили, например, с бундистами, участниками съезда профсоюзов, на котором были приняты резолюции, направленные против правительства Украины. (См., в частности, АИГН, 157/5. Господину Председателю Совета министров [от] председателя Временного главного украинского комитета бунда М. Г. Рафеса. 7 сентября 1918 г. с. 5-7, 18-20. Перепечатано из книги «М. Г. Рафес. Накануне падения гетманщины. Из переживаний 1918 г.» Киев, 1919, с. 75-96.)

Но угрозы не действовали. 18 июля германские войска начали занимать товарные станции (в попытке обеспечить транспортировку продовольствия в Германию). На пассажирских станциях они захватывали паровозы. В Ровно и некоторых узловых пунктах были арестованы стачечные комитеты. Но на следующий день забастовочное движение лишь разрослось еще больше. В Киев по юго-западным и по московско-киевско-воронежской железным дорогам не прибыло ни одного поезда. Из Киева отправки поездов также не было. В Дарницу 18 июля прибыло с севера три поезда, но на Киев их не пустили. Киево-полтавская линия и участок Полтава-Харьков также бездействовали. Не пропускала поездов и большая часть Полесских железных дорог. В Знаменку прибыло два последних поезда — один из Ростова, другой из Екатеринос-лава. Затем движение было остановлено. Железнодорожная забастовка на Украина стала всеобщей (АИГН, 157/3, а также АТ, Т-3848. КМ, № 116, 20 июля 1918).

Возможно, что именно в связи с обострением положения на Украине германские власти совместно с украинским правительством в ночь на 27 июля арестовали С. В. Петлюру, председателя Всеукраинского союза земств и председателя Киевской губернской земской управы. Вместе с ним был арестован заместитель Петлюры по управе В. Ф. Химерик. Петлюра сравнительно продолжительное время был военным министром украинского правительства, а во время наступления большевиков на Киев принял на себя командование украинской армией, сражавшейся против советских войск. В знак протеста против подписания Центральной Радой Брестского мира с Четверным союзом Петлюра вышел в отставку, из-за чего стал крайне популярен; и на первом на Украине киевском губернском земском собрании был единогласно избран председателем губернской земской управы, а затем и управы Всеукраинского земского союза (АИГН, 157/4, а также АТ, Т-3848. КМ, № 124, 30 июля 1918).

⁹⁹⁶ Сами большевики поддерживали эти устремления и надежды.

«Когда Раковский и Мануильский вышли из украинского поезда, — вспоминал один из современников о прибытии двух видных большевиков в середине 1918 года на Украину, — они просили немецких офицеров и солдат, охранявших

хлеб обходился Германии слишком дорого. Она получила меньше, чем хотела, приложив куда больше усилий, чем могла. Вынужденная держать на Украине оккупационную армию, не сумев ликвидировать Восточный фронт или хотя бы сократить его протяженность, Германия провалилась в своих расчетах. «Хлебный мир» оказался утопией не меньшей, чем весь Брестский договор⁹⁹⁷.

Очевидно, что решение противостоять немцам на Украине принималось вопреки воле Ленина. Но если в мае-июне 1918 года авторитета советского правительства хватало на то, чтобы добиться от партийного актива формального сохранения Брестского договора, проводить эту политику на местах Совнарком был не в состоянии. Выпуская из-под контроля все новые и новые территории, теряя силы и авторитет, советская власть вошла в полосу тяжелейшего кризиса. Казалось, наступили последние дни правления Ленина: опоздав на полгода, пришел «73-й день Парижской коммуны»⁹⁹⁸.

Глава одиннадцатая. Стратегия отчаяния

их в дороге, приблизиться к ним. Когда те окружили их, Раковский вскочил на откуда-то появившуюся табуретку и стал произносить на немецком языке омерзительную речь. В ней он резко критиковал [...] государственный строй Германии, весьма оскорбительно отзывался о германском императоре [...]. Немецкие солдаты и их офицер, которых мы всегда считали весьма дисциплинированными, [...] горячо аплодировали Раковскому (...) (Д. Н. Резников. Встреча с Раковским и Мануильским, с. 6).

⁹⁹⁷ За словами в те дни в карман не лезли. Приветственные резолюции бастующим были красноречивы: «Железнодорожники Украины восстали против своих хищников за святое дело угнетенных масс. Не страшась угроз и расстрелов, они восстали против австро-германских и украинских империалистов и гордо несут знамя борьбы за социализм. Горячо приветствуем товарищей железнодорожников. Призываем всех [...] помочь пролетариату Украины [...] Помогая друг другу, мы подавим ту свору, которая стоит на нашем пути [...] Да здравствует всемирная революция [...] Команда линейного корабля «Андрей Первозданный».

Согласны поддержать борьбу товарищей украинских железнодорожников до полной победы над угнетателями. Рабочие завода бывш. Розенкранц.

Глубоко сочувствуя народному движению против германского империализма (...) вносим свою посильную помощь в размере 520 руб. на дело борьбы против угнетателей рабочего класса. Да здравствуют украинские железнодорожники! Команда канонер-ной лодки «Хивинец».

Мы знаем, что украинский пролетариат подготавливает новые резервы для грядущей международной революции. Только он сможет освободить нас от господства империалистических паразитов [...]. Да здравствует международная революция! Рабочие и работницы фабрики кожевников» (На помощь украинским железнодорожникам! — КГ, № 143, 12 августа 1918 г. с. 3).

«Товарищи украинцы, будьте стойки и помните, что мы с вами. Будем бороться с нашими врагами до последней капли крови, но свободы и революции (...) никому и никогда не отдадим. Лучше предпочесть умереть, нежели быть опять поработанными. Смерть империалистам и буржуазии [...] Да здравствует международная пролетарская революция [...] Красноармейцы Пороховского района.

Шлем сердечный привет товарищам железнодорожникам Украины и желаем успеха в борьбе против вампиров империализма. Пусть огнем пылают сердца борющихся товарищей за восстановление единой Российской Федеративной Советской Республики [...] Сотрудники Центрального гаража Петроградского совета». (На помощь украинским товарищам — КГ, 27 августа 1918 г, № 178.).

⁹⁹⁸ Благодаря ли забастовке железнодорожников, или осторожному саботажу со стороны украинского правительства, после падения гетмана Скоропадского казна Украины не оказалась пуста. В киевском государственном банке оставалось более четырех миллиардов рублей, большей частью в иностранных ценностях, в амбарах находилось около 400 миллионов пудов хлеба и почти три миллиона пудов сахара. По Брест-Литовскому договору украинское правительство обязалось продать Германии и Австрии 60 миллионов пудов хлеба. Однако за лето и осень 1918 года вывезли только 30 миллионов (АИГН, 157/13, с. 41).

«Стратегия отчаяния» — это случайное выражение Троцкого, правильное всего определяло целый период советской истории, последовавший после заключения Лениным Брестского договора и завершившийся в ноябре 1918, после его расторжения. Сами большевики в те месяцы считали, что дни их власти сочтены. За исключением столиц, они не имели опоры в стране⁹⁹⁹. К тому же предрешенным казался вопрос о падении советской власти в Петрограде. 22 мая в опубликованном в «Правде» циркулярном письме ЦК признавалось, что большевистская партия переживает «крайне острый критический период», острота которого усугубляется, помимо всего, тяжелым «внутрипартийным состоянием», поскольку из-за ухода в знак протеста против Брестского мира «массы ответственных партийных работников» многие организации ослабли. Одной из основных причин кризиса в партии был откол левого крыла РКП(б), указывали авторы письма ЦК и заключали: «Никогда еще мы не переживали столь тяжелого момента»¹⁰⁰⁰. Двумя днями позже в статье «О голоде (Письмо питерским рабочим)» Ленин признал, что из-за продовольственных трудностей и охватившего громадные районы страны голода советская власть близка к гибели¹⁰⁰¹. Он отказывался, однако, признавать, что и то и другое было результатом его брестской политики.

29 мая ЦК обратился к членам партии с еще более тревожным письмом, вновь указывая, что «кризис», переживаемый партией, «очень и очень силен», число членов уменьшается, одновременно идет упадок качественный, участились случаи внутрипартийных столкновений, «нередки конфликты между партийными организациями и фракциями» партии в Советах и исполнительных комитетах. «Стройность и цельность

---

⁹⁹⁹ Даже в городах, где влияние большевиков было много большим, чем в деревне, с начала весны 1918 года все чаще и чаще побеждали на выборах меньшевистские списки (например, в Ярославле и Сормово). Ширилось так называемое «Движение рабочих конференций», приводившее к митингам, забастовкам и арестам. Так, в конце июня в полном составе была арестована в Москве Всероссийская конференция рабочих (ЛИГИ, 519/30, гл. 7, с. 6).

¹⁰⁰⁰ Деятельность ЦК партии в документах, с. 148-149. «Положение у нас серьезное по-прежнему, как Вы знаете, но вся работа идет по-старому», — писала Е. Д. Стасова в секретариат ЦК К. Т. Новгородцевой, жене Свердлова, еще 7 мая (там же, с. 142).

¹⁰⁰¹ Правда, 24 мая 1918, № 101. Письмо написано 22 мая. Выход из тяжелого положения Ленин видел в ужесточении внутренней политики советской власти. Он предлагал объявить по всей стране на три месяца военное положение, преобразовать военный комиссариат в военно-продовольственный, использовать армию для изъятия у крестьян хлеба, жестко проводить хлебную монополию, подкупая бедных крестьян бесплатной раздачей им части отобранного у зажиточных крестьян хлеба и вводя, одновременно с этим, террор в отношении богатых крестьян. (Ленин, ПСС, т. 36, с. 375-376.) В первых числах июля, как раз когда открывался Пятый съезд Советов, в Москве и Петрограде проводили так называемые «продовольственные обыски» — конфисковывали продукты у жителей, где только можно. «В Москве мания хлебной монополии, — писала газета «Свобода России», — пошла гораздо дальше [чем в Петрограде]. Никто ведь не решится утверждать, что можно прожить на осьмушке порой абсолютно несъедобного казенного хлеба. Если люди до сих пор не падают от голода на улице, то только благодаря тому, что каждая семья тратит большую часть своего дохода на покупку безумно растущего в цене вольного хлеба. Мы живы не благодаря хлебной и иным монополиям, а несмотря на них» (Свобода России, 64, 5 июля 1918, с. 1).

партийного аппарата нарушены. Нет прежнего единства действий. Дисциплина, всегда столь крепкая», ослабла. «Общий упадок партийной работы, распад в организациях безусловны»¹⁰⁰².

Предсмертное состояние советской власти стало причиной все более усиливающейся в рядах большевиков паники. «Как это ни странно, — вспоминает бывший главнокомандующий И. И. Вацетис, — настроение умов тогда было такое, «что центр советской России сделался театром междоусобной войны и что большевики едва ли удержатся у власти и сделаются жертвой голода и общего недовольства внутри страны». Была не исключена и «возможность движения на Москву германцев, донских казаков и белочехов. Эта последняя версия была в то время распространена особенно широко»¹⁰⁰³. О царившей в рядах большевиков летом 1918 года растерянности писал в своих воспоминаниях близко стоявший к большевикам Г. А. Соломон, доверенный Красина и хороший его знакомый. Соломон указывал, что примерно в эти месяцы один из видных советских дипломатов в Берлине (вероятно, Иоффе) признался в своей уверенности в крахе большевистской революции в России и предложил Соломону поскорее скрыться¹⁰⁰⁴.

Опасения советских руководителей в целом разделялись германскими дипломатами. 4 июня советник миссии в Москве К. Рицлер в пространным коммюнике сообщал следующее:

«За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором. Большевистский кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями. Все это само по себе еще не так плохо, но теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что материальные ресурсы большевиков на исходе. Запасы горючего для машин иссякают, и даже на латышских солдат, сидящих в грузовиках, больше нельзя полагаться — не говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца, и поэтому крысы начинают заблаговременно покидать тонущий корабль. [...] Карахан засунул оригинал Брестского договора в свой письменный стол. Он собирается захватить его с собой в Америку и там продать, заработав огромные деньги на подписи императора. [...] Прошу извинить меня за это лирическое отступление о состоянии хаоса,

---

¹⁰⁰² Деятельность ЦК партии в документах, с. 150. Падение численности в партии наблюдалось, в частности, из-за того, что многие эвакуированные из Петрограда коммунисты не вошли ни в какую другую организацию и перестали платить членские взносы (там же, с. 153). Между тем петроградская организация большевиков была самой крупной.

¹⁰⁰³ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 43.

¹⁰⁰⁴ Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 85.

который, даже со здешней точки зрения, уже совершенно невыносим»¹⁰⁰⁵.

Примерно такое же впечатление вынес советник министерства иностранных дел Траутман, писавший днем позже, что «в ближайшие месяцы может вспыхнуть внутривластная борьба. Она даже может привести к падению большевиков». Траутман добавил, что по его сведениям «один или даже два» большевистских руководителя «уже достигли определенной степени отчаяния относительно собственной судьбы».

Вопрос о катастрофическом состоянии дел обсуждался на заседании ВЦИК 4 июня. С речами выступали многие видные большевики, в том числе Ленин и Троцкий. Ленин назвал происходящее одним из «самых трудных, из самых тяжелых и самых критических» периодов, не только «с точки зрения международной», но и внутренней: «приходится испытывать величайшие трудности внутри страны [...] мучительный продовольственный кризис, мучительнейший голод». Троцкий вторил: «Мы входим в два-три наиболее критических месяца русской революции»¹⁰⁰⁶. За стенами ВЦИКа он был даже более пессимистичен: «Мы уже фактически покойники; теперь дело за гробовщиком»¹⁰⁰⁷.

15 июня на заседании Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов Зиновьев делал сообщение о положении в Западной Сибири, на Урале и на востоке европейской России в связи с наступлением чехословаков. «Мы побеждены, — закончил он, — но не ползаем у ног. Если суждено быть войне, мы предпочитаем, чтобы в крови захлебнулись [и] наши классовые противники». Присутствовавший там же М. М. Лашевич после речей оппозиции — меньшевиков и эсеров — выступил с ответной речью, во время которой вынул браунинг и закончил выступление словами: «Помните только одно, чтобы ни случилось, может быть нам и суждено погибнуть, но 14 патронов вам, а пятнадцатый

---

¹⁰⁰⁵ Рицлер был не единственным, кто придерживался такого мнения. Летом 1918 года в войсках Восточного фронта распространялась брошюра, описывающая состояние дел в Петрограде. В ней указывалось, что в городе «господствует полная анархия, которую отлично использует чернь». Хулиганы, «разъезжая на санях и автомобилях, останавливают на самых людных местах прохожих и проезжих и, грозя смертью, обирают до нитки». Жители привыкли к постоянной уличной стрельбе. «На одиночные выстрелы никто не обращает внимания». Винные склады разгромлены. «Пьяная толпа» стреляет в прохожих. В ответ жители занялись самосудом, «отличающимся часто большой жестокостью», причем жертвами бывали «люди совершенно невинные». Особенно часто практиковалась «стрельба из саней в прохожих», жертвой которой чуть не стал «один член немецкой делегации». Правительство даже не пытается прекратить эти беспорядки; «в провинции, где привились большевистские идеи, не лучше». Так, «в Севастополе матросы устроили погром, жертвами которого пали сотни морских офицеров». Машинистов, не пускавших возвращавшихся солдат на паровозы, «в буквальном смысле слова растерзали. При конфискации земли многих помещиков, их жен и детей в их же собственных домах сожгли» (АИГН, 149/3. Добавление, л. 9).

¹⁰⁰⁶ Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 376, 388.

¹⁰⁰⁷ Цит. по кн. Кармайкл. Троцкий, с. 142.

себе»¹⁰⁰⁸. Этих четырнадцати патронов хватило на то, чтобы месяц спустя по приказу Ленина и Свердлова уничтожить российскую императорскую династию¹⁰⁰⁹.

Майско-июньский кризис советской власти¹⁰¹⁰ привел к усталости советского актива¹⁰¹¹. В советскую власть не верили теперь даже те, кто изначально имел иллюзии¹⁰¹². В оппозиционной социалистической прессе особенно резко выступали меньшевики, бывшие когда-то частью единой с большевиками социал-демократической организации, во многом понимавшие Ленина лучше других политических противников¹⁰¹³. Не

---

¹⁰⁰⁸ Сообщения с Севера — Голос Киева, № 54, пятница, 21 июня 1918.

¹⁰⁰⁹ Об убийстве царской семьи по приказанию Свердлова и Ленина см. Троцкий. Дневники и письма, с. 100-101.

¹⁰¹⁰ Как кризисное, состояние советской власти весной и летом 1918 года определял Николаевский. Вот несколько пунктов составленного им вопросника об истории меньшевизма: «Кризис весной и летом 1918 года. В какой мере рабочее недовольство этого периода обуславливалось... очевидностью уступок советским правительством Германии и уверенностью, что Россия эксплуатируется в интересах «германского империализма»? В какой мере ухудшилось положение благодаря... расстрелу рабочих в Колпино? (Какую роль играли немцы в этом деле). Какую роль играли анархисты и «левые» коммунисты в кризисе мая и июня 1918 г.?... Были ли сделаны меньшевиками и левыми социалистами — революционерами попытки организовать: а) совместное военное действие против угрозы германскими войсками центральной России и занятия Москвы» (АИГН, 659/4, с. 2-3).

¹⁰¹¹ «Русский народ и прежде всего интеллигенция представляли себе, что с миром наладится прежняя экономическая и политическая жизнь в стране, и поэтому большевистский мир не снискал никакого доверия; большевики должны считаться с сопротивлением на своей же земле», — указывалось в одной из германских брошюр «оборонной пропаганды» — «Россия под владычеством большевиков». Брошюра распространялась с весны 1918 года (АИГН, 149/3, Добавление, л. 9).

¹⁰¹² Вот что писал 16 июня меньшевик В. О. Левицкий П. Б. Аксельроду: «Начался [...] отход рабочих масс от Советов и большевиков. [...] Если бы вы знали, что за атмосфера жгучей ненависти всего населения окружает Советы, и не столько в центрах, сколько в провинции. Эту атмосферу можно только почувствовать, словами ее не передашь. И не о «буржуазии» здесь идет речь. Она, конечно, давно уже настроена вполне определенно. Ненависть бушует среди обывателей, среди мещанства, среди мелкой городской буржуазии, среди доведенного до отчаяния крестьянства и среди рабочих. А опирающаяся на свои штыки власть на все эти настроения отвечает массовыми расстрелами, террором и репрессиями [...]. Эти люди, творящие волю Мирбаха [...] на «бунты» отвечают новыми репрессиями [...]. Наступила пора общей апатии и раз очарования: «Ну вас всех, и большевиков, и меньшевиков, к черту со всей вашей политикой». И растет раздражение и против социалистов вообще, против всех партий, «обманувших» ожидания» (Мартов и его близкие, с. 62-63).

¹⁰¹³ «Страна живет под градом унижительных ультиматумов Германии. Ультиматум о военнопленных, ультиматум о Черноморском флоте... Германцы занимают Курскую губернию, вторглись уже в центральную область, германцы направляются к Севастополю, германцы около Петрограда... Что делает Советская власть? Она платит по брестскому векселю. Она готова на все. Она заявляет в своем ответе Германии, что во всем виноваты батумские «контрреволюционеры» (это отстаивающие свою независимость революционеры преданного Кавказа!); она приказывает, чтобы в Сибири среди военнопленных не делалось никаких агитационных выступлений против германской государственности; она приказывает разоружать на русской территории финскую красную гвардию...

Советская власть принуждена расплачиваться за право своего существования исполнением всех приказов и желаний германского империализма» (Новая заря, 1 мая 1918, № 2, с. 3-4).

К возможному порабощению России Германией меньшевики относились крайней серьезно. Именно этот вопрос лег, например, в основу разногласий между меньшевиками-«активистами» и так называемыми «официальными меньшевиками». Порабощения России Германией боялись и те и другие (что нашло свое отражение в решениях конференции меньшевиков в мае 1918 г.), но «активисты» считали, что Германия побеждает в мировом масштабе и существование антигерманского Восточного фронта является необходимым условием успешного сопротивления победе Германии в мировом масштабе. «Официальные меньшевики» (в частности, Мартов) опасность эту также считали весьма серьезной, но более высоко оценивали силы Запада, а главное — верили в возможность революционного движения в Германии и Австро-Венгрии. При этом они с большим недоверием относились к Антанте, прежде всего к Японии (АИГН, 519/30, гл. 7, с. 8).

отставали и «правые». На одной из конференций того времени оратор-кадет указал, что ему приходится говорить «о международном положении страны, относительно которой неизвестно, находится ли она в состоянии войны или мира», имеющей во главе правительство, признаваемое «только ее врагами». Вопрос «не в подписанном договоре, а в гарантиях его исполнения», — продолжал оратор. И очевидно, «что всякие новые бумажные соглашения с Германией, всякие улучшения Брестского мира» не стеснят Германию «в ее дальнейших захватах», о чем свидетельствуют Украина, Белоруссия, Кавказ, Крым и Черноморский флот, занятые вопреки подписанному с немцами соглашению¹⁰¹⁴.

Резкой и чувствительной была критика в адрес большевиков левых эсеров, имевших возможность, будучи советской и правящей партией, выступать против брестской политики легально. В 1918 году критике Брестского мира была посвящена целая серия брошюр, написанных видными противниками «передышки». Левые эсеры указывали, что ленинская передышка была не просто изменой делу революции, но ничего не давала советской России практически: «ни хлеба, ни мира, ни возможности продолжать социалистическое строительство»¹⁰¹⁵; что Брестский мир принес с собой «угашение», «обессиление, омерзение духа», так как «не в последней решительной схватке и не под занесенным над головой ударом ножа сдалась российская революция», а «без попытки боя»¹⁰¹⁶; что из-за подписания мира во внешней политике РСФСР «произошел резкий перелом», поскольку путь принятия германских ультиматумов, путь компромиссов, есть поворот от того прямого пути, которым так победоносно шла революция», что ведет не просто к территориальным и экономическим потерям, но к гибели, поскольку от передышки, «даже потерявши невинность рабоче-крестьянская Россия никакого капитала» не приобрела, а между тем германская армия «все глубже и глубже» проникает на территорию России и «власть буржуазии» теперь восстановлена «больше, чем на одной трети федерации»¹⁰¹⁷.

Левые эсеры считали, что брестская политика большевиков погубит не только русскую, но и мировую революцию. РСФСР «хочет свои соединенные штаты постепенно расширять и распространять сначала на Европу, потом на Америку, потом на весь мир». Брестский мир «от этой

---

¹⁰¹⁴ АИГН, 18/1, с. 8-10, 12.

¹⁰¹⁵ Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 13.

¹⁰¹⁶ Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 26, 27.

¹⁰¹⁷ Камков. Две тактики, с. 27-28.

задачи саморасширения оторвал», лишил Россию «помощи и революционного содействия» других стран, а западный мир — «помощи и содействия» советской России¹⁰¹⁸. «Все естественные богатства Украины, Дона, Кавказа» попали в распоряжение германского правительства; и этим Совнарком оказал воюющей Германии огромную услугу: «приток свежих естественных продуктов с востока» ослабил «революционную волю» германского населения; «одна из самых страшных угроз» — «угроза голода, истощения, обнищания» — серьезно ослабляется соглашениями о поставках продуктов Германии и Австро-Венгрии¹⁰¹⁹.

«Таковы последствия Брестского мира», который «нельзя назвать иначе, как миром контрреволюционным», резюмировали левые эсеры; «ясно становится, что его нельзя было подписывать». По прошествии «каких — нибудь трех месяцев со дня его подписания странными и безжизненными кажутся все доводы, которые приводились в пользу его». Говорили о «передышке», об «отдыхе». Но «отдых» оказался «пустой надеждой»: «со всех сторон напирают на советскую Россию ее империалистические враги» и не дают «ни отдыха, ни сроку»¹⁰²⁰.

Единственным выходом из сложившейся ситуации левые эсеры считали общенародное восстание против оккупантов. Речь, разумеется, шла о занятых немцами и австрийцами территориях, прежде всего об Украине. «Разлагающей проповеди усталости, бессилья, беспомощности, проповеди неизбежности соглашения с германской буржуазией» левые эсеры предлагали «противопоставить революционную идею восстания и вооруженного сопротивления домогательствам иностранной буржуазии»¹⁰²¹, идею партизанской и гражданской войны против «эксплуататоров и оккупантов», пока не подспеют революции в Германии, Австрии и других странах¹⁰²².

Что касается шансов на успех такого восстания, то, по мнению левых эсеров, «никакое регулярное войско, всегда идущее из-под палки», не сравнялось бы «с самим восставшим народом, когда за каждым кустом, в каждом овраге» грозила бы «пришедшей карательной экспедиции мстящая рука восставших». Только после этого «народ германский, измученный долгой войной и полуголодным существованием, терроризированный

---

¹⁰¹⁸ Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 15.

¹⁰¹⁹ Там же, с. 24-25.

¹⁰²⁰ Там же, с. 27.

¹⁰²¹ Камков. Две тактики, с. 28-29.

¹⁰²² Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 12.

партизанской борьбой всего восставшего народа России», поймет, наконец, что «идет на народ, открывший свои границы, вышедший из войны»; и тогда «дула ружей и пушек в конце концов направятся в сторону вдохновителей и вождей карательной экспедиции» — против германского и австро-венгерского правительств¹⁰²³. И хотя предложение поджидать противника «за каждым кустом» с военной точки зрения могло показаться наивным, публично отвергать идею восстания летом 1918 года, когда партизанские выступления и саботаж стали фактом на Украине, большевикам было невозможно.

Все этой критики было бы, вероятно, недостаточно, чтобы считать положение кризисным, если бы ситуация не усугублялась недовольством в партии большевиков. Ленинская политика не обеспечила разрекламированной «передышки»; скомпрометировала русскую революцию в глазах революционеров Запада; отдала под оккупацию Центральных держав огромнейшие пространства; лишила Россию украинского хлеба (подразумевалось, от того Россия и голодала), Бакинской нефти (подразумевалось, от этого и топливный кризис). Она спровоцировала Антанту на интервенцию, а чехословаков — на вооруженное восстание, ставшее первым и самым опасным фронтом гражданской войны в России. Ради подписания мира Ленин расколол партию на два крыла, оттолкнув левых коммунистов; загнал в оппозицию левых эсеров. А поскольку при таком противостоянии Брестскому договору реализация ленинской политики стала практически невозможной, Брестским миром была теперь недовольна страна, ради которой шел на все это Ленин — Брестским миром была неудовлетворена Германия¹⁰²⁴.

Неверие немцев в возможность сотрудничества (на германских условиях) с ленинским правительством было чертой, разграничивающей тупик и кризис. Подписывая договор, Германия надеялась иметь в своем тылу «мирно настроенную Россию, из которой изголодавшиеся Центральные державы могли бы извлекать продовольствие и сырье». Реальность оказалась прямо противоположной. «Слухи, шедшие из России, с каждым днем становились все печальнее» — ни спокойствия, ни продовольствия немцы не получили. «Настоящего мира на Восточном фронте не было». Германия, «хотя и со слабыми силами», сохраняла фронт¹⁰²⁵. Германское правительство нервничало не меньше ленинского,

---

¹⁰²³ Измаилов. Послеоктябрьские ошибки, с. 13.

¹⁰²⁴ «Советское правительство, — писал Людендорф 9 июня статссекретарю по иностранным делам, — еще не доказало, что оно способно править на своей территории. До сих пор оно только разрушало [...]. Я с величайшим недоверием отношусь к бесчестным усилиям советского правительства».

¹⁰²⁵ Гофман. Война упущенных возможностей, с. 194.

не понимая, как добиться выполнения тех или иных ультимативных требований от в общем — то беспомощного Совнаркома. Из-за взаимного неверия в мир военные действия не прекращались¹⁰²⁶. И даже Чичерин, далекий от целей революционной войны, стремящийся наладить рабочие дипломатические отношения с немцами, считал, что Германия осталась главным врагом советской России¹⁰²⁷.

Путем постепенных захватов немцы «во многих местах передвинули демаркационную линию к востоку»¹⁰²⁸. 6 мая было созвано экстренное заседание ЦК РКП(б) для обсуждения вопроса о международном положении советской России «в связи с обострением отношений с Германией, а также высадкой английского десанта в Мурманске и японского десанта на Дальнем Востоке»¹⁰²⁹. Обсуждалось, кроме того, положение на Украине после произведенного там немцами переворота. Ленин, видимо, на этом заседании победил. По крайней мере, ЦК принял написанное им постановление:

«Немецкому ультиматуму уступить. Английский ультиматум отклонить. (Ибо война против Германии грозит непосредственно большими потерями и бедствиями, чем против Японии. [...]) Направить все силы на защиту уральско-кузнецкого района и территории как от Японии, так и от Германии. С Мирбахом вести переговоры в целях выяснения того, обязуются ли [немцы] заключить мир Финляндии и Украины с Россией и всячески ускорять этот мир, сознавая, что он несет новые аннексии. [...]) Начать тотчас эвакуацию на Урал всего вообще и Экспедиции заготовления государственных бумаг в частности»¹⁰³⁰.

На самом деле ультиматумов предъявлено не было (Ленин называл «ультиматумом» любое требование «империалистов»). Немцы настаивали на передаче Финляндии форта Ино как условия для заключения советско—финского мирного договора. Антанта, видимо, в первых числах мая пыталась снова предложить советскому правительству помощь в обмен на разрыв Брестского мира. Сами немцы в те недели считали, что с военной точки зрения формальное соблюдение Брестского соглашения или его аннулирование серьезно ничего не меняли. Тем не менее германское правительство решило, что пришло время объявить об окончании военных

---

¹⁰²⁶ Kochan. *Russia and the Weimar Republic*, p. 11.

¹⁰²⁷ Чичерин. *Внешняя политика советской России*, с. 7.

¹⁰²⁸ Пятый созыв ВЦИК, с. 92. Речь Чичерина.

¹⁰²⁹ Деятельность ЦК партии в документах, с. 141. Протокол заседания ЦК от 6 мая не обнаружен (там же).

¹⁰³⁰ Ленин, ПСС, т. 36, с. 315; т. 50, с. 425.

операций на Восточном фронте: 13 мая Кюльман, Людендорф и заместитель Кюльмана Бусше, принимая во внимание, что «большевики находятся под серьезной угрозой слева, то есть со стороны партии, исповедующей еще более радикальные взгляды, чем большевики» (левых эсеров), нашли нужным в интересах Германии «объявить раз и навсегда, что наши операции в России окончены», «демаркационная линия проведена» и «тем самым наступление завершено».

Если это заявление и дошло до советского правительства, оно, очевидно, не могло быть принято всерьез, тем более, что германское продвижение все-таки продолжалось и после 13 мая. Радек даже в начале июня считал, что соотношение сил, созданное Брестским миром, «угрожает нам дальнейшими глубокими потрясениями и большими экономическими потерями», что «территориальные потери, являющиеся следствием Брестского мира, еще не кончены», что именно в смысле территорий советской власти предстоит «период тяжелой борьбы»¹⁰³¹. (И действительно, через несколько дней началась эвакуация Курска¹⁰³².)

Понятно, что при таком развале Ленина могла согревать лишь мысль о дальнейшем отступлении вглубь России. Когда Троцкий спросил его, что он думает делать, «если немцы будут все же наступать» и «двинутся на Москву», Ленин ответил:

«Отступим дальше, на восток, на Урал [...]. Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть московских и питерских рабочих, которых удастся увезти с собой [...]. В случае нужды уйдем еще дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться. Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширимся и вернемся в Москву и Петербург».

Троцкий объяснял, что «концепция Урало-Кузнецкой республики» Ленину была «органически необходима», чтобы «укрепить себя и других в убеждении, что ничто еще не потеряно и что для стратегии отчаяния нет и не может быть места»¹⁰³³. Да, Ленину было важнее стоять во главе правительства Камчатской республики, чем уступить власть. Но верил ли в Камчатскую советскую республику кто-нибудь, кроме Ленина? Похоже, что нет. Во всяком случае, идея отступления до Камчатки (когда Дальний

---

¹⁰³¹ Труды I съезда Советов народного хозяйства, с. 15-16.

¹⁰³² Последние новости, № 5066, 11 июня 1918, с. 1. По сообщению из Берлина, 7 июня из Курска начали вывозить все запасы продовольствия, движение пассажирских поездов было полностью остановлено, а все прочие поезда двигались исключительно по разрешению Военно-революционных комитетов.

¹⁰³³ Троцкий. О Ленине, с. 88-89.

Восток был под угрозой японской оккупации) никого не вдохновляла. И 10 мая Сокольников на заседании ЦК предложил резолюцию о разрыве Брестского мира:

«ЦК полагает, что государственный переворот на Украине означает создание нового политического положения, характеризующегося союзом русской буржуазии с германским империализмом. В этих условиях война с Германией является неизбежной, передышка — данная Брестским миром — оконченной. Задачей партии является приступить к немедленной открытой и массовой подготовке военных действий и организации сопротивления путем широких мобилизаций. В то же время необходимо заключить военное соглашение с англо-французской коалицией на предмет военной кооперации на определенных условиях¹⁰³⁴.»

До апреля 1989 года резолюция эта считалась «ненайденой»¹⁰³⁵. Зато никогда не терялись «Тезисы о современном политическом положении», проект которых написал Ленин для обсуждения в заседании 10 мая:

«Внешняя политика советской власти никоим образом не должна быть изменяема. Нам по-прежнему реальнейшим образом грозит — и в данный момент сильнее и ближе, чем вчера, — движение японских войск с целью отвлечь германские войска продвижением вглубь европейской России, а с другой стороны — движение германских войск против Петрограда и Москвы, в случае победы немецкой военной партии. Нам по-прежнему надо отвечать на эти опасности тактикой отступления, выжидания и лавирования, продолжая самую усиленную военную подготовку»¹⁰³⁶.

Но резолюция Сокольникова была провалена. За нее голосовал только сам Сокольников. Сталин воздержался, а Ленин, Свердлов, В. В. Шмидт и М. Ф. Владимирский выступили против¹⁰³⁷. Правда, тезисы Ленина в тот день даже не были поставлены на голосование. Сокольников проиграл. Но и Ленин не вышел победителем. Повторное обсуждение тезисов Ленина произошло на следующем заседании ЦК, 13 мая. Вторично обсуждалась и резолюция Сокольникова, текст которой не сохранился и в бумагах этого заседания¹⁰³⁸. ЦК собрался в том же составе и пришел к мнению, что военная опасность со стороны Германии Лениным сильно преувеличена.

---

¹⁰³⁴ Деятельность ЦК партии в документах, с. 142.

¹⁰³⁵ Протоколы заседаний ЦК от 6 и 10 мая не обнаружены (там же, с. 141; Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б), с. 268).

¹⁰³⁶ Ленин. ПСС, т. 36, с. 322-326, 608; Ленинский сборник, т. XI, с. 78; Деятельность ЦК партии в документах, с. 142.

¹⁰³⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 450; Деятельность ЦК партии в документах, с. 142-143.

¹⁰³⁸ Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 271; Деятельность ЦК партии в документах, с. 155, прим. 8.

Тем не менее тезисы Ленина с некоторыми поправками были приняты. Резолюция Сокольника с предложением разорвать Брестский мир и вести проантан-товскую ориентацию снова не собрала ни одного голоса, кроме голоса автора. Сталин голосовал против Ленина (но Сокольникова не поддержал). Отсутствовавшие на заседании Троцкий и Зиновьев, находившиеся в Петрограде, подали свои голоса за тезисы Ленина.

14 мая Ленин выступил с докладом о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и Четвертой Московской общегородской конференции партии (проходившей с 14 по 17 мая). Как и ожидалось, Ленин предлагал продолжать политику брестской передышки. Его доклад был подвергнут резкой критике левыми коммунистами, в частности, Ломовым¹⁰³⁹. С ленинскими тезисами, одобренными в ЦК 13 мая, на конференции выступил Свердлов. Он настаивал на правильности внешней политики ЦК и призывал левых коммунистов «подчиняться постановлениям партии», указав, что иначе они ставят себя вне рядов РКП(б): в организации работы они идут нога в ногу с саботажниками; по всем практическим вопросам «мы встречаем сопротивление со стороны меньшевиков, левых эсеров и 'левых коммунистов'. [...] Я не знаю, стоят ли они за защиту советской власти; в принципе они, конечно, — за, но практически...»¹⁰⁴⁰.

Видимо, речь Свердлова делегатов достаточно напугала. По крайней мере, при голосовании 47 человек против 9 согласились принять за основу тезисы ЦК¹⁰⁴¹. Сам Свердлов теперь, видимо, не просто заменил Ленина, взяв на себя, будучи председателем ВЦИКа, еще и большую часть партийной работы, а именно отеснил его. Он часто назначался содокладчиком Ленина, т. е. был приставлен к Ленину комиссаром; был докладчиком от ЦК на Московской общегородской партийной конференции и зачитывал написанные Лениным и утвержденные ЦК 13 мая «Тезисы ЦК о современном политическом положении». В протоколе заседания ЦК от 18 мая Свердлов в списке присутствующих стоит на первом месте. Заседание ЦК 19 мая — полный триумф Свердлова. Ему поручают абсолютно все партийные дела¹⁰⁴². Ленину на этом заседании дали лишь одно задание:

---

¹⁰³⁹ Там же, с. 144

¹⁰⁴⁰ Там же, с. 145.

¹⁰⁴¹ Там же.

¹⁰⁴² В протоколе ЦК, впервые опубликованном в апреле 1989 года, записано: «Заслушано сообщение т. Дзержинского о необходимости дать в Чрезвычайную комиссию ответственных товарищей, могущих заменить его». Постановили перевести в ВЧК из НКВД Лациса. «Туда же привлечь для заведования отделом контрреволюции тт. Яковлеву и Стукова. Переговорить с ними поручено Свердлову». Троцкий делает заявление «о конфликте, возникшем у него с представителями Замоскворецкого районного Совета».

Свердлов «сообщает, что им уже сделано указание Московскому комитету на необходимость подтянуть дисциплину в

«провести через Совнарком разрешение т. Стеклову на присутствие там»¹⁰⁴³.

Проследить дальнейший рост влияния Свердлова (и падение авторитета Ленина) по протоколам ЦК не представляется возможным, так как протоколы за период с 19 мая по 16 сентября 1918 года не обнаружены. О заседаниях того времени имеются лишь отрывочные сведения. Так, 26 июня ЦК обсуждало вопрос о подготовке проекта конституции РСФСР для утверждения его на Пятом съезде Советов. ЦК признал работу по подготовке проекта неудовлетворительной, и Ленин, поддержанный некоторыми другими членами ЦК, предложил «снять этот вопрос с порядка дня съезда Советов». Но Свердлов «настоял на том, чтобы вопрос остался»¹⁰⁴⁴ (т. е. прошел против Ленина и других членов ЦК), и победил.

Очевидно, что протоколы ЦК не сохранились именно потому, что в них в крайне невыгодном свете выглядели позиция и влияние Ленина. Ослаблению его авторитета, видимо, способствовало и то, что в середине лета 1918 года вырисовалась неизбежность поражения Германии в мировой войне: после провала крупного немецкого наступления на Западном фронте и начала массового прибытия американских войск во Францию неизбежность поражения Германии стала очевидной¹⁰⁴⁵. Нужно было немедленно менять тактику. Но обычно динамичный Ленин на этот раз бездействовал как парализованный. Правда, Ленин, еще совсем недавно (когда это было ему выгодно) указывавший на силу германской армии, теперь все чаще и чаще заговаривал о ее слабости — например, на Пятом съезде Советов в самых первых числах июля:

«Бешеные силы империализма продолжают бороться, находясь уже три

районах».

Свердлов «сообщает, что в президиуме ЦИК стоит вопрос о дальнейшей участи Николая, тот же вопрос ставят и уральцы и [левые] эсеры. Необходимо решить, что делать с Николаем. Принимается решение не предпринимать пока ничего по отношению к Николаю, озаботившись лишь принятием необходимых мер предосторожности. Переговорить об этом с уральцами поручается Свердлову». Обсуждался и вопрос о военных специалистах, в связи с чем было подчеркнута «крупное недовольство в низах, партийных массах, предоставлением старым контрреволюционным офицерам и генералам слишком широких прав», в то время как изначально предполагалось поставить их «в положение консултантов». Решено созвать специальное заседание ЦК 26 мая и посвятить его этому вопросу, пригласив на него некоторых видных большевиков, работавших и в дореволюционной и в советской армии. «Созвать совещание, подобрать военных товарищей поручается тт. Троцкому и Свердлову». Решено предложить Московскому комитету партии созвать общегородскую конференцию «для обсуждения вопроса о положении партийных организаций и задач партии. От ЦК на конференцию делегируются тт. Троцкий и Свердлов». Решено создать Верховный революционный трибунал. Поручается «Свердлову переговорить с т. Стучкой и Крыленко о внесении соответствующего проекта в Совнарком в самый кратчайший срок». Решено «ввести в практику приговоры к смертной казни за определенные преступления». Поручено Свердлову переговорить со Стучкой «о подготовке соответствующего проекта вначале в ЦК, а затем в Совнарком и в ЦИК» (там же, с. 146-148).

¹⁰⁴³ Там же.

¹⁰⁴⁴ Там же, с. 140.

¹⁰⁴⁵ Хаффнер. Революция в Германии, с. 39.

месяца, протекшие с предыдущей) съезда, на несколько шагов ближе к пропасти [...]. Эта пропасть за три с половиной месяца [...] несомненно подошла ближе [...]. Державы Запада сделали громадный шаг вперед к той пропасти, в которую империализм падает тем быстрее, чем идет дальше каждая неделя войны [...]. За три с половиной месяца [...] войны империалистические государства приблизились к этой пропасти [...]. У нас этот истекающий зверь [Германия] оторвал массу кусков живого организма. Наши враги так быстро приближаются к этой пропасти, что если бы им даже было предоставлено больше трех с половиной месяцев и если бы империалистическая бойня нанесла нам снова такие же потери, погибнут они, а не мы, потому что быстрота, с которой падает их сопротивление, быстро ведет их к пропасти».

Но и в этой шизофренической речи с многократным повторением почти одинаковых фраз Ленин умудрился призвать советский актив к тому же, к чему призывал в марте — выжидать, не разрывая Брестского мира, бездействовать: «Наше положение не может быть иное, как дожидаться [...] что эти бешеные группы империалистов, сейчас еще сильные, свалятся в эту пропасть, к которой они подходят — это все видят»¹⁰⁴⁶. Только трудно было удержаться от вопроса: если Германия оказалась на краю гибели через три с половиной месяца после заключения Брестского мира, ведя боевые действия крупного масштаба лишь на одном фронте, получая продовольственную помощь России и Украины и используя Красную армию в борьбе с чехословацким корпусом, который, не задержи его большевики, давно бы уже воевал в Европе против немцев, как глубоко на дне этой пропасти лежала бы кайзеровская Германия, вынужденная воевать на два фронта? В каком состоянии находились бы теперь страны Четверного союза? Где проходила бы граница коммунистических государств?

Заведенная Лениным в тупик, доведенная до кризиса, расколота и слабеющая большевистская партия могла ухватиться теперь лишь за соломинку, которую в марте 1918 года протягивал ей Троцкий: «Сколько бы мы ни мудрили, какую бы тактику ни изобрели, спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция»¹⁰⁴⁷. А для ее стимулирования нужно было, во-первых, разорвать Брестский мир, а, во-вторых, сформировать Красную армию. 22 апреля вопрос о создании регулярной армии был поднят Троцким на заседании ВЦИК. Троцкий подчеркнул, что эта новая дисциплинированная и обученная армия необходима «специально для возобновления мировой войны совместно с

---

¹⁰⁴⁶ Ленин, ПСС, т. 36, с. 493, 495, 497.

¹⁰⁴⁷ Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 63.

Францией и Англией против Германии», причем тогда же советским руководством было начато обсуждение с представителями Антанты планов совместных военных действий¹⁰⁴⁸.

Новая армия стала называться «Народной». К лету 1918 года она составляла основное ядро войск Московского гарнизона, была составлена на контрактных началах, считалась аполитичной и находилась в ведении Высшего военного совета под председательством Троцкого при военном руководителе генштаба М. Д. Бонч-Бруевиче. Непосредственно войска подчинялись Н. И. Муралову, командующему войсками округа. В июне в состав Народной армии приказом Троцкого должны были зачислить латышскую стрелковую дивизию¹⁰⁴⁹.

Вопреки воле Ленина, ЦК готовился расторгнуть брестскую передышку и возобновить войну с Германией как только условия для этого окажутся подходящими. Возможно, начинать войну летом 1918 года было не менее рискованно, чем продолжать ее в марте. Но в июне большевикам уже не из чего было выбирать. Ленинская политика «передышки» была испробована и не дала положительных для революционеров результатов. В июне уже не имело значения, прав ли был Ленин в марте. Революция за три месяца передышки потеряла свой бескомпромиссный динамичный бег. Требовалось предпринять что-то ошеломляюще-грандиозное, чтобы воскресить ее и вылезти из того болота, в которое завел Ленин. Самым естественным решением казался разрыв Брестского мира. Но, видно, были на стороне Ленина еще и никем не понятые силы. В особняке германского посольства днем 6 июля раздались выстрелы террористов. В этот миг было спасено большевистское правительство, а вместе с ним, по еще большей иронии судьбы — ленинская брестская «передышка».

Глава двенадцатая. На пути к однопартийной диктатуре, апрель-июнь

Партия конституционных демократов, разогнанная еще до созыва Учредительного собрания, стала первой партией революционного лагеря, принесенной в жертву мировой революции. Весной 1918 года большевики, первоначально вместе с левыми эсерами, начинают широкую кампанию борьбы с оппозиционными социалистическими партиями как на местах, так и в центре. Беспощадно разгонялись и арестовывались, начиная с апреля, оппозиционные большевикам и левым эсерам местные Советы и рабочие конференции, причем в таких масштабах, что на очередном заседании ВЦИК эсеры попробовали включить этот вопрос в повестку дня. В

---

¹⁰⁴⁸ Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 171.

¹⁰⁴⁹ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 24, 25.

частности, были разгромлены Советы в Ярославле, Тамбове и Златоусте. Свердлов, однако, отказался включить этот пункт в повестку дня, и ВЦИК проголосовал вопроса не обсуждать.

Первой разгромленной партией ВЦИКа стали анархисты. В ночь с 11 на 12 апреля ядро этой партии — 600 человек — были арестованы в Москве силами ЧК и армии¹⁰⁵⁰. 18 апреля с докладом о проведенной операции на заседании ВЦИК выступил заместитель Дзержинского по ВЧК левый эсер Загс (Закс). Он обвинил анархистов в захвате зданий (особняков), грабежах, убийствах и намекал на планировавшийся анархистами захват власти¹⁰⁵¹.

31 мая Закс докладывал ВЦИКу о разгроме «Союза защиты родины и свободы» и открыто назвал эсеров и меньшевиков «предателями советской власти»¹⁰⁵². 4 июня на соединенном заседании ВЦИК и Моссовета Ленин обвинил меньшевиков и эсеров в контрреволюционной деятельности и организации голода в стране и восстаний. В начале июня ЦК РСДРП передал за границу первую сводку о репрессиях: «Почти везде закрыты наши газеты», «арестуют за «контрреволюционную деятельность», за «агитацию против советской власти», «от расстрелов погибло немало социал-демократов». Эсеры и меньшевики были изгнаны из Советов Калуги, Саратова, Екатеринбурга, Кронштадта и ряда других городов¹⁰⁵³. 10 июня в Сормове с применением оружия была разогнана рабочая конференция Нижегородской и части Владимирской губерний. 13 июня разогнана рабочая конференция в Москве. С протестом по этому поводу во

---

¹⁰⁵⁰ Член ВЦИК анархист-коммунист А. Ю. Ге так описывал события той ночи: «События разгорелись с 11 на 12 апреля. Это было в 3-м часу утра. Мне по телефону звонят из редакции одной газеты и спрашивают, не могу ли я дать разъяснения, почему весь город окружен заставами, почему никого никуда не пропускают, разъезжают патрули, наставлены пулеметы, броневики и вообще город поставлен на осадное положение. Я позвонил по телефону в Московский совет. [...] Мне ответили, что [...] это ошибка [...]. На следующее утро приходят товарищи и сообщают о том, что совершен разгром анархических организаций. [...] Часть особняков действительно была занята неправомерно [...]. Дворец Кшесинской был занят вами [большевиками] тоже не совсем правомерно. [...] Многие особняки из тех, которые подверглись разгрому, были заняты вполне правомерно. [...] Ордера на занятие этих помещений были выданы легальным образом [...]. Затем указание на то, что особняки как бы случайно были расположены вокруг Московского совета, совершенно не соответствует действительному положению вещей [...] Оправдывать разгром анархических организаций тем, что в этих организациях были преступники, т. е. вводить принцип круговой поруки, товарищи, это с юридической точки зрения — абсурд. [...] Здесь применили этот [...] принцип круговой поруки и взяли под расстрел целыми организациями [...]. Если руководствоваться этим принципом, мы знаем о всех безобразиях, которые проявляются в большевистских кругах, и если руководствоваться принципом круговой поруки, вы должны сегодня же ночью разнести свои организации, и если руководствоваться принципом моральной ответственности, то вы можете посадить всех идейных борцов большевизма».

¹⁰⁵¹ Закс заявил, что особняки, занимаемыми анархистами, «концентрировались вокруг Московского совета», «как бы кольцом». «Для нас было ясно, что какая-то идея в этом захвате есть. [...] Мы знали, что это не обойдется без кровопролития. Но иным способом мы не могли ничего иного сделать [...] В ночь с 11 на 12 мы окружили особняки и с небольшими жертвами и потерями ликвидировали дело [...]. Были двинуты слишком большие силы. Всего окружено было 26 особняков [...] Часть анархистов будет выпущена, часть будет выслана, а часть будет подвергнута суду революционного Трибунала».

¹⁰⁵² Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 355-356.

¹⁰⁵³ Там же, с. 423, 437.

ВЦИК 14 июня выступил Мартов:

«Вчера было арестовано несколько десятков рабочих, в том числе эсеров, меньшевиков и беспартийных, выбранных заводами и мастерскими г. Москвы в качестве уполномоченных на конференцию, которая должна была обсудить вопросы голода, безработицы и общеполитические вопросы [...] Попытки рабочих многих заводов направить свои делегации сюда, в ЦИК, чтобы присутствовать на заседании ВЦИК, сегодня разбились о специально отданный приказ не пропускать никого, кроме большевиков и левых эсеров. Эти товарищи-рабочие сейчас стоят на улице».

Но большевики уже были готовы ответить Мартову. На этом последнем заседании ВЦИКа четвертого созыва, за две недели до намечаемого открытия Пятого съезда Советов, они приняли решение исключить меньшевиков и эсеров из ВЦИКа. С заявлением по этому поводу выступил Сосновский. Он назвал соседство большевиков и меньшевиков «парадоксом», требующим «разрешения или устранения». Сосновский назвал меньшевиков и эсеров «агентами буржуазии и помещиков», участвующими «в контрреволюционных заговорах». Лучше иметь их «по ту сторону баррикады», чем в Совете, — добавил Сосновский. После непродолжительных прений ВЦИК постановил исключить из своего состава эсеров и меньшевиков и «предложить всем Советам [...] удалить представителей этих фракций из своей среды». Обе партии тут же и были исключены голосами большевистских депутатов. Левые эсеры выступили против исключения¹⁰⁵⁴: было ясно, что следующие на очереди — они¹⁰⁵⁵.

Первые репрессии обрушились на ПЛСР в апреле 1918г. 6 апреля по обвинению в сепаратизме и провоцировании войны с немцами был арестован один из виднейших членов партии В. Б. Спиро. По поручению ВЦИК и по договоренности между Лениным, Спиридоновой и Камковым Спиро тремя неделями раньше был командирован в Севастополь и по прибытии туда, 20 марта, назначен главным комиссаром Черноморского флота. По решению Совнаркома Спиро должен был настоять на затоплении части судов Черноморского флота и передаче Турции Батума, Ардагана и Карса, как было предусмотрено Брестским соглашением. Однако в Севастополе отказались подчиниться центральной директиве, и Спиро,

---

¹⁰⁵⁴ В том, что касалось обвинений, ПЛСР была согласна с большевиками. Карелин сказал: «Сегодня поставлен вопрос о выступлении против советской власти партий, входящих в Советы. [...] Наша бдительность по отношению к правым социалистам должна быть максимальной». Однако, указал Карелин, «у нас нет налицо достаточных оснований устанавливать участие партий в контрреволюционных попытках как партий. А ведь только такое установление участия партии как целого влечет обвинение всех лиц, входящих в партию. Таких оснований нет. Помимо того, ставить вопрос до съезда Советов формально недопустимо, так как представители эсеров и меньшевиков [...] делегированы от съезда и их исключение может быть решено только съездом [...] Мы протестуем против их исключения, которое является для нас неприемлемым и формально, и по существу. Мы будем голосовать против» (там же, с. 426-428).

¹⁰⁵⁵ После исключения из ВЦИК эсеров и меньшевиков там остались еще две чужеродные фракции: максималисты и меньшевики-интернационалисты. Им было отказано в праве решающего голоса в Президиуме ВЦИКа.

нашедший поддержку у советской власти Крыма, изменил свои намерения. Отказавшись от планов выполнения ленинской директивы, он на заседании Севастопольского совета и Центрфлота предложил «отвернуться от гнилого Севера и продолжать войну с Германией» и был поддержан подавляющим большинством.

В Крыму по указанию Спиро был образован так называемый «Южный комитет защиты революции», который запретил вывоз хлеба за пределы Крымского полуострова, объявил мобилизацию и начал конфискацию лошадей для артиллерии. Крымская советская власть издала также приказ об аресте германских военнопленных первой мировой войны и высылке их эшелонами в Сибирь. Наконец, 23 марта Центрофлот принял резолюцию о защите Батума от турок и оказании помощи Закавказскому правительству.

В ответ на это Совнарком потребовал ареста Спиро за нарушение директив центра и предания его суду революционного трибунала. Спиро был арестован, судим и казнен. Его действия, на первый взгляд кажущиеся провокационными, следует, тем не менее, рассматривать в контексте событий тех дней. Идея потопления Черноморского флота встретила неслыханное сопротивление матросов. С директивами потопить Черноморский флот из Москвы в Крым посылались Н. П. Глебов-Авилов, И. И. Вахрамеев, Шляпников и, наконец, наркомфлот Раскольников. Все они, в результате, собрались в Исполкоме Кубанско-Черноморской республики и в бессилии опустили руки. Вахрамеев, прибывший в Новороссийск для замены Спиро, нашел ситуацию столь для себя невыгодной, что долго скрывал от правительства Кубанско-Черноморской республики привезенную им директиву СНК, а когда сообщил о приказе Москвы, получил отказ Крымского правительства, настроенного «в пользу вооруженного сопротивления Черноморского флота немецкому наступлению».

Против потопления флота высказывался Шляпников. Когда же в Новороссийск по личному приказу отчаявшегося уже потопить флот Ленина поехал Раскольников, Сталин в Царицыне предупредил его, что руководители Кубанско-Черноморской республики категорически против ленинского приказа. В Исполкоме Кубанско-Черноморской республики мнения разделились. Вахрамеев считал, что Раскольникова расстреляют на вокзале (самого Вахрамеева ловили по всему городу, чтоб расстрелять, но тот сумел скрыться); Шляпников предположил, что Раскольникова сбросят за борт корабля...

Расстрелом Спиро не ограничились репрессии против левых эсеров. 14 мая в Самаре была закрыта большевиками левоэсеровская газета «Знамя труда»; 30 июня у здания ВЦИК чекисты-большевики арестовали секретаря Крестьянской секции ВЦИК левого эсера Турбина. «Нам приходилось

отражать крайне жестокие нападки с разных сторон, — заявил в один из тех дней Свердлов. — За последнее время эти нападки имели место не только со стороны безусловно враждебных советской власти партий и групп, но и со стороны советской партии, левых эсеров. Нам пришлось выдерживать с ними упорную борьбу по целому ряду вопросов»¹⁰⁵⁶. Это было не просто предостережение. Это было сообщение о разрыве блока с ПЛСР.

* * *

После разгона Учредительного собрания и Третьего съезда Советов у большевиков и левых эсеров практически не было расхождений¹⁰⁵⁷. На местах содружество оказывалось часто прочнее, чем в центрах, а местные левоэсеровские организации в ряде случаев шли вместе с большевиками, даже когда это противоречило линии ЦК ПЛСР. Так было и после выхода левых эсеров из Совнаркома¹⁰⁵⁸. Январь — февраль 1918 года был периодом наиболее тесного сотрудничества¹⁰⁵⁹. Но и мартовские расхождения левых эсеров и большевиков, вызванные прежде всего заключением Брест-Литовского мирного договора, носили тактический, а не принципиальный характер. Член ЦК ПЛСР Колегаев был совершенно прав, когда писал 19 апреля 1918 года, что левые эсеры могут расходиться с большевиками «лишь тактически», идя вместе «во всех вопросах социальной революции, хотя бы и подчиняясь их большинству»¹⁰⁶⁰.

Выход из советского правительства большинство ЦК левоэсеровской партии считало ошибкой. Впрочем, неуверенность и колебания были присущи главным образом членам ЦК, а не активу ПЛСР в ее среднем

---

¹⁰⁵⁶ Свердлов. Избранные статьи и речи, с. 91.

¹⁰⁵⁷ Там же.

¹⁰⁵⁸ Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 142. На местах исключение меньшевиков и эсеров из Советов, где они оказывались в меньшинстве, приняло эпидемический характер. Так, в Царскосельском уезде Петроградской губернии большевики на уездный съезд провели 40 % делегатов, а левые эсеры — 28%. Располагая в общей сложности 68% мандатов, большевики и левые эсеры проголосовали против предоставления в Совете мест эсерам и меньшевикам, которых со съезда прогнали. В исполком было выбрано 9 большевиков и 6 левых эсеров. То же самое произошло на съезде Советов крестьянских депутатов и Советов рабочих и солдатских депутатов Лужского уезда. Делегаты разделились на два блока: левый (большевики и левые эсеры) и правый (эсеры, меньшевики, беспартийные). Большинство принадлежало левому блоку. Воспользовавшись этим, большевики с левыми эсерами исключили из Совета правый сектор. Так же было на съездах Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, Великолукского уезда Псковской губернии, Симбирской губернии и на губернском съезде Советов Череповецкой губернии. Советы, где большевики и левые эсеры не получали большинства, просто разогнались. Так было с городским Советом Тамбова, где Совет был разогнан силой после того, как прошедшие туда эсеры и меньшевики отказались предоставить большевикам половину мест в президиуме исполкома (МИСИ, архив ПСР, п. 2032, с. 2-4).

¹⁰⁵⁹ Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 145.

¹⁰⁶⁰ ЗТ, 19 апреля 1918.

звене, левоэсеровским делегатам Четвертого съезда Советов. Большинство их голосовало на заседании фракции против ратификации Брестского мира. Это и предопределило позицию ЦК и выход левых эсеров из Совнаркома. ЦК ПЛСР попробовал переубедить свою партию, но потерпел неудачу. Собравшаяся после съезда Советов Третья городская конференция левых эсеров Петрограда вновь высказалась против ратификации Брестского договора и заявила, что «петроградская организация всемерно будет противодействовать проведению грабительского мира»¹⁰⁶¹. Это еще больше насторожило руководство ПЛСР. Все надежды ЦК возлагал теперь на Второй партийный съезд, намеченный на 17-25 апреля.

На съезде присутствовало 59 делегатов от 29 губернских партийных организаций, представлявших 62561 члена ПЛСР. Именно на этом съезде ЦК попытался в последний раз переубедить делегатов. Спиридонова, Колегаев и Трутовский резко выступили против разрыва с большевиками и выхода из состава правительства. Колегаев сказал, что «выйти из состава правительства — значит поставить перед крестьянством вопрос: отойти от власти или отойти от нас». Конечно «трудовое крестьянство предпочитает отой-ги от нас», — заключил Колегаев и предложил «войти в центральную советскую власть», высказав опасение, что в противном случае «революция пройдет мимо»¹⁰⁶².

Колегаева поддержала Спиридонова, указавшая, что уход от власти есть предательство крестьянства и что антибрестская позиция ПЛСР не привела к росту популярности левых эсеров (что было неверно). Большинство, утверждала Спиридонова, все равно осталось за большевиками, которые, «не изменяют социальной революции, а только временно пригнулись вместе с народом, не имея в руках никаких сил и возможностей защищать целиком все наши завоевания». Трутовский продолжил ту же тему, сказав, что из создавшейся ситуации может быть только один выход: «либо совместная работа с большевиками в центральной власти — для осуществления социальной революции», либо «свергать большевиков», т. е. стать «во главе контрреволюции»¹⁰⁶³.

Подобная поляризация была проведена выступавшими членами ЦК умышленно и имела целью заставить делегатов поддержать резолюцию с осуждением выхода из СНК (из-за чего даже ряд левых эсеров вышел в знак протеста из партии)¹⁰⁶⁴. Но несмотря на красноречивые выступления

---

¹⁰⁶¹ Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 110.

¹⁰⁶² ЗТ, 19 апреля 1918. Статья «Отвод от власти».

¹⁰⁶³ Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 110.

¹⁰⁶⁴ Например, из партии вышел член ВЦИК П. В. Бухарцев (Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 50). Другой левый эсер,

левоэсеровского руководства и приравнивание разрыва с большевиками к контрреволюционному акту, большинством в пять голосов при пяти воздержавшихся съезд одобрил выход левых эсеров из правительства. Резолюция предлагала «в случае изменения политической конъюнктуры принять участие в центральной власти» и указывала, что выход из СНК «ни в какой мере не должен был повести к подрыву как центральных, так и местных органов советской власти», а потому левые эсеры имеют право, согласно постановлению ЦК, остаться «во всех учреждениях и коллегиях комиссариатов и других органов». Одновременно съезд призвал «все партийные организации своим активным участием во всех советских учреждениях и классовым восстанием трудового народа против внутренней контрреволюции и идущего ей на помощь международного империализма, выпрямить общую линию советской политики»¹⁰⁶⁵. Принятая съездом новая программа ПЛСР предлагала отстаивать «диктатуру трудового народа», 8-часовой рабочий день, социальное страхование и создание инспекций труда и призывала двигаться «через многогранные формы коллективизма от социализации земли к полному осуществлению идеалов социализма»¹⁰⁶⁶.

Для осуществления этой программы в самом начале мая Спиридонова и Карелин от имени ЦК ПЛСР предложили большевикам во избежание партийных междоусобиц по земельным вопросам передать в распоряжение ПЛСР комиссариат земледелия. Но у Ленина были другие планы. 3 мая после совещания с членами коллегии наркомзема Ленин счел соображения левых эсеров «неосновательными и их предложение неприемлемым»¹⁰⁶⁷. В тот же день на состоявшемся заседании ЦК РКП(б) «притязания левых эсеров на передачу им комиссариата земледелия» были отклонены¹⁰⁶⁸. Такая реакция большевиков на предложение левых эсеров, еще недавно руководивших наркоматом земледелия и покинувших его добровольно, не была случайной. Ленин готовился к решающему наступлению на деревню.

А. М. Устинов, заявил, что не считает возможным оставаться членом ЦК и редакции «Знамени труда» ввиду «принципиального расхождения по вопросам выхода из состава Совнаркома, о партизанской войне на фронте, а также по вопросу об отношении ЦК партии к ратификации мирного договора» (ЗТ, 11 апреля 1918).

¹⁰⁶⁵ Резолюции и постановления, с. 25-26; ЗТ, 2 июля 1918. Разумеется, это решение было одобрено далеко не всеми левоэсеровскими организациями. Так, пензенские левые эсеры заявили, что считают одобрение Вторым съездом выхода из СНК ошибкой и требуют созыва Третьего съезда ПЛСР для пересмотра этого решения

(Правда, 22 мая 1918). Против, выхода из СНК высказалась и левоэсеровская фракция казачьего съезда в Омске (Коммунистическая партия в период упрочения советской власти, с. 244).

¹⁰⁶⁶ Резолюции и постановления, с. 25-26, 35, 46, 48, 52.

¹⁰⁶⁷ Ленин. ПСС, т. 50, с. 70.

¹⁰⁶⁸ Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 263.

* * *

Продовольственная политика большевиков в первые месяцы советской власти была во многом ключом к большевистской победе. Спазматически меняющаяся, она дала о себе знать уже на следующий день после Октябрьского переворота — 27 октября 1917 года был издан декрет о продовольственном снабжении городов. Этот закон советского правительства официально предоставил местным (городским) Советам право добывать себе продовольствие любыми доступными способами: «на основе организации широкой самодеятельности трудящихся масс». Советам, среди прочего, предоставлялось и право реквизиции частных запасов продовольствия.

За первые недели советской власти в Петрограде большевики смогли набрать и имели в своем распоряжении несколько сот тысяч пудов хлеба. Но эти запасы были каплей в море. 9 ноября вопрос о кризисе с продовольствием пришлось рассматривать во ВЦИК. Докладчик подчеркнул, что «поступает всего 12 с лишком тысяч пудов в день», тогда как даже «при пайке в четверть фунта на человека» городу необходимо «48 тысяч пудов ежедневно». Не лучше обстояло дело и со снабжением армии: «на Северном фронте сухарей осталось всего на 2 дня». 10 ноября для успокоения населения правительство официально объявило в петроградских газетах о прибытии в Кронштадт каравана барж с продовольственными грузами для Петрограда и фронта.

Заготовкой и распределением продовольствия должен был ведать комиссариат по продовольствию. До начала работы комиссариата дело снабжения Петрограда взял в свои руки петроградский ВРК. Уже в ноябре он стал посылать для конфискации продовольствия в хлебных губерниях специально сформированные отряды рабочих и матросов. Практические результаты превзошли самые смелые ожидания: поступление продовольствия в город увеличилось с 86 тысяч пудов в первую неделю ноября 1917 г. до 227-249 тысяч пудов.

Формально считалось, что организация продовольственного дела основывается на принципе товарообмена между городом и деревней. Этот обмен промышленных товаров на хлеб и другие продукты проводился первоначально на местном уровне — отдельными фабриками, заводами или местными органами советской власти. Однако при явно завышенных ценах на промышленные товары, которых не хватало, и заниженных ценах на крестьянский хлеб подобный товарообмен по существу сводился к узаконенному грабежу: «основную часть стоимости заготовленных сельскохозяйственных продуктов крестьяне получили обесцененными

денежными знаками. Деньги являлись как бы свидетельством размеров полученной государством ссуды»¹⁰⁶⁹.

Чередование скрытых и явных конфискаций не могло не возмутить крестьянское население, и волна неповиновения в деревне поднялась уже в декабре. Крестьяне повсеместно отказывались продавать зерно. Из-за этого прекратился приток хлеба в промышленные центры страны. Угроза невиданного голода нависла в первую очередь над Петроградом. Катастрофическим было снабжение армии. 14 декабря Ленин объявил вопрос о хлебе важнейшим из стоящих перед советским правительством политических вопросов. 8 января Совнарком поручил одной из своих комиссий разработать практические мероприятия по снабжению промышленных центров и армии продовольствием.

Выход из кризисного положения советское правительство видело не в повышении закупочных цен на хлеб, а в усилении репрессий. Комиссия рекомендовала посылать в деревню вооруженные отряды для принятия «самых революционных мер», для «беспощадной борьбы со спекулянтами». Точную численность таких отрядов, посланных в те месяцы в деревню, установить трудно. Видимо, одних только рабочих в первые полгода советской власти в деревню было послано 50 тысяч. Постепенно заготовительные отряды проникали во все более отдаленные от столиц хлебные районы, даже на юг России, где за сбор продовольствия — с конца декабря 1917 года отвечал Г. К. Орджоникидзе. Он добился определенных результатов: если до 1 марта 1918г. в центр отправлялось ежедневно по 140 вагонов с продовольствием, то с 10 марта — уже по 300 вагонов, а в апреле — по 400. Причина такого резкого увеличения отправок заключалась не столько в увеличивающихся конфискациях крестьянского хлеба, сколько в налаживании транспортной системы, связывающей юг и центр.

Кроме Украины и юга хлеб давала Сибирь. В январе 1918 года погрузка хлеба из Сибири достигла 587,5 тысяч пудов, в феврале — 1867,5 тысяч, в марте — 3304,3 тысяч. Однако в апреле 1918 года, после подписания Лениным Брестского мира, ситуация резко изменилась. Украина была оккупирована немцами. С мая хлеб перестал давать юг. В Сибири началось спровоцированное брестской политикой большевиков восстание чехословацкого корпуса.

Общая политика советского правительства по отношению к крестьянству и продовольственному вопросу способствовала лишь усилению кризиса. «Хлеба было много в стране, — писал экономист-кадет С. Прокопович, — но хлеб этот не доходил до горожан и фабричных рабочих, так как частная торговля в стране преследовалась [...]. Голод 1918

---

¹⁰⁶⁹ История социалистической экономики СССР, т. 1, с. 375.

г. был закономерным результатом продовольственной и земельной политики советской власти». Эта политика, по словам советского историка, заключалась в следующем:

«Советская власть не могла решать продовольственный вопрос буржуазными методами, путем развития свободной торговли хлебом, ибо свобода торговли означала спекуляцию и вздутие цен, свободу наживаться для богатых, свободу умирать для бедных. Советская власть должна была организовать заготовку хлеба на началах товарообмена, наладить продовольственное снабжение городов по трудовому принципу: «кто не работает, тот да не ест». Для этого были необходимы, во-первых, государственная хлебная монополия, т.е. безусловное запрещение частной торговли хлебом, обязательная сдача всех излишков хлеба государству по твердой цене и обеспечение деревни промышленными товарами также по твердым ценам; во-вторых, строжайший учет всех излишков хлеба [...] в-третьих, правильное распределение хлеба между гражданами».

Если город в результате такой политики не вымер от голода, то только благодаря «мешочникам», взявшим на себя неблагодарный труд посредников между городом и деревней. Так, до марта 1918 года из Кубани не было вывезено государством ни одного пуда хлеба, а «мешочники» вывезли не менее двух миллионов пудов. Монополия формально оставалась в силе, но она вылилась в замену легальной системы снабжения города—запрещенной. И это, вполне по законам рыночной экономики, которой в целом было отказано в существовании, привело к вздутию цен на продукты, отчего в первую очередь страдали рабочие.

Весной 1918 года советское правительство начало организацию «правильного товарообмена в государственном масштабе»¹⁰⁷⁰ через продовольственные органы советской власти. С апреля организация товарообмена была возложена на наркомат продовольствия. По декрету от 2 апреля отдельные организации и предприятия, не уполномоченные на это наркомпродом, не имели права заниматься самостоятельным обменом товаров на хлеб. Местные продовольственные органы должны быть полностью подчинены наркомпроду. 8 апреля, несмотря на признание наркомпродом критической ситуации, советское правительство заявило, что не откажется от хлебной монополии и было в этом вопросе поддержано во ВЦИК левыми эсерами¹⁰⁷¹. Товарообмен между тем производился по классовому признаку. Обменивать продукты на промышленные товары

---

¹⁰⁷⁰ Там же, с. 196-197.

¹⁰⁷¹ Выступивший от их имени Трутовский сказал, что «хлебная монополия должна оставаться неизменной [...] должна сохраниться как мера чисто социалистическая, как мера уравнительного распределения хлеба, и от хлебной монополии в настоящее время Советская Россия не отступится, наоборот, она эту монополию должна расширить до создания целого ряда монополий в других областях народного хозяйства».

могли лишь деревенские бедняки. Остальные крестьяне, имевшие излишки, обязаны были продавать их государству по твердым ценам, получая взамен обесцененные бумажные деньги. Выдаваемые государством для обмена на хлеб товарные фонды, с целью предотвращения попадания их в руки крепких крестьян, передавались в распоряжение волостных или районных сельских организаций и лишь через эти организации обменивались на хлеб бедняков. Основными промышленными товарами для обмена были ткани, нитки, кожа, обувь, галоши, шорные изделия, чай, сахар, соль, посуда, мыло, керосин, проволока, листовое железо, гвозди, подковы, веревка, сельскохозяйственные машины, орудия и инвентарь.

Подобный товарообмен, из которого исключались все зажиточные слои деревни, конечно же, не мог разрешить продовольственного кризиса. Промышленных товаров не хватало. Город несравнимо больше хотел взять, чем мог дать. При такой системе нельзя было рассчитывать на добровольный принцип.

В мае советское правительство предоставило наркомпроду чрезвычайные полномочия по заготовке и распределению продовольствия. На находящейся под властью Совнаркома территории была установлена «продовольственная диктатура», целью которой было, по словам Ленина, «вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба». Декрет, изданный ВЦИК 9 мая, подтверждал незыблемость хлебной монополии и твердых цен на хлеб и предписывал жителям сельских районов в недельный срок сдать советской власти все имеющиеся «излишки хлеба». Крестьяне, утаивающие от государства хлеб и отказывающиеся свозить его на ссыпные пункты, объявлялись врагами народа. Результатом этого явилось снижение товарности и общее понижение производительности сельского хозяйства¹⁰⁷².

Кроме хлеба, ввозимого мешочниками, в распоряжении промышленных центров находился урожай «рабочих огородов», внедряемых по указу советского правительства в промышленных центрах. Межведомственная Центральная огородная комиссия при наркомпроде была образована из представителей заинтересованных ведомств, профсоюзов и специалистов в начале 1918 г. В крупных городах, в том числе в Москве и Петрограде, были созданы еще и городские огородные комиссии. Весной они развернули широкую, в возможных для них пределах, деятельность.

Состояние продовольственного снабжения промышленных центров, тем не менее, продолжало оставаться серьезным. В первой половине 1918 года туда предполагалось завезти 230 тысяч вагонов продовольствия, а

---

¹⁰⁷² Осипова. Развитие социалистической революции в деревне, с. 53.

доставлено было лишь 15,6 тысяч. План снабжения Москвы и Петрограда в январе 1918 года был выполнен на 7,1 %, в феврале — на 16%, в апреле, когда проявились результаты ленинской брестской политики, — на 6,1 %, в мае и того хуже -на 5,7%. Как следствие этого, весной и летом в столицах начался подлинный голод: в Москве и Петрограде даже рабочие иногда не получали хлебных пайков неделями.

Тогда правительство приступило к разработке общегосударственного продовольственного плана на 1918/19 год, в надежде, что так можно будет увеличить государственные хлебозаготовки. В связи с этим Совнарком затребовал от губернских и уездных Советов данные об излишках. Одновременно ЦСУ требовало определить, «сколько излишков хлеба должно быть в каждой волости», «сколько каждая должна дать». Наряды устанавливались ЦСУ по волостям.

Однако закупочные цены на зерно были установлены крайне низкие. Так, по сведениям ЦСУ, в различных районах России себестоимость ржи составляла от 6 руб. 30 коп. до 12 руб. 27 коп. за пуд. Государство же скупало или обменивало у крестьян хлеб по единой для всей страны цене: 4 руб. 20 коп. за пуд, т. е. в полтора-три раза ниже себестоимости. Заготовительные цены на другие продукты в целом устанавливались по такому же принципу. Было очевидно, что при столь низких закупочных ценах хлеб нельзя было получить иначе как силой. Проводником такой политики не могли быть крестьянские Советы, в которых большевики к тому же не пользовались популярностью.

Между тем продовольственное положение Петрограда было столь плохо, что 9 мая Ленин забил тревогу— На места им была послана телеграмма: «хлеба нет», «выдаются населению остатки картофельной муки, сухарей», «столица на краю гибели от голода». «Именем Советской Социалистической Республики требую немедленной помощи Петрограду», — взывал Ленин. В тот же день продовольственное положение в стране обсуждалось на заседании ВЦИК. С докладом выступил нарком продовольствия большевик А. Д. Цюрупа. Он сказал, что Советами на местах и прежде всего крестьянскими съездами закон о хлебной монополии и твердых ценах по существу отменен, собранные или конфискованные для столиц грузы реквизируются по пути то местными властями, то самими железнодорожниками, то просто толпами голодных людей. «Реквизиция идет по всем линиям железных дорог в таких угрожающих размерах, что совершенно изменяет наши планы, и хлеб, уже заготовленный на местах, погруженный на вагоны [...] очень часто не доходит». Мешочничество Цюрупа назвал «бичом», указав, что в Курской губернии имеется 20 тысяч мешочников, в Тамбовской — около 50 тысяч. «Хлебная монополия как целое не осуществлена; это всем известно, в этой области мы натолкнулись

на нежелание, упорное нежелание населения [...] сдавать хлеб», — подчеркнул Цюрупа и призвал город организовать продовольственные отряды для «отбирания от держателей запасов хлеба». Цюрупа говорил именно об «отбирании хлеба», предполагая оставлять крестьянам «паек, рассчитанный более, чем на месяц, а иногда на месяц». Этим должны будут заниматься, с одной стороны, деревенская беднота, стимулируемая тем, что получает процент с конфискованного, с другой — продотряды, посылаемые «не только в целях взятия и реквизиции хлеба, но и в тех целях, что появление их должно показать населению, что хлеб будет взят силой». Появление отрядов, по мнению Цюрупы, должно было «стимулировать и побуждать к сдаче хлеба не только в тех местностях, где эти отряды появились, но и в ближайших местностях». Отряды планировалось организовать «в значительном числе»¹⁰⁷³.

Цюрупа предложил на утверждение ВЦИК текст соответствующего декрета «О продовольствии». Декрет предусматривал сдачу крестьянами государству по твердым ценам всех «излишков хлеба» в недельный срок с момента публикации постановления. За несдачу или «разбазаривание» хлеба декрет предписывал передавать крестьян «революционному суду, заключать в тюрьму на срок не менее 10-ти лет, подвергать все имущество конфискации и изгонять из общины». Декрет открыто поощрял систему доносительства: «В случае обнаружения у кого-то избытка хлеба [...] хлеб отбирается у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки [...] и в половинном размере сельскому обществу».

Лично для себя Цюрупа требовал массу полномочий: право «применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отобранию хлеба или иных продовольственных продуктов», право «передавать настоящие полномочия [...] другим лицам и учреждениям на местах», «увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций».

Левые эсеры не выступили во ВЦИК против проекта в целом, но отвергли диктаторские притязания Цюрупы. Карелин по этому поводу сказал, что ПЛСР «так же решительно» возражает «против продовольственной диктатуры» как и «против диктатуры вообще», считая, что «диктатура ничего не даст, кроме поножовщины в деревне». «С декретом в первой части, в основных положениях, мы согласны», — закончил Карелин, — «а вторую часть, относительно создания продовольственного диктатора, наша фракция самым решительным

---

¹⁰⁷³ Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 249.

образом отвергает».

В ответ Цюрупа заявил, что большевики предлагают начать «войну против деревенской буржуазии», поскольку из деревни хлеб можно получить «только с оружием в руках». И если Советы созывают съезды, отменяющие хлебную монополию и твердые цены, с такими Советами нужно бороться «вплоть до заключения в тюрьму, до посылки войска, до последних форм, крайних форм гражданской войны».

13 мая декретом ВЦИК и СНК предложенный Цюрупой проект был утвержден в качестве закона¹⁰⁷⁴ и подкреплён обращенной к сельским Советам телеграммой наркома внутренних дел Г. И. Петровского. Петровский указал на проникновение в волостные и уездные Советы «зажиточных и кулацких слоев деревни», предложил Советам «строжайше проводить постановление Всероссийского съезда Советов о полном устранении кулацких слоев от всякой советской работы», а работающих в Советах кулаков «арестовывать и предавать суду за нарушение основ советской конституции».

Речь, разумеется, шла об очистке сельских Советов от тех, кто отказывался проводить антикрестьянскую политику Совнаркома и о подготовке почвы для создания параллельных сельским Советам большевистских крестьянских организаций. К лету 1918 года в 30 губерниях европейской части советской России было всего 400 деревенских большевистских ячеек¹⁰⁷⁵, и влияние их было ничтожно. Новые большевистские организации в деревне кроме продовольственных должны были выполнять и политические функции: вытеснить из сельских Советов левых эсеров. Об этом фактически открыто говорил на заседании ВЦИК 20 мая Свердлов. Он дал понять, что «кулацко-буржуазный элемент», уничтожение которого предстоит, находится и в ПЛСР. «Нам необходимо было создать в деревне такие организации, — сказал Свердлов, — которые в состоянии были бы подавлять в деревне буржуазию». «В волостных Советах руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу», приклеивающему «ярлык левых эсеров» и так осуществляющему «свои кулацкие интересы». Свердлов призывал положить этому конец и ставил «вопрос о расслоении в деревне», «о создании в деревне двух противоположных враждебных сил», о расколе деревни «на два непримиримых враждебных лагеря» для разжигая там гражданской войны, «которая шла не так давно в городах».

«Громадное большинство тех выводов», которые были сделаны

---

¹⁰⁷⁴ ДСВ, т. 2, с. 261-266. «Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию».

¹⁰⁷⁵ Спирин. Классы и партии, с. 131; Гусев. Партия эсеров, с. 245.

Свердловым, Карелин от имени фракции ПЛСР одобрил. Его поддержал Трутовский, указавший, что «в настоящий момент», когда начинается «огромная крестьянская война», «новая жакерия», «странно слышать о прекращении классовой борьбы в деревне»; и левые эсеры являются «крайними сторонниками применения не только классовой борьбы в деревне, но и по возможности уничтожения всех тех элементов в деревне, которые в данном случае будут элементы кулацкие».

Для разжигания в деревне гражданской войны Ленин 24 мая опубликовал в «Правде» статью, уверяющую рабочих в том, что голод в стране является результатом саботажа со стороны крестьянства. Ленин предлагал начать «массовый крестовый поход передовых рабочих во все концы громадной страны [...] ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту производства и распределения их». Через два дня на Первом Всероссийском съезде Советов народного хозяйства Трутовский заявил, что перед советской властью стоит теперь «новый огромный враг, который до настоящего времени не был тронут» и который скоро «ощетинится»; этот враг — «сельское кулачество».

В тот же день, вечером 26 мая, на очередном заседании ЦК РКП(б) были утверждены написанные Лениным «Тезисы по текущему моменту». Военный комиссариат реорганизовывался в военно-продовольственный комиссариат, его работа на три летних месяца сосредотачивалась на «переделке армии для войны за хлеб и на ведение такой войны». По всей стране объявлялось военное положение, призывались девятнадцатилетние, вводился расстрел «за недисциплину», успех отрядов измерялся «успехами работы по добыче хлеба», вводилась круговая порука всего отряда и расстрел каждого десятого за разграбление отрядом конфискованного хлеба.

Тезисы Ленина не подлежали публикации (и были впервые обнародованы лишь в 1931 году), но на их основании 28 мая Совнарком принял постановление о продовольственной политике и поручил наркомпроду написать соответствующее воззвание. Ленин паниковал. В тот же день он подал записку Шляпникову: «ЦК постановил переправить максимум партийных сил в продовольствие. Ибо мы явно погибнем и погубим всю революцию, если не победим голода в ближайшие месяцы». Была объявлена мобилизация рабочих для «крестового похода в деревню». Еще большую власть получил нарком продовольствия Цюрупа. Параграф шесть проекта декрета ВЦИК «О реорганизации комиссариата продовольствия» предусматривал право «отстранять местных комиссаров продовольствия и требовать выбора новых, отменять постановления местных Совдепов, а в отдельных случаях входить во ВЦИК с предложением предания их суду».

Именно этот параграф возмутил левых эсеров, справедливо усмотревших в нем угрозу своим партийным позициям. Штейнберг от имени ПЛСР заявил, что этот пункт грозит всему строению советской власти, так как «исходит из мысли, что Совет представляет собой безвластное учреждение», которое может быть распущено или арестовано любым комиссаром хозяйства или продовольствия. Тем не менее проект был принят, и 4 июня Троцкий, выступая во ВЦИКе, бросил лозунг: «Да здравствует гражданская война!» Троцкий указал, что «хлеб в стране есть у кулаков, у хищников, у эксплуататоров» и нужно только отнять его «с применением оружия». «Наша партия за гражданскую войну, — закончил Троцкий. — Гражданская война уперлась в хлеб»¹⁰⁷⁶.

С этого времени во всех промышленных центрах советской республики стали интенсивно формироваться продовольственные отряды. Из них под руководством военно-продовольственного бюро ВЦСПС при наркомпроде была сформирована продовольственная армия. К середине июня она насчитывала около трех тысяч человек, в середине июля — более 10 тысяч¹⁰⁷⁷. Свердлов между тем призвал большевиков сделать следующий шаг: организовать в деревне собственные организации¹⁰⁷⁸. 11 июня ВЦИК принял решение о создании в сельских местностях параллельных сельским Советам комитетов бедноты, работающих под наблюдением «продовольственных органов» и имеющих право грабить крестьян, передавая «продовольственным органам» советской власти большую часть награбленного и оставляя комитетам бедноты меньшую его долю¹⁰⁷⁹. Было ясно, что со временем комбеды должны будут «уничтожить сельские и волостные Советы», дабы «в деревне, где живет преимущественно трудовое крестьянство», вместо власти Совета существовала «подотчетная большевикам власть поставленных сверху представителей бедноты». Опираясь на батраков и пришлых, большевики пытались «установить диктатуру своей партии над деревней»¹⁰⁸⁰. Именно эту задачу ставил перед комбедами Ленин: «чтобы комбеды стали Советами»¹⁰⁸¹.

---

¹⁰⁷⁶ Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 333-334.

¹⁰⁷⁷ В целом, в распоряжении наркомпрода к осени 1918 года находилось свыше 58 тысяч человек, а к декабрю — около 80 тыс.

¹⁰⁷⁸ Свердлов. Избранные статьи и речи, с. 81-82.

¹⁰⁷⁹ Фактически комбеды начали создаваться большевиками несколько ранее. По неполным данным, к концу августа 1918 г. в РСФСР насчитывалось более 31 тыс. комбедов.

¹⁰⁸⁰ Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 21-22.

¹⁰⁸¹ Именно это произошло в ноябре 1918 года, когда по решению Четвертого Всероссийского съезда Советов комбеды «слились» с Советами, т. е. заменили собою крестьянские Советы.

Именно поэтому левые эсеры выступили против декрета. «Те полномочия, которые даются комитетам бедноты», указал Карелин, делают из них противовес сельским Советам, а сам закон о комбедах направлен «на упразднение Советов крестьянских депутатов». Фракция ПЛСР отказалась участвовать в голосовании проекта, чтобы «снять с себя полностью ответственность за принятие этого декрета». Когда же декрет был принят большевиками, Карелин заявил, что левые эсеры будут «вести решительную борьбу с теми вредными мерами, которые сегодня приняты ВЦИК»¹⁰⁸².

Заявление Карелина не было пустой фразой. Между Третьим и Четвертым Всероссийскими съездами примерно в 19% всех губернских и уездных Советах большинство принадлежало левым эсерам. В ряде губерний этот процент доходил до 30-45. В июне левые эсеры в двадцать одном губернском исполкоме насчитывали 208 человек из 786, на девяносто шести уездных съездах Советов тридцать одной губернии, состоявшихся между Четвертым и Пятым съездами Советов, ПЛСР имела 24% делегатов, причем на девятнадцати съездах их было больше, чем большевиков, а на тридцати одном — не менее одной трети. В уездных Советах левым эсерам принадлежало 28% мест¹⁰⁸³. На губернском уровне наиболее значительными фракции ПЛСР оставались в рязанском (12 из 25), новгородском (10 из 25) и пермском (11 из 25) губисполкомах. После введения декрета об организации комитетов бедноты позиции левых эсеров усилились. В костромском губернском Совете доля левых эсеров выросла с 25% до 49%, в тверском — с 16 до 31, в саратовском — с 20 до 28, в смоленском — с 9 до 20%¹⁰⁸⁴. В местных Советах с левыми эсерами все чаще и чаще голосовали и сторонники разрыва Брестского мира, и противники большевистской крестьянской политики. Короче, к ПЛСР, по

---

¹⁰⁸² Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 403, 404, 412. Несколько позже, уже после разгрома ПЛСР, левозэсерская газета «Знамя труда» писала: «Ясно как день, что фундамент советской власти гораздо шире... когда он опирается на огромное большинство населения деревни, чем когда он опирается на незначительную часть этого населения, окрещенную деревенской беднотой». (ЗТ, 13 июля 1918.) Против комбедов выступили также меньшевики и эсеры.

Меньшевик Дан указал, что на комитеты бедноты «возложены ясно и определенно не учет нового урожая, а доносы на тех крестьян, которые имеют сейчас излишки хлеба». Меньшевик Ф. А. Череванин обвинил большевиков в том, что они «делают все, чтобы помешать борьбе с голодом» и что «объявление крестового похода на деревню, разжигание новой гражданской войны между городом и кулаками» приведет только к уничтожению продовольствия и сделает «невозможным снабжение населения хлебом».

Резкой критике подверг во ВЦИКе проект декрета эсер Дислер, которому большевики в конце концов просто не дали говорить: «Напрасно нам не посчитали того хлеба, который остался в тех областях, которые отошли по Брестскому договору при вашем содействии к Германии [...] (Шум. Голос с места: «Товарищ председатель, нет никаких сил смотреть на этого врага. Уберите его». Шум.) Если вы обратите внимание на эти цифры, то вы поймете [...] что этот метод борьбы, метод вооруженных отрядов [...] эти вооруженные отряды сумеют утолить вашу жажду крови, но не утолят голода населения. (Шум. Председатель. Я вас лишаю слова. Шум. крики: долой!)»

¹⁰⁸³ Гусев, Ерицян. От соглашательства к контрреволюции, прил., табл. 5, 6.

¹⁰⁸⁴ Там же, с. 281.

словам левого эсера Я. М. Фишмана, примыкали теперь «все недовольные большевистской политикой, как к единственной оставшейся советской партии».

Для обсуждения положения, сложившегося перед Пятым съездом Советов, ПЛСР провела в Москве, в Малом зале консерватории, свой Третий партийный съезд. Он работал всего четыре дня, с 28 июня по 1 июля. В это время в рядах ПЛСР числилось около 80 тыс. членов¹⁰⁸⁵. «Главным вопросом на съезде явится выработка тактической линии поведения партии в целом в виду чрезвычайного роста ее на местах, — писала одна из независимых газет. — В особенности усилилась партия левых эсеров на Украине»¹⁰⁸⁶.

Одновременно падало членство в партии большевиков. Так, из 50 тысяч петроградцев, числившихся в партии в октябре 1917 года, к июню 1918 осталось только 13472¹⁰⁸⁷. И даже если предположить, что часть убывших переехала в Москву или отправилась на фронт, падение численности в РКП(б) было очевидно. Публично, однако, большевики пытались представить левоэсеровские удачи поражением. Ю.М. Стеклов писал в те дни в «Известиях ВЦИК», что ПЛСР «за последнее время переживает процесс некоторого внутреннего перерождения»¹⁰⁸⁸ и торжествует «по поводу «усиления» своей партии», что именно массовый приток в ее ряды может погубить левых эсеров.¹⁰⁸⁹

Результаты выборов на Пятый съезд Советов известны еще не были. Большевики и левые эсеры пребывали в состоянии неопределенности. На 30 июня независимым обозревателям казалось, что большевики и левые эсеры на съезде будут «почти в равном количестве». Левые эсеры считали, что вступают «в новую стадию политического продвижения вперед»¹⁰⁹⁰ и на ближайшем съезде станут господствующей партией.

---

¹⁰⁸⁵ Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 110. Численность левых эсеров могла увеличиться и благодаря тому, что на Втором партийном съезде они приняли резолюцию «об объединении с эсерами-максималистами, поскольку никаких расхождений с ними в практической работе на местах не наблюдается» (Резолюции и постановления, с. 26).

¹⁰⁸⁶ Съезд левых эсеров. — Свобода России, № 60, 30 июня 1918, с. 3.

¹⁰⁸⁷ Точных сведений о численности партии большевиков на вторую половину 1918 г. нет, но к январю 1919 года количество членов в РКП(б) упало до 251 тыс. человек. (Rigby. Communist Party Membership in the USSR, p. 69). Подробнее о численности РКП(б) в 1917-1919 см. там же, с. 59-74.

¹⁰⁸⁸ К съезду Советов. — Свобода России, № 60, 30 июня 1918, с. 3.

¹⁰⁸⁹ Цит. по кн. Спирин. Крах одной авантюры, с. 81.

¹⁰⁹⁰ От большевиков в нее входили Свердлов (председатель), Покровский, Сталин; от левых эсеров — Д. А. Магеровский и А. А. Шрейдер; от максималистов, но только с совещательным голосом, А. И. Бердников; а от различных наркоматов — В. А. Аванесов, Бухарин, Лацис, Э. М. Склянский, М. А. Рейснер и Д. П. Боголепов.

Решение о созыве Пятого съезда Советов ВЦИК принял 10 июня. На обсуждение съезда выносились отчеты ВЦИК и Совнаркома, продовольственный вопрос, вопрос об организации Красной армии, выборы нового ВЦИК и утверждение первой советской конституции. Этот последний пункт был еще одной причиной, толкавшей большевиков на скорое и радикальное решение левозэсеровской проблемы.

Решение о написании конституции было принято на Третьем съезде Советов в январе 1918 года. 1 апреля ВЦИК создал межпартийную комиссию по составлению текста. Комиссия уже утвердила текст «основных начал» конституции¹⁰⁹¹, когда 28 июня, за несколько дней до открытия съезда, комиссия ЦК РКП(б) под председательством Ленина внесла в проект ряд изменений. 3 июля Свердлов, втайне от левых эсеров, поручил Стеклову и Я.С. Шейнкману составить проект конституции заново. Те провели в запертой комнате «Метрополя», куда усадил их Свердлов, весь день. Ленин, со своей стороны, дал Стеклову и Шейнкману «принципиальные указания насчет формулировки вопроса о «свободах». В тот же день проект конституции был выработан.¹⁰⁹²

Указаний на то, зачем понадобилось менять проект конституции в тайне от левых эсеров и какие именно изменения были внесены в проект, впервые прочитанный на съезде уже после разгрома ПЛСР, мы не имеем. Однако несколько позже Ленин и Бухарин указали, что «истинная сущность советской конституции заключается в статье 33-й, дающей возможность коммунистической партии лишать избирательного права все остальные партии»¹⁰⁹³. В первые дни июля оставалась по существу одна такая партия: левые эсеры.

Несмотря на разгоны небольшевистских Советов, репрессии и террор комбедов, обрушивавшийся часто и на левозэсеровских активистов, ПЛСР сохранила влияние в Советах. На съезде, открывшемся 4 июля, левым эсерам принадлежала почти треть депутатских мест: из 1164 делегатов 773 были большевиками и 353 — левыми эсерами. Между тем соотношение делегатов съезда не отражало влияния партийных функционеров этих партий в местных Советах. Большевики получили на съезде большинство отчасти потому, что предоставили созданным ими комитетам бедноты непропорционально большой процент мест, предназначенных для крестьянских депутатов¹⁰⁹⁴. Кроме того, городские Советы вообще

---

¹⁰⁹¹ Великая Октябрьская социалистическая революция, с. 254-255.

¹⁰⁹² Стеклов. Избранное, с. 104; он же. Воспоминания и публицистика, с. 71.

¹⁰⁹³ АИГН, 52/8, с. 3.

¹⁰⁹⁴ Chamberlin. The Russian Revolution, v. 2, pp. 50-51.

получали большее количество мест, чем сельские. В этом смысле большевикам было гарантировано большинство мест на съезде даже тогда, когда за ними шло меньшинство советских избирателей.

Левые эсеры это понимали и считали, что «если бы норма представительства была одинакова и для крестьян, и для рабочих», им «принадлежало бы на съезде подавляющее большинство»¹⁰⁹⁵. Чувствуя за собою большинство советских избирателей, левые эсеры не боялись идти на конфликты с большевиками. Еще до начала работы съезда, 30 июня, на заседании крестьянской секции ВЦИК, Спиридонова обвинила большевиков в том, что во времена голода они по ультимативному требованию Германии отправили туда 36 вагонов с хлебом и готовят отправку мануфактуры на два миллиарда рублей¹⁰⁹⁶. 1 июля, выступая перед большевистской фракцией съезда¹⁰⁹⁷, Свердлов указал, что «отношения с левыми эсерами испортились с тех пор», как большевики «объявили войну кулакам в деревне», но на вопрос, «правда ли, что 36 вагонов хлеба было отправлено в Германию», ответил утвердительно¹⁰⁹⁸. Несмотря на это, Ленин назвал заявление Спиридоновой клеветническим, а партию левых эсеров — «окончательно погибшей»¹⁰⁹⁹.

---

¹⁰⁹⁵ Накануне съезда Советов. — Свобода России, № 60, 3 июля 1918, с. 2. Та же газета, впрочем, назвала дележ мандатов на съезде «семейным делом»: «Кто кого обошел при распределении мандатов, это — вопрос второго порядка в том смысле, что обе партии, вместе взятые, несомненно, обошли подавляющее большинство населения» (Москва, 5 июля. Первый день съезда. — Свобода России, № 64, 5 июля 1918, с. 1).

¹⁰⁹⁶ Конфликты на местном уровне начались даже раньше. Так, 26 июня на губернском съезде Советов в Нижнем Новгороде большевики отказались предоставить левым эсерам места в президиуме исполкома и заполнили весь исполком своими людьми (Гусев. Партия эсеров, с. 257).

¹⁰⁹⁷ Ленин во фракции тоже выступал. Вот как описывала это выступление одна из независимых газет: «Вчера состоялись последние перед съездом продолжительные совещания фракций, в которых обсуждалась программа съезда по существу. В заседании фракции большевиков присутствовал ЦК партии почти в полном составе с Лениным во главе. Ленин произнес полуторачасовую речь о задачах Пятого съезда и о тактике фракции коммунистов. Ленин, как передают, говорил с большой страстностью, отстаивая свою точку зрения путем полемики с оппозицией слева. Центр тяжести этой полемики сосредоточился на вопросах внешней политики, так как в области внутренней политики деятельность советской власти в последнее время уже не вызывает слева упреков в «соглашательстве», в уклонении от социалистического курса и т. п. Речь Ленина была пропитана, как говорят, оптимизмом и уверенностью в том, что советская власть может продержаться до того момента, пока на помощь русской революции придет западноевропейский пролетариат. Относясь на этот раз несколько мягче к оппозиции внутри партии, Ленин [...] [выступил] против «якобы революционных» левых эсеров и горячо доказывал, что время для срыва Брестского мира еще не наступило. Прения по докладу Ленина продолжались до позднего вечера. Точку зрения левого крыла фракции развивал Оболенский [...] Заключительное слово произнес Зиновьев, резко полемизировавший с левыми коммунистами [за] [...] правильность позиции Ленина. [...] Значительная часть ораторов настаивала на принятии самых решительных мер против действий наших бывших союзников, между тем как другие считали необходимым сохранять по отношению к союзникам большую выдержку и спокойствие. Несмотря на существующие внутри партии разногласия, совещание большевиков показало, что фракция на съезде будет голосовать единодушно по всем важнейшим вопросам. О том, чтобы часть коммунистов примкнула к левым эсерам, не может быть и речи». (Перед съездом Советов. — Свобода России, № 63, 4 июля 1918, с. 3.)

¹⁰⁹⁸ Известия ВЦИК, 4 июля 1918, № 137. Отчет о речи Свердлова.

¹⁰⁹⁹ Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, с. 471-472.

Атмосфера первого дня работы Съезда Советов была крайне напряженной. Еще до утверждения порядка дня съезда слово для приветствия от делегатов Украины взял левый эсер Александров. Он подверг резкой критике заключение Брестского мира и потребовал возобновления войны с Германией. Речь его была эмоциональна и вызвала аплодисменты всего зала. «Речь представителя украинского подполья, — писала на следующий день независимая газета, — та встреча, которая оказана была ей, [...] слово «Брест», которое громко повторялось в зале — все это снова показывало, как бессильна выпутаться из международных осложнений власть, первым делом которой [...] была ликвидация военных сил России»¹¹⁰⁰.

Справиться с противниками Брестского мира на съезде было не так-то просто ввиду их многочисленности и неуязвимой для критики позиции. Сотрудничество ленинского правительства с немцами зашло, с точки зрения революционеров, очень далеко. «На западной границе в районе Пскова были случаи, когда для усмирения взбунтовавшихся красных частей приглашались германские войска»¹¹⁰¹. Чтобы переломить настроение съезда, Свердлов поспешил предоставить слово для «внеочередного заявления» Троцкому. Последний обвинил противников Брестского мира, прежде всего левых эсеров, в провоцировании пограничных столкновений с немцами (в чем сами большевики были виноваты не меньше левых эсеров)¹¹⁰². Умело маневрируя вопросом о пограничных столкновениях, Троцкий прочитал с трибуны заранее заготовленную и ранее в большевистской фракции не обсуждавшуюся резолюцию, более похожую на военный приказ о том, что «решение вопросов о войне и мире принадлежит только» съезду, ВЦИКу и Совнаркому, «кто этому закону противится, тот должен быть стерт с лица земли». Имея в виду противников соблюдения Брестского мира, Троцкий предложил «очистить все красноармейские части от провокаторов и наемников империализма, не останавливаясь перед самыми решительными мерами»¹¹⁰³.

В ответ член ЦК ПЛСР Карелин заявил, что до доклада мандатной комиссии левые эсеры не будут участвовать в голосовании резолюции Троцкого¹¹⁰⁴. Кроме того, они усматривают в этом предложении попытку

---

¹¹⁰⁰ Москва, 5 июля. Первый день съезда. — Свобода России, № 64, 5 июля 1918, с. 1.

¹¹⁰¹ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 44.

¹¹⁰² The Trotsky's Papers, v. 1, pp. 48-55.

¹¹⁰³ Пятый Всероссийский съезд, с. 36; Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 360.

¹¹⁰⁴ Еще до начала работы съезда левые эсеры предупреждали, что если у них и не будет на съезде большинства, то только за счет «разъяснительной» тактики мандатной комиссии. «Тактика мандатной комиссии вызывает среди левых

предрешить ряд политических вопросов, нуждающихся в обсуждении¹¹⁰⁵. Когда же, несмотря на заявление Карелина, Свердлов поставил резолюцию на голосование, левые эсеры в знак протеста вышли из зала. Большевики ответили одобрительным шумом и аплодисментами¹¹⁰⁶. В результате 4 июля «съезд принял единогласное решение по всем вопросам в духе большевиков»¹¹⁰⁷.

5 июля левые эсеры вернулись в зал заседаний для участия в работе съезда. В этот день с докладом о деятельности ВЦИК выступил Свердлов. Он коснулся более подробно разногласий с ПЛСР. Свердлов, в частности, сказал, что «за последний период все наиболее крупные вопросы, стоящие в повестке дня ЦИК, принимались» голосами большевиков против левых эсеров, эсеров и меньшевиков¹¹⁰⁸. Свердлов вновь подчеркнул, что продовольственная политика в деревне, в частности декрет о продовольственной диктатуре и организации комитетов бедноты, легли в основу разногласий с левыми эсерами. Касаться Брестского мира он нашел для себя невыгодным. Между тем 5 июля левоэсеровская газета «Знамя труда», одушевленная многочисленностью оппозиции на съезде, вновь призвала советскую власть покончить с «передышкой», «перебросить огонь восстания за отечественные рубежи» и так расширить революцию, «задышающуюся в национальных рамках». Того же требовал и орган «крестьянской секции ЦИК» «Голос трудового крестьянства»: «Перебросить огонь социальной революции за пределы нынешней России, оказать активную поддержку разгорающимся восстаниям, принять решительные меры против десантов, осмеливающихся высаживаться в России» и тех, кто грабит «Россию на основании Брестского мира»¹¹⁰⁹.

Выступивший на съезде Ленин указал, что между большевиками и левыми эсерами теперь происходит «не ссора», а «действительный и

эсеров сильное недовольство; они предполагают выступать на съезде с решительным протестом против допущенных ею нарушений и проявленного ею пристрастия при проверке мандатов». На этой почве и ожидалось всеми «первое крупное столкновение между большевиками и левыми эсерами», причем было ясно, что «оппозиция левых эсеров будет вообще носить на этом съезде более решительный и уверенный характер», поскольку «рост их представительства, оказавшийся неожиданным не только для большевиков, которые предвещали им на предыдущем съезде полное банкротство партии, но и для них самих, окрылил их надежды» и они были намерены «дать большевикам решительный бой и по вопросам внешней политики, и по ряду вопросов внутренней политики советской власти» (Накануне съезда Советов. — Свобода России, №60, 3 июля 1918, с. 2).

¹¹⁰⁵ Троцкий. Сочинения, т. 17, ч. 1, прим., с. 715.

¹¹⁰⁶ Пятый Всероссийский съезд, с. 37.

¹¹⁰⁷ Ленин. ПСС, т. 36, прим., с. 628-629.

¹¹⁰⁸ Свердлов. Избранные произведения, т. 2, с. 236; Свердлов. Избранные статьи и речи, с. 91. Одним из таких вопросов было введение смертной казни.

¹¹⁰⁹ Отклики печати. — Свобода России, № 64, 5 июля 1918, с. 1.

бесповоротный разрыв»; партию левых эсеров Ленин несколько раз назвал «плохой»¹¹¹⁰. Речь Ленина вызывала многочисленные реплики зала, особенно правой стороны партера, где располагалась фракция ПЛСР. Судя по стенограмме речи, левые эсеры восприняли ее довольно враждебно¹¹¹¹. Резко против большевиков выступали они в вопросе крестьянском. Так, член ЦК ПЛСР Черепанов заявил, что левые эсеры распустят комитеты бедноты и выгонят из деревень и сел продотряды, прибывшие туда для конфискации хлеба. Камков же назвал комбеды «комитетами деревенских лодырей» и тоже обещал их выбросить из деревни вместе с продотрядами «вон за шиворот»¹¹¹². Большевики, в свою очередь, просто сорвали речь Спиридоновой, довольно бессвязную¹¹¹³, но содержащую критику в адрес большевиков¹¹¹⁴. Иными словами, большевики перестали видеть в левых эсерах союзников¹¹¹⁵.

С точки зрения большевистского руководства партия левых эсеров уже выполнила свою основную задачу — помогла большевикам захватить власть, удержать ее и уничтожить все оппозиционные партии; другая политическая задача ПЛСР — помощь большевикам в проникновении в сельские Советы — также была выполнена. Для уничтожения левых эсеров весна и лето 1918 года были самым подходящим моментом. Еще не разъярилась деревня, и важно было убрать левых эсеров до начала первых серьезных восстаний. Ослабленная разгоном проэсеровских сельских

---

¹¹¹⁰ «Тысячу раз неправа Спиридонова, когда подносила вам отдельные факты, что она была у меня, будто бы унижалась и просила... Должна быть плоха эта партия, если ее лучшие представители унижаются до сказок. У меня лежит письмо тов. Спиридоновой — она очень часто обращалась ко мне письменно — это письмо я завтра же найду и передам» (Ленин. ПСС, т. 36, с. 497; Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, с. 424-425). Ленин, разумеется, «завтра же» письма не нашел и не передал, а совсем наоборот — арестовал Спиридонову и разогнал партию левых эсеров.

¹¹¹¹ Однако вряд ли вслед за Адамом Уламом стоит связывать реакцию левых эсеров на речь Ленина и «восстание» левых эсеров (Ulam. *The Bolsheviks*, p. 424; он же. *A History of Soviet Russia*, p. 33.) По свидетельству присутствовавшего на съезде Локкарта, многие левые эсеры восторженно аплодировали речи Ленина (Локкарт. *Буря над Россией*, с. 291). Наконец, не меньшей агрессивностью отличались на съезде большевики, и можно также предположить, что большевики «готовили восстание против левых эсеров».

¹¹¹² Пятый Всероссийский съезд, с. 74.

¹¹¹³ Вот отрывок из этой речи: «...Я, которая с самого начала выхода из тюрьмы спаялась с ними в борьбе, я в партии социалистов-революционеров была без передышки и делала очень много (смех) для того, чтобы расколоть партию социалистов-революционеров, чтобы отмежеваться от правых... Я, связанная с крестьянством, вы знаете, как сильно, я с искренностью, в которой вы не можете сомневаться (голос: «Нахалка!»), вы, товарищи, большевики, крестьяне...» (там же, с. 55). Шум в зале не дал ей закончить фразы. В этом месте большевики устроили обструкцию оратору и сорвали речь.

¹¹¹⁴ Как и во время разгона Учредительного собрания, Ленин внешне хотел выглядеть спокойным. Он «сидел за столом, читая что-то, почесывал темя и не обращал никакого внимания» на «слова и выкрики» Спиридоновой (Е. 6 июля — в Большом театре, с. 12).

¹¹¹⁵ Это подтверждается мемуарными источниками. Свердлов пишет, что «отношения с левыми эсерами после Четвертого съезда Советов» и «выхода представителей левых эсеров из Совнаркома все ухудшались. Яков Михайлович постоянно говорил, что и во ВЦИК с ними стало невозможно работать» (Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 356).

Советов, скомпрометированная перед другими партиями союзом с большевиками, разгоном Учредительного собрания и оппозиционных социалистических партий, лишенная союзников, ПЛСР осталась с большевиками один на один. Эта единственная легальная социалистическая партия, автоматически становившаяся оппозиционной, виделась Ленину серьезной угрозой. Левоэсеровские резолюции по вопросам внутренней политики могли замедлить темп борьбы с крестьянством, в то время как призыв левых эсеров «разорвать революционным способом гибельный для русской и мировой революции Брестский договор» притягивал к себе часть большевистской партии и грозил созданием блока левых эсеров и левых коммунистов, направленного против Ленина.

Весной 1918 года, после подписания Брестского договора, левыми эсерами был поднят вопрос о создании совместно с левыми коммунистами оппозиционной Ленину партии¹¹¹⁶. Известно об этом стало лишь в 1923 году в связи с внутривнутрипартийной фракционной борьбой, отголоски которой просочились в «Правду». В 1938 году тот же вопрос был поднят на процессе Бухарина¹¹¹⁷. Действительно, левые эсеры в те дни обращались во фракцию левых коммунистов с предложением «арестовать Совет народных комиссаров» во главе с Лениным, объявить войну Германии, немедленно после этого освободить арестованных членов СНК и сформировать новое правительство из сторонников революционной войны. Председателем нового Совнаркома предполагалось назначить Пятакова¹¹¹⁸. Сами левые коммунисты о тех днях сообщали следующее:

«По вопросу о Брестском мире, как известно, одно время положение в ЦК партии было таково, что противники Брестского мира имели в ЦК большинство [...]. Во время заседания ЦИК, происходившего в Таврическом дворце, когда Ленин делал доклад о Бресте, к Пятакову и Бухарину во время речи Ленина подошел левый эсер Камков [и] [...] полушутя сказал: «Ну, что же вы будете делать, если получите в партии большинство? Ведь Ленин уйдет, и тогда нам с вами придется составлять новый Совнарком. Я думаю, что председателем Совнаркома мы выберем тогда тов. Пятакова» [...]. Уже после заключения Брестского мира. [...] тов. Радек зашел к [...] Прошьяну для отправки по радио какой-то резолюции левых коммунистов.

---

¹¹¹⁶ Правда, не все считали слияние левых коммунистов и левых эсеров возможным. «Что касается левых коммунистов, — писал современник, — то они, вопреки сообщениям газет, ни в какие соглашения с левыми эсерами не вступали и не могут вступать. Их разногласия с большинством потеряли в настоящее время свою остроту, и разница между ними и большинством — только в оттенках. Партийная же дисциплина среди большевиков так велика, что голосовать коммунисты во всяком случае будут с большинством своей партии, а не против него» (Накануне съезда Советов. — Свобода России, № 60, 3 июля 1918, с. 2).

¹¹¹⁷ Бюллетень оппозиции, апрель 1938, № 65, с. 13-14.

¹¹¹⁸ Правда, 15 декабря 1923, № 285; 16 декабря 1923, № 286.

Прошьян смеясь сказал тов. Радеку: «Все вы резолюции пишете. Не проще было бы арестовать на сутки Ленина, объявить войну немцам и после этого снова единодушно избрать тов. Ленина председателем Совнаркома». Прошьян тогда говорил, что, разумеется, Ленин как революционер, будучи поставлен в необходимость защищаться от наступающих немцев, всячески ругая нас и вас (вас — левых коммунистов), тем не менее лучше кого бы то ни было поведет оборонительную войну [...]. Любопытно отметить, что [...] когда после смерти Прошьяна тов. Ленин писал о последнем некролог, тов. Радек рассказывал об этом случае тов. Ленину, и последний хохотал по поводу такого «плана»¹¹¹⁹.

Левозэсеровские источники в 1918 году неоднократно писали о близости левых эсеров и левых коммунистов. Так, 28 апреля левый эсер Левин писал в газете «Знамя труда», что считает «нужным более подробно ознакомить [...] читателей с левым течением в нынешнем большевизме, несомненно родственном левым социалистам-революционерам по многим признакам». Согласно другому левозэсеровскому источнику, во время голосования по вопросу о Брестском мире обсуждалась возможность создания блока, который «должен включать все революционные элементы до левых большевиков включительно»¹¹²⁰.

Однако если левые коммунисты оставались частью единой большевистской партии, влияние и деятельность левых эсеров не подлежали контролю Ленина. Политический вес левых эсеров мог возрасти еще больше с первыми признаками тотального голода и крахом германской империи. Именно в этот момент произошло в Москве убийство германского посла графа Мирбаха. В течение последующих двух дней партия левых эсеров, последняя оппозиционная партия, пользовавшаяся огромным влиянием в советском аппарате, была уничтожена.

Глава тринадцатая. Миссия графа Мирбаха

Если бы стороннику мировой революции и противнику Брестского мира левому коммунисту А. А. Иоффе в марте 1918 года сказали, что он станет первым полномочным представителем советской России в империалистической Германии, он, вероятно, счел бы это неудачной шуткой. Сама идея обмена посольствами советской республики и кайзеровской Германии показалась бы ему откровенной издевкой. Однако ЦК большевистской партии уступил Ленину еще и в этом вопросе: установлении дипломатических отношений между РСФСР и Германией.

---

¹¹¹⁹ Там же, 3 января 1924, № 2. Заметим, что все это писалось еще при жизни Ленина.

¹¹²⁰ Гусев. Партия эсеров, с. 216.

Посылка в Германию ярого противника Брестского мира и левого коммуниста Иоффе было условием, на котором большинство ЦК соглашалось установить отношения с империалистической державой: Иоффе ехал в Германию для координации действий немецких и русских коммунистов по организации германской революции¹¹²¹.

Немцы назначили послом в РСФСР графа Мирбаха, уже проводшего ранее в Петрограде несколько недель¹¹²². Мирбах прибыл в Москву 23 апреля. Посольство разместилось в двухэтажном особняке, принадлежавшем вдове сахарозаводчика и коллежского советника фон Берга (ныне улица Веснина, дом № 5). Приезд посла совпадал по времени с переворотом на Украине, с занятием германскими войсками Финляндии, с планомерным (пусть и постепенным) продвижением немецких войск восточнее линии, очерченной Брестским соглашением. Разумеется, советское правительство дало знать Мирбаху о своем недовольстве, как только для этого представился случай — при вручении верительных грамот 26 апреля¹¹²³. Через три дня Мирбах сообщал рейхсканцлеру Г. Гертлингу, что германское наступление на Украине «стало первой причиной осложнений»¹¹²⁴. Финляндия стояла на втором месте. Чичерин высказал недовольство в достаточно дипломатичной форме; резче был Свердлов, выразивший надежду, что Мирбах сможет «устранить препятствия, которые все еще мешают установлению подлинного мира». Вручение верительных грамот посла проходило в самой простой и холодной обстановке. По окончании официальной церемонии Свердлов не предложил ему сесть и не удостоил личной беседы.¹¹²⁵

---

¹¹²¹ Решение послать Иоффе в Германию было принято на заседании ЦК 7 апреля (Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б), с. 244).

Иоффе считался одним из лучших советских дипломатов и экспертом по Германии.

¹¹²² До войны Мирбах много лет был советником германского посольства в Петербурге, а после Октябрьского переворота, когда заключено было советско-германское перемирие, стоял во главе комиссии по восстановлению экономических отношений и обмену гражданских пленных. Последнее оставалось важнейшей частью его дипломатической миссии вплоть до убийства: возможно скорее вернуть на родину немецких военнопленных и гражданских интернированных, а также отправка в Германию репатриантов из многочисленных в России немецких поселений (АИГН, 198/19). В январе 1918 года Мирбах прибыл в Петроград именно «как председатель комиссии по регулированию вопроса о военнопленных, убитых и т. п.» (АИГН, 51/32).

¹¹²³ Советское правительство дало понять Германии, что оно не намерено попустительствовать нарушениям германской стороной условий Брест-Литовского мира: Чичерин передал по радио МИДу Германии ноту протеста. В ней обращалось внимание на то, что «в южной полосе Российской республики происходит дальнейшее продвижение к северу германских войск и связанных с ними украинских отрядов». В ноте говорилось, что «ввиду этих обстоятельств советское правительство сочло себя вынужденным мобилизовать необходимые силы для обеспечения свободы и независимости Российской республики, угрожаемой ныне в тех пределах, которые определены были Брест-Литовским договором».

¹¹²⁴ Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 123-124; Горохов и др. Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 87.

¹¹²⁵ Голиков. Крушение антисоветского подполья в СССР, с. 183.

Как человек Мирбах не мог симпатизировать коммунистическому режиму. Не случайно один из историков называет его представителем «наиболее реакционных феодально-аристократических кругов кайзеровской Германии», считавшим «советский строй в России недолговечным» и связывавшимся «с теми группами русских контрреволюционеров, которые, как ему казалось, должны были скоро прийти к власти». Впрочем, в этой формулировке больше шаблонного. Очевидно, что весной 1918 года «Мирбах хотел сближения Германии с советской Россией». ¹¹²⁶ Как дипломат Мирбах был объективен и тонок. Его донесения рейхсканцлеру Гертлингу и статс-секретарю по иностранным делам Р. Кюльману, в целом, говорят о верном понимании им ситуации в советской России. 30 апреля, в отчете о политической ситуации в РСФСР, Мирбах не замедлил описать главное состояние анархии в стране и слабость большевистского правительства, не имеющего поддержки населения. Мирбах при этом считал, что интересы Германии все еще требуют ориентации на ленинское правительство, так как те, кто сменят большевиков, будут стремиться с помощью Антанты воссоединиться с отторгнутыми по Брестскому миру территориями, прежде всего с Украиной.

Противодействию Антанты уделялось в деятельности германского посольства в Москве первостепенное значение. Предотвращение соглашений между советским правительством, с одной стороны, и бывшими союзниками России - с другой, было одной из главных задач Мирбаха. Между тем союзники усиленно пытались расстроить германо-советский блок. Когда 10 мая Антанта предложила советскому правительству помощь и признание в случае разрыва Брестского мира, Мирбах немедленно сообщил об этом в МИД и предупредил, что «ввиду колоссальных трудностей большевистского правительства и его растерянности» из-за продолжающегося германского наступления и организованного немцами переворота на Украине «вполне вероятны всякие неожиданности». Вечером 10 мая представители Антанты вновь обратились к Свердлову и предложили «организовать доставку продовольствия из Сибири», а оппозиционные социалистические партии готовы были «забыть раздоры и начать сотрудничать с большевиками» для организации борьбы против Германии. «Я продолжаю тайную работу, чтобы обеспечить отказ от обоих предложений», — заключал Мирбах ¹¹²⁷.

---

¹¹²⁶ Таково, по крайней мере, было мнение Мартова, который указывал, что это «всем известно» (АИГН, 51/32).

¹¹²⁷ «Москва, священный город, символ царской власти, святыня православной церкви, — писал Мирбах, — в руках у большевиков стала символом самого вопиющего нарушения вкуса и стиля, вызванного русской революцией. Тот, кто знал столицу в дни ее славы, с трудом узнает ее сейчас. Во всех районах города, а особенно в центральном торговом квартале, стены домов испещрены дырками от пуль — свидетельство боев, которые велись здесь. Замечательная гостиница Метрополь превращена артиллерийским огнем в груды развалин, и даже Кремль жестоко пострадал. Сильно повреждены отдельные ворота.

Германский посол считал, что Германии выгоднее всего снабжать большевиков необходимым минимумом товаров и поддерживать их у власти, так как никакое другое правительство не согласилось бы на соблюдение столь выгодного для Германии договора. В этом лишний раз убеждал Мирбаха сам Ленин во время встречи с германским послом 16 мая в Кремле¹¹²⁸. Ленин признал, что число его противников растет и что ситуация в стране более серьезная, чем месяц назад. Он указал также, что состав его противников за последнее время изменился. Раньше это были представители правых партий; теперь же у него появились противники в собственном лагере, где сформировалось левое крыло. Главный довод этой оппозиции, продолжал Ленин, это то, что Брестский мир, который он все еще готов упорно отстаивать, был ошибкой. Все большие районы русской территории оказываются под германской оккупацией; не ратифицирован до сих пор мир с Финляндией и Украиной; усиливается голод. До действительного мира, указал Ленин, очень далеко, а ряд событий последнего времени подтверждает правильность выдвинутых левой оппозицией доводов. Сам он поэтому прежде всего стремится к достижению мирных соглашений с Финляндией и Украиной. Мирбах особенно отметил то обстоятельство, что Ленин не стал угрожать ему возможной переориентацией советской политики в сторону Антанты. Он просто подчеркнул, что лично его, Ленина, положение в партии и правительстве крайне шатко¹¹²⁹. Беседа с Мирбахом, Ленин ставил перед

На улицах жизнь бьет ключом, но впечатление, что они населены исключительно пролетариатом. Хорошо одетых людей почти не видно — словно все представители бывшего правящего класса и буржуазии разом исчезли с лица земли. Может быть, это отчасти объясняется фактом, что большинство из них пытается внешне приспособиться к нынешнему виду улиц, чтобы не разжигать страсти к наживе и непредсказуемых эксцессов со стороны нового правящего класса. Православные священники, раньше составлявшие значительную часть прохожих, тоже исчезли из виду. В магазинах почти ничего не купишь, разве что пыльные остатки былой роскоши, да и то по неслыханным ценам. Главным лейтмотивом всей картины является нежелание работать и праздничатание. Так как заводы все еще не работают, а земля все еще не возделывается — по крайней мере, так мне показалось во время моего путешествия — Россия, похоже, движется к еще более страшной катастрофе, чем та, которая уже вызвана революцией.

С безопасностью дело обстоит довольно скверно, но днем можно свободно всюду ходить без провожатых. Однако выходить вечером неразумно, да и днем тоже то и дело слышны оружейные выстрелы и постоянно происходят какие-то более или менее серьезные столкновения.

Бывший класс имущих впал в состояние глубочайшего беспокойства: довольно одного приказа правительства, чтобы лишить их всего имущества. Почти на всех дворцах и больших особняках висят зловещие приказы о реквизиции, по которым хозяин, часто в считанные часы, оказывается на улице.

Отчаяние представителей старого правящего класса беспредельно, но они не в состоянии собрать достаточно сил, чтобы положить конец тому организованному грабежу, которому подвергаются. Желание внести какой-то порядок распространяется вплоть до низших слоев, а ощущение собственного бессилия заставляет их надеяться, что спасение придет от Германии. Те же самые круги, которые раньше громче всех возводили на нас напраслину, теперь видят в нас если не ангелов, то по меньшей мере полицейскую силу. (...]

Власть большевиков в Москве обеспечивается в основном латышскими батальонами, а также большим числом автомобилей, реквизируемых правительством, которые постоянно кружат по городу и могут в случае необходимости доставить войска туда, где возникают беспорядки. Предсказать, куда все это приведет, невозможно. В настоящий момент можно лишь предположить, что ситуация в основном не изменится». Ирошников. Председатель СНК, с. 216-217.

1128

1129 Замечание кайзера на полях: «Он не сможет провести это в жизнь, так же как условия Брестского мира. У него нет ни правительственного, ни исполнительного аппарата. С ним все кончено».

собой определенные цели. Он надеялся, видимо, убедить германского посла в необходимости пойти на какие-то уступки и давал понять, что в противном случае вместе с Лениным или без него советское правительство вынуждено будет отказаться от политики передышки из-за давления слева. Мирбах, однако, сделал другие выводы: он заключил, что большевистское правительство скоро падет, и в тот же день запросил МИД, советуют ли ему в этой ситуации продолжать финансовую помощь большевикам. Через два дня Кюльман ответил, что германское правительство в большевиках все еще заинтересовано и посоветовал тратить на них как можно большие суммы, чтобы поддержать у власти¹¹³⁰. «Отсюда очень трудно сказать, кого следует поддерживать в случае падения большевиков, — продолжал Кюльман. — Если будет действительно сильный нажим, левые эсеры падут вместе с большевиками», а это «единственные партии, которые основывают свои позиции на Брест-Литовском мире». Кадеты и монархисты — против Брестского договора. Последние выступают за единую Россию и поэтому «не в наших интересах поддерживать монархическую идею, которая воссоединит» страну. Наоборот, насколько возможно, следует мешать «консолидации России, и с этой целью надо поддерживать крайне левые партии»¹¹³¹.

Немцы настолько уверовали в слабость большевиков, что не видели больше в них угрозы. Сидящий в Москве Мирбах, из окна посольства наблюдавший за происходившим вокруг него развалом, был уверен, что любое сколько-нибудь значительное военное наступление, даже не обязательно направленное против Москвы или Петрограда, «автоматически приведет к падению большевиков». Военный атташе Германии в советской России майор В. Шуберт откровенно высказывался «за решительное выступление против большевиков», полагая, что для наведения порядка в Москве и формирования нового правительства хватит двух батальонов германской пехоты. Гофману мнение Шуберта казалось слишком

---

¹¹³⁰ Поскольку все ранее выделенные германскому посольству в Москве фонды были уже израсходованы, 11 июня статс-секретарь министерства финансов Редерн известил Кюльмана о выделении в распоряжение германского посольства в Москве фонда в 40 миллионов марок, исходя из того, что посольству потребуется минимум три миллиона марок в месяц. Эти деньги, однако, так и не дошли до Москвы. 29 июня Бусше телеграфировал в Москву, чтобы выяснить, как доставить деньги. Первый ответ пришел от Рицлера 10 июля, уже после убийства германского посла Мирбаха. Рицлер просил, чтобы июльскую порцию в 3 млн. марок перевели на счет центральной комиссии Немецкого банка. Второй ответ отправлен Гельферихом 30 июля. Он просит, чтобы эквивалентная сумма в рублях была предоставлена в его распоряжение генеральными консулами в Петрограде и Москве. Но Гельферих пробыл в Москве всего 10 дней и вряд ли успел распорядиться деньгами.

¹¹³¹ Удивительно, что в это критическое время немецкая восточная политика исходила не из потребностей момента, а велась с дальним прицелом: гарантировать в послевоенной Европе ведущее для Германии положение на русском экономическом рынке. Этой теме во многом были посвящены донесения германских дипломатов Мирбаха и Рицлера, поддержанные в данном случае Людендорфом. Последний в отчете от 9 июня аргументировал необходимость экономического проникновения тем, что это укрепит позиции Германии на мирных переговорах в Европе, так как снимет всякую угрозу экономического бойкота Германии Антантой, не имеющего смысла при торговле с Россией.

оптимистичным — сам он склонялся к тому, что нужны будут большие силы, хотя и считал, что «подкреплений для этого похода» Восточному фронту не понадобится¹¹³².

Однако летом 1918 года наступление Германии в глубь России было уже нецелесообразно не только с политической точки зрения (как считали в германском МИДе), но и с военной. 9 июня обычно самоуверенный Людендорф в меморандуме статс-секретарю иностранных дел указал, что из-за нехватки кадров на Западном фронте командование армией вынуждено было еще больше ослабить дивизии на Восточном. «Они достаточно сильны, чтобы выполнять задачи оккупационного порядка, — продолжал Людендорф, — но если положение на востоке ухудшится, они не справятся с ним». В случае же падения большевиков перспективы, открывавшиеся Германии, были и того хуже. С небольшевистской Россией снова объединилась бы Украина, и, как считал Рицлер, Германия могла оказаться «в крайне сложном положении» и должна была бы «либо противостоять мощному движению, имея всего несколько дивизий», либо «принять это движение», т. е. уступить требованию нового правительства и пересмотреть Брестский мир¹¹³³.

Похоже, что истина была на стороне Людендорфа. После провала мартовского наступления немцев на Соммы и Амьен, по словам Гофмана, «хороших пополнений больше не было, и верховное командование набирало людей отовсюду и составляло пополнения, считаясь только с численностью и не принимая во внимание никаких других соображений». Именно так «были выбраны все солдаты младших возрастов из восточных дивизий и переправлены на Западный фронт». Особенно сказался этот недостаток в артиллерии: «из батарей Восточного фронта были взяты все сколько-нибудь способные к службе люди». Оставшиеся на Восточном фронте дивизии, по мнению Гофмана, были непригодны для каких-либо серьезных боев¹¹³⁴.

Если даже Людендорф и Гофман сознавались в невозможности для германской армии вести активные наступательные действия на Востоке, если становилось очевидно, что с новым правительством, каким бы оно ни было, разговаривать придется не с позиции военной силы, решение следовало искать в области политической: на случай падения большевиков заблаговременно подстраховаться формированием правительства прогерманской ориентации. «Говоря конкретно, — указывал Рицлер 4

---

¹¹³² Гофман. Война упущенных возможностей, с. 194-196.

¹¹³³ «Общерусская ориентация» гетмана была хорошо известна. (АИГН, 157/1,5, с. 1.)

¹¹³⁴ Гофман. Война упущенных возможностей, с. 199-200.

июня, — это означает, что мы должны протянуть нить к Оренбургу и Сибири над головой генерала Краснова», держать в боевой готовности «кавалерию, ориентируя ее на Москву, подготовить будущее правительство», с которым Германия могла бы пойти на соглашение; пересмотреть пункты Брестского договора, направленные против экономической гегемонии Германии над Россией; присоединить к России Украину, а возможно Эстонию и Латвию. «Помогать возрождению России, которая снова станет империалистической, — заключал Рицлер, — перспектива не из приятных, но такое развитие событий может оказаться неизбежным»¹¹³⁵.

Рицлер, таким образом, предлагал очевидное изменение германской восточной политики. По его мнению, для принятия этого важного решения у Германии оставалось не более 6-8 недель, до июля. За два дня до Рицлера аналогичное донесение направил Гертлингу граф Мирбах. Учитывая «все возрастающую неустойчивость положения большевиков», он рекомендовал подготовиться к «перегруппировке сил, которая, возможно, станет необходимой», и предлагал опереться на группу кадетов, «преимущественно правой ориентации», часто называемую «монархистами». Эти люди, по мнению Мирбаха, могли бы составить «ядро будущего нового порядка», а потому с ними стоило бы наладить связь и предоставить им необходимые денежные средства. 5 июня за перемену германской восточной политики высказался советник Траутман, предполагавший, однако, для Германии более пассивную роль. Он считал, что следует поддерживать большевиков «всеми возможными средствами» и так удерживать их «от ориентации в другом направлении», несмотря на препятствия, созданные немецкими же требованиями. Одновременно Траутман советовал считаться с возможностью падения большевиков, не разрывать отношения с другими политическими партиями и «обеспечить себе максимально безопасный переход»¹¹³⁶.

И раньше не жаловавший идею сотрудничества с большевиками, Людендорф тоже предлагал изменить германскую политику в отношении большевиков. «Советское правительство, — писал Людендорф Кюльману, — насколько каждый может видеть, заняло по отношению к нам ту же позицию, что в начале переговоров в Бресте. Оно всячески затягивает все важные для нас решения и, насколько это возможно, действует против нас ¹¹³⁷. Нам нечего ожидать от этого правительства, хотя оно и

---

¹¹³⁵ Земан. Германия и революция в России, док. от 4 июня. Донесение Рицлера.

¹¹³⁶ Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 125.

¹¹³⁷ В числе враждебных актов советского правительства Людендорф 9 июня перечислил в письме Кюльману следующие: «Я хотел бы также напомнить Вам о проблемах военнопленных, о поддержке советским правительством

существует по нашей милости. Для нас это постоянная опасность, которая уменьшится, только если оно безоговорочно признает нас высшей державой и покорится нам из страха перед Германией и из опасений за свое собственное существование».

И поскольку было ясно, что Совнарком (отчасти по вине Германии) не станет надежным партнером, Людендорф предложил то же самое, что и прочие немецкие политические деятели: несмотря на наличие дипломатических отношений с советским правительством, поддерживать в то же время «отношения с другими движениями в России, чтобы не оказаться вдруг в полном одиночестве»; «установить контакты с монархистскими группами правого крыла и влиять на них так, чтобы монархистское движение, как только оно получит какое-то влияние», было подчинено интересам Германии.

Переориентация германской восточной политики произошла. 13 июня Мирбах сообщил в Берлин, что к нему давно уже напрямую или через посредников обращаются разные политические деятели, прощупывавшие почву на предмет готовности германского правительства оказать помощь антисоветским силам в деле свержения большевиков при условии, однако, еще и пересмотра статей Брестского мира. Самым серьезным Мирбах считал блок правых организаций во главе с бывшим министром земледелия А. В. Кривошеиным. Через членов октябристской партии Кривошейей запросил Мирбаха, согласен ли тот установить контакты с членами организации Кривошеина, и, получив утвердительный ответ, поручил предпринять дальнейшие шаги двум членам ЦК кадетской партии — барону Б. Э. Нольде, бывшему помощнику министра иностранных дел в кабинете Г. Е. Львова, и Леонтьеву, бывшему помощнику министра внутренних дел в том же кабинете¹¹³⁸.

25 июня в письме Кюльману Мирбах подвел черту под большевистским периодом правления в России, указав, что «после двухмесячного внимательного наблюдения» уже не может «поставить большевизму благоприятного диагноза. Мы, несомненно, стоим у постели опасно больного человека, состояние которого может иной раз и улучшиться, но который обречен», — писал Мирбах. Исходя из этого он предложил заполнить «образовавшуюся пустоту» новыми «правительственными

красной гвардии в Финляндии, о предпочтении, оказываемом Антанте на Мурманской железной дороге, о судах в Новороссийске... Особую тревогу вызывает отношение советского правительства к чехословацким, сербским и румынским войскам, хотя господин Иоффе возражает против этого.

Вместо того чтобы разоружить их, как было условлено, советское правительство вооружило чехословацкие и другие войска и позволило им продвигаться вперед, как и раньше, и даже воевать с нами на Украине, чтобы заполучить Мурманскую железную дорогу и эвакуироваться с Дальнего Востока. Отсюда, как считает советское правительство, их можно перебросить во Францию и там они будут воевать против нас. Это, кажется, отвечало желаниям Антанты».

органами, которые мы будем держать наготове и которые будут целиком и полностью состоять у нас на службе». Поскольку было очевидно, что никакое новое правительство не согласится на соблюдение Брестского договора, Мирбах предлагал существенное его смягчение, прежде всего присоединение к России Украины и Эстонии. 28 июня посол в последнем своем донесении из Москвы писал, что следит за переворотом, который готовит группа Кривошеина и который должен произойти буквально через несколько недель¹¹³⁹.

Взяв курс на разрыв с большевиками, германское и австро-венгерское командование приступило к проведению «оборонной пропаганды» — антибольшевистской пропагандистской кампании во фронтовых и тыловых воинских частях. «Неприятель воюет не с оружием в руках, а бунтованием наших солдат, агитацией среди жителей» и «саботажем», — указывалось в инструкции командования 34-й австро-венгерской пехотной дивизии от 19 июня. «Все офицеры обязаны следить за своими солдатами и стараться, чтобы к ним не проникали распространяемые здесь идеи социальной революции»¹¹⁴⁰. Для обучения инструкторов по «оборонной пропаганде» устраивались специальные курсы, где готовились лекторы-офицеры, разъезжавшие затем по частям; в войсках распространялись антибольшевистские листовки и брошюры¹¹⁴¹.

Большевики, указывала одна из таких брошюр, «выступают против всякой оппозиции и свирепым террором подавляют всех, кто, по их мнению, принадлежит к буржуям». Большевистское понятие о свободе «заключается в беспощадном уничтожении всех течений и лиц, несогласных с их программой». В течение нескольких месяцев «своего царствования большевистское правительство показало себя совершенно неспособным правильно вести государственные дела и привело государство к полному развалу»; их власть удерживается теперь «только штыками», и по своей жестокости далеко опередила царское правительство. Действительная власть большевиков «ограничивается сравнительно небольшой частью России», и абсолютно все ее население видит спасение «в падении большевиков, которых правильно обвиняют в уничтожении государства»¹¹⁴².

---

¹¹³⁹ Там же, с. 120-129. Видимо, именно для финансирования «правых» группировок Мирбах и запрашивал в июне 1918 года дополнительные ссуды. Немцы, кроме того, издавали в Москве собственную газету на русском языке — «Мир», причем сотрудникам платили хорошие оклады и гонорары: 1000 рублей в месяц и 75 коп. за строку. (АИГН, 784/7. Информационный листок. 2. Пятница, 16 августа 1918, с. 2. Газета «Мир»; АИГН, 519/30, гл. 7, с. 1).

¹¹⁴⁰ АИГН, 149/3, 21. Заключение. Защитная пропаганда, л. 3.

¹¹⁴¹ Там же, с. 4.

¹¹⁴² Там же, Добавление. Брошюра оборонной пропаганды «Россия под владычеством большевиков», л. 2-4. Когда

Изменение позиции Германии не осталось незамеченным в России. Уже с середины мая «правые» круги отмечали, что «немцы, которых большевики привели в Россию, мир с которыми составил единственную основу их существования, готовы сами свергнуть большевиков»¹¹⁴³. Об антисоветской деятельности германского посольства были осведомлены дипломатические представители Антанты¹¹⁴⁴. При столь обширной утечке информации не приходится удивляться, что об изменении настроения германского посольства знало советское правительство¹¹⁴⁵. По приказу свыше или без такового в первых числах июня, как раз когда Мирбах и Рицлер отсылали в Берлин свои предложения о необходимости изменения германской восточной политики, в ВЧК, возглавляемой левым коммунистом Дзержинским, был создан отдел по наблюдению «за возможной преступной деятельностью посольства». На должность заведующего этим отделом был назначен молодой человек 19-20 лет — будущий убийца германского посла левый эсер Яков Григорьевич Блюмкин.

Следует отметить, что сотрудники германского посольства давно уже жили в предчувствии неприятных и непредвиденных происшествий. 4 июня Рицлер в поразительном по своей прозорливости послании в Берлин в самых черных красках описывал будущее:

«Никто не в состоянии предсказать, как они [большевики] встретят свой конец, а их агония может продлиться еще несколько недель. Может быть, они попытаются бежать в Нижний или в Екатеринбург. Может быть, они собираются в отчаянии упиться собственной кровью, а может, они предложат нам убраться, чтобы разорвать Брестский договор (который они называют «передышкой») — их компромисс с типичным империализмом, спасши, таким образом, в свой смертный миг свое революционное сознание. Поступки этих людей абсолютно непредсказуемы, особенно в

брошюру зачитывали в школе запасных офицеров в Крневе, один из слушателей спросил: «Зачем же мы вели переговоры с большевиками, когда они такие?» «На этот вопрос нет в инструкции ответа», — возразил офицер-лектор (там же, л. 10).

¹¹⁴³ АИГН, 18/1.

¹¹⁴⁴ Вот что доносил в телеграмме 20 мая 1918 года американский посол в России Д. Френсис статс-секретарю Р. Лансингу: «Мирбах... с немецкой беспринципностью и нарушая соглашения, постоянно меняет тактику... Он на прошлой неделе нанес свой первый визит Ленину и находился у него в течение часа. Мирбах заявил, что вторжение немцев в Финляндию и на Украину прекращено, и дал еще другие обещания Советскому правительству.

В то же время, как мне стало известно из достоверных источников, Мирбах поддерживает связь с кадетами и антикоммунистами и планирует переворот, подобный тому, который произведен на Украине, где с помощью германских войск было поставлено контрреволюционное правительство» (Papers Relating to the FRUS, v. 1, p. 536 — цит. по публ. Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 121).

¹¹⁴⁵ Указание на то, что Ленин знал об изменении отношения к большевикам немцев и самого Мирбаха имеется в книге Троцкого. 6 июля, сразу же после убийства германского посла, Ленин это «припомнил» покойному (Троцкий. О Ленине, с. 118).

состоянии отчаяния. Кроме того, они снова уверовали, что все более обнажающаяся «военная диктатура» в Германии вызывает огромное сопротивление, особенно в результате дальнейшего продвижения на восток, и что это должно привести к революции. Это недавно написал Сокольников, основываясь, очевидно, на сообщениях Иоффе»¹¹⁴⁶.

Заведшая большевиков в тупик брестская политика требовала радикальных решений. Охвативший советскую систему летом 1918 года кризис грозил погубить саму революцию. Раскол внутри большевистской партии и оппозиция советского актива политике Ленина толкали большевиков в пропасть. Вывести революцию из застоя, разрубить затянутый узел советско-германских отношений, сплотить расколотую большевистскую партию — не могло уже, казалось, ничто. Агония и отчаяние большевистского режима достигли своей высшей точки. Ее можно определить с точностью до дня — 6 июля 1918 года — когда приехавшие с мандатом Дзержинского и И. К. Ксенофонтова в особняк германского посольства чекисты потребовали встречи с послом Германии Мирбахом по чрезвычайно важному делу. Менее чем через сутки после этого тяжелейший в русской революции кризис отошел в прошлое.

Глава четырнадцатая. Убийство Мирбаха

Согласно данным позже показаниям, утром 6 июля сотрудник ВЧК Я. Г. Блюмкин пошел в Чрезвычайную комиссию, взял у дежурной пустой бланк ВЧК и напечатал на нем, что он и представитель ревтрибунала Николай Андреев уполномочиваются «войти непосредственно в переговоры» с германским послом графом Мирбахом «по делу, имеющему непосредственное отношение» к послу. Подпись Дзержинского на бланке, по словам Блюмкина, была поддельной, причем подделал ее «один из членов ЦК» ПЛСР. Подпись Ксенофонтова тоже была поддельной — за него расписался сам Блюмкин. Дождавшись «ничего не знавшего» заместителя Дзержинского члена ЦК ПЛСР В. А. Александровича, Блюмкин «попросил его поставить на мандате печать Комиссии». У Александровича же Блюмкин получил разрешение на пользование автомобилем и отправился в Первый дом Советов, где «на квартире одного члена ЦК» ПЛСР его ждал Андреев. Получив две толовые бомбы, револьверы и последние указания, злоумышленники около двух часов дня покинули «Националь», приказали шоферу остановиться у здания германского посольства, ожидать их, не выключая мотора, и не удивляться шуму и стрельбе. Тут же в машине сидел второй шофер, матрос из отряда

---

¹¹⁴⁶ Земан. Германия и революция в России. Донесение Рицлера от 4 июня.

Д. И. Попова. Матроса «привез один из членов ЦК», и он, видимо, знал, что затевается покушение на Мирбаха. Как и террористы, матрос был вооружен бомбой.

Примерно в два с четвертью Блюмкин и Андреев позвонили в дверь германского посольства. Пришедших впустили. По предъявлении мандата от Дзержинского и после некоторого ожидания, для разговора к ним вышли два сотрудника посольства — Рицлер и лейтенант Мюллер (в качестве переводчика). Все четверо прошли в приемную. По воспоминаниям Мюллера, Блюмкин был «смуглый брюнет, с бородой и усами, большой шевелюрой, одет был в черный костюм. С виду лет 30-35, с бледным отпечатком на лице, тип анархиста». Андреев был «рыжеватый, без бороды, с маленькими усами, худощавый, с горбинкой на носу. С виду также лет 30». Когда все уселись вокруг большого мраморного стола, Блюмкин заявил Рицлеру, что ему необходимо поговорить с Мирбахом по личному делу посла, причем, сославшись на строгое предписание Дзержинского, продолжал настаивать на личной беседе с графом, несмотря на возражения Рицлера, что посол не принимает.

В конце концов, Рицлер ответил, что будучи первым советником посольства уполномочен вести вместо Мирбаха любые переговоры, в том числе и личного характера. Однако в тот момент, когда террористы, возможно, считали уже предприятие сорванным, вышедший из приемной Рицлер вернулся в сопровождении графа, согласившегося лично переговорить с чекистами.

Блюмкин сообщил Мирбаху, что явился для переговоров по делу «Роберта Мирбаха, лично графу незнакомого члена отдаленной венгерской ветви его семьи», замешанного в «деле о шпионаже». В подтверждение Блюмкин предъявил какие-то документы. Мирбах ответил, что «не имеет ничего общего с упомянутым офицером» и что «дело это для него совершенно чуждо». На это Блюмкин заявил, что через десять дней дело будет рассматриваться революционным трибуналом. Мирбаху, очевидно, это было безразлично. И Рицлер предложил прекратить переговоры и дать письменный ответ по делу по обычным каналам НКВД, через Карахана.

Андреев, все это время не участвовавший в беседе, спросил, не хотели бы германские дипломаты узнать, какие меры будут приняты трибуналом по делу Роберта Мирбаха. Тот же вопрос повторил Блюмкин. Это был условный сигнал. Ничего не подозревавший Мирбах ответил утвердительно. Со словами «это я вам сейчас покажу» Блюмкин, стоявший за большим мраморным столом, выхватил револьвер и выстрелил через стол сперва в Мирбаха, а затем в Мюллера и Рицлера (но промахнулся). Те были настолько ошеломлены, что остались сидеть в своих глубоких креслах (вооружены они не были).

Мирбах вскочил, выбежал в соседний с приемной зал, но в этот момент его сразила пуля, выпущенная Андреевым. Блюмкин между тем продолжал стрелять в Рицлера и Мюллера, но промахивался¹¹⁴⁷. Затем раздался взрыв бомбы, после чего террористы выскочили в окно и уехали в поджидавшем их автомобиле¹¹⁴⁸. Когда очнувшиеся от замешательства Рицлер и Мюллер бросились к Мирбаху, тот лежал уже мертвый в луже крови. Рядом с ним они увидели неразорвавшуюся бомбу (а на расстоянии двух-трех шагов от посла — большое отверстие в полу — следы другой бомбы, взорвавшейся)¹¹⁴⁹.

За рулем уносившей террористов машины сидел матрос из отряда Попова. Их повезли в Трехсвятительский переулок, в штаб войск ВЧК (о чем террористы не знали). Оказалось, что Блюмкин повредил левую ногу во время прыжка из окна, да к тому же был ранен, снова в ногу, открывшим по террористам огонь часовым, охранявшим посольство. Из автомобиля в штаб Попова матросы перенесли Блюмкина на руках. В штабе он был «острижен, выбрит, переодет в солдатское платье и отнесен в лазарет отряда, помещавшийся на противоположной стороне улицы»¹¹⁵⁰. С этой минуты Блюмкин не принимал в событиях непосредственного участия. Несколько раньше из поля зрения исчез Андреев — убийца германского посла. По непонятным причинам лавры Андреева были отданы Блюмкину¹¹⁵¹.

Но убийство не было совершено чисто. В суматохе террористы забыли в здании посольства портфель, в котором лежали «дело Роберта Мирбаха» и удостоверение на имя Блюмкина и Андреева, подписанное Дзержинским и Ксенофонтовым. Наконец, два опаснейших свидетеля преступления —

---

¹¹⁴⁷ Несколько иначе описывал покушение к апрелю 1918 в показаниях следственной комиссии Блюмкин: «Я достал из портфеля револьвер и, вскочив, выстрелил в упор — последовательно в Мирбаха, Рицлера и переводчика. Они упали. Я прошел в зал. В это время Мирбах встал и, согнувшись, направился в зал, за мной. Подойдя к нему вплотную, Андреев, на пороге, соединяющем комнаты, бросил себе и ему под ноги бомбу. Она не взорвалась. Тогда Андреев толкнул Мирбаха в угол (тот упал) и стал извлекать револьвер» (Красная книга ВЧК, т. 1, с. 300).

¹¹⁴⁸ Один из очевидцев показывал: «Вдруг в два часа 40 минут раздался сильный взрыв, выбились окна в первом этаже особняка Мирбаха. Минуты через три выскочил из окна первого этажа человек, затем через железный забор на панель и в автомобиль. Вслед за ним другой, в черном пиджаке или сюртуке, с длинными распущенными волосами, также из окна через железный забор на панель и прямо-таки кубарем свалился в автомобиль № 27-60, который сейчас же поехал к Пречистенке» (цит. по кн. Спирин. Крах одной авантюры, с. 13).

¹¹⁴⁹ См. показания Блюмкина (апрель 1919), Мюллера и Рицлера (июль 1918) в «Красной книге ВЧК»; Спирин. Крах одной авантюры, с. 12; Hilger and Meyer. *The Incompatible Allies*, pp. 4-5.

Пятна крови на паркетном полу так никогда и не были смыты. И через 20 лет после убийства по ним безошибочно можно было указать на то место, где лежал смертельно раненный граф Мирбах (там же, с. 5).

¹¹⁵⁰ Красная книга ВЧК, с. 300-301.

¹¹⁵¹ В западной историографии на этот факт обратил внимание, кажется, только Д. Кармайкл (Carmichel. Trotsky, p. 497).

Рицлер и Мюллер — остались живы. Можно только гадать, как развивались бы события 6 июля, если бы не эти случайные промахи террористов.

Кем и когда начата была подготовка убийства Мирбаха? Кто стоял за убийством германского посла? На эти вопросы ответить не так просто, как пытается представить имеющаяся историография. Дело в том, что никаких документов, подтверждающих причастность ЦК ПЛСР к организации убийства германского посла, нет. Самый полный сборник материалов о событиях 6-7 июля был издан в 1920 году: «Красная книга ВЧК»¹¹⁵². Но и в нем нет документов, подтверждающих выдвинутые против левых эсеров, прежде всего — против ЦК ПЛСР, обвинения в организации убийства Мирбаха и в «восстании». Историки поэтому до сих пор прибегали к вольному пересказу документов «Красной книги ВЧК», а не к прямому цитированию. Вот что пишет К. В. Гусев: «ЦК партии левых эсеров 24 июня 1918 года принял официальное решение об убийстве германского посла в Москве, графа Мирбаха, и начале контрреволюционного мятежа»¹¹⁵³. Гусеву вторит академик И. И. Минц:

«24 июня, как явствует из захваченных и опубликованных после подавления авантюры документов, ЦК левых эсеров, далеко не в полном составе, принял постановление о решительном выступлении. В нем говорилось, что ЦК партии левых эсеров признал необходимым в интересах русской и международной революции положить конец передышке, являющейся результатом заключения Брестского мира. Для этого необходимо предпринять ряд террористических актов против представителей германского империализма — в Москве против посла Мирбаха, в Киеве против фельдмаршала Эйхгорна¹¹⁵⁴, командующего германскими войсками на Украине, и др. С этой целью, указывалось в постановлении, следовало организовать боевые силы»¹¹⁵⁵.

Между тем в протоколе заседания ЦК ПЛСР от 24 июня, на который ссылаются историки, ни о чем конкретном не говорилось и протокол, сам по себе, не доказывает причастности ПЛСР к убийству¹¹⁵⁶. Более того, в

---

¹¹⁵² В 1989 г. «Известия ЦК КПСС» (№ 5, с. 161-186) опубликовали отрывки из этой книги, относящиеся к событиям 6-7 июля. Второе уточненное издание книги вышло в конце 1989 г., и книга не является более библиографической редкостью.

¹¹⁵³ Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 193-194.

¹¹⁵⁴ Фельдмаршал Эйхгорн был убит в Киеве 29 (30) июля 1918 г. (Fischer. Germany's Aims in the First World War, p. 567). Готовилось и покушение на самого Вильгельма. В подготовке его принимал участие примкнувший в 1917 году к левым эсерам Г. Б. Смолянский (АИГН, 472/32. Письмо БИН — И. М. Бергеру, 3 февраля 1961, 1 л.).

¹¹⁵⁵ Минц. Год 1918-й, с. 408-409.

¹¹⁵⁶ Текст протокола см. в кн. Красная книга ВЧК, с. 185-186.

протоколе указано, что время проведения террористических актов будет определено на следующем заседании ЦК ПЛСР. Но до 6 июля, как известно совершенно точно, такого заседания не было. Из текста протокола следует, что левые эсеры боялись подвергнуться разгрому со стороны большевиков; а однажды упомянутое в протоколе слово «восстание» подразумевало, безусловно, не мятеж против советской власти, а восстание на Украине против германской оккупации. Таким образом, нет оснований считать, что ПЛСР готовила выступление против Совнаркома.

Кто конкретно стоял за организацией убийства германского посла? Блюмкин считал, что ЦК ПЛСР. 4 июля, перед вечерним заседанием съезда Советов, он был приглашен «из Большого театра одним из членов ЦК для политической беседы». Член ЦК заявил Блюмкину, что ЦК ПЛСР решил убить Мирбаха, «чтобы апеллировать к солидарности германского пролетариата» и, «поставив правительство перед совершившимся фактом разрыва Брестского договора, добиться от него долгожданной определенности и непримиримости в борьбе за международную революцию». После этого «член ЦК» попросил Блюмкина, как левого эсера, в рамках соблюдения партийной дисциплины, сообщить имеющиеся у него сведения о Мирбахе. Блюмкин считал поэтому, что «решение совершить убийство графа Мирбаха было принято неожиданно 4 июля». Однако на заседании ЦК ПЛСР, где, по сведениям Блюмкина, было принято решение убить посла, Блюмкин не присутствовал. Вечером 4 июля его пригласил к себе все тот же «один член ЦК» и вторично попросил его «сообщить все сведения о Мирбахе», которыми Блюмкин располагал, будучи заведующим отделом «по борьбе с немецким шпионажем», причем ему сказали, что «эти сведения необходимы для совершения убийства». Вот тут-то Блюмкин и вызвался убить посла. Заговорщики в ту же ночь решили совершить покушение 5 июля. Однако исполнение акта было отложено на один день, поскольку «в такой короткий срок нельзя было произвести надлежащих приготовлений»¹¹⁵⁷.

Таким образом, действиями Блюмкина и Андреева, еще одного члена партии левых эсеров, фотографа подведомственного Блюмкину отдела по борьбе со шпионажем, руководил не ЦК ПЛСР, а кто-то, называемый Блюмкиным «один член ЦК». Что это был за член ЦК, Блюмкин не указывает. Но удивительно другое: во время дачи Блюмкиным показаний в киевской ЧК в 1919 году чекисты так и не поинтересовались именем члена ЦК ПЛСР, явного организатора убийства. Возможно, большевики знали, о ком идет речь, но были не заинтересованы в огласке. Кто же был этот член ЦК ПЛСР?

---

¹¹⁵⁷ Там же, с. 295-298, 308.

Есть основания полагать, что им был Прошьян, «шутя» предлагавший в марте в разговоре с левым коммунистом Радеком арестовать Ленина и объявить Германии войну. Спиридонова писала о причастности Прошьяна к организации убийства германского посла совершенно открыто: «Инициатива акта с Мирбахом, первый почин в этом направлении, принадлежит ему»¹¹⁵⁸. Прошьян всегда стоял на левом фланге революционного спектра. Вероятно, именно поэтому он импонировал таким разным людям, как Ленин и Спиридонова. Ленин писал о Прошьяне, что тот «выделялся сразу глубокой преданностью революции и социализму», что в нем был виден «убежденный социалист», решительно становившийся «на сторону большевиков-коммунистов против своих коллег, левых социалистов-революционеров». И только вопрос о Брестском мире привел к «полному расхождению» между Прошьяном и Лениным¹¹⁵⁹.

Спиридонова вспоминала о Прошьяне, что тот одним из первых стал раскалывать эсеровскую партию: «Когда Натансон со всем его авторитетом однажды почти приказал ему все же не рвать с партией, « подождать », он уехал гневный от грусти, — « подрезают мне крылья ». Он первым « начал открытую кампанию против Керенского и писал до того злые и нецензурные статьи на Савинкова », что ЦК ПСР « катался в судорогах гнева ». В поддержке большевиков, вторит Спиридонова Ленину, Прошьян « шел до конца и без единого колебания »; и в июльские дни 1917 был арестован Временным правительством, как и многие большевики, по обвинению в шпионаже. За отказ подчиняться директивам эсеровской партии Прошьян исключался из ПСР, восстанавливался по требованию левого крыла тогда еще единой эсеровской партии, снова исключался за « чересчур смелую интернационалистическую пропаганду » (пораженчество). В подготовке Октябрьского переворота он принимал столь активное участие, что, по словам той же Спиридоновой, переворот этот « был так же и его делом ». Прошьян « стоял за полную безоговорочную совместную работу с большевиками » и входил в « пятерку », которая « играла крупную роль в борьбе и устройстве » советской власти. А так как « пятерку » по большей части посещали только Ленин и Прошьян, работа левых эсеров и большевиков проходила в полном « согласии и взаимопонимании »¹¹⁶⁰.

Прошьян мог воспользоваться постановлением ЦК ПЛСР от 24 июня и самолично организовать убийство Мирбаха. Косвенным доказательством

---

¹¹⁵⁸ Спиридонова. Прошь Прошьян, с. 222.

¹¹⁵⁹ Ленин. Памяти Прошьяна — Правда, 20 декабря 1918.

¹¹⁶⁰ Спиридонова. Прошь Прошьян, с. 221-222.

этому может служить тот факт, что имя Прошьяна (и никого больше) упоминается в показаниях Блюмкина в связи с письмами Блюмкина к Прошьяну «с требованием объяснения поведения партии после убийства Мирбаха» и «ответными письмами Прошьяна». Что же было в этих письмах, и на каком основании рядовой член левоэсеровской партии предъявлял члену ЦК какие-то требования? «Красная книга ВЧК» на этот вопрос не дает ответа. Этими письмами чекисты тоже «не поинтересовались». Но о требованиях Блюмкина к Прошьяну легко догадаться. Оказывается, таинственный член ЦК ПЛСР, с которым договаривался Блюмкин об убийстве Мирбаха, заверил эсеровского боевика, что в задачу ЦК ПЛСР «входит только убийство германского посла». Блюмкин показал:

«Общего вопроса о последствиях убийства графа Мирбаха во время моей беседы с упомянутым членом ЦК не поднималось, я же лично поставил резко два вопроса, которым придавал огромное значение и на которые требовал исчерпывающего ответа, а именно: 1) угрожает ли, по мнению ЦК, в том случае, если будет убит гр. Мирбах, опасность представителю Советской России в Германии тов. Иоффе и 2) гарантирует ли ЦК, что в его задачу входит только убийство германского посла. Меня заверили, что опасность тов. Иоффе, по мнению ЦК, не угрожает [...]. В ответ на второй вопрос мне было официально и категорически заявлено, что в задачу ЦК входит только убийство германского посла с целью поставить советское правительство перед фактом разрыва Брестского договора».

Если встречавшимся с Блюмкиным членом ЦК был Прошьян, становится понятным требование к нему Блюмкина объяснить поведение партии левых эсеров после убийства Мирбаха. Ведь у Блюмкина, пролежавшего 6 — 7 июля в госпитале, информация о событиях тех дней была лишь из советских газет, где большевики однозначно указывали на восстание, то есть на то, чего, по представлениям Блюмкина, никак не могло быть. Блюмкин показал:

«В сентябре, когда июльские события четко скомпоновались, когда проводились репрессии правительства против партии левых эсеров и все это сделалось событием, знаменующим целую эпоху в русской советской революции — даже тогда я писал к одному члену ЦК, что меня пугает легенда о восстании и мне необходимо выдать себя правительству, чтобы ее разрушить.»

Но «один член ЦК» запретил, и Блюмкин, подчиняясь партийной дисциплине, послушался ¹¹⁶¹. Только в начале апреля 1919, после

---

¹¹⁶¹ Красная книга ВЧК, с. 295-309.

скоропостижной смерти Прошьяна в декабре 1918, Блюмкин нарушил запрет покойного и явился в ЧК, чтобы раскрыть «тайну» левоэсеровского заговора¹¹⁶².

Однако это — лишь одна гипотеза, одна из возможных линий покушения. И самый серьезный аргумент против тот, что, согласно показаниям лидера левых эсеров Саблина, Прошьян во втором часу дня находился в здании отряда Попова¹¹⁶³, в то время как, согласно показаниям Блюмкина, примерно в это время 6 июля Блюмкин и Андреев находились в «Национале» на квартире у «одного члена ЦК» и получали там бомбы и последние инструкции¹¹⁶⁴. Правда, Блюмкин не утверждает, что «один член ЦК» был в тот час у себя дома (а Саблин мог ошибиться); но это заставляет искать внутри ПЛСР других заговорщиков. Внешне самые серьезные обвинения падают на Спиридонову, давшую на себя показания на допросе 10 июля¹¹⁶⁵. Этих показаний могло бы быть достаточно для того, чтобы свалить на Спиридонову всю ответственность за убийство Мирбаха, забыв о Прошьяне. Однако есть основания полагать, что Спиридонова наговаривала на себя лишнее и уж, по крайней мере, не была тем «одним членом ЦК», на которого ссылался Блюмкин. Прежде всего, постановления ЦК ПЛСР об убийстве Мирбаха, на которое ссылается Спиридонова, не существовало. На это указывает историк Л. М. Спирин: «никакого заседания ЦК левых эсеров в ночь на 5 июля 1918 г. не было»¹¹⁶⁶. То же самое пишут редакторы нового издания «Красной книги ВЧК»: «Заседания ЦК ПЛСР ночью 4 июля не было»¹¹⁶⁷. Таким образом, не было именно того заседания, на которое ссылался в разговоре с Блюмкиным «один член ЦК» и о котором, в свою очередь, сообщил Блюмкин. Блюмкин кроме того показал, что именно он сообщил о

---

¹¹⁶² Есть и совсем незначительные указания на Прошьяна. Спиридонова писала в записке, переданной уже из тюрьмы арестованной подруге левой эсерке Измаилович, что к «О...» — одному члену ЦК ПЛСР — Блюмкина отвез ничего не подозревавший Александрович. Буква «О», приведенная в источнике, в написанной Спиридоновой от руки записке могла быть русской буквой «П» — заглавной буквой имени и фамилии Проша Прошьяна (Кремль за решеткой, с. 13). В том же источнике имеется еще одно упоминание о Прошьяне. В майском бюллетене ЦК ПЛСР 1919 г., опубликованном в книге «Кремль за решеткой», Прошьян и Александрович упоминаются вместе, как «погибшие» 1918 г. (там же, с. 141). Возможно, Спиридонова намекала на то, что Прошьян умер не своей смертью.

¹¹⁶³ Красная книга ВЧК, с. 271.

¹¹⁶⁴ Там же, с. 299.

¹¹⁶⁵ Там же, с. 268-269.

¹¹⁶⁶ Спирин. Крах одной авантюры, с. 85.

¹¹⁶⁷ Красная книга ВЧК, с. 298.

предстоящем покушении Александровичу¹¹⁶⁸. Между тем, если постановление об убийстве Мирбаха, как утверждала Спиридонова, действительно было вынесено ЦК ПЛСР до 6 июля, Александрович, как член ЦК, не зная об этом не мог¹¹⁶⁹.

Многочисленные указания на непричастность тех или иных активистов ПЛСР к убийству и событиям 6-7 июля имеются в литературе. Так, по мнению коменданта Кремля П. Д. Малькова, к ним не имели отношения Устинов и Колегаев¹¹⁷⁰. Академик Минц пишет, что решение о «выступлении» ЦК ПЛСР принял «далеко не в полном составе». Гусев, рассказывая о Третьем съезде ПЛСР, открывшемся через четыре дня после заседания ЦК 24 июня, отмечает, что «в решениях съезда прямо не говорилось об убийстве Мирбаха и вооруженном мятеже»¹¹⁷¹. Получается, что ни на заседании ЦК ПЛСР 24 июня, ни на съезде ПЛСР, проходившем с 28 июня по 1 июля, ЦК ПЛСР не указал ни сроков террористического акта, ни будущую жертву его, хотя посла убили через несколько дней после заседания ЦК и закрытия съезда. Ни слова не говорилось в постановлении и о планируемом «восстании» против большевистского правительства. Гусев в связи с этим указывает, что «подготовка к мятежу тщательно скрывалась не только от органов советской власти, но и от рядовых членов левоэсеровской партии»¹¹⁷². Однако, приняв на себя вину по организации убийства, Спиридонова в показаниях 10 июля наотрез отказалась взять на себя ответственность за «восстание», указав, что в «постановлениях ЦК партии» левых эсеров «свержение большевистского правительства ни разу не намечалось»¹¹⁷³.

Спирин указывает, что в те дни «состоялось лишь совещание небольшой группы членов ЦК, созданной еще 24 июня 1918 г. с целью организации убийства представителей германского империализма»¹¹⁷⁴. Он имеет в виду упомянутое в показаниях Спиридоновой и в постановлении

---

¹¹⁶⁸ Там же, с. 299.

¹¹⁶⁹ Штейнберг, бывший нарком юстиции, эмигрировавший из советской России и оставивший мемуары, также не упоминает о заседании ЦК и решении убить Мирбаха [АИГ, Steinberg. The Events of July 1918, p. 1; Socialist Russia, The Events of July 1918 (Geneva, 1918, 70 pp.)]. Наличие восстания Штейнберг отрицал и в написанной им биографии Спиридоновой, вышедшей на английском языке в 1934 г.

¹¹⁷⁰ Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 216-217.

¹¹⁷¹ Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 195.

¹¹⁷² Там же, с. 193.

¹¹⁷³ Красная книга ВЧК, с. 269.

¹¹⁷⁴ Спирин. Крах одной авантюры, с. 85.

ЦК ПЛСР Бюро из трех человек: Спиридонову, Голубовского и Майорова. Но Майоров, связанный с Украиной и работавший именно там, равно как и Голубовский, своего участия в июльских событиях в Москве никак не проявили. Да и Спиридонова показала, что делом убийства Мирбаха ведала она одна, а Майоров с Голубовским никакого отношения к покушению не имели. Тогда по-иному читаются показания Спиридоновой. Если ЦК ПЛСР «сначала выделил очень небольшую группу с диктаторскими полномочиями», если потом из этой группы в три человека двое к событиям отношения не имели, то вся ответственность за организацию убийства Мирбаха действительно падает не на ЦК ПЛСР, повинный лишь в теоретическом одобрении террора в постановлении от 24 июня, а на Спиридонову.

И все-таки есть косвенное указание на то, что не Спиридонова была «одним членом ЦК», с которым встречались Блюмкин и Андреев. Блюмкин упоминает в своих показаниях письмо, написанное им к «одному члену ЦК» в сентябре 1918 г. Но в это время Спиридонова находилась под следствием (и была освобождена только 29 ноября). Поэтому письмо Блюмкина никак не могло быть адресовано ей. А вот в апреле-мае 1919 г., когда давал свои показания явившийся с повинной в киевскую ЧК Блюмкин, Спиридонова находилась на свободе: в ночь на 2 апреля по подложному пропуску она бежала из Кремля, где содержалась под арестом 1175. Очевидно, что именно в апреле-мае большевики очень нуждались в свежих обвинениях против Спиридоновой, которую разыскивали по всей стране. И если б «одним членом ЦК» действительно была Спиридонова, большевики, безусловно, заставили бы Блюмкина произнести это имя вслух.

Именами Прошьяна и Спиридоновой не ограничивается список подозреваемых в организации убийства Мирбаха. Искать их нужно не только среди членов ПЛСР, но и среди левых коммунистов. В этой связи обращает на себя внимание поведение левого коммуниста и председателя ВЧК Дзержинского. Именно в стенах его Комиссии, с ведома и согласия самого Дзержинского, в начале июня сотрудником ВЧК Блюмкиным было заведено дело на «племянника германского посла» — Роберта Мирбаха. Это было первое «дело» Блюмкина, введенного в ЧК в начале июня на должность заведующего «немецким шпионажем» — отдела контрразведки «по наблюдению за охраной посольства и за возможной преступной деятельностью посольства». Как показал впоследствии Лацис, «Блюмкин обнаружил большое стремление к расширению отделения» по борьбе со шпионажем «и не раз подавал в комиссию проекты». Однако «единственное

1175 Подробнее о Спиридоновой см. Ю. Фельштинский. Вина и расплата.

дело», которым Блюмкин действительно занимался, было «дело Мирбаха-австрийского», причем Блюмкин «целиком ушел в это дело» и просиживал «над допросами свидетелей целые ночи»¹¹⁷⁶.

Здесь было где развернуться молодому чекисту. Дело оказалось не банальным прежде всего потому, что Роберт Мирбах, кажется, не был не только племянником германского посла, но и австрийцем. Насколько позволяют судить источники¹¹⁷⁷, мирно жил в революционном Петрограде «исполняющий должность члена Совета по хозяйственной части Смольного института» обрусевший барон Р. Р. Мирбах. Увы, почти никаких сведений не просочилось о нем в историю¹¹⁷⁸. Знать об обрусевшем бароне мог только В. Д. Бонч-Бруевич, который в то время имел со Смольным постоянный контакт, в том числе и хозяйственного характера. Можно предположить, что от Бонч-Бруевича через Дзержинского пришли к Блюмкину сведения о русском Мирбахе. Исчез обрусевший барон, член Совета по хозяйственной части Смольного института, и появился вместо него племянник германского посла, военнопленный австрийский офицер, дальний родственник графа-посла Мирбаха, с которым, посол никогда не встречался. По данным чекистов, Роберт Мирбах служил в 37-м пехотном полку австрийской армии, был пленен, попал в лагерь, но освобожден из заключения после ратификации Брест-Литовского мирного договора. В ожидании отъезда на родину он снял комнату в одной из московских гостиниц, где жил до начала июня, когда остановившаяся в той же гостинице шведская актриса Ландстрем неожиданно наложила на себя руки. Было ли это самоубийство подстроено чекистами или нет, судить трудно. ВЧК тем временем заявила, что Ландстрем покончила с собой в связи с ее контрреволюционной деятельностью, и арестовала всех обитателей гостиницы. Среди них, дескать, оказался и «племянник германского посла» Р. Мирбах.

Дальнейшие действия чекистов, в первую очередь Блюмкина, следует признать находчивыми. Об аресте Роберта Мирбаха ВЧК незамедлительно сообщила датскому консульству, представлявшему в России интересы Австро-Венгрии. 15 июня датское консульство начало с ВЧК переговоры «по делу арестованного офицера австрийской армии графа Мирбаха». Во

---

¹¹⁷⁶ Красная книга ВЧК, с. 264.

¹¹⁷⁷ Ирошников. Создание советского центрального аппарата, с. 73.

¹¹⁷⁸ Согласно адресной книге «Весь Петроград на 1916 г.», барон Роман Романович Мирбах в 1916 г. проживал на Фурштадской, 9 и был чиновником особых поручений при Главном управлении собственной его императорского величества канцелярии по учреждению императрицы Марии. (Весь Петроград на 1916 год, с. 448.) Проследить дальнейшее местопребывание Р. Р. Мирбаха не удастся: в послереволюционных адресных книгах он уже не числится. Г. М. Катков, впрочем, указывает в своей статье, что, по слухам, «племянник германского посла» проживал потом во Франции. Но это были только слухи, никем не проверенные.

время этих переговоров чекисты подсказали представителю консульства Евгению Янейке версию о родственности Роберта Мирбаха и германского посла. 17 июня, через день после начала переговоров, датское консульство вручило чекистам документ, которого те так ждали:

«Настоящим Королевское датское генеральное консульство доводит до сведения Всероссийской чрезвычайной комиссии, что арестованный офицер австро-венгерской армии граф Роберт Мирбах, согласно письменному сообщению германского дипломатического представительства в Москве, адресованному на имя датского генерального консульства, в действительности состоит членом семьи, родственной германскому послу графу Мирбаху, поселившейся в Австрии»¹¹⁷⁹.

Поскольку первый документ датского консульства датирован 15 июня, а второй — 17-м, правильно предположить, что письменный ответ германского посольства на запрос датчан был дан 16 июня, сразу после получения датского запроса, и преследовал гуманные цели: в германском посольстве решили посчитать неведомого графа Роберта Мирбаха родственником германского посла в надежде, что это облегчит участь несчастного австрийского офицера и он будет немедленно освобожден, тем более, что выдвинутые против него обвинения казались Рицлеру несерьезными. Причастность же германского посла к делу «племянника» ограничилась, видимо, данным им разрешением зачислить Роберта Мирбаха в родственники.

В германском посольстве о деле уже забыли. В датском — ожидали освобождения Роберта Мирбаха из ВЧК. Но прошло больше недели, а Роберта Мирбаха не освобождали. Тогда 26 июня генеральный консул Дании Гакстгаузен обратился в ВЧК с официальной просьбой «освободить из-под ареста австрийского военнопленного графа Мирбаха при условии гарантии со стороны консульства о том, что упомянутый граф Мирбах по первому требованию впредь до окончания следствия [по делу Ландстрем] явится в Чрезвычайную Комиссию»¹¹⁸⁰.

Однако просьба Гакстгаузена удовлетворена не была. И не случайно: дело «племянника посла» легло в основу досье против германского посольства и лично посла. Основной уликой в руках Блюмкина стал документ, подписанный (добровольно или по принуждению) Робертом Мирба-хом: «Я, нижеподписавшийся, германский подданный, военнопленный офицер австрийской армии Роберт Мирбах, обязуюсь добровольно, по личному желанию» сообщить ВЧК «секретные сведения о

---

¹¹⁷⁹ Красная книга ВЧК, с. 197.

¹¹⁸⁰ Там же, с. 198.

Германии и германском посольстве в России»¹¹⁸¹.

Правда, ни австрийский офицер, ни хозяйственник Смольного не мог считаться «германским подданным» и сообщить чекистам «секретной информации о Германии и германском посольстве в России». Речь шла о явной фабрикации, и это заставило заволноваться немцев. Германский посол отрицал теперь родственную связь с Робертом Мир-бахом, а в фабрикации «дела» усматривал провокацию. О суете чекистов вокруг германского посольства и о заведенном деле теперь знали даже в Берлине. И вскоре после убийства Мирбаха в советском полпредстве в Германии стало известно, «что германское правительство не сомневается, что граф Мирбах убит самими большевиками»¹¹⁸². «Покушение готовилось заранее, — сообщило тогда же в Берлин германское посольство в Москве. — Дело об австрийском офицере Роберте Мирбахе было только предлогом для работников ВЧК проникнуть к послу кайзера»¹¹⁸³. Сам Блюмкин, однако, отрицал это, утверждая, что «вся организация акта над Мирбахом была исключительно поспешная и отняла всего два дня, промежуток времени между вечером 4-го и полднем 6 июля». Блюмкин привел косвенные тому доказательства: утром 4 июля он передал заведующему отделом по борьбе с контрреволюцией Лацису дело арестованного в середине июня Роберта Мирбаха. «Таким образом, вне всякого сомнения, — продолжал Блюмкин, — что за два дня до акта я не имел о нем» представления. Кроме того, как утверждал Блюмкин, его «работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, очевидно в силу своего значения, проходила под непосредственным наблюдением» Дзержинского и Лациса, а обо «всех своих мероприятиях, как, например, внутренняя разведка» в посольстве, Блюмкин, по его словам, «постоянно советовался» с президиумом ВЧК, с заместителем наркома иностранных дел Караханом и с председателем Пленбежа Уншлихтом»¹¹⁸⁴.

Однако противоречия в германском донесении и показаниях Блюмкина нет. Вечером 4 июля в заговор вовлекли Блюмкина, но подготовка всего мероприятия могла начаться раньше, в первых числах июня, когда Блюмкину поручили заняться фабрикацией «дела» против германского посольства, отстранив его по инициативе большевиков, прежде всего Лациса, от всей остальной работы. О том, что в планы стоящих за спиной

---

¹¹⁸¹ Там же, с. 200.

¹¹⁸² Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 81.

¹¹⁸³ Цит. по кн. Спирин. Крах одной авантюры, с. 75.

¹¹⁸⁴ Красная книга ВЧК, с. 297.

Блюмкина противников Брестского мира входило убийство, Блюмкин мог не знать до вечера 4 июля, причем его заявление о том, что он работал под непосредственным наблюдением Дзержинского и Лациса, при консультациях с Караханом и Уншлихтом, лишний раз убеждает, что к убийству Мирбаха мог быть причастен кто-то из большевиков.

После убийства Мирбаха Дзержинский попробовал снять с ВЧК ответственность за смерть германского посла. Он утверждал, что в самом начале июля (непонятно, когда именно) Блюмкин был отстранен от ведения дела Роберта Мирбаха. Основанием для отстранения Блюмкина Дзержинский назвал жалобу на произвол Блюмкина, с которой пришли к Дзержинскому за несколько дней до убийства посла поэт О. Э. Мандельштам и Л. М. Рейснер (жена Раскольников). Впрочем, эту часть показаний Дзержинский начал с неточности. Для придания веса разговору о произволе Блюмкина Дзержинский представил все так, будто с жалобой приходил сам нарком Раскольников, а не его жена. Между тем, Раскольников только устраивал встречу Мандельштама и Рейснер¹¹⁸⁵.

Дзержинский показал, что примерно за неделю до покушения им от Раскольникова и Мандельштама были получены сведения о злоупотреблении Блюмкиным властью — возможностью подписывать смертные приговоры. Когда услышавший об этом Мандельштам «запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать». Сразу же после разговора с Мандельштамом и Рейснер Дзержинский на собрании в ВЧК предложил, дескать, отдел контрразведки распустить, а «Блюмкина пока оставить без должности», до получения объяснений от ЦК ПЛСР¹¹⁸⁶.

На снятие Блюмкина с работы указывал также Лацис, подчеркивавший (правда уже после убийства Мирбаха), что «особенно недолголюбивал» Блюмкина «и после первых жалоб на него со стороны сотрудников решил его от работы удалить». За неделю до 6 июля, показывал Лацис, Блюмкин в отделе уже не числился, «ибо отделение было расформировано по постановлению Комиссии, а Блюмкин оставлен без определенных занятий», причем в протоколах заседаний президиума ВЧК должна была быть о том соответствующая запись¹¹⁸⁷. Тем не менее в показаниях Лациса Блюмкин назван «заведующим секретным отделом», а не «бывшим заведующим». Выписки из протоколов об исключении Блюмкина «Красная книга ВЧК» не опубликовала, а, наоборот, взяла Блюмкина под свою защиту: убрала из книги компрометирующий лично Блюмкина материал. В заметке «От

---

¹¹⁸⁵ Мандельштам. Воспоминания, с. 112-113.

¹¹⁸⁶ Из истории ВЧК, с. 154.

¹¹⁸⁷ Красная книга ВЧК, с. 264.

редактора» указывалось, что показания Зайцева «вовсе не поместили» ввиду того, что «свидетель говорит исключительно о личности Якова Блюмкина, причем факты, компрометирующие личность Блюмкина, проверке не поддаются», а «несколько строк из показаний Ф. Э. Дзержинского» опущены, так как передают «рассказы третьих лиц о том же Блюмкине, также не поддающиеся проверке»¹¹⁸⁸. Большевикам важно было представить Блюмкина (с 1920 года — коммуниста) не анархистом-авантюристом, а дисциплинированным членом левоэсеровской партии, совершившим террористический акт по постановлению ЦК ПЛСР.

Расформирование за несколько дней до убийства Мирбаха отдела «немецкого шпионажа» не может казаться случайным. Похоже, что речь шла о простой формальности: Блюмкин выполнял ту же работу, что и раньше. 6 июля в 11 часов утра он получил у Лациса из сейфа дело Роберта Мирбаха¹¹⁸⁹, чего, конечно же, никак не могло бы произойти, если бы Блюмкин был отстранен от работы. Скорее права Н. Я. Мандельштам, вспоминая, что жалоба Мандельштама «на террористические замашки Блюмкина» была оставлена без внимания. «Если бы тогда Блюмкиным заинтересовались, — продолжает она, — знаменитое убийство германского посла могло бы сорваться, но этого не случилось: Блюмкин осуществил свои планы без малейшей помехи»¹¹⁹⁰.

Блюмкиным не заинтересовались, так как это было не в интересах Дзержинского. Последний, видимо, знал о готовившемся покушении на Мирбаха уже потому, что дважды об этом извещало его германское посольство. Так, примерно в середине июня представители германского посольства сообщили Карахану и через него Дзержинскому «о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства». Дело было передано для расследования Я. Х. Петерсу и Лацису. «Я был уверен, — показал позднее Дзержинский, — что членам германского посольства кто-то умышленно дает ложные сведения для шантажирования их или для других более сложных целей». 28 июня Карахан передал Дзержинскому «новый материал, полученный им от германского посольства, о готовящихся заговорах». Дзержинского, однако, заинтересовали не заговорщики, а имена информаторов германского посольства; и председатель ВЧК сказал германским дипломатам, что, не зная имен информаторов, не сможет помочь посольству в разоблачении готовящихся заговоров. Рицлер после этого стал считать, что Дзержинский смотрит «сквозь пальцы на заговоры,

---

¹¹⁸⁸ Там же, с. 183.

¹¹⁸⁹ Там же, с. 261.

¹¹⁹⁰ Мандельштам. Воспоминания, с. 113.

направленные непосредственно против безопасности членов германского посольства». Но поскольку Дзержинскому было важно узнать «об источнике сведений о готовящихся покушениях» (т. е. об источнике утечки информации), он через Карахана договорился о личной встрече с Рицлером и Мюллером. Во время состоявшегося разговора Рицлер указал Дзержинскому, что «денег дающие ему сведения лица от него не получают» и информаторам своим он поэтому доверяет. Дзержинский возразил, что «могут быть политические мотивы» и что «здесь какая-то интрига», имеющая целью помешать ему найти «настоящих заговорщиков, о существовании которых, на основании всех имеющихся» данных он не сомневался. «Я опасался покушений на жизнь гр. Мирбаха», показал Дзержинский, но «недоверие ко мне со стороны дающих мне материал связывало мне руки».

Поддавшись на уговоры Дзержинского, Рицлер назвал имя одного из осведомителей и устроил Дзержинскому встречу с другим. Первым информатором была «некая Бендерская». Вторым — В. И. Гинч, с которым Дзержинский встретился в «Метрополе» в присутствии Рицлера и Мюллера примерно за два дня до покушения. Гинч где-то в начале июня (т. е. тогда, когда началось «дело Роберта Мирбаха») сообщил заведующему канцелярией германского посольства Вухерфенику, что на Мирбаха партией «Союз союзов» готовится покушение. Несколько раз затем он приходил в ВЧК, чтобы сообщить об этом, был даже в отряде Попова, «но его не хотели выслушивать». Рицлер, со своей стороны, получив от Гинча сведения о планируемом террористическом акте, сообщил об этом в НКВД, откуда информация была передана в ВЧК, где предупреждению опять не придали значения. Тогда Гинч вторично предупредил посольство, причем примерно за десять дней до покушения назвал конкретную дату террористического акта — между 5 и 6 июля, а во время встречи с Дзержинским в «Метрополе» открыто сказал ему, что в деле замешаны некоторые сотрудники ВЧК.

Дзержинский объявил все это провокацией и, покинув «Метрополь», через Карахана затребовал разрешения германского посольства на арест Бендерской и Гинча¹¹⁹¹. Немцы на это ничего не ответили, но в первой половине дня 6 июля, незадолго до убийства Мирбаха, Рицлер поехал в НКВД и просил Карахана предпринять что-нибудь, поскольку со всех сторон в посольство приходят слухи о предстоящем покушении на Мирбаха. Карахан указал, что сообщит обо всем в ВЧК.

Ряд косвенных улик говорит за то, что Дзержинский знал об акте,

---

¹¹⁹¹ Из истории ВЧК, с. 151-154. По соглашению с германским правительством ЧК не имело права арестовывать сотрудников германского посольства (хоть и советских граждан) без санкции посольства. Ответа на свой запрос об аресте Дзержинский получить не успел.

намеченном на 6 июля. Так, согласно показаниям Лациса, когда в 3.30 6 июля он, находясь в НКВД, услышал о покушении на посла и отправился в ВЧК, там уже знали, что Дзержинский «подозревает в убийстве Мирбаха Блюмкина». Дзержинского в ВЧК не было, он «отправился на место преступления», откуда Лациса вскоре запросили, закончено ли «дело Мирбаха, племянника посла, и у кого оно находится, ибо оно обнаружено на месте преступления». Только тут Лацис понял, что «покушение на Мирбаха произведено действительно Блюмкиным»¹¹⁹². Но Дзержинский каким-то образом знал об этом еще до поездки в посольство.

Из всего этого можно заключить, что Мирбах не был убит по постановлению ЦК ПЛСР. Вероятнее всего, имел место заговор, организованный теми или иными представителями левых партий (но не партиями, как таковыми). Если так, то очевидно участие в таком заговоре левых эсеров — Прошьяна и, может быть, Спиридоновой, и левых коммунистов — Дзержинского, позволившего состояться акту, или Бухарина, не отрицавшего участия в «заговоре против Ленина» на процессе 1938 года¹¹⁹³, хотя никаких конкретных доказательств участия Бухарина в подготовке покушения нет.

Однако кто бы ни стоял за заговором с целью убийства Мирбаха, террористический акт не был сигналом к «антисоветскому мятежу» и не был осуществлен с целью свержения большевистского правительства. Вероятнее всего, заговор не был направлен и лично против Ленина (хотя, по крайней мере, один историк выдвинул именно такую гипотезу)¹¹⁹⁴. Выстрелы в германского посла были выстрелами в правительство германской империи. И, как показали дальнейшие события, Совнарком от убийства Мирбаха только выиграл: после 6 июля германское влияние на советскую политику безусловно ослабло.

В самом большом выигрыше от убийства Мирбаха оказался Ленин. О готовившемся акте он, скорее всего, не знал. Никаких, даже косвенных,

---

¹¹⁹² Красная книга ВЧК, с. 261.

¹¹⁹³ Правда, 3, 9, 12 марта 1938; Lenin (V. I. Uliānev). В западной историографии об этом писал Катков: анализ материалов судебного процесса см. в его кн. Kalkov. The Trial of Bukharin, pp. 172-180. Разумеется, нужно с большой осторожностью относиться к показаниям подсудимых на сталинских процессах тридцатых годов. Абсолютное большинство обвинений, выдвинутых на процессах, не имели никакого отношения к действительности, вопросы, задаваемые А. Я. Вышинским, часто носили провокационный характер, а ответы подсудимых были получены под душевными или физическими пытками. И все-таки, очевидно, что обвинение в заговоре против Ленина летом 1918 года было выдвинуто только против Бухарина, причем Бухарин обвинение это на процессе не отрицал (в то время как за многое другое брать на себя ответственность категорически отказывался). «Никаких настоящих планов ареста Ленина у Бухарина не было, — это вообще был случайный разговор. Сталин раздул это дело для процесса, и в этом вопросе не должно следовать за Вышинским», — писал Николаевский (АИГН, 519/30, гл. 7, с. 2). И все-таки, Сталин знал, в чем обвинять Бухарина.

¹¹⁹⁴ Геллер, Некрич. Утопия у власти, с. 69. Глава написана Геллером.

указаний на его причастность к покушению нет¹¹⁹⁵. Но удивительно, что большевики оказались куда лучше подготовлены к этому неожиданному происшествию, чем сами левые эсеры, которые, по заявлению большевиков, этот террористический акт готовили. Так или иначе, с момента первого сообщения о покушении на Мирбаха роль Ленина в разгроме ПЛСР была однозначна: он решил использовать убийство Мирбаха и покончить с партией левых эсеров. Сотрудник советского полпредства в Берлине Соломон рассказывает по этому поводу, как вернувшийся в Германию из Москвы вскоре после июльских событий Л. Б. Красин «с глубоким отвращением» сообщил ему, что «такого глубокого и жестокого цинизма» он в Ленине «не подозревал». 6 июля, рассказывая Красину о том, как он предполагает выкрутиться из кризиса, созданного убийством Мирбаха, Ленин «с улыбочкой, заметьте, с улыбочкой» прибавил: «Мы произведем среди товарищей [левых] эсеров внутренний заем [...] и таким образом и невинность соблюдем, и капитал приобретем». Соломон пишет далее, что «в этот свой приезд Красин неоднократно в разговорах» с ним, «точно не имея сил отделаться от тяжелого кошмарного впечатления, возвращался к этому вопросу и несколько раз повторял» ему «слова Ленина». К этой теме Красин в беседах с Соломоном возвращался и позже¹¹⁹⁶.

Как справедливо указывает историк Д. Кармайл, «внутренним займом» было «обвинение простодушных левых эсеров в убийстве Мирбаха»¹¹⁹⁷. Но свидетельство Соломона отнюдь не единственное. Вот что пишет в своих воспоминаниях Айно Куусинен (жена Отто Куусинена):

«На самом деле [левые] эсеры не были виновны. Когда я однажды вернулась домой, Отто был у себя в кабинете с высоким бородатым молодым человеком, который был представлен мне как товарищ Сафир. После того, как он ушел, Отто сообщил мне, что я только что видела убийцу графа Мирбаха, настоящее имя которого — Блюмкин. Он был сотрудником ЧК и вот-вот собирался ехать за границу с важным поручением от Коминтерна. Когда я заметила, что Мирбах был убит [левыми] эсерами, Отто разразился громким смехом. Несомненно, убийство было только поводом для того, чтобы убрать [левых] эсеров с пути, поскольку они были самыми серьезными оппонентами Ленина»¹¹⁹⁸.

---

¹¹⁹⁵ Американский историк Адам Улам справедливо считает сомнительным, чтобы лично Ленин был серьезно замешан в этом убийстве (Ulam. *The Bolsheviks*, p. 425).

¹¹⁹⁶ Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 83. Нет оснований считать, что Соломон писал неправду, хотя бы уже потому, что в те годы никто не сомневался в восстании левых эсеров.

¹¹⁹⁷ Кармайл. Троцкий, с. 143.

¹¹⁹⁸ Kuusinen. *Before and After Stalin*, pp. 36-37.

Помимо подготовки убийства Мирбаха, кто бы за ним ни стоял, в Москве в начале июля, видимо, готовилась еще одна конфронтация: партия большевиков намеревалась столкнуться на предстоящем съезде Советов с конкурирующей партией левых эсеров и разгромить ее. О подготовке большевиками разрыва с левыми эсерами и о планируемом разгроме в мемуарной и исторической литературе писалось довольно часто, иногда с оговоркой, что речь шла не о превентивном ударе по ПЛСР, а о подготовке к подавлению антиправительственного восстания, которое готовилось кем-то в Москве в те дни. Так, командующий московским военным округом Муралов, в распоряжении которого находился левоэсеровский «отряд особого назначения», некое подобие большевистской Красной гвардии, во второй половине июня получил от Ленина указание внимательно следить за отрядом. Вот как описывает Муралов свой диалог с Лениным:

— Что это у вас какой-то отряд левых эсеров, вы ему доверяете? Да, этот отряд хорош [...]

[...] На всякий случай следите 3 ним зорко.

И Муралов понял, что, возможно, «дело дойдет до вооруженного столкновения» с ПЛСР и «на всякий случай решил часто проверять» отряд «и постепенно заменять комсостав»¹¹⁹⁹.

С середины июня подготовка к разгрому ПЛСР под предлогом опасений контрреволюционного выступления велась фактически открыто. «Латышские полки были приведены в боевую готовность»; Вацетис 18 июня приказал «командиру 2-го полка держать полк в боевой готовности, а один батальон с пулеметами выделить в распоряжение военного комиссариата Москвы»¹²⁰⁰. Несколько позже в Москву с юга страны был переброшен 3-й полк латышской дивизии. «Знал ли кто-нибудь, что в Москве готовится восстание, и имелись ли об этом конкретные сведения?» — спрашивает в мемуарах Вацетис и отвечает: «Могу ответить совершенно утвердительно», что «о готовящемся восстании знали и имели об этом конкретные указания». Вацетис самолично доносил о том, «что в Москве готовится что-то неладное» комиссару латышской стрелковой дивизии К. А. Петерсону. Тот отнесся к сообщению Вацетиса «с некоторым недоверием, но через два дня (числа 3 или 4 июля)» сказал ему, что «ВЧК напала на след готовящегося восстания», но подробностей Вацетису не

---

¹¹⁹⁹ Муралов. Встречи с Ильичом на военной работе, с. 28. Об отряде особого назначения Ю. В. Саблин 10 июля показал, что формирование отряда было предпринято по предложению А. И. Муралова, отряд находился в его распоряжении. Для формирования именно этого отряда из Витебска и других мест были вызваны левоэсеровские боевые дружины, однако к 6-7 июля отряд находился еще в стадии формирования, и ни один человек из его состава в событиях 6-7 июля участия не принимал (Красная книга ВЧК, с. 273).

¹²⁰⁰ Томан. За свободную Россию, с. 177.

сообщил¹²⁰¹.

Об ожидаемом столкновении с левыми эсерами открыто говорил Зиновьев. Перед самым убийством Мирбаха на областном съезде большевиков и левых эсеров он предложил ввести левых эсеров в Совнарком и, в частности, назначить левого эсера Лапиера комиссаром путей сообщения. Когда в перерыве кто-то из большевиков подошел к Зиновьеву и с удивлением спросил, действительно ли тот намерен вводить в Совнарком левых эсеров, «хитро улыбаясь, Зиновьев увел спрашивающих в свой кабинет, сообщив под величайшим секретом, что у него имеются все сведения о готовящемся восстании левых эсеров, но что меры им уже приняты и он хочет только своим предложением усыпить бдительность левых эсеров»¹²⁰².

Даже до Блюмкина 4 июля дошли слухи о чем-то «неладном». В разговоре с «одним членом ЦК» он спросил, не готовит ли ЦК ПЛСР «акта партийной оппозиции», так как, по его словам, «вокруг подготовки убийства создалась непроницаемая обстановка», усугублявшаяся столкновениями между большевиками и эсерами на Пятом съезде Советов. Блюмкин, видимо, имел в виду резкую речь Троцкого, повергшую левых эсеров в панику. По воспоминаниям Саблина, во время перерыва, устроенного после внеочередного заявления Троцкого, Камков сообщил ему «о возможности ареста ЦК ПЛСР и даже фракции в связи с возможным обострением отношений с большевиками на этом вечернем заседании»¹²⁰³. Таким образом, уже 5 июля ЦК левых эсеров начал сознавать, что большевики расправятся с активом их партии во время Съезда.

О накале отношений между двумя партиями много пишет Свердлов, утверждая, однако, что о предстоящем «восстании» большевики не догадывались и «не имели достоверных фактов о преступных замыслах левых эсеров, ничего не знали о готовящейся аванюре». Но чем ближе к Пятому съезду, продолжает Свердлов, «тем больше усиливалась у Ленина, Свердлова, Дзержинского и других большевиков настороженность в отношении левых эсеров, тем пристальней они наблюдали за их подозрительными действиями». Правда, Свердлов приводит лишь один пример таких «подозрительных» действий. Оказывается, ПЛСР «пыталась выставить в Большом театре на время съезда свою охрану», и та настойчивость, с которой они этого требовали, насторожила Свердлова, «руководившего практической подготовкой съезда». Свердлов «согласился

---

¹²⁰¹ Вацетис. Гражданская война, с. 16.

¹²⁰² АИГН, 137/8, с. 6-7.

¹²⁰³ Красная книга ВЧК, с. 306, 270.

предоставить им возможность участвовать в охране Большого театра, но одновременно дал указание» большевистской охране съезда «принять необходимые меры предосторожности»¹²⁰⁴.

Однако изложенные Свердловой факты не столько говорят о заговоре левых эсеров, сколько о наличии у большевиков плана с ними разделаться. Понятно, что ПЛСР, как правящая советская партия, имела право на собственные партийные караулы, выставляемые во время работы съезда. Это само по себе Свердлова насторожить не могло; тем более, такое требование не должно было считаться признаком готовившегося левоэсеровского «восстания» против большевистской партии. Если левые эсеры Закс и Александрович были заместителями Дзержинского по ВЧК, а левый эсер Попов стоял во главе чекистского отряда, не было ничего противоестественного и в желании левых эсеров участвовать в охране Большого театра во время работы съезда.

Похоже, что в день открытия Пятого съезда Советов большевиками были проведены последние подготовительные мероприятия для возможного ареста фракции ПЛСР. По приказу Свердлова «на все наиболее важные посты внутри театра были выставлены латышские стрелки из охраны Кремля», поддерживающие большевиков. 4 июля, т. е. в день, когда Блюмкину сообщили о планируемом убийстве Мирбаха, Свердлов предупредил коменданта Кремля Малькова, что «надо быть начеку. От левых эсеров можно ожидать всяких пакостей». Тогда же по указанию Свердлова «были усилены караулы и внутренние посты в Большом театре»¹²⁰⁵. Невдалеке от каждого из левоэсеровских часовых, «не спуская с них глаз, стояло по два-три человека». Это были «специально выделенные боевые группы из числа охранявших Кремль латышских стрелков и других особо надежных частей». Никто из левых эсеров «и пальцем не мог пошевелить, не обратив на себя внимание. Одновременно надежная охрана была выставлена и вокруг театра в близлежащих улицах и переулках»¹²⁰⁶.

Оставалось только арестовать фракцию ПЛСР на съезде. Именно это произошло 6 июля. Можно только дивиться находчивости и решимости Ленина: услышав об убийстве германского посла, обвинить левых эсеров в восстании против советской власти, в восстании, которого не было.

---

¹²⁰⁴ Свердлов. Я. М. Свердлов, с. 358.

¹²⁰⁵ Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 205 Книга была написана в соавторстве с сыном Я. М. Свердлова, А. Я. Свердловым (там же, с. 5).

¹²⁰⁶ Свердлов. Я. М. Свердлов, с. 368. Кроме того, из соображений общей безопасности в дни съезда к театру не подпускались посторонние, а трамвайная остановка у Большого театра была отменена.

Трамвай проходил тогда по Театральной площади (ныне площадь Свердлова).

Глава пятнадцатая. Разгром партии левых эсеров

В первые пятнадцать минут пекле убийства в посольстве царила неразбериха. Полковник В. Шуберт, глава комиссии по репатриации военнопленных, взял на себя организацию защиты здания, которое довольно скоро превратили в небольшую крепость (немцы не исключали, что покушение на Мирбаха — начало намеченного революционерами разгрома посольства). Попытки сообщить представителям советской власти о случившемся остались безрезультатными: телефон посольства не работал (и это вряд ли показалось случайностью). Затем, в начале четвертого, сотрудник посольства Карл фон Ботмер и переводчик Мюллер на посольской машине поехали в наркомат иностранных дел, в гостиницу «Метрополь», к Карахану.

При виде германских дипломатов Карахан вскочил со своего кресла и выбежал в комнату секретаря¹²⁰⁷ 1. Предупрежденный немцами о возможном покушении на германского посла Карахан по возбужденному виду вошедших понял, что что-то случилось. Вскоре он вернулся в свой кабинет, выслушал пришедших и заверил их, что представители советского правительства немедленно придут в германское посольство. Карахан позвонил Чичерину, тот — управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу. Последний спросил, известны ли подробности. Чичерин ответил, что нет¹²⁰⁸. Бонч-Бруевич телефонировал о случившемся Ленину и получил приказ поехать с отрядом латышей в германское посольство и обо всем, что узнает, сообщить по телефону. Тем временем Ленин позвонил Дзержинскому и сообщил ему о начавшемся «мятеже»¹²⁰⁹.

Затем Ленин вызвал к себе Свердлова; позвонил Троцкому в военный комиссариат и уже по телефону сказал ему, что «левые эсеры бросили бомбу в Мирбаха»¹²¹⁰. Откуда же Ленин узнал, что к террористическому акту причастны левые эсеры? О постановлении ЦК ПЛСР от 24 июня большевики могли не знать, так как о нем не знали даже такие активисты (не члены ЦК), как Саблин¹²¹¹. О партийной принадлежности и именах террористов мог знать только Дзержинский (и лишь в том случае, если он был соучастником покушения и самолично подписывал мандат Блюмкина и

---

¹²⁰⁷ Bothmer. Mil Graf Mirbach in Moskau, S. 73.

¹²⁰⁸ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 299.

¹²⁰⁹ Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 112, прим. ред.

¹²¹⁰ Троцкий. О Ленине, с. 117.

¹²¹¹ Красная книга ВЧК, с. 270.

Андреева). Можно предположить, что и в этом случае Дзержинский вряд ли раскрыл бы имя Блюмкина и тем выдал собственное участие в заговоре Ленину. Из подробностей покушения Ленину могло быть известно единственно то, что Мирбах ранен смертельно.

Через несколько минут к Ленину приехали Троцкий и Свердлов¹²¹². А еще через какое-то время пришло сообщение, что Мирбах умер. Важно было «повлиять на характер немецкого донесения в Берлин»¹²¹³, поэтому Ленин, Свердлов и Чичерин (все трое — сторонники «передышки») отправились в германское посольство для выражения соболезнования по поводу убийства посла. Ленин при этом пошутил: «Я уж с Радеком об этом сговаривался. Хотел сказать «Mitleid», а надо сказать «Beileid»¹²¹⁴. И «чуть-чуть засмеялся, вполтона», потом оделся и твердо сказал Свердлову: «Идем». Лицо Ленина «изменилось, стало каменно-серым», вспоминал Троцкий. В смысле «внутренних переживаний» поездка в посольство с выражением соболезнования по поводу смерти германского посла была для Ленина одним из «самых тяжелых моментов»¹²¹⁵. Троцкий в посольство ехать наотрез отказался (формула «ни мира, ни войны» этого не требовала).

Однако в июле, когда советская власть переживала серьезнейший кризис, убийство Мирбаха, каким бы это ни казалось странным, облегчало положение ленинского правительства. Со смертью Мирбаха разрубался запутаннейший узел советско-германских отношений и открывалась возможность для ликвидации ПЛСР — разрыва второго, не менее запутанного узла большевистско-левоэсеровских связей. Подготовившись к возможной конфронтации с левыми эсерами в самые первые дни работы Пятого съезда, Ленин, Свердлов и Троцкий с известиями о покушении на германского посла начали принимать «срочные меры по подавлению и ликвидации мятежа»¹²¹⁶, хотя никак не могли еще знать, кто стоит за убийством Мирбаха, тем более, что признаков антиправительственного восстания с чьей бы то ни было стороны не было. Так, комендант Кремля Мальков, находившийся в те часы в Большом театре, писал, что около четырех к нему «подбежал запыхавшийся Стрижак» (комендант Большого театра) и передал приказ Свердлова «немедленно явиться в Кремль». Через

---

¹²¹² Троцкий. О Ленине, с. 118.

¹²¹³ Там же.

¹²¹⁴ Mitleid и Beileid — близкие по смыслу слова. Но первое скорее переводится как «симпатия», а второе как «соболезнование».

¹²¹⁵ Троцкий. О Ленине, с. 118-119.

¹²¹⁶ Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 112, прим.; Свердлов. Я. М. Свердлов, с. 362.

пять минут Мальков был в Кремле и «из отрывочных фраз», которыми успел обменяться со встретившимися сотрудниками ВЦИКа и Совнаркома, понял, что «левые эсеры подняли мятеж». «Все делалось удивительно быстро, четко, слаженно, — вспоминал Мальков. — Владимир Ильич и Яков Михайлович тут же на листках блокнотов писали телефонограммы, распоряжения, приказы». Через пять минут в боевую готовность был приведен весь гарнизон Кремля¹²¹⁷. А левых эсеров, находившихся в Кремле в войсках гарнизона и среди служащих, немедленно арестовали.

Первым официальным правительственным объявлением об убийстве Мирбаха стала телефонограмма Ленина, переданная в 4.20 в организации, контролируемые большевиками: в районные комитеты РКП(б), в районные Советы депутатов города Москвы (где левых эсеров практически не было) и в штабы Красной гвардии. В этой первой телефонограмме Ленин сообщал, что «около трех часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха». Ленин указывал, что за покушением стоят «монархисты и провокаторы», пытающиеся втянуть «Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов», и требовал «мобилизовать все силы, поднять на ноги все немедленно для поимки преступников», «задерживать все автомобили и держать до тройной проверки»¹²¹⁸.

Таким образом, в официальной телефонограмме Ленина не было упоминания о левых эсерах, в то время как в распоряжениях, переданных конкретным партийным руководителям «мятеж левых эсеров» фигурировал как свершившийся факт. Это расхождение кажется подозрительным и не случайным. Если считать, что Ленин не догадывался о «мятеже» левых эсеров (и указания современников в мемуарах являются недоразумением), кажется удивительным, что он не сообщил о случившемся заседавшему в Большом театре съезду Советов. Если Ленин подозревал левых эсеров, непонятно его указание на «монархистов» и безликих «провокаторов».

Смысл ленинских указаний разъясняет Бонч-Бруевич: «Здесь преследовался тактический прием, чтобы не спугнуть [левых] эсеров со своих мест и телеграммой о выступлении их в центре не подстрекнуть на периферии, в уездах их единомышленников к подобным же действиям»¹²¹⁹. Действительно, телеграмма Ленина должна была быть

---

¹²¹⁷ Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 208, 209. В боевую готовность были приведены 925 стрелков 9-го латышского полка, после чего в кабинете Малькова и под его руководством (согласно мемуарам Малькова) в присутствии командиров полка был составлен план усиленной обороны Кремля. С планом, который, кажется, был довольно прост, ознакомился Ленин. У всех четырех ворот Кремля выставили взводные посты; три роты с пулеметами поставили на кремлевские стены, две — оставили в резерве. (Спирин. Крах одной авантюры, с. 40; Томан. За свободную Россию, с. 180.)

¹²¹⁸ Записки института Ленина, т. 3, с. 42; Ленин. ПСС, т. 50, с. 112-113.

¹²¹⁹ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 308.

разослана по стране, но в уезды из-за грозы ее передали лишь в 5.30¹²²⁰. Бонч-Бруевич, однако, не объясняет, почему Ленин не указал на восстание левых эсеров в какой-нибудь особой телефонограмме, предназначенной только для Москвы. Но очевидно, что по той же причине: нельзя было настораживать бездействовавших в Москве и за ее пределами левых эсеров¹²²¹. Пока не разработали окончательно плана военного разгрома ПЛСР, не окружили отряд Попова, не арестовали фракцию левых эсеров на съезде Советов, нельзя было говорить левым эсерам, что их рассматривают как восставшую партию. А конкретный план разгрома отряда Попова, аналогичный плану разгрома анархистов 12 апреля, был утвержден большевиками только около 5 часов вечера 6 июля¹²²².

До того часа Ленин не считал возможным объявлять о смерти германского посла (хотя за час до передачи первой телефонограммы Ленина, в 3 часа 15 минут, 47-летний граф скончался)¹²²³. Больше того, Ленин пытался умолчать о ранении Мирбаха. В черновике телефонограммы постскриптум была вписана зачеркнутая позже фраза: «Сейчас получено известие, что бомбы не взорвались и никто не ранен»¹²²⁴. В этой попытке представить террористический акт провалившимся был виден тот же смысл: скрыть на какое-то время и от немцев, и от противников Брестского мира правду, поскольку шанс того, что известие о смерти Мирбаха вызовет аплодисменты всех делегатов съезда Советов, от левых эсеров до большевиков, что в порыве революционного энтузиазма съезд одобрит убийство и разорвет Брестский мир — был слишком велик (так по крайней мере считал Ленин). Чтобы застраховать себя от возможного разрыва съездом Брестского мира, советское руководство решило арестовать

---

¹²²⁰ Сообщение телефонистки Борисовой. Опубл. в кн. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 308.

¹²²¹ Позже к обширным инструкциям районным Советам Москвы о разгромах ПЛСР была сделана приписка: «Настоящее объявление не подлежит пока опубликованию, а предназначается исключительно для внутреннего употребления» (Красная книга ВЧК, с. 243).

¹²²² Вот что вспоминает Вацетис: «Около 5 часов пополудни [...] к подъезду подъехал автомобиль, оттуда выскочил адъютант Муралова и, вбежав к нам в комнату, потребовал, чтобы я немедленно ехал с ним к начальнику гарнизона [...]. Мы подъехали к зданию бывшего Александровского военного училища и остановились у подъезда Высшего военного трибунала. Видно было, что меня ждут, так как пропуска были везде заготовлены и часовые предупреждены. Везде стояла усиленная охрана. Меня ввели в большую квартиру, занимаемую комендантом города Москвы. В одной комнате за столом, подальше от окна сидели Муралов и Подвойский.

На столе был разложен план города Москвы, который оба они внимательно рассматривали [...]. Подвойский познакомил меня с создавшейся обстановкой и сказал, что надо разбить левых эсеров ночной атакой, чтобы к 4-м часам утра все было ликвидировано [...] Причем он указал, что начало атаки назначается на два часа ночи и что в этой ночной атаке должны проявить себя латышские стрелки» (Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 17-18).

¹²²³ Спирин. Крах одной авантюры, с. 14.

¹²²⁴ На эту зачеркнутую строчку историки не обратили должного внимания: она приводится лишь в одном издании работ Ленина: «Записках института Ленина», т. 3, с. 42.

левоэсеровскую фракцию съезда еще до того, как она узнает об убийстве германского посла. И это была вторая причина, по которой следовало держать известие о смерти Мирбаха в секрете и не давать понять левым эсерам, что события принимают серьезный оборот, так как посол убит, а Брестский мир, возможно, уже разорван¹²²⁵.

В германское посольство первым прибыл вездесущий Радек. За ним последовали Карахан, нарком юстиции Стучка и Бонч-Бруевич, привезший с собой отряд латышских стрелков 9-го полка. Для расследования террористического акта в посольство прибыл Дзержинский, которого Мюллер встретил упреком: «Что вы теперь скажете?» — и показал ему мандат Блюмкина и Андреева с подписью председателя ВЧК. «Такого удостоверения я не подписывал, — показал позже Дзержинский, — всмотревшись в подпись мою и т. Ксенофонтова, я увидел, что подписи наши скопированы, подложны. Фигура Блюмкина [...] сразу выяснилась, как провокатора. Я распорядился немедленно отыскать и арестовать его (кто такой Андреев, я не знал)»¹²²⁶.

В пятом часу к главному подъезду здания СНК (бывшее здание Судебных установлений) подъехал личный шофер Ленина С.К. Гиль; Ленин, Свердлов и Чичерин сели в машину и поехали в посольство. О прибытии их немцам сообщил Бонч-Бруевич, указавший, что «главы правительства [...] желают официально переговорить с представителями германского посольства»¹²²⁷. Прибывших пригласили в парадную комнату посольства. Все сели. Ленин, сидя, «произнес краткую реплику на немецком языке, в которой принес извинения правительства по поводу случившегося внутри здания посольства»¹²²⁸, т.е. на не контролируемой советским правительством территории. Ленин прибавил, что «дело будет немедленно расследовано и виновные понесут заслуженную кару»¹²²⁹. «Решгака» Ленина, конечно же, не могла удовлетворить сотрудников германского посольства. По существу, Ленин снял с советских органов какую-либо ответственность за убийство германского посла, указав, что за

---

¹²²⁵ Красная книга ВЧК, с. 195. Судя по фотокопии, опубликованной в книге, подписи Дзержинского и Ксенофонтова не поддельны.

Редакторы второго издания «Красной книги ВЧК» утверждают обратное (там же, с. 196).

¹²²⁶ Самому Ксенофонтову для опровержения собственной подписи понадобилось более трех недель. Только 31 июля он заявил, что «подпись секретаря на сем заявлении подложка: я такого заявления не подписывал» (там же, с. 195-196).

¹²²⁷ Из истории ВЧК, с. 155.

¹²²⁸ Хильгер напрасно пишет, что Ленин прибыл в посольство «немедленно после того, как услышал об убийстве» (Hilger, Meyer. *The Incompatible Allies*, p. 6).

¹²²⁹ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 303-304.

происшедшее в стенах посольства советская власть не отвечает. Речь свою он произнес сидя. Немцы отметили «холодную вежливость» Ленина¹²³⁰, но сделать по этому поводу ничего не могли. Члены советского правительства вышли затем во внутренний дворик посольства. В здании остался только Стучка, начавший производить осмотр места преступления. Результаты этого самого первого расследования так никогда и не были оглашены советской властью. Но одно бесспорно: папка с делом Роберта Мирбаха, опрометчиво оставленная террористами в приемной посольства, и мандат ВЧК за подписями Дзержинского и Ксенофонтова, являвшиеся опасными уликами в руках германского правительства, оказались у большевиков.

В это время в ЦК ПЛСР, точнее в здании отряда ВЧК, у Попова, где в перерывах между заседаниями съезда Советов собиралась верхушка левозэсеровской партии, царило спокойствие, хотя «мятежная партия» должна была бы вести себя иначе, тем более, что к первой половине дня 6 июля слухи о предстоящем покушении на Мирбаха дошли не только до предупрежденных немцами Дзержинского и Карахана, но и до некоторых левых эсеров. Александровичу примерно в полдень о предстоящем покушении сообщил Блюмкин. Между часом и двумя о готовящемся акте узнали Прошьян (если, конечно, не он готовил покушение и не знал раньше), Карелин, Черепанов и Камков¹²³¹. Эта группа членов ЦК ПЛСР, имевшая возможность предотвратить убийство, но решившая ничего не предпринимать, становилась соучастником преступления.

Между тем террористы, убив Мирбаха, приехали в особняк Морозова в Трехсвятительском (ныне Большом Вузовском) переулке. Кажется, сам Попов не придавал происходящему особого значения. По крайней мере, отряд ВЧК работал как обычно. Попов в момент приезда Блюмки-на и Андреева беседовал в своем кабинете с комиссаром ВЧК большевиком и сотрудником отдела по борьбе с преступлениями по должности Абрамом Беленьким, которому и были представлены только что исполнившие террористический акт Андреев и раненый Блюмкин. Из отряда Попова Беленький вскоре уехал и отправился искать Дзержинского. Когда Беленький, наконец, нашел его в германском посольстве в Денежном переулке, шел пятый час¹²³².

Ленин, Свердлов и Бонч-Бруевич, переговорив с Беленьким, уехали в Кремль. Начали обсуждать, как именно громить левых эсеров. «Дело такое

---

¹²³⁰ Hilger, Meyer. *The Incompatible Allies*, p. 7.

¹²³¹ Красная книга ВЧК, с. 271.

¹²³² Тихомолов. *Восемь лет с Дзержинским*, с. 139.

ясное, — сказал Ленин, — а вот мы обсуждали его более часа. Впрочем, ведь [левые] эсеры еще более любят поговорить, чем мы. У них наверно теперь дискуссия в полном разгаре. Это поможет нам, пока Подвойский раскачается», — смеясь прибавил он¹²³³. Действительно, в ЦК ПЛСР все это время шли споры о том, как реагировать на сообщение Блюмкина об убийстве им германского посла и реагировать ли вообще. Между тем, было очевидно, что Блюмкина будут разыскивать, поскольку «выданные ему документы на его настоящее имя», т. е. мандат за подписью Дзержинского и Ксенофонтова, «остались в кабинете у графа Мирбаха», и «в ближайшем же будущем следует ожидать чьего-либо посещения с целью розыска Блюмкина в отряде Попова». Тем не менее в ЦК ПЛСР «решено было ожидать»¹²³⁴.

В шестом часу вечера в сопровождении трех чекистов-большевиков — Беленького, Трепалова и Хрусталева — Дзержинский отправился в отряд Попова, чтобы арестовать «Блюмкина и тех, кто его укрывает»¹²³⁵. К этому времени уже были известны фамилии террористов, и было естественно ожидать, что большевики эти фамилии распубликуют для облегчения розыска. Между тем имена Блюмкина и Андреева держались в секрете вплоть до разгрома ПЛСР. Впервые Блюмкин был назван по имени лишь в официальном сообщении от 8 июля, написанном Троцким. В нем указывалось, что «некий Блюмкин произвел по постановлению» ЦК ПЛСР «убийство германского посла графа Мирбаха»¹²³⁶. Об Андрееве впервые упомянули 14 июля¹²³⁷.

Но сам Андреев, являвшийся в глазах сотрудников германского посольства фактическим убийцей Мирбаха, исчез.

Ленин, Свердлов и Троцкий, видимо, рассматривали происходящее как совместный заговор ПЛСР и ВЧК. Именно поэтому против ПЛСР по распоряжению Троцкого были двинуты «артиллерия и другие части», ВЧК была объявлена распущенной, Дзержинский с поста председателя ВЧК снят, а на его место назначен Лацис (который должен был по своему усмотрению набрать в Комиссию новых людей). Поскольку в ходе операции по разгрому ПЛСР предполагалось окружить Большой театр, на специально созданную для того должность начальника охраны наружного

---

¹²³³ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 309.

¹²³⁴ Красная книга ВЧК, 271.

¹²³⁵ Спирин. Крах одной авантюры, с. 15.

¹²³⁶ Известия ВЦИК, 8 июля 1918.

¹²³⁷ Там же, 14 июля 1918.

кольца театра Троцкий назначил Фомина. Петере должен был арестовать фракцию левых эсеров съезда¹²³⁸— Лацис, тем временем, пытался сменить обычный караул у здания ВЧК, состоящий из чекистов, самокатчиками. От Троцкого же, со ссылкой на решение Совнаркома, Лацис получил приказ арестовать всех левых эсеров — членов ВЧК и объявить их заложниками. В ВЧК в это время находился заместитель Дзержинского левый эсер Закс, но он настолько искренне недоумевал по поводу происходящего, что Лацис арестовывать его не стал. А вот зашедшего в ВЧК члена коллегии левого эсера М. Ф. Емельянова «немедленно распорядился арестовать»¹²³⁹.

ЦК ПЛСР был извещен об успешном исполнении террористического акта самим Блюмкиным, приехавшим в отряд Попова примерно в три часа дня. Тем не менее до прибытия туда в шестом часу вечера Дзержинского с чекистами Беленьким, Трепаловым и Хрустальевым левые эсеры ничего не предприняли. Если бы ЦК ПЛСР действительно готовил террористический акт, он немедленно сообщил бы о его исполнении делегатам съезда Советов, так как через съезд можно было расторгнуть Брестский мирный договор (к чему и стремились левые эсеры). Вместо этого более двух часов, т. е. с момента приезда Блюмкина и до прибытия Дзержинского в здание отряда ВЧК, ЦК ПЛСР решал, как реагировать на убийство: взять ли ответственность за террористический акт на себя или отмежеваться от него и выдать Блюмкина большевикам.

Ответ на этот вопрос для ЦК не был легок. Многое зависело от того, как поведет себя лидер ПЛСР Спиридонова. Но Спиридонова в качестве политической деятельницы была «несдержанна, неделовита»¹²⁴⁰, «самолюбива, никого не хотела слушать»¹²⁴¹. Возможно, что именно она настояла на принятии ЦК ПЛСР ответственности за убийство Мирбаха. Д. Кармайкл считает, что Спиридонова сделала это из солидарности со своими партийными товарищами — Блюмкиным и Андреевым¹²⁴². Похоже, что именно так. Даже советская историческая энциклопедия решается обвинять Спиридонову в «моральном руководстве левоэсеровским мятежом», а не в практическом¹²⁴³. Левым эсерам просто не оставалось ничего иного, как

---

¹²³⁸ Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 107-108; Красная книга ВЧК, с. 261-262.

¹²³⁹ Там же.

¹²⁴⁰ Локкарт. Буря над Россией, с. 288.

¹²⁴¹ Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 216.

¹²⁴² Carmichel. Trotsky, p. 498.

¹²⁴³ Советская историческая энциклопедия, т. 13, с. 751, ст. «Спиридонова».

санкционировать задним числом уже совершенное убийство, тем более, что осуждение покушения на Мирбаха было бы для ПЛСР равносильно политическому самоубийству. В этом случае ЦК левых эсеров пришлось бы не только отмежеваться от убийства и выдать на расправу большевикам членов своей партии¹²⁴⁴, но, главное, признать свою политику в отношении Брестского мира провокационной. Наконец, левым эсерам трудно было вообразить, что большевики подвергнут репрессиям всю партию за убийство одного или трех германских «империалистов».

Большевики переиграли левых эсеров, хотя во всеуслышание утверждали обратное. «Когда по первым непроверенным сведениям, — указывал Троцкий, — мы узнали, что речь идет об акте левых эсеров, мы еще были уверены в том, что не только партия», но и ее ЦК «ни в коем случае не захотят и не смогут солидаризироваться с этим актом». Именно поэтому «Дзержинский, узнав о том, что убийцей является Блюмкин, отправился не во фракцию левых эсеров, а в отряд Попова»¹²⁴⁵, Троцкий умолчал, однако, что в здании отряда ВЧК находилось к тому времени большинство членов ЦК ПЛСР, в то время как обезглавленная фракция ПЛСР находилась в самом театре. Большевикам важно было скомпрометировать ЦК партии, а не левоэсеровскую фракцию съезда. К тому же Троцкий не указал, что после убийства Мирбаха Блюмкин поехал в отряд Попова. И если Дзержинский искал Блюмкина, ему нечего было делать в Большом театре.

Очередное заседание съезда Советов планировалось открыть в 4 часа¹²⁴⁶. Фракция левых эсеров, еще не знавшая об убийстве Мирбаха, заняла места в правой части партера и лож, но в президиуме съезда было пусто. Вопреки всеобщим ожиданиям, в театр не приехал Ленин. «Заседание не начиналось, — вспоминает очевидец. — В зале не был еще дан полный свет. На сцене пустовали столы. Сбоку томились стенографистки. В дипломатической ложе тоже никого не было»¹²⁴⁷. В зале находились только немногие лидеры левых эсеров (в том числе Мстиславский и Колегаев).

Предполагалось, что заседание съезда откроет Свердлов. Но Свердлов так и не открыл его. Вместо этого «он собрал самых доверенных товарищей из находившихся в этот момент в Большом театре» и изложил им план

---

¹²⁴⁴ Такой прецедент уже был — расстрел члена ЦК ПЛСР Спино.

¹²⁴⁵ Троцкий. Сочинения, т. 17, ч. 1, с. 467-468.

¹²⁴⁶ Согласно одному из источников, «послеобеденная часть заседания 5-го съезда Советов должна была начаться, как обычно, к пяти с половиной или к шести часам» (Е. 6 июля — в Большом театре, с. 12).

¹²⁴⁷ Там же.

действий. Петере, ответственный за арест фракции ПЛСР, проинструктированный Свердловым, вышел на сцену и объявил, что в помещении за сценой состоится совещание фракции большевиков. Выход — через оркестр (все остальные двери закрыты). У выхода часовые. Мандаты проверяет заместитель секретаря ВЦИК Г. И. Окулова, выпускает только членов большевистской фракции и каждому приказывает отправляться на Малую Дмитровку 6, в школу агитации ВЦИК, где собираются большевики. Делегаты-коммунисты прошли за сцену, спустились по черному ходу вниз и покинули театр. Левым эсерам было предложено провести свое фракционное собрание «в одном из обширных фойе», поэтому их даже не выпустили из зала. Об убийстве Мирбаха по-прежнему не знали. Кое-кто из левых эсеров начал волноваться, спрашивать, что происходит. Было ясно, что большевики покидают здание, оставляя их, меньшевиков-интернационалистов и беспартийных под охраной внутри, но левые эсеры «ничем на это не реагировали». Чтобы скоротать время, Комаров попытался прочитать лекцию о Втором Интернационале, но его не слушали¹²⁴⁸.

Примерно к шести часам вечера была убрана левоэсеровская охрана съезда, театр полностью находился в руках большевиков, окружен еще и внешним кольцом 187 латышских стрелков и броневиков¹²⁴⁹. Только теперь левым эсерам объявили, что они задержаны в связи с событиями в городе¹²⁵⁰. Сразу же пополз слух, что убит Мирбах, что Большой театр должен стать очагом и центром восстания. Люди устремились к выходу. В главном вестибюле образовалась большая толпа, стали требовать выпуска. «Но двери были закрыты, — вспоминает очевидец, — спинами к ним стояли красноармейцы, держа винтовки наизготовку и не подпуская к себе желающих уйти. Никому не позволялось даже стоять на лестницах вестибюля». Все шумели, «препирались с красноармейцами, требовали выпуска, кричали, грозились»¹²⁵¹. Было между 6 и 7 часами вечера¹²⁵². Общее число задержанных составило 450 человек (кроме большевиков, задержали всех делегатов съезда). Члены фракции РКП(б), между тем,

---

¹²⁴⁸ Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 361; Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 107-108.

¹²⁴⁹ «Было ясно, что Большой театр изолирован, окружен надежной охраной и обезврежен», — сообщается там же. Латыши в дни охраны съезда были вооружены не только винтовками, но и бомбами цилиндрической формы, которые подвешивались спереди к поясу (Е. 6 июля — в Большом театре, с. 12).

¹²⁵⁰ Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 361-362.

¹²⁵¹ Е. 6 июля — в Большом театре, с. 12.

¹²⁵² Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 207; Е. 6 июля в Большом театре, с. 12. Операцией руководили чекисты-большевики и комендант Большого театра Я. А. Стрижак.

разбились на группы по 40—50 человек и отправились в районные Советы Москвы для мобилизации сил в городе.

В событиях 6 июля роль Дзержинского была одной из самых важных. С отъездом из Денежного переуллка начиналась, возможно, ее главная часть. Приехавшего в отряд ВЧК Дзержинского встретил Попов и на вопрос председателя ВЧК, «где находится Блюмкин», ответил, что в отряде его нет «и что он поехал в какой-то госпиталь». Дзержинский потребовал, чтобы ему «привели дежурных, которые стояли у ворот и которые могли бы удостоверить, что, действительно, Блюмкин уехал»; но, заметив «шапку скрывавшегося Блюмкина на столе», «потребовал открытия всех помещений»¹²⁵³.

Шапка, правда, не принадлежала Блюмкину — головные уборы террористы забыли в посольстве, и Дзержинский, ехавший из посольства, об этом мог знать. Но ему нужен был предлог для осмотра помещения. С тремя своими спутниками Дзержинский обыскал весь дом, разбив при этом несколько дверей¹²⁵⁴. Блюмкина, конечно же, не нашел, но обнаружил в одной из комнат заседавший в ней в неполном составе ЦК ПЛСР. На этой комнате Дзержинский осмотр здания закончил, «объявил Прошьяна и Карелина арестованными» и заявил Попову, что, если тот «не подчинится и не выдаст их», Дзержинский «моментально» пустит «ему пулю в лоб как изменнику»¹²⁵⁵. О Прошьяне и Карелине Дзержинский сказал, что один из них должен стать «искупительной жертвой за Мирбаха»¹²⁵⁶, т. е. будет казнен.

На что рассчитывал Дзержинский, прибывший в отряд ВЧК с малочисленной охраной «производить следствие по делу Мирбаха», но вместо этого объявивший арестованными двух членов ЦК, собиравшийся расстрелять одного из них, а члену ВЦИКа, члену коллегии ВЧК и начальнику чекистского отряда Д. И. Попову намеревавшийся «моментально пустить пулю в лоб»? Понятно, что такой альтернативе ЦК ПЛСР предпочел «задержание Дзержинского», да иначе и поступить не мог¹²⁵⁷. Ни членов ЦК, ни Блюмкина Дзержинскому решили не выдавать, так как за убийство «империалиста» советская власть никогда никого не

---

¹²⁵³ Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 113.

¹²⁵⁴ Fischer. *The Soviets in World Affairs*, v. 1, p. 122.

¹²⁵⁵ Дзержинский. Избранные произведения, 1957, т. 1, с. 268-269.

¹²⁵⁶ Красная книга ВЧК, с. 286.

¹²⁵⁷ Там же. Уже арестованный, Дзержинский продолжал угрожать членам отряда Попова, что «они все будут расстреляны» (АИГН, № 121/10. Письмо Николаевского от 25 ноября 1951, 1 л.).

наказывала. Сам Блюмкин, судя по его показаниям, в этом вопросе оказался на высоте. Он попросил ЦК привести Дзержинского в лазарет. Правда, Блюмкин был уверен, что советское правительство не может казнить его «за убийство германского империалиста». ЦК, однако, решил не жертвовать Блюмкиным и выполнить его просьбу отказался¹²⁵⁸.

Вместо этого в седьмом часу вечера, чтобы «загородить свою партию», к большевикам в осажденный Большой театр отправилась в сопровождении группы матросов из отряда Попова Мария Спиридонова. В ноябре 1918 года в «Открытом письме ЦК партии большевиков» Спиридонова так объясняла свой очевидно опрометчивый поступок:

«Я пришла к вам 6 июля для того, чтобы был у вас кто-нибудь из членов ЦК нашей партии, на ком вы могли бы сорвать злобу и кем могли бы компенсировать Германию (об этом я писала вам в письме от того числа, переданном Аванесову в Большом театре). Это были мои личные соображения, о которых я считала себя вправе говорить своему ЦК, предложив взять представительство на себя [...]. Я была уверена, что, сгоряча расправившись со мною, вы испытали бы потом неприятные минуты, так как, что ни говори, а этот ваш акт был бы чудовищным, и вы, быть может, потом скорее опомнились и приобрели бы необходимое в то время хладнокровие. Случайность ли, ваша ли воля или еще что, но вышло все не так, как я предлагала вам в письме от 6 июля»¹²⁵⁹.

Большевики удовлетворили просьбу Спиридоновой и арестовали ее, известив о том, что фракция ПЛСР на съезде Советов задержана. Тем не менее Спиридонова заявила большевикам, что ЦК ПЛСР берет на себя ответственность за убийство германского посла и что Дзержинский задержан. С этой минуты большевики имели полное право обвинять левых эсеров в заговоре. Услышав про арест Дзержинского, Свердлов поехал в Кремль, где информировал обо всем Бонч-Бруевича, а тот — Ленина¹²⁶⁰. Когда сопровождавшие Спиридонову матросы Попова вернулись в здание отряда ВЧК и рассказали о задержании Спиридоновой и левоэсеровской фракции съезда, это повергло ЦК ПЛСР в растерянность, «настроение в отряде с каждым известием становилось все более подавленным»¹²⁶¹. «Для нас было ясно, — показал впоследствии Саблин, — что агрессивные действия против нас начаты. Это подтвердилось появлением вблизи отряда

---

¹²⁵⁸ Красная книга ВЧК, с. 301.

¹²⁵⁹ Спиридонова. Открытое письмо ЦК партии большевиков, с. 194.

¹²⁶⁰ Бонч-Бруевич. Убийство германского посла, с. 27. По свидетельству Бонч-Бруевича, Ленину обо всем было доложено именно в седьмом часу вечера (там же).

¹²⁶¹ Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 116.

Попова патрулей, остановкой автомобильного движения, кроме тех, кто имел специальный пропуск, подписанный Лениным, Троцким, Свердловым»¹²⁶².

Но именно арест левоэсеровской фракции съезда во главе со Спиридоновой переполнил чашу терпения Попова и оставшихся на свободе членов ЦК ПЛСР; дни решили что-нибудь предпринять. Прежде всего левые эсеры издали «Бюллетень № 1», где сообщили, что в три часа дня «летучим отрядом» ПЛСР «был убит посланник германского империализма граф Мирбах и два его ближайших помощника». В Бюллетене далее говорилось о задержании Дзержинского, об аресте большевиками фракции ПЛСР на съезде Советов и о взятии Спиридоновой заложницей¹²⁶³. В то же время в ВЧК прибыла группа матросов из отряда Попова во главе с Жаровым и увела с собой Лациса и еще нескольких большевиков (Лацис ошибочно «предполагал, что караул успел смениться» самокатчиками, а оказалось, что замены произведено не было). Правда, Лацис уговорил Жарова разрешить сходить за забытой шляпой и воспользовавшись этим, забежал в комнату президиума ВЧК сообщить по телефону о происходящем. Но помочь Лацису большевики не успели (чекисты Попова отвели арестованных в штаб в Трехсвятительском переулке). По дороге освобожденный левыми эсерами Емельянов допытывался у Лациса, кто и почему отдал приказ об его аресте. Лацис молчал. В штабе Попов задал Лацису тот же вопрос: «кто распорядился арестовать Емельянова». Лацис ответил, что арестовал его по распоряжению Совнаркома. Тогда Попов объявил Лациса задержанным по постановлению ЦК ПЛСР и начал упрекать в том, что большевики заступаются «за мерзавцев Мирбахов», а задерживают тех, кто помог избавиться «от этого мерзавца»¹²⁶⁴.

В три часа ночи задержали на автомобиле около Почтамта председателя Моссовета П. Г. Смидовича, показавшего днем позже, что встретили его «изумленно и вежливо» и не обыскали, но все-таки отвели «в качестве заложника в то же помещение, где находилось уже около 20 коммунистов вместе с Дзержинским и Лацисом»¹²⁶⁵. В отряде ВЧК Прошьян объяснил Смидовичу, что его «задерживают как заложника, ввиду того, что по распоряжению Совнаркома задержана Спиридонова и ряд других членов

---

¹²⁶² Красная книга ВЧК, с. 271-272.

¹²⁶³ Там же, с. 209-210.

¹²⁶⁴ Там же, с. 263.

¹²⁶⁵ Известия ВЦИК, 8 июля 1918.

партии» левых эсеров 1266 . К задержанным в целом относились с предупредительностью, а арестованных патрулями Попова 1267 членов фракции РКП(б) съезда (рассылаемых по районам для организации разгрома ПЛСР на местах) немедленно отпускали «после стереотипного вопроса о судьбе фракции левых и они не отдавали себе отчета в том, что они сделали. Ни системы, ни плана у них не было»1268. Отряд Попова, по существу, бездействовал. Это не осталось незамеченным для Вацетиса, который писал что «сведения о восставших были крайне скудны и сбивчивы», «левоэсеровские вожди пропустили момент для решительных действий» и положение большевиков было «весьма прочным». У левых эсеров, по мнению Вацетиса, сил «было мало, особенной боеспособностью таковые не отличались, энергичного и талантливого командира у них не оказалось; если бы таковой у них был, то он и левые эсеры не провели бы в бездействии 6 июля и всю ночь на 7 июля. Кремль для левых эсеров был неприступной твердыней»1269.

Левые эсеры, в действительности, не помышляли о наступательных акциях. Саблин показал, что в ответ на предложения «об активном поведении по отношению к Совнаркому, предпринимавшему явно враждебные» против ЦК ПЛСР и отряда Попова шаги, «ЦК отвечал заявлениями о необходимости придерживаться строго оборонительных действий, ни в коем случае не выходя из пределов обороны района, занятого отрядом»1270. Историки отметили эту пассивность1271. Б. А. Томан, например, пишет, что «главные силы мятежников находились всего в километре от Кремля и Большого театра, где проходил Пятый съезд Советов»1272 и где была арестована левоэсеровская фракция съезда в 353 человека. Но ни сразу же после убийства Мирбаха, ни позже «восставшие» не пытались атаковать не только Кремль, что можно было бы объяснить военными соображениями, но и Большой театр (для освобождения арестованных). Все это приводит С. Далинского к выводу, который напрашивается сам собою: действия левых эсеров после убийства Мирбаха

1266 Красная книга ВЧК, с. 265.

1267 Там же, с. 272.

1268 Там же, с. 266.

1269 Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 27-28.

1270 Красная книга ВЧК, с. 272.

1271 Chamberlin. The Russian Revolution, v 2, p. 56.

1272 Томан. За свободную Россию, с. 179.

«нельзя рассматривать иначе, как самозащиту от большевиков»¹²⁷³. А левый эсер Штейнберг считал, что «если бы левые эсеры в самом деле готовили восстание против большевистской партии, они действовали бы совсем иначе»¹²⁷⁴. Большевики же, используя в качестве формального повода для репрессий убийство Мирбаха и неосторожные шаги Попова, громили партию левых эсеров¹²⁷⁵.

Считается, что левые эсеры «захватили» телеграф, почтамт и телефонную станцию (телеграф и почтамт находились в одном здании на Мясницкой улице). На самом деле «захвата» телеграфа не было. Там стоял караул из числа солдат Покровских казарм. Прошьян отправился в Покровские казармы, уговорил пятерых солдат пойти с ним на телеграф, чтобы объяснить караулу «смысл происходящих событий». Еще 10 человек из отряда Попова Прошьян захватил с собой для охраны по пути. Караул пропустил на телеграф Прошьяна и пришедших с ним людей, и тот, разослав по стране телеграммы левых эсеров об убийстве Мирбаха, вернулся в штаб Попова¹²⁷⁶. Находившийся в этот момент на телеграфе большевик нарком Подбельский тут же, прямо с телеграфа, позвонил Троцкому и сообщил о происходящем, после чего покинул здание, посчитав караул ненадежным. Троцкий послал к телеграфу две роты 9-го латышского полка, но стрелки были без боя разоружены и отпущены обратно в Кремль, где полк дислоцировался. Телеграф же продолжал свою обычную работу: телеграммы Ленина и Троцкого о «мятеже левых эсеров» беспрепятственно передавались. Но происшедшее дало Троцкому повод впоследствии утверждать, что Покровские казармы «присоединились к мятежу левых эсеров». Это обвинение по сей день кочует из одной книжки в другую.

Не более агрессивно действовали левые эсеры на телефонной станции. Не трудно заметить, что 6 и 7 июля все средства связи, в том числе и телефон, работали у большевиков исправно. Свердлова потому написала,

---

¹²⁷³ С. Далинский — в сб. Память, 2, с. 79.

¹²⁷⁴ Socialist Russia.

¹²⁷⁵ Свердлов от имени ЦИК вечером 6 июля приказал Моссовету созвать пленарное заседание и образовать Чрезвычайную пятерку «для организации борьбы с мятежом левых эсеров» (МЧК, с. 59).

В ночь на 7 июля Чрезвычайная пятерка приказала районным Советам «немедленно созвать всех вооруженных членов коммунистической партии и других честных сторонников советской власти и организовать из них вооруженные отряды. На всей территории районов расставить патрули и обезоружить всех подозрительных и сомнительных лиц. На территории района произвести аресты комитетов левых эсеров и отдельных руководителей этой партии, а также, в зависимости от обстоятельств, арестовать» руководство сочувствующих левым эсерам партий. «Принять все меры к организации утром массовых митингов для мобилизации рабочих сил и разъяснения населению смысла происходящих событий. Об исполнении всего этого немедленно доводить до сведения президиума Московского совета» (Упрочение советской власти, с. 135).

¹²⁷⁶ Красная книга ВЧК, с. 272.

что «взять телефонную станцию мятежникам не удалось»¹²⁷⁷. Между тем левым эсерам и не нужно было захватывать телефонную станцию. По случайному стечению обстоятельств станцию в тот день охранял левоэсеровский отряд¹²⁷⁸. Большевики то ли не знали об этом, то ли забыли. Только после звонка Подбельского Ленин распорядился о замене караула на телефонной станции. Подбельский отправил туда очередной отряд латышей 9-го полка и члена коллегии наркомата почт и телеграфов А. М. Николаева. Новая охрана сменила старую без каких-либо недоразумений и, согласно имеющемуся у Николаева списку, отключила все телефоны, кроме телефонов большевистских организаций, учреждений и лиц¹²⁷⁹.

Если бы левые эсеры действительно подняли восстание против большевиков, отключение телефонов Кремля и наркоматов было бы первым актом «восставших». (С опытом октября 1917 года трудно было бы поступить иначе.) Тогда, потеряв связь друг с другом и с внешним миром, большевики действительно оказались бы в тяжелом положении и не смогли бы быстро мобилизовать силы. Левоэсеровская охрана при ВЧК также бездействовала¹²⁸⁰. Караул этот состоял «из левых эсеров и финнов из отряда Попова, которые ничего не понимали по-русски и шли всецело за своими командирами»¹²⁸¹. Без труда, казалось бы, этой силой могли воспользоваться «восставшие». Но караул оставался на своих местах, ничего не предпринимая (и не подозревая, что имеется распоряжение о замене его самокатчиками). Именно поэтому Лацис был арестован не левоэсеровским караулом, а специально явившимися в ВЧК для ареста Лациса членами отряда Попова.

Чтобы выманить поповцев из ВЧК, Петере позвонил чекисту-большевику Левитану и «предложил ему нагрузить два грузовика красноармейцами из караула Попова» и отправить их в Сокольнический парк искать зарытое, дескать, контрреволюционерами оружие. Поповцы подчинились приказу комиссара-большевика, поехали в Сокольники, ничего, разумеется, не нашли, а когда вернулись, то обнаружили разоруженными и арестованными оставшихся в ВЧК 20-30 своих

---

¹²⁷⁷ Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 360.

¹²⁷⁸ Спирин. Крах одной авантюры, с. 48.

¹²⁷⁹ Ленин распорядился еще и о том, чтобы А. М. Николаев срочно связался с Ходынской радиостанцией и передал от имени Совнаркома циркулярное распоряжение по всем радиостанциям, что центральный телеграф захватили бандиты и что поэтому необходимо «считать все телефонные распоряжения с такого-то часа провокационными» (Николаев. Ленин и радио, с. 33).

¹²⁸⁰ Красная книга ВЧК, с. 272-273.

¹²⁸¹ Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 107, 108.

товарищей-финнов (и были арестованы сами) 1282 . Эту «хитрость» с Сокольниками придумал Свердлов.

Большевистские руководители лучше других должны были сознавать, что левые эсеры рассматривают происходящее как обычную межпартийную склоку. Дело не ограничилось «забытой» шляпой Лациса; недоумением Закса, позвонившего Троцкому и растерянным голосом пожаловавшегося на полное непонимание происходящего; звонком Подбельского Троцкому на глазах у «восставших» левых эсеров; визитом члена ЦК ПЛСР Магеровского к арестованным в штабе Попова большевикам для объяснения им всего происходящего как «недоразумения»¹²⁸³; и тем, что фракция левых эсеров во главе со Спиридоновой, дореволюционные террористы, многие из которых, как и большевики, на съезд пришли вооруженными, митинговали, запертые, в Большом театре и даже не пытались вырваться наружу и присоединиться к якобы ими же поднятому мятежу. Даже 6-7 июля у левых эсеров был лишь один главный враг: контрреволюция. Это ясно видно хотя бы из распространяемых левыми эсерами листовок и сообщений¹²⁸⁴.

Лацис смотрел на происходящее как на инцидент, который скоро будет урегулирован. Когда его, только что арестованного, повели по коридору здания ВЧК, он «наткнулся на бледного как смерть Карелина и смеющегося Черепанова». Лацис «обратился к ним с просьбой принять все меры для того, чтобы контрреволюционеры не воспользовались» возникшим «инцидентом и не подняли бы восстание против советской власти». Левые эсеры ответили, что «все уже предпринято, а Александрович обещал отправиться в Комиссию, чтобы направить ее работу»¹²⁸⁵. Восстания против советской власти Лацис еще только боялся — со стороны «контрреволюционеров».

Расходящиеся сведения о численности «восставших» также свидетельствуют о шаткости концепции «мятежа левых эсеров». Самую большую цифру «мятежников» называет Вацетис: «2000 штыков, 8 орудий, 64 пулемета, 4-6 бронемашин. Где эти войска и что они делают, — добавляет Вацетис, — известно не было»¹²⁸⁶. Получалось, что у левых эсеров было 2000 человек, которые ничем не проявили своего участия в

---

¹²⁸² Там же.

¹²⁸³ Красная книга ВЧК, с. 261, 263.

¹²⁸⁴ Там же, с. 209.

¹²⁸⁵ Там же, с. 263.

¹²⁸⁶ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 19.

ими же поднятом «восстании». На самом деле, Вацетис завысил число «восставших», чтобы еще значительней выглядела одержанная им в те дни над левыми эсерами победа.

Указанные Вацетисом две тысячи человек часто ошибочно принимаются авторами за число «восставших», а иногда за численность отряда Попова¹²⁸⁷. Цифра в 1700-1800 человек, данная в «Красной книге ВЧК»¹²⁸⁸, видимо, также завышена, так как включает не только действительных участников «восстания», но и потенциальных, т. е. тех, на кого могли бы опереться левые эсеры (но кто в событиях 6-7 июля участия не принимал)¹²⁸⁹.

Обычно историки называют несколько меньшую цифру — 1300¹²⁹⁰. Но и это число следует считать завышенным, так как скорее всего оно включает в себя войска, находившиеся в Покровских казармах, и некоторые другие, в событиях участия не принимавшие. Академик Минц называет четвертую цифру: 800 человек¹²⁹¹, но это не что иное, как максимальная, «штатная» численность отряда Попова. Ближе к истине стоит сообщение, что у «мятежников» было не более 600 человек и две батареи¹²⁹². Однако реальное число было, вероятно, еще меньше. Так, Луначарский 6 июля в разговоре по прямому проводу со Смольным сказал, что «левые эсеры захватили Дзержинского и забаррикадировались в числе 400 вооруженных на Покровском бульваре. Имеют два броневика». При этом он высказал уверенность, что большевики подавят «в Москве это нелепое восстание к утру»¹²⁹³. Саблин показал, что в отряде Попова было около 600 человек, «из которых активное участие принимало не более 200—300 человек, остальные же были заняты на постах в городе, или отдыхали после дежурства, или просто шатались, ничего не делая»¹²⁹⁴.

---

¹²⁸⁷ Хацкевич. Солдат великих боев, с. 249.

¹²⁸⁸ Красная книга ВЧК, с. 274.

¹²⁸⁹ На это, давая показания следственной комиссии, обратил внимание левый эсер Саблин: «Ваше указание на то, что в распоряжении левых с.-р. было 1700-1800 человек, ошибочно, ибо, как я уже указывал, ни один человек из формируемого «отряда особого назначения» участия в событиях 6-7 июня не принимал [...]. Что касается присоединившихся частей, то ничем, кроме заявлений, они своего присоединения не выявили. Лишь из отряда Винглинского перешло к Попову около 50 человек» (там же, с. 274).

¹²⁹⁰ Спирин. Крах одной авантюры, с. 61.

¹²⁹¹ Минц. Год 1918-й, с. 409.

¹²⁹² Красная книга ВЧК, с. 282.

¹²⁹³ Хацкевич. Солдат великих боев, с. 251.

¹²⁹⁴ Красная книга ВЧК, с. 274.

Но, даже если считать число восставших равным 1300, «мятеж» вряд ли представлял для большевиков серьезную опасность. По мнению Вацетиса, самым важным было удержать Кремль, что не представляло труда, так как в Кремле «был расположен в качестве гарнизона 9-й латышский полк (около 1500 бойцов). Этим сил было вполне достаточно, чтобы считать Кремль обеспеченным от захвата штурмом»¹²⁹⁵. Однако преданные большевикам силы отнюдь не ограничивались полутора тысячами. В Москве находились в те дни свыше 4 тыс. стрелков латышской дивизии, 800 из которых были коммунистами¹²⁹⁶. На эти латышские части и планировали опереться большевики. В связи с этим Ленин вызвал к себе видных латышских большевиков — К. Х. Данишевского, комиссара латышской стрелковой дивизии К. А. Петерсона и наркома юстиции Стучку¹²⁹⁷. Данишевский предложил Ленину «хоть на несколько минут» принять «командный состав латышского полка, расположенного в Кремле». Ленин, «после секундного колебания», согласился¹²⁹⁸: перед военными он делал вид, что относится к «мятежу» серьезно.

Бонч-Бруевич объяснял такое поведение Ленина уважением к военной науке. Но очевидно, что Ленин в этом вопросе предпочитал перестраховаться и поэтому передал Подвойскому приказ «атаковать взбунтовавшийся полк войск ВЧК Попова, добившись или сдачи его, или полного уничтожения с применением беспощадного пулеметного и артиллерийского огня». В ответ Подвойский разработал план сосредоточения войск за Москвой-рекой и начала наступления от храма Христа-Спасителя. Бонч-Бруевичу это казалось слишком: «враг вовсе не настолько был силен» и вместо всего этого «достаточно было бы взять одну батарею, хороший отряд стрелков, вроде кремлевского, с приданными им пулеметами и сразу перейти в наступление, окружив этот небольшой район, где засели левые эсеры, не проявляющие пока никакой деятельности, кроме

---

¹²⁹⁵ Вацетис Июльское восстание в Москве, с. 19.

¹²⁹⁶ Подробный перечень частей латышской дивизии, находившихся в Москве в момент убийства Мирбаха, приводит в своей книге Томан (За свободную Россию, с. 179): гарнизон Кремля, 9-й полк — 671 штык, 26 пулеметов, 925 стрелков; 1-й полк, расположенный в районе Царицынских улиц и Девичьего поля — 154 штыка, 33 сабли, 48 пулеметов, 631 стрелок; 2-й полк, на Ходынке — 173 штыка, 6 пулеметов, 586 стрелков; 3-й полк, в Замоскворечье — 68 штыков, 46 сабель, 617 стрелков; 1 -и легкий артиллерийский дивизион — 4 орудия, 112 солдат; батарея восьмидюймовых английских гаубиц — 5 орудий, два пулемета, 48 солдат; батальон связи — 2 пулемета, 216 стрелков; отдел снабжения — 263 стрелка; штаб дивизии — 23 стрелка; штаб 1-й бригады — 4 пулемета, 41 стрелок; под Москвой, в Павловской слободе — кавалерийский полк — 150 сабель, 2 пулемета, 358 стрелков и в Люберцах — авиагруппа — 1 самолет и 85 стрелков.

(«Стрелками» Томан, видимо, называет собственно латышские стрелковые подразделения, а «штыками» — прочих солдат.)

¹²⁹⁷ О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии, с. 14.

¹²⁹⁸ Данишевский, Каменев. Воспоминания о Ленине, с. 13-14.

выставления небольших застав в своем районе (около Покровских казарм) и рассылки по ближайшим окрестностям патрулей». Ленин тоже понимал, что угроза не столь велика и, услышав о плане Подвойского, «добродушно улыбаясь», заметил: «Да, серьезную штуку затеяли наши главковерхи. [...] А нельзя ли как-нибудь попроще? Настоящую войну разыгрывают!» Медлившие с наступлением советские войска Ленин, «шутя сердясь», назвал «копунами» и добавил: «Хорошо, что у нас еще враг-то смирный, взбунтовался и почил на лаврах, заснул, а то беда бы с такими войсками»¹²⁹⁹.

Практическое руководство по разгрому отряда Попова было поручено Вацетису. Впрочем, не сразу. Большевики подозревали его в «бонапартизме» и поначалу соглашались доверить ему только составление плана атаки, а не командование войсками. Но Вацетису, по-видимому, не хотелось упускать шанс «спасти революцию», и он настоятельно попросил Подвойского и Муралова доверить командование ему. За успех операции он готов был поручиться головой¹³⁰⁰. После долгих переговоров и колебаний большевики передали командование Вацетису¹³⁰¹. Самая большая опасность для большевиков заключалась в том, что настроенные антисоветски части Московского гарнизона, несмотря на удаленность от центра города, могли воспользоваться ситуацией и поднять действительное восстание против советской власти. Опасались этого не только большевики, но и командиры латышской дивизии, понимавшие, что в случае такого антисоветского восстания в первую очередь будут перебиты латышские стрелки, поскольку именно они все это время были опорой советской власти в столице. Так, Вацетис вспоминает, что к нему «подошел начальник штаба дивизии, бывший полковник генштаба¹³⁰², и заявил, что он сдает занимаемую должность». «Вы революционеры, — сказал он. — Вы знаете,

---

¹²⁹⁹ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 310,312. Подвойский с Мураловым этого вмешательства Ленину не простили. В конце своего обширного доклада о событиях 6-7 июля, представленного вскоре после разгрома ПЛСР, они указали, что «вполне объяснимая для нас нервность из Кремля, покоящаяся на желании самым быстрым путем подавить восстание, нервировала и нас и иногда выбивала нас из планомерной работы» (Красная книга ВЧК, с. 248).

¹³⁰⁰ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 18, 20.

¹³⁰¹ Переговоры о передаче Вацетису командования стрелками Подвойский и Муралов вели с Кремлем по телефону около получаса, удалившись в другую комнату. Наконец, они вернулись и сообщили Вацетису, что Ленин одобрил его просьбу, но с тем условием, что при Вацетисе будут постоянно находиться четыре комиссара: Подвойский, Муралов, Данишевский и Петерсон. Но и после этого к Вацетису относились с настороженностью. Троцкий в ту ночь, по словам Вацетиса, четырежды справлялся, не изменил ли Вацетис большевикам. Возможно, именно на недоверие к Вацетису намекал и Данишевский, когда писал в своих воспоминаниях, что «шли [...] недобрые слухи об отдельных командирах латышских стрелков» (Данишевский, Каменев. Воспоминания о Ленине, с. 13-14).

¹³⁰² Александр Васильевич Косматое (1879-1938), бывший полковник царской армии. С весны 1918 года — начальник штаба латышской стрелковой дивизии. В 20-е и 30-е годы — военком и начальник штаба ряда военных округов. В 1935 г. погиб в заключении (С. Далинский — в сб. Память, № 2, с. 78, сн. 23).

за что вы погибаете. А я за что погибну? [...] Весь гарнизон против большевиков, и что же вы думаете — кучкой ваших латышей победить?»¹³⁰³.

Но сами большевики считали, что хотя на содействие примерно 20 тысяч войск «Народной армии» Московского гарнизона, дислоцировавшихся в так называемом Ходынском лагере, рассчитывать не приходится, важно не сделать в отношении этих аполитичных войск неправильного шага, не спровоцировать их на выступление против советской власти. Между тем Вацетис, ущемленный недоверием большевиков, рвался доказать свою преданность и предложил Данишевскому и Петерсу не только разгромить левых эсеров, но и атаковать Ходынский лагерь, «пока он не занял позицию на боевом фронте» противников большевиков ¹³⁰⁴. О предложении Вацетиса доложили Ленину, но он план отверг: атака со стороны латышей вынудила бы войска выступить против большевиков. К тому же Ленин знал, что восстания, собственно, не происходит. Чтобы унять пыл командира латышской дивизии, Ленин вызвал его к себе. В полночь Вацетис в сопровождении Данишевского прибыл в Кремль. Войдя в зал, где ожидал его Вацетис, Ленин подошел к нему быстрыми шагами и спросил вполголоса: «Товарищ, выдержим до утра?» Вацетис пишет: «Я в этот день привык к неожиданностям, но вопрос Ленина озадачил меня остротой своей формы [...]. Почему было важным выдержать до утра? Неужели мы не выдержим до конца? Было ли наше положение столь опасным, может быть, состоявшие при мне комиссары скрывали истинное положение наше?»¹³⁰⁵

Этот эпизод обычно истолковывается как доказательство серьезности ситуации. Но очевидно, что Ленин пугал Вацетиса, чтобы направить его энергию исключительно на разгром ПЛСР. Вацетис сконфузился, испугался. О разгроме Ходынского лагеря он теперь не думал: «Я был убежден в нашей победе, — продолжает Вацетис. — Но я сознаюсь, что вопрос, поставленный В. И. Лениным, озадачил меня [...] Хотя наши войска не собраны еще полностью [...] в наших руках Кремль, неприступный для заговорщиков [...]. Относительно нашего положения я сказал, что оно вполне прочное, и просил Ленина разрешить мне приехать с более подробным докладом через два часа, т. е. в 2 часа утра 7 июля. Ленин согласился»¹³⁰⁶.

---

¹³⁰³ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 22.

¹³⁰⁴ Там же, с. 18.

¹³⁰⁵ Там же, с. 27.

¹³⁰⁶ Вацетис. У Ленина в июльские дни 1918 года — в сб. Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с.

То, что Ленин пугал Вацетиса, подтверждает Стучка. Он пишет, что после ухода командиров «Ленин, сохраняя обычную веселость, вступил в беседу с собравшимися частным образом членами» Совнаркома, «уверенный в том, что власть в Москве стоит прочно, как всегда»¹³⁰⁷. К двум часам ночи все необходимые приготовления были сделаны¹³⁰⁸. В распоряжении большевиков находилось примерно 3250 военнослужащих¹³⁰⁹. Вацетис теперь уже был абсолютно уверен в победе¹³¹⁰ и с этим прибыл к Ленину, как и было условлено, в два часа ночи¹³¹¹.

Ночь в Москве прошла спокойно. Активных действий «мятежники» не предпринимали¹³¹². Редкие перестрелки в городе были привычным явлением. В пять часов утра, как и планировалось, началось наступление латышей¹³¹³. Трудно судить о том, происходили ли военные столкновения между поповцами и латышами на подступах к Трехсвятительско-му переулку. Историк Томан считает, что происходили¹³¹⁴. Между тем в ночь с 6 на 7 июля был проливной дождь с грозой¹³¹⁵. Утром 7 июля был густой

194-195. Также опубл. в газ. «Неделя», 1962, № 7. Тексты этих отрывков существенно отличаются от текста, опубл. в сб. «Память», 2, хотя и не противоречат ему.

¹³⁰⁷ Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 114.

¹³⁰⁸ Для разгрома левых эсеров использовались 1, 2, 3 и 9-й латышские полки, 1-я батарея 1-го латышского легкого артиллерийского дивизиона. Образцовый полк, 1-я батарея и рота инструкторских курсов, две батареи 1-й резервной бригады, 4 броневика и 70 красноармейцев-интернационалистов из отряда Белы Куна.

¹³⁰⁹ 1-й латышский стрелковый и Образцовый полки сосредоточились у храма Христа Спасителя (на месте теперешнего бассейна «Москва»); 2-й латышский стрелковый полк и рота курсантов — на Страстной площади (ныне площадь Пушкина); 3-й латышский стрелковый полк — на Таганке. На Арбатской площади сосредоточили полк коменданта Москвы Я. Я. Пече, а основные силы 9-го латышского стрелкового полка остались охранять Кремль. В резерве, кроме того, большевики имели инженерный батальон и батальон связи латышской дивизии, тяжелый арtdивизион и некоторые надежные части Красной армии.

¹³¹⁰ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 28.

¹³¹¹ Неделя, 1962, № 7;

Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 195-196;

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 28;

Оленине. Воспоминания революционеров Латвии, с. 146.

¹³¹² Томан. За свободную Россию, с. 182.

¹³¹³ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 29.

¹³¹⁴ Томан. За свободную Россию, с. 183. Томан пишет: «На Чистопрудном бульваре левые эсеры построили баррикады, вырыли окопы [под проливным дождем? — Ю. Ф.], засели в домах и оказали упорное сопротивление [...]. Боевые действия пришлось вести в узких и кривых переулках под сильным ружейно-пулеметным огнем. Мятежники находились в окопах, за баррикадами, на крышах и балконах, против наступающих действовала бронемашин» (там же).

¹³¹⁵ Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 168. «С улицы донесся гром, — вспоминает очевидец. — Началась гроза и пошел сильный дождь, превратившийся в ливень» (Б. 6 июля — в Большом театре, с. 12).

туман, «покрывший город серой непроницаемой завесой. Видеть вперед можно было шагов на 15—20, а отличить своих от противников было совершенно невозможно, так как и те и другие были в сером»¹³¹⁶. Какое-то сопротивление отряд Попова, возможно, оказал¹³¹⁷. Но доказательством упорного сопротивления левых эсеров были бы, конечно, жертвы, понесенные «мятежниками» или латышами. Между тем в сделанном вечером 7 июля докладе о подавлении «мятежа» Подвойский и Муралов указывали, что раненых и убитых у большевиков — «единичные случаи»¹³¹⁸. Немногочисленны были жертвы у Попова: к 10 часам утра 7 июля его отряд потерял 2-3 человека убитыми и 20 ранеными¹³¹⁹.

О слабом сопротивлении «восставших» говорило и то, что они пробовали вступить с большевиками в переговоры: вскоре после начала наступления большевистских частей Попов попробовал уладить конфликт мирным путем. Четверо парламентаров из отряда Попова пришли в дивизию, указали, что отряд стоит «за советскую власть во главе с Лениным» и ему «совершенно неясны и непонятны причины восстания». Латыши запросили Вацетиса, но тот приказал парламентаров прогнать¹³²⁰. О происшедшем доложили Троцкому, и Склянский начал переговоры с левыми эсерами. Их вел вышедший из особняка Морозова Саблин. Большевики предъявили левым эсерам ультиматум, срок которого истек в 11.30. Обсуждавший в особняке Морозова условия ультиматума левоэсеровский актив отказался сдаться и попробовал улизнуть из осажденного здания. Именно в этот момент, видимо по истечении срока ультиматума, Склянский приказал командиру батареи латышских стрелков Э. П. Берзину начать обстрел прямой наводкой с двухсотметрового расстояния. За несколько минут по обоим домам, в которых засели левые эсеры, было выпущено «16 снарядов с замедлителями, которые

---

¹³¹⁶ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 32.

¹³¹⁷ И даже, «видя безнадежность своего положения» (Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 108), произвели три, кажется, выстрела по Кремлю из пушки, не причинив, впрочем, никакого существенного ущерба (Спреслис. Латышские стрелки, с. 134).

¹³¹⁸ Красная книга ВЧК, с. 247. Косвенно отсутствие столкновений, а значит, и жертв, подтверждает и советская историография, в том числе Томан, который указывает в другой своей книжке, что «мятежники в центре города не могли получить подкреплений и были изолированы. Теперь предстояло ликвидировать центр мятежа в Трехсвятительском переулке». (Революционные латышские стрелки, с. 104. Глава написана Томаном.) Из этой цитаты следует, что восставшие были сосредоточены только в Трехсвятительском переулке и нигде больше. Об этом же впоследствии вспоминал и член ЦК ПЛСР Трутовский: никаких вариантов военных действий не существовало, отряд Попова так и не сдвинулся с места до самого разгрома, оборона занятых позиций свелась к отсиживанию в двух зданиях Трехсвятительского переулка, а сам Попов «с первых же выстрелов [...] заговорил об отступлении». (Спирин. Крах одной авантюры, с. 61.)

¹³¹⁹ Красная книга ВЧК, с. 237.

¹³²⁰ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 38.

великолепно пробивали стены и разрывались внутри». Всего было выпущено 55—60 снарядов. После артобстрела сопротивления со стороны отряда Попова уже не было¹³²¹. Из заложников-большевиков во время обстрела никто не пострадал¹³²². Через 15-20 минут после начала атаки Дзержинский уже находился среди артиллеристов латышского дивизиона. Жертв было мало. У латышей — один убит и трое ранены. В отряде Попова в результате артобстрела погибли 14 человек и ранены были 40¹³²³.

7 июля, независимо от участия в «восстании», левых эсеров арестовывали во всем городе на основании приказа специально созданной для разгрома ПЛСР Чрезвычайной пятерки, в которую, видимо, входили Ленин, Троцкий, Свердлов, Подвойский и Муралов. В войска рассылались политические комиссары из числа большевиков, образовывались революционные комитеты. В полдень 7 июля все было кончено: отряд Попова был разбит и бежал к Курскому вокзалу. Вацетис был награжден денежной премией: «Вы разгромили одну из самых больших политических комбинаций и не знаете, кого вы громили», — сказал Троцкий загадочно, вручая Вацетису пакет с деньгами¹³²⁴.

Примерно в час дня 7 июля Ленин отдал первые распоряжения об арестах разбежавшихся левых эсеров. Ленин требовал «обратить особое внимание на район Курского вокзала, а затем на все прочие вокзалы», «организовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить ни одного из бегущих. Арестованных не выпускать без тройной проверки и полного удостоверения непричастности к мятежу»¹³²⁵. Все «лучшие силы» были

---

¹³²¹ Спирин. Крах одной авантюры, с. 66. Удивительнее всего, что и во время обстрела левые эсеры пытались вести переговоры. Два человека из отряда Попова явились к Петерсону, заявили, что они коммунисты, что «большинство отряда против этой авантюры», и просили большевиков, чтобы те «отправили своего делегата разъяснить им, из-за чего происходит обстрел». Большевики в ответ одного делегата арестовали, а второго отправили назад, чтобы тот передал требование о сдаче (Красная книга ВЧК, с. 238).

¹³²² Несколькими часами позже Дзержинский выступал на «импровизированном заседании Совнаркома»: «Вдруг раздался страшный грохот и треск. Дом зашатался. На нас посыпалась штукатурка с потолка и карнизов, разбились стекла, дверь отворилась и повисла. Мы вскочили. По нашему дому трахнул артиллерийский снаряд. Суматоха началась отчаянная. Все повскакали и кричали, ничего не соображая. Кто хватался за ружье, кто бросал его; все метались, били рамы, выпрыгивали из окон. Я вышел в соседнюю комнату и подумал: «Надо сейчас уходить». Мы вышли в комнату, где не было полстены; через эту пробоину мы выскочили на улицу, замешались в толпе и быстро скрылись, вскоре достигнув расположения наших войск» (Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 317, 318).

¹³²³ Томан. За свободную Россию, с. 183-184.

¹³²⁴ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 38. Ленин, видимо, тяготился услугой, оказанной большевикам Вацетисом. Кто знает, быть может, именно поэтому 31 августа 1918 г. он предложил Троцкому Вацетиса расстрелять (Trotsky's Papers, v. 1, p. 116.)

Но Вацетиса спасло покушение на Ленина, происшедшее в тот же день; и вопрос о расстреле отпал. Только в 1937 году Сталин привел в исполнение ленинский приговор — Вацетиса расстреляли.

¹³²⁵ Ленин, ПСС, т. 50, с. 114-115. Как писал Стучка, «слишком быстрое бегство дало части эсеров возможность спастись через еще не отрезанный выход» (Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 114). См. также Борьба классов, 1932, № 2-3, с. 24.

направлены на обыски тех квартир, где могли скрываться левые эсеры¹³²⁶. К двум часам дня все очаги сопротивления отступавших были подавлены. Победители-латыши собрались около помещения ВЧК. Туда же приехал Ленин. А еще через час стало известно, что планы Ленина по преследованию разбегавшихся «мятежников» провалились, так как «войска нашли в складах ВЧК большие запасы продовольствия, которые разобрали и отправились по домам»¹³²⁷.

В 4 часа дня Совнарком объявил населению, что «восстание левых эсеров в Москве ликвидировано», а «левоэсеровские отряды» обратились в бегство. «Отдано распоряжение об аресте и разоружении всех левоэсеровских отрядов, и прежде всего об аресте всех членов» ЦК ПЛСР¹³²⁸. Общее число арестованных достигло в Москве 444 человек¹³²⁹. Когда вечером 7 июля Мальков доложил Ленину о результатах операции по преследованию левых эсеров, Ленин выслушал доклад внимательно, но спокойно, без особого интереса. «Было очевидно, что для него левоэсеровский мятеж уже прошлое»¹³³⁰.

июля приказом члена президиума Моссовета Фельдмана всех левых эсеров, занимавших ответственные посты, сместили и заменили большевиками¹³³¹. В тот же день СНК образовал особую следственную комиссию в составе Стучки, члена ВЦИК и члена следственного отдела Ревтрибунала при ВЦИК В. Э. Кингисеппа и председателя Казанского совета и делегата Пятого съезда Я. С. Шейнкмана¹³³². Следователем комиссии назначалась Е. Ф. Розмирович¹³³³. В комиссию поступали все

---

¹³²⁶ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 316.

¹³²⁷ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 36.

¹³²⁸ Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 128. Сводными отрядами советских войск и рабочих дружин, участвовавших в преследовании разбегавшегося отряда Попова, руководил уполномоченный наркомата по военным делам Сучков. Однако многочисленные телеграммы Ленина с требованием задержать разбегавшихся половцев (Ленинский сборник, XXXIV, с. 30; Ленин. ПСС, т. 50, с. 115) повисли в воздухе. Лишь вечером 7 июля броневик бежавших нашли взорванным на 12-й версте Владимирского шоссе (Ленин и ВЧК, с. 88), а самих «восставших» окружили в 20 километрах от Москвы у Горенок, в имении Третьякова (в 19-ти верстах от города) и в имении Севрюгино, в 30 верстах от Москвы.

¹³²⁹ Согласно сообщению Московского окружного военного комиссариата от 11 июля 1918 г.

¹³³⁰ Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 211.

¹³³¹ Упрочение советской власти, с. 142.

¹³³² ДСВ т. 2, с. 536-537.

¹³³³ Для упрощения поимки левых эсеров, живших в Москве, президиум Моссовета вынес постановление, согласно которому хозяева квартир, где жили левые эсеры, подлежали немедленному аресту и суду Ревтрибунала «наравне с участниками мятежа, в случае, если они [...] повинны в укрывательстве. «Если же эсеры находились в домах без ведома домовых комитетов и домовладельцев, последние карались «за преступную небрежность тюремным заключением не

документы и материалы, относившиеся к событиям 6—7 июля, а также сведения об арестах.

Освобождение арестованных производилось только с ведома комиссии¹³³⁴. Отдельная комиссия была создана приказом Троцкого для «расследования поведения частей московского гарнизона»¹³³⁵.

В пригородах Москвы и городах Московской губернии Ленин приказал задерживать «всех подозрительных, устанавливая в каждом отдельном случае принадлежность или непринадлежность к мятежникам», а обо всех арестованных сообщать в ВЧК¹³³⁶; в ночь на 7 июля Ленин дал указание «о проведении мероприятий по предотвращению выступлений в войсках в поддержку мятежа»¹³³⁷; а утром о «восстании» было сообщено в районные комитеты РКП(б) в Петрограде. За пределами большевистских организаций Петрограда о событиях в Москве знали немногие, «наружное спокойствие» бывшей столицы в этот день не нарушалось, «все было спокойно», встречавшиеся на улице члены ПЛСР «преспокойно гуляли с женами и детьми, по-видимому, ничего не зная о случившемся»¹³³⁸. Большевики же, со своей стороны, за наиболее видными левыми эсерами и за помещениями районных комитетов ПЛСР установили наблюдение. После полудня, когда в Москве все было кончено, председатель петроградской ЧК Урицкий дал указание занять помещения левых эсеров, «дабы тем самым предотвратить

ниже трех месяцев и денежным штрафом не ниже 10.000 рублей». Сведения о живших в Москве левых эсерах сообщались в Моссовет. (Правда, 9 июля 1918, № 140.)

¹³³⁴ Упрочение советской власти, с. 142.

¹³³⁵ Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 37.

¹³³⁶ Красный архив, 1940, № 101, с. 115. С помощью специально созданных отрядов аресты левых эсеров производились везде, где это только было возможно, причем, как правило, левые эсеры не оказывали никакого сопротивления. Так, 8 телеграмме председателя петроградской ЧК от 9 июля сообщалось, что «разоружение левых эсеров происходит без сопротивления». Впрочем, левые эсеры, собравшиеся в здании Пажеского корпуса, сначала отказались сдать, но после того, как их обстреляли, — выбросили белый флаг (Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 212). В Витебске комитет левых эсеров, в целом одобрявший действия ЦК своей партии, был арестован без какого-либо сопротивления. 14 июля аресты и конфискации оружия были произведены во Владимире. А* в Жиздре (Калужской губернии) по прибытии отряда латышских стрелков левоэсеровский отряд беспрекословно сдал оружие и был распущен (см. там же). Аресты также производились в Туле, Воронеже, Вязме и многих других городах.

¹³³⁷ Ленин и ВЧК, с. 84. Так, в телеграмме, посланной в час ночи 7 июля в Царицын Сталину, Ленин писал: «Левые эсеры [...] начали восстание против нас. Мы ликвидируем [его] сегодня же ночью беспощадно [...]. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов [...]. Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще» (Ворошилов. Сталин и Красная армия, с. 39; Правда, 21 января 1936; Ленин. Военная переписка, с. 27). Через два часа Сталин ответил: «Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески» (Сталин. Сочинения, т. 4, с. 118; Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 202). Как пишет Авторханов, «у Сталина не только не дрогнула рука, но, пользуясь полномочиями Ленина, он развернул такую вакханалию террора в Царицыне, что похоронная команда чекистов не успевала закапывать жертвы расстрельной команды» (Авторханов. Происхождение партократии, т. 1, с. 508).

¹³³⁸ АИГН, 137/8, с. 6-7.

возможность с их стороны какого бы то ни было выступления». ¹³³⁹ Это не планировавшееся петроградскими левыми эсерами «выступление» было успешно предотвращено: комендант Петрограда Владимир Шатов подкатил орудия к зданию Пажеского корпуса, где размещался штаб левых эсеров, начал обстрел здания, а затем взял его «штурмом». Штейнберг, Лапиер и другие левые эсеры, находившиеся в здании, частью бежали, частью сдались. Сдались они без боя и на почетных условиях допускавших в ряде случаев оставление личного оружия. ¹³⁴⁰

В те часы, когда писались и исполнялись большевистские карательные приказы, «изолированная» фракция ПЛСР на съезде Советов послушно сидела под арестом в Большом театре во главе со своим лидером Марией Спиридоновой. ¹³⁴¹ В театре был полумрак. Освещена была только сцена. На ней появлялись люди, стояли группами, потом расходились. Прохаживалась возбужденная Спиридонова. В вестибюле силой разогнали делегатов и гостей съезда (не большевиков), надоедавших охране просьбами об освобождении. Закрыли двери из вестибюля в фойе. Левые эсеры устроили совещание фракции. Выступавшая с речью Спиридонова заявила, что Мирбаха убили по постановлению ЦК ПЛСР и что необходимо принять декларацию по поводу убийства для оглашения ее на съезде. ¹³⁴² То, что события приняли серьезный оборот и декларации левым эсерам оглашать уже не придется, что самой Спиридоновой суждено будет всю оставшуюся жизнь провести в ссылках и тюрьмах (и быть расстрелянной при отступлении советской армии из Орла в 1941 году) — лидерам ПЛСР не приходило в голову. Декларацию от том, что покушение было совершено по постановлению ЦК ПЛСР, фракция приняла без прений, большинством голосов (ей не оставалось ничего иного как довериться своему ЦК)

Около десяти вечера в боковых помещениях театра стали слышны выстрелы. Стреляли в центре города; но на присутствующих это не производило впечатления — все считали, что в городе происходит какое-то восстание. «А насчет того, что Большой театр может стать центром это тревоги улеглись» ¹³⁴³, — вспоминал один из задержанных в театре.

Часов в двенадцать начался митинг. Небольшую речь произнесла со

---

¹³³⁹ Миничев. В дни левоэсеровского мятежа, с. 66-69.

¹³⁴⁰ Состоявшийся в августе 1918 года Первый совет ПЛСР подтвердил, что «Мирбах убит по постановлению ЦК партии, согласно директивам, полученным ЦК на партийном съезде» (цит по кн. Гусев, Партия эсеров, с. 272). И никого не смутило то, что своими глазами директивы этой никто не видел. Такой директивы съезд не давал.

¹³⁴¹ Е. 6 июля — в Большом театре, с. 12.

¹³⁴² Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 364.

¹³⁴³ Спирин. Крах одной авантюры, с. 51-52.

сцены Спиридонова. Ей аплодировали. После нее выступал кто-то еще, тоже с короткой речью. В этот момент в зале полупотушили свет, и митинг пришлось прекратить. Левые эсеры пробовали петь, пропели две песни и смолкли. Кроме левых эсеров в партере почти никого уже не было: из театра, по одному, тщательно проверяя документы, выпустили из выхода со стороны кулис сначала всех делегатов (кроме левых эсеров), затем — гостей съезда. Левые эсеры остались в театре одни. Нарочно или случайно, их даже не накормили.

Стали укладываться спать — на диванах, в креслах, на полу. В ложе, на сдвинутых креслах, легла Спиридонова. Долго спать не пришлось — арестованных переместили в залы фойе второго яруса. После еще одного выступления Спиридоновой левые эсеры занялись партийно-организационными вопросами переизбрали бюро фракции (часть старого бюро осталась у Попова), имевших оружие — более ста человек — разбили на десятки для несения караула. Стали снова укладываться. Мебели не было. Лежали на полу. Только Спиридонову устроили на прилавке, где во время съезда продавали лимонад. Биценко запела было старую эсеровскую песню, но ее никто не поддержал.

Когда утром 7 июля в театр прибыл Каменев, левые эсеры потребовали немедленного освобождения и прекращения огня с обеих сторон. Спиридонова обвинила большевиков в насилии. Ее поддержал Колегаев, заявивший, что партия большевиков нарушала конституционные права Каменев ответил, что речи о конституционных правах быть не может, так как «идет вооруженная борьба за власть», во время которой действует лишь один закон — «закон войны», и задержанные «вовсе не являются сейчас фракцией Пятого съезда Советов или ВЦИКа, а членами партии, поднявшей мятеж против советской власти»¹³⁴⁴. Беседа не дала результатов. Нужно было как-то провести день, и арестованные устроили концерт самодеятельности.

В ночь на 8 июля большевики провели регистрацию арестованных, причем у всех конфисковали оружие. Спиридонову подвергли обыску и револьвер забрали насильно. 8 июля Свердлов, Троцкий и Ленин (именно в таком порядке стояли подписи)¹³⁴⁵ постановлением ЦК РКП(б) решили «произвести в течение ночи с 8 на 9 выяснение отношения делегатов V съезда — левых эсеров к авантюре». Все материалы подлежали передаче в следственную комиссию. За заполнением этой анкеты (которая называлась «Вопросы особой следственной комиссии») левые эсеры провели третью ночь своего заточения. Историк Л. М. Спирин насчитал в архиве 173 такие

---

¹³⁴⁴ Там же, с. 53.

¹³⁴⁵ Известия ЦК КПСС, № 5, 1989, с. 145, 146. Написано Свердловым.

анкеты. Примерно 40% делегатов, по его сведениям, осудили убийство Мирбаха; половина дала уклончивый, неопределенный ответ, а остальные отказались отвечать. Подавляющее большинство арестованных делегатов высказалось против войны с Германией, считая, что советская Россия к этой войне еще не готова¹³⁴⁶. Становилось ясно, что съезд Советов не разорвал бы Брестской передышки, как того опасался Ленин.

Поскольку в Большом театре 9 июля намечалось возобновление работы съезда, левых эсеров поместили в Малый театр. Лишенные права участвовать в заседаниях, исключенные из правительства, частью арестованные, политически уничтоженные, левые эсеры уже не были опасны большевикам. 9 июля Троцкий объявил о том, что партия левых эсеров «совершила окончательное политическое самоубийство» и «уже не может воскреснуть»¹³⁴⁷. В тот же день съезд Советов, на котором остались фактически одни большевики, потребовал «суровой кары для преступников» и заявил, что левым эсерам «не может быть места в Советах»¹³⁴⁸. Все это позволило Свердлову уже 10 июля заверить большевистских делегатов Пятого съезда, что большинство арестованных «завтра, самое позднее послезавтра будут освобождены как явно непричастные к выступлениям». Большевики уже не обвиняли в восстании против советской власти левых эсеров как партию.

Помягчение отношения советского правительства к ПЛСР 10 июля, возможно, имело целью расколоть левых эсеров. Так, Свердлов в речи во ВЦИК указал, что из ВЦИКа не будут исключены только те члены ПЛСР, которые «подадут заявления о своей несолидарности с действиями» ЦК¹³⁴⁹. В целом, маневр Свердлова был успешен: 15 июля «целый ряд организаций сделал соответствующие заявления»¹³⁵⁰. 18 июля Московский областной совет исключил из своего состава всех левых эсеров (их было десять человек), членов Исполкома, отказавшихся осудить убийство Мирбаха. По аналогичным причинам исключения подверглись эсеры Московского городского и районных Советов. Тогда же Московский губернский совет постановил «считать фракцию левых эсеров исключенной

---

¹³⁴⁶ Спирин. Крах одной авантюры, с. 54.

¹³⁴⁷ Цит. по кн. Кармайкл. Троцкий, с. 43.

¹³⁴⁸ Пятый съезда Советов, с. 209.

¹³⁴⁹ Свердлов. Избранные произведения, т. 2, с. 246.

¹³⁵⁰ Пятый созыв ВЦИК, с. 57, 58, 61, 62. Большинство левых эсеров было освобождено из-под ареста только после принятия первой советской конституции. Лишь 13 человек посадили на гауптвахту в Кремль. Десятерых, однако, вскоре выпустили. Под арестом остались Спиридонова, Измаилович и Мстиславский, которые по решению большевистской фракции Пятого съезда Советов подлежали суду революционного трибунала (Спирин. Крах одной авантюры, с. 55).

в целом», а левых эсеров Филиппова и Павлова, «выразивших осуждение авантюры» и «свою солидарность с партией пролетариата, считать полноправными членами президиума»¹³⁵¹. Здесь тоже с успехом была применена тактика раскола.

К концу июля ПЛСР сдала практически все позиции в управлении страной¹³⁵². Казалось, потеря столь большого числа советских функционеров должна была ослабить большевиков и аппарат управления. Однако этого, видимо, не произошло. По свидетельству Троцкого, разгром ПЛСР лишил большевиков «политического попутчика и союзника, но в последнем счете не ослабил, а укрепил» их. Партия большевиков «сгрудилась плотнее. В учреждениях, в армии поднялось значение коммунистических ячеек. Линия правительства стала тверже»¹³⁵³. Ленинское правительство успешно реализовало «заем», взятый у левых эсеров, и теперь отстранило их от власти.

Из большевиков под подозрением оставался только Дзержинский. Задержание его левыми эсерами не снимало с повестки дня вопроса о причастности Дзержинского к убийству германского посла. Показания Дзержинского о его связях с германским посольством были весьма сумбурны, а оправдательные аргументы — сомнительны¹³⁵⁴. Дзержинский утверждал, что осведомители германского посольства Гинч и Бендерская были провокаторами, но замалчивал, что информация их была достоверной, и не уточнял, на кого эти «провокаторы» работали. Между тем очевидно, что Гинч и Бендерская не сотрудничали с большевиками или ВЧК. По делу об убийстве Мирбаха они к суду ж привлекались и вряд ли работали на левых эсеров. Они очевидно, были информаторами германского посольства. Но поскольку по договоренности с немцами ВЧК не могла арестовывать осведомителей Мирбаха, Бендерскую и Гинча арестовали лишь 6 июля,

---

¹³⁵¹ Шестак. Тактика большевиков, с. 101.

¹³⁵² Уже 8 июля 1918 г., т. е. еще до решения Пятого съезда Советов, петроградский губисполком снял со всех ответственных постов левых эсеров, отказавшихся осудить свой ЦК. Вскоре члены фракции левых эсеров были исключены из состава Совета. Череповецкий губсовет удалил левых эсеров из губернского и уездного Советов, а из Казанской губернии доносили, что «все ненадежные исполкомы с кулацким и эсеровским элементом упразднены и на их месте созданы [...] новые исполкомы с исключительно коммунистическим составом [...]». Левые эсеры были исключены из Советов Новгорода, Перми, Витебска, Орла и многих других городов. К осени 1918 г. левых эсеров, оставшихся в Советах, насчитывалось немного. Так, из 736 депутатов 31 уездного Совета, где еще оставались левые эсеры, последних было лишь 146 человек, а большевиков — 495 (Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 220-221). Таким образом, левозэсеровские функционеры либо потеряли свои посты, либо осудили свой ЦК и тем на время спасли свои должности. Нередко сотрудничества большевиков и левых эсеров на местах требовали обстоятельства. Так было в Сибири во время чехословацкого восстания, где левые эсеры работали вместе с большевиками, как и раньше, или в Брянске, где хорошие отношения с большевиками не прекращались и после московских событий» (Вестник Московского университета, с. 39-40).

¹³⁵³ Троцкий. О Ленине, с. 119.

¹³⁵⁴ Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 111-116.

вскоре после убийства германского посла¹³⁵⁵, когда, судя по всему, чекисты уже не боялись действовать вопреки интересам германского посольства. Материалы дознания по делу этих осведомителей опубликованы не были, а сами Гинч и Бендерская в тот же день навсегда исчезли из поля зрения и немцев, и большевиков.

Подозрения, павшие на Дзержинского, заставили Свердлова, Троцкого и Ленина, во избежание невыгодных разоблачений, снять Дзержинского с поста председателя ВЧК. Вопрос об этом рассматривался на специальном заседании ЦК РКП(б). 7 июля Дзержинский подал официальное заявление в СНК об освобождении его от должности ввиду того, что он является «одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха»¹³⁵⁶. Видимо для того, чтобы несколько успокоить немцев, постановлению о снятии Дзержинского придали демонстративный характер: оно «было напечатано не только в газетах, но и расклеено всюду по городу»¹³⁵⁷. Временным председателем ВЧК назначался Петере. Коллегия ЧК объявлялась распущенной и в недельный срок должна была быть реорганизована. Все те, кто «прямо или косвенно были прикосновенны к провокационно-азефской деятельности» Блюмкина, подлежали «устранению»¹³⁵⁸. Правда, снятие Дзержинского, было фикцией. Как вспоминал шесть лет спустя Петере, Дзержинский фактически «оставался руководителем ВЧК, и коллегия была сформирована при его непосредственном участии»¹³⁵⁹. Большевики же, на время пожертвовавшие официальным постом Дзержинского, распустив коллегия, получили возможность очистить ЧК от неустраивающих их лиц.

14 июля газеты сообщили о расстреле В. А. Александровича. Его арестовали днем 7 июля «при попытке сесть в автомобиль и удрать»¹³⁶⁰. Перед расстрелом с Александровичем долго наедине разговаривал Петере. Тот показал, что как член ЦК ПЛСР подчинялся партийной дисциплине, и это было его единственное оправдание. «Он плакал, долго плакал, — вспоминал Петере, — и мне стало тяжело, быть может потому, что он из

---

¹³⁵⁵ Из истории ВЧК, с. 154.

¹³⁵⁶ Правда, 8 июля 1918, № 139.

¹³⁵⁷ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 316.

¹³⁵⁸ Известия ВЦИК, 8 июля 1918, № 141.

¹³⁵⁹ Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. ПО. 22 августа 1918 г. Дзержинскому был возвращен пост руководителя ВЧК (В борьбе за победу Октября, с. 297-298).

¹³⁶⁰ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 316.

всех левых эсеров оставил наилучшее впечатление»¹³⁶¹. На допросе Александрович сказал, что отданные им приказы, в частности — об аресте Лациса и Петерса, основывались на указаниях ЦК ПЛСР. На остальные вопросы он отвечать отказался¹³⁶². В ночь на 8 июля он был застрелен, видимо, лично Дзержинским¹³⁶³, причем не исключено, что Александровича расстреляли «для удовлетворения требований немцев»¹³⁶⁴, т. е., сделали из него «искупительную жертву», на которую указывал ранее Дзержинский.

Может быть, именно поэтому уже казненному Александровичу большевики пели дифирамбы. «Он был революционер, и мне рассказывали, что он умер мужественно», — проронил Троцкий на съезде 9 июля. «Александровичу я доверял вполне, — указывал Дзержинский, — всегда почти он соглашался со мною», «это меня обмануло и было источником всех бед. Без этого доверия я [...] не поручил бы ему расследовать жалобы, поступавшие иногда на отряд Попова, не доверял бы ему, когда он ручался за Попова в тех случаях, когда у меня возникли сомнения в связи со слухами о его попойках. Я и теперь не могу примириться с мыслью, что это сознательный предатель, хотя все факты налицо и не может быть после всего двух мнений о нем»¹³⁶⁵.

Коварный Александрович обманул доверчивого Дзержинского. За это доверчивый Дзержинский коварного Александровича расстрелял. Только кто же поверит в наивность Дзержинского? Уж, по крайней мере, не арестованная Спиридонова. «Александрович в этот день только по Блюмкину догадался, что затевается акт против Мирбаха, — писала она в ноябре 1918 года, — и события завертели его раньше, чем он успел

---

¹³⁶¹ Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 109.

¹³⁶² Спирин. Крах одной авантюры, с. 79.

¹³⁶³ Steinberg. In Workshop of the Revolution, p. 222. В обвинении, опубликованном неделей позже, об Александровиче говорилось, что, «воспользовавшись своим положением [...] он ввел в Комиссию убийц Мирбаха — Блюмкина и Андреева. Он же приложил печать к подложному удостоверению, с помощью которого убийцы добились приема у графа Мирбаха [...]. Решившись на выступление, Александрович заблаговременно подготовил пути отступления для отряда и принял самое деятельное участие в восстании. Им был отдан приказ арестовать Лациса, Петерса, Визнера и других членов и сотрудников Комиссии. Он же послал отряд для захвата всей Комиссии и ее помещения» (Известия ВЦИК, 14 июля 1918).

¹³⁶⁴ Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 82-83. Показания Александровича советскими чекистами опубликованы не были.

Между тем есть все основания полагать, что данные им показания, равно как и показания Спиридоновой, опубликованные в «Красной книге ВЧК», были пересланы немцам в Берлин. На это указывает то обстоятельство, что в «Красной книге ВЧК» показаниям Спиридоновой предшествует пометка «Берлин» (в новом издании 1989 года, с. 268, эта пометка была редакторами снята, но она имеется в машинописной копии «Красной книги ВЧК», хранящейся в АИГН, с. 319 копии). А то, что какие-то показания Спиридоновой и Александровича в Берлин в те дни пересланы были, следует из одного из документов архива Троцкого (АТ, Т-564).

¹³⁶⁵ Красная книга ВЧК, с. 159.

опомниться. Мы от него скрывали весь мирбаховский акт, а другого ведь ничего и не готовилось. Он выполнял некоторые наши поручения, как партийный солдат, не зная их конспиративной сущности. О других расстрелянных и подавно нечего говорить»¹³⁶⁶.

До окончания разгрома ПЛСР 6 и 7 июля один из главных инициаторов расправы с левыми эсерами — Ленин — был хладнокровен и жесток. Но очевидно, он не мог не испытывать душевного неудобства, поскольку в соответствии с его приказами артиллерийским огнем прямой наводкой расстреливались партийные друзья большевиков, вчерашние союзники, поговаривавшие о слиянии с РКП(б), преданные революции левые эсеры. Только этим можно объяснить странный факт приезда Лениным вечером 7 июля в особняк Морозова, где отсиживались левые эсеры¹³⁶⁷. Вместе с Н. К. Крупской, единственной свидетельницей столь странного для Ленина поступка, он ходил по комнатам разрушенного дома в Трехсвятительском переулке, дробя подошвами ботинок куски лежавшей на полу обвалившейся штукатурки и разбитого стекла. Он молча думал и скоро попросил увезти его обратно в Кремль¹³⁶⁸.

10 июля Особая следственная комиссия приступила к расследованию террористического акта и «восстания» левых эсеров. Убийц Мирбаха комиссия найти не пыталась. Об Андрееве все странным образом забыли. В постановлении Пятого съезда Советов, принятом 9 июля по докладу Троцкого, «Об убийстве Мирбаха и вооруженном восстании левых эсеров», упоминался только Блюмкин, тоже не арестованный. По этому поводу германским правительством неоднократно посылались протесты, что «убийство графа Мирбаха не было искуплено соответствующими карами виновников и конспираторов преступления», а террористы «не были

---

¹³⁶⁶ Спиридонова. Открытое письмо, с. 194.

¹³⁶⁷ Достоевский замечательно описывает состояние, в котором, должно быть, пребывал в те минуты Ленин, в эпизоде возвращения Раскольникова на место убийства старухи-процентщицы и Лизаветы.

«[...] Он шел и смотрел в землю. Вдруг, как-будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у того дома, у самых ворот [...]. Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его. Он вошел в дом, прошел всю подворотню, потом в первый вход справа и стал подниматься по знакомой лестнице [...] Ему представлялось почему-то, что он все встретит точно так же [...] даже, может быть, трупы на тех же местах на полу.

А теперь: голые стены, никакой мебели; странно как-то! Он подошел к окну и сел на подоконник».

¹³⁶⁸ Крупская. Переезд Ильича в Москву, с. 192-193. Советские историки не слишком убедительно объясняют поведение Ленина.

Вот что пишут составители книги «Ленин в Москве»: «После разгрома левоэсеровского мятежа в Москве Владимир Ильич решил осмотреть особняк Морозова, в котором находился штаб «левых» эсеров. По воспоминаниям Н. К. Крупской, Владимира Ильича заинтересовало, почему эсеры выбрали этот особняк своим штабом и как организовали его защиту» (Ленин в Москве, с. 61-62.) Но левые эсеры не «выбирали» особняк Морозова — там расквартировывался отряд Попова. И никакой «организации защиты» проведено не было. Ленина тянуло к особняку увидеть результаты своего деяния. Визит Ленина в особняк был произведен в такой тайне, что о нем не знали даже охранявшие подступы к особняку солдаты. И появление в вечерние часы неизвестного автомобиля, направлявшегося к особняку, настолько удивило их, что по машине Ленина был открыт огонь. (Ульянова. О Ленине, с. 128.)

задержаны»¹³⁶⁹.

За неимением убийц Мирбаха Особая следственная комиссия, располагавшая лишь признанием Спиридоновой, пыталась убедить кого-нибудь из руководителей ПЛСР «пожалеть Спиридонову, которая как мученица взяла все на себя» и признаться в заговоре ЦК¹³⁷⁰; однако ЦК ПЛСР теперь отказывался принять на себя ответственность за события 6-7 июля и утверждал, что «не руководил этими военными действиями»¹³⁷¹. Не добившись признаний от членов ЦК ПЛСР, комиссия стала допрашивать прочих участников «мятежа» — рядовых левых эсеров и бойцов отряда Попова, которые также отрицали факт «восстания» и намерение свергнуть советскую власть¹³⁷². Всего Особая следственная комиссия допросила около 650 человек, но ее выводы полностью разошлись с заявлениями Свердлова, Ленина и Троцкого о «восстании против советской власти». Из показаний членов отряда Попова со всей очевидностью следовала абсурдность обвинений в восстании. Так, Матвей Тайнилайнен показал, что в отряд Попова поступил 25 июня, до этого находился в Красной гвардии в Финляндии, ни о каком «восстании» не знал, после артиллерийского обстрела 7 июля особняка Морозова отступил вместе с остатками отряда Попова, затем добровольно сдался. Иван Овечкин, 20-летний матрос Черноморского флота, заявил, что считает себя большевиком и против советской власти не шел. Степан Куркин, находившийся в отряде с утра 6 июля, сообщил, что в 6-7 часов поставили его в тот день дежурить у пулемета. Никто ему ничего не объяснял. «Никаких приказов не давали. По отряду ходили слухи, что убит посол Мирбах» и «немцы» идут разоружать отряд¹³⁷³. Поскольку в плен» к левым эсерам еще 6 июля попали несколько человек из германо-австро-венгерского интернационального отряда Бела Куна¹³⁷⁴, такой довод казался вполне правдоподобным.

---

¹³⁶⁹ Пятый созыв ВЦИК, с. 89-90. Из речи Чичерина. В то, что Блюмкин так и останется не арестованным, было очень трудно поверить. И одна из французских газет в статье о Блюмкине много лет спустя с уверенностью писала, что после покушения на Мирбаха Блюмкин «был арестован и заключен в тюрьму»

(Я. Г. Блюмкин — *La Lulte Ouvriere*, 12 июня 1936, № 1, с. 1) — иное ведь и предположить было нельзя.

¹³⁷⁰ Кремль за решеткой, с. 10.

¹³⁷¹ Пятый созыв ВЦИК, с. 61.

¹³⁷² Саблин объявил действия левых эсеров, начиная с ареста Дзержинского, актом самозащиты. Спиридонова обвинения в «восстании» также отвергла: «Все происшедшее является результатом стремительной защиты русским правительством убитых агентов германского империализма и самозащиты ЦК партии, совершившего это убийство» (Красная книга ВЧК, с. 269).

¹³⁷³ Спирин. Крах одной авантюры, с. 82.

¹³⁷⁴ Красная книга ВЧК, с. 210.

Выслушав аналогичные признания сотен участников «восстания», члены комиссии подтвердили их невиновность. Кингисепп писал по этому поводу, что «значительная часть вооруженных сил Трехсвятительского Пьемонта 1375 находилась в полном неведении и непонимании происходящего даже 7 июля, когда среди них разрывались снаряды. Все финны в составе более двух рот так и были убеждены, что они защищаются против австро-германцев, которые, облачившись в красноармейские мундиры, восстали для свержения советской власти»¹³⁷⁶.

Если к подобным выводам приходили члены комиссии — большевики, что же оставалось думать левым эсерам. Выступавший от их имени 15 июля на заседании ВЦИК

Светлов был в полной растерянности и недоумении. Он указал на бесосновательность обвинений ПЛСР в попытке свержения советской власти и поставил под сомнение причастность партии в целом к убийству Мирбаха, указав, что результаты расследования, произведенного следственной комиссией, еще не обнародованы, и «более спокойная оценка того, что произошло» побуждает «откинуть квалификацию действий» ЦК ПЛСР «как попытку захвата или свержения советской власти». «Здесь совершенно определено был террористический акт», сказал Светлов, «попытки захвата или свержения советской власти не было»¹³⁷⁷.

Следственная комиссия, фактически, пришла к аналогичному заключению. Но таких результатов расследования больше всего опасались руководители РКП(б). Поэтому комиссию, только что начавшую работу, спешно распустили. Стучку в начале сентября послали в Берлин. Шейнкмана вернули в Казань (где 8 августа он был расстрелян освободившими город белыми)¹³⁷⁸. 13 сентября коллегия наркомата юстиции вынесла постановление о передаче дела в следственную комиссию Ревтрибунала при ВЦИК. Но дальнейшее расследование, по существу, прекратилось, хотя главный обвиняемый — Блюмкин — еще не был выслушан. Показания об июльских событиях он дал только в апреле-мае 1919 года. «Все сознательные работники и такие члены партии», как Спиридонова, искали в те месяцы «объединения» с большевиками, —

---

¹³⁷⁵ Пьемонт — бывшее королевство, ныне провинция северо-западной Италии. В 1821 г. в Пьемонте началась революция, которая, однако, потерпела поражение. Но с этого момента Пьемонт стал играть ведущую роль в деле создания единого национального итальянского государства, и название «Пьемонт» вскоре стало нарицательным, чем-то вроде «фронды».

¹³⁷⁶ Рубнев, Цыпков. Следователь республики, с. 122.

¹³⁷⁷ Пятый созыв ВЦИК, с. 58.

¹³⁷⁸ В книге «В. И. Ленин и ВЧК» ошибочно указано, что Шейнкман погиб в 1919 г. (Ленин и ВЧК, с. 649.) В его фамилии иногда встречаются разночтения: Шейман, Шейнман, Шейкман.

показал Блюмкин, — и если не нашли его, то не по своей вине». В Трехсвятительском переулке 6 и 7 июля «осуществлялась только самооборона революционеров», «восстания не было», «убийство Мирбаха завершилось совершенно неожиданными политическими последствиями»: «мало того, этот акт был истолкован советской властью как сигнал к восстанию левых эсеров против нее»; «вместо выступления против германского империализма он был превращен в вооруженное столкновение двух советских партий»¹³⁷⁹.

В 1922 году было впервые опубликовано письмо Спиридоновой, написанное 17 июля 1918 года и тоже отрицающее заговор против советской власти:

«Газеты читаю с отвращением. Сегодня меня взял безумный хохот. Я представила себе — как это они ловко устроили. Сами изобрели «заговор». Сами ведут следствие и допрос. Сами свидетели и сами назначают главных деятелей — и их расстреливают [...]. Ведь хоть бы одного «заговорщика» убили, а то ведь невинных, невинных. [...] Как их убедить, что заговора не было, свержения не было [...]. Я начинаю думать, они убедили сами себя, и если раньше знали, что раздувают и муссируют [слухи], теперь они верят сами, что «заговор» [был]. Они ведь маньяки. У них ведь правоэсеровские заговоры пеклись как блины»¹³⁸⁰.

Однако и Блюмкина, и Спиридонова со своими признаниями опоздали. 6 июля началось стремительное падение партии левых эсеров¹³⁸¹, от которого она уже не оправилась. Если на Пятом съезде Советов ПЛСР располагала более чем 30% всех мандатов, то на Шестом, состоявшемся всего лишь через четыре месяца, левые эсеры владели лишь одним процентом голосов, 98% депутатских мест принадлежали теперь большевикам¹³⁸², причем члены левоэсеровской партии винили в июльских событиях самих себя и ЦК собственной партии; комплекс того, что большевики были преданы ими в критический для коммунистической революции момент, не покидал многих левоэсеровских лидеров¹³⁸³, а низы

---

¹³⁷⁹ Красная книга ВЧК, с. 304-307.

¹³⁸⁰ Кремль за решеткой, с. 12-13.

¹³⁸¹ Трудно поэтому согласиться с утверждением Гусева, что блок большевиков с партией левых эсеров «просуществовал очень недолго, но исторический опыт взаимоотношений большевиков и левых эсеров представляет интерес как первый опыт сотрудничества коммунистов с непролетарской партией в условиях победившей революции, сыгравший положительную роль в укреплении ее завоеваний, и как доказательство лояльного отношения коммунистов к мелкобуржуазным партиям, поддерживающим социализм» (Гусев. О политической линии большевиков, с. 94).

¹³⁸² Менее одного процента делегатов смогли провести левые эсеры и на состоявшихся в декабре 1918 года губернских съездах Советов.

¹³⁸³ В вышедшей в 1918 г. брошюре левые эсеры писали: Мы, как партия, теряем вместе с тем друзей-критиков и приобретаем против нашей воли врагов-«друзей» справа. Большевики, естественно, отворачиваются от нас, изменивших

партии, критикуя ЦК ПЛСР¹³⁸⁴, встали на позиции большевизма¹³⁸⁵.

им в самую трудную и острую минуту классово-борьбы, зато к нам примазываются правые с.-р. и иже с ними. Мы расплозимся по швам. Советская партия социального переворота готова превратиться в заговорщицкую антисоветскую соглашательскую партию» (Вокруг московских июльских событий, с. 3.) Даже тогда ПЛСР больше всего боялась «кооперации направо».

1384 Лезоэсеровский деятель П. Ф. Сапожников в связи с этим писал в той же брошюре: «Низы партии даже не предполагали порой о возможности тех событий, которые развернулись в центре [...]. Московские события явились громом при ясном небе» (там же, с. 87-88). На заседании лезоэсеровской фракции при ряжском уездном Совете в связи с событиями 6 июля была вынесена следующая резолюция: «Состоя членами ряжской организации партии левых эсеров, мы [...] категорически протестуем против мятежа кучки интеллигенции, стоявшей во главе Центрального комитета партии, и со своей стороны, заявляем, что наша партия, стоящая на платформе советской власти, будет всегда активно бороться за советскую власть, за закрепление социальной революции» (К расколу у эсеров. Левые эсеры в Ряжске — КГ, 143, 12 августа 1918, с. 3). «Я, один из членов партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов, заявляю, что вынужден выйти из партии, которую Центральный комитет своим выступлением окончательно добил. Присоединяюсь к Российской коммунистической партии, с которой мы, трудящиеся, никогда не расходились», — писал левый эсер Аркадий Носов (К расколу у эсеров. Вынужден выйти — там же).

1385 Так, вышла из партии пресненская районная организация ПЛСР, а сокольническая заявила о своем намерении выйти. В Бутырском районе «отказались от ЦК и тактики партии» председатель районного комитета и его заместитель, а из активистов остались только двое (Вестник Московского университета, с. 38). Тульский губком левых эсеров, осудив политику ЦК ПЛСР, распустил организацию. Фракция левых эсеров Волховского уездного Совета Орловской губернии телеграфировала в Москву: «Позор предателям революции. Уходим из партии [...]. Приветствуем съезд и коммунистов и желаем успеха в работе» (цит. по кн. Гусев, Партия эсеров, с. 274-275). Левые эсеры, составлявшие большинство в Обоянском уездном Совете Курской губернии, заявили, что отказываются от партии и будут «поддерживать Советы и центральную власть» (Пятый съезд Советов, с. 223). Левые эсеры спешили отказаться не только от партии, но и от названия ее. Острогжские левые эсеры назвали себя «независимой советской группой революционных социалистов»; пермские — «независимыми левыми социалистами-революционерами»; елецкие — «партией революционного социализма». Лезоэсеровская фракция Пятого съезда разбилась сразу на три группы: одна поддержала ЦК ПЛСР, другая — перешла к большевикам, третья -осудила мятеж и назвалась «фракцией независимых левых социалистов-революционеров» (Вестник Московского университета, с. 38-39).

Инициативу официального раскола партии взяли на себя лидеры саратовской организации, выпустившие цитируемую выше брошюру. 9 июля саратовский комитет ПЛСР разослал губернским организациям партии следующую телеграмму. «Саратовский комитет, осуждая участие левых эсеров в московских событиях, считая их выступление результатом всей тактики партии, принятой на IV съезде Советов, и приглашая товарищей, стоящих на платформе саратовской организации, оставаться на своих местах в Советах, выступая от местных организаций, созывает в Саратове 20 июля Всероссийскую партийную конференцию с представительством 2 от губернии и 1 от уезда на основании платформы, напечатанной в «Знамени революции», органе саратовского комитета» (Гусев. Партия эсеров, с. 276). Ленин эту телеграмму одобрил, написав, что она «заслуживает доверия и распространения, ибо исходит от людей, искренне осуждающих авантюру лезоэсеровского цеха» (Ленин. ПСС, т. 50, с. 120). Платформой саратовской группы стал лозунг «Классовая борьба единым фронтом с большевиками против всех врагов советской России во имя торжества социальной революции» (Вокруг московских июльских событий, с. 3). Руководителями этой группы стали бывшие лидеры ПЛСР, вышедшие из партии, во главе с Колегаевым. В результате, 14 сентября 1918 года в «Воле труда» было опубликовано заявление, извещавшее о созыве 25 сентября съезда членов ПЛСР, стоящих на следующих позициях: «1) недопустимость срыва Брестского мира; 2) недопустимость террористических актов на советской территории от имени советской партии; 3) недопустимость активной борьбы с правящей партией коммунистов в целях насильственного захвата власти; 4) недопустимость всей той политики, которая затемняет в массах классовый характер революции, идущей через гражданскую войну к социализму» (цит. по кн. Гусев. Партия эсеров, с. 277).

Разумеется, под такой платформой могли подписаться все левые эсеры. И, вероятно, с таким расчетом она и была составлена. Состоявшийся съезд образовал партию «революционных коммунистов». Примерно в то же время образуется и партия «народников-коммунистов». Создается она на основе Пресненской организации ПЛСР, группировавшейся вокруг газеты «Знамя борьбы» и покинувшей 28 июля Московскую общегородскую конференцию левых эсеров. На организационном собрании группы, состоявшемся 1 августа, было создано бюро для оформления новой организации, а 18 августа в газете «Знамя трудовой коммуны» «народники-коммунисты» опубликовали свой манифест, а 21-24 сентября провели в Москве первую конференцию, на которой присутствовало 40 делегатов от 20 организаций, и объявили об официальном образовании партии. В принятой ими резолюции говорилось, что «народники-коммунисты» считают своей главной задачей бороться «в полном контакте со всеми партиями социального переворота за осуществление социальной революции» (Первая Всероссийская конференция народников-коммунистов, с. 2-3). Возглавили эту небольшую партию, скоро растворившуюся, Закс и А. Оборин (делегат Пятого съезда Советов от Петроградской губернии).

Июльская «авантюра» левых эсеров была подвергнута критике и другими революционными организациями. Вот что писала об этом газета максималистов:

«В прошлом году в марте месяце приезжал представитель советской России из Москвы — левый эсер. Он сообщил нам, что левые эсеры некоторое время были в подполье благодаря убийству Мирбаха, который был ими казнен с целью сорвать Брестский договор. Максималисты центральной России, которые были также противниками этого договора, не

бой значительной политической силы. Эту победу большевики одержали благодаря тому, что умело использовали тактику левого блока, постепенно отсекая наиболее правые части его: сначала кадетов и Учредительное собрание, затем — анархистов, эсеров и меньшевиков и, наконец, своих вчерашних союзников — левых эсеров. Последнее стало возможно благодаря безусловному таланту Ленина как тактика, способного в критические минуты, руководствуясь своей интуицией, глубоко веря в правильность своих действий, принимать рискованные решения, всегда побеждая (и тем создавая себе все больший и больший авторитет в ЦК партии).

После захвата власти большевиками угроза личной власти Ленина возникала, по крайней мере, четыре раза. Первый раз — когда условием создания «однородного социалистического правительства» ставилось невключение в состав этого правительства Ленина. Второй раз — когда еще не было ясно соотношение сил сторонников и противников Учредительного собрания в первых числах января 1918 года. И в первом, и во втором случае большевиков спас блок с левыми эсерами — экстремистским крылом эсеровской партии, выделившимся из ПСР для того, чтобы на практике оказать большевикам помощь своими функционерами и своей крестьянской программой и тем самым спасти от неминуемого краха революцию, с которой левые эсеры отождествляли себя и большевиков.

Но именно эти союзники большевиков, левые эсеры, дважды спасавшие их от крушения, уже через несколько месяцев стали казаться Ленину реальной угрозой. В результате заключения Брестского мира, главным инициатором которого был сам Ленин, его правительство столкнулось с сильной оппозицией как внутри большевистской партии (левые коммунисты), так и внутри советской коалиции (левые эсеры). Потенциальный блок левых коммунистов и левых эсеров, возможность создания которого обсуждалась заинтересованными сторонами весной 1918 года, не могла не тревожить Ленина и не видеться ему угрозой. Это был третий критический для власти Ленина момент. И, вероятно, именно эта угроза заставила его поспешить с расправой над своими бывшими союзниками во время работы в Москве Пятого Всероссийского съезда Советов. Левые эсеры, со своей стороны, предчувствуя недоброе, пытались сосредоточить в Москве на время работы съезда левоэсеровские военные силы, в частности, расставить в здании, где проходил съезд, свою

поддержали левых [эсеров], потому что считали [правильным] уничтожение этого договора при естественных условиях, т. е. при восстании и давлении трудовых масс, но раз этого не произошло, раз этот договор просуществовал целые месяцы, то сорвать его искусственным путем максималисты считали не в интересах революции. В тот период среди левых произошло несколько расколов. Одна часть левых, во главе с Анастасией Биценко, Колегаевым, Федорович и др., приняли всецело платформу коммунистов, образовали партию «народных коммунистов», и только группа во главе с Марусей Спиридоновой оставалась пока на старой платформе» (Максималист, № 4, 19 марта 1920).

партийную охрану. Но до 7 июля левоэсеровские отряды так и не прибыли в Москву, а численность большевистской охраны съезда была, по крайней мере, вдвое больше левоэсеровской.

Подготовка большевиками ареста верхушки левоэсеровской партии на съезде Советов, на что имеются только косвенные указания, была, вероятно, ускорена происшедшим 6 июля убийством германского посла графа Мирбаха. Это убийство было совершено экстремистами из левоэсеровской партии с ведома, по крайней мере одного члена ЦК ПЛСР (но не по решению ЦК ПЛСР как такового). Вероятно, о планируемом покушении знали или догадывались и некоторые левые коммунисты, прежде всего Дзержинский. За час-другой до убийства германского посла о планируемом террористическом акте был уведомлен ряд видных левых эсеров (но опять же, не ЦК ПЛСР как таковой). Однако ни левые эсеры, ни Дзержинский не предприняли никаких шагов для усиления охраны германского посольства и предотвращения террористического акта. Мирбах был убит.

Если Ленин и не планировал разгромить ПЛСР именно в эти дни, узнав о покушении, он принял решение о немедленном разгроме левоэсеровской партии. Убийство Мирбаха, ставившее своей целью срыв Брестского мира и не направленное против советской власти или партии большевиков, Ленин объявил восстанием, подготовленным ЦК ПЛСР, безусловно подразумевая под этим мятеж против большевистского правительства, во главе которого стоял он, Ленин. И хотя не было еще никаких признаков восстания и все левоэсеровские учреждения продолжали заниматься своей повседневной работой, Ленин, Троцкий и Свердлов занялись подготовкой разгрома несуществующего мятежа. На следующий день партия левых эсеров как политическая сила прекратила свое существование. Это был завершающий, после октября 1917 года, переворот. И четвертый, последний кризис ленинской власти, вновь завершившийся победой Ленина. Двухпартийной социалистической диктатуре пришел конец. С этого момента партия большевиков уже ни с кем и никогда не делила в центре России политической власти.

Глава шестнадцатая. Разрыв Брестского мира

Пока партия левых эсеров не была подавлена, советское правительство в отношениях с немцами придерживалось выжидательной тактики. 6 июля в 5.15 Ленин телеграфировал об убийстве в Берлин полпреду Иоффе, причем тон его сообщения был очень мягкий и имел целью успокоить германское правительство¹³⁸⁶. С этой минуты Иоффе постоянно вызывала к аппарату

---

¹³⁸⁶ «Сегодня в 2 часа дня двое неизвестных, пробравшись с подложным документом от Чрезвычайной комиссии в

Москва, и он часами о чем-то беседовал то с Троцким, то с Чичериным. О содержании этих переговоров толком ничего не было известно, но в берлинском полпредстве слухи о них ходили «один нелепей другого»¹³⁸⁷. На съезде Чичерин призывал к «политике лавирования» до тех пор, пока «нарастающее повсеместно пролетарское революционное движение не вылилось во взрыв», указывая, что в данный момент можно лишь «с горечью говорить» об «отступлениях, о больших жертвах», на которые пошло советское правительство, «чтобы дать России возможность отдохнуть, собрать силы и ждать момента, когда пролетариат других стран» поможет «завершить начатую в октябре социалистическую революцию»¹³⁸⁸. Однако выжидательный тон сторонника ленинской передышки не удовлетворил съезд (и речь наркоминдела Чичерина была исключена из стенографического отчета съезда)¹³⁸⁹. 9 июля, лишь только разгромив своего политического противника, съезд Советов, три дня назад высказывавшийся (в лице большевистской партии) за мир любой ценой, указал, что в случае «иноземного нашествия» будет защищать «социалистическое отечество»¹³⁹⁰. Это была уже принципиально иная позиция.

10 июля о возможном разрыве мира докладывал новому созыву ЦИКа Свердлов¹³⁹¹. С возобновлением войны, видимо, смирился в те дни Ленин. 10 июля он вызвал к себе Вацетиса, чтобы в ходе общей беседы задать вопрос, интересовавший Ленина больше всего: «будут ли сражаться латышские стрелки с германскими войсками, если немцы будут наступать на Москву». Вацетис ответил утвердительно, а когда днем 13 июля прибыл к М. Д. Бонч-Бруевичу, вопрос о разрыве передышки был, казалось,

---

германское посольство, бросили бомбу в кабинете графа Мирбаха. Граф Мирбах, тяжело раненный, скончался. Правительство, представители которого немедленно посетили германское посольство и выразили ему свое негодование по поводу этого акта политической провокации, принимает все меры к обнаружению убийц для предания их чрезвычайному революционному трибуналу. Усилены меры для охраны германского посольства и германских граждан. Правительство поручает Вам немедленно посетить германского министра иностранных дел и выразить германскому правительству возмущение русского правительства этим актом, а равно семью убитого графа Мирбаха для выражения ей своего соболезнования» (Ленин. ПСС, т. 50, с. 113).

¹³⁸⁷ Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 82.

¹³⁸⁸ МИСИ, кол. К. Каутского, К. 3 15, 160.

¹³⁸⁹ Доклад Чичерина был опубликован в 1961 году, но не полностью (Чичерин. Статьи и речи). Используемые в этой главе отрывки доклада в русский печатный текст не вошли и приводятся в обратном переводе с немецкого по кол. К. Каутского, где доклад имеется на немецком языке с типографской пометкой «на правах рукописи».

¹³⁹⁰ Стенографический отчет Пятого съезда, с. 209.

¹³⁹¹ «Сколько-нибудь точного сообщения от германского правительства мы еще не имеем, но косвенные указания успокоительного свойства мы имеем. Опасность не миновала, но пока не получили официальных сведений... Есть много шансов, что обойдется без войны, но сказать об этом категорически невозможно» (Свердлов. Избранные произведения, т. 2, с. 247-248).

советским руководством решен. Бонч-Бруевич сообщил Вацетису, что Россия «вступает снова в мировую войну вместе с Францией и Англией» против Германии: «это дело уже налажено»¹³⁹².

Предупредительная вежливость советского правительства по отношению к Германии исчезла вовсе. Советское правительство отказалось присутствовать на религиозной церемонии у гроба убитого германского посла, а на траурные проводы тела Мирбаха в Германию явился только Чичерин, и то с опозданием на час, тем самым заставив всю процессию ждать. Чичерин был человеком исключительной пунктуальности, и его поведение немцы рассматривали как вызов. К тому же он появился без головного убора — чтобы не снимать шляпы при проходах гроба посла, в неряшливом виде, и это тоже произвело на немцев, торжественных и мрачных, соответствующее впечатление¹³⁹³.

Германия между тем тянула с ответом на последнее советское заявление. Только 14 июля в 11 часов вечера Рицлер вручил Чичерину текст полученной из Берлина ноты. В ней содержалось требование о вводе в Москву для охраны германского посольства батальона войск германской армии. Но советское правительство не уступило. Можно было бы ожидать, что отказ немцам приведет к разрыву передышки. Но события, казалось, развивались вопреки логике. «Самый факт восстания левых эсеров очень помог нам», — писал В. Д. Бонч-Бруевич, — «призрак почти неизбежной войны стал постепенно отдаляться»¹³⁹⁴. «Факт восстания» на языке Бонч-Бруевича значило — убийство Мирбаха, разрыв запутанного узла советско-германских отношений.

На требование о вводе в Москву батальона германских солдат при изменившихся в отношении большевиков планах немцев Ленин не мог смотреть иначе, как на подготовку к свержению Германией ленинского правительства. Для удержания Лениным власти необходимо было теперь отклонение германских условий, и Ленин, видимо, вместе с остальными членами ЦК, высказался против германского ультиматума. Получив германское требование о вводе в Москву войск, Ленин «улыбнулся, даже тихонько засмеялся» и сел за столик писать ответ¹³⁹⁵.

---

¹³⁹² Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 41-42, 54, 55, 56-57.

Вацетис пишет, что «Бонч-Бруевич не терял надежды создать большую армию, были уже назначены командующие десяти армий...» (там же, с. 53).

¹³⁹³ Hilger, Meyer. *The Incompatible Allies*, p. 7.

¹³⁹⁴ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 320. Точно так же считал Николаевский: «Левые эсеры были все время чужеродным для большевиков элементом; борьба с ними не расколола, а сплотила основное ядро диктатуры, большевистскую партию, которая ощутила себя как единое целое во вражеском кольце» (АИГН, 207/14. БИН — Т. И. Вулих, 7 июля 1934, 1 л.).

¹³⁹⁵ Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 321-323. Несколько отличный текст опубл. в кн. Бонч-Бруевич.

15 июля написанный Лениным текст обсуждался на заседании ЦК¹³⁹⁶. Протокол его числится в «найденных»¹³⁹⁷. Но в тот же день составленный Лениным ответ был оглашен во ВЦИКе. Сообщив об ультиматуме Рицлера и отклонении его советским правительством, Ленин указал, что на требование немцев о вводе в Москву батальона солдат для охраны посольства советское правительство ответит «усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и уничтожению, в случае временной необходимости отступления, всех и всяческих, без всяких изъятий, путем сожжения¹³⁹⁸ складов и в особенности продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля». «Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью», — заключил Ленин¹³⁹⁹ и был поддержан единогласно ВЦИКом¹⁴⁰⁰. «Все вздохнули свободно», — писал В. Д. Бонч-Бруевич; большевики «отчетливо сознавали, что, несмотря ни на что, немцам необходимо дать отпор»¹⁴⁰¹. Ленин примкнул к большинству. Его партия снова обрела единство. А у Германии не оказалось сил настаивать на своих требованиях¹⁴⁰². 15 июля Чичерин передал Рицлеру две ноты, категорически отклонявшие ультиматум о вводе в Москву батальона германских войск¹⁴⁰³.

Убийство германского посла, с. 54 — 55.

¹³⁹⁶ Ленин, ПСС, т. 36, с. 725

¹³⁹⁷ Как свидетельствует В. В. Аникеев, до сих пор "не найдены" протоколы заседаний ЦК РКП (б) с 19 мая по 16 сентября 1918 г. (Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 298), т. е. именно за тот период, когда на каждом заседании должна была обсуждаться германская проблема.

¹³⁹⁸ В собрании сочинений Ленина: «путей сообщения» (Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, с. 499).

¹³⁹⁹ Пятый созыв ВЦИК, с. 55-56; Горохов и др. Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 93-94.

¹⁴⁰⁰ Там же, с. 6. Заявление было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 17 июля за подписями Ленина и Свердлова. Согласно Бонч-Бруевичу, у Ленина к этому документу было особое отношение: он попросил Бонч-Бруевича подлинник документа сохранить и «никому не давать». Такую же инструкцию Ленин дал Бонч-Бруевичу, когда по решению ЦК вместе с Троцким составил прокламацию «Социалистическое отечество в опасности!» (Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 324, 325).

¹⁴⁰¹ Там же.

¹⁴⁰² Там же; Higler, Meyer. *The Incompatible Allies*, p. 9; АТ, Т-3755.

Позже, когда революционный энтузиазм стал достоянием прошлого, бывший нарком юстиции в советском правительстве, член ЦК ПЛСР Штейнберг, эмигрировавший из России, отрицал в своих мемуарах намерение левых эсеров поднять мятеж против большевиков. Штейнберг писал, что левые эсеры «хотели лишь добиться изменений тех обстоятельств, которые вели страну по дороге развалин... Они утверждали, что Германия не была в состоянии возобновить войну с Россией, и правомерность этого утверждения была доказана тем фактом, что Берлин не реагировал на убийство с жестокостью, которая проявилась бы в дни военного могущества Германии. В это время Германия была уже слишком близка к поражению (Steinberg. In *Workshop of the Revolution*, p. 244).

¹⁴⁰³ ДВП, т. 1, с. 400-401.

Ультиматум был повторно отклонен 19 июля. Столкнувшись со столь жесткой позицией советского правительства, Германия отказалась от своих притязаний, но распространила слух о том, что германский ультиматум советским правительством принят¹⁴⁰⁴. Кроме того, немцы опубликовали сообщение о том, что члены ЦК ПЛСР Спиридонова и Камков, объявленные организаторами убийства Мирбаха и арестованные в Москве, будут расстреляны. А когда НКВД дал заметку с опровержением, германское правительство о том умолчало, пойдя на очевидный обман общественного мнения Германии. Автором советского опровержения был Радек¹⁴⁰⁵.

Советское правительство отказывалось покарать Андреева на том основании, что убийца «скрывается где-то на Украине»¹⁴⁰⁶. Опальные лидеры левых эсеров под тем или иным предлогом освобождались из заключения¹⁴⁰⁷ и даже получали старые посты (например, в ЧК). Из газет и собраний, как и прежде, допускались только большевистские и левозэсеровские. И все, что получили немцы, в конце концов, в ответ на требования о компенсациях, это список из более чем «ста человек, расстрелянных за участие якобы в покушении», однако в этом списке не было ни покушавшихся, ни лидеров партии левых эсеров, ни руководителей ВЧК¹⁴⁰⁸.

26 июля, через несколько дней после назначения, из Берлина в Москву отбыл новый германский дипломатический представитель Карл Гельферих. У военной границы, на вокзале в Орше, его ожидал уже представитель НКВД с отрядом латышей и экстренным поездом. Были приняты все меры предосторожности. Во избежание прибытия посла на вокзал, Гельфериха высадили в Кунцево в поджидавший его автомобиль, где уже были Рицлер и Радек. Вечером 28 июля посол прибыл в особняк в Денежном переулке.

---

¹⁴⁰⁴ Германская газета «Kreuz Zeitung» опубликовала 1 августа статью, в которой указывалось, что «после недолгих переговоров» Совнарком «пришел к соглашению с посольством» по вопросу о вводе в Москву германских солдат: «Было решено выделить из сконцентрированных в Москве германских военнопленных особый батальон, вооружить его и предназначить для охраны посольства при условии, что эта германская воинская часть будет одета в штатское платье, а отчасти и в красноармейскую форму». Газета сообщила, что батальон уже «сформирован, вооружен и приступил к несению охраны» (АИГН, 784/7. Информационный листок. Прил. к № 1, от 13 августа 1918, с. 1, статья «Немецкие войска в Москве»).

¹⁴⁰⁵ Только позже, когда прошли уже первые горячие дни, новый германский посол в Москве Гельферих настоял на опубликовании германского сообщения о том, что Спиридонова и Камков расстреляны не будут. Это сообщение дало телеграфное агентство Вольфа.

¹⁴⁰⁶ АИГН, 16/9, с. 3.

¹⁴⁰⁷ Так была в скором времени из-за нервного расстройства освобождена Спиридонова. Однако встречавшаяся с нею вскоре и проведшая со Спиридоновой конспиративно несколько дней Эмма Гольдман писала затем, что Спиридонова была абсолютно здорова (МИСИ, кол. Гольдман, п. 36, № 25295-25371, с. 4-5).

¹⁴⁰⁸ Гельферих. Моя московская миссия, с. 276.

Предупредив о необходимости заботиться о безопасности посольства, Радек уехал.

Прибытие Гельфериха ознаменовалось новой кампанией революционеров против Брестского мира. 29 июля на публичном собрании партийного и советского актива Москвы была принята резолюция, одобрявшая убийство графа Мирбаха и призывавшая следовать примеру Блюмкина и Андреева. На следующий день эта резолюция была опубликована в органе ПЛСР «Знамя борьбы». Утром 31 июля в Москве было получено известие об убийстве в Киеве генерал-фельдмаршала фон Эйхгорна. Арестованный на месте преступления убийца заявил, что принадлежит к левым эсерам и совершил покушение по приказу ЦК ПЛСР. Когда Гельферих в тот же день явился к Чичерину с протестом по поводу безнаказанности левых эсеров, тот развел руками и ответил, что в Россия — революционное государство, в котором существует свобода слова, печати и собраний и что у него, Чичерина, способов повлиять на левых эсеров нет.

31 июля Гельферих посетил своего турецкого коллегу и обещал провести у него вечер. Но к вечеру Гельфериха предупредили, что по дороге на него будет произведено покушение. Тот остался дома. Но покушение все равно произошло. В 11 часов вечера раздались ружейные выстрелы: была совершена попытка нападения на латышского стрелка, охранявшего здание посольства. Час спустя повторилась та же сцена. Затем было произведено несколько револьверных выстрелов по особняку посольства. Пули угодили в освещенное окно кабинета, где обычно работал Гельферих, однако посол не пострадал¹⁴⁰⁹.

Сообщения о готовящихся на посла покушениях стали поступать в посольство почти ежедневно. Гельферих вынужден был отсиживаться в особняке Берга, практически не выезжая в город. Даже для вручения верительных грамот Свердлову он не рискнул покинуть свое убежище и отправиться в Кремль. Советское правительство, со своей стороны, отказалось гарантировать послу безопасность по дороге в Кремль и обратно. Положение становилось невыносимым. Большевики, конечно же, провоцировали немецкое посольство на оставление Москвы. И когда Гельферих сообщил Чичерину о планах перевести посольство в Петроград, где находились все посланники и представители нейтральных стран, Чичерин ответил согласием.

Положение в Москве самих большевиков немецкими дипломатами оценивалось как критическое. Даже латышские части, являвшиеся опорой советского правительства, готовы были изменить ему, и некоторые командиры латышских частей, охранявших в числе прочего и германское

---

¹⁴⁰⁹ АИГН, 784/7. Информационный листок. Прил. к № 1, 13 августа 1918, с. 1, статья «Покушение на Гельфериха».

посольство, выражали готовность вместе с войсками перейти в распоряжение Германии, если последняя, со своей стороны, гарантирует скорое возвращение дивизии в оккупированную немцами Латвию. На случай контрреволюционного восстания вокруг Кремля в большинстве квартир были очищены верхние этажи, где установили пулеметы. Днем и ночью производились облавы и обыски, а на 7 августа была назначена общая регистрация офицеров (и несколько тысяч явившихся на регистрацию были арестованы). Царил голод. Все продукты конфисковывались для армии. Даже германское посольство не в состоянии было купить в Москве хлеб (и его доставляли катером из Ковно).

Факт прибытия германского посла несколько успокоил Ленина. Гельферих по требованию своего правительства немедленно приступил к переговорам о заключении новых советско-германских соглашений. Речь, в частности, шла о компенсации потерь, понесенных германскими подданными в результате проведенных советским правительством национализации. Это дало повод для новой критики противниками брестской передышки позиции Ленина. Последний в речи во ВЦИК 29 июля указал, что дело не в том, сколько миллиардов золотых рублей Германия хочет взять по Брестскому миру, а в том, что она признала объявленные декретом от 28 июня национализации¹⁴¹⁰. Но выплачиваемые миллиарды были еще и платой за добрые политические отношения: Ленин пытался склонить немцев к поддержке возглавляемого им правительства.

Именно поэтому вечером 1 августа Чичерин по поручению Ленина предложил Гельфериху пойти на заключение неформального военного соглашения о параллельных советско-германских действиях против Антанты и белых. Германия должна была помочь советскому правительству предотвратить продвижение англичан из района Мурманска и Архангельска¹⁴¹¹ на Петроград, отказаться от поддержки на Дону

---

¹⁴¹⁰ Пятый созыв ВЦИК, с. 71.

¹⁴¹¹ 2 августа в Архангельске было опубликовано обращение к населению освобожденного от большевиков города: «Гражданам г. Архангельска и Архангельской губернии. Власть большевиков пала. Ненавидимые населением за предательство России в Бресте, за гражданскую войну, всеобщий голод, за попрание прав и свободы, за узаконенный грабеж, расстрелы и за разрушенную хозяйственную жизнь, так называемая советская власть преступников и предателей... бежала. Избранные всеобщим голосованием представители народа вынуждены в настоящий переходный момент при отсутствии всероссийской власти принять на себя верховную власть в Северном крае. [...] Отныне носителем верховной государственной власти в Северном крае является верховное управление Северной области в составе: членов Учредительного собрания, а также представителей земств и городов этой области [...]. Своими задачами верховное управление признает: 1. Воссоздание, совместно с другими областями, единой всероссийской государственной власти и организацию местного управления в Северной области. 2. Оборону Северной области и всей страны от дерзких посягательств на территорию ее и национальную независимость населения со стороны Германии, Финляндии и других неприятельских стран. 3. Воссоединение с Россией, в согласии с волей населения, отторгнутых от нее областей. 4. Восстановление поправленных свобод и органов истинного народовластия: Учредительного собрания, земств и городских дум. 5. Установление прочного правопорядка [...] 6. Действительное обеспечение прав трудящихся на землю. 7. Охрану интересов труда [...] 8. Устранение голода среди населения [...]. В своей деятельности верховное управление будет опираться на все слои населения, коим дороги перечисленные задачи [...]. Верховное управление убеждено в единстве интересов России и союзных с нею народов в деле борьбы с внешним врагом. [...] Верховное управление призывает все население к спокойствию, порядку и труду» (АИГН, 8/21). АИГН, 784/7. Информационный листок. Прил. к № 1, 13

Краснова и обещать не занимать Петрограда. СНК в ответ должен был сконцентрировать все силы на борьбе с Антантой и поддерживаемым ею генералом В. М. Алексеевым, создающим добровольческую Белую армию. Видимо, немцы потребовали как предварительного условия для переговоров полного разрыва с союзниками. В ночь на 5 августа советское правительство разослало по районным отделам НКВД сообщение о разрыве отношений с Англией, Францией и Японией. Утром в Москве был произведен ряд обысков и арестов среди подданных союзных стран. Некоторое время держали под арестом британского представителя в России Локкарта. Поиски французской военной миссии, обвинявшейся в организации заговора с целью свержения Совнаркома, не увенчались успехом. Члены миссии скрылись¹⁴¹².

Продemonстрировав готовность порвать с союзниками, вечером того же дня Чичерин подтвердил свое предложение от 1 августа, указав, что советское правительство перебрасывает все имеющиеся в Петрозаводске войска в Вологду, где объявлено военное положение. Из-за этого, указывал Чичерин, дорога на Петроград открыта, и если Германия не вмешается, этим могут воспользоваться англичане. На юго-востоке страны положение советской власти не лучше. СНК поэтому не настаивает более перед немцами на оставлении германскими войсками Ростова и Таганрога, но просит предоставить советскому правительству право пользования железнодорожными линиями на условии, что они будут «освобождены от Краснова и Алексеева». «Активное вмешательство против Алексеева, никакой больше помощи Краснову», — закончил Чичерин¹⁴¹³.

Просьба Чичерина о военной помощи со стороны Германии для немцев

августа 1918, с. 1., статья «Аресты союзников». Helfferich. Der Weltkrieg, v. III, p. 487.

Так, 21 августа на одном из участников фронта красноармейские части по приказу командиров — противников Брестского мира — перешли в наступление и заняли несколько селений оккупированной немцами территории. Через несколько дней немцы вновь взяли местность под свой контроль (Глушцы или провокаторы — КГ, 27 августа 1918, № 178).

АИГН, 784/7. Информационный листок. Прил. к № 1, 13 августа 1918, статья «Требования Германии».

Судя по всему, это не было уже ни для кого секретом. Пресса, по крайней мере, писала в те дни, что «дипломатические переговоры последних дней» не привели к желаемым результатам. «Гельферих отнесся совершенно безучастно к заявлению Ленина о полной невозможности для большевиков взять на свои плечи всю борьбу с сибирскими и волжскими войсками и десантами союзных держав. Начатые же еще при Мирбахе переговоры о предоставлении Германии полной свободы действий на территории советской «республики», окончились ничем, ибо советские главари не пожелали допустить явной оккупации остатков России германцами и перестать играть какую-либо роль» (Отношения с Германией — там же, № 2, 16 августа 1918, с. 1). Rauch. History of Soviet Russia, p. 98-99.

АИГН, 784/7. Информационный листок, № 3. Четверг, 22 августа 1918, с. 2, статья «Перед отставкой Чичерина». ' 30 августа Гельферих подал официальное прошение об отставке, которая была принята 22 сентября.

Вечером 6 августа Гельферих с курьерским поездом выехал из Москвы. Ему был предоставлен отдельный вагон и отряд красногвардейцев для охраны. 7 августа под Смоленском была предпринята попытка задержать вагон с Гельферихом. Тот протестовал, сумел связаться с заместителем Чичерина Караханом, и Карахан сообщил, что на пограничной станции в Орше войска, получившие приказ об отправлении на Чехословацкий фронт, взбунтовались, «перебили большевистских командиров и объявили себя в состоянии войны с Германией. Советское правительство считало поэтому, что Гельфериху необходимо срочно вернуться в Вязму, где уже ждал Гельфериха Радек, а в Оршу выехать позже. (О работе Гельфериха в России см. К. Гельферих. Моя московская миссия.)

была наилучшим доказательством того, что советское правительство находится в совершенно безвыходном положении. Общее мнение германских дипломатов сводилось, однако, к тому, что даже при самом искреннем желании жить в мире с Германией советское правительство вряд ли способно будет обеспечить добрые отношения, поскольку на всех уровнях брестская политика Ленина саботируется¹⁴¹⁴. Германское правительство поэтому указало на невыгодное и угрожающее для Германии положение на внутреннем русском фронте и потребовало от СНК принятия самых решительных мер для подавления восстания чехословацкого корпуса и вытеснения англичан из Мурманска. В случае отказа советского правительства выполнить эти требования, Германия грозила предъявить ультиматум о пропуске своих войск в глубь русской территории для борьбы против англичан и чехословаков. Чичерин ответил, что борьба с чехословаками и англичанами будет успешной лишь в том случае, если германское правительство обещает сохранить в неприкосновенности демаркационную линию и не допустить перехода этой линии Красновым¹⁴¹⁵.

Политика Германии в тот период была на удивление непоследовательной. В Прибалтике, Финляндии, на Украине, на Дону и на Кавказе немецкие войска, по существу, противостояли советским, в то время как на территории России поддерживали у власти большевистское правительство. Однако, как и прежде, все упиралось в то, что переориентация германской политики и ставка на небольшевистские силы должна была привести к изменению условий Брест-Литовского соглашения в смысле их смягчения, например, отказа от отделения от России Эстляндии, Лифляндии и Украины. Гельферих поэтому запросил согласие Берлина на передачу ему полномочий для ведения переговоров с рядом небольшевистских политических групп, в том числе с латышами и представителями сибирских политических групп. Готовясь к возможному разрыву с большевиками¹⁴¹⁶, Гельферих запросил кроме того разрешения МИДа перевести посольство из Москвы в оккупированный немцами Псков. На перевод посольства Берлин дал удовлетворительный ответ. Но попытки Гельфериха заручиться согласием германского правительства на улучшения для России условий Брестского договора в случае начала переговоров с антибольшевистскими политическими партиями или группами вызвала недовольство МИДа. Особенно резко выступал статс-секретарь по иностранным делам адмирал Гинце, считавший новое советское предложение неприемлемым по политическим и военно-практическим

1414

1415

1416

соображениям¹⁴¹⁷. К мнению его прислушивались, так как раньше он возглавлял военную миссию в Петрограде, и считалось, что он знает Россию. И поскольку в ответ на предложение советского правительства Германия промолчала, в Москве поползли слухи о предстоящей отставке Чичерина в связи с провалом его политики по умиротворению немцев¹⁴¹⁸. Оснований для слухов было более чем достаточно еще и потому, что 5 августа Гельферих был отозван в Берлин для устного доклада¹⁴¹⁹. В его отсутствие дела должны были вести остающийся в Москве германский генеральный консул Г. Гаушильд и Рицлер¹⁴²⁰.

9 августа в Петроград из Москвы прибыла германская миссия в составе 178 человек, отправившаяся вскоре в Псков¹⁴²¹. Вслед за германским послом Москву покинули также турецкий посол Кемали-бей и болгарский посол Чапрашников¹⁴²². Консулы союзных держав также покинули столицу (защита их интересов была передана консульствам нейтральных стран, и над зданием американского генерального консульства был поднят шведский флаг)¹⁴²³. В те же дни советский посол Иоффе отбыл в Москву для консультаций (а когда отправился было в Берлин обратно, не был пропущен германскими военными властями в Орше; та же участь постигла Радека)¹⁴²⁴.

Положение самой Германии не было легким. Под впечатлением длительных тяжелых боев лета 1918 года в армию и тыл проникало разложение¹⁴²⁵. В июле была сломлена наступательная сила, а в августе — сила сопротивления германской западной армии. Попытки воссоздать ее путем сокращения фронта закончились неудачей¹⁴²⁶. Германская армия утратила те преимущества, которые получила в результате весенних

1417

1418

1419

1420

1421 Приезд германской миссии — КГ, 10 августа 1918. Именно в эти дни распространились слухи о предстоящем захвате немцами Петрограда. 16 августа в одной из публикаций появилось даже сообщение о том, что 12 августа из Финляндии в Петроград был введен батальон германской пехоты, а сам Петроград станет германской базой для действий против союзников и чехословаков (АИГН, 784/7. Информационный листок, № 2. Пятница, 16 августа 1918, с. 1, статьи «На русских фронтах. Движение англичан» и «Оккупация Петрограда»).

1422 Там же, статья «Отъезд посольств».

1423 Там же, Отъезд консулов держав Согласия.

1424 Там же, 3,22 августа 1918, с. 2, статья «Политическое положение».

1425 Гофман. Война упущенных возможностей, с. 197-198.

1426 АТ, Т-3755. Эдуард Бернштейн. Германская революция, с. 4.

наступлений, и начала неудержимо откатываться назад. И хотя на Востоке немцы вели еще военные действия и в августе оккупировали Донбасс¹⁴²⁷, советская пресса давала знать, что уловила изменения на Западном фронте. 12 августа «Красная газета» опубликовала заметку «В оккупированной Белоруссии»¹⁴²⁸. Широкую практику в августе получил саботаж отсылки в Германию продовольственных грузов. Советское правительство безуспешно делало вид, что речь идет не более как об отсылке продуктовых посылок родственникам томящимся в германских лагерях русским военнопленным. Но в посылки пленным, отправляемые из голодной России в Германию, никто не верил, и та настойчивость, с которой советской правительством, не слишком щепетильное в отношении русских солдат и офицеров, настаивало на отправке поездов с грузами в Германию, лишней раз давала повод для подозрений в том, что поезда были платой за Брестский мир¹⁴²⁹. Протесты и подозрения были столь велики, что 11 августа Петросовет принял решение о задержании всех поездов «с посылками» и распределении их среди населения Петрограда¹⁴³⁰.

Справедливо или нет, советская пресса начала рисовать положение на фронте в более светлых тонах. Положение Красной армии на чехословацком фронте «вполне надежное», писала одна из газет, «успех безусловно на стороне Красной армии», «наши славные отряды теснят чехословацкие банды», «окончательное подавление мятежа — вопрос

---

¹⁴²⁷ АТ, Т-3742. Троцкий, т. 17, с. 569.

¹⁴²⁸ КГ, № 143, 12 августа 1918, с. 2.

¹⁴²⁹ «Родственники наших военнопленных, находящихся в Германии, — писала одна из газет, — посылают маленькими посылками нашим заброшенным и голодающим пленным немного сухарей, кусочки мыла, полуфунты сахара [...]. Этих посылок, присланных со всех концов России, собралось около 30 вагонов. наших военнопленных в Германии около полутора миллиона человек. Все они голодают и находятся в самом отчаянном положении, гораздо худшем, чем даже мы здесь, в голодающем Петрограде. Как ни трудно наше положение, но мы не имеем права украсть у голодного русского пленного тот сухарь, который ему посылает его мать [...]. А между тем (...) подбивают рабочих именно к такому подлому поступку. Месяца полтора тому назад была уже в Петрограде такая же история с поездом, отправлявшимся для военнопленных. Распространяют подлую сказку, будто в Германию отправляются сотни вагонов с мукой, сахаром, крупой и другими съестными припасами. Все это подлая ложь [...]. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов». (К рабочим Петрограда — КГ, 10 августа 1918, с. 2.) «Это уже не в первый раз. Уже был случай, когда поезд с посылками для военнопленных был возвращен обратно. [...] Распустили слух, что советская власть отправляет немцам хлеб. [...] В результате, наши голодные братья страдальцы-военнопленные остались голодными на несколько лишних дней. Если в чем-либо можно упрекнуть советскую власть, так это в том, что слишком мало посылают военнопленным [...] мученикам проклятой империалистической бойни» (Хлеб в Германию — там же).

¹⁴³⁰ «В последнее время распространилась масса нелепых слухов о поездах со всякого рода сухарями и т. д., — указал Зорин на заседании Петросовета. — На наших вокзалах (Финляндском и некоторых других) в поездах находится до 237.000 штук посылок весом до 67.000 пудов, адресованных для наших военнопленных в Германии [...]. В этих посылках находятся сухари, мыло, белье и т. п. Мы вынуждены их поставить под надежную охрану, так как у многих проявляется стремление к ограблению их. Если отправить эти посылки по назначению, то вряд ли хоть одна из них уцелеет, так как они будут следовать через голодающие местности и, безусловно, будут разграблены. Поэтому мы содержимое этих посылок решили взять на учет и распределить между петроградскими рабочими. Нам, конечно, стыдно было это делать, но мы сумеем сторицею отплатить нашим товарищам военнопленным и они нам простят это» (Заседание Петроградского совета. Продолжение отчета о заседании 11 августа. Сообщение т. Зорина о посылках для военнопленных. — КГ, № 143, 12 августа 1918, с. 3.) КГ, 27 августа 1918, № 178.

дней». Особое внимание уделялось прессой Украине: «Украинские рабочие и крестьяне напрягают все силы, чтобы свергнуть Скоропадского и восстановить советскую власть», «из Черниговской губернии сообщают, что повстанцами сожжен большой мост около Локтя, к востоку от Глухова», «железнодорожный путь взорван в пяти местах», «около Хохловки к северу от Глухова взорвано два моста и один большой мост сожжен», «по последним сведениям Нежин захвачен повстанцами». «В городе Канатоне захвачено пять возов оружия»¹⁴³¹.

Делались намеки на то, что из Украины, где уже разгорается восстание, революция через Польшу и Галицию перекинется в Австро-Венгрию, войска которой уже переходят на сторону Советов¹⁴³². Положение в Германии тоже описывалось исключительно как предреволюционное¹⁴³³. Впрочем, и во всех остальных европейских странах тоже ожидалась в скором времени революция¹⁴³⁴. Наконец, 22 августа стало известно о том,

---

¹⁴³¹ «Украинское восстание разгорается, — писала газета. — Его уже не может замалчивать даже немецкая империалистическая печать. Повсюду происходят ожесточенные битвы. Повстанцами берутся целые города. Украина пылает. [...] Оккупационные войска австрийского императора начинают переходить на сторону восставших украинских крестьян. В подольской губернии австрийские солдаты, посланные для усмирения крестьян, присоединились к этим крестьянам. [...] В Галиции, родственной Украине австрийской провинции, уже поднялось крестьянство. Не будет ничего удивительного в том, что движение украинских крестьян сольется с движением крестьян галицийских. Уже и сейчас фактически скрыты границы между «самостоятельной» Украиной и Австро-Венгрией. Но если это, с одной стороны, означает порабощение Украины, то с другой это облегчает «соединение усилий» народов обеих стран. Австрийские войска переходят на сторону революции. Международное восстание надвигается» (Интернационализация революции — КГ, 27 августа 1918, № 178). «Страшное впечатление производит сейчас Польша [...]. Немцы ограбили всю страну дочиста [...]. Недовольство и отчаяние народа страшное [...] Германские солдаты в Польше занимаются грабжежом и торговлей. Они говорят: в Польше плохо, но в Германии еще хуже, нам скоро — конец. Не лучше, если не хуже, дела и в Галиции. [...] Вся Галиция в голодных восстаниях. Через месяц-два там [начнется] небывалый голод. В городах нет даже того благополучия, что в Польше. Краков и Львов, например, 32 дня не получали ни крошки хлеба и не будут получать. [...] Если бы не работа пулеметов, вся Австрия уже давно горела бы в огне революции» (В Польше и Галиции — КГ, 27 августа 1918, № 178). «Австро-Венгрии, по-видимому, суждено быть второй после России страной, в которой война окончится революцией. Атмосфера в ней накалена до последней степени. Германия также охвачена полосой всеобщих забастовок, к которым присоединяются выступления воинских частей, отказывающихся идти в бой» (Рост революционного движения на Западе — там же).

¹⁴³² Против немцев (и большевиков) на Украине боролись также эсеры. В отчете о своей деятельности они, в частности, писали: «Деятельность в областной украинской военной комиссии эсеров, работавшей по созданию добровольческих противобольшевистских отрядов, приняла широкий и планомерный характер только после оккупации Украины германскими войсками, когда вся задача военной комиссии вырисовывалась в формулу: борьба с германскими властями. Эта борьба выразилась [в]: 1) организации активного железнодорожного саботажа: за июнь и июль было испорчено агентами военной комиссии свыше 200 паровозов. Произведено около [неразборчиво] крушений германских воинских поездов. Оказана энергичная поддержка руководством железнодорожной забастовки. 2) Произведена спланировка всех крупных железнодорожных мостов. 3) Организован военный штаб из опытных офицеров. 4) Произведен ряд взрывов: одесский взрыв, пожар аэропланного завода и т.д. — дело агентов военной комиссии. 5) Пропаганда среди крестьян против отдачи хлеба германцам и руководство крестьянскими вооруженными отрядами. 6) Разведывательную деятельность приходилось вести в очень ограниченном размере [...]. Некоторые сведения, добытые агентами военной комиссии, были переданы союзным миссиям» (Владимирова. «Работа» эсеров в 1918 году, с. 168, 173).

¹⁴³³ «Грандиозная забастовка углекопов в Германии. Бастует 400.000 рабочих, — писала газета, — [...] несмотря на призывы вождей, забастовка разразилась» и «разрастается». Одновременно появлялись сообщения (заведомо вымышленные) о том, что ленинская брестская политика приносит экономические выгоды. Так, было опубликовано сообщение о прибытии в Петроград транспорта «каменного угля из Германии в 10 тысяч тонн» и об ожидаемом прибытии «новых грузов угля» (КГ, 27 августа 1918, № 178).

¹⁴³⁴ «Наблюдается революционизирование масс и в сфрпанах наших недавних союзников — Англии и Франции; — писала газета, — положение Италии очень близко напоминает положение ее старого противника — Австрии, положение

что страны Антанты требуют от Германии аннулирования Брестского соглашения как предварительного условия для начала мирных переговоров¹⁴³⁵.

В такой ситуации согласие советского правительства на новый раунд переговоров с Германией в августе 1918 года могло бы показаться неразумным. Однако оно объяснимо. После убийства Мирбаха большевики перестали видеть в Германии основного своего врага, дни могущества которого были сочтены. Теперь уже всерьез обозначился другой грозный противник — Антанта, усиливающаяся по мере ослабления Германии и начавшая интервенцию в Россию. Ослабление Германии было теперь в интересах большевиков постольку, поскольку оно не вело к заключению европейского мира. Война, кроме того, увеличивала шансы на мировую революцию, в то время как мир на Западном фронте грозил открытием совместных военных действий европейских держав против ленинского правительства в России¹⁴³⁶.

Переоценивая решимость своих противников уничтожить большевистский строй, Ленин считал, что Антанта потребует от Германии отстранения большевиков от власти. Если так, нужно было любыми средствами продлить мировую войну, сделавшись союзником Германии и оттягивая поражение немцев. 20 августа Ленин написал знаменитое «Письмо к американским рабочим», в котором призвал их оказать помощь «германскому пролетариату», иными словами, просил не воевать против Германии. В те же дни началось срочное минирование мостов по линии Северной железной дороги от Москвы до Вологды для взрыва их при приближении англо-французских войск¹⁴³⁷. Только в этом свете объяснимо согласие советского правительства подписать 27 августа три дополнительных к Брест-Литовскому мирному соглашению, договора¹⁴³⁸.

Когда 2 сентября во ВЦИК стал вопрос о ратификации соглашений, большевистская фракция не была против, а в оппозиции оставалась только

в Испании ухудшается с каждым днем; та же картина общей усталости наблюдается и в нейтральных странах» (Рост революционного движения на Западе — там же).

¹⁴³⁵ АИГН, 784/7. Информационный листок, № 3. 22 августа 1918, с. 2, статья «Политическое положение».

¹⁴³⁶ «Поражение Германии имело и отрицательные последствия для советской России, — пишут авторы биографии Чичерина. — Оно покончило с разделением капиталистического мира на две воюющие коалиции. Теперь Антанта могла бросить против страны Советов все свои силы» (Горохов и др Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 100-101).

¹⁴³⁷ АИГН, 784/7. Информационный листок, № 3, 22 августа 1918, с. 1, статья «На русских фронтах. Минирование мостов».

¹⁴³⁸ ДВП, т. 1, 1959, с. 437-453, 692-703; Rauch. History of Soviet Russia, p. 99. В советском полпредстве по этому поводу впервые со дня установления дипломатических отношений между Германией и РСФСР состоялся торжественный обед.

незначительная фракция максималистов. От ее имени против ратификации договоров выступил Архангельский, подвергший резкой критике доклады большевиков Чичерина и П. А. Красикова. Архангельскому возразили бывший левый эсер Закс, переназавшийся народным коммунистом, и Каменев. Закс назвал августовские соглашения самыми тяжелыми из тех, которые заключали большевики, но предложил ратифицировать договоры, назвав их «очередной передышкой». Каменев также указывал на временность уступки немцам и высказал надежду на скорую европейскую революцию¹⁴³⁹. Большинство голосов договоры были ратифицированы.

15 сентября войска Антанты прорвали Балканский фронт; стало ясно, что мировая война подходит к концу. 27 сентября капитулировала Болгария. На Западном фронте развернулось наступление на линию Гинденбурга — последнюю линию обороны немцев. В тот же день линия была прорвана, и Людендорф, действовавший до тех пор хладнокровно, заявил 29 сентября, что в течение суток Германия обязана запросить Антанту о перемирии, так как иначе произойдет катастрофа¹⁴⁴⁰.

В эти решающие для судеб мировой революции дни Ленин оказался выведен из строя пулями неизвестного террориста, стрелявшего в Ленина 31 августа. Попытки чекистов (а затем и историков) приписать эти выстрелы по некоторым данным эсерке, по другим — анархистке Ф. Каплан не кажутся убедительными¹⁴⁴¹. Так или иначе, Ленин был отстранен от власти еще и ранением. Германская революция созрела и пришла в его отсутствие. Пересмотрел ли он свой взгляд на передышку в те дни? Внешне может казаться, что да. 1 октября, находясь на излечении на даче в Горках, под Москвою, Ленин написал письмо Свердлову:

---

¹⁴³⁹ «Мы идем в бой только тогда и постольку, поскольку мы действительно уверены, что мы можем победить [...] — указал Каменев. — Мы подписываем этот договор в надежде, что не замедлит прийти на помощь международный пролетариат и в союзе с ним мы выроем действительную могилу империализму всех стран» (Пятый созыв ВЦИК, с. 104-107).

¹⁴⁴⁰ Хаффнер. Революция в Германии, с. 39-45.

¹⁴⁴¹ Самой серьезной публикацией по этому вопросу следует считать статью Б. Орлова «Миф о Фани Каплан». Слухи о том, что покушавшаяся на Ленина женщина (Ф. Каплан) не была расстреляна, а вплоть до 1953 года находилась в тюрьме, очевидно, намеренно распространялись заинтересованными в этом советскими руководителями. А. Балабанова, приехавшая из Стокгольма и посетившая Ленина вскоре после покушения, вспоминала, что «по совету врачей и из предосторожности» Ленин «находился в секретном месте». Когда ее привезли к нему, «физически он еще не оправился от покушения» и «о своем здоровье он говорил очень неохотно». На вопрос о судьбе покушавшейся Ленин ответил, что это будет зависеть «от Центрального комитета». Сказал он это таким тоном, что Балабанова более не поднимала вопроса о Каплан. «Мне стало ясно, что решение будет приниматься другими инстанциями и что Ленин сам настроен против казни», — писала Балабанова. Прощаясь, Крупская обняла ее и, по воспоминаниям Балабановой, «со слезами сказала»: «Как это страшно — казнить революционерку в революционной стране». «Ни из слов Ленина, ни из высказываний других людей нельзя было заключить, что казнь состоялась» (МИСИ, кол. Балабановой, п. 219). Но если можно поверить в легенду о том, что Ленину не сообщали о расстреле Каплан из нежелания его беспокоить, невозможно предположить, что об этом не знала и Крупская. Наконец, Ленин не мог не поинтересоваться решением ЦК по поводу покушавшейся. И очевидно, что расстрелянная еще до выздоровления Ленина по приказу Свердлова Каплан была убита именно для того, чтобы свалить на нее покушение, истинными организаторами которого были совсем другие люди.

«Дела так «ускорились» в Германии, что нельзя отставать и нам [...]. Надо собрать завтра соединенное собрание ЦИК, Московского Совета, Райсоветов, Профессиональных союзов и прочая и прочая [...]. Назначьте собрание в среду в 2 ч. [...] мне дайте слово на 1/4 часа вступления, я приеду и уеду назад. Завтра утром пришлите за мной машину (а по телефону скажите только: согласны)»¹⁴⁴².

Однако ЦК согласия на приезд Ленина не дал, справедливо опасаясь, что Ленин будет требовать сохранения передышки. 2 октября на заседании Бюро ЦК, а затем и ЦК полного состава решено было, не приглашая Ленина, зачитать 3 октября на собрании советского и партийного актива его письмо, в котором Ленин вновь предлагал повременить. «Кризис в Германии только начался», — писал Ленин. «Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата», «мы не будем нарушать Брестского мира теперь», — указывал Ленин и предлагал подождать, заверяя советской и партийный актив в том, что для помощи германской революции нужна армия в три миллиона человек, а ее можно создать не ранее весны 1919 года¹⁴⁴³. Называя германскую революцию в письме Свердлову «событием дней ближайших», Ленин не собирался помогать ей еще полгода.

Адресат Ленина Свердлов мыслил совсем иначе: «Мы расцениваем события Германии как начало революции, — писал он 2 октября Сталину. — Дальнейшее быстрое развитие событий неизбежно»¹⁴⁴⁴. И пока Ленин весь день 3 октября сидел на пригорке, с которого была видна дорога, ожидая обещанной, но так и не посланной за ним машины, в ЦК, вопреки воле Ленина, было принято решение о поддержке германской революции, начавшейся на следующий день: 4 октября к власти в Германии пришло правительство Макса Баденского с участием лидера правого крыла немецких социал-демократов Шейдемана, заявившее о согласии подписать мир с Антантой на условиях «14 пунктов» президента США Вильсона. Худшего для Ленина и быть не могло: возникла реальная опасность англо-американо-франко-германского блока против советской республики. В написанном им по этому поводу обращении во ВЦИК Ленин снова

---

¹⁴⁴² Цит. по кн. Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 377.

¹⁴⁴³ Ленин. Сочинения, т. 28, с. 82-84. Письмо к объединенному заседанию ВЦИК и Моссовета с представителями фабрично-заводских комитетов и профсоюзов, 3 октября 1918 г. Внешне письмо Ленина звучало вполне революционно: «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с нею надо считаться как с событием дней ближайших, — писал он Свердлову. — Все умрем, чтобы помочь немецким рабочим. Вдесятеро больше усилий на добычу хлеба для нас и немецких рабочих, армия в три миллиона [...] для помощи международной рабочей революции [...] должна быть у нас [...] к весне». Но проблема как раз и была в том, что к весне — значило дать германскому правительству передышку в полгода, чтобы то задушило германскую революцию.

¹⁴⁴⁴ Свердлов. Избранные произведения, т. 3, с. 28-29.

предлагал готовиться к войне, теперь уже с Западной Европой, но передышки не разрывать.

ВЦИК, однако, размышления о сохранении Брестского мира посчитал неуместными. Письмо Ленина было встречено холодно. В протоколе заседания была сделана лишь лаконичная запись: «Принять к сведению»¹⁴⁴⁵. Вслед за этим были заслушаны доклады сторонников разжигания революции в Германии. Радек назвал момент «неслыханно грандиозным», подчеркнув, что «в великие моменты надо быть великим, надо уметь рисковать всем, чтобы достигнуть всего». Троцкий тоже готовил к разрыву Брестского соглашения и революционной войне, которой вот-вот придет время¹⁴⁴⁶. В духе доклада Троцкого ВЦИК принял единогласную резолюцию и предписал Реввоенсовету республики, председателем которого был Троцкий, «немедленно разработать расширенную программу формирования Красной армии в соответствии с новыми условиями международных отношений; разработать план создания продовольственного фонда для трудящихся масс Германии и Австро-Венгрии»¹⁴⁴⁷.

Ленин тем временем решил стать на путь передышки и в отношении Антанты, с которой еще вчера готов был драться совместно с Германией. «Мы [...] во всякий момент готовы идти на то, что обеспечит нам мир, — писал он Иоффе, вернувшемуся к тому времени в Берлин, — если только условия будут приемлемы. Для всех наших представителей, имеющих возможность встречаться с антантовскими представителями или политиками, связанными с ними, эта задача является одной из важнейших. Не забегая и не производя впечатления, будто мы молим о пощаде, надо в то же время при представляющихся случаях давать понять, что мы ничего так не желаем, как жить в мире со всеми. Их дело сказать нам их условия. Конечно, мы не можем санкционировать замену германской оккупации

---

¹⁴⁴⁵ Пятый созыв ВЦИК, с. 34, 243.

¹⁴⁴⁶ «Судьбы как народа германского, так и Украины, Польши и Прибалтики, Финляндии не могут оправдать документа, который был написан в определенный момент политического развития, — сказал Троцкий, — [...] близок тот час, когда Брест-Литовский договор будет пересмотрен теми силами, которые стремятся к власти. Этой силой в Германии является рабочий класс [...]. Разумеется, мы не возьмем на себя инициативу тех или других азартных авантюристических шагов объявления войны Германии в союзе с Англией и Францией [...] не нужно быть пророком и фантастом, чтобы сказать: на другой день после того, как станет ясным, что германский рабочий класс протянул руку к власти, — на улицах Парижа будут воздвигнуты пролетарские баррикады [...] падение для Франции, Америки и Японии наступит более катастрофическое, чем для Австрии и Германии. Если будет сделана попытка наступать пролетариатом Германии [т. е. если в Германии начнется восстание], то для советской России основным долгом будет не знать границ в революционной борьбе. Революционная судьба борьбы германского народа будет нашей собственной судьбой. Что советская Россия чувствует себя только аванпостом европейской и германской пролетарской революции — это для нас всех ясно» (там же, с. 245-250).

¹⁴⁴⁷ Там же, с. 250.

антантовской. Если нам скажут точно, чего хотят — обсудим»¹⁴⁴⁸.

Жить со всеми в мире в дни германской революции — в этом заключалась в те дни позиция Ленина. 22 октября на соединенном заседании ВЦИК, Моссовета, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Ленин выступил с докладом о международном положении:

«Вы знаете, что вспыхнула революция в Болгарии [...]. Теперь приходят с каждым днем известия и о Сербии [...]. Мы знаем, что в восточной Германии образованы военно-революционные комитеты [...] поэтому с полной определенностью можно говорить, что революция созревает не по дням, а по часам [...]. Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата», — сказал Ленин.

Из этого, как казалось, должен был следовать вывод о немедленной мобилизации сил для помощи германской революции. Но Ленин делал совсем иной вывод:

«С одной стороны, мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, а с другой — мы никогда не были столь в опасном положении, как теперь. Налицо нет уже двух, взаимно друг друга пожирающих и обессиливающих, приблизительно одинаково (сильных групп империалистических хищников. Остается одна группа победителей — англо-французских империалистов [...]. Она ставит своей задачей во что бы то ни стало свергнуть Советскую власть России [...]. Вот почему, повторяю, никогда мы не были так близки к международной революции, и никогда не было наше положение столь опасным, потому что раньше никогда с большевизмом не считались как с мировой силой [...]. Есть новый враг [...] этот враг — англо-французский империализм»¹⁴⁴⁹.

Снова и снова Ленин предлагал выжидать, не разрывая мира, на этот раз из-за опасения интервенции Антанты (которая, впрочем, уже состоялась)¹⁴⁵⁰. Резолюция Ленина была принята ВЦИКом большинством

---

¹⁴⁴⁸ Цит. по кн. Горохов и др. Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 97-98.

¹⁴⁴⁹ Пятый созыв ВЦИК, с. 257, 266. Примерно то же самое говорил Чичерин в речи на Пятом съезде Советов в июле 1918 года: «Тактика проволок оказалась возможной благодаря противоречию интересов не только между обеими коалициями, но также и внутри каждой из них и даже внутри империалистического лагеря каждой из воюющих стран. До сих пор бои на Западном фронте связывали силы обеих коалиций, так что ни одна из них не решалась открыто добиваться полного краха России» (МИСИ, кол. К. Каутского, К. 3 15, 160).

¹⁴⁵⁰ Антибольшевистские силы в России, как и Ленин, были убеждены в скором массированном наступлении войск Антанты в глубь России для свержения большевиков. «Никогда мы не переживали с такой радостью тех известий, которые к нам приходят вот уже второй месяц; победа наших союзников резко изменяет картину, — она открывает новые перспективы, она открывает близкую возможность возрождения нашей родины и перспективу близкого освобождения нашими усилиями, в тесном единении с нашими союзниками, от нашего внутреннего врага, от большевизма. — указывал один из кадетских ораторов на краевом съезде партии в Екатеринодаре. — [...] Скоро союзники придут к нам в Россию, и придут нашими друзьями, придут к нам на помощь, придут, чтобы нас спасти. [...] Союзники хотят нам помочь, в этом нет у нас сомнений, — продолжал другой». Одновременно делались усилия для организации русской (белой) армии. «Мы имеем [...] данные, что мобилизация в Сибири дает блестящие результаты [...] и что к ноябрю месяцу мы будем иметь сибирскую [...] 500.000-ю армию, надлежащим образом вооруженную и построенную», — указывал третий оратор (АИГН, 18/2, л. 5, доклад В. А. Степанов, 16 октября; лл. 10 и 23, доклад Н. И. Астрова, 16 октября).

голосов. 24 октября проводник ленинской внешней политики Чичерин по поручению Ленина направил пространное письмо президенту Вильсону, а 3 ноября — официально обратился к правительствам США, Англии, Франции, Японии и Италии с предложением... начать мирные переговоры, чем поверг все эти страны в замешательство: они и не знали, что находятся в состоянии войны со своей союзницей по Антанте. Нота Чичерина выглядела настолько нелепо, что на нее, по-видимому, просто не обратили внимания. К тому же надвигались новые грозные события: 4 ноября началась революция в Австро-Венгрии.

Не разрывая Брестского мира, большевики помогали германской революции тайно, главным образом через советское полпредство в Берлине. Они финансировали более десяти левых социал-демократических газет; получаемая посольством из различных министерств и от германских официальных лиц информация немедленно передавалась немецким левым для использования во время выступлений к рейхстагу, на митингах или в печати. Антивоенная и антиправительственная литература, отпечатанная на немецком языке в РСФСР, рассылалась советским полпредством по все уголки Германии и на фронт. Советским правительством был основан фонд в 10 миллионов рублей, оставленный на попечении депутата рейхстага Оскара Кохна, а в самой Германии на сто тысяч марок было закуплено оружие для организации восстания¹⁴⁵¹. Левый коммунист Иоффе наконец-то получил компенсацию за унижительную роль посла в империалистической державе.

Германское правительство было осведомлено о деятельности советского полпредства. Но поскольку вся агитационная литература посылалась из Москвы в контейнерах с дипломатическими грузами, поймать советских дипломатов с поличным было крайне трудно. В результате, германской полиции пришлось прибегнуть к провокации. В контейнер с советским дипгрузом были подброшены антигерманские листовки, которые и были «случайно» обнаружены германской таможней. Воспользовавшись этим, правительство Германии 5 ноября «за нарушение советским представительством в Берлине ст. 2-й Брестского мира, воспрещавшей всякую агитацию или пропаганду против правительства или государственных военных установлений внутри страны», отозвало свое представительство и все свои комиссии из Москвы и выслало за пределы Германии представительство советской России. Было очевидно, что германское правительство лишь искало повода для разрыва отношений с Советами и высылки советских дипломатов. Брестский мир был разорван

---

¹⁴⁵¹ Fischer. *The Soviets in World Affairs*, v. 1, pp. 75-76.

самими немцами¹⁴⁵².

5 ноября подписала перемирие Австро-Венгрия. Союзные войска заняли Константинополь. В Болгарии была провозглашена республика. Ходили слухи о предстоящем отречении Вильгельма¹⁴⁵³. На пленарном заседании лифляндского ландесрата была утверждена конституция нового государства (и 18 ноября латышские политические партии, собравшиеся на всеобщий конгресс, провозгласили независимость Латвии)¹⁴⁵⁴. В скором времени после этого германские и австро-венгерские войска, находившиеся на оккупированных территориях России и Украины, объявили о нейтралитете в русских делах. Сила, поддерживающая на Украине хоть какой-то порядок, самоустранилась.

В советско-германских отношениях, фактически разорванных, установилось состояние «ни война, ни мир», которое не было изменено даже 8 ноября, после установления в Германии республики и прихода к власти социал-демократов. Но и они не восстановили отношений с советской Россией. Возвращения Иоффе в Берлин большевики смогли добиться только через своих единомышленников в радикальном Берлинском совете, постановившем 9 ноября разрешить Иоффе вернуться в Германию.

Через два дня правительство новопровозглашенной Германской республики подписало в Компьене перемирие с Антантой. Теперь уже нечего было терять и большевикам. 13 ноября на заседании ВЦИК, состоявшемся в гостинице «Метрополь», Свердлов зачитал постановление ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора «в целом и во всех пунктах». В тот же день советское правительство отдало Красной армии приказ перейти демаркационные линии и вступить в занятые немцами районы бывшей Российской Империи. Так началось одно из решающих наступлений Красной армии, целью которого было установление коммунистического режима в Европе. 25 ноября немцы вынуждены были

---

¹⁴⁵² В циркулярной телеграмме, разосланной на следующий день за подписями Ленина, Свердлова и Чичерина всем советским и военным организациям, назывались две причины разрыва Германией дипломатических отношений — участие советских дипломатов в революционном движении Германии и нежелание большевиков наказать убийц графа Мирбаха:

«Обвиняя русское представительство в Германии в участии в революционном движении и обвиняя русское правительство в нежелании наказать убийц гр. Мирбаха, Германское правительство потребовало отъезда из Германии в 24 часа всех находящихся в Берлине русских официальных лиц и в недельный срок русских официальных лиц, находящихся в других местах Германии, впредь до получения от русского правительства гарантии в том, что оно прекратит революционную агитацию в Германии и впредь до наказания убийц и инициаторов убийства Мирбаха. Одновременно в такой же срок должны выехать германские официальные лица из России. Хотя нет признаков, заставляющих ожидать военного наступления на нас Германии, следует быть наготове, на случай всяких неожиданностей с ее стороны» (АТ, Т-71).

¹⁴⁵³ Русский голос. № 127, Киев, 5 ноября 1918.

¹⁴⁵⁴ АИГН, 198/20, с. 2.

оставить Псков, а 28-го — Нарву. В тот же день Рижский совет рабочих депутатов провозгласил себя единственной законной властью в Латвии¹⁴⁵⁵. 29 ноября было образовано советское правительство в Эстонии (не занятым Красной армией остался только Ревель), а 14 декабря — в Латвии. Ядро тех красных войск составляли стрелки Латышской дивизии. К концу декабря глава советского правительства Латвии П. Стучка провозгласил независимость Латышской советской республики. В Латвии же 17 декабря был опубликован большевистский манифест, указавший на Германию как на ближайший объект наступления.

В те дни на повестке дня любого заседания или съезда стоял один вопрос — о мировой коммунистической революции. Казалось, все исчисляется днями. В феврале через Вильно Красная армия вышла к границам Пруссии. «Круг замкнулся, — произнес в начале февраля Радек, — только Германия, самое важное звено, все еще отсутствует». Но германская революция прорывалась со всей неизбежностью. В январе-феврале 1919 года в ряде городов Северной и Центральной Германии были провозглашены республики. Наиболее серьезным положение было в Баварии, где при активном участии большевика Евгения Левина в феврале была провозглашена советская власть и началось формирование Баварской Красной гвардии. Коммунистический мятеж вспыхнул в Руре, где была образована рабоче-солдатская республика.

Окончательная победа коммунистической революции в Германии ожидалась большевиками самое позднее к середине марта 1919 года¹⁴⁵⁶. Но время уже было упущено. Социал-демократическое правительство Германии, наученное горьким опытом российских социал-демократов, начало принимать жесткие контрмеры. 12 февраля в Берлине был вторично арестован большевик Карл Радек. Правительственные войска, состоявшие из добровольцев и реорганизованных частей кайзеровской армии, вступили в Рур. Для защиты фланга Восточной Пруссии и оказания помощи антибольшевистскому добровольческому корпусу, сформированному в Прибалтике, генерал-майор Р. фон дер Гольц выступил с дивизией в направлении на Любаву. В мае правительственные войска Германии заняли Мюнхен. Баварская республика пала. Коммунистическая революция в Германии была подавлена. Вместе с нею, как оказалось, потерпела крушение мировая революция. Ее единственной жертвой осталась Россия.

Эпилог

---

¹⁴⁵⁵ Там же.

¹⁴⁵⁶ Раух. История советской России, с. 102.

Грядущая «мировая революция», вдохновлявшая несколько поколений революционеров, сегодня воспринимается как затертое клише, не имеющее отношения к действительности, а не как практическая политическая программа. В разные исторические периоды лозунгу мировой революции приписывалась то всепобеждающая сила, гарантирующая торжество коммунизма на земном шаре, то очевидная наивность, с вытекающим отсюда неизбежным поражением. Шли годы, менялись правители, под властью коммунизма оказывались все новые и новые страны; «мировая революция» то наступала — в Восточной Европе, на Кубе, в Никарагуа, — приближаясь, к своей конечной цели, то — реже — останавливалась и даже отступала (Чили, Гранада). Но не смолкали споры о том, считать ли сторонниками мировой революции Сталина, Хрущева или Брежнева — что к таковым относились Ленин и Троцкий сомнению, в целом, не подвергалось.

Поражение коммунистических революций в Германии и Венгрии в 1919 году не только укрепляет власть и влияние Ленина, чья политика брестской передышки в новых условиях представляется разумным тактическим ходом, но и приводит к переориентировке всей теории мировой революции. Ее главный инициатор в советском правительстве — Троцкий — предлагает в связи с поражениями на Западе начать экспансию на Восток с целью организации коммунистических революций во всем юго-восточном регионе, включая Индию. Эти планы, однако, не встречают достаточной поддержки в ЦК; и проект Троцкого о перенаправлении главного удара на Восток на время забывают. Тем не менее в 1920 году советское правительство при полной поддержке Ленина делает еще одну, последнюю (до 1939 года) попытку наступления в западном направлении: войну с Польшей оно ведет как войну революционную. Но и здесь, видимо, приходится различать цели «интернационалистов» и цели Ленина. Ленин рассматривает войну с Польшей не с точки зрения мировой революции, а с точки зрения конкуренции с Германией. По крайней мере, сначала он стремится отрезать Германию от Данцига, а затем заключает мир, по которому уступает территории, граничащие с Восточной Пруссией (и так создает буферное пространство, лишая советскую Россию и Германию общей границы). Для сторонников мировой революции такая территориальная уступка означала невозможность наступления непосредственно на Германию с целью экспорта революции. Ленина, наоборот, отсутствие общей границы страховало от непосредственного военного столкновения двух государств. Революция в Германии, как и прежде, не входила в его планы.

С начала 1918 до марта 1921 года советская Россия жила под системой так называемого военного коммунизма. Система эта в экономическом

смысле означала фактическую отмену рынка, торговли, конкуренции и денег (которые были настолько обесценены, что купить на них ничего было нельзя). Наиболее трагичными для населения следует считать введение продразверстки (т. е. насильственной конфискации у крестьянства всего имеющегося продовольствия) и хлебной монополии (запрет крестьянам продавать хлеб кому-либо, кроме государства, запрет горожанам покупать продукты на рынке у частных лиц). Инструментами проведения этой политики стали организованные в деревне комитеты бедноты, заменившие собою сельские Советы, отказавшиеся вводить в деревне военный коммунизм; продовольственные отряды, состоявшие из оголодавших рабочих-горожан и военнотружеников, посылаемых в деревню для грабежа крестьянства; и заградительные отряды, занимавшиеся ловлей «мешочников», т. е. частных лиц, отправлявшихся самочинно в деревню для обмена товаров первой необходимости на продукты питания и везших эти продукты обратно голодному семейству (или даже вполне по-капиталистически обменивавших затем эти продукты снова на товары, но на запрещенном, а следовательно «черном» рынке в городе, и получавших при этом существенную прибыль).

Для экономики государства и благосостояния населения военный коммунизм был катастрофой. Но он приближал «отсталую» Россию еще на один шаг к коммунизму. И поскольку вопрос о мировой революции уже стоял на повестке дня, а до победоносного переворота в Германии оставалось, по мнению большевиков, не более нескольких месяцев, об экономике России можно было не беспокоиться: союз русского серпа и германского молота должен был разрешить все экономические проблемы. Однако реальность оказалась не столь радужной. Революция в Германии захлебнулась, а политика военного коммунизма привела не только к многочисленным крестьянским восстаниям, но и к резкому недовольству в самом Петрограде, равно как и к восстанию в Кронштадте. Совокупность этих причин заставила большевиков пойти на второй за их недолгую историю серьезный компромисс — отказаться от военного коммунизма и вернуться к рыночной, точнее к смешанной рыночно-государственной, экономике. Эта новая советская политика стала называться НЭПом.

Как и Брестский мир, НЭП был очередной «передышкой», только не на внешнем, а на внутреннем фронте. Ленинские слова о том, что НЭП вводится всерьез и надолго вряд ли следует понимать буквально. В 1921 году Ленин и сам не мог знать, на какое время он вводит НЭП. Не знали этого и остальные партийные функционеры. НЭП вводился как мера временная — до победы очередного раунда мировой революции. И, разумеется, никто не понимал, когда именно эта победа придет. Пропагандистские заверения большевиков о том, что революция в

Германии вспыхнет со дня на день, были только словами, хотя даже наискептически настроенные коммунисты вряд ли считали, что ждать придется дольше нескольких лет(*). Тем не менее и эту передышку принять готовы были далеко не все; и НЭП, как в свое время Брест, привел к образованию пусть не столь серьезной, как в 1918, но все-таки оппозиции (разумеется — левой).

(*) Долгосрочные планы и выводы (если речь не шла об утопической теории) вообще противоречили самой природе революционности. Революционеры всегда мыслили в коротких сроках. Вот что указал Зиновьев в речи на Четырнадцатом партийном съезде: «Если бы нас спросили в тот наш момент, когда мы начинали нашу революцию, сколько времени требует наша партия на то, чтобы завершить свою программу, едва ли кто-либо стал тогда говорить о десятилетиях. Если бы нам тогда дали пять лет, мы считали бы, что срок этот весьма значителен и достаточен вполне» (XIV съезд, с. 99-100).

Сам Ленин в победоносную революцию в Германии после 1921 года скорее всего уже не верил. И то, что в публичные речах он утверждал обратное, ничего не доказывает. Как и в 1919-м, после провала ноябрьской революции в Германии, он занялся «консолидацией» собственной власти. Какие 1919-м, он ну жен был в 1921-м большевистской партии и советской системе. Во всем, что касалось внутренних дел, он продолжал оставаться незаменимым. К концу 1922 года он ликвидировал внешние фронты, образовал Союз Советских Социалистических Республик, заключил мирные договоры практически со всеми соседними странами, был окончательно признан главою советского государства, практиком и теоретиком мирового коммунистического движения. Можно с уверенностью сказать, что к тому моменту, когда в конце 1922 года Ленина постиг удар, завершивший его политическую карьеру, Ленин выполнил намеченную на жизнь программу и добился своей заветной цели. Очередной провал коммунистического мятежа в Германии в 1923 году еще раз доказал, что мировая революция в том виде, в каком ее представляли в семнадцатом, уже никогда не придет. Соответственно, необходимо было пересматривать и теорию мировой революции. В противовес ей был выдвинут лозунг социализма в отдельной стране.

Как неоднократно случалось в советской истории, обе теории стали знаменем враждующих в борьбе за власть группировок; и это в конце концов стоило жизни проигравшей стороне. По той же причине абсолютно всеми две теории рассматривались как прямо противоположные, и никто так и не удосужился в пылу политических страстей разобраться в них по существу и понять, что практической разницы между ними не существует. Что же собственно заключали в себе эти теории? Для понимания этого

необходимо прежде всего ответить на вопрос, что скрывалось под лозунгом мировой революции.

Коммунистические теоретики предполагали, что революция не обязательно победит сразу во всем мире, но хотя бы в Европе, и даже не во всей Европе, а по крайней мере, в группе стран. Последнее было необходимо для того, чтобы создать замкнутую коммунистическую систему, способную противостоять военному натиску капиталистических государств, которые, как считали коммунистические теоретики, поставят своей главной задачей подавление революции. Кроме оборонительных целей («передышки»), преследовались еще и наступательные. Группа коммунистических стран, включающая прежде всего Германию, обладала бы сильной военной машиной, необходимой для постепенного захвата в коммунистическую орбиту все новых и новых территорий. Конечной целью этих захватов было, безусловно, установление коммунистической системы во всем мире. Соответственно, теория мировой революции, впервые выдвинутая Марксом и модернизованная Парвусом, Люксембург и Троцким, была тем орудием, которым от капиталистического мира одной за другой откалывались бы страны, где не без помощи коммунистического материка (в 1918 году таким материком была Россия) организовывались и побеждали бы коммунистические революции.

Пока одна за другой вспыхивали (и угасали) революции — в Германии, Венгрии, Финляндии и Прибалтике,— теория Троцкого ни у кого не вызывала сомнений. Но после поражения в Германии в 1923 году и введенного «всерьез и надолго» НЭПа, когда нужно было к тому же налаживать отношения с Западом для использования западного капитала в деле поднятия разоренной революцией и военным коммунизмом советской экономики, теория мировой революции, как официальная государственная, стала неудобна. К тому же 1924 год был еще и годом открытой борьбы за власть после смерти Ленина; и оттеснить Троцкого было тяжело, не выдвинув предварительно формально противостоящей ему теории — социализм в отдельной стране.

Внешне эта теория казалась (и была) очень умеренной, особенно для капиталистического Запада. Советское руководство как бы не ставило отныне своей целью завершение мировой революции и ограничивалось строительством социализма в границах СССР. На самом же деле теория социализма в отдельной стране просто констатировала тот факт, что революционная волна в Европе и Азии временно спала и наступившую передышку следует использовать для строительства социализма в СССР, т. е. не в группе стран победившего коммунизма, противостоящих в экономическом и военном отношениях капиталистическому миру, а всего лишь в одном, достаточно большом государстве. Такая формулировка

имела тем большее основание, что советское руководство все эти годы, начиная с 1917-го, очевидно переоценивало своих капиталистических противников, полагая, что им важнее всего расправиться с большевиками. Между тем у лидеров послевоенной Европы были совсем иные проблемы и планы, связанные прежде всего с восстановлением внутренней жизни, с постоянной борьбой за ликвидацию последствий мировой войны и за выполнение пунктов нелепого Версальского договора.

Сознание того, что «капиталистическое окружение» не намерено, по крайней мере в ближайшем будущем, идти на СССР крестовым походом, было новым обстоятельством, требующим, в период отлива революционной волны, отказа от риторики времен мировой революции, хотя по существу никаких изменений в советской политике и в конечных целях советского руководства не производилось. В этом смысле теория социализма в отдельной стране была далека от оппортунизма ленинского Брестского мира. Брестский мир предопределял политику «передышки», от его подписания или неподписания зависели практические шаги советского правительства. Наоборот, теория «социализма в отдельной стране» лишь констатировала наступившее затишье в Европе и вынужденную передышку в дальнейших попытках Советов экспортировать революцию. Тем не менее Троцкий считал принципиальное решение строить социализм в отдельной стране — Советском Союзе — катастрофой. Уже понимая, что Запад не намерен подавлять коммунистическую систему СССР военным путем, Троцкий все-таки был против установки на одиночество. Почему?

В экономическом плане коммунистическая система не была конкурентоспособной. Она могла существовать лишь вопреки всем правилам рыночной экономики и только благодаря тому, что насильственно подчинялась искусственным законам. Эти законы, как показал военный коммунизм, отменяли рынок и конкуренцию. Коммунистическая революция никогда не ставила своей целью увеличение благосостояния народа или хотя бы рабочих. Она лишь обещала ликвидировать «капиталистическую эксплуатацию» и «перераспределить собственность» (т. е. провести всеобщую национализацию). Почему-то подразумевалось, что от этого рабочий станет жить лучше. Но прямой цели улучшить экономическое положение рабочего перед коммунистами не стояло.

Вставшие перед большевиками проблемы замыкались в круг. Из-за поражения революции в Европе приходилось строить социализм в одной стране, плацдарм для мировой революции. Это значило, что с капиталистическим миром сосуществовать придется какое-то длительное время. Но сосуществовать в экономическом смысле означало конкурировать. А конкурировать с капиталистическим Западом трудно было с помощью неконкурентоспособной коммунистической системы.

Поскольку речь шла лишь о передышке, во время которой предстояло создать собственную военную промышленность для ведения революционной войны, необходимо было поддерживать НЭП и получать помощь от капиталистических стран — в виде концессий, займов, специалистов... Это, в свою очередь, предусматривало отход от военного коммунизма, отказ от риторики времен мировой революции, замену открытой подрывной деятельностью тайной — по линии Коминтерна: до тех пор, пока не позволят обстоятельства, предстояло строить социализм в отдельной стране. Десять лет? Двадцать? Семьдесят? И все это время продолжать конкурировать с капиталистическим миром (который тоже, ведь, как оказалось — и что исключала коммунистическая догма — не стоит на месте, а потому до сих пор не догнан). Но тогда передышка и тактическое отступление, вызванные антикоммунистическими восстаниями недовольного народа, становились осознанной долгосрочной политикой; и социализм в отдельной стране мог оказаться не констатацией передышки, а конечной целью. Вот этого-то и боялся Троцкий.

Стоящий перед советским руководством выбор был достаточно неприятен. Можно было либо оставаться слабой коммунистической державой и при схлынувшей революционной волне в Европе надеяться на милость капиталистических соседей (на что, конечно же, по мнению советского руководства, в долгосрочном плане рассчитывать не приходилось); либо стать сильной страной, опираясь на капиталистические реформы внутри СССР, на рыночную экономику, на капиталистическую же помощь из-за границы. Но это значило перестать быть страной коммунистической, по крайней мере в экономическом отношении. Получалось, что ни в том, ни в другом случае нельзя было построить социализма в отдельной стране, в Советском Союзе. И именно поэтому Троцкий выступил против этой теории и продолжал настаивать на мировой революции, которая, разумеется, не означала немедленного развязывания революционной войны, но подразумевала ставку, в первую очередь, на экспорт революции, а во вторую — на строительство собственной сильной военно-промышленной базы, способной на военную интервенцию против стран «капиталистического окружения» (но ни в коем случае не наоборот). Однако в то время, как Троцкого интересовали теоретические выкладки, сторонников теории социализма в одной стране интересовал сам Троцкий. Наследниками Ленина с ним давно уже велась борьба, целью которой было отстранение Троцкого от власти. Сам Троцкий, по крайней мере, до конца 1925 года не понимал, что с ним борются не из-за реальных идеологических или политических расхождений. Кажется, в этом смысле он был удивительно наивен и не подозревал, что в большевистской партии существует такое примитивное явление, как борьба за власть. В 1925 году,

затравленный своими коллегами, он добровольно покинул военный комиссариат, последнюю свою крепость, и по существу сдался на милость победителей — Сталина, Зиновьева, Каменева и Бухарина, выступавших тогда против Троцкого единым блоком.

В этой борьбе Троцкий не мог победить хотя бы уже потому, что не вел ее «по-большевистски». Понадобился разрыв Сталина с Зиновьевым и Каменевым и блок Зиновьева с Троцким, чтобы последний начал бороться хотя бы с помощью своего достаточно бойкого пера. Однако никакой левой оппозиции Троцкого в то время еще не существовало, и все попытки, в том числе и самого Троцкого, представить дело так, будто левая оппозиция оформилась еще в 1923 году, при жизни Ленина, следует считать фальсификацией. В 1923 году в партии действительно возникла оппозиционная группа, только Троцкий к ней не имел никакого отношения. Левая оппозиция Троцкого в действительном смысле этого слова появилась в декабре 1925 года, после блока Зиновьева с Троцким.

Однако наступивший 1926 год был не лучшим годом оппозиционеров. Признаваться партии в том, что речь идет о борьбе за власть между Сталиным-Бухариным, с одной стороны, и Троцким-Зиновьевым, — с другой, было достаточно невыгодно: оппозиционеров это привело бы к неременному поражению, так как партийный аппарат в этом случае, конечно же, поддержал бы руководство уже стоящее у власти, а не свергнутых конкурентов. Для серьезной политической борьбы необходима была платформа; для платформы — очевидные разногласия. Разногласия эти нужно было сформулировать как в вопросах внутренней политики, так и в вопросах политики внешней. Во внутренней политике разногласия было сформулировать просто: критика НЭПа слева и призыв, по существу, к возврату военного коммунизма.

Сложнее было с разногласиями внешнеполитическими. Первоначально оппозиция пыталась формулировать их по вопросу о генеральной стачке в Англии. Однако эта тема откровенно не интересовала партийные низы. А распространенный оппозицией в июле 1926 года документ о генеральной стачке в Англии, написанный ужасным языком и подписанный Зиновьевым, Троцким, Каменевым, Пятаковым и Крупской, в целом, следует считать крайне неудачным. Неясно, к чему бы привели поиски расхождений во внешнеполитической программе, если бы не начавшаяся в Китае революция. Для формирования левой оппозиции этого было больше чем достаточно. Подвергая правительство критике слева, оппозиция утверждала, что Сталин с Бухариным ведут в Китае оппортунистическую политику, обрекая китайскую революцию на поражение. В тактическом отношении оппозиция заняла, по существу, беспроегрышную позицию: в случае поражения революции в Китае она могла утверждать, что в этом

виновата оппортунистическая политика Сталина-Бухарина; в случае победы - что победа одержана благодаря бдительной критике со стороны оппозиции и тому, что правительство последовало указаниям оппозиционеров.

Левая оппозиция по вопросу о китайской революции несколько походила на левую оппозицию против Брестского мира. Очевидно и то, что сталинско-бухаринская политика в отношении китайской революции во многом повторяла ленинскую политику «брестской передышки». Но если Ленин боялся как таковой победы коммунистической революции в Германии и уготовленной для него в этом случае второстепенной роли, Сталин, судя по всему, опасался совсем другого. Он понимал, что коммунистическая революция в Китае приведет к гражданской войне и распаду слабого китайского государства. В эту гражданскую войну неизбежно вмешается Япония и без труда одержит в Китае победу. Советская же интервенция в Китай приведет лишь к советско-японскому конфликту. А к столкновению с Японией Советский Союз в 1927 году готов не был. По этим причинам до тех пор, пока между Чан Кайши и китайской компартией существовал блок, Сталин не считал нужным начинать коммунистический переворот в Китае, на чем так настаивала оппозиция.

Япония всегда занимала особое место во внешней политике советского государства. Достаточно указать на то, что японская интервенция на Дальнем Востоке времен гражданской войны, в отличие в американской, английской и французской, была реальной и длительной. Дальневосточная республика, просуществовавшая до 1922 года, была создана как буфер против неизбежной японской оккупации Дальнего Востока. И именно Япония, а не Европа, была основным внешнеполитическим противником СССР в двадцатые и тридцатые годы. Ради противостояния Японии были восстановлены в начале тридцатых годов советско-американские отношения. Для более быстрого отражения вероятной японской агрессии (а не на случай войны с Германией, как пишут историки) в 1937 году началось создание мощной промышленной базы на Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Казахстане и Средней Азии. В том же году Япония приступила к оккупации Китая (сталинская политика в Китае обеспечила СССР передышку в десять лет) и к октябрю 1938 года заняла значительную его часть, выйдя к границам Монголии, оккупированной, в свою очередь, Советским Союзом. Началось противостояние двух армий, которое, по крайней мере дважды, приводило к локальным войнам: в июне-августе 1938 года в районе озера Хасан и в мае-сентябре 1939 на реке Халхин-Гол, где конфликт был урегулирован только благодаря посредничеству Германии, предусмотренному, по настоянию Сталина, одним из пунктов пакта Молотова-Риббентропа, подписанного в августе 1939 года.

Конечно же, советское руководство вряд ли предвидело все это в 1927

году. Но общая напряженность в советско-японских отношениях требовала наличия сильного единого и национального Китая, могущего противостоять японской агрессии, а не коммунистического слабого и раздробленного гражданской войной государства, напрашивающегося в жертвы к Японии. И хотя по линии Коминтерна само же советское правительство усиливало компартию и готовило ее к возможному коммунистическому перевороту в стране, установление в Китае коммунистического режима в 1927 году, судя по всему, не входило в планы Сталина. Ради передышки в войне с Японией он готов был принести в жертву коммунистическую революцию в Китае точно также, как в восемнадцатом в жертву принесли ожидаемую революцию в Германии.

Правда, в 1918 году Ленин великодушно простил левых коммунистов и никогда не напоминал им об их былой ереси. Неудачное наступление Красной армии на запад в январе 1919 года (в соответствии с программой левых коммунистов) и поражение коммунистического переворота в Германии само собой ликвидировали эту проблему. Сталин был куда злопамятней. В декабре 1927 года он начал репрессии против левой оппозиции Троцкого. Тогда же, на очередном (Пятнадцатом) партийном съезде, заставил оппозиционеров публично капитулировать. Одновременно с этим он принял на вооружение платформу оппозиционеров в основных ее пунктах: отказ от НЭПа и, в связи с распадом блока китайских коммунистов с правительством, курс на коммунистический переворот и вооруженное восстание в Китае. Этим он обезоружил оппозицию, а затем, потерпев поражение в Китае (как в девятнадцатом в Германии), вместо того чтобы, подобно Ленину, предать инцидент забвению, сослал всех оппозиционеров.

Хотим мы этого или нет, время меняет наше видение прошлого. Прошли годы, и две коммунистические державы, Китай и СССР, занялись проведением далеко не социалистических реформ — из-за невозможности иначе конкурировать с капиталистическим миром и друг с другом. Сегодня сам собою напрашивается вывод о том, что теория построения социализма в отдельной стране потерпела провал. Коммунистическая система так и осталась неконкурентоспособной. Потеряв темп и наступательную динамику, не сумев своевременно захватить западные промышленные страны, советское государство не обеспечило себе свободного от конкуренции рынка; вынужденное соревноваться с Америкой и Китаем, оно должно было провести, или хотя бы попытаться провести, «капиталистические» реформы. Может быть (с точки зрения коммунистических интересов), не так уж не прав был Троцкий, настаивая на мировой революции и скорейшем достижении конечной цели. Но и его теория провалилась в одном решающем пункте. Интернационалист Троцкий никогда не уделял достаточного внимания национальному

вопросу. Созданная им модель не считала национальные проблемы внутри коммунистической системы сколь-либо важным фактором. Советско-югославский, советско-китайский, китайско-вьетнамский и вьетнамо-камбоджийский конфликты, равно как и постоянная напряженность в венгерско-румынских отношениях, показали, что Троцкий ошибался, и столкновения между коммунистическими державами столь же неизбежны, как и между «капиталистическими». И тогда замыкался последний круг: конкуренция диктовала необходимость быть сильным; для этого требовалось поднятие экономики, что в свою очередь возможно было сделать лишь проведя «капиталистические» реформы. По этому пути пошел Китай. На этот путь становится Горбачев. Мы можем быть спокойны за «перестройку» — иного выхода нет.

Приложения

1. Историография по проблеме «Левые эсеры»

Зародившись на рубеже Октябрьского переворота, блок большевиков и левых эсеров распался в июле 1918 г. при самых загадочных обстоятельствах — немедленно после убийства в Москве германского посла графа Мирбаха и так называемого «восстания левых эсеров». С этого момента ведет свою историю однопартийная диктатура коммунистической партии СССР. Не удивительно, что кратковременный союз двух партий, большевиков и левых эсеров, закончившийся вооруженной конфронтацией в июле 1918 г., давно привлекал внимание историков. Исторические работы о блоке левых эсеров и большевиков начали появляться уже в двадцатые годы, но характер их был далек от научного¹⁴⁵⁷. Позже, вплоть до середины 50-х годов, в СССР публиковались работы о большевистско-левоэсеровском союзе, но, к сожалению, эти исследования были тенденциозны и их авторы лишь пытались подчеркнуть отрицательную роль ПЛСР в Октябрьском перевороте и в деле становления в СССР советской власти¹⁴⁵⁸. Послесталинская историография также не вывела историков Советского Союза за пределы, ограниченные рамками

---

¹⁴⁵⁷ Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг.; Шестаков. Блок с левыми эсерами; Мороховец. Аграрные программы российских политических партий в 1917 году.

¹⁴⁵⁸ Показательной в этом смысле следует считать полуанонимную публикацию за подписями Н. и К. «Ликвидация левоэсеровского мятежа в Москве в 1918 году». Из эпитетов в этой статье в адрес левых эсеров и «контрреволюционное отрепье», и «левоэсеровский бандитский отряд Попова», и указание, что «к весне 1918 г. левоэсеры уже превратились в озверелую банду диверсантов-террористов». См. также: Агеев. Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров; Аграрная программа В. И. Ленина; Парфенов. Разгром левых эсеров; Чугаев. Борьба коммунистической партии за упрочение советской власти; Луцкий. Борьба вокруг декрета «О земле»; Зайцев. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству.

марксистско-ленинской идеологии, хотя, начиная с 1956 года, в СССР было опубликовано большое число работ по истории ПЛСР¹⁴⁵⁹. Эти исследования отличались от предшествующих тем, что часто были написаны на основе архивных материалов, недоступных западным историкам, и вводили в научный оборот ранее неизвестные источники¹⁴⁶⁰.

На Западе труды по истории большевистско-левоэсеровских отношений, к сожалению, немногочисленны. На русском языке отдельных работ о партии левых эсеров нет вообще, хотя некоторые историки не только подвергали сомнению теорию о «восстании левых эсеров» в июле 1918 года¹⁴⁶¹, но и по-иному смотрели на большевистско-левоэсеровские отношения. Например, Б. И. Николаевский в комментариях к книге одного из западных авторов указывал, разбирая вопрос о левых эсерах, что «они помогли большевикам в самые критические месяцы их существования и активно участвовали в разгоне Учредительного собрания и захвате Совета крестьянских депутатов, в Октябрьском перевороте и многом другом»¹⁴⁶². И эти выводы Николаевского принципиально отличались от стандартного взгляда на левых эсеров. В целом, западная историография изучала вопрос о большевистско-левоэсеровских отношениях лишь поверхностно, обычно в связи с изучением более общих, либо, наоборот, более конкретных тем. Настоящая работа поэтому в главах, касающихся левых эсеров и установления однопартийной диктатуры в СССР, ставит перед собой задачу, обобщив предшествующую историографию, показать и проанализировать основные аспекты большевистско-левоэсеровского политического сотрудничества в октябре 1917 — июле 1918 г., со дня большевистского переворота до разгрома ПЛСР большевиками. Эти главы описывают образование ПЛСР и ее отношения с большевиками до октября 1917; формирование двухпартийного большевистско-левоэсеровского

---

¹⁴⁵⁹ Гусев. Крах партии левых эсеров; Хмылов. К вопросу о борьбе большевиков против соглашательства «левых» эсеров; Жидков. Борьба партии большевиков с правыми и левыми эсерами; Спиридонов. Борьба коммунистической партии против левых эсеров; Смирнов. Об отношении большевиков к левым эсерам; Илюхина. К вопросу о соглашении большевиков с левыми эсерами; Кучма. Ленин о теоретических основах соглашения большевиков с левыми эсерами; Голуб. О блоке большевиков с левыми эсерами; Слепов. Применение большевиками тактики левого блока.

¹⁴⁶⁰ Из обширной литературы, изучающей в той или иной степени партию левых эсеров, следует выделить книгу Гусева «Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции». В ней, по существу впервые в советской историографии, в развернутой форме описано сотрудничество большевиков и левых эсеров во второй половине 1917 — начале 1918 года (с. 146-183). Одной из самых серьезных работ о большевистско-левоэсеровском сотрудничестве в первые месяцы советской власти является труд Разгона «ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата».

¹⁴⁶¹ Авторханов. Происхождение партократии, т. 1, с. 506-509. С другой стороны, в недавно вышедшем двухтомнике Геллера и Некрича «Утопия у власти» излагается традиционная советская точка зрения на июльские события 1918 г. (с. 63 и далее).

¹⁴⁶² АИГН, 519/30, гл. 7, с. 2.

правительства, в котором не было места другим социалистическим партиям, таким как меньшевики или эсеры; созыв и роспуск Учредительного собрания; отношения между этими двумя партиями в период апреля-июня 1918 г. (здесь внимание уделяется в основном противоречиям между большевиками и левыми эсерами по поводу Брест-Литовского мира, борьбы с крестьянством и отношений с другими социалистическими партиями). Особое внимание уделено июльским событиям 1918 года, приведшим к политическому разгрому ПЛСР: убийству 6 июля 1918 г. германского посла Мирбаха и так называемому «восстанию левых эсеров», причем в настоящем исследовании июльские события предстают в новом освещении.

В советской историографии вопрос о «мятеже левых эсеров» в Москве в июле 1918 г. считается давно изученным. Многочисленные советские авторы, расходясь в детализации событий, всегда соглашались в главном: ПЛСР совершила убийство Мирбаха и подняла антибольшевистский мятеж с целью сорвать Брест-Литовский мирный договор и свергнуть советскую власть¹⁴⁶³. Удивительно, что и столь недоверчивая во многих других случаях западная историческая наука в целом беспрекословно приняла эту советскую точку зрения. Фундаментальные труды зарубежных историков и отдельные исторические монографии редко противостояли официальной советской теории¹⁴⁶⁴. Впервые в 1922 году официальную версию о «восстании левых эсеров» подверг сомнению бывший советский функционер социал-демократ Е. Лундберг. «В восстание я не верю, — писал он, — ибо Александрович, умирая, сказал: «Да здравствует власть Советов»¹⁴⁶⁵. Известный русский революционер эсер Чернов также с сомнением относился к версии о восстании левых эсеров, называя его

---

¹⁴⁶³ Точка зрения советской историографии по данному вопросу сводится к следующему: «24 июня ЦК партии левых эсеров постановил путем террористических актов против представителей германского империализма сорвать Брестский мир, спровоцировать войну с Германией и насильственным путем изменить политику советской власти. Началась подготовка к вооруженному выступлению. Заговорщики рассчитывали, что мятеж в Москве будет поддержан и войсками Восточного фронта, во главе которых стоял левый эсер Муравьев, и левозерсовскими организациями других городов» (Революционные латышские стрелки, с. 103).

¹⁴⁶⁴ Так, Леонард Шапиро в книге «Коммунистическая партия Советского Союза» повторяет, по существу, советскую точку зрения, причем делает попытку оправдать большевистский террор: «Мятеж также укрепил утверждение большевиков, что только один шаг отделяет оппозицию от вооруженного восстания, и это оправдывало в их глазах систематический красный террор, направленный против всех политических противников» (с. 269). Однако в другой своей книге, *The Origin of the Communist Autocracy*, Шапиро в главе «Левые эсеры», сн. 37, указывает, что, по свидетельству некоторых источников, левые эсеры не планировали ни заговора, ни восстания. Л. Фишер в книге «Жизнь Ленина» также поддерживает версию о мятеже левых эсеров (с. 359-361). Аналогичной точки зрения придерживается и И. Дойчер (*The Prophet Armed*, pp. 403-404).

Стандартной точки зрения по вопросу о «восстании левых эсеров» и убийстве Мирбаха придерживается и немецкий историк фон Раух (Rauch. *A History of Soviet Russia*, pp. 94-95).

¹⁴⁶⁵ Лундберг. Записки писателя, с. 182. Автор до 1917 года был социал-демократом, вместе с Н. Н. Сухановым и В. Б. Станкевичем издавал интерналистский «Современник», с марта 1918 года работал сотрудником в «Знамени труда» в Москве, с августа 1918 года — в наркомпросе. Эмигрировал.

«чем-то вроде левоэсеровского восстания против большевистской диктатуры»¹⁴⁶⁶. Много позже, в 1962 году, появилось первое серьезное историческое исследование: Г. М. Катков опубликовал статью, аргументированно подвергшую сомнению всеми признанную версию¹⁴⁶⁷. Вывод Каткова сводился к тому, что «Мирбах был убит Блюмкиным и Андреевым с ведома большевиков и, вероятно, самого Ленина. Левые эсеры оказались здесь жертвой провокации большевиков (не в первый и не в последний раз)»¹⁴⁶⁸. И лишь после публикации статьи Каткова недоверие к советской официальной точке зрения высказали другие западные историки. Вот что писал, например, один из ведущих советологов США Адам Улам:

«Драма, разыгравшаяся в июле и августе [1918 г.] и приведшая к гибели левого крыла когда-то гордой партии, лояльной русскому крестьянству, до сих пор хранит в себе элемент тайны [...]. Все сконцентрировалось вокруг графа Мирбаха, чье убийство якобы было санкционировано Центральным комитетом социалистов-революционеров на заседании 24 июня [...]. Было бы неудивительно, если б кто-либо из коммунистических лидеров решил убрать Мирбаха [...]. Безусловно, обстоятельства, связанные с убийством, крайне загадочны [...]. Приходится подозревать, что, по крайней мере, некоторые из коммунистических сановников знали о решении социалистов-революционеров, но ничего не предпринимали [...]. Возможно, по крайней мере, что кто-то в высших большевистских кругах был осведомлен об эсеровских приготовлениях, но считал, что представляется хорошая возможность избавиться от них [эсеров] и от германского дипломата, причиняющего неприятности. Вообще, самые сильные подозрения падают на Дзержинского»¹⁴⁶⁹.

Джоэль Кармайл также подвергает сомнению официальную советскую точку зрения. Он пишет:

«Обстоятельства этого убийства остаются необычайно загадочными [...]. Сами левые эсеры яростно отрицали всякую подготовку к восстанию, хотя и не оспаривали своего участия в убийстве и даже похвалялись им. Однако несоответствия, содержащиеся в этой версии, начисто опровергают ее [...]. Ленин использовал убийство Мирбаха как предлог для истребления левых эсеров. Их пресловутое «восстание» было не более чем протестом

---

¹⁴⁶⁶ АИГН, 382/2, с. 33.

¹⁴⁶⁷ Katkov. The Assassination of Count Mirbach, pp. 53-94.

¹⁴⁶⁸ АИГН, 486/3.

¹⁴⁶⁹ 13.. Улам. The Bolsheviks, pp. 423, 424-425. Советскую официальную версию Адам Улам подвергает сомнению и в другой своей книге: A History of Soviet Russia, p. 33.

против большевистских «преследований», состоявших в том, что большевики представили их общественности, в особенности германскому правительству, убийцами Мирбаха. Эсеровский «бунт» был на редкость ребяческой затеей»¹⁴⁷⁰.

Более резок в своих выводах американский историк С. Поссопи. Он недвусмысленно обвиняет в организации убийства Мирбаха большевиков, и прежде всего — Ленина. Поссопи пишет:

«Подозреваемые в заговоре были все скопом арестованы в Большом театре — после того, как большевистских делегатов должным образом проинформировали о случившемся и они покинули зал, и до того, как информация дошла до эсеров. Эсеры действительно отважились на какие-то военные действия, но, похоже, лишь обороняясь от большевиков; возможно также, что их подтолкнули к выступлениям большевистские провокаторы. (Многие левые эсеры оставались под влиянием большевиков.)

Коротко говоря, убийство Мирбаха было, вероятно, провокацией большевиков; если это так, то руководил заговором, скорее всего, Ленин. В самом деле, уничтожение Мирбаха было очень выгодно, так как он являлся тем представителем Германии, который более, чем кто-либо другой, мог и хотел добиться свержения большевиков. Его смерть устранила такую угрозу и послужила Германии предупреждением, что не следует обманываться насчет России. Убийство Мирбаха существенно уменьшило германское влияние в России.

Для Ленина, естественно, существовал риск, что Германия ответит репрессалиями, но германские власти не были заинтересованы в свержении большевиков. Они охотно удовлетворились обвинением эсеров. Вильгельм II возложил ответственность за все пропагандистские выступления на Антанту, утверждая, что «даже при отсутствии прямых доказательств [...] им нелегко будет доказать обратное». И, что существеннее всего, это событие позволило Ленину подавить эсеров, с которыми стало трудно иметь дело»¹⁴⁷¹.

В настоящей работе читатель найдет не только хронику Брестского мира, интересную саму по себе, но по-иному взглянет на проблемы, считавшиеся давно выясненными. Тайные отношения между революционерами и германским правительством, уходящие своими корнями в еще дореволюционное прошлое; финансирование Германией русской революции и, прежде всего, ленинской группы; вопрос о сепаратном мире и противостояние ему сторонников мира всеобщего, без аннексий и контрибуций; истинные цели Ленина; действительная позиция

---

¹⁴⁷⁰ Кармайкл. Троцкий, с. 142, 143.

¹⁴⁷¹ Possony. Lenin, p. 284.

Троцкого; масштабность оппозиции заключению Брестского мира; и заключение мира, не соблюдавшегося ни дня ни одной стороной; убийство германского посла Мирбаха; несуществовавшее «восстание левых эсеров»; разрыв Брестского договора и начало революционной войны против Запада в конце 1918 года — вот основные темы, затрагиваемые этой книгой.

Источниковедческая база работы обширна. В ней использованы архивные документы Гуверовского института (Стенфорд, США), прежде всего коллекции Б. И. Николаевского; материалы архива Международного института социальной истории в Амстердаме и архива Троцкого в Гарвардском университете в Бостоне¹⁴⁷². Крайне важными для исследовательской работы были опубликованные первоисточники, документы, изданные в СССР и на Западе, многочисленные мемуары, равно как и исторические труды. Подробные библиографические сноски на эти источники читатель найдет в примечаниях к главам.

2. Документы

Эсеровский крестьянский наказ о земле (242-х)

Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. — отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, — переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведования ими местными органами самоуправления.

---

¹⁴⁷² Цитирование материалов этих архивов производится с любезного разрешения администрации архива Гуверовского института, Бахметьевского архива Колумбийского университета, дирекции Международного института социальной истории и отдела рукописей Хогтонской библиотеки Гарвардского университета.

3) Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. п. — не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их. Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение двух лет сельское общество обязуется до восстановления его трудоспособности на этот срок прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но, взамен того, получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землею должны быть совершенно свободны — подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам, в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организация переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию либо по соглашению.

Все, содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

Законы и постановления, изданные от имени Учредительного собрания

Закон о земле

1. Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется.

2. Все находящиеся в пределах Российской республики земли со всеми их недрами, лесами и водами составляют народное достояние.

3. Распоряжение всей землей с ее недрами, лесами и водами принадлежит республике в лице ее центральных органов и органов местного самоуправления на основаниях, установленных настоящим законом.

4. Самоуправляющиеся на государственно-правовых началах области Российской республики осуществляют свои земельные права на основаниях сего закона и в согласии с федеральной конституцией.

5. Задачи государственной власти в области распоряжения землей, недрами, лесами и водами составляют: а) создание условий, благоприятствующих для наилучшего использования естественных богатств страны и для наивысшего развития производительных сил; б) справедливое распределение всех естественных благ среди населения.

6. Права лиц и учреждений на землю, недра, леса и воды осуществляются только в форме пользования.

7. Пользователями земель, недрами, лесами и водами могут быть все граждане Российской республики, без различия национальностей и вероисповеданий, и их союзы, а равно государственные и общественные учреждения.

8. Земельные права пользователей приобретаются, осуществляются и прекращаются на началах, установленных настоящим законом.

9. Принадлежащие ныне отдельным лицам, союзам и учреждениям земельные права, поскольку они противоречат сему закону, отменяются.

10. Отчуждение в народное достояние земель, недр, лесов и вод, находящихся ныне у лиц, союзов и учреждений на праве собственности или ином вещном праве, производится без выкупа.

Обращение Учредительного собрания к союзным державам

Именем народов Российской республики Всероссийское Учредительное собрание, выражая непреклонную волю народа к немедленному прекращению войны и заключению справедливого всеобщего мира, обращается к союзным с Россией державам с предложением приступить к совместному определению точных условий демократического мира, приемлемых для всех воюющих народов, дабы представить эти условия от имени всей коалиции государствам, ведущим с Российской республикой и ее союзниками войну.

Учредительное собрание исполнено непоколебимой уверенностью, что стремление народов России к прекращению губительной войны встретит единодушный отклик в народах и правительствах союзных государств и что общими усилиями достигнут будет скорый мир, обеспечивающий благо и достоинства всех воюющих народов.

Выражая от имени народов России сожаление, что начатые без предварительного соглашения с союзными демократиями переговоры с Германией получили характер переговоров о сепаратном мире, Учредительное собрание, именем народов Российской федеративной республики, продолжая устоявшееся перемирие, принимает дальнейшее ведение переговоров с воюющими с нами державами на себя, дабы, защищая интересы России, добиваться в согласии с волей народной

всеобщего демократического мира.

Учредительное собрание заявляет, что оно окажет всемерное содействие начинаниям социалистических партий Российской республики в деле немедленного созыва международной социалистической конференции в целях достижения всеобщего демократического мира.

Учредительное собрание постановляет избрать из своего состава полномочную делегацию для ведения переговоров с представителями союзных держав и для вручения им обращения о совместном выяснении условий скорейшего окончания войны, равно как и для осуществления решения Учредительного собрания по вопросу о мирных переговорах с державами, ведущими против нас войну.

Данная делегация имеет [полномочия] под руководством Учредительного собрания немедленно приступить к исполнению возложенных на нее обязанностей.

Постановление о государственном устройстве России

Именем народов, государство Российское составляющих, Всероссийское Учредительное собрание постановляет:

Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах суверенные.

Позиция ЦК РСДРП(б) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире

Дорогие товарищи!

Организационное бюро ЦК считает необходимым обратиться к вам с разъяснением мотивов, побудивших ЦК согласиться на условия мира, предложенные германским правительством. Организационное бюро обращается к вам, товарищи, с этим разъяснением в целях широкого осведомления всех членов партии о точке зрения ЦК, представляющего в периоды между съездами всю партию. Организационное бюро считает необходимым указать, что единогласия в ЦК по вопросу о подписании условий мира не было. Но раз принятое решение должно быть поддержано всей партией. В ближайшие дни предстоит партийный съезд, и на нем лишь можно будет разрешить вопрос, насколько правильно ЦК выражал действительную позицию всей партии. До съезда все члены партии во имя партийного долга, во имя сохранения единства в наших собственных рядах проводят в жизнь решения своего руководящего органа, ЦК партии.

Безусловная необходимость подписания в данный момент (24 февраля 1918 г.) захватного, невероятно тяжелого мира с Германией вызывается прежде всего тем, что у нас нет армий, что мы обороняться не можем.

Все знают, почему после 25/X 1917 г., после победы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, мы все стали оборонцами, мы за защиту отечества.

Недопустимость, с точки зрения защиты отечества, давать себя вовлечь в военную схватку, когда не имеешь армии и когда неприятель вооружен до зубов, подготовлен великолепно.

Нельзя советской социалистической республике вести войну, имея заведомо огромное большинство выбирающих в Советы рабочих, крестьянских и солдатских масс против войны. Это было бы авантюрой. Другое дело, если эта война закончится хотя бы архитяжким миром, и германский империализм потом опять пожелает вести наступательную войну против России. Тогда большинство Советов, наверно, будет за войну.

Вести войну теперь, значит, объективно, поддаваться на провокацию русской буржуазии. Она прекрасно знает, что Россия сейчас беззащитна и будет разгромлена даже ничтожными силами германцев, которым достаточно перерезать главные ж.-д. линии, чтобы голодом взять Питер и Москву. Буржуазия хочет войны, ибо хочет свержения советской власти и соглашения с немецкой буржуазией. Триумф буржуев в Двинске и Режице, в Вендене и в Гапсале, в Минске и в Дриссе, при вступлении немцев, яснее ясного подтверждает это.

Защита революционной войны в данный момент неминуемо сбивается на революционную фразу. Ибо без армии, серьезнейшей экономической подготовки вести современную войну против передового империализма для разоренной крестьянской армии — вещь невозможная. Сопrotивление германскому империализму, который раздавит нас, взяв в плен, безусловно необходимо. Но пустой фразой было бы требование: сопротивляться именно посредством вооруженного восстания и именно сейчас, когда такое сопротивление заведомо безнадёжно для нас, заведомо выгодно и для германской, и для русской буржуазии.

Такой же фразой является защита революционной войны сию минуту доводами о поддержке международного социалистического движения. Если мы облегчим германскому империализму своим несвоевременным принятием боя с ним разгром советской республики, то повредим, а не поможем германскому и международному рабочему движению и делу социализма. Надо всесторонней, настойчивой, систематической работой помогать только революционным интернационалистам внутри всех стран, но идти на авантюры вооруженного восстания, когда оно заведомо есть авантюра, недостойно марксиста.

Если Либкнехт победит в 2— 3 недели (это возможно), он, конечно, выпутает нас из всех трудностей. Но было бы просто глупостью и превращением в издевку великого лозунга солидарности трудящихся всех стран, если бы мы вздумали ручаться перед народом, что Либкнехт непременно и обязательно победит в ближайшие недели. Именно рассуждая так, превращают в пустейшую фразу великий лозунг: «Мы ставили карту на мировую революцию».

Положение дела, объективно, похоже на лето 1907 года. Тогда нас задавил и взял в плен русский монархист Столыпин, теперь — немецкий империалист. Тогда лозунг немедленного восстания оказался пустой фразой, охватившей, к сожалению, всю партию эсеров. Теперь, в данную минуту, лозунг революционной войны явно есть фраза, увлекшая левых эсеров, которые повторяют доводы правых эсеров. Мы в плену германского империализма, нам предстоит трудная и долгая борьба за свержение этого застрельщика всемирного империализма: эта борьба есть, безусловно, последний и решительный бой за социализм, но начинать эту борьбу с вооруженного восстания в данный момент против застрельщика империализма есть авантюра, на которую никогда не пойдут марксисты.

Систематическая, неуклонная, всесторонняя подготовка обороноспособности страны, самодисциплины везде и повсюду, использование тяжкого поражения для повышения дисциплины во всех областях жизни, в целях экономического подъема страны и упрочения советской власти — вот задача дня, вот подготовка революционной войны на деле, а не на словах.

В заключение Организационное бюро считает необходимым указать, что, поскольку до сих пор наступление германского империализма не прекращено, все члены партии должны организовать дружный отпор. Если нельзя подписанием мира, хотя бы и крайне тягостного, получить время для подготовки к новым битвам, наша партия должна указывать на необходимость напряжения всех сил для самого откровенного сопротивления.

Если можно выиграть время, получить хотя бы и короткую передышку для организационной работы, мы обязаны добиться этого. Если отсрочки нам не дано, наша партия должна призывать массы к борьбе, к самой энергичной самозащите. Мы уверены, что все члены партии исполнят свой долг перед партией, перед рабочим классом своей страны, перед народным пролетариатом. Сохраняя советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его неимоверно трудной, тяжелой борьбе против своей буржуазии. И большего удара для дела, социализма теперь, чем крушение советской власти в России, нет и не может быть.

С товарищеским приветом
Организационное бюро ЦК РСДРП (большевиков).

Из резолюции по текущему моменту, принятой IV уральской конференцией РКП(б)*

(*) IV Уральская областная конференция РКП(б) состоялась 25-29 апреля 1918 г. Резолюция была предложена Г. И. Сафаровым. Эту же резолюцию 30 голосами приняла и Пермская общегородская конференция РКП(б) 13 мая 1918 года (см. Известия Пермского окружного Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов, № 93, 22 мая 1918г.).

При такой международной обстановке, создавшейся для рабоче-крестьянской революции, явилась бы совершенно недопустимой и гибельной тактика постепенного проведения в жизнь Брестского договора и политика непрерывных уступок с каждым днем наглежащему германскому империализму (так же, как и империализму других стран). Социалистическая революция в России не может купить себе хотя бы кратковременного существования ценою сдачи своих главнейших позиций, но в то же время может потерять всю свою притягательную силу для рабочего класса и крестьянской бедноты России и для международного пролетариата.

[Уральский рабочий (Екатеринбург) № 82, 30 апреля 1918 г.]

Резолюция о текущем моменте, принятая конференцией РСДРП(б) Горловско-Щербинского района**

24 февраля 1918г.

***) В основу резолюции были положены тезисы, предложенные левым коммунистом Ш. А. Грузманом.

Обсудив вопрос о политической ситуации, создавшейся вследствие наступления войск Вильгельма и предъявленных условий империалистическим правительством Германии, находим:

1) что мы вступили в эпоху великих социальных бурь, когда изживающий себя капиталистический строй делает всякие попытки предупредить загорающийся мировой пожар, пламя которого уже охватывает всю Европу;

2) происходящее в настоящий момент наступление есть первая активная попытка международной контрреволюции объединиться и открыто выступить против пролетариата России как застрельщика мировой революции с целью задушить его;

3) победоносная российская социальная революция героической борьбой пролетариата окончательно аннулировала значение империалистической войны и старые рамки национально-территориальных государств, ведущих войну, уже стерты, и вопрос стоит не войны между одной империалистической коалицией и другой (Австро-Венгрия выступила из коалиции Центральных держав, Румыния — из союзнической коалиции), а войны между всемирной революцией, с одной стороны, и контрреволюцией — с другой, гражданской войны между пролетариатом и буржуазией всех стран;

4) новая война не только по существу, но и фактически будет являться гражданской войной, ибо громаднейшее большинство немецких солдат отказывается воевать — там офицерство Германии, Польши, Эстляндии, предательской Центральной Рады и всяких др. контрреволюционеров;

5) оставаясь верными принципам революционной борьбы с контрреволюцией Керенских, Калединых, Центральной Рады и прочих — считаем, что подписание немецких условий является оттяжкой кровавой схватки между двумя борющимися мировыми силами и временным торжеством международной контрреволюции.

Исходя из этого, конференция и Горловско-Щербиновский комитет РСДРП (большевиков) отвергает всякие переговоры и подписание условий Германии и требует объявления гражданской войны, доведение до конца которой является священным долгом социалистического пролетариата.

Да здравствует мировая социальная революция!

Резолюция общегородского собрания РСДРП(б) г. Николаева о заключении мира с Германией

25 февраля 1918г.

Общегородское собрание членов РСДРП (большевиков) г. Николаева, обсудив тяжкое положение, создавшееся благодаря согласию ЦИК Советов на подписание условий мира, продиктованных усилившейся в Германии реакцией, постановило:

1) Обратиться в ЦИК Советов в Петроград и Совет народных комиссаров и ЦК нашей партии, к ЦИК Советов Украины в Киеве и ко всем Советам с заявлением, что Николаевская организация партии большевиков считает, что правильно было решение Совета народных комиссаров отказаться от подписания мира и одновременно выйти из войны.

2) Вместе с тем Николаевская [организация] партии большевиков находит, что капитуляция рабоче-крестьянской советской России на милость победителя Вильгельма означала бы полную гибель русской и мировой революции и интересов российского и всемирного пролетариата.

3) Мы призываем всех рабочих и крестьян России, в первую очередь рабочих и крестьян Украины, всеми силами собраться для отражения полчищ Вильгельма, для партизанской борьбы с этими полками, если не удастся мирным бескровным путем заразить их красным ядом пролетарской революции.

4) Все Советы, революционные организации рабочих и крестьян Украины должны особое внимание обратить на сплочение революционных сил, ибо именно против Украины направляется вся тяжесть мира, диктуемого Германией в союзе с низвергнутой и изгнанной из пределов Украины Центральной Радой.

Долой капитуляцию перед Вильгельмом и всемирной реакцией! Да здравствует социальная революция!

Принято единогласно, при трех воздержавшихся, на общегородском собрании 25 февраля.

Резолюция Кайдакского комитета РСДРП(б) о текущем моменте

27 февраля 1918 г.*

(*). Резолюция принята 6 голосами при 2 воздержавшихся.

На победоносное шествие пролетариата, геройскую самоотверженную борьбу во имя международной социальной революции хищники Германии, Украинской рады и всемирной буржуазии хотят наложить свой тяжелый сапог, предъявив позорные условия мира. Комитет, обсудив эти условия, считает, что революционная демократия России, несущая на своих плечах знамя Интернационала, не может принять позорного мира. Мощным протестом всей революционной демократии, дружными социалистическими отрядами мы докажем всем палачам революции, что лучше погибнуть в бою, нежели принять этот мир. Итак, вперед. За идею социальной справедливости, за власть рабочих и крестьян.

Сообщение об объединенном заседании активных работников РСДРП(б) г. Харькова и Донбасса,

принявшем резолюцию против подписания мирного договора с Германией

Совместное заседание харьковского и областного комитета РСДРП (большевиков), большевистской фракции харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов, большевистской фракции настоящего съезда Советов народного хозяйства и других активных работников партии.

После заседания на съезде Советов народного хозяйства в 10-м часу вечера открывается партийное собрание. Чувствуется напряженный

интерес, к предстоящему собранию. Несмотря на сильное утомление после заседания съезда Советов народного хозяйства, почти вся фракция его налицо, и особенно товарищи из провинции проявляют особенное внимание, не пропуская ни одного слова. Отсюда они должны повезти домой директивы, решения этого собрания для них обязательны.

В порядке дня самый существенный теперь вопрос о мире. Предварительно просят т. Межлаука — народного комиссара Донецкой республики по финансовым делам, только что приехавшего из Питера, доложить о положении там.

В Питере борются две точки зрения: т. Ленина за мир во что бы то ни стало, считаясь с реальным соотношением сил и необходимостью дать передохнуть стране, организовать ее промышленность.

Другая точка зрения — ведение революционной войны.

В Бресте идут переговоры. Если первые брестские условия мира могли дать возможность передохнуть, то вторые для нас губельны и являются «собственноручным зарезанием советской власти». Настроение в Питере все же бодрое. Латышские стрелки отправились на фронт, организуется Красная гвардия. Посланники всех союзных стран явились с предложением своих всевозможных услуг в случае ведения войны. Это дает возможность думать, что сговора между капиталистами воюющих стран еще не произошло и что в некоторых случаях можно будет воспользоваться силами одних против других. Что касается германского наступления, то, поскольку у нас имеются сведения, больших пехотных частей нет, наступление слабое, наступают в некоторых точках с небольшими силами. Но беда в том, что остатки русских «регулярных» войск настолько разложились, что бегут перед одним германским автомобилем.

После выступления тов. Межлаука выступает целый ряд товарищей с изложением своей точки зрения на задачи текущего момента; намечаются две основные точки зрения товарищей.

Первая точка зрения, которую отстаивали тт. Оболенский, Межлаук и Судик, сводится к следующим положениям: подписание мира на предложенных в последний раз германцами условиях не явится простой бумажкой, а делом, которое будет проводиться Германией и в котором и мы должны будем им помогать, поскольку Германия укрепитя и тогда сможет подавлять нас. Это грозит нам реакцией на долгие годы, а не прос го месячной передышкой. Это произведет удручающее впечатление на русский пролетариат, который отшатнется от Советов. Это произведет удручающее впечатление и на пролетариат других стран, который увидит в этом поражении русской революции жестокий урок для себя, что еще больше отсрочит революцию на Западе. Поэтому мы не можем собственными руками душить нашу и международную революцию и,

принимая во внимание то обстоятельство, что: 1) в наступлении участвует только одна Германия, так как по договору между последней и Австро-Венгрией — вторая в наступлении не принимает участия, 2) что это наступление в сущности пустяковое, серьезных сил Германия не выставляет, наша задача сейчас организовывать вооруженное восстание против наступления германского империализма, ни в коем случае не подписывать предложение «похабных» условий мира.

В сфере же экономической необходимо начать более решительную борьбу с буржуазией, немедленно национализировать главнейшие отрасли промышленности, обезоружить буржуазию путем отнятия у нее лишних имущественных и денежных средств и заставить их работать.

2-я точка зрения тт. Ворошилова, Мирона и др.

Мы все за революционную войну, но в данный момент мы не в состоянии воевать, у нас для этого нет никаких средств, никаких возможностей, мы должны заключить этот «не» похабный, а несчастный мир. Но мы не отказываемся от революционной войны, мы только ее откладываем до тех пор, пока мы оправимся. С другой стороны, заключение мира имеет ту выгодную сторону, что лишает германский империализм его опоры в виде постоянного войска, которое после заключения мира уже ни за что воевать не пойдет. Таким образом, обезоружив германский милитаризм, мы, продолжая у нас революцию, скоро станем способны к революционной войне.

Вторая точка зрения встречает очень мало сочувствия. Ораторов с трудом слушают, перебивают негодующими возгласами с мест, вопросами и проч. На стороне революционного восстания чувствуется большинство. Подбадривают и такие известия, что Москва уже поставила 60.000 под ружье, что в других городах то же самое. Тов. Оболенским предлагается следующая резолюция:

«Соединенного заседания харьковского и областного комитета РСДРП (б), большевистской фракции харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов, большевистской фракции Совета народных комиссаров Донецкого бассейна, большевистской фракции настоящего съезда Советов народного хозяйства и других активных работников партии города Харькова.

Полагая, что германский империализм в данный благоприятный для него момент может стремиться только к удушению российской революции и не может заключить с ней никакого реального мира, полагая, что поэтому подписание мира с германским империализмом было бы даже с одной стороны актом, лишенным реального значения и неосуществимым, полагая, что ни один пункт договора с точки зрения сохранения российской и международной революции не может быть соблюден российским

пролетариатом не только в течение месяцев, но и недель, соединенное заседание харьковского областного комитета РСДРП (б), большевистской фракции харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов, большевистской фракции Совета народных комиссаров Донецкого бассейна, большевистской фракции настоящего съезда Советов народного хозяйства и других активных работников партии г. Харькова заявляет, что оно приступает немедленно к организации всероссийского пролетарского восстания против капитализма германского, российского, организует партизанские отряды для борьбы с германскими ударниками и приступает к решительным мерам социалистического характера: полной национализации производства, полной экспроприации излишнего частного имущества и денежных средств капиталистов и путем организации непосредственного обмена товаров на хлеб будет способствовать разрешению экономического кризиса в южной промышленности.

Приложение к резолюции, которая большинством 54 при 10 против и 4 воздержавшихся принимается.

Постановлено сейчас же довести ее до сведения по прямому проводу в Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и в ЦК нашей партии.

Постановлено отпечатать в большом количестве экземпляров для раздачи делегатам с мест.

В 1 час ночи собрание закрывается, настроение поднялось. Мы знаем, что делать, мы смело смотрим вперед, мы не сдаемся, мы идем в бой с верой в наше правое дело, с надеждой на торжество и победу нашей светлой идеи свободы, равенства и братства.

Смерть не страшна! Будь что будет».

Резолюция Кавказского краевого комитета РСДРП(б) о текущем моменте,

принятая 26 февраля 1918 г.

Октябрьская революция пролетариата и крестьянской армии свергла в России господство капиталистов, помещиков и их прихвостней — эсеров и меньшевиков. Она окончательно раздавила контрреволюцию имущих господствующих классов и открыла широкий путь для творчества угнетенных масс рабочих и крестьян, для социалистического строительства. Вся Россия покрылась советскими организациями, везде стало развеяться социалистическое знамя советской власти. И Совет народных комиссаров, возглавляющий Федеративную республику Советов, решительно и неуклонно стал осуществлять чаяния и желания народных масс.

Совет народных комиссаров сразу разорвал тайные договоры царя,

заклученные им с западноевропейскими хищниками.

Совет народных комиссаров открыл мирные переговоры в Бресте и повел революционную пропаганду народного мира, превратив Брест в мировую трибуну агитации за социальную революцию для европейского пролетариата.

И голос мирной делегации рабоче-крестьянского правительства был услышан пролетариатом Запада.

Могучим революционным эхом отозвались рабочие массы Германии, Австрии, Франции, Швейцарии и других стран, под давлением которого германские империалисты лживо рисовались сторонниками мира без аннексий и контрибуций. Не задушив у себя восстание, они задались целью ликвидировать социальную революцию в России. И они начали диктовать наглые условия мира.

Совет народных комиссаров, в тех же целях пропаганды мира и ликвидации бойни, вышел из состояния войны и объявил демобилизацию и тем самым показывал западноевропейскому пролетариату, что со стороны советской России ему не угрожает никакая опасность.

Но обнаглевшие империалисты все-таки возобновили наступление. Австро-германские банды в союзе с белыми гвардиями польских магнатов, прибалтийских баронов, финских капиталистов и отпрысками романовской династии и всей контрреволюционной России предприняли нашествие под предлогом добиться от советской власти подписания похабного мира.

Совет народных комиссаров, чтобы разоблачить в глазах западноевропейского пролетариата истинный характер этого разбойничьего наступления, был вынужден подписать условия даже империалистического мира.

Однако подписание такого мира не остановило нашествия империалистической Германии, ее старых и новых союзников в лице империалистов всех стран и контрреволюционеров всех наций.

Происходит великий перелом во всемирной истории.

Империалистические войны с целью захвата и преобладания одной из воюющих стран превращаются в открытую и непосредственную войну между контрреволюцией и революцией, между капиталом и трудом, между империализмом и социализмом — во всемирную гражданскую войну. Из воюющих империалистических стран германский империализм превращается в общего организатора и руководителя воюющей стороны империалистов всех наций и стран, как вражеских, так и союзных и отечественных. Империалистов Германии и вообще всех государств теперь занимает вопрос не о захвате побольше земель, а об удушении рабоче-крестьянской революции, организатором и руководителем которой является советская Россия.

Низвергнуть советскую власть, сокрушить пролетарско-крестьянскую революцию, восстановить буржуазно-помещичий порядок в России и тем самым спасти весь империалистический мир от грозного призрака социальной революции — вот единственная цель австро-германского разбойничьего набега.

В полном согласии и соподчинении германскому империализму наступает захудалый турецкий империализм. Боясь, что революция может перекинуться на Турцию, может найти отклик в сердцах измученного, голодного и голого турецкого народа, может освободить угнетенные и стонущие под ее игом народы, турецкие хищники-паши кровно заинтересованы не только в окончательной победе бекской контрреволюции в Закавказье, поддерживаемой националистическими партиями и меньшевиками включительно, но и в приостановлении социалистически-революционного движения на Кавказе, в разгроме и уничтожении пролетарско-крестьянской республики России.

Эти хищники в союзе с бекскими бандами хотят огнем и мечом пройти все пространство и с тыла напасть на великую российскую социалистическую революцию для объединения фронта с западным империализмом и окончательного удушения социализма.

Для предотвращения опасности, угрожающей социалистической революции как в России, так и во всех других странах, краевой комитет считает необходимым:

1. Выступить в решительную защиту социалистической революции, советской власти и Совета народных комиссаров, активно с оружием в руках борясь до последней капли крови против мирового империализма.

2. Вести эту борьбу под знаменем социализма, решительно отвергая выставляемый некоторыми партиями лозунг отвоевания «существенно важных для Закавказья Батума, Карса и Ардагана» как проявление империалистических тенденций кавказской буржуазии. Не признавая никакой границы в этом решительном бою с всемирным и, в частности, с турецким империализмом, отстаивать принцип самоопределения за всеми нациями, подчиняя этому лозунгу и решения судьбы Батума, Карса и Ардагана.

3. Организовать рабочих и крестьян — сознательных борцов революции в красные социалистические отряды для борьбы против «внешней» и «внутренней» контрреволюции и врагов пролетарско-крестьянской революции.

Краевой комитет обращается ко всем партийным организациям с предложением развить самую усиленную работу для уяснения широким массам создавшегося положения и для создания революционных отрядов Красной армии.

Резолюция о войне и мире,

принятая на объединенном заседании общегородского и районных комитетов РСДРП(б) г. Саратова 24 февраля 1918 г.

Вследствие недостаточно быстрого момента развития международной социалистической революции, ввиду отсутствия мирового революционного движения в Германии — наступление ударных банд германского империализма поставило российскую рабоче-крестьянскую революцию в крайне тяжелое положение.

Центральный исполнительный комитет Советов, считаясь с фактом недостаточности сил нашей революции для отпора авангарду мирового империализма и желая выиграть время для мобилизации всех активных революционных сил города и деревни, решил принять тяжкие германские условия мира.

Объединенное заседание общегородского и районных комитетов признает:

1. Заключение мира является безусловной ошибкой. Подписание грабительских мирных условий не может остановить беспощадной борьбы германского империализма против нашей революции. Германия безусловно будет стремиться к полному уничтожению Советской власти, а если подписание мира будет недостаточно для разгрома рабоче-крестьянского правительства, если настоящее наше поражение не окажется губительным для Советской власти, австро-германский империализм немедленно двинет свои вооруженные банды для того, чтобы добить Советскую власть.

2. Объединенное заседание считает, что у революции нет иного пути, чем самозащита с оружием в руках. И поэтому безусловно необходимо продолжать работу по организации боевых сил революции. Усиление и укрепление Красной рабоче-крестьянской армии является вопросом жизни и смерти для революции.

3. Наряду с этим необходима беспощадная ни на минуту не прекращающаяся борьба против отечественной контрреволюции, заключившей тайный союз с германским империализмом.

4. Объединенное заседание предупреждает всех членов партии: против советской власти вообще, против нашей партии в особенности поднимается теперь черно-желтая, бледно-красная контрреволюция. Нам необходимо проявить нечеловеческие усилия для того, чтобы защищать нашу рабоче-крестьянскую власть. Обязанностью каждого члена партии является самая энергичная работа в массах для поднятия городской и деревенской бедноты к решительной борьбе против заклятых врагов народа и

революции.

Центральное бюро литовских секций РСДРП(б)

Декларация ЦБ литовских секций РСДРП(б)

Центральные державы во время мирных переговоров в Брест-Литовске обнаружили всю свою циничность по вопросу о самоопределении наций. Они под прикрытием ими объявленной «независимости» Литвы хотят захватить теперь занятую Литву. Литовские реакционеры из Литвы и России, а также социал-патриоты из Литвы, опасаясь революции в Литве, поддерживают политику германских империалистов, как избавителей. Революционные же литовские рабочие и солдаты в своих резолюциях клеймят шаги литовских патриотов и озабочены они победой социалистической революции в России.

Центральное бюро литовских секций РСДРП рассматривает малейшие уступки в мирных условиях, предложенных советской Россией Центральным державам как победу европейской реакции, как торжество империалистической политики. Такие уступки усилят реакцию в Литве, подорвут назреваемую революцию в Австрии, Германии и других странах. А поэтому Центральное бюро литовских секций РСДРП настаивает, чтобы во время переговоров в Бресте не было сделано никаких уступок империалистам, даже если бы это привело к разрыву мирных переговоров. Центральное бюро призывает рабочих и солдат из Литвы записываться в ряды социалистической армии, чтобы в нужный момент отразить нападение империалистических войск.

Резолюция ЦБ литовских секций

Центральное бюро литовских секций РСДРП (большевиков), выслушав сообщение о ходе мирных переговоров, находит:

1) что мирные условия, предложенные Центральными державами, неприемлемы,

2) что ЦК партии не вправе идти на компромисс с империалистами Центральных держав, а поэтому Центральное бюро литовских секций настаивает, чтобы в недельный срок была созвана партийная конференция.

Члены Центрального бюро Станислав Турло; Ф. Мицкевич; И. Ленкайпшс.

Секретарь З. Алекса

17 (4) февраля 1918г.

Телеграмма в ЦК РСДРП(б) из Владивостока

Петроград, Центральному комитету большевиков Телеграфируйте, какова позиция ЦЕКА партии в вопросе заключения мира. Владивостокская организация решительно против заключения. Председатель Иордан

По поводу отказа левых коммунистов войти в ЦК, избранный Седьмым съездом партии

Съезд считает, что отказ от вхождения в ЦК при теперешнем положении партии особенно нежелателен, ибо, будучи вообще принципиально недопустим для желающих единства партии, такой отказ теперь вдвойне грозил бы единству партии.

Съезд заявляет, что не выходом из ЦК, а соответствующим заявлением может и должен каждый снимать с себя ответственность за шаги Центрального комитета, им не разделяемые.

Поэтому съезд, в твердой надежде, что, посоветовавшись с массовыми организациями, товарищи откажутся от своего заявления, производит выборы, не считаясь с этим заявлением.

Заявление Иоффе в ЦК РСДРП(б)

Уважаемые товарищи!

Как вам известно, я с самого начала был решительным противником той внешней политики, которую за последнюю неделю проводит большинство советского правительства, и, поскольку мог, боролся внутри ЦК против принятия германских предложений мира. Ввиду серьезной опасности раскола нашей партии я не считал себя вправе публично выступать против линии большинства ЦК, но само собой разумеется, что я не могу проводить этой линии. Поэтому я решительно отказался от всякого участия в мирной делегации, отправляющейся теперь в Брест-Литовск.

Но ввиду категорического постановления ЦК, считающего обязательным мое участие в мирной делегации, хотя бы в качестве консультанта, я вынужден в интересах сохранения возможного единства партии подчиниться этому решению и еду в Брест-Литовск лишь как консультант, не несущий никакой политической ответственности.

С товарищеским приветом А. Иоффе (В. Крымский)

Член ЦК РСДРП и бывший председатель Российской мирной делегации
24 февраля 1918г.

В ЦК РСДРП(б)

Ввиду того, что мир подписан, мы берем свое заявление об отсрочке исполнения нашего решения обратно, уходим из ЦК и ответственных

советских постов и настаиваем на оглашении в «Правде» всех наших заявлений.

По поручению группы товарищей М. Урицкий, Г. Оппоков (А. Ломов), В. Смирнов

Записка делегата Н. Н. Кочубей

Стоя на позиции нератификации мирного договора, но имея в виду, что моя точка зрения оказалась в меньшинстве, и признавая, что в переживаемый трудный и ответственный момент постановления съезда должны быть наиболее единодушными, я голосую за резолюцию, предложенную тов. Лениным.

Кочубей

Тезисы о современном моменте, предложенные

Седьмому партийному съезду группой противников заключения мира*

(*) На утреннем заседании 8 марта тезисы были отвергнуты съездом.

1. Империалистическая война повсеместно вызывает уже разложение капиталистических производственных отношений, обостряя до крайности социальные противоречия, разлагая буржуазные группировки, выключая целые страны из числа жизнеспособных капиталистических организмов (Австрия). Все это, вместе взятое, является базисом назревающей социалистической революции, первыми ласточками которой на Западе были стачки и частичные восстания в Австрии и Германии.

2. Борьба империалистических коалиций может быть рассматриваема сейчас с двух точек зрения: либо эти коалиции уже пришли к негласному временному соглашению друг с другом за счет России, либо они готовы еще продолжать борьбу. И в том и в другом случае нам предстоит пережить попытки раздела России со стороны международного капитала, нападающего на нас со всех сторон; во втором случае Германия как раз потому, что продолжение войны возможно для нее лишь при условии использования русского хлеба и сырья, будет неизбежно стремиться сокрушить советскую власть во что бы то ни стало.

3. Таким образом и момент классовой борьбы, и момент капиталистической эксплуатации в теперешних условиях делают невозможными мирное сожительство советской России с империалистической коалицией Центральных держав.

4. Это положение вещей чрезвычайно ярко проявилось в условиях мира, которые были выставлены Германией и которые фактически означают полный подрыв советской власти не только в ее внешней, но и в

ее внутренней политике.

5. Эти условия отрезают центры революции от питающих промышленность производительных областей, разъединяют очаги рабочего движения, убивая ряд крупнейших его центров (Латвия, Украина), подрывают экономическую политику социализма (вопрос об аннулировании займов, социализации производства и т. д.), сводят на нет международное значение русской революции (отказ от интернациональной пропаганды), превращают советскую республику в орудие империалистической политики (Персия, Афганистан), наконец, пытаются разоружить ее (требование демобилизации старых и новых частей). Все это не только не дает возможности «передышки», но ставит борьбу пролетариата в худшие условия, чем раньше.

6. Не давая никакой отсрочки по существу, подписание мира разлагает революционную волю пролетариата к борьбе и задерживает развязывание международной революции. Поэтому единственно правильной тактикой могла бы быть тактика революционной войны против империализма.

7. При полном разложении старой армии, остатки которой являются лишь вредным балластом, революционная война в своей начальной стадии может быть только войной партизанских летучих отрядов, втягивающих в борьбу как городской пролетариат, так и беднейшее крестьянство и превращающих военные действия с нашей стороны в гражданскую войну трудящихся классов с международным капиталом. Такая война, какие бы она поражения ни сулила вначале, неизбежно разлагала бы силы империализма.

8. Кроме того, в условиях распада пролетариата как производительного класса в связи с безработицей и общей экономической разрухой, мобилизация пролетарской армии удерживала бы пролетариат от распада и закрепляла бы кадры безработных как солдат пролетарской революции.

9. Поэтому основной задачей партии является ясная тактическая линия войны с империализмом и интенсивнейшая работа по организации обороны социализма в процессе этой войны. Именно в этом процессе не посредственного столкновения создается боеспособная социалистическая армия.

10. Между тем политика руководящих учреждений партии была политикой колебаний и компромиссов, — политикой, которая объективно мешала делу подготовки революционного отпора и постоянными колебаниями деморализовала даже те передовые отряды, которые с энтузиазмом шли в бой.

11. Социальной основой такой политики был процесс перерождения нашей партии из чисто пролетарской в «общенародную», что не могло не происходить при ее гигантском росте. Солдатская масса, желавшая мира во

что бы то ни стало, при всех и всяких условиях, не считаясь даже с социалистическим характером государственной власти пролетариата, наложила свой отпечаток, и партия вместо того, чтобы поднимать до себя крестьянские массы, спустилась сама до их уровня, из авангарда революции превратилась в «средняка».

12. А между тем даже крестьянство при дальнейшей борьбе с международным империализмом будет неизбежно вовлекаться в эту борьбу, так как ему угрожает громадная опасность потерять землю.

13. При таких условиях задачей партии и задачей советской власти является:

1) Аннулирование договора о мире.

2) Усиленная пропаганда и агитация против международного капитала, разъясняющая смысл этой новой гражданской войны.

3) Создание боеспособной Красной армии; вооружение пролетарского и крестьянского населения и правильное обучение его военной технике.

4) Решительные социальные мероприятия, добывающие буржуазию экономически, сплачивающие пролетариат и поднимающие энтузиазм масс.

5) Беспощадная борьба с контрреволюцией и соглашательством.

6) Самая интенсивная международно-революционная пропаганда и привлечение в ряды Красной армии добровольцев всех национальностей и государств.

Резолюция по поводу отказа левых коммунистов от участия в выборах ЦК*

(*) Резолюция была принята на вечернем заседании съезда 8 марта в связи с заявлением «левых коммунистов» об отказе от участия в голосовании при выборах Центрального комитета. После нового заявления «левых коммунистов» о согласии взять обратно свое прежнее заявление резолюция на этом же заседании съезда была снята.

Съезд выражает свой протест против той группы товарищей, которая отказалась участвовать в выборах ЦК-та партии.

Съезд постановляет апеллировать против этого образа действия группы делегатов к тем организациям, от которых посланы эти делегаты.

Австро-германские условия мира, предложенные в Бресте 15 (28) декабря 1917 г.

Статья 1. Россия и Германия заявляют о прекращении между ними состояния войны. Оба государства решили впредь жить в мире и дружбе.

Германия готова, при условии полной взаимности по отношению к ее

союзникам, как только мир будет заключен и демобилизация русской армии закончится, очистить теперешние позиции и занятые русские области, поскольку это не будет противоречить статье 2-й.

Статья 2. Так как Российское правительство, в соответствии со своими принципами, провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Российского государства, право на самоопределение, вплоть до полного отделения, то оно принимает к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, об их стремлении к полной государственной самостоятельности и выделению из Российской федерации.

Российское правительство признает, что эти заявления при настоящих условиях надлежит рассматривать как выражение народной воли, и готово сделать вытекающие отсюда выводы.

Так как в тех областях, к которым применимо вышеизложенное положение, вопрос изменяется в том смысле, что эвакуация не может быть произведена, согласно ст. 1, то, следовательно, сроки и способы народного волеизъявления — согласно русской точке зрения — путем всенародного голосования, с устранением какого бы то ни было военного давления, предоставляются обсуждению и установлению особой комиссии.

Статья 3. Трактаты, договоры и соглашения, бывшие в силе между договаривающимися сторонами до объявления войны, вступают опять в силу, поскольку они не стоят в противоречии с изменениями, происшедшими во время войны во владениях этих держав. Каждая сторона обязуется в течение 3 месяцев после подписания прелиминарного мирного договора сообщить о трактатах, договорах и отдельных соглашениях, которые не должны вновь вступать в силу; если дело касается при этом отдельных постановлений, другой стороне предоставляется в течение месячного срока отказаться от договора в целом.

Теряющие силу отдельные постановления договоров должны быть по возможности скорее заменены новыми договорами в соответствии с изменившимися воззрениями и условиями.

Каждая сторона по истечении известного срока может считать недействительными те положения договора, которые окажутся противоречащими условиям данного момента.

Статья 4. Каждая из договаривающихся сторон ни в коем случае не будет относиться к подданным, судам или товарам другой стороны во всех вопросах правового или хозяйственного характера с меньшим благоприятствованием, нежели к подданным, судам или товарам какого-либо иного государства, не пользующегося в данном отношении никакими установленными договором правами.

Статья 5. Договаривающиеся стороны согласны, чтобы по заключении

мира война окончилась и в экономической области. Они не будут участвовать обоюдно ни в каких мероприятиях, которые имели бы целью продолжение враждебных действий в экономической области, прямо или косвенно, и будут всеми находящимися в их распоряжении средствами препятствовать в пределах своего государства таким мероприятиям, даже если бы они исходили из инициативы частной или какой-нибудь другой стороны. Кроме того, они будут устранять препятствия, которые мешают возобновлению дружеских торговых и деловых сношений и будут облегчать взаимный товарообмен, в особенности — путем покрытия избытками одной стороны нехваток другой.

В течение переходного времени, которое потребуется для преодоления последствий войны и нового урегулирования отношений, они будут относиться к пока неизбежным ограничениям сношений, как-то: запрещение вывоза, урегулирование вывоза и т. п. — таким образом, чтобы эти ограничения по возможности менее стесняли обе стороны. С другой стороны, они в течение этого времени будут возможно менее обременять доставку необходимых предметов ввозными пошлинами и с этой целью вступят, по возможности скорее, в переговоры, чтобы поддержать и расширить установленное во время войны временное снятие пошлин. Вместе с тем, они используют это время для организации товарообмена. Для этой цели будут образованы смешанные комиссии, которые должны приступить к работе в ближайшем будущем.

Статья 6. Договаривающиеся стороны в возможно скором времени вступят в переговоры о заключении, взамен аннулируемого договора о торговле и мореплавании от 1994 и 1904 гг., — договора о торговле и мореплавании, постановления которого соответствовали бы новым условиям.

Статья 7. Безотносительно к заключению нового договора о торговле и мореплавании, договаривающиеся стороны предоставляют друг другу в течение хотя бы 20-летнего срока в вопросах торговли и мореплавания права наиболее благоприятствуемых наций.

Ни одна сторона, однако, не будет претендовать на участие в преимуществах, которые предоставляются при мелких пограничных сношениях, или которые Россия предоставит пограничным азиатским странам или самостоятельным государствам, выделившимся из государства Российского, или которые Германия предоставит Австро-Венгрии либо другим, связанным с Германией в настоящее время или в будущем, таможенным союзам, странам или колониям.

Статья 8. Россия выражает согласие на то, чтобы Европейско-Дунайской комиссии было поручено постоянное управление всем устьем Дуная и чтобы эта комиссия состояла только из представителей

прибрежных государств Дуная и Черного моря, и, в то же самое время, управление Дунаем выше Браилова поручается прибрежным государствам этой части реки.

Статья 9. Военные законы, которые ограничивают частные права германцев в России и русских в Германии, как подданных враждующих государств, отменяются. Частные лица, права коих вследствие этих законов потерпели ущерб, должны быть, поскольку это возможно, восстановлены вновь в своих правах; поскольку же это невозможно, они должны быть в соответствующей степени вознаграждены: проданные земельные участки, горные промыслы, предприятия или доля в таковых, во всяком случае, возвращаются их владельцам, поскольку владение это по новому русскому законодательству не сделалось достоянием государства.

Определение подлежащих возмещению убытков производится смешанными комиссиями, образуемыми из представителей обеих сторон, с участием, кроме того, одного нейтрального третейского судьи с каждой стороны.

Статья 10. Договаривающиеся стороны отказываются от возмещения своих военных издержек, т. е. государственных расходов по ведению войны, а также причиненных войной убытков, а именно — ущерба, нанесенного вследствие военных мероприятий им и их подданным в зонах военных действий, включая сюда и реквизиции.

Статья 11. Каждая из договаривающихся сторон возмещает убытки, причиненные на ее территории во время войны, вследствие противных международному праву насильственных действий, касающихся жизни, здоровья или имущества подданных другой стороны. Определение убытков предоставляется смешанным комиссиям, образуемым из представителей обеих сторон, при участии одного нейтрального третейского судьи с каждой стороны.

Кроме того, каждая сторона возмещает все убытки, причиненные во время войны на ее территории действиями, противными международному праву — дипломатическим и консульским представителям другой стороны, а также возмещает повреждения посольских или консульских зданий или их инвентаря. В случае разногласий размер убытков устанавливается смешанной комиссией из представителей обеих сторон с участием одного нейтрального третейского судьи.

Статья 12. Военнопленные и инвалиды обеих сторон немедленно возвращаются на родину. Обмен остальными военнопленными производится в ближайшем будущем, в определенные сроки, устанавливаемые германско-русской комиссией, а вопрос о возмещении истраченных на их содержание средств, в случае несогласия в определении этих последних, передается на рассмотрение комиссии с нейтральным

председателем во главе.

Статья 13. Гражданским подданным обеих сторон, интернированным или сосланным, немедленно предоставляется свобода и, возможно скорее, бесплатная доставка на родину.

Статья 14. Русские граждане немецкого происхождения, в особенности так называемые немецкие колонисты, могут в течение 10 лет выселиться в Германию, с правом ликвидировать и взять с собой свое имущество.

Статья 15. Торговые суда одной из договаривающихся сторон, находившиеся в момент возникновения войны в гаванях другой стороны, а также обоюдные призы, которые до подписания мирного договора еще судом не были присуждены, возвращаются или, поскольку это невозможно, возмещаются деньгами.

Статья 16. Дипломатические и консульские сношения между договаривающимися сторонами будут возобновлены при первой возможности.

Заявление группы членов ЦК и народных комиссаров о немедленном созыве партийной конференции в ЦК РСДРП(б)

Ввиду того, что Центральный комитет в противоположность мнению товарищей, предлагавших подписать немедленно договор о мире, постановил «похабного мира» 29 января не подписывать; ввиду того, что на такую же точку зрения стали Московское областное бюро РСДРП, Петербургский комитет и совещание Центрального комитета с партийными работниками, созванное 8 января 1918 года; ввиду того, что в резолюции, внесенной от имени большевистской фракции на съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, не имеется прямого указания на недопустимость подписания договора 29 января и в то же время предоставлены неограниченные полномочия Совету народных комиссаров по вопросу о заключении мира, т. е. следовательно и право подписать «похабный мир»; ввиду того, что таким образом возникает противоречие между решениями авторитетных партийных учреждений, возможность нарушения постановлений партийного центра и неясность в политической линии партии -нижеподписавшиеся заявляют:

1) они считают необходимым немедленно (в течение недели) созвать партийную конференцию для окончательного и ясного разрешения данного вопроса исторической для международного пролетариата важности;

2) в случае подписания мирного договора 29 января без созыва такой конференции нижеподписавшиеся во всяком случае сочтут необходимым оставить ответственные посты в партии и органах власти, поскольку они таковые занимают.

Член РСДРП Г. Оппоков (А. Ломов)

Народный комиссар В. Оболенский (Н. Осинский) В. Яковлева,
Шевердин, Н. Крестинский, В. Смирнов, М. Васильев, М. Савельев

Комиссар государственного банка Георгий Пятаков

Член ЦК РСДРП и ред. «Правды» Н. Бухарин

Член Уральского областного комитета и ЦИК Преображенский

Петербург, 15 января 1918 г.

Заявление Троцкого на заседании политической комиссии

в Брест-Литовске 28 января (10 февраля) 1918г.

Задачей подкомиссии, как мы ее понимаем, являлось ответить на вопрос, в какой мере предложенная противной стороной граница способна, хотя бы в минимальной степени, обеспечить русскому народу право на самоопределение. Мы выслушали сообщения наших представителей, вошедших в состав подкомиссии по территориальным вопросам, и мы полагаем, что после продолжительных прений и всестороннего рассмотрения вопроса наступил час решений. Народы ждут с нетерпением результатов мирных переговоров в Брест-Литовске. Народы спрашивают, когда кончится это беспримерное самоистребление человечества, вызванное своекорыстием и властолюбием правящих классов всех стран? Если когда-либо война и велась в целях самообороны, то она давно перестала быть таковой для обоих лагерей. Если Великобритания завладевает африканскими колониями, Багдадом и Иерусалимом, то это не есть еще оборонительная война; если Германия оккупирует Сербию, Бельгию, Польшу, Литву и Румынию и захватывает Моонзундские острова, то это также не оборонительная война. Это — борьба за раздел мира. Теперь это ясно, яснее, чем когда-либо.

Мы более не желаем принимать участия в этой чисто империалистической войне, где притязания имущих классов явно оплачиваются человеческой кровью. Мы с одинаковой непримиримостью относимся к империализму обоих лагерей, и мы более несогласны проливать кровь наших солдат в защиту интересов одного лагеря империалистов против другого.

В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а

орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство. Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих ныне войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Мы ждем и твердо верим, что другие народы скоро последуют нашему примеру. В то же время мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов. Эти условия отвергаются трудящимися массами всех стран, в том числе и народами Австро-Венгрии и Германии. Народы Польши, Украины, Литвы, Курляндии и Эстляндии считают эти условия насилием над своей волей; для русского же народа эти условия означают постоянную угрозу. Народные массы всего мира, руководимые политическим сознанием или нравственным инстинктом, отвергают эти условия в ожидании того дня, когда трудящиеся массы всех стран установят свои собственные нормы мирного сожительства и дружеского сотрудничества народов. Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора.

В связи с этим заявлением я передаю объединенным союзническим делегациям следующее письменное и подписанное заявление:

Именем Совета народных комиссаров правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Л. Троцкий, А. Иоффе, М. Покровский, А. Биценко, В. Карелин

Обращение СНК к германскому правительству в ночь с 18 на 19 февраля 1918 г.

[Радиограмма] Берлин. Правительству Германской империи.

Совет народных комиссаров выражает свой протест по поводу того, что германское правительство двинуло войска против Российской советской

республики, объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах. Рабочее и крестьянское правительство России не могло ожидать такого шага уже по тому одному, что ни прямо, ни косвенно ни одна из находившихся в состоянии перемирия сторон не предупреждала о прекращении перемирия за семь дней, как это обязались сделать обе стороны по договору 2 (15) декабря 1917 года.

Совет народных комиссаров видит себя вынужденным при создавшемся положении заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Брест-Литовске.

Совет народных комиссаров заявляет, что ответ на точные условия мира, предлагаемые германским правительством, будет дан безотлагательно.

Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин)
Народный комиссар по иностранным делам Л. Троцкий

Постановление СНК о принятии германских условий мира

Германскому правительству Берлин

Согласно решению, принятому Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля в 4 с половиной часа утра, Совет народных комиссаров постановил условия мира, предлагаемые германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск.

Председатель Совета народных комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)
Народный комиссар по иностранным делам Л. Троцкий

Декларация, оглашенная русской мирной делегацией на заседании мирной конференции в Брест-Литовске 3 марта 1918 г.

Рабоче-крестьянское правительство Российской республики, вынужденное принять предъявленный Германией ультиматум, благодаря нападению германских войск на заявившую уже о прекращении войны и демобилизовавшую свои армии Россию, заявило 11/24 февраля о принятии ею ультиматума и делегировало нас для подписания этих насильственно навязанных нам условий.

Бывшие до сих пор в Брест-Литовске переговоры между Россией, с одной стороны, Германией и ее союзниками — с другой, достаточно наглядно показали, что так называемый «мир соглашения» в действительности является миром предельно аннексионистским и империалистическим. Теперь брестские условия еще значительно

ухудшены. Мир, который ныне заключается в Брест-Литовске, не есть мир, основанный на свободном соглашении народов России, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Этот мир продиктован с оружием в руках. Это — мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия. Это — мир, который, под предлогом «освобождения» российских окраин, на деле превращает их в немецкие провинции и лишает их права на свободное самоопределение, права, признанного за ними рабоче-крестьянским правительством революционной России. Это — мир, который, под предлогом восстановления порядка, оказывает в оккупированных областях вооруженную поддержку классам угнетателей против классов трудящихся и помогает вновь возложить на них ярмо угнетения, сброшенное русской революцией. Это — мир, который возвращает землю помещикам и снова гонит рабочих в кабалу к фабрикантам и заводчикам. Это — мир, который надолго навязывает трудящимся массам России в еще более тяжелой форме старый торговый договор, заключенный в 1904 г в интересах германских аграриев; в то же время он обеспечивает германской и австро-венгерской буржуазии возмещение всех их убытков и уплату процентов по обязательствам царского правительства, от которых отказалась революционная Россия. Наконец, как бы для вящего подчеркивания ярко классового характера германского вооруженного натиска, германский ультиматум пытается зажать рот русской революции, запрещая агитацию, направленную против правительств держав Четверного союза и против их военных властей.

Но этого мало. Все под тем же предлогом водворения порядка Германия силой оружия занимает области с чисто русским населением и устанавливает там режим военной оккупации и дореволюционного строя. На Украине и в Финляндии Германия требует невмешательства революционной России, в то же самое время активно поддерживая контрреволюционные силы против революционных рабочих и крестьян. На Кавказе, явно нарушая формулированные германским же правительством условия ультиматума от 8/21 февраля и не сообразуясь с подлинной волей населения областей Ардагана, Карса и Батума, Германия отторгает в пользу Турции эти области, ни разу не завоеванные турецкими войсками. Такой откровенный и насильственный территориальный захват важных стратегических пунктов может иметь только одну цель: подготовку нового наступления на Россию и защиту капиталистических интересов против рабочей и крестьянской революции; вот та цель, которой служит наступление германских войск, предпринятое ими 5/18 февраля без 7-дневного предупреждения, обусловленного договором о перемирии, заключенным между Россией и державами Четверного союза 2/15 декабря 1917 года.

Это наступление не было приостановлено, несмотря на заявление Совета народных комиссаров о принятии им условий, сформулированных в германском ультиматуме от 8/21 февраля. Это наступление не было приостановлено, несмотря на возобновление работ мирной конференции в Брест-Литовске и на официальный протест, заявленный русской делегацией. Тем самым все условия мира, предложенные Германией и ее союзниками, всецело превращаются в ультиматум, предъявляемый России, и поддерживаются угрозой непосредственного вооруженного насилия со стороны составителей мирного договора.

Однако при создавшихся условиях Россия не имеет возможности выбора. Фактом демобилизации своих войск русская революция как бы передала свою судьбу в руки германского народа. Русская делегация в Брест-Литовске в свое время открыто заявила, что ни один честный человек не поверит тому, будто война против России может быть в настоящее время войной оборонительной. Германия перешла в наступление; германскому милитаризму в настоящее время удалось двинуть свои войска против рабочих и крестьянских масс Российской социалистической республики под лозунгом восстановления порядка, но в действительности с целью удушения в интересах мирового империализма русской рабоче-крестьянской революции Германский пролетариат оказался еще недостаточно подготовленным к тому, чтобы остановить этот натиск. Мы ни на минуту не сомневаемся, что это торжество империализма и милитаризма над международной пролетарской революцией окажется лишь временным и преходящим. Предоставленное только своим собственным силам, советское правительство Российской республики не в состоянии противостоять вооруженному наступлению германского империализма и во имя спасения революционной России вынуждено принять предъявленные ему условия.

Мы уполномочены нашим правительством подписать мирный договор. Вынужденные, несмотря на заявленный нами протест, вести переговоры в совершенно исключительной обстановке продолжающихся военных действий, не встречающих отпора со стороны России, мы не можем подвергать дальнейшему расстрелу отказавшихся от продолжения войны русских рабочих и крестьян. Мы открыто заявляем перед лицом рабочих, крестьян и солдат России и Германии, перед лицом трудящихся и эксплуатируемых классов всего мира, что мы вынуждены принять ультиматум, продиктованный нам более сильной в настоящее время стороной, и что мы немедленно подписываем предъявленный нам ультимативный мирный договор, отказываясь от всякого его обсуждения. В этих условиях рабоче-крестьянское правительство Российской республики не в силах противостоять вооруженному наступлению германского

империализма и во имя спасения революции вынуждено принять предъявленные ему условия.

Мы, уполномоченные нашим правительством, готовы немедленно подписать мирный договор, отказываясь от всякого его обсуждения, как совершенно бесполезного при создавшихся условиях.

Ко всем членам партии

(Обращение левых коммунистов)

Товарищи!

Серьезность положения и наличность в нашей партии крупных разногласий по самому существенному вопросу современности, по вопросу о мире, заставляет нас выступить с определенной политической платформой в связи с партийным съездом.

Мы полагаем, что партийный раскол был бы величайшим бедствием не только для нашей партии, но и для всей русской революции. Тем не менее смешно думать, что наши разногласия могут исчезнуть путем их замалчивания.

Мы твердо и глубоко уверены, что эти разногласия изживутся в процессе самой жизни, которая в самом скором времени безжалостно разрушит все иллюзии о возможности мира и передышки для революционно-социалистической советской республики. Тем большей необходимостью является в настоящее время открытое выявление мнения той части партии, которая полагает, что мирная политика официального ЦК сошла с рельс пролетарской революции.

Эта политика является, с точки зрения своей официальной основы, переходом с позиции революционного пролетариата на позицию деклассированного солдата; с точки зрения оценки международного положения она оппортунистически предполагает возможность сохранения советской власти и мирного развития социализма, что на самом деле невозможно как в силу социальной противоположности между разбойничьей монархией Германии и пролетарским режимом в России, так и в силу конкретных стремлений Германии, не могущей продолжать войну на Западе без грабежа и свержения советской власти на Востоке; наконец, с точки зрения непосредственно практической, эта политика приводит к принятию неприемлемых условий и к капитуляции пролетариата в его классовой войне против иностранной и отечественной буржуазии.

Кроме того, постоянные колебания, ориентация то на мир, то на войну, стремление зацепиться то за какие угодно условия мира с хищниками Вильгельма, то за помощь со стороны хищников Согласия, деморализуют отряды, идущие защищать социалистическое отечество, делают

невозможным ту «духовную мобилизацию» революционных масс, которая является необходимой предпосылкой успешного ведения навязываемой нам историей священной войны с капиталом.

Исходя из этих соображений, несколько членов ЦК и Совета нар. ком. заявили в свое время о своем выходе из этих учреждений, как только будет подписан мир, означающий, с нашей точки зрения, сдачу социалистической позиции. По такому вопросу нести ответственность за политику официального большинства ЦК эти товарищи считали себя не вправе.

Теперь, перед партийным съездом, мы считаем необходимым поставить вопрос со всей серьезностью и обсудить его со всех сторон. Мы надеемся, что высший партийный орган — съезд — разрешит его так, как должен решить революционный пролетарий, а не деклассированный мешочник. К такому решению его мы призываем всех членов нашей славной, боевой партии.

Н. Бухарин, Г. Оппоков (А. Ломов), М. Урицкий, А. Бубнов

Обращение группы членов съезда,

голосовавшей против резолюции о мире, ко всем членам партии
Товарищи!

Мы, меньшинство, голосовавшее против ратификации мира и той политической линии, которая выразилась в резолюции съезда по текущему моменту, решили не входить в состав ЦК нашей партии.

На съезде вполне выяснилась возможность найти среднее решение по этому вопросу. Компромиссные решения были отвергнуты. Ответственные руководители большинства также заявляли, что, в случае победы нашей линии, они не могли бы остаться ни в ЦК, ни в Совете народных комиссаров. Более того: с их стороны неоднократно делались указания, что прежний состав ЦК, в котором не было устойчивого большинства по самому важному вопросу момента, оказался неспособным вести ясную и решительную тактическую линию. На этих условиях мы должны были всецело предоставить руководство партией представителям победившего течения, не беря на себя в качестве членов ЦК ответственность за намеченную съездом линию.

Мы находим невозможным в данный момент идти на раскол. Мы думаем, что объективный ход событий может очень скоро вынудить партию стать на указанный нами путь и что при таком положении ослаблять ряды пролетариата расколом в партии нецелесообразно и вредно.

Когда со стороны большинства съезда был выставлен список кандидатов в ЦК, в который был включен один из членов оппозиции, мы заявили о нашем отказе, приведя те мотивы, которые изложены выше. Тем

не менее, съезд, не считаясь с этим, избрал тов. Бухарина в ЦК и тт. Ломова и Урицкого в качестве кандидатов.

Такое стремление со стороны большинства съезда во что бы то ни стало заставить нас взять руководство глубоко ошибочной, с нашей точки зрения, политикой партии, является недопустимым насилием, и для избранных товарищей остается один выход: заявить, что ни членами ЦК, ни кандидатами они, несмотря на состоявшееся избрание, себя не считают.

Ввиду того, что со стороны большинства съезда неоднократно раздавались упреки по нашему адресу в стремлении к расколу, мы и вынуждены обратиться к товарищам по партии с настоящим заявлением, с целью устранить всякие недоразумения по поводу происшедшего.

Группа членов съезда, голосовавшая против принятом по вопросу о мире резолюции

Заявление делегатов Урала

Согласно решению большинства партийных организаций Уральской области, высказавшихся за аннулирование мирного договора с Германией, нижеподписавшиеся члены уральской делегации, прибывшие в Петроград по окончании партийного съезда, присоединяют свои подписи к резолюции меньшинства съезда.

Георгий И. Сафаров, А. Авдеев, П. Василенко, А. Кузьмин

Из протокола ЦК РКП(б) от 15 марта 1918 г.

По сообщении о том, что оппозиция, так наз. «левые коммунисты», решила выступить на съезде Советов с собственной декларацией, принята следующая резолюция, предложенная Зиновьевым:

После того, как VII съезд партии [вынес] определенное решение, после того, как фракция на IV съезде Советов подавляющим большинством голосов приняла такое же решение (53 голосами — против 36), — все члены партии на съезде Советов обязаны голосовать так, как решила партия.

Чтение сепаратной декларации на съезде Советов ЦК вынужден будет рассматривать как нарушение партийной дисциплины.*

(*) Вопреки решению Центрального комитета, декларация, поданная «левыми коммунистами» в президиум IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов 15 марта 1918 года, была зачитана на заседании съезда 16 марта.

Декларация группы коммунистов

членов Четвертого съезда Советов — противников заключения мира

Мы, подписавшиеся на прилагаемом листе, 55 членов съезда и 8 членов ЦИК, принадлежащих к Российской коммунистической партии (большевиков), противников ратификации договора, просим предоставить слово для оглашения декларации т. Куйбышеву, причем эти же подписи просим присоединить и к декларации по существу.

«На Российскую рабочую крестьянскую революцию, впервые поднявшую знамя социалистического преобразования общества, со всех сторон направлены силы международного капитала; с запада наступают германские ударники, с востока грозят японские армии, с севера готовится англо-французское нападение. Если нет еще прямой сделки между империалистами разных стран, то общность их интересов в этом нападении уже вполне определилась. При таких условиях для русской социалистической революции нет никакой реальной возможности уклониться от боя с силами международных захватчиков. Это наглядно показывают и те мирные условия, которые диктуются нам генералами Вильгельма, зверски набросившимися на демобилизовавшуюся советскую республику. Эти условия не только лишают рабочих хлеба и угля, не только раздробляют силы пролетариата, разрывая на части единый фронт борющегося рабочего класса России: они ставят советскую власть в такое положение, в котором она вынуждена будет делать ряд уступок в своей внутренней политике, постепенно укорачивать те завоевания, которые принесла с собою Октябрьская революция; они чрезвычайно уменьшают и международное значение великой советской республики. В то же время заключение мира сеет в усталых рабочих и крестьянских массах России иллюзию о возможности перерыва в борьбе с международным капиталом, угашает их стремление к организации отпора, облегчает империалистам дальнейшие захваты и, поэтому, подрывает условия успешной обороны социализма, крестьянской земли, рабочих фабрик, советской власти. Оно дает возможность германским империалистам убеждать отсталые слои немецкого рабочего класса в том, что разбойничьей войной можно добиться мира и хлеба. Оно позволяет империалистам Англии и Франции натравливать отсталые слои, рабочих на русскую революцию. Оно во всех странах мира ослабляет силы международной революции и укрепляет влияние международной буржуазии и соглашателей и их проповедь гражданского мира.

Мы с презрением отмечаем нападки на советскую власть со стороны социал-соглашателей (меньшевиков, правых с.-р., новожиленцев и т. д.), которые выкидывают сейчас лозунг не гражданской войны с империализмом, не войны для защиты пролетарской диктатуры, а войны

для срыва этой диктатуры и для восстановления власти буржуазии и социал-предателей. Ведя беспощадную борьбу с этими контрреволюционерами, мы решительно отмежевываемся и от фраз левого народничества, соединяющего точку зрения восстания против германского империализма с шаткой политикой внутри страны. Мы стоим за революционную войну против бандитов империализма, продолжающих наступать на нас даже после подписания мирного договора. Мы полагаем, что этот договор не должен быть утвержден. Наоборот, его нужно заменить призывом к священной обороне социалистической революции. Надежду на мир нужно заменить энергичной работой по самой широкой мобилизации всех трудящихся сил народа. Съезд Советов обязан дать директивы всем работникам на местах для организации поголовного вооружения рабочих и крестьян. Съезд должен принять решительные меры для постановки соответствующей государственно-организованной пропаганды и агитации как в России, так и во всем мире. Съезд должен призвать рабочих всех стран как волонтеров в ряды Красной социалистической армии. В этой работе мы видим нашу основную задачу. Полагая, что наш долг международных коммунистов заставляет нас открыто заявить о своей позиции, считая, с другой стороны, что раскол пролетарской партии был бы сейчас вредным для дела революции, мы оглашаем эту декларацию, но при голосовании вопроса о ратификации договора против решения партии не голосуем, а воздерживаемся».

Следуют подписи 58 членов с решающим голосом и 10 членов ЦИК.

Из доклада Свердлова на собрании партийного актива

Нижегородской организации о Седьмом съезде партии
23 марта 1918 г.

Тов. Свердлов говорит, что он не намерен делать доклад ни о текущем моменте, ни о съезде и ни по другим каким-либо вопросам дня, но для него важно выяснить положение дел на местах и познакомиться с таковым в центре.

Переходит к характеристике партийного съезда. Съезд был созван в экстренном порядке. Был немногочисленен, но это потому, что была слишком большая норма [представительства]. Центром этого порядка дня был вопрос о войне и мире. ЦК партии знал, что по этому вопросу не было единогласия. Мы знали, что Московское областное бюро узкого состава вынесло резкую резолюцию по адресу ЦК, так же и Московская окружная организация была в оппозиции.

До сих пор наша партия была сильна единством; в этом единстве мы черпали свою силу. Все завоевания, которые мы сделали, обязаны нашему

единству. Те группы, которые стояли в оппозиции [к] ЦК до съезда, всю свою тактику строили на расколе.

Нельзя, в самом деле, так легкомысленно относиться к своим политическим обязанностям, как это сделала петербургская оппозиция — стала издавать свой отдельный орган. Московское областное бюро узкого состава, оторвавшись от масс, стало грозить неподчинением, выносить порицание и т. д., — все это есть шаги к расколу. Правда, расширенный пленум Московского областного бюро не принял резолюции пленума узкого состава. На Петроградской конференции оппозиционная резолюция случайно собрала большинство голосов. Наша краса и гордость — как Выборгский район, Василеостровский, большая часть Нарвского района и некоторые другие — все голосовали против.

Москва не издавала своего собственного органа, но зато в газете «Социал-демократ» помещались такие статьи, которым позавидовал бы, пожалуй, и питерский «Коммунист». Ссылается на статью «Что дальше». Эта группа, потерпев явное поражение и в Москве, и в Питере, и на партийном съезде, все еще не хочет уgomониться. Ее представители не вошли в ЦК партии, выступили со своим особым мнением на IV Всероссийском съезде Советов от имени 54-х человек, хотя на съезде во фракции было около 800 человек. Если эта задача перекинется в провинцию, то дело наше будет швах; единства партии не будет, а то, что они посетят провинцию, в этом нет никакого сомнения.

Сейчас наше политическое положение в связи с ратификацией резко изменилось. До сих пор мы всю работу вели через Совет, отчего партийная организация захирела. Теперь мы этого делать не можем, а следовательно, и настало время, когда необходимо части активных работников переключать из Советов в партию. Теперь опять наша партийная работа должна встать в центре всего движения. То, что Совет может проводить как власть так резко и так открыто, то возможно проводить через партию [...]

Резолюция, принятая на собрании пленума

Московского областного бюро РСДРП(б)

28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.)

Укрепление и развитие социалистической революции в России и во всем мире с неизбежностью требует в первую голову окончания империалистической бойни демократическим миром.

Но заключение демократического мира возможно лишь при переговорах самих народов, при условии свержения ими своих буржуазных правительств. Мир же социалистической России с империалистической Германией может быть лишь миром грабительским и насильническим.

Ввиду этого пленарное собрание областного бюро находит необходимым:

Прекращение мирных переговоров с империалистической Германией, а также и разрыв всяких дипломатических сношений со всеми дипломированными разбойниками всех стран.

Энергичную работу по созыву международного Циммервальдского социалистического конгресса.

Усиление работы по организации Красной гвардии.

Создание Красной социалистической гвардии среди военнопленных и организацию отрядов агитаторов для пропаганды социалистической революции в рядах немецко-австрийской армии.

Немедленное создание добровольческой революционной армии и беспощадная война с буржуазией всего мира за идеи международного социализма.

Резолюция Московского областного бюро РСДРП(б)

по вопросу о войне и мире 21 февраля 1918 г.

Областное бюро РСДРП (большевиков), обсудив согласие Совета народных комиссаров на мир с германским правительством на условиях, предложенных делегацией Четверного союза, заявляет, что остается верным решению, принятому пленарным собранием областного бюро 27 декабря 1917 года и в остальном присоединяется к резолюции Московского комитета, принятой 20 февраля 1918 г. [Резолюция принята большинством 27 голосов, против — 18, воздержавшийся — 1.]

Резолюция о текущем моменте,

принятая Александровской организацией РСДРП(б)

21 февраля 1918 г.

Александровская организация РСДРП(б) на заседании 21 февраля по вопросу о текущем моменте вынесла следующую резолюцию:

Наступление австро-германских войск, которое можно было и должно было предвидеть, не изменяет нашего отношения к пролетарской борьбе за демократический мир. Мы считаем правильными наши первые лозунги. Наши надежды на поддержку революционного пролетариата Запада остаются непоколебимыми — фактом возобновившегося германского наступления.

Организация не считает возможным заключение сепаратного мира с Германией ввиду совершенно иных целей германского наступления, которое направлено против завоеваний русской революции и по-прежнему

призывает к организации Красной армии. Наша социалистическая борьба продолжается с прежней силой на всех фронтах. Красная армия, уверенная в поддержке западноевропейского пролетариата, ведет беспощадную борьбу за демократический мир.

Резолюция о войне и мире,

принятая Калужской губернской конференцией РСДРП(б)

Российская революция, носящая социалистический характер, находится в величайшей опасности. Международная буржуазия направляет свои силы в лице добровольно сформированных отрядов против Российской советской республики, против русского пролетариата. Война из войны между двумя нациями превращается в гражданскую войну, в борьбу пролетариата и беднейшего крестьянства против буржуазии и помещиков, и в этой новой войне уже не может быть и речи об отступлении и соглашении. С подавителями революции не заключают мира, их беспощадно истребляют. Долг каждого гражданина, долг каждого революционера — отдать все силы и свою жизнь борьбе за социализм, за раскрепощение пролетариата. К этой последней и беспощадной войне и призывает Калужская губернская конференция Российской с.-д. рабочей партии всех граждан свободной России. Предложенные германскими империалистами условия мира от 21 февраля 1918 года имеют своей целью задушить пролетарскую революцию в лице советской республики, и наш ответ на эти условия только один — мы умрем, как достойные сыны революции, но не отдадим завоеванной свободы. Требуем немедленного введения военного положения в Калужской советской республике, немедленного расстрела всякого, кто осмелится в этот ответственный момент выступить против диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства; беспощадного расстрела всякого, кто открыто или тайно примкнет к германским империалистам. [Резолюция принята единогласно.]

Наказ Калужской губернской организации РСДРП(б)

делегату Седьмого партийного съезда 3 марта 1918 г.

Калужская губернская организация РСДРП(б) находит, что революция, происходящая в России и охватывающая всю Европу, является революцией социалистической и что единственное спасение этой революции в углублении и расширении ее. В этой борьбе за социализм никаких поблажек буржуазии быть не может и не должно, ибо от твердости и непоколебимости позиции зависит то или другое отношение к революции только буржуазных слоев, неспособных на самостоятельную работу, а

всегда тяготеющих к сильной стороне.

В наступлении германских опричников организация видит наступление всемирной буржуазии на пролетарско-крестьянскую революцию и находит, что никакого соглашения или мирных переговоров с душителями социальной революции не может быть, необходимо мобилизовать все силы для борьбы с наступлением.

Переходя к вопросу о дальнейшей тактике РСДРП(б), организация находит, что никакой капитуляции перед мелкобуржуазными партиями быть не может, а партия должна и впредь сохранить чистоту своих принципов и строго придерживаться материалистического понимания истории и сообразно с этим строить свою тактику. Организация дальше находит, что никакого сотрудничества с эсерами, хотя бы и левыми, как с партией мелкой буржуазии, не должно быть, и представители левых эсеров [могут быть) допустимы к ответственной общественной работе постольку, поскольку мы не имеем возможности заменить их своими строго выдержанными людьми.

Вышеизложенное организация поручает отстаивать своему представителю на Всероссийском съезде РСДРП(б).

Резолюция по текущему моменту,

принятая Иваново-Вознесенской городской конференцией РКП(б)
28 апреля 1918г.*

(*) Резолюция была предложена членом Московского областного бюро РКП(б) левым коммунистом А. Ломовым.

1) Иваново-Вознесенская организация считает, что политическая линия руководящего большинства нашей партии является глубоко ошибочной, ведущей к ослаблению сил российской революции и внутри и в международном масштабе. После Брестского мира международная политика «большинства» строится в значительной мере, с одной стороны, на систематическом отступлении без боя перед наступающим империализмом австро-германской коалиции и держав Согласия и на попытках использовать ту «трещину», которая имеется между империалистами обеих враждующих коалиций, маневрируя между ними, заключая с ними всякие соглашения, вплоть до военных соглашений об использовании военных сил империализма (соглашение с Англо-Францией о защите Мурман). Подобная политика усиливает позицию международных империалистов в их борьбе с развивающимся революционным движением пролетариата.

2) Во внутренней политике официальное партийное большинство стоит также на неправильном пути. В области финансовой политики пытаются в

скрытом виде проводить денационализацию банков. «Коммунистический» комиссариат финансов предлагает буржуазную по существу программу, считает ошибочным аннулирование государственных долгов и, таким образом, резко разрывает с финансовой политикой Октябрьской революции. В области экономической политики вместо быстрой национализации крупнейших отраслей производства «большинство» частью денационализует их (нефтяная промышленность, наливной флот), частью пытается перейти к организации производства по сути дела на государственно-капиталистических началах (Мещерский и др.). Вместо ставки на рабочего и его управления производством, переходят к попыткам соглашения с капиталистами для привлечения их в качестве руководителей производством. В области внутренней политики позиция «большинства» чрезвычайно опасна в связи с организацией Красной армии, когда на места командного состава, на руководящие, ответственные места ставятся старые генералы, чем создается прямая угроза революции. В области выработки советской конституции точно так же большинство становится на неправильный путь. Желая внести больше согласованности в действия советского аппарата, оно хочет централизовать всю власть и все управление в руках центральных учреждений, чем, с одной стороны, ослабляется местная инициатива и сила советского местного аппарата, с другой — усиленно укрепляется централизованный бюрократический аппарат. Все это заставляет Иваново-Вознесенскую конференцию признать: 1) политику «большинства?» партии неправильной и 2) считать необходимым бороться за выпрямление курса нашей политики.

Резолюция о текущем моменте,

принятая Иваново-Кинешемской окружной конференцией РКП(б) 10 мая 1918 г.*

(*) Резолюция была принята по предложению Н. И. Бухарина.

1) Германский империализм переходит в открытое наступление против рабоче-крестьянской революции, и внешнее положение советской республики сразу стало угрожающим.

Не добившись быстрого решения на Западном фронте, германский империализм стоит перед необходимостью длительной борьбы при еще более напряженном, близком к взрыву состоянии внутри страны, поэтому он должен стремиться путем решительных действий обеспечить свой тыл от разлагающего влияния русской революции и от угрозы возможного возрождения России, как военной силы. Поэтому он во что бы то ни стало должен обеспечить себе правильное снабжение хлебом и сырьем из России. Противопоставление Украинской националистической рады советской

власти оказалось плохой опорой для оккупации (захвата) и плохим приемом борьбы с рабоче-крестьянской революцией. Обнаружилось, что Рада лишена всякой опоры в массах и не объединяет сил господствующих классов Украины. Обнаружилась необходимость «общерусской ориентации» для немецких захватчиков, необходимость опереться на российские господствующие классы вообще, заключить с ними лишенное национальной окраски чисто классовое соглашение.

Октябристское правительство Скоропадского противопоставлено теперь рабоче-крестьянской революции на Украине и советской республике на севере. Естественно, что германские империалисты будут предъявлять советской власти требования и предпринимать против нее ряд действий. Эти требования и действия будут иметь целью — либо насадить при помощи оккупации режим Скоропадского на севере во всей полноте, либо в случае готовности советской власти на уступки и более медленного темпа германского натиска заставить ее на деле принять и провести программу Скоропадского, сделаться, подобно Раде, на первое время учреждением, ставящим штемпель на контрреволюционные требования германского империализма, а в дальнейшем разделить судьбу Рады. В обоих случаях самая определенная политика в сторону полной или фактической реставрации буржуазного порядка на севере России неизбежна.

2) Германский империализм ведет эту политику, рассчитывая вовлечь господствующие классы России в сделку с германским империализмом, которая в обмен за предоставление хлеба, сырья, рабочей силы, за подчинение военной и политической гегемонии Германии предоставит русским помещикам «восстановление порядка», может быть, территориальные компенсации (возвращение части захваченных земель) и во всяком случае «воссоединение» Украины и севера России.

Некоторые части господствующих классов, преимущественно помещики и большая часть тыловой буржуазии, будет поддерживать такую сделку. Остальная часть буржуазии и буржуазная интеллигенция не может порвать своей связи с державами согласия.

3) Поэтому власть, построенная захватчиками, уже по этой причине должна быть внутренне слаба. Невозможность восстановить правильное действие хозяйственного аппарата в условиях оккупации и революционного отношения к ней и буржуазно-помещичьей власти рабочих и крестьян сделает эту власть еще слабее и потребовала бы огромных военных сил для оккупации и реставрации.

Отношение рабочего класса и крестьянства к оккупации-реставрации очевидно: для рабочего класса это гибель завоеваний пролетарской революции, перспектива расстрелов и голодания; для крестьян она означает возвращение земель помещикам, немецкие карательные отряды и

реквизиции.

При таких условиях не только реставрация в случае частных успехов захвата не может быть прочной, но в случае принятия Советской властью решительного курса на отпор германскому империализму, массовая поддержка рабочих, деревенской бедноты, основанная на учете опыта германского захвата Украины, обеспечена.

4) Международное положение в связи с переменой германской политики по отношению к России изменяется, с одной стороны, в том направлении, что отвлечение сил на политику оккупации ослабляет Западный фронт, повышает шансы на победу Центральных держав, обостряет внутреннее положение в Германии и Австрии и усиливает силы революции. В то же время сопротивление рабочих и крестьян России наступающим войскам, яркое обнажение классово-реакционной задачи наступления, положение осажденного лагеря, в которое попадают тыловые отряды оккупирующих войск, непосредственно разлагают немецкую армию (процесс, уже заметный на Украине) и готовят крушение как германского натиска, так и начало крушения германского милитаризма вообще.

В странах Согласия революционное движение в случае, если в России натиску германского империализма будет оказан серьезный отпор, также должно усилиться, с одной стороны, в связи с ослаблением немецкого нажима и оборонческих настроений, с другой стороны, в связи с возрождением авторитета российской революции.

5) При таких условиях советская власть не имеет ни возможности, ни права держать курс на уступки германскому империализму и на сделку с ним, ибо всякая возможность «маневрировать» отпала, и перед советской властью стоят две перспективы: умереть смертью Рады, разлагаясь и дезорганизуя рабоче-крестьянскую революцию, или открыто принять бой с германскими захватчиками. Советская власть обязана, выяснив ультимативные требования германского империализма, отклонить пункты, уничтожающие завоевания Октябрьской революции [...]

Резолюция МК РСДРП по поводу мирных переговоров,

принятая единогласно на заседании

11 (24) января 1918 г.

1) Переговоры в Бресте до сих пор содействовали полному выяснению преступных целей войны и революционизированию народных масс во всех странах; вто же время они лишней раз подчеркнули, что демократический мир не может явиться результатом дипломатических переговоров с империалистическими правительствами и будет достигнут лишь путем

массовой революционной борьбы народов против империалистов обеих воюющих групп.

2) Принятие условий, диктуемых немецкими империалистами, является актом, идущим вразрез со всей нашей политикой революционного социализма, повело бы объективно к отказу от последовательной линии интернационального социализма как во внешней, так и во внутренней политике и могло бы привести к одному из худших видов оппортунизма.

3) На наших глазах разворачивается революционное движение на Западе, убеждающее нас в правильности предвидения неизбежности в ближайшее же время социалистической революции в Европе.

Исходя из всего сказанного, МК предлагает Совету народных комиссаров признать предложения немецкой делегации неприемлемыми и прервать мирные переговоры.

Одновременно с этим МК ставит необходимым усилить работу по организации социалистической гвардии, призывая к строительству ее всех товарищей, вербуя армию для отпора германским захватчикам, армию, способную вести священную войну за социализм как внутри страны, так и против всяких посягательств извне на завоевания нашей революции, оказывая помощь социалистическим отрядам других стран в их борьбе за международный демократический мир, и отнюдь не связывать своих действий с империалистической политикой держав согласия.

Резолюция МК по поводу возобновления мирных переговоров Совнаркомом

Московский комитет РСДРП (большевиков) на экстренном заседании утром 20 февраля, обсудив согласие Совета народных комиссаров на мир с германским правительством на условиях, предложенных делегацией Четверного союза, заявляет:

1) Московский комитет остается верным решению, принятому Московским комитетом и общегородской конференцией 11—13 января.*

(*) 13 января 1918 года резолюция МК большинством голосов была принята также Московской общегородской конференцией РСДРП (б).

2) Наступление австро-германских войск, которое можно было и должно было предвидеть, не изменяет нашего отношения к пролетарской [борьбе] за демократический мир. Мы считаем правильными наши прежние лозунги. Наши надежды на поддержку революционного пролетариата Запада остаются непоколебленным фактом наступления последнего дня.

3) Московский комитет считает решение Совета народных комиссаров вредным для дела мировой революции. Московский комитет по-прежнему призывает пролетариат к организации Красной армии. Наша

социалистическая борьба продолжается с прежней силой на всех фронтах. Красная армия ведет беспощадную борьбу с буржуазией в собственной стране. Она окажет активную поддержку западноевропейскому пролетариату в его борьбе за демократический мир.

4) Московский комитет настаивает на пересмотре Советом народных комиссаров принятого решения и на отказе от него.

Резолюция экстренного заседания МК РСДРП(б) и

фракции большевиков Исполкома Моссовета
по вопросу о мире 21 февраля 1918 г.

Рассматривая решение Совета народных комиссаров принять условия мира, предложенные немцами в Бресте, как величайшую жертву, принесенную рабоче-крестьянским правительством во имя интересов мировой революции, Исполнительный комитет перед лицом открытого выступления международного империализма против очага социалистической революции горячо приветствует призыв Совета народных комиссаров к организации сил революционной обороны социалистической республики и призывает всех трудящихся к сплочению вокруг Совета народных комиссаров и к самой решительной поддержке его шагов в деле революционной борьбы за мир.

Сообщение газеты «Социал-демократ» о решении МК РСДРП(б) по вопросу о заключении мира

Собрание Московского комитета с представителями от районов, состоявшееся 24 февраля, считает абсолютно неприемлемым мир на условиях, предложенных австро-германской коалицией, и постановляет продолжать мобилизацию революционных сил и подготовку социалистической армии для организации революционной обороны и защиты завоеваний революции, к этой резолюции присоединилась и общегородская конференция РСДРП (большевики).*

(*) Московская общегородская конференция РСДРП(б) состоялась 25 февраля 1918 года.

Резолюция общего собрания большевиков завода «Проводник» (Москва)

На общем собрании большевиков единогласно принята резолюция: Принимая во внимание все губительные последствия, которые может иметь для дела русской и международной революции капитуляция России перед

германским империализмом и принятием германских условий мира, мы, члены партии большевиков на вышеуказанном заводе, признавая всю опасность и грозность настоящего момента, решили откликнуться на призыв Московского совета защищать революцию и просим всех товарищей, особенно бывших на учете, пойти всем без исключения в ряды Красной армии и не дать восторжествовать над русской революцией буржуазии. Всем встать на защиту всемирной молодой революции.

Предлагаем Совету народных комиссаров позорного мира не заключать и вести революционную войну против всеобщего империализма. Мы ждем выступления наших германских товарищей, а пока мы встаем на защиту всемирной революции.

Резолюция Московской общегородской конференции

РСДРП(б) по вопросу о подписании мирного договора, принята 4 марта 1918 г.

Московская общегородская конференция, вместе с пролетариатом всей России, считает условия мира, продиктованные германским империализмом русской революции, условиями грабительскими, с которыми никогда не примирятся революционный пролетариат и крестьянство России.

Австро-германский пролетариат в данный момент оказался слишком слаб, чтобы уже сейчас немедленно свергнуть свои империалистические правительства и безотлагательно прийти на помощь социалистической революции в России. Социалистическая революция в России в данный момент, когда старая армия демобилизована и не могла не быть демобилизована, когда хозяйственная разруха достигла высшей степени, вынуждена была принять тот ультиматум, который поставил ей германский империализм.

Советская власть получила тяжелое наследие от царизма и восьмимесячного режима буржуазно-оборонческих правительств, советская власть не могла и не должна была принять боя с германским империализмом при данном соотношении сил. В интересах как русской, так и международной революции Советская власть обязана была воспользоваться той передышкой, которую может предоставить ей мир, подписанный в Бресте 3 марта 1918 года.

Московская общегородская конференция выражает свое доверие Центральному комитету партии, поручает своим делегатам на предстоящем партийном съезде отстаивать единство партии во что бы то ни стало и резко осуждает единичные попытки к расколу, имевшие место в последнее время.

Заявление в ЦК группы членов ЦК и наркомов

К заседанию 22 февраля 1918 г. В ЦК РСДРП(б)*

(*) К данному заявлению по вопросу о войне и мире 28 февраля 1918 года присоединился Московский окружной комитет РСДРП (б). Заявление было подано, по-видимому, не 22 февраля, как указано в документе, а 23 февраля, т. е. после того, как состоялось решение ЦК о принятии германских условий мира. В газете «Социал-демократ» (Москва) №35, 28 (15) февраля 1918 года документ также датируется 23 февраля. В газете заявление опубликовано без последнего абзаца.

Уважаемые товарищи!

На выступление германских империалистов, открыто провозгласивших своей целью подавление пролетарской революции в России, ЦК партии ответил согласием заключить мир на тех условиях, которые за несколько дней перед этим были отвергнуты русской делегацией в Бресте. Это согласие, данное при первом же натиске врагов пролетариата, является капитуляцией передового отряда международного пролетариата перед международной буржуазией. Демонстрируя перед всем миром бессилие пролетарской диктатуры в России, оно наносит удар делу международного пролетариата, особенно жестокий в момент революционного кризиса в Западной Европе, и вместе с тем ставит в стороне от международного движения русскую революцию. Решение заключить мир во что бы то ни стало, принятое под давлением мелкобуржуазных элементов и мелкобуржуазных настроений, неизбежно влечет за собой потерю пролетариатом руководящей роли и внутри России. Изъятия из сферы действия экономической программы советской власти, которые мы вынуждены будем сделать при заключении мира для капиталов германского происхождения, сведут на нет работу социалистического строительства, сделанную пролетариатом со времени Октябрьской революции. Сдача позиций пролетариата вовне неизбежно подготавливает сдачу и внутри.

Мы считаем, что после захвата власти, после полного разгрома последних оплотов буржуазии перед пролетариатом с неизбежностью встает задача развития гражданской войны в международном масштабе, задача, ради выполнения которой он не может останавливаться ни перед какими опасностями. Отказ от нее ведет к гибели от внутреннего разложения, равносильной самоубийству.

Мы с презрением отвергаем нападки на советскую власть со стороны тех соглашательских элементов, для которых борьба с германскими империалистами лишь предлог для установления гражданского мира и которые вместо гражданской войны с международной буржуазией хотят вести национальную войну с Германией на основе единения классов и

союза с англо-французской коалицией. Отказ от диктатуры пролетариата во имя войны для нас так же неприемлем, как и отказ от нее во имя мира. В момент, когда империалистические банды не только захватывают новые территории, но и душат пролетариат и его организации, обязанностью партии является призыв к защите пролетарской диктатуры с оружием в руках и организация такой защиты. Ответственные руководители партии ничтожным большинством приняли иное решение, идущее вразрез с интересами пролетариата и не соответствующее настроению партии. Не нарушая поэтому организационного единства, мы считаем своей основной задачей развитие широкой агитации в партийных кругах против обозначившейся в последнее время политики партийного центра и подготовку партийного съезда, на котором вопрос о мире должен быть поставлен во всей его широте.

Г. И. Ошюков (А. Ломов), М. Урицкий, Н. Бухарин

Члены ЦК РСДРП А. Бубнов, В. Смирнов, Ин. Стуков, М. Вронский, Яковлева, Спундэ, М. Покровский, Георгий Пятаков.

Считая неправильным решение, принятое большинством ЦК по вопросу о немедленном предложении мира, мы тем не менее не можем присоединиться к настоящему заявлению, так как полагаем, что широкая агитация в партийных кругах против политики большинства ЦК может в настоящее время повести к расколу, который мы считаем недопустимым.

А. Иоффе, Н. Крестинский, Ф. Дзержинский.

Резолюция Московского окружного комитета РСДРП,

принятая 28 февраля 1918 г.

Обсудив вопросы войны и мира, окружной комитет постановил присоединиться к заявлению, поданному в ЦК частью его членов и группой товарищей 23 февраля.

Далее, окружной комитет заявляет, что история обсуждения вопроса о мире в ЦК партии, неоднократное его переголосование, разрешение его незначительным большинством голосов, воздержание от голосования в решительный момент четырех его членов заставляет окружной комитет высказаться за настоятельную необходимость созыва партийного съезда в назначенный срок, несмотря на тяжесть переживаемого момента, и за безусловную недопустимость его отсрочки. Ответственность партии перед революцией настолько велика, что партия должна сказать по вопросу о мире свое слово, а период, в который вступает социалистическая революция, настолько решителен и грозен, что во главе партии должен стоять ЦК с линией политически более решительной и твердой и более способный руководить ею, чем настоящий его состав.

Резолюция Клинской уездной конференции РСДРП(б)

Клинская уездная конференция РСДРП фракции большевиков вынесла следующую резолюцию:

Принимая во внимание, что настоящее наступление на нашем фронте это есть наступление не германских рабочих и солдат, а германских и австрийских белогвардейцев, юнкеров и капиталистов всего мира, которые взяли в свою задачу задушить советскую власть и крепить реакцию во всех странах, Клинская уездная конференция партии постановляет следующее:

1) Продолжать беспощадную войну с капиталистами всего мира, за победу социализма.

2) Приняться немедленно за организацию Красной армии и партизанских отрядов для посылки на фронт.

Резолюция по текущему моменту, принятая Седьмой

Московской окружной конференцией РКП(б) 24 марта 1918 г.*

(*) На конференции были представлены партийные организации: Орехова-Зуева, Подольска, Коломны, Клина, Богородска-Глухова, Тушина-Гучкова, Дулева, Затишья, Люберец, Изенкова, Кунцева, Павловского Посада, Раменска, Наро-Фоминска, Волоколамска от уездного Совета.

Седьмая Московская окружная конференция РКП, одобряя в вопросе подписания ратификации мира политику Центрального Комитета партии, полагает, что основной задачей партии в настоящее время является, неуклонно доводя до конца социалистическую революцию, вести в то же время самую решительную агитацию в рабочих массах и в крестьянстве за немедленную организацию народной Советской армии для отпора наступления международной буржуазии на завоевание рабочей и крестьянской революции в России.

Ко всем членам партии. Обращение ПК РКП(б)

Товарищи! На 20 марта назначена чрезвычайная общегородская конференция. В порядок дня поставлен вопрос о только что закончившемся партийном съезде.

Вы знаете, товарищи, что съезд не был единодушен по основному вопросу — о войне и мире. Выявились и вполне определенно оформились две противоположные точки зрения. Победила точка зрения Совета народных комиссаров и ЦИК. Большинство съезда высказалось за

ратификацию мирного договора.

Петербургский комитет это решение съезда считает глубоко ошибочным. Но ПК не уверен, что большинство организации разделяет его точку зрения. Необходимо точно определить отношение организации к решению съезда, необходимо безошибочно выяснить, на точке зрения большинства или меньшинства съезда стоит авангард петроградского пролетариата.

С этой целью и созывается чрезвычайная общегородская конференция. Но, товарищи, для того, чтобы конференция могла вполне правильно выразить взгляды и настроения членов партии, для этого необходимо предварительное обсуждение спорного вопроса. Раз есть в партии две точки зрения, то необходимо, чтобы выборы на конференцию были произведены после того, как избиратели определяют свое отношение к позиции большинства и меньшинства. Низы нашей организации должны сказать свое слово по основному вопросу революции после спокойной товарищеской дискуссии.

Ввиду этого ПК считает необходимым, чтобы на партийных избирательных собраниях присутствовали представители обоих течений. О каждом избирательном собрании ПК заблаговременно должен быть извещен, чтобы он мог прислать докладчиков.

Товарищи, времени до конференции осталось немного! Необходимо немедленно приняться за работу. Каждый член партии обязан принять самое горячее участие в обсуждении и решении самого главного вопроса современной жизни. Помните, товарищи, — судьба социалистической революции в смертельной опасности. Нельзя быть в такое грозное время бездеятельным, пассивным. Все на партийные избирательные собрания, все за работу!

Петербургский комитет РКП (большевиков)

9 марта 1918г.

Резолюция общего собрания большевиков

г. Петрозаводска по вопросу об отношении к Брестскому миру 12 марта 1918 г.

Общее собрание партии большевиков в Петрозаводске 12 марта, обсудив текущий момент, вынесло следующую резолюцию:

Небывало тяжелая разруха, постигшая нашу страну за годы войны, благодаря преступно халатным действиям самодержавной клики и преступно медлительным шагам в сфере мира коалиционного правительства Керенского, в связи с всеобщей усталостью и жаждой внешнего мира, побуждает нас принять крайне тяжелый мир,

продиктованный германскими империалистами. Но, вступив на путь уступок обстоятельствам, мы верим в [их] кратковременность ввиду огромного морального воздействия лозунгов нашей социалистической революции на умы и сердца германских и австрийских пролетариев. И в тот великий момент, когда социально-революционное движение снова вспыхнет в этих странах, наша демократия, оправившись от продовольственных (и) финансовых невзгод и укрепив свое положение и влияние, под руководством советской власти прострет к ним руку помощи и пошлет свои красные батальоны против баронов, помещиков и коронованных проходимцев.

Да здравствует международная социальная революция!

Долой плутократов всех стран!

Петрозаводский комитет Российской социал-демократической рабочей партии

Резолюция общего собрания 6-го района

Екатеринбургской организации РСДРП (б), принята 24 февраля 1918г.

Обсудив вопрос о начавшемся наступлении немецкой и международной буржуазии на Российскую социалистическую республику Советов, 6-й район РСДРП постановляет: предоставить все свои силы для организации защиты социалистического отечества.

Все за работу!

Все к оружию!

Железная товарищеская дисциплина и организованность!

Да здравствует международная война с угнетателями!

Резолюция Златоустовской уездной

конференции РСДРП (б), принята 25 февраля 1918 г.*

(*) Резолюция принята по докладу Е. А. Преображенского.

Заключение аннексионистского мира с Германией является подписью под смертным приговором Российской социалистической революции. Партия большевиков, партия рабочих и крестьян не может приложить руки к этому губительному акту. Все наши задачи сводятся теперь к тому, чтобы организовать сопротивление мировому империализму, надвигающемуся в виде германских полчищ и выявившему свое лицо в условиях мира, цинично предложенных немцами Совету народных комиссаров. Все силы мы должны отдать этому сопротивлению и стремлению зажечь мировую пролетарскую революцию. Мы верим, что только героическая защита завоеваний, сделанных российским пролетариатом, может разбудить

пролетариат всего мира и спасти дело социализма.

Долой аннексионистский мир.

Да здравствует мировая пролетарская революция.

Да здравствует социалистическая война.

Резолюция Уральского областного комитета РСДРП (б),

принятая единогласно на собрании Уральского областного Совета комиссаров

Ознакомившись с немецкими условиями мира, принятыми ЦИК 24 февраля, областной Совет комиссаров находит, что эти «условия мира» являются требованием полной капитуляции русской социалистической революции перед лицом международного империализма, что, приняв их, рабочий класс и деревенская беднота России обезоружат себя в борьбе с буржуазной контрреволюцией и отрежет нас от передовых отрядов международного пролетариата, что ценой такого политического самоубийства все равно нельзя купить непосредственного спасения революции даже в пределах Великороссии.

Не будучи в состоянии вести войны в обычном смысле этого слова, революционная Россия должна напрячь все силы для революционной классовой войны с наступающими войсками немецких империалистов.

Только этим путем рабоче-крестьянская Россия сможет ускорить взрыв революции в Западной Европе. Деморализация рабочего класса и деревенской бедноты в случае подписания германских условий мира гораздо губительнее для дела международного социализма, чем самое тяжкое поражение в революционной войне.

Только такая непримиримая классовая политика есть реальная политика, построенная на учете интересов революционного Интернационала.

Уральский областной совет комиссаров требует от ЦИК разрыва дипломатических переговоров с немецким империализмом и аннулирования договора в случае его подписания.

Резолюция Екатеринбургской общегородской

конференции РСДРП (б), принятая 2 марта 1918 г.

Екатеринбургская общегородская конференция РСДРП, обсудив вопрос о войне и мире, признала:

1. Что тактика затягивания мирных переговоров с целью использования их в интересах пробуждения международного пролетариата нашла свой естественный предел в контрреволюционных устремлениях немецких

империалистов.

2. Что отказ от заключения мира с австро-германскими захватчиками и объявления о прекращении войны между народами были продиктованы необходимостью дать еще один предметный урок международному пролетариату, еще раз напомнить ему о его классовом долге.

3. Что наступление немецкого империализма на русскую социалистическую революцию носит ясно выраженный характер буржуазной контрреволюции.

4. Что оно делает неизбежным ведение революционной войны против международного союза буржуазии и помещиков.

5. Что отказ от революционной войны, от рабоче-крестьянского восстания против международного империализма означает капитуляцию революции перед буржуазной контрреволюцией.

Конференция выражает решительное осуждение Центральному комитету партии, принявшему на партию огромную политическую ответственность без опроса самой партии, призывает партийный съезд отвергнуть политику капитуляции и стать во главе поднявшихся на защиту революции пролетарских масс.

Резолюция о текущем моменте, принятая общим

собранием городского района Пермской организации РСДРП(б) 3 марта 1918 г.

Общее собрание членов РСДРП большевиков, обсудив вопрос о мирных предложениях германских империалистов, находит нужным заявить, что всякое согласие на подписание мира является ликвидацией всех социалистических завоеваний русской революции, и поэтому, оставаясь партией классового движения пролетариата, мы находим единственный исход из создавшегося трагического положения социалистической революции в беспощадной борьбе со всемирной империалистической буржуазией за международную рабочую революцию, единственно способную вывести весь международный пролетариат на путь освобождения от эксплуатации и гнета капиталистического строя.

Резолюция Московского областного бюро о недоверии ЦК 24 февраля 1918 года*

(*) Резолюция принята по докладу В. А. Преображенского.

Предложена Стуковым и принята единогласно.

Московское областное бюро РСДРП большевиков высказывает недоверие ЦК ввиду его политической линии и состава и будеп при первой

возможности настаивать на перевыборах его. При этом Московское областное бюро заявляет, что оно не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало постановлениям ЦК в связи с проведением в жизнь условий мира, заключенного с Германией.

Объяснительный текст к резолюции

Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, причем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы по-прежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России.

Резолюция МК РСДРП(б) от 24 февраля 1918 г.

Собрание Московского комитета с представителями от районов, состоявшееся 24 февраля, считает абсолютно неприемлемым мир на условиях, предложенных австро-германской коалицией, и постановляет продолжать мобилизацию революционных сил и подготовку социалистической армии для организации революционной обороны и защиты завоеваний революции.

Протест советского правительства правительству Германии*

(*) МИСИ, кол. Э. Берштейна, папка В 72. Пер. с немецкого.

Брестский мирный договор установил четко определенную пограничную линию между Россией и пограничными государствами. Эта пограничная линия была отмечена на карте, добавленной в качестве приложения и составляющей существенную составную часть договора. В день подписания договора генерал Гофман от имени верховного главнокомандования сделал торжественные заверения. Эти заверения до сих пор не выполнены. Немецкие войска не освободили ни пяди завоеванной территории. В качестве примера достаточно сказать, что занятый 6 марта вокзал Орша до сих пор находится в руках немцев. На всем протяжении фронта, достигающем несколько тысяч километров, имеется множество таких местечек, занятых после заключения мира, и ни из одного из них немецкие войска не ушли. Напротив, в ряде районов немецкие

войска пересекли установленные демаркационные линии. Так, например, в районе Нарвы они переправились через реку, несмотря на то, что согласно договору должны были оставаться на левом берегу. На финской границе тоже в ряде мест осуществлен переход на русскую территорию, например, на севере на мурманском побережье.

На запрос русского правительства о русско-украинской границе германское кайзерское правительство ответило в ноте от 29 марта, подписанной заместителем статс-секретаря бароном фон дер Бусшем Хадденхаузенем, что украинская территория состоит только из девяти перечисленных в ноте губерний, причем из губернии ТАТАРИЯ явно исключен КРЫМ. Хотя это представляло собой одностороннее установление границы немецкой стороной, однако впоследствии даже этих границ [немцы] не придерживались. Немецкие войска продвинулись на юге в направлении Кавказа и уже заняли как район Дона, так и Крым. На севере они продвинулись в направлении Воронежа и Курска. Вдоль всей границы они овладевают местностями, которые значительно выходят за пределы линии, установленной немецкой стороной. Повсеместно они овладевают собственностью России, исчисляющейся в миллиардах рублей, и невзирая на подписание и ратификацию мирного договора, огнем и мечом отсекают территории от Российской республики. Это аномальное состояние войны продолжается по сей день. Недавно немецкие войска заняли полуостров Тамань и части Кубанской и Донской областей и оказали содействие восстанию казаков, направленному против советской власти. Находящиеся там немецкие командующие не стесняются открыто заявлять, что они должны обезопасить себя против всякой возможности угрозы своим сегодняшним стратегическим позициям и что поэтому они займут все пункты, которые сочтут стратегически важными, не обращая ни малейшего внимания на заключенные договора. Представитель немецкого военного министерства ротмистр Швандт заявил в Петрограде, что может настать момент, когда Германия окажется перед необходимостью занять сам Петроград. Это высказывание облетело все русские газеты и невероятно взволновало общественное мнение России.

В дополнение всего вышесказанного, следует еще иметь в виду, что в настоящее время начинается продвижение турок на Кавказе, что турки, невзирая на условия Брестского договора, по которым население Карса, Батума и Ардагана получает право на самоопределение, не только немедленно захватили эти районы, но и продвинулись на запад до Тифлиса и на восток до Баку, что они вырезают местное мирное население и превращают в пустыню цветущие земли. Далее, следует иметь в виду, что там, куда ступает нога немецкого солдата, правит бал белый террор, что с его приходом немедленно устанавливается старый режим, ненавистный

народу и опрокинутый революцией, что борцов за дело революции сотнями расстреливают или отправляют на виселицу. Следует иметь в виду, что Германия неприкрыто и повсеместно оказывает поддержку контрреволюционным и реакционным движениям, что, например, мятежный генерал Дроздовский в Донской области открыто заявляет в своей издающейся в Ростове газетенке, что во время его бандитских налетов его банды при соприкосновении с немецкими частями встречали со стороны последних взаимопонимание и активную поддержку и что он получил от немцев заверение, что они, как и он и его партнеры, считают свержение большевиков своей главной задачей. Стоит хоть немного подумать над всеми этими фактами — и сразу становится понятно возмущение немцами и чувство глубокого разочарования, растущее среди народа, а также и то, что в России все чаще слышны голоса тех, кто говорит о преимуществах открытой войны с Германией. Эти люди утверждают, что в случае войны Германия будет вести себя точно так же, как сейчас, когда ее армия оккупирует одну русскую территорию за другой, но что в случае войны народ будет избавлен от противоречия, вызванного несоответствием между одновременным положением мира и продолжающимися военными действиями. Русский народ понимает, что продвижение немецких войск в направлении Воронежа и Курска отрезает Центральную область на севере от района Волги, тем самым теряется единственная возможность получить хлеб для населения севера, чтобы спасти его от голодной смерти; что бесцеремонная блокада мурманского побережья обрекает тамошнее население на голод; что взятие Баку и нефтяного района грозит обернуться крахом для торговли и промышленности России. Поэтому русский народ все больше раздумывает над тем, не лучше ли было бы вступить в открытую войну с Германией и, избегая немецкого давления, все разрушить, сжечь и уничтожить, лишиться себя всего, превратить пол-России в пепел и кучу развалин, вместо того чтобы уступить злейшему врагу — германскому империализму — хотя бы фунт зерна или литр нефти, грамм меди или метр льна. И не удивительно, что политика Германии убеждает все больший круг русского населения в том, что в Германии Россию считают не за друга, но за злейшего врага.

Это находит обоснование также и в политике Германии в прибалтийских губерниях. Хотя в мирном договоре прямо говорится, что суверенность России сохраняется в Эстонии и Латвии и там должны остаться только немецкие полицейские силы, Германия на самом деле хозяйничает там как у себя дома. Вместо полиции она держит там тяжелую артиллерию, а в Германии все громче раздаются крайне авторитетные и влиятельные голоса, выступающие за личную унию Эстонии и Латвии с прусской короной. Эта возможность таит в себе постоянную военную

угрозу Петрограду и отрезает Россию от Балтийского моря.

То же самое можно сказать и о немецкой политике в Финляндии: она отрезает Россию от северного Ледовитого океана, а вследствие политики, проводимой на Украине и на Кавказе, русский народ теряет доступ к Черному морю.

Народ, насчитывающий 150 миллионов человек, имеющий славную многовековую историю и многообещающее будущее, не может примириться с тем, что его обрекают на существование в замкнутой со всех сторон и отрезанной от всей Европы стране, лишенной воздуха и зажатой в железной кольцо. В сознание русского народа все глубже внедряется мысль о необходимости ожесточенной борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть, борьбы, которая растянется на десятилетия и на которую дружно поднимется весь народ.

3. Письмо Блюмкина

Документ, о котором пойдет речь ниже, требует к себе особого внимания по многим причинам. Он хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, его форма и содержание требуют специального анализа. Документ этот не дошел до нас в подлиннике и имеется лишь в копии, переписанной рукой Г. А. Алексинского со сделанной ранее кем-то копии. Никаких следов подлинника письма, к сожалению, не прослеживается. В этих случаях, разумеется, всегда приходится допускать и возможность фальсификации, хотя само содержание письма Блюмкина кажется достаточно правдоподобным.

Судя по всему, Блюмкин написал это письмо перед самым убийством Мирбаха, между вечером 4-го и утром 6 июля 1918 года. Это косвенно подтверждают показания Блюмкина, данные им киевской ЧК в 1919 году, согласно которым вечером 4 июля Блюмкин после разговора с «одним членом ЦК» вызвался убить Мирбаха. С другой стороны, из текста самого письма следует, что написано оно до убийства.

Какие цели преследовал Блюмкин, написав это письмо, и было ли оно искренним? На этот вопрос ответить крайне трудно. Адресованное почти незнакомому Блюмкину человеку, с которым, по словам самого Блюмкина, он виделся только раз, оно производит впечатление искреннего, но все-таки находится в некотором противоречии с фактами, изложенными Блюмкиным позднее. Блюмкин подчеркивает в письме индивидуальный характер своего акта, ни разу не упоминая не только ЦК ПЛСР, но и «одного члена ЦК», который, согласно «Красной книге ВЧК», обсуждал с Блюмкиным

возможность покушения на Мирбаха. Проходящий через все письмо красной нитью еврейский мотив покушения не проступает ни в каких других показаниях Блюмкина, хотя, казалось бы, ничто не мешало Блюмкину в данных в 1919 году показаниях изложить столь же четко национальные мотивы покушения на Мирбаха.

Из текста письма следует, что оно было написано Блюмкиным на случай его гибели во время совершения террористического акта. Но Блюмкин не погиб, а о существовании и содержании письма так никому и не стало известно. Если же предположить, что Блюмкин написал это письмо с целью дезинформации, снова не ясно, почему уже после покушения на Мирбаха письмо это не было обнародовано Блюмкиным или адресатом письма, молчаливо следившим за разгромом партии левых эсеров, но не предавшим гласности документ, который в июльские дни 1918 года читался, безусловно, иначе: письмо не оставило бы ни у кого сомнений в индивидуальном характере совершенного Блюмкиным покушения.

Приведем текст этого документа полностью:

Лето 1918 года. Москва

Письмо Блюмкина (эсера, убившего графа Мирбаха)

Копия

В борьбе обретешь ты право свое!

Уваж[аемый] товарищ!

Вы, конечно, удивитесь, что я пишу это письмо Вам, а не кому-либо иному. Встретились мы с Вами только один раз. Вы ушли из партии, в которой я остался. Но, несмотря на это, в некоторых вопросах Вы мне ближе, чем многие из моих товарищей по партии. Я, как и Вы, думаю, что сейчас дело идет не о программных вопросах, а о более существенном: об отношении социалистов к войне и миру с германским империализмом. Я, как и Вы, прежде всего противник сепаратного мира с Германией, и думаю, что мы обязаны сорвать этот постыдный для России мир каким бы то ни было способом, вплоть до единоличного акта, на который я решился...!

Но кроме общих и принципиальных моих, как социалиста, побуждений, на этот акт меня толкают и другие побуждения, которые я отнюдь не считаю нужным скрывать — даже более того, я хочу их подчеркнуть особенно. Я — еврей, и не только не отрекаюсь от принадлежности к еврейскому народу, но горжусь этим, хотя одновременно горжусь и своей принадлежностью к российскому народу.

Черносотенцы-антисемиты, многие из которых германофилы, с начала войны обвиняли евреев в германофильстве, и сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и за сепаратный мир с немцами. Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особенное значение. Я, как еврей и как социалист, беру на себя совершение акта, являющегося этим протестом.

Я не знаю, удастся ли мне совершить то, что я задумал. Еще меньше я знаю, останусь ли я жив. Пусть это мое письмо к Вам, в случае моей гибели, останется документом, объясняющим мои побуждения и смысл задуманного мною индивидуального действия. Пусть те, кто со временем прочтут его, будут знать, что еврей-социалист не побоялся принести свою жизнь в жертву протеста против сепаратного мира с германским империализмом и пролить кровь человека, чтобы смыть ею позор Брест-Литовска.

Жму крепко Вашу руку и шлю вам сердечный привет
Ваш...2 (подпись Блюмкин)3

Примечания

1. Девиз эсеровской и левоэсеровской партии.
2. Отточие документа.
3. Указания архива на то, что письмо, возможно, было написано Алексинскому, является безусловной ошибкой. Алексинский никогда не был членом партии левых эсеров или эсеров.

4. Восстание М. А. Муравьева

В июле 1918г., через несколько дней после подавления так называемого «восстания» левых эсеров в Москве, в Симбирске восстал против советской власти главнокомандующий Восточным (или «Внутренним» или «Чехословацким») фронтом М. А. Муравьев.

Штабс-капитан царской армии Муравьев значительно продвинулся по службе после февральской революции и к октябрю 1917 г. имел чин подполковника. В ноябре он явился в Смольный и предложил свои услуги советской власти. Муравьев считал себя сначала эсером, затем левым эсером, но членом ПЛСР никогда не был (АИГН, 121/10. Письмо БИН, 25 ноября 1951, 1л.). В дни похода Краснова на Петроград Муравьев возглавлял войска Петроградского военного округа. В декабре 1917г. Антонов-Овсеенко, командовавший войсками Красной армии,

действовавшими против Каледина и Центральной рады, назначил Муравьева начальником своего штаба (в Харькове). Позднее Муравьев командовал группой войск, сражавшихся против Центральной рады и Румынии.

На Украине Муравьев и его армия прославились неслыханными грабежами мирного населения, террором и зверствами. Сведения об этом нередко поступали в ВЧК. В апреле 1918 г. Антонов-Овсеенко предложил Муравьеву пост командующего Кавказской армией. Председатель Бакинского совнаркома С. Шаумян опротестовал это решение, и Троцкий отменил приказ. Вероятно, именно из-за этого Муравьев самовольно выехал в Москву, где был арестован ВЧК и предан суду революционного трибунала за злоупотребление властью. 5 мая Дзержинский писал в следственную комиссию Ревтрибунала:

«О Муравьеве комиссия наша неоднократно получала сведения как о вредном для советской власти командующем. Обвинения сводились к тому, что худший враг не мог бы нам столько вреда принести, сколько он принес своими кошмарными расправами, расстрелами, предоставлением солдатам права грабежа городов и сел. Все это он проделывал от имени нашей советской власти, восстанавливая против нас все население. Грабеж и насилие — это была сознательная военная тактика, которая, давая нам мимолетный успех, несла в результате поражение и позор».

Однако по ходатайству советского правительства Муравьева освободили из-под ареста, а 13 июня СНК, учитывая боевые качества Муравьева, назначил его главнокомандующим фронтом, созданным для борьбы против белочехов. Тогда же был образован РВС фронта в составе видных большевиков П. А. Кобозева, К. А. Мехоношина и Г. И. Благонравова, которым поручалось направлять и контролировать деятельность Муравьева.

Заинтересованное в активизации советского противостояния восставшему чехословацкому корпусу, германское правительство, через посольство Германии в РСФСР, оказывало командующему Муравьеву и высшим красным офицерам Восточного фронта финансовую помощь. Однако, как следует из доклада сотрудника германского посольства в Москве Рицлера, 1 июля, за пять дней до покушения на германского посла, ВЧК неожиданно арестовала «посредника», используемого для связи между германской миссией в Москве и командованием Восточного фронта. Столь выгодный, казалось бы, для большевиков контакт, о существовании которого всегда знали и советское правительство, и ВЧК, оборвался. В свете убийства Мирбаха, последовавшего 6 июля, акция большевиков кажется не случайной.

После покушения на германского посла Совнарком запросил

реввоенсовет Восточного фронта о реакции Муравьева на известие о левоэсеровском «мятеже» в Москве. Мехоношин ответил, что в ночь с 6 на 7 июля Муравьев «не спал, находился в штабе фронта и был в курсе событий в Москве, но скрывал все от Реввоенсовета». Мехоношин продолжал:

«В 4 часа утра члены Реввоенсовета, узнав помимо Муравьева о мятеже левых эсеров в Москве, немедленно известили об этом местный Совет, мобилизовали надежные силы, установили строгий контроль за действиями командующего фронтом. Во второй половине дня, когда из Москвы пришло известие о подавлении мятежа, поведение Муравьева и казанских левых эсеров изменилось. Местный левоэсеровский комитет занял нейтральную позицию по отношению к московским событиям [...] а Муравьев заверил в полной преданности Советской власти».

В связи с этим Ленин выразил уверенность, что при соблюдении строгих правил контроля большевикам удастся использовать «превосходные боевые качества» Муравьева. Но в ночь на 10 июля Муравьев, без ведома РВС, покинул Казань и с отрядом примерно в тысячу человек на пароходах прибыл в Симбирск, где левые эсеры имели сильные позиции. Муравьев разослал телеграммы об объявлении войны Германии и обратился к населению с воззванием, в котором писал:

«Ввиду объявления войны Германии призываю под свои знамена для кровавой и последней борьбы с авангардом мирового империализма — Германией. Долой позорный Брестский мир! Да здравствует всеобщее восстание!»

В Симбирске, где находились штабы Восточного фронта и Симбирской группы войск, левые эсеры арестовали командующего 1-й армией Тухачевского (его арестовал сам Муравьев), политкомиссара штаба Симбирской группы войск А. Л. Лаврова, заместителя председателя губисполкома К. С. Шеленшкевича, Б. Н. Чистова, М. М. Муратова и других. На сторону Муравьева перешли: командующий Симбирской группой войск Восточного фронта левый эсер Клим Иванов, который был назначен командующим Симбирским укрепленным районом и начальник Казанского укрепленного района левый эсер Трофимовский. Иванов впоследствии вспоминал, что на его вопрос Муравьеву, действует ли он по поручению партии левых эсеров, Муравьев ответил, что «действует в данный момент самостоятельно, но Центральный комитет партии левых эсеров об этом знает». ЦК, однако, не мог знать о действиях Муравьева. Муравьев говорил неправду.

Вечером 10 июля Муравьев собрал актив левоэсеровской организации Симбирска. Он заявил, что обстановка требует немедленной передачи власти в руки левых эсеров и что мятеж в Москве заставил его форсировать

события. Он предложил образовать «Поволжскую советскую республику», в правительства которой избрать Камкова, Спиридонову, Карелина и некоторых других членов ЦК партии левых эсеров, немедленно заключить перемирие с чехословаками, прекратить гражданскую войну, объявить войну Германии и провести мобилизацию офицеров.

В ответ на это Совнарком, декретом за подписями Ленина и Троцкого снял Муравьева с поста командующего фронтом и объявил его вне закона.

Большевики Симбирска пытались арестовать Муравьева. 11 июля в телеграмме на имя Ленина. Симбирский губисполком и местный комитет большевиков так докладывали о своих действиях:

«Несколько членов нашей партии приняли все меры, дабы арестовать Муравьева. Для этого были приглашены представители на конспиративное заседание из частей, подчиненных Муравьеву. После выяснения по существу они сказали, что все являются защитниками советской власти, и они присоединились к нам. После этого были приняты все меры к аресту».

Муравьева пригласили «для переговоров» на заседание Симбирского исполкома. К этому времени И. М. Варейкис, член областного ЦК Юга РКП(б), товарищ председателя Симбирского губисполкома, собрал верные большевикам силы, в том числе латышских стрелков и красноармейцев московского отряда, возглавляемого Александром Медведем, которые разместились в засаде. В отчете далее сказано:

«В три часа утра 11-го Муравьев пришел на заседание губисполкома вместе с фракцией левых социалистов-революционеров и предложил присоединиться к нему. Фракция левых сначала и присоединилась к нему, но после решительного протеста, вынесенного нами, и после ряда фактов, ясно показывающих, что Муравьев дал уже распоряжение, чтобы оголить фронт, эсеры потребовали перерыв для обсуждения во фракции. После этого Муравьев заявил, что его дело сделано, и он направился к двери. Отряд объявил от имени нашего, что он арестован. Муравьев начал стрелять, одного ранил. В этой перестрелке Муравьев оказался убитым».

Несмотря на столь ясную телеграмму, подтверждающую гибель Муравьева в результате перестрелки, правительственное сообщение «Об измене Муравьева», опубликованное 12 июля в «Известиях», искажило обстоятельства его смерти. Газета писала:

«Муравьев явился в симбирский Совет и пытался склонить его на свою сторону, призывая рабочих порвать с большевиками и пойти за ЦК партии левых эсеров в его мятеже против Всероссийского съезда Советов. Но и здесь Муравьев получил решительный, полный негодования отпор. По-видимому, с Муравьевым была небольшая группа его единомышленников. Вопрос этот не выяснен. Полученные донесения говорят о перестрелке, в результате которой было ранено несколько членов

симбирского Совета [...]. Видя полное крушение своего плана, Муравьев покончил с собой выстрелом в висок».

5. Яков Блюмкин

Карьера Блюмкина-чекиста не оборвалась в апреле 1919 года, когда он явился с повинной в киевскую ЧК. На Украине, уже амнистированный, Блюмкин наладил контакт с отрядом Каховской, той самой, которая подготовила убийство Эйхгорна. Однако в отряде скоро узнали, что Блюмкин сотрудничает с ЧК и доносит на своих сопартийцев. Эсеровский «товарищеский суд», разбиравший обвинение Блюмкина в предательстве и его связях с ЧК, «не установил, что Блюмкин не предатель», и приговорил его к смертной казни¹⁴⁷³. По постановлению эсеровского суда в первой декаде июля 1919 г. на Блюмкина произвели покушение, но неудачно: Блюмкин отделался ранением!. После выздоровления Блюмкина приняли в союз эсеров-максималистов, организацию, фактически стоявшую на большевистских позициях. И вскоре этот «отъявленный авантюрист» и «террорист», как писала о нем Свердлова¹⁴⁷⁴, поступил на службу в киевскую ЧК, где снова руководил отделом контрразведки¹⁴⁷⁵.

Летом 1920 года Блюмкин вернулся в Москву, чтобы начать учебу в военной академии Красной армии. Его возвращение не осталось незамеченным для германской дипломатической миссии¹⁴⁷⁶, и из Берлина потребовали объяснений. Теперь уже большевикам нельзя было сослаться на то, что они не могут «поймать» Блюмкина. И советское правительство оказалось в затруднительном положении. И что было еще хуже, забытый всеми вопрос об убийстве германского посла вновь всплывал на поверхность со всеми неприятными для большевиков последствиями. Им было что скрывать. И Троцкий в секретном послании Ленину, Чичерину, Крестинскому и Бухарину первым забил тревогу:

«Необходимо принять предупредительные меры в отношении дурацкого немецкого требования удовлетворения за графа Мирбаха. Если это требование будет официально выдвинуто и нам придется войти в объяснения, то всплывут довольно неприятные воспоминания (Александровича, Спиридоновой и проч.). Я думаю, что, поскольку вопрос

---

¹⁴⁷³ Максимов. Суд над Я. Блюмкиным в 1919, с. 379-381.

¹⁴⁷⁴ Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 357.

¹⁴⁷⁵ Мандельштам. Воспоминания, с. 109.

¹⁴⁷⁶ Hilger, Meyer. The Incompatible Allies, p. 9.

уже всплыл в печати, необходимо, чтобы откликнулась наша печать и чтобы тов. Чичерин в интервью или другим порядком дал понять немецкому правительству [...] что, выдвинув это требование, они впадают в самое дурацкое положение. Газеты могли бы высмеять это требование в прозе и в стихах, а по радио отзвуки дошли бы до Берлина. Это гораздо выгоднее, чем официально объясняться на переговорах по существу вопроса»¹⁴⁷⁷.

И немцы, не желавшие идти на ухудшение советско-германских отношений, отступили¹⁴⁷⁸. Блюмкин так и остался жить в Москве, уже на следующий год формально вступил в партию большевиков и время от времени представлялся еще не знавшим его германским дипломатам не иначе, как убийца Мирбаха?. Позже, после окончания военной академии, Блюмкин «прославился участием в жестоком подавлении грузинского восстания»,¹⁴⁷⁹ затем работал в Монголии, где «во главе ЧК он так злоупотреблял расстрелами, что даже ГПУ нашло нужным его отозвать». ¹⁴⁸⁰ В 20-е годы Блюмкин служил в военном секретариате Троцкого, организовал несколько провокаций¹⁴⁸¹. Однако круг интересов Блюмкина к тому времени «расширился». В 1923 г. началось издание трехтомного труда Троцкого «Как вооружалась революция». Могло ли быть большей иронией то обстоятельство, что «подбор, критическая проверка, группировка и правка материала» первого тома этого издания производились Блюмкиным¹⁴⁸². Как писал Троцкий, «судьбе было угодно, чтобы тов. Блюмкин, бывший левый эсер, ставивший в июле 1918 г. свою жизнь на карту в бою против нас, а ныне член нашей партии, оказался моим сотрудником по составлению этого тома, отражающего в одной своей части нашу смертельную схватку с партией левых эсеров»¹⁴⁸³.

Во второй половине 20-х годов Блюмкин работал резидентом ГПУ в странах Ближнего Востока, вербовал агентов в Сирии, Палестине, Геджасе

---

¹⁴⁷⁷ АТ.Т-564.

¹⁴⁷⁸ Hilger, Meyer. *The Incompatible Allies*, p. 9.

¹⁴⁷⁹ Там же.

¹⁴⁸⁰ Баженов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина, с. 258.

¹⁴⁸¹ А. И. Солженицын пишет, что в 1920 г. Блюмкин «написал так называемое предсмертное письмо Савинкова, по заданию ГПУ. Оказывается, когда Савинков был в заключении, Блюмкин был постоянно к «ему допущенное лицо — он «развлекал» его вечерами [...]. Это и помогло Блюмкину войти в манеру речи и мысли Савинкова» (Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг*, т. 1 с. 374).

¹⁴⁸² Троцкий. *Как вооружалась революция*, т. 1, с. 7.

¹⁴⁸³ Там же, с. 8.

и Египте. Как агент с особой миссией он обладал неограниченной властью в Константинополе. Он въехал в Палестину с паспортом на имя Султан-Заде и странствовал по Востоку до июня 1929 г. Его шефы, В. Р. Менжинский и М. А. Трилиссер, считали его незаменимым работником. Но так было лишь до тех пор, пока он не попал в опалу...

Сведения о последних месяцах жизни Блюмкина весьма противоречивы. Вероятно, перед своей последней поездкой в Турцию Блюмкин связался с только что вернувшимся из сибирской ссылки Радеком и сообщил ему о своем намерении посетить высланного в январе 1929 года в Турцию Троцкого, жившего на Принцевых островах. Александр Орлов, один из руководителей советской контрразведки, сбежавший на Запад, пишет, что Радек тут же донес Сталину о беседе с Блюмкиным. И Сталин поручил Ягоде выяснить, с кем будет встречаться в Турции Блюмкин. С этой целью к Блюмкину, не отличавшемуся особым аскетизмом, прикомандировали секретаршей сотрудницу ОГПУ Лизу Горскую. Но, оказавшись нестойким мужчиной, Блюмкин остался истинным чекистом и ничего Горской не рассказал. Тогда Сталин решил прекратить игру. Блюмкина вызвали в Москву для доклада и арестовали по дороге в столицу¹⁴⁸⁴.

Троцкий считал, что Блюмкина выдал Радек, который знал о состоявшейся летом 1929 года в Константинополе встрече между Троцким и Блюмкиным¹⁴⁸⁵. Дело Блюмкина передали в Коллегию ОГПУ. В Коллегии мнения разделились. Ягода настаивал на смертной казни. Трилиссер был против. Менжинский — воздержался от ответа. Дело передали в Политбюро, и Сталин утвердил смертный приговор¹⁴⁸⁶. По постановлению Коллегии ОГПУ от 3 ноября 1929 г. Блюмкин был расстрелян¹⁴⁸⁷. Рассказывают, что перед смертью он крикнул: «Да здравствует Троцкий!»¹⁴⁸⁸.

6. Письмо левой эсерки Анны Соколовой из тюрьмы, 13 декабря 1922 г.*

---

¹⁴⁸⁴ Орлов. Тайная история сталинских преступлений, с. 191-193. См. также Agabekov. OGPU, p. 220.

¹⁴⁸⁵ The Case of Leon Trotsky, pp. 105-106. Троцкий через Блюмкина передал для своих единомышленников в СССР письмо.

¹⁴⁸⁶ Agabekov. OGPU, p. 221; Я. Г. Блюмкин — La Lutte Ouvrier, 12 июня 1936, N I.e. 1.

¹⁴⁸⁷ Остряков. Военные чекисты, с. 124.

¹⁴⁸⁸ Орлов. Тайная история сталинских преступлений, с. 193. Троцкий посвятил Блюмкину не одну статью, да и нередко упоминал о расстреле в частных письмах (Троцкий. Портреты, с. 276-285).

(*) МИСИ, кол. Флешина, п. 16. О репрессиях против левых эсеров см. также МИСИ, кол. Еленского, п. «Письма из русских политических тюрем». Бюллетень Объединенного комитета защиты заключенных в России революционеров, № 7. Июль 1924 года. Берлин, с. 2, где сообщается об аресте в Москве 18 левых эсеров. Бюллетень издавался от имени Заграничной делегации ПЛРС и Союза эсеров-максималистов И. Штейнберга и представителя Московского общества помощи анархистам Александра Беркмана.

Моим друзьям

Дорогие мои!

Самое ужасное кончилось. Кончилось выливание грязи на партию, кончился наш суд. Завтра выносится приговор. Каков он — ясно. Пользуясь случаем, хочется написать вам несколько слов, хочется побыть с вами. Большого испытания, чем этот случай, нельзя представить. Большевики сделали все, чтобы сделать пытку невыносимой, и обвинитель свою речь выполнил блестяще. Лгать не привыкать стать. Я даже не знаю, в чем больший ужас, в том, что на нашу партию вылито такое количество незаслуженных обвинений, оскорблений, столько мерзости или в том, что человек, личность человеческая может опуститься до такой низости, как сознательная подлость. А большевики точно горды подобными качествами. И, быть может, мы сделали неправильно, не пойдя на суд и этим не дав себе возможности раскрыть карты большевиков. Но, дорогие мои, не могу я представить на одной скамье подсудимых с уголовниками и членов партии левых с.-р. социалистов. Это выше моих сил, и поэтому я отвоевала «нехождение», — моральное во мне победило политическое. Победила этика, не судите меня за это, не называйте слабостью. Кошмаром была эта неделя [...] Зачем люди живут один только раз, почему не могу я снова отдать свою жизнь этой борьбе за нашу 3-ю революцию? Вот что тяжело и стыдно, что так ничтожно мало я дала ей. Ну, прощайте, родные, и верю в успех нашего дела, верю, что час не далек.

7 Речь анархиста Ф. Моченовского на суде в Петрограде 13 декабря 1922 г.*

*) МИСИ, кол. Флешина, п. 16. Записка от 13 декабря 1922 г. Речь

анархиста Федора Моченовского на общем суде Ревтрибунала над левыми и правыми эсерами, анархистами и уголовниками.

Отказываясь отвечать на вопросы, я хочу сказать несколько пояснительных слов о группе «Безвластие» и о том, как смотрит современный анархизм на власть вообще и тем более на «советскую». [...]

С начала 1918 г. большевики организовали для истребления анархистов в России антианархистский фронт. По всей территории советской республики они направили свое оружие против анархистов, закрывали анархические типографии, конфисковывали газеты и литературу, закрывали анархические клубы, книжные магазины; всеми мерами препятствовали анархическим съездам; арестовывали анархистов и, где только была возможность, расстреливали. Все это делалось гнусным жестоким образом.

Большинство анархистов с первых дней захвата большевиками власти ушли на разные фронты для отражения белогвардейских контрреволюционных наступлений, большинство из них погибли, а вернувшиеся нашли свои организации разоренными большевиками. И по сие время по всей РСФСР в разных тюрьмах в самых зверских условиях томятся многие идейные анархисты; многие сосланы по разным почти необитаемым местностям РСФСР; многие изгнаны за ее пределы; многие расстреляны и подлежат расстрелу.

Анархисты, считаясь с условиями (внешнего наступления) с Октябрьского переворота до 1920 г., по отношению к большевикам приняли выжидательную позицию. Но уже в 1920 г. [...] С тех пор большинство анархистов ушло в подполье и не ошиблись, так как отношение большевиков не изменилось. Свободной анархистской печати в «освобожденной советской республике» не существует, несмотря на то, что в буржуазных странах Франции, Италии, Испании и Америке таковая легально распространяется. [...]

**Из заявления левых эсеров,
не явившихся на суд 11-18 декабря 1922г.**

В Петербургский ревтрибунал членов партии левых с.-р. (интернационалистов) Ивана Береснева, Давида Сапира, Анны Соколовой и Груздевой-Литвиновой

Заявление

Партия большевиков, связанная когда-то с пролетариатом, свергнув с оружием в руках власть свободно избранных Советов, покатила по наклонной плоскости и теперь, на пятом году своего властвования, не только резко порвала с рабочим классом, но стала главой капиталистической реставрации. [...] В искании экономической базы РКП

наконец находит родственные ее государственно-капиталистическому духу элементы. Это нэпманы, т. е. буржуазия, выжавшая [выжившая] душившую ее революцию. На наших глазах происходит трогательное сближение этих двух паразитических слоев: комиссара-большевика с оживающей под его покровительством буржуазией [...].

Истязания комиссаром Петроградской ЧК— Комовичем и Ко. нашего товарища Михаила Николаева: били по половым органам и давили глаза ладонями, били рукоятками револьверов по рукам, после этого его содержали в пробке.

Пытка желтым домом: ревтрибунал, вопреки постановлениям врачей, в административном порядке отправляет Груздеву-Литвинову (работницу трубного завода) в сумасшедший дом Николая Чудотворца, несмотря ни на какие требования врачей, так как пребывание ее там грозит сумасшествием, держат ее в этой больнице целый месяц.

Введение в последнее время в систему больницы Гааза для социалистов, т. е. отправка голодающего в больницу для заразных больных. Там их раздевают, держат в холоде и применяют искусственное питание.

Суда вашего над нами, активными участниками октябрьской революции, не признаем. Вы можете продолжать зверскую расправу над революционным движением, держать нас в застенках, ссылая, но вы не можете заставить нас признать ваш суд — эту расправу полицейско-капиталистического государства над членами партии социалистов-революционеров.

Суда вашего мы не признаем и не признаем участия в какой бы то ни было форме в этой трагикомедии.

Ив. Береснев, Д. Сапир, А. Соколова, Н. Груздева*

Д[ом] предварительного] заключения], 11 декабря 1922г.

(*) Приговорены к 10 годам тюрьмы. — Ю. Ф.

Обращение левых эсеров-интернационалистов ко всем членам партии**

(**) МИСИ, архив ПСР, п. 2021.

Уже давно в нашей партии существуют серьезнейшие разногласия по тактическим вопросам. Правда, в октябре 1919 года в ЦК было принято циркулярное письмо, объединившее все течения партии на почве отказа от вооруженной борьбы с правительством партии коммунистов. Однако при дальнейшем переходе к построению положительной тактической линии партии обнаружились две совершенно непримиримых между собою позиции. Непримиримость эта с неизбежностью привела вскоре к организационному размежеванию в пределах ЦК. Большинство ЦК в

резолуциях своих от апреля (по общим вопросам) и мая в связи с польским наступлением установило основные линии своей позиции: не только недопустимость борьбы с существующей правительственной властью, но и активное участие в жизни советской России, призыв к трудящимся и членам партии о борьбе с наступающими контрреволюционными силами, поддержка Красной армии в этой борьбе, участие в социальном строительстве и преодолении внутренней разрухи.

Ввиду заявления части членов ЦК о неподчинении их указанной позиции, большинство ЦК образовало самостоятельный организационный центр, опубликовав от своего имени руководящие резолюции и дав на место директиву об организационном размежевании. Специальным постановлением от 12 июля ЦК (большинства) отмежевался от «Комитета центральной области» и его печатных произведений, заявив: 1) что эти печатные заявления (разные листовки газеты «Знамя труда») не выражают ни в какой мере его взглядов и 2) что «Комитет центральной области» не является партийной организацией, связанной организационно с ЦК (большинства). Однако дальнейшее развитие партийных отношений привело к фактической невозможности существования ЦК (большинства). Распад ЦК (большинства) на фоне тяжелой дезорганизации партии, происходившей в течение истекших двух лет, грозит дальнейшим распылением левонароднических революционных сил. Вместе с тем является несомненным, что рядом с все усиливающимся организационным распадом партии шло и идет все большее оформление левонароднических программных построений, все большее их приближение к насущным интересам и идеалам трудящихся масс не только России, но и Запада [...]. В этих целях мы, нижеподписавшиеся, бывшие члены ЦК (большинства), взяли на себя инициативу сплочения левонароднических элементов, примыкающих реально к программе, составлявшей задачу ЦК (большинства) и образовали Центральное организационное бюро партии социалистов-революционеров (интернационалистов), ставящее своей ближайшей задачей созыв партийного совещания на основе развиваемых ниже положений.

Сообщая товарищам обо всех этих моментах развития партийных отношений, ЦОБ считает нужным указать на задачи, стоящие перед партией в настоящее время. Основной задачей момента продолжает являться задача военная, задача отражения вооруженной контрреволюции. Пользуясь замедлением темпа мирового революционного развития, капиталистические державы Антанты неустанно ведут свою агрессивную политику в отношении советской России [...]. Ныне Польша, опираясь на военную карту и достигнув максимума своих шовинистических вождедений, склонна заключить с советской Россией мир. Нет, однако,

никаких оснований полагать, что мир, заключенный при таких условиях, в какой-либо серьезной мере создаст устойчивость внутреннего и международного положения советской России. По-прежнему положение остается угрожающим, по-прежнему над страной висит опасность со стороны Врангеля, по-прежнему страна находится под угрозой новых походов Антанты и ее вассалов. ЦОБ поэтому считает насущной задачей партии всемерную поддержку личной работой Красной армии и широкое разъяснение трудящимся массам всей сложности и ответственности нынешней обстановки русской революции, только постепенно освобождающейся от мертвящей петли мирового буржуазного кулака.

Но этого мало. Не может быть здорового и могущественного фронта без крепкого и устойчивого тыла. Поэтому второй насущной задачей революции продолжает быть, как и прежде, оздоровление, или вернее сказать, воссоздание народного хозяйства [...]. Но было бы величайшей ошибкой для партии, если бы она замкнулась целиком в пропаганде своих идей, стоя в то же время в стороне от живого процесса социального творчества [...]. Члены партии именно во имя своих идей должны принимать самое энергичное участие во всех уже существующих органах, где идет организованная экономическая жизнь трудящихся. На нашу партию в этой области ложится еще более важная задача: вовлечение в сознательную социалистическую работу широких слоев трудового крестьянства, в своем подавляющем большинстве еще продолжающего жить в условиях единоличного хозяйства. Партия в своей работе в деревне должна поэтому всемерно содействовать (прежде всего) развитию снизу всяких попыток обобществления сельскохозяйственного производства и распределения.

Но если партия должна перенести центр тяжести своей работы на область экономического, строительства, то это не значит, что она должна отказаться от политической жизни страны. Как ни мало развита сейчас эта жизнь, как ни тяжелы условия участия в ней нашей партии, еще недавно ведшей нелегальное существование, а все же члены партии обязаны вернуться к открытой политической работе. Местные организации должны принимать участие в выборах в местные Советы, должны в избирательных кампаниях и в самих Советах защищать наши программные положения, не затушевывать наших программных разногласий с правительствующей партией большевиков, но и не превращать своей работы в исключительно политический профессионализм партийной борьбы [...].

[...] ЦОБ сим сообщает всем членам партии, что им назначается Всероссийское совещание в Москве 10 декабря с. г. На это совещание приглашаются и будут допущены только те партийные организации и члены, которые либо разделяют всю развитую выше программу

деятельности, либо вследствие оторванности от центра в данный момент еще не заявили о своей солидарности и организационной связи с ЦОБ [...]. Все примыкающие к позиции ЦОБ круги должны немедленно связаться с нами [...].

Но и до созыва этого ответственного в судьбах партии левых эсеров совещания вся развитая ЦОБ программа работы подлежит немедленному осуществлению. Выполняя ее, партия левых социалистов-революционеров помогает оздоровлению болезненного процесса революции и вместе с тем воссоздает и себя как творческую революционную силу. ЦОБ не сомневается, что вокруг этой программы объединится самая здоровая и деятельная часть партии и что тем самым идеология и дело левого народничества войдут живым элементом в общий поток российской и международной революции [...].

ЦОБ партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) Баккая Н. Д., Рыбин С. Ф., Фишман Я. М., Чижиков О. Л., Штейн-берг И. З. Москва, октября 16-го дня 1920 года. Временный адрес ЦОБ: И. З. Штейнберг, Мясницкая, Георгиевский переулок, 7, кв. 12.

Библиография

1. Книги и статьи

Авторханов А. Происхождение партократии, том 1. Франкфурт-на-Майне, 1973.

Агеев А. Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров — Пропагандист, кн. 16, 1939.

Алексеев Н. Уроки прошлого — Новая Россия, № 59, с. 10-11.

Ананьин-Чарский Е. По поводу статьи А. Жерби. Письмо в редакцию. — Русская мысль, 25 марта 1958, № 1190, с. 2.

Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917— 1918 годах. Хроника событий. М., 1974.

Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971.

Анисимов Н. Л. Обвиняется Ульянов-Ленин... Обзор следственного дела Временного правительства против большевиков — Военно-исторический журнал, № 11, 1990, с. 3-9.

Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1980.

Бахов А. С. На заре советской дипломатии. Органы советской дипломатии в 1917-1922 гг. М., 1966.

- Бонч-Бруевич В. Д. Созыв Учредительного собрания. — Огонек, 1925, №46(137).
- Бонч-Бруевич В. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров. (По личным воспоминаниям.) М., 1927.
- Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930.
- Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения, т. 3. Воспоминания о В. И. Ленине, 1917—1924 гг. М., 1963.
- Бонч-Бруевич В. Д. Вся власть Советам. М., 1964.
- Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, доп. М., 1969.
- Борисов С. Седьмой съезд РКП(б). М., 1956.
- Быховский Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов. М., 1929.
- Вацетис И. И. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. — Сб. Память, т. 2, М., 1977 — Париж 1979.
- Вацетис И. И. Гражданская война. 1918 год — Сб. Память, т. 2, М., 1977 — Париж 1979.
- Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.
- Вишняк М. Клеветническому «Возрождению» — Новое русское слово, 13 марта 1958.
- Вишняк М. Ленин и Учредительное собрание. — Новое русское слово, 19 января 1958 г.
- Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.
- Вишняк М. Всероссийское Учредительное собрание. — Современные записки, 1928, т. XXXIV.
- Владимирова В. «Работа» эсеров в 1918 году. [Документы] — Красный архив, т. 5, 1924.
- Владимирова В. Левые эсеры в 1917-1918 гг. — Пролетарская революция, 1927, 4(63).
- Вомпе П. Дни Октябрьской революции и железнодорожники. М., 1924.
- Ворошилов К. Е. Сталин и Красная армия. М., 1929.
- Гелейшвили П. Красная книга. Документы и материалы. Тифлис, 1919.
- Геллер М., Некрич. А. Утопия у власти. Изд. 2-е, London, OPI, 1986.
- Гельферих К. Моя московская миссия. Публ. Ю. Фельштинского — Грани, кн. 155, 1990, с. 251-303.
- Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. — Архив русской революции, т. XXII, Берлин, 1937.
- Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1922.
- Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977.
- Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925

гг.).М., 1975.

Голуб П. А. О блоке большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября — Вопросы истории КПСС, № 9, кн. 1971.

Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. М., 1965.

Горохов И., Замятин. Л., Земсков. И. В. Г. Чичерин. — дипломат ленинской школы. Изд. 2-е. Под общей редакцией А. Громыко. М., 1974.

Генерал Гофман. Война упущенных возможностей. С пред. Гурко-Княжина. Пер. с нем. Кулакова Б. ГИЗ, М.-Л., 1925.

Гофман М. Записки и дневники, 1914-1918. Пер. с немецкого. Изд. Красная газета, Л., 1929.

Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963.

Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.

Гусев К. В. О политической линии большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям — Коммунист, 1976, № 15.

Гусев К. В., Ерицын Х. А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968.

Далин Д. Меньшевизм в период советской власти. — в кн. Меньшевики. Сборник статей. Сост. Ю.Фельштицкий. Изд. Чалидзе, 1988.

Данишевский К., Каменев С. Воспоминания о Ленине. М., 1934.

Деготь В. Разгон Учредительного собрания и III съезд Советов. -Каторга и ссылка, № 11-12 (96-97). М., 1932.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1957.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в двух томах, т. 1. 2-е изд., 1967.

Дзержинский Ф. Э. Избранные статьи и речи. М., 1947.

Дубинин А. С. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор всероссийского вооруженного восстания. М., 1971.

Дыбенко П. Е. Мятежники. М., 1923.

Дыбенко П. Е. Из недр царского флота к великому Октябрю. М., 1958.

Ерицын Х. М. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960.

Жидков Д. Ф. Борьба партии большевиков с правыми и левыми эсерами за крестьянство в первые месяцы советской власти — Труды кафедры общественных наук Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева. Сб. 33, М., 1959.

Зайцев В. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения советской власти. М., 1953.

Зиновьев Г. Сочинения, т. 7. Л., 1925, ч. 1, ч. 2.

Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. История

созыва и политического крушения. Л., 1976.

Измаилович А. Послеоктябрьские ошибки. М., изд. «Революционный социализм», 1918.

Илюхина Р. М. К вопросу о соглашении большевиков с левыми эсерами — Исторические записки, т. 73, 1963.

Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты, октябрь 1917 — январь 1918 г. Изд. 2-е. Л., 1967.

Ирошников М. П. Председатель Совета народных комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917-1918 гг. Л., 1974.

Камков Б. Две тактики. М., изд. «Революционный социализм», 1918.

Кармайкл Д. Троцкий. Иерусалим, 1980, сокр. пер. с англ.

Керенский А. Ф. Письмо в редакцию. На службе у кайзера — Русская мысль, 14 июня 1956, №912, с. 3.

Корнатовский Н. Партия и Октябрьское вооруженное восстание — в кн. Октябрь в Петрограде. Сборник статей под редакцией О. А. Лидак. Л., 1933.

Кочетков П. А. Октябрь в Тверской губернии. Тверь, 1927.

Крупская Н. К. Переезд Ильича в Москву и первые месяцы его работы в Москве — в кн. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2. М., 1957.

Крушельницкий А. В. Состав коллегии народного комиссариата по военным делам в первые месяцы советской власти (октябрь 1917 — начало марта 1918 г.). — Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. Межвузовский сборник [историко-архивного института], М., 1985.

Кучма В. В. Ленин о теоретических основах соглашения большевиков с левыми эсерами — кн. Бессмертны Ленинские идеи. Волгоград, 1970.

Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. М., 1926—1932, т. 8, 24, 25.

Ленин В. И. Сочинения, 4-е изд., т. 26, т. 27, 28.

Ленин В. И. ПСС, т. 11,31,32,34,35,36,41,44,50.

Ленин В. И. Памяти Прошьяна — Правда, 20 декабря 1918.

Ленин В. И. Военная переписка. 1917-1920. ОГИЗ, 1943.

Литовцев С. Французы и Брест-Литовск. — Последние новости, 7 апреля 1928г.

Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933.

Луначарский А. Бывшие люди. Очерки истории партии эсеров. М., 1922.

Лундберг Е. Записки писателя. 1917-1920. Огонек, Берлин, 1922.

Луцкий Е. Борьба вокруг декрета «О земле» (ноябрь-декабрь 1917 г.) — Вопросы истории, № 10, 1947.

Луцкий Е. А. Политика советской власти по отношению к земельным комитетам — Труды Московского государственного историко-архивного института, т. XIII, М., 1959.

Любимов И. Н. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. IV. Октябрь-декабрь. М.-Л., 1930.

Майоров М. Борьба советской России за выход из империалистической войны. М., 1959.

Максимов Г. Суд над Я. Блюмкиным в 1919 — сб. Память, № 3, М., 1978 — Париж 1980.

Малашко А. М. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Изд. БГУ, Минск, 1969.

Мальков П. Записки коменданта Кремля. М., 1967.

Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970.

Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. Париж, 1953.

Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 1, ч. 1-2, [Париж, 1964].

Мещеряков Вл. Социализм в земледелии — Красная газета, 10 августа 1918.

Миничев А. В дни левоэсеровского мятежа в Петрограде в 1918 г. -Красная летопись, № 1 (25), ГИЗ, М.-Л., 1928.

Минор О. С. Один день Учредительного собрания. — 17 марта 1918. Сб. «Пережитое». В год революции. Кн. 1. Изд. «Верфь», М., 1918.

Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982.

Мороховец Е. Аграрные программы российских политических партий в 1917 году. Л., 1929.

Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. 2-е изд. Берлин — Пг. — М., 1922.

Муралов Н. Встречи с Ильичом на военной работе. — Спутник политработника, 1926, № 7.

Н. и К. Ликвидация левоэсеровского мятежа в Москве в 1918 году — Красный архив, т. 4(101), 1940, с. 101-121.

Николаев А. М. Ленин и радио. М., 1934.

Носович Ф. Захватническая политика германского империализма на востоке в 1914-1918 гг. М., 1947.

Огановский Н. П. Дневник члена Учредительного собрания. — Голос минувшего, 1918, № 4-6.

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Изд. Время и мы, Нью-Йорк — Ерусалим — Париж, 1983.

Орлов Б. Миф о Фани Каплан — Время и мы, декабрь 1975, № 2, с. 153-163; январь 1976, № 3, с. 126-159.

Орлов Г. А. Брест-Литовский мир и день основания Красной армии.

-Русская мысль, 25 марта 1958.

Осипова Т. В. Развитие социалистической революции в деревне — в кн. Октябрь и советское крестьянство. М. 1977.

Остряков С. З. Военные чекисты. Москва, 1979.

Парфенов В. Разгром левых эсеров. М., 1940.

Першин П. Н. Аграрная революция в России, кн. 2, М., 1966.

Петере Я. Воспоминания о работе ВЧК в первый год революции. — Былое [Париж], № 2, 1933.

Пиндрик З. О блоке с левыми эсерами после октября 1917 г. — Красная летопись, кн. 3 (60), 1934.

Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. Изд. Наука, М., 1978.

Пипия Г. В. Политика Германии в Закавказье в 1918 году. Сб. док. Изд. Сабчота Сакартвелло, Тбилиси, 1971.

Радек К. Брест-Литовск — Социал-демократ, 25 января 1918, № 18.

Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977.

Раскольников Ф. Рассказы мичмана Ильина. М., 1934.

Фон Раух. История советской России. Нью-Йорк, 1976.

Резников Д. Н. Встреча с Раковским и Мануильским. — Русская мысль, 26 июля 1958, № 1243, с. 6.

Рожков Н. Ход революции. — Октябрьский переворот. Факты и документы. Петроград, 1918.

Рошаль М. События Октября в Новгороде. Новгород, 1957.

Рубинштейн Н. К истории Учредительного собрания. М. — Л., 1931.

Рубинштейн Н. Большевики и Учредительное собрание. М., 1938.

Рубнев Д., Цыпков С. Следователь республики — Волга, 1967, 5.

Самойло А. Две жизни. М., 1958.

Свердлов Я. М. Избранные статьи и речи 1917-1919 гг. М., 1939.

Свердлов Я. М. Избранные произведения, М., т. 2, 1959, т. 3, 1960.

Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1976.

Скрипилев Е. А. Всероссийское Учредительное собрание. М., 1982.

Слепов Л. А. Применение большевиками тактики левого блока. — Вопросы истории, № 1, 1973.

Смирнов А. С. Об отношении большевиков к левым эсерам в период подготовки Октябрьской революции — Вопросы истории КПСС, 2, 1966.

Соколов Б. Ф. Защита Учредительного собрания. — Архив русской революции, 1924, т. XIII.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛаг. 1918—1956, т. 1, Париж, 1973.

Соловьев О. Ф. Великий Октябрь и его противники. М., 1968.

Соломон Г. Среди красных вождей. Париж, 1930, т. 1.

Спиридонов М. В. Борьба коммунистической партии против левых эсеров в 1917-1918 гг. — Ученые записки Карельского государственного педагогического института, т. Ш, Петрозаводск, 1960.

Спиридонова М. Открытое письмо Центральному комитету партии большевиков. Публ. Ю. Фельштинского — Грани, 1986, № 139.

Спиридонова М. Прошь Прошьян. (К биографии Прошьяна) — Каторга и ссылка, кн. 9, М., 1924.

Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.

Спирин Л. М. Крах одной авантюры. (Мятеж левых эсеров в Москве 6-7 июля 1918 г.) М., 1971.

Спреслис А. И. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. Рига, 1967.

Сталин И. В. Сочинения, т. 4.

Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1962.

Стеклов Ю. М. Воспоминания и публицистика. М., 1965.

Стеклов Ю. М. Избранное. М., 1973.

Суханов Ник. Записки о революции. Кн. VI, VII. Берлин-Пг.-М., 1923.

Тихомолов С. Г. Восемь лет с Дзержинским — О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. Воспоминания, статьи, очерки современников. М., 1977.

Томан Б. А. За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красноармейцы в первый год советской власти. М., 1976.

Троцкий Л. К истории Октябрьской революции. Нью-Йорк, б/г, с. 69.

Троцкий Л. Материалы и документы по истории Красной армии в трех томах. Как вооружалась революция. (На военной работе.) Том первый: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923.

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии, т. 2. Изд. Гранит, Берлин, 1930.

Троцкий Л. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924

Троцкий Л. Сочинения, т. 3, ч. 2: От октября до Бреста. М., б/г.

Троцкий Л. Портреты. Сост. Ю. Фельштинский. Изд. Чалидзе, 1984.

Троцкий Л. Портреты революционеров. Сост. Ю. Фельштинский. Изд. Чалидзе, Бенсон, Вермонт, 1988.

Троцкий Л. Уроки Октября. — Введение в кн. 1917, ч. 1. М., 1924

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Изд. Гранит, Берлин, 1932.

Троцкий Л. Дневники и письма. Под ред. Ю. Фельштинского. Изд. Эрмитаж, США, 1986, с. 100-101.

Троцкий Л. Сочинения. М., 1923-1927, т. 17, ч. 1.

Трукан Г. А. Октябрь в Центральной России. М., 1962.

Ульянова М. И. О Ленине. М., 1969.

Уратадзе Г. И. Образование и консолидация грузинской демократической республики. Институт по изучению СССР. Исследования и материалы, серия 1-я, выпуск 29, Мюнхен, 1956.

Фельштинский Ю. Вина и расплата. — Новое русское слово, 4 декабря 1982.

Фельштинский Ю. Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918. Серия ИНРИ под общей ред. А. И. Солженицына, т. 5, Париж, ИМКА-Пресс, 1985.

Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970.

Фрайман А. Л. Форпост социалистической революции. Л., 1969.
Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа. 1917-1918гг. Иерусалим, 1982.

Хальвег Вернер. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Изд. Международные отношения, М., 1990.

Харитонов] М. Итоги Второго Всероссийского Крестьянского съезда. -Известия ЦИК, 16 декабря 1917.

Хаффнер Себастиан. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? Пер. с нем. Изд. Прогресс, М., 1983.

Хацкевич А. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. Изд. 3-е, Минск, 1970.

Хвостов В. М. История дипломатии, том II, Дипломатия в новое время. М., Госполитиздат, 1963.

Хмылов П. Н. К вопросу о борьбе большевиков против соглашательства «левых» эсеров в дни Октября — Ученые записки Московского библиотечного института, вып. 3, М., 1957.

Церетели И. Г. Воспоминания о февральской революции, кн. 1. Париж, 1923.

Чернин О. В дни мировой войны. М.-Пг., 1923.

Чернин О. Брест-Литовск. Публ. Ю. Фельштинского. — Грани, кн. 153, 1989.

Чернов В. М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

Чичерин Г. В. Внешняя политика советской России за два года. М., 1920.

Чичерин Г. В. Статьи и речи. М., 1961. Чубарьян А. О. Брестский мир. М., Изд. Наука, 1964. Чугаев Д. А. Борьба коммунистической партии за упрочение советской власти. Разгром «левых» эсеров — Ученые записки Московского областного педагогического института, т. XXVII, вып. 2, М., 1954.

Шапиро Леонард. Коммунистическая партия Советского Союза. 2-е

изд., пер. с англ., Флоренция, 1975.

Шестаков Ю. И. Тактика большевиков по отношению к партии левых эсеров и отколовшимся от нее партиям «революционных коммунистов» и «народников-коммунистов», М., 1971.

Шестаков В. А. Блок с левыми эсерами — Историк-марксист, кн. 6, 1927.

Шестаков В. А. Советы крестьянских депутатов в 1917— 1918 гг. М.-Л., 1929.

Штейнберг И. З. Почему мы против Брестского мира. Изд. «Революционный социализм», М., 1918.

Аграрная программа В. И. Ленина — сб. Памяти Ленина. Сборник музея революции, кн. 6, 1934.

Архив полковника Хауза, т. III. М., 1939.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927.

Документы и материалы архивов Троцкого, в четырех томах. Ред. — сост. Ю. Фельштинский. Том 1. 1923-1926. Изд. Терра, М., 1990.

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сб. док. и мат. Петрозаводск, 1957.

В борьбе за победу Октября. Сб. статей. М., 1957.

В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917 — 1922 гг.). М., 1975.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977. Статья «Конституция СССР».

Вестник Московского университета. История. 1973, № 2.

Весь Петроград на 1916 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда, двадцать третий год издания, под ред. А. П. Шашковского.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5. М., 1974.

Вокруг московских июльских событий. Саратов, 1918.

Воспоминания Н. А. Угланова. 5 января 1925 г. О Владимире Ильиче Ленине (в период 1917— 1922 гг.). — Известия ЦК КПСС, 1989, № 4.

Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959.

Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 28 декабря 1917 (10 января 1918), № 105; 29 декабря 1917 (11 января 1918), № 106; 3 (16) января 1918, № 109; 6(19) января 1918, № 112; 7 (20) января 1918, № 113; 25 января (7 февраля) 1918, № 127.

Всероссийское Учредительное собрание. М. — Л., 1930.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.-Л., 1928.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов под ред. А. Ф. Бутенко и Д. А. Чугаева. М., 1957.

Декреты Октябрьской революции (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома),

- т. 1. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания Под. ред. М. Д Орехалашвили и В. Г. Соруна. М., 1933.
- Декреты советской власти, т. 1. М., 1957, т. 2. М., 1959.
- Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты). — Известия ЦК КПСС, 1989, № 4.
- Документы великой пролетарской революции, т. II. Из протоколов и переписки московского и районных Военно-революционных комитетов 1917 года. Сост. Д. Костомаров, под ред. акад. И. И. Минца и проф. И. М. Разгона. М., 1948.
- Документы внешней политики СССР, т. 1, М., 1959. Документы германского посла в Москве Мирбаха. Публ. С. М. Дробиной. — Вопросы истории. 1971, № 9.
- Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, 1940. Железнодорожный съезд. — Новая жизнь, 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.), №206 (200); 31 декабря 1917 (13 января 1918), №214 (208).
- Записки института Ленина, т. 1. М., 1927; т. 3. М., 1928.
- Заседание Петербургского комитета РСДРП(б) 1/14 ноября 1917 г. — Бюллетень оппозиции, № 7, 1929.
- Из воспоминаний А. А. Иоффе. Канун октября. Заседание в «Лесном». — Известия ЦК КПСС, 1989, № 4.
- Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917— 1921. Сб. док. М., 1958.
- Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, М., 1960.
- История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961.
- История Великой Октябрьской социалистической революции. Изд. Наука, М., 1967.
- История ВКП(б), под общей ред. Ярославского. Ем., т. 4. М.-Л., 1930.
- История гражданской войны в СССР, т. 1. М., 1938.
- История коммунистической партии Советского Союза в шести томах, т. 3, кн. 1. М., 1967.
- История социалистической экономики СССР, т. 1, М., 1976.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях, в 12 томах, т. 7. М., 1967.
- Как русское крестьянство боролось за Учредительное собрание. Доклад Международному социалистическому бюро Инны Ракитниковой, тов. председателя Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, стоящих на защите Учредительного собрания. Париж, [1918].
- Как это было. Дневник А. И. Шингарева. Петропавловская крепость, 1917-1918. М., 1918.
- Коммунистическая партия в период упрочения советской власти. Документы и материалы. М., 1960.

- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1, изд. 8-е. М., 1970.
- Красная книга ВЧК, т. 1. Политиздат, М., 1989.
- Краткий отчет о работе IV съезда партии социалистов-революционеров (25 ноября — 5 декабря 1917 г.). Пг., 1917.
- Кремль за решеткой. (Подпольная Россия.) Изд. «Скифы», Берлин, 1922.
- Ленине 1917г. Даты жизни и деятельности. Март — октябрь. М., 1957.
- Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969.
- Ленин в Москве. М., 1957.
- Ленинский сборник, т. XI, М.-Л., 1929, т. XVIII. [М.], 1931.
- Мартов и его близкие. Сборник. Нью-Йорк, 1959.
- Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22 (9) декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918г. М., 1920, т. 1.
- МЧК. Из истории Московской Чрезвычайной Комиссии, 1918-1921. Сб. док. М., 1978.
- О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959.
- Об «Уроках Октября». Изд. Прибой, Л., 1924.
- Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М.-Л., 1927.
- Отчет господина Нассе от 26 декабря по н. ст. в сб. док. *Germany and the Revolution in Russia 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry.* Ed. by Z. A. V. Zeman. London, 1958.
- Первая Всероссийская конференция народников-коммунистов в г. Москве. Пг. 1918.
- Первый легальный петербургский комитет большевиков в 1917 г. М. — Л., 1927.
- Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сб. док., т. 2. М., 1957; т. 3. М., 1967;
- Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы, т. 3. М., 1967.
- Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сб. док. Горький, 1957.
- Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967.
- Пролетарская революция на Дону. Сб. IV. Ростов-на-Дону, 1924.
- Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и каз. депутатов II созыва. М., 1918.
- Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. Стенографический отчет. М., 1920.
- Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК Советов рабочих и солдатских

депутатов первого созыва после Октября. — Красный архив, т. 3 (10), 1925.

Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Изд. «Революционный социализм» при ЦК ПЛСР.М., 1918.

Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии /б/. Седьмой съезд. Март 1918 года. Под ред. Д. Кина и В. Сорина. М.— Л., 1928.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918 г. ГИЗ, 1929.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958.

Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. 4-10июля 1918года. Стенографический отчет. Изд. Всероссийского центрального исполнительного комитета, М., 1919.

Пятый созыв Всероссийского Центрального исполнительного комитета. Стенографический отчет. Москва, 1918 г. Изд. ВЦИКа Советов Р., С., К. и К. депутатов, М., 1919.

Разгром левой оппозиции в СССР. Письма ссыльных большевиков (1928). Публ. Ю. Фельштинского. — Минувшее, кн. 7, Париж, 1989.

Революционные латышские стрелки (1917— 1920). Под ред. А. Дризу-ла и Я. Крастыня., изд. Зинате, Рига, 1980.

Революция 1917 года. Хроника событий, т. V. Под ред. К. М. Рябинско-го. — Л., 1926, с. 170; т. VI. Под ред. И. Н. Любимова. М.-Л., 1930.

Резолюции и постановления I и II Всероссийских съездов партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Изд. «Революционный социализм», М., 1918.

Резолюции, принятые на 3-м съезде ПСР, состоявшемся в Москве 25 мая — 4 июня 1917 г. Московское издательство «Земля и воля» Партии социалистов-революционеров.

Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел, № 1, 2,3,4,5, 6,7. Декабрь 1917 — февраль 1918. Типография Комиссариата по иностранным делам. Дворцовая, 6.

Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962.

Слезы Троцкого — Вечерняя газета [Владивосток], 5 ноября 1921 г., № 133.

Советская историческая энциклопедия, т. 8. М., 1965, статья «Лази-мир»; т. 13. М., 1971, статья «Спиридонова».

Советы в Октябре. Сборник документов. Под ред. Пионтковского. С. А.

М., 1928.

Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации, т. 1, ч. I. М., 1929.

Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда Советов. М., 1918.

Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Зиновьева. — Новая жизнь, 14 (27) декабря 1917, № 201 (195)

Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Вомпе, представителя Вик-желя. -Новая жизнь, 15 (28) декабря 1917, № 202 (196).

Съезд железнодорожных рабочих. — Новая жизнь, 16 (29) декабря 1917, №203 (197).

Съезд железнодорожных рабочих. Выступление Зиновьева. — Новая жизнь, 16 (29) декабря 1917, № 203 (197).

Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг, 1918.

Третий съезд партии социалистов-революционеров. Пг., 1917, с. III.

Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 26 мая — 4 июня 1918 г. (Стенографический отчет), М., 1918.

1917 год в Саратовской губернии. Сб. док. (февраль 1917 — декабрь 1918 г.). Саратов, 1958.

Упрочение советской власти в Москве и Московской губернии. М., 1958.

Установление советской власти в Калужской губернии. Документы и материалы. Март 1917 — июль 1918. Калуга, 1957.

Частное совещание членов Всероссийского учредительного собрания. Париж, 1921 (постановления, резолюции, воззвание). Брошюра, 21 с.

IV Чрезвычайный всероссийский съезд Советов. Стеногр. отчет, ГИЗ, 1920.

Четвертый Чрезвычайный всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920.

XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18-31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.-Л., 1926.

Чрезвычайный всероссийский железнодорожный съезд. Заседание 19 декабря — ЗТ, 21 декабря 1917, № 101.

Чрезвычайный всероссийский съезд железнодорожников. — ЗТ, 20 декабря 1917, № 100.

Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, ч. III. Л., 1967.

2. Архивные материалы

АИГН.5/2. ЦК РСДРП. 22 февраля 1918г. Против подписания мирного договора.

АИГН, 6/3. Историческое заседание (Ростово-Нахичеванского на Дону) Совета рабочих Депутатов 15-го февраля 1918 года. Отдельный дву-страничный выпуск газетного формата. Печатается по распоряжению председателя Совета рабочих депутатов М. Б. Смирнова.

АИГН, 8/21. Верховное управление Северными областями.

АИГН, 10/3. Комментарии В. М. Чернова к протоколам ЦК ПСР.

АИГН, 10/5. В. Чернов. наброски к истории партии эсеров.

АИГН, 11/31. Объявление «Памяти Марка Андреевича Натансона (Боброва)».

АИГН, 13/1. Съезд финляндских организаций ПСР. 19 июня 1917.

АИГН, 16/9. Русское экономическое бюро. Берлин, 30 сентября 1920. Германия и Россия (с 25 сентября по 7 октября). Сводка сведений.

АИГН, 17/1, 2, 4, 5, 7, 9, 19. Материалы по истории Закавказья, февраль-апрель 1918 года.

АИГН, 18/1. Протокольная запись доклада по внешней политике на конференции [кадетов в Екатеринодаре?] 14 мая 1918 г. Автор не указан.

АИГН, 18/2. Стенографический отчет заседаний Третьего краевого съезда партии народной свободы, состоявшегося в г. Екатеринодаре 15-17 октября 1918 года.

АИГН, 39/9. П. Гарви. 1917 г. Приезд Брантинга.

АИГН, 51/32. Открытка Л. Мартова Николаевскому от 30 ноября 1922г.

АИГН, 52/8. Л. Мартов. Конец двусмысленности. 1918.

АИГН, 61/5. 1917 г. К истории мирной кампании советской демократии среди европейских социалистических партий. Аргонавты мира. (Как мы готовили Стокгольмскую конференцию). Воспоминания члена Стокгольмской делегации Н. С. Русанова. Машинопись.

АИГН, 61/5, ч. 2. Воспоминания члена Стокгольмской делегации Н. С. Русанова. Как мы работали с П. Б. Аксельродом в Стокгольме в 1918 году. Машинопись.

АИГН, 90/7. Папка с документами о возвращении революционеров в Россию. Гектографическое письмо ИК за подписью Багоцкого. Цюрих, 4 мая 1917. 1 с.

АИГН, 121/10. Письмо Николаевского от 25 ноября 1951, 1 л.

АИГН, 137/8. Нагловский (Невозвращенец). Встречи с Зиновьевым

АИГН, 148/4. Русский бакинец [псевдоним]. Азербайджан и союзники.

АИГН, 149/3. Ф. Навотный. Машинопись, гл. 19. Брест-Литовск; гл. 20. Похвала, гл. 21. Заключение. Защитная пропаганда; гл. Добавление. Брошюра оборонной пропаганды «Россия под владычеством большевиков».

АИГН, 149/12. В. Бурцев. Азеф и Ленин. Брошюра-листовка в 6

страниц, без выходных данных. [1919?]

АИГН, 157/1. Поручик Черкез. Записка о сношениях петлюровцев с германским генеральным штабом.

АИГН, 157/2. В. [Г.] Колокольцев [министр земледелия Украины с 15 мая по 19 октября 1918 г.]. Краткие сведения о мероприятиях на Украине по аграрному вопросу во время гетманского правительства с 1 мая 1918 года по 15 декабря 1918 года.

АИГН, 157/3. Киевская мысль, № 116, 20 июля 1918 г.

АИГН, 157/4. Киевская мысль, № 124, 30 июля 1918 г.

АИГН, 157/5. Господину Председателю Совета министров [от] председателя Временного главного украинского комитета бунда М. Г. Рафеса. 7 сентября 1918 г. Перепечатано из книги «М. Г. Рафес. Накануне падения гетманщины. Из переживаний 1918 г.» (Киев, 1919).

АИГН, 157/9. А. Абрамова. Так мы жили (мемуары). Февраль 1925. Без нумерации страниц.

АИГН, 157/11. Мих Грушевский. Украина и Восточноевропейская проблема.

АИГН, 157/13. П.Финисов. Записка по украинскому вопросу. Не для печати. Париж, 1 сентября 1921 года.

АИГН, 198/20. Документы о попытке присоединения Латвии к германской империи в 1918 г. За подписью Ник. Бережанского.

АИГН, 198/23. Д.Сагирашвили. Воспоминания о первых днях господства большевиков в Петрограде. Рукопись. 8 марта 1923.

АИГН, 207/14. Письмо БИН — Т. И. Вулих, 7 июля 1934, 1 л.

АИГН, 292/2. Переписка Б. И. Николаевского с А. Балабановой.

АИГН, 382/2. В.Чернов. О Натансоне. Машинопись

АИГН, 471/20. Письмо БИН — М. А. Алданову от 14 ноября 1952 г. 1 л.

АИГН, 472/32. Письмо БИН И. М. Бергеру, 3 февраля 1961, 1 л.

АИГН, 475/8. Переписка Б. И. Николаевского с В. Л. Бурцевым.

АИГН, 478/37. Переписка Б. И. Николаевского с Е. Эстриной.

АИГН, 486/3. Письмо Г. М. Каткова — БИН, 13 марта 1961, 1 л.

АИГН, 496/3. Переписка Б. И. Николаевского с М. Н. Павловским.

АИГН, 496/14. Переписка Б. И. Николаевского с Агнеш Петерсон.

АИГН, 502/21. Переписка Б. И. Николаевского с Б. К. Сувариным.

АИГН, 508/2. Переписка Н. В. Валентинова-Вольского с Б. И. Николаевским.

АИГН, 508/48. Переписка Б. И. Николаевского с Р, (Георгием Иосифовичем) Врагой.

АИГН, 510/24. Итоги русского эксперимента. Пути развития российского большевизма. 1917-1941.

АИГН, 519/30. Комментарии Б. И. Николаевского к книге Шапиро.

1958 год.

АИГН, 591/13, 591/14. Переписка Р. А. Абрамовича с Н. В. Валентиновым-Вольским.

ЛИГ, кол. Н. В. Вольского, ящик 3, Переписка Н. В. Валентинова-Вольского с Р. А. Абрамовичем.

АИГ, Гельфанд Александр 78086-10. V. 1 л. Фотография расписки.

АИГ, кол. Голдера, ящик 21. Цели Ленина Машинопись. Без подписи. [Сообщение со ссылкой на беседу с высокопоставленным большевиком. 1920?]

АИГ, кол. Охрана, индекс УШв, папка 14. Донесение директору департамента полиции. Париж, 27 января (9 февраля) 1915, № 172.

АИГ, I. N. Steinberg. The Events of July 1918. Socialist Russia. The Events of July 1918. Geneva, 1918.

АИГН, 614/7. Переписка Р. А. Абрамовича с разными лицами.

АИГН, 623/49. Вечерняя звезда от 16 марта 1918 г., №34. Машинописная копия. 1 л.

АИГН, 633/37. Идеиные позиции ПСР после Октябрьского переворота в «Тезисах» 1918г.

АИГН, 659/4. Деятельность партии меньшевиков в советской России, декабрь 1917 — июль 1918 гг. Вопросы.

АИГН, 659/4. Вперед, 23 февраля 1918 г. Резолюция, принятая Петроградской общегородской конференцией РСДРП (объединенной). 1 л.

АИГН, 727/2. Х.Раппопорт. Воспоминания революционера, ч. 2.1914-1925. Париж, 1931. Машинопись.

АИГН, 784/6. Генерал Леонтьев, бывший командир Выборгского полка. Открытое письмо императору Вильгельму, 18 октября 1918 г. Париж. Брошюра в 8 с.

АИГН, 784/7. Информационный листок, Прил. к № 1,13 августа; № 2, 16 августа; №3,22 августа 1918.

АИГН, 786/6. Рассказ Эд. Бернштейна. Машинопись. 1 л. На русском языке.

АТ, Т-71.Т-564.

АТ, Т-2788. УШленумМКиМККВКП(б). «Прения». (Вечернее заседание 18 октября 1928 г.) Из выступления Сахарова (Трехгорная мануфактура). АТ, Т-3742. Л. Троцкий. Папка с материалами, касающимися Брест-Литовского договора.

АТ, Т-3755. Эдуард Бернштейн. Германская революция; Генрих Штребель. Германская революция, ее несчастье и ее спасение.

АТ, Т-3848. Киевская мысль, № 116, 20 июля; № 124, 30 июля 1918.

Бахметьевский архив Колумбийского университета, кол. Г. Алексин-ского. Я. Блюмкин. Письмо. Columbia University Libraries.

Bachmeteff Archive. Ms Coll Aleksinskii. Blumkin Iakov, Moscow, Summer 1918, To [Grigorii Alekseevich Aleksinskii?], ms. 1, 3 p. (copy by Aleksinskii).

МИСИ, кол. А. Балабановой, п. 219.

МИСИ, кол. Э. Бернштейна, п. В-72. Протест советского правительства правительству Германии.

МИСИ, кол. Э. Гольдман, п. 36, № 25295 -25371. Рукопись «Heroic Women of the Russian Revolution».

МИСИ, кол. Еленского, п. «Письма из русских политических тюрем»; Бюллетень Объединенного комитета защиты заключенных в России революционеров.

МИСИ, кол. К. Каутского, G 15, 160. Доклад народного комиссариата иностранных дел V съезду Советов (начало июля 1918).

МИСИ, кол. Л. Б. Красина. Письма жене и детям.

МИСИ, кол. Теодора Либкнехта, папка 10. Заметки Теодора Либкнехта.

МИСИ, кол. Б. К. Суварина.

МИСИ, кол. Флешина, п. 16. Материалы декабря 1922 г., нелегально вывезенные из СССР. Записка от 13 декабря 1922 г. Речь анархиста Федора Моченовского на суде Революционного трибунала, произнесенная в Петрограде 13 декабря 1922 г. Письмо левой эсерки Анны Соколовой из тюрьмы. Заявление левых эсеров, не явившихся на суд с 11 по 18 декабря включительно.

МИСИ, кол. SIBL, папка 2293/40. Л.Троцкий. Черновики и подготовительные материалы к «Истории русской революции».

МИСИ, кол. SIBL, папка № 2393/69. Л. Троцкий.

МИСИ, архив партии социалистов-революционеров, п. 2001. Протоколы заседаний Центрального комитета партии социалистов-революционеров, 1917-1918; п. 2018. Приложение к еженедельнику ОК «Знамя социализма». Конференция закавказских организаций партии социалистов-революционеров (27 марта — 2 апреля 1919 г. в Тифлисе). Заседание конференции (1 -и день). Доклад областного комитета, сделанный Тархановым; п. 2021. Известия ЦИК от 26 октября 1920, № 239 (1086). Партийная жизнь. Ко всем членам партии левых эсеров.

3. Периодические издания

Архив русской революции, т. 7, Берлин, 1922.

Бакинский рабочий, № 233, 12 октября 1927.

Борьба классов, 1932, № 2-3.

Бюллетень оппозиции, под ред. Л. Троцкого, апрель 1938, № 65.

Возрождение. Ежедневная политическая и литературная газета. Тифлис, вторник, 3 [16] апреля 1918 г. № 69.

Воля народа, 2 ноября 1917.

Вопросы истории, № 10, 1947; № 11, 1965.

Вопросы истории КПСС, 1960, № 2.

Голос Киева, 43, пятница, 7 июня; № 54, пятница, 21 июня 1918.

Голос народа, 29 октября 1917.

Голос трудового крестьянства, 13 декабря, № 20; 14 декабря, № 21; 15 декабря, №22, 1917.

Дело народа, 15 июля, 8 августа, 12 сентября, 3 ноября 1917, 12 января 1918.

Деревенская беднота, 21 ноября 1917. Земля и воля, 17 мая, 9 июля, 26 ноября 1917.

Знамя труда, 5 ноября, № 63; 6 ноября, № 64; 7 ноября, № 65; 11 ноября, № 69; 12 ноября, № 70; 21 ноября; 2 декабря, 12 декабря 1917; 11 апреля; 19апреля; 2июля; 13июля 1918.

Известия Всевыборы, 1917, № 16-17.

Известия Всероссийского крестьянского съезда, 2 декабря, 5 декабря, 8 декабря 1917.

Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов, 26 октября 1917.

Известия Московского совета рабочих и солдатских депутатов, 18 ноября 1917, №209.

Известия Пермского окружного Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов, № 93, 22 мая 1918.

Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов, 19 сентября, 5 ноября № 217; 9 ноября, № 220; 12 ноября, 233; 25 ноября, № 235, 1917; 7 января, 4 июля, № 137; 8 июля, 14 июля, 17 июля 1918.

Историк-марксист, 1927, № 6, 1929, № 10.

История социалистической экономики СССР, т. 1, М., 1976.

История СССР. 1957, № 3.

Киевская мысль, № 64, 29 апреля; № 118 от 23 июля; № 120, 25 июля; № 121, 26 июля 1918.

Красная газета. Издание Петрофадского совета рабочих и красноармейских депутатов, 10 августа, № 141; 12 августа, № 143; 27 августа 1918, № 178.

Максималист. Орган исполнительного бюро Союза социалистов-революционеров максималистов. Первый год издания. № 4, пятница, 19 марта 1920 г. Переговоры по прямому проводу владивостокского Союза социалистов-революционеров максималистов с благовещенским Союзом социалистов-революционеров максималистов. 5 марта 1920 г.

Международная политика и мировое хозяйство. Выходит при ближайшем участии проф. М. В. Бернацкого, В. В. Водовозова, М. Л. Гошиллера, прив.-доц. С. О. Загорского, П. П. Маслова, проф. бар. Б. Э. Нольде и проф. Е. В. Тарле. Двухнедельный журнал, № 1, Петроград, 1918.

Наш путь, 1918, №2.

Неделя, 1962, №7.

Новая жизнь, 3 декабря 1917, 6 января 1918, №4.

Новая заря. Еженедельный политический журнал. Орган комитета Центральной области РСДРП (меньшевиков). М., 1 мая 1918, № 2.

Партийные известия, № 8, 1917; №6-7 (13-14), 20 мая 1918.

Последние новости (Киев). Утренний выпуск. № 5066. Вторник, 11 июня 1918

Правда, 10 ноября, №185; 19 ноября, № 209; 16 декабря, №216; 24 декабря 1917; 4 января, № 2; 7 января, № 5; 13 января; 13 февраля; 22 февраля 1918, № 32; 22 мая; 9 июля, № 140; 20 декабря 1918, № 223; 15 декабря, № 285; 16 декабря 1923, № 286; 3 января 1924, № 2; 21 января 1936; 3,9, 12 марта 1938.

Прожектор, 1928, 27 (145), с. 12. Е. 6 июля — в Большом театре.

Пролетарская революция, 1928, № 1 /72/.

Республика. Ежедневная внепартийная газета. [Тифлис], № 116, 26 ноября; № 119, 30 ноября 1917.

Русский голос (Киев), № 25, 16 июня; № 127, 5 ноября 1918.

Русский солдат-гражданин во Франции (Париж), 210,8 июня; № 211, 9 июня 1918.

Свобода России, № 60, 30 июня; № 63, 4 июля; № 64, 5 июля 1918.

Собрание узаконений РСФСР, 1917, № 7.

Солдат, 13 октября 1917.

Социал-демократ, 20 февраля 1918, № 28.

Уральский рабочий (Екатеринбург), 30 апреля 1918, 82.

Юманите, 16 декабря 1917.

La Lutte Ouvriere, 12 июня 1936, № 1. Статья «Я. Г. Блюмкин».

4. Книги и статьи на иностранных языках

Agabekov G. OGPU. The Russian Secret Terror. New York, 1931.

Bailey S. Brest-Litovsk. A Study in Soviet Diplomacy. — History To-Day. August, 1956.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Munchen und Wien, 1966.

Baumgart W. Брест-Литовск и «разумный» мир с Западом в кн. Versailles — St. Germain — Trianon. Umbrich in Europa vor funfzig Jahren. R.

Oldenbourg, Munchen und Wien, 1971.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918-1926. Доклад, прочитанный 22 ноября 1974 г. на семинаре Института европейской истории в Майнце.

Bothmer K. Mil Graf Mirbach in Moskau. Tübingen, 1922.

Buchanan G. Sir. My Mission to Russia and the other Diplomatic Memories, 2 w. London, 1923, v. II.

Carmichel J. Trotsky. An Appreciation of his Life. New York, 1975.

Chamberlin W. H. The Russian Revolution 1917— 1921, 2 w. New York, 1957.

Gumming C. K. and Pettit W. W. Russian-American Relations. March 1917 — March 1920. Documents and Papers. New York, 1920.

Deutscher I. The Prophet Armed. Trotsky: 1879— 1921. Oxford University Press, 1979.

Fischer F. Germany's Aims in the First World War. New York, 1967.

Fischer L. The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917— 1929, v. 1, Princeton, 1951.

Fleming D.F. The Cold War and its Origins, 1917— 1960, v. 1, 1917— 1950. New York, 1961.

Gratz G. and Schuller R. The Economic Policy of Austro-Hungary during the War in its External Relations. Wien, 1928.

Hahlweg W. Der Diktatfrieden von Brest-Litovsk 1918 und die Bolsche-wistische Weltrevolution. Münster, 1960.

Helfferich K. Der Weltkrieg, v. III. Berlin, 1919.

Hilger G., Meyer A. The Incompatible Allies. A Memoir-History of Soviet-German Relations 1918— 1941. New York, 1953.

Katkov G. The Trial of Bukharin (New York, Stein and Dag, 1969).

Katkov G. The Assassination of Count Mirbach. Soviet Affairs, v. 3, edited by David Footman, Carbondale, Illinois, 1962, pp. 5394.

Kennan G.. The Sisson Documents — The Journal of Modern History, vol. XX VII, June 1956.

Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin, 1961.

Kochan L. Russia and the Weimar Republic. Cambridge, 1954.

Kuusinen A. Before and after Stalin. A Personal Account of Soviet Russia from the 1920s to the 1960s. London, 1974.

Magnes J. Russia and Germany at Brest-Litovsk. A Documentary History of the Peace Negotiations. New York, 1919.

Mamatey V. Soviet Russian Imperialism. Toronto — New York — London, 1964.

Possony S. Lenin: The Compulsive Revolutionary. Chicago, 1964.

Rabinovitch. The Bolsheviks Come to Power. The Revolution of 1917 in Petrograd. W. W. Norton, New York, 1978.

- Radkey O. The Agrarian Foes of Bolshevism. Columbia University Press, 1958.
- Rauch G. von. History of Soviet Russia. 6th Edition, New York, 1976.
- Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR. 1917— 1967. Princeton, 1968.
- Sadoul J. Notes sur la Revolution Bolshevique. Paris, 1920.
- Shapiro L. The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State: First Phase, 1917-1922. Frederick A. Praeger, New York— Washington, 1965.
- ShubD. Lenin. New York, 1948.
- Steinberg I. N. In Workshop of the Revolution. New York — Toronto, 1953.
- Stone H. M. Another Look at the Sission Forgeries and their Background. Soviet Studies, vol. XXXVII, # 1, January 1985, pp. 90102.
- Trotsky L. Lenin. New York, 1925.
- Ulam A. The Bolsheviks. New York, 1968.
- Ulam A. A History of Soviet Russia. USA, 1976.
- Warth R. Soviet Russia in World Politics. New York, 1963.
- Wheeler-Bennett J. W. Brest-Litovsk. The Forgotten Peace. March 1918. New York, 1966.
- L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affairs etrangeres, pub. etann. par A. Schereret J. Grunewald. liv. III. De la revolution Sovietique a la paix de Brest-Litovsk (9 Novembre 1917 — 3 mars 1918). Paris, 1976 (втексте: Германия).
- Bolsheviks Propaganda. Hearings before a Subcommittee of the Judiciary Committee of the United States Senate. Sixty Fifth Congress. Washington, 1919.
- Germany and the Revolution in Russia 1915— 1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Ed. by Z. A. B. Zeman. London, Oxford University Press, 1958 (в тексте: Земан. Германия и революция в России).
- Lenin (V. I. Ulianev), ОГИЗ, М., 1939, специальное издание на английском языке большого формата без указания страниц.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia, vol. I. Washington, 1931.
- The Case of Leon Trotsky. Report of Hearings on the Charges Made Against Him in the Moscow Trails by the Preliminary Commission of Inquiry. New York — London, 1937.
- The Trotsky's Papers, 1917— 1922. The Hague, 1964, v. 1.

АИГ— Архив института Гувера
АИГН— Архив института Гувера, кол. Б. И. Николаевского ящик...
папка...
АТ— Архив Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского
университета, фонд в MS Russ. 13.
БИН— Б. И. Николаевский
БКС— Б. К. Суварин
ВЛБ— В. Л. Бурцев
ДРГ— Д. Р. Голдштейн
ДСВ— Декреты советской власти
ДВП— Документы внешней политики
ЗРНС— Закавказский русский национальный совет
ЗТ— Знамя труда
МИСИ— Архив международного института социальной истории в
Амстердаме
МНП— М. Н. Павловский
КМ— Киевская мысль
КГ— Красная газета
НВВ— Н. В. Валентинов-Вольский
НЖ— Новая жизнь
ПСР— Партия социалистов-революционеров
ПСС— Ленин. Полное собрание сочинений
РАА— Р. А. Абрамович
УС— Учредительное собрание.
FRUS— Foreign Relations of the United States
SIBL— Социалистический Интернационал большевиков-ленинцев

Именной указатель*

(*) Настоящий именной указатель включает все имена, упомянутые в основном тексте и примечаниях книги, за исключением авторов источников и имен, являющихся частью названий источников.

Абрамов Г., левый эсер —
Абрамович Р. А. (1880-1963) —
Аванесов В. А. (1884-1930) —
Авдеев А. —
Аверьянов, генерал —
Авилов Б. В. —
Авксентьев Н. Д. (1878-1943) —
Авторханов А. А., историк —

Адлер Ф. (1879-1960) —
Аксельрод П. Б. (1850-1928) —
Алгасов В. А. —
Алекса З. —
Александров, левый эсер —
Александрович В.А.(Дмитриевский П.А. 1884-1918)
Алексеев В. М. (1857-1918)—
Алексеев Н. Н. —
Алексинский Г. А. —
Альфатер В.М.(1883-1919)
Анфилов, комиссар —
Арбузове. —
Арефьев Н. С. —
Арнаутов, левый эсер —
Артем Ф. А. (1883-1921) —
Арутюнян —
Архангельский В. Г. (1869-1948)
Архангельский, максималист -
Арц А., фон —
Астров, меньшевик-интернационалист —
Бабушкин, левый эсер —
Баденский Макс —
Баер — см. Моор Карл
Бакая Н. Д. —
Балабанова А. —
Баландин В. —
Балашов И. В. —
Дмитриев-Бару, еврейская СДРП—
Барышников А. В. —
Баумгарт В., историк —
Бауэр О. (1882-1938) —
Бибель А. (1840-1913) —
Беленький А. Я. (1883-1942)
Белорусов, левый эсер —
Альфатер В. М. (1883-1919) —
Беляков Н. К. —
Бендерская —
Ананьин (Чарский) Е. —
Берг Е. С. (1875-1935) —
Андреев Н. —
Берг, фон —

Бердникова А. И. —
Береснев И. —
Аникеев В. В., историк —
Берзин Э. П. —
Антипов, левый эсер —
Берзин Я. А. (1881-1938) —
Антонов Б. П. —
Беркман А. —
Антонов-Овсеенко В. А (1883-1939) —
Бернштейн Э. (1850-1932) —
Бетман-Гольвег Т. (1856-1921) —
Бусше Г., барон —
Биншток Г. О. —
Бищенко А. А. —
Бутенко В. А. —
Бухарин Н. И. (1888-1938) —
Бичерахов, полковник —
Благонравов Г. И. (1895-1938) —
Блюм А. А. —
Блюмкин Я. Г. (1898-1929) —
Бухарцев П. В. —
Быховский Н. Я. —
Бобинский С. —
Бькженен Дж. У. (1854-1924) -
Бобров М. А. — см. Натансон М. А.
Богатский, начальник милиции Украины —
Бюлов Т., фон (1849-1929) —
Ваверка — см. Парвус А. Л.
Богачев, левый эсер —
Вайнштейн С. М. —
Боголепов Д. П. —
Валентинов-Вольский Н. В. (1879-1964) —
Бокий Г. И. (1879-1937) —
Бонч-Бруевич В. Д. (1873-1955) —
Вальдов В. —
Варейкис И. М. (1894-1939) —
Барский А. (1868-1937) —
Василенко П. —
Бонч-Бруевич М. Д. (1870-1956)
Васильев Б. С. —
Васильев М. —

Борисова —
Васильев, большевик —
Ботмер К. —
Василько, лидер украинских националистов —
Брантинг К. Я. (1860-1925) —
Васильюк П. Г. —
Браун Я. —
Васин, левый эсер —
Брежнев Л. И. (1906-82) —
Вахрамеев И. И. (1885-1965) -
Брешко-Брешковская Е. К. (1844-1934) —
Вацетис И. И. (1873-1938) —
Брешковская Е. К. — см.
Брешко —
Брешковская Е. К.
Борисов С., историк —
Ведель Б. —
Брокдорф-Ранцау У. —
Веденяпин М. А. (1879 —) —
Вронский М. Г. (1882-1941) —
Вейке, генерал —
Вейс — см. Цивин
Бронштейн О. Д., жена Л. Б. Каменева —
Великосельцев, большевик —
Вехиб-паша —
Бубнов А. С. (1884-1938) — 115,
Визнер, сотрудник ЧК —
Вильгельм ЙИ (Гогенцоллерн,
Буллит У. — (1859-1941) —
Буренин Н. Е. (1874-1962) —
Бурцев В. Л. (1862-1942) —
Вильсон Т. В. (1856-1924) —
Гертлинг Г., фон —
Витте С. Ю. (1849-1915) —
Вишняк М. В. (1883-1976) —
Герштейн Л. Я. (1877-1935) —
Гиль С. К. (1888-1966) —
Владимиров, полковник —
Гимпельсон Е. Г., историк —
Гинденбург П. (1847-1934) —
Владимирский М. Ф. (1874-1951)

Войцеховский С. Н. (1883 — после 1946, в лагере) —
Гинце П. —
Гинч В. И. —
Волков В. Д. — 139
Глебов-Авилов Н. П. (1887-1942)
Володарский В. (М.М., 1891-1918) —
Голицын, генерал —
Вольский Н. В. — см. Валентинов—
Голощекин Ф. И. (1876-1941) -
Вольский Н. В.
Вомпе П. А. —
Голубович В. А. —
Боровский В. В. (1871-1923) —
Голубовский, левый эсер —
Ворошилов К. Е. (1881-1969) —
Гольденберг (Мешковский) И. П.
Врациан —
Гольдман Э. —
Вухерфеник —
Гольц Р., фон дер —
Высоцкая, левая эсерка —
Горбачев М. С., род. 1931 —
Вышинский А. Я. (1883-1954) —
Горбунов Н. П. (1892-1938) —
Горская Л. —
Габаев, генерал —
Гофман М. (1869-1927) —
Гаевский Ю. И. —
Гакстгаузен, генеральный консул Дании в России —
Ганецкий Я. С. (1879-1937) —
Фюрстенберг,
Гоц А. Р. (1882-1940) —
Гарви П. —
Гассенко, фон, ротмистр—
Гренар, генеральный консул Франции в России —
Гаушильд Г. —
Гаусман К., статс-секретарь Германии —
Гримм Р. (1881-1956) —
Гриневич Л. П. —
ГеА. Ю. (— 1919) —
Гросман — см. Роцин

Гегечкори Е. П. (1882-1954) —
Груздева-Литвинова Н.—
Грузман Ш. А. —
Геллер М., историк —
Грушевский М. С. —
Гельфанд А. Л. — см. Парвус А. Л.
Гуревич Б. Н. (Бер) —
Гельферих К. —
Гусев К. В., историк —
Гендельман М. Я. (1881 —) —
Гусев С. И. (1874-1933) —
Гутман—
Гюисманс К. (1871-1968) —
Емельянов М. Ф. —
Енукидзе А. С. (1877-1937) —
Далин Д. Ю. (1889-1962) —
Еремеев К. С. (1874-1931) —
Далинский С. (псевдоним?), историк —
Жаров, член отряда Попова —
Дан Л. О. —
Железняк А. Г. — см. Железняков А. Г.
Дан Ф. И. (1871-1947) —
Железняков А. Г. (1895-1919) -
Данишевский К. Х. (1884-1938) —
Жернов, левый эсер —
Данстервиль, генерал —
Жордания Н. Н. (1869-1953) -
ДвиновБ. Л. —
Дейнеко, левый эсер —
Жук, большевик —
Деконский, левый эсер —
Жуковский А. —
Денике Ю. П. (1887-1964)
Зайцев —
Деникин А. И. (1872-1947) —
Зак С. С. —
Закс (Загс) Г. Д. (1882-1937) -
Дербышев Н. И. (1879-1955) —
Деготь В., историк — 218
Зарубин А. Н. —
Дзержинский Ф. Э. (1877-1926)

Затонский В. П. (1888-1938) -
Затонский М. П. —
Зейдлер Э. (1862-1931) —
Зиновьев Г. Е. (1883-1936) —
Дислер, эсер —
Дмитриевский В. А. — см. Александрович В. А.
Доброхотов, левый эсер — 78, 94
Знаменский О. Н., историк — 220
Добрый А. Ю. — 358, 359
Зорин, член Петросовета —
Дойчер И., историк —
Знаменский, народный социалист
Доливо-Добровольский Б. И. —
Зурабов, меньшевик —
Донской Д. Д. —
Иванов К. —
Дроздовский М. Г. —
Измаилович А. А. —
Дурново, ген. —
Духонин Н. Н. (1876-1917) —
Илюхина Р. М., историк —
Иордан —
Дыбенко П. Е. (1889-1938) —
Иоффе А. А. (1883-1927)—
Дювель В. —
Ежов, левый эсер —
Елизавета Федоровна, великая княгиня (— 1918)
Исуев И. А. —
Коган-Бернштейн М. Л. (1886-1918)
Ишханов, левый эсер —
Каиков, левый эсер —
Козловский —
Каледин А. М. (1861-1918) —
Колегаев А. Л. —
Калис, левый эсер —
Каменев Л. Б. (1883-1936) —
Коллонтай А. М. (1872-1952) -
Коломейцев П. И. —
Колчак А. В. (1873-1920) —
Камков Б. Д. (1885-1938) —
Кольшко И. —

Комаров, левый эсер —
Комович, сотрудник ЧК —
Кононов, левый эсер —
Корнилов Л. Г. (1870-1918) —
Корыстелева, левая эсерка —
Капелинский — 101
Косиор С. В. (1889-1939) —
Каплан Ф. —
Косматое А. В. —
Карахан Л. М. (1889-1937) —
Котляревский С. И. —
Кохн О. —
Кочубей Н. Н. — 576
Карелин В. А. (1891-1938) — 19,
Крадек — см. Радек К. Б.
Красиков П. А. (1870-1939) —
Красин Л. Б. (1870-1926) —
Карл I (1887-1922) —
Краснов П. Н. (1869-1947) —
Кармайкл Дж., историк —
Красовский, начальник угрозыска Украины
Катель М. А. —
Катков Г. М., историк —
Крестинский Н. Н. (1883-1938) -
Качинский В. М. —
Каховская И. К. —
Кривошей А. В. (1857-1921) -
Качинский В. М. —
Кейзерлингк Р. —
Крупская Н. К. (1869-1939) -
Кескюла, эстонский социал-демократ —
Крушинский М. Ф. —
Керенский А. Ф. (1881-1970) —
Крыленко Н. В. (1885-1938) —
Кингисепп В. Э. (1888-1922) —
Крымский В. — см. Иоффе А. А.
Ксенофонов И. К. (1884-1926) -
Кнорус, председатель Центрофлота —
Куба — см. Ганецкий Я. С.
Кобозев П. А. (1878-1941) —
Кудрявцев С. —

Ковалевский, министр украинско—
Кузьмин А. —
Куйбышев В. В. (1888-1935)—
Кун Бела (1886-1939)—
Куркин С. —
Куусинен А. —
Куусинен О. В. (1881-1964) —
Кучин Г. Д. —
Кюльман Р. (1873.1948) —
Лавров А. Л. —
Лазарев Е. Е. (1885-1937) —
Лазимир П. Е. (1891-1920) —
Ленкайтис И. —
Ландстрем, актриса —
Леонтьев, генерал —
Лансинг Р. —
Леонтьев, помощник министра -
Лапиер, левый эсер —
Лапинский П. Л. (1879-1937) —
Леопольд, принц Баварский —
Лерснер К. фон, барон —
Ларин Ю. (Лурье М. З., 1882-1932) —
Либер М. И. —
Либкнехт К. (1871-1919) —
Лацис М. И. (1888-1938) —
Лобов С. С. (1888-1937) —
Лашевич М. М. (1884-1928) —
Локкарт Р. Г. (1887-1970) —
Лебединский, генерал-майор —
Ломов Г. И. (Оппоков, 1888-1938)
Левандовский В. А. —
Лордкипанидзе Г. И. —
Левин Е. (Левине Эйген, 1883-1919) —
Лоссов, фон, генерал —
Луначарский А. В. (1875-1933) -
Левин М. А. —
Левитан, сотрудник ЧК —
Лундберг Е. —
Левитский М. —
Лункевич В. В. (1866-1941) —
Левицкий В. О. —

Луцкий Е. А., историк —
Ленин В. И. (1870-1924) —
Львов Г. Е. (1861-1925) —
Люберсак, граф —
Любинский М. —
Людендорф Э. (1865-1937) —
Люксембург Р. (1871-1919) —
Мирбах В. (1871-1918) —
Магеровский Д. А. —
Майоров С. М., историк —
Майоров И. —
Маклин Дж. (1879-1923) —
Малашко А. М., историк —
Малкин Б. Ф. —
Мирбах Р. Р. —
Мальков П. Д. (1887-1965) —
Мирон —
Михайловский, левый эсер —
Мандельштам Н. Я. —
Мицкевич Ф. —
Мандельштам О. Э. (1891-1938) —
Мицкявич-Капсукас В. С. (1880-1935) —
Мануильский Д. З. (1883-1959) —
Могилев, большевик — 206
Моисеев, большевик —
Маркарьян, левый эсер —
Моор Карл (1853-1932) —
Маркин Н. Г. (1893-1918) —
Маркс К. (1818-83) —
Моррис, посол США в Швеции -
Мартов Ю. О. (1873-1923) —
Моченовский Ф. —
Мстиславский С. Д. — см. Масловский-Мстиславский С. Д.
Мартос, социал-демократ —
Мартынов А. С. (1865-1935) —
Мумм, посланник Германии на Украине
Маслов П. П. (1867-1946) —
Муравьев М. А. (1880-1918) -
Масловский-Мстиславский С. Д.
Муралов Н. И. (1877-1937) —
Медведев Е. Г. —

Медведь А. —
Межлаук И. И. (1891-1938) —
Муранов М. К. (1873-1959) —
Менжинский В. Р. (1874-1934) —
Муратов М. М. —
Мерей К. —
Мюллер, сотрудник германского посольства в Москве —
Мехоношин К. А. (1889-1942) —
Мешковский И. П. — см. Гольденберг И. П. —
Назарбеков, генерал —
Мещерский —
Натансон М. А. (1850/51-1919) -
Мещеряков Н. Л. (1865-1942) —
Милюков П. Н. (1859-1943) —
Невский В. И. (1876-1937) —
Некрич А. М., историк —
Милютин В. П. (1884-1937) —
Нестеров И. П. —
Николаев А. М. —
Минц И. И., историк —
Николаев М. —
Николаевский Б. И. (1887-1966)
Петерсон К. А. (1877-1926) —
Николай II (Романов, 1868-1918)
Петлюра С. В. (1879-1926) —
Петровский Г. И. (1878-1958) -
Новгородцева К. Т./U876-1960) —
Пече Я. Я. (1881-1942) —
Ногин В. П. (1878-1924) —
Пилсудский Ю. (1867-1935) —
Нольде Б. Э. —
Пиндрик З., историк —
Носова А. —
Пинус, левый эсер —
Нуланс Ж. (1864-1939) —
Пишон С. (1857-1933) —
Плансон В. А. — 132
Оболенский В. В. — см. Осинский
Плеве В. К. (1846-1904) —
Подбельский В. Н. (1887-1920) -
Оборин А. —

Обухов Н. А. —
Подвойский Н. И. (1880-1948) -
Овечкин И. —
Овсеенко В. А. — см.
Антонов-Овсеенко—
Покровский Г. К. —
Огановский Н. П. —
Покровский М. Н. —
Окинчиц, левый эсер —
Окулова Г. И. (1878-1957) —
Полозов М. —
ОйчФ. В. —
Попов Д. И. (1892-1921) —
Ониашвили —
Оппоков Г. И. — см. Ломов Г. И.
Орджоникидзе Г. К. (1886-1937)
Порш Н. В. —
Орлов А. —
Поссони С., историк —
Орлов Б., историк —
Потресов А. Н. (1869-1934) —
Осинский Н. (Оболенский В, В.,1887-1938)
Преображенский Е. А. (1886-1937) —
Пржевальский, генерал —
Остапенко Е., проф. —
Прокопович С. —
Осипов А. —
Пронин, левый эсер —
Павлов, левый эсер —
Прохоров, левый эсер —
Павловский М. Н. (— 1963) —
Прошьян П. П. (1883-1918) —
ПайерФ. —
Пайк, полковник —
Парвус А. Л. (1869-1924) —
Пятаков Г. Л. (1890-1937) —
Першин П. Н., историк —
Равикович —
Пестковский С. С. (1882-1937) —
Раглс, военный атташе США в России —
Петере Я Х. (1886-1938) —

Радек К. Б. (Собельсон, 1885-1939) —
Рэнсом А. —
Рязанов Д. Б. (1870-1938) —
Радки О., историк — 95 294
Радомысльская Зинаида, жена Г. Е. Зиновьева —
Саблин Ю. (Г.) В. (1897-1937) -
Радославов В. (1854-1929) —
Разгон А. И. —
Савельев М. —
Ракитников Н. И. (1864 —) —
Савинков Б. В. (1879-1925) —
Ракитникова И. —
Раков Д. Ф. (1881 —) —
Сагирашвили Д. А. —
Раковский Х. Г. (1873-1941) —
Садовский А. Д. (1880-1927) —
Рамишвили М. —
Садуль Ж. (1881-1956) —
Раппопорт Ш. (Х.) —
Саммерс, генеральный консул США в Москве —
Раскольников Ф. Ф. (1892-1939) —
Самойло А. А. (1869-1963) —
Ратнер Е. М. (1886-1931) —
Сапир Д. —
Раух Г., историк —
Сапожников П. Ф. —
Рафес М. Г. —
Сафаров Г. И. —
Редерн З. —
Сафир — см. Блюмкин Я. Г.
Редерн, полковник —
Свердлов А. Я. —
Рейснер Л. М. (1895-1926) —
Свердлов Я. М. (185-1919) —
Рейснер М. А. —
Рицлер К. —
Робине Р. (1873-1954) —
Родионов, левый эсер —
Розенберг ф. —
Розенблюм — см. Фирсов
Розмирович Е. Ф. (1886-1953) —

Рожков Н. А. —
Свердлова К. Т. — см.
Новгородцева К. Т.
Романовы, династия —
Ромль, левый эсер —
Светлов, левый эсер —
Роцин (Гросман), анархист —
Севрюк А. —
Рубакин, эсер —
Семенов Ю. Ф. —
Рубинштейн Н., историк
Семковский С. Ю. —
Русанов Н. С. (1859-1939) —
Середа С. П. (1871-1933) —
173 Сивере Р. Ф. (1892-1918)—
Рыбин С. Ф. —
Сирота, левый эсер —
Рыков А. И. (1881-1938) —
Скалой В. Е. —
Скворцов-Степанов И. И. (1870-1928) —
Стасова Е. Д. (1873-1966) —
Склянский Э. М. (1892-1925) —
Сташков Р. Н. —
Скобелев М. И. (1885-1938) —
Стеклов Ю. М. (1873-1941) —
Скоропадский П. П. (1873-1945)
Степанов, левый эсер —
Столыпин П. А. (1862-1911) —
Смидович П. Г. (1874-1935) —
Стрижак А. Я. —
Смилга И. Т. (1892-1938) —
Струве П. Б. (1870-1944) —
Стуков И. Н. (1887-1937) —
Смирнов В. М. —
Стучка П. И. (1865-1932) —
Смолянский Г. Б. —
Собельсон К. Б. — см. Радек К. Б.
Соколов Б. Ф. —
Суварин Б. К. —
Соколова А. —
Судик —

Сокольников Г. Я. (1888-1939) —
Султан-Заде — см. Блюмкин Я. Г.
Суханов Н. Н. (1882-1940) —
Суханов, левый эсер —
Солженицын А. И., род. 1918 —
Сухарьков Г. Н. —
Сухомлин В. В. (1885-1963) —
Соллогуб, генерал —
Сучков — 504
Соломон Г. А. —
Таалат-паша, М. —
Сосновский Л. С. (1886-1937) —
Табаков —
Теодорович И. А. (1875-1937) —
Спиридонова М. А. (1884-1941) —
Тизенгаузен Э. П. —
Тихонов, левый эсер —
Ткаченко, министр внутренних дел Украины —
Тома А. (1878-1932) —
Томан Б. А., историк —
Спирин Л. М., историк —
Томсон, генерал —
Спиро В. Б. (1884-1918) —
Траутман —
Трейде, прокурор —
Трепалов, сотрудник ЧК —
Спунде А. П. (Спундэ, 1892-1962) —
Трилиссер М. А. (1883-1940) —
Сталин И. В. (1879-1953) —
Трофимовский, левый эсер —
Троцкий Л. Д. (1879-1940) —
Станкевич В. Б. (1884-1968) —
Фирсов (Розенблюм), эсер —
Фишман Я. М. —
Флеминг Д. Ф., историк —
Фомин В. В. (1884-1942) —
Фомин К. А. —
Фрейберг, левый эсер —
Френсис Д. —
Фурманов Д. А. (1891-1926) —
Фюрстенберг Я. С. — см. Ганецкий

ХарашЯ. А. —
Харитонов М. М. —
Хауз, полковник —
Трубачев, большевик —
Хаффнер С., историк —
Трутовский В. Е. —
Хильгер Г. —
Хрусталеv, сотрудник ЧК —
Турбин, левый эсер —
Хрущев Н. С. (1894-1971) —
Турло С. —
Церетели И. Г. (1881-1959) —
Тухачевский М. Н. (1893-1937) —
Тышка Ян (Иогихес Лео, 1867-1919) —
Цивин, эсер —
Циммерман А. (1859-1940) —
Уайзмен —
Циллиакус, финский социалист —
Угланов Н. А. (1886-1940) —
Цюрупа А. Д. (1870-1928) —
Улам А., историк —
Чан Кайши (1887-1975) —
Ульянов В. И. — см. Ленин В. И.
Чапрашников, болгарский посол
Уншлихт И. С. (1879-1938) —
Чариков — см. Чарыков
Уратадзе Г. И. —
Чарыков, сотрудник МИДа России
Урицкий М. С. (1873-1918) —
Чарский Е. — см. Ананьин Е.
Частное —
Череванин Ф. А. —
Черепанов Д. А. (— 1920) —
Устинов А. М. —
Чернин О. (1872-1932) —
Фабини, фельдмаршал —
Федоров Г. Ф. —
Федорович, левый эсер —
Фельдман, большевик —
Чернов В. М. (1873-1952) —
Фердинанд I Кобургский (1861-1948) —

Филиппов, левый эсер —
Чертовский, левый эсер —
Шмидт В. В. (1886-1940) —
Чижиков О. Л. —
Шнуровский, левый эсер —
Чимерик В. Ф. —
Шрейдер А. А., левый эсер —
Чистов Б. Н. —
Чичерин Г. В. (1872-1936) —
Шрейдер Г. И., эсер (1860-1940)
Штейнберг И. З. (1888 —) —
Чубарьян А. О., историк —
Чхеидзе Н. С. (1864-1926) —
Чхенкели А. И. (1874-1959) —
Штумм В. —
Шуберт В. —
Шапиро Л., историк —
Шюкинг В. —
Шатилов, полковник —
Щастный А. М. (— 1918) —
Шагов В. —
Шахрай В. М. —
Эбертф. (1894-1979) —
Швандт, ротмистр —
Эйхгорн Г. (— 1918) —
Швецов С. П. —
Шевердин, левый коммунист —
Эккерт —
Эрлих, меньшевик —
Шейдеман Ф. (1865-1939) —
Эрцберггер М. (1875-1921) —
Эссер, фельдмаршал —
Шейман, Шейкман, Шейнман — Юденич Н. Н. (1862-1933) —
Юдзентович В. М. —
Шейнкман Я. С. (1890-1919) —
Юренев К. К. (1888-1938) —
Шеленшкевич К. С. —
Ягода Г. Г. (1891-1938) —
Шильников, левый эсер —
Якобин, эсер —
Шиндель, левый эсер —

Яковлева В. Н. (1885-1944) —
Шифер, левый эсер —
Шишко, левый эсер —
Янейко Е. —
Шляпников А. Г. (1885-1937 или 1943) —

Примечания

1

Когда 1 августа 1914 года канцлера Германии Т. Бетмана-Гольвега, торопящегося с объявлением войны России, спросили, зачем, собственно, ему это нужно, канцлер ответил: «Иначе я не заполучу социал-демократов». «Он думал достигнуть этого, — комментирует в своих мемуарах Бернхард фон Бюлов, — заострив войну [...] против русского царизма». (Хвостов. История дипломатии, том II, с. 796.) И германские социал-демократы проголосовали в рейхстаге за предоставление правительству военных кредитов.

2

Русский солдат-гражданин во Франции (Париж). №211.9 июня 1918, с. 1. Передовица.

3

Партия, которой по существу руководил Брантинг, перед войной была сильнейшей партией в нижней палате шведского парламента. Она удержала свои позиции и на осенних выборах 1917 года. (АИГН, 61/5, с. 21.)

4

АИГН, 39/9, с. 5-6.

5

АИГН, 61/5, с. 21.

6

«Был ли он прав в своей трезвой до пессимизма оценке шансов

германской революции?» — спрашивал себя позже один из участников совещания с Брантингом П. Гарви и отвечал: «История показала, что истина лежала посредине. Русская революция свое влияние на германских рабочих и на германскую армию оказала. Но [...] лишь военное поражение развязало германскую революцию» (АИГН, 39/9, с. 5-6).

7

К 1920 году, после того как потерпела поражение германская революция, Ленин перестал делать из этого секрет. Вот что показал один из большевистских функционеров, беседовавший с Лениным в первой половине 1920 года:

«Хочет ли Ленин мировой революции. Да, к этому он стремится. Хочет ли Ленин власти Советов во всех странах. Нет, этого Ленин не хочет. [...] Ленин полагает, что мировая революция будет осуществлена не сейчас, а много позже. В настоящий момент советская Россия лишь расчищает путь для пришествия революции всемирной. [...] Все, кто по этим вопросам говорил с Лениным, в том числе Горький, утверждают, что Ленин давно уже стал пессимистически смотреть на возможность осуществления мировой социальной революции в ближайшее время. Всю советскую печать обошли [...] слова Ленина, сказанные им на одном из митингов: «В тот день, когда меня повесят...» Это было сказано тогда, когда Деникин приближался к Москве. Сомнения Ленина в возможности осуществления в ближайшее время. [...] Ленин постоянно жалуется на то, что нет работников и что его окружают мерзавцы и подлецы из «примазавшихся к коммунистической партии». Тяжелое хозяйственное положение России также не обещает ничего благоприятного в ближайшем будущем. Пессимизм и тяжелые условия жизни в России поставили перед группой друзей Ленина в прошлом году, когда были разбиты Колчак, Юденич и Деникин, вопрос о том, чтобы коммунисты ушли от власти. [...] Лучше заняться критикой и пропагандой своих идей для того, чтобы в нужный момент захватить власть не только в отсталой России, но и в капиталистических странах Запада. Однако эта точка зрения была отвергнута. Ленин определенно заявил: Мы должны делать все для того, чтобы определенно твердо остаться у власти. Каждый наш лишний день укрепляет нас и обеспечивает в будущем правду нашей партии перед правдами других социалистических партий. Чем продолжительнее будет наш опыт, тем легче будет доказать, что именно наш путь является более правильным и более коротким для достижения идеалов социализма. Мы должны какими бы то ни было путями и какой бы то ни было ценой добиваться длительности нашей власти. [...] Всякая передышка, говорит Ленин, усиливает советскую власть и во всяком случае

обеспечивает ей более длительный период существования. [...] Нет ничего, перед чем бы остановился Ленин для сохранения советской власти» (АИГ, кол. Голдера, ящик 21, л. 1-3).

8

С точки зрения революционеров самым страшным последствием этого первого компромисса могла быть «капитуляция» перед внутренней буржуазией: «Брестский мир, начав с капитуляции во вне, вынужден будет переходить к капитуляции внутренней, к сдаче социальных позиций октябрьской революции и внутри страны», — предупреждал И. З. Штейнберг (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 24). Такая капитуляция произошла не сколько позже, в 1921.году, когда советское правительство, не сумевшее осуществить мировую революцию, пошло на «передышку» с собственником и ввело НЭП.

9

АИГН, 510/24, с. 3.

10

Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 12.

11

Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 25.

12

Отчет господина Нассе. Против политики Брестского мира категорически выступил Либкнехт. Он считал, что без победы германской революции нельзя будет удержать советскую власть, а подписав сепаратный мир с Россией, германское правительство получит передышку, необходимую для стабилизации положения и облегчения взрывоопасной ситуации в Германии. Следует отметить, что публично Либкнехт не считал возможным резко критиковать руководителей русской революции — Ленина и Троцкого.

Это дало возможность Троцкому в «Моей жизни» привести достаточное количество цитат из опубликованных работ Либкнехта, указывающих, дескать, на то, что Либкнехт понимал и разделял позицию

советского правительства в германском (Брестском) вопросе [Троцкий. Моя жизнь, т. 2, с. 105 и др.]. Куда более показательны, однако, заметки Либкнехта о Брестском мире, не предназначенные к публикации. Нельзя не отметить, что некоторыми из этих цитат располагал Троцкий и они заимствованы из его архива. Тем не менее Троцкий не спешил использовать их на страницах своей автобиографии. Вот что писал Либкнехт:

«Германия — ключевой, высший пункт мировой революции. Победивший немецкий империализм после падения царизма станет оплотом мировой реакции. [...] Правительство Ленина-Троцкого 1917 года стоит перед тяжелой опасностью и искушением открыть немецким штыкам путь не только в Россию, не только против русской революции, но и против западной и южно-европейской демократии, прежде всего против итальянского народа, находящегося в начале революционного восстания. [...] «Брест-Литовск», то есть та мирная политика, которая привела к нему и обусловила дальнейшее, стала [...] спасительным деянием для немецкого империализма. [Брест-Литовский договор — это] комедия мира, которая должна послужить тому, чтобы дать [германскому] империализму необходимую передышку. Не английская и не французская, а именно немецкая революция — единственно возможное спасение для русской революции [...]. Немецкая революция — единственный выход.

Но революционизирующему воздействию русских событий противостоят противоположные воздействия: укрепление немецкого империализма, антиреволюционных сил и недоумение немецкого пролетариата по поводу двусмысленности отношения советского правительства к немецкому империализму. Так, Чичерин сказал об [убитом 6 июля 1918 г. германском после в России графе] Мирбахе: он умер за дело мира!!! Высылаются соболезнования по случаю смерти Эйхгорна (разве это не то же самое, что сочувствие по случаю смерти Плеве? Это уж просто уму непостижимо!) Немецкому правительству выражается благодарность за его содействие в русско-финляндских мирных переговорах.

Если немецкая революция не произойдет, альтернатива одна: гибель [русской] революции или позорная жизнь в обмане и показухе. Брестский мир был в действительности не чем иным, как капитуляцией русского революционного пролетариата перед немецким империализмом [...]. И теперь перед большевиками возникает как конечная станция их тернистого пути самое страшное: жутким привидением надвигается союз большевиков с Германией [...] [которая ставит перед собой следующие задачи:] 1. Посредством переговоров, а по возможности и заключением мира упрочить правительство Ленина-Троцкого в России, что бы использовать его до конца в интересах Центральных империй и против будущности революционной России. 2. [...] Использовать правительство

Ленина-Троцкого для военного упрочения Центральных империй против революционной будущности этих последних.

Перспективы и возможности революции в Германии уменьшаются с каждой победой и каждым укреплением немецкого милитаризма. Есть только одно решение трагедии, в которой оказалась Россия: восстание за спиной немецкого империализма, немецкое массовое восстание.» МИСИ, кол. Т. Либкнехта, п. 10. Заметки Т. Либкнехта. Пункт 90. Карл Либкнехт. Политические заметки из его наследия, с. 52-53; Письма «Спартаку». «Русская трагедия», с. 181-183; Письма Спартаку. «Условия мира», с. 192; АТ, Т-3742. Цитаты из не предназначенных к публикации записок Либкнехта.)

13

Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 60.

14

Немцы понимали это. Вот что доносил 13 (26) декабря 1917 года в МИД один из германских дипломатов: «Несомненно, в нынешнем русском правительстве есть силы, которые стараются всячески помешать тому, чтобы начавшиеся мирные переговоры закончились слишком быстро. Одна из причин — это желание не слишком обострять отношения с Антантой, вторая — надежда на революцию в Германии, которая может поставить вопрос о мире на более выгодную для большевиков основу. [...] Трудно сказать, насколько большевики действительно верят в эту возможность.

[...] Но даже здесь они могут принимать желаемое за действительное. Не следует забывать, что большевики часто провозглашали мир своей целью, однако не мир с буржуазными правительствами, заключенный путем переговоров, но путь разжигания революции в нашей стране, что тоже, естественно, приведет к миру» (Отчет господина Нассе).

15

АТ, Т-3742. «Если не явится немецкая революция, то останется альтернатива: революционная гибель или постыдная мнимая жизнь — на срок, предоставленный прусским империализмом [...]. Есть ли кто-либо, кто думает о втором исходе? Он должен был бы до конца миров стоять у позорного столба. Каин и Иуда плюнули бы на него» (там же).

16

МИСИ, кол. Красина. Письмо Л. Красиной, 18 мая 1919.

17

«Империализм центральных империй получает со стороны своих антиподов Ленина-Троцкого отнюдь не маловажную поддержку», — записал Либкнехт, а уже после подписания Брестского мира добавил: «Теперь не трудно выступать судьей над ошибками Ленина-Троцкого» (АТ, Т-3742).

18

Winfried Baumgart. *Deutsche Ostpolitik 1918-1926*, с. 62, 240. Радек в декабре 1917 года указал немцам, что Германия настаивает на мире на Востоке, так как «хочет начать крупное наступление на Западном фронте в феврале 1918 г. и разом освободить весь свой тыл» (Отчет господина Нассе).

19

Советская и западная историографии богаты трудами о Брестском мире. Однако вопрос о Брестском мире никогда не считался спорным: ленинская позиция всегда признавалась единственно правильной, в то время как позиция левых коммунистов объявлялась авантюристической, а позиция Троцкого — провокационной и предательской. При таком взгляде на проблему историкам до самого последнего времени только и оставалось, что затушевывать факт одиночества Ленина при голосовании по вопросу о мире в ЦК партии или в крупных партийных организациях (например, в Москве или Петрограде). Тем более избегали они указаний на то, что большинство партийного актива вплоть до подписания мирного договора поддерживало формулировку Троцкого «ни война, ни мир».

Германскую историографию, что естественно, больше интересовала немецкая сторона проблемы, например, планы и намерения германского верховного главнокомандования и германского МИДа при заключении Брестского мира, разногласия между МИДом и верховным главнокомандованием. Меньшее внимание поэтому уделяла западногерманская историография спорам о Брестском мире, разыгрывавшимся внутри большевистской партии или же, например, вопросу о взаимозависимости проблемы заключения Брестского мира и ноябрьской революции в Германии 1918 года.

На и без того сложную историческую проблему накладывались еще и политические моменты, связанные с негативным отношением к Троцкому вообще и его роли и позиции в брестских переговорах, в частности. По этой причине в настоящей работе позиции Троцкого, как наименее исследованной, будет уделено существенное внимание. В частности, будет подвергнута критическому анализу общепринятая на сегодня в историографии оценка формулы Троцкого «ни война, ни мир» и тех результатов, к которым привел разрыв Троцким переговоров в Бресте 11 февраля 1918 года.

20

Н. А. Угланов описывает в воспоминаниях настроение, с которым приехал в Петроград Ленин. 4 апреля 1917 года Ленин выступал на собрании объединенных социал-демократических групп. После доклада Ленина выступил Церетели и, повернувшись в сторону Ленина, сказал: «Как ни непримирим Владимир Ильич, но я уверен, что мы помиримся». Ленин встал и громко крикнул: «Никогда». Затем выступил И. П. Гольденберг (Мешковский). В какой-то момент во время речи он ударил кулаком по трибуне и крикнул: «Я утверждаю, что царивший тридцать лет мир среди демократии сегодня здесь нарушен и здесь сегодня Лениным водружено знамя гражданской войны». Ленин снова встал и крикнул: «Верно, правильно». На собрании в 700 человек почти все ораторы выступали против Ленина (в защиту доклада которого выступила только Коллонтай). А когда меньшевики предложили создать организационное бюро по подготовке созыва съезда партии, большевики заявили, что участвовать в нем не будут. «Поднялся шум, — пишет Угланов, — раздались крики по нашему адресу: раскольники, узурпаторы, демагоги и т. д. Идя домой с собрания, некоторые мои друзья говорили — а все-таки Старик [Ленин] завернул через край. Ясности по всем вопросам у меня тоже не было, но чувствовал я, что приехал решительный человек». (Воспоминания Углanova, с. 192). После этого трудно согласиться с тем, что Ленин был принужден к курсу на однопартийную диктатуру под давлением внешних обстоятельств.

21

На Третьем Всероссийском съезде ПСР при выборе ЦК было заявлено три списка делегатов: правый, центр и левый. Левые выдвинули в ЦК Натансона, Спиридонову, Биценко, Чернова, Ракитникова, Русанова, Гоца, Архангельского, Герштейна, Лункевича, Когана-Бернштейна, Веденяпина,

Е. Ратнер, Фирсова (Розенблюма), Гендельмана, Затонского, Ракова и Берга. Только первые трое вошли затем в руководство партии левых эсеров.

22

Камков. Две тактики, с. 11.

23

Подтверждением этому служит, например, тот факт, что левые эсеры, отколовшись от ПСР и даже создав собственную партию, ни в чем не изменили эсеровской программе. «Надо идти за жизнью, — указывал на Первом съезде ПЛСР делегат Данилькевич. — [...] Если бы мы стали тут выработать программу партии, то это у нас заняло бы массу времени, а время не терпит, нужна работа на местах. Мы должны отправляться на места и там строить партию [...]. Мое предложение сводится к тому, чтобы здесь не изобретать никакой программы, ограничиться старой, уехать на места, и там жизнь покажет, какие изменения внести в эту программу». (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 32.).

24

Для иллюстрации происходящего можно привести выдержки из одного обширного документа — протокола «Объединенного заседания Ростово-Нахичеванского на Дону Совета рабочих депутатов, фабрично-заводских комитетов и правлений профессиональных союзов», созванного 15 (28) февраля 1918 года:

«Я. И. Коломейцев предлагает включить в порядок дня вопрос о снятии военного положения [...]. Представитель от комитета рабочих из Донских гирл говорит, что в порту арестовывают рабочих, что жизнь их в опасности [...] они не могут нормально работать [...] Б. С. Васильев заявляет, что в данный момент есть нечто поважнее хлеба — нужно в первую очередь говорить об ужасах, творящихся в городе, о непрекращающихся расстрелах и о спасении человеческих жизней. Предложение это вызывает замешательство среди членов военно-революционного комитета. После совещания слово получает Антонов [Овсеенко], начальник Красной гвардии. В короткой речи он рассказывает [...] [что] в тех организованных расстрелах, которые производятся до сих пор, военно-революционный комитет неповинен. Их производят по приказу штаба Сиверса [...]. Все арестованные, находящиеся в военно-революционном комитете и Красной гвардии, надежно охраняются и оттуда никто выведен [на расстрел] не был

[...]. Вторым докладчиком выступает Частнов — по продовольственному вопросу. Положение в городе — по мнению докладчика — катастрофическое. [...] Никаких запасов [...] нет. (...) Транспорт совершенно расстроен. Еще хуже на рудниках и в Донецком округе — оттуда приезжают делегаты и умоляют спасти их от голода. Угля в Ростове также нет, так как подвоз его также прекратился [...]. Равикович — секретарь военно-революционного комитета [говорит, что] [...] сейчас у нас в городе царит двоевластие. Штаб Сиверса [...] [и] военные комиссары Антонов, Войцеховский, объявившие себя высшей и неограниченной властью в городе. Эти гастролеры приехали из Харькова и мешают всей нашей работе. [...] Нам объявили, что вводится цензура для всей печати — в том числе и для Известий военно-революционного комитета. Мы заявили категорический протест, на что последовало разъяснение, что [...] в случае сопротивления нас будут арестовывать! [...] Тогда мы обратились к тов. Антонову. «Власть принадлежит Совету, — заявил нам Антонов, — но только Совету революционному, а ваш Совет никуда не годится и я его разгоню!» После долгих убеждений Антонов согласился, что этого делать не следует, но что пока будет военное положение — будет и диктатура Войцеховского [...]. Степанов (левый эсер), заявляет, что ему и его товарищам по комитету обидно слышать упреки, что их руки в крови [...]. Да, германцы идут на Россию, но это идут империалисты, и их движение вызовет революцию в Германии и пожар во всей Европе. Я верю, товарищи, еще не все пропало. [...] Войцеховский. Не для конфликтов с товарищами большевиками шел я сюда в Ростов [...]. Но я заявляю, что мы не остановимся перед репрессиями по отношению к тем Советам, которые станут на нашей дороге [...]. Собрание расходится при общем подавленном настроении» (АИГН, 6/3).

Примечания

1

Так, в резолюции Третьего съезда партии эсеров в мае 1917 года указывалось, ПСР «категорически отвергает сепаратный мир и сепаратное перемирие, как в корне противоречащее методам интернационального действия». (Резолюции, принятые на 3-м съезде ПСР, с. 11.) Эту точку зрения можно считать общей.

2

Применительно к Ленину трудно говорить о тех или иных симпатиях —

слишком был он подчинен собственным сверхчеловеческим идеям. Но какая-то симпатия к Германии у Ленина была. А. А. Иоффе вспоминает, что Ленин любил «говорить по-немецки и часто переходил на этот язык, хотя и отдельными фразами только». (Бакинский рабочий, № 233, 12 октября 1927; Из воспоминаний Иоффе, с. 203.) Троцкий в «Моей жизни» также вспоминает, что Ленин иногда переходил на немецкий и вставлял немецкие слова (Троцкий. Моя жизнь, т. 2, с. 59).

3

Статья Бернштейна вызвала протесты германских коммунистов, обвинивших его в клевете и потребовавших официального ответа у МИДа по вопросу о финансировании Германией ленинской группы. МИД по существу ушел от ответа. Тогда Бернштейн опубликовал вторую статью — «Немецкие миллионы Ленина»:

«На запрос правительству коммуниста В. Дювеля относительно выдвинутого мною утверждения о выдаче Ленину и его товарищам 50 миллионов марок министерство иностранных дел дало именно тот ответ, какой предполагала расплывчатая формулировка вопроса. МИД заявил, что в его документах нет никаких указаний на то, что МИД дал согласие на поддержку Ленина и его товарищей немецкими военными властями.

Если бы [коммунистическая] газета «Роте Фане» была заинтересована в том, чтобы выяснить правду, а не осыпать меня ругательствами, она бы на это возразила министерству, что в его ответе обойдена суть [...]. Этот ответ отрицает то, чего я не утверждал, зато тщательно обходит всякое высказывание о том, соответствует ли действительности или нет сказанное мною [...]. В ответе даже не сказано, что министерству ничего не известно об этом деле. В ответе лишь говорится, что в документах МИД на эту тему ничего нет. Но на войне происходит множество событий, которые никоим образом не отражаются в документах правительственных учреждений. [..] Не разделяя приверженности «Роте Фане» к судам, я более всего желал бы представить этот случай на рассмотрение международного следственного комитета, составленного исключительно из социалистов. Но поскольку создание такого комитета — дело чрезвычайно трудное и может занять еще много месяцев, [...] я решил выбрать другой путь. Сразу после нового собрания рейхстага я обращаюсь к нему с запросом передать это дело, с целью ускоренного рассмотрения, второму подкомитету комитета по расследованию возникновения войны [...].»

Не удовлетворившись статьей, Бернштейн опубликовал еще и заявление:

«В коммунистических и националистических газетах выдвигается

утверждение, будто мои данные о крупных суммах, которые Ленин и товарищи получили в 1917 году из средств кайзерской Германии на деятельность в России, базируются исключительно на публикациях правительств Антанты [...]. Это утверждение высосано из пальца. Данные публикации прессы Антанты и Вашингтонского информационного агентства появились летом 1917 года, я же, как я писал в своей первой статье по этому вопросу, получил информацию об этом в конце 1917-го. Добавлю, что эта информация исходила от немцев [...]. Но так как тогда я не узнал точных данных о размере суммы, я ограничился тем, что поставил в известность об этом лишь близких своих друзей-единомышленников, не считая эту информацию достаточной, чтобы довести ее до публичного сведения. Публикации документов Антанты [так называемые Сиссоновские документы] не заставили меня изменить этой точки зрения. Все время войны я придерживался принципа, что не могу использовать для атаки такие обвинения прессы Антанты, если только их подлинность не может быть установлена вне всяких сомнений. И лишь когда совсем недавно некий чрезвычайно осведомленный и заслуживающий доверия немец подтвердил то, что стало мне известно в конце 1917 года, и к тому же уточнил размер сумм, я счел своим долгом довести дело до сведения общественности и особенно социалистического Интернационала. [...] Пока же я ограничусь заявлением, что я не для того обнаружил это дело, чтобы его снова замолчали или направили бы по ложному пути. Вопрос должен быть сформулирован гораздо более определенно, более прямо».

Однако Бернштейн затронул проблему, в обсуждении которой было не заинтересовано слишком много людей, прежде всего в правительственных кругах Германии. Не были заинтересованы в огласке и германские социалисты. Не приходится удивляться, что так всех заинтриговавший вопрос остался безответным, а Бернштейн, равно как и немецкие коммунисты, предпочел не настаивать на создании комиссии расследования вопроса о германских золотых марках.

4

АИГН, 786/6. На эту запись указывал Николаевский в одном из своих писем Бурцеву: «Рассказ его записан и хранится» (АИГН, 475/8. Б.И. Николаевский [далее: БИН]. — В.Л. Бурцеву [далее: ВЛБ], 6 июня 1931, с. 1).

5

Сиссоновские документы, изданные в Вашингтоне в 1919 году на

английском языке, содержали документы, обличающие связи большевиков и немцев. Очевидно, однако, что, достоверные в своей основе, документы были «подредактированы» заинтересованными лицами, гнавшимися за политической сенсацией. Историкам не слишком трудно было доказать, что ряд документов носит отчетливые следы фабрикации; и вся публикация в целом была объявлена фальшивкой. На немецком языке Сиссоновские документы также были изданы-с критическим их разбором и предисловием Ф. Шейдемана. Брошюра эта представляет библиографическую редкость. Анализ Сиссоновских документов, равно как и историографии, их изучающей, см. в опубл. на англ, статьях Д. Кеннана и Елены Стоун.

6

АИГН, 475/8. БИН-ВЛБ, 6 июня 1931, с. 1.

7

«Простите меня, Владимир Львович, — писал Николаевский Бурцеву в письме от 6 июня 1931, — неужели Вы думаете, что Ваша эта работа может быть принята к изданию каким-либо немецким социал-демократическим издательством? Ведь это абсолютно невозможная вещь. Ведь Вы, наверное, знаете, что в 1920 г. Э. Бернштейн получил некоторые материалы относительно отношений в годы войны между немецким штабом и большевиками и начал было их публиковать [...], но ему пришлось это дело приостановить и он до сих пор к нему не возвращается» (АИГН, 475/8. БИН — ВЛБ, 6 июня 1931, с.1).

8

АИГН, 475/8. ВЛБ — БИН, 10 июня 1931, с. 2.

9

Земан. Германия и революция в России; Германия; Хальвег. Возвращение Ленина в Россию.

10

Моор был связан с Воровским, «который опасался Парвуса как слишком скомпрометированного», — пишет Михаил Наумович Павловский (АИГН, 496/3. БИН — М.Н. Павловскому [далее: МНП], 3 января 1962, с.

3).

11

АИГН, 496/3. БИН — МНП, 3 января 1962, с. 3.

12

О сотрудничестве Рубакина с германским правительством во время первой мировой войны в коллекции Николаевского имеется подробнейшее письмо Павловского (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 26 ноября 1962). В числе прочих революционеров немцы пробовали вербовать и анархистов, в частности Роцина (Гросмана), но тот отказался [см. АИГ, кол. Охрана, индекс VНЬ, папка 14. Донесение директору департамента полиции. Париж, 27 января (9 февраля) 1915. № 172, 1л.].

13

«Вкратце мой вывод, — продолжал Николаевский, — исключительно для Вас лично: Ганецкий был связан с немцами или австрийцами еще с 1910-11 гг., и переезд Ленина в Краков, произведенный при помощи Ганецкого, стоял в связи с новой политикой австро-немецких властей. Возможно, что как-то к этому был причастен и Пилсудский, который около этого времени установил такую связь. (О. Бауэр рассказывал, как он в 1910-11 г.г. разговаривал с Пилсудским). Думаю, раскол в польской с.-д. (Главное правление против Варшавы) вырос в конечном счете на этой почве (Роза Люксембург была решительно против какого-либо терпимого отношения к таким связям). Ленин, думаю, уже тогда знал (не мог не догадываться) и пользовался этими «благоприятными возможностями». (МИСИ, кол. Суварина [далее: БКС], БИН — БКС, 11 апреля 1957, 1 л.)

14

«Конечно, брал не он [Ленин] сам, но он знал, что это были деньги немецкие и давал согласие. Больше того, я теперь считаю, что Ганецкий был связан с австрийцами уже с 1911 -12 г. и что переезд Ленина в Галицию был организован с ведома австро-немецких властей [...]. [Я прихожу к выводу,] что раскол в польской с.-д. имел те же корни (Роза [Люксембург] была против «ориентации»). Больше того: я прихожу к убеждению, что деньги, на которые летом 1904 г. было основано первое большое издательство («Бонч и Ленин»), были японские и что тогдашний

«примиренческий» ЦК знал, что делал, запретив Бончу посылать литературу «японскому правительству» (это была действительная причина, почему партийная экспедиция была тогда отобрана от Бонча)». (МИСИ, кол. Суварина, БИН — БКС, 6 декабря 1957, 1 л.)

15

АИГН, 502/21. БИН — БКС, 4 мая 1962, 1 л.; МИСИ, то же письмо.

16

«14 февраля я отправил в «Возрождение» [...] опровержение инсинуаций и клеветы, возведенных на ряд лиц и, в частности, на меня [...]. Содержание его таково: «В печати появился документ из германского архива, в котором говорится, что некий Цивин Вейс, будучи членом партии социалистов-революционеров и находясь, по его словам, «в наилучших отношениях с [...] Черновым и Бобровым [М.Натансоном]» получал значительные суммы от австрийского, а потом немецкого правительства для революционной и пацифистской пропаганды в России и среди русских военнопленных. [...] Непосредственно за этим следует: «Секретарем Чернова, если мы не ошибаемся, был тогда М. Вишняк. Неужели он не знал о предательстве социал-революционеров?» (Вишняк. Клеветническому «Возрождению»).

17

В источниках имеется некоторое расхождение. Николаевский считает, что Цивин стал работать на немцев с сентября 1916 года (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 26 ноября 1962, с. 4). Английский историк С. Поссопи придерживается мнения, что Цивин стал сотрудничать с немцами с середины 1916 года (АИГН, 614/7. С. Поссопи — Р. А. Абрамовичу [далее: РАА], 24 мая 1958, 1 л. На английском языке). О сотрудничестве Цивина с немцами смотри фотостаты документов на немецком и письма (АИГН, папка 614). Письма включают следующие: РАА — Д. Р. Голдштейну [далее: ДРГ], 30 апреля 1958, 3 л.; РАА — Поссопи, 5 мая 1958, 1 л.; ДРГ — РАА, 16 мая 1958, из Флоренции, рукопись (6 л.) и машинописная копия (3 л.), где рассказывается о том, что Цивин во время войны жил в Швейцарии и имел большие деньги, а когда заподозрившие Цивина революционеры устроили ему очную ставку с Натансоном и несколькими другими лицами, Цивин указал, что Чернов точно знает о происхождении денег и отчитываться перед собравшимися не стал; тот же источник указывает, что

Цивин получал 25000 швейцарских франков (по другим источникам — 25000 марок) в месяц — большие по тем временам деньги, и что, видимо, часть этих денег шла партии; РАА — ДРГ, 4 июня 1958, 3 л., с анализом отношений между Цивиным и Черновым; ДРГ — РАА, 10 июня 1958, 1 л.; РАА — МНП, 3 февраля 1959, 5 с.; МНП — РАА, 2 мая 1959, 4 л.; РАА — ДРГ, 15 июля 1958, 1 л. где Абрамович указывает причины, по которым важно установить детали относительно сотрудничества Цивина с австрийским и германским правительствами: «Биография Цивина является «ключевым» вопросом по отношению к проблеме германских денег для эсеров. Во всех документах, которые до сих пор были опубликованы, фигурирует Цивин и только один Цивин [...]. В то время как о большевиках имеется очень много материала и открытого и полужаконспирированного, который надо расшифровать, об эсерах нет ни одного другого документа, кроме Цивина. Если бы удалось убедительно показать, что Цивин был прежде всего авантюрист [...], то миф о Цивине был бы окончательно разбит, а факт расследования, произведенный Натансоном в момент, когда у него появились подозрения относительно Цивина, являлся бы моральной реабилитацией и Натансона и, я думаю, Чернова».

18

«Он хотя и был в Берне (играл первостепенную роль в швейцарском социал-демократическом движении, умный, способный и начитанный социалист), — писала Балабанова Николаевскому, — но был немецкого происхождения, и я не исключала возможности, что он был или старался быть посредником. Хотя я принимала деятельное участие в комитете, который хлопотал о возможности вернуться в Россию эмигрантам, большевики от меня скрыли предпринятые ими шаги — поездки в Берн для хлопот и т. п., а когда я накануне их окончательного отъезда в Россию увидела, что они собираются в Берн, Зина, тогдашняя жена Зиновьева, дала мне понять, что мое вмешательство не желательно (не входя, конечно, в подробности). Когда я приехала в Стокгольм, я застала там Моора. С ним была одна дама, жена швейцарского социалиста [Роб. Гримма], которая принимала деятельное участие во всех его деяниях, т. е. они были неразлучны, она присоединялась к нему в беседах, спорах и т. п. Несмотря на мою тогдашнюю наивность, во мне вызвал подозрение их образ жизни, т. е. их затраты, совершенно необычные для швейцарцев. У них я никогда не была, но они заходили ко мне. Когда они однажды сделали мне подарок, насколько помню часы, я тотчас же подарила им что-то, не помню, большей ценностью, чем их подарок. Таким образом я отняла у них охоту продолжать. [...] У меня с ним было довольно резкое столкновение, я

отказалась принять от него взнос на Циммервальдское движение. Он принес мне 1000 шведских крон, что для тех времен было колоссальной суммой, в особенности для циммервальдского бюджета. Моор очень рассердился на меня, грозил привлечь к партийному суду и был даже груб по отношению ко мне. Точно так же он реагировал, когда (не помню по какому поводу) сказала, что если бы хоть самый крупный успех деятельности в пользу мира зависел от каких бы то ни было сношений с посольством, я бы на них не согласилась. Он перестал со мной встречаться.» Балабанова коснулась и других большевиков, так или иначе упомянутых в документах Земана: «Что он [Моор] имел сношения с Радеком не доказывает, что Радек был его сообщником (хотя я, конечно, считаю Радека способным на сообщничество; когда Парвус приехал в Стокгольм я отказалась встречаться с ним и запретила Радеку приходить с ним в циммервальдское бюро, находившееся на моей квартире. Что касается Ганецкого, то я хотя имела с ним сношения на Циммервальдской конференции, но принципиально отказывалась бывать у него (он с семьей жил в роскошной квартире, куда по воскресеньям приезжали гости, в частности Радек). Что касается Воровского, то я полагаю, что он, несмотря на свою личную честность, способен был прибегать к большевистским методам для достижения фракционных результатов. Меня эта двойственность поражала, так как у меня с ним лично были хорошие отношения.» (АИГН, 292/2. А. Балабанова — БИН, 19 марта 1962).

Карл Моор играл особую роль в большевистско-германских связях. Работая под кличкой «Баер», он был посредником между большевиками и германским правительством в самые критические годы их совместной работы. Не удивительно, что личность Моора привлекла внимание Николаевского: «Карл Моор — псевдоним. Настоящую фамилию я сейчас припомнить не могу. Он был из Австрии, принадлежал к какой-то аристократической фамилии, кажется, был военным. У него вышла грязная история, и он был вынужден уехать в Швейцарию, переменял фамилию и стал называть себя социалистом. Его история была известна и к нему относились с недоверием. Уже в 1880-90-х г.г. говорили об его связи с немецкой военной разведкой. Это верно. [...] Был хорошо знаком с Радеком, Ганецким. Потом поехал в советскую Россию, где и осел. Жил в санатории, как человек, «помогавший революции». Там и умер. Его имя фигурирует в «Протоколах ЦК» большевиков за 1917 г., как человека, который предложил деньги. Принять их большевики отказались: был слишком запачканной личностью и денег давал мало, а большевики тогда получали много через Парвуса-Ганецкого.» (АИГН, 496/14. БИН — г-же Агнеш Петерсон, 7 ноября 1962, 1 л.) См. также АИГН, 496/3. БИН — МНП, 24 марта 1962, 1 л.

19

«Основные сношения шли по линии штаба, но какие-либо добавочные могли идти по линии министерства иностранных дел», — писал Николаевский Павловскому в письме от 21 октября 1961 года о документах, касающихся «денег» в архивах Австрии. (АИГН, 496/3. Письмо от 21 октября 1961, 1 л.)

20

Чернин. Брест-Литовск.

21

Сегодня не может быть двух мнений о том, что Ганецкий был одной из ключевых фигур в сношениях Ленина с германским и австро-венгерским правительствами. Павловский, много лет занимавшийся сбором документов о финансировании русских революционеров в архивах австрийского (в 1938 году в Вене) и германского правительств, а с 1958 года просмотревший не менее 10.000 документов и отснявший копии 600 самых важных, неопубликованных (в том числе примерно 100 документов об эсере Цивине), пришел именно к этому выводу. Так, в августе 1961 года Павловский обнаружил «документ (телеграмму от 24 июля 1917) за его [Ганецкого] подписью, переданную из Берлина (вернее — через Берлин, так как все посольства между собой сносились через министерство иностранных дел) в Берн шифром германского министерства иностранных дел, за подписью пом. статс-секретаря Штумма». (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 4 октября 1961, с. 1.)

Этому документу Павловский придавал первостепенное значение, поскольку, по его мнению, он «устанавливает не только связь большевиков (заграничной делегации большевиков в 1917 г.) с Парвусом, но и с германским правительством, так как через министерство иностранных дел дипломатическим шифром за подписью пом. статс-секретаря Штумма, делегация эта послала телеграмму Парвусу в Берн и вторую лично от «Кубы» (псевдоним Ганецкого).» (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 31 октября 1961).

Первостепенное значение Ганецкому отводил и Николаевский: «Основные сношения [с Австро-Венгрией] шли по линии штаба, но какие-либо добавочные могли идти по линии министерства иностранных дел. [...] Важен период 1909-14 г.г., — позднее связи с большевиками были

сосредоточены в руках немцев. [...] Ганецкий, конечно, узловая фигура и для Ленина, и для раскола среди польских с.-д., который прошел именно по этой линии: Ганецкий — «австрийская ориентация», Роза Люксембург, Тышка, Дзержинский и др. противники. Роза была особенно против всевозможных ориентации, и еще в 1904 г. предупреждала о «японских деньгах» у Циллиакуса (финна), который созывал так называемую Парижскую конференцию революционных и оппозиционных организаций (Струве, Милюков, Чернов и др.), и именно поэтому социал-демократы не пошли на участие в ней. Ганецкий сначала был связан с пилсудчиками, а затем, с 1915 г., с Парвусом. Между прочим в Копенгагене был суд над Ганецким за контрабанду, — во время следствия были вскрыты его отношения с Парвусом. Эти документы сохранились и недавно найдены. [...] Не попадались ли Вам какие-либо сведения о Карле Мооре, швейцарском социалисте, который играл роль маклера в таких делах.» (АИГН, 496/3. БИН — МНП, 21 октября 1961, с. 1.)

22

АИГН, 508/48. БИН — Р. (Георгию Иосифовичу) Враге, 18 июня 1960, 1 л.

23

Николаевский продолжает: «Конечно, Вы правы, когда пишете о Радеке и Уншлихте. Очень похоже, что Роза Люксембург знала про австрийскую авантюру Пилсудского и о связях этой группы с кампанией [компанией] Ганецкого, и что весь раскол Розы-Тышки-Варского с «разломовцами» был вызван этим расхождением.

Австрийцы знали об отношениях Пилсудского с австрийским штабом и О. Бауэр, по его рассказу, в 1911 или 1912 г. сказал Пилсудскому, когда тот явился в правление австрийских социал-демократов: «Я понимаю, что Вы, как польский социалист, можете хотеть поддерживать дружеские сношения с социалистами австрийскими; я могу допустить, что Вы, как польский националист, можете считать нужным поддерживать сношения с австрийским штабом,— но я не понимаю, как Вы не видите, что поддерживать сношения одновременно и с австрийскими социалистами, и с австрийским штабом невозможно». Это сам Бауэр рассказал [Ф.] Дану, со слов которого я тогда же (1925) записал.

Австрийские социалисты вообще были о многом осведомлены и принимали меры, чтобы самим не быть замешанными, но выступать с разоблачениями не считали нужным. Был ли Ганецкий лично связан с

Пилсудским? Радек и Унцлихт тогда, после 1906 г., были еще на третьих ролях, но Ганецкий был главным по тайным связям польских социал-демократов и именно он сносился от польских социал-демократов с Лениным.» [АИГН, 508/48. БИН — Враге, 15 июля 1960, 1 л.]

24

«Как и Вы, я отношусь скептически к идее, что без немцев революция не случилась бы, — писал меньшевик Абрамович меньшевику Н. В. Валентинову-Вольскому. — Но я не совсем уверен в том, что без получения очень больших денег большевистская партия приобрела бы так быстро такую огромную силу. Деньги не все, но презирать деньги нельзя; на них был построен огромный аппарат, огромная печать, которую другим путем нельзя было бы так легко создать. Что же касается самого факта получения денег, то в отличие от Вас я уверен, и имею основания для этого, что Ленин деньги получал и не малые. Имеется документ, [...] что немцы печатали прокламации для большевиков в типографии морского ведомства и затем пересылали их в Стокгольм, где они передавались большевистским представителям. Кроме того, имеется документ, который очень трудно оспорить — доклад министра иностранных дел фон Кюльмана кайзеру Вильгельму от 3 декабря 1917 года, в котором он гордится тем, что денежная помощь большевикам дала очень большие результаты, дав возможность большевикам создать крепкую базу и издавать такую полезную газету, как «Правда». Причем, зная немножко внутрибольшевистские нравы на основании моих личных наблюдений до революции, я убежден, что в большевистской партии ни один человек не принял бы ни одного пфеннига без ведома и согласия Ленина. Даже в подготовке экспроприации Ленин часто участвовал лично, давая советы и указания. Вы, по-видимому, все еще идеализируете Владимира Ильича. Это был стопроцентный макиавеллист, для которого все, решительно все освещалось целью». [АИГН, 591/14. РАА — Н.В. Валентинову-Вольскому (далее:НВВ), 4 февраля 1958, 2л.; АИГ, кол. Вольского, ящик 3, папка Переписка с Абрамовичем, то же письмо].

В ином тоне свидетельствует Троцкий: «Если бы plombированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции — не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля — не было бы на свете. [...] Авторитетная, руководящая группа большевиков, вернее сказать, целый слой партии, вместо неистово наступательной политики Ленина, навязала бы партии политики постольку,

поскольку» (Троцкий. Портреты революционеров, с. 45).

25

АИГН, 496/3. МНП -БИН, 7 мая 1962, с. 1-2. Утверждение Бурцева о том, что горьковская газета «Новая жизнь» была создана на немецкие деньги, следует считать вымыслом. То же относится и к небольшому эмигрантскому журналу «На чужбине», издававшемуся с 1916 до 5 марта 1917 го да. Более успешными, видимо, следует считать операцию немецкой контрразведки по воспроизведению большевистской литературы внутри России — в типографии Морского министерства (АИГН, 496/3. МНП — БИН, 22 января 1963, с. 2).

26

30 сентября 1915года по н. ст. через эстонского социал-демократа Кескюлу немцы получили условия, на которых Ленин соглашался подписать с германским правительством мир в случае прихода к власти. Пятый пункт условий предусматривал предложение мира, не принимая во внимание Францию, но на условии, что Германия откажется от аннексий и военных репараций. По пункту 5 Кескюла заметил, что это условие не будет исключать возможности отделения от России национальных государств, которые будут служить буферными (Земан. Германия и революция в России, док. от 30 сентября 1915).

27

Гофман. Записки и дневники, с. 101.

28

Анекдотичный случай. Межпартийный швейцарский эвакуационный комитет по возвращению революционеров в Россию указал в своих инструкциях, что «никто не должен брать съестных припасов, ибо для вывоза их из Швейцарии требуется специальное разрешение, которое будет взято для всех ЦК-м». Ленин не послушался даже в этом, и его группа взяла с собой собственные продукты, которые, однако, были конфискованы на швейцарской границе (АИГН, 90/7).

29

Совпадение целей германского правительства и русских революционеров шокировало многих уже в первые послереволюционные месяцы, когда стала очевидна поддержка Германией большевиков. Генерал Леонтьев, бывший командир Выборгского полка, обратился даже к германскому императору Вильгельму с открытым письмом: «Когда наряду с войной наступили в России революционные события, кто как ни Ваши опытные и искусные агенты, воспользовавшись благоприятной обстановкой, внесли из мену и смуту в русскую среду. [...] Ленин, Троцкий и их товарищи оказались признанными Вами законными правителями великой страны. [...] Казалось, что могли Вы иметь общего с этими преступными людьми! Но общего было много, так как именно эти люди, во главе с Лениным, и были Ваши агенты, купленные или поддерживаемые Вашими деньгами. Делая свое злое дело, они лишь исполняли Вашу волю, и Вы не могли их не признать и не обеспечить Вашей помощью! [...] Вам важно было добиться одного — уничтожения русской армии и общего ослабления России, и в этом отношении большевики оказались для Вас верными слугами.

[...] Русская армия перестала существовать, а вместе с нею раз валилось и русское государство. [...] Вам нужно, чтобы Россия сделалась Вашим пособником, помогла Вам раздавить своих не давних друзей и союзников. [...] Социалисты-революционеры, кадеты и монархисты в общей массе против Вас. Выдумаете найти опору в аристократии [...], но везде Вас ждет резкий отказ, и даже немка по происхождению сестра Императрицы Великая княгиня Елизавета Федоровна отказывается принять посла Мирбаха, после чего немедленно и арестовывается большевиками». (АИГН, 784/6, с. 3, 4, 5.)

30

«Лично я ничего не знал о перевозке Ленина, — вспоминал позднее генерал М. Гофман. — Но если бы меня об этом спросили, то я вряд ли стал бы делать какие-либо возражения против этого, потому что в то время ни один человек не мог предвидеть, какие несчастные последствия должно было иметь выступление этих людей для России и всей Европы» (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 148).

31

Ставшая поистине легендарной личность Парвуса привлекла с тех пор внимание многих историков и мемуаристов. Мы приведем здесь отрывок лишь из одного такого воспоминания, принадлежащего меньшевику Е.

Ананьину (Царскому), человеку, безусловно осведомленному и неглупому: «В 1905 г. он побывал в России и принимал участие в меньшевистской газете «Начало» (вместе с Потресовым и Мартыновым), был автором крылатой формулы «перманентная революция», узурпированной и пущенной в оборот его «учеником» Троцким. [До войны] в Берлине он жил законспирированный под именем, если не ошибаюсь, чешского гражданина Ваверка. [...] В ту пору его посещало большинство русских эмигрантов, из которых я припоминаю А. Коллонтай, Урицкого, поляка Барского. Тут следовало бы упомянуть еще какую-то темную историю с деньгами Троцкого, в которую Парвус был замешан и из которой он вышел «сухим из воды», благодаря вмешательству Бебеля. [...] Повернул он фронт в 1914 г., после объявления войны [...] занял очень правую германофильскую и шовинистическую позицию. [...] Основал в Копенгагене институт по изучению войны (в котором [из меньшевиков] работали Г. О. Биншток, Ю. Ларин и др.). Ходили слухи [...] об организации им германского шпионажа (или контршпионажа) в Черном море. В 1920 г. я был у него на его вилле [...] на Цюрихском озере [...]. [Парвус] много говорил о бессмысленной большевистской системе, приведшей Россию к анархии и хаосу — ибо по его словам, Ленин и Ко. не последовали его совету действовать с «разумной постепенностью» и вводить социализм «по этапам, маленькими дозами» (Ананьин-Чарский. По поводу статьи А. Жерби).

32

В декабре 1915 года Гельфанд указал, что для организации русской революции нужно около 20 миллионов рублей. Миллион он потребовал сразу же и, видимо, получил. По крайней мере в Гуверовском архиве хранится документ — фотография расписки Парвуса: «29 декабря 1915 года мною получен миллион рублей в русских банкнотах для усиления революционного движения в России от германского уполномоченного [слово неразборчиво] в Копенгагене. Д-р А. Гельфанд (подпись).» (АИГ, Гельфанд Александр 78086-10. V, 1 л.)

33

Извечный спор историков: Ленин и идеи, Ленин и деньги, Ленин и власть. «В Вашем изображении, — писал Валентинов Николаевскому, — [...] Ленин перестает быть Лениным, человеком, о котором правильно говорили: не он владеет идеями, а идеи им. У Вашего Ленина не идеи, а только желание наложить лапу на «секретные капиталы». А для чего ему это нужно? Чтобы держать с помощью денег партию в подчинении. Но для

чего ему нужно это подчинение? Чтобы партия шла по пути, им указанном, осуществляя идеи, им указанные. Но если это так, а это вне сомнения, то ведь главное у Ленина идеи, а не деньги. [АИГН, 508/2. НВВ — БИН, 10 января 1959, с. 1.] «Основное наше расхождение, по-моему, — отвечает Николаевский, — конечно, в общей оценке Ленина [···]. Вы считаете, что не Ленин владел идеями, а идеи им? Я считаю это совсем неверным. Конечно, у Ленина были известные идеи, которым он оставался верен с юности до конца, но этими идеями он владел с большим искусством, делая их крайне гибкими, — как никто другой на верхушке старой социал-демократии. Конечно, Вы правы, деньги Ленину нужны были не для денег. Он хотел иметь власть над партией для проведения определенной политики, но он был убежден, что если он будет иметь власть, то он сможет проводить нужную ему политику лучше, чем кто-либо другой. Поэтому для получения власти он был готов идти на большие зигзаги. Деньги были нужны для власти над партией. [...] Так он думал всегда и именно для этого не останавливался ни перед чем, чтобы завладеть кассой. [АИГН, 508/2. БИН — НВВ, 17 января 1959, с. 2.]

34

Разговоры о сепаратном мире происходили между германскими агентами и дипломатами, с одной стороны, и революционерами, с другой, в течение всего 1917 года. С марта немцы ставили уже не столько на силу своей армии, сколько на дальнейшее углубление революции в России и неизбежно связанный с этим рост анархии. Заинтересованность в этом у германского правительства и русских революционеров можно признать взаимной. Поэтому не приходится удивляться, что еще 14 марта русские революционеры в Швейцарии обратились к представителям германской прессы в Швейцарии с просьбой выступить против развертывания германского наступления на русском фронте, так как подобная операция помешает намерениям установить мир. С аналогичной просьбой обратился к германскому правительству царь Болгарии Фердинанд, указавший, что было бы ошибкой использовать нынешнюю слабость России и начинать против нее наступление, так как это может привести к усилению влияния Антанты способствовать политической консолидации в стране. В тот же день, 14 марта, заместитель министра иностранных дел Германии ответил на телеграмму из Софии, что наступление на русском фронте не планируется. 16 мая статс-секретарь иностранных дел Циммерман также указывал, что германской армии лучше не наступать, так как это сплотит все элементы в России в борьбе против немцев. Разумеется, большевики это очень хорошо понимали. В. В. Оболенский (Осинский) заявил во время

обсуждения вопроса о Брестском мире в начале марта 1918 года, что «еще летом [1917], когда провалилось наступление Керенского, когда немцы перешли в наступление на Рижском фронте, они, несомненно, имели абсолютную возможность раздавить русскую революцию точно так же, как русскую армию. Почему они не сделали этого тогда? Разумеется, не потому, что у них были связаны руки на других фронтах, а потому, что они рассчитывали достичь своих целей еще более легким способом: они дожидались внутреннего разложения, которое, по их мнению, должна была принести русская революция, ожидали победы партии мира, которой они считали большевиков, они рассчитывали прийти более простым способом к желанному концу.» (Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 82.)

35

«Если бы Германия отклонила переговоры с большевиками и заявила бы, что согласна вести переговоры только с правительством, избранным свободным голосованием, то большевики не смогли бы удержаться у власти». (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 161.) Точнее, если бы Ленин не согласился на ведение сепаратных переговоров, германское правительство перестало бы его поддерживать и большевики не смогли бы удержать власть.

36

Германия, док. № 5, 12 ноября по н. ст. 1917; там же, приложение № 1, от 10 ноября к док. № 5. Письмо Чернина Кюльману.

37

Там же, док. № 1, 9 ноября по н. ст. 1917.

38

АИГН, 149/3. Ф. Навотный, гл. «19. Брест-Литовск», л. 11.

39

Н. Л. Анисимов. Обвиняется Ульянов-Ленин, с. 3-9; Керенский. На службе у кайзера.

40

Германия, док. № 5, прил. 2, записка от 12 ноября по н. ст. 1917,

41

Там же, док. № 6, 14 ноября по н. ст. 1917. Тел. Кюльмана Гертлингу; там же, док. № 16, 20 ноября по н. ст. 1917. Тел. Кюльмана посланнику в Стокгольме.

42

Там же, док. № 17, 21 ноября по н. ст. 1917. Донесение Лерснера в МИД Германии.

43

Там же, док. № 18, 23 ноября по н. ст. 1917. Нота посольства Австро-Венгрии в Берлине.

44

Там же, док. №20, 24 ноября по н. ст. 1917. Донесение Лерснера в МИД Германии; там же, док. № 22, 26 ноября по н. ст. 1917. Тел. Лерснера в МИД Германии.

45

Земан. Германия и революция в России, док. от 26 ноября 1917.

46

В 1922 году С. С. Пестковский, сотрудник НКВД, писал, что когда он пришел к Троцкому для того, чтобы предложить свою кандидатуру для работы в НКВД, Троцкий ответил: «Жаль Вас на эту работу [...]. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку». (Горохов и др. Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 70.) Троцкий в воспоминаниях подтвердил правильность приведенного Пестковским высказывания (Троцкий. Моя жизнь, т. 2, с. 64).

47

Это не ускользнуло от внимания современников как в России, так и за границей. «Странно, что вообще нет ни одного документа, острие которого можно было бы направить на империалистов и буржуев не Англии или России, а Германии. [...] Пусть каждый оценит этот странный факт как сумеет», — писал один из русских журналов. (Секретные дипломатические документы — Международная политика и мировое хозяйство, с. 82.) Л французский социалист и масон Альберт Тома заметил, что «с самого начала революции пропаганда большевиков была почти исключительно направлена против союзников; большею частью эта пропаганда разоблачала не германский империализм, а империализм французский или английский» (Юманите, 16 декабря 1917).

48

ДВП, т. 1, с. 21. Оpubл. в «Известиях ЦИК», 10 ноября 1917, № 221.

49

АИГН, 149/3. Навотный, гл. «19. Брест-Литовск», л. 4.

50

См., например, «Дело народа», 12 января 1918.

51

Сборник секретных документов.

52

Бахов. На заре советской дипломатии, с. 25-26.

53

Протоколы II созыва, с. 42.

54

Так, «Схема соглашения с Германией» (документ № 2), дан без указания на то, что это за документ (из шести пунктов с особой «секрете

статьей»). Кем этот проект предложен, по какому поводу, с ведома ли Германии — не указано. Есть лишь отметка: «Прочитано Государю Императору 4 мая 1907 г.», причем по одной из ошибок видно, что опубликован перевод с французского.

55

Так, сотрудник МИДа Чарыков при переводе с французского стал «Чариковым», главные (генеральные) штабы переводились как «генеральные штаты»; в письме императора Вильгельма (док. № 4), данном в переводе с немецкого, о лошадях и свиньях говорилось как о рогатом скоте; а разницы между «послом» и «посланником» при переводах вообще не делалось.

56

Если не считать «Правды», снабдившей документы дешевыми политическими комментариями.

57

Однако обмена ратификационными грамотами не произошло и договор не вступил в силу.

58

После этого в иностранной печати был опубликован подлинник документа (на французском). В прессе по поводу этого договора выступал Милюков.

59

Кроме «Правительственного вестника» текстконвенции опубликовало тогда «Собрание Узаконений и Распоряжений правительства» (13 сентября 1907, ст. 1117).

60

Сборник секретных документов, № 7, с. 321.

61

Там же, последняя страница выпуска — обложка.

62

ДВП.т. 1,с. 15-16.

63

Ленин, ПСС, т. 35, с. 79.

64

Духонин был зверски убит 20 ноября (3 декабря) матросами, прибывшими во главе с Крыленко в Ставку.

65

ДВП, т. 1,с. 20.

66

27 ноября по н. ст. германское министерство иностранных дел получило первое уведомление о том, что братания на русско-германском фронте начались (севернее озера Нарочь с русской 67-й дивизией и южнее Крево с батальоном смерти русской 69-й дивизии). [Германия, док. № 25. Тел. Розенберга в МИД Германии.]

67

Там же, док. № 35, 29 ноября по н. ст. 1917. Тел. Лерснера в МИД Германии.

68

АИГН, 149/3. Навотный, гл. «19. Брест-Литовск», л. 5.

69

Там же, гл. «20. Похвала», л. 1. Приказ фельдмаршала Эссера, командующего 30-й дивизией.

70

«Товарищи русские! Несколько дней тому назад мы условились взаимно прекратить военные действия. Мы осознали, что мы более не враги, а, наоборот, приятели. Солнце мира восходит, и его лучи проникают в наши сердца. Мысли несутся далеко к родному краю, к жене и ребенку, брату, сестре, родителям, которые с нетерпением ожидают своего сына. Сердце переполнено, и вам, как и нам, внутренний голос говорит: Идите к ним!» (там же, гл. «19. Брест-Литовск», л. 9-10)

71

Там же, л. 13. «Само собой разумеется, что наше размещение не должно быть обозначено», говорилось в приказе.

72

Там же, приказ от 26 ноября по н. ст. «Если перемирие распространится, придется, вероятно, и высшим командующим [русской армии] подчиниться. Поэтому очень важно путем пропаганды известить русских о переговорах, которые велись 24 ноября вблизи Боян», где было заключено одно из первых перемирий, указывалось в приказе по 7-й армии.

73

Там же, гл. «19. Брест-Литовск», л. 8, 9. Из приказа австро-венгерского командования по 17-му армейскому корпусу, 7 декабря 1917 по н. ст.

74

Вот как описывал меры по предотвращению спонтанного братания приказ от 4 декабря 1917 года по н. ст. по 30-й дивизии 17-го армейского корпуса: «В 29-м пехотном полку 34-й пехотной дивизии наши офицеры отогнали русских, пришедших к нашим проволочным заграждениям разговаривать с нашими солдатами. При отходе присоединились к ним два наших солдата 29-го полка; когда на оклик наших офицеров они не обернулись, один из офицеров в них выстрелил, ранил одного солдата, которого принесли обратно, тогда как после выстрела сейчас же другой вернулся. Этот случай и правильный поступок наших офицеров поставлен в пример всем офицерам и солдатам. Сноситься с русскими могут только

наши пропагандные отделы. Всякую попытку всех остальных воинских чинов переговаривать с русскими нужно в самом начале энергично подавить. Приказываю всем офицерам в случаях, подобных вышеупомянутому, также решительно поступать. Подписал Фабини, фельдмаршал». (Там же, л. 8.)

Пропагандистская война велась с советской стороны прежде всего с помощью многочисленных листовок. Так, в 5-ю австро-венгерскую армию через линию фронта русские большевики перебросили «массу летучек мятежного содержания, предназначенных для того, чтобы повлиять на немецких солдат в социалистическом направлении». 11 декабря 1917 года по н. ст. командование 30-й дивизии доносило «о попытках раздавать нашим солдатам социалистические летучки», которые, по свидетельству офицеров дивизии, проникали на фронт в миллионах экземпляров, на немецком языке. Австрийцы почему-то считали, что «это дело Антанты, желающей воспользоваться русскими солдатами для того, чтобы с их помощью расшатать дисциплину в наших войсках». Но уже в другом приказе подчеркивалось, что листовки распространяют большевики, а не Антанта: «Можно ожидать, что русские попытаются распространить среди наших солдат массу социалистических летучек мятежного содержания. Дивизионное командование требует, чтобы приказы, изданные по этому поводу, точно исполнялись и чтобы всякая попытка русских встречаться с нашими солдатами и действовать на них была предотвращена» (АИГН, 149/3. Навотный, гл. «21. Заключение. Защитная пропаганда», л. 2).

75

Там же, гл. «19. Брест-Литовск», л. 11. Из приказа по одной из дивизий 7-й австро-венгерской армии.

76

Там же, л. 10. Из приказа от 11 декабря 1917 по н. ст.

77

ДВП, т. 1, с. 30; см. также Германия, док. № 29, 28 ноября по н. ст. 1917. Тел. Лерснера в МИД Германии.

78

Там же, док. № 33, 29 ноября по н. ст. 1917. Тел. Лерснера в МИД

Германии. Из трехстраничного обращения Ленина и Троцкого Лерснер в телеграмме в МИД процитировал только самую важную для него строчку: «Если же союзные народы не пришлют своих представителей, то мы будем одни вести переговоры с немцами».

79

Magnes. Russia and Germany at Brest Ltovsk, p. 16.

80

ДВП, т. 1, с. 32; см. также Германия, док. № 31, 28 ноября по н. ст. 1917. Нота посольства Австро-Венгрии в Берлине.

81

Расходы Германии на русскую революцию не прекратились с большевистским переворотом. На следующий день после переворота, 8 ноября, посланник в Стокгольме К. Рицлер запросил на расходы, связанные с революцией в России, 2 млн. марок из военного займа. 9 ноября МИД запросил у министерства финансов 15 млн. марок на политическую пропаганду в России. Днем позже эти деньги были выданы. О том, что они предназначались именно для большевиков, говорит телеграмма Воровского, посланная агенту германского правительства социалисту Карлу Моору 16 ноября: «Выполните, пожалуйста, немедленно ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляются большие требования. Боровский». А 28 ноября заместитель статст-секретаря по иностранным делам Г. Бусше сообщил посланнику в Берне о том, что правительство в Петрограде терпит огромные финансовые затруднения и поэтому желательна высылка ему денег. (Земан. Германия и революция в России, документы от соответствующего числа).

82

Примером искусного использования большевиками Германии с целью оказания давления на другие страны является попытка добиться с помощью Германии дипломатического признания советского правительства Швецией. Однако правительство Швеции, возможно под давлением Антанты, отказалось от официального признания, дав Германии отрицательный по существу, но вежливый по форме ответ, переданный в МИД Рицлером 11 декабря (Земан. Германия и революция в России, док. от

11 декабря 1917).

83

2 декабря по н. ст. посол США в Швеции Моррис сообщал в Госдепартамент, что ходят слухи о признании Советской России одной из нейтральных стран (*Papers Relating to the Foreign Relations*, т. 1, с. 286). Разумеется, речь шла именно о Швеции.

Норвегия, по сведениям посла, признавать советское правительство не собиралась (там же, с. 287). 11 декабря по н. ст. посол передал в Вашингтон, что шведское правительство пока что не намерено признавать большевиков (там же, с. 297). Аналогичные заявления были получены от норвежского, датского и голландского правительств (там же, с. 298). 15 декабря по н. ст. Государственный секретарь США Р. Лансинг уведомил генерального консула США в Москве Саммерса, что ни одно государство не намерено признавать большевистское правительство в Петрограде (там же, с. 316). Всем американским дипломатам также предлагалось отказаться от каких бы то ни было официальных отношений с советскими дипломатическими представителями или бывшими русскими дипломатами, признавшими большевиков (там же, с. 317).

84

Брестские переговоры и общественное мнение в Германии. — *Международная политика и мировое хозяйство*, с. 94. Несколько позже справедливость такого вывода подтвердил бывший посол с советской России Карл Гельферих: «Сильнейшей опорой большевистского правительства в это критическое время явилось, хоть и бессознательно и непреднамеренно — германское правительство.

Уже самый факт заключения мира и возобновления дипломатических отношений с большевиками был воспринят в кругах небольшевистской России как моральная поддержка большевистского режима со стороны Германии. Явное стремление политики Берлина к лояльному сотрудничеству с большевиками в Восточной России; легкость, с которой германские дипломаты вели переговоры в Берлине с г-ном Иоффе, мирились с ущербом и уничтожением германской собственности и германских предприятий, причиняемым коммунистическими мероприятиями большевиков; легкомыслие, с которым известные германские публицисты пропагандировали мысль о необходимости для Германии путем содействия большевизму окончательно разрушить российское государство и сделать его бессильным на будущее время, — все это создавало и усиливало в

России впечатление, неверное само по себе, будто Германия решила сохранить большевистский режим в Великороссии в целях окончательного уничтожения могущества России. В российских кругах эту политику считали вредной даже с точки зрения интересов самой Германии» (Гельферих. Моя московская миссия, с. 288).

85

David Snub. Lenin, p. 293.

86

Земан. Германия и революция в России, док. № 114.

87

Ленинские высказывания о мировой революции можно цитировать бесконечно: «Русская революция была, в сущности, генеральной репетицией всемирной пролетарской революции» (Ленин. Сочинения, 2-е изд., т. 24, с. 121). «Мы никогда не скрывали, что наша революция только начало, что она придет к победному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким же огнем революции» (там же, т. 25, с. 49). «Окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями всех стран» (Ленин. ПСС, т. 36, с. 335). «Мы никогда не делали иллюзий, что силой пролетариата и революционных масс какой-либо одной страны [...] международный империализм можно свергнуть; это можно сделать только совместными усилиями пролетариата всех стран. [...] Мы не обманывали себя, что добиться этого можно силами одной страны. Мы знали, что наши усилия неизбежно ведут к всемирной революции [...]. Конечно, из теперешней войны империализму всего мира из ряда революций не выйти; иначе, как конечной победой социализма эта война не кончится» (Пятый созыв ВЦИК, с. 68, 69, 73). Ленин смотрел много дальше, в будущее, за пределы границ, очерченных договорами: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого [...]. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранить союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций» (Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 27, с. 73). С верой на Запад смотрел и Троцкий. 8(21) ноября он заявил на заседании ВЦИК, что «самые оптимистические предположения оправдались. Немецкий рабочий класс отдает себе отчет в том, что происходит сейчас в России, быть может, даже лучше, чем эти события

понимаются в самой России. Действия рабочего класса в России более революционны, чем его сознание; но сознание европейского рабочего класса воспитывалось в течение десятилетий [...] он понимает, что у нас начинается новая эпоха всемирной истории» (Протоколы II созыва, с. 42).

88

Там же, с. 52-53.

89

Там же, с. 53.

90

«Наша игра еще не сыграна. [...] Не для того мы свергли царя и буржуазию, чтобы стать на колена перед германским кайзером, чтобы склониться перед чужестранным милитаризмом и молить о мире. Если нам предложат условия, неприемлемые для нас [...] противоречащие основам нашей революции, то мы [...] партия большевиков и, надеюсь, левые эсеры, призовем всех к священной войне против милитаристов всех стран» (там же, с. 127-128).

91

Так, один из видных левых эсеров П. П. Прошьян считал, что победа революции в России «при данных условиях невозможна.

Все, что делается в этом направлении, является лишь творчеством новых форм, долженствующих зажечь социальную революцию на Западе», а «в случае неудачи социальной революции на Западе русская революция обречена на разгром». [Железнодорожный съезд. — НЖ, 31 декабря 1917 (13 января 1918), №214 (208).

Прошьян выступал на съезде с речью на вечернем заседании 29 декабря 1917 года.] Левый эсер Шифер в речи на Первом съезде ПЛСР в ноябре указывал, что уже самим фактом ведения переговоров с империалистическими державами, революционеры «отступили от главных задач международного социализма вызвать всемирную революцию и заключить демократический мир с демократией всего мира». Причину этой «капитуляции» Шифер видел в слишком слабом интернационале. От нового Интернационала оратор требовал решительного выступления «с целью развязать мировую революцию» [Протоколы первого съезда ПЛСР, с. 99.]

Камков, с рядом оговорок, тоже признавал, что «самая левая точка, на которой [раньше] стоял Ленин, [...] несомненно капитулировала» (там же) и что «вне мирового революционного движения, вправленного на полное сокрушение капитализма, попытка культивировать социалистический питомник в России есть при самом благосклонном отношении — нелепость» (Наш путь, 1918, № 2, с. 219). С поддержкой лозунга мировой революции Камков выступил также на заседании ВЦИК, одоббившем неуступчивость советской делегации в Брест-Литовске: «Наша сила не штыковая, мы опираемся на силу [...] наших лозунгов [...] Мы настойчивы потому, что сила русской революции [...] — это слабость германского империализма. Я вполне разделяю уверенность в том, что германским империалистам не удастся с той легкостью, как раньше, повести немецкие войска против русской революционной арии [...]. Гинденбург разобьется не о русские штыки, а о собственную демократию [...]. Такая попытка германского генералитета переполнит чашу терпения германской демократии, взорвет тот пороховой погреб, на котором сидят германские империалисты [...]. Наша сила в тех идеях, которые проводит русская революция [...]. Вот почему мы всецело поддерживаем действия нашей мирной делегации, не пошедшей ни на какие компромиссные сделки с германскими империалистами» (Протоколы II созыва, с. 167). За мировую революцию выступал левый эсер Карелин, заявивший, что советская Россия должна «возглавить социалистическую революцию и восстановить братство трудящихся всего мира» (там же, с. 130).

92

Так, против сепаратного мира выступил меньшевик-интернационалист Астров, доказывавший, что заключение мира «поможет только германскому империализму больше закрепить свою силу и в конце-концов погубить русскую революцию» [Съезд железнодорожных рабочих. — НЖ, 16 (29) декабря 1917, № 203 (197)].

93

Коллонтай: «На то мы и интернационалисты, чтобы работать не на одну Россию, а на всемирный пролетариат. И мы верим, что революционный факел, поднятый над Россией, зажжет пламя революции всего мира» (Протоколы II созыва, с. 130).

94

«Мы переговоры мирные будем вести не с представителями немецкого империализма, а с теми социалистами, усилиями которых будет низвергнуто германское правительство. Спор между нами и германскими империалистами должна решить революция» (там же, с. 164).

95

«Если Россия заключит мир, то этот мир будет только перемирием. Социалистическая революция в России победит тогда, когда она будет окружена кольцом социалистических республик-сестер. Мир, заключенный с империалистической Германией, будет явлением эпизодическим. Он даст наибольшую передышку, после которой вновь закипит война» (Г. Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 490). «Советская власть не дождавшись возникновения мировой революции, сочла необходимым вступить в переговоры с Вильгельмом. Эти переговоры — это первый этап мировой революции» [Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Зиновьева. — НЖ 14 (27) декабря 1917, №201 (195)].

96

Протоколы II созыва, с. 32-33.

Примечания

1

Гинев. Аграрный вопрос, с. 201.

2

Седьмой экстренный съезд РКП (б), с. 6. Редакторы книги поспешили поправить Свердлова, указав, что «его выражение [...] не точное» (там же, с. 359).

3

Второй съезд (1928), с. XIX.

4

Стеклов. Партия социалистов-революционеров, с. 7.

5

Вот что писал Ленин 27 сентября 1917г. председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смильге: «Ваше положение исключительно хорошее, ибо Вы можете начать сразу осуществлять тот блок с левыми эсерами, который один может нам дать прочную власть в России и большинство в Учредительном собрании. Пока там суд да дело, заключите немедленно такой блок у себя, организуйте издание листовочек (выясните, что Вы можете сделать технически для этого и для их провоза в Россию), и тогда надо, чтобы в каждой агитаторской группе для деревни было не менее двух человек: один от большевиков, один от левых эсеров. В деревне «фирма» левых эсеров пока царит, и надо пользоваться Вашим счастьем (у Вас левые эсеры), чтобы во имя этой фирмы провести в деревне блок большевиков с левыми эсерами» (Ленин. ПСС, т. 34, с. 266).

6

КПСС в резолюциях т. I. е. 443.

7

Ленин. ПСС, т. 11, с. 221-222.

8

Там же, т. 34, с. 376.

9

Там же, т. 31, с. 241.

10

КПСС в резолюциях, т.1, с. 444.

11

Ленин. ПСС, т. 32, с. 186.

12

Советы крестьянских депутатов, с. 132; АИГН, 10/5, с. 58.

13

Там же.

14

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 49.

15

Именно о таких настроениях крестьян писал и Церетели (Церетели. Воспоминания, с. 451).

16

Ленин. ПСС, т. 34, с. 15.

17

Там же, с. 114.

18

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 56.

19

В наказе об этом говорилось: «Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме. Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках». (Экономическое положение России, с. 410).

20

Ленин, ПСС, т. 31, с. 418.

21

Там же, т. 34, с. 114-115.

22

Ленин. Сочинения. 2-е изд, т. 8, с. 261.

23

Он же, ПСС, т. 34, с. 285.

24

Там же, т. 34, с. 373.

25

Правда, 13 января 1918.

26

Ленин. ПСС, т. 34, с. 429.

27

Френкин. Захват власти большевиками, с. 78-79.

28

«Для дальнейшей борьбы с эсерами можно было теперь использовать выделившееся в этой партии ее левое крыло, будущую партию левых эсеров» (Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 79). О причинах, приведших к появлению в эсеровской партии в 1917 году левого радикального крыла, см. O. Radkey. The Agrarian Foes of Bolshevism, гл. 11. Радки приходит к следующему выводу: «Эсеры пришли к революции 1917 года, будучи партией лишь по названию. На деле они составляли конгломерат разнородных элементов, претендующих на право выступать под знаменем, снискавшим доверие русской деревни» (с. 455).

Гусев. Партия эсеров, с. 146-147. Вот что рассказывал на Первом съезде партии левых социалистов-революционеров делегат харьковской организации левых эсеров Н. Н. Алексеев: «Наша харьковская организация с первого дня революции стоит на левой точке зрения. Правое крыло очень мало проявляло свою деятельность. Раскол произошел во время предвыборной кампании [в Учредительное собрание]. Оборонческое крыло отделилось в количестве 100 человек [...]. Нас, левых социалистов-революционеров, около 3000 человек. [...]. [На губернском съезде] за резолюцию левых эсеров голосовал весь съезд, а за резолюцию правого крыла — 7. (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 6).

30

Дубинин. Коммунистическая партия, с. 209.

31

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 12.

32

Там же, с. 12.

33

Там же, с. 14.

34

Чуть позже в Казанском губернском Совете крестьянских депутатов начинает играть важную роль группа левых эсеров во главе с будущим лидером ПЛСР А. Л. Колегаевым. Совет в мае 1917 года постановил немедленно отобрать у помещиков земли и категорически отказался уступить требованию ЦК ПСР и отменить постановление (Ерицян. Советы крестьянских депутатов, с. 22-23).

Финляндские эсеры провели в середине июня свой съезд, на котором было принято решение создать орган финских эсеров — взять в свои руки газету «Народную ниву» — будущую газету левых эсеров (АИГН, 13/1).

35

Земля и воля, 17 мая 1917.

36

Трудно поэтому согласиться с Черновым, который много позже писал, что «в жизни Натансона, человека скорее правых устремлений, широчайшего «соглашателя» и коалициониста, доставшаяся ему роль была неестественна; она была ему навязана не столько логикой и политикой, сколько тайнами индивидуальной психологии». (АИГН, 382/2, с. 31.) Большевики, по крайней мере, считали Натансона своим. В 1929 году, на десятилетие его смерти (он умер 29 июля 1919 года в Берне на 69-м году жизни) в Москве был создан комитет по увековечиванию памяти Натансона при ВЦИК СССР. В обращении по этому поводу комитет указал, что Натансон, один из старейших русских революционеров, «без колебаний встал в ряды Октябрьской революции и умер фактически большевиком» (АИГН, 11/31).

37

Астрахан. Большевики и их политические противники, с. 247-248.

38

Натансон был единственным левым эсером, прошедшим в ЦК партии (АИГН, 10/3, с. 3).

39

МИСИ, кол. SIBL, папка 2393/69.

40

АИГН, 10/3, с. 53.

41

Земля и воля, 9 июля 1917.

42

Протоколы ЦК ПСР, 8 июня 1917.

43

Там же, от 22 июня, 11 и 15 сентября. В комментариях к протоколам ЦК ПСР Чернов называет поведение Прошьяна в Гельсингфорсе «почти большевистским». Именно этой деятельности Прошьяна и Устинова эсеры склонны были приписывать все увеличивающееся влияние большевиков на матросов (АИГН, 10/3, с. 19). По указанию ЦК ПСР в Финляндии была создана также специальная комиссия для расследования «дезорганизаторской деятельности» Прошьяна и Трутовского, выступавших с экстремистскими статьями на страницах газеты «Народная нива».

Оба отказались давать комиссии показания на том основании, что подчиняются только Северному областному комитету (Краткий отчет о работе IV съезда ПСР, с. 71).

44

Протоколы ЦК ПСР, от 11 июня.

45

Там же, от 24 июня.

46

Там же, от 10 июля.

47

Там же, от 12 июля.

48

Дело народа, 15 июля 1917; Краткий отчет о работе IV съезда ПСР, с. 71; Протоколы ЦК ПСР, 19 июля 1917; АГИН, 10/3, с. 33.

Одним из условий соглашения был одновременный роспуск такого же центра «правыми эсерами» (там же, с. 54).

49

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 17. Но тот же Камков вместе с представителем большевиков А. В. Луначарским выступал на объединенном заседании центральных исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов с требованием об отставке десяти «министров-капиталистов» и о переходе всей власти к Советам

(Гусев. Партия эсеров, с. 150), т. е. солидаризировался с большевистскими требованиями, а не с эсеровскими.

50

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 15-16.

51

АИГН, 10/3, с. 54.

52

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 18.

53

Там же, с. 9.

54

Там же, с. 10.

55

Там же, с. 14.

56

Там же, с. 10.

57

Там же.

58

Там же, с. 8. Выступление Доброхотова (из Московской губ.).

59

«В настоящее время у нас правого элемента почти нет», — заявил на Первом съезде ПЛСР представитель ревельской организации Васин (там же, с. 5).

60

К июльским событиям левые эсеры, видимо, какое-то отношение имели. По крайней мере Прошьян и Устинов были арестованы Временным правительством по тем же обвинениям, которые предъявлялись к арестованным большевикам. (Резолюции и постановления I и II съездов ПЛСР, с. 7.)

61

Вот что сказал на съезде делегат тверских левых эсеров Суханов: «На Третьем партийном съезде у нас было еще полное единение в партии, но после, в особенности после событий 3-5 июля, совместная работа оказалась невозможной. Вначале левые все еще не решались порвать открыто, однако этот разрыв все-таки пришел, и левые эсеры вошли в Военно-революционный комитет. Мы организовали свое Информационное бюро, которое работает очень успешно» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 5).

62

Там же, с. 8. В Екатеринбурге в эсеровской организации числилось до 3000 человек (активных было не более половины). Разумеется, это далеко не все организации, расколовшиеся в тот период. Можно с уверенностью сказать, что процесс раскола был в то время в эсеровской партии явлением общим.

63

Гусев. Партия эсеров, с. 156. О том, как именно происходил переход

власти внутри эсеровских организаций от правых к левым, докладывал в сентябре месяце в ЦК ПСР один из членов эсеровского Бакинского комитета: эсеры в их организации «определенно полевели», и когда Бакинский комитет высказался против перехода власти в руки Советов и за поддержку Временного правительства, фракция левых эсеров большинством голосов провела противоположную резолюцию. После этого комитет был переизбран (Гусев. Партия эсеров, с. 71).

64

АИГН, 10/3, с. 53.

65

Шестаков. Советы крестьянских депутатов, с. 43-45.

66

Дело народа, 8 августа 1917.

67

За резолюцию меньшинства, предложенную будущим наркомом юстиции в советском правительстве Штейнбергом, голосовали Корыстелева, Антипов, Бабушкин, Левин, Карелин, Михайловский, Шнуровский, Шишко, Натансон, Биценко, Каховская, Шиндель, Сапир, Каиков, Кудрявцев С., Деконский, Фрейберг, Богачев, Белорусов, Пину с, Черновский, Закс, Сирота, Ратнер, Ишханов, Штейнберг, Абрамов, Алгасов, Барышников, Высоцкая, Кононов, Качинский, Калис и Камков (Кац) [АИГН, 8/6. Дело народа, 1917].

68

Гусев. Партия эсеров, с. 151; Астрахан. Большевики и их политические противники, с. 305-306.

69

Дело народа, 12 сентября 1917. О. Радки дает несколько иные сведения: «Левые победили 83 голосами против 7 при 4 воздержавшихся, и организация оказалась у них в руках. Голосовать должно было еще 63

человека, но известные источники не содержат никакой информации об их действиях в тот момент. Скорее всего, это были делегаты-центристы, которые предпочли попросту уйти с заседания, чтобы не остаться в меньшинстве». (O. Radkey. The Agrarian Foes of Bolshevism, с. 442).

Подробнее о Седьмой партийной конференции эсеров см. там же, с. 440-442.

70

История гражданской войны в СССР, т. 1, с. 240.

71

Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 106.

72

Косвенным поражением следует признать тот факт, что в отколовшейся левоэсеровской партии почти не оказалось «интеллигентных» людей. На это неоднократно указывали делегаты Первого съезда левоэсеровской партии, например Шильников (от Або):

«Правого течения в партии уже нет, нет также совсем интеллигентных сил. Нет людей, которые указывали бы массам интеллигентный путь» и Шифер (Одесса): «Шифер из Одессы. С расколом от нас ушли почти все интеллигентные силы». (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 10,12.) Этот уход «интеллигентных сил» особенно чувствуется при чтении самих протоколов, набранных поразительно неграмотно даже по низким революционным стандартам 1918 года.

73

Пиндрик. О блоке с левыми эсерами, с. 127.

74

Ежедневная газета «Знамя труда» начала выходить как орган Петроградского комитета партии эсеров. Первые номера газеты вышли под редакцией таких эсеровских лидеров, как Шрейдер, Камков, Спиридонова. В октябре, однако, в Петроградском комитете эсеровской партии остались одни левые эсеры. 28 октября газета стала выходить как орган еще и фракции левых эсеров во ВЦИКе Советов. (Революция 1917 года, т. V, с.

170; т. VI, с. 13.)

С декабря 1917г. газета выпускалась как орган ЦК ПЛСР. 6 июля, в день разгрома ПЛСР, газета была закрыта большевиками.

75

Всероссийское демократическое совещание было созвано по решению ЦИК первого созыва из представителей социалистических партий, Советов, профсоюзов, земств, армии, торгово-промышленных групп и других подобных организаций. Совещание проводилось 14-22 сентября (27 сентября — 5 октября) в Петрограде, цитадели большевиков и левых эсеров. Большинство делегатов совещания составили меньшевики и эсеры. Совещание пыталось еще до созыва Учредительного собрания разрешить вопрос о власти. Это не вполне получалось хотя бы уже потому, что большевики, бывшие в меньшинстве, работу совещания фактически срывали: они кричали, шумели, обзывали всех «корниловцами», «контрреволюционерами» и «изменниками». «Благодаря поведению большевиков», писала И. Ракитникова, Совещание «приняло характер шумного многодневного митинга, огромной «говорильни». Большевикам важны были словесные победы, важно было во что бы то ни стало перекричать противника. Изю дня в день тянулись одни и те же речи». (Как русское крестьянство боролось за УС, с. 14). Результатом работы Демократического совещания было создание Предпарламента.

76

МИСИ, папка 2393/69.

77

Известия ЦИК, 19 сентября 1917.

78

Брицян. Советы крестьянских депутатов, с. 65.

79

Предпарламент (официально называвшийся Временный совет Российской республики) был образован на Демократической совещании 20 сентября и просуществовал вплоть до большевистского переворота, когда

был насильственным образом распущен большевистско-левоэсеровским Петроградским ВРК. Большевики из Предпарламента ушли именно потому, что готовили в те дни восстание и разгон Предпарламента.

80

Астрахан. Большевики и их политические противники, с. 407.

81

Третий съезд ПСР, с. III.

82

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 10, 12, 13, 14.

83

Кочетков. Октябрь в Тверской губернии, с. 41.

84

Солдат, 13 октября 1917.

85

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 38-39.

86

Камков. Две тактики, с. 23.

87

Гусев. Партия эсеров, с. 162.

88

Там же, с. 154.

89

Там же, с. 152.

90

Там же, с. 71.

91

Власть в Ташкенте была захвачена Советом 12 сентября. Мятежники продержались лишь несколько дней и были подавлены (там же, с. 159).

92

Позиция левых эсеров к этому времени только усилилась. 10 сентября Петроградская городская конференция эсеров большинством в две трети голосов поддержала левых.

93

Ленин в 1917 г., с. 103-104.

94

Петроградский ВРК, т. 3, с. 663-664. Левые эсеры участвовали и в деятельности ряда местных ВРК. В Воронеже они создали для подготовки восстания «пятерку» (которая позже объединилась с «пятеркой» большевиков); а на пленуме губернского Совета вместе с большевиками выступили за создание ревкома, причем в состав вновь переизбранного исполкома Совета вошли 13 левых эсеров. В Смоленский ВРК вошли два левых эсера, четыре большевика и один анархист. В Калужский ВРК — 4 левых эсера и 8 большевиков. (Гусев. Партия эсеров, с. 165.)

ВРК был создан и в Новгородской губернии, причем губернским комиссаром был назначен левый эсер Окинчиц, а его помощником — большевик Великосельцев (Рошаль. События Октября в Новгороде, с. 42-47). Наконец, левые эсеры поддержали резолюцию Центробалта о вооруженном восстании против Временного правительства и создали для руководства вооруженным выступлением и координацией действий тройку в составе большевиков Смилги, Дыбенко и левого эсера Шишко (Дыбенко. Из недр царского флота, с. 135). В результате из 41 ВРК, созданных в Центральном районе страны, в 37 большевики и левые эсеры действовали

совместно (Трукан. Октябрь в Центральной России, с. 319).

95

Корнатовский. Партия и Октябрьское вооруженное восстание, с. 241; Советская историческая энциклопедия, т. 8, с. 379, статья «Лазимир». 20 октября было проведено организационное заседание ВРК, на котором было выбрано бюро из пяти человек: трех большевиков (Антонов-Овсеенко, Подвойский и Садовский) и двух левых эсеров (Лазимира и Сухарькова). (Rabinovitch. The Bolsheviki Come to Power, p. 234.) Следует отметить, что Лазимир и позже продолжал оставаться на ответственной военной работе, в частности входил в Коллегию наркомата по военным делам (Крушельницкий. Состав коллегии, с. 39-44).

96

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 48-49.

97

Второй съезд (1928), с. XXXII.

98

«Совершенно естественно, что в [...] положении о Военно-революционном комитете не указан характер действительной задачи комитета. Пролетариат, идя к социалистической революции, свои наступательные мероприятия облекал в оборонительные одежды. Наступление маскировалось под знаком обороны. Не руководство восстанием, для чего и был фактически создан Военно-революционный комитет, а принятие мер к организации обороны Петрограда от немецких войск — так определялась основная цель работы» (Корнатовский. Партия и Октябрьское вооруженное восстание, с. 240).

99

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 96.

100

Там же, с. 73.

101

Или, как сформулировал левый эсер Камков, «нам стало ясно, что они готовят восстание, захват власти до Всероссийского съезда Советов. И в этом вопросе мы с ними радикально разошлись», поскольку соглашались на захват власти только в том случае, «если Всероссийский съезд создаст однородную социалистическую власть и объявит власть Советов» (там же, с. 39).

102

Там же, с. 40.

103

Троцкий, видимо, имел в виду именно эти переговоры, когда писал, что большевики «под прикрытием мирных переговоров» провели «последние подготовительные меры по захвату власти», и цинично комментировал: «Воплям об обмане не будет, конечно, конца» (МИСИ, папка 2393/69. Л. Троцкий. Рукопись. Черновая запись).

104

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 40-42.

105

Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 120. Собственно, ЦК РСДРП(б) и принял решение уполномочить Берзина и Каменева вести переговоры с руководством левых эсеров (там же).

106

Луначарский впоследствии писал: «Надо, тем не менее, констатировать с полной определенностью, что большевики совершили свой переворот, отнюдь не выгоняя из Совета эсеров и меньшевиков, а даже (не слишком, впрочем, настаивая) определенно приглашая их продолжать совместную работу. На это, однако, с их стороны сыпались только проклятия. Даже левые эсеры испугались и в правительство идти не хотели». (Луначарский. Бывшие люди, с. 31-32).

107

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 43.

108

Второй съезд (1928), с. 26, 32.

109

Непосредственно перед открытием Второго съезда Советов левые эсеры нанесли эсеровской партии очередной удар. На совещании фракций ПСР, где у левых эсеров было большинство, они внесли раскол в партийную фракцию съезда, девяносто двумя голосами против шестидесяти провалив резолюцию ЦК ПСР о позиции ПСР по отношению к созыву съезда. [Второй съезд (1928), с. 163; Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 96; Мстиславский. Пять дней, с. 121-123.]

110

Суханов. Записки о революции, кн. VII, с. 29-30.

111

Второй съезд (1928), с. XLIX — L.

112

Там же, с. LI — LII.

113

Второй съезд (1928), с. 179.

114

Второй съезд (1928), с. LII. Надо, однако, понимать, что разногласия между левым и правым крылом социалистического лагеря сводились лишь к срокам; Такие представители социалистической демократии, как Дан и Либер, высказывались не против захвата власти Советами как такового, но

против конкретного переворота, подготовляемого большевиками, так как считали его несвоевременным (там же, с. LIII).

115

«От Октябрьского переворота осталось [...] впечатление о потрясающей слабости сопротивления [...] — писал меньшевик Д. Ю. Далии. — Безусые юнкера и женские батальоны выходили с оружием — на один миг [...]. Керенский ездил в поисках помощи — и ничего не нашел: многомиллионный фронт принял и фактически признал новое правительство. В стране царило возбуждение, но еще много месяцев было до формирования белых армий. В то же время никто не отрицал, что большевики — партия меньшинства, что сепаратного мира [с Германией] почти все — включая 90 процентов] партии Ленина — не желают и боятся».

116

Сведения о численности делегатов съезда весьма разноречивы.

По подсчетам, произведенным, вероятно, несколько позже, из 649 делегатов 390 были большевиками, 72 — меньшевиками, 14 — меньшевиками-интернационалистами. Из 160 делегатов, считавших себя эсерами, левых было 98 человек (Ленин, ПСС, т. 35, с. 443; Второй съезд (1928), с. 171).

117

Готовившийся Петроградским советом и ВРК переворот тайной считать было крайней трудно. «Мы накануне большевистского восстания, — признавали все принимавшие участие в политической борьбе, — писала И. Ракитникова. — Но характерно то, что сами большевики, готовя уже восстание, не стеснялись в своих органах называть лжецами и клеветниками всех, кто указывал на опасность этого восстания. И это — накануне обдуманного, заранее подготовленного захвата власти вооруженной силой» (Как русское крестьянство боролось за УС, с. 15).

118

Так, Ю. О. Мартов потребовал, «чтобы прежде всех вопросов был поставлен вопрос о мирном разрешении создавшегося кризиса».

Он заявил, что считает «принципиально важным и политически необходимым в тот момент, когда до открытия съезда Советов вопрос о

власти стал решаться путем заговора, подготовленного одной из революционных партий [...], в первую очередь обсудить именно вопрос о том, как предотвратить неминуемую гражданскую войну». «Задача съезда, — подчеркнул Мартов, — заключается, прежде всего, в том, чтобы решить вопрос о власти.

Этот основной вопрос съезд нашел если не решенным, то пред решенным, и мы считали бы свой долг неисполненным, если бы не обратились к съезду с предложением сделать все необходимое для мирного разрешения кризиса, для создания власти, которая была бы признана всей демократией [...]. Необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения».

К заявлению Мартова присоединились представители левых эсеров, меньшевиков, меньшевиков-интернационалистов, эсеров и фронтовой группы, т. е. все депутаты съезда, кроме большевиков. Столкнувшись с такой единодушной оппозицией, большевистские лидеры пошли на тактическую хитрость: они [...] присоединились к заявлению Мартова. Большевик Луначарский заявил, что «фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова. Напротив, она заинтересована в том, чтобы все фракции выяснили свою точку зрения на происходящие события и сказали бы, в чем они видят выход из создавшегося положения».

Предложение Мартова было принято единогласно, а делегат комитета 12-й армии Я. А. Харащ, как то и предложил Луначарский, высказал свое мнение на происходящие события:

«За спиной Всероссийского съезда, благодаря политическому лицемерию партии большевиков, совершена преступная политическая авантюра. Пока [...] здесь вносится предложение о мирном улаживании конфликта, на улицах Петрограда уже идет бой. Вызывается призрак гражданской войны. Меньшевики и с.-р. считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть. От имени фракции меньшевиков и с.-р. я категорически протестую против этих преступных деяний и заявляю, что мы все свои усилия направим к тому, чтобы противодействовать этой аванюре».

К Харащу присоединился и представитель фронтовой группы Г. Д. Кучин: «Все армейские организации признали по целому ряду серьезных причин съезд несвоевременным [...]. На этом съезде армия не имеет своего полного представительства и, следовательно, съезд неправомочен [...]. Съезд организовался для того, чтобы главным образом заняться вопросом об образовании власти, а между тем мы видим, что авантюра захвата власти

уже произведена и воля съезда предрешена. Мы предупреждаем, что гражданская война, вызванная авантюрой со стороны большевиков, является ударом в спину армии [...]. Фронтная группа [...] снимает с себя всякую ответственность за последствия этой авантюры [...] и покидает съезд». С декларациями об уходе со съезда выступили также меньшевики и эсеры.

От Исполкома крестьянских депутатов выступил Б. Н. Гуревич: «Я явился сюда, чтобы призвать вас от имени Исполнительного комитета [...] не принимать участия в этом съезде, созыв коего признало несвоевременным большинство провинциальных Советов». Декларацию протеста зачитал также представитель еврейской социал-демократической партии Поалей Цион Капелинский:

«Мы полагаем, что положение в настоящий момент грозно и необходимо принять срочные меры для избежания гражданской войны, которая погубит революцию. Необходимо найти мирные пути для разрешения кризиса и до этого ничего другого не обсуждать. С нашей стороны было сделано предложение отправить делегацию ко всем демократическим организациям для создания демократической власти. Наше предложение не встретило сочувствия, но даже встретило неодобрение. [...] Итак, мы вторично предлагаем избрать делегацию ко всем демократическим организациям [...]. Если делегация не будет выбрана немедленно, мы уйдем со съезда».

Однако большинством голосов (большевиков) предложение о создании комиссии было отвергнуто.

119

Захват власти в Петрограде был осужден и окраинами Российской империи. Так, 26 октября в Закавказье был созван экстренный съезд Краевого совета. «Среди членов съезда переворот вызвал большое возмущение, — вспоминал Г. И. Уратадзе. — После горячих прений была принята следующая резолюция

Н. Н. Жордания: «Выступление большевиков в Петрограде [...] неизбежно приведет к торжеству контрреволюции и гибели завоеванных свобод. Интересы революции диктуют необходимость мирной ликвидации восстания на основе соглашения всей революционной демократии в духе демократизации власти при условии созыва Учредительного собрания в назначенный срок.

Заявляя об этом съезд Краевого центра призывает всех к спокойствию и сохранению революционного порядка и единства революционной демократии». Против переворота высказался и армейский комитет

Кавказской армии: «1. Покушение большевиков идет вразрез с державной волей народа. 2. Всякое правительство, самовольно став у власти, роковым образом может [...] повергнуть страну во все ужасы гражданской войны и отдать ее в конце концов во власть бронированного германского империализма» (Уратадзе. Образование и консолидация, с. 23).

120

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 60-61.

121

ЗТ, 11 ноября 1917. Выступление А. М. Устинова на конференции военной организации левых эсеров.

122

Точных сведений о численности левых эсеров в октябре 1917 года нет. Это связано, во-первых, с тем, что официально ПЛСР образовалась лишь после Октябрьского переворота; во-вторых, с тем, что на местах раскол в ПСР проходил в разное время и, соответственно, в разное время выходили из ПСР левые эсеры. В начале 1918 года оформились левоэсеровские организации во Владимире, Вятке, Новониколаевске, Тамбове и Орле (Дубинин. Коммунистическая партия, с. 209). Наконец, учета членов партии у эсеров, собственно, вообще не велось. Имеется лишь статистика для некоторых губерний. Так, в Новгородской губернии было 800 левых эсеров, в Уфимской — 700, в Тверской — 540, в Псковской — 500, в Астраханской губернии, в Казани и на Северной железной дороге — по 300, в Нижнем Новгороде — 100 (там же, с. 211). В целом, левоэсеровские организации имелись, видимо, в 300 из 678 уездов 79 губерний России (Гусев, Брицян. От соглашательства к контрреволюции, с. 192-193).

123

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 17. Другой источник указывает иную цифру: 179 (История Великой революции, 1961, с. 165). Увеличение левого сектора наблюдалось и во фракции меньшевиков. Вот что вспоминает меньшевик Д. А. Сагирашвили: «Еще 24 октября, вечером, на совместном заседании обеих социал-демократических фракций (интернационалистов и оборонцев, к которым и я принадлежал [...]) я доказывал необходимость для социал-демократов остаться на съезде и всю

гибельность ухода их и предоставления большевиков самим себе [...]. Со мною остались один и [ли] два рабочих-меньшевика и группа «Новой жизни» в количестве 6-7 человек. А на следующий день нас уже было до 16-17 человек» (АИГН, 198/23, с. 3-4).

124

Ленин. ПСС, т. 44, с. 30. Суть декрета о земле — эсеровской программы социализации несколько позже расшифровал Мещеряков: «Социализация земли (как социализация фабрик и заводов) должна обозначать переход к социализму, должна уничтожать не только частную собственность на землю, [...] но также непременно должна означать организацию общественного труда, коллективного, коммунистического хозяйства. [...] Только тогда можно сказать, что происходит социализация земли. А пока мы занимаемся уравнительной дележкой отнятой у врагов земли, пока мы будем только стараться устраивать возможно лучше мелкие крестьянские хозяйства — до тех пор мы [...] никакого социализма не организуем, никакой настоящей социализации земли не проведем. Закон весь состоит из указаний, как уравнительно поделить землю в пользование между землепашцами. Но если мы займемся только этим — никакого социализма в земледелии не будет. [...] Социализм обозначает не только уничтожение собственности на землю, но также организацию общественного труда, общественного хозяйства. Стало быть, понимание закона только так, что надо уравнительно каждый год переделывать землю, обозначало бы отказ от социализма [...]. Это означало бы [...] не иметь социализма в сельском хозяйстве. [...] Необходимо немедленно заняться настоящей социализацией: надо немедленно помогать переходу от мелко поделенных уравненных крестьянских хозяйств к общественному, коллективному, крупному сельскому хозяйству. Как это сделать? Только примером [...] — устройством коммун. [...] Надо целиком вытряхнуть из головы старые буржуазные понятия о собственности, капитале, прибыли и т. п. В коммуне нет собственности: все там общее, все равны [...]. Теперешний закон о земле не может действительно удовлетворить беднейших крестьян. Их — большинство в деревне, а между тем закон дает им «право на землю», дает им уравнительную прирезку к прежним наделам, но закон не в силах дать им орудия, семена, скот, удобрение [...]. Что толку с уравнительного «права на землю», если эту землю нечем обрабатывать [...]. Неспособность нового закона вполне удовлетворить деревенскую бедноту [...] заставляет искать нового выхода. Поэтому-то сейчас так и важно приложить все наши усилия к [...] делу организации коммун. [...] И тогда мы действительно начнем проводить настоящую социализацию» [Мещеряков. Социализм в

земледелии — Красная газета, 10 августа 1918]. Под такой программой, разумеется, без труда мог подписаться и Ленин.

125

Второй съезд, 1928, с. 75. Декрет о социализации земли в окончательной форме был опубликован 19 февраля за подписями Свердлова, Зиновьева, Володарского, Колегаева, Спиридоновой, Камкова и других (Протоколы съездов и конференций, с. 256).

126

ЗТ, 11 ноября 1917. Выступление Устинова.

127

Советы в Октябре, с. 33. Троцкий вспоминал позднее, что 27 и 28 октября большевики «продолжали получать от армейских комитетов, городских Дум, земств и организаций Викжеля [...] непрерывные угрозы по телеграфу» (Троцкий. К истории Октябрьской революции, с. 69).

128

Воля народа, 2 ноября 1917.

129

Земля и воля, 26 ноября 1917.

130

Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 26 октября 1917.

131

Там же, 28 октября 1917.

132

Гусев, Ерицян. От соглашательства к контрреволюции, с. 177;

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 84, 85; Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 106; Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 17. После роспуска петроградской эсеровской организации, в которой доминировали левые, ЦК ПСР создал новый эсеровский петроградский комитет, разумеется малочисленный (там же).

133

Гусев. Партия эсеров, с. 176.

134

ЗТ, 5 ноября 1917, № 63; там же, 6 ноября 1917, № 64; Знаменский. Всероссийское УС, с. 242.

135

Протоколы II созыва, с. 3.

136

В мае 1917 г. на Первом Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов левые эсеры потерпели полный провал. Во время выборов в Исполком Совета Спиридонова получила 7 голосов, а Камков — 10. В то же время лидер эсеровского большинства Чернов собрал 810 голосов, Керенский — 804, Н. Д. Авксентьев — 799, Н. Я. Быховский — 759 голосов. (Советы крестьянских депутатов, с. 141; Шестаков. Советы крестьянских депутатов, с. 28.) Как указывает историк З. Пиндрик, на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, который открылся 10 (23) ноября, из 330 делегатов большевиков было 37, правых эсеров 65, прочих 33 и левых эсеров 195. Ленин выступал на съезде как член съезда, делегированный от ЦК большевистской партии (поскольку съезд не признал Совнарком законным правительством, Ленин не мог выступать от имени СНК). [Пиндрик. О блоке с левыми эсерами, с. 128.] Данные Пиндрика о составе съезда расходятся с информацией из других источников.

137

Протоколы II созыва, с. 37.

138

История Великой революции, 1967, с. 241.

139

Советы в Октябре, с. 50, 58.

140

Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 10.

Примечания

1

Как пишет Е. Г. Гимпельсон, «коммунистическая партия, подготавливая социалистическую революцию в России, нигде и никогда не ставила вопроса о том, что государство диктатуры пролетариата обязательно должно быть однопартийным» (Вопросы истории, №11, 1965, с. 16). В примечаниях к протоколам Восьмого съезда РКП(б), однако, указано, что в произведениях Ленина дооктябрьского периода нет высказываний о допущении в рамках советской социалистической России нескольких партий (Восьмой съезд РКП(б), с. 293). О том же пишет А. М. Малашко: «Е. Г. Гимпельсон не приводит [...] ни одного положения из дооктябрьских работ В. И. Ленина или из общепартийных документов, где говорилось бы, что такое государство должно быть многопартийным» (Малашко. К вопросу об оформлении однопартийной системы, с. 52).

Таким образом, приходится заключить, что намерения Ленина в тот период были никому не известны. Да и сам он, возможно, не вполне отдавал себе отчет в том, куда заведет его политическая борьба.

2

Второй съезд (1928), с. 25, 81.

3

Там же, с. 25-26, 82.

4

Голос народа, 29 октября 1917. Если в центре многое определяли речи и резолюции, на местах все зависело от особенностей момента. На короткий период времени блок «демократических организаций» был создан в Ростове-на-Дону из-за угрозы, созданной сопротивлением казачьего атамана А. М. Каледина. В ВРК, созданный в этом городе, вошли большевики и левые эсеры, причем последние при выборах в исполком Совета солдатских депутатов получили большинство. На совещании представителей Совета рабочих и Совета солдатских депутатов, ВРК, «Комитета спасения родины и революции» (в котором доминировали эсеры и меньшевики) и областного военного комитета, во главе которого стоял левый эсер Арнаутов, большевистские условия соглашения с эсерами и меньшевиками ни в чем не отличались от левоэсеровских (Переписка секретариата ЦК, т. 2, с. 256). И 12 ноября совещание согласилось объединиться для борьбы с Калединым. ВРК тем временем вступил с Калединым в переговоры, которые рассматривались большевиками и левыми эсерами «как прикрытие подготовки к военным действиям» (Гусев. Партия эсеров, с. 175).

Блок, однако, рухнул перед самым началом вооруженных столкновений, когда эсеры и меньшевики вышли из ВРК, заявив, что «усилия предотвратить гражданскую войну оказались тщетными». А вот левые эсеры остались в ВРК вместе с большевиками и приняли участие в столкновениях с войсками Каледина. (Пролетарская революция на Дону, с. 49-50). Создать единый блок левые эсеры пытались и в Туркестане, для чего 27 октября там было созвано совещание краевого Совета. Но попытка эта успеха не имела (Победа советской власти, с. 358— 359).

5

Второй съезд (1928), с. 83.

6

В протоколе заседания ЦК РСДРП(б) от 29 октября по этому вопросу было записано, что ЦК не делает «ультиматума из вхождения в правительство всех социалистических партий до народных социалистов включительно» и соглашается «отказаться от кандидатур Троцкого и Ленина, если этого потребуют» (Протоколы ЦК РСДРП (б), 1958, с. 122). При голосовании, однако, часть фразы про Троцкого и Ленина была вычеркнута. Пойти столь далеко вопреки воле руководителей партии члены ЦК не отважились.

7

АИГН, 198/23, с. 8.

8

Там же, с. 9

9

Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Вомпе, представителя Викжеля. — НЖ, 15 (28) декабря 1917, 202 (196).

10

Протоколы II созыва, с. 9-10.

11

Там же, с. 10.

12

АИГН, 10/3, с. 61-62.

13

Советы в Октябре, с. 61.

14

Там же, с. 60-61.

15

Протоколы II созыва, с. 10.

16

Революция 1917 года, т. IV, с. 22.

17

Вомпе. Дни Октябрьской революции и железнодорожники, с. 2632.

18

Революция 1917 года, т. IV, с. 39. О позиции Викжеля см. также Leonard Schapiro. The Origin of the Communist Autocracy, pp. 70,71,73.

19

Кроме общих совещаний были еще, кажется, и частные. Так, по свидетельству Сагирашвили, члена одной из многочисленных групп внутри меньшевистской партии, их группе предлагали принять участие в формировании правительства Совета народных комиссаров. С Сагирашвили об этом говорил Сталин. Но группа от участия в правительстве отказалась, так как пожелала «остаться в Исполкоме только как оппозиция». Впрочем, как признает Сагирашвили, отказ их не имел практического значения. Уже через несколько часов после беседы со Сталиным стало ясно, что большевики решили составить правительство исключительно из членов своей партии. И «скоро съезду Советов был предложен на утверждение список будущих народных комиссаров, куда не включены были даже левые социалисты-революционеры». (АИГН, 198/23, с. 7-8.)

20

АИГН, 198/23, с. 10-11.

21

Зиновьев и Каменев говорят, что мы не захватим власти. Я не в состоянии спокойно выслушивать это. Рассматриваю как измену. [...] Соглашение?.. Я не могу даже говорить об этом серьезно.

Троцкий давно сказал, что объединение невозможно [...]. Нам бы еще стали предлагать соглашение [...] с Викжелем [...]. Это торгашество [...]. Согласиться с соглашателями, а потом они будут вставлять палки в колеса. [...] Если будет раскол — пусть. Если будет их большинство — берите власть в Центральном исполнительном комитете и действуйте, а мы пойдем к матросам. Мы у власти. [...] Они говорят, что мы одни не удержим власти

[...]. Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать. Теперь возможна только социалистическая революция. [...] Необходимо арестовывать — и мы будем. И пускай нам на это будут говорить ужасы о диктатуре пролетариата. Вот викжелевцев арестовать — это я понимаю. Пусть вопят об арестах [...]. Наш лозунг теперь без соглашений, т. е. однородное большевистское правительство!» (Заседание Петербургского комитета РСДРП (б), с. 32-33).

22

«Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя [...].

Ведь никто еще не знает, какие жесткие меры мы вынуждены будем проводить [...]. Почему, на каком основании эту партию, которая захватила власть с бою [...] они хотят обезглавить, отстранив Ленина? (...) Всякая власть есть насилие, а не соглашение» (там же, с. 35, 36, 37).

23

Протоколы ЦК РСДРП (б), 1958, с. 125-127.

24

Там же, с. 125.

25

Там же, с. 128.

26

Там же, с. 127, 128.

27

Революция 1917 года, т. IV, с. 49.

28

Протоколы ЦК РСДРП (б), 1929, с. 155-156.

29

Из ультиматумов Викжеля большевики и левые эсеры извлекли своеобразный урок: они поставили себе целью захватить контроль над профсоюзом железнодорожников. Возможность для этого представилась на Втором Всероссийском чрезвычайном железнодорожном съезде, открывшемся 19 декабря 1917 года в Петрограде в Институте инженеров путей сообщения. На съезде присутствовало около 550 делегатов: около 120 большевиков, 80 левых эсеров, 60 объединенных интернационалистов, около 40 меньшевиков, более 100 эсеров центра и правых. Остальные — беспартийные. Тон работе съезда был задан в первый же день заявлением одного из большевистских делегатов: «Предоставим Викжелю подышать последние минуты». Член Викжеля В. А. Плансон, резко протестуя против этого заявления, вместе с остальными членами Викжеля покидает зал заседаний. В зале поднимается шум и большинство делегатов требует удаления большевистского делегата (не удаляют).

Следующая ссора происходит по вопросу о президиуме съезда. Вечером 19 декабря большевик Жук «от имени межфракционных совещаний большевиков, левых эсеров и с.-д. интернационалистов заявляет о достигнутом соглашении по вопросу о конструкции временного президиума из 12 человек при следующем представительстве: от большевиков — 5 человек, от левых эсеров — 3, от интернационалистов-объединенных — 2, от эсеров центра и правых — 1 и от группы профессионалов — 1 представитель не правее с.-д. интернационалистов. [...] Тов. Браун от имени левых эсеров и тов. Вомпе от объединенных интернационалистов поддерживают предложение большевиков». Остальным делегатам приходится уступить, и день за днем они терпят все новые поражения. Большевики и левые эсеры на съезде выступают единым блоком, голосуют за одни и те же резолюции и провоцируют правых на разрыв (так, что часть правых не выдерживает и покидает съезд 23 декабря). В целом большевики и левые эсеры пытаются саботировать любую эсеровскую резолюцию. Так, когда обсуждался вопрос о предоставлении решающего голоса Церетели, Скобелеву и Зурабову, получивших телеграфный мандат от железнодорожников Закавказья,

фракции левых эсеров и большевиков выступают против, так как «Церетели и др., не являясь железнодорожниками, не могут по уставу железнодорожного союза представлять железнодорожников, но только могут быть заслушаны на съезде как политические деятели». В результате всем трем дали право совещательного голоса. 27 декабря большевики и левые эсеры пытаются провести большевика постоянным председателем съезда. Незначительным большинством голосов это предложение отклоняется, и «фракция большевиков заявляет, что в связи с принятым решением фракция не будет принимать участия в конструировании президиума и поддержки сконструированному таким образом президиуму не окажет. От имени фракции левых эсеров тов. Крушинский заявляет, что в виду возможности — после отказа большевиков от участия в президиуме — создания «коллегии» с преобладанием правого крыла съезда, фракция левых эсеров также воздерживается от участия в образовании коллегиального президиума. Аналогичное заявление поступает и от фракции объединенных интернационалистов». Тогда «правые» уступили и вопрос о президиуме и председателе Съезда был решен так, как предлагали большевики и левые эсеры. Председателем, голосами большевиков, левых эсеров и объединенцев был избран Жук (при «воздержании» правой части съезда). А в секретариат избрали 11 человек, «с преобладанием в нем левого крыла съезда». Не удивительно, что 4 января, перед самым созывом Учредительного собрания, съезд закончился полным расколом. Большинством в 12 голосов была принята резолюция «правого сектора» в поддержку Учредительного собрания, и левые «после оглашения соответствующих заявлений покинули зал заседаний». Собравшись затем отдельно, 6 января, уже после разгона Учредительного собрания, левые возобновили свою работу, составили президиум из 9 человек — 5 большевиков, 3 левых эсера и 1 социал-демократ интернационалист — и утвердили председателем того же Жука. После этого левый сектор, объявивший себя полномочным железнодорожным съездом, выбрал новое руководство Викжеля: 40 человек — 25 большевиков, 12 левых эсеров и 3 социал-демократа интернационалиста. Вот так и был ликвидирован оппозиционный большевикам Викжель. [Железнодорожный съезд. — НЖ, 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.), № 206 (200); Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожников. — ЗТ, 20 декабря 1917 г., № 100; Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 28 декабря 1917 (10 января 1918), № 105; Всероссийский железнодорожный съезд. Заседание 28 декабря. — ЗТ, 29 декабря 1917 (11 января 1918), № 106; Всероссийский железнодорожный съезд. Раскол съезда. — ЗТ, 6 (19) января 1918, № 112; Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 7 (20) января 1918, № 113; Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 25 января (7 февраля) 1918,

32

Протоколы II созыва, с. 12— 13.

33

Из членов ВЦИК, избранных на вечернем заседании 26 октября, большевиков было 62, а левых эсеров — 29 (или 31). Фракция большевиков даже не утруждала себя поэтому приходом на заседания в полном составе.

34

Протоколы II созыва, с. 15.

35

Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 26, с. 245-246.

36

Протоколы II созыва, с. 21; Ленин. Сочинения, т. 26, с. 244-246.

37

В проекте резолюции далее указывалось, что к этим «150 делегатам Советов рабочих и солдатских депутатов добавляется 75 делегатов от губернских крестьянских Советов, 80 от войсковых частей и флота, 40 от профессиональных союзов [...] и 50 делегатов от социалистической Петроградской городской думы».

38

Протоколы II созыва, с. 21-22; также Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 2, с. 207.

39

Протоколы II созыва, с. 22.

40

Протоколы ЦК РСДРП(б), 1958, прим. 175, с. 275.

41

Там же, с. 275. Протокол этого заседания числится в необнаруженных.

42

Ленин. Сочинения, т. 26, с. 248-249.

43

Известия ЦИК, № 217, 5 ноября 1917.

44

Записки института Ленина, т. 1, с. 89-90; Протоколы II созыва, с. 6-7. СНК фактически предоставил себе право закрывать любые газеты. Декрет задним числом легализовал действия ВРК и отрядов Красной гвардии по закрытию и конфискации газет, в том числе «Речи», «Дня» и «Вестника городского управления».

45

Протоколы II созыва, с. 23-24.

46

Там же, с. 24-26.

47

Камков. Две тактики, 25.

48

От имени большевистской оппозиции резолюцию вносил Ларин.

За нее проголосовало 22 человека против — 31. За резолюцию большинства голосовало 34 человека против 24-х при одном

воздержавшемся.

49

Протоколы II созыва, с. 26-27. Несколько позже Алгасов говорил об этом следующее: «Члены нашей партии входили в ВРК до момента принятия известной резолюции в ЦИК относительно печати. После того, как ЦИК принял резолюцию, предложенную фракцией большевиков, и отклонил резолюцию, предложенную партией левых эсеров, левые эсеры постановили отозвать своих представителей из ВРК». [Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 49.]

50

Там же, с. 27. Протоколы ЦК РСДРП(б), 1958, с. 136. Заявление подписали нарком торговли и промышленности Ногин; нарком внутренних дел Рыков; нарком земледелия Милютин; нарком по продовольствию И. А. Теодорович; комиссар по делам печати Н. И. Дербышев; Рязанов; комиссар государственных типографий С. Арбузов; комиссар Красной гвардии К. К. Юренев; заведующий отделом конфликтов в министерстве труда Г. Ф. Федотов; заведующий отделом законодательных предписаний комиссариата труда Ю. Ларин. Нарком труда А. Г. Шляпников сделал к заявлению следующую приписку: «Присоединяюсь к общей оценке политического момента в вопросе о необходимости соглашения, но считаю недопустимым сложение с себя ответственности и обязанностей» (Известия ЦИК, № 217, 5 ноября 1917 г.).

51

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 46.

52

Протоколы II созыва, с. 28. Запрос подписал Карелин, Спиро, Шрейдер, В. А. Дмитриевский-Александрович, И. П. Нестеров, С. И. Котляревский, И. В. Балашов, П. В. Бухарцев, Прошьян, С. С. Зак, Закс. Не все в эсеровской партии поддержали столь резкое отношение к происходящему беззаконию. Так, Алгасов считал, что ультиматум большевикам по вопросу о печати был ошибкой. «Ведь нам не удалось бы объяснить массам, — говорил Алгасов, — почему мы ушли от революции. Не оттого же в самом деле, что большевики встретили отказом наше требование открыть две-три

буржуазные газеты. Я против того, чтобы по таким ничтожным поводам предъявлять ультиматумы (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 59).

53

Протоколы II созыва, с. 31.

54

Вопросы истории КПСС, 1960, № 2, с. 181.

55

Протоколы II созыва, с. 35.

56

Там же, с. 36. В «Протоколах...» не был опубликован протокол № 7, заседания от 7 ноября, возможно, потерянный. На заседании ВЦИК 8 ноября доклад согласительной комиссии был включен в повестку дня последним, шестым пунктом. Но о самом докладе в протоколах нет ни слова. Возможно, что последний пункт повестки дня обсужден так и не был, и не было зачитано никакого доклада. (Протоколы II созыва, с. 40-46.)

57

Там же, с. 36.

58

Чернов писал позже, что резолюция ЦК ПСР не предусматривала, что Ленин и Троцкий в правительство не войдут и что сам он об этом требовании меньшевиков и эсеров узнал только из газет (АИГН, 10/3. Комментарии Чернова, с. 57).

59

Steinberg. In Workshop of the Revolution, pp. 47-48.

60

Советы в Октябре, с. 44.

61

Ленин. Сочинения, т. 26, с. 268.

62

Протоколы ЦК РСДРП(б), 1958, с. 137, 142-145.

63

Там же, с. 146

64

Протоколы II созыва, с. 40. Во всем этом левые эсеры видели и свою заслугу. Вот итог, подведенный на Первом съезде ПЛСР Малкиным: «Когда совершилось восстание большевиков, мы приняли это как факт, из которого надо было сделать выводы. Первый вывод касался того, где мы должны быть, в Смольном или вне его.

Мы очень сильно колебались. [...] Мы остались [в Смольном]. [...] Мы задалась целью разъединить большевиков и привлечь к себе колеблющихся из большевиков. [...] В уходе Каменева и мы сыграли большую роль. [...] Мы выставили впервые принцип [...] объединение революционного фронта от энесов до большевиков. [...] Викжель играл здесь большую роль. Мы собирались в Викжеле, и все левые группы выработали резолюцию, основываясь на которой мы договаривались с правыми. [...] Викжель сделал все возможное, но что же мы сделали в этот соглашательский период.

Мы саботировали Смольный. Мы отозвали товарищей из военнореволюционного комитета, мы не входили в правительство [...] Представляли ли мы политическую силу в октябрьские дни, сыграли ли мы свою роль. [...] Да, мы сыграли большую роль». (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 96-97.)

Однако раскол в стане большевиков не был долгим. Рыков, Каменев, Милютин и Ногин вскоре раскаялись в своих поступках и на заседание ЦК 29 ноября принесли покаянное заявление с просьбой принять их обратно в состав ЦК. Ленин им отказал, предложив опубликовать покаяние в печати и письменно ответить, что «назад их не принимаем». Свердлов сомневался: «Можем ли мы формально отказать им во вхождении вновь в ЦК?» Но на сторону Ленина встало большинство членов ЦК, присутствовавших на

заседании. Урицкий, например, считал, что «мы не можем их принять обратно в ЦК, так как совершенно нет гарантии, что оставшись вновь в меньшинстве по какому-либо вопросу, они не выступят с такими же письмами и выступлениями, как только что». Решено было «принять ответ тов. Ленина» (Протоколы ЦК РСДРП (б), 1958, с. 154, 155).

65

Советы в Октябре, с. 57.

66

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 14.

67

Протоколы ЦК ПСР, от 14 ноября 1917 г.

68

Гусев. Партия эсеров, с. 176.

69

См. его речь на заседании Моссовета 9 ноября, где Саблин образовал в тот день самостоятельную левоэсеровскую фракцию и в выступлении заверил, что при выборе между эсерами и большевиками ПЛСР предпочтет последних (Советы в Октябре, с. 58).

70

«Мы всегда боролись с личной диктатурой экстремистских элементов большевизма», — указал Камков на Первом съезде ПЛСР, но что же делать, если рабочие массы идут за большевиками. «С большевиками нас связывала судьба, объективный ход русской революции и революционная практика», — добавил Камков (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 73, 64).

71

Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 48.

72

«С одной стороны к нам подходят ответственные представители партии большевиков, — указывал Камков на Первом съезде партии левых эсеров, — и говорят: тов. левые эсеры, ведите энергично свое дело, мы вас поддержим и надеемся, что среди большевиков больше сопротивления вы не встретите и мы пойдем на соглашение. С другой стороны, в другой части революционной демократии мы находим сопротивление, массу предварительных условий, все возможных требований. Несколько раз заседали представители всех партий [...], и казалось, соглашение готово, но потом расходились и ничего не получилось» (Протоколы Первого съезда ПЛСР), с. 44.

73

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 286-287.

74

АИГН, 10/3, с. 62; Протоколы II созыва, с. 48; АИГН, 633/37, с. 2-3.

75

Протоколы II созыва, с. 51.

76

Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 108.

77

Ввиду того, что на Совещании не были представлены все местные организации, Совещание не могло провозгласить себя очередным съездом.

78

АИГН, 10/3, с. 63.

79

Протоколы II созыва, с. 51.

80

Гинев. Аграрный вопрос, с. 225.

81

Так, когда представитель ПСР попробовал обвинить большевиков в том, что они «списали» у эсеров декрет о земле, большевикам даже не пришлось защищаться. За них вступился левый эсер Колегаев, не без ехидства заметивший: «Мне кажется, что лучше провести в жизнь списанный закон, чем ничего не проводить» (ЗТ, 2 декабря 1917).

82

История СССР, 1957, № 3, с. 14; М. Харитонов]. Итоги Второго Всероссийского крестьянского съезда. — Известия ЦИК, 16 декабря 1917. Численность делегатов съезда и соотношение делегатов партий все время менялись. Но подавляющее большинство все время было у левых эсеров и большевиков.

83

Ерищян. Советы крестьянских депутатов, с. 112. Несмотря на это, согласно одному из источников, речь Ленина на Втором крестьянском съезде была встречена враждебно, а Троцкому вообще не дали говорить, встретив его криками «долой, палач, гильотинщик, убийца». Тогда Троцкий увел с собой в другой зал тех делегатов, которые готовы были его слушать, и им прочитал речь. В целом большевики пытались тянуть время в надежде, что эсеровские делегаты (приехавшие издалека) начнут разъезжаться («шинели» все были местные, им ехать было некуда). Дней через десять, устав от пустой говорильни, часть эсеровских делегатов действительно уехала. (Как русское крестьянство боролось за УС, с. 25.)

84

Очень вероятно, что по крайней мере на каком-то этапе переговоры с левыми эсерами и Крестьянским съездом от имени ЦК вел не Свердлов, а Зиновьев. Во всяком случае именно он 15 ноября выступал во ВЦИК с докладом о результатах переговоров. (Про токолы II созыва, с. 65.)

Там же.

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 46. Левой эсеро́вское большинство в ЦИКе (за счет голосов крестьянских депутатов, предположительно солидаризировавшихся с левыми эсерами, а не с большевиками) давало левым эсерам надежду на то, что контролируемый большевиками СНК будет (как и должен был бы быть) исполнительным, а не законодательным органом. Вот что заявлял в связи с этим Камков: «Когда мы создали форму соглашения [...], чтобы ни один декрет не был издаваем комиссарами без санкции ЦИК, они вынуждены были признать это. И теперь ни один декрет не может быть опубликован, если он предварительно не принят ЦИК. Таким образом законодательной властью является ЦИК, а не Совет народных комиссаров, являющийся властью исполнительной. Это было крупной победой в позиции, занятой левыми эсерами. В тот момент мы решили принять участие во власти и фракция наша делегировала тов. Колегаева на пост министра земледелия и ведутся переговоры о целом ряде других мест, которые должны быть заняты левыми эсерами» (там же). Однако большевики левых эсеров буквально обманули, не подчинившись и этому известному парламентскому правилу. Не успел Камков произнести свою речь на Первом съезде ПЛСР, как запыхавшийся Шрейдер выступил с внеочередным заявлением по поводу того, что вот только что издан Советом народных комиссаров опубликованный в «Правде» за № 197, от 23 ноября, декрет о суде, принятый СНК и обнародованный без санкции ЦИК. Шрейдер предложил «принять меры к тому, чтобы впредь пресечь попытки издания Советом народных комиссаров декретов без утверждения их высшим центральным органом». Запросили Свердлова. Тот ответил, что «при голосовании [в СНК] присутствовал т. Колегаев, который никакого протеста не заявил». На том обсуждение и кончилось. (Там же, с. 67-69.)

Chamberlin. The Russian Revolution, v. 1, p. 352.

ЗТ, 21 ноября 1917.

Как писала «Деревенская беднота» 21 ноября 1917 г., «выступивший от большевиков т. Харитонов, не видя в резолюции существенных противоречий в деле общей рабочей и крестьянской революции», заявил, «что большевики будут голосовать за резолюцию, предложенную левыми эсерами».

Протоколы II созыва, с. 71.

«Наша фракция [...] совершила большую ошибку, что не вошла в Совет народных комиссаров. Для нас с самого начала было ясно, что создание однородного социалистического министерства совершенно неприемлемо. Конечно, это не исключает создания однородного интернационалистического министерства» (т. е. правительства из большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов), — указывал левый эсер Табаков (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 62). «С самого начала я считал, что левые эсеры должны были войти в состав правительства Народных комиссаров», — вторил Алгасов, — «Я считаю, что в этом отношении была совершена политическая ошибка [...]. Я считаю отсталым предрассудком теперь, в ноябре месяце, употреблять выражение «однородное социалистическое министерство». Еще можно было об этом говорить в сентябре, но не теперь. [...] Что однородного между нами и энесами?» (Там же, с. 60.) Против отзыва левозэсеровских работников из ВРК Алгасов тоже возражал (там же, с. 49). «Мы должны, не смущаясь, [...] войти в правительство. [...] Мы — настоящая прежняя партия, с нами все террористы», — указывал Закс, будущий заместитель Дзержинского по ВЧК (там же, с. 19). «Наша организация просит лидеров левых войти в Совет народных комиссаров», говорил левый эсер из Выборга В. Д. Волков (там же, с. 14).

«Мы потеряли много тем, что не откололись раньше», — указал Прошьян (там же, с. 20). «Минская организация считает, что левые эсеры раз навсегда решительно должны отмежеваться от центра с тем, чтобы самостоятельно проводить программу подлинного революционного

социализма», — подчеркивал делегат Дейнеко (там же, с. 13). «Местная группа категорически считает, что дальнейшее сотрудничество с правыми невозможно», — заявил делегат саратовских левых эсеров Ежов (там же, с. 9). «Наша организация категорически решила отколоться от Центрального комитета. [...] Никакая коалиция в партии невозможна и нецелесообразна», — вторил Тихонов, от сумской организации (там же, с. 9-10). «Нашей задачей было покончить с ними раз навсегда», — резюмировал Камков (там же, с. 24). Что касается большевиков, то общее отношение к ним съезда высказала Спиридонова: «Как нам ни чужды их грубые шаги, но мы с ними в тесном контакте, потому что за ними идет масса, выведенная из состояния застоя» (там же, с. 36-37).

93

В ЦК вошли Натансон (получивший 69 голосов), Спиридонова (68), Камков (68), Колегаев (64), Карелин (64), Устинов (63), Биценко (61), Алгасов (57), Штейнберг (55), Трутовский (52), Малкин (48), С. Д. Мстиславский (42), Прошьян (42), Шишко (34), Шрейдер (31). Кандидатами были избраны: Д. А. Черепанов (27), В. М. Качинский (26), Прохоров (21), Д. А. Магеровский (19), И. Майоров (18) [там же, с. 113-114].

94

Краткий отчет о работе IV съезда ПСР, с. 153-154. Когда в день открытия съезда ПСР представитель Северной области предложил обсудить отношение съезда к левым эсерам, член ЦК ПСР Быховский ответил, что «обсуждение отношения к левым уже не является необходимым, так как они исключены» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 83). Правда, левые эсеры планировали попасть на съезд эсеровской партии ради демонстративного разрыва на нем с эсерами. Вот что рассказывал Камков о тактике левых эсеров в отношении съезда ПСР:

«Мы постановили, что этот съезд мы не признаем и являемся туда с декларацией [...]. Для установления метода действия была избрана комиссия [...]. Комиссия пришла к тому, что нам лучше всего дать решительный бой, а для этого недостаточно послать туда двух-трех делегатов, было бы хорошо [...] явиться туда всем нам, имеющим мандаты, до начала съезда, объявить заседания и аннулировать постановления ЦК. Если же случится так, что нас окажется меньшинство, то, возможно, тогда мы компактной массой покидаем съезд, огласив предварительно свою декларацию, указывающую на окончательный разрыв с правыми. [...] Политика ясна. Политика захвата всего ЦК и его аппарата левыми

эсерами-интернационалистами. Если же нам это не удастся, мы покидаем собрание» (там же, с. 78). Настроены левые эсеры были воинственно. «Мы должны пойти на партийный съезд, принять в нем живое участие. [...] Мы должны дать бой по всей линии», указывал Закс (там же, с. 19). «Нам нужно войти на съезд и [...] ясно сказать о разрыве с ЦК», — считал делегат от таганрогских левых эсеров Родионов (там же, с. 20). Алгасов вообще был против участия в работе съезда: «Надо раз навсегда отмежеваться, вырыть между нами пропасть, они не нужны нам. Необходимо сделать свое заявление, отозвать своих, они не уйдут сразу, но потом уйдут» (там же, с. 23). Примерно то же предлагал Натансон: выпустить декларацию левых о том, что «все мы можем смести в буржуазном обществе, все сметем, что будет в наших силах, что мы будем действовать именем Советов», после чего покинуть съезд, уведя с собой всех избранных туда левых эсеров (там же). На практике, однако, все ограничилось декларацией Штейнберга и Трутовского.

95

АИГН, 10/3, с. 74

96

Правда, даже Камков признал, что съезд этот «формально не правомочен». «Но время такое, — продолжал Камков, — что нельзя устраивать все по точному регламенту» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 24).

97

Историк-марксист, 1927, 6, с. 40.

98

Зайцев. Политика партии большевиков, с. 52. Такие же сведения приводит в своей статье Р. М. Илюхина (К вопросу о соглашении, с. 19).

99

Вот как описывала открытие съезда Спиридонова: «Правые требовали, чтобы открыл съезд В. М. Чернов, левые — чтобы открыл президиум Чрезвычайного съезда. [...] Правая часть заглушает ревом и свистом голос

левых, левые отвечают, кончается почти свалкой. Требовали удаления — одни правых, другие левых. [...] Пришлось закрыть второе заседание. Армия и флот требовали, чтобы все «вольные» и штатские, все интеллигенты ушли, остался один «фронт», чтобы обсудить, как быть. [...] Решать было предложено сразу обо всем, и о пайках солдатам, и об учителях» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 114).

100

Несколько иную статистику дает Чернов: за Спиридонову — 269 голосов, за Чернова — 230 (АИГН, 10/3, с. 75).

101

Там же, с. 75-77.

102

Известия Всероссийского крестьянского съезда, 8 декабря 1917.

103

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 107.

104

Сообщая об этом членам СНК, Свердлов заявил о достижении полного соглашения с ПЛСР по всем пунктам, подчеркнув, что левые эсеры «обязуются проводить советскую политику» (там же, с. 107-108). Официально эти назначения утверждены были на заседании ВЦИК 12 декабря. Большевистско-левоэсеровский блок с успехом действовал в провинции. Так, в Тамбовской губернии из 25 мест в исполкоме Совета 15 взяли себе большевики, 10 -левые эсеры В Вологодской губернии, согласно информации от 4 декабря, президиум Совета разделили между собой большевики и левые эсеры. А в Иркутске состоявшийся из левых эсеров и большевиков ВРК взял в свои руки «всю работу по организации власти». (Гусев. Партия эсеров, с. 180.)

105

Голос трудового крестьянина, 13 и 14 декабря 1917.

Проект их был опубликован в «Известиях Всероссийского крестьянского съезда» 2 декабря 1917 г. Позже они были окончательно утверждены Совнаркомом и опубликованы 13 декабря в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства». «Положение» было подписано Коллегаевым и Лениным.

Оба документа исходили из полной отмены декретом о земле помещичьей собственности на землю и передавали ее в распоряжение земельных комитетов. Согласно «Инструкции» все земли сельскохозяйственного назначения делились на две категории — подлежащие и не подлежащие разделению в уравнильное землепользование. Земли первой категории в свою очередь делились на две части. Земли, не превышающие «трудовую норму», оставались в распоряжении прежних владельцев. А земли, обрабатываемые наемным трудом, подлежали перераспределению. Однако пока это был лишь общий принцип. Конкретных указаний по определению размеров трудовых норм «Инструкция» не содержала. Конфискованный инвентарь и скот, по теории, как и земля, подлежал распределению. (Собрание узаконений РСФСР. 1917, № 7, с. 102-107.) В целом инструкцию положительно оценивают даже советские историки. П. Н. Першин, например, пишет, что «нельзя было и рассчитывать, что вновь созданный наркомат, не имея сколько-нибудь опытного рабочего аппарата [...] мог в несколько дней разработать подробную инструкцию» (Першин. Аграрная революция в России, кн. 2, с. 62-63). Е. А. Луцкий считает, что «Инструкция» имела «важное значение в проведении аграрной политики советской власти» (Луцкий. Политика советской власти, с. 153).

Возможно, это означало, что при выработке этих документов, имевших для ПЛСР принципиальное значение, большевики оставили без изменений эсеровские аграрные законы в обмен на отказ левых эсеров от лозунга «Вся власть Учредительному собранию». В том, что для большевиков принятие этих законов было уступкой, сомневаться не приходится. Ленин неоднократно говорил об этом. Так, 18 декабря он заявил, что большевики, конечно же, обязаны будут дать левым эсерам возможность осуществить их

аграрную программу, воздерживаться в СНК при голосовании по аграрным вопросам. (Ленин. ПСС, т. 35, с. 103.) Косвенным доказательством тактического сговора служат январские события. Сразу же после разгона Учредительного собрания большевики выступили против перенесения ряда положений «Инструкции» в закон о социализации земли, а сами земельные комитеты как самостоятельные учреждения по требованию большевиков были распущены и заменены земельными отделами Советов. Но в самих сельских Советах количество левоэсеровских функционеров было значительным, чего нельзя было сказать о сельских функционерах партии большевиков. Практическая работа по реализации эсеровского декрета «О земле» также лежала на партии левых эсеров. Это подтверждают как советские, так и западные историки. Луцкий пишет: «Непосредственное осуществление советской аграрной политики проходит через находившийся в руках левых эсеров наркомзем» (Вопросы истории, 1947, № 10, с. 28).

109

14 декабря фракция ПЛСР во ВЦИК высказалась за проект декрета о национализации банков: «Мы присутствуем при начале экспроприации экспроприаторов, здесь не может быть двух мнений. Мы готовы всемерно поддержать товарищей большевиков». Устами Штейнберга ПЛСР поддержала большевиков и по вопросу о внешней политике. (Протоколы II созыва, с. 149-150, 155). Вместе начали две партии работу по созыву социалистической конференции левых интернационалистов Европы.

110

Вот как комментировал это событие несколько позже Чернов: «Происходит насильственный роспуск Петроградской думы за ее эсеровское большинство. Партия [эсеров] признает роспуск незаконным и отказывается участвовать в перевыборах. Отщепенцы [левые эсеры], воображая и публично заявляя, что большинство было когда-то партии дано их голосами, собираются занять место, брошенное партией, производят собственную «чистку» имен кандидатов, идут на перевыборы и терпят жалкий провал» (АИГН, 382/2, с. 32).

111

Ленин, ПСС, т. 41, с. 57. Цитата 1920 года.

112

Свердлов указывал на это достаточно откровенно: «В течение долгого времени, — сказал Свердлов, — нам совершенно не удавалось заложить какой-нибудь прочной основы для нашей работы в организациях крестьянства [...]. Когда создался Второй крестьянский съезд [...] победа оказалась на стороне левых эсеров, приехавших с мест» (Свердлов. Избранные статьи и речи, с. 79).

Примечания

1

Подробнее об этом см. Троцкий. Уроки Октября, Об «Уроках Октября», с. 220-262; Коммунистическая оппозиция в СССР, т. 1, с. 125; Разгром левой оппозиции в СССР, с. 246, сн. 4.

2

МИСИ, кол. SIBL, папка 2293/40.

3

АИГН, 198/23, с. 2,

4

АИГН, 149/12, с. 5

5

АИГН, 198/23, с. 1-2.

6

Там же, с. 5.

7

Зиновьев тоже был неузнаваем, с длинной бородой и бритой наголо головой (АИГН, № 471/20. Письмо БИН — М. А. Алданову от 14 ноября 1952 г. 1 л.). Об этом же писал в своих воспоминаниях А. Иоффе: Изредка

на заседаниях ЦК «появлялся прятавшийся Зиновьев, почти неузнаваемый со своими длинными усами, остроконечной бородкой, придававшими ему вид не то испанского гранда, не то бродячего итальянского певца» (Из воспоминаний Иоффе, с. 202).

8

«Ильич на заседаниях ЦК не появлялся, — вспоминает Иоффе. — Ходили слухи, что он страшно нервничает в своем уединенном изгнании [...] полагает, будто большинство ЦК против восстания и поэтому рвет и мечет». Строго конспиративно, под руководством Свердлова, в «Лесном» собрали, наконец, одно из заседаний, на которое должен был явиться и Ленин Тот «пришел злой, раздраженный, плохо настроенный, вероятно, все по той же причине».

Был он почти неузнаваем: «бритый и в парике. Парик, вероятно, сильно ему мешал, [...] он снял его и положил перед собой на стол». И только после речи Троцкого «за восстание с изложением тактики его подготовки» Ленин «совсем развеселился» (там же, с. 202-203).

9

Этот текст Ленина впервые был напечатан в «Правде» в 1932 году и был черновиком письма, недописанного, не отправленного и не преданного гласности самим Лениным. Остается только проверить по архивам, написал ли Ленин такой текст в действительности.

10

Нет никаких указаний на то, что немцы прибегали к шантажу тех большевиков, которые были с ними связаны еще с дореволюционных времен. Но шантаж общего характера — прекращение поддержки ленинского правительства — имел место 2 (15) декабря 1917 года. В этот день германский посланник в Стокгольме доносил в МИД следующее о своей беседе с Воровским: «Я предупредил его, чтобы он не вздумал экспериментировать с внутренними немецкими делами, сказав ему, что никакая немецкая сторона не поддержит такого эксперимента перед лицом официального мнения. Я сказал, что оппоненты большевиков настаивают, чтобы немецкое правительство не заключало мира с ними, так как придется заново заключать мир с теми, кто придет им на смену. Противники большевиков предлагают немецкому правительству объявить, что большевики не полномочны вести переговоры. Немецкое правительство

отвергло эти предложения, но оно не может подвергать себя риску вести переговоры практически в безнадежных обстоятельствах. Боровский признал, что отказ немцев от переговоров может привести к падению большевиков, и попросил, чтобы в Берлине учли тот факт, что большевики вынуждены вести переговоры в условиях демократического контроля, и обеспечить возможность немедленной публикации результатов, и что, кроме того, они должны оставить возможность для участия в переговорах союзников. Они не будут пытаться каким-либо образом повлиять на состав немецкой делегации» (т. е. не будут настаивать на включение в германскую делегацию представителей германских социалистических партий). [Земан. Германия и революция в России. Донесение К. Рицлера из Стокгольма от 2 (15) декабря 1917г.]

11

Чернин. Брест-Литовск, с. 144.

12

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 1Ы.

13

Там же, с. 163, 193.

14

Чернин. Брест-Литовск, с. 145-147.

15

Германия, док. № 41 от 2 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Лерснера в МИД Германии; там же, док. № 44 от 3 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Розенберга в МИД Германии.

16

Стокгольм, собственно, давно уже был выбран социалистами как место для переговоров между европейскими социалистами. Подготовка к (так и не состоявшейся) конференции началась уже летом 1917 года. Наиболее активным элементом в организации конференции был

голландско-скандинавский комитет, возглавляемый шведским социалистом Брантингом и бельгийским — Камилем Гюисмансом. Уже в мае «голландско-скандинавский комитет составил и разослал различным социалистическим и рабочим организациям небольшую программу обсуждения условий демократического мира» (и получил от некоторых делегаций ответы). Конференция предполагала исходить из «признания справедливого мира» и подразумевала «право народов распоряжаться своей судьбой, автономию национальностей, отказ от захватов, от контрибуций» (АИГН, 61/5, с. 1, 20, 24).

Конференция не состоялась, так как страны Четверного союза, с одной стороны, и Россия, с другой, приступили к сепаратным переговорам. Тогда делегаты несостоявшейся стокгольмской конференции решили провести в Лондоне во второй половине января 1918 года конгресс социалистов Антанты (т. е. представителей тех стран и партий, которые отказались участвовать в сепаратных переговорах). Лондонский съезд состоялся, но без участия русских партий, представителям которых советское правительство вовремя не выдало заграничные паспорта. Так, эсеровские делегаты съезда — В. В. Сухомлин и Н. С. Русанов получили паспорта лишь 28 февраля. (Там же, ч. 2, с. 136.) За это время, с 6 по 12 февраля, успела состояться еще одна конференция — Бернская, где собрались «социалисты двух противоположных лагерей», но относились друг к другу слишком враждебно для того, чтобы хоть о чем-то договориться. Бельгийцы, например, за исключением Гюисманса, просто отказывались заседать в одном зале с немцами (там же, с. 147).

17

Боровский в беседах с германскими дипломатами указал, что лозунг переговоров о всеобщем мире был выдвинут по соображениям внутриполитическим, подтверждая этим, что советское правительство стремится к сепаратному, а не всеобщему миру. Вот что доносил 8 декабря по н. ст. германский посланник в Стокгольме Рицлер в МИД Германии: «Я только что имел частную беседу с Воровским, который производит впечатление честного и разумного человека. Он думает, что его правительство вынуждено из опасений перед внутренними политическими врагами оставить открытой возможность участия союзников в переговорах и может оправдать сепаратный мир, лишь сославшись на отказ союзников участвовать в переговорах. Однако он сказал, что призывы на этот счет столь же бессмысленны, как призывы к народу начать революцию. Если эти призывы окажутся безуспешными, русские начнут прямые переговоры о сепаратном мире» (Земан. Германия и революция в России. Донесение

Рицлера о беседе с Воровским в Стокгольме 25 ноября /8 декабря/).

18

Публично большевики всякий раз подчеркивали, что речь не идет о сепаратных переговорах с аннексиями и контрибуциями. Даже в начале декабря 1917 года, когда становилось все очевиднее, что Германия настаивает на недемократическом мире, Зиновьев утверждал, что большевики подписывают именно демократический мир: «Мы Вильгельма прижали к стене, и его генералы должны будут скоро дать ясный и определенный ответ: желают ли они захватов, насилия и грабежей, или принимают они наши условия». [Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Зиновьева. — НЖ, 14 (27) декабря 1917, № 201 (195).] «Событиями последних дней в Брест-Литовске вырван боевой козырь у меньшевиков и правых эсеров, которые твердили, что большевики ведут Россию к гибели, заключая будто бы сепаратный мир. Теперь стало ясно, [...] что только советская власть проявила активную деятельность в вопросе внешней политики и только благодаря ей мы скоро получим настоящий демократический мир. [...] Советская делегация во время переговоров проявила сильную устойчивость и добилась от германских генералов признания наших основных пунктов соглашения.» [Съезд железнодорожных рабочих. Выступление Зиновьева. — НЖ, 16 (29) декабря 1917, № 203 (197).]

19

То, что речь шла о борьбе за власть в партии (или за влияние в международном социалистическом движении), косвенно подтверждает донесение Рицлера германскому канцлеру от 31 октября (12 ноября) 1917 года: «В настоящий момент я не думаю, что правительство в Петрограде, если допустить, что оно достаточно укрепит свою власть и продержится хотя бы несколько недель, использует Радека, Фюрстенберга [Ганецкого] и Воровского в качестве посредников. [...] Самый энергичный и талантливый из них — это поляк Собельсон, выступающий обычно под псевдонимом Карл Радек, хорошо известный немецким социал-демократам по его прошлой деятельности в Германии. Студентом он как будто крал книги и прочие вещи, и друзья наградили его кличкой Крадек. В русских газетах он до сих пор фигурирует под этим именем, и он взял его в качестве псевдонима. Он характеризуется как человек абсолютно аморальный, но очень умный и необычайно способный журналист. [...] В настоящий момент его работоспособность и знание германской политики — он знает даже ее

потайные стороны — наверняка привлекут в Петрограде уважение к его идеям и предложениям» [Земан. Германия и революция в России, док. от 31 октября (12 ноября) 1917].

20

Немецкий историк-социалист пишет: «Большевикам было ясно, что при данной ситуации общий мир мог быть только результатом европейской революции. У держав Антанты, силы которых непрерывно росли, не было никаких оснований отчаиваться в исходе войны, несмотря даже на то, что германское военное командование получало в распоряжение большие силы, освободившиеся на востоке. Всякий сепаратный мир с Германией обозначал огромное усиление германского империализма. В этом отношении большевики находились под властью событий. У них не осталось никакого иного средства, кроме широкой пропаганды [...], апеллирующей к пролетарским массам других стран [...]. Это должно было подогреть революционную энергию во всех странах» (АТ, Т-3742 П. Фрелих. К истории германской революции, т. 1, с. 219-220.)

21

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 99.

22

Конкуренция за руководство революционным движением в Европе между группой Ленина и группой Парвуса не осталась незамеченной немцами. 2 (15) декабря Рицлер доносил в МИД, что за перенесение переговоров в Стокгольм стоит не только Боровский, но и Парвус, «который хочет сыграть свою роль». 13 (26) декабря в отчете агента германского правительства в МИД эта тема обсуждалась более подробно:

«Возобновившиеся попытки русских перенести переговоры из Брест-Литовска в какую-нибудь нейтральную страну объясняются главным образом влиянием Радека и его друзей, которые преследуют тут две цели. С одной стороны, они надеются, что если, например, будет выбран Стокгольм, то они смогут иметь большее влияние, потому что тогда те люди, которые на протяжении многих месяцев были представителями большевиков в Стокгольме, смогут играть более значительную роль в переговорах. С другой стороны, они, вероятно, надеются на затягивание переговоров, в Стокгольме влияние революционной социал-демократии, особенно немецкой группы, будет чувствоваться сильнее, чем в Петрограде,

не говоря уже о Брест-Литовске. В этой связи стоит упомянуть, что интерес Радека в разжигании революции совсем иного сорта, чем у Ленина или Троцкого».

«Похоже, что Радек и Ко. плетут какую-то собственную международную революционную паутину», — доносил Рицлер 11 (24) декабря. В тот же день в поданном им секретном меморандуме Рицлер объяснил, что речь идет, по существу, о борьбе за власть в большевистской партии между Парвусом, с одной стороны, и Лениным и Троцким — с другой:

«Прибыв сюда в середине ноября, Парвус сначала был уверен в возможности и необходимости социалистической конференции. Датское предложение созвать такую конференцию, которое пока что не дало никаких результатов и о котором забыли, следует считать плодом его усилий. [...] Различные аспекты его деятельности не ясны нам до сих пор. Кроме желания созвать социалистическую конференцию, он также надеялся, что переговоры будут вестись здесь или в Копенгагене и он сможет использовать свое влияние, чтобы контролировать их с обеих сторон. Насколько сильно его влияние на русских социалистов — не ясно. Он сам поначалу страстно ждал сообщений на этот предмет, [...] он переоценивает свое влияние на других, точно так же как он переоценил доверие Воровского и Радека к нему. Он говорит, что эти двое ничего не предпринимают, не сообщив ему. Но я абсолютно точно выяснил, что он ошибается. Боровский относится к нему с величайшим подозрением и говорит, что верить Парвусу нельзя. Сейчас доктор Гельфанд [Парвус] работает над укреплением своей позиции в России с помощью «унтер-офицеров», вопреки Ленину и Троцкому и даже, при необходимости, против них».

Парвус, проживавший в то время в Копенгагене, прибыл в Стокгольм для ведения переговоров с русскими большевиками, прежде всего Радеком и Ганецким [Донесение Рицлера в МИД от 5(18) декабря]. Однако германское правительство, понимавшее, что Парвус будет интриговать против Ленина и сепаратного мира отозвало Парвуса из Стокгольма. Тот тянул с отъездом, как мог, под тем предлогом, что не может купить обратный билет. 11 (24) декабря Рицлер сообщил, что Парвус «уезжает только сегодня». К этому времени Парвус как политический деятель уже скомпрометировал себя в глазах социалистов открытыми связями с германским правительством, и те самые революционеры, которые в годы войны прибегали к услугам Парвуса и его деньгам, теперь отвернулись от него. Старые связи с Парвусом становились только помехой (Земан. Германия и революция в России, документы от соответствующих чисел).

23

«Третьим членом делегации является г-жа Биценко, — записал Чернин в своем дневнике. — [...] То, что происходит кругом нее, ей, кажется, в сущности безразлично. Только тогда, когда речь заходит о принципах международной революции, она внезапно просыпается, все выражение ее лица меняется и она напоминает хищного зверя, который внезапно увидел свою добычу перед собой и готов кинуться на нее» (Чернин. Брест-Литовск, с. 149-150).

24

Из пропагандистских соображений в состав первой советской делегации включили рабочего Н. А. Обухова, крестьянина Р. Н. Сташкова, матроса Ф. В. Олича и солдата Н. К. Белякова.

Этих держали для парада, и в переговорах они никакого участия не принимали. В состав делегации была также включена группа военных консультантов, из высших офицеров русской армии: генерал-майор В. Е. Скалой, контр-адмирал Альфатер, капитан 1 ранга Б. И. Доливо-Добровольский и некоторые другие. (Чубарьян. Брестский мир, с. 87). Секретарем делегации был назначен большевик Л. М. Карахан.

25

Германия, док. № 45 от 3 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Лерснера в МИД Германии.

26

Там же, док. № 47 от 3 декабря по н. ст. 1917 г. Протокол заседания.

27

Там же, док. № 51 от 4 декабря по н. ст. 1917 г. Протокол заседания; там же, док. № 54 от 5 декабря по н. ст. 1917 г. Розенберг в МИД Германии.

28

Цит. по кн. Чубарьян. Брестский мир, с. 89.

29

Германия, док. № 56 от 5 декабря по н. ст. 1917 г. Протокол заседания.

30

Чернин. Брест-Литовск, с. 154.

31

Советская делегация как условие перемирия пыталась выторговать также право провоза и распространения в Германии и провоза через Германию для распространения в Англии и Франции пропагандистской литературы о мире. Гофман на это заметил: «Желание пробудить в Германии стремление к миру является излишним, так как мы ведь готовы заключить с вами мир». Впрочем, распространение «пропагандистских брошюр в других странах» Гофман посчитал уместным: немцы надеялись пораженческой пропагандой ослабить Англию и Францию. (Чубарьян. Брестский мир, с. 90.)

32

Известия ЦИК, 25 ноября 1917, № 235. В Армении новость о перемирии не была воспринята с большой тревогой. Вот что писала в те дни одна из закавказских газет: «Из Эривани Закавказскому комиссариату телеграфирует президиум съезда армян-воинов: «Выслушав доклад и декларацию Закавказского комиссариата об объявлении сепаратного перемирия России с Турцией, первый всероссийский съезд армян воинов постановил: [...] Съезд верит, что революционная демократия свободной России [...] не отдаст остатки армянского народа [...] на растерзание самодержавной Турции и одним из условий мира будет полное самоопределение Турецкой Армении, полное ее освобождение от турецкого ига [...]. Впредь же до заключения мира Армения не должна быть очищена нашими войсками, ибо очищение занятых областей имело бы последствием истребление [турецкой армией] остатков нашего народа» (газ. Республика [Тифлис], № 116, 26 ноября 1917, с. 1-2, статья «К перемирию»).

33

Соглашение о продлении перемирия было подписано вечером 3(16) декабря 1917 г. Перемирие могло быть разорвано любой из сторон с уведомлением за семь дней. В случае отсутствия такого уведомления

перемирие автоматически продлялось вплоть до разрыва его с уведомлением за семь дней любой из сторон. (Германия, док. № 90 от 16 декабря 1917 г. по н. ст. Тел. Розенберга в МИД Германии.)

34

Член мирной делегации левый эсер Мстиславский докладывал о мирных переговорах на заседании Первого съезда ПЛСР.

35

Протоколы II созыва, с. 168, 127. Точку зрения большевиков и левых эсеров разделяли в этом вопросе меньшевики. Д. Ю. Далин, в частности, пишет: «Идея большой социалистической революции на Западе одушевляла меньшевизм во всех его течениях, хоть и с разными оттенками. Дело было не только в том, что меньшевизм [...] сохранял верность ортодоксальному («революционному») марксизму и [...] что большая часть партии придерживалась циммервальдских взглядов, что мировая война является прологом социальной революции [...]. И для большевиков, и для меньшевиков первым отчетливым отрезком большой европейской революции была ожидаемая революция в Германии. В Германии, казалось, имеется самая большая ортодоксально-марксистская партия; она была самой промышленной страной континента» (Далин. Меньшевизм в период советской власти, с. 144-145).

36

Протоколы II созыва, с. 82. Каменев, видимо, отдавая дань революционному настрою делегатов, указал на то, что большевиками «среди немецких солдат распространяется воззвание за подписью советского правительства. В этом воззвании народные комиссары заявляют, что в случае, если немецким солдатам придется идти на помощь революционному тылу Германии, русские солдаты не будут наступать на германском фронте. Воззвание распространяется в миллионах экземпляров.» В ответ германская делегация выразила «полуофициальный протест», в котором назвала воззвание советского правительства к германским солдатам вмешательством во внутренние дела Германии, указав, что «листок угрожает ходу мирных переговоров». Германский протест, впрочем, был проигнорирован: советское правительство заявило, что в этом отношении «не брало на себя никаких обязательств» (там же, с. 92).

Германская и австро-венгерская делегации неоднократно просили советских делегатов воздержаться от пропагандистской деятельности. Так, Чернин заявил Иоффе, что категорически протестует против всякого вмешательства во внутренние дела Австро-Венгрии и в противном случае предлагает советской делегации прервать переговоры. (Чернин, Брест-Литовск, с. 151; АТ, Т-3742. Л.Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 2, с. 632, 633). Неудивительно, что такие гуманитарные вопросы, как обмен военнопленных и интернированных в пылу дискуссий о мировой революции остался неразрешенным. Советское правительство объясняло это тем, что не хотело обмениваться пленными, так как этим давало германской армии потенциальных солдат, «употребление которых» не могло контролировать: «Если бы в Германии правил Либкнехт, мы бы отпустили пленных» (Протоколы И созыва, с. 91). Германское правительство в этом вопросе не спешило, так как речь шла о неравном обмене. Генерал Людендорф указал в связи с этим, что если после заключения мира с Россией немцам придется «выдать наших 1.200.000 русских пленных, которым противостоят 100.000 человек в России», германская экономика рухнет, так как 600 тысяч этих пленных заняты в сельском хозяйстве, 230 тысяч — в промышленности, 200 тысяч — в оккупированных областях (Германия, док. № 195 от 25 января по н. ст. 1918 г. Тел. Лерснера в МИД Германии).

37

Германия, док. № 113 от 25 декабря. Тел. Кюльмана в МИД Германии со стенограммой заседания от 25 декабря 1917 г. по н. ст.

38

Мирные переговоры в Брест-Литовске, с. 9-10. Как писал позднее Троцкий, «дипломаты Четверного союза присоединились к демократической формуле мира — без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов. Для нас было совершенно ясно, что это — лишь лицемерие». (АТ, Т-3742. Л.Троцкий. 1917, т. 3, ч. 2, с. 325.)

39

Германия, док. № 113.

40

В конце 1917 года не многие сохраняли иллюзии относительно согласия Германии пойти на подписание демократического мира.

Вот что писал о перспективах мира один из авторов: «В территориальном отношении немцы [...] после провозглашения «независимости» Польши [...] проектируют образовать из Курляндии и Лифляндии «новую Германию» с центром Ригой и «независимое» литовское государство [...] с столицей Вильно. [...] Кроме того возможно, что связь с Финляндией будет еще более ослаблена, если не совсем прервана. [...] Престиж России [...] будет совершенно утрачен [...] и на Дальнем Востоке, где могущественная Япония, сохранившая свой флот и свою армию неприкосновенными, явится вершителем всех дел [...]. Русские интересы в Китае, Монголии и Маньчжурии и вся вообще Восточная Сибирь будут в зависимости от доброй воли японцев. [...] Правда, многие мечтают о том, что грядущий мир с Германией будет «демократическим миром», «братским миром». Вполне надеяться на это мы могли бы, если бы во главе Германии было демократическое, революционное правительство, скажем, Либкнехта, но увы — вместо Либкнехта мы видим Вильгельма и Гинденбурга, от которых едва ли можно ждать почетных и приемлемых для России условий мира»

(А. Щепотьев. Перспективы будущего мира. — Республика. Ежедневная внепартийная газета. Тифлис, четверг, 30 ноября 1917 г. № 119).

41

АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г., № 5457.

42

Когда болгарская делегация высказалась против согласия Германии и Австро-Венгрии подписать мир без аннексий и контрибуций, Кюльман и Чернин убедили ее в том, что на такое предложение не согласится Антанта, а потому опасаться нечего. (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 169-170.)

43

Германия, док. № 113.

44

На основании соглашения об общем перемирии начались переговоры фронтов. В частности, командующий Кавказской группой турецкой армии обратился к главнокомандующему русской кавказской армией генералу Пржевальскому. Сообщив об общем перемирии, он распорядился о перемирии на турецком фронте.

28 ноября комиссар Кавказской армии Д. Д. Донской разослал в русские воинские части Кавказа телеграмму о том, что турецкая армия согласилась на русские условия перемирия и что «делегация из представителей главнокомандующего краевого центра.

Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и армейского комитета выезжает срочно для установления условий перемирия». Договор о перемирии был также подписан главнокомандующим румынским фронтом. В телеграмме Донского сообщалось кроме того, что перемирие на Западном фронте, по слухам, начнется 29 ноября, но не ясно, мол, на каких условиях. (Республика. Ежедневная внепартийная газета. Тифлис, четверг, 30 ноября 1917 г. № 119. Статья «К перемирию».)

45

Цит. по АТ, Т-3742. Из мемуаров Чернина, с. 317.

46

Чернин. В дни мировой войны, с. 236.

47

Гинденбург. Воспоминания, с. 59.

48

«18 декабря по н. ст. высшее военное командование добилось того, чтобы его привлекли к участию в мирных переговорах. Когда министр иностранных дел Кюльман добился у императора некоторого уменьшения предполагавшихся на востоке аннексий, Людендорф снова пригрозил отставкой. 7 января 1918 года по н. ст. Людендорф и Гинденбург послали Вильгельму ультиматум: или решительное выступление в Брест-Литовске, самые широкие аннексии и передача решающего голоса военному командованию, или отставка обоих диктаторов. В результате [...] по существу уступили им во всем» (АТ, Т-3742. П. Фрелих. К истории

германской революции, т. 1, с. 222).

49

Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 58-59.

50

То, что Брестский мир является препятствием для заключения перемирия на Западе, вскоре стало очевидно многим германским политическим деятелям. После заключения Германией и советским правительством в августе 1918 года дополнительных договоров на несовместимость их с «разумным миром» на Западе указывали некоторые руководители политических партий Германии, в том числе Ф. Эберт и М. Эрцбергер. Для ревизии Брестского мира была даже создана межфракционная комиссия рейхстага (там же).

51

Gratz and Schuller. The Economic Policy, p. 79.

52

Кюльмана сменил Пауль Гинце, который находился на этом посту до начала октября 1918 г., входил в состав германской делегации, поехавшей на Западный фронт для переговоров о мире, но после ноябрьской революции в Германии отошел от государственных дел. (АТ, Т-3742. Л.Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, с. 568.)

53

Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 61.

54

Германия, док. № 70 от 12 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Грюнау в МИД Германии; там же, док. № 71 от 12 декабря по н. ст. 1917 г.

Тел. Гертлинга в Беркхайм; там же, док. № 73 от 12 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Грюнау в МИД Германии.

55

Германия, док. № 115 от 26 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Лерснера в МИД Германии.

56

Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 61-62.

57

Германия, док. № 118 от 26 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

58

Там же; Гофман. Война упущенных возможностей, с. 168, 173; Bailey. Brest-Litovsk, p. 57.

59

Германия, док. № 128 от 29 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Кюльмана Гертлингу. Чернин, в частности, написал: «В дополнение к нашей вчерашней беседе я считаю своим долгом сообщить Вам, что имею четкий приказ от своего императора о том, что переговоры с Россией не должны потерпеть неудачу из-за наших требований. По этой причине, в случае неудачи Ваших усилий, я вступлю в сепаратные переговоры с русской стороной».

60

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 171, 172.

61

Германия, док. № 125 от 28 декабря по н. ст. 1917 г. Телеграфное сообщение о четвертом заседании конференции в Брест-Литовске в МИД Германии; там же, проект договора от 27 декабря по н. ст. 1917г.

62

Земан. Германия и революция в России. Донесение заместителя

статс-секретаря по иностранным делам от 4 января 1918 г.

63

Германия, док. № 138 от 3 января по н. ст. 1918 г. Тел. Мюллера из Брест-Литовска в МИД Германии.

64

Там же, док. № 139 от 3 января по н. ст. 1918 г. Тел. Бусше Кюльману. Иоффе еще 5(18) декабря в ответ на запрос Германии дал понять, что считает необходимым подписать мирный договор в какой-нибудь нейтральной стране, но вести переговоры большевики соглашались тогда в Бресте (Германия, док. № 103 и № 104 от 18 декабря по н. ст. 1917 г. Телеграммы Розенберга в МИД Германии). Теперь же советское правительство заняло более жесткую позицию и по существу грозило разрывом переговоров.

65

Брестские переговоры и общественное мнение в Германии. — Международная политика и мировое хозяйство, с. 93. Немцы напомнили Иоффе, что в Бресте «было договорено со всеми истекающими отсюда обязательствами, что переговоры между союзниками и русской делегацией будут продолжены не позднее 5 января в Брест-Литовске. Любое изменение места переговоров будет отклонено» (Германия, док. № 140 от 4 января 1918 г. по н. ст. Тел. Кюльмана Гертлингу). «Попытка русских заставить нас в последний час изменить место сбора не была неожиданной, — писал Кюльман рейхсканцлеру. — Желание заключить «демократический мир» в Стокгольме с привлечением депутатов-социалистов всех стран все время витало в воздухе. Однако, в любом случае, после того как была достигнута твердая договоренность о новой встрече в Брест-Литовске 4 января, русская делегация поступает совершенно неправомочно. Я считаю, что сейчас к успеху может привести только решительный и жесткий разговор [...]. Если со стороны русских не будет сделано уступок, то я обязуюсь 7 числа сего месяца прервать перемирие и пустить события на самотек. Я лично не сомневаюсь в том, что когда большевистское правительство поймет, что для энергичной защиты наших интересов мы не остановимся ни перед боязнью наших левых партий, ни перед нервной реакцией наших партнеров по союзу, то оно пойдет на уступки. В этом случае я могу с достаточной уверенностью предположить, что этот эпизод лишь облегчит

достижение соглашения. Мне кажется весьма знаменательным, что телеграмма подписана не министром иностранных дел Троцким, а господином Иоффе» (там же).

66

Там же.

67

Там же, док. № 142 от 4 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

68

По крайней мере, именно такую отметку сделал на полях депеши Вильгельм и, видимо, был прав (там же).

69

Чернин. Брест-Литовск, с. 153-158.

70

Консультантами при советской делегации были С. Бобинский и Радек (по делам Польши), П. И. Стучка (по делам Латвии), В. С. Мицкявич-Капсукас (по делам Литвы). (Мирные переговоры в Брест-Литовске, с. 41-43).

71

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 177-178.

72

Trotsky. Lenin, p. 103. В черновых записях недописанной им книги «Ленин» Троцкий в конце 1930-х годов написал следующее: «Во время Брест-Литовских переговоров Ленин лучше, чем кто бы то ни было, понимал, какой пыткой для меня является общение с чуждым и враждебным миром. Он был очень доволен ведением переговоров — агитационным и «затягиванием» их — и обнаруживал это в свойственной

ему скупой, я бы сказал застенчивой, но тем более выразительной форме. Эпизодическое расхождение по поводу подписания мира омрачило отношения — на несколько дней. В Кремле мы жили первое время рядом. От облачка брестских разногласий не осталось и следа.» (АТ, Т-3742. Из черновых набросков для биографии Ленина.)

73

А. Самойло. Две жизни, с. 192-193. Стенограммы заседаний об этом не свидетельствуют. Лишь 9 января по н. ст. Гофман выступил с обширным протестом против вмешательства советского правительства во внутренние дела Германии, в нарушение предварительного советско-германского соглашения. Гофман заявил, что у него имеется «целый ряд радиообращений и воззваний, подписанных представителями русского правительства или русским командованием, которые являют собою частью ругательства, направленные против немецких военных органов и германского верховного главнокомандования, а частью — воззвания с требованиями революционного характера». К протесту Гофмана присоединились военные представители Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Троцкий на этом заседании вообще не выступал, а сразу же после протеста Гофмана предложил объявить перерыв, что и было сделано, причем заседание в тот день больше не возобновлялось. (Германия, док. № 156 от 9 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.) Днем позже Троцкий ответил Гофману, что советское правительство сохраняет за собой и своими согражданами «полную свободу пропаганды их республиканских и революционно-социалистических убеждений» (там же, док. № 157 от 10 января по н. ст. 1918г. Тел. Кюльмана в МИД Германии).

74

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 179.

75

Германия, док. № 173 от 17 января по н. ст. 1918г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

76

В тот день в Бресте была получена следующая депеша от генерала А. фон Арца: «Близ Вены крупные промышленные округа начали забастовку.

Движение распространилось вплоть до окрестностей Мюрццушлаг. В качестве предлога этого движения называется сокращение мучного пайка, однако, как мне кажется, причина кроется в политических обстоятельствах, так как рабочие непременно хотят заключения мира. (...) Поводом для всего движения служит беспокойный и медленный ход Брестских переговоров. [...] Последствия этого движения для полевой армии и для всего хода войны могут быть самыми неблагоприятными. Находясь под впечатлением развивающегося здесь рабочего движения я прошу [...] оказать максимальное влияние на редактирование отчетов о Брестских переговорах с учетом этих отношений» (там же, док. № 173). Обычно сдержанный Кюльман по получении телеграммы Арца отметил: «Граф Чернин выглядит весьма озабоченным из-за внутреннего положения в Австрии. Он повторно со всей серьезностью и настойчивостью указал на то, что внутренние австрийские дела не перенесут разрыва Брестских переговоров. В этом случае он, сражаясь до последней минуты на нашей стороне, будет вынужден в самое последнее мгновение перед отъездом русских вступить с ними в сепаратные переговоры и подписать даже самое ничтожное соглашение. Позиция [германского] верховного главнокомандования и последние предложения относительно урегулирования польских границ [...], а также наше поведение в вопросе о хлебе, создали в Австрии впечатление, что в Германии решено совершенно не обращать внимания на ее желания и потребности.

В связи с тем, что местные большевики должны быть точно осведомлены окольным путем через «Интернационал» о внутреннем положении Австрии, такое положение создает почти непреодолимые препятствия для переговоров» (там же).

«Страх перед опасностью революции рос в руководящих кругах с каждым днем и на этой неделе достиг примерно того же уровня, что и прошлой весной. В своем испуге правительство не сделало ничего, чтобы сдержать действие большевистской пропаганды. Нельзя отделаться от впечатления, что оно совершенно не желает распознать опасности и воздействовать на Берлин. Внезапным для него было возникновение движения, связанного с сокращением рациона муки. Неожиданно и совершенно ошеломляюще началось забастовочное движение в Нижней Австрии, а вчера на улицах Вены состоялись шумные митинги с отдельными забастовками. Таким образом, страх перед всеобщей забастовкой очень велик, и здесь надеются на поставки хлеба из Германии для того, чтобы успокоить людей и выиграть время. Однако одного этого не

достаточно, так как движение имеет политические причины, а хлебный паек это только внешний повод», — доносил в рапорте германскому канцлеру немецкий дипломат из Вены (там же, док. № 178 от 17 января по н. ст. 1918 г. Рапорт Веделя Гертлингу).

78

Там же, док. № 92 от 16 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Розенберга в МИД Германии.

79

Там же, док. № 107 от 21 декабря по н. ст. Тел. Бусше — Розенбергу в Брест-Литовск.

80

Там же, док. № 201 от 30 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу. Заявление Чернина было подвергнуто резкой критике Гинденбургом: «Наше поведение в Бресте, — писал Гинденбург рейхсканцлеру, — вызванное податливостью по отношению к недружелюбной, противоречащей верности братству по оружию позиции графа Чернина, вызвало у русских чувство победы над нами, о чем Ваше превосходительство может судить по радиовыступлению Крыленко 27 декабря в 3.40 пополудни и из высказываний русской прессы» (там же, док. № 132 от 30 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Лерснера в МИД Германии).

81

Там же, док. № 119 от 27 декабря по н. ст. 1917г. Тел. Людендорфа Винтерфельдту; там же, комментарий Винтерфельдта к телеграмме Людендорфа.

82

Там же, док. № 135 от 1 января по н. ст. 1918 г. Тел. Лерснера в МИД Германии.

83

Германия, док. № 139.

84

Там же, док. № 138. В составе украинской делегации были статссекретарь В. А. Голубович (глава делегации), М. Левитский, М. Любинский, М. Полозов и А. Севрюк, а также консультанты ротмистр фон Гассенко и профессор Е. Остапенко (Мирные переговоры в Брест-Литовске, с. 42).

85

Германия, док. № 140.

86

Там же, док. № 141 от 4 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

87

Чернин. Брест-Литовск, с. 158-159.

88

Германия; док. №147 от 6 января по н. ст. 1918г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

89

Там же, док. № 156.

90

Там же, док. № 157; Майоров. Борьба советской России, с. 191.

91

История ВКП(б), т. 4, с. 294.

92

Чубарьян. Брестский мир, с. 102.

93

Там же, с. 126-127.

94

Германия, док. № 162 от 12 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

95

Чубарьян. Брестский мир, с. 128. Гофман пишет в мемуарах, что приезд советской украинской делегации в Брест относится к первым числам февраля: «По возвращении всех участников в первых числах февраля Троцкий пустил в ход еще одно средство, чтобы помешать украинским сепаратным переговорам. Он привез с собой двух украинцев, Медведева и Шахрая, которых прислала не Центральная Рада, а новое большевистское правительство, образовавшееся в Харькове.» (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 184.) Видимо, Гофман ошибается.

96

Мирные переговоры в Брест-Литовске, с. 136; Гофман. Война упущенных возможностей, с. 184.

97

Германия, док. № 157; там же, док. № 160 от 12 января по н. ст. 1918 г. Тел. Бусше в посольство в Вене и посланнику в Константинополь.

98

Там же, док. № 161 от 12 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу; там же, док. № 163 от 13 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; там же, док. № 171 от 16 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.

99

Там же, док. № 176 от 17 января по н. ст. 1918 г. телеграмма Кюльмана Гертлингу; там же, док. № 174 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; там же, док. № 177 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; там же, док. № 178 от 17 января по н. ст. 1918 г. Рапорт Веделя Гертлингу.

100

Там же, док. № 166 от 14 января пон. ст. 1918г. Тел. Кюльмана в МИД Германии; там же, док. № 171; там же, док. № 165 от 13 января по н. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии.

101

Там же, док. № 176.

102

Там же, док. № 172 от 16 января пон. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии; там же, док. № 165. 17 (4) января Украина, Германия и Австро-Венгрия обсудили общие принципы будущего экономического сотрудничества (там же, док. № 175 от 17 января по н. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии). 22 (9) января на совещании в Вене австро-венгерских руководителей под председательством императора Карла решено было уступить украинцам в вопросе о «Восточной Галиции ввиду нужды в украинском хлебе» (Чернин. Брест-Литовск, с. 166-167; Литовцев. Французы и Брест-Литовск; АТ, Т-3742). Что Чернин не преувеличивал опасность, засвидетельствовал в своих мемуарах генерал Гофман: «Положение графа Черника стало в это время особенно затруднительным из-за внезапной продовольственной катастрофы в Вене, случившейся благодаря непредусмотрительности австро-венгерского правительства. [...] С другой стороны, украинский мир, на который я смотрел как на средство произвести давление на Троцкого, стал в качестве «хлебного мира» настоятельной необходимостью для графа Чернина. Особенно плохо для Австрии было то, что его тяжелого положения нельзя было, конечно, скрыть от украинцев» (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 183).

103

Германия, док. № 180 от 18 января по н. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии; там же, док. № 182 от 18 января по н. ст. 1918 г. Тел.

Кюльмана Гертлингу.

104

Ленин, ПСС, т. 35, с. 225; Чубарьян. Брестский мир, с. 129.

105

Майоров. Борьба советской России, с. 193.

106

Германия, док. № 182 от 18 января по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу; там же, док. № 181 от 18 января по н. ст. 1918 г. Тел. Веделя в МИД Германии.

107

Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 67-68.

108

В историографии обычно считается, что заявление Гофмана было чуть ли не ультимативным. Из документов этого не следует.

Более того, 19 января по н. ст. Гертлинг в специальном письме Гинденбургу подтвердил, что до заключения сепаратного соглашения с Украиной какие-либо ультиматумы в отношении советского правительства абсолютно исключены и будут на руку только Троцкому, ищущему повода для разрыва переговоров (Германия, док. № 185 от 19 января по н. ст. 1918 г. Тел. Гертлинга Лерснеру).

Примечания

1

Вишняк. Ленин и УС.

2

ДСВ, т. 1, с. 5; Революция 1917 года, т. V, с. 183; Декреты Октябрьской революции, т. 1, с. 1; Документы великой пролетарской революции, т. II, с.

3

Протоколы II созыва, с. 6.

4

Вишняк. Ленин и УС.

5

ДСВ, т. 1, с. 17, 19, 20.

6

Ленин. ПСС, т. 35, с. 17. 26 октября (8 ноября) 1917. «Кто присутствовал при последнем восстании в Петрограде, тот знает [...], что рабочие шли на восстание под знаменем защиты Учредительного собрания», — укажет левый эсер Камков 27 ноября на Первом съезде ПЛСР (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 92).

7

Вот что заявлял на съезде Юго-Западного фронта в Бердичеве большевик и главком Крыленко вскоре после большевистского переворота: «Мы всеми силами стремимся к созыву Учредительного собрания, ибо только оно может успокоить разоренную империалистической войной страну. Да, мы свергли Временное правительство. Но свергли потому, что оно не хотело созывать именно это Учредительное собрание [...]. Мы хотим, чтобы Советы правили бы страной до того дня, когда раздастся властный голос последнего. И мы хотим, мы требуем от вас, товарищи солдаты, чтобы вы поддержали нас, вы утвердили лозунг «Вся власть Советам до дня созыва Учредительного собрания» (цит. по кн. Вишняк. Дань прошлому, с. 325).

8

Там же.

9

Троцкий. О Ленине, с. 91-92.

10

Известия Всевыборы, 1917, № 16-17, столб. 7-8.

11

Протоколы II созыва, с. 35.

12

ЗТ, 7 ноября 1917, № 65.

13

Рубинштейн. К истории УС, с. 63. Это косвенно подтверждается воспоминаниями жены Свердлова, которая пишет: «Теперь, после установления власти Советов, никто из нас «Учредилку» всерьез не брал, но и отмахнуться от нее просто так, воспрепятствовать ее созыву было нельзя. Не раз говорил мне об этом Яков Михайлович» (Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 289).

14

ЦК меньшевиков постановил, в частности, «напрямь все силы для ведения избирательной кампании и участвовать в выборах в тех местах, которые не охвачены гражданской войной» и где «восстановлена полная свобода выборной агитации» (Партийные известия, 1917, № 8, столб. 18). А 7 ноября Всевыбора «пришла к заключению, что по силе закона выборы должны состояться в назначенные сроки всюду, где свободное голосование может быть осуществлено и где требования законного порядка выборов могут быть исполнены» (Всероссийское УС, с. 151).

15

Известия ЦИК, № 220, 9 ноября 1917.

16

«Выборы идут пока очень благоприятно для революционной демократии, — писал большевик Н. Л. Мещеряков, — и есть большие основания думать, что в будущем Учредительном собрании большевикам в союзе с примыкающими к ним левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами удастся составить левое большинство» (Известия Московского Совета, 18 ноября 1917, № 209). Такого же мнения придерживался Луначарский (Правда, 19 ноября 1917, № 209).

17

Чернов, например, считал, что именно после того, как большевистская программа скомпрометирует себя и не будет более казаться привлекательной, возрастет авторитет Учредительного собрания: когда наступит кризис в мирных переговорах с немцами, когда в деревне начнется междоусобная борьба за землю, когда останутся фабрики и наступит голод. Чернов предлагал поэтому с созывом Собрания вообще не спешить (АИГН, 10/3, с. 84).

18

Еще 25 октября комиссар Временного правительства на Румынском фронте Э. П. Тизенгаузен доносил в Ставку: «Мое глубокое убеждение, что двинуть войска для защиты лиц самого правительства едва ли возможно [...]. В защиту Учредительного собрания и для противодействия попыткам срыва безусловно встанет весь фронт [...]. Защита Учредительного собрания весьма популярна» (Архив русской революции, т. 7, с. 307). 12 ноября на заседании

Бюро ЦИК первого созыва Церетели заявил, что «такие вопросы, как вопрос о мире и созыве Учредительного собрания, лучше всего могут соединить под одним знаменем всю демократию России [...]. Учредительное собрание — единственный хозяин земли» (Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК, с. 102). Опасения большевиков, таким образом, были не напрасны.

19

Протоколы II созыва, с. 45. В протоколах по этому поводу сделана следующая запись: «Вопрос об Учредительном собрании. Доклад Зиновьева; предлагается резолюция [о] необходимости своевременного созыва Учредительного собрания. Резолюция принимается единогласно».

20

Газета писала: «Выборы в Учредительное собрание должны во что бы то ни стало пройти в срок — 12 ноября. Готовьтесь к выборам! До выборов осталось только три дня. Ни минуты промедления! В Петрограде выборы обязательно начнутся 12 ноября» (Известия ЦИК, 9 ноября 1917, № 220).

21

Правда, 10 ноября 1917, № 185. Заведующий агитационным отделом ВЦИК В. Володарский высказал в связи с этим следующие соображения: «План агитации у нас таков: у нас написана избирательная листовка и целый ряд плакатов, которые будут готовы завтра. Мы ими засыплем все фабрики и заводы! Необходимо на каждой фабрике, на каждом заводе провести предвыборные митинги и собрания. Максимальную помощь агитаторам мы дадим» (Первый легальный петербургский комитет большевиков, с. 350).

22

Протоколы II созыва, с. 62. «Известия ЦИК» считались органом Центрального исполнительного комитета, и левые эсеры, задетые такой несправедливостью, подали во ВЦИК жалобу на редакцию «Известий». Жалоба была удовлетворена, и редакция обещала более списка большевиков не публиковать, но, конечно же, опубликовала снова, да еще с призывами голосовать именно за этот список. 14 ноября левые эсеры сделали новый запрос во ВЦИК, но потерпели поражение. Предложенная Спиро резолюция о том, «чтобы в «Известиях» не было призыва за большевиков» была отклонена.

23

Знаменский. Всероссийское УС, с. 244.

24

ЗТ, 12 ноября 1917, № 70.

25

26

Знаменский. Всероссийское УС, с. 270-273.

27

Рубинштейн. Большевики и УС, с. 54-55.

28

«Посмотрите, по всей России на втором месте проходят в Учредительное собрание кадеты, — указывал делегат Абрамов. — Мы, социалисты-революционеры, всегда стояли за эту надежду народа — за Учредительное собрание. Но теперь, по мере выяснения результатов выборов, у нас теряется надежда, оправдывает ли Учредительное собрание желания и чаяния народа. Если это Учредительное собрание не сможет провести социализацию земли, то у нас возникнет новый вопрос — сделать выбор между Учредительным собранием и Советами, и тогда мы [...] должны сказать твердо, что Учредительное собрание изжило себя, мы переросли его» (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 61).

Такого же мнения придерживался левый эсер Табаков: «Учредительное собрание [...] не отразит настроения масс. Я считаю [...] что Учредительное собрание надо окружить железным кольцом Советов, контролировать, требовать и проводить свое. [...] Борьба начнется в открытую. Мы должны быть во всеоружии. Я утверждаю, что бой будет. Тут товарищ Шрейдер говорил, что мы сначала послушаем, что они будут говорить. Нет, товарищи, лучше не будем слушать — мы хорошо знаем, что они будут говорить. [...] Я ни на один момент не допускаю, чтобы Совет был сторожем и хранителем Учредительного собрания. [...] Если [...] Учредительное собрание не пойдет навстречу нам, то судьба его мне предвидится еще в более плачевном виде, чем судьба Предпарламента» (там же, с. 63).

Чем дольше длился съезд и яснее представлялась картина с выборами, тем резче реагировали левые эсеры на проблему Учредительного собрания. «Когда я слышу столь модные теперь крики «Вся власть Учредительному собранию», я понимаю, что люди не отдают себе отчета в том, чего они требуют», — заявил Шрейдер (там же, с. 104) и был поддержан Прошьяном: «Отдать власть Учредительному собранию [...] мы не можем и не должны. [...] Конфликт его с Советами неизбежен, и если оно захочет

взять власть в свои руки, то мы ему этой власти не отдадим» (там же, с. 108-109).

Спиридонова же попыталась дезавуировать Учредительное собрание, как таковое: «Мы [...] виноваты в том, что внушали народным массам, будто Учредительное собрание является огромным завоеванием народа, что Учредительное собрание — чуть ли не венец революции, что оно должно сказать решающее слово по всем большим вопросам нашей государственной жизни [...]. И только в последнее время [...] перед нами стали рассеиваться всякие парламентские иллюзии» (Третий Всероссийский съезд Советов, с. 45-46).

29

Не путать с городским головой эсером Г. И. Шрейдером.

30

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 111.

31

Исключением был список в Учредительное собрание эсеров Харьковской губернии (там же, с. 13).

32

«Если бы раскол произошел раньше, — указывал делегат из Новгорода Ромль, — мы не имели бы правого списка в Учредительное собрание, возглавляемого Авксентьевым [...]. За этот правоэсеровский список мы не сочли даже возможным для себя агитировать — таким образом большинство соберет большевистский список, за который будут голосовать массы, идущие за нами» (там же, с. 12). См. также Известия ЦИК, 12 ноября 1917, № 233.

33

Знаменский. Всероссийское Уч, с. 251).

34

Вот как относился к вопросу о разгоне Собрания левый эсер Алгасов:

«Мне совершенно непонятно, когда здесь говорят о разгоне Учредительного собрания. Когда это Учредительное собрание не будет отражать настроения масс, — мы покинем его и тем самым укрепим власть Советов. Нам совершенно не нужно себя дискредитировать его разгоном. [...] Мы признаем Учредительное собрание как смотр силам страны. И как только мы подсчитаем свои силы и силы наших противников и убедимся, что мы в меньшинстве — мы уйдем отсюда не разгоняя, не применяя никакой другой силы. Этим самым Учредительное собрание перестанет существовать». (Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 69.) Прошьян, Трутовский и Камков заняли в отношении Собрания большевистскую позицию уже на левоэсеровском съезде. Так, Прошьян считал, что «не приходится питать никаких иллюзий относительно того, что Учредительное собрание с полубуржуазным большинством своего состава» не будет относиться «сочувственно к тем целям, во имя которых был совершен Октябрьский переворот», и что Собрание «не будет укреплять почву для дальнейшего развития социалистической революции» (Протоколы II созыва, с. 178).

35

Троцкий. О Ленине, с. 92.

36

Там же.

37

Городецкий. Рождение советского государства, с. 442.

38

Фрайман Форпост социалистической революции, с. 163.

39

ДСВ, т. 1, с. 167-168.

40

Протоколы II созыва, с. 73-74.

41

Там же, с. 79.

42

Вишняк. Дань прошлому, с. 328-330. Официально Всевыбора была распущена декретом СНК от 29 ноября 1917 (ДСВ, т. 1, с. 167-168). После роспуска Учредительного собрания комиссия Урицкого просуществовала еще несколько недель, до начала февраля 1918 г. (Всероссийское УС, с. XXV.)

43

ДСВ, т. 1, с. 159, 171.

44

АИГН, 10/3. Комментарии Чернова, с. 86.

45

Мельгунов. Как большевики захватили власть, с. 381-382.

46

Бонч-Бруевич. На боевых постах, с. 189.

47

ДСВ, т. 1, с. 161-162. Об арестах среди кадетов см., в частности: Как это было; Вишняк. Дань прошлому, с. 334; Гессен. В двух веках, с. 381.

48

Протоколы ЦК РСДРП (б), с. 149. С записями этого выступления Бухарина произошло недоразумение. В тексте протокольной записи из секретариата ЦК написано: «Это тем более будет легко, что большевики с левыми эсерами будут иметь колоссальное преобладание» (там же). Авторы примечаний сборника по этому поводу пишут: «Бухарин искажал данные о

составе Учредительного собрания» (там же, с. 279). Но ошибка была сделана протоколистом. Это доказывается параллельной секретарской протокольной записью, в которой сказано: «Левую часть объявить революционным конвентом. Левые эсеры и большевики с колоссальным преобладанием большевиков» (там же). Таким образом, речь шла, во-первых, о конвенте, а во-вторых, о преобладании большевиков по отношению к левым эсерам.

49

Там же, с. 150,151,156,279; Deutscher. *The Prophet Armed*, p. 340; Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б), с. 127.

50

Революция 1917 года, с. 281.

51

Протоколы II созыва, с. 124.

52

Скрипилев. Всероссийское УС, с. 188.

53

НЖ, 3 декабря 1917.

54

Протоколы II созыва, с. 120-121; Steinberg. *In Workshop of the Revolution*, p. 60.

55

Протоколы II созыва, с. 122. На том же заседании ВЦИК одобрил решение СНК «собрать Учредительное собрание при наличии в Петрограде 400 депутатов» (там же, с. 121).

56

Известия Всероссийского крестьянского съезда, 5 декабря 1917.

57

ЗТ, 12 декабря 1917. Аналогичная резолюция была принята на Первом съезде ПЛСР. Эсеры между тем продолжали бороться с кадетами. В начале декабря на заседании «Союза защиты Учредительного собрания» 7 человек голосовали за принятие кадетов, 3 — против. Но эсеры заявили, что они из Союза уйдут, если кадетов примут. (Мелыунов. Воспоминания и дневники. Вып. 1, ч. 1-2, с. 241.) Возможно, это связано и с тем, что в этот период эсеры все еще надеялись составить блок с левыми эсерами и отколоть их от большевиков. На межфракционном совещании они предлагали открыть Учредительное собрание 28 декабря (10 января). Левые эсеры настаивали на 5 (18) января, дате, согласованной с большевиками. Во всех случаях на соглашение с эсерами левые идти не собирались.

58

Цит. по кн. Быковский. Всероссийский Совет, с. 325.

59

Голос трудового крестьянства, 15 декабря 1917, № 22.

60

Ленин. ПСС, т. 35, с. 150-155; Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 116.

61

«Многие из них [большевиков] «Учредилку» уже считали совершенно излишней, — писал в своих воспоминаниях Сагирашвили, — и поэтому были против всяких выборов. К этой группе принадлежали Троцкий, Бухарин, Ларин. Ленин же по тактическим соображениям находил созыв Учредительного собрания необходимым» (АИГН, 198/23, с. 13-14).

62

Первый легальный петербургский комитет, с. 273; Протоколы ЦК

РСДРП(б), с. 160, 161; Правда, 16 декабря 1917, № 216; Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 292-293; Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 126.

63

Правда, 13 декабря 1917, № 213. Вишняк ошибочно считает, что «по мотивам политической стратегии и внутренней тактики» тезисы Ленина были впервые опубликованы лишь 26 декабря (Вишняк. Дань прошлому, с. 338). Да, 26-го, но по новому стилю, т. е. — 13-го по старому. Тезисы не оставляли сомнения в том, что Учредительное собрание будет разгромлено. (Ленин. ПСС, т. 35, с. 162-166.)

64

Троцкий. Сочинения, т. 3, ч. 2. Приложение: Доклад Урицкого по текущему моменту на заседании Петербургского комитета РСДРП(б), с. 364-368.

65

Чрезвычайный всероссийский железнодорожный съезд. Заседание 19 декабря. — ЗТ, 21 декабря 1917, № 101.

66

Steinberg. In Workshop of the Revolution, p. 52.

67

Протоколы II созыва, с. 175.

68

Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд. Во фракции левых эсеров. — ЗТ, 23 декабря 1917, № 103. С похожей речью выступил на съезде железнодорожников Карелин: «Учредительное собрание нынешнего состава дает мало надежд стать [...] верным выразителем и исполнителем воли народной». (Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 3(16) января 1918, № 109.)

69

Протоколы II созыва, с. 177.

70

Зиновьев, в частности, заметил: «Нет сомнения, что буржуазная пресса всех толков опять подчеркнет, что мы, созывая новый Съезд Советов, хотим противопоставить наши революционные органы «Советы» пресловутому Учредительному собранию. Конечно, мы отнюдь не хотим затушевывать истины и находим, что в этом отношении буржуазные писатели отчасти правы» (там же, с. 175; Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 471).

71

Съезд железнодорожных рабочих. Доклад Зиновьева. — НЖ, 14 (27) декабря 1917, № 201 (195).

72

Видимо, именно это пробольшевистское настроение — за разгон — в последующие дни стало доминирующим во всей ПЛСР. 28 декабря в передовой статье, озаглавленной «Учредительное собрание и Советы», газета «Знамя труда» писала, что Собрание «осталось на перевернутой уже историей странице», а через несколько дней — что собрание попытается вырвать власть у Советов, чему ПЛСР будет противостоять любыми способами. А 4 января та же газета писала, что «Октябрьский переворот [...] обескровил идею Учредительного собрания, лишив его всякого исторического содержания».

73

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 475; Протоколы II созыва, с. 177; ДСВ, т. I.e. 278. Та же фраза, дословно, была включена в резолюцию фракции левых эсеров, внесенную во ВЦИК 22 декабря, но отклоненную большинством голосов в связи с принятием резолюции Зиновьева. (Протоколы II созыва, с. 188.)

74

ДСВ, т. 1, с. 284.

75

Правда, 24 декабря 1917, № 223.

76

Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. 3, с. 128.

77

Всероссийское УС, с. 214; Из истории ВЧК, с. 88; Правда, 4 января 1918, №2.

78

Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т., с. 127.

79

Бонч-Бруевич. Созыв УС.

80

Как русское крестьянство боролось за УС, с. 36.

81

ДСВ, т. 1, с. 323-324.

82

АИГН, 382/5, с. 3.

83

Троцкий. О Ленине, с. 93. П. И. Стучка впоследствии писал, что «в охране Смольного и Таврического дворца (во время разгона Учредительного собрания) первое место занимали товарищи, отобранные латышскими стрелковыми полками» (Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 113).

84

Чернов. Перед бурей, с. 256, 355.

85

Бонч-Бруевич. На боевых постах, с. 246-247. Бонч-Бруевич впервые познакомился с Железняковым во время усмирения пьяных матросов-анархистов броненосца «Республика» (тот был у них главным). [Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. 3, гл. «Страшное в революции».] О том, что Железняков (Железняк) был «по убеждениям анархист» пишет В. Деготь в статье «Разгон Учредительного собрания и III съезд Советов», с. 132.

Теперь, когда, по выражению Подвойского, необходимо было позаботиться о «технике разгона» (Соловьев. Великий Октябрь и его противники, с. 97-98), матросы-анархисты пришлось как нельзя кстати.

86

Рубинштейн. Большевики и УС, с. 51, 55; Знаменский. Всероссийское УС, таблицы в конце книги.

87

Чернов. Перед бурей, с. 356 — 359.

88

Цит. по кн. Луначарский. Бывшие люди, с. 38.

89

Протоколы ЦК ПСР, от 3 (17) ноября 1917 г.

90

По существу, это был возврат к политике октябрьских дней: 3 ноября эсеровская газета «Дело народа» писала в передовой статье, что «ПСР не должна быть партией гражданской войны с правительством большевиков, так как она не борется с теми рабочими и солдатами, которые временно идут за большевиками», а «должна победить большевизм, вскрывая перед

демократией всю внутреннюю ложь его».

91

Чернов пояснял: «Надо было морально обезоружить [...] большевиков. Для этого мы пропагандировали демонстрацию гражданского населения абсолютно безоружную, против которой было бы нелегко употреблять грубую силу. Все, на наш взгляд, зависело от того, чтобы не дать большевикам и тени морального оправдания для перехода к кровопролитию. Только в этом случае, думали мы, могут поколебаться даже самые решительные их защитники и проникнуться решительностью самые нерешительные наши друзья» (Перед бурей, с. 357). Нужно было слишком плохо знать большевиков, чтобы строить свои планы в надежде на колебания Ленина и Троцкого. Впрочем, Вишняк даже в 1946 г. считал, что в отношении Учредительного собрания эсеры все делали исключительно правильно (Вишняк. Дань прошлому, с. 348-351.) Иные выводы сделал Б. Ф. Соколов, указавший в воспоминаниях, что эсерами «было учтено все, кроме банды пьяных матросов, заполнивших галереи Таврического дворца, и непарламентского цинизма большевиков» (Соколов. Защита УС, с. 60). А Троцкий заметил, что с хорошо вооруженной диктатурой демократия боролась бутербродами, которыми члены Учредительного собрания запаслись в достаточном количестве (Trotsky. Lenin, p. 123).

92

Вишняк. Всероссийское УС, с. 99-100.

93

За день до разгона Собрания большевики и левые эсеры продемонстрировали свою солидарность на Чрезвычайном Всероссийском съезде железнодорожников. Когда большинством в 12 голосов съезд проголосовал за резолюцию в поддержку Учредительного собрания, фракции большевиков и левых эсеров выступили против и с пением «Смело товарищи в ногу...» покинули зал заседаний. (От имени левых эсеров декларацию об уходе зачитывал Черепанов.) К заявлениям фракции левых эсеров и большевиков присоединилась группа меньшевиков-интернационалистов. (Всероссийский железнодорожный съезд. Раскол съезда. — ЗТ, от 6 (19) января 1918, № 112.)

94

Рубинштейн. К истории УС, с. 104-105.

95

АИГН, 519/30, гл. 7, с. 5.

96

Чернов. Перед бурей, с. 359; Вишняк. Дань прошлому, с. 357-358; Как русское крестьянство боролось за УС, с. 41-42. Аналогичные манифестации произошли в Москве, Саратове и др. городах, почти везде сопровождаясь расстрелами. Особенно много жертв было в Москве (там же, с. 42.) Согласно официальным советским данным, в Москве было убито 9 манифестантов и ранено 30 (Пролетарская революция, 1928, № 1 (72), с. 127-128, 131).

97

Владимир Ильич Ленин, т 5, с. 179.

98

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 295.

99

Пока Ленин обсуждал с руководством большевистской фракции Собрания последние детали операции, из кармана повешенного им на вешалке пальто кто-то украл револьвер. Начались розыски. Вора нашли. Им оказался один из матросов, охранявших Собрание. Его вывели в сад и немедленно расстреляли. (АИГН, 382/5, с. 3.)

100

Владимир Ильич Ленин, т. 5, с. 179-180. Большевик Раскольников вспоминает: «Кто-то развивает план наших работ в расчете на длительное существование Учредилки. Бухарин нетерпеливо шевелится на стуле и, подняв указательный палец, требует слова. «Товарищи, — возмущенно и насмешливо говорит он, — неужели вы думаете, что мы будем терять здесь целую неделю? Самое большое мы просидим три дня». На бледных губах

Владимира Ильича играет загадочная улыбка» (Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, с. 6).

101

Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. 3, с. 132.

102

Там же, с. 135.

103

Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, с. 8-9.

104

Мстиславский. Пять дней, с. 140.

105

Вишняк. Дань прошлому, с. 362.

106

«Учредительное собрание считало бы в корне неправильно противопоставить себя советской власти [...] власть должна принадлежать [...] Советам [...]. Поддерживая советскую власть и декреты Совета народных комиссаров. Учредительное собрание признает, что его задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества» (Всероссийское УС, с. 3, 5-6).

107

Вишняк. Дань прошлому, с. 363; Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 297. Впрочем, эсеры быстро поняли, что дружное пение не всегда спасает. Когда Третий съезд Советов стоя приветствовал чтение Декларации прав трудящихся, фракции эсеров и меньшевиков, несмотря на возмущение зала, сидели.

108

Всероссийское УС, с. 9.	109
Чернов. Перед бурей, с. 362.	110
Минор. Один день УС, с. 128.	111
Вишняк. Всероссийское УС, с 373-374.	112
Минор. Один день УС, с. 128.	113
Всероссийское УС, с. 17.	114
Правда, 7 января 1918, № 5.	115
Огановский. Дневник члена УС, с. 15.	116
НЖ, 6 января 1918, №4.	117

«Одобрив Декларацию [прав трудящихся] и тем самым признав власть Советов и ее декреты, — пишет О. Н. Знаменский, — санкционировав введение основ советской конституции, Учредительное собрание могло считать свои функции исчерпанными» (Знаменский. Всероссийское УС, с.

336). Именно это и предусматривалось первоначальным проектом Декларации: «Учредительное собрание, поддерживая власть Совета народных комиссаров и все декреты и постановления этой власти, считает, что задачи Учредительного собрания выполнены настоящим провозглашением основ социалистического переустройства общества и объявляет себя распущенным» (ДСВ, т. 1, с. 320).

118

Вплоть до момента разгона Учредительного собрания Церетели все не верил, что Собрание разгонят: «С трудом верится, чтобы большевики осмелились разогнать Учредительное собрание — ни народ, ни история этого не простит». (Вишняк. Дань прошлому, с. 348.)

119

Минор. Один день УС, с. 129.

120

Всероссийское УС, с. 36 -37.

121

Вишняк. Дань прошлому, с. 367.

122

Бонч-Бруевич. На боевых постах, т. 249.

123

Анин. Революция 1917 года глазами ее руководителей, с. 466-467. С Лениным согласились не сразу. Часть депутатов стала собираться обратно в зал. Ленин указал тогда, что большевистская «резолуция об уходе, сопровождаемая уходом всех» большевиков, «так подействует на держащих караул солдат и матросов, что они тут же перестреляют всех оставшихся эсеров и меньшевиков». После второй «энергичной речи Ленина его предложение было принято, фракция большевиков в зал так и не вернулась» (там же).

124

Всероссийское УЧ, с. 89-90.

125

Минор. Один день УС, с. 131.

126

По воспоминаниям Раскольников, заседание Совнаркома провели сразу же после вынесения во фракции большевиков решения об уходе с заседаний Учредительного собрания. (Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, с. 18.)

127

Дыбенко. Мятежники, с. ПО.

128

Ленин. ПСС, т. 35, с, 477-478, примечания.

129

Дыбенко. Мятежники, с. ПО.

130

Постановлением о государственном строе Россия объявлялась республикой. (Всероссийское УС, с. 113.) Вишняк почему-то считает, что это постановление, являвшееся «результатом долгих и больших трудов [...] выдержало испытание временем» (Вишняк. Дань прошлому, с. 345). Автор завершал свои мемуары в 1946 году!

131

Дыбенко. Мятежники, с. ПО.

132

133

Мстиславский. Пять дней, с. 158. — Обширный проект «Основного закона о земле» не оглашался. Из проекта постановления «О государственном устройстве России» были выброшены пункт о лишении «царствующего дома Романовых» права на престол, и об уничтожении «монархического образа правления», а также пункт четвертый, гласивший: «Отныне и впредь до установления основных законов Российской демократической Федеративной республики вся полнота государственной власти принадлежит Учредительному собранию и отправляется его именем». Щит. по кн. Знаменский. Всероссийское УС, с. 345.)

134

«Партия наша пропала», — проронил эсер Н. П. Огановский. (Огановский. Дневник члена УС, с. 161.) А меньшевики недоумевали. «Почему они испугались матроса Железнякова, почему не поставили его перед необходимостью насильственного разгона, арестов, расстрела высокого собрания? — спрашивал

Н. А. Рожков. — Политически это был бы серьезный шаг. Надо было объявить заседание непрерывным и бороться с мужеством отчаянья» (Рожков. Ход революции, с. 42). Однако бороться значило проливать кровь. Чернов указывал позже, что «в свои стены призывал Учредительное собрание огромный Семянни-ковский завод, обещая защитить народных избранников [...]. Но вблизи него по Неве уже располагались мелкие военные суда из Кронштадта, и депутатов отталкивала мысль — дать большевикам предлог для грандиозного массового пролития крови рабочих, причем эту дорогою ценою было мало шансов купить победу» (АИГН, 382/5. Чернов. Воспоминания об А. Гоце, с. 6-7; АИГН, 10/3. Комментарии Чернова, с. 88-89).

135

Историк-марксист, 1929, № 10, с. 56. В воспоминаниях левого эсера Штейнберга сцена разгона Учредительного собрания просто отсутствует. Штейнберг пишет: «Было около 4 часов утра 6 января, когда Чернов объявил заседание официально закрытым и заявил, что Собрание соберется снова на следующий день. Депутаты покинули Таврический дворец [...]. Попыток разогнать их силой советская власть не предпринимала»

(Steinberg. In Workshop of the Revolution, p. 55).

Есть основания полагать, что в вышедшее в СССР издание стенограммы Учредительного собрания были внесены изменения. Это следует из предисловия к стенограмме: «В 1918 г. был издан отчет заседания Учредительного собрания. На обложке этого издания напечатано, что он издан «по распоряжению председателя Учредительного собрания». (Петроград, типография, аренд, акц. о-вом «Дом печати», 1918 г.) Сравнение этого печатного отчета с архивным дает основание предполагать, что оба они в основе имеют одну и ту же стенографическую запись, которая при издании подверглась некоторой стилистической и значительной авторской правке, вносящей иногда и исправления принципиального характера, причем конец этого печатного стенографического отчета подвергся значительным изменениям, совершенно иначе рисуящую общую картину окончания заседания Учредительного собрания. В настоящем издании в основу публикации стенографического отчета положен сохранившийся неполный стенографический отчет заседания, с собственноручной надписью «М. Урицкий». (Всероссийское УС, с. XXVII.)

136

Раскольников. Рассказы мичмана Ильина, с. 21.

137

Ленинский сборник, том XVIII, с. 46-47, 50-51.

138

Скрипилев. Всероссийское УС, с. 203. ВЦИК был поставлен перед совершившимся фактом. Никаких предварительных обсуждений во ВЦИК относительно судьбы Собрания не было. К этому времени стало обычным созывать ВЦИК или его Бюро только для объявления об уже принятых решениях Совнаркома. Вопрос о разгоне Учредительного собрания не стал исключением (АИГН, 198/23, с. 14-15).

139

Правда, 7 января 1918; Известия ЦИК, 7 января 1918.

140

Ленин. ПСС, т. 35, с. 285. После разгона Учредительного собрания возник был план перевести работу его на Украину. В Киев была отправлена делегация, которая, однако, вернулась с плохими вестями: правительство Украинской народной Рады считало, что сепаратный мир с Германией неизбежен и что сама Украина, возможно, даст Германии оккупировать свою территорию, дабы избежать оккупации большевистской (АИГН, 382/5. В.Чернов. Воспоминания об А. Гоце. Машинопись, с. 7).

Осколки бывшего Учредительного собрания, собирались то на неконтролируемой большевиками территории России, то за границей. С 8 по 21 января 1921 года Частное совещание членов Всероссийского учредительного собрания заседало в Париже, как если б оно было всеильным парламентом (Частное совещание членов всероссийского УС).

141

Как русское крестьянство боролось за УС, с. 36-37, 46-49.

142

По некоторым данным на этом объединенном съезде присутствовало 1046 делегатов, в том числе 942 с решающим голосом и 104 с совещательным. Данных о партийном составе делегатов не сохранилось (или не было), но абсолютное большинство составили большевики и левые эсеры. Несколько человек были анархистами, меньшевиками, правыми эсерами и беспартийными. (Деготь. Разгон УС и III съезд Советов, с. 134.) Стенографического отчета заседаний Третьего съезда также не существует (по крайней мере, отчет этот никогда не публиковался).

143

Ленин, ПСС, т. 35, с. 264.

144

Третий Всероссийский съезд Советов, с. 96.

145

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 135.

Троцкий пишет: «В медовые недели коалиции эсеровские народные комиссары не раз заговаривали о желательности слияния партий. Ленин отвечал на это с максимальной уверенностью, из-под которой, однако, пробивалась наружу добродушная ирония: надо еще подождать, надо присмотреться друг к другу» (АТ, Т-3815, папка 1, лист «Левые эсеры»). О предложении большевикам слиться в одну партию, сделанном левыми эсерами, писал в некрологе «Памяти Прошьяна» Ленин: «Особенно запомнился мне разговор с тов. Прошьяном незадолго до Брестского мира.

Тогда казалось, что разногласий между нами сколько-нибудь существенных уже не осталось. Прошьян стал говорить мне о необходимости слияния наших партий, о том, что наиболее далекие от коммунизма [...] левые эсеры заметно и очень сильно сблизились с ним за время общей работы в Совнаркоме. Я отнесся сдержанно к предложению Прошьяна, назвав его преждевременным, но сближения между нами на практической работе отнюдь не отрицал» (Правда, 20 декабря 1918 г.).

Секция пользовалась некоторой автономией: имела свой президиум, фракционные бюро и печатный орган. Большинство в ней всегда принадлежало левым эсерам. После июльских событий секция была преобразована в Крестьянский отдел ВЦИК и потеряла свои автономные права. Затем большевики объединили «отдел» с наркоматом земледелия, и в несколько месяцев ЦИК Советов крестьянских депутатов потерял всякое значение.

Trotsky. Lenin, p. 123.

В лице левых эсеров Ленин не думал иметь верных союзников: «Здесь, в этом лагере, мы имеем главную оппозицию очередным и текущим задачам момента в более точном смысле слова; тут оппозиция людей, которые не отказываются в принципиальном согласии с нами, которые поддерживают нас по более существенным вопросам, чем те, по которым критикуют, — оппозиция, соединенная с поддержкой». (Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, с. 253, 29 апреля 1918.) Левым эсерам не доверял и Свердлов,

считал, что «сама по себе партия левых эсеров и особенно ее головка крайне ненадежны», хотя блок с ними пока необходим (Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 286).

150

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 141-142. Левые эсеры занимали сильные позиции в Советах северо-западных губерний и Центрально-Промышленной области. Большевики, кроме того, были слабы в Советах центрально-черноземных губерний. По состоянию на 14 марта 1918 года из 310 уездных Советов 48 губерний в 95 большевики не имели большинства, в 31 — большинство это не было прочным (Гусев, Ерицян. От соглашательства к контрреволюции. Прилож., таб. 2). Очень часто провести через Совет свои резолюции обе партии могли только в блоке.

Примечания

1

АТ, Т-2788, с. 34. Из историков, кажется, лишь один А. А. Авторханов указал на правильность (с точки зрения коммунистических интересов) позиции Бухарина. Именно поэтому первоначально его позиция разделялась абсолютным большинством русских революционеров: она была бескомпромиссной и до конца последовательной.

2

Первый легальный петербургский комитет большевиков, с. 379-386.

3

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 308.

4

Ленин, ПСС, т. 35, с. 179-180.

5

«Ответы делегатов съезда на ленинские вопросы подтверждали, что русская армия не боеспособна и что в случае возобновления военных

действий удержать линию фронта будет невозможно. Это укрепило мнение В. И. Ленина о необходимости заключения мира» (Чубарьян. Брестский мир, с. 106). Но это были ответы о состоянии армии и состоянии фронта, т. е. ответы на вопросы военные. Вопрос о том, разрывать переговоры или продолжать их, был вопросом политическим. И сам Ленин в анкете оговорил его особо.

6

Там же.

7

Там же.

8

Первоначальная редакция этой фразы, затем измененной на более обтекаемую формулировку, но с тем же смыслом.

9

Ленин, ПСС, т. 35, с. 181.

10

Впервые резолюция была опубликована в 1929 году (Ленинский сборник, т. XI, с. 17-18).

11

Ленин. ПСС, т. 35, с. 243-252.

12

Buchanan. My Mission to Russia, p. 245.

13

Троцкий. О Ленине, с. 78-79.

14

АТ, Т-3742. П. Фрелих. К истории германской революции, т.1, с. 227-228. 2 февраля по н. ст. в Берлине было объявлено осадное положение и учреждены военные суды. Правительство произвело массовые аресты. Социал-демократическая газета «Форвертс» была временно запрещена. Берлинский дом профсоюзов, один из центров организации забастовки, был закрыт по приказанию военных властей. Примерно десятая часть бастующих, около 50 тысяч человек, была призвана в армию. К 10 февраля стачка была ликвидирована (там же, с. 229; АТ, Т-3755. Эдуард Бернштейн. Германская революция, с. 35).

15

Троцкий. О Ленине, с. 79.

16

АТ, Т-3742.

17

«Если русская революция по своей природе и смыслу и по результатам окажется революцией не национальной, а международной, — писал Камков, — если она сможет вызвать всеобщее революционное движение, если ей суждено играть роль авангарда международной социалистической революции, то она непобедима, несокрушима, как гранитная стена» (Камков. Две тактики, с. 26).

18

Троцкий. О Ленине, с. 80.

19

Там же.

20

Ленин писал: «Массовые стачки в Австрии и Германии, затем образование Совета рабочих депутатов в Берлине и в Вене, наконец начало

18-20 января вооруженных столкновений и уличных столкновений в Берлине, все это заставляет признать как факт, что революция в Германии началась. Из этого факта вытекает возможность для нас еще в течение известного периода оттягивать и затягивать мирные переговоры» (ПСС, т. 35, с. 251-252).

21

Имеется, однако, запись выступлений участников совещания, которую вел Ленин. Кроме того, вскоре после совещания Ленин написал предисловие к собственным тезисам, где описал итоги совещания от 21 января.

22

Впервые тезисы были опубликованы в «Правде» только 24 февраля, на следующий день после того, как ЦК в своем заседании принял ленинское предложение о подписании мира, причем пункт о начале германской революции и затягивании переговоров, приписанный 21 января, Ленин теперь снял. Он был впервые опубликован лишь в 1949 году в 4-м издании сочинений Ленина (том 26).

23

Ленинский сборник, т. XI, с. 41. Формула Троцкого появилась не внезапно. Вот как описывает один из современников свой разговор с сотрудником НКВД и будущим видным советским дипломатом Караханом: «Карахан представлял дело очень просто. На мой вопрос Карахану, как теперь будет с миром и как ликвидируете вы войну, он ответил мне, что это пустяки, мы распустим армию по домам и баста, а немец пусть себе наступает. Как мне известно, по этому вопросу в большевистской фракции много спорили» (АИГН, 198/23, с. 12).

24

Там же; Ленинский сборник, т. XI, с. 41.

25

«Необходимо оттягивать подписание договора с того момента, пока не скажутся результаты наступления внутри Германии, с одной стороны, а с

другой — пока французские и английские рабочие не получают возможность убедиться на деле в ложности сплетни о связи большевиков с немцами. Только учтя эти соображения, можно понять позицию тов. Троцкого, несомненно связанную с большим риском для судеб нашей революции, позицию, допускающую дальнейшую утрату территории и военного имущества с тем, чтобы на известном этапе немецкого наступления капитулировать и подписать мир, если бы оказалось, что революция в Германии не созрела и руки у Гофмана развязаны» (АТ, Т-3742).

26

Троцкий. О Ленине, с. 80-81.

27

Троцкий. Сталинская школа фальсификаций, с. 39.

28

Протоколы ЦК РСДРП (б), с. 167-173. Советский историк С. Борисов напрасно поэтому пишет, что «троцкисты» и «левые коммунисты» провели резолюцию Троцкого» (С. Борисов. Седьмой съезд РКП(б), с. 21). Левые коммунисты, как всегда, голосовали за свою собственную резолюцию, хотя Бухарин и назвал позицию Троцкого «самой правильной».

29

Чубарьян. Брестский мир, с. 135. Резолюции многих расширенных или обычных совещаний ЦК «не сохранились» или числятся в «неразысканных». Тем не менее очевидно, что большинство ЦК придерживалось точки зрения, считавшейся «средней» — Троцкого. Вот что указывалось в письме секретариата ЦК Николаевскому комитету РСДРП (б):

«Относительно вопроса о войне и мире в Питере и в ЦК наметились три точки зрения. Две из них, крайние, таковы: 1) революционная война, 2) мир. ЦК в своем большинстве принял третью, среднюю точку зрения: войну мы прекращаем, мира не заключаем и армию демобилизуем [...]. Третья точка зрения доказывалась тем, что воевать мы сейчас не можем, но, заключая мир, мы отнимаем оружие борьбы у австрийцев и немцев, так как забастовочное движение в Австро-Венгрии и Германии поднято именно по вопросу о мире. Отказываясь от войны и демобилизуя армию, мы лишаем

германцев возможности наступать, так как Гинденбург не сможет заставить немецких солдат идти в наступление против пустых окопов. Такая позиция тоже даст выгоду во времени, а если будет необходимость, то для нас никогда не поздно будет заключить явно аннексионистский мир. Все это было до последних событий в Германии, а теперь и Кюльман склонен тянуть с вопросом о мире. Протоколов этих заседаний нет, а потому ничего более подробного пока сообщить не можем» (Переписка секретариата ЦК РСДРП(б), т. 2, с. 190-191). Указание в письме на то, что протоколов «нет», могло означать следующее: либо протоколы решено было не вести вообще, либо их засекретили, либо же вели, но уничтожили по постановлению ЦК.

30

Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 111.

31

В «Моей жизни» Троцкий описывает этот эпизод несколько иначе, уточняя, что под «добрым миром» Ленин имел в виду не мир с немцами, а блок с Троцким против сторонников революционной войны — левых коммунистов (Троцкий. Моя жизнь, т. 2, с. 111).

32

Троцкий. О Ленине, с. 82-83.

33

См. также АТ, Т-3742. Л. Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 1, с. 138. Речь на Седьмом съезде Российской коммунистической партии.

34

Бумаги Троцкого, т. 1, стр. 138-139. То же самое писал Троцкий и в своей автобиографии (Троцкий. Моя жизнь, т. 2, гл. «Переговоры в Бресте» и «Мир»).

35

Чернин. Брест-Литовск, с. 168.

«У нас все больше усиливается впечатление, что русские меньше озабочены миром, чем распространением революции [...], — писал Розенберг в МИД Германии. — Само собой разумеется, что они примут мир, если он будет достигнут на предложенной ими основе, но даже в этом случае они заключат мир не из-за желания заключить его, а ради их стремления доказать всему миру, что максималистские идеи революционной России одержали триумф над империализмом Центральных держав. Факт заключения и содержание мира будет служить им в качестве средства для революционной пропаганды. Тот мир, которого мы желаем, максималисты добровольно не подпишут. Столь же мало они думают о том, чтобы брать на себя позор разрыва переговоров. Они будут пытаться затянуть переговоры и в дальнейшем будут использовать любую возможность, чтобы держать революционные речи и демагогически разбивать любые наши контрпредложения» в надежде на революцию в Германии и Австро-Венгрии. «По этой причине я не думаю, что мы обойдемся без ультиматума. Успех ультиматума будет зависеть от того, как будут вести себя в течение следующих восьми дней германские и австро-венгерские рабочие, социалисты и общественное мнение. Будет принят ультиматум или нет — зависит от того впечатления, которые получают русские от поведения рабочих [в Германии и Австро-Венгрии], высказываний членов парламентов и прессы, на основании которых они (в России) решат, пойдут ли [германский и австрийский] народы за правительствами или нет в случае прекращения перемирия и возобновления военных действий» (Германия, док. № 196 от 25 января по н. ст. 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии).

Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. 1, с. 156.

Германия, док. № 207 от 1 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Гертлинга Кюльману. Согласно проекту договора, представленному на обсуждение 1 февраля по н. ст., страны Четверного союза признавали Украинскую народную республику, определяли ее границы, причем в спорном вопросе о Холмской губернии предпочтение получала Украина; соглашались на создание автономной украинской области Галиции и договаривались о

поставках Украиной до июня месяца около 100.000 вагонов зерна (там же, док. № 219 от 2 февраля по н. ст. 1918 г. Кюльман в МИД Германии). О распределении украинского продовольствия между немцами и австрийцами было договорено несколькими днями позже (там же, док. № 228 от 6 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Гертлинга Грюнау).

39

АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г., № 5457.

40

Там же.

41

Германия, док. № 228 от 6 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Гертлинга Грюнау.

42

Цит. по кн. Майоров. Борьба советской России, с. 213.

43

Германия, док. № 230 от 7 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

44

Германия, док. №232 от 8 февраля по н. ст. 1918г. Тел. Кюльмана Гертлингу.

45

АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г., № 5457.

46

Чубарькн. Брестский мир, с. 137.

47

Германии, док. № 231 от 7 февраля по н. ст. 1918 г. Протокол.

48

Майоров. Борьба советской России, с. 210; Чубарьян. Брестский мир. с 140-141.

49

В посланной Троцкому телеграмме из Петрограда, в частности, говорилось: «Официально до 8 февраля [по н. ст.] весь Киев, за исключением Печорского района, находился в руках Совета. Вчера 8 февраля в 10 часов ночи [вечера] получили из Киева от главнокомандующего Муравьева официальное сообщение о взятии Печорского района и бегстве остатков Рады [...]. Все это было вчера в 20 часов 8 февраля; от Рады не осталось ничего [...].»

Делегация Киевской рады в Бресте представляет пустое место. В Киев, как и в Харьков, будет передано немедленно Ваше требование о регулярном информировании Бреста» (Чубарьян. Брестский мир, с. 141).

50

В Киеве в это время власть не находилась в руках Советов. Вот что записал в своем дневнике 8 февраля по н. ст. Граф Чернин: «Сегодня вечером мир с Украиной должен быть подписан. Первый мир в этой ужасной войне. Но сидит ли Рада действительно еще в Киеве? Василько [украинский национальный лидер, русин] показал мне телеграмму, посланную 6 февраля из Киева здешней украинской делегации. А Троцкий отклонил мое предложение послать офицера австрийского генерального штаба, чтобы выяснить в точности положение дел. Таким образом, его утверждение, что на Украине власть уже в руках большевиков, было только хитростью. [...] Это укрепляет мою решимость подписать мирный договор с Украиной» (Чернин. Брест-Литовск, с. 173).

51

Майоров. Борьба советской России, с. 211; Чубарьян. Брестский мир, с.

52

Майоров. Борьба советской России, с. 211.

53

Передержки «культы личности»: в четвертом издании собрания сочинений Ленина, которым пользуется Майоров, телеграмма подписана «Ленин. Сталин» (Ленин, Сочинения. 4-е изд., т. 26, с. 471). В пятом издании сочинений Ленина подпись Сталина под телеграммой убрали.

54

Майоров. Борьба советской России, с. 211.

55

Здесь обрывает цитирование Майоров (там же).

56

Ленин. ПСС, т. 35, с. 332.

57

Немецкий историк-социалист пишет: «Для того, чтобы показать всему миру прожорливое зверство германских разбойников, они использовали Брест-Литовск для широкой пропаганды демократического мира и европейской революции. Их попытки увенчались некоторым успехом — в Австрии и Германии разразилась огромная январская стачка. Но один этот удар, конечно, не мог еще поколебать германского милитаризма. 9 февраля был заключен сепаратный мир с Украиной. После этого Центральные державы приставили русским пистолет к груди» (АТ, Т-3742. П. Фрелих. К истории германской революции, т. 1, с. 224-225). Последнее не совсем точно: переговоры разрывались большевиками.

58

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 186

59

Германия, док. № 234 от 9 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Грюнау в МИД Германии. Разумеется, это был только повод для разрыва.

Об этом свидетельствует одна из телеграмм Гинденбурга кайзеру: «После того, как Ваше величество изволили сказать о докладе 6 февраля, что Ваше величество имеет твердое намерение предоставить немцам на до сих пор оккупированных территориях Лифляндии и Эстляндии просимую ими защиту, генерал Гофман получил задание потребовать освобождения от русских войск Лифляндии и Эстляндии или же порвать с Троцким». Гофман сообщил в ответ, что Троцкий «видимо, готов к заключению мира на требовавшихся до сих пор условиях»; и поскольку Кюльман намеревался «предложить русским освободить названные территории, а не требовать этого», Гофман просил канцлера приказать Кюльману, «чтобы он теперь непременно требовал освобождения Лифляндии и Эстляндии или же прервал переговоры с Троцким, как того настоятельно требует военное положение, раз мир с Украинцами уже заключен». Канцлер поддержал Гофмана и Гинденбурга (см. там же, док. № 236 от 9 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Грюнау в МИД Германии).

60

Там же, док. № 235 от 9 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.

61

Там же, док. № 240 от 10 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Грюнау.

62

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 186.

63

О том, что все решения подобного рода принимались совместно с ЦК ПЛСР см. Троцкий. Моя жизнь, т. 2, с. 111-112.

64

Цит. по кн. Майоров. Борьба советской России, с. 211.

65

Германия, док. № 241 от 10 февраля по н. ст. 1918 г. Тел. Кюльмана Гертлингу.

66

АТ, Т-3742. Из мемуаров Чернина, с. 412-413. «Троцкий отказывается подписать. Война кончена, а мира нет,» — записал Чернин 11 февраля по н. ст. (АТ, Т-3742); Чернин. Брест-Литовск, с. 173.

67

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 186; АТ, Т-3742.
П Фрелих. К истории германской революции, т. 1, с 225.

68

Чернин. Брест-Литовск, с. 173.

69

Германия, док. № 242 от 11 февраля 1918 г. Тел. Гертлинга Вильгельму II.

70

Там же, док. № 246 от 12 февраля 1918 г. Записка Бусше.

71

Там же, док. № 248 от 13 февраля 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии.

72

Там же, док. № 250 от 13 февраля 1918 г. Тел. Радовица в МИД Германии. В те дни Гофман записал в служебном дневнике: «Решение

приступить опять к военным действиям — самое правильное [...]. Пока мы не дойдем до озера Пейпус [Псковское озеро], мы не остановимся» (Гофман. Записки и дневники, с. 239-240) Немцы планировали нанести России «быстрый и решительный удар», для чего, по мнению Людендорфа, не понадобилось бы крупной военной операции. Чтобы оправдать свои действия, немцы требовали теперь от всех окраинных народов России — украинцев, эстляндцев, лифляндцев и финнов — заявлений с призывами к Германии вмешаться «для восстановления порядка» (там же, док. № 249 от 133 февраля 1918 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии для барона Бусше). Общий план действий был одобрен кайзером.

Примечания

1

«Брестский мирный договор противоречит всем началам интернационала, — писала левая эсерка Измаилович. — Мы его не подписываем и войны не ведем» (Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 13). Эта позиция ничем не отличалась от позиции «ни война, ни мир».

2

«Этот «декрет» стоит вне всякой связи с предшествующими переговорами о мире и, есть основания думать, вне всякой связи с переговорами будущими. Он представлял собою изложение не имевшей ничего общего с действительной жизнью программы», — писал Б. Э. Нольде в статье «Лига народов» (Международная политика и мировое хозяйство, с. 62). Только так декрет этот и мог восприниматься современниками — особенно в свете дальнейших событий: подписания грабительского мира, не принесшего окончания войне.

3

Майоров. Борьба советской России, с. 215; Чубарьян. Брестский мир, с. 142.

4

Там же; Майоров. Борьба советской России, с. 214-215.

5

Там же, с. 215-216; Бонч-Бруевич. Вся власть Советам, с. 239.

6

АТ, Т-3742. Л. Ступоченко. Пролетарская революция, 1923, кн. 4, с. 97-98.

7

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 499-500.

8

Там же, с. 501.

9

Чубарьян. Брестский мир, с. 220-221.

10

АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта, № 5457.

11

Германские условия «были отвергнуты советским правительством в лице его большинства», — писала Измаилович (Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 12). «Казалось, что положение не которое время будет устойчивым, что германским генералам не удастся опять возобновить войну с Россией, — считал Штейнберг. — [...] Мы не дадим своей подписи под миром, который не освободит, а закабалит народы [...]. Но в то же время мы с германским, австрийским, турецким и болгарским народами не будем больше и воевать, ибо мы не допускаем мысли, чтобы он опять под вашей рукой шел на мирную революционную Россию, мы демобилизуем нашу армию. Не воевать и не подписывать мира — вот как русская революция ответила на наглые домогательства германского империализма (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 11-12).

12

13

«Новый поход немецкого империализма в глубь России, — писал Радек, — ввиду его политической бесцельности и даже опасности, которыми он угрожает немецкому империализму [...] невозможен» (К. Радек. Брест— Литовск).

14

Германия, док. № 253 от 15 февраля. Тел. Веделя в МИД Германии.

15

Там же, док. № 255 от 16 февраля 1918 г. Тел. Бусше в штабквартиру главнокомандования войск Восточного фронта.

16

Там же, док. № 258 от 17 февраля 1918 г. Тел. Шюлера в МИД Германии.

17

Там же, док. № 260 от 18 февраля 1918 г. Тел. Кюльмана Шюлеру.

18

24 февраля Э. Зейдлер публично подтвердил в палате общин, что «Австрия не участвует в военных действиях, предпринятых Германией против России». Только несколько позже, под влиянием успеха немцев и из-за боязни остаться без украинского хлеба австрийские войска оккупировали город-порт Одессу с подступающими железными дорогами. (Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 375; Протоколы съездов и конференций, с. 266; Гофман. Война упущенных возможностей, с. 190; Орлов. Брест-Литовский мир.)

19

Седьмой съезд РКП(б), речь Радека, с. 59-60.

20

Германия, док. № 263 от 19 февраля 1918г. Тел. Бусше в германское посольство в Вене.

21

Там же, док. № 270 от 19 февраля 1918 г. Нота посольства Австро-Венгрии в Берлине.

22

Там же.

23

Уверенность в том, что Германия не способна наступать, кажется, была всеобщей. По крайней мере, именно так утверждала французская пресса и стоящие на стороне Антанты кадеты. Вот что писал в те дни один из околкадетских журналов: «Пока Германия не согласится на этот справедливый мир на всех фронтах, что заставляет Россию вести с ней переговоры? Чем она рискует, если продолжит бесконечно перемирие, которое немцы не в состоянии сломить? Она гораздо больше рискует, заключая изолированный мир, без поддержки своих союзников» (Ле Тан. В дни брестских переговоров. Хроника. Политическое обозрение. Отклики французской печати. — Международная политика и мировое хозяйство, с. 90.)

24

В компетенцию экономической миссии Мирбаха входило и обсуждение вопросов об интернированных гражданских лицах и военнопленных-калеках. Условия работы были нестерпимые. Как сообщал в МИД 11 января 1918 года по н. ст. германский посланник в Копенгагене У. Брокдорф-Ранцау, за представителями Германии и Австрии осуществлялась «непрерывная слежка. По улицам они могут передвигаться лишь в сопровождении солдат, а их письма просматриваются цензурой». Очень скоро стало ясно, что никаких позитивных результатов достигнуто не будет, а переговоры, в конце концов, приняли форму собраний, на которых обсуждались самые разные вопросы, далекие от деловых и конкретных. На

Мирбаха все это производило тяжелое впечатление, и время от времени он посылал в МИД депеши о хаосе в русской столице и предсказывал скорое падение большевиков.

25

Протоколы ЦК РСДРП (б), с. 194-195; Протоколы съездов и конференций, с. 268. Поскольку Ленин вновь потерпел поражение, протокол оказался в «ненайденных».

26

Протоколы заседаний ЦК РСДРП (б), с. 204.

27

Там же, с. 205.

28

Так, американский историк-троцкист Дойчер указывает, что идею мира с Германией не приветствовал никто из левых эсеров (Deutschen The Prophet Armed, p. 373).

29

Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 11.

30

Там же, с. 12. Вот что писал о левых эсерах и Спиридоновой в этой связи Троцкий: «Левые эсеры вовсе не сразу выступили против Брест-Литовского мира. По крайней мере, Спиридонова была в первое время решительной сторонницей подписания: «Мужик не хочет войны, — говорила она, — и примет какой угодно мир». «Подпишите сейчас же мир», — говорила она мне в первый мой приезд из Бреста» (Троцкий. О Ленине, с. 84). Только значительно позже, когда нужно было сформулировать противоречия между ПЛСР и большевиками, Спиридонова переметнулась на сторону противников Брестского мира.

31

Протоколы II созыва, с. 125.

32

Протоколы Первого съезда ПЛСР, с. 92.

33

Всероссийский железнодорожный съезд. — ЗТ, 3 (16) января 1918, № 109.

34

Закс, например, еще 4 ноября угрюмо проронил, что «Западная Европа покорно молчит» (там же, с. 32).

35

Там же, с. 130.

36

Третий Всероссийский съезд Советов, с. 65-66.

37

Троцкий на съезде Советов выступил по партийным соображениям с защитой «похабного мира»: «Теперь они говорят о «похабном» мире, ну, а если бы германцы нам действительно предложили, отказавшись без каких бы то ни было контрибуций, немедленно освободить все оккупированные ими территории и предоставить населяющим их народам полную свободу самоопределения,— было бы это демократическим миром? [...] Между тем [...] эти условия предлагает не кто иной, как один из представителей германского империализма [...] который надеется этим путем освободить руки германского империализма на Восточном фронте и бросить все силы на Англию и Францию. Положение в высшей степени сложное. И мир поистине демократический и общий возможен лишь в том случае, когда вспыхнет победоносная мировая революция. Мы верим в нее, но мы не можем дать гарантии, что ни при каких условиях мы не найдем возможным дать передышку русскому отряду международной революции до этого

генерального сражения». (АТ, Т-3742. Л. Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 2, с. 64-65. Речь на Третьем Всероссийском съезде Советов. 23 января 1918 г.)

38

Переписка секретариата ЦК РСДРП (б), т 2, с. 220-221.

39

ДВП, т. 1, с. 106; Германия, док. №263 от 19 февраля 1918 г. Тел. Бусше в германское посольство в Вене.

40

Fischer. The Soviets in World Affairs, p. 61.

41

Не очевидно, что советское правительство надеялось на приостановку немцами наступления. «Если немцы с англичанами уже договорились, — считал Троцкий, — то немцы будут продолжать наступление, независимо от того или иного заявления советского правительства» (АТ, Т-3742. Л. Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 1, с. 675.).

42

Авторханов. Происхождение партократии, том 1, с. 448-449.

43

Орлов. Брест-Литовский мир.

44

Протоколы съездов и конференций, с. 258.

45

Чубарьян. Брестский мир, с. 174.

46

Орлов. Брест-Литовский мир.

47

Германия, док. № 278 от 21 февраля 1918г. Тел. Шюлера в МИД Германии.

48

Гофман. Война упущенных возможностей, 190.

49

Германия, док. № 278 от 21 февраля 1918 г. Тел. Шюлера в МИД Германии.

50

Социал-демократ, 20 февраля 1918, № 28. Хронограф истории партии В. В. Анিকেев указывает, что это единственный источник об объединенном заседании фракций ВЦИКа от 19 февраля (Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б)-РКП (б), с. 196). Легко понять, какими доводами руководствовались противники Брестского мира. Часть их считала, что из-за германского наступления в Германии начнется революция: «Захват германцами того или иного города, того или иного куска земли не только не ударял по революции, но, наоборот, мог только ударить по планам и замыслам германских хищников, — писал Штейнберг. — [...] Надо было полагать, что вхождение немецких солдат в пределы революционной страны должно будет сблизить их с русскими рабочими и крестьянами, должно будет быстрее проводить их к решению о всеобщем мире и всеобщей революции» (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 11-12). Другие думали, что противостоять германским войскам можно военной силой: «Если германское правительство пошлет на нас карательную экспедицию из своих войск, мы встретим ее с оружием в руках как подобает революционному народу, восставшему против мирового гнета и насилия», — писала Измаилович (Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 13-14).

51

Майоров. Борьба советской России, с. 221; Чубарьян. Брестский мир, с. 170).

52

Там же, с. 167.

53

Соловьев. Великий Октябрь и его противники, с. 109.

54

Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 313. Эта резолюция была подтверждена 28 февраля (там же, с. 318).

55

Протоколы съездов и конференций, с. 268.

56

Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 377.

57

Соловьев. Великий Октябрь и его противники, с. 109.

58

Протоколы съездов и конференций, с. 268.

59

Там же, с. 262; Майоров. Борьба советской России, с. 223.

60

Правда, 22 февраля 1918, № 32.

61

Протоколы заседаний ЦК РСДРП (б), с. 206-210.

62

«Мы начали с воззвания, — вспоминал Троцкий. — Написанный мною проект «Социалистическое отечество в опасности» обсуждался вместе с левыми эсерами. Эти последние, в качестве новобранцев интернационализма, смутились заголовком воззвания. Ленин, наоборот, очень одобрил: «Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо» (Троцкий. О Ленине, с. 104; АТ, Т-3742. Л. Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 1, с. 659).

63

Бонч-Бруевич. Вся власть Советам, с. 251.

64

Текст германского ультиматума был сформулирован после обсуждения проектов, предоставленных командованием германского Восточного фронта и МИДом. Согласно ультиматуму, сформулированному командованием Восточного фронта, советское правительство должно было безотлагательно заключить мир с Украиной и Финляндией, очистив территории этих государств от войск Красной гвардии, признать германо-украинский мир и правительство Рады, очистить от советских войск Лифляндию и Эстляндию и согласиться на оккупацию этих территорий германскими войсками, прекратить «всякую пропаганду против союзных правительств и их государственного устройства» (Германия, док. № 268 от 19 февраля 1918 г. Тел. Шюлера в МИД Германии).

Кюльман от имени МИДа внес в этот ультиматум незначительные поправки, упрощающие и смягчающие текст. Он предложил опустить требование заключения мира с Финляндией, так как советское правительство не находилось с Финляндией в состоянии войны; не настаивать на признании германо-украинского договора и правительства рады, так как предполагаемый советско-украинский мирный договор неизбежно включал бы эти пункты; не настаивать на прекращении пропаганды, «чтобы не слишком утяжелять ультиматум». Против

последнего, однако, высказался кайзер (там же, док. № 269 от 19 февраля-1918 г. Тел. Бусше Лерснеру).

65

Текст германского ультиматума от 21 февраля (дата написания) в кн. ДВП, т. 1, с. 112-113; см. также Германия, док № 271 от 19 февраля 1918 г. Тел. Бусше в германское посольство в Вене.

66

Гофман. Записки и дневники, с. 240.

67

Протоколы заседаний ЦК РСДРП(б), с. 211-212.

68

«Передышки не будет, наше подписание, наоборот, будет усилением германского империализма, — сказал Дзержинский. — Подписав условия, мы не гарантируем себя от новых ультиматумов. Подписывая этот мир, мы ничего не спасаем. Но согласен с Троцким, что если бы партия была достаточно сильна, чтобы вынести развал и отставку Ленина, тогда можно было бы принять решение, теперь — нет».

69

Иоффе отказался от слова.

70

Урицкий аргументировал тем, что «капитуляция перед германским империализмом задержит зарождающуюся революцию на Западе [...] [а] Советская власть не спасется подписанием этого мира». Бухарин — что «гражданская война вовсе не должна быть только в одной стране. Передышки нет». Ломов — что «в германских войсках непременно будет раздражение. Если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются. Надо брать власть без В. И.(Ленина). Надо идти на фронт и делать все возможное» (там же, с. 212— 214).

71

Там же, с. 212-213.

72

Там же, с. 215.

73

Там же, с. 216-218.

74

Из резолюции Третьей калужской губернской конференции от 23 февраля 1918 г. (Установление советской власти в Калужской губернии, с. 295-296).

75

Из наказа губернской организации своему делегату на Седьмой партийный съезд. — Там же, с. 302.

76

«Тогда не было в советской республике ни одной социалистической партии, которая бы не одобрила» в Бресте формулу Троцкого, писал Штейнберг. «В Центральном Исполнительном комитете ни одна рука не поднялась против резолюции, которая одобряла действия нашей делегации» (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 12).

77

АТ, Т-3742. Н. Ленин. Собр. соч., т. 20, доп., ч. 2, с. 216. Речь на заседании Центрального исполнительного комитета 23 февраля 1918г.

78

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 312-313.

79

Там же, с. 314.

80

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 152.

81

Еще 22 февраля радиограммой было передано по стране постановление ЦК РСДРП (меньшевики) против Брестского мира. Нужно отметить, что меньшевики достаточно хорошо понимали причины, по которым Ленин так настаивал на подписании мира: только так и можно было сохранить власть ленинского правительства в России. В постановлении ЦК меньшевиков говорилось, что подписание грабительского сепаратного мира было прямым результатом крушения попыток заключения мира демократического. Ответственность за эту катастрофу меньшевики возлагали на ленинское правительство, которое «в своем слепом стремлении удержать в своих руках господство над страной» решило «капитулировать перед германским империализмом и вступить в переговоры о мире, расчленяющем Россию и порабащившем ряд ее народов».

Это решение, «как заявляют сами вожди большевизма, продиктовано им прежде всего стремлением сохранить власть в руках Совета народных комиссаров, в чем они ложно усматривают залог торжества всемирной социалистической революции», хотя одно временно с этим облегчают положение германского империализма и, значит, наносят «тяжелый удар международному движению пролетариата и прежде всего борьбе германского и австрийского пролетариата». Правительство Ленина, готовое на экономическое и политическое порабощение России, указывалось далее в резолюции, «признает возможной и необходимой обороной только в том случае, если германский империализм сверх того посягнет на власть этого правительства над остальной частью России». ЦИК РСДРП протестовал против подписания мирного договора на условиях, выдвинутых немцами, и требовал «всенародного сопротивления неприятельскому нашествию» как «германской контрреволюции», для успешного отражения которой предлагал «добиваться создания признанной всей демократией и на всю демократию опирающейся власти, способной прекратить повсеместную гражданскую войну» и «обратиться к австрийскому и германскому пролетариату с воззванием о противодействии преступным планам империалистической реакции, собирающейся распять русскую революцию» (АИГН, 5/2). В тот же день Петроградская общегородская конференция

РСДРП (объединенной) приняла резолюцию «о необходимости в интересах достижения скорейшего всеобщего и демократического мира» созвать международную социалистическую конференцию (АИГН, 659/4).

82

А. О. Чубарьян указывает, что против было 84 человека (Брестский мир, с. 172).

83

Протоколы съездов и конференций, с. 262. Возможно, что двое из тех 26 были анархистами.

84

Ленин. ПСС, т. 35, с. 147, с. 490, прим.

85

Майоров. Борьба советской России, с. 230-231. Ленин торопился: за несколько часов до начала заседания ВЦИК Ленин дал указание радиостанции Царского Села подготовить все к немедленной отправке телеграммы. «Приемка ночью должна быть прекращена для того, [...] чтобы наша радиотелеграмма могла быть отправлена безотлагательно и с полной гарантией» (Ленинский сборник, том XI, с. 27).

86

Василий Баландин (Чубарьян. Брестский мир, с. 173).

87

Германия, док. № 289 от 24 февраля. Тел. Лерснера в МИД Германии. Германское наступление, однако, продолжалось. 25 февраля Крыленко заявил по этому поводу протест. На следующий день Гофман ответил, что наступление будет продолжаться до тех пор, пока мир не будет подписан. Тогда глава советской делегации Сокольников направил командующему германскими войсками в Пскове письмо с протестом. (Чубарьян. Брестский мир, с. 175). Протест был проигнорирован. Людендорф о решении наступать до подписания мира писал следующее: «Войска продвигались

неожиданно быстро через Литву и Венден, который был указан имперскому канцлеру в качестве цели наступления. Но так как к этому времени еще не была получена просьба Ленина о мире, то продвижение продолжалось, и именно с согласия канцлера. О получении мирного предложения большевиков он тотчас был извещен и одобрил намерение продолжать продвижение войск до тех пор, пока большевики не подпишут мира» (Носович. Захватническая политика германского империализма, с. 225).

88

Протоколы заседаний ЦК РСДРП(б), с. 219-228.

89

Известия ВЦИК, 30 января 1924, статья Чичерина.

90

Ленинский сборник, т. XI, с. 29; Майоров. Борьба советской России, с. 236.

91

Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б), с. 210.

92

Чубарьян. Брестский мир, с. 171.

93

Германия, док. № 300 от 28 февраля 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии.

94

Там же, док. № 305 от 2 марта 1918 г. Тел. Розенберга Кюльману в Бухарест.

95

Там же, док. № 307 от 3 марта 1918 г. Тел. Розенберга в МИД Германии; Гофман. Война упущенных возможностей, с. 188.

96

ДВП, т. 1, с. 119.

97

Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный мир», с. 66.

Примечания

1

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 316; Седьмой экстренный съезд РКП(б) с. 370.

2

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 516.

3

Комментаторы и историки обходят вопрос о том, какую резолюцию приняла конференция по этому пункту. Но поскольку голосовали против левых коммунистов, с одной стороны, и против ленинской «передышки», с другой, очевидно, что поддержали «среднюю» позицию Троцкого «ни война, ни мир» (так как точек зрения на конференции было только три). Авторы примечаний к книге «Седьмой экстренный съезд РКП(б)» делают все возможное, чтобы не признавать за Троцким этой победы и указывают, что резолюция о выражении доверия ЦК была «ленинской» и противостояла резолюции Троцкого. Но очевидно, что это не так.

Резолюция о выражении доверия ЦК, собравшая 65 голосов, была направлена против резолюции Оболенского, т. е. левых коммунистов, и против резолюции о недоверии ЦК и раскола в партии. Но о поддержке ленинского мира в ней ничего не говорилось. И если предположить, что в конференции участвовало 70 человек (65+5), из которых 46 голосовало за резолюцию Троцкого, а по крайней мере, 5 человек должны были снова поддержать левых коммунистов, становится очевидным, что за ленинскую точку зрения не могло голосовать больше 19-ти человек.

4

Похоже, Троцкий не был уверен в том, что его формула — лучшая. Уже в тридцатые годы, работая над биографией Ленина, он вновь и вновь задавал себе вопрос, прав ли он был в свое время: «Если б революция через 3-4 месяца, тогда верно. На деле — крах Германии через 4 месяца — революция через 8 месяцев». (АТ, Т-3742. Из черновых набросков для биографии Ленина.) Значит, Троцкий ошибся? Или же подписание Брестского мира как раз и оттянуло революцию в Германии? На эти вопросы Троцкий не дал ответа. Его записи о Бресте крайней обрывочны.

5

Warth. *Soviet Russia in World Politics*, p. 51.

6

Sadoul. *Notes sur la Revolution Bolshevique*, p. 115. Разумеется, это был не первый контакт французского дипломата с советским правительством. После возвращения Троцкого с переговоров в конце января, когда постановления о разрыве переговоров с Германией были приняты Петроградским и Московским Советами, Нуланс предложил советскому правительству поддержку союзников на тот случай, если сепаратный мир не будет заключен. (АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта 1921 г. № 5457, Слезы Троцкого, с. 2.)

7

Bolsheviks Propaganda, pp. 785-789.

8

Локкарт. *Буря над Россией*, с. 213.

9

Протоколы ЦК РСДРП (б), с. 208. «Всякий здоровый человек, — писал Ленин, — скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная» (Ленин,

ПСС, т. 35, с. 363). Вероятно,

Бухарин мог бы возразить на это, что, во-первых, у разбойника (Антанты) оружие нужно отбирать, а не покупать; а во-вторых, покупая оружие у одного разбойника (Антанты) и используя его против другого (Германии), большевики помогали первому разбойнику, так что говорить о справедливой борьбе с насильником не приходилось.

10

Чубарьян. Брестский мир, с. 181.

11

Локкарт. Буря над Россией, с. 213.

12

Bolsheviks Propaganda, p. 800. Сокращенный перевод на русский см. в кн. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов (цит. по кн. Чубарьян. Брестский мир, с. 201).

13

Это было очевидно не только Ленину, но и союзникам. Так, представитель английской разведывательной службы в США Уайзмен писал в телеграмме полковнику Хаузу 1 мая 1918 г., что согласие советского правительства на союзную интервенцию «германцы сочли бы [...] враждебным актом и, вероятно, заставили бы [советское] правительство покинуть Москву и Петроград. С потерей этих центров, как можно вполне предполагать, большевистское влияние в России было бы полностью разрушено» (Архив полковника Хауза, т. III, с. 296-297).

14

dimming and Pettit. Russian-American Relations, p. 83.

15

«В случае, если Всероссийский съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией или если германское правительство, нарушив мирный договор, возобновит наступление с целью

продолжать свой грабительский набег, или если советское правительство вынуждено будет действиями Германии отказаться от мирного договора, до или после его ратификации, и возобновить военные действия, — во всех этих случаях для военных и политических планов советской власти в высшей степени важно получить ответ на следующие вопросы:

1. Может ли советское правительство рассчитывать на поддержку США, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии.

2. Какого рода поддержка может быть оказана в ближайшем будущем и каким образом: военным снаряжением, транспортными средствами, субсидиями и продовольствием.

3. Какого рода поддержка может быть оказана самими США.

4. Если бы Япония в силу открытого или тайного соглашения с Германией или без такового соглашения попыталась захватить Владивосток и Восточно-Сибирскую ж. д., что угрожало бы отрезать Россию от Тихого океана и серьезно помешало бы сосредоточению советских войск на Урале — в таком случае, какие шаги будут предприняты другими союзниками, в частности США, для предупреждения японской вылазки на нашем Дальнем Востоке [...].

В каких размерах, по мнению США, при вышеупомянутых обстоятельствах, могла бы быть обеспечена помощь Великобритании через Мурманск и Архангельск.

Какие шаги могло бы предпринять правительство Великобритании, чтобы обеспечить эту свою помощь» (Camming and Pettit. *Russian-American Relations*, p. 81-82. Цит. по кн. ДВП, т. 1, с. 208-209).

16

Bolsheviks Propaganda, p. 801.

17

Kenan. *Russia and the West*, p. 56.

18

Уже после ратификации съездом Брестского мира, 21 марта, французский консул в Москве Гренар телеграфировал в Париж, что Троцкий официально обратился к нему «за помощью французской военной миссии для реорганизации русской армии». В ответной телеграмме, 1 апреля, министр иностранных дел Франции Пишон советовал не торопиться и соблюдать осторожность, так как образование Красной армии, очевидно,

способствовало укреплению советской власти. 13 мая против сотрудничества с Советами в принципе высказался и французский генеральный штаб (АТ, Т-3742. Статья из «Последних новостей» от 2 марта, №5457).

19

Ленин, Сочинения, 4 изд., т. 27, с. 57.

20

Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 235.

21

Там же, с. 191.

22

Протоколы съездов и конференций, с. 8.

23

Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 21. В историографии встречаются и несколько отличные цифры: 46 с решающим и 58 с совещательным ГОЛОСОМ.

24

Протоколы съездов и конференций, с. 1.

25

Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 21.

26

Протоколы съездов и конференций, с. VIII, 4; Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 357; История коммунистической партии, т. 3, кн. 1, с. 180.

27

Там же.

28

Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 192. Ларин указал также на то, что в связи с передачей Германии огромных территорий численность большевистской партии резко падает (там же.)

29

Протоколы съездов и конференций, с. 4.

30

На съезде, впрочем, делегатам была роздана анкета, состоявшая из 44 пунктов. Советские источники указывают, что поскольку «анкеты найдены не все.», они до сих пор не могут быть опубликованы (Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 194-195).

31

ДВП, т. 1, с. 121-122.

32

Флеминг указывает цифру в 62 млн. человек (Fleming. The Cold War and its Origins, p. 17).

33

Rauch. A History of Soviet Russia, p. 76; Чубарьян. Брестский мир, с. 189-190 (статистические данные, указанные Раухом и Чубарьяном, несколько расходятся); Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, с. 15. Выступление К. Радека.

34

При непостоянности границы, очерченной Брестским миром, при разных системах подсчетов, трудно с абсолютной определенностью остановиться на той или иной цифре потерь. Николаевский, со ссылкой на

журнал «Народное хозяйство», № 1-2 за 1919 год, приводит и такие данные: «Население 33%, угля 90% и т. д.» (АИГН, 519/30, гл. 7, с. 3). Однако все эти расхождения по подсчетам потерь от Брестского мира следует считать несущественными.

35

Mamatey. Soviet Russian Imperialism, p. 30.

36

Седьмой съезд РКП(б), с. 33-50.

37

Там же, с. 41-44.

38

Там же, с. 49-51.

39

Там же, с. 57-61.

40

Там же, с. 76.

41

Там же, с. 88-89.

42

«Общее положение настолько запутано, что никто не может предсказать, долго ли продолжится передышка, или она прекратится очень скоро. Этого сказать никто не может. Казалось, руководство событиями выскользывает из рук самой правительственной партии Германии [...]. Никто не может сказать, как развернутся события» (там же, с. 45-46).

43

«Хорошо, если бы было доказано, что с гибелью русской революции, имеющей уже большой опыт, международная революция развилась и стала бы фактом — мы могли бы бросить нашу революцию ради международной революции. Хорошо, если бы было доказано, что [...] они прекратят войну с нами и начнут давить свою буржуазию [...] а в результате мы восстанем, или, как выразился Троцкий, если мы погибнем, нас выручит пролетариат международный. Если бы было доказано, что в интересах международной революции следует пойти на эту войну, неминуемо несущую нам поражение, мы не возражали бы против нее» (там же, с. 55).

44

«Надо подготовить революционную войну [...] нужно создать соответствующие условия, организовать страну, и лишь тогда действительно возможна была бы революционная война, и были бы какие-либо шансы на успех. Мы не можем, конечно, отрицать того, что между социалистической страной и страной империалистической война неизбежна [...]. Наш анализ событий говорит, что война неизбежна. Я подписываюсь под каждым словом тов. Радека, когда он говорит о том, что наша задача состоит в подготовке этой революционной войны» (там же, с. 63, 64).

45

«Все мы одинаково стояли за то, что нужно затягивать переговоры до последнего момента [...]. Все мы отстаивали как раз ту позицию, которую вела вначале наша Брестская делегация во главе с тов. Троцким [...]. Так что все упреки, что Центральный комитет вел неправильную политику, не соответствуют действительности. Мы и до сих пор говорим, что при известных условиях нам революционную войну придется неизбежно вести» (там же, с. 77-78).

46

Предсмертное письмо А. А. Иоффе — в кн. Троцкий. Портреты революционеров, с. 397-398.

47

АТ, Т-3742. Л.Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 1, с. 138. Речь на Седьмом съезде Российской коммунистической партии.

48

Седьмой съезд РКП(б), с. 65-69, 71-72. До этого предела большевики действительно не доходили очень долго. По мирному договору советское правительство обязано было заключить мир с Украинской Радой. Но переговоры о мире не состоялись. В апреле 1918 г. оккупационные германские войска заменили Раду правительством гетмана П. П. Скоропадского. И только с ним 23 мая большевики начали мирные переговоры, а 14 июня подписали перемирие.

49

Там же, с. 101-103.

50

Там же, с. 109.

51

Там же, с. 110-114. Ленин утверждал, что, вопреки опасениям Бухарина, советское правительство будет оказывать помощь оккупированным территориям, в том числе революционерам Финляндии. В частности, он предложил остановить стенографисток и рассказал съезду, что большевики намерены поставлять в Финляндию оружие. Стенографистки, однако, застенографировали речь целиком, в том числе и указание остановить стенограмму. Практика остановки стенографисток во время выступлений не была чем-то из ряда вон выходящим. Французский коммунист Ш. (Х.) Раппопорт рассказывает, как однажды во время своего выступления стенографисток остановил Троцкий (и стенографистки послушались). [АИГН, 727/2, с. 81].

52

При более удачном для левых коммунистов и других противников ратификации мирного договора ходе событий их могло быть двадцать. Дело в том, что по случайному стечению обстоятельств на съезд опоздало восемь

делегатов Уральского областного комитета партии. В телеграмме, присланной по этому поводу из Екатеринбурга в адрес ЦК — Стасовой, Ленину и Сталину — указывалось: «Большинство уральской делегации задержалось отъездом на партийный съезд. Просим отсрочить съезд (...) до прибытия делегации. Если голосование по подписанию мира будет происходить без нее, требуем присоединения восьми голосов против подписания мира, за революционную войну. Голощекину и Моисееву передайте, что партийные организации Екатеринбургского и Челябинского округов за революционную войну. Требуем считаться уполномочившими их организациями» (Седьмой съезд РКП/б/, с. 189— 190).

53

Там же, с. 123-124. Если бы такое решение принял ЦК ПЛСР, большевики справедливо усмотрели бы в этом акт нелояльности по отношению к Совнаркому, ВЦИКу и партии большевиков.

54

Там же, с. 125-126.

55

Там же, с. 127.

56

Там же, с. 129.

57

Там же, с. 165-167.

58

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 2, с. 186.

59

Следует отметить, что когда из Петрограда хотело бежать Временное правительство, это рассматривалось как предательство не только

большевиками, но и вообще всеми левыми. Меньшевик Н. Суханов писал:

«Как только грянул немецкий десант, как только был занят Рижский залив и заговорили о цеппелинах (...) правительство сочло уместным вновь вернуться к своему излюбленному плану: улепетнуть из Петербурга (...). Но вывезти промышленность, необходимую для обороны, было невозможно. И на этот случай в правительственных кругах указывали, что «угроза Петрограду вопроса о войне не решает» («Речь», 6 окт.).

Это была заведомая неправда. Без Петербурга воевать было нельзя. Это немедленно было доказано цифрами [...]. В левой печати поднялись протесты, увещания, издевательства. В рабочих районах эта готовность отдать столицу немцам и бежать вызвала величайшее негодование. Солдатская секция 6 октября приняла резолюцию: «Секция категорически протестует против плана переселения правительства из Петербурга в Москву, т. к. такое переселение означало бы предоставление революционной столицы на произвол судьбы. Если (...) правительство неспособно защитить Петроград, то оно обязано (...) уступить место другому правительству. Переезд в Москву означал бы дезертирство [...].» Все это была святая правда» (Суханов. Записки о революции, кн. VI, с. 235-236).

60

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 544.

61

Там же, с. 537.

62

За большевистскими организациями от угрозы германской оккупации потянулись из Петрограда и другие партийные учреждения, например, ЦК ПСР (АИГН, 382/5, с. 4).

63

Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 14. Называлась брошюра «Мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией с одной стороны и Россией с другой». В периодической печати, в том числе и в партийных газетах, тексты договора никогда не публиковались. Несколько позже Крестьянская секция ЦИК (в большинстве

состоявшая из левых эсеров и выступавшая против передышки) переиздала договор в количестве 20 тысяч экземпляров (там же). Но секретариат ЦК, в обязанности которого входила рассылка брошюры многочисленным провинциальным комитетам РКП(б), всячески саботировал это мероприятие, ссылаясь на отсутствие свободных экземпляров книжки [Переписка секретариата ЦК РСДРП(б), т. 3, с. 52).

64

Ленин. ПСС, т. 36, с. 583.

65

Так, лидер левых коммунистов Бухарин был официально предупрежден, что его исключат из партии, если он не прекратит критики Ленина (АИГН, 478/37. Письмо БИН — Е. Эстриной от 26 апреля 1964 г. 1 л.).

66

История СССР с древнейших времен до наших дней, т. 7, с. 347. Встречаются и иные сведения: 1232 делегата, в том числе 795 большевиков и 283 левых эсеров.

67

25 февраля ВЦИК и СНК разослали всем местным Советам и земельным комитетам запрос об отношении к подписанию мира. За мир высказались 262 Совета и организации, против — 233. При общем цифровом перевесе в сторону мира позиции сторонников войны были сильнее. За войну, в частности, высказалось 20 Советов губернских городов (против — только 6). А ведь именно крупные города большевики считали своей опорой. Видимо, имен но по этой причине историк Чубарьян, торжественно описывая факт запроса, так и не указывает, каковы же были ответы с мест: «В Петроград поступили десятки и сотни телеграмм и писем, в которых выражалось мнение местных советских и партийных организаций по вопросу о войне и мире. Для В. И. Ленина и Центрального комитета партии эти телеграммы и письма имели большое значение» (Чубарьян. Брестский мир, с. 212). Настолько большое, что Ленин не дал материалам опроса хода, а Чубарьян — не указал, каков же итог опроса.

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 535, прим.

Четвертый Чрезвычайный всероссийский съезд Советов, с. 23.

Там же, с. 23, 48-51. Вот что писали об этом левые эсеры: «Когда же на Четвертом съезде Советов под влиянием одной части коммунистической партии (большевиков) был ратифицирован мирный договор-ультиматум германских империалистов, подписанный в Брест-Литовске в феврале 1918 г., партия левых социалистов-революционеров сочла это поворотом от того прямого пути, по которому пошла русская революция, изжив все коалиционные предрассудки, сочла это отказом от диктатуры трудящихся и на основании этих положений отозвала в согласии с фракцией левых социалистов-революционеров Четвертого съезда Советов своих представителей из Совета народных комиссаров. Для партии левых социалистов-революционеров — противницы ратификации Брестского договора, противницы капитуляции перед германским империализмом, было более чем ясно, что намерения мировой буржуазии, верным исполнителем коих в данный исторический момент является германский империализм, идут гораздо дальше, нежели экономическое и территориальное завоевание Российской советской республики: эти намерения направлены против самого ее существования. Химеричность и беспочвенность теории «передышки», развиваемой правым крылом коммунистической партии, ясна без каких-либо пояснений» (Резолюции и постановления I и II Всероссийских съездов ПЛСР, с. 11).

В резолюции, в частности, говорилось: «Подписанный за спиной народа Советом народных комиссаров мирный договор в Бресте, отрывая от России громадные территории, отдавая целый ряд национальностей без их согласия во власть империалистической Германии, разоряя остальную часть России [...] означает первый раздел России [...]. Тем самым Брестский мир знаменует собой предательство [...] российской революции, которой несут гибель германская политическая и экономическая опека, предательство международного пролетариата, всему движению которого наносится

смертельный удар капитуляцией революционной страны перед худшим врагом социализма [...]. Подписать такой мир не имел никакого права Совет народных комиссаров, одобрить это подписание не имел никакого права Центральный исполнительный комитет» [Партийные известия, №6-7 (13-14), 20мая 1918, с. 15].

72

АИГН, 623/49.

73

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 532.

74

Стенографический отчет Четвертого Чрезвычайного съезда Советов, с. 64. Группа левых коммунистов от голосования воздержалась, в нарушение резолюции о том, что фракция большевиков голосует за мир единогласно. 22 марта Брестский мир был ратифицирован Германией (Warth. Soviet Russia in World Politics, p. 54), правда, не единогласно. При предварительном голосовании в социал-демократической фракции рейхстага только 25 депутатов голосовали «за» ратификацию договора, остальные — воздержались (АТ, Т— 3755. Генрих Штребель. Германская революция, ее несчастье и ее спасение, с. 28).

Ратификация мира многими партийными организациями была воспринята болезненно. Вот что сказал, например, в отчете Саратовскому совету председатель Совета большевик Б. П. Антонов:

«Темп нашей революции оказался быстрее темпа революции на Западе. И это расхождение поставило нас в самое тяжелое положение. Вследствие этого, а также вследствие того, что армия, утомленная войной, распалась, рабоче-крестьянская власть стала склоняться к тому, чтобы уступить временно силе вооруженного империализма. [Саратовский] Совет четвертого созыва категорически заявил, что шаг центра он признает ошибочным и требует для решения вопроса о войне и мире созвать экстренный съезд Советов. Когда этот съезд был назначен, мы послали на него делегатов с повелительным мандатом голосовать против ратификации мирного договора и требовать дальнейшей беспощадной борьбы со всеми посягающими на нас врагами. На съезде мы остались в меньшинстве [...]. Совет наш подчинился общему решению рабоче-крестьянских масс, хотя и не видел в этом решении тех возможностей, на которые рассчитывало

большинство» (1917 год в Саратовской губернии, с. 370).

75

Стенографический отчет Четвертого Чрезвычайного съезда Советов, с. 67. В зачитанной Штейнбергом от имени ПЛСР резолюции указывалось, что «при создавшихся после ратификации договора условиях партия отзывает своих представителей из Совета народных комиссаров», но подчеркивалось, что «поскольку Совет народных комиссаров будет проводить в жизнь программу Октябрьской революции, партия обещает ему свое содействие и поддержку» (там же).

76

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 537.

77

Bolsheviks Propaganda, pp. 805, 807 — цит. по кн. Чубарьян. Брестский мир, с. 211. 19 марта государственный департамент США уведомил посла в России Френсиса, что ответом на советскую ноту от 5 марта следует считать послание президента Вильсона, переданное ВЦИКу (Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, v. I, p. 402).

78

Cumming and Pettit. Russian-American Relations, p. 85.

79

«Возможно, что съезд в Москве ратифицирует мир, — писал посол Френсис в донесении в Вашингтон, — но если я получу заверения от вас, что японская опасность неосновательна, то я полагаю, что съезд отвергнет этот унижительный мир» (цит. по кн. Чубарьян. Брестский мир, с. 203).

80

ДВП, т. 1.с. 212.

81

Чубарьян. Брестский мир, с. 209. Обращение было написано по совету У. Буллита, будущего посла США в СССР, доставлено к открытию съезда Советов (который первоначально намечался на 12 марта, но открылся с опозданием в два дня) и должно было засвидетельствовать лояльность американского правительства к советскому (там же).

82

IV Чрезвычайный всероссийский съезд Советов, с. 5.

83

Несколько позже Чичерин признал, что «самую благоприятную позицию в отношении Советской России заняли Соединенные Штаты Америки». Чичерин указывал в связи с этим на приветственную телеграмму Вильсона Четвертому съезду Советов и подтвердил, что «в тот момент, когда раздавались многочисленные голоса в пользу интервенции Японии в Сибири, главным препятствием к этой интервенции стало негативное отношение правительства США» (МИСИ, кол. К. Каутского, В 15, 160. Доклад напечатан в кн. Чичерин. Статьи и речи. Цитируемый отрывок не вошел в опубликованный текст доклада и дается в обратном переводе с немецкого. В стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда Советов речь Чичерина не вошла вообще).

84

Переписка секретариата ЦК, т. 3, с. 153-154.

85

Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 240.

86

Там же, с. 243, 240.

Примечания

1

«Все русское население Закавказья,— указывает один из документов

того времени, — всегда отстаивало идею непризнания Брестского договора, верности союзническим обязательствам и недопустимости заключения сепаратного мира с какою бы то ни было державою Центрального союза». Так 15 июня в Закавказье состоялось общее собрание русских железнодорожных служащих, постановившее не обслуживать немцев и турок. «Долг присяги Временному правительству, подтвердившему союзнические обязательства России, не позволял им делать того, что от них требовали», поскольку по закавказским железным дорогам «согласно условиям подписанного в Батуми мирного договора [...] началось передвижение германо-турецких войск». Служащие заявили, что не могут работать во вред России: русские подданные исходили из того, что Россия все еще воюет с Четверным союзом. В связи с этим Закавказский русский национальный совет разрешил русским гражданам по собственному желанию увольняться с железной дороги. Такие заявления удовлетворялись «не позднее, чем в суточный срок». (АИГН, 17/1. ЗРНС. Председатель С. Завалишин. 7 июня 1918 г. гор. Тифлис. № 2595. Министру путей сообщения Грузинской республики; № 2596. Начальнику железных дорог Азербайджанской республики, 2 л.).

2

Грузинское правительство согласилось удовлетворять ходатайства. Азербайджанские просьбы об увольнении отклоняло. (АИГН, 17/1. ЗРНС. Январь 1919 г. Записка, утвержденная Управою Руссовета 24 января 1919, переведенная затем на английский язык и представленная английскому командованию. Товарищ председателя Закавказского русского национального Совета Ю. Ф. Семенов.)

3

16 апреля была перехвачена радиограмма: «Севастополь. [...] Обстрелян и захвачен коммерческий пароход. Просим объяснить, чем вызваны действия германо-турецкого флота против русско-черноморского флота и должны ли мы рассматривать эти действия как возобновление войны на море, ибо наш флот [...] соблюдал Брестский договор [...] воздерживался от всяких [...] выступлений [...]. Просим [...] сообщить нам, может ли наш флот, оставаясь в Севастополе, считать себя гарантированным от всяких покушений и активных выступлений Германии и ее союзников. Председатель Центро [флота] Кнорус» (Возрождение, 3 [16] апреля 1918г. №69, с. 2).

Переписка секретариата ЦК РСДРП (б), т. 3, с. 32. Там же, с. 136. Это был не единственный случай паники в рядах большевистского руководства. Вот что писал меньшевик Абрамович меньшевику Валентинову-Вольскому: «В только что появившейся книжке воспоминаний Стасовой «Страницы жизни и борьбы» на странице 103-й напечатано следующее: «1919 год был очень тяжелым годом. Наступление 14 держав на советскую республику создало столь опасное положение, что не исключена была для партии необходимость вновь уйти в подполье. Пришлось заботиться о паспортах для всех членов ЦК и для Ленина в первую очередь. Нужно было обеспечить партию и материальными средствами. С этой целью было отпечатано большое количество бумажных денег царских времен, так называемых «екатеринок», т. е. сторублевок с портретом Екатерины. Для обеспечения их сохранности были сделаны оцинкованные ящики, в которые эти деньги были упакованы и переданы Николаю Евгеньевичу Буренину для сохранения их в Петрограде. Он закопал их, насколько знаю, под Питером, где-то в Лесном, а впоследствии даже сфотографировал их раскопку, когда советская власть окончательно утвердилась. Тогда же на имя Буренина (как купца по происхождению) был оформлен документ о том, что он является владельцем гостиницы «Метрополь». Сделано это было с целью обеспечить партию материально». (АИГН, 591/13. Письмо РАА — НВВ от 24 декабря 1957, с. 1-2.) «Об истории с паспортами и деньгами в начале 1919 года, в самый опасный момент для большевизма в гражданской войне, — отвечал Валентинов-Вольский, — знаю не только я, как один из основных членов тогдашнего ЦК меньшевиков, но и независимо от меня еще четыре человека в Нью-Йорке: Л. О. [Дан], Б. И. Николаевский, [Ю. П.] Денике и Б. Двинов. Мы тогда сами получили предложение от Енукидзе и от Каменева взять паспорта, которые для нас и для Бунда будут приготовлены, а Бунд, который работал тогда в Белоруссии, получил даже довольно значительную сумму теми самыми сторублевками, о которых Вы говорите. [...] Знаю я, как, вероятно, знаете и Вы, и Суварин, что одновременно или за некоторое время до этого они выслали за границу через Марка Натансона большое количество золота, которое должно было быть депонировано в швейцарских банках на указанные большевистской партией имена. Некоторую часть этого золота-они дали левым эсерам натансоновского толка, которые на эти деньги потом в Берлине устроили издательство «Скифы» (АИГН, 591/13. Письмо НВВ — ААР от 30 декабря 1957, с. 2).

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 511.

6

АТ, Т-3742. Г. Зиновьев. Год революции, с. 269. В чем же выход?

7

11 номеров «Коммуниста» все-таки было выпущено. Закрылась газета 19 марта (Протоколы съездов и конференций, с. 258).

8

С 20 апреля Бухарин, Радек, Смирнов и Оболенский (Осинский) стали выпускать в Москве еженедельный журнал «Коммунист», но вышло только четыре номера, и в июне журнал закрыли.

9

Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 535.

10

«Удивительное, поистине удивительное время мы переживаем, — писал левый эсер и бывший нарком юстиции Штейнберг. — Если бы подойти сегодня к рядовому русскому рабочему или крестьянину и спросить его: имеем ли мы сейчас мир, он как будто должен будет ответить: да», но если «спросить его: а не находимся ли мы сейчас в состоянии войны, он также уверенно почти ответит: да, конечно, наша страна находится в состоянии доподлинной войны». «Несмотря на Брестский мир — германские войска продвигаются по всем частям нашей страны. Уже заняты ими Украина и Крым, уже захватили они руками подвластной им Турции Закавказье, уже раздавлены ими свободолюбивые рабочие и крестьяне Финляндии, уже забрались они на Дон, подходят к Курску и Воронежу» (Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 3).

11

«На самом деле «передышки» и не было, — писала Измаилович. [...] Из войны советская Россия так и не выходила все эти месяцы. [...] В этом

передышка обманула. Хлеба не получили. Передышка закрыла для советской России хлебные рынки. В этом передышка тоже обманула. Социалистическое строительство остановилось на мертвой точке и даже попятилось назад, так как много запрещалось прямо или косвенно соглашением с германским империализмом. В этом тоже обманула передышка» (Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 16).

12

Вот что писал в рапорте один из солдат, случайно избежавший расстрела: «К вечеру 21 мая с. г. турецкий отряд с боем подступал в Ур. Джелал-Оглам, и я [...] решил идти пешком на ст. Калагеран, дабы этим избавить себя от турецкого плена [...]. Вся станция была запружена беженцами и стоявшие два состава были до невозможности перегружены ими и поэтому мне пришлось со станции Калагеран идти пешком на ст. Санаин, где с разных частей [...] нас задержалось [...] 28 человек [...]: 12 человек русских, 6 грузин и Юармян. 2 июня 1918г. на станцию Алаверды со станции Садахло прибыл состав турецких войск во главе с турецким офицером [...]. Видя неизбежность сдаваться в плен туркам [...] мы [...] делегировали полковника Владимирова к турецкому офицеру [...] с просьбой довести нас до Тифлиса, если только не посчитает нас пленными. Турецкий офицер нашу делегацию принял любезно и обещал на другой же день довести нас в город Тифлис [...] в чем и выдал полковнику Владимирову от себя расписку и честное свое слово. Что же касается плена, то он сказал: «Пленными я считаю только нации, враждующие с Турцией, а русских пленными не считаю». 3 июня 1918 года [...] прибыв на ст. Ллаверды, полковник Владимиров представил и отрекомендовал нас турецкому офицеру, который принял нас любезно и тут же приказал своему унтер-офицеру у всех отобрать оружие за исключением русских [...]. Кроме полковника Владимирова, ни у кого не оказалось оружия [...]. В 11 часов вечера [...] повели нас [...] в глухую степь [...] раздев нас наголо подвергли к расстрелу [...]. В момент, когда [...] подалась команда к выстрелу, мы, впереди сидевшие человек семь, бросились врассыпную [...]. Осталось в живых трое [...]». (АИГН, 17/1. В ЗРНС. Доклад члена исполнительного бюро при этапно-транспортном отделе Управления начальника военных сообщений Кавказского фронта солдата Кузьмы Авксентьевича Фомина о происшествии на станции Ашага-Сераль Карсской ж.-д. линии 3 июня 1918 года. Зл.)

13

Лучшим тому примером было известное дело капитана Щастного. Капитан первого ранга Алексей Михайлович Щастный с марта по май 1917 г. был офицером для поручения при штабе командующего флотом. С июня он стал флаг-капитаном распорядительной части штаба, а в 1918 г. был назначен исполняющим обязанности начальника военно-морских сил Балтийского флота. 11 апреля 1918 года Щастный вывел из Гельсингфорса в Кронштадт караван морских судов и транспортов в составе броненосцев «Андрей Первозванный» и «Республика», ледокола «Ермак» и бронированного крейсера «Бирюч» и пр. Второй караван из ста судов, главным образом миноносцы, транспорты и подводные лодки, в тот день успешно миновал шхеры. Вечером 11 апреля из Гельсингфорса вышел третий караван в составе 600 судов (Возрождение, 3 [16] апреля 1918г. 69, с. 2). Казалось, столь блестящая военная операция по выводу без потерь судов из-под носа германского флота должна была заслужить благодарность советского правительства. Щастный же через два месяца после прибытия в Кронштадт был арестован по приказу Троцкого. Обвинение гласило: «Щастный, совершая героический подвиг, тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против советской власти». Свидетелем обвинения выступал Троцкий. Дело слушалось в Верховном революционном трибунале с участием большевиков и левых эсеров 20 — 21 июня. Трибунал вынес Щастному смертный приговор. Очевидно, что в вину капитану ставилась попытка срыва Брестского мира путем саботажа приказа о сдаче Балтийского флота Германии на основании очередного германского ультиматума (Русский солдат-гражданин во Франции, № 211, 9 июня 1918, с. 4). Именно в этом заключалась его «измена». 4 июня 1918 года «Свобода России» (№ 63, с. 3) опубликовала предсмертные письма А. М. Щастного от 21 июня к матери, жене и детям (личного характера).

14

АИГН, 17/5. Закавказский сейм. Тифлис, 10 февраля — 26 февраля [по ст. ст.] 1918 г. Записано Ю. Ф. Семеновым, с. 6.

15

Доклад, представленный Сейму, Рамишвили заканчивал так: «Если, идя на почетный мир с Турцией, мы встретим непреодолимое препятствие с ее стороны, если Турция не пойдет нам навстречу, то все закавказские народности без различия партий и положений найдут в себе достаточно силы, чтобы общими усилиями отстоять интересы Закавказья и общие цели.

Во всяком случае закавказские народности, идя на почетный мир с Турцией, сумеют защитить свои собственные интересы» (цит. по кн. Уратадзе. Образование и консолидация, с. 46.) Основные положения для переговоров, выработанные комиссией, сводились к трем пунктам:

«1. Закавказский сейм при создавшихся условиях считает себя правомочным заключить мир с Турцией. 2. В основание заключенного мирного договора должно лечь восстановление государственных границ России с Турцией, существовавших к моменту объявления войны в 1914 году. Делегация добивается права на самоопределение для Восточной Анатолии, в частности, автономии турецкой Армении в рамках турецкой государственности» (там же).

16

Незадолго до открытия Сейма глава английской миссии полковник Пайк сделал предложение председателю Закавказского комиссариата о субсидировании союзниками национальных корпусов в целях замены ими ушедшей русской армии. Однако ответа на английское предложение не последовало (АИГН, 17/1).

17

АИГН, 17/2. Протокол Совещания по вопросам, связанным с возможностью продолжения войны с Турцией на Кавказском фронте, 27 февраля 1918 года, в штабе фронта. Первыми заключить перемирие предложили турки. Подробнее об этом см. в кн. Уратадзе. Образование и консолидация, с. 27—32.

18

АИГН, 17/7. Доклад делегации Закавказского сейма по ведению переговоров о мире с Турцией. Приложение, с. 1-2, 4. Согласно Уратадзе, протест был послан 2 марта по постановлению Сейма председателем Сейма и председателем Закавказского комиссариата (Уратадзе. Образование и консолидация).

19

Там же, с. 47.

20

«Отрезать от Закавказья те области, которые хотят взять, это значит нанести смертельную рану всему Закавказью в культурном, экономическом и политическом отношениях. Батум для нас — это то же, что Петроград для России. [...] Мы совершили великую революцию не за тем, чтобы из одного рабства попасть в другое» (там же, с. 48-49).

21

АИГН, 17/2. Протокол совещания...

22

Подробнее о политике Германии в Закавказье в этот период см. Пипия. Германский империализм в Закавказье; он же. Политика Германии в Закавказье в 1918 году.

23

Смущало, конечно же, и то, что Закавказье объявляло о своей независимости по требованию Турции. Депутат Закавказского сейма Ю. Ф. Семенов по этому поводу заметил, что «объявление независимости Закавказья под давлением Турции и как противовес Брестскому договору очевидно должно иметь для Турции и Германии какие-нибудь выгоды, которыми компенсируются Батумская и Карсская области, отданные большевиками Турции» (АИГН, 17/5, с. 6).

24

До 11 марта Закавказская делегация продолжала оставаться на «Короле Карл» «в виду требования местного вали о разоружении сопровождавшего делегацию из Батума конвоя, состоявшего из 50 человек. Турки считали, что мы их гости и что мирная делегация не может сопровождаться вооруженными лицами. [...] Закавказская делегация стояла на той точке зрения, что Трапезунд является нейтральным пунктом, юридически не принадлежащим ни России, ни Турции и что поэтому делегация не может быть стеснена какими-либо условиями ограничительного характера. Вопрос был оставлен открытым до приезда Отоманской делегации, прибывшей 27 февраля [11 марта], в момент, когда Закавказская делегация, прождав ее трое суток, собиралась отъехать в Батум и там ждать прибытия турок из Константинополя».

За день до этого, 10 марта от командующего турецкими войсками Вехиб-паши была получена телеграмма с предложением очистить Батумскую и Карсскую области и Ардаганский округ. В ответ на письменный запрос мирной делегации Закавказья, означает ли эта телеграмма разрыв переговоров, турки ответили, что прибытие в Трапезунд турецкой делегации обусловлено желанием Порты вести с Закавказьем переговоры, а о требовании Вехиб-паши ничего не известно. Вечером того же дня Закавказская делегация переехала в приготовленное для нее турками помещение. Конвой был оставлен на судне. (АИГН, 17/7. Доклад делегации Закавказского сейма по ведению переговоров о мире с Турцией, с. 1-8.)

25

Там же.

26

Уратадзе. Образование и консолидация, с. 53.

27

АИГН, 17/4. Закавказский сейм. Стенографический отчет. Сессия первая. Заседание двадцать второе. Тифлис, 9 апреля 1918 года. Речь члена Сейма Ониашвили по вопросу о независимости Закавказья, с. 3.

28

АИГН, 17/1. ЗРНС. По примеру других закавказских народностей, созывавших свои национальные съезды в ноябре 1917 года, русское население Закавказья решило созвать свой съезд. С этой целью было образовано в декабре месяце Временное бюро русского национального совета. Русский национальный совет окончательно оформился в марте 1918 года. Он создавался из-за разросшейся в крае анархии при ослаблении власти центральной администрации и местных исполнительных комитетов, из-за образования прочих национальных советов — Армянского, Грузинского и Мусульманского, к которым постепенно переходила власть из рук центральной администрации; наконец, для организации Русского добровольческого отряда и замены им, вместе с добровольческими частями других национальностей, войск, уходивших с турецкого фронта (уход русской армии с фронта и опасность турецкого нашествия на Закавказье при помощи добровольческих отрядов). Первый съезд Русского

национального совета проходил с 24 по 31 марта. Социальный состав делегатов был следующий: крестьян, рабочих и солдат — 54; людей свободных профессий — 123; офицеров и чиновников — 24. Всего — 201 делегат. По партийной принадлежности 62 делегата были эсерами, 35-меньшевиками, 9 — народными социалистами, 36 — кадетами, 16-беспартийными, 8 делегатов представляли общество Русской культуры, а 35-так называемую группу «Соединенной комиссии» (блок партий, стоящих правее кадетов, и некоторые беспартийные чиновники правых взглядов). Во время съезда группа «Объединенных комиссий» вступила в конфликт с основной частью съезда, отказалась от участия в выборах в Национальный совет и в конце концов покинула съезд. Отдельной группой делегатов были представлены сектанты, составляющие значительную часть русского крестьянства Закавказья. Съезд избрал «Закавказский русский национальный совет» в составе 45 человек, который начал свою работу 1 апреля (ЛИГИ, 17/1.ЗРНС).

29

Сепаратистские стремления проявились не сразу. Армянский и грузинский национальные съезды в ноябре 1917 года не стояли за отделение от России, так как понимали, что Закавказье может оказаться легкой добычей для Турции. Особенно резко против отделения от России высказывалась Грузия: грузинский съезд единогласно проголосовал за тезисы доклада Жордании, против отделения (там же).

30

«В деле создания самостоятельных Закавказских республик, — пишет современник, — главную роль сыграли не сами народы этих республик, а те враждебные России государства, которые приходили в Закавказье во время мировой войны. Прежде всего к числу таких государств надлежит отнести Турцию» (АИГН, 17/19. [Без названия.] Машинописная копия, с. 1).

31

АИГН, 17/5, с. 20, 27.

32

АИГН, 17/2. Протокол совещания...

АИГН, 17/2. Главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Управление генерал-квартирмейстера. Оперативное отделение. 7 марта 1918 года. Председателю Закавказского комиссариата. Секретно, с. 1,8. Тем не менее армия готова была к сопротивлению, если того потребуют обстоятельства. В протоколе совещания от 11 марта, в частности, было записано:

«Ген. Лебединский. Настаивает на внесении в Сейм в срочном порядке: 1. принуждения при мобилизации; 2. увеличения сроков возрастов [...]

Ген. Дурново. Докладывает о состоянии запасов оружия и патронов, [...] [которых] захвачено большевиками в Баладжарах 18 мил. Нужно немедленно купить эти патроны у большевиков [...]. Необходимо немедленно послать в Россию за чертежами на случай постройки или, вернее, приспособления существующего в Батуми завода ручных фанат. Материалы для изготовления есть в Закавказье, но капсулы и порох нужно купить [...]. Вооружение Батума считается прекрасным [...].

Ген. Соллогуб. Разрешить эвакуацию включительно до Тифлиса.

Ген. Лебединский. Оглашает телеграмму генерала Левандовского о прибытии в Трапезунд нового полка из Константинополя и вторую телеграмму о беспорядках в Ризе. Таким образом в Трапезунде сосредотачиваются значительные силы и поэтому Закавказье поставлено в очень тяжелые условия. Надеется, что народные вожаки призовут народ к защите края. [...] Призывает напрячь энергию и все силы к доведению обороны до успешного конца.

Ген. Аверьянов. Докладывает, что настроение Понтийского населения благоприятно Закавказью и по формулировке комиссара Анфилова — население враждебно относится к войне против русских и как один человек станет за Закавказье.

Ген. Лебединский. Для обороны Батума нужен [Черноморский] флот. Нужно его привлечь какою угодно ценою [...]

Ген. Аверьянов. Спрашивает, нужно ли возобновить оборонительные работы в Карее [...]

Ген. Голицын. Считает, что в Карее делать ничего не нужно». (АИГН, 17/2. Протокол совещания...)

«Турецкие войска вторглись в пределы Закавказья. Ведение переговоров при подобных действиях [...] является совершенно недопустимым и парализующим в полной мере значение мирных переговоров. Прошу сделать заявление турецкому правительству, что дальнейшее передвижение турецких войск должно быть немедленно приостановлено, в противном случае [...] мы вынуждены будем считать, что мирные переговоры не удались» (Уратадзе. Образование и консолидация, с. 57).

36

Там же.

37

АИГН, 17/7. Доклад делегации Закавказского сейма по ведению переговоров о мире с Турцией, с. 1-8.

38

Там же, с. 1-8; там же. Приложение, с. 1-2, 4. Было условлено, «что обе делегации считают создавшееся положение не разрывом, а перерывом в занятиях конференции», которая, однако, никогда уже не возобновила своей работы.

39

«1. Батумский санджак с городами Батуми, а также форты, окружающие Батуми, со всеми военными припасами, должны быть возможно скорее заняты нами. 2. На основании этого предлагаю Вашим войскам до четырех часов дня после полудня, 13 апреля, покинуть укрепления. Если Вы примете это предложение, то войска мои до полного выхода Ваших войск из города не войдут в него и останутся на фронтах. Командующий турецкими войсками Кавказского фронта позволяет Вашим войскам сохранить оружие. 3. Ожидаю ответа на мое дружеское предложение. В случае же непринятия его предупреждаю, что будут сделаны все необходимые приготовления для штурма, результатом которого будут разрушение, пролитие крови и плен защитников. 4. Завтра, 13 апреля, до полудня жду Вашего ответа. Начиная с 4 часов пополудни позволяю себе свободу действия» (Уратадзе. Образование и консолидация,

с. 57).

40

Там же, с. 59. В отчете 1919 года один из эсеровских активистов указал: «В то время, как все. политические партии холопски пресмыкались перед агентами германского империализма, наши товарищи, действуя согласно директивам ОК, развивали всюду, где возможно, агитацию против Германии Вильгельма, а наша газета даже была закрыта за «оскорбление дружественной держа вы» (МИСИ, архив ПСР, папка 2018, с. 3).

41

Закавказский сейм. Заседание 31 марта [13 апреля] 1918 г. -Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. № 69, с. 1-2.

42

«Оперативная сводка к 12-ти часам 2 апреля. На приморском направлении: крепость Батум 1 апреля занята турками. Гарнизон крепости выведен к северу для продолжения обороны приморского направления» (Там же, с. 2.)

43

«Граждане Закавказья! [...] Вы знаете, какие требования предъявило нам турецкое правительство. От нас потребовали признания Брест-Литовского договора, заключенного без ведома народов Закавказья; которого в настоящее время в России не признает никто [...] Позорного мира мы не подписали. Мирные переговоры с Турцией прерваны. Отныне спор решается силой оружия [...] К оружию! Все на фронт! Все на защиту свободы и родины!» (Манифест Закавказского сейма — там же, с. 2; Уратадзе. Образование и консолидация, с. 62-63; Гелейшвили. Красная книга, с. 148-150).

44

«Наша демократия обратилась с призывом о помощи к большевистской России. Наше правительство должно не медля ни минуты вступить в сношения с державами противогерманской коалиции».

(С кем мы должны быть. — Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. № 69, с.

2) Большевики в тот день выступили с дипломатическим протестом за подписью Чичерина и Карахана: «Москва. В Берлин.

Турецкая армия продвигается через Батум, Каре, Лрдаган, разоряя страну и уничтожая население. Ответственность за дальнейшую судьбу армян ложится всецело на Германию, ибо по ее настоянию были выведены все войска из армянских областей» (там же). С призывом о помощи обратилась к «рабочим, крестьянам и солдатам России» Закавказская социал-демократическая фракция Сейма (Гелейшвили. Красная книга, с. 151-152).

45

«Центр [...] Северный Кавказ [...] усомнившийся большевизм — если они придут нам на помощь, мы примем их с распростертыми объятиями, только бы не подпасть под иго турок. Граждане, настал роковой час. Решайте: смерть или жизнь, рабы или свободные граждане» (Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. №69, с. 2).

46

Турция признала независимость Закавказья 28 апреля 1918 г.

47

Уратадзе. Образование и консолидация, с. 64-65, 68.

48

Главнокомандующий генерал-майор Лебединский, начальник штаба генерал-майор Левандовский, генерал-квартирмейстер генштаба полковник Шатилов доносили в связи с этим председателю Закавказского правительства, что с «объявлением независимости Закавказья и решением Сейма прекратить военные действия с Турцией» начали «поступать ходатайства многих [русских] офицеров об освобождении их от занимаемых должностей, как подданных другого государства», причем «с уходом лиц со специальным образованием пополнение их из числа подданных Закавказья почти неосуществимо» (АИГН, 17/2, 10 [23] апреля 1918 года. с. 1-2).

49

«На вопрос, почему мое мнение совершенно расходится с тем, что говорил главнокомандующий, вынесший из своей поездки самые отрадные впечатления, я ответил, что мое мнение совершенно не расходится, ибо со времени поездки главнокомандующего совершилось много событий, изменивших обстановку [...]. На вопрос, каково соотношение сил под Карсом, я ответил, что у турок несомненно обнаружены части трех дивизий, которые, вероятно, усилены и другими частями; у генерала же Назарбекова приблизительно вдвое меньше сил» (АИГН, 17/2, Начальник штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта [В. А. Левандовский]. 12 апреля 1918 года. с. 1-2).

50

Телеграмма ген. Назарбекова от 30 марта. — Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. № 69, с. 2.

51

АИГН, 17/1. ЗРНС.

52

Уратадзе. Образование и консолидация, с. 65-68.

53

Там же, с. 69-70.

54

Вот что сказал в разговоре с бывшим членом Закавказского сейма и будущим видным русским эмигрантским общественным деятелем Ю. Ф. Семеновым 27 мая 1918 года командир Грузинского корпуса генерал Габаев: «На мое утверждение, что провозглашение независимости Грузии никого ни от чего не спасает, что Грузия будет все равно оккупирована турецкими войсками и потеряет всякие следы независимости, Габаев возражал. Он говорил, что Германия не позволит Турции занять Грузию [...] что Германия осуществляет теперь то, что ею было задумано в 14 году. Тогда, он говорит, это был секрет, а теперь это известно всем. Поэтому об этом можно говорить откровенно. В 1914 году, при начале войны, Германия заключила с Турцией договор, по которому в случае германской победы

Турция получала все Закавказье и Дагестан, за исключением Грузии. [...] Теперь этот договор осуществляется. По этому договору [...] Германия брала на себя защиту независимости Грузии. Теперь [...] Германия осуществляет свою защиту, расставляя свои пикеты по границам Грузии, и не позволяет Турции вторгнуться в пределы Грузии. Когда же я ему [указал на] [...] ультиматум, предъявленный вчера ночью Турцией о том, что Грузия должна пропустить по своим дорогам турецкие войска и уступить Турции Ахалцинский и Ахалкалаский уезды, Габаев сказал, что это вздор, никакого такого ультиматума нет и что Германия не позволит Турции предъявлять подобные ультиматумы. [...] Он сказал, что по настоянию Германии Турция стала перебрасывать свои войска из Батума пешим порядком на Ардануч, Ардаган, Каре, чем доказывается, что они хотят оставить в покое западную ветку [Военно-Грузинской] дороги. Еще одно доказательство он приводил. Летом прошлого года Германия предлагала грузинам освободить 20 тыс. пленных грузин с тем, чтобы грузины, вооружив их, послали в Трапезунд. Германия говорила, что благодаря революции русские войска неизбежно уйдут с фронта и что тогда по мере отхода русских войск от Трапезунда грузинские войска, замыкая шествие, остановились бы на Чорохе и сумели бы отстоять границы Грузии 14 года. Таким образом, уже в прошлом году Германия была уверена, что русская армия разойдется по домам и сама предлагала возможность активной борьбы с Турцией в отстаивании границ Грузии. Но [...] руководители грузинской политики [...] отнеслись недостаточно серьезно к этому предложению и нам теперь пришлось потерять Батум, который, впрочем, мы сумеем вернуть на международной конференции после окончания войны» (АИГН, 17/9. Записано Ю. Ф. Семеновым, с. 1-2).

55

Уратадзе. Образование и консолидация, с. 76.

56

Об экономических и военно-политических интересах Германии в Грузии свидетельствует одно из донесений Людендорфа от 9 июня 1918 года германскому статс-секретарю по иностранным делам. Из него также следует, что Германия намеревалась противостоять в Закавказье наступательной политике Турции: «Необходимо признать грузинское государство и защищать его. [...] Если Грузия станет нашей передовой базой, то можно надеяться, что кавказская территория постепенно будет умиротворена и мы сможем вывозить оттуда сырье, в котором так

нуждаемся. [...] Мы должны руководствоваться принципом, что Турция не должна препятствовать формированию грузинской армии и поставке сырья с Кавказа. Если турки займут линию Тифлис — Баку и сам Баку, мы будем рассматривать это как враждебное выступление, как оккупационный акт, который может привести к разрушению местной нефтяной промышленности».

57

В связи с этим в середине июня 1918 года на Кавказе была «объявлена поголовная мобилизация армян» (Мобилизация армян — Голос Киева, № 54, пятница, 21 июня 1918).

58

В письме в Международное социалистическое бюро представители грузинской социал-демократии писали по этому поводу следующее: «В сложившейся исторической обстановке единственной силой, которая могла нам помочь, оказалась Германия. Турки, войска которых с четырех сторон наступали на нашу столицу, заставили нас согласиться на передачу им наших железных дорог. Германия только могла избавить нас от мертвой петли этого соглашения при условии передачи ей контроля над нашей железнодорожной сетью. Мы знаем, насколько тяжело это условие, но у нас не было другого способа избавиться от турецкой оккупации. Мы подписали договор с Германией, разрешили ей распоряжаться нашими железными дорогами, предоставили ей экономические права, которых она добивалась, приняли к себе их полки и выговорили себе лишь защиту от Турции и невмешательство в наши внутренние дела. Оба условия были выполнены Германией». (Гелейшвили. Красная книга, с. 226-227).

59

Современник отмечает: «Дело шло довольно успешно, и бакинская Красная гвардия доходила до Кюрдамира» (АИГН, 148/4, с. 1-6).

60

По другим сведениям, англичан было до 1500 человек (там же, с. 6). В первые же дни пребывания англичан в Баку главнокомандующий английскими войсками в Северной Персии генерал Данстервиль опубликовал воззвание: «Декларация британского правительства народам

России. Энзели. Принята 26 августа 1918 года. Мы, как друзья ваши, приходим, чтобы помочь вам избежать раздробления и гибели от руки Германии [...]. Наши войска вступают в Россию только, чтобы помогать вам в вашей борьбе против Германии» (АИГН, 17/19, с. 6).

61

В обороне города участвовали и русские несоветские части. В одной из корреспонденции того времени говорилось: «В это время [...] через Персию эвакуировался в Россию [...] русский отряд полковника Бичерахова, действовавший совместно с англичанами. Этот отряд [...] был отправлен в Баку для укрепления фронта I...]. Бичерахов командовал Красной армией 6-22 июня, а затем командовал лишь своим отрядом. Ввиду выяснившейся невозможности работать с большевиками сам Бичерахов в августе пробился на север и занял Дербент и Петровск. В Баку оставалась все же сформированная им бригада, принявшая участие в обороне города после прихода англичан» (АИГН, 148/4).

62

АИГН, 17/19, с. 7. Недолго оставалась гарантом независимости Грузии и Германия. 22 октября, в преддверии крушения германских армий и подписании перемирия на Западном фронте, германское верховное командование подписало директиву о выводе немецких войск из Грузии.

63

Вместе с союзниками 17 ноября в Баку ввел Каспийскую флотилию и свои части Бичерахов, выбитый перед тем из Петровска. Флотилия, впрочем, была англичанами разоружена.

Примечания

1

Троцкий. О Ленине, с. 111, 112.

2

9 (22) января, в день, назначенный для украинской конституанты, она не могла собраться вследствие большевистского наступления (АИГН,

3

В апреле 1918 г. председатель Совета народных министров Украины Голубович так описал историю приглашения на Украину германских войск: «В свое время, когда Украине угрожала опасность со стороны большевиков [...] мы были вынуждены через свою мирную делегацию обратиться к немецкому народу с призывом оказать нам помощь. Немецкое правительство сейчас же сделало соответствующее распоряжение об отправке к нам в помощь своих войск для установления порядка и спокойствия. С того времени неизменно подчеркивалось [...] (и это закреплено целым рядом официальных документов вроде моей телеграммы рейхсканцлеру Гертлингу с сообщением о том, что Киев освобожден от большевиков и с благодарностью за помощь и его ответом на эту телеграмму), что немецкие войска пришли к нам, как дружеские союзники [...]. Одновременно с этим неизменно подчеркивалось, что ни немецкое правительство, ни немецкое войско не имеют намерения вмешиваться во внутренние вопросы, в наши внутренние дела» (КМ, № 64, 29 апреля 1918, Заседание Малой Рады от 27 апреля. Речь премьер-министра В. А. Голубовича).

4

Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 18-19.

5

Статистические данные о вывозе продовольствия с Украины расходятся. Так, 29 апреля 1918 г. «Киевская мысль» привела слова премьер-министра Украины о том, что в Германию и Австро-Венгрию вывезено «более трех миллионов пудов хлеба» (КМ, № 64, 29 апреля 1918 г. Заседание Малой Рады от 27 апреля. Речь премьер-министра). По данным, составленным австрийским статс-секретарем продовольственного ведомства, до ноября 1918 года с Украины странами Четверного союза было вывезено: 113.421 тонна зерна, муки, бобов, фуража и семян; 3.329.403 кг масла, жира и сала; 1.802.847 кг растительного масла; 420.818 кг сыра и творога; 1.213.961 кг рыбы, рыбных консервов и селедки; 105.542 головы (36.625.175 кг) рогатого скота; 95.976 голов лошадей; 2.927.439 кг. солонины; 75.200 ящиков яиц; 66.809.963 кг сахара; 27.385.095 кг различных других съестных припасов. Кроме того 15.000 вагонов

различных продуктов было вывезено с Украины контрабандным путем, т. е. не через созданные Германией и Австро-Венгрией правительственные организации для вывоза продуктов с Украины (Чернин. Брест-Литовск, с. 174-175).

Там же указана и та доля продуктов, которую получила Австро-Венгрия. Иные данные называли более критически настроенные в этом вопросе авторы. Генерал Гофман, например, указывал, что германскому «закупочному обществу не удалось открыть сколько-нибудь значительных запасов» продовольствия на Украине — то ли вследствие преувеличения запасов продуктов украинской мирной делегацией (сулившей Центральным державам поставки продуктов с Украины), то ли из-за саботажа украинского населения, спрятавшего весь свой хлеб (Гофман. Война упущенных возможностей, с. 192). «Обманула и Украина, — писал другой автор. — Ее житницы не открывались по мановению немецких шпаг. [...] Теперь известно, что только 40.000 вагонов продовольствия было вывезено с Украины. Это составляло фунт хлеба на каждого жителя Германии и Австрии. Конрад Гаусман признал, что «хлебный мир с Украиной принес нам траты на оккупацию, но не принес хлеба» (Литовцев. Французы и Брест-Литовск). По другим сведениям за все время германской оккупации Украины Центральные державы вывезли 113.421 тонну продовольствия, в основном зерна, что, однако, было совершенно недостаточно для удовлетворения нужд Германии и Австрии (Chamberlin. The Russian Revolution, v. 1, p. 410).

6

Современник пишет: «Даже та часть интеллигенции, которая была им благодарна за освобождение от большевиков, не скрывала от них неудовольствия за отделение Украины от России и за поддержку самостийников. Простой же народ, не изживший еще большевизм, считал, что немцы отняли у него землю и волю и ненавидели как немцев, так и тех, кто их пригласил [Центральную Раду] [...] Все это наглядно убедило немцев, [...] что отделяя ее [Украину] от остальной России насильственным путем [...] они возбуждают против себя широкие круги населения как на Украине, так и на всей России» (АИГН, 157/13, с. 3).

7

«Голод становится все более угрожающим, — писал о ситуации в Москве советник германского посольства Рицлер в донесении от 4 июня 1918 года, — и поскольку народ считает, что на юге колосятся поля

пшеницы, нас винят (и не без оснований) за нехватку хлеба, керосина и угля» (Земан. Германия и революция в России, док. от 4 июня 1918).

8

Приказ о введении на Украине военно-полевых судов был подписан командующим германскими войсками на Украине генералом Эйхгорном 25 апреля и объявлен на следующий день. (КМ, № 64, 29 апреля 1918. Заседание Малой Рады от 27 апреля. Речь премьер-министра).

9

Германские военно-полевые суды были учреждены в 1890 г. Им были подсудны дела граждан стран, которые находились с Германией в состоянии войны. Само германское правительство понимало наличие противоречия между существованием мирного украино-германского договора и введением военно-полевых судов, но объясняло необходимость издания указа беспорядками, в том числе и частыми единичными убийствами германских солдат (КМ, № 118, 23 июля, № 120, 25 июля 1918).

10

В ночь на 27 апреля дивизии из пленных украинцев, находившиеся в Киеве, были разоружены. По заявлению военного министра Украины атамана Жуковского, ночью немцы, окружив казармы, обезоружили 1 -и и 4-й полки одной из дивизий (один из полков стоял в Киеве, другой — под Ковелем). Жуковский потребовал, чтобы арестованные в казармах солдаты были освобождены, а германская охрана в казармах, имевшая на вооружении пулеметы, — снята. Германский военный атташе заявил, что вышло недоразумение (там же, № 64, 29 апреля 1918 г. Заседание Малой Рады от 27 апреля. Запрос о разоружении украинских солдат).

11

Там же, № 64, 29 апреля 1918 г. Заседание Малой Рады от 28 апреля 1918 Машинописная копия. Речи М. Г. Рафеса и Н. В. Порша.

12

В «Гауптаусшуссе» рейхстага 4 мая происходили по этому поводу горячие прения. Германский вице-канцлер Ф. фон Пайер сказал, что

продовольственные соображения были основными при решении вопроса о вводе на Украину германских войск (Алексеев. Уроки прошлого).

13

С некоторыми оговорками все то же самое можно сказать и о политике на Украине Австро-Венгрии. «Мы получили от Украины значительно меньше, чем мы надеялись», — указывал в своих воспоминаниях граф Чернин. Он, однако, считал, что без этого продовольствия Австро-Венгрия вообще не была бы «в состоянии дожить до следующего урожая. Статистически доказано, что весной и летом 1918 года мы получили от Украины 42.000 вагонов. Было бы невозможно достать эти съестные припасы из какого-нибудь другого места» (Чернин. Брест-Литовск, с. 174).

14

Алексеев, Уроки прошлого.

15

Там же.

16

По свидетельству бывшего министра сельского хозяйства Украины, «так как это распоряжение совпало со временем весенних посевов, то самочинные посевы на чужих землях, во многих случаях с осени заготовленных владельцами, приняли еще более широкие размеры» (АИГН, 157/2, с. 1).

17

КМ, № 118, 23 июля 1918.

18

Там же, № 64, 29 апреля 1918. Заседание Малой Рады от 27 апреля. Речь премьер-министра.

19

Там же, речь Янько.

20

Там же, Заседание Малой Рады от 28 апреля.

21

Там же.

22

Там же.

23

Там же, № 118, 23 июля 1918.

24

Вот как на следующий день описывала происшедшее газета «Киевская мысль»:

«Около 3.30 ч. дня к столу печати во время речи Рафеса подходит один из членов рады и сообщает, что [...] здание рады оказалось окруженным немецкими солдатами, которые никого не выпускают. Сообщение это тем же членом рады было передано и председателю М. С. Грушевскому, который спокойно продолжал вести заседание. [...] Рафес кончил уже свою речь, когда по лестнице, ведущей в залу заседания, происходившего на третьем этаже, раздался топот солдатских сапог. Дверь за столом президиума в 3 ч. 45 мин. вдруг распахнулась, в ней появился германский лейтенант с отрядом германских солдат в касках, вооруженных винтовками со штыками и револьверами [...]

— Где здесь военный министр Жуковский? Где здесь министр внутренних дел Ткаченко? — стал громко называть лейтенант, командовавший отрядом. — Где министр Ковалевский? Где директор административно-политического департамента Гаевский? [...] — Я здесь, — отозвался только директор административнополитического департамента министерства внутренних дел Ю. И. Гаевский.

По команде лейтенанта [...] Гаевский был арестован и выведен из зала заседания. [...] Командир отряда продолжал производить розыски гг. Ткаченко, Жуковского и Козловского [...]. Один за другим переписываются

все присутствующие на заседании члены рады. Каждый зарегистрированный депутат отводится затем под конвоем в отдельную комнату, рядом с залом заседания, где вскоре очутились все члены рады [...]. У дверей выходящие подвергаются беглому наружному осмотру,— нет ли у них оружия [...]. Затем в здании рады начался общий обыск. Все выходы рады были заняты войсками. Перед зданием рады тоже стояли немецкие войска с пулеметами и броневиком. [...] Был увезен и оказавшийся в здании рады управляющий министерством иностранных дел г. Любинский. Последний был вскоре освобожден. Здание рады опустело. Все находившиеся там лица были оттуда удалены. У дверей были поставлены немецкие патрули. [...] Вечером [...] немецкие караулы из здания рады были удалены [...]. К вечеру в доме рады возобновилась жизнь [...]. — Что же, наконец, произошло? В чем дело? Разогнаны мы или нет? [...] И на этот вопрос никто ясного ответа дать не мог» (там же, № 64, 29 апреля 1918... Заседание Малой Рады от 28 апреля 1918).

25

Алексеев. Уроки прошлого.

26

Не исключено, что в преддверии этого переворота и вводились на Украине германские военно-полевые суды. По крайней мере, именно такой суд судил арестованных членов правительства, формально обвинявшегося немцами в коррупции и похищении симпатизировавшего немцам финансиста А. Ю. Доброго. Суд этот широко освещался в те дни прессой и производил большое впечатление. Вот что записала в своем дневнике современница тех событий: «В середине лета слушалось дело об увозе Доброго. Следствие нарисовало неприглядную картину административного произвола. [...] Отношение [немецкого] военного прокурора Трейде поражало и возмущало сквозившим в нем презрением к подсудимым [...] Речь талантливого [германского] обвинителя пестрела брезгливыми ироническими словечками» (АИГН, 157/9).

Следует отметить, что похищение Доброго было произведено в ночь на 25 апреля, до объявления приказа фельдмаршала Эйхгорна о введении на Украине германских военно-полевых судов. И подсудность членов украинского правительства по обвинению, в похищении Доброго военно-полевому суду была, разумеется, нарушением закона. В свое оправдание немцы указывали на то, что Добрый не был освобожден после обнародования указа (КМ, № 118, 23 июля 1918).

По обвинению в похищении Доброго перед германским судом предстали военный министр Алексей Жуковский (33 года, эсер), бывший директор административно-политического департамента министерства внутренних дел Раевский (31 год, эсер), чиновник особых поручений Александр Осипов (26 лет, беспартийный), начальник милиции Богацкий, бывший начальник уголовно-розыскного отделения Красовский, министр внутренних дел Ткачен-ко и его супруга, премьер-министр Голубович. 26 июля в 8 вечера комендант г. Киева немецкий генерал Вейке утвердил вынесенный военно-полевым судом приговор: Голубович и Жуковский были приговорены к двум годам тюрьмы каждый; Раевский, Осипов, Богацкий и Красовский — к году (там же, № 121, 26 июля 1918).

Так называемое похищение Доброго на самом деле было лишь попыткой высылки его, видимо, в Россию, так как Добрый, по политической принадлежности кадет, стоял за выполнение Украиной всех взятых на себя в Брест-Литовске экономических обязательств. Кроме того, он собирался продать немцам свои сахарные заводы. Короче, Добрый был настроен прогермански, и за это, на основании августовского закона 1917 года о высылке «из пределов Украинской республики всех тех, кто считался вредным для интересов республики», был тайно арестован. В ответ германский посланник на Украине фон Мумм в ультимативной форме потребовал, чтобы «похищенный» Добрый был во что бы то ни стало обнаружен (там же, № 118, 23 июля; № 120, 25 июля 1918).

27

Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, с. 220.

28

На 73-й день существования советской власти в Петрограде Ленин торжественно заявил Артуру Рэнсому, корреспонденту «Манчестер Гардиан» в России, что основная цель русской революции уже достигнута: большевики продержались на один день дольше Парижской коммуны и гибель советской власти теперь не страшна, так как главный вклад в мировое коммунистическое движение уже сделан (Фишер. Жизнь Ленина, с. 231).

29

Мартов сказал: «Непропорционально много места он посвятил в своих рассуждениях ничтожной, по его словам, группе Бухарина и Радека. Вам

покажется с первого взгляда странным это обстоятельство, но только на первый взгляд. По существу дела здесь не борьба гражданина] Ленина с какой-то левее его стоящей группой — это внутренняя борьба двух душ, из которых состоит современный большевизм» (Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, с. 224).

30

Там же, с. 234.

31

Возрождение, 3 [16] апреля 1918 г. № 69, с. 2. Кажется, это был один из тех немногочисленных моментов, когда Ленин готов был разорвать мир и объявить революционную войну. От Гельсинг форса рукой было подать до Петрограда. Ленин решил, что высадка немцев в Финляндии и подавление там революции это лишь первый шаг для захвата Петрограда и свержения ленинского правительства. В таком случае Ленин, конечно же, готов был драться. Троцкий вспоминает, что получив телеграмму о высадке немцев в Финляндии, Ленин сказал ему: «По-видимому, придется драться, хотя и нечем. Но иного выхода на этот раз, кажется, нет».

Троцкий отмечает, что «никогда, ни раньше, ни позже» он не видел Ленина в таком возбуждении (Троцкий. О Ленине, с. 86).

32

Ростов-на-Дону был захвачен немцами в нарушение условий Брестского мира 7 мая 1918 г. В сводке оперативного отдела по этому поводу указывалось, что «со стороны немцев участвовали небольшие силы, но хорошо дисциплинированные, очевидно, ударники. С нашей стороны участвовало много войск, много начальников, но лица, командующего всеми войсками, не было» (Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 466-467). Хотелось ли того Ленину или нет, получалось, что силы у советского правительства были. Не было лишь желания противостоять немцам, а в этом виновата была пораженческая политика Ленина.

33

Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, с. 238-239.

34

Там же, с. 288, 263-270.

35

Там же, с. 227, 271-276, 279-282, 285-286. Немецкий историк В. Баумгарт объяснял все увеличивающийся аппетит Германии в отношении советской России неизбежной для любой оккупации инерцией движения. Именно по этой причине, пишет автор, были заняты Крым и оба берега Дона, железнодорожные линии Ростов Воронеж, Таганрог-Ростов и Таганрог-Курск и часть территории Белоруссии с железными дорогами, обеспечивающими доставку русского золота германской империи. «Принципы соединения контрибуций и оккупации не были чем-то новым и оригинальным, они соответствовали мирным договорам XIX столетия», — заключает Баумгарт. (Баумгарт. Брест-Литовск и «разумный» мир, с. 69). Возможно. Только непрекращающиеся требования Германии как раз и были указанием на отсутствие реального мира и той «передышки», которую обещал Ленин.

36

Большевики продают флот — Русский солдат-гражданин во Франции, № 210, 8 июня 1918, с. 4. На следующий день после передачи в Берлин ноты Чичерина, 7 июня, по требованию Германии указ о демобилизации Черноморского флота был издан еще и морским ведомством Украинской державы (Голос Киева, № 43, пятница, 7 июня 1918, с. 2; АИГН, 784/7. Информационный листок, № 3, четверг, 22 августа 1918, с. 1. На русских фронтах. Раскольников). 23 июня морское министерство Украины сообщило о том, что прибывшие в Севастополь суда российского Черноморского флота будут разоружены согласно Брестскому договору. «На судах будет оставлена лишь незначительная часть команды» (Суда черноморского флота. — Свобода России, № 60, 30 июня 1918, с. 3.)

37

Россия. Военные действия. — Русский голос, № 25, 16 июня 1918. Германское продвижение восточнее демаркационной линии, видимо, было предпринято в связи с очередной попыткой Германии придти к соглашению на Западе. По крайней мере именно так считает западногерманский историк Хаффнер, возлагающий вину за эту политику прежде всего на Людендорфа (Хаффнер. Революция в Германии 1918/19, с. 43). Немцы продвигались в

Воронежском округе, блокировали с моря Новороссийск, под своим руководством начали восстанавливать финскую армию, чтобы создать еще большую угрозу Петрограду. (В Гельсингфорс для этого был послан полковник З. фон Редерн, назначенный начальником генерального штаба финской армии.) Немцы занимали все новые и новые пункты. (Русский солдат-гражданин во Франции, № 211, 9 июня 1918, с. 4).

38

Ленин. ПСС, т. 36, с. 483-486.

39

Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 263.

40

Там же.

41

Для постановки перед украинскими большевиками основных задач момента решено было созвать конференцию большевиков Украины. Конференция проходила в Москве. Формально Ленин, как и другие члены советского правительства, не имели к конференции никакого отношения. В самом начале июля Ленин, однако, встречался с делегатами этого «Первого съезда большевистских организаций Украины» (Переписка секретариата ЦК, т. 3, с. 70-72, 92-95, 99-101; Ленин. ПСС: т. 36, с. 722). Для организации подрывной работы на Украине и контроля ее большевик Г. И. Бокий был назначен «агентом ЦК Российской коммунистической партии, командиром в ОК Западной области и Краевой комитет для подробного ознакомления с постановкой и ведением нелегальной работы в оккупированных местностях» (цит. по кн. Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 370).

42

Грандиозная катастрофа — Голос Киева, № 43, 7 июня 1918.

43

На Кубани. Уничтожение красной гвардии у Таганрога — Русский голос, № 25, 16 июня 1918.

44

На Украине — там же.

45

Телеграммы. Крымский кабинет — Голос Киева, № 54, 21 июня 1918.

46

Телеграммы. Черноморский флот — там же.

47

Волнения среди железнодорожных служащих Украины летом 1918 года вспыхивали неоднократно. Причины, в общем, были экономические. Финансовое банкротство железных дорог привело к обнищанию служащих, которым перестали выплачивать жалование, в ряде случаев — с сентября 1917 года, чаще — с марта-апреля 1918. На южных линиях железнодорожники по три дня не получали хлеба и теперь требовали восстановления хлебного пайка. 16 июля вечером забастовка охватила все линии юго-западных железных дорог. На следующий день в Киев прибыло только пять поездов, а покинуло — два, но и те в пути были задержаны. К забастовке присоединились Житомирская, Подольская и южные железные дороги, затем — Полесская и Екатерининская. После 17 июля из Киева не отошел ни один поезд. Пассажирское и товарное движение замерло. Приостановили работу и многие управления, служащие которых постановили присоединиться к забастовке. В Киеве забастовала служба сборов, депо, главные мастерские, вагонные парки, многие конторы, все станционные отделения. Не работали билетные кассы. Перепуганное австрийское командование настаивало на уплате служащим всего долга и удовлетворении некоторых других требований. 17 июля с разрешения стачечников в Одессу и Шепетовку было отправлено по одному специальному поезду с деньгами для уплаты жалованья за старые месяцы служащим некоторых южных линий. По некоторым железнодорожным линиям отдельные поезда еще двигались 17 числа, но это были лишь составы, не успевшие прибыть к месту назначения. Отправления новых поездов приостановились полностью на всех линиях.

В связи с этим в Одессе австрийским командованием было созвано совещание из представителей разных ведомств и союза служащих для выяснения вопроса о ликвидации забастовки. Те заявили, что забастовка может быть прекращена лишь по удовлетворении требований главного дорожного комитета. Тогда министр путей сообщения Украины В. А. Бутенко пригрозил увольнением мастеровых и рабочих киевских главных мастерских, назвав их зачинщиками забастовки. В выпущенном им циркуляре он предупреждал, что в случае отказа выйти на работу железные дороги будут переданы в ведение германского военного командования, причем все бастующие будут уволены и высланы за границу (в Россию).

Высылки из Украины, преимущественно в Россию, практиковались на основании закона от 2 августа 1917 года. Кроме того, на основании того же закона о высылке, задержанных передавали в распоряжение германского командования, которое не высылало арестованных, а отправляло в концлагеря (хотя это и противоречило существовавшему украинскому закону). Так поступили, например, с бундистами, участниками съезда профсоюзов, на котором были приняты резолюции, направленные против правительства Украины. (См., в частности, АИГН, 157/5. Господину Председателю Совета министров [от] председателя Временного главного украинского комитета бунда М. Г. Рафеса. 7 сентября 1918 г. с. 5-7, 18-20. Перепечатано из книги «М. Г. Рафес. Накануне падения гетманщины. Из переживаний 1918 г.» Киев, 1919, с. 75-96.)

Но угрозы не действовали. 18 июля германские войска начали занимать товарные станции (в попытке обеспечить транспортировку продовольствия в Германию). На пассажирских станциях они захватывали паровозы. В Ровно и некоторых узловых пунктах были арестованы стачечные комитеты. Но на следующий день забастовочное движение лишь разрослось еще больше. В Киев по юго-западным и по московско-киевско-воронежской железным дорогам не прибыло ни одного поезда. Из Киева отправки поездов также не было. В Дарницу 18 июля прибыло с севера три поезда, но на Киев их не пустили. Киево-полтавская линия и участок Полтава-Харьков также бездействовали. Не пропускала поездов и большая часть Полесских железных дорог. В Знаменку прибыло два последних поезда — один из Ростова, другой из Екатеринос-лава. Затем движение было остановлено. Железнодорожная забастовка на Украина стала всеобщей (АИГН, 157/3, а также АТ, Т-3848. КМ, № 116, 20 июля 1918).

Возможно, что именно в связи с обострением положения на Украине германские власти совместно с украинским правительством в ночь на 27 июля арестовали С. В. Петлюру, председателя Всеукраинского союза земств и председателя Киевской губернской земской управы. Вместе с ним был арестован заместитель Петлюры по управе В. Ф. Химерик. Петлюра

сравнительно продолжительное время был военным министром украинского правительства, а во время наступления большевиков на Киев принял на себя командование украинской армией, сражавшейся против советских войск. В знак протеста против подписания Центральной Радой Брестского мира с Четверным союзом Петлюра вышел в отставку, из-за чего стал крайне популярен; и на первом на Украине киевском губернском земском собрании был единогласно избран председателем губернской земской управы, а затем и управы Всеукраинского земского союза (АИГН, 157/4, а также АТ, Т-3848. КМ, № 124, 30 июля 1918).

48

Сами большевики поддерживали эти устремления и надежды.

«Когда Раковский и Мануильский вышли из украинского поезда, — вспоминал один из современников о прибытии двух видных большевиков в середине 1918 года на Украину, — они просили немецких офицеров и солдат, охранявших их в дороге, приблизиться к ним. Когда те окружили их, Раковский вскочил на откуда-то появившуюся табуретку и стал произносить на немецком языке омерзительную речь. В ней он резко критиковал [...] государственный строй Германии, весьма оскорбительно отзывался о германском императоре [...]. Немецкие солдаты и их офицер, которых мы всегда считали весьма дисциплинированными, [...] горячо аплодировали Раковскому (...) (Д. Н. Резников. Встреча с Раковским и Мануильским, с. 6).

49

За словами в те дни в карман не лезли. Приветственные резолюции бастующим были красноречивы: «Железнодорожники Украины восстали против своих хищников за святое дело угнетенных масс. Не страшась угроз и расстрелов, они восстали против австро-германских и украинских империалистов и гордо несут знамя борьбы за социализм. Горячо приветствуем товарищей железнодорожников. Призываем всех [...] помочь пролетариату Украины [...] Помогая друг другу, мы подавим ту свору, которая стоит на нашем пути [...] Да здравствует всемирная революция [...] Команда линейного корабля «Андрей Первозданный».

Согласны поддержать борьбу товарищей украинских железнодорожников до полной победы над угнетателями. Рабочие завода бывш. Розенкранц.

Глубоко сочувствуя народному движению против германского империализма (...) вносим свою посильную помощь в размере 520 руб. на

дело борьбы против угнетателей рабочего класса. Да здравствуют украинские железнодорожники! Команда канонер-ной лодки «Хивинец».

Мы знаем, что украинский пролетариат подготавливает новые резервы для грядущей международной революции. Только он сможет освободить нас от господства империалистических паразитов [...]. Да здравствует международная революция! Рабочие и работницы фабрики кожевников» (На помощь украинским железнодорожникам! — КГ, № 143, 12 августа 1918 г. с. 3).

«Товарищи украинцы, будьте стойки и помните, что мы с вами. Будем бороться с нашими врагами до последней капли крови, но свободы и революции (...) никому и никогда не отдадим. Лучше предпочесть умереть, нежели быть опять поработченными. Смерть империалистам и буржуазии [»...] Да здравствует международная пролетарская революция [...] Красноармейцы Пороховского района.

Шлем сердечный привет товарищам железнодорожникам Украины и желаем успеха в борьбе против вампиров империализма. Пусть огнем пылают сердца борющихся товарищей за восстановление единой Российской Федеративной Советской Республики [...] Сотрудники Центрального гаража Петроградского совета». (На помощь украинским товарищам — КГ, 27 августа 1918 г, № 178.).

50

Благодаря ли забастовке железнодорожников, или осторожному саботажу со стороны украинского правительства, после падения гетмана Скоропадского казна Украины не оказалась пуста. В киевском государственном банке оставалось более четырех миллиардов рублей, большей частью в иностранных ценностях, в амбарах находилось около 400 миллионов пудов хлеба и почти три миллиона пудов сахара. По Брест-Литовскому договору украинское правительство обязалось продать Германии и Австрии 60 миллионов пудов хлеба. Однако за лето и осень 1918 года вывезли только 30 миллионов (АИГН, 157/13, с. 41).

Примечания

1

Даже в городах, где влияние большевиков было много большим, чем в деревне, с начала весны 1918 года все чаще и чаще побеждали на выборах меньшевистские списки (например, в Ярославле и Сормово). Ширилось так называемое «Движение рабочих конференций», приводившее к митингам,

забастовкам и арестам. Так, в конце июня в полном составе была арестована в Москве Всероссийская конференция рабочих (ЛИГИ, 519/30, гл. 7, с. 6).

2

Деятельность ЦК партии в документах, с. 148-149. «Положение у нас серьезное по-прежнему, как Вы знаете, но вся работа идет по-старому», — писала Е. Д. Стасова в секретариат ЦК К. Т. Новгородцевой, жене Свердлова, еще 7 мая (там же, с. 142).

3

Правда, 24 мая 1918, № 101. Письмо написано 22 мая. Выход из тяжелого положения Ленин видел в ужесточении внутренней политики советской власти. Он предлагал объявить по всей стране на три месяца военное положение, преобразовать военный комиссариат в военно-продовольственный, использовать армию для изъятия у крестьян хлеба, жестко проводить хлебную монополию, подкупая бедных крестьян бесплатной раздачей им части отобранного у зажиточных крестьян хлеба и вводя, одновременно с этим, террор в отношении богатых крестьян. (Ленин, ПСС, т. 36, с. 375-376.) В первых числах июля, как раз когда открывался Пятый съезд Советов, в Москве и Петрограде проводили так называемые «продовольственные обыски» — конфисковывали продукты у жителей, где только можно. «В Москве мания хлебной монополии, — писала газета «Свобода России», — пошла гораздо дальше [чем в Петрограде]. Никто ведь не решится утверждать, что можно прожить на осьмушке порой абсолютно несъедобного казенного хлеба. Если люди до сих пор не падают от голода на улице, то только благодаря тому, что каждая семья тратит большую часть своего дохода на покупку безумно растущего в цене вольного хлеба. Мы живы не благодаря хлебной и иным монополиям, а несмотря на них» (Свобода России, 64, 5 июля 1918, с. 1).

4

Деятельность ЦК партии в документах, с. 150. Падение численности в партии наблюдалось, в частности, из-за того, что многие эвакуированные из Петрограда коммунисты не вошли ни в какую другую организацию и перестали платить членские взносы (там же, с. 153). Между тем петроградская организация большевиков была самой крупной.

5

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 43.

6

Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 85.

7

Рицлер был не единственным, кто придерживался такого мнения. Летом 1918 года в войсках Восточного фронта распространялась брошюра, описывающая состояние дел в Петрограде. В ней указывалось, что в городе «господствует полная анархия, которую отлично использует чернь». Хулиганы, «разъезжая на санях и автомобилях, останавливают на самых людных местах прохожих и проезжих и, грозя смертью, обирают до нитки». Жители привыкли к постоянной уличной стрельбе. «На одиночные выстрелы никто не обращает внимания». Винные склады разгромлены. «Пьяная толпа» стреляет в прохожих. В ответ жители занялись самосудом, «отличающимся часто большой жестокостью», причем жертвами бывали «люди совершенно невинные». Особенно часто практиковалась «стрельба из саней в прохожих», жертвой которой чуть не стал «один член немецкой делегации». Правительство даже не пытается прекратить эти беспорядки; «в провинции, где привились большевистские идеи, не лучше». Так, «в Севастополе матросы устроили погром, жертвами которого пали сотни морских офицеров». Машинистов, не пускавших возвращавшихся солдат на паровозы, «в буквальном смысле слова растерзали. При конфискации земли многих помещиков, их жен и детей в их же собственных домах сожгли» (АИГН, 149/3. Добавление, л. 9).

8

Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 376, 388.

9

Цит. по кн. Кармайкл. Троцкий, с. 142.

10

Сообщения с Севера — Голос Киева, № 54, пятница, 21 июня 1918.

11

Об убийстве царской семьи по приказанию Свердлова и Ленина см. Троцкий. Дневники и письма, с. 100-101.

12

Как кризисное, состояние советской власти весной и летом 1918 года определял Николаевский. Вот несколько пунктов составленного им вопросника об истории меньшевизма: «Кризис весной и летом 1918 года. В какой мере рабочее недовольство этого периода обуславливалось... очевидностью уступок советским правительством Германии и уверенностью, что Россия эксплуатируется в интересах «германского империализма»? В какой мере ухудшилось положение благодаря... расстрелу рабочих в Колпино? (Какую роль играли немцы в этом деле). Какую роль играли анархисты и «левые» коммунисты в кризисе мая и июня 1918 г.?... Были ли сделаны меньшевиками и левыми социалистами — революционерами попытки организовать: а) совместное военное действие против угрозы германскими войсками центральной России и занятия Москвы» (АИГН, 659/4, с. 2-3).

13

«Русский народ и прежде всего интеллигенция представляли себе, что с миром наладится прежняя экономическая и политическая жизнь в стране, и поэтому большевистский мир не снискал никакого доверия; большевики должны считаться с сопротивлением на своей же земле», — указывалось в одной из германских брошюр «оборонной пропаганды» — «Россия под владычеством большевиков». Брошюра распространялась с весны 1918 года (АИГН, 149/3, Добавление, л. 9).

14

Вот что писал 16 июня меньшевик В. О. Левицкий П. Б. Аксельроду: «Начался [...] отход рабочих масс от Советов и большевиков. [...] Если бы вы знали, что за атмосфера жгучей ненависти всего населения окружает Советы, и не столько в центрах, сколько в провинции. Эту атмосферу можно только почувствовать, словами ее не передашь. И не о «буржуазии» здесь идет речь. Она, конечно, давно уже настроена вполне определенно. Ненависть бушует среди обывателей, среди мещанства, среди мелкой городской буржуазии, среди доведенного до отчаяния крестьянства и среди

рабочих. А опирающаяся на свои штыки власть на все эти настроения отвечает массовыми расстрелами, террором и репрессиями [...]. Эти люди, творящие волю Мирбаха [...] на «бунты» отвечают новыми репрессиями [...]. Наступила пора общей апатии и раз очарования: «Ну вас всех, и большевиков, и меньшевиков, к черту со всей вашей политикой». И растет раздражение и против социалистов вообще, против всех партий, «обманувших» ожидания» (Мартов и его близкие, с. 62-63).

15

«Страна живет под градом унижительных ультиматумов Германии. Ультиматум о военнопленных, ультиматум о Черноморском флоте... Германцы занимают Курскую губернию, вторглись уже в центральную область, германцы направляются к Севастополю, германцы около Петрограда... Что делает Советская власть? Она платит по брестскому векселю. Она готова на все. Она заявляет в своем ответе Германии, что во всем виноваты батумские «контрреволюционеры» (это отстаивающие свою независимость революционеры преданного Кавказа!); она приказывает, чтобы в Сибири среди военнопленных не делалось никаких агитационных выступлений против германской государственности; она приказывает разоружать на русской территории финскую красную гвардию...

Советская власть принуждена расплачиваться за право своего существования исполнением всех приказов и желаний германского империализма» (Новая заря, 1 мая 1918, № 2, с. 3-4).

К возможному порабощению России Германией меньшевики относились крайней серьезно. Именно этот вопрос лег, например, в основу разногласий между меньшевиками-«активистами» и так называемыми «официальными меньшевиками». Порабощения России Германией боялись и те и другие (что нашло свое отражение в решениях конференции меньшевиков в мае 1918 г.), но «активисты» считали, что Германия побеждает в мировом масштабе и существование антигерманского Восточного фронта является необходимым условием успешного сопротивления победе Германии в мировом масштабе. «Официальные меньшевики» (в частности, Мартов) опасность эту также считали весьма серьезной, но более высоко оценивали силы Запада, а главное — верили в возможность революционного движения в Германии и Австро-Венгрии. При этом они с большим недоверием относились к Антанте, прежде всего к Японии (АИГН, 519/30, гл. 7, с. 8).

16

АИГН, 18/1, с. 8-10, 12.

17

Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 13.

18

Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 26, 27.

19

Камков. Две тактики, с. 27-28.

20

Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 15.

21

Там же, с. 24-25.

22

Там же, с. 27.

23

Камков. Две тактики, с. 28-29.

24

Штейнберг. Почему мы против Брестского мира, с. 12.

25

Измаилович. Послеоктябрьские ошибки, с. 13.

26

«Советское правительство, — писал Людендорф 9 июня

статссекретарю по иностранным делам, — еще не доказало, что оно способно править на своей территории. До сих пор оно только разрушало [...]. Я с величайшим недоверием отношусь к бесчестным усилиям советского правительства».

27

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 194.

28

Kochan. Russia and the Weimar Republic, p. 11.

29

Чичерин. Внешняя политика советской России, с. 7.

30

Пятый созыв ВЦИК, с. 92. Речь Чичерина.

31

Деятельность ЦК партии в документах, с. 141. Протокол заседания ЦК от 6 мая не обнаружен (там же).

32

Ленин, ПСС, т. 36, с. 315; т. 50, с. 425.

33

Труды I съезда Советов народного хозяйства, с. 15-16.

34

Последние новости, № 5066, 11 июня 1918, с. 1. По сообщению из Берлина, 7 июня из Курска начали вывозить все запасы продовольствия, движение пассажирских поездов было полностью остановлено, а все прочие поезда двигались исключительно по разрешению Военно-революционных комитетов.

35

Троцкий. О Ленине, с. 88-89.

36

Деятельность ЦК партии в документах, с. 142.

37

Протоколы заседаний ЦК от 6 и 10 мая не обнаружены (там же, с. 141; Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б), с. 268).

38

Ленин. ПСС, т. 36, с. 322-326, 608; Ленинский сборник, т. XI, с. 78; Деятельность ЦК партии в документах, с. 142.

39

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 450; Деятельность ЦК партии в документах, с. 142-143.

40

Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 271; Деятельность ЦК партии в документах, с. 155, прим. 8.

41

Там же, с. 144

42

Там же, с. 145.

43

Там же.

В протоколе ЦК, впервые опубликованном в апреле 1989 года, записано: «Заслушано сообщение т. Дзержинского о необходимости дать в Чрезвычайную комиссию ответственных товарищей, могущих заменить его». Постановили перевести в ВЧК из НКВД Лациса. «Туда же привлечь для заведования отделом контрреволюции тт. Яковлеву и Стукова. Переговорить с ними поручено Свердлову». Троцкий делает заявление «о конфликте, возникшем у него с представителями Замоскворецкого районного Совета».

Свердлов «сообщает, что им уже сделано указание Московскому комитету на необходимость подтянуть дисциплину в районах».

Свердлов «сообщает, что в президиуме ЦИК стоит вопрос о дальнейшей участи Николая, тот же вопрос ставят и уральцы и [левые] эсеры. Необходимо решить, что делать с Николаем. Принимается решение не предпринимать пока ничего по отношению к Николаю, озаботившись лишь принятием необходимых мер предосторожности. Переговорить об этом с уральцами поручается Свердлову». Обсуждался и вопрос о военных специалистах, в связи с чем было подчеркнуто «крупное недовольство в низах, партийных массах, предоставлением старым контрреволюционным офицерам и генералам слишком широких прав», в то время как изначально предполагалось поставить их «в положение кон султантов». Решено созвать специальное заседание ЦК 26 мая и посвятить его этому вопросу, пригласив на него некоторых видных большевиков, работавших и в дореволюционной и в советской армии. «Созвать совещание, подобрать военных товарищей поручается тт. Троцкому и Свердлову». Решено предложить Московскому комитету партии созвать общегородскую конференцию «для обсуждения вопроса о положении партийных организаций и задач партии. От ЦК на конференцию делегируются тт. Троцкий и Свердлов». Решено создать Верховный революционный трибунал. Поручается «Свердлову переговорить с т. Стучкой и Крыленко о внесении соответствующего проекта в Совнарком в самый кратчайший срок». Решено «ввести в практику приговоры к смертной казни за определенные преступления». Поручено Свердлову переговорить со Стучкой «о подготовке соответствующего проекта вначале в ЦК, а затем в Совнарком и ЦИК» (там же, с. 146-148).

46

Там же, с. 140.

47

Хаффнер. Революция в Германии, с. 39.

48

Ленин, ПСС, т. 36, с. 493, 495, 497.

49

Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 63.

50

Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 171.

51

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 24, 25.

Примечания

1

Член ВЦИК анархист-коммунист А. Ю. Ге так описывал события той ночи: «События разгорелись с 11 на 12 апреля. Это было в 3-м часу утра. Мне по телефону звонят из редакции одной газеты и спрашивают, не могу ли я дать разъяснения, почему весь город окружен заставами, почему никого никуда не пропускают, разъезжают патрули, наставлены пулеметы, броневики и вообще город поставлен на осадное положение. Я позвонил по телефону в Московский совет. [...] Мне ответили, что [...] это ошибка [...]. На следующее утро приходят товарищи и сообщают о том, что совершен разгром анархических организаций. [...] Часть особняков действительно была занята неправомерно [...]. Дворец Кшесинской был занят вами [большевиками] тоже не совсем правомерно. [...] Многие особняки из тех, которые подверглись разгрому, были заняты вполне правомерно. [...] Ордера на занятие этих помещений были выданы легальным образом [...].

Затем указание на то, что особняки как бы случайно были расположены вокруг Московского совета, совершенно не соответствует действительному положению вещей [...] Оправдывать разгром анархических организаций тем, что в этих организациях были преступники, т. е. вводить принцип круговой поруки, товарищи, это с юридической точки зрения — абсурд. [...] Здесь применили этот [...] принцип круговой поруки и взяли под расстрел целыми организациями [...]. Если руководствоваться этим принципом, мы знаем о всех безобразиях, которые проявляются в большевистских кругах, и если руководствоваться принципом круговой поруки, вы должны сегодня же ночью разнести свои организации, и если руководствоваться принципом моральной ответственности, то вы можете посадить всех идейных борцов большевизма».

2

Закс заявил, что особняки, занимаемыми анархистами, «концентрировались вокруг Московского совета», «как бы кольцом». «Для нас было ясно, что какая-то идея в этом захвате есть. [...] Мы знали, что это не обойдется без кровопролития. Но иным способом мы не могли ничего иного сделать [...] В ночь с 11 на 12 мы окружили особняки и с небольшими жертвами и потерями ликвидировали дело [...]. Были двинуты слишком большие силы. Всего окружено было 26 особняков [...] Часть анархистов будет выпущена, часть будет выслана, а часть будет подвергнута суду революционного Трибунала».

3

Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 355-356.

4

Там же, с. 423, 437.

5

В том, что касалось обвинений, ИЛЖСР была согласна с большевиками. Карелин сказал: «Сегодня поставлен вопрос о выступлении против советской власти партий, входящих в Советы. [...] Наша бдительность по отношению к правым социалистам должна быть максимальной». Однако, указал Карелин, «у нас нет налицо достаточных оснований устанавливать участие партий в контрреволюционных попытках как партий. А ведь только

такое установление участия партии как целого влечет обвинение всех лиц, входящих в партию. Таких оснований нет. Помимо того, ставить вопрос до съезда Советов формально недопустимо, так как представители эсеров и меньшевиков [...] делегированы от съезда и их исключение может быть решено только съездом [...] Мы протестуем против их исключения, которое является для нас неприемлемым и формально, и по существу. Мы будем голосовать против» (там же, с. 426-428).

6

После исключения из ВЦИК эсеров и меньшевиков там остались еще две чужеродные фракции: максималисты и меньшевики-интернационалисты. Им было отказано в праве решающего голоса в Президиуме ВЦИКа.

7

Свердлов. Избранные статьи и речи, с. 91.

8

Там же.

9

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 142. На местах исключение меньшевиков и эсеров из Советов, где они оказывались в меньшинстве, приняло эпидемический характер. Так, в Царкосельском уезде Петроградской губернии большевики на уездный съезд провели 40 % делегатов, а левые эсеры — 28%. Располагая в общей сложности 68% мандатов, большевики и левые эсеры проголосовали против предоставления в Совете мест эсерам и меньшевикам, которых со съезда прогнали. В исполком было выбрано 9 большевиков и 6 левых эсеров. То же самое произошло на съезде Советов крестьянских депутатов и Советов рабочих и солдатских депутатов Лужского уезда. Делегаты разделились на два блока: левый (большевики и левые эсеры) и правый (эсеры, меньшевики, беспартийные). Большинство принадлежало левому блоку. Воспользовавшись этим, большевики с левыми эсерами исключили из Совета правый сектор. Так же было на съездах Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, Великолукского уезда Псковской губернии, Симбирской губернии и на губернском съезде Советов Череповецкой

губернии. Советы, где большевики и левые эсеры не получали большинства, просто разгонялись. Так было с городским Советом Тамбова, где Совет был разогнан силой после того, как прошедшие туда эсеры и меньшевики отказались предоставить большевикам половину мест в президиуме исполкома (МИСИ, архив ПСР, п. 2032, с. 2-4).

10

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 145.

11

ЗТ, 19 апреля 1918.

12

Владимилова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 110.

13

ЗТ, 19 апреля 1918. Статья «Отвод от власти».

14

Владимилова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 110.

15

Например, из партии вышел член ВЦИК П. В. Бухарцев (Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 50). Другой левый эсер, А. М. Устинов, заявил, что не считает возможным оставаться членом ЦК и редакции «Знамени труда» ввиду «принципиального расхождения по вопросам выхода из состава Совнаркома, о партизанской войне на фронте, а также по вопросу об отношении ЦК партии к ратификации мирного договора» (ЗТ, 11 апреля 1918).

16

Резолюции и постановления, с. 25-26; ЗТ, 2 июля 1918. Разумеется, это решение было одобрено далеко не всеми левоэсеровскими организациями. Так, пензенские левые эсеры заявили, что считают одобрение Вторым

съездом выхода из СНК ошибкой и требуют созыва Третьего съезда ПЛСР для пересмотра этого решения

(Правда, 22 мая 1918). Против, выхода из СНК высказалась и левозсеровская фракция казачьего съезда в Омске (Коммунистическая партия в период упрочения советской власти, с. 244).

17

Резолюции и постановления, с. 25-26, 35, 46, 48, 52.

18

Ленин. ПСС, т. 50, с. 70.

19

Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 263.

20

История социалистической экономики СССР, т. 1, с. 375.

21

Там же, с. 196-197.

22

Выступивший от их имени Трутовский сказал, что «хлебная монополия должна оставаться неизменной [...] должна сохраниться как мера чисто социалистическая, как мера уравнительного распределения хлеба, и от хлебной монополии в настоящее время Советская Россия не отступится, наоборот, она эту монополию должна расширить до создания целого ряда монополий в других областях народного хозяйства».

23

Осипова. Развитие социалистической революции в деревне, с. 53.

24

Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 249.

25

ДСВ, т. 2, с. 261-266. «Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию».

26

Спирин. Классы и партии, с. 131; Гусев. Партия эсеров, с. 245.

27

Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 333-334.

28

В целом, в распоряжении наркомпрода к осени 1918 года находилось свыше 58 тысяч человек, а к декабрю — около 80 тыс.

29

Свердлов. Избранные статьи и речи, с. 81-82.

30

Фактически комбеды начали создаваться большевиками несколько ранее. По неполным данным, к концу августа 1918 г. в РСФСР насчитывалось более 31 тыс. комбедов.

31

Измаилов. Послеоктябрьские ошибки, с. 21-22.

32

Именно это произошло в ноябре 1918 года, когда по решению Четвертого Всероссийского съезда Советов комбеды «слились» с Советами, т. е. заменили собою крестьянские Советы.

33

Протоколы ВЦИК IV созыва, с. 403, 404, 412. Несколько позже, уже после разгрома ПЛСР, левоэсеровская газета «Знамя труда» писала: «Ясно как день, что фундамент советской власти гораздо шире... когда он опирается на огромное большинство населения деревни, чем когда он опирается на незначительную часть этого населения, окрещенную деревенской беднотой». (ЗТ, 13 июля 1918.) Против комбедов выступили также меньшевики и эсеры.

Меньшевик Дан указал, что на комитеты бедноты «возложены ясно и определенно не учет нового урожая, а доносы на тех крестьян, которые имеют сейчас излишки хлеба». Меньшевик Ф. А. Череванин обвинил большевиков в том, что они «делают все, чтобы помешать борьбе с голодом» и что «объявление крестового похода на деревню, разжигание новой гражданской войны между городом и кулаками» приведет только к уничтожению продовольствия и сделает «невозможным снабжение населения хлебом».

Резкой критике подверг во ВЦИКе проект декрета эсер Дислер, которому большевики в конце концов просто не дали говорить: «Напрасно нам не посчитали того хлеба, который остался в тех областях, которые отошли по Брестскому договору при вашем содействии к Германии [...] (Шум. Голос с места: «Товарищ председатель, нет никаких сил смотреть на этого врага. Уберите его». Шум.) Если вы обратите внимание на эти цифры, то вы поймете [...] что этот метод борьбы, метод вооруженных отрядов [...] эти вооруженные отряды сумеют утолить вашу жажду крови, но не утолят голода населения. (Шум. Председатель. Я вас лишаю слова. Шум. крики: долой!)»

34

Гусев, Ерицян. От соглашательства к контрреволюции, прил., табл. 5, 6.

35

Там же, с. 281.

36

Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 110. Численность левых эсеров могла увеличиться и благодаря тому, что на Втором партийном съезде они приняли резолюцию «об объединении с

эсерами-максималистами, поскольку никаких расхождений с ними в практической работе на местах не наблюдается» (Резолюции и постановления, с. 26).

37

Съезд левых эсеров. — Свобода России, № 60, 30 июня 1918, с. 3.

38

Точных сведений о численности партии большевиков на вторую половину 1918 г. нет, но к январю 1919 года количество членов в РКП(б) упало до 251 тыс. человек. (Rigby. Communist Party Membership in the USSR, p. 69). Подробнее о численности РКП(б) в 1917-1919 см. там же, с. 59-74.

39

К съезду Советов. — Свобода России, № 60, 30 июня 1918, с. 3.

40

Цит. по кн. Спириг. Крах одной авантюры, с. 81.

41

От большевиков в нее входили Свердлов (председатель), Покровский, Сталин; от левых эсеров — Д. А. Магеровский и А. А. Шрейдер; от максималистов, но только с совещательным голосом, А. И. Бердников; а от различных наркоматов — В. А. Аванесов, Бухарин, Лацис, Э. М. Склянский, М. А. Рейснер и Д. П. Боголепов.

42

Великая Октябрьская социалистическая революция, с. 254-255.

43

Стеклов. Избранное, с. 104; он же. Воспоминания и публицистика, с. 71.

44

45

Chamberlin. The Russian Revolution, v. 2, pp. 50-51.

46

Накануне съезда Советов. — Свобода России, № 60, 3 июля 1918, с. 2. Та же газета, впрочем, назвала дележ мандатов на съезде «семейным делом»: «Кто кого обошел при распределении мандатов, это — вопрос второго порядка в том смысле, что обе партии, вместе взятые, несомненно, обошли подавляющее большинство населения» (Москва, 5 июля. Первый день съезда. — Свобода России, № 64, 5 июля 1918, с. 1).

47

Конфликты на местном уровне начались даже раньше. Так, 26 июня на губернском съезде Советов в Нижнем Новгороде большевики отказались предоставить левым эсерам места в президиуме исполкома и заполнили весь исполком своими людьми (Гусев. Партия эсеров, с. 257).

48

Ленин во фракции тоже выступал. Вот как описывала это выступление одна из независимых газет: «Вчера состоялись последние перед съездом продолжительные совещания фракций, в которых обсуждалась программа съезда по существу. В заседании фракции большевиков присутствовал ЦК партии почти в полном составе с Лениным во главе. Ленин произнес полуторачасовую речь о задачах Пятого съезда и о тактике фракции коммунистов. Ленин, как передают, говорил с большой страстностью, отстаивая свою точку зрения путем полемики с оппозицией слева. Центр тяжести этой полемики сосредоточился на вопросах внешней политики, так как в области внутренней политики деятельность советской власти в последнее время уже не вызывает слева упреков в «соглашательстве», в уклонении от социалистического курса и т. п. Речь Ленина была пропитана, как говорят, оптимизмом и уверенностью в том, что советская власть может продержаться до того момента, пока на помощь русской революции придет западноевропейский пролетариат. Относясь на этот раз несколько мягче к оппозиции внутри партии, Ленин [...] [выступил] против «якобы

революционных» левых эсеров и горячо доказывал, что время для срыва Брестского мира еще не наступило. Прения по докладу Ленина продолжались до позднего вечера. Точку зрения левого крыла фракции развивал Оболенский [...] Заключительное слово произнес Зиновьев, резко полемизировавший с левыми коммунистами [за] [...] правильность позиции Ленина. [...] Значительная часть ораторов настаивала на принятии самых решительных мер против действий наших бывших союзников, между тем как другие считали необходимым сохранять по отношению к союзникам большую выдержку и спокойствие. Несмотря на существующие внутри партии разногласия, совещание большевиков показало, что фракция на съезде будет голосовать единодушно по всем важнейшим вопросам. О том, чтобы часть коммунистов примкнула к левым эсерам, не может быть и речи». (Перед съездом Советов. — Свобода России, № 63, 4 июля 1918, с. 3.)

49

Известия ВЦИК, 4 июля 1918, № 137. Отчет о речи Свердлова.

50

Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, с. 471-472.

51

Москва, 5 июля. Первый день съезда. — Свобода России, № 64, 5 июля 1918, с. 1.

52

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 44.

53

The Trotsky's Papers, v. 1, pp. 48-55.

54

Пятый Всероссийский съезд, с. 36; Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 360.

55

Еще до начала работы съезда левые эсеры предупреждали, что если у них и не будет на съезде большинства, то только за счет «разъяснительной» тактики мандатной комиссии. «Тактика мандатной комиссии вызывает среди левых эсеров сильное недовольство; они предполагают выступать на съезде с решительным протестом против допущенных ею нарушений и проявленного ею пристрастия при проверке мандатов». На этой почве и ожидалось всеми «первое крупное столкновение между большевиками и левыми эсерами», причем было ясно, что «оппозиция левых эсеров будет вообще носить на этом съезде более решительный и уверенный характер», поскольку «рост их представительства, оказавшийся неожиданным не только для большевиков, которые предвещали им на предыдущем съезде полное банкротство партии, но и для них самих, окрылил их надежды» и они были намерены «дать большевикам решительный бой и по вопросам внешней политики, и по ряду вопросов внутренней политики советской власти» (Накануне съезда Советов. — Свобода России, №60, 3 июля 1918, с. 2).

56

Троцкий. Сочинения, т. 17, ч. 1, прим., с. 715.

57

Пятый Всероссийский съезд, с. 37.

58

Ленин. ПСС, т. 36, прим., с. 628-629.

59

Свердлов. Избранные произведения, т. 2, с. 236; Свердлов. Избранные статьи и речи, с. 91. Одним из таких вопросов было введение смертной казни.

60

Отклики печати. — Свобода России, № 64, 5 июля 1918, с. 1.

61

«Тысячу раз неправа Спиридонова, когда подносила вам отдельные факты, что она была у меня, будто бы унижалась и просила... Должна быть плоха эта партия, если ее лучшие представители унижаются до сказок. У меня лежит письмо тов. Спиридоновой — она очень часто обращалась ко мне письменно — это письмо я завтра же найду и передам» (Ленин. ПСС, т. 36, с. 497; Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, с. 424-425). Ленин, разумеется, «завтра же» письма не нашел и не передал, а совсем наоборот — арестовал Спиридонову и разогнал партию левых эсеров.

62

Однако вряд ли вслед за Адамом Уламом стоит связывать реакцию левых эсеров на речь Ленина и «восстание» левых эсеров (Ulam. *The Bolsheviks*, p. 424; он же. *A History of Soviet Russia*, p. 33.) По свидетельству присутствовавшего на съезде Локкарта, многие левые эсеры восторженно аплодировали речи Ленина (Локкарт. *Буря над Россией*, с. 291). Наконец, не меньшей агрессивностью отличались на съезде большевики, и можно также предположить, что большевики «готовили восстание против левых эсеров».

63

Пятый Всероссийский съезд, с. 74.

64

Вот отрывок из этой речи: «...Я, которая с самого начала выхода из тюрьмы спаялась с ними в борьбе, я в партии социалистов-революционеров была без передышки и делала очень много (смех) для того, чтобы расколоть партию социалистов-революционеров, чтобы отмежеваться от правых... Я, связанная с крестьянством, вы знаете, как сильно, я с искренностью, в которой вы не можете сомневаться (голос: «Нахалка!»), вы, товарищи, большевики, крестьяне...» (там же, с. 55). Шум в зале не дал ей закончить фразы. В этом месте большевики устроили обструкцию оратору и сорвали речь.

65

Как и во время разгона Учредительного собрания, Ленин внешне хотел выглядеть спокойным. Он «сидел за столом, читая что-то, почесывал темя и не обращал никакого внимания» на «слова и выкрики» Спиридоновой (Е. 6

июля — в Большом театре, с. 12).

66

Это подтверждается мемуарными источниками. Свердлова пишет, что «отношения с левыми эсерами после Четвертого съезда Советов» и «выхода представителей левых эсеров из Совнаркома все ухудшались. Яков Михайлович постоянно говорил, что и во ВЦИК с ними стало невозможно работать» (Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 356).

67

Правда, не все считали слияние левых коммунистов и левых эсеров возможным. «Что касается левых коммунистов, — писал современник, — то они, вопреки сообщениям газет, ни в какие соглашения с левыми эсерами не вступали и не могут вступать. Их разногласия с большинством потеряли в настоящее время свою остроту, и разница между ними и большинством — только в оттенках. Партийная же дисциплина среди большевиков так велика, что голосовать коммунисты во всяком случае будут с большинством своей партии, а не против него» (Накануне съезда Советов. — Свобода России, № 60, 3 июля 1918, с. 2).

68

Бюллетень оппозиции, апрель 1938, № 65, с. 13-14.

69

Правда, 15 декабря 1923, № 285; 16 декабря 1923, № 286.

70

Там же, 3 января 1924, № 2. Заметим, что все это писалось еще при жизни Ленина.

71

Гусев. Партия эсеров, с. 216.

Примечания

1

Решение послать Иоффе в Германию было принято на заседании ЦК 7 апреля (Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б), с. 244).

Иоффе считался одним из лучших советских дипломатов и экспертом по Германии.

2

До войны Мирбах много лет был советником германского посольства в Петербурге, а после Октябрьского переворота, когда заключено было советско-германское перемирие, стоял во главе комиссии по восстановлению экономических отношений и обмену гражданских пленных. Последнее оставалось важнейшей частью его дипломатической миссии вплоть до убийства: возможно скорее вернуть на родину немецких военнопленных и гражданских интернированных, а также отправка в Германию репатриантов из многочисленных в России немецких поселений (АИГН, 198/19). В январе 1918 года Мирбах прибыл в Петроград именно «как председатель комиссии по регулированию вопроса о военнопленных, убитых и т. п.» (АИГН, 51/32).

3

Советское правительство дало понять Германии, что оно не намерено попустительствовать нарушениям германской стороной условий Брест-Литовского мира: Чичерин передал по радио МИДу Германии ноту протеста. В ней обращалось внимание на то, что «в южной полосе Российской республики происходит дальнейшее продвижение к северу германских войск и связанных с ними украинских отрядов». В ноте говорилось, что «ввиду этих обстоятельств советское правительство сочло себя вынужденным мобилизовать необходимые силы для обеспечения свободы и независимости Российской республики, угрожаемой ныне в тех пределах, которые определены были Брест-Литовским договором».

4

Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 123-124;
Горохов и др. Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 87.

5

6

Таково, по крайней мере, было мнение Мартова, который указывал, что это «всем известно» (АИГН, 51/32).

7

«Москва, священный город, символ царской власти, святыня православной церкви, — писал Мирбах, — в руках у большевиков стала символом самого вопиющего нарушения вкуса и стиля, вызванного русской революцией. Тот, кто знал столицу в дни ее славы, с трудом узнает ее сейчас. Во всех районах города, а особенно в центральном торговом квартале, стены домов испещрены дырками от пуль — свидетельство боев, которые велись здесь. Замечательная гостиница Метрополь превращена артиллерийским огнем в груды развалин, и даже Кремль жестоко пострадал. Сильно повреждены отдельные ворота.

На улицах жизнь бьет ключом, но впечатление, что они населены исключительно пролетариатом. Хорошо одетых людей почти не видно — словно все представители бывшего правящего класса и буржуазии разом исчезли с лица земли. Может быть, это отчасти объясняется фактом, что большинство из них пытается внешне приспособиться к нынешнему виду улиц, чтобы не разжигать страсти к наживе и непредсказуемых эксцессов со стороны нового правящего класса. Православные священники, раньше составлявшие значительную часть прохожих, тоже исчезли из виду. В магазинах почти ничего не купишь, разве что пыльные остатки былой роскоши, да и то по неслыханным ценам. Главным лейтмотивом всей картины является нежелание работать и праздничатание. Так как заводы все еще не работают, а земля все еще не возделывается — по крайней мере, так мне показалось во время моего путешествия — Россия, похоже, движется к еще более страшной катастрофе, чем та, которая уже вызвана революцией.

С безопасностью дело обстоит довольно скверно, но днем можно свободно всюду ходить без провожатых. Однако выходить вечером неразумно, да и днем тоже то и дело слышны оружейные выстрелы и постоянно происходят какие-то более или менее серьезные столкновения.

Бывший класс имущих впал в состояние глубочайшего беспокойства: довольно одного приказа правительства, чтобы лишить их всего имущества. Почти на всех дворцах и больших особняках висят зловещие приказы о

реквизиции, по которым хозяин, часто в считанные часы, оказывается на улице.

Отчаяние представителей старого правящего класса беспредельно, но они не в состоянии собрать достаточно сил, чтобы положить конец тому организованному грабежу, которому подвергаются. Желание внести какой-то порядок распространяется вплоть до низших слоев, а ощущение собственного бессилия заставляет их надеяться, что спасение придет от Германии. Те же самые круги, которые раньше громче всех возводили на нас напраслину, теперь видят в нас если не ангелов, то по меньшей мере полицейскую силу. (...]

Власть большевиков в Москве обеспечивается в основном латышскими батальонами, а также большим числом автомобилей, реквизированных правительством, которые постоянно кружат по городу и могут в случае необходимости доставить войска туда, где возникают беспорядки. Предсказать, куда все это приведет, невозможно. В настоящий момент можно лишь предположить, что ситуация в основном не изменится». Ирошников. Председатель СНК, с. 216-217.

8

9

Замечание кайзера на полях: «Он не сможет провести это в жизнь, так же как условия Брестского мира. У него нет ни правительственного, ни исполнительного аппарата. С ним все кончено».

10

Поскольку все ранее выделенные германскому посольству в Москве фонды были уже израсходованы, 11 июня статс-секретарь министерства финансов Редерн известил Кюльмана о выделении в распоряжение германского посольства в Москве фонда в 40 миллионов марок, исходя из того, что посольству потребуется минимум три миллиона марок в месяц. Эти деньги, однако, так и не дошли до Москвы. 29 июня Бусше телеграфировал в Москву, чтобы выяснить, как доставить деньги. Первый ответ пришел от Рицлера 10 июля, уже после убийства германского посла Мирбаха. Рицлер просил, чтобы июльскую порцию в 3 млн. марок перевели на счет центральной комиссии Немецкого банка. Второй ответ отправлен

Гельферихом 30 июля. Он просит, чтобы эквивалентная сумма в рублях была предоставлена в его распоряжение генеральными консулами в Петрограде и Москве. Но Гельферих пробыл в Москве всего 10 дней и вряд ли успел распорядиться деньгами.

11

Удивительно, что в это критическое время немецкая восточная политика исходила не из потребностей момента, а велась с дальним прицелом: гарантировать в послевоенной Европе ведущее для Германии положение на русском экономическом рынке. Этой теме во многом были посвящены донесения германских дипломатов Мирбаха и Рицлера, поддержанные в данном случае Людендорфом. Последний в отчете от 9 июня аргументировал необходимость экономического проникновения тем, что это укрепит позиции Германии на мирных переговорах в Европе, так как снимет всякую угрозу экономического бойкота Германии Антантой, не имеющего смысла при торговле с Россией.

12

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 194-196.

13

«Общерусская ориентация» гетмана была хорошо известна. (АИГН, 157/1,5, с. 1.)

14

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 199-200.

15

Земан. Германия и революция в России, док. от 4 июня. Донесение Рицлера.

16

Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 125.

17

В числе враждебных актов советского правительства Людендорф 9 июня перечислил в письме Кюльману следующие: «Я хотел бы также напомнить Вам о проблемах военнопленных, о поддержке советским правительством красной гвардии в Финляндии, о предпочтении, оказываемом Антанте на Мурманской железной дороге, о судах в Новороссийске... Особую тревогу вызывает отношение советского правительства к чехословацким, сербским и румынским войскам, хотя господин Иоффе возражает против этого.

Вместо того чтобы разоружить их, как было условлено, советское правительство вооружило чехословацкие и другие войска и позволило им продвигаться вперед, как и раньше, и даже воевать с нами на Украине, чтобы заполучить Мурманскую железную дорогу и эвакуироваться с Дальнего Востока. Отсюда, как считает советское правительство, их можно перебросить во Францию и там они будут воевать против нас. Это, кажется, отвечало желаниям Антанты».

18

Там же, с. 125-126.

19

Там же, с. 120-129. Видимо, именно для финансирования «правых» группировок Мирбах и запрашивал в июне 1918 года дополнительные ссуды. Немцы, кроме того, издавали в Москве собственную газету на русском языке — «Мир», причем сотрудникам платили хорошие оклады и гонорары: 1000 рублей в месяц и 75 коп. за строку. (АИГН, 784/7. Информационный листок. 2. Пятница, 16 августа 1918, с. 2. Газета «Мир»; АИГН, 519/30, гл. 7, с. 1).

20

АИГН, 149/3, 21. Заключение. Защитная пропаганда, л. 3.

21

Там же, с. 4.

22

Там же, Добавление. Брошюра оборонной пропаганды «Россия под владычеством большевиков», л. 2-4. Когда брошюру зачитывали в школе запасных офицеров в Крневе, один из слушателей спросил: «Зачем же мы вели переговоры с большевиками, когда они такие?» «На этот вопрос нет в инструкции ответа», — возразил офицер-лектор (там же, л. 10).

23

АИГН, 18/1.

24

Вот что доносил в телеграмме 20 мая 1918 года американский посол в России Д. Френсис статс-секретарю Р. Лансингу: «Мир бах... с немецкой беспринципностью и нарушая соглашения, постоянно меняет тактику... Он на прошлой неделе нанес свой первый визит Ленину и находился у него в течение часа. Мирбах заявил, что вторжение немцев в Финляндию и на Украину прекращено, и дал еще другие обещания Советскому правительству.

В то же время, как мне стало известно из достоверных источников, Мирбах поддерживает связь с кадетами и антикоммунистами и планирует переворот, подобный тому, который произведен на Украине, где с помощью германских войск было поставлено контрреволюционное правительство» (Papers Relating to the FRUS, v. 1, p. 536 — цит. по публ. Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 121).

25

Указание на то, что Ленин знал об изменении отношения к большевикам немцев и самого Мирбаха имеется в книге Троцкого. 6 июля, сразу же после убийства германского посла, Ленин это «припомнил» покойному (Троцкий. О Ленине, с. 118).

26

Земан. Германия и революция в России. Донесение Рицлера от 4 июня.

Примечания

Несколько иначе описывал покушение к апрелю 1918 в показаниях следственной комиссии Блюмкин: «Я достал из портфеля револьвер и, вскочив, выстрелил в упор — последовательно в Мирбаха, Рицлера и переводчика. Они упали. Я прошел в зал. В это время Мирбах встал и, согнувшись, направился в зал, за мной. Подойдя к нему вплотную, Андреев, на пороге, соединяющем комнаты, бросил себе и ему под ноги бомбу. Она не взорвалась. Тогда Андреев толкнул Мирбаха в угол (тот упал) и стал извлекать револьвер» (Красная книга ВЧК, т. 1, с. 300).

2

Один из очевидцев показывал: «Вдруг в два часа 40 минут раздался сильный взрыв, выбились окна в первом этаже особняка Мирбаха. Минуты через три выскочил из окна первого этажа человек, затем через железный забор на панель и в автомобиль. Вслед за ним другой, в черном пиджаке или сюртуке, с длинными распущенными волосами, также из окна через железный забор на панель и прямо-таки кубарем свалился в автомобиль № 27-60, который сейчас же поехал к Пречистенке» (цит. по кн. Спирин. Крах одной авантюры, с. 13).

3

См. показания Блюмкина (апрель 1919), Мюллера и Рицлера (июль 1918) в «Красной книге ВЧК»; Спирин. Крах одной авантюры, с. 12; Hilger and Meyer. *The Incompatible Allies*, pp. 4-5.

Пятна крови на паркетном полу так никогда и не были смыты. И через 20 лет после убийства по ним безошибочно можно было указать на то место, где лежал смертельно раненный граф Мирбах (там же, с. 5).

4

Красная книга ВЧК, с. 300-301.

5

В западной историографии на этот факт обратил внимание, кажется, только Д. Кармайкл (Carmichel. *Trotsky*, p. 497).

6

В 1989 г. «Известия ЦК КПСС» (№ 5, с. 161-186) опубликовали

отрывки из этой книги, относящиеся к событиям 6-7 июля. Второе уточненное издание книги вышло в конце 1989 г., и книга не является более библиографической редкостью.

7

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 193-194.

8

Фельдмаршал Эйхгорн был убит в Киеве 29 (30) июля 1918 г. (Fischer. Germany's Aims in the First World War, p. 567). Готовилось и покушение на самого Вильгельма. В подготовке его принимал участие примкнувший в 1917 году к левым эсерам Г. Б. Смолянский (АИГН, 472/32. Письмо БИН — И. М. Бергеру, 3 февраля 1961, 1 л.).

9

Минц. Год 1918-й, с. 408-409.

10

Текст протокола см. в кн. Красная книга ВЧК, с. 185-186.

11

Там же, с. 295-298, 308.

12

Спиридонова. Прошь Прошьян, с. 222.

13

Ленин. Памяти Прошьяна — Правда, 20 декабря 1918.

14

Спиридонова. Прошь Прошьян, с. 221-222.

15

Красная книга ВЧК, с. 295-309.

16

Есть и совсем незначительные указания на Прошьяна. Спиридонова писала в записке, переданной уже из тюрьмы арестованной подруге левой эсерке Измаилович, что к «О...» — одному члену ЦК ПЛСР — Блюмкина отвез ничего не подозревавший Александрович. Буква «О», приведенная в источнике, в написанной Спиридоновой от руки записке могла быть русской буквой «П» — заглавной буквой имени и фамилии Проша Прошьяна (Кремль за решеткой, с. 13). В том же источнике имеется еще одно упоминание о Прошьяне. В майском бюллетене ЦК ПЛСР 1919 г., опубликованном в книге «Кремль за решеткой», Прошьян и Александрович упоминаются вместе, как «погибшие» 1918 г. (там же, с. 141). Возможно, Спиридонова намекала на то, что Прошьян умер не своей смертью.

17

Красная книга ВЧК, с. 271.

18

Там же, с. 299.

19

Там же, с. 268-269.

20

Спирин. Крах одной авантюры, с. 85.

21

Красная книга ВЧК, с. 298.

22

Там же, с. 299.

23

Штейнберг, бывший нарком юстиции, эмигрировавший из советской России и оставивший мемуары, также не упоминает о заседании ЦК и решении убить Мирбаха [АИГ, Steinberg. The Events of July 1918, p. 1; Socialist Russia, The Events of July 1918 (Geneva, 1918, 70 pp.)]. Наличие восстания Штейнберг отрицал и в написанной им биографии Спиридоновой, вышедшей на английском языке в 1934 г.

24

Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 216-217.

25

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 195.

26

Там же, с. 193.

27

Красная книга ВЧК, с. 269.

28

Спирин. Крах одной авантюры, с. 85.

29

Подробнее о Спиридоновой см. Ю. Фельштинский. Вина и расплата.

30

Красная книга ВЧК, с. 264.

31

Ирошников. Создание советского центрального аппарата, с. 73.

32

Согласно адресной книге «Весь Петроград на 1916 г.», барон Роман Романович Мирбах в 1916 г. проживал на Фурштадской, 9 и был чиновником особых поручений при Главном управлении собственной его императорского величества канцелярии по учреждению императрицы Марии. (Весь Петроград на 1916 год, с. 448.) Проследить дальнейшее местопребывание Р. Р. Мирбаха не удастся: в послереволюционных адресных книгах он уже не числится. Г. М. Катков, впрочем, указывает в своей статье, что, по слухам, «племянник германского посла» проживал потом во Франции. Но это были только слухи, никем не проверенные.

33

Красная книга ВЧК, с. 197.

34

Там же, с. 198.

35

Там же, с. 200.

36

Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 81.

37

Цит. по кн. Спирин. Крах одной авантюры, с. 75.

38

Красная книга ВЧК, с. 297.

39

Мандельштам. Воспоминания, с. 112-113.

40

Из истории ВЧК, с. 154.

41

Красная книга ВЧК, с. 264.

42

Там же, с. 183.

43

Там же, с. 261.

44

Мандельштам. Воспоминания, с. 113.

45

Из истории ВЧК, с. 151-154. По соглашению с германским правительством ЧК не имело права арестовывать сотрудников германского посольства (хоть и советских граждан) без санкции посольства. Ответа на свой запрос об аресте Дзержинский получить не успел.

46

Красная книга ВЧК, с. 261.

47

Правда, 3, 9, 12 марта 1938; Lenin (V. I. Ulianoḃv). В западной историографии об этом писал Катков: анализ материалов судебного процесса см. в его кн. Kalkov. The Trial of Bukharin, pp. 172-180. Разумеется, нужно с большой осторожностью относиться к показаниям подсудимых на сталинских процессах тридцатых годов. Абсолютное большинство обвинений, выдвинутых на процессах, не имели никакого отношения к действительности, вопросы, задаваемые А. Я. Вышинским, часто носили провокационный характер, а ответы подсудимых были получены под душевными или физическими пытками. И все-таки, очевидно, что

обвинение в заговоре против Ленина летом 1918 года было выдвинуто только против Бухарина, причем Бухарин обвинение это на процессе не отрицал (в то время как за многое другое брать на себя ответственность категорически отказывался). «Никаких настоящих планов ареста Ленина у Бухарина не было, — это вообще был случайный разговор. Сталин раздул это дело для процесса, и в этом вопросе не должно следовать за Вышинским», — писал Николаевский (АИГН, 519/30, гл. 7, с. 2). И все-таки, Сталин знал, в чем обвинять Бухарина.

48

Геллер, Некрич. Утопия у власти, с. 69. Глава написана Геллером.

49

Американский историк Адам Улам справедливо считает сомнительным, чтобы лично Ленин был серьезно замешан в этом убийстве (Ulam. *The Bolsheviks*, p. 425).

50

Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 83. Нет оснований считать, что Соломон писал неправду, хотя бы уже потому, что в те годы никто не сомневался в восстании левых эсеров.

51

Кармайкл. Троцкий, с. 143.

52

Kuusinen. *Before and After Stalin*, pp. 36-37.

53

Муралов. Встречи с Ильичом на военной работе, с. 28. Об отряде особого назначения Ю. В. Саблин 10 июля показал, что формирование отряда было предпринято по предложению А. И. Муралова, отряд находился в его распоряжении. Для формирования именно этого отряда из Витебска и других мест были вызваны левоэсеровские боевые дружины, однако к 6-7 июля отряд находился еще в стадии формирования, и ни один

человек из его состава в событиях 6-7 июля участия не принимал (Красная книга ВЧК, с. 273).

54

Томан. За свободную Россию, с. 177.

55

Вацетис. Гражданская война, с. 16.

56

АИГН, 137/8, с. 6-7.

57

Красная книга ВЧК, с. 306, 270.

58

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 358.

59

Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 205 Книга была написана в соавторстве с сыном Я. М. Свердлова, А. Я. Свердловым (там же, с. 5).

60

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 368. Кроме того, из соображений общей безопасности в дни съезда к театру не подпускались посторонние, а трамвайная остановка у Большого театра была отменена.

Трамвай проходил тогда по Театральной площади (ныне площадь Свердлова).

Примечания

1

Bothmer. Mil Graf Mirbach in Moskau, S. 73.

2

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 299.

3

Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 112, прим. ред.

4

Троцкий. О Ленине, с. 117.

5

Красная книга ВЧК, с. 270.

6

Троцкий. О Ленине, с. 118.

7

Там же.

8

Mitleid и Weileid — близкие по смыслу слова. Но первое скорее переводится как «симпатия», а второе как «соболезнование».

9

Троцкий. О Ленине, с. 118-119.

10

Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 112, прим.; Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 362.

11

Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 208, 209. В боевую готовность были приведены 925 стрелков 9-го латышского полка, после чего в кабинете Малькова и под его руководством (согласно мемуарам Малькова) в присутствии командиров полка был составлен план усиленной обороны Кремля. С планом, который, кажется, был довольно прост, ознакомился Ленин. У всех четырех ворот Кремля выставили взводные посты; три роты с пулеметами поставили на кремлевские стены, две — оставили в резерве. (Спирин. Крах одной авантюры, с. 40; Томан. За свободную Россию, с. 180.)

12

Записки института Ленина, т. 3, с. 42; Ленин. ПСС, т. 50, с. 112-113.

13

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 308.

14

Сообщение телефонистки Борисовой. Оpubл. в кн. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 308.

15

Позже к обширным инструкциям районным Советам Москвы о разгроме ПЛСР была сделана приписка: «Настоящее объявление не подлежит пока опубликованию, а предназначается исключительно для внутреннего употребления» (Красная книга ВЧК, с. 243).

16

Вот что вспоминает Вацетис: «Около 5 часов пополудни [...] к подъезду подъехал автомобиль, оттуда выскочил адъютант Муралова и, вбежав к нам в комнату, потребовал, чтобы я немедленно ехал с ним к начальнику гарнизона [...]. Мы подъехали к зданию бывшего Александровского военного училища и остановились у подъезда Высшего военного трибунала. Видно было, что меня ждут, так как пропуска были везде заготовлены и часовые предупреждены. Везде стояла усиленная охрана. Меня ввели в большую квартиру, занимаемую комендантом города Москвы. В одной комнате за столом, подальше от окна сидели Муралов и Подвойский.

На столе был разложен план города Москвы, который оба они внимательно рассматривали [...]. Подвойский познакомил меня с создавшейся обстановкой и сказал, что надо разбить левых эсеров ночной атакой, чтобы к 4-м часам утра все было ликвидировано [...] Причем он указал, что начало атаки назначается на два часа ночи и что в этой ночной атаке должны проявить себя латышские стрелки» (Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 17-18).

17

Спирин. Крах одной авантюры, с. 14.

18

На эту зачеркнутую строчку историки не обратили должного внимания: она приводится лишь в одном издании работ Ленина: «Записках института Ленина», т. 3, с. 42.

19

Красная книга ВЧК, с. 195. Судя по фотокопии, опубликованной в книге, подписи Дзержинского и Ксенофонтова не поддельны.

Редакторы второго издания «Красной книги ВЧК» утверждают обратное (там же, с. 196).

20

Самому Ксенофонтову для опровержения собственной подписи понадобилось более трех недель. Только 31 июля он заявил, что «подпись секретаря на сем заявлении подложка: я такого заявления не подписывал» (там же, с. 195-196).

21

Из истории ВЧК, с. 155.

22

Хильгер напрасно пишет, что Ленин прибыл в посольство «немедленно после того, как услышал об убийстве» (Hilger, Meyer. The Incompatible Allies, p. 6).

23

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 303-304.

24

Hilger, Meyer. The Incomptible Allies, p. 7.

25

Красная книга ВЧК, с. 271.

26

Тихомолов. Восемь лет с Дзержинским, с. 139.

27

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 309.

28

Красная книга ВЧК, 271.

29

Спирин. Крах одной авантюры, с. 15.

30

Известия ВЦИК, 8 июля 1918.

31

Там же, 14 июля 1918.

32

Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 107-108; Красная книга ВЧК, с. 261-262.

33

Там же.

34

Локкарт. Буря над Россией, с. 288.

35

Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 216.

36

Carmichel. Trotsky, p. 498.

37

Советская историческая энциклопедия, т. 13, с. 751, ст. «Спиридонова».

38

Такой прецедент уже был — расстрел члена ЦК ПЛСР Спиро.

39

Троцкий. Сочинения, т. 17, ч. 1, с. 467-468.

40

Согласно одному из источников, «послеобеденная часть заседания 5-го съезда Советов должна была начаться, как обычно, к пяти с половиной или к шести часам» (Е. 6 июля — в Большом театре, с. 12).

41

Там же.

42

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 361; Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 107-108.

43

«Было ясно, что Большой театр изолирован, окружен надежной охраной и обезврежен», — — сообщается там же. Латыши в дни охраны съезда были вооружены не только винтовками, но и бомбами цилиндрической формы, которые подвешивались спере ди к поясу (Е. 6 июля — в Большом театре, с. 12).

44

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 361-362.

45

Е. 6 июля — в Большом театре, с. 12.

46

Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 207; Е. 6 июля в Большом театре, с. 12. Операцией руководили чекисты-большевики и комендант Большого театра Я. А. Стрижак.

47

Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 113.

48

Fischer. The Soviets in World Affairs, v. 1, p. 122.

49

Дзержинский. Избранные произведения, 1957, т. 1, с. 268-269.

50

Красная книга ВЧК, с. 286.

51

Там же. Уже арестованный, Дзержинский продолжал угрожать членам отряда Попова, что «они все будут расстреляны»
(АИГН, № 121/10. Письмо Николаевского от 25 ноября 1951, 1л.).

52

Красная книга ВЧК, с. 301.

53

Спиридонова. Открытое письмо ЦК партии большевиков, с. 194.

54

Бонч-Бруевич. Убийство германского посла, с. 27. По свидетельству Бонч-Бруевича, Ленину обо всем было доложено именно в седьмом часу вечера (там же).

55

Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 116.

56

Красная книга ВЧК, с. 271-272.

57

Там же, с. 209-210.

58

Там же, с. 263.

59

Известия ВЦИК, 8 июля 1918.

60

Красная книга ВЧК, с. 265.

61

Там же, с. 272.

62

Там же, с. 266.

63

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 27-28.

64

Красная книга ВЧК, с. 272.

65

Chamberlin. The Russian Revolution, v 2, p. 56.

66

Томан. За свободную Россию, с. 179.

67

С. Далинский — в сб. Память, 2, с. 79.

68

Socialist Russia.

69

Свердлов от имени ЦИК вечером 6 июля приказал Моссовету созвать пленарное заседание и образовать Чрезвычайную пятерку «для организации борьбы с мятежом левых эсеров» (МЧК, с. 59).

В ночь на 7 июля Чрезвычайная пятерка приказала районным Советам

«немедленно созвать всех вооруженных членов коммунистической партии и других честных сторонников советской власти и организовать из них вооруженные отряды. На всей территории районов расставить патрули и обезоружить всех подозрительных и сомнительных лиц. На территории района произвести аресты комитетов левых эсеров и отдельных руководителей этой партии, а также, в зависимости от обстоятельств, арестовать» руководство сочувствующих левым эсерам партий. «Принять все меры к организации утром массовых митингов для мобилизации рабочих сил и разъяснения населению смысла происходящих событий. Об исполнении всего этого немедленно доводить до сведения президиума Московского совета» (Упрочение советской власти, с. 135).

70

Красная книга ВЧК, с. 272.

71

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 360.

72

Спирин. Крах одной авантюры, с. 48.

73

Ленин распорядился еще и о том, чтобы А. М. Николаев срочно связался с Ходынской радиостанцией и передал от имени Совнаркома циркулярное распоряжение по всем радиостанциям, что центральный телеграф захватили бандиты и что поэтому необходимо «считать все телефонные распоряжения с такого-то часа провокационными» (Николаев. Ленин и радио, с. 33).

74

Красная книга ВЧК, с. 272-273.

75

Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 107, 108.

76

Там же.

77

Красная книга ВЧК, с. 261, 263.

78

Там же, с. 209.

79

Там же, с. 263.

80

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 19.

81

Хацкевич. Солдат великих боев, с. 249.

82

Красная книга ВЧК, с. 274.

83

На это, давая показания следственной комиссии, обратил внимание левый эсер Саблин: «Ваше указание на то, что в распоряжении левых с.-р. было 1700-1800 человек, ошибочно, ибо, как я уже указывал, ни один человек из формируемого «отряда особого назначения» участия в событиях 6-7 июня не принимал [...]. Что касается присоединившихся частей, то ничем, кроме заявлений, они своего присоединения не выявили. Лишь из отряда Винглинского перешло к Попову около 50 человек» (там же, с. 274).

84

Спирин. Крах одной авантюры, с. 61.

85

Минц. Год 1918-й, с. 409.

86

Красная книга ВЧК, с. 282.

87

Хацкевич. Солдат великих боев, с. 251.

88

Красная книга ВЧК, с. 274.

89

Вацетис Июльское восстание в Москве, с. 19.

90

Подробный перечень частей латышской дивизии, находившихся в Москве в момент убийства Мирбаха, приводит в своей книге Томан (За свободную Россию, с. 179): гарнизон Кремля, 9-й полк — 671 штык, 26 пулеметов, 925 стрелков; 1-й полк, расположенный в районе Царицынских улиц и Девичьего поля — 154 штыка, 33 сабли, 48 пулеметов, 631 стрелок; 2-й полк, на Ходынке — 173 штыка, 6 пулеметов, 586 стрелков; 3-й полк, в Замоскворечье — 68 штыков, 46 сабель, 617 стрелков; 1 -и легкий артиллерийский дивизион — 4 орудия, 112 солдат; батарея восьмидюймовых английских гаубиц — 5 орудий, два пулемета, 48 солдат; батальон связи — 2 пулемета, 216 стрелков; отдел снабжения — 263 стрелка; штаб дивизии — 23 стрелка; штаб 1-й бригады — 4 пулемета, 41 стрелок; под Москвой, в Павловской слободе — кавалерийский полк — 150 сабель, 2 пулемета, 358 стрелков и в Люберцах — авиагруппа — 1 самолет и 85 стрелков.

(«Стрелками» Томан, видимо, называет собственно латышские стрелковые подразделения, а «штыками» — прочих солдат.)

91

О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии, с. 14.

92

Данишевский, Каменев. Воспоминания о Ленине, с. 13-14.

93

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 310,312. Подвойский с Мураловым этого вмешательства Ленину не простили. В конце своего обширного доклада о событиях 6-7 июля, представленного вскоре после разгрома ПЛСР, они указали, что «вполне объяснимая для нас нервность из Кремля, покоящаяся на желании самым быстрым путем подавить восстание, нервировала и нас и иногда выбивала нас из планомерной работы» (Красная книга ВЧК, с. 248).

94

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 18, 20.

95

Переговоры о передаче Вацетису командования стрелками Подвойский и Муралов вели с Кремлем по телефону около получаса, удалившись в другую комнату. Наконец, они вернулись и сообщили Вацетису, что Ленин одобрил его просьбу, но с тем условием, что при Вацетисе будут постоянно находиться четыре комиссара: Подвойский, Муралов, Данишевский и Петерсон. Но и после этого к Вацетису относились с настороженностью. Троцкий в ту ночь, по словам Вацетиса, четырежды справлялся, не изменил ли Вацетис большевикам. Возможно, именно на недоверие к Вацетису намекал и Данишевский, когда писал в своих воспоминаниях, что «шли [...] недобрые слухи об отдельных командирах латышских стрелков» (Данишевский, Каменев. Воспоминания о Ленине, с. 13-14).

96

Александр Васильевич Косматое (1879-1938), бывший полковник царской армии. С весны 1918 года — начальник штаба латышской стрелковой дивизии. В 20-е и 30-е годы — военком и начальник штаба ряда военных округов. В 1938 г. погиб в заключении (С. Далинский — в сб.

97

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 22.

98

Там же, с. 18.

99

Там же, с. 27.

100

Вацетис. У Ленина в июльские дни 1918 года — в сб. Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 194-195. Также опублик. в газ. «Неделя», 1962, № 7. Тексты этих отрывков существенно отличаются от текста, опублик. в сб. «Память», 2, хотя и не противоречат ему.

101

Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 114.

102

Для разгрома левых эсеров использовались 1, 2, 3 и 9-й латышские полки, 1-я батарея 1-го латышского легкого артиллерийского дивизиона. Образцовый полк, 1-я батарея и рота инструкторских курсов, две батареи 1-и резервной бригады, 4 броневика и 70 красноармейцев-интернационалистов из отряда Белы Куна.

103

1-й латышский стрелковый и Образцовый полки сосредоточились у храма Христа Спасителя (на месте теперешнего бассейна «Москва»); 2-й латышский стрелковый полк и рота курсантов — на Страстной площади (ныне площадь Пушкина); 3-й латышский стрелковый полк — на Таганке. На Арбатской площади сосредоточили полк коменданта Москвы Я. Я. Пече, а основные силы 9-го латышского стрелкового полка остались

охранять Кремль. В резерве, кроме того, большевики имели инженерный батальон и батальон связи латышской дивизии, тяжелый артдивизион и некоторые надежные части Красной армии.

104

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 28.

105

Неделя, 1962, № 7;

Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 195-196;

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 28;

Оленине. Воспоминания революционеров Латвии, с. 146.

106

Томан. За свободную Россию, с. 182.

107

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 29.

108

Томан. За свободную Россию, с. 183. Томан пишет: «На Чистопрудном бульваре левые эсеры построили баррикады, вырыли окопы [под проливным дождем? — Ю. Ф.], засели в домах и оказали упорное сопротивление [...]. Боевые действия пришлось вести в узких и кривых переулках под сильным ружейно-пулеметным огнем. Мятежники находились в окопах, за баррикадами, на крышах и балконах, против наступающих действовала бронемашина» (там же).

109

Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 168. «С улицы донесся гром, — вспоминает очевидец. — Началась гроза и пошел сильный дождь, превратившийся в ливень» (Б. 6 июля — в Большом театре, с. 12).

110

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 32.

111

И даже, «видя безнадежность своего положения» (Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 108), произвели три, кажется, выстрела по Кремлю из пушки, не причинив, впрочем, никакого существенного ущерба (Спреслис. Латышские стрелки, с. 134).

112

Красная книга ВЧК, с. 247. Косвенно отсутствие столкновений, а значит, и жертв, подтверждает и советская историография, в том числе Томан, который указывает в другой своей книжке, что «мятежники в центре города не могли получить подкреплений и были изолированы. Теперь предстояло ликвидировать центр мятежа в Трехсвятительском переулке». (Революционные латышские стрелки, с. 104. Глава написана Томаном.) Из этой цитаты следует, что восставшие были сосредоточены только в Трехсвятительском переулке и нигде больше. Об этом же впоследствии вспоминал и член ЦК ПЛСР Трутовский: никаких вариантов военных действий не существовало, отряд Попова так и не сдвинулся с места до самого разгрома, оборона занятых позиций свелась к отсиживанию в двух зданиях Трехсвятительского переулка, а сам Попов «с первых же выстрелов [...] заговорил об отступлении». (Спирин. Крах одной авантюры, с. 61.)

113

Красная книга ВЧК, с. 237.

114

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 38.

115

Спирин. Крах одной авантюры, с. 66. Удивительнее всего, что и во время обстрела левые эсеры пытались вести переговоры. Два человека из отряда Попова явились к Петерсону, заявили, что они коммунисты, что «большинство отряда против этой авантюры», и просили большевиков, чтобы те «отправили своего делегата разъяснить им, из-за чего происходит обстрел». Большевики в ответ одного делегата арестовали, а второго

отправили назад, чтобы тот передал требование о сдаче (Красная книга ВЧК, с. 238).

116

Несколькими часами позже Дзержинский выступал на «импровизированном заседании Совнаркома»: «Вдруг раздался страшный грохот и треск. Дом зашатался. На нас посыпалась штукатурка с потолка и карнизов, разбились стекла, дверь отворилась и повисла. Мы вскочили. По нашему дому трахнул артиллерийский снаряд. Суматоха началась отчаянная. Все повскакали и кричали, ничего не соображая. Кто хватался за ружье, кто бросал его; все метались, били рамы, выпрыгивали из окон. Я вышел в соседнюю комнату и подумал: «Надо сейчас уходить». Мы вышли в комнату, где не было полстены; через эту пробоину мы выскочили на улицу, замешались в толпе и быстро скрылись, вскоре достигнув расположения наших войск» (Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 317, 318).

117

Томан. За свободную Россию, с. 183-184.

118

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 38. Ленин, видимо, тяготился услугой, оказанной большевикам Вацетисом. Кто знает, быть может, именно поэтому 31 августа 1918 г. он предложил Троцкому Вацетиса расстрелять (Trotsky's Papers, v. 1, p. 116.)

Но Вацетиса спасло покушение на Ленина, происшедшее в тот же день; и вопрос о расстреле отпал. Только в 1937 году Сталин привел в исполнение ленинский приговор — Вацетиса расстреляли.

119

Ленин, ПСС, т. 50, с. 114-115. Как писал Стучка, «слишком быстрое бегство дало части эсеров возможность спастись через еще не отрезанный выход» (Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 114). См. также Борьба классов, 1932, № 2-3, с. 24.

120

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 316.

121

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 36.

122

Владимирова. Левые эсеры в 1917-1918 гг., с. 128. Сводными отрядами советских войск и рабочих дружин, участвовавших в преследовании разбежавшегося отряда Попова, руководил уполномоченный наркомата по военным делам Сучков. Однако многочисленные телеграммы Ленина с требованием задержать разбежавшихся половцев (Ленинский сборник, XXXIV, с. 30; Ленин. ПСС, т. 50, с. 115) повисли в воздухе. Лишь вечером 7 июля броневик бежавших нашли взорванным на 12-й версте Владимирского шоссе (Ленин и ВЧК, с. 88), а самих «восставших» окружили в 20 километрах от Москвы у Горенок, в имении Третьякова (в 19-ти верстах от города) и в имении Севрюгино, в 30 верстах от Москвы.

123

Согласно сообщению Московского окружного военного комиссариата от 11 июля 1918 г.

124

Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 211.

125

Упрочение советской власти, с. 142.

126

ДСВ т. 2, с. 536-537.

127

Для упрощения поимки левых эсеров, живших в Москве, президиум Моссовета вынес постановление, согласно которому хозяева квартир, где жили левые эсеры, подлежали немедленному аресту и суду Ревтрибунала

«наравне с участниками мятежа, в случае, если они [...] повинны в укрывательстве. «Если же эсеры находились в домах без ведома домовых комитетов и домовладельцев, последние карались «за преступную небрежность тюремным заключением не ниже трех месяцев и денежным штрафом не ниже 10.000 рублей». Сведения о живших в Москве левых эсерах сообщались в Моссовет. (Правда, 9 июля 1918, № 140.)

128

Упрочение советской власти, с. 142.

129

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 37.

130

Красный архив, 1940, № 101, с. 115. С помощью специально созданных отрядов аресты левых эсеров производились везде, где это только было возможно, причем, как правило, левые эсеры не оказывали никакого сопротивления. Так, 8 телеграмме председателя петроградской ЧК от 9 июля сообщалось, что «разоружение левых эсеров происходит без сопротивления». Впрочем, левые эсеры, собравшиеся в здании Пажеского корпуса, сначала отказались сдаться, но после того, как их обстреляли, — выбросили белый флаг (Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 212). В Витебске комитет левых эсеров, в целом одобрявший действия ЦК своей партии, был арестован без какого-либо сопротивления. 14 июля аресты и конфискации оружия были произведены во Владимире. А* в Жиздре (Калужской губернии) по прибытии отряда латышских стрелков левозэсеровский отряд беспрекословно сдал оружие и был распущен (см. там же). Аресты также производились в Туле, Воронеже, Вязьме и многих других городах.

131

Ленин и ВЧК, с. 84. Так, в телеграмме, посланной в час ночи 7 июля в Царицын Сталину, Ленин писал: «Левые эсеры [...] начали восстание против нас. Мы ликвидируем [его] сегодня же ночью беспощадно [...]. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов [...]. Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще» (Ворошилов. Сталин

и Красная армия, с. 39; Правда, 21 января 1936; Ленин. Военная переписка, с. 27). Через два часа Сталин ответил: «Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески» (Сталин. Сочинения, т. 4, с. 118; Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 202). Как пишет Авторханов, «у Сталина не только не дрогнула рука, но, пользуясь полномочиями Ленина, он развернул такую вакханалию террора в Царицыне, что похоронная команда чекистов не успевала закапывать жертвы расстрельной команды» (Авторханов. Происхождение партократии, т. 1, с. 508).

132

АИГН, 137/8, с. 6-7.

133

Миничев. В дни левозэсеровского мятежа, с. 66-69.

134

Состоявшийся в августе 1918 года Первый совет ПЛСР подтвердил, что «Мирбах убит по постановлению ЦК партии, согласно директивам, полученным ЦК на партийном съезде» (цит по кн. Гусев, Партия эсеров, с. 272). И никого не смутило то, что своими глазами директивы этой никто не видел. Такой директивы съезд не давал.

135

Е. 6 июля — в Большом театре, с. 12.

136

Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 364.

137

Спирин. Крах одной авантюры, с. 51-52.

138

Там же, с. 53.

139

Известия ЦК КПСС, № 5, 1989, с. 145, 146. Написано Свердловым.

140

Спирин. Крах одной авантюры, с. 54.

141

Цит. по кн. Кармайкл. Троцкий, с. 43.

142

Пятый съезда Советов, с. 209.

143

Свердлов. Избранные произведения, т. 2, с. 246.

144

Пятый созыв ВЦИК, с. 57, 58, 61, 62. Большинство левых эсеров было освобождено из-под ареста только после принятия первой советской конституции. Лишь 13 человек посадили на гауптвахту в Кремль. Десятерых, однако, вскоре выпустили. Под арестом остались Спиридонова, Измаилович и Мстиславский, которые по решению большевистской фракции Пятого съезда Советов подлежали суду революционного трибунала (Спирин. Крах одной авантюры, с. 55).

145

Шестак. Тактика большевиков, с. 101.

146

Уже 8 июля 1918 г., т. е. еще до решения Пятого съезда Советов, петроградский губисполком снял со всех ответственных постов левых эсеров, отказавшихся осудить свой ЦК. Вскоре члены фракции левых эсеров были исключены из состава Совета. Череповецкий губсовет удалил

левых эсеров из губернского и уездного Советов, а из Казанской губернии доносили, что «все ненадежные исполкомы с кулацким и эсеровским элементом упразднены и на их месте созданы [...] новые исполкомы с исключительно коммунистическим составом [...]». Левые эсеры были исключены из Советов Новгорода, Перми, Витебска, Орла и многих других городов. К осени 1918 г. левых эсеров, оставшихся в Советах, насчитывалось немного. Так, из 736 депутатов 31 уездного Совета, где еще оставались левые эсеры, последних было лишь 146 человек, а большевиков — 495 (Гусев. Крах партии левых эсеров, с. 220-221). Таким образом, левозэсеровские функционеры либо потеряли свои посты, либо осудили свой ЦК и тем на время спасли свои должности. Нередко сотрудничества большевиков и левых эсеров на местах требовали обстоятельства. Так было в Сибири во время чехословацкого восстания, где левые эсеры работали вместе с большевиками, как и раньше, или в Брянске, где хорошие отношения с большевиками не прекращались и после московских событий» (Вестник Московского университета, с. 39-40).

147

Троцкий. О Ленине, с. 119.

148

Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 111-116.

149

Из истории ВЧК, с. 154.

150

Правда, 8 июля 1918, № 139.

151

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 316.

152

Известия ВЦИК, 8 июля 1918, № 141.

153

Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. ПО. 22 августа 1918 г.

Дзержинскому был возвращен пост руководителя ВЧК (В борьбе за победу Октября, с. 297-298).

154

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 316.

155

Петере. Воспоминания о работе ВЧК, с. 109.

156

Спирин. Крах одной авантюры, с. 79.

157

Steinberg. In *Workshop of the Revolution*, p. 222. В обвинении, опубликованном неделей позже, об Александровиче говорилось, что, «воспользовавшись своим положением [...] он ввел в Комиссию убийц Мирбаха — Блюмкина и Андреева. Он же приложил печать к подложному удостоверению, с помощью которого убийцы добились приема у графа Мирбаха [...]. Решившись на выступление, Александрович заблаговременно подготовил пути отступления для отряда и принял самое деятельное участие в восстании. Им был отдан приказ арестовать Лациса, Петерса, Визнера и других членов и сотрудников Комиссии. Он же послал отряд для захвата всей Комиссии и ее помещения» (Известия ВЦИК, 14 июля 1918).

158

Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 82-83. Показания Александровича советскими чекистами опубликованы не были.

Между тем есть все основания полагать, что данные им показания, равно как и показания Спиридоновой, опубликованные в «Красной книге ВЧК», были пересланы немцам в Берлин. На это указывает то обстоятельство, что в «Красной книге ВЧК» показаниям Спиридоновой предшествует пометка «Берлин» (в новом издании 1989 года, с. 268, эта пометка была редакторами снята, но она имеется в машинописной копии

«Красной книги ВЧК», хранящейся в АИГН, с. 319 копии). А то, что какие-то показания Спиридоновой и Александровича в Берлин в те дни пересланы были, следует из одного из документов архива Троцкого (АТ, Т-564).

159

Красная книга ВЧК, с. 159.

160

Спиридонова. Открытое письмо, с. 194.

161

Достоевский замечательно описывает состояние, в котором, должно быть, пребывал в те минуты Ленин, в эпизоде возвращения Раскольников на место убийства старухи-процентщицы и Лизаветы.

«[...] Он шел и смотрел в землю. Вдруг, как-будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у того дома, у самых ворот [...]. Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его. Он вошел в дом, прошел всю подворотню, потом в первый вход справа и стал подниматься по знакомой лестнице [...] Ему представлялось почему-то, что он все встретит точно так же [...] даже, может быть, трупы на тех же местах на полу.

А теперь: голые стены, никакой мебели; странно как-то! Он подошел к окну и сел на подоконник».

162

Крупская. Переезд Ильича в Москву, с. 192-193. Советские историки не слишком убедительно объясняют поведение Ленина.

Вот что пишут составители книги «Ленин в Москве»: «После разгрома левоэсеровского мятежа в Москве Владимир Ильич решил осмотреть особняк Морозова, в котором находился штаб «левых» эсеров. По воспоминаниям Н. К. Крупской, Владимира Ильича заинтересовало, почему эсеры выбрали этот особняк своим штабом и как организовали его защиту» (Ленин в Москве, с. 61-62.) Но левые эсеры не «выбирали» особняк Морозова — там расквартировывался отряд Попова. И никакой «организации защиты» проведено не было. Ленина тянуло к особняку увидеть результаты своего деяния. Визит Ленина в особняк был произведен

в такой тайне, что о нем не знали даже охранявшие подступы к особняку солдаты. И появление в вечерние часы неизвестного автомобиля, направлявшегося к особняку, настолько удивило их, что по машине Ленина был открыт огонь. (Ульянова. О Ленине, с. 128.)

163

Пятый созыв ВЦИК, с. 89-90. Из речи Чичерина. В то, что Блюмкин так и останется не арестованным, было очень трудно поверить. И одна из французских газет в статье о Блюмкине много лет спустя с уверенностью писала, что после покушения на Мирбаха Блюмкин «был арестован и заключен в тюрьму»

(Я. Г. Блюмкин — *La Lulte Ouvriere*, 12 июня 1936, № 1, с. 1) — иное ведь и предположить было нельзя.

164

Кремль за решеткой, с. 10.

165

Пятый созыв ВЦИК, с. 61.

166

Саблин объявил действия левых эсеров, начиная с ареста Дзержинского, актом самозащиты. Спиридонова обвинения в «восстании» также отвергла: «Все происшедшее является результатом стремительной защиты русским правительством убитых агентов германского империализма и самозащиты ЦК партии, совершившего это убийство» (Красная книга ВЧК, с. 269).

167

Спирин. Крах одной авантюры, с. 82.

168

Красная книга ВЧК, с. 210.

169

Пьемонт — бывшее королевство, ныне провинция северо-западной Италии. В 1821 г. в Пьемонте началась революция, которая, однако, потерпела поражение. Но с этого момента Пьемонт стал играть ведущую роль в деле создания единого национального итальянского государства, и название «Пьемонт» вскоре стало нарицательным, чем-то вроде «фронды».

170

Рубнев, Цыпков. Следователь республики, с. 122.

171

Пятый созыв ВЦИК, с. 58.

172

В книге «В. И. Ленин и ВЧК» ошибочно указано, что Шейнкман погиб в 1919 г. (Ленин и ВЧК, с. 649.) В его фамилии иногда встречаются разночтения: Шейман, Шейнман, Шейкман.

173

Красная книга ВЧК, с. 304-307.

174

Кремль за решеткой, с. 12-13.

175

Трудно поэтому согласиться с утверждением Гусева, что блок большевиков с партией левых эсеров «просуществовал очень недолго, но исторический опыт взаимоотношений большевиков и левых эсеров представляет интерес как первый опыт сотрудничества коммунистов с непролетарской партией в условиях победившей революции, сыгравший положительную роль в укреплении ее завоеваний, и как доказательство лояльного отношения коммунистов к мелкобуржуазным партиям, поддерживающим социализм» (Гусев. О политической линии большевиков, с. 94).

Менее одного процента делегатов смогли провести левые эсеры и на состоявшихся в декабре 1918 года губернских съездах Советов.

В вышедшей в 1918 г. брошюре левые эсеры писали: Мы, как партия, теряем вместе с тем друзей-критиков и приобретаем против нашей воли врагов-«друзей» справа. Большевики, естественно, отворачиваются от нас, изменивших им в самую трудную и острую минуту классовой борьбы, зато к нам примазываются правые с.-р. и иже с ними. Мы расползаемся по швам. Советская партия социального переворота готова превратиться в заговорщицкую антисоветскую соглашательскую партию» (Вокруг московских июльских событий, с. 3.) Даже тогда ПЛСР больше всего боялась «кооперации направо».

Левозэсеровский деятель П. Ф. Сапожников в связи с этим писал в той же брошюре: «Низы партии даже не предполагали порой о возможности тех событий, которые развернулись в центре [...]. Московские события явились громом при ясном небе» (там же, с. 87-88). На заседании левозэсеровской фракции при ряжском уездном Совете в связи с событиями 6 июля была вынесена следующая резолюция: «Состоя членами ряжской организации партии левых эсеров, мы [...] категорически протестуем против мятежа кучки интеллигенции, стоявшей во главе Центрального комитета партии, и со своей стороны, заявляем, что наша партия, стоящая на платформе советской власти, будет всегда активно бороться за советскую власть, за закрепление социальной революции» (К расколу у эсеров. Левые эсеры в Ряжске — КГ, 143, 12 августа 1918, с. 3). «Я, один из членов партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов, заявляю, что вынужден выйти из партии, которую Центральный комитет своим выступлением окончательно добил. Присоединяюсь к Российской коммунистической партии, с которой мы, трудящиеся, никогда не расходились», — писал левый эсер Аркадий Носов (К расколу у эсеров. Вынужден выйти — там же).

Так, вышла из партии пресненская районная организация ПЛСР, а

сокольническая заявила о своем намерении выйти. В Бутырском районе «отказались от ЦК и тактики партии» председатель районного комитета и его заместитель, а из активистов остались только двое (Вестник Московского университета, с. 38). Тульский губком левых эсеров, осудив политику ЦК ПЛСР, распустил организацию. Фракция левых эсеров Волховского уездного Совета Орловской губернии телеграфировала в Москву: «Позор предателям революции. Уходим из партии [...]. Приветствуем съезд и коммунистов и желаем успеха в работе» (цит. по кн. Гусев, Партия эсеров, с. 274-275). Левые эсеры, составлявшие большинство в Обояньском уездном Совете Курской губернии, заявили, что отказываются от партии и будут «поддерживать Советы и центральную власть» (Пятый съезд Советов, с. 223). Левые эсеры спешили отказаться не только от партии, но и от названия ее. Острогожские левые эсеры назвали себя «независимой советской группой революционных социалистов»; пермские — «независимыми левыми социалистами-революционерами»; елецкие — «партией революционного социализма». Левоэсеровская фракция Пятого съезда разбилась сразу на три группы: одна поддержала ЦК ПЛСР, другая — перешла к большевикам, третья - осудила мятеж и назвалась «фракцией независимых левых социалистов-революционеров» (Вестник Московского университета, с. 38-39).

Инициативу официального раскола партии взяли на себя лидеры саратовской организации, выпустившие цитируемую выше брошюру. 9 июля саратовский комитет ПЛСР разослал губернским организациям партии следующую телеграмму. «Саратовский комитет, осуждая участие левых эсеров в московских событиях, считая их выступление результатом всей тактики партии, принятой на IV съезде Советов, и приглашая товарищей, стоящих на платформе саратовской организации, оставаться на своих местах в Советах, выступая от местных организаций, созывает в Саратове 20 июля Всероссийскую партийную конференцию с представительством 2 от губернии и 1 от уезда на основании платформы, напечатанной в «Знамени революции», органе саратовского комитета» (Гусев. Партия эсеров, с. 276). Ленин эту телеграмму одобрил, написав, что она «заслуживает доверия и распространения, ибо исходит от людей, искренне осуждающих авантюру левоэсеровского цека» (Ленин. ПСС, т. 50, с. 120). Платформой саратовской группы стал лозунг «Классовая борьба единым фронтом с большевиками против всех врагов советской России во имя торжества социальной революции» (Вокруг московских июльских событий, с. 3). Руководителями этой группы стали бывшие лидеры ПЛСР, вышедшие из партии, во главе с Колегаевым. В результате, 14 сентября 1918 года в «Воле труда» было опубликовано заявление, извещавшее о созыве 25 сентября съезда членов ПЛСР, стоящих на следующих позициях:

«1) недопустимость срыва Брестского мира; 2) недопустимость террористических актов на советской территории от имени советской партии; 3) недопустимость активной борьбы с правящей партией коммунистов в целях насильственного захвата власти; 4) недопустимость всей той политики, которая затемняет в массах классовый характер революции, идущей через гражданскую войну к социализму» (цит. по кн. Гусев. Партия эсеров, с. 277).

Разумеется, под такой платформой могли подписаться все левые эсеры. И, вероятно, с таким расчетом она и была составлена. Состоявшийся съезд образовал партию «революционных коммунистов». Примерно в то же время образуется и партия «народников-коммунистов». Создается она на основе Пресненской организации ПЛСР, группировавшейся вокруг газеты «Знамя борьбы» и покинувшей 28 июля Московскую общегородскую конференцию левых эсеров. На организационном собрании группы, состоявшемся 1 августа, было создано бюро для оформления новой организации, а 18 августа в газете «Знамя трудовой коммуны» «народники-коммунисты» опубликовали свой манифест, а 21-24 сентября провели в Москве первую конференцию, на которой присутствовало 40 делегатов от 20 организаций, и объявили об официальном образовании партии. В принятой ими резолюции говорилось, что «народники-коммунисты» считают своей главной задачей бороться «в полном контакте со всеми партиями социального переворота за осуществление социальной революции» (Первая Всероссийская конференция народников-коммунистов, с. 2-3). Возглавили эту небольшую партию, скоро растворившуюся, Закс и А. Оборин (делегат Пятого съезда Советов от Петроградской губернии).

Июльская «авантюра» левых эсеров была подвергнута критике и другими революционными организациями. Вот что писала об этом газета максималистов:

«В прошлом году в марте месяце приезжал представитель советской России из Москвы — левый эсер. Он сообщил нам, что левые эсеры некоторое время были в подполье благодаря убийству Мирбаха, который был ими казнен с целью сорвать Брестский договор. Максималисты центральной России, которые были также противниками этого договора, не поддержали левых [эсеров], потому что считали [правильным] уничтожение этого договора при естественных условиях, т. е. при восстании и давлении трудовых масс, но раз этого не произошло, раз этот договор просуществовал целые месяцы, то сорвать его искусственным путем максималисты считали не в интересах революции. В тот период среди левых произошло несколько расколов. Одна часть левых, во главе с Анастасией Биценко, Колегаевым, Федорович и др., приняли всецело

платформу коммунистов, образовали партию «народных коммунистов», и только группа во главе с Марусей Спиридоновой оставалась пока на старой платформе» (Максималист, № 4, 19 марта 1920).

Примечания

1

«Сегодня в 2 часа дня двое неизвестных, пробравшись с подложным документом от Чрезвычайной комиссии в германское посольство, бросили бомбу в кабинете графа Мирбаха. Граф Мирбах, тяжело раненный, скончался. Правительство, представители которого немедленно посетили германское посольство и выразили ему свое негодование по поводу этого акта политической провокации, принимает все меры к обнаружению убийц для предания их чрезвычайному революционному трибуналу. Усилены меры для охраны германского посольства и германских граждан. Правительство поручает Вам немедленно посетить германского министра иностранных дел и выразить германскому правительству возмущение русского правительства этим актом, а равно семью убитого графа Мирбаха для выражения ей своего соболезнования» (Ленин. ПСС, т. 50, с. 113).

2

Соломон. Среди красных вождей, т. 1, с. 82.

3

МИСИ, кол. К. Каутского, К. 3 15, 160.

4

Доклад Чичерина был опубликован в 1961 году, но не полностью (Чичерин. Статьи и речи). Используемые в этой главе отрывки доклада в русский печатный текст не вошли и приводятся в обратном переводе с немецкого по кол. К. Каутского, где доклад имеется на немецком языке с типографской пометкой «на правах рукописи».

5

Стенографический отчет Пятого съезда, с. 209.

6

«Сколько-нибудь точного сообщения от германского правительства мы еще не имеем, но косвенные указания успокоительного свойства мы имеем. Опасность не миновала, но пока не получили официальных сведений... Есть много шансов, что обойдется без войны, но сказать об этом категорически невозможно» (Свердлов. Избранные произведения, т. 2, с. 247-248).

7

Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 41-42, 54, 55, 56-57.

Вацетис пишет, что «Бонч-Бруевич не терял надежды создать большую армию, были уже назначены командующие десяти армий...» (там же, с. 53).

8

Hilger, Meyer. The Incompatible Allies, p. 7.

9

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 320. Точно так же считал Николаевский: «Левые эсеры были все время чужеродным для большевиков элементом; борьба с ними не расколола, а сплотила основное ядро диктатуры, большевистскую партию, которая ощутила себя как единое целое во вражеском кольце» (АИГН, 207/14. БИН — Т. И. Вулих, 7 июля 1934, 1 л.).

10

Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 321-323. Несколько отличный текст опубл. в кн. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла, с. 54 — 55.

11

Ленин, ПСС, т. 36, с. 725

12

Как свидетельствует В. В. Аникеев, до сих пор "не найдены" протоколы

заседаний ЦК РКП (б) с 19 мая по 16 сентября 1918 г. (Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б), с. 298), т. е. именно за тот период, когда на каждом заседании должна была обсуждаться германская проблема.

13

В собрании сочинений Ленина: «путей сообщения» (Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 27, с. 499).

14

Пятый созыв ВЦИК, с. 55-56; Горохов и др. Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 93-94.

15

Там же, с. 6. Заявление было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 17 июля за подписями Ленина и Свердлова. Согласно Бонч-Бруевичу, у Ленина к этому документу было особое отношение: он попросил Бонч-Бруевича подлинник документа сохранить и «никому не давать». Такую же инструкцию Ленин дал Бонч-Бруевичу, когда по решению ЦК вместе с Троцким составил прокламацию «Социалистическое отечество в опасности!» (Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 324, 325).

16

Там же.

17

Там же; Higler, Meyer. *The Incompatible Allies*, p. 9; АТ, Т-3755.

Позже, когда революционный энтузиазм стал достоянием прошлого, бывший нарком юстиции в советском правительстве, член ЦК ПЛСР Штейнберг, эмигрировавший из России, отрицал в своих мемуарах намерение левых эсеров поднять мятеж против большевиков. Штейнберг писал, что левые эсеры «хотели лишь добиться изменений тех обстоятельств, которые вели страну по дороге развалин... Они утверждали, что Германия не была в состоянии возобновить войну с Россией, и правомерность этого утверждения была доказана тем фактом, что Берлин не реагировал на убийство с жестокостью, которая проявилась бы в дни военного могущества Германии. В это время Германия была уже слишком

близка к поражению (Steinberg. In Workshop of the Revolution, p. 244).

18

ДВП, т. 1, с. 400-401.

19

Германская газета «Kreuz Zeitung» опубликовала 1 августа статью, в которой указывалось, что «после недолгих переговоров» Совнарком «пришел к соглашению с посольством» по вопросу о вводе в Москву германских солдат: «Было решено выделить из сконцентрированных в Москве германских военнопленных особый батальон, вооружить его и предназначить для охраны посольства при условии, что эта германская воинская часть будет одета в штатское платье, а отчасти и в красноармейскую форму». Газета сообщила, что батальон уже «сформирован, вооружен и приступил к несению охраны» (АИГН, 784/7. Информационный листок. Прил. к № 1, от 13 августа 1918, с. 1, статья «Немецкие войска в Москве»).

20

Только позже, когда прошли уже первые горячие дни, новый германский посол в Москве Гельферих настоял на опубликовании германского сообщения о том, что Спиридонова и Камков расстреляны не будут. Это сообщение дало телеграфное агентство Вольфа.

21

АИГН, 16/9, с. 3.

22

Так была в скором времени из-за нервного расстройства освобождена Спиридонова. Однако встречавшаяся с нею вскоре и проведенная со Спиридоновой конспиративно несколько дней Эмма Гольдман писала затем, что Спиридонова была абсолютно здорова (МИСИ, кол. Гольдман, п. 36, № 25295-25371, с. 4-5).

23

Гельферих. Моя московская миссия, с. 276.

24

АИГН, 784/7. Информационный листок. Прил. к № 1, 13 августа 1918, с. 1, статья «Покушение на Гельфериха».

25

Пятый созыв ВЦИК, с. 71.

26

2 августа в Архангельске было опубликовано обращение к населению освобожденного от большевиков города: «Гражданам г. Архангельска и Архангельской губернии. Власть большевиков пала. Ненавидимые населением за предательство России в Бресте, за гражданскую войну, всеобщий голод, за попрание прав и свободы, за узаконенный грабеж, расстрелы и за разрушенную хозяйственную жизнь, так называемая советская власть преступников и предателей... бежала. Избранные всеобщим голосованием представители народа вынуждены в настоящий переходный момент при отсутствии всероссийской власти принять на себя верховную власть в Северном крае. [...] Отныне носителем верховной государственной власти в Северном крае является верховное управление Северной области в составе: членов Учредительного собрания, а также представителей земств и городов этой области [...]. Своими задачами верховное управление признает: 1. Воссоздание, совместно с другими областями, единой всероссийской государственной власти и организацию местного управления в Северной области. 2. Оборону Северной области и всей страны от дерзких посягательств на территорию ее и национальную независимость населения со стороны Германии, Финляндии и других неприятельских стран. 3. Воссоединение с Россией, в согласии с волей населения, отторгнутых от нее областей. 4. Восстановление поправленных свобод и органов истинного народовластия: Учредительного собрания, земств и городских дум. 5. Установление прочного правопорядка [...] 6. Действительное обеспечение прав трудящихся на землю. 7. Охрану интересов труда [...] 8. Устранение голода среди населения [...]. В своей деятельности верховное управление будет опираться на все слои населения, коим дороги перечисленные задачи [...]. Верховное управление убеждено в единстве интересов России и союзных с нею народов в деле борьбы с внешним врагом. [...] Верховное управление призывает все население к

спокойствию, порядку и труду» (АИГН, 8/21). АИГН, 784/7. Информационный листок. Прил. к № 1, 13 августа 1918, с. 1., статья «Аресты союзников». Helfferich. Der Weltkrieg, v. III, p. 487.

Так, 21 августа на одном из участников фронта красноармейские части по приказу командиров — противников Брестского мира — перешли в наступление и заняли несколько селений оккупированной немцами территории. Через несколько дней немцы вновь взяли местность под свой контроль (Глупцы или провокаторы — КГ, 27 августа 1918, № 178).

АИГН, 784/7. Информационный листок. Прил. к № 1, 13 августа 1918, статья «Требования Германии».

Судя по всему, это не было уже ни для кого секретом. Пресса, по крайней мере, писала в те дни, что «дипломатические переговоры последних дней» не привели к желаемым результатам. «Гельферих отнесся совершенно безучастно к заявлению Ленина о полной невозможности для большевиков взять на свои плечи всю борьбу с сибирскими и волжскими войсками и десантами союзных держав. Начатые же еще при Мирбахе переговоры о предоставлении Германии полной свободы действий на территории советской «республики», окончились ничем, ибо советские главари не пожелали допустить явной оккупации остатков России германцами и перестать играть какую-либо роль» (Отношения с Германией — там же, № 2, 16 августа 1918, с. 1). Rauch. History of Soviet Russia, p. 98-99.

АИГН, 784/7. Информационный листок, № 3. Четверг, 22 августа 1918, с. 2, статья «Перед отставкой Чичерина». ' 30 августа Гельферих подал официальное прошение об отставке, которая была принята 22 сентября.

Вечером 6 августа Гельферих с курьерским поездом выехал из Москвы. Ему был предоставлен отдельный вагон и отряд красногвардейцев для охраны. 7 августа под Смоленском была предпринята попытка задержать вагон с Гельферихом. Тот протестовал, сумел связаться с заместителем Чичерина Караханом, и Карахан сообщил, что на пограничной станции в Орше войска, получившие приказ об отправлении на Чехословацкий фронт, взбунтовались, «перебили большевистских командиров и объявили себя в состоянии войны с Германией. Советское правительство считало поэтому, что Гельфериху необходимо срочно вернуться в Вязьму, где уже ждал Гельфериха Радек, а в Оршу выехать позже. (О работе Гельфериха в России см. К. Гельферих. Моя московская миссия.)

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

Приезд германской миссии — КГ, 10 августа 1918. Именно в эти дни распространились слухи о предстоящем захвате немцами Петрограда. 16 августа в одной из публикаций появилось даже сообщение о том, что 12 августа из Финляндии в Петроград был введен батальон германской пехоты, а сам Петроград станет германской базой для действий против союзников и чехословаков (АИГН, 784/7. Информационный листок, № 2. Пятница, 16 августа 1918, с. 1, статьи «На русских фронтах. Движение англичан» и «Оккупация Петрограда»).

37

Там же, статья «Отъезд посольств».

38

Там же, Отъезд консулов держав Согласия.

39

Там же, 3,22 августа 1918, с. 2, статья «Политическое положение».

40

Гофман. Война упущенных возможностей, с. 197-198.

41

АТ, Т-3755. Эдуард Бернштейн. Германская революция, с. 4.

42

АТ, Т-3742. Троцкий, т. 17, с. 569.

43

КГ, № 143, 12 августа 1918, с. 2.

44

«Родственники наших военнопленных, находящихся в Германии, — писала одна из газет, — посылают маленькими посылками нашим заброшенным и голодающим пленным немного сухарей, кусочки мыла, полуфунты сахару [...]. Этих посылок, присланных со всех концов России,

собралось около 30 вагонов. наших военнопленных в Германии около полутора миллиона человек. Все они голодают и находятся в самом отчаянном положении, гораздо худшем, чем даже мы здесь, в голодающем Петрограде. Как ни трудно наше положение, но мы не имеем права украсть у голодного русского пленного тот сухарь, который ему посылает его мать [...] А между тем (...) подбивают рабочих именно к такому подлому поступку. Месяца полтора тому назад была уже в Петрограде такая же история с поездом, отправлявшимся для военнопленных. Распространяют подлую сказку, будто в Германию отправляются сотни вагонов с мукой, сахаром, крупой и другими съестными припасами. Все это подлая ложь [...]. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов». (К рабочим Петрограда — КГ, 10 августа 1918, с. 2.) «Это уже не в первый раз. Уже был случай, когда поезд с посылками для военнопленных был возвращен обратно. [...] Распустили слух, что советская власть отправляет немцам хлеб. [...] В результате, наши голодные братья страдальцы-военнопленные остались голодными на несколько лишних дней. Если в чем-либо можно упрекнуть советскую власть, так это в том, что слишком мало посылают военнопленным [...] мученикам проклятой империалистической бойни» (Хлеб в Германию — там же).

45

«В последнее время распространилась масса нелепых слухов о поездах со всякого рода сухарями и т. д., — указал Зорин на заседании Петросовета. — На наших вокзалах (Финляндском и некоторых других) в поездах находится до 237.000 штук посылок весом до 67.000 пудов, адресованных для наших военнопленных в Германии [...]. В этих посылках находятся сухари, мыло, белье и т. п. Мы вынуждены их поставить под надежную охрану, так как у многих проявляется стремление к ограблению их. Если отправить эти посылки по назначению, то вряд ли хоть одна из них уцелеет, так как они будут следовать через голодающие местности и, безусловно, будут разграблены. Поэтому мы содержимое этих посылок решили взять на учет и распределить между петроградскими рабочими. Нам, конечно, стыдно было это делать, но мы сумеем сторицею отплатить нашим товарищам военнопленным и они нам простят это» (Заседание Петроградского совета. Продолжение отчета о заседании 11 августа. Сообщение т. Зорина о посылках для военнопленных. — КГ, № 143, 12 августа 1918, с. 3.) КГ, 27 августа 1918, № 178.

46

«Украинское восстание разгорается, — писала газета. — Его уже не может замалчивать даже немецкая империалистическая печать. Повсюду

происходят ожесточенные битвы. Повстанцами берутся целые города. Украина пылает. [...] Оккупационные войска австрийского императора начинают переходить на сторону восставших украинских крестьян. В подольской губернии австрийские солдаты, посланные для усмирения крестьян, присоединились к этим крестьянам. [...] В Галиции, родственной Украине австрийской провинции, уже поднялось крестьянство. Не будет ничего удивительного в том, что движение украинских крестьян сольется с движением крестьян галицийских. Уже и сейчас фактически скрыты границы между «самостоятельной» Украиной и Австро-Венгрией. Но если это, с одной стороны, означает порабощение Украины, то с другой это облегчает «соединение усилий» народов обеих стран. Австрийские войска переходят на сторону революции. Международное восстание надвигается» (Интернационализация революции — КГ, 27 августа 1918, № 178). «Страшное впечатление производит сейчас Польша [...]. Немцы ограбили всю страну дочиста [...]. Недовольство и отчаяние народа страшное [...] Германские солдаты в Польше занимаются грабежом и торговлей. Они говорят: в Польше плохо, но в Германии еще хуже, нам скоро — конец. Не лучше, если не хуже, дела и в Галиции. [...] Вся Галиция в голодных восстаниях. Через месяц-два там [начнется] небывалый голод. В городах нет даже того благополучия, что в Польше. Краков и Львов, например, 32 дня не получали ни крошки хлеба и не будут получать. [...] Если бы не работа пулеметов, вся Австрия уже давно горела бы в огне революции» (В Польше и Галиции — КГ, 27 августа 1918, № 178). «Австро-Венгрии, по-видимому, суждено быть второй после России страной, в которой война окончится революцией. Атмосфера в ней накалена до последней степени. Германия также охвачена полосой всеобщих забастовок, к которым присоединяются выступления воинских частей, отказывающихся идти в бой» (Рост революционного движения на Западе — там же).

47

Против немцев (и большевиков) на Украине боролись также эсеры. В отчете о своей деятельности они, в частности, писали: «Деятельность в областной украинской военной комиссии эсеров, работавшей по созданию добровольческих противобольшевистских отрядов, приняла широкий и планомерный характер только после оккупации Украины германскими войсками, когда вся задача военной комиссии вырисовывалась в формулу: борьба с германскими властями. Эта борьба выразилась [в]: 1) организации активного железнодорожного саботажа: за июнь и июль было испорчено агентами военной комиссии свыше 200 паровозов. Произведено около [неразборчиво] крушений германских воинских поездов. Оказана энергичная поддержка руководством железнодорожной забастовки. 2)

Произведена спланировка всех крупных железнодорожных мостов. 3) Организован военный штаб из опытных офицеров. 4) Произведен ряд взрывов: одесский взрыв, пожар аэропланного завода и т.д. — дело агентов военной комиссии. 5) Пропаганда среди крестьян против отдачи хлеба германцам и руководство крестьянскими вооруженными отрядами. 6) Разведывательную деятельность приходилось вести в очень ограниченном размере [...]. Некоторые сведения, добытые агентами военной комиссии, были переданы союзным миссиям» (Владимирова. «Работа» эсеров в 1918 году, с. 168,173).

48

«Грандиозная забастовка углекопов в Германии. Бастует 400.000 рабочих, — писала газета, — [...] несмотря на призывы вождей, забастовка разразилась» и «разрастается». Одновременно появлялись сообщения (заведомо вымышленные) о том, что ленинская брестская политика приносит экономические выгоды. Так, было опубликовано сообщение о прибытии в Петроград транспорта «каменного угля из Германии в 10 тысяч тонн» и об ожидаемом прибытии «новых грузов угля» (КГ, 27 августа 1918, № 178).

49

«Наблюдается революционизирование масс и в странах наших недавних союзников — Англии и Франции; — писала газета, — положение Италии очень близко напоминает положение ее старого противника — Австрии, положение в Испании ухудшается с каждым днем; та же картина общей усталости наблюдается и в нейтральных странах» (Рост революционного движения на Западе — там же).

50

АИГН, 784/7. Информационный листок, № 3. 22 августа 1918, с. 2, статья «Политическое положение».

51

«Поражение Германии имело и отрицательные последствия для советской России, — пишут авторы биографии Чичерина. — Оно покончило с разделением капиталистического мира на две воюющие коалиции. Теперь Антанта могла бросить против страны Советов все свои силы» (Горохов и др Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 100-101).

52

АИГН, 784/7. Информационный листок, № 3, 22 августа 1918, с. 1, статья «На русских фронтах. Минирование мостов».

53

ДВП, т. 1, 1959, с. 437-453, 692-703; Rauch. History of Soviet Russia, p. 99. В советском полпредстве по этому поводу впервые со дня установления дипломатических отношений между Германией и РСФСР состоялся торжественный обед.

54

«Мы идем в бой только тогда и постольку, поскольку мы действительно уверены, что мы можем победить [...] — указал Каменев. — Мы подписываем этот договор в надежде, что не замедлит прийти на помощь международный пролетариат и в союзе с ним мы выроем действительную могилу империализму всех стран» (Пятый созыв ВЦИК, с. 104-107).

55

Хаффнер. Революция в Германии, с. 39-45.

56

Самой серьезной публикацией по этому вопросу следует считать статью Б. Орлова «Миф о Фани Каплан». Слухи о том, что покушавшаяся на Ленина женщина (Ф. Каплан) не была расстреляна, а вплоть до 1953 года находилась в тюрьме, очевидно, намеренно распространялись заинтересованными в этом советскими руководителями. А. Балабанова, приехавшая из Стокгольма и посетившая Ленина вскоре после покушения, вспоминала, что «по совету врачей и из предосторожности» Ленин «находился в секретном месте». Когда ее привезли к нему, «физически он еще не оправился от покушения» и «о своем здоровье он говорил очень неохотно». На вопрос о судьбе покушавшейся Ленин ответил, что это будет зависеть «от Центрального комитета». Сказал он это таким тоном, что Балабанова более не поднимала вопроса о Каплан. «Мне стало ясно, что решение будет приниматься другими инстанциями и что Ленин сам настроен против казни», — писала Балабанова. Прощаясь, Крупская обняла ее и, по воспоминаниям Балабановой, «со слезами сказала»: «Как это страшно — казнить революционерку в революционной стране». «Ни из слов Ленина, ни из высказываний других людей нельзя было заключить, что казнь состоялась» (МИСИ, кол. Балабановой, п. 219). Но если можно поверить в легенду о том, что Ленину не сообщали о расстреле Каплан из нежелания его беспокоить, невозможно предположить, что об этом не знала и Крупская. Наконец, Ленин не мог не поинтересоваться решением ЦК по поводу покушавшейся. И очевидно, что расстрелянная еще до выздоровления Ленина по приказу Свердлова Каплан была убита именно для того, чтобы свалить на нее покушение, истинными организаторами которого были совсем другие люди.

Цит. по кн. Свердлова. Я. М. Свердлов, с. 377.

Ленин. Сочинения, т. 28, с. 82-84. Письмо к объединенному заседанию ВЦИК и Моссовета с представителями фабрично-заводских комитетов и профсоюзов, 3 октября 1918 г. Внешне письмо Ленина звучало вполне революционно: «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с нею надо считаться как с событием дней ближайших, — писал он Свердлову. — Все умрем, чтобы помочь немецким рабочим. Вдесятеро больше усилий на добычу хлеба для нас и немецких рабочих, армия в три миллиона [...] для помощи международной рабочей революции [...] должна быть у нас [...] к весне». Но проблема как раз и была в том, что к весне — значило дать германскому правительству передышку в полгода, чтобы то задушило германскую революцию.

Свердлов. Избранные произведения, т. 3, с. 28-29.

Пятый созыв ВЦИК, с. 34, 243.

«Судьбы как народа германского, так и Украины, Польши и Прибалтики, Финляндии не могут оправдать документа, который был написан в определенный момент политического развития, — сказал Троцкий, — [...] близок тот час, когда Брест-Литовский договор будет пересмотрен теми силами, которые стремятся к власти. Этой силой в Германии является рабочий класс [...]. Разумеется, мы не возьмем на себя инициативу тех или других азартных авантюристических шагов объявления войны Германии в союзе с Англией и Францией [...] не нужно быть пророком и фантастом, чтобы сказать: на другой день после того, как станет ясным, что германский рабочий класс протянул руку к власти, — на улицах Парижа будут воздвигнуты пролетарские баррикады [...] падение для Франции, Америки и Японии наступит более катастрофическое, чем для Австрии и Германии. Если будет сделана попытка наступать пролетариатом Германии [т. е. если в Германии начнется восстание], то для советской России основным долгом будет не знать границ в революционной борьбе. Революционная судьба борьбы германского народа будет нашей собственной судьбой. Что советская Россия чувствует себя только аванпостом европейской и германской пролетарской революции — это для нас всех ясно» (там же, с. 245-250).

Там же, с. 250.

63

Цит. по кн. Горохов и др. Чичерин — дипломат ленинской школы, с. 97-98.

64

Пятый созыв ВЦИК, с. 257, 266. Примерно то же самое говорил Чичерин в речи на Пятом съезде Советов в июле 1918 года: «Тактика проволок оказалась возможной благодаря противоречию интересов не только между обеими коалициями, но также и внутри каждой из них и даже внутри империалистического лагеря каждой из воюющих стран. До сих пор бои на Западном фронте связывали силы обеих коалиций, так что ни одна из них не решалась открыто добиваться полного краха России» (МИСИ, кол. К. Каутского, К. 3 15, 160).

65

Антибольшевистские силы в России, как и Ленин, были убеждены в скором массированном наступлении войск Антанты в глубь России для свержения большевиков. «Никогда мы не переживали с такой радостью тех известий, которые к нам приходят вот уже второй месяц; победа наших союзников резко изменяет картину, — она открывает новые перспективы, она открывает близкую возможность возрождения нашей родины и перспективу близкого освобождения нашими усилиями, в тесном единении с нашими союзниками, от нашего внутреннего врага, от большевизма. — указывал один из кадетских ораторов на краевом съезде партии в Екатеринодаре. — [...] Скоро союзники придут к нам в Россию, и придут нашими друзьями, придут к нам на помощь, придут, чтобы нас спасти. [...] Союзники хотят нам помочь, в этом нет у нас сомнений, — продолжал другой». Одновременно делались усилия для организации русской (белой) армии. «Мы имеем [...] данные, что мобилизация в Сибири дает блестящие результаты [...] и что к ноябрю месяцу мы будем иметь сибирскую [...] 500.000-ю армию, надлежащим образом вооруженную и построенную», — указывал третий оратор (АИГН, 18/2, л. 5, доклад В. А. Степанов, 16 октября; лл. 10 и 23, доклад Н. И. Астрова, 16 октября).

66

Fischer. *The Soviets in World Affairs*, v. 1, pp. 75-76.

67

В циркулярной телеграмме, разосланной на следующий день за подписями Ленина, Свердлова и Чичерина всем советским и военным организациям, назывались две причины разрыва Германией

дипломатических отношений — участие советских дипломатов в революционном движении Германии и нежелание большевиков наказать убийц графа Мирбаха:

«Обвиняя русское представительство в Германии в участии в революционном движении и обвиняя русское правительство в нежелании наказать убийц гр. Мирбаха, Германское правительство потребовало отъезда из Германии в 24 часа всех находящихся в Берлине русских официальных лиц и в недельный срок русских официальных лиц, находящихся в других местах Германии, впредь до получения от русского правительства гарантии в том, что оно прекратит революционную агитацию в Германии и впредь до наказания убийц и инициаторов убийства Мирбаха. Одновременно в такой же срок должны выехать германские официальные лица из России. Хотя нет признаков, заставляющих ожидать военного наступления на нас Германии, следует быть наготове, на случай всяких неожиданностей с ее стороны» (АТ, Т-71).

68

Русский голос. № 127, Киев, 5 ноября 1918.

69

АИГН, 198/20, с. 2.

70

Там же.

71

Раух. История советской России, с. 102.